

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CP 373.10

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

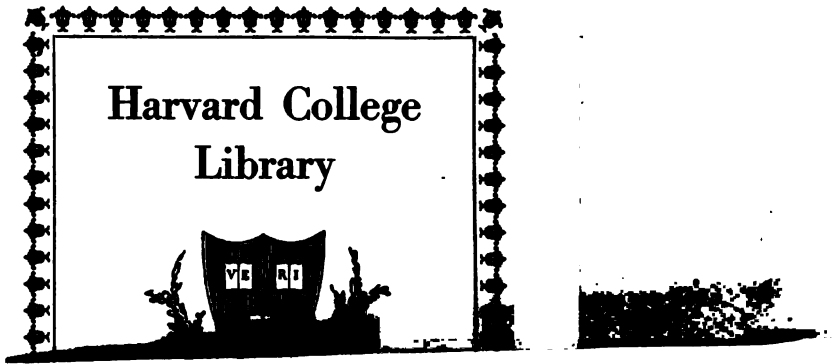
FROM A COLLECTION OF BOOKS
BOUGHT IN RUSSIA IN 1922 BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

IMPORTANT NOTICE

THIS periodical has sometimes issued, as supplements to its regular numbers, sections composed of sixteen or more pages which form parts of separate treatises.

THESE sections have been removed from the issues in which they appeared, and all belonging to any given treatise have been brought together and bound and placed with allied material on the shelves of this Library. Each work so published and treated has been separately recorded in the Library's card catalogue.

CP 373.10

**FROM A COLLECTION OF BOOKS
BOUGHT IN RUSSIA IN 1922 BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE**

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1871.

Я Н В А Р Ъ .

СОДЕРЖАНІЕ:	стр.
I. Книга пророка Іереміи. Рѣчи 28—31; гл. XXIV, XXVII, XXVIII, XXIX, XLIX. (<i>Переводъ съ еврейскаго.</i>)	193—208.
II. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской духовной Академіи	1—48.
III. Св. Левъ Великій и его проповѣди. <i>В. Пльницкаго</i>	3—84.
IV. Паписса Іоанна. <i>В. Бильбасова.</i>	85—143.
V. Коранъ, его происхожденіе и образованіе. (Продолженіе.) <i>А. Гассіева.</i>	144—190.
VI. Рѣчь по случаю поминовенія Кіевскою духовною Академією ея основателей, благодѣтелей, начальниковъ и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся, 31 декабря, въ день кончины митрополита Петра Могилы. <i>В. Петрова.</i>	191—204.
VII. Творенія бл. Іеронима. (<i>Переводъ съ латинскаго.</i>)	193—208.

КИЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Управленія.

1871.

Подписка принимается преимущественно **ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**; а также въ Москвѣ у книгопродавца А. О. Ферапонтова, въ Петербургѣ у книгопрод. С. И. Литова.

Цѣна за годовое изданіе журнала (12 кн., не менѣе 15 печат. лист. каждая) 6 руб. съ пересылкою; безъ пересылки 5 руб. 50 коп. По той же цѣнѣ можно получать «ТРУДЫ» за 1869 и 1870 годы. Оставшіеся въ редакціи экземпляры «Трудовъ» за первыя девять лѣтъ (1860—1868) продаются по *три рубля съ пересылкою*.

Цѣна отдѣльной книгѣ «ТРУДОВЪ» 50 коп. съ перес.

Въ той же редакціи можно получать «ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ», еженедѣльный журналъ. Цѣна за годовое изданіе текущаго (XXXIV) года и прошедшихъ XXXI, XXXII и XXXIII годовъ 4 руб. съ пересылкою, а безъ пересылки 3 руб. Экземпляры «ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ» за первыя 31 годъ существованія журнала, продаются по 2 руб. за экзем. каждаго года съ перес. Выписывающіе одновременно не менѣе 10-ти экземпляровъ «Воскреснаго Чтенія» прежнихъ годовъ платятъ только по 1 руб. 50 к. за экземпляръ и получаютъ бесплатно «УКАЗАТЕЛЬ къ 25 годамъ Воскреснаго Чтенія. Цѣна Указателю отдѣльно—50 коп. Имѣются въ продажѣ слѣдующіе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XV (51—52), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59), XXIII (59—60), XXIV (60—61), XXV (61—62), XXVI (62—63), XXVII (63—64), XXVIII (64—65), XXIX (65—66), XXX (66—67).

ТРУДЫ
КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1871.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Управленія.

1871.

CP 373.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY

GIFT OF

ARNOLD GARY COOLIDGE

JULY 1 1922

12001 1200

Печатано по опредѣленію Совѣта Академіи.
Ректоръ А. Филаретъ.

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ И ЕГО ПРОПОВѢДИ.

Имя св. Льва Великаго, епископа римскаго, славное въ исторіи церкви вообще, занимаетъ видное мѣсто и въ исторіи проповѣдничества. Отъ него перваго изъ римскихъ епископовъ дошли до насъ проповѣдническіе труды, и въ нихъ исторія находитъ первые документы, на основаніи которыхъ можетъ знакомить съ состояніемъ, характеромъ и направленіемъ церковнаго учительства въ Римѣ, этой первой столицѣ западнаго міра и западнаго христіанства, дававшей тонъ другимъ западнымъ провинціямъ и церквамъ, и имѣвшей сильное вліяніе на ихъ жизнь и развитіе.

Отъ основанія римской церкви до времени святительства Льва Великаго протекло около четырехъ вѣковъ (св. Левъ вступилъ на римскую кафедру въ 440 году), и онъ считается уже 47 римскимъ епископомъ¹⁾. Но изъ его предшественниковъ ни одинъ не оставилъ намъ видныхъ слѣдовъ своей проповѣднической дѣятельности, и въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ первенствующая кафедра въ западной церкви какъ будто безмолствовала. Созоменъ въ своей церковной исторіи (описывающей времена, предшествующія времени служенія Льва Великаго), даже прямо говоритъ, что въ Римѣ *ни епископъ и ни другой кто, не гово-*

¹⁾ Anastasii Bibliothecarii Historiae de vitis romanorum pontificum. Patrologiae Cursus Completus T. СХХVIII. p. 300.

ритъ въ церкви поученій ¹⁾, и свидѣтельство Созомена буквально повторяетъ Кассіодоръ ²⁾. Критическая исторія ³⁾ не принимаетъ свидѣтельства Созомена и Кассіодора во всей строгости его приговора. Созомень могъ не имѣть точныхъ свѣдѣній о подробностяхъ церковной жизни отдаленнаго запада; а Кассіодоръ, отъ котораго бы можно ожидать большаго знакомства съ обычаями западной церкви, чѣмъ какое могло быть у грека, отдаленнаго отъ Рима, въ настоящемъ случаѣ не есть новый свидѣтель, своимъ авторитетомъ подтверждающій Созомена: въ своей исторіи онъ является простымъ компиляторомъ, и ничего не измѣняетъ въ показаніяхъ тѣхъ греческихъ историковъ (Созомена, Сократа и Θεодорита), изъ которыхъ хотѣлъ составить одно связное повѣствованіе. Противъ Созомено-Кассіодоровскаго показанія говорятъ отрывочные факты, занесенные въ лѣтописи. По свидѣтельству Тертуліана ⁴⁾, въ его время съ словомъ публичнаго увѣщанія выступалъ въ храмѣ *добрый пастырь и благословенный папа*, вводя въ церковь кающагося, ищущаго примиренія съ нею, и поставляя его на срединѣ передъ вдовицами, передъ пресвитерами. Амвросій Медиоланскій передастъ даже рѣчь ⁵⁾ другаго папы Либерія, сказанную имъ въ церкви апостола Петра въ день Рождества Христова при большомъ стеченіи народа, когда сестра Амвросія Маркеллина и вмѣстѣ съ нею другія дѣвицы давали обѣтъ дѣвства.

¹⁾ Кн. VII гл. 19, стр. 318.

²⁾ Hist. Ecclesiae tripartita. Lib. IX. c. 39. Patr. Curs. compl. T. LXIX. p. 1157.

³⁾ Dissertatio Quesnelli de vita et rebus gestis s. Leonis et Ballerini-
orum annotationes. Patr. Curs. compl. T. LV. p. 197—9. Nouvell. Biblioth. des
Auteurs Eccl. Du Pin, T. IV. p. 157 et sq.; Christiche Kirchengeschichte
Schröckhs. T. XVII. S. 111—112.

⁴⁾ Liber de pudicitia, c. 13. Patrol. curs. completus. T. II. p. 1003.

⁵⁾ De virginibus, lib. III. c. 1. Patrol. Cursus completus, T. XVI. p. 219—221.

Правда, факты и свидѣтельства эти не очень сильные: подобранные на разстояніи четырехъ вѣковъ, они поражаютъ своею скудностію и не даютъ никакого опредѣленнаго понятія о римской проповѣди первыхъ четырехъ вѣковъ. Но въ нихъ есть по крайней мѣрѣ хоть слабый голосъ, говорящій противъ рѣшительнаго свидѣтельства Созомена. Если мы присоединимъ къ нему свидѣтельства документовъ, позднѣйшихъ Созоменовою исторію, голосъ этотъ приобретаетъ больше силы и вѣса. Когда св. Левъ съ своимъ словомъ выступалъ на церковную кафедру, онъ замѣчалъ впервыхъ ¹⁾, что слушатели его въ дни праздниковъ ждуть отъ него назиданія, и этимъ ожиданіемъ побуждаютъ его къ служенію слова, во 2-хъ очень настоятельно говорилъ во многихъ проповѣдяхъ ²⁾ объ обязанности проповѣдничества, на немъ лежащей, о службѣ слова, о долгѣ учительства и поясненія народу читаемаго, слышимаго или существующаго въ церкви. Выраженіе такого сознанія, глубоко укорененнаго въ душѣ пастыря, какъ бы опирается на преданіе, на общее чувство, которое вмѣстѣ съ пастыремъ раздѣляютъ его пасомые. Это общее чувство могло быть воспитано только временемъ, и не могло сразу явиться въ общинѣ довольно широкой и разнообразной по составу своихъ членовъ. Проповѣдническая практика была въ Римѣ и до св. Льва; но она не имѣла сильнаго развитія, не находила такого постояннаго примѣненія, какое мы находимъ въ церквахъ греческаго востока. И если ученый грекъ отрицаетъ вовсе существованіе проповѣди въ Римѣ въ его время, то потому, что тамъ не были въ обычаѣ длинныя, часто блестящія, ораторскія рѣчи и бесѣды, какія слышались въ церквахъ Константинополя, Александріи и Антиохіи. Въ Римѣ проповѣдь была простымъ безыскусственнымъ

¹⁾ Patr. Curs. compl. t. LIV. S. Leonis Magni Serm. XXXVIII. c. 1. p. 260. S. LXV. p. 361. S. LXXII. p. 390.

²⁾ Patr. Curs. compl. t. LV. S. Leonis Magni Sermo: XXV. p. 203; LVIII. c. 1, p. 332; LXII. p. 349; LXXVI. p. 404; XXX. p. 230.

напоминаніемъ той или другой истины христіанской вѣры, той или другой стороны правоученія. Это простое напоминаніе, краткое, импровизованное, не занимающее виднаго мѣста въ составѣ богослуженія, не могло остановить на себѣ вниманіе грека, привыкшаго къ рѣчамъ не только поучающимъ, но и ласкающимъ и услаждающимъ слухъ, и въ его глазахъ оно не заслуживало даже имени проповѣди, подъ которою греку хотѣлось видѣть постоянное, неослабное ученіе, требовавшее большаго труда, и полное не только внутренней силы, но и внѣшняго изящества. Эта безыскусственность импровизованныхъ назиданій, слышавшихся по временамъ на церковной кафедрѣ въ Римѣ, была причиною того, что не сохранилось до насъ ни одной церковной бесѣды римскаго епископа или его клириковъ отъ первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства.

При такихъ обстоятельствахъ проповѣди св. Льва Великаго, сохранившіяся для исторіи, получаютъ особенное значеніе, представляя изъ себя не только образцы пастырскаго слова, свидѣтельствующіе о дѣятельности замѣчательнаго епископа Римскаго, но и данныя для сужденія о цѣлой важной отрасли церковнаго служенія въ столицѣ западнаго христіанства въ продолженіе широкаго круга времени.

Почитатели памяти великаго святителя высоко чтутъ его гомилетическіе труды. Съ первыхъ дней своего появленія они окружены были великимъ уваженіемъ въ памяти западныхъ христіанъ и ходили въ рукахъ во множествѣ списковъ. По словамъ Шенеманна ¹⁾, «между знаменитыми римскими первосвященниками не было ни одного, котораго бы писанія пользовались такою славой, и съ самаго начала были приняты съ такимъ почтеніемъ и усердіемъ, какъ писанія Льва». Шенеманнъ доказываетъ это

¹⁾ Patrol. Cours. Compl. T. LIV. p. 64. In scripta S. Leonis Notitia historico-litteraria.

чрезвычайнымъ множествомъ и разнообразіемъ манускриптовъ, въ какихъ дошли до насъ его проповѣди и письма. Когда въ XVI вѣкѣ стали являться печатныя изданія его проповѣдей, св. Льва представляли ¹⁾ *Тулліемъ церковнаго краснорѣчія, Гомеромъ священнаго богословія, Аристотелемъ разумной вѣры* и т. п., вообще такимъ проповѣдникомъ, выше котораго никого не представляетъ римская церковь. Не одно достоинство проповѣди св. Льва было причиною высокаго почтенія къ нимъ и ихъ широкаго распространенія. По своему внутреннему характеру и содержанию онѣ не представляютъ явленія поражающаго и выдающагося изъ ряда другихъ. Многія соприкосновенныя обстоятельства, независимо отъ достоинства проповѣдей св. Льва, выдвинули ихъ на видъ предъ глазами христіанскаго міра. Первая причина славы проповѣдей св. Льва—авторитетъ проповѣдника, пріобрѣтенный имъ въ церкви и у современниковъ его личнымъ сильнымъ характеромъ, его широкою плодотворною административно-іерархическою дѣятельностію и его рѣшительнымъ и дѣйственнымъ участіемъ въ великихъ событіяхъ и волненіяхъ своего вѣка. Этотъ авторитетъ придалъ много силы и значенія такому проповѣдному слову, которое въ устахъ другаго мало значительнаго лица могло бы пройти незамѣченнымъ. Другая причина, возвысившая значеніе проповѣди св. Льва,—его высокое іерархическое положеніе на римской кафедрѣ, на которую обращены были взоры всего латино-западнаго міра, и отъ которой ждали учительскихъ наставленій: слово раздающееся съ высоты, всегда слышимѣе и впечатлительнѣе, чѣмъ слово выходящее изъ скромныхъ и незначительныхъ угловъ церковнаго міра. Прибавьте къ этому рѣдкость проповѣди со стороны римскихъ епископовъ, вызвавшую приведенное нами свидѣтельство Созомена,—и будетъ понятно, почему дорожили проповѣдями св. Льва Великаго и придавали имъ высокое значеніе.

¹⁾ Bibliotheca ecclesiastica. ed. curante Alberto Fabricio. Liber Ioh. Trithemii de ecclesiasticis scriptoribus. c. LVIII. p. 47.

Полное раскрытіе такого церковно-литературнаго явленія, какъ проповѣди св. Льва Великаго, не возможно безъ уясненія личнаго и историческаго характера его виновника. Въ широкій и многообразной дѣятельности римскаго епископа служеніе церковнаго слова является не случайностію, вызванною только обязанностями паствы, не отрывкомъ, мало связаннымъ съ внутренними началами его духовной жизни, но одною изъ дѣтвей, стройно вырастающихъ изъ одного корня и въ своемъ свойствѣ опредѣляемыхъ однимъ органическимъ началомъ. Проповѣдь св. Льва, отмѣченная печатію сильнаго личнаго генія, ведетъ мысль изслѣдователя къ представленію характера историческаго дѣятеля ее создавшаго, и въ немъ, въ направленіи его духа, въ широтѣ его дѣятельности, находитъ для себя объясненіе. Смотра на крупныя и рѣзкія черты историческаго портрета великаго святителя, какія отмѣтила церковная лѣтопись, вы, не читая еще его проповѣдей, напередъ можете угадать, какое слово должно было слышаться отъ него съ церковной кафедры, напередъ можете представлять въ общемъ обликъ ея характеръ и содержаніе.

Натура цѣльная, крѣпкая, вылитая какъ бы изъ одного металла, и вмѣстѣ энергическая, св. Левъ поражаетъ наблюдателя строгою выдержанностію своего характера и неуклонною послѣдовательностію своихъ дѣйствій. Стремленія, какими опредѣлялась его дѣятельность, слишкомъ выпукло отдѣляются въ историческомъ ходѣ событій, и разъ предавшись одному стремленію, онъ посвящалъ ему всю энергію своего духа, и не отступалъ отъ начатаго дѣла, пока не доводилъ его до конца, какія бы ни представлялись ему препятствія на пути къ опредѣленію этихъ стремленій. Въ этой выдержанности и энергической послѣдовательности характера виденъ потомокъ древнихъ римлянъ, закалившихъ себя въ борьбѣ съ жизнью, и желѣзнымъ терпѣніемъ, равно какъ неутомимую настойчивостію своей дѣятельности достигшихъ первенствующаго значенія въ древнемъ политическомъ мірѣ. Мысль и

душа св. Льва вся погружена въ дѣло: она наблюдаетъ за пружинами, заправляющими церковною жизнью, и старается руководить этими пружинами сообразно началамъ божественнаго права. Съ его характеромъ мало гармонировала ораторская профессія, гонящаяся за блескомъ слова, за увлекающимъ краснорѣчіемъ, и въ этомъ видно отраженіе общаго народнаго духа римскаго. Краснорѣчіе Рима больше краснорѣчіе дѣла, нѣмъ краснорѣчіе слова, и это въ особенности можно сказать по отношенію къ церковной области, въ которой нѣтъ ничего, напоминающаго обильное и изящное греческое слово. Сила Рима въ исторіи проявлялась въ практическихъ сферахъ, въ юриспруденціи и законодательствѣ, и эта сила перешла и въ христіанство, и здѣсь св. Левъ является однимъ изъ знаменитѣйшихъ представителей ея. Во времена республики, подъ вліяніемъ грековъ и по вызову свободныхъ учреждений, развилось и въ Римѣ ораторство; но оно не достигало здѣсь той высоты, на которой стояло въ Греціи, и далеко не имѣло здѣсь того значенія какое въ Греціи, и съ возникновеніемъ имперіи, съ измѣненіемъ гражданскихъ порядковъ не находило для себя благопріятнаго пріюта. И въ вѣка христіанства въ Римѣ были софистическія и риторическія школы, но здѣсь вмѣсто живаго ораторства видны однѣ холодныя натянутыя экзерциціи, и учителями являются не столько природные римляне, сколько люди пришлые, греки или галлы.

Въ св. Левѣ мы не видимъ никакихъ слѣдовъ ораторскаго образованія, а темные документы о первыхъ годахъ его жизни и дѣятельности не даютъ никакого намека на то, чтобы онъ проходилъ какую либо риторическую школу. Человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, съ первыхъ дней, какъ его замѣчаетъ исторія, онъ является въ клирѣ и при клирѣ епископа получаетъ первоначальное образованіе. Это образованіе было чисто религіознаго свойства; оно доставляло будущему святителю церкви не внѣшнее знаніе, а силу вѣры, и пріучало его не къ правиламъ свѣта, а къ строгой дисциплинѣ церковной.

Въ долгіе дни своего служенія церкви св. Левъ является сильнымъ вліятельнымъ администраторомъ, и его дѣятельность отиѣчается слѣдующими основными чертами: онъ блюдетъ каноны и опредѣленія церкви, и заботится о единствѣ и цѣлости вѣры; занимая катедру первенствующаго города, онъ ревниво охраняетъ ея права и съ живымъ участіемъ слѣдитъ за теченіемъ и волненіями религіозной жизни не только у себя въ римскомъ экархатѣ, но и во всей вселенской церкви, и то совѣтомъ, то властію старается возстановить нарушенный порядокъ и исправить отступленія отъ законнаго пути жизни и вѣры, предписаннаго церковною властію. Иногда по указанію обстоятельствъ, онъ становится у кормила гражданской жизни и своимъ вліаніемъ отвращаетъ опасности, грозящія гражданскому быту своего города или народа.

Крупнѣе всего выдается въ исторіи св. Льва его дѣятельная ревность о сохраненіи цѣлости и чистоты вѣры, вооружавшая его противъ еретиковъ и заблужденій, колеблющихъ спокойствіе церкви и нарушающихъ святую богопреданную ученія, въ ней хранимаго. Эта ревность возникла изъ желанія, жившаго въ сердцѣ благочестиваго римлянина, видѣть въ христіанскомъ обществѣ крѣпкое единство вѣры мысли и любви, и чувствовать себя членомъ единого духовнаго царства, связаннаго однимъ духомъ и дружно въ составѣ всѣхъ своихъ членовъ подъ невидимымъ воздѣйствіемъ Промыслителя стремящагося къ осуществленію словъ Спасителя, молившагося, чтобы въ царствѣ благодати было едино стадо и единый пастырь. При живомъ чувствѣ этого единенія каждое заблужденіе, упорно выставляющее себя и отстаивающее свою ложь предъ лицомъ церкви, бодренно отзывалось въ духѣ и производило въ немъ необычайное напряженіе; каждая ересь, грозившая нарушеніемъ утвержденного порядка и колебавшая единство церковное, вызвала противъ себя всю мощь личнаго ума и всю силу власти, какою располагалъ оскорбляемый ею.

Противъ еретиковъ ревность св. Льва выступаетъ съ разными мѣрами: она заставляетъ его и вызываетъ другихъ сражать ихъ оружіемъ слова, и въ этомъ случаѣ къ услугамъ его являются не діалектическіе извороты, не логическіе умозаключенія, а положительныя указанія на Писаніе, на каноны и опредѣленія соборовъ, на живой голосъ церковнаго преданія. Часто въ этомъ случаѣ св. Левъ обращается къ голосу своихъ предшественниковъ по каедрѣ, и оживляя сознаніе прежнихъ вѣковъ, въ исповѣданіи, переходящемъ чрезъ рядъ поколѣній отъ Апостола Петра, указываетъ основаніе, съ которымъ должно свѣряться извѣстное неутвержденное мнѣніе. Опираясь на исповѣданіе церкви, ревнитель вѣры въ спорѣ съ еретиками не столько входитъ въ подробности словопреній, сколько высказываетъ властныя распоряженія и опредѣленія касательно того, чему и какъ нужно вѣровать. Оружіе слова—не единственное оружіе противъ еретиковъ въ рукахъ заботливаго правителя церкви. Онъ возбуждаетъ противъ нихъ дѣйствіе церковной власти и не рѣдко власти гражданской, прося послѣднюю удалить вредныхъ членовъ церкви, отшатнувшихся отъ нея своею вѣрою, отъ общенія съ православными и подвергать гражданскимъ взысканіямъ, ограниченіямъ правъ и положительнымъ наказаніямъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ его письма къ императорамъ и членамъ императорской фамилии, и его обращенія къ церковной совѣсти вліятельныхъ людей въ бесѣдахъ. Въ этомъ случаѣ волею святителя заправляло не чувство мести къ нарушителямъ любви и мира церкви, а желаніе предохранить отъ заразы членовъ церкви, остающихся вѣрными ей.

Еретиковъ, съ которыми приходилось ратовать св. Льву, было довольно въ его время, и волненія еретическія съ разныхъ сторонъ беспокоили римскую церковь. Въ молодые годы св. Льва, во время его подчиненнаго положенія въ римской іерархіи, въ Римѣ чувствовались отголоски несторіанскаго движенія, волновавшаго Востокъ, вокругъ него распространялась и упорно сто-

гла за свое заблужденіе ересь пелагианская, долгое время занимавшая умы всего западнаго міра; съ нашествіемъ готевъ и вандаловъ на западную имперію распространялось аріанство, поддерживаемое мечемъ завоевателей. Тамъ отгрывались манихеи, въ другомъ мѣстѣ дѣлали шумъ прискиллиане. Кромѣ этихъ ересей, проявившихся въ разныхъ мѣстахъ, вся вселенская церковь сильно возмущена была евтихіанскимъ заблужденіемъ, возникшимъ во время управленія св. Льва римскаго церковію, и вызвавшимъ живое участіе къ Востоку и его волненіямъ со стороны главнаго представителя западнаго христіанства. По силѣ этого участія имя св. Льва является главнымъ въ числѣ ревнителей православія, угрожаемаго евтихіанствомъ, и въ его широкой и разнообразной дѣятельности оно занимаетъ самую видную для историка часть.

Въ первый разъ исторія упоминаетъ о св. Львѣ, когда онъ занималъ низшую должность аколута при папѣ Зосимѣ. (417—9 г.) Этого папу нѣкоторые приверженцы Пелагія обманчивымъ представленіемъ дѣла расположили благосклонно относиться къ распространявшемуся заблужденію. Но при немъ имѣлъ большое значеніе Сикстъ пресвитеръ, бывший въ послѣдствіи римскимъ епископомъ. Онъ раскрылъ предъ Зосимомъ дѣло въ его настоящемъ видѣ и побудилъ его провознести публичное осужденіе на пелагианскую ересь. Сикстъ считаетъ нужнымъ оповѣстить объ этомъ сосѣднія церкви, и онъ избираетъ для этого молодаго аколута Льва ¹⁾, къ нему приверженнаго и раздѣлявшаго его убѣжденія и его ревность по истинной вѣрѣ: съ нимъ онъ отправляетъ письма къ Аврелію карфагенскому, Августину иппонійскому и другимъ африканскимъ епископамъ. Письма были коротки и сообщали только о фактѣ осужденія пелагианства, но молодой ревнитель православія долженъ былъ устно сообщить представителямъ африканской церкви то, что нужно было для уясненія дѣла, и видно

¹⁾ Paschasii Quesnelli dissertat. in S. Leonis opera. Patr. Curs. compl. T. LV. p. 186.

было, что на него надѣялись и его ревности по вѣрѣ и свѣтлому уму вполне довѣряли представители римской церкви, когда давали ему важное порученіе.

При Целестинѣ, занимавшемъ римскую катедру девять лѣтъ (между 423—432 г.), Левъ занимаетъ должность архидіакона, и въ этомъ званіи онъ является вліятельнѣйшимъ членомъ римскаго клира, и это вліяніе замѣтно далеко за предѣлами римской области. Самъ Кириллъ Александрійскій, занимавшій въ свое время первое мѣсто между высшими іерархами церкви, въ архидіакону римскому пишетъ письма, чтобы чрезъ него или по его вліянію получить согласіе римской катедры по дѣлу о непризнаніи іерусалимскаго епископа Ювеналія митрополитомъ всей Палестины, какъ свидѣтельствовалъ объ этомъ въ послѣдствіи самъ Левъ въ письмѣ къ Максиму, епископу антиохійскому ¹⁾). Архидіаконъ Левъ, пріобрѣтшій извѣстность во всей церкви, и снискавшій уваженіе у знаменитѣйшихъ святителей Востока, стоя близъ кормила церковнаго управленія, болѣе всего заявляетъ свою дѣятельность заботами о цѣлости и чистотѣ вѣры. Онъ сближается съ учеными людьми, появившимися въ Римѣ, бесѣдуетъ съ ними о тѣхъ догматахъ, какіе въ то время подвергались колебанію, и ищетъ средствъ къ стѣсненію и опроверженію возникшихъ и распространявшихся заблужденій. Такъ по его побужденію Іоаннь Кассіанъ, хорошо знакомый съ Востокомъ, пишетъ сочиненіе о воплощеніи противъ Несторія, и посвящаетъ это сочиненіе тому ²⁾, кому принадлежитъ первая мысль объ этомъ сочиненіи. Доходитъ слухъ до Рима о сильномъ волненіи пелагианскомъ въ предѣлахъ Галліи, въ Римѣ является Просперъ аквитанскій, главный противникъ пелагианства послѣ Августина. Римъ считаетъ нужнымъ

¹⁾ Patr. c. completus T. LIV. Epist. S. Leonis CXIX ad Maximum, antiochenum episcopum c. 4. p. 1044—5.

²⁾ Patr. c. compl. T. L. Ioannis Cassiani de Incarnatione Christi contra Nestorium haereticum. Praefatio ad Leonem p. 9—12.

отозваться письмомъ на это волненіе въ Галліи въ видахъ его успокоенія, и къ этому письму прилагаются *Capitula seu praeteritorum sedis apostolicae episcoporum auctoritates de gratia Dei et libero voluntatis arbitrio*, которыя Левъ составляетъ или самъ или вмѣстѣ съ Просперомъ Аввитанскимъ ¹⁾. Ученые спорятъ о подлинности этого творенія, и Баллерини съ настойчивостію, хотя безъ большой основательности, слятся отнять у Льва это твореніе, приписываемое ему Кеснелемъ, а въ слѣдъ за нимъ и многими другими. Не входя въ подробности, не имѣющія прямого отношенія къ нашему дѣлу, мы находимъ много побужденій приписывать его нашему писателю со стороны его духа или содержанія. Св. Левъ, при Целестинѣ и Сикстѣ III, не могъ оставить безъ вниманія такого событія, какъ волненіе пелагианское. Целестинъ не разъ пользовался его перомъ, мыслию и знаніемъ, и въ этомъ случаѣ самъ Левъ не могъ не предложить ему своихъ услугъ. А основная тенденція, выраженная въ этомъ сочиненіи, повѣрить ученіе преданіемъ и опровергнуть заблужденіе опредѣленіями епископовъ, передававшихъ одинъ другому власть и вѣру,—это любимая тенденція св. Льва, и съ нею онъ повсюду является въ исторіи. Глубокіе вопросы затрогивало и возбуждало пелагианство. Мысль автора не колеблется передъ ними, твердо опираясь на ясныя декреты представителей церковной власти: она черпаетъ въ нихъ свою мудрость, а чего нѣтъ въ нихъ, къ тому она не хочетъ подходить съ гадательными предположеніями, но прямо говоритъ, что рѣшеніе глубокихъ вопросовъ, поднимаемыхъ безпокойною мыслию, не очень нужно для спасенія. Между тѣмъ глубокіе вопросы сами просились на рѣшеніе, когда разросталось пелагианство, и руководящіе умы римской церкви не могли отвязаться отъ нихъ, хотя бы и хотѣли укрыться отъ нихъ подъ защиту прежнихъ авторитетовъ. И вотъ св. Льву, не желавшему спорить

1) Paschasii Quesnelli dissertatio III. Patr. c. compl. T. LV. p. 387—409 et Ballerini observationes in diss. III Quesnelli ibidem p 409—414.

о таинственныхъ предметахъ христіанскаго любомудрія, историкъ ¹⁾ приписываютъ двѣ книги *О призваніи всѣхъ народовъ* (*De vocatione omnium gentium*): трудная задача здѣсь поставлена авторомъ—согласить волю Божию, желающую облаженствовать всѣхъ людей, съ тѣмъ фактомъ что благодать необходимая для спасенія, сообщается не всѣмъ, а только призваннымъ въ церковь и вошедшимъ въ нее чрезъ крещеніе. Авторъ задумывается надъ судьбою дѣтей, умирающихъ безъ крещенія, задумывается надъ судьбою язычниковъ, изъ которыхъ многіе не по своей винѣ живутъ внѣ ограды церковной, задумывается надъ тѣми причинами, по которымъ долгіе годы и даже вѣка не доходятъ въ нныя страны вѣсть объ искупленіи, и боится сказать рѣшительное слово объ этомъ предметѣ. Онъ сознается, что этотъ предметъ, такъ сильно затрогивающій нашу пытательную мысль, закрыть отъ насъ таинственнымъ покровомъ, можетъ быть, съ нарочитою цѣлю упражненія нашей вѣры.—и нечего дерзать намъ проникать въ сокровенный судъ Божій. Такъ слагалась мысль Рима въ это время, волнуемое ересями, и въ ряду христіанскихъ мыслителей Рима св. Левъ былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ вліятельныхъ дѣятелей, и если даже не его рука чертила строки книгъ, о *призваніи всѣхъ народовъ*, какъ доказываютъ Баллерини ²⁾, то она безъ затрудненія могла подписать подъ ними его имя: потому что эти строки по своему содержанію вполне гармонировали съ его душевнымъ настроеніемъ, и выражали его внутреннія помышленія. По свидѣтельству хроникки Проспера ³⁾, онъ былъ бодрымъ стражемъ противъ нелагіанъ въ епископство Целестина и Сикста

¹⁾ Paschasii Quesnelli dissert. secunda. P. c. c. T. LV. p. 339—373.

²⁾ Patr. c. compl. T. LV. Balleriniiorum observationes in dissertat. secundam Quesnelli, de auctore librorum de vocatione omnium gentium, p. 372—388.

³⁾ Patr. c. compl. T. LI. Prosperi Aquitani Chronicum integrum, pars secunda. p. 598.

III: (432—440 г.) и своею настойчивою мыслию направлялъ волю римскихъ первосвященниковъ, по поводу возникшихъ вопросовъ, въ духѣ соотвѣтственномъ его ревности по православію, какъ наиримѣрь въ дѣлѣ о принятіи въ общеніе церковное Юліана епископа элланскаго, заявившаго свою приверженность къ Пелагіевой ереси, и потомъ, по отлученіи отъ церкви, показывавшаго видъ исправленія.

Съ энергическою ревностію противъ еретиковъ, расторгавшаго церковное единство, опредѣлявшюю дѣятельность св. Льва въ его подчиненномъ іерархическомъ положеніи архидіакана, онъ является и на римскомъ престолѣ, который занималъ болѣе двадцати лѣтъ (съ 29 сентября 440 г. до 4 апрѣля 461 года). Отвѣтственность, какою онъ чувствовалъ за собою, стоя во главѣ знаменитой церкви, первой между церквами всего запада; заставляла его зорко смотрѣть за цѣлостію церковнаго исповѣданія, и неосуетительно принимать всѣ мѣры и противъ близкихъ и противъ дальнихъ раздражителей святой вѣры, опредѣленной соборами и апостолами.

Первые годы его святительства не ознаменованы ничѣмъ особеннымъ. Церковная жизнь въ Римѣ при началѣ его правленія, какъ видно, не была возмущена явными нарушеніями мира и порядка, и отступленіями отъ единства вѣры. Но въ третій годъ его епископства въ Римѣ открываются приверженцы манихейскихъ заблужденій: эти заблужденія занесены были сюда переселенцами изъ Африки, изъ которой многіе убѣжали въ Италію послѣ опустошеній, произведенныхъ вандалами. Ихъ нечестіе не для всякаго было видно съ перваго раза, потому что они прикрывали его внѣшнюю строгію святостію; и долго въ тишинѣ оно пускало корни въ сердцахъ людей; по простотѣ души увлекавшихся ихъ ученіемъ и ихъ строгою повидимому жизнію. Но узналъ бдительный и зоркій первосвященникъ о таившемся и распространявшемся злѣ, и приняты всѣ средства къ его искорененію

и къ предохраненію отъ него неваряженныя члены церкви. Съ першою казною слышится обличеніе скрытыхъ нечестій манихейскихъ и увѣщаніе православнымъ остерегаться атихъ нечестій и съ держащимися ихъ не имѣть никакого общенія. По распоряженію и настоянію Льва, разсматриваются варяженные манихейскими заблужденіями, ихъ приводить къ доброу и увѣщанію; отъ нихъ требуется признаніе въ томъ, что у нихъ совершаются въ секретныхъ собраніяхъ, отбираются и разсматриваются ихъ книги. Римскій епископъ зоветъ къ содѣйствію себѣ гражданскую власть, и проситъ Валентиніана императора принять надлежащія мѣры противъ еретиковъ. Въ Римѣ отырываются совѣщанія представителей церкви города Рима и его окрестности, и къ участію въ нихъ приглашаются сенаторы, патрици и избранные мѣтъ народа. Въ присутствіи атихъ лицъ св. Демъ производитъ формальное слѣдствіе надъ манихеями. Въ оиду рѣшеній, постановленіемъ на атихъ собраніяхъ, виноводрунные и обвиненные въ манихейскихъ заблужденіяхъ должны были части энтимую церковную, если отказывались отъ заблужденій, а другіе, не захотѣвшіе разстаться съ своими убѣжденіями, сосланы въ отдаленныя мѣста имперіи, гдѣбы не опасно было ихъ нечестіе. Валентиніанъ черезъ годъ послѣ атого, не безъ вліянія св. Льва, издалъ указъ¹⁾, которымъ лишалъ манихеевъ гражданскихъ правъ, запрещалъ имъ передавать по завѣщанію и принимать наследство, предназначая наследуемое имѣніе къ какому, повелѣвалъ изгонять ихъ изъ городовъ, чтобы какой невинный не заразился ихъ нечестіемъ, приказывалъ подвергать ихъ наказаніямъ, назначеннымъ по закону нарушителямъ святости, и ввѣщать въ обязанность всѣхъ отырывать держащихся манихейскаго нечестія, указывая государственное преступленіе въ приверженности къ ереси.

¹⁾ Patr. Curs. compl. T. LIV. p 622—4. Epist. VIII seu Constitutio Valentianiani III de Manichaeis.

Побѣдивши ересь въ Римѣ, св. Левъ посылаетъ окружное посланіе ¹⁾ ко всѣмъ епископамъ Италіи, направленное противъ манихеевъ: въ немъ онъ рассказываетъ, что онъ открылъ въ Римѣ зараженныхъ грубымъ нечестіемъ манихейскимъ, и проситъ своихъ собратій по епископству ревностно преслѣдовать развратителей и совращенныхъ. Это посланіе расходится повсюду, и въ слѣдствіе этого посланія, по примѣру св. Льва, вездѣ приняты мѣры къ стѣсненію манихейской ереси, считавшейся очень вредною. Ревность св. Льва, обнаруженная по этому поводу, снискала ему далекую извѣстность, и блаж. Феодоритъ ²⁾ въ послѣдствіи времени воздавалъ ему дань хвалы за ту энергію, какую онъ показалъ въ борьбѣ съ нечестивыми манихеями.

Дѣло манихейское въ исторіи св. Льва есть не что иное, какъ частность, служащая выраженіемъ одного общаго начала, изъ котораго она возникла. Св. Левъ также, какъ къ манихеямъ, относился и ко всѣмъ другимъ еретикамъ, которые своими ложными ученіями колебали вѣру, утвержденную отцами. Онъ наблюдалъ, чтобы не возродилось и не увеличилось въ Римѣ и окрестныхъ странахъ пелагіанство, а когда оно распространялось, онъ дѣйствовалъ противъ него строгими административными распоряженіями, увѣщаніями заражающимися ересью и отлученіемъ отъ церкви непокорныхъ, и съ горячею ревностію являлся всюду, гдѣ только слышался голосъ, говорящій наперекоръ ученію единой соборной и апостольской церкви. Одного епископа онъ укоряетъ ³⁾ въ томъ, что онъ не стѣсняетъ возраждающейся ереси и допускаетъ до общенія съ церковію приверженныхъ къ пелагіанству, не требуя напередъ публичнаго отреченія отъ заблужденія; укоряя, св. Левъ братомъ увѣщаваетъ его не терпѣть въ церкви людей, не хотящихъ согласно

¹⁾ Patr. c. compl. T. LIV. Ep. VII. Ad episcopos per Italiam.

²⁾ Patr. c. c. T. LIV. Ep. LII, Theodoriti, ep. Cyri ad S. Leonem param. c. 2. p. 847.

³⁾ P. c. c. T. LIV. Ep. 1. S. Leonis ad Aquileiensem episcopum. p. 593.

со всѣми поповѣдывать вѣру отеческую; другому ¹⁾ выражаетъ свою радость и благодарность за то, что онъ бодро стоитъ на стражѣ стада Христова, охраняя его отъ хищныхъ волковъ. Въ Испаніи производятъ волненія и нарушаютъ миръ церкви прискилліане ²⁾, смѣшивавшіе христіанское ученіе съ гностико-манихейскими воззрѣніями. Туррибій, епископъ астурийскій, сообщаетъ

¹⁾ Р. с. с. Т. LIV. Ep. II. ad Septimum, ep. Altinensem. p. 597—8.

²⁾ Ересь прискилліанъ возникла въ Испаніи въ IV вѣкѣ, подъ вліяніемъ гностическихъ и манихейскихъ идей, занесенныхъ изъ Египта. Основатель ея Прискилліанъ былъ благородный и богатый испанецъ, человекъ очень ученый и умный. Съ гностическими и манихейскими идеями его познакомилъ Маркъ египтянинъ. Усвоивъ себѣ эти идеи, Прискилліанъ образовалъ изъ нихъ особую систему, прибавилъ къ гностико-манихейскимъ воззрѣніямъ много своихъ личныхъ мнѣній, и съ такимъ одушевленіемъ излагалъ свое ученіе, что нашелъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ классахъ общества, даже между духовными и епископами. Почитатели его возвели его въ епископы. Синодъ Сарагосскій въ 580 году осудилъ ученіе Прискилліана и отлучилъ отъ церкви его и его приверженцевъ; но это не уничтожило секты, а только возбудило въ ней большее противоудѣйствіе. Не уничтожилъ ея и указъ Граціана, подвергавшій прискилліанъ изгнанію изъ страны. Вліятельнѣйшіе приверженцы ереси, явившись въ Римъ, успѣли выхлопотать отиѣну императорскаго указа и возстановленіе изверженныхъ прискилліанъ въ ихъ должностяхъ. Вновь подвергалось изслѣдованію ученіе Прискилліана, по настоянію Идакія, епископа Меридскаго, на соборѣ Бордосскомъ и Трирскомъ, и по осужденіи его на послѣднемъ соборѣ, Прискилліанъ и многіе изъ его приверженцевъ были казнены, по приказанію императора (Максима), и противъ еретиковъ приняты были жестокія мѣры. Но гоненія не уничтожили ереси Прискилліана, и когда Испанію овладѣли варвары, еретики вновь начали заявлять о себѣ и приобрѣтать себѣ приверженцевъ. Туррибій, епископъ астурийскій, обратилъ вниманіе на это обстоятельство и прибѣгнулъ къ мѣрамъ церковной власти для стѣсненія ереси. Изъ письма Льва великаго къ Туррибію видно, что прискилліане въ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ видѣли три имени, а не три лица Божества, не признавали Сына совѣчнымъ Отцу, душу человеческую производили изъ божественной субстанціи, говорили, что діаволь не сотворенъ Богомъ и никогда не былъ добрымъ, а произошелъ изъ хаоса и тьмы, въ тѣлахъ человеческихъ видѣли произведеніе діавола и осуждали бракъ, считали жизнь души въ тѣлѣ наказаніемъ ея за согрѣшеніе на

объ этихъ еретикахъ св. Льву, и св. Левъ пишетъ къ нему большое посланіе, въ которомъ, похваляя его ревность по вѣрѣ и заботливость о наставѣ, входитъ въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ пунктовъ, какими испанскіе еретики отдѣляются отъ истинной церкви и совѣтуетъ соборомъ разсмотрѣть ихъ дѣло и отлучить отъ церкви тѣхъ епископовъ, которые окажутся зараженными ересью. Въмѣстѣ съ этимъ по этому предмету онъ считаетъ нужнымъ обратиться ко многимъ другимъ епископамъ ¹⁾, живущимъ въ Испаніи, всѣхъ возбуждая къ ревностному дѣйствованію противъ заразы, долгое время свирѣдствующей въ ихъ странѣ. Св. Льву слишкомъ противною кажется смѣсь разныхъ заблужденій, прикрытыхъ въ прискилліанизмѣ именемъ христіанства, сопровождавшая многими нечестіями въ жизни, и выражая свое неудовольствіе по поводу этой ереси, онъ оправдываетъ строгія насильственные мѣры, какими гражданская власть въ концѣ IV вѣка старалась уничтожить вредную ересь.

Болѣе всего заботы и силы св. Левъ употребилъ на улаженіе водненія вселенской церкви, поднятаго во время его святительства евътиханствомъ. Важность предмета спора, широта волненія, охватившаго всѣ главныя церкви христіанскія, горячность спорящихъ, колебанія гражданской власти привлекли къ этому дѣлу все вниманіе, какимъ полна была душа ревнителя божопреданной отеческой вѣры, и исторія великаго святителя римскаго крупнѣе всего записала его подвигъ ревности по вѣрѣ, предпри-

небѣ, признавали необходимость судьбы и поднимали человека неутраченному вліянію арбіда, искажали св. Писаніе и раздвигали свои апокрифическія книги.

Patrol. Cursus Compl. T. LIV, Epist. XV.S. Leonis ad Territorium, Asturicensem episcopum. p. 677—692. Turribii, Asturicensis epistola. Ibidem. p. 692—5.

P. C. C. T. LV. De Priscillianistarum haeresi et historia. Cacciani. p. 992—1066.

1) Patr. Curs. Compl. T. LIV. p. 692.

натыи и совершенный имъ во время еutihianскихъ волненій. Горьчее участіе, съ какимъ отиошлся по дѣлу вселенской вѣры святитель римскій, сила его духа и святость вѣры, авторитетъ его кассдры, съ которой раздавался настойчивый голосъ, сдѣлала его первымъ представителемъ вселенской православной истины въ борьбѣ съ заблужденіемъ, и въ ряду отцовъ церкви онъ настойчивѣе и ретивѣе другихъ защищалъ вѣру о несліянномъ и непреложномъ соединеніи двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ, и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ея догматическому соборному опредѣленію.

При первомъ явленіи еutihianскихъ споровъ сильно заговорило въ душѣ св. Льва его стремленіе къ сохраненію въ цѣлости опредѣленій и рѣшеній церковныхъ. Авторитетъ церкви и ея высшихъ органовъ вселенскихъ соборовъ—для него первое основаніе, на которомъ онъ опирается въ своихъ сужденіяхъ о предметахъ вѣры и о людяхъ, исповѣдующихъ вѣру: онъ оцѣниваетъ нѣшнія людей прежде всего по тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ они ставятъ себя къ опредѣленіямъ соборнымъ. Евтихій первый вызывалъ участіе римскаго епископа къ своему дѣлу. Осужденный въ Констанціополѣ за непризнаваніе двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ, онъ пишетъ письмо въ Римъ, въ которомъ говоритъ, что онъ осужденъ и лишенъ общенія церковнаго совершенно напрасно, по наговору Евсевія, епископа дорилейскаго, что онъ думаетъ о вѣрѣ согласно со всею церковію, и преданъ опредѣленіямъ никейскаго собора ¹⁾, и на своихъ противниковъ набрасываетъ тѣнь обвиненія въ несторіанствѣ. Св. Левъ принимаетъ хорошо это обращеніе къ нему константинопольскаго архимандрита, славившагося умомъ и святостію жизни, хвалить его

¹⁾ Patr. Cursus compl. T. LIV. Epist. S. Leonis. XXIII ad Flavianum, ep. Constantin. c. I. p. 781. Ep. XXIV ad Theodosium Augustum, c. I, p. 735—6.

ревность по вѣрѣ ¹⁾, и не имѣя точныхъ свѣдѣній о начинающейся ереси отъ Флавіана, епископа константинопольскаго, бѣнтся, не напрасно ли осудили человѣка, слѣдующаго *постановленіямъ никейскаго и другихъ вселенскихъ соборовъ*, и просить Флавіана ²⁾ поскорѣе увѣдомить его, что за причина волненія, начатаго въ Константинополѣ, и что новаго противъ древней вѣры, достойнаго строгаго осужденія, проповѣдуетъ осужденный монахъ, который, по его признанію римскому первосвященнику, готовъ исправить и бросить все, что найдутъ въ немъ несогласнаго съ вѣрою церкви. Смущенная душа его обращается письменно ³⁾ и къ Теодосію императору съ изъясненіемъ жалобъ Евтихія и съ уморенъ Флавіану за молчаніе и вмѣстѣ съ просьбою содѣйствовать выясненію предъ нимъ дѣла.

Когда письма Флавіана и акты константинопольскаго собора осудившаго Евтихія, посланные къ римскому епископу, раскрыли ⁴⁾ предъ нимъ сущность дѣла, и Флавіанъ доказавъ св. Леву, что Евтихій осужденъ согласно съ канонами церкви, св. Левъ, увидя опасность лжеученія, лишаетъ своей благосклонности Евтихія, котораго готовъ былъ принять подъ свое покровительство, и спѣшитъ принять самъ и другихъ побуждаетъ принять нужныя мѣры къ восстановленію нарушеннаго мира церкви, къ опредѣленію и утвержденію истины вѣры.

При такихъ обстоятельствахъ, въ письмѣ ⁵⁾ къ Теодосію св. Левъ высказываетъ свое исповѣданіе, и заявляетъ, что онъ держится вѣры никейскихъ отцовъ, и какъ анаематствовалъ извра-

¹⁾ Patr. Cursus compl. T. LIV. Ep. XX ad Eutychen, Constant. abbateum. p. 713—4.

²⁾ Patr. Curs. compl. T. LIV. Epist. XXIII. c. 2, p. 733.

³⁾ Ibidem. Ep. XXIV p. 735—6.

⁴⁾ Patr. Cursus compl. T. LIV. Epistolae XXII et XXVI Flaviani, ep. Constantinopolitani ad Leonem papam. p. 723—7 et 743—7.

⁵⁾ Patr. Cursus c. T. LIV, ep. LIV, p. 855—6.

ценный догматъ Несторія, такъ считаетъ достойнымъ осужденія и мнѣніе отвергающихъ дѣйствительность плоти во Христѣ. Этихъ заявленіемъ онъ какъ бы защищаетъ себя предъ судомъ общественаго мнѣнія по поводу тѣхъ сочувствій, какия было возбудила въ немъ личность Евтихія прежде чѣмъ стали извѣстны ему его превратныя мнѣнія объ основномъ догматѣ христіанства. Послѣ такого заявленія римскій епископъ начинаетъ неотступно преслѣдовать ересь, и идетъ къ возстановленію нарушеннаго мира церкви и путемъ догматическаго разъясненія спорнаго пункта, и путемъ административныхъ распоряженій и сношеній съ епископами главныхъ церквей и верховною свѣтскою властію.

Однаго общаго осужденія новой ереси не достаточно было для ревности св. Льва. Востроуженное чувство вѣры привязываетъ его строго-православную мысль къ предмету спора, и онъ чувствуетъ потребность со всею обстоятельностью высказать настоящее ученіе о догматическомъ пунктѣ, подвергаемое нападенію человѣческаго недомысла. Является его догматическое посланіе къ Флавіану¹⁾, въ которомъ поколѣніе, современное св. Льву, увидало наиболѣе точное выраженіе глубокаго христіанскаго догмата о соединеніи двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ. Св. Левъ самъ былъ въ немъ, какъ человѣкъ преданія, голосомъ церкви и первоисточниковъ ея вѣры повѣряющій человѣческія объясненія, и церковь въ его словахъ признала исповѣданіе, идущее отъ апостоловъ и выраженное устами не одного а всѣхъ. Здѣсь, въ этомъ посланіи, занимающемъ мѣсто между важными документальными произведеніями христіанской догматической литературы, виденъ весь характеръ св. Льва Великаго какъ учителя церкви, съ его направленіемъ и величіемъ. Учитель церкви начинаетъ изложеніе дѣла указаніемъ источника заблужденій Евтихія къ его гордости и невѣдѣнію. Евтихій впалъ въ нечестивую ересь потому, что не хотѣлъ подчиниться мудрѣйшимъ и ученѣйшимъ себя, и для по-

¹⁾ Р. с. с. Т. LIV. Ер. XXVIII p. 753—782.

знанія истины прибѣгъ не къ пророческимъ голосамъ, не къ апостольскимъ писаніямъ, не къ евангельскому авторитету, не къ исповѣданію вселенской церкви, а къ себѣ самому и къ своей собственной мысли. Это подчиненіе своей мысли въ послушаніе вѣры — главная черта и сила догматики св. Льва. Опровергая заблужденіе Евтихія, св. Левъ, какъ онъ выразился въ послѣдствіи¹⁾, въ свое писаніе, вызванное этимъ заблужденіемъ, не внесъ ничего новаго, не прибавилъ ничего отъ себя и отъ своей мысли, а говорилъ словами церкви его воспитавшей, словами Писанія, лежащаго въ основѣ вѣры церковной. Первое доказательство истины православія противъ нововведеній Евтихія — это *исповѣданіе вселенской церкви*, исповѣданіе вселенской церкви, которое онъ развиваетъ словами синодальныхъ церковныхъ. Людей, не могущихъ черпать чистаго разумѣнія изъ этого чистѣйшаго источника христіанской вѣры, св. Левъ отсылаетъ къ Евангелію и вообще священному Писанію, въ которомъ онъ видитъ другое руководящее начало вѣры. Стоя твердо на этихъ основаніяхъ, св. Левъ объясняетъ софѣтъ Божій о воплощеніи Слова или истинномъ воспріятіи Божественною субстанціею человеческого естества, безъ нарушенія свойствъ той и другой природы, для воссоединенія съ Божествомъ падшей природы человеческой, — раскрываетъ свойства того и другаго рожденія Христова, той и другой природы, въ Немъ цѣльно сохраненной.

Точку зрѣнія, на которой стоялъ по отношенію къ предметамъ вѣры св. Левъ, онъ хотѣлъ и старался сдѣлать общою и обязательною для всѣхъ. Когда готовились къ соборному обсужденію евтихійскаго вопроса, св. Левъ пишетъ къ Марціану императору²⁾, чтобы онъ не позволялъ трактовать какъ сомнительную ту вѣру, которую проповѣдывали отцы и которую они получили

¹⁾ P. c. c. Epist. CXXIX. p. 1076. Ep. CXXIV. Ad monachos palaestinos c. 1. p. 1062—3.

²⁾ P. c. c. T. LIV. Ep. S. Leonis XC. p. 933—4.

отъ анастоловъ, и вводитъ въ споръ то, что давно уже осуждено калгворомъ церкви, — ишетъ къ отцамъ собора ¹⁾, чтобъ они не снисходили дерзости, готовой спорить о вѣрѣ, вдохновенной свыше, и не позволяли защищать то, во что не позволено вѣрить. Они просятъ въ томъ и другомъ письмѣ, чтобы въ цѣлости сохранены были древнія постановдѣнія никейскаго собора, чтобы тайну воплощенія объясняли по указанію Евангелія, до пророческихъ посланій, до анастольскаго ученія, какъ сдѣлано это въ письмѣ его къ Флавіану. Соборъ сошедшійся въ Халкидонъ, отъидя до истощенія стремленія римскаго епископа сохранить въ цѣлости вѣру отцовъ, и не разъ выразилъ глубокое уваженіе къ его посланію, какъ выразительному голосу православія. Во второмъ засѣданіи собора посланіе Льва къ Флавіану читано было послѣ символа никейскаго и константинопольскаго, и окружныхъ посланій Кирилла Александрійскаго (къ Несторію и Іоанну Антиохійскому) и отцы собора рѣшивши, что не нужно никакого другаго правды вѣры, кромѣ символа никео-константинопольскаго, сказали, что протязъ Евтихія достаточно издоженіе вѣры, какое представлялъ святѣйшій епископъ. Левъ къ своему посланію, и всѣ подписались подъ этимъ, всѣ приняли эту вѣру и воскликнули: *эта вѣра отеческая, эта вѣра апостольская. Всѣ такъ вѣримъ, православные такъ вѣрятъ; анагема тому, кто не такъ вѣритъ* ²⁾. По словамъ отцовъ собора (на пятомъ засѣданіи) въ этомъ посланіи ³⁾ св. Левъ устроилъ какъ бы нѣкоторый столбъ противъ развращенно мудрествующихъ къ утвержденію правыхъ догматовъ. Въ рѣчи императору Маврикію, произнесенной при окончаніи собора, отцы собора сочли нужнымъ правосности похвалами

¹⁾ Р. с. с. Т. LIV. Ep. XCIII. p. 937—8.

²⁾ Дѣянія вселенскихъ соборовъ, изд. въ русск. переводѣ Т. III. стр. 345. Р. с. с. Т. LV. p. 262. Synopsis actorum concilii Chalced. Actio II См. еще Дѣян. всел. собор. Т. IV. Дѣян. V. стр. 99—102. 108—110.

³⁾ Р. с. с. Т. LV. p. 265.

неуязвимаго отъ заблужденій поборники, свидѣтельствовать, что самъ Богъ приготовилъ къ побѣдѣ римскаго предстоятеля, преподсавши его отасюду ученіями истилы, дабы онъ, ратуя подобно пламенному ревностію Петру, привлекъ ко Христу всякій умъ, и говорить о его посланіи, какъ православѣйшемъ изъясненіи благочестивыхъ догматовъ, согласномъ съ свящ. Писаніемъ и съ вѣрою древле возвѣщеннаго святыми отцами ¹⁾ собора. Уваженіе, выраженное на соборѣ къ догматическому посланію св. Льва, постепенно расло въ церкви; папы предавали анаѣмѣ тѣхъ, кто бы осмѣлился хоть одну іоту измѣнить въ немъ ²⁾. Доброе чувство ревнителей вѣры, сохранившее память о великомъ значеніи посланія св. Льва, окружило его происхожденіе сказаніями о вдохновеніи свыше, о томъ, какъ, послѣ поста и бдѣнія, по молитвѣ св. Льва самъ апостоль Петръ исправилъ начертанное рукою римскаго епископа ³⁾. Сказаніе имѣетъ тотъ смыслъ, что ученіе св. Льва вполне выражаетъ мысль апостола Петра, до котораго восходитъ преданіе римской церкви, что засвидѣтельствовали и отцы Халкидонскаго собора, назвавши исповѣданіе св. Льва согласнымъ съ исповѣданіемъ апостола Петра, и величая его въ посланіи ⁴⁾ къ нему о дѣлахъ собора толкователемъ голоса блаженнаго апостола. Въ церквахъ италіанскихъ и галльскихъ оно ⁵⁾ читалось публично, въ дни приготовленія къ празднику Рож-

¹⁾ Дѣянiя всел. соборовъ, изданныя въ рускомъ перев. Т. IV. стр. 331—392. Рѣчь святаго (всел. халкидонскаго) собора къ благочестивѣйшему и христоролюбивому императору Маврикію. См. еще посланіе, отправленное отъ св. собора къ святѣйшему папѣ римской церкви Льву, стр. 398—404.

²⁾ Patr. lat. c. compl. T. LIX. Conciliorum sub Gelasio habitorum relatio. Concilium Romanum (494 г.) quo a septuaginta episcopis libri authentici ab arocyphis sunt discreti. p. 160.

³⁾ Это сказаніе занесено въ латинскія редакціи «Духовнаго луга». Іоанна Мосха. P. Curs. compl. t. LV, p. 226.

⁴⁾ Patr. Curs. compl. t. LIV. Ep. S. Synodi Chalcedoniensis ad sanctissimum papam Romanae ecclesiae Leonem. C. I. p. 951. Или Дѣянiя всел. соборовъ въ русск. перев. стр. 399.

⁵⁾ Patr. c. c. T. LV. p. 227.

дства Христова, какъ наученіе, содержащее въ себѣ вселенное ученіе о тайнѣ воплощенія.

Въ заботахъ о сохраненіи чистоты христіанскаго исповѣданія во всѣхъ церквахъ, св. Левъ старался распространять свое посланіе, снискавшее одобреніе церкви, чтобы дать въ немъ людямъ руководство вѣры и оружіе противъ ереси. Такъ онъ сообщаетъ ¹⁾ его Равеннію, епископу арелатскому, чрезъ пословъ его, пришедшихъ въ Римъ извѣстить св. Льва о вступленіи на арелатскую кафедру новаго епископа, послѣ смерти Иларія, и проситъ его сдѣлать это посланіе извѣстнымъ всѣмъ братіямъ и сослуживцамъ для лучшаго огражденія всѣхъ противъ нечестивыхъ и нѣбній о воплощеніи Господа. Съ такою же просьбою онъ посылаетъ свое догматическое произведеніе и къ Евсевию Медиоланскому ²⁾, и всѣ, читавшіе это посланіе, не только соглашались съ нимъ, но съ благоговѣйнымъ вниманіемъ относились къ силѣ и духу вѣры, въ немъ выраженной, и съ благодарностію принимали заботу его объ огражденіи всѣхъ странъ отъ пригнѣса заблужденія ³⁾.

Посланіе къ Флавіану не единственный памятникъ догматической мысли св. Льва, озабоченной и потревоженной евтихіанскими волненіями. Ратуя противъ ереси, св. Левъ, по вызову обстоятельствъ, писалъ другія догматическія посланія, повторяющія, дополняющія и изясняющія посланіе къ Флавіану. Къ такимъ посланіямъ принадлежатъ: 1) посланіе ко второму ефесскому вседособору ⁴⁾, 2) посланіе къ клиру и народу константинополь-

¹⁾ Patrol Curs. compl. T. LIV. Ep. LXVII. Ad Ravennium, Arelat. episcopum. p. 886—7.

²⁾ P. C. c. T. LIV. Ep. XCVII. Synodica Eusebii Mediolanensis episcopi ad S. Leonem papam. C. 2. p. 946.

³⁾ Ibidem. C. 2 и 3 p. 946—950. Ep. LXVIII. Ceretii, Salonii et Uerani, episcop. Galliae ad. S. Leonem, p. 888—9.

⁴⁾ Patr. C. c. T. LIV. Ep. XXXIII. p. 797—800.

оному ¹⁾, писанное послѣ эфесскаго Діоскорова псевдо-собора, 3) посланіе къ монахамъ палестинскимъ ²⁾, писанное по поводу неправильнаго толкованія его посланія къ Флавіану, 4) посланіе къ императору Льву ³⁾, по настоянію еретиковъ и по вліянію благопріятствовавшей имъ приворной партіи соглашавшемуся на созваніе новаго собора для пересмотра халкидонскихъ постановленій, въ видахъ успокоенія возмущающаго общества. Характеръ во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ посланіяхъ одинъ и тотъ же: ридскій богословъ нигдѣ не хочетъ давать мѣста человѣческому разсужденію, когда говоритъ о вѣрѣ, имѣющей божественное происхожденіе, и вездѣ основывается на преданіи отцовъ, на авторитетѣ Писанія и церкви. Что либо новое, запечатлѣнное характеромъ личнаго, частнаго разсужденія, и грозящее нарушеніемъ единства духа вѣры и любви и единства церкви, слишкомъ рѣзко дѣйствовало на его впечатлительную душу, любящую строгій организескій порядокъ. Авторитетъ и преданіе всегда у него были руководительными началами и орудіями къ уясненію истины и къ опроверженію заблужденія. Къ нимъ онъ прибѣгалъ потому, что слишкомъ высоко цѣнилъ единство церкви, и въ ея голосѣ видѣлъ мудрость, предъ которою должна смириться кичливость личнаго разума. Въ силу этого къ посланію къ императору Льву онъ приложилъ, въ показаніе вѣрности своего толкованія догмата, значительное собраніе ⁴⁾ свидѣтельствъ, извлеченныхъ изъ книгъ каеолическихъ отцовъ, греческихъ и латинскихъ, и показывающихъ, какъ понимали тайну воплощенія представители церкви, до него жившіе. Спорамъ конца не будетъ, и всегда будутъ являться противники (изъяснялъ онъ въ письмѣ ⁵⁾ къ тому же императору,

¹⁾ P. C. c. T. LIV. Ep. LIX. p. 865—872.

²⁾ P. C. c. T. LIV. Ep. CXXIV. p. 1062—1068.

³⁾ P. C. c. T. LIV. Ep. CLXV. p. 1155—1190.

⁴⁾ P. C. c. T. LIV. p. 1172—1190.

⁵⁾ Ibidem. Ep. CLXIV. C. 2. p. 1149—50. Cp. Epist. III ad episcopos Galliarum. C. 2. p. 983—6.

проси его не подвергать вновь обсужденію вѣру: уже опредѣлен-
но), если позволено будетъ изъяснять тайны вѣры человече-
скимъ разумомъ, и если допустить къ ихъ разясненію краснорѣ-
чивство свѣтской мудрости: «Сколько вѣра и мудрость христіан-
ская должна избѣгать этой пагубной суеты, видно изъ учрежде-
нія Господа нашего Іисуса Христа; который, призывая всѣ народы
къ просвѣщенію вѣры, не изъ философовъ и не изъ ораторовъ
избиралъ людей, долженствовавшихъ послужить проповѣди Еван-
гелія, а изъ простыхъ и рыбаковъ, чрезъ которыхъ оно открылось;
чтобы не казалось, что: ученіе небесное, полное силы, нуждается
еще въ пособіи словъ: Риторическія доказательства и туманныя
иногда хитрости словопречій тогда въ особенности славятся,
когда въ вещахъ неизвѣстныхъ и запутанныхъ различіемъ мнѣній
приводятъ мысль слушателей къ тому, что каждому избирается
для утвержденія по своему настроенію; и бываетъ такъ, что: божье
истиннымъ считается то, что защищаетою большинствомъ краснорѣчи-
ствъ. Но Евангеліе Христова не нуждается въ этомъ искусствѣ:
въ немъ ученіе истинны блистаетъ своимъ собственнымъ свѣтомъ,
и тамъ, гдѣ для истинной вѣры достаточно знать и не учить,
не ищутъ того, что нравилось бы слуху.»

Въ евтихіанскихъ опорахъ св. Левъ дѣйствовалъ не только
какъ богословъ, жаждущій торжества истины, но и какъ правни-
тель церкви, своимъ высочайшъ положеніемъ вызывавшій къ за-
щитѣ интересы православія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи
дѣятельность его не менѣе замѣчательна, какъ и въ первомъ, и
въ качествѣ правителя имъ обнаружено было по евтихіанскому
дѣлу столько энергии, что, болѣе, кажется, нельзя было имъ тре-
бовать, ни ожидать. Заботы св. Льва сосредоточивались на томъ,
чтобы сдѣлать яснымъ и слышнымъ для всѣхъ голосъ, вселенской
церкви. Для слышнаго заявленія точнаго голоса вселенской цер-
кви требовалось созваніе вселенскаго собора; и на немъ непре-
пятственное, не возмущенное человѣческою страстію, исповѣданіе

вѣры. Помня преданія нилейскихъ отцовъ, римскій епископъ съ разу, при первомъ обнаруженіи упорства Евтикія и его партіи, не подчинившихся суду мѣстной церкви, указывалъ на необходимость ¹⁾ прибѣгнуть къ этому высшему органу церковной власти и церковной мысли. Но нитью событій овладѣла въ то время упорная и самонадѣянная партія Евтикія и враговъ Флавіана. Опираясь на покровительство Флавіанова врага, епископа Хрисація, имѣвшаго сильное вліяніе на Θεодосія младшаго, который по своей безхарактерности руководился не столько своею, сколько чужою волею, она настойчиво требуетъ у императора созванія собора для снятія осужденія, произнесеннаго въ Константинополѣ надъ благочестивымъ старцемъ Евтикіемъ. Θεодосій даетъ согласие на это представленіе, назначаетъ соборъ въ Ессѣ и предсѣдателемъ его, по указанію еutihіанъ, избираетъ недоброжелателя и завистника Флавіанова, александрійскаго епископа Діоскора, котораго еретики безъ труда привлекли на свою сторону. Отъ имени Θεодосія послышается приглашеніе на соборъ и ко Льву Великому. Св. Левъ, не знавшій воѣхъ тайныхъ интригъ, какими предварялось созваніе собора, съ почтительнымъ уваженіемъ отвѣчаетъ на письмо Θεодосія, заявляетъ свою радость по поводу заботъ императора объ уничтоженіи всякаго разногласія въ дѣлѣ вѣры христіанской, и выражаетъ предъ нимъ, что *для любви Божіей имѣть ничего пріятнѣе, какъ принести отъ всѣхъ Его величію жертвы единого исповѣданія* ²⁾. Самъ онъ не объщается лично прибыть на соборъ ³⁾, ссылаясь на обычай, по которому римскіе епископы, ему предшествовавшіе, никогда не оставляли своей паствы, и на тѣсныя обстоятельства своей ро-

¹⁾ Patr. G. compl. T. LIV. Epist. S. Leonis ad Theodosium Augustum, p. 855—6.

²⁾ Patr. G. c. T. LIV. Ep. XXXVII. p. 811—12.

³⁾ Ibidem Ep. XXXVII et Ep. XXXI ad Pulcheriam Augustam, c. 4, p. 793—4.

дны, угрожаемой и частию опустошаемой варварами; но вмѣсто себя отправляетъ уполномоченныхъ легатовъ (Юлія епископа пуге-ланскаго, Раната пресвитера и діакона Иларія¹⁾). Какъ: многи чиняніи посвящаль св. Левъ дѣлу собора, видно изъ множества писемъ, какими онъ снабдилъ своихъ легатовъ: нѣтъ саимъ онъ дѣлать въ руководство свое посланіе къ Флавіану, но чрезъ нихъ шлеть письма и свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ, всѣмъ отъ кого ожидалъ поддержки добродѣлю (Теодосію,²⁾ его благочестивой сестрѣ Пульхеріи³⁾, бывшей воспитательницею своего брата въ его отроческіи годы, и внушавшей къ себѣ въ немъ уваженіе и по достиженіи нѣтъ совершеннолѣтіи, Флавіану патриарху Константинопольскому⁴⁾, къ отцамъ собравшимся на соборъ въ Ессѣ⁵⁾; Юліану, епископу кооскому, бывшему довереннымъ лицомъ св. Льва⁶⁾, Фавсту, Мартину и другимъ архимандритамъ константинопольскимъ⁷⁾). Но ессескій псевдособоръ, снискавшій печальную извѣстность въ исторіи, вмѣсто умирненія церкви только усилить спуту, господствовавшую въ умѣхъ, и проневель самое тяжелое печатаніе на всѣхъ читателяхъ вѣры, благочестія и порядка церковнаго. На немъ не было свободнаго обсужденія дѣла, и не слышно было спокойнаго и твердаго голоса церкви. Руїная партія, предводимая Діоскоромъ, на немъ распорядилась съ возмутительнымъ самовластіемъ, и ознаменовала себя крайними нападками надъ защитниками православія и свободы церковной, употребляя для этихъ наскій толпу солдатъ, долженствовавшихъ охранять спомойствіе синода. Она объявила Евтикія невиннымъ и право-

¹⁾ Patr. C. c. T. LIV. Epist. S. Leonis ad Theodosium August. XXIX. p. 783.

²⁾ Ep. XIX.

³⁾ Ep. XXX p. 786—789. Ep. XXXI. p. 789—797.

⁴⁾ Ep. XXXVI p. 809—11. Ep. XXXVIII p. 812—13.

⁵⁾ Ep. XXXIII. Ad Ephesiam synodum secundam. p. 797—800.

⁶⁾ Ep. XXXIV p. 801—2. Ep. XXXV p. 803—810.

⁷⁾ Epist. XXXII. p. 795—7.

благиницъ; поразивъ анавною то условіе церкви о возношеніи Господа, отъ котораго ствалъ Евтикій, и провозгласивъ инакожаніе всѣхъ защитниковъ истиной вѣры, съ Флавіаномъ и Теодоритомъ во главѣ.

Тогда-то усидивается безпокойство св. Льва о цѣлости вѣры и нарушеніи мирѣ церкви, и онъ весь отдается призыву къ энергичнейшей дѣятельности на пользу православія. Печальныя навѣстия и жалобы на насильственный образъ дѣяній Диоскора и его партіи, но столько удручаютъ его скорбію, сколько возбуждаютъ его дѣятельность. Тотчасъ же, по полученіи навѣстій о соборѣ, онъ личною имениемъ разбойничьаго собора, онъ созываетъ епископовъ окрестной страны, и любви ихъ пошѣряетъ скорбь церкви и свою заботу, высказывая настоятельную необходимость вступить за права пограбленной истины. На него обращаются взоры всего христіанскаго міра; къ нему адресуются низверженныи Диоскоромъ ¹⁾ и въ его равноріи ищутъ защиты для себя и для дѣла православія. Онъ думаетъ и хлопочетъ о созваніи новаго вселенскаго собора, на которомъ бы слышенъ былъ на крикъ неистовой страсти, а святое слово божественнаго разумѣнія. Ему хочется открыть этотъ соборъ въ Италиі въ тѣхъ видахъ, чтобы самому присутствовать на немъ и имѣть больше вліянія на его содѣжанія. Послѣ недавняго печальнаго опыта, ему естественно было бояться, какъ бы партія, промзведшая раздѣленіе церкви, значительно усилившаяся на Востокѣ послѣ ефесскаго псевдособора и имѣвшая при томъ защитниковъ при дворѣ, не повредила дѣлу чистой вѣры, если мѣсто собора будетъ назначено гдѣ нибудь вблизи Константинополя, центра евътиханскихъ волненій. Онъ шлетъ настойчивыя письма къ Теодосію: въ нихъ онъ отъ своего имени ²⁾ и отъ имени синода западныхъ

¹⁾ Patrol. Cursus completus. T. LIV. Ep. LI Theodoriti episcopi Cypri ad S. Leonem papam p. 847—853.

²⁾ Epist. XLIII p. 821—6.

епископовъ ¹⁾ заявляютъ, что онъ отвергаетъ все сдѣланное въ Ессѣ, но ния блага вѣры и въ силу папской обязанности своей проситъ императора уничтожить возмущеніе, какое произвелъ вселособоръ ессескій и ходатайствуетъ объ открытіи новаго собора въ Италиі. Въ одно и тоже время ²⁾ онъ проситъ ходатайства предъ императоромъ объ этомъ дѣлѣ и у Пульхеріи, оплакивая предъ нею дѣла, бывшія въ Ессесѣ и посылая ей копію письма къ императору. Θεодосій оставляетъ безъ вниманія настойчивыя представленія римскаго епископа. Но св. Левъ неослабно идетъ къ своей дѣли, пользуясь всякимъ случаемъ къ тому, чтобы подѣйствовать на императора и расположить его въ пользу собора. Прибываютъ въ Римъ на праздникъ поклониться гробу св. Петра Валентиніанъ, управлявшій западною имперією, съ своею матерію Платидією и женою Евдокією. Св. Левъ съ соборомъ епископовъ обступаетъ ихъ и проситъ ихъ обратить вниманіе на бѣдственное положеніе церкви, заступиться предъ Θεодосіемъ за дѣло вѣры и испросить у него собора въ Италиі для разсмотрѣнія дѣла. Тѣ ³⁾ пишутъ къ Θεодосію, Платидія еще и къ Пульхеріи, сестрѣ его ⁴⁾. Θεодосій остается непреклоннымъ и на ходатайства царственныхъ и родственныхъ лицъ отвѣчаетъ, что новаго собора не нужно, что достаточно никейскаго собора, вѣры и опредѣленій котораго нужно держаться, и что въ Ессѣ былъ уже соборъ ⁵⁾, на которомъ всѣ свободно совѣщались и

¹⁾ Ep. XLIV. p. 827—832.

²⁾ Patr. C. c. T. LIV. Ep. XLV S. Leonis ad Pulcheriam Augustam p. 833—6.

³⁾ Epist. LV Valentiniiani Imperatoris ad Theodosium Augustum p. 837—860. Ep. LVI Gallae Placidiae Augustae ad Theod. p. 860—1. Ep. LVII Liciniae Eudociae Augustae ad eundem Theod. p. 861—3.

⁴⁾ Ep. LVIII. Gallae Placidiae ad. Pulch. p. 863—5.

⁵⁾ P. Cars. compl. T. LIV. Ep. LXII Theodosii Imperatoris ad Valentinianum Augustum p. 873—7. Ep. LXIII. Eiusdem Theod. ad Gallam Placidiam Augustam p. 877. Ep. LXIV. Eiusdem Theod. ad Liciniam Eudociam p. 877—9.

дѣло рѣшено какъ слѣдуетъ. Диоскоръ же узавши, какъ принято въ Римѣ дѣло его собора, самого Льва отлучаетъ отъ церкви.

Неудачи могли бы поколебать другую дюжинную силу, вызванную на борьбу съ препятствіями. Но св. Левъ не зналъ уступчивости, когда имѣлъ предъ глазами высокую священную цѣль, и въ стремленіи къ этой цѣли сила его энергій соразмѣрялась съ силою противодействія. Со всею твердостью непреклонной души, не знавшей усталости, съ полною надеждою на торжество истины продолжаетъ онъ служеніе вѣрѣ, въ видахъ возстановленія ея чистоты и цѣлости. Западныхъ епископовъ онъ возбуждаетъ на защиту колеблемаго на Востокѣ православія и къ предохраненію своихъ паствъ отъ гибельной ереси; на Востокѣ старается ободрить и укрѣпить въ православіи тѣхъ, которые держались вѣры Флавіана и не признавали постановленій псевдо-ефесскаго собора ¹⁾.

Теодосій, невнимательный къ представленіямъ римскаго епископа о созваніи собора, находитъ нужнымъ для умирненія взволнованной константинопольской церкви и возстановленія нарушеннаго въ ней порядка церковной жизни, войти въ сношенія съ вліятельнымъ римскимъ епископомъ, когда въ Константинополѣ на мѣсто Флавіана (умершаго въ ссылкѣ вскорѣ послѣ псевдособора ефесскаго), избранъ и посвященъ былъ въ патріархи Анастолій, бывший предъ тѣмъ апокрисиаріемъ александрійскаго епископа при императорѣ. Теодосій просилъ св. Льва принять въ церковное общеніе новаго константинопольскаго епископа, который внушалъ св. Льву не мало подозрѣній, какъ человѣкъ, стоявшій

¹⁾ Ep. LIX S. Leonis ad clerum et plebem Constantinopolitanam urbis ep. 863—872. Ep. L S. Leonis ad Constantinopolitanos per Epiphanium et Dionysium Romanae ecclesiae notarium, p. 841—4. Ep. LI ad Fanatum et caeteros archimandritas constantinopolitanos. p. 843—5. Ep. XLVII ad Anastasium episcop. Thessalonicensem, p. 839—40. Ep. XLVIII ad Iulianum episc. Coensem p. 840. Ep. LXI ad Martinum et Faustum presbyteros et archimandr. p. 874—6.

въ близкихъ отношеніяхъ къ Діоскору. Отвѣчая императору, что онъ согласенъ принимать Анатолія какъ брата, но ожидаетъ отъ него исповѣданія вѣры, согласнаго съ ученіемъ отцовъ, онъ пользуется этимъ случаемъ¹⁾, чтобы снова заявить ходатайство объ открытіи вселенскаго собора для уничтоженія возмущеній, произведенныхъ ересью и для утвержденія единой вѣры, что будетъ полезно и церкви и имперіи, и съ этимъ ходатайствомъ отправляетъ двухъ епископовъ (Абундія и Астерія) и двухъ пресвитеровъ (Василія и Сенатора). Но посольство не застало уже живыхъ императора, который скончался въ 450 году, въ слѣдствіе паденія съ лошади во время охоты. По смерти Θεодосія власть переходитъ къ Маркіану, за котораго вышла за мужъ благочестивая сестра Θεодосія Пульхерія. Съ переменною императора теряетъ силу и значеніе партія, поддерживавшая Діоскора, и св. Левъ видитъ близкое торжество своихъ напряженныхъ усилій. Анатолій на частномъ соборѣ въ Константинополѣ, созванномъ по прибытіи легатовъ св. Льва, произноситъ осужденіе на Несторія и Евтихія и заявляетъ свое согласіе съ вѣрою св. Льва, подписывая со всеми присутствовавшими на соборѣ его посланіе къ Флавіану. Маркіанъ, при первомъ извѣщеніи римскаго епископа о своемъ восшествіи на престолъ, высказываетъ²⁾ ему свое согласіе на открытіе собора для уничтоженія нечестиваго заблужденія и для возстановленія мира церковнаго. Открываются живыя сношенія у него чрезъ письма и чрезъ легатовъ съ императоромъ Маркіаномъ³⁾

1) P. C. c. T. LXIX ad. Theod. Aug. 890—2. Ep. LXX, ad Pulcheriam Aug. p. 893—4. Ep. LXXI, ad Archimandritas Constantinopolitanos p. 885—6.

2) Patr. G. compl. T. LIV. Ep. LXXIII, Valentiniani et Marciani ad Archiepiscop. Romae Leonem. p. 899.

3) Ep. LXXVI, Marciani Imper. ad Leonem p. 903. Ep. LXXVIII, Leon. ad Marcianum p. 907—9. Ep. LXXXII, ad Marcianum p. 917—8. Ep. LXXXIII ad eundem Marc. p. 919—20. Ep. LXXXIX ad Marc. p. 930—1. Ep. XC p. 932 Ep. XCIV ad Marc. p. 941—2.

и его супругою ¹⁾, съ Анатолиемъ ²⁾ и другими ³⁾, допущеніи торжествомъ истины и восстановленіемъ всѣхъ низложенныхъ епископовъ на четвертомъ вселенскомъ соборѣ. Соборъ открылся не въ Италіи, какъ того хотѣлъ св. Левъ, а въ Никее, откуда перенесенъ былъ въ Халкидонъ. Италія въ то время безпокойна была гуннами, и туда по обстоятельствамъ времени не могли прибыть многіе изъ восточныхъ епископовъ, а ихъ присутствіе было необходимо на соборѣ, такъ какъ всѣ представители евтихіанства жили и дѣйствовали на Востокѣ. Св. Левъ самъ лично не былъ на соборѣ; но онъ былъ душою собора, и своею энергическою и твердою мыслию, проведенною въ его посланіяхъ, читанныхъ на соборѣ ⁴⁾, и представляемою его уполномоченными ⁵⁾, епископами Пасхазимомъ и Люценціемъ, и пресвитеромъ Вониватиемъ, не менѣе присутствовавшихъ отцовъ содѣйствовали торжеству православія, какъ засвидѣтельствовали это епископы ⁶⁾, послужившіе церкви на халкидонскомъ соборѣ.

Побѣдивши заблужденіе, св. Левъ не успокоивался на добытомъ торжествѣ. Его зоркій глазъ внимательно слѣдилъ, не отражается ли гдѣ побѣжденная ересь, не замышляютъ ли чего

¹⁾ Patr. C. c. T. LIV. Epist. LXXVII Pulcheriae Augustae ad Leonem. p. 906—7. Epistolae S. Leonis ad Pulcheriam Augustam LXXIX, p. 910—2. LXXXIV p. 921—2. XCV p. 942.

²⁾ Epistolae S. Leonis ad Anatolium LXXX, p. 918—5. LXXXV, p. 922—4. Ep. LXXXVII, p. 926. XCI p. 934—5.

³⁾ Epistolae S. Leonis ad Iulianum episcopum Coensem LXXXI, p. 916 LXXXVI, p. 925. XCII p. 933.

⁴⁾ Patr. C. compl. T. LIV. Epist. S. Leonis ad Synodum, quae Nicaeam primum indicta, postea vero Chalcedone congregata est. XCIII p. 935—40.

⁵⁾ Epist. LXXXVIII. S. Leonis ad Paschasinum episc. Lylibactanum p. 927—9. При этомъ письмѣ св. Левъ послалъ своему уполномоченному легату свое письмо къ Флавиану и свидѣтельства св. отцовъ о воплощеніи Господа, для руководства ему при совѣщаніяхъ о вѣрѣ.

⁶⁾ P. C. c. T. LIV. Epist. XCVIII Sanctae Synodi Chalcedonensis ad sanctissimum papam Romanae ecclesiae Leonem. p. 931.

ибо во вреду истины ея защитники. Потому до конца не бросая оружія и не оставляя пастырской заботливости обезпосвоенный евтихіанскимъ заблужденіемъ епископъ Рима. Предъ нами множество его писемъ, свидѣтельствующихъ о его неутомимой борьбѣ съ евтихіанствомъ до послѣднихъ дней его жизни. Въ Константинополѣ онъ представляетъ довѣренное лицо, дѣятельнаго и умнаго Юліана, епископа косскаго, котораго представляетъ вниманію императора, какъ своего уполномоченнаго ¹⁾, и которому поручаетъ блюсти интересы православія и заботиться о мирѣ церкви въ смутное время. Съ нимъ онъ ведетъ самую живую переписку о предметѣ вѣры, его занимающемъ, ²⁾ требуетъ отъ него подробныхъ свѣдѣній о всемъ, что дѣлается на востокѣ, и укрѣпляетъ его, когда онъ не успѣваетъ предупредить слухи о какомъ либо волненіи, направленномъ къ возобновленію евтихіанскихъ заблужденій. Ему даетъ онъ инструкціи касательно лучшаго выполненія своей миссіи, направляетъ его вниманіе на тѣ пункты, которые угрожали опасностію православію, и указываетъ ему средства, какими онъ въ своемъ положеніи можетъ способствовать стѣсненію ереси и искорененію заблужденія. Но ниѣя искуснаго представителя на востокѣ, св. Левъ, по каждому болѣе или менѣе значительному вызову, громко заявляетъ свою волю какъ предъ свѣтскою властію, такъ и предъ правителями церкви. Ни одного случая, клонящагося въ пользу евтихіанства, или навлекающаго на себя подозрѣніе, не опущено имъ безъ того, чтобы не постараться движеніе событій направить на путь, желательный для блага церкви и для цѣлости православія. Кажется ему сомнительнымъ поведеніе Анатолія, который по слухамъ, дошедшимъ до св. Льва, удаляетъ отъ себя людей, пре-

¹⁾ Epist. CXI. S. Leonis ad Marcianum Augustum. c. 3, p. 1023.

²⁾ Patr. Curs. compl. T. LIV. Epist. S. Leonis ad Iulianum Coensem CVII, p. 1009—10; CIX, p. 1014—8; CXIII, p. 1024—1028; CXVII, CXVIII, CXXV, CXXVII, CXXXI, CXL, CXLII, CXLIV, CXLVII, CLII.

данныхъ Флавіану и отличающихся ревностію по православію (Аѳтій, нѣз архидіаконовъ посланнаго священникомъ въ отдаленное отъ Константинополя мѣсто) и на мѣсто ихъ приближаетъ къ себѣ другихъ принадлежащихъ къ партіи, не расположенной къ Флавіану (нѣкоего Андрея), — и онъ поставляетъ это на видъ ¹⁾ императору Маркіану и его супругѣ Пульхеріи ²⁾, и добивается уступки въ этомъ дѣлѣ отъ Анатолія ³⁾. Получаетъ онъ свѣдѣнія, что Евтихій, осужденный на соборѣ, живя въ заточеніи не далеко отъ Константинополя, разливаетъ оттуда ядъ богохульства и этимъ ядомъ безстыдно отравляетъ невинныхъ, и тотчасъ же просить императора ⁴⁾ сослать еретика куда нибудь подальше, откуда бы онъ не могъ вредить чистотѣ вѣры, и въ то же время для утвержденія въ евангельскомъ и апостольскомъ ученіи монаховъ того монастыря, гдѣ Евтихій былъ настоятелемъ, рекомендуетъ настоятеля этого монастыря поручить руководству Юліана, уполномоченнаго Львомъ заботиться о чистотѣ и цѣлости вѣры. Слышитъ онъ, что въ Константинополѣ скрываются остатки еретиковъ, и люди, извѣстные прежде своимъ упорствомъ, и потомъ при измѣнившихся обстоятельствахъ притворно принявшіе опредѣленія халкидонскаго собора (архимандриты Корозъ и Дороей) не перестаютъ въ тайнѣ развращать вѣру монаховъ, и обращаетъ на нихъ бдительность константинопольскаго епископа ⁵⁾, и потомъ благодаритъ императора за то, что онъ удалилъ ихъ изъ ихъ монастырей туда, гдѣ они не могутъ вредить ⁶⁾. На

¹⁾ Patr. Curs. compl. T. LIV, Epist. S. Leonis CXI ad Marcianum Augustum p. 1019—1023.

²⁾ Patr. Curs. compl. T. LIV. Ep. CXII. S. Leonis ad Pulcheriam Aug. p. 1028.

³⁾ Ep. CXXXII Anatolii, episc. Constantinopolitani ad Leonem papam c. 2, p. 1058.

⁴⁾ Ep. CXXXIV ad Marcianum c. 2, p. 1095.

⁵⁾ Ep. CXLIII ad Anatolium, ep. Const. p. 1118.

⁶⁾ Ep. CXLII ad Marcianum p. 1110—1111.

александрійскій епископскій престолъ, по низложеніи Діоскора, избирается Протерій: зная, что Протерій по своему служенію былъ близокъ къ Діоскору, и даже управлялъ вмѣсто него александрійскою церковію во время его отсутствія, онъ наводитъ справки о направленіи новаго епископа и пишетъ ему внушительное посланіе ¹⁾ о соблюденіи единства вѣры и о необходимости ученія народа на основаніи преданія отцовъ, и не прежде успокоивается, какъ увѣряется въ его православіи ²⁾).

Когда же поднимались серьезныя волненія, направленные противъ опредѣленной вѣры на халкидонскомъ соборѣ, св. Левъ, чувствуя себя стражемъ православія, бодро вставалъ во всеоружіи на борьбу съ темными силами, колеблющими вѣру, не показывая никакого утомленія отъ долговременной напряженной борьбы съ ересью. Такъ было во-первыхъ, когда въ Палестинѣ, вскорѣ послѣ халкидонскаго собора, открылось возмущеніе монаховъ, явившихся изъ своихъ пустынь для защищенія вѣры, будто бы повранный на соборѣ. Евтихіанство, вышедшее изъ монастырей, въ монастыряхъ всегда находило горячихъ приверженцевъ, и пустынники Палестины, Сиріи и Египта съ большимъ участіемъ слѣдили за софщаніями халкидонскаго собора. Изъ палестинскихъ монаховъ на соборѣ былъ нѣкто Тимофей, горячій приверженецъ Евтихіа, и лишь только на первыхъ софщаніяхъ рѣшено было дѣло Евтихіа и Діоскора, онъ оставилъ соборъ и посѣлилъ въ Палестину, всюду разглашая, что вѣра уничтожена и нѣтъ болѣе истины въ церкви. Не успѣлъ возвратиться въ Іерусалимъ Ювеналій, епископъ іерусалимскій, подписавшій опредѣленія халкидонскаго собора, какъ съ гнѣвомъ буйною толпою обратились къ нему фанатическіе приверженцы Евтихіа, требуя отъ него от-

¹⁾ Patr. Curs. compl. T. LIV. Ep. CXXIX ad Proterium, ep. Alex. p. 1075—8.

²⁾ Ep. CXXX ad Marcianum Aug. p. 1078—80. Ep. CXXXI ad Iulianum, ep. Coensem, p. 1081.

реченія отъ всего, что было рѣшено въ Халкидонѣ, и объявляя его недостойнымъ епископства: и въ толпѣ слышались даже крики, что и смерть не тяжелое наказаніе для отступника. Ювеналій долженъ былъ отъ ярости саватиковъ спастись бѣгствомъ изъ Іерусалима. Къ толпѣ монаховъ пристаеетъ народъ, и на улицахъ города производятся страшныя кровавыя насилія противъ всѣхъ, исповѣдующихъ вѣру не такъ, какъ исповѣдывали се монахи. Вся страна поднимаетъ открытѣйшій мятежъ противъ церкви и императора, и главу или виновника возстанія—Тимосен избираетъ патріархомъ на мѣсто Ювеналія, объявленнаго изслуженнымъ. Слухи объ этомъ событіи скоро доходятъ до Рима, и св. Левъ, смущенный и озабоченный, укоряетъ своего уполномоченнаго Юліана ¹⁾, что онъ не счѣлъ сообщать ему нужныя свѣдѣнія. Юліану не пришлось увеличивать смущеніе ревнителя мира церкви и чистоты вѣры: онъ извѣщалъ св. Лева о благочестіи Маркіана и тѣхъ мудрыхъ мѣрахъ, кація съ успѣхомъ онъ принялъ противъ возмутителей. Св. Левъ съ радостію выслушиваетъ эти вѣсти, и обращаетъ слово горячей благодарности къ императору ²⁾ за восстановленіе мира и единства церкви, а для разуменія монаховъ отправляетъ къ нимъ нарочитое посланіе ³⁾, въ которомъ объясняетъ имъ тайну воплощенія и показываетъ, въ чемъ заблуждаетъ Евтихій. Маркіанъ даетъ знать св. Леву, что возмутившіеся монахи находятъ нравственную поддержку въ вдовѣ Θεодосіа младшаго, послѣ смерти своего супруга поселившейся въ Іерусалимѣ. Св. Левъ, по указанію императора, къ ней обращается съ письмомъ ⁴⁾, прося у ней невротельства вѣрѣ и убѣждая ее подѣйствовать на монаховъ въ пользу мира цер-

¹⁾ Patr. Curs. compl. T. LIV. СХХV, p. 1068.

²⁾ Patr. Curs. compl. T. LIV. Вр. СХХVI, S. Leonis ad Marcianum p. 1070.

³⁾ Вр. СХХIV, S. Leonis ad monachos Palaestinae, p. 1062—9.

⁴⁾ Вр. СХХV, ad Eudociam Augustam p. 1060.

ни: чтобы это обращение имѣло больше силы, онъ проситъ Евдемія извѣстить его объ успѣхѣ ея увѣщаній, и побуждаетъ ея зятя Валентиніана съ своей стороны сдѣлать ей представленіе по поводу евтихіанскаго волненія.

Другой и послѣдній разъ нужно было св. Льву собрать всю свою энергію для борьбы съ евтихіанствомъ послѣ смерти Марціана (въ 457 году), когда въ Египтѣ, по возвращеніи преемника Марціана, Льва, подняли голову приверженцы Евтихіа, думая, что со смертію прежняго ревнителя православія наступило для нихъ благоприятное время. Въ Александрію и прежде, тотчасъ въ слѣдъ за возмущеніемъ палестинскихъ монаховъ (453 г.), приверженцы Діоскора произвели много буйства и насилія противъ членовъ халкидонскаго собора и новопоставленнаго епископа Протерія. Благодаря кѣрамъ Марціана и стойкости Протерія, смелости было восстановлено помимо заботъ св. Льва. Ему приходится только просить Марціана ¹⁾, чтобы онъ поручилъ Юліану или кому другому перевести на греческій языкъ его посланіе къ Флавіану, и греческій хорошо исправленный переводъ его за свое почтеніе послалъ въ Александрію для публичнаго прочтенія царю и народу города ²⁾. Эта просьба вызвана была тѣмъ обстоятельствомъ, что противники православія говорили, будто въ Халкидонѣ возобновлено несторіанское ученіе и въ доказательство приводили и распространяли искаженное посланіе св. Льва къ Флавіану. Теперь дѣло было гораздо серьезнѣе и опаснѣе, и опасность эта не въ томъ только состояла, что насиліе евтихіанъ достигло крайней степени: фанатики произвели въ Александрію открытый мятежъ, овладѣли церквами, своего предводителя Тимоея Элвара избрали епископомъ александрійскимъ, убили Протерія и ругались надъ его тѣломъ, разбивали и сожигали тѣ

¹⁾ Patr. Cura. compl. t. I.IV. Ep. CXXX ad Marcianum. c. 3, p. 1080.

²⁾ Объ этомъ же писалъ св. Левъ и своему уполномоченному Юліану. Ep. CXXXI, p. 1081.

епископскія сѣдалища, какія онъ занималъ въ разныхъ церквахъ города, низложили всѣхъ епископовъ, державшихся халкидонскаго собора, и возстановили всѣхъ духовныхъ, низложенныхъ въ Халкидонѣ, объявили недѣйствительными всѣ посвященія, совершенныя Протеріемъ, и произнесли анаѹему надъ халкидонскимъ соборомъ и его защитниками. Ознаменовавши себя разными насиліями, они отправили посольство въ Константинополь для оправданія своихъ дѣйствій и требовали новаго собора для пересмотра рѣшеній собора халкидонскаго. Опасность въ глазахъ римскаго епископа увеличивалась отъ того, что Левъ императоръ, хотя объявлялъ себя защитникомъ халкидонскихъ опредѣленій, готовъ былъ согласиться на открытіе новаго собора для умирненія волнующейся церкви: эта готовность его, послѣ заявленія касательно преданности халкидонскому собору, свидѣтельствовала объ интригахъ придворной партіи, въ которой много было покровителей евтихіанства. Св. Левъ, считая новое обсужденіе уже выясненнаго церковію предмета оскорбленіемъ для нея, настойчиво противодѣйствуетъ осуществленію мысли о соборѣ, и встревоженный не знаетъ покоя. Онъ утѣшаетъ египетскихъ епископовъ, страдающихъ за вѣру ¹⁾, и увѣщаетъ ихъ не допускать никакого новаго разсужденія о вѣрѣ ²⁾, поддерживаетъ живыя сношенія ³⁾ съ Анатоліемъ константинопольскимъ, прося его своимъ участіемъ и представленіями императору содѣйствовать св. Лѣву въ достиженіи его цѣли, пишетъ окружныя посланія о вѣрѣ халкидонской епископу антиохійскому (Василію) ⁴⁾, ессалоникскому

¹⁾ Patr. Curs. compl. t. LIV, Ep. CLIV. S. Leonis ad episcopos Aegyptios p. 1124. Ep. CLVIII, ad episcopos catholicos Aegypti apud Constantinopolim constitutos, p. 1134—5.

²⁾ Patr. Curs. comp. t. LIV. Ep. CLX. S. Leonis ad episcopos et clericos catholicos, ex Aegypto apud Constantinopolim constitutos. 1140—2.

³⁾ Ep. CXLVI ad Anatonum, ep. CP. p. 1115. Ep. CLV, ad Anat. p. 1135—6. Ep. CLVII ad Anat. p. 1182—4.

⁴⁾ Ep. CXLIX ad Bas., ep. Ant. p. 1119—20.

(Евксиею), іерусалимскому (Ювеналію), коринтскому (Петру) и кирракійскому (Лука) ¹⁾, и взываетъ къ чувству благочестія всѣхъ о необходимости противодѣствія ярости евтихіанъ и созванію новаго собора, но сильнѣе всего дѣйствуетъ на самого Льва императора, и письмами, слѣдующими одно за другимъ, то проситъ его помочь возмущенной александрійской церкви ²⁾, и содѣйствовать постановленію въ ней православнаго епископа, то отклоняетъ его отъ мысли о созваніи новаго собора, указывая на то, что о вѣрѣ, хорошо опредѣленной, не нужно новаго разсужденія, и объявляя, что тотъ антихристъ, кто хочетъ испытывать вновь истину ³⁾, открытую церковію, то убѣждаетъ его въ истинѣ того догмата, который утвержденъ отцами халкидонскаго собора ⁴⁾.

Заботы св. Льва увѣнчались успѣхомъ. Настоятельныя требованія александрійцевъ были отвергнуты, избранный ими епископъ осужденъ на частномъ константинопольскомъ соборѣ, и св. Левъ могъ умереть въ радостной увѣренности, что труды его не пропали даромъ. Эта радость выражена св. Львомъ въ письмѣ къ Августу Льву ⁵⁾ по изложенію Тимофея Элура, въ письмѣ къ Тимофею Солофакіюлу ⁶⁾, избранному въ александрійскіе епископы на мѣсто низложеннаго Тимофея евтихіанскаго, къ клиру александрійскому ⁷⁾ и епископашъ ⁸⁾ посвящавшимъ Солофакіюла. Мягкими словами о сохраненіи мира и единеніи церкви, обращен-

¹⁾ Ep. CL, p. 1121.

²⁾ Ep. CXLV, p. 1118—4. Ep. CXLVII, p. 1117—8.

³⁾ Ep. CLVI, p. 1127—1131. Ep. CLXII, p. 1148—6. Ep. CLXIV, p. 1148—52.

⁴⁾ Ep. CLXV, p. 1155.

⁵⁾ Patr. Curs. comp. t. LIV. Ep. CLXIX, S. Leonis ad Leonem Augustum p. 1212—4.

⁶⁾ Ep. CLXXI, ad Timotheum, ep. Alexandriae p. 1215.

⁷⁾ Ep. CLXXII, ad presbyteros et diaconos Alexandriae p. 1216.

⁸⁾ Ep. CLXXIII, ad quosdam Aegypti episcopos p. 1217—8.

ными къ клиру и епископамъ наиболее возмущенной страны египетской, заключается длинная настойчивая рѣчь св. Льва, посвятившаго большую половину заботъ своей жизни на борьбу съ опасною ересью.

Другая характеристическая черта, отличающая дѣятельность св. Льва Великаго, — это забота его о поддержаніи древнихъ учреждений церковныхъ и установленной отцами дисциплины. Въ этомъ случаѣ римскій епископъ является истымъ сыномъ своего народа, вѣрнымъ его преданіямъ и духу, сильному юридическими уставами, и всегда стоявшему за нихъ твердость и непоколебимость. Иерархическое положеніе во главѣ церкви, богатой преданіями и блюдущей за нихъ цѣлостію, укрѣпило въ немъ это національное свойство, которое въ большей или меньшей степени жило въ каждомъ потомкѣ древняго римлянина. При заботѣ о поддержаніи древнихъ учреждений и церковной дисциплины у св. Льва всегда въ мысли было единство церковное и согласіе всѣхъ членовъ церкви въ своей жизни и правилахъ. Не разъ (444 и 455) въ его святительство поднимался вопросъ о времени празднованія Пасхи. По этому предмету св. Левъ входилъ въ сношенія съ александрійскими епископами ¹⁾, которыми древними обычаями предоставлено было опредѣлять день пасхи на каждый годъ, и съ другими лицами ²⁾, прося ихъ войти въ точное разсмотрѣніе этого предмета, и побудительною причиною къ этому у него выставляется желаніе соблюсти единство въ этомъ дѣлѣ и вѣрность древнему обычаю: неопозволительно было бы, по его замѣ-

¹⁾ Patr. Curs. compl. t. LIV. Fragmentum epistolae S. Cyrilli Alexandrini ad Leonem p. 601—6. Ep. CXXXIII Proterii, ep. Alexandr. ad beatissimum patrem Leonem p. 1084—1094.

²⁾ Ep. III, Paschasini, episcopi Lilybetani ad Leonem p. 606—610. Ep. ad Marcianum Augustum CXXI, p. 1055 sq. CXXXIV, p. 1094—6; CXXXVII, p. 1100—1101. Epistolae S. Leonis ad Iulianum, ep. Coensem CXXII, p. 1058—9; CXXVII c. 2, p. 1072; CXXXI c. 2, 1082. Ep. CXXXVIII ad episcopos Galliarum et Hispaniarum p. 1101—2.

чашю, чтобы не вся церковь смѣшля праздновала то, что можно было у астьхъ одно ¹⁾, и чтобы въ одномъ мѣстѣ пасха праздновалась въ такія числа, въ какия другіе держали бы еще великій постъ. Не разъ сносился онъ съ епископами разныхъ странъ о времени совершенія крещенія оглашенныхъ, и опять на основаніи преданій доказывалъ, что по древнему обычаю нужно назначать для этого Пасху и Пятидесятницу или канунъ этихъ дней, и тѣ, которые совершали это крещеніе въ Богоявленіе и другіе дни, заслуживали у него укоры ²⁾, потому что разногласіи съ голосомъ священной древности и вводили ровнь въ практику жизни христіанской. Руководимый своимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ силѣ единенія церковнаго и къ авторитету древности, св. Левъ, если встрѣчаетъ разногласія между церквами, считаетъ долгомъ содѣйствовать ихъ исправленію, хотя бы эти разногласія касались самыхъ несущественныхъ обрядовыхъ частности, и не опускаетъ ни одного случая къ тому представляющагося, какъ мы видимъ въ письмѣ ³⁾ его къ Діоскору александрійскому, преемнику св. Кирилла, писанномъ въ отвѣтъ на завѣщеніе св. Льва о его рукоположеніи. Привѣтствуя новаго епископа Александрімъ, св. Левъ заявляетъ, что «намъ одно нужно чувствовать и дѣлать, такъ какъ въ насъ по Евангелію должно быть одно сердце и душа единая; но въ силу этого единства церковнаго тѣла и вѣры не должно быть разногласія въ чемъ бы то ни было, хотя бы и маломъ». Это малое, которое выставляетъ св. Левъ на видъ александрійскому епископу, касается дня посвященія епископовъ, священниковъ и діаконовъ. Св. Левъ желаетъ, чтобы это посвященіе совершалось не во всякій день, а

¹⁾ Epist. ad Marc. CXXI, p. 1056, c. 1. Ep. CXXXIV c. 3, p. 1093. Ep. XCVI S. Leonis ad Ravennium, Arelatensem episcopum p. 945.

²⁾ Patr. Curs. compl. t. LIV. Ep. CLXVIII. S. Leonis ad universos episcopos per Campaniam, Samnium et Picenum constitutos p. 1209—1210.

³⁾ Ep. IX, p. 624—7.

только послѣ дня субботы въ день воскресенія и послѣ предварительнаго поста посвящаемыхъ, и въ основаніе этого указываетъ авторитетъ привычки, идущей отъ апостольскаго преданія, основанный на священной важности воскреснаго дня, въ которой совершено Богомъ все славнѣйшее, — получивъ начало миръ и чрезъ воскресеніе Христова погубила смерть и возстановлена жизнь, апостолы посланы на проповѣдь языкамъ (Іоан. 20, 21. 22) и на распространеніе тайны возрожденія во всемъ мірѣ, и получили обѣтованнаго Утѣшителя Духа и съ Нимъ всѣ дары благодати. Подобное указаніе на соблюденіе дисциплины церковной по образу древности дѣлаетъ ¹⁾ св. Левъ Протерію александрійскому послѣ его рукоположенія. Въ заботахъ о твердости церковнаго порядка къ разнымъ церквамъ обращался св. Левъ съ изъясненіемъ своего мнѣнія, основаннаго на авторитетѣ древности и соборныхъ канонахъ объ отношеніи провинціальныхъ епископовъ къ митрополитамъ, митрополитовъ къ епарху, и о правахъ тѣхъ и другихъ ²⁾, о томъ, кто по канонамъ можетъ удостоиваться священства, и кто нѣтъ ³⁾, о томъ, что не можетъ быть терпимо въ священникѣ (напримѣръ ростъ) ⁴⁾ и кто не можетъ быть терпимъ на церковной должности ⁵⁾, о томъ, что дѣлать, если возвращаются изъ плѣна малыя дѣти, которыя не помнятъ, совершено ли надъ ними крещеніе, и если кто крещень еретиками ⁶⁾, и какъ смотрѣть, если кто либо послѣ долгаго плѣна возвращается и застаётъ свою жену вышедшею за другаго и т. п.

¹⁾ Ep. CXXIX, p. 1075—8.

²⁾ Ep. V, ad episcopos metropolitanos per Illyricum. c. 4, p. 618.

³⁾ Ibidem c. 3. Ep. VI, ad Anast. c. 3, p. 618. Ep. IV, ad episc. per Campaniam, Tusciam et universus provincias constitutos p. 610—14. Ep. XII, ad episc. Africanos p. 643—56.

⁴⁾ Ep. IV.

⁵⁾ Ep. CLXVII, ad Rusticum, Narbonensem episc. p. 1199, sq.

⁶⁾ Epist. CLXVI, ad Neonem, Ravennatem episcopum. p. 1191—6.

Такихъ указаній очень много въ письмахъ св. Льва Великаго: въ нихъ и изъ нихъ виденъ его организующій, все упорядочивающій заботливый умъ, но упорядочивающій не своею мыслию и произвольнымъ распоряженіемъ, а волею церкви, которой онъ хотѣлъ и старался быть вѣрнымъ истолкователемъ. Постоянная забота св. Льва о поддержаніи церковнаго благочинія, готовая всегда напоминать другимъ правила и опредѣленія соборовъ и обычаи древней церкви, была причиною того, что къ твореніямъ св. Льва присоединяли *кодексъ церковныхъ правилъ и постановленийъ св. апостольскаго престола* ¹⁾.

Между заботами св. Льва не послѣднее мѣсто занимало стремленіе о поддержаніи преимущества римской кафедры и о распространеніи юрисдикціи римскаго епископа. Оно доставляло ему много трудовъ и вовлекало его въ непріятныя столкновенія съ разными лицами и властями. Издревле Римъ былъ центромъ, въ которомъ сосредоточивалась гражданская жизнь и власть. Средоточіе власти политической было средоточіемъ жизни духовной. Важное значеніе Рима, какъ центрального города, по естественному порядку вещей удержалось и въ христіанствѣ, даже болѣе, по мѣрѣ ослабленія силы Рима политической возвышалась сила его духовно-религіозная. Представители іерархіи Рима своимъ нравственнымъ характеромъ и энергическою дѣятельностію умѣли держать на надлежащей высотѣ авторитетъ своей церкви. И по путямъ, проложеннымъ политическими связями, завязались сношенія съ Римомъ, какъ метрополіею, у многихъ сосѣднихъ и окрестныхъ странъ. Изъ разныхъ мѣстъ запада обращались къ римской церкви, какъ богатой преданіями, за рѣшеніемъ недоумѣній, за разъясненіемъ церковныхъ вопросовъ. Тамъ искали защиты осужденные представителями мѣстныхъ церквей или на мѣстныхъ собо-

¹⁾ Patr. Curs. compl. t. LVI. Appendix ad S. Leonis Magni opera seu Codex canonum ecclesiasticorum et constitutionum sanctae sedis apostolicae p. 359 et squ.

рахъ, и Римъ принималъ апелляціи къ себѣ на мѣстныхъ властѣхъ и провинціальныя соборы, и по вызову обстоятельствъ прилагалъ къ дѣлу когда нравственное вліяніе, когда полномочіе власти. Сложившаяся практика первыхъ вѣковъ утвердила духовную зависимость отъ Рима епархій Италіи, Сициліи, Сардиніи, Борскки и африканской Мавританіи,—и эта зависимость узаконена была соборами: ближайшія къ Риму страны запада, на основаніи давняго обычая, признаны подвѣдомными высшей юрисдикціи римскаго епископа на первомъ вселенскомъ соборѣ ¹⁾). Сардинійскій соборъ, почитая любовію память апостола Петра, указалъ епископамъ западныхъ епархій, осужденнымъ или низложеннымъ на мѣстныхъ соборахъ, и чувствующимъ себя правыми, апеллировать къ римскому епископу, и призналъ за послѣднимъ право высшаго суда, въ предѣлахъ всего запада,—право подвергать пересмотру рѣшенное на провинціальныхъ соборахъ и постановлять окончательное рѣшеніе по спорнымъ дѣламъ ²⁾). Св. Левъ при своемъ твердомъ административномъ характерѣ, выдвигающемъ его изъ ряда его предшественниковъ, менѣе кого либо другаго могъ допустить ослабленіе власти своей кафедры. Созданный и воспитанный для управленія движеніемъ событій, онъ, занимая знаменитѣйшую кафедру христіанскаго міра, съ властію высшаго распорядителя входитъ въ дѣла церквей ³⁾ италіянскихъ, сицилійскихъ, илирійскихъ, мавританскихъ, галльскихъ и вообще всего

¹⁾ Прав. 1-го никейскаго собора 6. Книга правилъ св. Апостолъ, св. соборъ въ всел. и помѣстн. и св. отецъ, стр. 31.

²⁾ Прав. 3. 4. 5. Книга правилъ, стр. 162—3.

³⁾ Patr. C. compl. T. LIV. Epistolae S. Leonis IV ad episcopos per Campaniam, Picenum, Tusciam et universas provincias constitutos p. 610—14. VII, ad episc. per Italiam, p. 620. X, ad episcopos per provinciam Viennensem constitutos p. 628—36 XII, ad episcopos Africanos provinciae Mavritaniae caesariensis p. 646—56. XV, ad Turribium, Asturicensem episc. p. 678—92. XVI et XVII ad universos episcopos per Siciliam constitutos p. 696—704 et caeterae.

запада. Въ мягкой формѣ братскихъ посланій ведутся римскимъ епископомъ сношенія съ епископами другихъ церквей, и св. Левъ не называетъ себя отцомъ другихъ епископовъ, подобно нынѣшнимъ своимъ преемникамъ. Епископы другихъ церквей западныхъ, съ братскою любовію принимая указанія и внушенія, идущія изъ Рима, къ епископу первенствующаго города относятся съ уваженіемъ, подобающимъ человѣку высшаго авторитета. Образчикъ сношеній св. Льва съ епископами западныхъ церквей можно указать въ сношеніи его съ епископами и экзархомъ Иллирій. Извѣщая иллирійскихъ епископовъ о дарованіи полномочій своихъ по управленію церквамъ Иллиріи своему собрату Анастасію, епископу ессалоникскому, св. Левъ напоминаетъ имъ о томъ, что они должны повиноваться новому экзарху во всемъ, что касается церковной дисциплины, и относиться къ нему такъ, какъ относятся священники къ своему епископу ¹⁾: это повиновеніе (замѣчаетъ св. Левъ) будетъ относиться не столько къ нему, сколько къ намъ, *вручившимъ ему власть надъ тѣми провинціями, по нашей заботливости о нихъ...* Если тяжба какая случится между служителями церкви, пусть представляютъ ее на изслѣдованіе того, кому мы вѣрили свое полномочіе. Если же будутъ дѣла важныя или будутъ заявляться аппелляціи, ихъ должно, по церковному обычаю, отправлять въ Римъ для окончательнаго разсмотрѣнія и опредѣленія. Устанавливая строгій порядокъ подчиненія низшимъ высшимъ, св. Левъ требуетъ отъ митрополитанскихъ епископовъ, чтобы они безъ совѣта съ своимъ экзархомъ не принимали ничего важнаго, и о состояніи своихъ церквей по временамъ доносили въ Римъ, чтобы римскій епископъ зналъ, что гдѣ дѣлается. Сообщая Анастасію ессалоникскому полномочіе экзарха надъ иллирійскими церквами, римскій епископъ совѣтуетъ

¹⁾ P. C. c. Ep. S. Leonis V, ad episcopos metropolitanos per Illyricum constitutos; p. 615—6.

ему ¹⁾ бдительно смотрѣть за всѣмъ, относящемся къ порядку и благу церквей, ему подвѣдомыхъ, и противодействовать тѣмъ, которые стараются ослабить дисциплину церковную,—своею властію созывать соборы (касательно порядка которыхъ въ другой разъ ²⁾ даетъ подробныя наставленія) и рѣшать текущія дѣла управленія церковнаго; а если будутъ дѣла поважнѣе, или епископы войдутъ въ разногласіе съ экзархомъ, доносить о нихъ въ Римъ, чтобы здѣсь рассмотрѣли ихъ согласно съ преданіемъ древней церкви. Когда же уполномоченный св. Львомъ экзархъ Иллирія дозволилъ себѣ насиліе по отношенію къ Аттіку; митрополиту никопольскому въ Эпирѣ, принудивъ его, при помощи намѣстника гражданской власти, противъ воли явиться къ нему въ жестокую зиму, и когда тотъ апеллировалъ по этому поводу къ римскому епископу; св. Левъ укоряетъ Анастасія въ жестокости, и выставляетъ ему на видъ, что онъ сообщилъ ему только часть своихъ заботъ, но не далъ *полноты власти* ³⁾.

Дѣлая подобныя распоряженія, сообщая свои полномочія экзархамъ соудственныхъ странъ, св. Левъ (въ письмѣ къ иллирійскимъ епископамъ) упоминаетъ, въ основаніе и объясненіе такихъ распоряженій, на то, что *на всѣ церкви простирается попеченіе наше, такъ какъ этого требуетъ отъ насъ Господь, давшій первенство Апостолу Петру въ награду за его веру* ⁴⁾, и (въ письмѣ къ Анастасію) изъ *Божественнаго установленія* выводитъ то *попеченіе*, къ какому считаетъ себя обязаннымъ по отношенію ко *всѣмъ церквамъ* ⁵⁾.

Иерархическая власть Рима, поставившая въ тѣсную зависимость отъ себя церкви Иллирія, во времена св. Льва не надѣ-

¹⁾ Epist. VI, ad Anastasium, Thessal. ep. p. 617—20.

²⁾ Ep. XIV, ad Anastasium, Thes. ep. c. 10 p. 674; c. 7 p. 678.

³⁾ Ep. V; c. 24 p. 615.

⁴⁾ Ep. XIV, c. 1, p. 669.

⁵⁾ Ep. XIV, p. 671.

всѣмъ западѣмъ простиралась въ одинаковой мѣрѣ. Чувство независимости, соединенное съ уваженіемъ къ нравственному авторитету римской церкви, жило во многихъ странахъ (въ Галліи, частью въ Испаніи и африканской Мавританіи). Но путь, предугазанный политическими событіями, невольно увлекалъ волю первосвященниковъ столицы міра къ распространенію своего вліянія и своей юрисдикціи, и св. Левъ вступивши на этотъ путь, не имѣ избранный, долженъ былъ бороться съ сильною оппозиціею, встрѣченною имъ въ Галліи, гдѣ изъ древнихъ временъ не угасало стремленіе къ самостоятельности и въ церкви и въ народѣ. Энергичнѣшимъ представителемъ этого стремленія былъ Иларій Арелатскій, человекъ, не менѣе твердый характеромъ, какъ и Левъ Великій. Св. Левъ принялъ въ общеніе и возстановилъ въ епископскомъ достоинствѣ епископа Целидонія, низложеннаго соборомъ галльскихъ епископовъ, подъ предсѣдательствомъ Иларія, за то, что онъ до епископства женатъ былъ на вдовѣ, и занимая должность гражданскаго правителя, подписывалъ смертные приговоры. Иларій представляетъ Льву поспѣшность его рѣшенія и личнымъ объясненіемъ старается указать правоту своего дѣла. Епископъ римскій не хочетъ отмѣнить рѣшенія, имъ постановленнаго по аппелляціи Целидонія, и два сильные характера противостоятъ одинъ другому упорное сопротивленіе. Къ св. Льву обращаются съ новыми жалобами на арелатскаго епископа, человека строгаго въ управленіи (между прочимъ Провѣтъ епископъ, на мѣсто котораго, во время его болѣзни, при его жизни Иларій поставилъ новаго епископа), и онъ снова отмѣняетъ его опредѣленія, и требуетъ отъ него признать свое право, какъ право высшаго судіи и распорядителя. Въ письмѣ, вызванномъ стойкію Иларія и отправленномъ къ епископамъ вьеннской провинціи ¹⁾, римскій епископъ, въ защиту своего права, указы-

1) P. C. c. T. LIV. Ep. X, ad episc. per provinciam Viennensem constitutos. 628—39.

васть на первенство своей кседры, на власть апостола Петра, высшего всех апостоловъ, отъ котораго, какъ отъ главы, по изволенію Господа, божественныя дары изливаются на все тѣло, — власть, перешедшую къ нему чрезъ рядъ преемниковъ апостола, на обычай древности, по которому къ Риму обращалось изъ всехъ мѣстъ и изъ самой галльской страны за совѣтомъ, а не пересмотромъ, утвержденіемъ или отиждою такого или иного приговора. Такъ какъ Иларій, основываясь на преданіи своей церкви и на примѣрѣ восточныхъ епископовъ, не уступалъ своихъ правъ римскому епископу, то Левъ объявляетъ его лишениымъ церковнаго общенія съ апостольскимъ престоломъ ¹⁾, и вмѣстѣ съ этимъ побуждаетъ Валентиніана послать укавъ въ Галлію, которыми Иларій объявлялся противникомъ установленной власти и нарушителемъ правъ, принадлежащихъ апостольскому престолу св. Петра ²⁾. Дѣлу не былъ положенъ конецъ подобными заявленіями: Иларій скорбѣлъ о разстройствѣ добрыхъ отношеній между нимъ и епископомъ старѣйшей кседры, но не намараялся и не отказывался отъ правъ, ему принадлежащихъ, не отказывали ему въ уваженіи и епископы провинцій, на которыя простиралась его власть, какъ митрополита арелатскаго. Они искали мира съ Львомъ Великимъ; заботились о примиреніи съ нимъ римскаго епископа вліятельныя лица свѣтскія и духовныя. Но только послѣ смерти Иларія замѣтно стало правительственное вліяніе римскаго епископа на галльскую церковь, и онъ обращался съ наставительными посланіями къ ея епископамъ ³⁾.

Св. Левъ заявлялъ о преимуществѣхъ своей кседры не на одномъ Западѣ, но и на Востокѣ. Здѣсь при каждомъ удобномъ

¹⁾ Ibidem c. 7.

²⁾ Patr. C. compl. T. EIV. Epistola XI, seu constitutio Valentiani III Augusti p. 637—40.

³⁾ Patr. C. compl. T. LV. Paschasii Quesnelli apologia pro S. Hilario Arelatensi episcop. p. 429—534. Balloisii cum observatione et dissertatione Quesnelli p. 584—623.

случае онъ наименовалъ о первенствѣ чести, какое давала римской катедрѣ древняя царьковъ, и о старѣйшинствѣ своей церкви предъ всѣми другими церквами, и обставлялъ это указаніемъ на то, что римская катедра вѣрена была апостолу Петру, первому изъ апостоловъ. Такъ въ письмѣ Діоскору александрійскому, напоминая необходимость единенія въ вѣрѣ и обрядахъ между церквами, св. Левъ даетъ ему понять, что онъ долженъ сообразоваться въ своемъ ученіи и обрядахъ съ преданіями римской церкви, какъ старѣйшей. «Когда блаженнѣйшій Петръ (говорить онъ) получилъ отъ Господа апостольское первенство и римская церковь держится его уставовъ, невозможно вѣрить, чтобы святой ученикъ сего Маркъ, первый правитель александрійской церкви, давалъ другія правила въ опредѣленіе своихъ преданій: изъ одного источника благодати безъ сомнѣнія одинъ духъ былъ и у ученика и у учителя, и посвященный не могъ передать ничего другаго, кромѣ того, что получалъ отъ посвятившаго !).» На такое же отношеніе церкви указываетъ онъ и послѣ въ письмѣ ²⁾ Протерію, занимавшему александрійскую катедру послѣ Діоскора. И въ сношеніяхъ съ антиохійскимъ епископомъ онъ старается выставить на видъ преимущества апостола Петра, а чрезъ него и своей катедры, какъ видно изъ письма его ³⁾ къ Максиму антиохійскому, котораго онъ приглашалъ смотрѣть за точнымъ исполненіемъ никейскихъ канонъ на Востокѣ и за чистотою христіанскаго ученія во всѣхъ церквахъ, во имя той единообразной проповѣди, которою главный изъ апостоловъ основалъ святое ученіе во всемъ мірѣ, но преимущественно въ Антиохіи и Римѣ. Самое рѣзкое заявленіе стремленія удержать преимущество своей катедры св. Левъ сдѣлалъ послѣ халкидонскаго собора, который, согласно съ никейскимъ соборомъ и опредѣленіями св. отцовъ втораго вселенскаго кон-

¹⁾ Р. С. с. Т. LIV, Epist. IX. p. 625.

²⁾ Ep. CXIX, p. 1078.

³⁾ Ep. CXIX, p. 1042.

стантиннопольскаго собора, признавъ первенство чести за римскимъ престоломъ, второе и равное за нимъ мѣсто предоставилъ константинопольской катедрѣ, такъ какъ Константинополь новый Римъ и подобно старому украшенъ присутствіемъ императора и сената ¹⁾. Это постановленіе собора ослабило радость, какую доставило св. Льву торжество православія на халкидонскомъ соборѣ, и поставило его въ большія затрудненія и непріятныя отношенія къ Анатолію константинопольскому, котораго св. Левъ обличалъ въ честолюбіи и нарушеніи древнихъ канонѣвъ, и съ которыми по этому поводу нѣкоторое время не хотѣлъ имѣть братскаго общенія. Противъ кажущагося честолюбія Анатолія св. Левъ дѣйствовалъ съ большою энергіею: одобрявъ протестъ легатовъ противъ постановленія собора, онъ принялъ противъ него нарочитыя посланія къ Марціану ²⁾, Пульхеріи ³⁾, восточнымъ патріархамъ: антиохійскому ⁴⁾, александрійскому ⁵⁾, къ отцамъ, бывшимъ на соборѣ ⁶⁾, своему уполномоченному Юліану ⁷⁾, и наконецъ самому Анатолію ⁸⁾, выражая предъ нимъ скорбь о нарушеніи никейскихъ канонѣвъ, привилегію второй чести признавшихъ за александрійскою катедрою, третье достоинство за антиохійскою, и убѣждая его отложить страсть и послѣдовать любви. По причинѣ непріятнаго св. Льву опредѣленія халкидонскаго собора о чести константинопольской катедры, онъ не соглашался въ началѣ на утвержденіе поставленій собора, и Марціанъ видѣлъ нужду просить его объ этомъ ⁹⁾. Соглашаясь потомъ на все, что поста-

1) Прав. 28. Книга правилъ св. Апостол. и соб. 1848. стр. 58.

2) Patr. C. c. T. LIV. Ep. CIV, p. 991—7.

3) Ep. CV, p. 997—1001.

4) Ep. CXXIX, ad Maximum, ep. Ant. p. 1041—6.

5) Ep. CXXIX, ad Proterium.

6) Ep. CXIV, ad episcopos, qui in Sancta Synodo chalced. congregati fuerunt. p. 1027—1031.

7) Ep. CVII, p. 1009—10.

8) Ep. CVI, p. 1001—9.

9) P. C. c. T. LIV. Ep. CX, Marciani Avg. ad Leonem, p. 1017—9.

новлено въ Халкидонѣ касательно вѣры, св. Левъ свидѣтель-
ствовалъ, что никогда не приметъ тѣхъ дисциплинарныхъ распо-
рядковъ, какіе вопреки никейскимъ канонамъ постановлены на
соборѣ по отношенію къ константинопольской кафедрѣ¹⁾. Импе-
раторъ старался возстановить добрыя отношенія между еписко-
пами двухъ главныхъ церквей, и св. Левъ соглашался²⁾ принять
въ свою любовь Анатолія, но только, подъ тѣмъ усло-
віемъ, если Анатолій не станетъ допускать нарушенія кано-
новъ, т. е., откажется отъ данной ему привилегіи чести. Откло-
нялъ всякое подозрѣніе въ честолюбіи по поводу привилегіи, даро-
ванной его кафедрѣ, Анатолій константинопольскій, указывая³⁾
на то, что эта привилегія дана его кафедрѣ безъ всякаго стара-
нія съ его стороны, по желанію константинопольскаго епископа, съ
согласіемъ представителей другихъ странъ. Но св. Левъ твердо сто-
ялъ на своемъ, и вызывалъ Анатолія искренно сознать вину
свою⁴⁾. Въ послѣдніе годы св. Льва общая борьба противъ ере-
тниковъ, при посредствѣ умнаго Марціана, соединила святителей,
сперившихъ между собою изъ за чести ихъ кафедръ, и въ послѣд-
нихъ письмахъ св. Льва къ Анатолію нѣтъ упрековъ въ честолю-
біи; но римскій епископъ не бралъ назадъ своего протеста, и не
признавалъ равенства чести за кафедрою новаго Рима, подобаю-
щей кафедрѣ Рима древняго.

Замыслами честолюбія отзываются подобныя стремленія, и
въ указанныхъ фактахъ Левъ Великій является какъ будто чело-
вѣкомъ властолюбиваго духа. Но мы погрѣшили бы противъ свя-
тости характера знаменитаго мужа, еслибы бросили тѣмъ упрекъ
на его имя на основаніи записанныхъ исторіею фактовъ, не по-
заботясь уяснить внутреннія пружины дѣйствій римскаго епископа,

¹⁾ Ep. CXIV, ad episcopos, qui in S. Synode chalcodoniensi congregati
sunt. p. 1029—80.

²⁾ Ep. CXCVIII, ad Marcianum Augustum. p. 1074.

³⁾ Ep. CXXXII, Anatolit. episc. CP. ad Leonem papam. p. 1084. c. 4.

⁴⁾ Ep. CXXXV, S. Leonis ad Anatoliam. c. 3; p. 1097—8.

снискавшего себѣ въ исторіи имя святаго и великаго. Не личное властолюбіе увлекало св. Льва къ заботамъ о поддержаніи чести и значенія римской катедры, и о распространеніи ея административнаго вліянія. Въ душѣ его, при всей ея силѣ, много было покорности и смиренія, и власть церкви, авторитетъ ея были для него святынею, предъ которою онъ безпрекословно преклонялся, и предъ которою смирялъ порывы своихъ стремленій. Въ дѣлѣ церковной жизни у него не выступалъ на видный планъ личный интересъ и личная страсть. Св. Левъ жилъ и дѣйствовалъ не отъ себя и не для себя, а какъ одинъ изъ народа, какъ лицо, въ которомъ воплощались и рельефнымъ образомъ выражались стремленія и преданія общества, поставившаго его на верху самого себя. Можетъ быть, мы потребовали бы отъ римскаго епископа отреченія отъ воли своего общества, если бы хотѣли, чтобы онъ отказался отъ тѣхъ завлеченій, какія такъ энергически выставлялъ въ своихъ сношеніяхъ съ другими. Волею св. Льва, выдвигавшаго силу и значеніе римской катедры, управляло патристическое чувство, которое помнило центральную силу древняго Рима и его широкое вліяніе на весь міръ. Въ этомъ отношеніи св. Левъ не былъ одинокимъ человѣкомъ, создавшимъ какія либо новыя стремленія: корни его стремленій въ глубинахъ римскаго народнаго духа и въ той исторической почвѣ, на которой онъ выросъ. Волею св. Льва управляло, дайте, мѣстное преданіе и духъ римской церкви, переходившій отъ одного поколѣнія къ другому. Катедрѣ древняго Рима, столицы всемірнаго государства, считавшаяся первымъ представителемъ своимъ апостола Петра, окруженная уваженіемъ церкви, ознаменовавшая себя благотворнымъ вліяніемъ въ теченіе вѣковъ на окрестныя страны, почтенная первенствомъ чести на первомъ вселенскомъ соборѣ, налагала особенныя обязанности на сильнаго человѣка, призваннаго къ ея занятію. При первомъ вступленіи на эту катедрѣ, воспитанникъ римской церкви видѣлъ предъ собою высочій авторитетъ, какимъ облечено

было имя римскаго епископа. Взысканный желаніями народа, св. Левъ чувствовалъ нужду отвѣчать на эти желанія во всей ихъ широтѣ, и потому, въ первый разъ говоря къ народу въ санѣ епископа, просить этотъ народъ помочь молитвами тому, кого онъ избралъ своимъ представителемъ ¹⁾. Онъ считалъ бы опущеніемъ съ своей стороны и нарушеніемъ завѣтовъ своей кathedры, если бы не отвѣчалъ посильною дѣятельностію на то уваженіе, каковъ окружало ее, и на тѣ желанія, съ какими относились къ ней чувства окрестныхъ церквей, если бы не захотѣлъ воспользоваться для блага вѣры, какъ онъ понималъ его, тѣмъ влияніемъ, каковое представляло ему и каково требовало отъ него его положеніе. Отсюда вытекали всѣ его широкія сношенія съ представителями разныхъ церквей, всѣ заботы о поддержаніи цѣлости вѣры и дисциплины церковной, не только у себя дома, но и въ дальнихъ отъ Рима предѣлахъ христіанскаго міра.

Но для св. Льва имѣло значеніе обязательнаго закона не одно преданіе римской церкви: онъ благоговѣнно чтилъ вселенское преданіе, и его охранялъ силою духа, ему даннаго, и власти, ему порученной. По своему направленію онъ былъ строгій консерваторъ и боялся измѣненій установившагося порядка жизни; а гдѣ въ защиту этого порядка стояли канѣны, тамъ у него вызывалась вся энергія души при малѣйшемъ поводѣ къ измѣненію этого порядка. На это, по нашему мнѣнію, нужно обратить вниманіе при объясненіи спора его съ Анатолиемъ. Въ этомъ спорѣ со стороны св. Льва мы видимъ не столько личное соперничество, сколько желаніе удержать правила, въ его глазахъ освященные древностію. Отъ опредѣленія халкидонскаго собора личное положеніе св. Льва нимало не пострадало: авторитетъ его здѣсь держался на возможной высотѣ, не пострадало и значеніе римской кathedры, потому что не нарушено было первенство чести, за ней

¹⁾ Patr. С. с. T. LIV. Sermo I in natali ipsius S. Leonis. В. 142.

призванное въ Никей, и константинопольская катедра поставлена только подлѣ нея на второмъ мѣстѣ. Подняты были прежде выше стоящія катедры: александрійская, антиохійская, и іерусалимская. Представителямъ этихъ катедръ слѣдовало бы стоять за свою честь изъ-за личнаго интереса. Но св. Левъ здѣсь ратуетъ въ чужомъ дѣлѣ, и потому ратуетъ не по внутреннюю личную страсти. Онъ является въ спорѣ съ Анатоліемъ защитникомъ стараго порядка. Онъ помнитъ и выставляетъ другимъ на видъ то, что на никейскомъ соборѣ не такой былъ распорядокъ между катедрами, и по порядку чести константинопольская катедра была на пятомъ мѣстѣ. Новый порядокъ, устанавливаемый халкидонскимъ соборомъ, не служитъ ли нарушеніемъ и измращеніемъ стараго, освященнаго первымъ соборомъ? Вотъ что его беспокоитъ, и вотъ отсюда происходятъ его горячія нисыма по поводу опредѣленія халкидонскаго собора и его дѣствіе, не заслуженные упреки Анатолію. Подождимъ, св. Левъ напрасно поставлялъ непреодолимъ канономъ порядокъ катедръ по преимуществу чести, указанный никейскимъ соборомъ, напрасно выставлялъ противорѣчіе между этимъ порядкомъ и новымъ, указывая въ послѣднемъ нарушеніе канона. Первенство чести римской катедры дано на никейскомъ соборѣ ради царствующаго града. Константинополь со времени перенесенія туда имперіи Константиномъ, самъ сдѣлался царствующимъ градомъ и приобрѣталъ первенствующее значеніе; вмѣстѣ съ этимъ усиливался авторитетъ константинопольской катедры и значеніе его епископа, и халкидонскій соборъ своимъ канономъ о чести константинопольской катедры, равной чести катедры римской, только выразилъ то, что уже безъ того входило въ практику. Онъ не первый сдѣлалъ такое опредѣленіе: еще на второмъ вселенскомъ константинопольскомъ соборѣ при Нектаріѣ, сто пятьдесятъ отцовъ присвоили константинопольскому престолу такія же привилегіи, какими пользовалась римская церковь¹⁾. На

¹⁾ Св. вселенскаго второго собора константинопольскаго правило 3:

основаніи этого примѣра отцы халкидонскаго собора только подтвердили значеніе, подобающее каедрѣ царствующаго города. Но св. Левъ не обращалъ вниманія на временныя причины, вышывавшія необходимыя перемены въ церковныхъ отношеніяхъ, и изъ уваженія къ старинѣ хотѣлъ сдѣлать неизмѣннымъ подлежащее измѣненію. Въ равности его за старину церковную, перебившейся черезъ край, вы видите его непоколебимую стойкость и преданность¹⁾ началамъ, какия составляли основаніе его дѣятельности.

Сила и энергія св. Льва не разъ приносила великую пользу его отечеству и въ дѣлахъ гражданскихъ, и городъ Римъ, равно какъ и римское государство прибѣгали къ этой силѣ, когда ненадежными казались внѣшнія опоры, и грозной опасности не могло противостоять напряженіе матеріальной силы. Довѣріе въ этомъ случаѣ св. Левъ возбуждалъ къ себѣ не внѣшнимъ высокимъ положеніемъ, и не имѣя однимъ производилъ вліяніе, а болѣе своимъ личнымъ внутреннимъ авторитетомъ; приобретеннымъ стойкою и непреклонною душою. Еще когда онъ былъ архидіаккономъ, ему дали трудную миссію примирить двухъ враждующихъ полководцевъ Авція и Альбина, готовыхъ открытъ междуособную войну, и эта миссія исполнена имъ съ совершеннымъ успѣхомъ. Онъ былъ въ Галліи по этому дѣлу; когда его избрали въ римскіе епископы, и отъ времени его избранія до времени его посвященія прошло сорокъ дней, проведенныхъ имъ въ пути; предпринятомъ имъ по долгу гражданина. Болѣе важную службу онъ сослужилъ родному городу; когда былъ уже въ санѣ епископа. Это тогда, когда вѣчному городу угрожали дикія, все разрушающія на пути толпы гунновъ съ страшнымъ Аттілою во главѣ.

Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести до римскихъ епископъ; потому что градъ оный есть новый Римъ. Книга правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ всел. и помѣстныхъ и св. отецъ. 1843. стр. 38.

¹⁾ Patr. Curs. compl. t. LIV. Epistola CV, ad Pulcheriam, p. 997—1001.

Отраженные из Галліи битвою на полях каталонскихъ, онѣ чрезъ Паннонію направились въ Италію и уже взяли и опустошили Авиньонъ, Тривіумъ и Медиоланъ. Войска имперіи все почти были въ Галліи, и народъ былъ въ страхѣ отъ приближающагося врага, Валентиніанъ императоръ, отчаяваясь оружіемъ прогнать непріятеля и защитить городъ, отправляетъ къ Аттілѣ посольство, чтобы переговорами склонить его къ миру. Это трудное посольство возлагается на св. Льва, тогда епископа, вмѣстѣ съ двумя представителями римской гражданской власти — Авиньонъ и Тригециемъ, и посольство сверхъ чаянія склонило къ миру некоррктное сердце предводителя буйныхъ ердъ. Историки въ этомъ случаѣ, вслѣдъ за показаніемъ Проспера въ его хроникѣ ¹⁾, всю силу этого принимаютъ нравственному вліянію епископа, который своимъ видомъ и словомъ произвелъ необыкновенное впечатлѣніе на грознаго завоевателя. Самъ св. Левъ, какъ видно, не ожидалъ успѣха отъ этого посольства, и въ послѣдствіи въ своей бесѣдѣ приписывалъ спасеніе города небесной помощи и заступничеству блаженныхъ апостоловъ ²⁾. А позднѣйшія легенды окружили этотъ фактъ видимою чудесностію: — по ихъ разсказамъ, не нравственное вліяніе словъ, и не личныя соображенія врага заставили его отъ Рима обратиться къ Дунаю, а видѣніе старца почтеннаго вида въ священной одеждѣ съ угрожающимъ мечемъ въ рукѣ, которое представлялось Аттілѣ въ то время, когда Левъ представлялся Аттілѣ и говорилъ съ нимъ ³⁾. Третій разъ пришлось св. Льву представлять за городъ, когда овладѣлъ Римомъ Генсерихъ, царь вандаловъ, призванный изъ Африки въ Италію Евдонсією жрицею за смерть мужа ея Валенти-

¹⁾ Patr. Curs. compl. T. LI. Prosperi Aquitani Chronicum integrum. P. II, p. 603.

²⁾ Patr. Curs. compl. I. LIV. Sermo LXXXIV. In Octavis Apostolorum Petri et Pauli p. 434.

³⁾ Patr. Curs. completus T. LV, 480.

иана, убитого Максимомъ. Римъ, одѣлавшись добычею варваровъ, преданъ былъ огню, мечу и разграбленію: богатство его раздражало хищническія инстинкты варваровъ, и тѣлою днѣй Римъ былъ беззащитною игрушкою въ рукахъ свирѣпаго и враждебнаго войска. Св. Левъ вступается за обиженный и разграбленный городъ, смѣло является тамъ, гдѣ свирѣпствовали враги, останавливаетъ ихъ въ ихъ хищничествѣ, защищаетъ отъ огня и разграбленія церкви, и настоятельнымъ представленіемъ начальнику войска полагаетъ предѣлъ ея существованію.

Ревностный епископъ, внимательный ко всему, вездѣ заявлявшій свою силу и заботливость, не могъ оставить безъ вниманія обязанность учительства, лежащей на епископѣ, какъ главномъ представителѣ и руководителѣ церкви. Сознаніе этой обязанности (свидѣтельство о томъ, что по мѣрѣ силъ своихъ св. Левъ старался о ея выполненіи) очень часто заявлялось въ его проповѣдяхъ, и мы видимъ изъ его признанія и заявленія, что служеніе спасительнаго слова онъ часто исполнялъ предъ своею паствою ¹⁾, и что слушатели привыкли ждать отъ него учительнаго слова во дни церковныхъ праздниковъ. Въ день Богоявленія Господня онъ выходитъ къ народу съ словомъ назиданія, потому что «въ священный день нужно воздать вашему ожданію служеніе священническаго слова» ²⁾. Въ словѣ на страсти Господни ³⁾ нашъ проповѣдникъ открываетъ свою рѣчь представленіемъ тайны пасхальнаго ветхозавѣтнаго торжества, среди котораго благоизволилъ претерпѣть страданіе Спаситель, и мысль его

¹⁾ Sermo XXX, in Nativitate Domini X c. I, p. 230. Sermo LXV. De Passione Domini XIV, p. 364. Patrol. Cours. compl. T. LIV.

²⁾ Sermo XXXVIII. In Epiphaniae solemnitate VIII, c. I, p. 266.

³⁾ Sermo LVIII. De passione Domini VII, c. 1, p. 332.

выставляет на видъ тотъ долгъ учительства, который вынуждаетъ его братья за полное раскрытiе тайнъ Божiихъ, и который онъ обязанъ исполнять, также, какъ рабъ свою службу. «Знаю, возлюбленные (говорилъ св. Левъ), что пасхальный праздникъ заключаетъ въ себѣ такую возвышенную тайну, что онъ превосходить не только слабый смыслъ моего смиренiя, но даже силу великихъ умовъ. Но не должно мнѣ такъ представлять величiе божественнаго дѣла, чтобы приходилъ въ отчаянiе или стыдиться той службы, къ какой я обязанъ, когда о тайнствѣ спасенiя человѣческаго нельзя молчать, хотя и невозможно его изъяснить. Я вѣрю, что при помощи молитвъ вашихъ снидетъ благодать Божiя, которая окропитъ безплодiе моего сердца росой своего вдохновенiя, чтобы по долгу пастырскаго слова (*linguae pastoralis officio*) я могъ сказать что либо полезное для слуха святаго стада». Въ другомъ словѣ ¹⁾, на страсти же Господни, высказывавшая трудность достойно говорить о предметѣ божественныхъ тайнъ, св. Левъ замѣчаетъ, что онъ не свободенъ, не властенъ въ такой тайнѣ божественнаго милосердiя отнимать у слуха вѣрнаго народа служенiе слова. Для всѣхъ одинаково предлагалъ служенiе слова св. Левъ, но при этомъ, иногда выражалъ сознанiе особенной обязанности помогать словомъ напѣданiя людямъ, вновь приходящимъ къ вѣрѣ и не понимающимъ хорошо того, во что нужно вѣровать, и въ этомъ случаѣ находилъ нужнымъ повторять извѣстное большинству, въ полной увѣренности, что же поскучаютъ извѣстнымъ и понимающимъ вѣру, потому что съ охотою и любовью выслушаютъ не разъ то, что нравится. «Возлюбленные (говоритъ св. Левъ въ словѣ о воскресенiи Господа) ²⁾, евангельское повѣствованiе представило намъ полное пасхальное

¹⁾ S. LXII. De Passione Dom. XI, c. 1, p. 349.

²⁾ Patr. Cursus compl. T. LIV. Sermo LXXII. De resurrectione Domini II, c. 1, §99.

таинство, и чрезъ слухъ плоти такъ проникно слухъ ума, что у всякаго изъ насъ есть образъ всего событія: слыше видо-
венный текстъ (евангельской) исторіи ясно показавъ, какимъ не-
честіемъ Господь Іисусъ Христосъ преданъ, какимъ судомъ осуж-
денъ, какою славою воскресъ. Но къ этому нужно присоединить
служеніе нашей рѣчи, потому что я чувствую, что благочесты-
вымъ ожиданіемъ вы требуете отъ меня обычнаго долга; по ко-
торому къ торжеству священнѣйшаго чтенія присоединяться должно
священническое увѣщаніе. Также въ день Пятидесятницы къ подро-
бному разсказу божественныхъ книгъ о событіи правдника, всѣмъ из-
вѣстномъ, св. Левъ считаетъ нужнымъ присоединить; для наученія
новыхъ сыновъ церкви, служеніе своей рѣчи, и это служеніе назы-
ваетъ послушаніемъ, покорностію вышнимъ обязанностямъ, даже
рабствомъ своихъ устъ, наложеннымъ на него вмѣстѣ съ священ-
нымъ саномъ, и этимъ рабствомъ своихъ епископскихъ устъ онъ
служитъ одинаково ученымъ и неученымъ, давнишъ сынамъ цер-
кви и вновь приходящимъ въ нее¹⁾.

Служеніе слова соединяя съ обязанностями священнаго зва-
нія и представляя желательнымъ дѣломъ, чтобы къ каждому празд-
ничному чтенію евангельскому присоединяемо было приличное увѣ-
щаніе народу, св. Левъ, какъ человѣкъ строгата порядка, не
могъ терпѣть никакого произвола въ дѣлѣ проповѣди. Какъ вездѣ
такъ и здѣсь теченіе церковной жизни онъ хотѣлъ и старался
опредѣлить твердыми правилами. Съ этими правилами, какъкъ
держался св. Левъ, не согласна была та первая христіанская сво-
бода церковнаго слова, по которой и непосвященные люди могли
являться предъ обществомъ вѣрующихъ въ качествѣ толкователей
слова Божія. Нѣкоторыя неустройства, протекавшія въ этой
свободѣ, побудили отцовъ по возможности ограничить ее, и св.

¹⁾ Patr. Curs. compl. T. LIV. Sermo LXXVI. De Pentecoste, II, c. 1,
p. 404.

Левъ менѣе него нибудь другаго могъ дѣлать послабленіе въ этомъ случаѣ. Между твореніями его встрѣчаются посланія ¹⁾, касающіяся этого предмета, — и всегда онъ строго требуетъ, чтобы ни мірянину, ни монаху, никому, кромѣ освященныхъ лицъ, не давали позволенія проповѣдывать о вѣрѣ въ церкви. Поводомъ къ заглавленію этого требованія былъ обычай, державшійся въ нѣкоторыхъ странахъ Востока, гдѣ съ позволенія епископа нѣкоторые монахи являлись проповѣдниками; въ вѣкъ еutihianскихъ волненій, поддерживаемыхъ главнымъ образомъ монахамъ, приверженцы Евтихія въ этомъ обычаѣ нашли средство къ распространенію ереси и къ возбужденію умовъ противъ соборныхъ опредѣленій. При видѣ этого св. Левъ принимаетъ мѣры къ уничтоженію безпорядка. Въ письмѣ къ Юліану онъ сопоставляетъ требованіе ограниченія указанного обычая съ требованіемъ подавленія мятежей, адресуемымъ къ гражданской власти. «Какъ гражданская власть обязана строгими мѣрами укрощать публичные мятежи и смятенія, такъ долгъ священнической власти не давать монахамъ позволенія проповѣдывать противъ вѣры, и всѣми силами противиться тому, чтобы они не смѣли присвоить себѣ принадлежащее священникамъ. Поэтому мы удивляемся брату Фалассію епископу, что онъ далъ право писать или проповѣдывать, не знаю, какому-то Георгію, который, взявшись за неслезное, оставилъ и назначеніе и имя монаха ²⁾. Въ письмѣ къ Максиму антиохійскому римскій епископъ предостерегаетъ любовь своего собрата, «чтобы кромѣ священниковъ Господнихъ никто не смѣлъ присвоить себѣ права учить и проповѣдывать, монахъ ли то будетъ или мірянинъ, и какъ бы кто ни славился своимъ знаніемъ. Хотя и желательнo чтобы всѣ сыны церкви разумѣли справедливое

¹⁾ Pat. C. c. T. LIV. Ep. CXVIII ad Iulianum, episc. Coensem p. 1039—40. Ep. CXIX, ad Maximum, Antiochenum episc. p. 1041—6. Ep. CXX, ad Theodotum, episcopum Syri p. 1048—55.

²⁾ P. C. c. T. LIV p. 1040.

здорове, но не позволительно, чтобы ктонибудь, стоящий въ свѣдѣнческаго чина, присвоилъ себѣ степень проповѣдника, когда въ церкви Божіей все должно быть въ порядкѣ, чтобы въ одномъ мѣстѣ Христовомъ и лучшіе членъ исполняли свою должность, и низшіе подчинялись высшимъ¹⁾. Повторяя это заявленіе въ письмѣ къ Теодориту кирскому, св. Левъ замѣчаетъ, что оно направлено именно противъ нечестія нѣкоторыхъ монаховъ вашей (восточной) страны, и выражаетъ желаніе, чтобы для пользы вселенской церкви, Максимъ, братъ и соепископъ его, довелъ это заявленіе до всеобщаго свѣдѣнія²⁾.

Служеніе слова, обязанность котораго св. Левъ возлагалъ на священниковъ предстателей церкви, и право на которое онъ ревниво оберегалъ отъ притязаній ученыхъ мірянъ и монаховъ, у него соединяется съ богослуженіемъ, состоящимъ въ причесеніи безкровной жертвы, молитвѣ и чтеніи слова Божія. Каждая часть богослуженія, въ силу порядка церковнаго она не могла поручаться непризваннымъ членамъ церкви. Самъ св. Левъ совершалъ его въ дни праздниковъ церковныхъ, и вообще въ дни, посвященные особеннымъ благочестивымъ упражненіямъ христіанъ, и, по выраженію его, церковный праздникъ уже своимъ существованіемъ призываетъ епископа къ служенію устъ для разъясненія силы праздника и той тайны вѣры, которая имъ напоминаетъ. Всѣ слова св. Льва сказаны или въ дни великихъ праздниковъ, или въ дни постовъ, содержащихъ церковію. При большей напряженности религіознаго чувства, при совершеніи богослуженія, собиравшаго въ храмъ болѣе противъ обыкновеннаго числа вѣрныхъ, проповѣдь являлась естественнымъ, всеми ожидаемымъ дополненіемъ церковнаго чина.

До насъ дошло девяносто шесть подлинныхъ словъ св. Льва

¹⁾ Ibidem. p. 1043—6.

²⁾ Ibidem. p. 1054.

Великаго, и изъ нихъ 54 слова сказаны на праздники (45 на праздники Господни, 4 на праздники святыхъ, чтимыхъ римскою церковію и 5 въ дни посвященія св. Льва въ епископы), 6 въ дни, назначенные для собиранія благотвореній въ римской церкви (*de collectis*), и 36 (со включеніемъ бесѣды о блаженствахъ) въ дни постовъ, хранимыхъ церковію ¹⁾ Отсюда виденъ порядокъ,

¹⁾ 96 проповѣдей, принадлежащихъ св. Льву Великому, одинаково указали и напечатали лучшие изслѣдователи и издатели его твореній,— Кенель и братья Баллерини, которымъ слѣдуетъ Минье въ *Patrologiae Cursus Completus*, хотя между изданіями Кенеля и Баллерини встрѣчаются въ частностяхъ нѣкоторыя разнорѣчія. Вотъ подробный перечень всѣхъ словъ св. Льва Великаго по изданію Баллерини и Минье и по указанію Шежмана:

5 словъ на день посвященія св. Льва (*de Natali ipsius S. Leonis*): одно сказано въ самый день посвященія—*in die ordinationis*, а четыре въ годовыи день воспоминанія этого посвященія (*in anniversario ordinationis suae, in anniversario die assumptionis S. Leonis ad Summi pontificis munus*). 1—V.

6 словъ *de collectis*,—сказаны предъ сборомъ пожертвованій на благотворенія. VI—IX.

9 словъ на постъ десятаго мѣсяца (рождественскій). XI—XX.

10 словъ на праздники Рождества Христова. XXI—XXX.

8 словъ на Богоявленіе. XXXI—XXXVIII.

13 словъ на чetyредесятицу. Изъ нихъ одно раскрываетъ евангеліе о преображеніи и по содержанію относится къ праздничнымъ проповѣдямъ, хотя сказано въ субботу предъ второю недѣлею чetyредесятицы. XXXIX—LI.

19 словъ о страданіяхъ Господнихъ. LII—LXX.

2 слова на Воскресеніе Христово LXXI—LXXII.

2 слова на Вознесеніе. LXXIII—LXXIV.

3 слова на Пятдесятницу LXXV—LXXVII.

4 слова на постъ Пятдесятницы LXXVIII—LXXXI.

3 слова на праздники Апостоловъ Петра и Павла: одно *in Natali apostolorum Petri et Pauli*, другое *in Natali S. Petri Apostoli*, третье *in Octavis Apostolorum Petri et Pauli* LXXXII—XXXV.

9 словъ на постъ седмаго мѣсяца LXXXV—XCIV.

1 слово о степеняхъ восхожденія къ блаженству, сказано вѣроятно въ одинъ изъ дней какого либо поста XCV.

1 слово противъ еutihianской ереси, сказанное въ Римѣ по поводу появленія здѣсь выходцевъ изъ Александріи, распространившихъ заблуж-

какого держался св. Левъ въ дѣлѣ проповѣдническаго служенія, и видны начала и поводы, опредѣлявшіе его проповѣдническую дѣятельность.

деніе въ частѣ св. Льва,—по содержанию относится къ проповѣдямъ на праздники. ХСѢІ.

Кромѣ 96 проповѣдей подлинныхъ, у Баллерини и Минье въ особомъ приложеніи напечатано 20 проповѣдей сомнительныхъ, которыя, хотя приписываются св. Льву въ нихъ манускриптахъ, но отличаются отъ его словъ своимъ стилемъ и въ другихъ спискахъ носятъ имена другихъ авторовъ. У Минье въ концѣ третьяго тома твореній св. Льва (Patr. C. completus, LVI), сверхъ этихъ 20 сомнительныхъ словъ, указанныхъ Баллерини, напечатано еще восемь словъ, не изданныхъ прежде. Эти слова (1 на постъ, 1 на страсти Господни, 2 на Пасху, 1 на день Апостола Павла, 1 на Благоушщіе, 1 о св. Діонисіѣ мученикѣ и 1 о Авессаломѣ) извлечены изъ рукописей флорентинскихъ библиотекъ, и въ этихъ рукописяхъ носятъ имя св. Льва Великаго. Издатели желали бы приписать ихъ св. Льву, но не рѣшаются сказать по этому предмету опредѣленнаго слова, и печатая воученія, ими найденныя, въ томъ видѣ, какъ они записаны въ рукописяхъ, предоставляютъ рѣшеніе о нихъ самимъ читателямъ. Намъ складъ ихъ показался отличнымъ отъ склада прочихъ проповѣдей св. Льва. Между прочимъ въ этихъ проповѣдяхъ встрѣчаются такія обращенія къ слушателямъ, какія не обычны въ подлинныхъ проповѣдяхъ св. Льва, именно: «Fratres clarissimi, dilectissimi nobis. Противъ ихъ подлинности говоритъ еще и лирическій тонъ, встрѣчающійся во многихъ изъ нихъ,—тонъ, который мало гармонируетъ съ характеромъ св. Льва Великаго.

Разногласіе между изданіемъ Кенеля и изданіемъ Баллерини и Минье состоитъ въ слѣдующемъ: 1) словъ на день посвященія св. Льва у Кенеля вмѣсто пяти показано четыре; первыя два слова, раздѣленныя у Баллерини, у него, какъ и у другихъ издателей, предшествовавшихъ Кенелю, соединены въ одно. Въ первомъ парижскомъ изданіи это соединенное слово онъ озаглавилъ: *in anniversario die assumptionis ejus ad summi pontificis Romani culmen et opus*, но во второмъ 'хонскомъ (1700 г.) изданіи, принимая во вниманіе содержаніе первой половины слова, приличное только вступающему въ должность, и встрѣчая во второй указаніе на возвращеніе дня (*resurgente per suum ordinem die*), въ который Господь благоволилъ возвести проповѣдника въ епископское достоинство, а также находя свидѣтельства о томъ, что св. Левъ говорилъ слово въ день своего рукоположенія, Кенель отнесъ это слово къ восьмому дню по рукоположеніи св. Льва и озаглавилъ его: *in octava consecrationis ejus* (pag. 49). Въ этомъ случаѣ кругъ, по которому

Противъ подлинности проповѣдей, носящихъ имя св. Льва Великаго, были высказываемы сомнѣнія и возраженія, когда наука только что приступала къ уясненію историко-литературныхъ вопросовъ, относящихся къ памятникамъ отеческой письменности. Главнымъ выразителемъ этихъ сомнѣній въ XVIII вѣкѣ былъ аббатъ Антельми ¹⁾. Основанія, на которыхъ опирались эти сомнѣнія, большею частію отрицательнаго свойства. Именно, отвѣр-

снова возвратился день посвященія св. Льва, онъ ограничивалъ двумя недѣлями, а не годовымъ теченіемъ времени. Баллерини, раздѣливше одно слово на два, гораздо лучше рѣшили то недоумѣніе, которымъ затруднился Кенель.

2) Кенель усомнился въ подлинности слова на день Апостола Петра, занимающаго въ изданіи Баллерини 83 мѣсто, и помѣстилъ его въ предложеніи между сомнительными словами, какихъ у него всего 5 напечатано въ изданіи. Поводъ къ сомнѣнію въ подлинности этого слова далъ Кенелю то обстоятельство, что это слово, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ, все состоитъ изъ повторенія тирады, встречающихся въ другихъ словахъ (3 и 4 на день посвященія св. Льва). Но повторять самого себя, впрочемъ, случалось св. Льву какъ въ письмахъ, такъ и въ проповѣдяхъ.

3) Соединивши два слова въ одно и не признавши подлиннымъ другое слово, носящее имя св. Льва, Кенель внесъ въ свое изданіе два слова, которыя критика не признаетъ подлинными: а) *слово на день седми мучениковъ Маккавеевъ*, въ изданіи Баллерини и Мянъ нашедшее мѣсто, между сомнительными твореніями: въ древнихъ лекціонаріяхъ оно приписывается блаженному Августину, и св. Льву не можетъ принадлежать уже потому одному, что во время св. Льва не было въ Римѣ праздника маккавеевъ; б) *слово на каведру св. Петра*; Баллерини помѣстилъ его въ числѣ сомнительныхъ потому, что въ немъ и стиль не такой, какой въ другихъ проповѣдяхъ св. Льва и не такая формула обращенія къ слушателямъ, какую употреблялъ Левъ Великій. У св. Лева обращательною формою служатъ одно обычное слово: *dilectissimi*, а здѣсь эта формула расширяется и читается: *dilectissimi fratres u fratres darissimi*.

См. объ этомъ предметѣ *Nouvelle Biblioth. des Auteurs Eccles.* T. IV, p. 159—163. *Christliche Kirchengeschichte von Schröckh.* T. XVII, p. 106—130. *Schoenemanni Notitia historico-litteraria in S. Leonem. Patrologiae Cursus completus* T. LIV.

¹⁾ Antelmi de veris operibus S. S. Patrum Leonis et Prosperi Aquitani, dissertationes criticae.

гавище подлинность проповѣдей св. Льва указывали: 1) на упомянутое нами свидѣтельство Созомена, что «въ Римѣ не проповѣдуютъ ни епископъ и никто другой»; 2) на то, что ни Геннадій въ каталогѣ славныхъ мужей и писателей христіанскихъ ¹⁾, ни папа Геласій ²⁾, въ исчисленіи священныхъ каноническихъ и отеческихъ сочиненій, которыя должны быть принимаемы церковію, ни Анастасій бібліотекаръ, въ исторіи ³⁾ римскихъ первосвященниковъ, не упоминаютъ о проповѣдяхъ св. Льва, а указываютъ первые двое только на его посланіе къ Флавіану, а послѣдній на многія письма его и томъ вѣры католической; 3) на то, что св. Льву на римской кафедрѣ, при множествѣ разнообразныхъ занятій, не было времени писать проповѣди; 4) на то, что ученые пресвітеры того времени, по свидѣтельству Геннадія ⁴⁾, писали и изготовляли для епископовъ проповѣди, какъ Сальвианъ марсельскій для Гонората: отсюда выводили заключеніе, что и для св. Льва могъ изготовлять кто либо проповѣди подобно Сальвиану. После такихъ соображеній, Антелими авторомъ проповѣдей, приписываемыхъ Льву Великому, считаетъ Проспера Аквитанскаго, который былъ его нотаріемъ или секретаремъ. Свое предположеніе Антелими основывалъ на сходствѣ стили проповѣдей съ стилемъ Проспера (въ проповѣдяхъ, носящихъ имя св. Льва, будто повторяются фразы, сентенціи и выраженія Проспера) и на авторитетѣ одного древняго манускрипта, писаннаго саксонскими литерарями, въ которомъ есть нѣсколько проповѣдей, помѣщающихся между твореніями св. Льва, и одна рѣчь на день посвященія (in anniversario assumptionis suae ad pontificatum, — IV въ изданіи Кенеля, — V въ изданіи Баллерини) носить имя Проспера, а другія

¹⁾ Patrol. Cursus completus, T. LVIII, De script. ecclesiast. liber. c. LXX, p. 1101.

²⁾ Patr. Curs. compl. T. LIX, p. 160.

³⁾ Patr. Curs. compl. t. CXXVIII, p. 301.

⁴⁾ Patrol. Curs. compl. T. LVIII. L. De script. eccl. c. LXVII, p. 1099.

двѣ (de collectis X у Кенеля, XI у Баллерини, и на постъ деся-
таго мѣсяца XVI у Кенеля, XVII у Баллерини) не надписаны
именемъ Льва Великаго.

Понятно, какъ мало твердости въ подобныхъ представлени-
яхъ, не чуждыхъ натянутости. Они происходятъ изъ пристраст-
наго отношенія къ историческимъ именамъ, по чему либо заслу-
жившимъ особенную симпатію у литературныхъ критиковъ: въ
силу этого пристрастнаго отношенія, по желанію мысли человѣ-
ческой, одни историческія имена обогащаются на счетъ другихъ.
Созоменово свидѣтельство, на которое ссылаются отрицатели под-
линности твореній св. Льва, какъ мы уже говорили въ началѣ,
не можетъ быть принимаемо во всей его силѣ; притомъ Созо-
менова исторія описываетъ времена и событія, предшествовавшія
времени Льва Великаго. Геннадій, одинъ изъ древнѣйшихъ лите-
ратурныхъ историковъ, продолжавшій блаж. Иеронима, равно какъ
и Анастасій бібліотекаръ, писавшій біографическія замѣтки о рим-
скихъ первосвященникахъ, въ своихъ перечняхъ авторскихъ тру-
довъ, опускали много подлинныхъ твореній, говоря и о другихъ
лицахъ. Что касается папы Геласія, то его намѣреніемъ было
указать догматическую важность посланія св. Льва Великаго къ
Флавіану, и при этомъ не было нужды говорить еще и о про-
повѣдяхъ его. Указаніе на множество административныхъ заня-
тій, при которыхъ св. Льву будто не было времени заниматься
проповѣдничествомъ, не можетъ быть сочтено серьезнымъ возра-
женіемъ противъ подлинности проповѣдей св. Льва, если мы
вспомнимъ, что 96 проповѣдей относятся къ 20 годамъ его епис-
копскаго служенія. Приходится менѣе 5 проповѣдей на каждый
годъ: кажется, для составленія такого числа проповѣдей требуется
не слишкомъ много времени. Да еслибы отъ св. Льва дошло и
въ десять разъ больше проповѣдей, чѣмъ сколько мы имѣемъ,
это не должно бы изумлять насъ. Проповѣди св. Льва, краткія
и безыскусственныя по своему составу, не могли требовать боль-

нихъ предварительныхъ приготовленій, и вѣроятно болѣею частію говорились испромптомъ. Это совершенно устраняетъ необходимость предположенія, основаннаго на одномъ или двухъ аналогическихъ фактахъ, по которому будто для св. Льва писаль проповѣди кто либо изъ близкихъ къ нему людей.

Усвоить Просперу проповѣди Льва Великаго рѣшительно нѣтъ основанія. Сходство ихъ стила съ стилемъ сочиненій Проспера далеко не такъ разительно, чтобы на основаніи его одного имѣть смѣлость идти на переборъ сложившемуся убѣжденію. Напротивъ стиль проповѣдей, нами разсматриваемыхъ прямо ведетъ насъ именно къ св. Льву Великому, а не къ кому другому; потому что этотъ стиль ни чѣмъ такъ не напоминаетъ, какъ письмами и посланіями св. Льва: въ тѣхъ проповѣдяхъ, о которыхъ мы говоримъ, нерѣдко повторяются многія сентенціи и выраженія ¹⁾, взятые какъ будто изъ писемъ св. Льва Великаго, въ особенности когда рѣчь идетъ о единствѣ вѣры и церкви или апостолѣ Петрѣ, или изъясняется догматъ воплощенія. Если же находится болѣе или менѣе близкое сходство въ стилѣ твореній св. Льва съ стилемъ сочиненій другаго писателя, ему современнаго, то развѣ это не естественное явленіе, когда два лица получили одинаковое литературное воспитаніе, сходны между собою по умственному складу, жили одними идеями и въ одинаковыхъ условіяхъ религіознаго и общественнаго быта? Свидѣтельство древняго саксонскаго манускрипта даетъ ясное показаніе только объ авторѣ одной проповѣди, приписываемой св. Льву, надписывая ее именемъ Проспера, а объ авторѣ двухъ другихъ не говорить ничего опредѣленнаго. Но это указаніе касательно одной или трехъ проповѣдей св. Льва нельзя обобщать и прилагать ко всемъ проповѣдямъ римскаго епископа, не говоря о томъ, что

¹⁾ Serm. XXIV. LXIX. Epist. XXIX, XC, CXLV, CLXI, CLXV. Serm. LXXXII, V, IV, III. Ep. XXIII, X. Serm. XXII. Ep. XXXIII.

въ древнихъ манускриптахъ не всегда съ заботливостію означалось имя автора сочиненій въ нихъ заключающихся.

Проповѣди св. Льва сами говорятъ за себя и за свою подлинность. Въ нихъ мы читаемъ, какъ глубоко сознаеть и какъ сильно выражаетъ проповѣдникъ обязанность служенія слова, на немъ лежащую. При этомъ сознаниіи, въ проповѣдническомъ дѣлѣ онъ не могъ пользоваться только трудами другихъ. Далѣе, внутренний духъ, ихъ пронизающій, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ личностію св. Льва Великаго. Въ нихъ говоритъ проповѣдникъ съ авторитетомъ лица, облеченнаго властію: слушателямъ онъ часто предлагаетъ не столько назиданія, сколько властное распоряженіе, всегда онъ является защитникомъ дисциплины и учрежденій церкви, себя представляетъ преемникомъ апостола Петра, и на основаніи этого возвышаетъ свое значеніе въ ряду другихъ епископовъ. Проповѣди очевидно произнесены въ Римѣ; потому что указываютъ на римскія учрежденія, римскіе обычаи или на факты римской жизни, на явленіе на примѣръ въ Римѣ еретиковъ изъ Египта, вносящихъ соблазны и рабвращеніе въ ту церковь, которой вѣра прославляется во всемъ мірѣ, и которую прежде не оскверняла никакая ересь ¹⁾). Проповѣди на день посвященія и на дни апостоловъ Петра и Павла, полны личныхъ и мѣстныхъ воспоминаній, не могли быть сказаны нигдѣ и никѣмъ, какъ только въ Римѣ и римскимъ епископомъ; также въ Римѣ сказаны проповѣди *de collectis*; потому что онѣ имѣютъ связь съ давнимъ отеческимъ учрежденіемъ, бывшимъ въ Римѣ, и указываютъ на церковные округа города, на какіе встарь дѣлилась столица запада. Пропо-

¹⁾ *Sermo XCVI contra haeresim Eutychis. Patr. Curs. compl. T. LIV, p. 466—8. Sermo XXVII in Nativitate Domini VII, c. 4 (о поклоненіи на востокъ по восхожденіи на паперть базилики св. Петра) Sermo XVI, de ieiunio decimi mensis;—V, de manichaeis c. 4 et 5, p. 178—9. Cp. Epist. VII ad episc. per Italiam p. 620—2. Epist. VIII see Constatio Valentiniани p. 622—4.*

рѣди на дни постовъ приглаголюють слушателей къ бдѣнію въ чернотѣ Апостола Петра, что само собою заставляеть искать ихъ автора въ Римѣ, гдѣ съ древнихъ временъ былъ воздвигнутъ храмъ въ честь особенно чтимаго тамъ Апостола.

Проповѣди св. Льва, нынѣ извѣстныя съ его именемъ, какъ мы уже говорили, были въ большомъ употребленіи въ древней западной церкви, и издатели ихъ шибли подъ руками множество манускриптовъ, въ какихъ содержались онѣ. Но первое собраніе ихъ съ именемъ автора довольно поздняго происхожденія: сборники проповѣдей, принадлежащихъ одному автору, въ древнее время, близкое въ эпохѣ св. Льва, были рѣдки; проповѣди записывались и хранились въ такъ называемыхъ лекціонаріяхъ или гомиліаріяхъ. Этихъ именемъ назывались книги, въ которыя вписывались проповѣди уважаемыхъ отцовъ, читаемыя при богослуженіи: приспособленныя для практическаго употребленія, онѣ ходили и распространялись по всѣмъ церквамъ и вытѣснили или дѣлами ненужными сборники (*colectiones*), содержащіе въ себѣ слова одного только проповѣдника. Сборники проповѣдей, принадлежащихъ одному извѣстному лицу, стали входить въ употребленіе уже тогда, когда началъ заявлять себя историко-литературный интересъ, и мысль, стремящаяся въ болѣе точному представленію происшедшаго, старалась выдѣлять изъ груди спутаннаго матеріала и собирать въ одно цѣлое слова, означенныя однимъ именемъ и отиѣченныя печатію одного духа и таланта. Самый древній сборникъ проповѣдей св. Льва не раньше одиннадцатаго вѣка¹⁾. Изъ позднѣйшихъ вѣковъ (12-го и 13-го) въ западныхъ бібліотекахъ (римскихъ, италянскихъ и галльскихъ) есть нѣсколько (5) сборниковъ словъ св. Льва. Они не одинаковой редакціи и разнятся

¹⁾ Находится въ бібліотекѣ монастыря Монте-Массино, куда доставленъ збботомъ этого монастыря, бывшимъ въ послѣдствіи папою, подъ именемъ Виктора III. *Patr. Curs. compl. T. LIV. Praefatio in sermones S. Leonis Magni p. 126.*

между собою числомъ и расположеніемъ словъ: въ самомъ древнѣйшемъ сборникѣ содержится 91 слово; въ экземплярахъ сборника 12-го вѣка, (казанатскомъ церкви св. Петра и барберинскомъ)—100 словъ между которыми встрѣчаются и сомнительныя, что весьма легко можно было допустить, когда сборники составлялись изъ лекціонаріевъ; третій сборникъ (ватиканскій), послужившій основаніемъ для перваго печатнаго изданія, содержитъ 93 бесѣды ¹⁾. Когда составлялись эти сборники, точное число словъ св. Льва было неизвѣстно, какъ свидѣтельствуемъ одинъ анонимный церковно-литературный историкъ XI или XII вѣка, изданный Фабриціемъ въ его «*Bibliotheca Ecclesiastica*»,—первый изъ литературныхъ историковъ, упомянувшій о проповѣдяхъ св. Льва Великаго. Онъ говоритъ, что вообще неизвѣстно число проповѣдей Льва, но много ихъ есть на постъ предъ Рождествомъ Христовымъ, на Рождество Христово, на Богоявленіе, на четыредесятницу, на страсти Господни и на Пятидесятницу, и нѣсколько словъ на дни святыхъ ²⁾. Иные изъ сборниковъ содержатъ одни слова (какъ ватиканскій), а другіе слова—вмѣстѣ съ письмами.

Въ печати, по указанію Шенеманна ³⁾, оуъ конца XV столѣтія и до начала нынѣшняго, проповѣди св. Льва имѣли болѣе сорока изданій. Подобно сборникамъ рукописнымъ, и печатныя изданія инныя заключаютъ въ себѣ однѣ проповѣди, другія проповѣди вмѣстѣ съ письмами и прочими сочиненіями св. Льва, а третьи только нѣкоторыя проповѣди св. Льва вмѣстѣ съ проповѣдями другихъ (въ такъ называемыхъ гомиліаріяхъ). Первое печатное изданіе проповѣдей св. Льва вышло въ 1470 году въ Римѣ,

¹⁾ См. о сборникахъ и ихъ содержаніи въ *Patr. Curs. compl.* T. LIV, p. 125—136.

²⁾ *Bibliotheca Eccles.*, ed. curante Fabricio. *Anonymus Mellicensis.* De script. ecclesiast. c. VII, p. 148.

³⁾ In scripta S. Leonis notitia historico-litteraria. *Patr. Curs. compl.* LIV, p. 64—105.

и обязано своимъ явленіемъ трудамъ Іоанна Андрея, епископа алеринскаго. А самыми лучшими и тщательными изданіями проповѣдей св. Льва, какъ и всѣхъ его твореній, служатъ изданія Пасхасія Бенеля, священника Ораторіи въ Парижѣ, Какчіари и братьевъ Баллерини. Изданіе Бенеля вышло въ Парижѣ въ 1675 году. Предпринимая изданіе, Бенель пользовался многими манускриптами, по преимуществу галлиганскими, которые прежде, за немногими исключеніями, не подвергались разсмотрѣнію: онъ свѣрялъ текстъ рѣчей (какъ и писемъ) св. Льва, исправлялъ и очищалъ его на основаніи тщательнаго сличенія различныхъ чтеній, сдѣлалъ новое расположеніе ихъ, снабдилъ ихъ многими примѣчаніями и приложилъ къ нимъ много ученыхъ изслѣдованій о вопросахъ, возбуждаемыхъ дѣятельностію св. Льва и его твореніями. Въ этихъ разсужденіяхъ онъ показывалъ себя человекомъ не подчиненнымъ слѣпо установившимся преданіямъ Рима: онъ подвергъ свободной научной критикѣ многое, что принято было за непреложное въ римско-католическомъ мірѣ, и на основаніи этой критики строилъ выводы, которые расходились съ практикою римской церкви. Онъ напримѣръ ¹⁾ оправдывалъ Иларія арелатскаго въ его стойкости за самостоятельность галлиганской церкви, и словамъ св. Льва о первенствѣ римской кафедры давалъ такіа объясненія, какія вовсе были не желательны для поклонниковъ римскаго главенства. Свободныя изслѣдованія Пасхасія Бенеля (Quesnellі) подняли бурю: римская инквизиція декретомъ 1676 года наложила запрещеніе на его изданіе твореній св. Льва, и всѣмъ римско-католикамъ подъ угрозой отлученія запрещено было чтеніе твореній св. Льва въ изданіи Бенеля, будто обезобразившаго ихъ, чтобы предохранить вѣрныхъ отъ новыхъ странныхъ и ядовитыхъ ученій, а всѣ разсужденія Бенеля, приложенныя къ изданію, внесены въ индексъ запрещенныхъ книгъ (1682 г.) Но ученый міръ

¹⁾ Apologia pro Hilario Arelatensi episcop. ex antiquis sanctae ecclesiae Arelatensis juribus. Patr. C. compl. T. LV. p. 429—534.

съ большимъ вниманіемъ принялъ трудъ Кенеля, такъ что въ скоромъ времени потребовалось другое изданіе его, которое и вышло въ 1700 году въ Лионѣ. Чтобы противодействовать вліянію Кенеля и его ученаго труда, въ Римѣ заботились о томъ, чтобы противопоставить ему новое изданіе твореній св. Льва, которое бы своимъ достоинствомъ неуступало Кенелеву, но было другаго характера по своему направленію. Въ слѣдствіе этой заботы явилось нѣсколько изданій твореній св. Льва, предпринятыхъ съ полемическою цѣлю; и главныя изъ нихъ римское (кармелита Пѣтра Фомы Какчіари, профессора полемическаго богословія въ римской коллегіи de propaganda и венеціанское братьевъ Баллерини, священниковъ веронскихъ, вышедшія почти одновременно (Какчіари въ 1751—5 годахъ, а Баллерини въ 1753—7 г). Издатели, желавшіе выставить противодействіе Кенелеву труду, старались, подобно ему воспользоваться малоизвѣстными манускриптами, и римскія и италіянскія бібліотеки, которыми не пользовался Кенель, представляли для этого богатый матеріалъ и важное пособіе. Какчіари пользовался при своемъ трудѣ почти исключительно манускриптами ватиканской бібліотеки, самой богатой рукописями подобнаго рода; къ твореніямъ св. Льва онъ присоединилъ изслѣдованія по исторіи ересей, противъ которыхъ ратовалъ св. Левъ, съ цѣлю уясненія его твореній; эти изслѣдованія у него составляютъ содержаніе перваго тома, а самыя творенія помѣщены во второмъ. Братья Баллерини снабдили свое изданіе болѣе разнообразными примѣчаніями, и имѣли подъ руками рукописи не однихъ римскихъ, но многихъ италіянскихъ бібліотекъ, и изданіе ихъ, какъ болѣе тщательное, заслонило собою современное ему изданіе Какчіари¹⁾. Братья Баллерини предприняли трудъ свой

¹⁾ Вотъ полное заглавіе изданія Баллерини, вышедшаго въ 3 томахъ: *sancti Leonis Magni Romani pontificis opera post Paschasii Queanelli recensione ad complures et praestantissimos mss. codices ab illo non consultos exacta, emendata et ineditis aucta; praefationibus, annotationibus et admonitio-*

по желанію и вызову папы Бенедикта XIV, который далъ имъ это порученіе, когда одинъ изъ нихъ, бывши въ Римѣ, представилъ ему нѣтъ, и далъ съ тѣмъ, чтобы воспользовавшись рукописями ватиканской бібліотеки, они исправили то, что не такъ сдѣлано Бенелемъ. Для облегченія труда Венцигъ не только позволилъ Баллерини пользоваться всѣми ватиканскими экземплярами твореній св. Льва, но даже разрѣшилъ имъ брать на домъ и на дому держать сколько потребуются необходимыя для нихъ манускрипты, — привилегія, которая рѣдко кому давалась. Кроме того папа распорядился, чтобы и изъ бібліотекъ другихъ городовъ, владѣющихъ рѣдкими и неизвѣстными кодексами, присылались къ Баллерини въ ихъ городъ, по ихъ требованію, аккуратныя копіи для сравненія всѣхъ возможныхъ чтеній. И послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда братьевъ Баллерини, явилось изданіе, къ которому ученый міръ до сихъ поръ относится съ большимъ уваженіемъ. Всѣмъ равноудивленіемъ Бенеля они противопоставили частію свои объясненія, частію: возраженія, въ которыхъ показали много начитанности и знанія, хотя далеко не всудь были безпристрастны. Несомнѣнному достоинству ихъ труда вредитъ полемическая цѣль изданія, и опредѣляемая ею точка зрѣнія на дѣло. Послѣ трудовъ Бенеля и Баллерини не было равносильныхъ имъ по значенію изданій: всѣ позднѣйшіе издатели болѣе или менѣе повторяютъ ихъ работы. Позднѣйшее изданіе твореній св. Льва Великаго Минье въ «Patrologiae cursus completus (T. LIV, LV—LVI. 1846 г.) слѣдуетъ главнымъ образомъ Баллерини, но соединяетъ и воспроизводитъ въ себѣ труды не только Баллерини, но и Бенеля и Каччарри. У Минье вмѣстѣ съ твореніями св. Льва напечатаны всѣ предисловія, примѣчанія и разсужденія, ихъ знаменитыхъ издателей, и читателю самому предоставляется слѣдовать указанію того

nibus illustrata. Adduntur etiam quaecumque in Quesnelliana editione inventiuntur, eaque ad crisin revocantur, cumantibus Petro et Hieronymo Fratribus Balleriniis, presbyteris Vironensibus.

или другаго изъ нихъ, хотя издатели сами стоятъ на сторонѣ Баллерини. Проповѣди вмѣстѣ съ письмами) здѣсь занимаютъ первый (LIV) изъ трехъ томовъ, посвященныхъ твореніямъ св. Льва Великаго ¹⁾.

Св. Льва Великаго иные писатели представляютъ превосходнымъ церковнымъ *декламаторомъ* ²⁾, и указываютъ въ его проповѣдяхъ слѣды изящно-расположенной и выработанной рѣчи. По словамъ Дю-пеня ³⁾, повторяемымъ другими учеными исследователями ⁴⁾, у него въ проповѣдяхъ искусственный, нѣжный и эффектированный стиль, текущій разнѣренною періодическою рѣчью: «онъ имѣетъ родъ римованнаго заключенія, которое нравится; онъ наполненъ благородными эпитетами, ловкими сопоставленіями, приятными антитезами и неожиданными выводами. Это дѣлаетъ его приятнымъ для слуха и даетъ ему извѣстный блескъ, который въ одно и тоже время и ослѣпляетъ и увлекаетъ. Но этотъ слогъ изысканъ и потому онъ иногда запутанъ и теменъ; онъ держитъ читателя или слушателя въ неизвѣстности. Красота такого изложенія зависитъ просто отъ порядка, въ какомъ стоятъ слова: измѣните порядокъ этотъ или выравiate ту же самую мысль другими словами, не будетъ болѣе красоты, которой вы прежде удивлялись».

¹⁾ Второй (LV) томъ содержитъ не столько творенія, приписываемыя св. Льву (*Liber sacramentorum Romanae ecclesiae, Allocutio archidiaconi ad episcopum pro reconciliacione poenitentium, Epistola ad Demetriadam*), сколько разсужденія Кенеля о жизни и твореніяхъ св. Льва, возраженія (*observationes*) на нихъ Баллерини и изслѣдованія Каччари о ересьхъ манихейской, прискилианской, пелагианской и еutihianской. Третій (LVI) томъ содержитъ «*Codex canonum Ecclesiae Romanae*», приписываемый св. Льву, съ разсужденіями, относящимися къ этому предмету, Кенеля, Баллерини и другихъ.

²⁾ *Bibliotheca Ecclesiastica Fabrici. Anonymus Mellicensis, c. VII, p. 143. Trithemius c. Cap. CLVIII, p. 47.*

³⁾ *Nouvelle Biblioth. des Auteurs Eccles. T. IV, p. 168.*

⁴⁾ *Christliche Kirchengeschichte Schrockhs. T. XVII, p. 129. Leo der Grosse und seine Zeit, von Arendt p. 420—1.*

Намъ кажется натянутымъ такое изображеніе внѣшнихъ качествъ проповѣди св. Льва Великаго, и нашему слуху не вполне ощутительны тѣ красоты латинской фразы, какія находили въ римованномъ заключеніи или паденіи рѣчи, въ quasi-искусственнымъ размѣщеніи словъ періода и т. под. Св. Левъ менѣе кого либо другаго былъ декламаторомъ, хотя рѣчь его и соблюдаетъ благородную простоту. Онъ былъ человѣкъ дѣла какъ въ жизни и епископской дѣятельности, такъ и въ проповѣди. Проповѣдь его была не риторское блестящее слово, а практической урочъ, указаніе, распоряженіе. Въ ней онъ высказываетъ тѣ заботы, какія волновали его душу въ теченіе его епископскаго служенія, и рѣчь его течетъ съ языка просто, безъ всякихъ ухищреній: онъ говоритъ *дѣло*, и говоритъ такимъ тономъ, какимъ говорилъ бы въ кругу благородно и благочестиво настроеннаго общества, безъ замѣтнаго напряженія мысли, и отнюдь не гоняся за внѣшнимъ блескомъ и за искусною фразою. Ему, занятому дѣлами управленія обширнѣйшею епархією, увлекавшемуся частію волею, частію силою обстоятельствъ во всѣ событія своего времени, не только церковно-религіозныя, но и гражданскія, некогда было думать объ искусственномъ цicerоновскомъ округленіи періодовъ и заботиться о сообщеніи поразительнаго эффекта внѣшнему строю своей рѣчи. Да и время было не такое, чтобы можно было находить побужденія къ ласканію слуха и состязанію блескомъ рѣчи. Народъ, которому внушительно преподавалъ ученіе истины святитель римскій, ждалъ отъ него не улаждающихъ слухъ рѣчей, а положительныхъ наставленій и авторитетнаго утвержденія или поясненія извѣстнаго ученія.

Главная, личная и оригинальная, черта проповѣдничества св. Льва—это властный распорядительный тонъ, въ какомъ св. Левъ ведетъ свои назидательныя бесѣды, положительный характеръ мысли, которая не столько доказываетъ, сколько указываетъ истину. Это властное слово, положительнымъ образомъ

высказывающее христіанскія наставленія, какъ будто не чувствовало нужды въ логическихъ средствахъ для приданія предлагаемой истинѣ большей убѣдительности. Оно высказываетъ объективную истину, для всѣхъ данную, и за силою и твердостью этой объективной истины скрывался элементъ личный, — резонирующей мысли. Другіе проповѣдники адресуютъ свое слово свободной мысли человѣка, входятъ въ пренія съ этою мыслию и стараются подчинить ее своему убѣжденію силою логическаго составленія. Св. Левъ является на кафедрѣ не для логическаго составленія: какъ человѣкъ власти и авторитета, онъ смотритъ на слушателей не какъ на людей, готовыхъ возражать своему епископу и уклоняться отъ его указаній, а какъ на людей, подчиненныхъ ему въ силу церковнаго полномочія и долженствующихъ слушаться его голоса, какъ голоса высшаго руководителя и правителя. Въ проповѣдяхъ, какъ и въ письмахъ св. Льва, есть любимыя доказательства, къ которымъ онъ обращался при раскрытіи ученія христіанскаго. Эти доказательства онъ указываетъ въ вѣрѣ церкви, въ ея голосѣ и авторитетѣ: что опредѣлила и во что вѣруетъ церковь, то не нуждается въ разглагольствіяхъ, тому даже наносится оскорбленіе, когда подвергаются оное логическому испытанію, наравнѣ съ какою либо сомнительною человѣческою мыслию.

По внѣшнему своему строю проповѣдь св. Льва выдерживаетъ идя, лучше, предназначааетъ общій типъ латинскихъ поученій, краткихъ, простыхъ и безыскусственныхъ, болѣе идя менѣе приближающихся къ тону серьезной разговорной рѣчи. Эти поученія носятъ въ изданіяхъ названія словъ (*sermo*): слова, такъ означаемыя въ латинской литературѣ, отличаются отъ бесѣды (*гомилиі*), составляющихъ наибольшій рядъ поученій, встречающихся въ восточной церкви и аналитическимъ путемъ объясняющихся текстъ Писанія по порядку стиховъ книги, но и не похожи по своему характеру на изысканія, художественно отдѣ-

lainныя произведенія греческаго проповѣдничества, которыя тамъ назывались въ собственномъ смыслѣ словами (λόγοι). Отъ этихъ греческихъ словъ слова св. Льва отличаются возможною простотою и, если можно такъ выразиться, непринужденностію своего построения и изложенія. Въ нихъ нѣтъ искусственныхъ приступовъ, нѣтъ длиннаго словоохотливаго анализа и развитія мысли, нѣтъ ораторской патетики. Прямо съ перваго слова высказывается предметъ рѣчи, который указываетъ или событіе, давшее начало празднику, или евангельское чтеніе дня. Предметъ словъ, къ которому проповѣдникъ склоняетъ вниманіе слушателей, развивается итъ не во всей полнотѣ содержанія, а рисуется большею частію въ общихъ очеркахъ, представляющихся прямо глазу: формула его каждый разъ опредѣляется точно, но безъ подробностей и частныхъ чертъ; какія любила обильная и плодovitая діалектика греческая. Отсюда происходитъ краткость словъ св. Льва Великаго: эта краткость иногда достигаетъ послѣдней степени, такъ что многія проповѣди содержатъ только простое напоминаніе о какой либо мысли или выражаютъ распоряженіе, касающееся извѣстнаго церковнаго учрежденія или нравственнаго дѣйствія, какъ двѣ первыя проповѣди de coelestis, указывающія день, когда слушатели должны будутъ приносить пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, и обставляющія это объявленіе двумя или тремя положеніями о значеніи милосердія ¹⁾, или вторая проповѣдь на постъ десяятаго мѣсяца, объясняющая причину и цѣль установленія этого поста ²⁾.

При простотѣ и безыскусственности дѣловой бесѣды св. Льва, если чѣмъ оживляется и разнообразится его строгая мысль, то развѣ сравненіями, которыя у него довольно часты, и которыя употребительны и неизбѣжны при самой прозаически-точной

¹⁾ Patr. Curs. compl. T. LIV. Sermo VI, p. 157. Sermo VII, p. 159.

²⁾ Sermo XIII, p. 172.

мысли. Но въ этихъ сравненіяхъ нѣтъ роскоши и разнообразія, какоѳ замѣчается у проповѣдниковъ съ поэтическимъ оттѣнкомъ. Большею частію они вертятся около представленія нашей жизни борьбою, человѣка больнымъ, а божественной благодати лекарствомъ, души человѣческой полемъ, а добродѣтелей сѣменами, пускающими отростки на этомъ духовномъ полѣ. Въ небольшомъ кругѣ представленій св. Левъ ищетъ красокъ для изображенія предметовъ своихъ поученій, и ищетъ не по прихоти, не для роскоши поэтической, а больше по логической нуждѣ въ видахъ уясненія вещи, и нѣтъ у него той изобрѣтательности и того самоуслажденія ловкими сравненіями, какія бросаются въ глаза въ рѣчахъ ораторовъ художественнаго направленія, часто выдвигающихъ образъ за образомъ и останавливающихся своимъ словомъ на этихъ образахъ не для одного уясненія мысли, ихъ вызвавшей, а по увлеченію ихъ прелестію и красотой.

Во всей совокупности проповѣдей св. Льва Великаго встрѣчаются двѣ-три небольшія тирады, въ которыхъ авторъ предается нѣсколько одушевленному изліанію чувствъ и впадаетъ какъ бы въ лирическій тонъ: въ одной изъ такихъ тирадъ онъ изображаетъ удивительную силу креста и неизреченную славу страданія съ теплымъ обращеніемъ любви христіанской къ Распятому за насъ и все привлекающему къ себѣ ¹⁾); въ другой поназываетъ слѣпоту и ожесточеніе Ирода, замышлявшаго убить младенца Иисуса ²⁾); въ третьей разъясняя тайну креста и искупленія, обращается съ обличеніемъ къ Іудѣ какъ бы живому, осуждая его злодѣяніе и нечестіе, а затѣмъ къ іудеямъ, на гибель и осужденіе себѣ предавшимъ смерти Спасителя міра ³⁾). Но эти мѣста, являющіяся какъ исключенія, не измѣняютъ общаго впечатлѣнія, производимаго строгимъ, всегда ровнымъ и спокойнымъ

¹⁾ Sermo LIX. De Passione Dom. VIII, c. 7, p. 341. P. C. c. T. LIV.

²⁾ Sermo XXII. In Solemnitate Epiphaniae Domini I, c. 2, p. 236.

³⁾ S. LIV. De Passione Dom. III. c. 6 p. 320—2.

проповѣдникъ словомъ, показывающимъ сильный практическій характеръ римскаго епископа.

Вообще св. Левъ не ораторъ, но учитель, не диалектикъ, но человекъ вѣры и авторитета. / Его служеніе главнымъ образомъ было служеніе правительственное: къ этому служенію предназначалъ его природный складъ его, закаленный и окрѣпшій среди той административной дѣятельности, къ какой призывало его мѣсто римскаго епископа. И этотъ административный характеръ положилъ свою строгую и выразительную печать на проповѣдномъ словѣ Льва Великаго.

Какъ администраторъ церковный и какъ проповѣдникъ, св. Левъ увлеченъ практическими запросами церковной жизни, и стона нравственно-церковнаго благоустройства приковываетъ къ себѣ его вниманіе, его распорядительную мысль и упорядочивающее слово. Но у тѣхъ мелкое пониманіе практицизма, которые всю широту его ограничиваютъ узкими предѣлами правоученія: быть практическимъ проповѣдникомъ не значитъ быть только правоучителемъ. Практицизмъ св. Льва не оставлялъ безъ вниманія правоученія, но не на немъ одномъ сосредоточивался. Обстоятельства времени, какъ мы уже и говорили, обратили его къ опредѣленію догмата и сдѣлали его однимъ изъ главныхъ объяснителей церковнаго ученія о воплощеніи. Предметъ этотъ, надолго и глубоко занявшій душу римскаго епископа, далъ содержаніе очень многимъ его проповѣдямъ, и есть, можно сказать, наиболѣе видный матеріалъ въ его проповѣдномъ словѣ. Поученія, посвященныя изложенію труднаго догмата христіанскаго, принимаютъ форму опредѣленій и одинаковую формулу повторяютъ при разныхъ случаяхъ нѣсколько разъ. Эта формула краткое, но точное и сильное выраженіе вселенской вѣры, опирающееся на силу авторитета и не прибѣгающее къ той диалектической методѣ раскрытія догмата, какая видна въ проповѣдяхъ восточныхъ защитни-

лѣвъ православія: Аванасія Александрійскаго, Григорія Богослова, Василія Великаго и другихъ. Эти учителя разбиваютъ заблужденіе, а св. Левъ предоостерегаетъ отъ излученія и уназываетъ, какъ нужно вѣровать въ правду. Не интересъ знанія руководитъ его словомъ, а стремленіе къ сохраненію единства вѣры и порядка мысли о божественномъ и трудно постигаемомъ. Нарушеніе этого единства болѣзненно дѣйствовало на чуткую душу, выше всего цѣнившую гармоническое согласное дѣйствованіе всѣхъ членовъ духовнаго организма церкви, и въ этой душѣ, при сознаніи обязанностей, сопряженныхъ съ высшихъ іерархическимъ положеніемъ, вызывало желаніе предохранить отъ опасности вѣрующихъ, обратить на истинный путь колеблющихся.

Характеръ св. Льва далъ особенное направленіе и его правоученію. Излагая правила нравственнаго благоповеденія христіанъ, св. Левъ смотритъ на дѣло не съ отвлеченной точки нравственнаго закона и выходитъ къ разъясненію его не изъ общихъ требованій добродѣтели. Для него первое въ жизни—положительное учрежденіе, и почти во всѣхъ словахъ нравственнаго содержанія его правоученіе примыкаетъ къ положительнымъ учрежденіямъ церкви, имъ вызывается и на немъ опирается. Не духовныя начала нравственности только, а узаконенія христіанской дисциплины служатъ опредѣляющими пунктами его проповѣднаго слова. Согласно съ духомъ евангельскаго закона, оно является разъясненіемъ вѣщныхъ дисциплинарныхъ формъ и учрежденій церкви, выросшихъ изъ этого закона, эти формы хочетъ поддержать и въ силу ихъ создать въ людяхъ соотвѣтственное настроеніе. Въ этомъ отличіе проповѣди св. Льва отъ проповѣди другихъ отцовъ, и оно замѣтно даже тогда, когда проповѣдникъ говоритъ о такихъ предметахъ, какъ христіанская благотворительность, молитва и воздержаніе.

(Продолженіе будетъ).

В. Пльвицкій.

ПАПИССА ІОАННА.

Въ Латеранѣ, въ которомъ, какъ въ монастырѣ или во храмѣ, должны бы появляться лишь святые монахи, насъ невольно удивляетъ блистательный рядъ величественныхъ женщинъ, стоящихъ у папскаго трона и руководящихъ главою католическаго міра, женщинъ красивыхъ и очаровательныхъ, по мнѣнію папъ, сладострастныхъ и безстыдныхъ, но отзывающъ современныхъ имъ гѣтописцевъ: Этотъ темный періодъ папской исторіи, охватывающій все X столѣтіе, обозначается въ исторической наукѣ сильнымъ выраженіемъ, неудобнымъ для нашей печати: то былъ періодъ царства публичныхъ женщинъ, эпоха разврата и прелебодѣнія, охватившихъ все слои средневѣковаго общества и осквернившихъ ступени папскаго трона плотскими нечистотами... Современникъ Лигурандъ, говоря о вліятельнѣйшихъ женщинахъ того періода, не щадитъ для нихъ такихъ выраженій какъ *scortum impudens*, *meretrix perversa* и т. под. Кардиналъ Бароній отзывается объ нихъ еще рѣзче; его отзывъ мы должны предоставить догадливости читателя...

Теодора и Мароція, мать и дочь, играютъ наиболее видную роль въ исторіи папъ того времени. Красивая и смѣлая женщина, Теодора, какъ Семирамида Рима, появляется на темномъ фонѣ современнаго ей папства и мужественно правитъ папскою областію ¹⁾;

1) Theodora, scortum impudens.... civitatis Romanae non inviriliter monarchiam obtinebat. *Liguor.*, Antapod., II, 48.

сладолюбивая римлянка, она съумѣла возвести на папскій престолъ своего любовника Петра, архіепископа города Равенны, и не стыдилась осквернять Латеранъ своими прелюбоудѣйными связями съ папою Іоанномъ X. Дочь была красивѣе, соблазнительнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлѣе, рѣшительнѣе своей матери ¹⁾: Мароція не только жила съ папою Сергіемъ III, но возвела на папскій тронъ прижитаго въ этой связи ребенка, извѣстнаго имену Іоанна XI.

Неопровержимый фактъ, что нѣкоторое время женщины распоряжались папскою короною и владѣли Римомъ; конечно, безчестить римлянъ той эпохи; но мы, по нашему мнѣнію, не имѣемъ права смотрѣть на тотъ періодъ чрезъ увеличительное стекло моральныхъ тенденцій. Въ теченіи первыхъ пяти вѣковъ, въ исторіи средневѣковаго Рима не появляется ни одного женскаго образа, и во все то полутысячелѣтіе мы видимъ лишь нѣсколько святыхъ монахинь; и это не удивительно—Римъ есть городъ по преимуществу церковный. Когда же, въ X столѣтіи появляются на сценѣ нѣсколько знатныхъ римлянокъ, увлекавшихъ современниковъ своею красотою и развратомъ, потомство—своею бурною жизнію и трагическою судьбою, то онѣ ясно указываютъ на пережѣну, совершившуюся во внутренней жизни римлянъ, указываютъ на ослабленіе церковнаго элемента и на преобладаніе свѣтскаго общества.

Въ тотъ періодъ всеобщаго разложенія государственнаго и церковнаго строя, феодализмъ, создавъ двойную землевладѣльческую аристократію и закрѣпивъ неравенство сословныхъ отношеній, распространилъ во всѣхъ слояхъ общества самую грубую чувственность. Страсти, не сдерживаемыя нравственнымъ вліяніемъ церкви, пришли въ разнузданное состояніе. Благочестивые

¹⁾ Theodora... quae duas habuit natas, Marotiam atque Theodoram, sibi non solum coaequales, verum etiam *senectis exercitio* promptiores. Ibid.

Теутберги должны были уступить первенство безстыднымъ Вальдрадамъ. На блистательную побѣду, одержанную, во имя христіанскихъ законовъ морали, папою Николаемъ I надъ похотями нравственно-разслабленнаго короля Лотарія, на эту блистательную побѣду міръ отвѣчалъ безграничною эманципаціею плоти. Эта эманципація плоти заразила въ то время не только свѣтское общество, но духовенство и даже монашество. Вотъ изъ чего народились тѣ Теодоры, Мароціи, Стефаніи, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Римѣ, тѣ Вальдрады, Берты, Ирменгарды, огонь страстей которыхъ развился до демоническихъ размѣровъ... Эти женщины не были смягчены внѣшнимъ блескомъ классическаго образованія, какъ напримѣръ Лукреція Борджіа, дочь папы; эти женщины не умѣли ни читать, ни писать¹⁾; онѣ жили во время самаго глубокаго варварства и, тѣмъ не менѣе, то общество, къ которому онѣ принадлежали, не было такъ испорчено, какъ въ утонченный вѣкъ Лукреціи или *M-me de Rohadour*. Въ Теодорѣ или Мароціи нельзя видѣть портретовъ Мессалины или Агриппины, какъ онѣ обрисованы Тацитомъ; нѣтъ, — это были честолюбивыя женщины съ большимъ умомъ и характеромъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ женщины, онѣ были преисполнены сладострастія, властолюбія, хитрости. Ихъ образы даютъ предчувствовать, правда, грубую, но болѣе развитую жизнь свѣтскаго общества въ церковной атмосферѣ Рима, ихъ образы прерываютъ на время монастырскую монотонность римской исторіи среднихъ вѣковъ...

Мужчины въ этомъ отношеніи всегда виновнѣе и хуже женщинъ. Рассматриваемая эпоха не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, ни даже въ духовномъ сословіи.

Зависимость церкви отъ государства уничтожила духовную власть, обративъ ее въ чисто свѣтскую, со всеми страстями и

¹⁾ На одномъ актѣ, вмѣсто подписи Мароціи находится приписка съ слѣдующимъ откровеннымъ сознаниемъ: *Signum + manu suprascripta Marozza nobilissima femina donatrice qui supra Ira n. (literae nescia).*

наклонностями послѣдней. Епископы и аббаты сопровождали короля на войну, какъ феодальные бароны. Капитуляріи Карла V., запрещающіе духовенству выступатьъ въ полѣ, утѣрили свою силу предъ требованіями феодализма. Въ XI столѣтіи военная служба была личною обязанностію, отъ которой могло освободить епископа лишь особое разрѣшеніе ¹⁾; сами папы призывали епископовъ на войну, подобно тому какъ они вызывали ихъ на соборъ ²⁾; прелаты католической церкви участвовали въ битвахъ ³⁾, командовали войсками ⁴⁾; быть храбрыми воиномъ составляло такую же славу для епископа какъ быть добрымъ пастыремъ ⁵⁾.

Нравы духовенства соотвѣтствовали ихъ воинскимъ наклонностямъ. «Священники—по словамъ одного современника—проводятъ дни въ кабакахъ; они являются къ обѣднѣ пьяными со вчерашней еще попойки и оскверняютъ своею рвотою тѣло и кровь божественнаго агнца» ⁶⁾. Лица духовныя отличались отъ свѣтскихъ лишь «бритою бородою», какъ увѣряетъ одно духовное лицо ⁷⁾. Архіепископъ Вероны, собравъ духовныхъ лицъ своего діоцеза, нашелъ, что многія изъ нихъ не знаютъ Символа Вѣры, не могутъ прочесть *Credo* ⁸⁾.

Пьянство и невѣжество привели католическое духовенство къ такой деморализаціи, разсказами о которой мы боимся оскорбить чувство стыдливости нашихъ читателей. Папа Бенедиктъ VIII, публично, на соборѣ, укорялъ священниковъ въ томъ, что «они бро-

¹⁾ *Gerard.*, Vita Udalrici episc. Aug., cap. 3, ap. Pertz, IV, 392.

²⁾ Vita Bernwardi, episc. Hildesh., cap. 28, ap. Pertz, IV, 774.

³⁾ *Thietmar.* Merseb. chron. lib. IV, cap. 20, ap. Pertz, III.

⁴⁾ *Ibid.*, lib. V, cap. 23.

⁵⁾ Bonus miles in clero et optimus pastor in populo. *Ibid.*, lib. II, cap. 17.

⁶⁾ Hesternam ebrietatem vel crapulam ante altare Domini super ipsam carnem vel sanguinem ructant agni. *d'Achery*, Spic. vet. aliq. scrip., I, 377.

⁷⁾ *Damiani* epp., lib. I, ep. 15.

⁸⁾ *d'Achery*, l. s. c., p. 381.

саются на женщинъ какъ жеребцы на кобылы и, подобно свиньямъ Епиктета, считаютъ сладострастіе высшимъ благомъ»¹⁾. Другой современникъ записалъ: «всякій знаетъ мѣста, гдѣ развратничаютъ священники; всякій знаетъ имена ихъ любовницъ; всё видятъ какъ слуги носятъ къ нимъ записочки и подарки; всё слышатъ громкій, похлупанный смѣхъ; невозможно скрыть бременность женщинъ, невозможно заглушить крикъ новорожденныхъ»²⁾. Не только святость мѣста, даже святость совершаемаго таинства не спасала женщину отъ развратной похотливости духовныхъ лицъ. Описывая нравы духовенства, Даміани писалъ папѣ Льву IX между прочимъ слѣдующее: «Мерзости, которыя я раскрою вамъ такъ ужасны, что я стыжусь довести ихъ до свѣдѣнія Вашей Святости; но я вооружаюсь храбростію медика: если врачъ отступить отъ гнойной язвы, кто же ее вылечитъ? Противуестественный развратъ сталъ язвою, свирѣпствующею въ членахъ церкви. Какое изобрѣсть наказаніе для священника, который предается разврату со своими духовными дѣтьми? Изъ кающагося онъ дѣлаетъ развратницу; ту, которую онъ долженъ бы возродить къ новой жизни таинствомъ покаянія, предаетъ онъ во власть дьявола соблазномъ своего разврата»³⁾!...

Развратъ былъ повсемѣстенъ; не только въ Римѣ, онъ возсѣдалъ на папскомъ престолѣ въ лицѣ римскихъ первосвященниковъ. Римскій народъ, въ жалобѣ своей на папу Іоанна XII, поданной императору Оттону I, писалъ между прочимъ: «что мы пишемъ, то знаетъ весь міръ; свидѣтель тому—вдова Ренье, которой онъ дарилъ драгоценные кресты и золотые сосуды изъ церкви св. Петра; другой свидѣтель—Стефанетта, ея тетка, которая умерла въ родахъ, послѣ продолжительной связи съ нимъ. Но если бы даже онѣ молчали, латеранскій дворецъ громко говоритъ

1) *Benedict. in Concil. Ticinensi, ap. Mansi, XIX, 843.*

2) *Damiani, Opusq. XVII, v. III, p. 165.*

3) *Damiani, Liber Gomorrhian., praef., v. III, p. 64.*

объ его безстыдствѣ: обиталище святыхъ стало мѣстою разврата... Женщины боятся входить во храмъ св. Апостоловъ,—онѣ знаютъ сколькихъ вдовъ, женъ и дѣвицъ оббечестилъ папа» ¹⁾).

Приводя подобныя извѣстія, кардиналъ Бароній восклицаетъ: «Исусъ Христосъ спалъ глубокимъ сномъ во время той страшной бури» ²⁾! Но не спалъ, не дремалъ здоровый духъ, трезвый смыслъ націи; народная фантазія жестоко отомстила за поруганіе дорогихъ народу чувствъ и вѣрованій; она отомстила созданіемъ колкой сатиры на высшихъ представителей духовенства, и та сатира въ теченіи многихъ вѣковъ лежала нѣймомъ позора на римскихъ первосвященникахъ, въ теченіи вѣковъ ей все вѣрили, и, даже въ настоящее время, когда уже историческая критика вполне разоблачила ея сказочный характеръ, она не перестаетъ тревожить беспокойный сонъ римскихъ епископовъ... Мы разувѣемъ созданіе фантастическаго образа написсы Іоанны.

Сказаніе о написсѣ Іоаннѣ, полное сказаніе, со всеми подробностями и изукрашеніями, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«Молодая, красивая дѣвушка, дочь англосакса, рожденная въ Ингельхеймѣ, отличалась въ майнцскихъ школахъ своими необыкновенными способностями. Юный схоластъ, избѣгая чаръ ея красоты, постригся въ монахи Бенедиктинскаго ордена. Соблазнительная Агнеса, нарядилась въ мужской костюмъ и приняла постриженіе въ томъ же монастырѣ. Они любили другъ друга: вмѣстѣ изучали они духовныя и свѣтскія, человѣческія познанія, вмѣстѣ путешествовали,—были въ Англіи, посѣтили многія страны Европы, жили въ Аеинахъ, гдѣ красивая дѣвушка проникла высшую школу философской мудрости. Въ Аеинахъ умеръ возлюбленный Агнесы; она переселяется въ Римъ, гдѣ принимаетъ мужское

¹⁾ *Liudpr.*, Hist. Otton., cap. 4, ap. Pertz, III, 840.

²⁾ Dormiebat tunc plane alto sopore Christus in navi, cum hisce flantibus validis ventis, navis ipsa fluctibus operiretur. *Baron.*, Ann. Eccl., ad a. 912, § 14.

имя—*Iohannes Anglicus*. Ея познанія удивили всѣхъ римскихъ философовъ; знаменитые ученые вѣка стекались въ Римъ для слушанія ея философскихъ бесѣдъ и богословскихъ поученій; кардиналы были обворожены ею и, тщательно скрывая отъ всѣхъ свой прекрасный полъ, она скоро стала чудомъ Рима. Ея избрали сперва въ нотаріи римской курии, затѣмъ она была облечена въ санъ кардинала. Но это не удовлетворило Агнесу; ея честолюбивый геній стремился къ папской тиарѣ, и, по смерти Льва IV, кардиналы единогласно избрали ея, какъ теологическое совершенство. Агнеса стала папой. Первое время она вела себя хорошо, какъ было прилично если не ея полу, то ея сану; но, скоро, изнѣживающія удобства папскаго двора и вліяніе скоромной пищи роскошнаго папскаго стола вдали верхъ надъ честолюбіемъ и философіей,—Агнеса бросилась въ объятія своего прислужника. Долгое время все было скрыто длинною папскою одеждою; прошли роковыя девять мѣсяцевъ и Агнеса, идя въ торжественной процессіи, почувствовала приближеніе родовъ: на улицѣ, между Коллизеумъ и церковію св. Климентя, родила она ребенка и умерла.

«Papa Pater Patrium peperit parissa papellum!»

«Удивились римляне, никакъ не ожидавшіе, чтобы папа могъ рожать имъ дѣтей; испугались римляне возможной наслѣдственности папскаго престола! Агнеса была тутъ же, на улицѣ, похоронена. И на томъ мѣстѣ поставили римляне статую, изображавшую прекрасную женщину въ папскомъ облаченіи, съ ребенкомъ въ рукахъ; а возлѣ той статуи положили римляне плиту, на которой вычеканили стихъ, описывающій роды паписы; и съ тѣхъ поръ папы обходятъ эту улицу во время торжественныхъ процессій, чтобъ избѣжать напоминанія о бывшемъ скандалѣ; и съ тѣхъ поръ вновь избранный папа садится на дырявое кресло, *ubi dicitur probari papa an sit homo*, чтобъ убѣдить кардиналовъ, что новизбранный обладаетъ тѣмъ, чего не было у Агнесы прекрасной».

Это сказаніе о паписѣ Іоаннѣ до настоящаго времени не потеряло того интереса, который оно возбуждаетъ въ области исторической критики; до настоящаго времени въ западной исторической литературѣ появляются труды, въ которыхъ предлагается то или другое рѣшеніе этой загадки. Вопросъ о паписѣ Іоаннѣ представляетъ довольно обширную литературу, о которой нельзя еще сказать, что она не увеличится со временемъ новыми трудами. Всякая загадка приобретаетъ тѣмъ большій интересъ, чѣмъ болѣе умовъ потрудились надъ ея разрѣшеніемъ; загадка же о паписѣ Іоаннѣ обратила на себя особенное вниманіе, когда нѣкоторые ученые объявили ее не разрѣшимую ¹⁾. Какъ бы въ отвѣтъ на это заявленіе, набрасывавшее нѣкоторую тѣнь на историческую науку и выражавшее убѣжденіе въ слабости исторической критики, въ Германіи появился новый ученый трудъ, въ которомъ все сказаніе о паписѣ Іоаннѣ разобрано на столько обстоятельно, что удовлетворяетъ всѣмъ строгимъ требованіямъ исторической критики и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что «жоннипа-папа» принадлежитъ къ области сказочныхъ вымысловъ ²⁾.

Не такъ давно въ нашей русской литературѣ, писанна Іоанна

¹⁾ Der Sage muss zwar nach den vorliegenden Zeugnissen alle historische Geltung abgesprochen werden; dennoch ist sie, auch abgesehen von der theils am Tage liegenden, theils nur georgwöhnten Fälschung der Akten, als ein noch immer ungelöstes und wahrscheinlich nie zu lösendes Räthsel der historischen Kritik zu bezeichnen. *Kurtz, Handb. der Kircheng., 1856, II, I, 225.*

²⁾ *I. v. Döllinger, Die Papst-Fabeln des Mittelalters. 1863.* Рецензія этого труда помѣщена въ *Histor. Zeits. hrsgg. v. H. v. Sybel, XI, 210—213.* Мы познакомимъ читателей съ тою частію этого сочиненія, въ которой представляется наиболѣе полный сводъ всего, что было высказано въ исторической наукѣ по занимаемому надъ вопросу. Къ сожалѣнію, какъ во всѣхъ трудахъ Деллингера, такъ и въ настоящемъ, католицизмъ его автора играетъ довольно замѣтную роль; мы старались не упустить изъ виду этого обстоятельства и дополнили изысканія Деллингера трудомъ знаменитаго нѣмецкаго богослова *Ferd. Chr. Baur, Die christliche Kirche des Mittelalters, Tübingen. 1861.*

была объявлена лицом историческим, действительно существовавшим, въ сочиненіи, предназначенномъ для руководства нашего русскаго юношества. Свящ. Михайловскій, основываясь на трудѣ, лишенномъ научнаго характера ¹⁾, объявилъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій ²⁾, что «результатомъ всѣхъ изслѣдованій о паписсѣ Іоаннѣ остается убѣжденіе, что на римскомъ папскомъ престолѣ болѣе двухъ лѣтъ возсѣдала женщина въ мужскомъ одѣяніи съ юношескими слабостями» ³⁾.

Интересы строгой науки и педагогическое требованіе здоровой пищи для развитія юнаго ума побуждаютъ насъ подробно рассмотреть сказаніе о паписсѣ Іоаннѣ и способствовать тому, чтобы въ русской литературѣ не принималось за историческій фактъ такое явленіе, сказочный характеръ котораго вполне раскрытъ и объясненъ историко-критическою школою въ Германіи.

Рассказъ о паписсѣ Іоаннѣ не извѣстенъ современнымъ лѣтописнымъ сказаніямъ ⁴⁾; относенный народною фантазіею въ поле-

¹⁾ *O. Andreae, Ein Weib auf dem Stuhle Petri oder das wieder geöffnete Grab der Päpstin Johanna. Eine Vergleichung der für und wider dieselbe sprechenden Zeugnisse, mit den Zeugnissen für und wider das Papsttham. Gütersloh, 1866.* Это сочиненіе, написанное сельскимъ пасторомъ въ формѣ небольшой брошюры, общедоступной по изложенію и по цѣнѣ, имѣетъ главной цѣль наведеніе протестантской пасты автора, а не требованія строгой науки; брошюра отличается спокойнымъ, но замѣтнымъ церковно-полюемическимъ характеромъ. Свящ. *Михайловскій* не правъ, называя эту брошюру самымъ добросовѣтнымъ трудомъ по вопросу о паписсѣ Іоаннѣ (стр. 312); таковымъ остается по прежнему вышеупомянутый нами трудъ Демингера.

²⁾ *Михайловскій, Очеркъ исторіи христіанской церкви. Часть первая; до конца IX вѣка. Спб.: 1868.*

³⁾ Такой выводъ свѣд. Михайловскаго болѣе снѣтъ; тѣмъ вводитъ самъ авторъ брошюры: *Zu entscheiden nun, ob die Gründe, welche für die Existenz der Päpstin sprechen, stichhaltig genug seien, um derselben einen Platz in der Geschichte anzuweisen, wage ich nicht. Andreae. S. 29.*

⁴⁾ Въ XVI и XVII стол., когда историко-литературна проза сродна среднимъ вѣкамъ была впервые издаваема, въ текстъ вѣрлиса вѣкторна подд:

внѣ IX столѣтія, онъ былъ однакоже составленъ гораздо позже и несрѣбно-позже конца XI столѣтія. Папа Левъ X, въ посланіи

пѣшія встави въ рукописные кодексы. Намъ извѣстно нѣсколько такихъ вставокъ по занимаемому насъ вопросу:

а) Въ извѣстномъ трудѣ, приписываемомъ Анастасію Библиотекарю, — *Liber pontificalis seu Vitae pontificum Romanorum*, — въ которомъ біографіи папъ IX стол. составлены современниками (*Röstell, Beschreibung Rom's*, I, 207 sqq.), рассказъ о папѣ Іоаннѣ не встрѣчается, и за жизнеописаніемъ папы Льва IV (Февраль 847—17 Іюля 855) непосредственно слѣдуетъ біографія папы Бенедикта III (29 Сент. 855—8 Апр. 858). Между тѣмъ въ первомъ изданіи этого сборника Анастасія Библиотекаря — *Anastasi bibliothecarii vitae seu gesta Romanorum pontificum*, ed. I. Busaens, Moguntiae, 1602, in 4° — этотъ рассказъ былъ вставленъ, при чемъ извѣстіе о немъ взято изъ позднѣйшихъ хроникъ. Эта вставка вошла лишь въ два экземпляра того изданія 1602 г., какъ о томъ свидѣтельствуетъ *A. Potthast, Bibl. hist. medii aevi*, S. 428: in zwei Exemplaren soll p. 298 die Geschichte der Päpstin Johanna stehen, die in den andern fehlt. Мы не имѣли случая видѣть ни одного изъ тѣхъ двухъ экземпляровъ; не видѣли ихъ и *O. Andreae*, авторъ вышеупомянутой нами брошюры, но, желая приписать Анастасію Библиотекаря, какъ современнику папъ Льва IV и Бенедикта III, первое упоминаніе о папѣ, онъ самопроизвольно вставляетъ въ латинскій текстъ слѣдующія двѣ строчки, заимствованныя имъ изъ хроники Мартина-Поляка: *Johannes Anglicus sedit annos duos. Non reperitur in catalogo summorum pontificum papa hic mullebris* (т. е.: Іоаннъ англичанинъ воссѣдалъ на папскомъ престолѣ два года. Этотъ папа-женщина не упоминается въ перечнѣ верховныхъ первосвященниковъ). Въ нач. XVIII стол., Муратора, при изданіи сборника Анастасія Библиотекаря, упоминаетъ, что вслѣдъ за окончаніемъ біографіи папы Льва IV нѣкоторыми издателями вставляется папа-женщина, и тогда уже онъ обозначилъ подобную вставку ложною: *hic a quibusdam falso interjicitur Johannes VIII femina* (*Muratori, Scr. rer. Ital.*, III, 247). Краткая, въ двѣ строчки, вставка о папѣ Іоаннѣ идетъ въ разрывъ со всѣмъ складомъ сборника Анастасія, отличающагося обстоятельнымъ изложеніемъ жизни папъ; такъ напр. біографія папы Льва IV занимаетъ по изданію Муратора 16 страницъ in-folio въ два столбца (p. 230—246). *Gabler, Kleine theol. Schriften*, 446.

б) Въ концѣ XVI стол. была издана хроника Маріана Скота, монаха Фульдскаго монастыря, умершаго въ 1088 г. — *Mariani Scoti, monachi S. Martini Coloniensis, chronicon ab O. C. usque ad a. 1088*, ed. *Pistorius*, Scr. rer. Germ., Francof. ad M. 1588, I, 26^a; — въ этомъ изданіи, подъ 858 годомъ из-

къ константинопольскому патриарху Михаилу, отъ 1054 года, между прочимъ писалъ: «Мы не хотимъ вѣрять той сказкѣ, кото-

тая: Leo papa obijt Kal. Augusti. Huic successit Iohanna mulier annis duobus, mensibus quinque, diebus quatuor (т. е.: папа Левъ умеръ перваго Августа. За нимъ слѣдовала Иоанна женщина два года, пять мѣсяцевъ, четыре дня). Кардиналъ Бароній волилъ признать подлинность внешнеприведенной выписки и считаетъ Мариана Скота первымъ, записавшимъ въ своей хроникѣ о папѣсѣ Иоаннѣ (Ann. Eccles. ad a. 858, § 93), такъ что, согласно указанію ученаго кардинала, большинство ученыхъ относили *первое* упоминаніе въ летописяхъ о папѣсѣ ко втор. пол. XI стол. Между тѣмъ въ новѣйшемъ, лучшемъ изданіи хроника Мариана Скота—ed. *Waltz*, ap. Pertz, Monum. hist. germ., ser. V, p. 481 sqq.—издатель Вайцъ доказалъ, что ни въ одной рукописи не встрѣчается упоминанія о папѣсѣ Иоаннѣ, и внешнеприведенное мѣсто должно быть признано если не за вставку самихъ издателей, то во всякомъ случаѣ за позднѣйшую вставку въ ту рукопись, съ которой было сдѣлано изданіе Писторіемъ въ концѣ XVI столѣтія. Исслѣдованіе Вайца о рукописяхъ хроника Мариана Скота (Ibid. V, p. 481; XVII, p. 5), не было извѣстно О. Андреае, который относится съ полнымъ довѣріемъ къ внешнеприведенному мѣсту хроника по изданію Писторія и повторяетъ мнѣніе кардинала Баронія.

Брошюра О. Андреае вела въ заблужденіе священника Михайловскаго, который полагаетъ, что «самое древнее свидѣтельство объ этомъ сказаніи находится въ современной ей почти «Liber pontificalis», римскаго библиотекаря Анастасія. Послѣ Анастасія самый древній свидѣтель Маріанъ Скотъ». (стр. 311).

с) Chronographia Sigeberti Gemblacensis coenobitae (†1112) издана въ настоящее время Вегманомъ: ed. *Bethmann*, ap. Pertz, l. s. c., VI, p. 300 sqq.—Это изданіе признано наилучшимъ: édition définitive, tant elle est parfaite (*Reiffenberg*, Monum. pour servir à l'hist. d. prov. de Namur), и въ немъ не упоминается о папѣсѣ Иоаннѣ. Издатель говоритъ, что ни въ одной рукописи нѣтъ ни слова о папѣсѣ, и что упоминаніе ее было вставлено въ хронографію Сигберта въ нач. XVI стол. перьями ея издателями: in nullo quem noverimus Sigeberti codice occurrit locus famosus de Iohanna papissa, quem hoc loco editio princeps exhibet... namo igitur restat nisi primus editor, sive is Antonius Rufus fuerit, sive Henricus Stephanus (ibid. p. 340, 470). Въ первомъ же изданіи—А. Rufus, 1513, s. l.—эта вставка сдѣлана въ слѣдующей формѣ: Iohannes papa Anglicana: Fama est, hunc Iohannem feminam fuisse, et uni soli familiari tantum cognitam, qui eam complexus est, et gravis facta peperit papa existens, quare eam quidem inter pontifices non numerant (т. е.: папа Иоаннъ Англичанинъ: Идетъ молва,

рая всѣмъ повторяется, будто бы въ константинопольской церкви, въ которой, вопреки первому канону Никейскаго собора, евнухи получаютъ посвященіе, будтобы въ той церкви была однажды возведена на патриаршій престолъ женщина¹⁾. Папа Левъ IX

что этотъ Іоаннъ былъ женщина, о чемъ знали одинъ только изъ приближенныхъ, жившій съ нею; она забеременела и родила, отчего ее не считаютъ въ числѣ папъ).

d) Въ хроникѣ Оттона Фрейзингенскаго, скотавшагося въ 1158 г., издателемъ Урстизиемъ, въ концѣ XVI стол., къ имени папы Іоанна VII прибавлена вставка: *foetina* (Chron. lib. VII, cap. 35, ed. *Urstizius*, Germ. hist. illust. I, 363); это выраженіе не встрѣчается въ рукописяхъ (Döllinger, s. 7, 1). In der Chronik Otto's ist der Zusatz zum Namen Iohann's VII offenbar die That eines späteren Abschreibers oder Lesers, der auf's gerathewohl, weil man nun einmal einen weiblichen Iohannes unter den Päpsten haben wollte, das Wort beischrieb; dass dieser Iohannes schon in das Jahr 705 falle, irrte ihn um so weniger, als das Papstverzeichnis dieser Chronik keine Jahreszahlen gibt. (Ibid. s. 6).

Эти и нѣкоторыя другія упоминанія о папессѣ Іоаннѣ въ средневѣковыхъ сочиненіяхъ IX, X, XI и XII стол. принадлежать къ числу позднѣйшихъ вставокъ. Было мнѣніе, что не первоначальные издатели XVI и XVII стол. вставляли въ свои изданія, но позднѣйшіе уничтожали въ рукописяхъ упоминаніе о папессѣ. Это мнѣніе было высказано Курцомъ: Da die ältesten Editoren schwerlich die betreffenden Stellen aus eigenen Mitteln hinzugethan haben werden, so ist es wahrscheinlich, dass sie aus vorliegenden Codices absichtlich ausgelassen worden sind (Kurtz, l. s. c., III, 228), и повторено въ брошюрѣ O. Andreae: Allerdings sollen diese Stellen unächt sein. Jedoch lässt sich als Grund für die Unächtheit nur anführen, dass die Stellen in einigen Exemplaren (?) fehlen, während auch hier leichter zu erklären ist, dass man die anstössigen Stellen ausgelassen, als dass man sie eingeschoben hat (s. 9). Демлингеръ, видѣвши многія изъ тѣхъ рукописей, опровергаетъ это мнѣніе: Von absichtlicher Auslassung oder Tilgung zeigen sich keine Spuren; wohl aber in vielen Handschriften von späterer Einschaltung oder Anfügung am Rande (s. 6). И кто же рѣшится серьезно обвинять протестантовъ Вайца, Перца, Бетмана и др. въ томъ, что они ложно объясняли рукопись ради спасенія чести папскаго престола?

¹⁾ Absit autem, ut velimus credere quod publica fama non dubitat asserere, Constantinopolitanæ ecclesiæ contigisse, ut eunuchos contra primum Nicaeni concilii capitulum passim promovendo femina in sedem pontificum suorum sublimasset aliquando. *Mansi*, Coll. Conc., XIX, 649.

не могъ бы такъ писать, еслибы зналъ о существованіи боѣе скандальнаго разсказа про папскій престолъ ¹⁾.

Если этотъ разсказъ былъ составленъ позже конца XI столѣтія, то онъ былъ впервые записанъ лишь во второй половинѣ XIII столѣтія. Французскій доминиканецъ Стефанъ Бурбонскій, умершій въ 1261 году, первый упоминаетъ о писцѣ Іоаннѣ; въ своемъ сочиненіи *О семи дарахъ духа селитано* ²⁾ онъ между прочимъ говоритъ: «въ 1100 году случилась чудная, даже безумная дерзость, какъ то отмѣчено въ хроникѣ ³⁾. Какая-то женщина, образованная и опытная въ искусствахъ писать, облачившись въ мужскую одежду и выдавая себя за мужчину прибыла въ Римъ и здѣсь, какъ за свою дѣятельность, такъ и за образованіе, была сдѣлана сперва нотаріемъ куріи, затѣмъ, по внушенію дьявола, кардиналомъ, наконецъ папою. Идя въ процессіи уже беременною она родила. Когда римская справедливость узнала это, писица была привязана за ноги къ ногамъ лошади и такимъ образомъ вытѣщена за городъ и въ разстояніи полумили отъ города побиита на-

1) Wie hätte Leo es wagen können, die Sache hier auch nur zu erwähnen, wenn er wusste, es gehe die Sage, in Rom selbst sei dasselbe auf die anstößigste Weise geschehen? *Baur, a. a. o., S. 79.* Деллингеръ не упоминаетъ объ этомъ писцѣ пани Дѣа IX къ патриарху Миколау, что конечно должно быть поставлено ему въ вину. *Histog. Zeits. XI, 219.*

2) *De septem donis spiritus* до настоящаго времени не издано; рукописные списки его находятся преимущественно во французскихъ библиотекахъ; одинъ списокъ хранится въ Мюнхенѣ. Большіе отрывки изъ этого сочиненія приведены въ двухъ трудахъ *Echard, Sancti Thomae Summa sae histori vindicata, Paris, 1709, гдѣ на стр. 568 помѣщенъ разсказъ о писцѣ Іоаннѣ* и въ *Scriptores ordinis Praedicatorum, v. I.*

3) *Ut dicitur in chronicis*; здѣсь разумѣется одна хроника: на языкѣ средне-вѣковой латини выраженіе *chronica*, мн. ч., часто употребляется въ смыслѣ *chronicon*, ед. ч. Если бы авторъ разумѣлъ многія хроникъ онъ написалъ бы *ut dicitur in variis или pluribus chronicis*. По соображеніямъ Деллингера (S. 7), Стефанъ Бурбонскій пользовался хроникою доминиканца *Jean de Mailly*, о которомъ см. *Hist. litt. de la France, XVIII, 532.*

родомъ каменьями; она была погребена на томъ же мѣстѣ гдѣ умерла, и на камнѣ, который былъ надъ нею положенъ, былъ написанъ стихъ: *Parce pater patrum parissae prodege partum*¹⁾. Таково первое письменное упоминаніе о паписѣ Іоаннѣ.

Сочиненія Стефана Бурбонскаго не были распространены и сказка о паписѣ только тогда стала всеѣмъ извѣстна и получила кредитъ, когда ее прочли въ хроникѣ, которая ходила по Европѣ во множествѣ списковъ, всеѣмъ читалась, похвѣвалась уваженіемъ современниковъ и довѣріемъ потомства.

Монахъ доминиканскаго ордена, братъ Мартинъ, болѣе извѣстный подъ общепринятымъ наименованіемъ *Мартинъ-Поляна* (*Martinus Polonus*²⁾), по своему положенію придавалъ уже сказкѣ о паписѣ извѣстный авторитетъ: онъ былъ долгое время папскимъ канцеляромъ (*capellanus apostolicus*) и исповѣдникомъ (*penitentiaris major*), жилъ всегда при папскомъ дворѣ, и его *хроника верховныхъ первосвященниковъ и императоровъ*³⁾ рассматри-

¹⁾ Accidit autem mirabilis audacia, imo insana circa an. dom. MC et dicitur in chronicis. Quaedam mulier literata et in arte notandi edocta, adsumto virili habitu et virum se flagens, venit Romam, et tam industria, quam literatura accepta, facta est notarius curiae, post diabolo procurante cardinalis, postea papa. Haec impraegnata cum ascendeter, peperit. Quod cum novisset Romana justitia, ligatis pedibus ejus ad pedes equi distracta est extra urbem, et ad dimidiam leucam a populo lapidata, et ubi fuit mortuus, ibi fuit sepulta et super lapidem super ea positum, scriptus est versiculus: *Parce etc.* Echard, l. v. c.

²⁾ Мартинъ родился въ г. Троппау, который въ то время принадлежалъ Моравіи (въ настоящее время онъ принадлежитъ Чехіи); въ 1278 г. папа Николай III назначилъ его архіепископомъ Гнѣзненскимъ, но Мартинъ умеръ на дорогѣ изъ Рима къ мѣсту своего назначенія. *Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Berlin, 1866, S. 512.*—*Martinus Polonus aus Troppau in Schliesien gebürtig, welches damals eine Provinz des polnischen Reichs war. O. Andreae, S. 13.* Мартинъ происходилъ изъ рода Стрженбскихъ, *Strzębski, A. Pothast. s. c., S. 435.*

³⁾ *Chronica summorum pontificum imperatorumque ad se septem aetatibus mundi* (ed. *Phil. Klimes. Pragae, 1859*),—свѣдѣніи о исторіи папъ

вазась какъ оофициальная, самую куріею написанная исторія папы многія сказанія, записанныя въ этой хроникѣ, получили кредитъ и гражданственность въ наукѣ, такъ какъ онѣ были заимствованны отсюда въ другія хроники, повторены во многихъ анналахъ и лишь спустя нѣсколько вѣковъ была доказана ихъ сказочность ¹⁾. Въ числу такихъ сказаній относится разсказъ о паписѣ Іоаннѣ, изложенный въ слѣдующей формѣ: «Послѣ Льва на папскомъ престолѣ возсѣдалъ Іоаннъ Англичанинъ, уроженецъ города Майнца, два года, пять мѣсяцевъ, четыре дня, и умеръ. Этотъ папа, какъ говорятъ, былъ женщина; въ юношеской своей возрастъ она была отвезена какими то своимъ любовникомъ въ знаменитѣйшій городъ Аены, гдѣ сдѣлала такіе успѣхи въ наукахъ, что не имѣла себѣ равнаго, такъ что позже, поучая въ Римѣ, она привлекала знаменитыхъ учителей, которые становились ея учениками и слушателями. Она приобрѣла позже въ Римѣ такую извѣстность, что была единогласно избрана въ папы. Во время своего папствованія она забеременѣла отъ одного изъ приближенныхъ... идя изъ церкви св. Петра въ Латеранъ, въ узкой улицѣ, между Коллизеумъ и церковью св. Климента родила ребенка, тотчасъ же умерла и была тамъ же, какъ говорятъ, погребена. Нѣкоторые говорятъ, что съ тѣхъ поръ папа обходитъ эту улицу, вслѣдствіе отвращенія къ подобному поступку. Въ перечнѣ верховныхъ первосвященниковъ этотъ папа-женщина

и императоровъ, въ формѣ сухихъ біографическихъ замѣтокъ, составленная, по сознанию автора, въ видѣ руководства для теологовъ и канонистовъ: *quoniam scire tempora summorum pontificum Romanorum et imperatorum et aliorum principum ipsorum contemporaneorum, quam plurimum inter alios theologis et juris peritis expedit.*

¹⁾ Es haben erst durch dieses Werk alle die Fabeln, welche nach und nach in die Geschichte eingedrungen waren, recht festen Fuss gefasst und eine völlige Herrschaft gewonnen, die nur durch die wissenschaftliche Bestrebungen der neueren Zeit erschüttert werden konnte. Wattenbach, S. 513. См. *Cave, de scriptor. eccles.*; London, 1688, гдѣ доказывается, что въ рукописной хроникѣ Мартина вѣтъ этого мѣста (v. I, p. 739 sqq.).

не упоминается за его развращенность»¹⁾). Такой рассказ о папессе Иоанне, записанный лицом столь приближенным къ папскому престолу, естественно былъ разсматриваемъ всѣми какъ фактъ исторически вѣрный. Хроника Мартина была переводима на всѣ языки, и въ то время какъ рассказъ о папессѣ по редакціи Стефана Бурбонскаго сохранился лишь въ его сочиненіи, редакція данная рассказу хроникой Мартина встрѣчается въ анналахъ всѣхъ странъ, на всѣхъ языкахъ, — ей вполне вѣрятъ, всѣ списываютъ, и никто не сомнѣвается въ томъ, что было время, когда на папскомъ престолѣ воссѣдала женщина... Между тѣмъ новѣйшія изысканія показали, что самъ Мартинъ-Полякъ не упоминалъ въ своей хроникѣ о папессѣ²⁾, что этотъ рассказъ вставленъ въ хронику Мартина уже по смерти автора³⁾.

1) Post Leonem Iohannes Anglicus natus Maguntius sedit annis II mensibus quinque et diebus IV, et mortuus est. Qui, ut asseritur, femina fuit, et aetati puellari a quodam suo amasio in clarissimam urbem Athenis ducta, ubi tantum in literarum studiis profecit, ut nullus par sibi inveniretur, adeo ut postea Romae legens, magnos magistros discipulos et auditores habuerit. Et eadem urbe postea tantam auctoritatem assecuta est, ut in papam concorditer eligeretur. Sed in papatu per quendam familiarem impraegnata.... cum de S. Petro in Lateranum procederet, angusta via Coliseum inter et S. Clementis ecclesiam peperit; et statim mortua ibidem, ut dicitur, sepulta fuit. Sunt qui dicant, Papam eandem viam obliquare transeundo, quod ob detestationem facinoris hoc faciat. Non reperitur in chatalogo summorum Pontificum papa hic muliebris propter fornicationem.

2) Martini Poloni Consent. archiep. ac summi pontif. poenitent. chronicon e vetustissimo ms. et ipsi scriptori paene coaetaneo summa fide et diligentia expressum. Coloniae Agrippinae. 1616 fol. Herausgeber war der Gladbacher Domherr I. Fabricius Caesar; die Fabel von Iohanna papissa kommt hier nicht vor. Potthast, s. c., p. 436. *Le Quies*; Oriens Christianus in quatuor patriarchatus digestus. Parisiis, 1740, III, 385.

3) Не позже однако 1812 года; *Ptolomaeus Lusensis*, окончившій въ этомъ году свое сочиненіе, говоритъ, что во всѣхъ хроникахъ за Львомъ IV слѣдуетъ Бенедиктъ III, а Мартинъ вставляется между нами Иоанну: Omnes quos legi, praeter Martinum, tradunt, post Leonem IV fuisse Benedictum III; Martinus

Форма хроники Мартина-Поляка довольно оригинальна: из двух страниц первая предназначена для папъ, вторая для императоровъ; на каждой страницѣ 30 строкъ; каждая строка соответствуетъ одному году; каждому лицу посвящено столько строкъ сколько лѣтъ онъ занималъ престолъ. Такая механическая форма хроники легко допускаетъ вставки въ тѣхъ строкахъ, которыя отчислены по числу лѣтъ жизни папы или императора, но не замѣнены авторомъ. Для вставки сказанія о паписѣ Іоаннѣ и именно послѣ папы Льва IV были два основанія: въ *формѣ* той хроники, въ которую вставляеть рассказъ, и въ *содержаніи* самаго рассказа.

Какъ извѣстно, Левъ IV занималъ папскій престолъ въ теченіи восьми лѣтъ—отъ Февраля 847 г. до Іюля 855 г.; сообразно съ этимъ, Мартинъ-Полякъ отдѣлилъ для него восемь строчекъ, изъ которыхъ онъ написалъ лишь пять съ половиною; въ остальные же двѣ съ половиною строчки былъ вписанъ рассказъ о паписѣ Іоаннѣ, откуда и явилось общее убѣжденіе, что Агнеса занимала папскій престолъ въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ.

Если форма хроники представляла такія внѣшнія удобства для вставки, то содержаніе самаго рассказа о паписѣ заключаемо въ себѣ внутреннюю необходимость, въ силу которой рассказъ этотъ долженъ былъ быть помѣщенъ послѣ папы Льва IV.

Невѣроятность выбора женщины въ санъ римскаго первосвященника мотивируется въ сказкѣ научными познаніями Агнесы; естественно, что для паписсы, если ей хотѣли дать хронологическую основу—въ устахъ народа рассказы ходятъ безъ точнаго опредѣленія времени—должны были выбрать болѣе раннее время, во всякомъ случаѣ ранѣе папы Григорія VII; такимъ образомъ выборъ историческаго мѣста для паписсы долженъ былъ совпадать

ante[m] Polonus ponit Ioannem Anglicum VIII. Hist. Eccles. XVI, 8. *Spalding*, De papa foemina, p. 597.

съ тѣмъ временемъ, когда былъ примѣръ избранія въ папы ради учености. Послѣ папы Григорія В., ни одинъ папа не отличался познаніями; въ теченіи четырехъ столѣтій, отъ папы Іоанна VI, 791 г., до Григорія VII, 1073 г., Мартинъ-Полякъ называетъ только одного папу человѣкомъ ученымъ ¹⁾, именно папу Льва IV, который, по его словамъ, былъ избранъ римлянами въ первосвященники за свою ученость. Тогда, слѣдовательно, было время, въ которое голоса римлянъ склонялись на сторону болѣе свѣдущаго; тогда слѣдовательно, римляне, не зная пола «философа изъ Аэниѣ», могли вотировать въ пользу Агнесы, какъ болѣе ученой. Вотъ почему папесса Іоанна вставлена непосредственно за Львомъ IV; объ учености и единогласномъ избраніи папессы записано въ выраженіяхъ тождественныхъ съ тѣми, какими Мартинъ-Полякъ обрисовываетъ ученость Льва IV и говоритъ объ его единогласномъ избраніи ²⁾. Правда, въ указанная выше четыре столѣтія былъ еще одинъ папа отличавшійся ученостію—знаменитый математикъ Гербертъ, ставшій въ 999 г. папою Сильвестромъ II ³⁾; но рассказъ о папессѣ Іоаннѣ не могъ быть вставленъ вслѣдъ за упоминаніемъ Сильвестра уже и потому, что Мартинъ-Полякъ не признавалъ его человѣкомъ ученымъ и считалъ, что Гербертъ обязанъ своимъ избраніемъ не учености, но сатанѣ... ⁴⁾.

Такимъ образомъ, сказка, созданная народною фантазією,

¹⁾ *Divinarum scripturarum extitit ferventissimus scrutator.*

²⁾ *In diversis scientiis ita profecit, ut nullas sibi pare inveniretur... cum in urbe vita et scientia magnae opinionis esset, in papam concorditer eligitur.*

³⁾ *Seculari litteraturae nimium deditus.* Herm. Contr. ad a. 1000, ap. *Pertz*, V, 121.

⁴⁾ *Homini alioqui astutum, et in gratiam se principum insinuandi maximum artificem, tanta sede, ut libere fateser, indignissimum.* *Baron.*, Ann. Eccl., ad a. 999. *Annalista Saxo*, подобно Мартину-Поляку, совѣтуетъ вычеркнуть Сильвестра II изъ числа папъ (ad a. 1000). Ср. *G. Naudé*, *Apologetic des grands hommes*, ch. XIX, p. 558.

была вставлена въ историческое произведеніе, которое было любимымъ чтеніемъ того времени и къ которому всё относимся съ полнымъ довѣріемъ. Рѣдко кто, читая въ хроникѣ Мартина рассказъ о паписѣ, высказывалъ, подобно ученому философу, скромное недоумѣніе на счетъ его истинности: «я не знаю, сказка это или истина, но въ папскихъ хроникахъ не встрѣчается ничего подобнаго»¹⁾. Въ то время, въ концѣ XIII стол., трудно было не вѣрить—въ существованіе папы-женщины вѣрили въ то время сами папы: португалецъ Петръ, (Petrus Hispanus), ставъ въ 1276 году папою Іоанномъ, назвался Іоанномъ XXI, хотя по счету папъ того имени онъ былъ лишь двадцатымъ,—папа принялъ въ счетъ паписсу²⁾.

Какъ только рассказъ о паписѣ былъ вставленъ въ хронику Мартина-Поляка, онъ тотчасъ же повторяется, переписывается, дополняется и распространяется во многихъ хроникахъ, анналахъ, исторіяхъ и зеркалахъ; рассказъ получаетъ полный кредитъ и обходитъ всю Европу. Прослѣдимъ распространеніе этого сказанія о паписѣ, отмѣчая варіаціи и новыя прибавки.

Первыми и самыми усердными распространителями сказанія о паписѣ являются члены различныхъ духовныхъ орденовъ католической церкви; въ этомъ отношеніи первое мѣсто должно быть отдано Доминиканцамъ. Галфридъ Курлонскій, дополнившій рассказъ упоминаніемъ соблазнительнаго испытанія папъ³⁾; Бернардъ

1) Van Maerlant, Spiegel historiael, uitgeg. door de Maatschappij der Nederl. letterk. Leiden, 1857, III, 220.

2) Richtig hätte er Johann XX heißen sollen: man glaubte noch an die Päpstin Johanna, daher nannte er sich Johann XXI. (Ciacconius). Gregorius, Geschichte der Stadt Rom, V, 467. O. Andreae, s. 18.

3) Unde dicitur quod Romani in consuetudinem traxerunt probare sexus electi per foramen cathedrae lapideae. Hist. litter. de France, XXI, 10.

Гвидонскій, выводящій Агнесу изъ Германіи ¹⁾, Левъ Орвіетскій ²⁾, Іоаннъ Парижскій ³⁾, Сигоридъ Мейссонскій ⁴⁾, Вильгельмъ Олнжскій, необходимый докторъ ⁵⁾, Амальрикъ Аугерій ⁶⁾, и мног. друг. съ какою-то любовью останавливаются на разсказъ о написеѣ Іоаннѣ и обставляютъ его всѣми подробностями, которыя, по ихъ почитаніямъ, могли придать ему наибольшую вѣроятность.

Для римскаго престола, какъ и для всей римской церкви, подобный случай являлся позорнымъ безчестіемъ. Паписса правила римскою церковію болѣе двухъ лѣтъ; она дѣлала распоряженія, подписывала акты, утверждала избранія, рукополагала, имѣла вліяніе на церковь и государство ⁷⁾—всѣ эти ея отправленія становились ничтожны, теряли свою силу. Паписса разрѣшилась отъ бремени на улицѣ, во время торжественной религіозной процессіи,—что скажутъ магометане? съ какимъ презрѣніемъ отнесутся они къ римской церкви! ⁸⁾ Современники сознавали весь позоръ подобнаго скандала ⁹⁾; *Johane la Papesse fist un grand esclandre à*

¹⁾ *Iohannes Teutonicus, natione Maguntinus. Maii, Spicil. Rom., VI, 202.*

²⁾ *Lami, Deliciae eruditorum. Florent. 1787, p. 148.*

³⁾ *Memoriale historiarum, ap. Duchesne, Scr. rer. Franc., I, 128.*

⁴⁾ *Chronicon universale, ap. Fabricius, Orig. stirpis Saxon., Ietiae.*

⁵⁾ *De potestate ecclesiastica et seculari, ap. Goldast, Monarchia, I. Rousselot, Etudes sur la philosophie du moyen-âge, Paris, III, Occam.*

⁶⁾ *Actus pontificum Roman., ap. Muratori, s. c., III, 2; Eccard., II, 1706.*

⁷⁾ *Sunt qui dicant, hujus temporibus beati Vincentii corpus e Valentia citerioris Hispaniae civitate a quodam monacho in pagum Albiensem ulterioris Galliae deportatum. Dicunt praeterea, Lotharium jam grandem natu sumpto monachorum habitu, filium Ludovicum imperatorem reliquisse, qui statim in Germaniam provinciam rediens omnes ad arma spectantes in officio continuit. Platina, Liber de vita Christi ac de vitis summ. pontif. Rom., Colonia., 132.*

⁸⁾ *Welchen Hohn musste diese Geschichte bei den Muhammedanern hervorrufen. Döllinger, s. 17.*

⁹⁾ *Jean-le-Maitre, Traité de la différence des Schismes et des Conciles de l'Eglise, III, 2.*

la papauté, повторяло потешство ¹⁾. Понятно, что все лица духовныя, а еще болѣе монашескую, стараются скрыть или, по крайней мѣрѣ, не распространять разсказъ о папессѣ, не развѣщать его въ подробностяхъ; и что же? именно напротивъ: доминиканцы болѣе всего старались о повсемѣстномъ распространѣннн скандальнаго, для римской курии и католической церкви новорнаго разсказа.

Это обстоятельство удивляло многихъ; ученые издатели *Литературной Франціи* откровенно сознаются, что «они не въ состоянн объяснить какимъ образомъ могло случиться, что именно въ рядахъ столь преданнаго святѣйшему престолу воинства встрѣчаются наиболѣе наивные распространители и, быть можетъ, изобрѣтатели исторіи столь оскорбительной для папства» ²⁾. Это недоумѣніе легко разрѣшается, если обратимъ вниманіе на ту эпоху, въ теченн которой доминиканцы при помощи своихъ сочиненнй распространяли по всей Европѣ обидную для папства сказку о папессѣ. То было время когда папскій престолъ занималъ Бонифацій VIII, врагъ доминиканцевъ и францисканцевъ ³⁾; особенно же первыхъ: оттого-то доминиканцы такъ дурно отзываются объ немъ въ своихъ произведенняхъ; оттого-то они принимаютъ такое враждебное папскому престолу положенн въ время раздоровъ папы Бонифація VIII съ королемъ Филиппомъ-Красивымъ ⁴⁾. Вотъ причины, по которымъ члены духовныхъ орденовъ католической

¹⁾ Also die paves Leo was doot...

Gheschiede der Kerken grote scame (Van Maerlant).

²⁾ Nous ne saurions nous expliquer comment il se fait que ce soit précisément dans les rangs de cette fidèle milice du saint-siège que se rencontrent les propagateurs les plus naïfs, et peut être les inventeurs, d'une histoire si injurieuse à la papauté. Hist. litt. de France, XXI, p. 10.

³⁾ *Christophe*, Histoire de la papauté pendant le XIV siècle. Paris, 1853. III.

⁴⁾ *Baillet*, Histoire du démêlé entre le pape Boniface VIII et le roi Philippe IV.

цѣркви съ такою любовію останавливаются на разсказѣ о паписсѣ, дополняютъ, развиваютъ его и разносятъ по всей Европѣ вмѣстѣ съ своими сочиненіями.

Благодаря усиліямъ доминиканскаго ордена, разсказъ о паписсѣ Іоаннѣ получаетъ такой кредитъ, что уже въ XIV вѣкѣ въ немъ никто не сомнѣвается, всѣ довѣрчиво читаютъ о прекрасной Агнесѣ въ произведеніяхъ Боккаччіо, Петрарки ¹⁾, и въ XV ст. всѣ убѣждены, что дѣйствительно было время когда на папскомъ престолѣ вѣсѣдала женщина. Это убѣжденіе было такъ велико, что въ началѣ XV стол., въ Сьеннѣ, въ кафедральномъ соборѣ, статуя паписсы была поставлена на своемъ мѣстѣ, въ ряду другихъ папъ. Сьенская церковь дала католическому міру троихъ папъ—Пія II, Пія III, Марцелла II—и ни одинъ изъ нихъ не считалъ себя въ правѣ уничтожить ненавистную статую, которая стояла тамъ въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, пока Клименту VIII удалось наконецъ, послѣ усиленныхъ настояній, измѣнить досадное изображеніе: женское лице паписсы Іоанны было пережѣплено на мужской ликъ папы Захарія ²⁾. Когда Гусъ, на Константиномъ соборѣ, доказывая, что церковь можетъ существовать и безъ папы, сослался на паписсу Іоанну—никто ему не противорѣчилъ ³⁾. Гусъ былъ искренно убѣжденъ, что «прекрасная Агнеса» была папою: въ своемъ сочиненіи *О церквѣ* онъ охотно останавливается на паписсѣ и видитъ въ ней ясное доказательство противъ вѣрованія въ непогрѣшимость папъ, — «паписса Іоанна со всею коллегією осталась ли не запятанною послѣ того какъ Агнеса родила ребенка?» ⁴⁾.

¹⁾ *Chronica delle vite de' Pontefici*. Venetia, 1507; паписса названа Giovanni d'Anglia.

²⁾ *Le-Quion*, s. c., III, 392. *Mabillon*, *Iter Italicum*, in *Musei Italici*, I, 157. Папа Климентъ VIII умеръ въ 1605 году; между тѣмъ одинъ ученый увѣряетъ, что видѣлъ статую въ 1634 году. *Launois*, *Diss. de auctoritate negantis argum. adv. Thiersium*, *Opp.* II, 1, 67.

³⁾ *L'Enfant*, *Hist. du concile de Constance*, II, 334.

⁴⁾ *Quomodo ergo illa Romana ecclesia, illa Agnes, Iohannes papa cum collegio semper immaculata permansit, qui peperit?* *Hus*, de ecclesia, 7.

Не только политическіе и релігіозные противники папскаго института, но сторонники и защитники папства, люди близкіе и преданные папскому престолу искренно вѣрятъ и наввно повторяютъ разсказъ о паписѣ Іоаннѣ.

Кардиналъ Торрекремата, написавшій особое сочиненіе въ защиту папства, признаетъ, что однажды женщина была папою и видитъ въ этомъ могущество папскаго института, который не можетъ быть потрясенъ никакою «случайностію»¹⁾.

Мартинъ Франкъ (Martin le Franc), секретарь двухъ папъ, Феликса V и Николая V, въ своемъ стихотвореніи²⁾, подробно описываетъ папису Іоанну, вполне убѣжденный, что говорить о фактѣ исторически вѣрно. Онъ, правда, удивленъ, что Господь попустилъ совершиться такой случайности:

Comment endura Dieu, comment
Que femme ribaulde et prestresse
Eut l'Eglise en gouvernement?

онъ не считалъ бы чудомъ, еслибы самъ Господь сошелъ на землю, чтобъ судить человечество за предоставленіе женщинѣ, хотя бы и красивѣйшей изъ всѣхъ женщинъ, господства надъ всѣмъ католическимъ міромъ; но онъ выставилъ бы въ такомъ случаѣ адвоката подсудимой паписсы, которому было бы не трудно выиграть процессъ:

Or laissons les péchés, disans,
Qu'elle étoit clergesse lettrée,
Quand devant les plus suffisant
De Rome eut l'issue et l'entrée.

¹⁾ Cum ergo constet quod aliquando mulier a cunctis catholicis putabatur papa, non est incredibile quod aliquando haereticus habeatur pro papa, licet verus papa non sit, etc. *Torrecremata*, Summa de ecclesia, Venet. p. 394.

²⁾ *Martin le Franc*, Le champion des dames, ap. Oudin, Comm. de Scr. eccl., III, 2466.

Encore te peut-être montrée
Mainte Préface que dicta,
Bien et saintement accoustrée
Où en la foy point n' hésita.

Только теперь, въ полов. XV стол., когда сказка о паписсѣ Іоаннѣ обошла уже всю Европу и получила полный кредитъ, только теперь была она занесена на страницы византійскихъ летописей. Халкокондилъ ¹⁾, описывая обрядъ папскаго избранія, упоминаетъ объ испытаніи пола вновь избраннаго папы ²⁾, рассказываетъ при этомъ о паписсѣ и прибавляетъ, что подобный случай возможенъ только въ католической церкви, представителямъ которой брѣютъ бороды. При этомъ грекъ вставилъ въ рассказъ о паписсѣ нѣкоторыя подробности, неизвѣстныя на западѣ: паписса должна была родить во время богослуженія, на глазахъ всего народа, присутствовавшего во храмѣ ³⁾.

И не только на Востока, въ далекой Византіи, имѣвшей много поводовъ относиться къ папскому институту всегда болѣе или менѣе враждебно, рассказъ о паписсѣ записанъ въ хроникахъ, составлявшихся въ Италіи, на глазахъ самихъ папъ ⁴⁾,

¹⁾ *Chalcocondylas, Historia de origine atque rebus Turcorum et imperii Graecorum interitu libri X, ap. Corp. scr. hist. Byzant., ed. Bekker, Bonn, 1843.* Греческій монахъ Варлаамъ упоминаетъ въ XIV стол. о паписсѣ Іоаннѣ (*Barlaam, de parae principatu, cap. IV, p. 120, post Salm. de primatu parae*), но онъ былъ грекъ итальянскій.

²⁾ Лице, испытывавшее собственною рукою мужчина-ли избранъ въ папы, громко произнесло: ἄρτην ἡμῶν ἐστὶν ὁ δεσπότης Chalcos., s. c.,

³⁾ Ὡς εἰς τὴν θυσίαν ἀφίκετο γεννησάι τε τὸ κηδῖον κατὰ τὴν θυσίαν καὶ ὀφθῆναι ἀπὸ τοῦ λαοῦ. Ibid.

⁴⁾ *Cancellieri, Storia de' solenni possessi. Rom. 1802, p. 238.* Рассказъ о паписсѣ встрѣчается между прочимъ въ сочиненіи венеціанскаго священника *Stella, Vita pararum Romanorum, Basil., 1507*, и въ трудѣ епископа Іоанна Чиемзейскаго, *Onus Ecclesiae, 1631, cap. 19, § 14.* (О *Chiemsee* см. *Ebeling, Die deutschen Bischöfe, I, 136*).

не рѣдко по ихъ просьбѣ¹⁾); надо того: сказка о прекрасной Агнесѣ, со всеми ея соблазнительными подробностями, была внесена въ официальное, римскою куріею просмотрѣнное и одобренное изданіе *Путеводителя по городу Риму*²⁾). Этотъ путево-

1) *Platina*, Liber de vita Christi ac de vitis summorum pontificum Romanorum, Colon., 1562. Авторъ написалъ свое сочиненіе во второй пол. XV стол. по просьбѣ папы Сикста IV и въ немъ помѣстилъ рассказъ о написаніи, который передастъ намъ въ слѣдующемъ видѣ: Iohannes Anglicus ex Magnatiaco oriundus malis artibus, ut ajunt, pontificatum adeptus est. Mentitus enim sexum, quum femina esset, adolescens admodum Athenas cum amatore viro docto proficiscitur; ibique praecceptores bonarum artium audiendq tantum profecit, ut Romam veniens paucos admodum etiam in sacris litteris pares haberet, nedum superiores. Legendo autem et disputando docte et acute tantum benevolentiae et auctoritatis sibi comparavit, ut mortuo Leone in ejus locum, ut Martinus (sc. Martinus Polonus, v. s.) ait, omnium consensu Pontifex crearetur. Verum postea a servo compressa, cum aliquamdiu occulte ventrem tulisset, tandem, dum ad lateranensem basilicam proficisceretur, inter theatrum, quod colosseum vocant a Neronis colosso, et sanctum Clementem, doloribus circumventa peperit, eoque loci mortua pontificatus sui anno II men. I diebus IV sine ullo honore sepelitur. Sunt qui haec duo scribant: Pontificem ipsum quando ad lateranensem basilicam proficiscitur detestandi facinoris causa et viam illam consulto declinare et ejusdem vitandi erroris causa, dum primo in sedē Petri collocetur, ad eam rem perforata, genitalia ab ultimo diacono attractari. De primo non abruerim, de secundo ita sentio, sedem illam ad id paratam esse, ut qui in tanto magistratu constituitur, sciat se non deum sed hominem esse, et necessitatibus naturae, utpote egrediendi, subjectum esse, unde merito stercoraria sedes vocatur. Haec quae dixi vulgo feruntur, incertis tamen et obscuris auctoribus, quae ideo ponere breviter et nude iustitui, ne obstinate nimium et pertinaciter omisisse videar, quod fere omnes affirmant; erremus etiam nos haec in re cum vulgo, quamquam appareat, ea quae dixi ex his esse, quae fieri posse creduntur. Въ тѣхъ рукописяхъ Платины, которыя хранятся въ Ватиканской библиотекѣ, рассказъ о написаніи не встрѣчается: Impudens aliquis nebale interpolavit scripta Platinae. Audivit et Antonio Heetveldio, amplissimo laudatissimoque viro, consulari Lovaniensi, dixisse sibi saepius Engelbertus Boonius... vidisse se Romae in Bibliotheca Vaticana, antiquissima Platinae exemplaria manuscripta, sedulo examinasse, et de Ioanne faemina ne literam quidem reperisse: Bernardus, de utilitate legendae hist., lib. II, p. III.

2) *Mirabilia urbis Romae*—это былъ родъ указателя всѣхъ церквей

Дитель подавался не разъ, онъ предлагался каждому путешественнику, посѣщавшему столицу католическаго міра, и до конца XVI стол. въ Римѣ не нашлось ни одного чловѣка, который заподозрилъ бы этотъ разговоръ, отнесся бы къ нему съ недовѣріемъ и исключилъ бы его, какъ разговоръ оскорбительный для папскаго достоинства, изъ официального изданія римской куріи...

Папы и кардиналы, священники и монахи относятся съ полнымъ довѣріемъ къ разсказу о паписѣ; нѣмцы и французы, греки и италіанцы не сомнѣваются въ существованіи прекрасной Агнесы, занимавшей нѣкогда папскій престолъ. Общее довѣріе къ разсказу о паписѣ такъ живо, такъ сильно укоренено въ умахъ, что даже въ концѣ XV стол. никто не осмѣливался умалчивать объ ней, говоря о папахъ, никто не дерзалъ высказывать свое сомнѣніе, — почти всѣ вѣрили въ дѣйствительное существованіе паписсы ¹⁾.

Уваженіе къ ученымъ дѣятелямъ прошлыхъ вѣковъ и къ требованіямъ современной намъ науки, почтеніе къ папскому институту, бывшему въ теченіи многихъ столѣтій главнымъ нервомъ исторіи чловѣчества, и къ римскимъ первосвященникамъ, величественный рядъ которыхъ внушаетъ невольное удивленіе, независимое отъ различія вѣроисповѣданій, — все это заставляетъ насъ не довольствоваться простымъ, голословнымъ отчисленіемъ сказанія о паписѣ Іоаннѣ къ области сказочныхъ созданій народной фантазіи, но рассмотреть его во всѣхъ подробностяхъ и

ныхъ достопримѣчательностей города Рима, предназначеннаго спеціально для чужестранцевъ, желающихъ осмотрѣть городъ, и для паломниковъ, тысячами приходившихъ въ Римъ для поклоненія мощамъ святыхъ угодниковъ. Первоначально это изданіе называлось *Indulgentiarum ecclesiarum urbis Romae*. О паписѣ упомянуто даже въ изданіи 1563 г.

¹⁾ Ne obstinate nimium et pertinaciter omisisse videar, quod fere omnes affirmant. *Platina*, l. s. c.

привести несомнѣнные доказательства, что этотъ рассказъ есть не болѣе какъ сказка.

Бывъ во всѣхъ сказкахъ, такъ и въ рассказѣ о паписѣ, точныя подробности рассказа составлялись мало-по-малу, въ теченіи вѣковъ, пока наконецъ не сформировался тотъ полный рассказъ, который приведенъ въ началѣ настоящей статьи.

Первоначально, въ устахъ народа, паписса не имѣла опредѣленнаго имени. Въ первыхъ письменныхъ извѣстіяхъ о ней сказано только, что «была какой-то жепана, имя котораго и года папствованія неизвѣстны, ибо то была женщина»¹⁾. Ее женское имя было впервые произнесено не ранѣе XIV стол.,— ее звали *Амесой*, какъ то значитъ въ сочиненіи Гуса, затѣмъ *Гильбертой*, какъ о томъ записано у Боккаччіо²⁾, наконецъ *Изабеллой*, *Маргаритой*, *Доротеей*, *Юттой* и др.³⁾. Ее паписское имя было выбрано изъ именъ наиболѣе обыкновенныхъ,—ее называли *Юанномъ* потому, что во время составленія рассказа было уже до двадцати папъ, носившихъ это имя.

Время, въ которое жила паписса, первоначально не было извѣстно,—народъ не заботится о хронологіи своихъ сказочныхъ героевъ. Стефанъ Бурбонскій, первый записавшій о паписѣ, относитъ ее къ 1100 году⁴⁾, т. е. именно къ тому времени когда впервые упоминается употребленіе при церемоніи папскаго восшествія на престолъ особыхъ дырявыхъ креселъ. Позже, паписса

¹⁾ Fuit et alius pseudopapa, cujus nomen et anni ignorantur, nam mulier erat. *Compilatio Chronologica*, ap. *Pistorius*, *Scr. rer. Germ.*, I, 715.

²⁾ Quod proprium fuerit nomen, vix cognitum est. Esto sunt qui dicant fuisse Gilibertam. *Boccaccio*, *De claris mulieribus*, v. h. n.

³⁾ *C. I. Weber*, *Das Papstthum und die Päpste*. Stuttgart, 1834, I, 241.

⁴⁾ *Q. Andreae*, l. s. c.; S. 9; предлагаетъ вмѣсто МС читать СМ, т. е. 900 годъ, но мы считаемъ неудобное, ни на чемъ не основанное измѣненіе невозможнымъ и во всякомъ случаѣ бесполезнымъ.

была отнесена рѣшительно вѣкъ въ пол. IX стол., къ 855 году. вслѣдствіе того что, какъ мы видѣли, въ одной изъ хроникъ было подъ этииъ годомъ пустое мѣсто и предшествовавшій папа, Левъ IV, представлялъ нѣкоторое сходство съ Агнесой по своей учености.

Долгое время едваво паписса была не ученою женщиною, а просто опытною въ искусствѣ писанія ¹⁾; нѣсколько позже, она уже изучаетъ философію въ Аеннахъ ²⁾, наконецъ, является въ Римъ, гдѣ занимаетъ мѣсто въ высшемъ училищѣ и привлекаетъ въ себѣ толпу слушателей ³⁾. Въ нач. XV стол., знали даже гдѣ именно преподавала паписса, — Дитрихъ Нимскій говорить, что Агнеса преподавала въ *греческой школѣ* ⁴⁾, въ той самой въ которой былъ пѣкогда св. Августинъ. Слѣды вѣрованія въ ученость папиussy сохранились до позднѣйшаго времени: въ тробниахъ римской церкви помѣщалось въ прежнее время нѣсколько предисловіи; позже, когда эти предисловія, неизвѣстно вѣкъ и по какимъ причинамъ, были уничтожены, то это объясняли тѣмъ, что тѣ предисловія были написаны паписсой Іоанной ⁵⁾. Эти-то предисловія имѣли въ виду Мартинъ Франкъ въ тѣхъ стихахъ, которые приведены нами выше.

¹⁾ In arte notandi edocta. Steph. de Boarb. I; a. c.

²⁾ Eccard., II, 1607.

³⁾ Grosse Lesemeister begehrtē ihre Schüler zu sinde, da sie alsus drüsor hielt die übersten Schulen zu Rome. I. v. Königshofen, Cronica von der hilliger Stat Coellen, 1499, см. N. C. Kist, die Pāpstin Johanna, ap. Histor. theolog. Zeitschrift, 1844, 2. Этого важнаго журнала нѣтъ въ Публичной библиотекѣ.

⁴⁾ Ihre Kenntnisse verschafften ihr in Rom eine Professur an der Schule der Griechen, denn in eine solche verwandelte die Fabel jene Diaconie die wir unter dem Namen S. Maria Scholae Graecorum kennen. Gregorovius, III, 126.

⁵⁾ Hic (Iohannes Anglicus) primus post Ambrosium multas praefationes missarum dicitur composuisse, quae modo omnes sunt interdictae. Marcus, Iohanna papissa restituta, p. 17.

Если имя, время и познанія паписсы Иоанны были наконецъ точно опредѣлены, то мѣсто рожденія Агнесы такъ и осталось не выясненнымъ до настоящаго времени. Въ первоначальныхъ записяхъ она названа *англичанкою, родомъ изъ Майнца* ¹⁾; позже встрѣчаются нѣсколько попытокъ примирить это английское происхожденіе Агнесы съ рожденіемъ въ Майнцѣ: одни называютъ ее *англичанкою, родомъ изъ Маргана* ²⁾; другіе — просто *нѣмкою* ³⁾. Это выведеніе Агнесы изъ Германіи очень скоро стало непопулярнымъ между ея соплеменниками, — нѣмцы стыдились признать свою Германію родиною женщины, опозорившей какъ себя, такъ и тотъ санъ, въ который она была облечена ⁴⁾, нѣмцы въ этомъ видѣли главную причину того, что кардиналы избѣгаютъ избирать въ папы нѣмца ⁵⁾. Это послѣднее обстоятельство заставило нѣмцевъ прибѣгнуть къ довольно крайней мѣрѣ: хотя выборъ родины для Агнесы постоянно, въ теченіи вѣковъ колебался только между Англіей и Германіей, но такъ какъ Англія была хорошо знакома съ разсказомъ о паписсѣ и не приминула бы протестовать противъ всецѣлаго перенесенія Агнесы за Ламаншъ, то нѣмцы рѣшились избрать страну болѣе безответную въ этомъ отношеніи и перенесли родину Агнесы изъ Германіи въ Грецію ⁶⁾. Къ числу наи-

¹⁾ *Iohannes Anglicus, natione Maguntinus.*

²⁾ *Natione Margantinus.* — Margan, аббатство въ Glamorganshire; гдѣ были составлены *Annales Marganenses*, ap. *Gale, hist. Angl. scr.*, II, 1—19.

³⁾ *Iohannes Teutonicus. Vitae Pontiff.*, ap. *Maii Spic. Rom.*, VI, 202.

⁴⁾ *Om dat dese Paens wt duytslant rus van ments opten ryn, so menen sommige, dat dit die saxe is, dat men genen geboren duytsche meer tot paens settet. Divisie-Chronyk, Leiden, 1517.*

⁵⁾ *Leibnitz, Scr. rer. Buensio.*, II, 212.

⁶⁾ Деллингеръ, стр. 42, приводитъ чрезвычайно интересное сказаніе о паписсѣ изъ одной рукописи Мюнхенской библіотеки (*Cod. lat. Tegerns. 781*): *Item papa Iutta, qui non fuit alamannus, sicut mendose fabulatur chronica martiniana. Glancia puella, fuit filia ditissimi civis Tessalici, cujus omnis meditatio aequivoca nota sapientiae versabatur; hujus erat intellectus perspicax et ingenium docile, quem penitus assidua legendi solertia vegetabant; haec*

болѣ оригинальныхъ попытокъ въ этомъ отношеніи должно отнести ту, которая отдавала Агнесу безраздѣльно Англии, для чего въ текстѣ было сдѣлано небольшое измѣненіе: вмѣсто *Iohannes Anglicus, natione Maguntinus*, въ одной хроникѣ читается *Iohannes Anglicus natione Magnanimus* ¹⁾. Трудно конечно сказать, въ

tempore brevi sibi famam per omnes circuitus vindicabat; sed praedicatas laudes rei veritas excedebat. Erat Percius in scholis illi juvenculus coaevus. Huic noto discendi capacitatis ingenio, paternis opibus et omni quasi frugalitate, consiliis hos ambos; quos aetas aequaverat, exequat amor, de jugalitate tractatur, parentes abnuunt. Crescit inter hos ardor et concupiscentia, cum diebus sensim pullulat aetas, in oscula veniunt et amplexus impetientes. Denique latibulum petunt et ardentem junguntur. Ludo veneris consummato de recessu tractant. Haec inter mulieres, hic inter homines virtutum dotibus ac disciplinarum studiis optant fieri singulares, et Athenas ire deliberant inter ipsos. Uterque se quot potest opulentiis munit; habitus gestusque capit illa viriles et similes animo simul habitus mirandos ac spectabiles illos facit. Nulla mora properant Athenas, ubi longo tempore student, et illa doctior, quidquid est divinae facultatis, aut humanae disciplinae vel artium studiosa capescit, et ille similiter est omni sapientia gloriosus. Hos non Athenae solum, sed universa Graecia veneratur. Hi Romam veniunt, in omni facultate studium pronuntiant, ad hos omnes conveniunt tam scholares quam quarumcunque scientiarum doctores et quo profundiores accedunt, quas hauriant venas, uberores inveniunt; hos omnes et omnium facultatum doctores adorant, hos omnes cives venerantur et horum mores modestiamque, virtutes et sapientiam praedicat omnis Roma, qui amplius in omnem terram penetrat sonus eorum. Denique functo pontifice mulier nominatione omni labio vocatur et voce non impugnata, Romanis hortantibus, ad apostolatus apicem promovetur. Cardinalatur Percius amasius, vitam sagaciter agunt et in eorum gubernatione tota laetatur ecclesia. Sed quum status adulteri raro radices figunt, vel si germinent, non roborant, et si roborent, non perdurant, accidit ergo, quod antea nunquam, fucata mulier papissa praegnatur et insueta tempora partus ignorans ibat ad ecclesiam sancti Ioannis Lateranensis cum universo clero missam sollemnem celebratura. Sed inter Colosseum et ecclesiam S. Clementis coacta doloribus cecidit et puerum peperit et pariter expiravit. Hanc viam papa semper evitat et ante coronationem papae semper manibus virilia palpantibus exploratur.

¹⁾ Ioannes dictus Anglicus natione Magnanimus post dominum Leonem papam in Romanum Pontificatum fuit assumptus, et post b. Petrum aposto-

чемъ именно подмѣтилъ авторъ великодушіе Агнесы, ¹⁾—ужь не въ томъ-ли что она пожертвовала папскимъ саномъ, жизнью и даже добрымъ именемъ для удовлетворенія плотской страсти?

Кажется народная фантазія съ особенною любовію занималась моментомъ родовъ; сохранилось нѣсколько варіацій на эту тему. По однимъ, Агнеса была уже беременна въ моментъ избранія и родила при торжественномъ вступленіи въ Латеранъ; ²⁾ за тѣмъ она была привязана къ ногамъ лошади, которая поволокла ее за городъ, при чемъ народъ бросалъ въ свою паписсу камнями. По другимъ, паписса спокойно управляетъ римскою церковью болѣе двухъ лѣтъ, рождаетъ на улицѣ, тотчасъ же умираетъ и погребается народомъ на томъ же мѣстѣ ³⁾. Боккаччо представилъ всю катастрофу болѣе мирно, не заканчивая ее трагическою смертію у хвоста лошади или на улицѣ: паписса лишается своего сана, плачетъ и продолжаетъ жить въ Римѣ частнымъ человекомъ ⁴⁾. Почти также, но безъ слезъ, рассказана эта катастрофа въ одной, недавно издавпной, довольно впрочемъ безцвѣтной хроникѣ XIV стол. ⁵⁾. Въ другой, неизданной еще хроникѣ, рассказъ изукрашенъ бесѣдою нечистой силы: къ Агнесѣ, которая была уже

lun ponitur papa centesimus decimus. Amalr. Aug., hist. pontif., ap. Eccard., II, 1607.

¹⁾ Der Verfasser meint offenbar, die Kühnheit und Charakterstärke, ohne welche ein solcher Lebenslauf und vieljährige Verbergung des Geschlechts nicht möglich gewesen wäre, habe ihr den Ehrennamen der «Grossherzigen» erworben. Döllinger, S. 41.

²⁾ Cum ascenderet, sc. palatium (Steph. Vorb. l. s. c.). Въ этомъ именно смыслѣ употреблено выраженіе *ascendere* при описаніи коронаціи папы Пасхалиса II: *ascendensque palatium*. Muratori, s. c., III, 364.

³⁾ Martinus-Polonus, v. s.

⁴⁾ Ex apice pontificatus defecta se in misellam evasisse mulierculum querebatur... A patribus in tenebris exteriores abjecta cum fletu misella abiit. Boccaccio, l. s. c.

⁵⁾ Eulogium, Chronicon ab orbe condito usque ad annum 1366. Edited by Frank Scott Haydon. London 1858.

въ то время папоу, является сатана и говоритъ: «о ты, папа! при родахъ твоихъ обнаружится, что ты паписса; тогда-то я возьму тебя, твою душу и твое тѣло, къ себѣ, въ мое общество». ¹⁾ Въ другихъ сочиненіяхъ сатана замѣненъ ангеломъ, который предлагаетъ паписсѣ на выборъ—или позоръ публичныхъ родовъ на землѣ, или вѣчное осужденіе за гробомъ; Агнеса избрала первое ²⁾. Эта послѣдняя варіація все на ту же нескромную тему была любимѣйшею,—въ устахъ народа она пережила всѣ предъидущія варіаціи ³⁾.

Очевидно: образъ женщины, возведенной въ папскій санъ, и представленіе папы, разрѣшающагося отъ бремени, былъ довольно любимой темой, на которую народная фантазія представила много вариантовъ. Что же послужило поводомъ къ составленію тѣхъ соблазнительныхъ подробностей, которыми обставленъ рассказъ о паписсѣ Іоаннѣ?

Четыре предмета послужили главнымъ поводомъ къ изукрашенію сказанія о прекрасной Агнесѣ: *статуя*, которую, по ея облаченію, принимали за изображеніе женщины; *камень съ надписью*, который былъ признанъ за могильную плиту; *дырѣвья кресла*, употреблявшіяся при церемоніи папскаго восшествія на престолъ,

¹⁾ Ap. Wolf, *Lecton. Memorab.*, ed. 1671, p. 177.

²⁾ *Mirabilia urbis Romae*; Hemmerlin, *Dialogus de nobil. et rusticis*. 1597, f. 99; I. v. Königshofen, l. s. c.

³⁾ Dieu desirant qu'une si scelerée meschanceté ne demeurast impunie, envoya un Ange à ce Pontife, lequel luy dit, que son péché luy servit pardonné, pourveu qu'elle accouchast en pleine rue sans secours, ny appeller aucune femme pour la servir ou assister en telle nécessité. Que cela luy serviroit de penitence: et ceste amende honorable, de peine. Ce qu'elle fit, pour obeyr au commandement de Dieu. Cest autheur avoit aprins ce conte de quelque bonae vieille Romaine: car ceux qui ont voulu prendre la peine de s'en informer m'ont asseuré qu'il est encor en la bouche de plusieurs que cest Ange luy donna le chois ou d'accoucher privement et sans honte et d'aller en Enfer; ou publiquement, et aller en Paradis. *Florimond de Remond*, *Erreur populaire de la papesse Jeanne*, 1599, ch. XXIII, n. 3, f. 429.

и наконецъ, *улица*, которую папы обыкновенно обходили при торжественныхъ процессіяхъ.

Найденная на одной изъ улицъ Рима статуя открывала обширное поле для изысканій археологовъ и догадокъ народа, такъ какъ въ ней недоставало самаго главнаго—головы. Статуя изображала скорѣе мужскую, чѣмъ женскую фигуру, въ длинномъ облаченіи, въ правой рукѣ—пальмовая вѣтвь, по лѣвую сторону—мальчикъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это было изображеніе какого нибудь жреца съ прислужникомъ или какого либо языческаго божества; но длинная одежда и фигура ребенка наталкивали народную фантазію на иное представленіе: это мать съ ея ребенкомъ, говорили римляне, и такая догадка была тѣмъ охотнѣе принимаема, что подтверждала народное сказаніе о папѣ-женщинѣ. Первое упоминаніе объ этой статуѣ записано въ концѣ XIII стол. т. е. именно во время распространенія этого сказанія по всей Европѣ¹⁾. Въ настоящее время мы лишены возможности представить не только объясненіе, но и болѣе точное описаніе той статуи, такъ какъ папа Сикстъ V, въ концѣ XVI стол., уничтожилъ предметъ, дававшій народу поводъ къ толкованіямъ столь непріятнымъ для папскаго престола.

На той же улицѣ, неподалеку отъ статуи, лежалъ камень съ загадочною надписью, которую никто не могъ дешифровать и которую римляне смѣло приводили въ связь съ паписсой и ея родами. Сколько можно догадываться, надпись эта состояла изъ слѣдующихъ знаковъ:

P Pater Patrum P P P

Послѣдніе три знака не представляютъ особенныхъ затрудненій для прочтенія: *propria pecunia posuit*, выраженіе, которое встрѣчается всегда въ сокращенномъ видѣ и всегда въ формѣ

¹⁾ Van Maerlant, l. s. c.: En daer leget soe, als wyt lesen
Noch also up ten Steen ghehouwen,
Dat men ane daer mag scouwen.

трехъ начальныхъ буквъ каждаго изъ тѣхъ словъ. *Pater Patrum*— титулъ жрецовъ Митры, древнеперсидскій культъ котораго впервые появился въ Римѣ въ 67 г. до Р. Хр., начиная со II вѣка былъ сильно распространенъ, особенно при императорѣ Коммодѣ; въ 378 г. митрскія мистеріи были запрещены въ Римѣ. Титулъ митрскихъ жрецовъ, *Pater Patrum*, часто встрѣчается на древнихъ монументахъ ¹⁾. Первоначальный знакъ Р обозначалъ вѣроятно собственное имя жреца, быть можетъ *Papirius*; сохранилось много надписей съ подобнымъ сокращеніемъ ²⁾. Такимъ образомъ, вышеприведенная надпись могла быть читаема:

Papirius Pater Patrum Propria Pecunia Posuit

Мы представляемъ возможное, но условное объясненіе той надписи, такъ какъ самый камень давно уже уничтоженъ и въ запискахъ современниковъ не сохраненъ точный списокъ надписи. Какъ бы въ облегченіе нашего труда, современники, скрывъ отъ насъ самую надпись, представляютъ намъ нѣсколько образцовъ средневѣковаго искусства дешифрованія. Въ загадочныхъ знакахъ надписи всѣ видѣли какъ бы графическое дополненіе къ близъ лежавшей статуѣ; одни читали ³⁾:

Parce Pater Patrum Papissae Prodere Partum
другіе ⁴⁾), нѣсколько иначе:

Papa Pater Patrum Papissae Pandito Partum
наконецъ было представлено и болѣе игривое чтеніе:

Papa Pater Patrum Peperit Papissa Papellum.

Такимъ образомъ загадочная надпись была прочтена; камень сталъ могильною плитою несчастной паписсы, и хронистъ съ увѣренностію говорить: «Агнесса была похоронена на томъ самомъ

¹⁾ *Orelli*, *Inscriptionum latinarum ampl. coll.*. 1848, 1984, 2348, 2344, 2352.

²⁾ *Orelli*, *s. c.*, II, 25.

³⁾ *Echard*, *l. s. c.*, p. 568.

⁴⁾ *Martini Minoritae Flores Temporum*, ad a. 854, ap. *Eccard.*, I, p. 1609.

и́стѣ, гдѣ умерла послѣ родовъ; надъ ея могилой былъ положенъ камень, а на томъ камнѣ вырѣзана вышеприведенная надписьъ ¹⁾.

Если подобная надпись на могильной плитѣ можетъ представляться подозрительною для насъ, знакомыхъ съ характеромъ латинскихъ надписей на древнихъ монументахъ, то для народа, фантазія котораго разыгривалась все болѣе и болѣе по мѣрѣ накопленія матерьяла, эта надпись казалась неудовлетворительною по своей краткости; народъ по своему объяснялъ происхожденію той надписи. По этому поводу въ Римѣ ходили разные толки: одни говорили, что сатана, зная тайну беременности паписсы, произнесъ прочтенныя на камнѣ слова въ засѣданіи коллегіи кардиналовъ, въ которомъ присутствовала Агнеса ²⁾; другіе разсказывали, что въ самый моментъ публичнаго разрѣшенія паписсы отъ бремени, слышны были тѣ слова въ воздухѣ, — то былъ крикъ сатаны, ликовавшаго о приобрѣтеніи души злощастной Агнесы ³⁾; наконецъ нѣкоторые ⁴⁾ представляли такое объясненіе надписи: паписса заклинала злой духъ выйти изъ одного бѣсноватаго, на что дьяволъ отвѣчалъ презрительнымъ стихомъ:

¹⁾ Ubi fuit mortua, ibi fuit sepulta, et super lapidem super ea positum scriptus est versiculus etc. Echard, p. 569.

²⁾ Chron. S. Aegidii (v. Compil. Chronol. I. s. c.).

³⁾ Th. Engelhusii chronicon ab O. C. asque ad a 1420, ap. *Leibnitz*, Scr. rer. Brunsw, II, 1065 (Chronica nova).

⁴⁾ Mulier papa a. D. *DCCCLIII* sedit annos III menses V. Haec dixit se vocari Iohannem Anglicum Margantanum. In habitu virili Athenas ab amasio suo ducta, in diversis scientiis erudita est et valde profecit, post haec Romam veniens triviales artes legit et magnos magistros discipulos habuit. Haec cum in urbe vita et scientia non mediocriter omnes excelleret, in papam eligitur, sed a praedicto amasio impraegnatur. Haec daemoniacum quendam adjurans interrogavit, quando recedere vellet. Cui diabolus versifice respondet: Papa etc. Tandem inter Coliseum et ecclesiam S. Petri parturiens obiit. Ideo papa adhuc transeundo viam illam obliquat. Martini Minoritae Flores Temporum, I. s. c. За исключеніемъ приведенной въ текстѣ бесѣды съ дьяволомъ, весь разсказъ мнорита Мартына дословно повторенъ съ разсказа по записи Мартына-Полака.

Papa Pater Patrum papissae pandito partum,
Et tibi tunc dicam de corpore quando recedam ¹⁾).

Вѣроятно въ народѣ ходило много подобныхъ сказокъ на эту игривую тему, но тѣ рассказы, не записанные современниками, не дошли до насъ ²⁾.

Въ то время какъ найденная на одной изъ улицъ Рима загадочная надпись могла занимать образованный классъ средне-вѣковаго общества и вообще людей грамотныхъ, народную фантазію болѣе привлекали тѣ дырavyя кресла, на которыя по обычаю садился вновь избранный папа.

Съ конца XI стол., со времени папы Пасхалиса II, упоминается обычай, по которому избранный въ папы, при торжественной латеранской церемоніи восшествія на престолъ садился на два дырavyя кресла ³⁾. Эти кресла были изъ свѣтло-розоваго мрамора, античной работы; подобныя кресла составляли принадлежность античныхъ бань и служили для извѣстнаго употребленія, почему на самомъ сидѣньи каждаго изъ нихъ находилась дыра, довольно правильной формы ⁴⁾. Древность кресель, дорогой мраморъ, прекрасная работа соблазнили папъ и кресла были постав-

1) Это двустишіе было переведено въ началѣ XVII в. слѣдующимъ образомъ: «Di moi quand une Papesse enfantera et je te dirai quand j'en vertirai». *Du Plessis Mornai, Mystère d'Iniquité, 1611, p. 162.* Это сочиненіе вызвало въ свое время большую полемику: *Coiffeteau, Réponse au Mystère d'Iniquité, 1613; Rivet, Remarques sur la Réponse au Mystère d'Iniquité* и др.

2) Въ исторіи Рима встрѣчается подобное же объясненіе загадочной надписи. Въ средневѣковыхъ хроникахъ, начиная съ Беды Преподобнаго (*Beda Venerabilis, De sex aetatibus mundi, in Monum. hist. Brit., 1848*) часто рассказывается, что въ Римѣ была найдена надпись, состоявшая изъ слѣдующихъ шести знаковь: R. R. R., F. F. F. Подобныя сокращенія встрѣчаются довольно часто, и загадочныя буквы могли заключать въ себѣ довольно обыкновенный смыслъ: *Ruderibus rejectis Rufus Festus fieri fecit*; но изъ нихъ сдѣлали предсказаніе Сибиллы о паденіи Рима и прочли: *Roma ruet Romuli ferre flammaque faveque.*

3) Döllinger, S. 30. O. Andreae, S. 22.

4) Въ музеяхъ западной Европы можно видѣть много подобныхъ сдѣлаищъ.

лены на видное мѣсто къ церкви св. Сильвестра, близъ Латерона ¹⁾). Во время церемоніи папскаго посвященія, ново-избранный садился сперва на кресло стоявшее по правую сторону—ему надѣвали поясъ съ семью ключами и семью печатами и вручали посохъ; затѣмъ онъ переходилъ къ другому креслу, садился на него и отдавалъ поясъ и посохъ пріору церкви св. Лаврентія, послѣ чего на него надѣвали особое украшеніе на подобіе іудейскаго ефода левитовъ ²⁾). Это возсѣданіе на креслахъ было символомъ принятія власти надъ римскою церковью и ввода во владѣніе римскими патримоніями ³⁾).

То обстоятельство, что эти кресла были дырavyя, было совершенно случайно, онѣ были выбраны для употребленія при церемоніи единственно за древнеримскую форму и прекрасный цвѣтъ мрамора. Тѣмъ не менѣе эти дырavyя кресель естественнымъ образомъ обращали на себя вниманіе; что они употреблялись въ античныхъ баняхъ—о томъ никто не зналъ въ то время; и именно въ средніе вѣка, въ Италиі, никому не могла придти въ голову мысль о баняхъ. Символизмъ церемоніи папскаго посвященія былъ темень, непонятенъ народу; народъ объяснялъ возсѣданіе папы на дырavyя кресла по своему и то свойственнымъ ему юморомъ: кресла свѣтлы и дырavyя—чтобъ убѣдиться, что избранный въ папы дѣйствительно мущина, а убѣдиться въ томъ необходимо, такъ какъ однажды была уже женщина папою.

О такомъ испытательномъ назначеніи тѣхъ дырavyякъ кресель впервые записано въ концѣ XIII стол.: доминиканецъ Робертъ

¹⁾ *Montfaucon, Diar. Ital., p. 137.*

²⁾ *Ascendens palatium ad duas curules devenit. Nic baltheo succingitur, cum septem ex eo pendentibus clavibus septemque sigillis... et locutus in utrisque curulis data sibi ferula in manu etc. Pandulfus Pisanus, Liber Pontificalis, ap. Muratori, l. s. c., p. 354.*

³⁾ *Per cetera palatii loca, solis pontificibus destinata, jam dominus vel sedens vel transiens electionis modum implevit. Ibid.*

Узекій рассказываетъ, что духъ его былъ однажды, во время сна, перенесенъ въ Римъ, гдѣ онъ видѣлъ въ латерановскомъ дворцѣ мраморныя сѣдалища, «на которыхъ испытываютъ мушинули избранный въ папы» ¹⁾. Въ началѣ XV стол., въ 1405 г., одинъ итальянецъ, въ письмѣ къ знаменитому греку Эммануилу Хризолору, въ которомъ онъ какъ очевидецъ описываетъ восшествіе на престолъ папы Григорія XII, называетъ подобное испытаніе папъ *безмысленною выдумкою народа*; ²⁾ въ концѣ же XV стол., другой итальянецъ, писавшій свое сочиненіе по просьбѣ папы Сикста IV, не считаетъ это испытаніе сказкою и такъ объясняетъ значеніе возсѣданія папъ на дырявыя кресла: «я думаю, что дырявое кресло устроено для того, чтобы напомнить тому, который облечается такимъ высокимъ саномъ, что онъ не Богъ, но человѣкъ, и что онъ по прежнему подверженъ всѣмъ нуждамъ человѣческой природы, въ томъ числѣ и возсѣданію по временамъ на дырявомъ креслѣ, почему то кресло справедливо называется *sedes stercoraria*» ³⁾. Этой сказкѣ вѣрили во всѣхъ странахъ Европы, не только въ отдаленныхъ отъ Рима, какъ напр. въ Англіи ⁴⁾,

¹⁾ Ubi dicitur probari papa an sit homo. *Robert d'Usez*, Liber trium virorum et trium virginum, ed. Lefebvre, Paris, 1813, f. 26. Робертъ умеръ въ 1296 году, см. *Hist. litt. de France*, XX, 501.

²⁾ *Jacopo d'Agnolo de Scarperia*: Juxta hoc (sacellum Sylvestri) geminae sunt fixae sedes porphiretico incisae lapide, in quibus, quod perforatae sint, insanam loquitur vulgus fabulam, quod pontifex atrectetur, an vir sit. (*Cancellieri*, Storia de' solenni possessi, Rom. 1802, p. 87).

³⁾ Platina, s. c. Bei den Päpsten können wir der *sella stercoraria* entbehren, denn ihre meisten Bildsäulen stellen sie sitzend vor, wobei man weit weniger an die alte *sella curulis*, als an den analogen Nachtstuhl denken muss, und was vermag besser an unsere Menschlichkeit zu erinnern, und an das Ende aller Dinge, als ein Nachtstuhl? Weber, s. c., p. 243.

⁴⁾ *William Brevin*, De septem principalibus ecclesiis urbis Romae. 1470. Es est nicht richtig, wie häufig behauptet wurde, dass der Engländer W. Brevin zuerst den angeblichen Untersuchung über das Geschlecht des neuen Papstes gedenke. Döllinger, s. 92.

Швеціи, ¹⁾ Франціи, ²⁾ ей вѣрили въ самой Италиі ³⁾, и не только въ XV стол.,—эта испытательная церемонія упоминается какъ фактъ несомнѣнный при описаніи восшествія на тронъ папы Иннокентія X, слѣдовательно въ половинѣ XVII стол. ⁴⁾. Этого

¹⁾ *Laur. Banck, Roma triumphans. Franeker, 1645. (Cancellieri, l. s. c.)* Книга Банка принадлежитъ къ числу библиографическихъ рѣдкостей. Мы получили недавно изъ Вильны слѣдующее извѣстіе: «При разборѣ библиотеки Виленскаго Музея, между сваленнымъ въ уголь разнымъ печатнымъ хламомъ, найдена латинская книга весьма любопытная по своему содержанию, подъ заглавіемъ *Roma triumphans*, объ избраніи и посвященіи римскихъ папъ и въ особенности Климента X. Книга печатана въ 1645 году и иллюстрирована многими рисунками». Эти указанія не оставляютъ сомнѣнія, что найденная книга есть именно одна изъ не многихъ удѣльшихъ экземпляровъ книги Лаврентія Банка. Находка относится ко времени управленія Виленскимъ учебнымъ округомъ И. П. Корнилова, издѣвиемъ котораго сдѣлано нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ рисунка изображающаго процессъ испытанія и къ нему приложены литографическія вписки мѣсть; относящихся къ писемъ Іоаннѣ. Тѣмъ и другимъ мы обязаны академической дружбѣ Н. П. Барсова.

²⁾ *Après ce pape Leon, qui tint la chaire saint Pierre huit ans, fut installé en la papalité une femme d'Angleterre, qu' on pensoit estre homme, et fut nommée Iehan. Elle estoit natifue de Magonce: et comme elle eust l'aage de douge ans, print le vestement et accoustrement d'ung enfant masle, et s'en alla estudier à Athenes, ou elle profita grandement: puis s'en alla à Rome ondict habit, ou elle fut si bien estimée, que les cardinaux, cuidans que ce fust un homme, lesleverent en pape: et tint le siege treze mois ou environ. Et le mois treziesme, elle estant enceincte du faict d'un sien varlet de chambre secret, ainsi qu'elle alloit à l'eglise saint Iehan de Latran, entre le theatre de Colosse et saint Clement, fust pressée de la douleur naturelle des femmes grosses, et en enfantant trespassa. On diet qu'à l'ocasion de ce, si et quand on faict un pape, que depuis ledict temps on a accoustumé s'enquerir par un cardinal s'il a genitoires. Bouchet, Annales Daquitaine, faictz et gestes en sommaire des roys de France etc., ed. Mounin, Poitiers, 1644, p. 48.*

³⁾ Finalmente essendo finite le solite solemnitati in Sancta Sanctorum et dimesticamente toccatogli li testicoli, ritorno al palacio. *Bernardino Corio, Patria Historia, p. VII, fol. Riv. Milano 1503. In den Späteren Ausgaben ist die stelle ausgelassen. Döllinger, s. 32.*

⁴⁾ L. Banck, s. c. Иннокентій умеръ въ 1644 году.

мало: итальянец Болцани, литературный другъ папы Льва X, осыпанный его щедрыми милостями ¹⁾, подробно описываетъ скандальное испытаніе папъ и говорить, что о результатѣ испытанія составляется формальный протоколъ; ²⁾ и это сочиненіе Болцани, посвященное кардиналу Ипполиту Медичи, было издано не только съ соизволенія Иннокентія X, но съ папскою привилегією. Удивительно-ли, что сказка пользовалась большимъ кредитомъ?

Испытаніе папъ, издуманное народнымъ юморомъ итальянцевъ, записано въ средневѣковыхъ произведеніяхъ довольно обстоятельно, со всѣми его грязными подробностями; ³⁾ это испытаніе дало поводъ одному современному даже намъ нѣмецкому ученому къ неприличныхъ соображеніямъ ⁴⁾; не трудно поэтому догадаться

¹⁾ *Marini, Archiatri Pontificj, I, 291.*

²⁾ *Giampietro Valeriano Bolzani: Resque ipsa aeri praeconis voce palam promulgata in acta mox refertur, legitimumque tum demum pontificem nos habere arbitramur, cum habere illum quod habere decet oculata fide fuerit contestatum.*

³⁾ *Chalcocondylas, s. c.—Et dum invenirentur illaesi (testiculi) clamabant tangentes alta voce: testiculos habet. Et reclamabant clerus et populus: Deo gratias. ap. Hemmerlin, l. s. c. Pour empêcher que désormais la papauté ne tombe en quenouille on manie les parties honteuses aux papes, qui sont esleuz, criant lors qu 'on les touche avec un grand' feste: il est digne d'estre faict pape! (papabilis! papabilis!). Les centuriateurs, faisant le recit de ces vilénies, disent qu 'avec une grand' esjouissance on crie: il en a, il en a! (habet! habet! habet!). Florimond de Remond, s. c., ch. XVIII, 1, fol. 410 verso.—Afin que les bons peres ne tombassent plus en tel incóvenient, ils ordonnerent qu 'un diacre maneroit les parties honteuses de celui qui seroit eleu pape, par dedans une chaire percée, afin qu 'on seust s'il est mesle ou non. Jean Crespin, l'état de l'église, 1637, p. 242 sqq.*

⁴⁾ *Fs wäre doch allzu schimpflich gewesen, wen jeder heilige Vater der Christenheit zuvor die Hosen hätte abthun müssen, ehe er sich niederlassen konnte, und die Ceremonie abschöner noch, als die ebemalige gerichtliche Vermögensprobe in Frankreich, die man le congres nannte! Sollte man in Zeiten päpstlicher Allmacht gewagt haben, den Vicegott an geheimsten seiner Glieder anzugreifen, da noch Sixtur V es dem Leibarzt so übel nahm, der ihm an die Nase griff. Weber, s. c., p. 243.*

въ какой грязной, даже сальной формѣ жила эта сказка въ устахъ народа. Такъ какъ поводомъ къ составленію этой сказки служили тѣ дырявыя кресла, то папа Левъ X, въ нач. XVI стол., запретилъ употребленіе ихъ при церемоніи папскаго восшествія на престолъ ¹⁾. Это запрещеніе, въ свою очередь, послужило новою нишею для народной сатиры, которая въ развратной жизни кардиналовъ видѣла достаточную причину для уничтоженія соблазнительнаго испытанія, какъ вовсе не нужнаго. Огромное число любовницъ и еще большее число незаконнорожденныхъ дѣтей ручались въ томъ, что каждый изъ кардиналовъ мушина, въ избыткѣ обладающій всѣми мужскими способностями ²⁾. Въ этомъ смыслѣ было составлено тогда же латинское четверостишіе ³⁾, переведенное на всѣ языки:

Prendre les clefs des cieux personne ne pouvoit,
Sans monstrier ses tesmoins d'une coustume sale.
Pourquoy ceste coustume aujourd'huy ne se voit?
Chacun auparavant se monstre estre bon masle ⁴⁾.

Мы должны до известной степени согласиться съ тѣмъ, что начиная съ XVI стол. жизнь кардиналовъ, кандидатовъ на папскую тиару,

¹⁾ O. Andreae, s. 22. Döllinger, s. 32. Weber, s. 243.

²⁾ Maintenant, cependant qu' ils sont cardinaux et devant qu' ils soient eleus papes, ils engendrent tant de bastars, que personne ne peut douter qu' ils ne soient masles, et qu' il n'est plus besoin d'une si sainte ceremonie. Crespin, l. s. c.

³⁾ *Iohannes Pannonius*, ap. Du Plessis Mornai, s. c., p. 164:

Non poterat quisquam referentes aethera claves
Non exploratis sumere testiculis.
Cur igitur mos hic nostro nunc tempore cessat?
Ante probat quod se quilibet esse marem.

Это стихотвореніе переведено также на нѣмецкій языкъ, см. Weber, s. c., S. 243:

Warum man diesen Brauch jetztund hat abgethan?
Zeigt jeder doch zuvor, dass er ein ganzer Mann!

⁴⁾ Florimond de Remond, chap. XVIII, fol. 410 verso.

не оставляла никакого сомнѣнія на счетъ ихъ пола; но если подобное испытаніе и было когда либо необходимо, то конечно болѣе всего надъ папою непосредственно слѣдовавшимъ за сказочною паписсою; между тѣмъ употребленіе дыривыхъ креселъ началось лишь въ концѣ XI стол., а сказка объ испытаніи пола новозбраннаго была составлена лишь въ полов. XIII стол. Желая исправить эту несообразность, очень обыкновенную и естественную въ сказкѣ, созданной народомъ, одинъ писатель XVII стол. помѣстилъ въ своей хроникѣ, что Бенедиктъ III, избранный въ папы, по его мнѣнію вслѣдъ за несчастною смертію прекрасной Агнесы, подвергался уже предварительному испытанію ¹⁾.

Объясняя статую надписью на камнѣ или надпись статуею, и приводя то и другое, статуею и надписью, въ связь съ дыривыми сѣдалищами, народная фантазія обладала уже достаточнымъ матеріаломъ для того, чтобъ создать довольно цѣльное представленіе о паписсѣ и ея злосчастной судьбѣ; тѣмъ не менѣе народная фантазія воспользуется всякимъ, даже мелкимъ обстоятельствомъ, всякою случайностію, чтобъ нанизать на разсказъ новую подробность, которая можетъ сдѣлать сказку болѣе вѣроятною, можетъ придать ей лишнюю любопытную для народа черту.

При торжественныхъ процессіяхъ, въ которыхъ участвовалъ папа и которыя слѣдовательно привлекали большое стеченіе духовенства и народа, шествіе изъ Ватикана въ Латеранъ должно было совершаться по улицамъ наиболѣе широкимъ; подобныя религиозныя процессіи избѣгали узкихъ улицъ, хотя бы для того потребовался нѣкоторый обходъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась народная фантазія. Народъ видѣлъ даже въ этомъ обходѣ одной узкой улицы, лежавшей на пути слѣдованія процес-

¹⁾ Benoiste troiesme, esleu après ceste paillarde, succeda à ceste meschante chaire, apres qu' on luy eust manié ses parties secrettes, afin qu'on n'y fust trompé, comme on avoit esté en leanne peu avant. *Jacques Curio*, ap. Florimond de Remond. chap. III, p. 6.

тин, подтвержденіе сказки о паписсѣ и говорили, что папы обходятъ ту улицу именно потому, что на ней Агнеса разрѣшилась отъ бремени, и что такимъ обходомъ папы хотятъ высказать свое отвращеніе къ родамъ паписсы ¹⁾. Такое объясненіе маршрута религиозныхъ процессій между Ватиканомъ и Латераномъ, записанное во всѣхъ произведеніяхъ, передающихъ подробности о паписсѣ (Іоаннѣ ²⁾), подвергалось въ устахъ народа различнымъ варіаціямъ и дополненіямъ: одни говорили, что папы обходили ту улицу, чтобъ не напоминать народу о бывшемъ на ней скандалѣ съ паписсою; другіе же объясняли это желаніемъ папъ избѣгать двусмысленныхъ намековъ и насмѣшекъ со стороны плебейскихъ остряковъ и т. п. Эти объясненія, представленныя по этому поводу народною сказкою о паписсѣ, не заключаютъ въ себѣ никакой исторической достовѣрности, — незнакомство съ топографіей города Рима обличаетъ сказочный характеръ тѣхъ объясненій, такъ какъ въ указанномъ сказкою мѣстѣ — между Колизеемъ и церковью св. Климента — никакой узкой улицы, на которой должна была родить Агнеса, не было. Упоминаемый сказкою обходъ узкой улицы, при всей естественности такого обхода, является недоразумѣніемъ, очень обыкновеннымъ въ сказкахъ; подобныя неточности способны лишь облегчить задачу исторической критики ³⁾.

¹⁾ Dominus papa cum vadit ad Lateranum, eandem viam semper obiquat (declinat?) creditur omnino a quibusdam quod ob detestationem facti hoc faciat. Platina, l. s. c.

²⁾ Martin. Polon.; Martin. Menor.; Platina; Königshoven; Bouchet.

³⁾ Данный случай однако составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, такъ какъ представленныя по поводу этого недоразумѣнія соображенія нѣмецкихъ ученыхъ, по нашему мнѣнію, значительно затемнили вопросъ.

Мѣстность, на которой сказка заставляетъ паписсу разрѣшиться отъ бремени, опредѣляется всѣми хрониками совершенно согласно: паписса родила между Колизеемъ и церковью св. Климента: entre le theatre de Colosse et s. Clement (Bouchet, s. c.), при чемъ та улица на которой происходили эти публичныя

Таковы тѣ четыре предмета—статуя, надпись, кресла, улица—которые послужили главнымъ матеріаломъ къ изукрашенію

рода называется въ некоторыхъ узкою улицею: *angusta via Coliseum inter et s. Clementis ecclesiam* (Mart. Pol. s. c.). Процессія, идущая изъ Ватикана въ Латеранъ перерѣзываетъ весь Римъ изъ конца въ конецъ; перейдя Тибръ, она проходитъ цѣлымъ рядомъ небольшихъ узкихъ улицъ, пока не вступить въ Колизейскую улицу (*Via del Colosseo*, собственно продолженіе *Via del Tor de' Conti*), довольно широкую и ведущую прямо въ Колизей. На этомъ пути, отъ Ватикана до Колизея, процессія обходитъ не одну узкую улицу; но въ своемъ дальнѣйшемъ шествіи, отъ Колизея до церкви св. Климента, процессія не встрѣчаетъ уже такихъ узкихъ улицъ, переулковъ. Отъ Колизея по направленію къ Латерану идутъ три большія, широкія улицы: сѣверная—*Via Lanicana*, южная—*Via di santi Quattro coronati*, и средняя между тою и другою, имъ параллельная—*via di s. Giovanni*; всѣ эти три улицы, въ недалекомъ разстояніи отъ Колизея, пересѣгаются широкою улицею, которая начинается отъ *Via Lanicana*, перерѣзываетъ *Via di s. Giovanni* и впадаетъ въ *Via di santi Quattro coronati*; на этой улицѣ, почти на углу ее и *Via di s. Giovanni*, находятся одна изъ древнѣйшихъ церквей города, *San. Clemente*, сохраняющая форму древнеримскихъ базиликъ. (Rondininus, *De s. Clemente ejusque basilica. Romae. 1706*). *Via di s. Giovanni* составляетъ самый прямой путь отъ Колизея къ церкви *S. Giovanni in Laterano*; но еслибы даже папскія процессіи шли по *Via Lanicana*, то они должны бы были повернуть въ улицу на которой стоитъ церковь св. Климента и продолжать затѣмъ путь по *Via di s. Giovanni*; мы не говоримъ о *Via di santi quattro coronati*, такъ какъ она лежитъ не между Колизеемъ и церковью св. Климента, какъ то обозначено въ сказкѣ, а между Колизеемъ и церковью *ss. Quattro coronati*. Очень могло быть, что процессія обходила какую либо узкую улицу на своемъ пути отъ Ватикана къ Колизею; народъ же, желая воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, перенесъ этотъ обходъ съ одной стороны Колизея на другую и приурочилъ его къ сказанію о паписѣ Іоаннѣ. Къ этому должно еще прибавить, что маршруты религіозныхъ процессій въ Римѣ среднихъ вѣковъ нигдѣ и никогда не обозначались, и въ Римѣ тѣхъ временъ подобныя обозначенія означались не по улицамъ, а по церквамъ и монументамъ. Наконецъ Римъ не разъ измѣнялъ съ тѣхъ поръ свою топографію: Сикстъ V далъ ему совершенно иной видъ; Урбанъ VIII заслужилъ злой стихъ за свою любовь къ перестройкамъ—*Quod non fecerunt Barbari, fecere Barberini*—смыслъ котораго скрытъ въ томъ обстоятельстве, что папа Урбанъ былъ изъ фамиліи Барберини.

Нѣмецкіе ученые, принимая извѣстіе сказки за фактъ, затеняли вопросъ своими толкованіями. Такъ Деллингеръ говоритъ: *Die gemiedene Strasse ward übrighens unter Sixtus V ihrer Enge wegen abgebrochen* (s. 34). *Die Gegner*

разказа о паписѣ въ его подробностяхъ. Каждое изъ тѣхъ четырехъ, упоминаемыхъ въ сказкѣ обстоятельствъ давало народному юмору обильную пищу, способную возбудить фантазію римлянь, но, какъ мы видѣли, всѣ они такого свойства, что не могутъ ввести въ заблужденіе на счетъ ихъ исторической достоверности: ни одно изъ нихъ не можетъ быть отнесено къ полов. IX стол., когда, по смерти папы Льва IV, должна была взойти на престолъ паписса Іоанна.

Таковыми же качествами отличаются и тѣ *географическія* подробности, которыя встрѣчаются въ сказкѣ о прекрасной Агнесѣ: родъ ея выводится изъ Англіи, сама она рождается въ Майнцѣ, высшее же образованіе получаетъ въ Аенинахъ. Такія географическія крайности—Англія, Майнцъ, Аенины—вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру средневѣковыхъ сказаній.

Англійское происхожденіе паписсы Іоанны объясняется какъ тѣмъ, что англійскія женщины часто поломничали въ Римѣ, гдѣ ихъ двусмысленное поведеніе вызвало горькій упрекъ св. Бонифація, такъ и тѣмъ, что зарожденіе и распространеніе этой сказки относится ко времени наиболѣе жаркихъ раздоровъ между папою Инноцентіемъ III и королемъ Іоанномъ, когда всѣ въ Римѣ считали Англію страной наиболѣе враждебно папскому престолу. Сказка составлена съ очевидною цѣлію уколоть, уязвить папство, и рана должна быть тѣмъ чувствительнѣе, что родъ паписсы выводится изъ страны враждебной ¹⁾. Историческія сказки любятъ подобныя сопоставленія: сказочный польскій король Попель, съ-

der Iohanna geben als Grund des Umweges an, jener Platz sei für das bedeutende Gefolge des Papstes zu enge, jedoch später als man keine Befürchtungen mehr der Geschichte wegen hegen zu müssen glaubte, zog der Papst trotz der Enge über den östlichen Platz (s. 28).

1) То объясненіе по которому паписса называется Iohannes Anglicus только потому, что въ своихъ любовныхъ страстяхъ всецѣло отдалась одному англійскому монаху (*Maresius*, s. c., p. 18) не можетъ быть нами принятъ.

денный мышами за преступленіе противъ своихъ дядей, былъ женатъ, по словамъ сказки, на дочери нѣмецкаго князя, чтобы такимъ образомъ вся тяжесть обвиненія въ подговорѣ на преступленіе пала бы на женщину изъ чуждаго, всегда славянамъ враждебнаго племени... ¹⁾

Майнцъ какъ родина Агнесы, объясняется тѣмъ, что зарожденіе сказки относится ко времени великой борьбы папъ съ императорами, когда нѣмецкія войска безпокоили не только Римъ, но даже папъ, которыхъ брали въ плѣпъ, принуждали къ бѣгству; *omne malum ab Aquilone*, говорили въ то время римляне. Римъ, столица папства, не могъ быть сопоставленъ со столицей императорства, такъ какъ таковой не было—императоры не имѣли определенной резиденціи—и Римъ былъ сопоставленъ съ Майнцемъ, сильнѣйшимъ въ то время городомъ имперіи ²⁾.

Аѣнны, какъ городъ въ которомъ Агнеса получаетъ высшее образованіе, составляютъ черту вѣрно обрисовывающую понятія средневѣковаго общества. Въ теченіи всего средневѣковаго тысячелѣтія никто конечно не ѣздилъ изъ западной Европы въ Аѣнны для полученія тамъ образованія, не ѣздилъ по той простой причинѣ, что въ то время въ Аѣнахъ уже ничему нельзя было научиться; но во всѣ средніе вѣка сохранялось какъ воспоминаніе то убѣжденіе, что Аѣнны—корень учености. Средневѣковый складъ мысли требовалъ, искалъ, и находилъ во всемъ единство: какъ было одно папство, одно императорство, такъ точно было одно знаніе. Въ одной хроникѣ записано, что въ мірѣ есть три института, три силы: папство, имперія, знаніе ³⁾, и какъ папство имѣетъ своею резиденціею Римъ, такъ столица знанія въ Парижѣ.

¹⁾ Roepell, Geschichte Polens, I, 77.

²⁾ Moguntia, ubi maxima vis regni esse noscitur. *Otto Frising.*, de gestis Friderici I, cap. 12.

³⁾ Schard, De jurisd. imperiali ac potest. eccles. variorum auctororum scripta, Basil. 1566, p. 307, см. Döllinger, s. 44.

Это знаніе было сперва въ Аѳинахъ, потомъ въ Римѣ и лишь при Карлѣ V. перенесено въ Парижъ. Въ средніе вѣка хорошо знали когда и кѣмъ перенесено знаніе изъ Аѳинъ въ столицу Франціи: это произошло въ 830 году ¹⁾ и было совершено Алкуиномъ ²⁾. Такимъ образомъ представленіе объ Аѳинахъ, какъ главномъ источникѣ знанія, сохранялось въ западной Европѣ, и кто хотѣлъ достигнуть какихъ либо отлчій въ области знанія, тотъ долженъ былъ, по мнѣнію средневѣковыхъ сказаній, ѣхать въ Аѳины. Въ средніе вѣка, по представленію сагъ, только два пути вели къ высшему священническому сану, къ папской тиарѣ— благочестіе и ученость. Разсказъ о паписѣ не могъ вести Агнесу на папскій тронъ путемъ благочестія,—этому противорѣчила ея позднѣйшая беременность, и тѣмъ болѣе ея публичныя роды; Агнесъ ничего не оставалось болѣе какъ обратить на себя вниманіе своею ученостію и тѣмъ склонить въ свою пользу голоса избирателей; а эту ученость она могла пріобрѣсти только въ Аѳинахъ, которыя ничего не потеряли отъ перенесенія знанія въ Римъ и затѣмъ въ Парижъ—«престолъ знанія въ Греціи», говорятъ средневѣковыя хроники ³⁾.

Разсмотрѣвъ отдѣльно каждую черту разсказа, мы необходимо приходимъ къ тому заключенію, что весь разсказъ есть не болѣе какъ сказка; мы не допускаемъ даже того, чтобъ разсказанное нами, «если и не было, то могло быть» ⁴⁾. Если каждая черта разсказа, отдѣльно взятая, не выдерживаетъ исторической

¹⁾ *Ann. D. 830 Romanum studium, quod prius Athenis extitit, est translatum Parisius. Chron. Fletense, ap. L. van Leeuwen, Trajecti ad Rhen., 1789, ad h. a.*

²⁾ *Alcuinus studium de Roma Parisios transtulit, quod illuc a Graecis translatum fuerat a Romanis. Vincentius Bellovacensis, Speculum historiale, libri XXXI.*

³⁾ *Amalr. Auger., s. c., p. 1707.*

⁴⁾ *Erremus etiam nos hac in re cum vulgo, quamquam appareat, ea quae dixi ex his esse, quae fieri posse creduntur. Platina, l. s. e.*

критики, то весь рассказ, взятый всецѣло, разбивается объ одно общее соображеніе, по которому для паписсы Іоанны нѣтъ мѣста въ ряду римскихъ первосвященниковъ.

Относительно времени папствованія Агнесы сохранилось два извѣстія: по одному она отнесена къ 1100 году, по другому къ 855 г. Эти числовыя данныя хроникъ опровергаются несомнѣнно достовѣрными историческими фактами.

Первое извѣстіе, записанное Стефаномъ Бурбонскимъ, и относящее паписсу Іоанну къ 1100 году не можетъ быть принято, въ виду имѣющихся положительныхъ извѣстій о жизни и дѣятельности папы, занимавшаго въ то время престолъ римскихъ первосвященниковъ ¹⁾. Ключійскій монахъ, позже кардиналъ Райнеръ, сталъ папою Пасхалисомъ II вслѣдъ за смертію Урбана II, и былъ посвященъ въ этотъ санъ 14 августа 1099 г.; онъ занималъ папскій престолъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 21 января 1118 года. Бурное, полное интригъ, возстаній, и войнъ, тяжелое папствованіе выпало на долю Пасхалиса II: великая борьба за инвеституру, унаслѣдованная имъ отъ своего предшественника, ставила его во враждебныя отношенія съ императорами Конрадомъ и Генрихомъ V; притязанія римской аристократіи заставляли его воевать въ самой Папской Области противъ подчиненныхъ ему сильныхъ вассаловъ изъ семей Болонна и Корси; онъ велъ войну въ самомъ Римѣ противъ цѣлаго ряда антипапъ, которые не разъ заставляли его покидать Латеранъ и искать спасенія въ бѣгствѣ. Такая бурная эпоха управленія Пасхалиса «суднышномъ Петровымъ», могла, спустя два столѣтія, казаться Стефану Бурбонскому временемъ, когда въ Римѣ могла быть избрана на папскій престолъ женщина; 1100 годъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ годомъ смерти антипапы Климента III.

Второе извѣстіе, заставляющее Агнесу занять папскій тронъ

¹⁾ *Petrus Pisanus, vita Paschalis II papae*, AA. SS., Mai, IV, p. 202 sqq.

вслѣдъ за смертію Льва IV, въ 855 году, и воссѣдять на немъ въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ, равнымъ образомъ опровергается несомнѣнными фактами исторіи того времени.

Папа Левъ IV скончался 17 іюля 855 года; на мѣстѣхъ вновь избраннаго папы Бенедикта III вычеканено на одной сторонѣ: *Hlotharius Imp.*, на другой: *S. Petrus* и престообразно расколоченныя буквы *B. N. E. P. A. T. E. Benedictus Pape* ¹⁾. Такъ какъ извѣстно, что императоръ Лотарь скончался 28 сентября 855 г., то, слѣдовательно, для паписсы Іоанны нѣтъ двухъ съ половиною лѣтъ, которыя ей удѣляютъ. Кромѣ того, сохранился дипломъ подписанный папою Бенедиктомъ и поученный 7 октября 855 года ²⁾. Но, быть можетъ, два съ половиною года составляютъ преувеличеніе, созданное фантазіею народа; быть можетъ Агнеса занимала папскій престолъ двѣ съ половиною недѣли? Реймскій архіепископъ Гингмаръ, въ письмѣ къ папѣ Николаю I, говорить, что сего посолъ находился на пути въ Римъ, когда узналъ о смерти Льва IV; прибывъ въ Римъ, посолъ засталъ на папскомъ престолѣ Бенедикта III ³⁾. Для паписсы нѣтъ, слѣдовательно, и двухъ съ половиною недѣль... Современники Бенедикта III не допускали ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что его предшественникомъ былъ Левъ IV; они ничего не знаютъ о паписсѣ. Аббатъ Феррьерскій Лупъ, въ письмѣ къ папѣ Бенедикту

1) *Garampius*, de nummo argenteo Benedicti III. Romae 1749.

2) *Scriptum*—in mense Octobri indictione quarta. Bene valete. Datum Nonas Octobrias.—Imp. Vn.—Aug. Hlothario—anno tricesimo nono et P. C. (post Consulatum) ejus anno XXXIX. Sed et Hludovico novo Imp. ejus filio anno VII. Ind. quarta, sign. Benedicti Pape. Diploma Benedicti in confirmationem privilegiorum Corbejae, ap. *Mansi*, s. c., XV, 113.

3) *Missos meos cum litteris Romam direxi. Quibus in via nuntius venit de obita p. Leonis. Peroenientes autem Romam cum praefatis literis et intervenientibus praedictis episcopis dominus nomine et gratia Benedictus mihi, quod nostris privilegium inde direxit. Ep. Hincmari, archiep. Remens., ap. Duchesne, Scr. hist. Franc., II, 484.*

III, говорятъ, что онъ былъ посланъ у его предшественника Льва IV; ¹⁾ епископъ Труасскій Пруденцій, въ своихъ анналахъ, современныхъ той эпохѣ, пишетъ: «въ Августѣ мѣсяцѣ умеръ Левъ, глава апостольскаго престола, а за нимъ слѣдовалъ Бенедиктъ» ²⁾).

Подробное разсмотрѣніе сказанія о паписѣ Іоаннѣ необходимо приводить къ убѣжденію, что это сказка. Но историческая сказка должна же заключать въ себѣ какую либо опредѣленную мысль? въ составленію подобной сказки долженъ же быть какой либо поводъ?

Литература вопроса о паписѣ чрезвычайно богата. Число сочиненій написанныхъ по поводу сказки о прекрасной Агнесѣ достигаетъ въ настоящее время довольно почтенной цифры: начиная съ конца XIII стол. до начала XVII в., до 1600 года, было извѣстно болѣе 150 трактатовъ, въ которыхъ паписса Іоанна представляется лицомъ историческимъ, лицомъ дѣйствительно существовавшимъ ³⁾; между тѣмъ XVII стол. было вѣкомъ наиболѣе плодовитымъ въ этомъ отношеніи: намъ извѣстно до 50 названій трактатовъ, брошюръ и памфлетовъ, появившихся на свѣтъ въ теченіи того столѣтія ⁴⁾; съ тѣхъ поръ вопросъ о паписѣ Іоаннѣ не переставалъ интересоватъ ученыхъ всѣхъ странъ и литература его постоянно обогащалась новыми трудами. Такое громадное число произведеній, касающихся занимаемаго насъ вопроса, объясняется какъ интересомъ самого сюжета сказки и ея подробностей ⁵⁾, такъ и значеніемъ той сказки въ религіозномъ

¹⁾ Ep. Lupi abbatis Ferrariensis. Lipsiae, 1710, ep. 103, p. 154.

²⁾ Mense Augusto Leo, apostolicae sedis antistes defunctus est eique Benedictus successit. Ann. Bertin. (Prudentii Trecentis ep. ann.) ad a. 855, ap. Pertz, I, 449.

³⁾ Spannheim, I. s. c.; *L'Enfant*, I. s. c.

⁴⁾ Bayle, *Diction hist. et crit.*, Amsterdam, 1740, v. III, p. 580 sqq.

⁵⁾ La nature particuliere du conte de la papesse diminue beaucoup le

и политическомъ отношеніяхъ: сказка о паписсѣ Іоаннѣ затрогиваетъ самыя чувствительныя стороны католичества, какъ религіознаго учрежденія, и папства, какъ политическаго института. Папа Бенедиктъ XIV былъ до известной степени правъ, когда обвинялъ протестантовъ въ созданіи сказки о паписсѣ ¹⁾.—она ихъ созданіе въ томъ смыслѣ, что протестантство пользовалось ею какъ оружіемъ удобнымъ для борьбы съ католичествомъ, и искусственно поддерживало въ теченіи вѣковъ убѣжденіе въ дѣйствительномъ существованіи паписсы Іоанны; до настоящаго времени въ протестантской литературѣ появляются сочиненія, написанныя въ этомъ смыслѣ,—брошюра О. Андреа вышла въ свѣтъ въ 1866 году...

Тѣмъ не менѣе честь перваго, ученымъ образомъ раскрышаго и доказавшаго сказочный характеръ сказанія о паписсѣ, принадлежитъ протестанту, не католику. Давидъ Блондель, известный историкъ, издалъ въ полов. XVII стол. не большое сочиненіе, въ которомъ подробно разсматриваетъ вопросъ о томъ, занимала-ли женщина папскій престолъ въ періодъ времени отъ Льва IV до Бенедикта III ²⁾, и доказываетъ, что всѣ известія

poids du grand nombre d'écrivains qui en ont parlé. C'est un fait rare, extravagant, singulier dans toutes ses circonstances. Il est bon pour ceux qui donnent des listes des femmes doctes et des femmes impudiques, et des femmes qui ont déguisé leur sexe Il est bon pour ceux qui recueillent les exemples des jugemens de Dieu et pour ceux qui se divertissent à composer des historiettes facétieuses. Toutes sortes d'auteurs en-pouvoient faire quelque usage. Il ne faut donc pas s'étonner que tant de gens l'aient fourré dans leurs écrits et prétendu à bon compte qu'il étoit vrai. *Bayle*, s. c., p. 591.

¹⁾ *Fabella ex Lutheranorum stabulis eruta. De servor. Dei beatific. et canonis. l. III, c. 10, № 3.*

²⁾ *David Blondel, Eclaircissement de la question si une femme a été assise au siege papal de Rome entre Leon IV et Benoist III. Amsterdam, 1647.* Спустя десять лѣтъ, по смерти уже автора, появилось латинское изданіе, болѣе полное: *De Ioanna Papissa, sive famosae questionis, an foemina ulla inter Leonem IV et Benedictum III Romanos pontifices media sederit, Ἀνάκρισις. Amstelodami, 1657.*

а написеѣ Іоаннѣ должны быть приняты за сказку. Это сочиненіе произвело въ свое время большой эффектъ въ кругу ученыхъ и имѣло громадное вліяніе на современное ему общество ¹⁾. Протестанты видѣли въ этомъ сочиненіи личное оскорбленіе, нанесенное имъ авторомъ-протестантомъ ²⁾; они осуждали это сочиненіе, называли его скандальнымъ ³⁾ даже не читая самой книги, единственно въ силу того досаднаго для нихъ соображенія, что Блонделъ лишалъ ихъ возможности пользоваться сказкой о написеѣ какъ явленіемъ, наносящимъ безчестіе всему католическому міру ⁴⁾. Со времени выхода въ свѣтъ сочиненія Блондела, всѣ ученые занимавшіеся вопросомъ о написеѣ Іоаннѣ рѣзко дѣлятся на двѣ партіи: сторонники Блонделя признаютъ рассказъ объ Агнесѣ за сказку, противники его доваываютъ, что дѣйствительно было время когда папскій престолъ былъ занятъ женщиною.

Ряды противниковъ Блонделя замѣтно, съ каждымъ столѣтіемъ, все болѣе и болѣе рѣдѣютъ, и со временъ реформаціи они поименно исключительно изъ протестантовъ. Если Пикеттъ,

¹⁾ David Blondel n'avoit fait d'abord qu' un discours en francais, qu' il me prêta et que je gardai quelque tems... Il vint en suite me le demander et je ne voulois pas le lui donner d'abord, parce que je craignois qu'il ne voulust le supprimer. Je lui dis que c'étoit un ouvrage qui méritoit d'être imprimé, et qu'apparemment il vouloit en frustrer le public; mais il m'assûra si fort qu'il vouloit y travailler et le faire imprimer, que je luy rendis. *Menage*, Menagiana ed. de Hollande, p. 344.

²⁾ Aliis quiritantibus de Iohannae Papissae historia per ipsum suggilata ac in fabulam commutata, non sine offensione omnium pretestantium. *Maresius*, Exercit. III de gratia, n. 22.

³⁾ Neminem reformatorum reperies qui illi autor extiterit istius scandalosae scriptiois. *Maresius*, Respon. ad Curcell., p. 315.

⁴⁾ Non defuerunt qui audito solum eius argumento damnatoriam confestim sententiam ferrent; indignati quod materia sibi eriperetur Romano-Catholicis posthac insultandi, et mulierem Romae pontificiam sedem aliquando tenuisse obijciendi. *Maresius*, s. c., p. 312.

въ нач. XVIII стол. находилъ очень возможнымъ, что папесса Иоанна была никто иной какъ законная супруга Льва IV, правившая римскою церковью нѣкоторое время по смерти своего супруга ¹⁾; если Луденъ, въ нач. XIX стол., не видитъ въ чьей бы то нибыло стороны никакой цѣли и никакой пользы отъ подобнаго вымысла ²⁾, то уже въ наше время подобныя извѣстія невозможны, и хотя Андреа въ своемъ сочиненіи имѣлъ цѣлью набросать въ этомъ отношеніи тѣнь на папскій престолъ, но и онъ, какъ мы видѣли, не рѣшается признать папессу Иоанну лицомъ историческимъ ³⁾. Большая часть протестантскихъ ученыхъ перешла уже въ число сторонниковъ Блонделя; оставшіе же его противниками довольствуются лишь упоминаніемъ, что въ основѣ разсказа о папессѣ можетъ лежать какой либо дѣйствительный фактъ ⁴⁾.

Съ тѣхъ поръ какъ было доказано, что извѣстіе о папессѣ есть не болѣе какъ сказка, и до настоящаго времени, вопросъ о значеніи той сказки, о той мысли которая легла въ ея основаніе, остается вопросомъ нерѣшеннымъ и, по своему характеру, останется таковымъ на долго, если не на всегда. По этому поводу было высказано нѣсколько болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ, нѣсколько болѣе или менѣе остроумныхъ соображеній.

¹⁾ B. Pictet, Histoire de l'église et du monde. Genève, 1715.

²⁾ Es ist nicht zu begreifen wie irgend jemand auf den Gedanken gekommen sein könne, eine solche tolle Lüge zu erfinden. Luden, Geschichte des deut. Volkes VI, 513.

³⁾ O. Andreae, s. c., S. 29.

⁴⁾ Inzwischen ist doch auch zu bedenken, dass die Geschichte der Zeiten, in welche diese Päpstin Johanna gesetzt wird, besonders dunkel ist, indem man nur sehr wenige Schriftsteller aus diesen hat; dass man eine solche Begebenheit, die dem Glanze des päpstlichen Stuhles nachtheilig sein musste, gerne zu unterdrücken suchte; dass die spätere Erzählung zwar manche fabelhaften Zusätze enthalten, allein ihr gleichwohl ein wirkliches Factum zu Grunde liegen kann. Schmidt, Kirchengeschichte, IV, 266.

Блондель ¹⁾, первый высказалъ догадку, что источника этой сказки должно искать въ той слабой и безчестной, по его мнѣнiю, полемикѣ, которую папа Іоаннъ VIII выказалъ въ дѣлѣ вристантиннопольскаго патріарха Фотiя: современники считали, что Іоаннъ VIII велъ себя въ этомъ дѣлѣ со слабостiю недостойною мужчины, они называли его женщиной и сложили въ этомъ смыслѣ сказку о паписсѣ, которая должна быть сатирой на папу Іоанна VIII. *Авентинъ* ²⁾ полагаетъ, что въ этой сказкѣ замѣчается дѣйствительно сатира, но не на папу Іоанна VIII, а на ту эпоху римскаго папства, когда въ немъ царили развратныя женщины, въ рядѣ тѣхъ Теодоръ и Маронiй, о которыхъ мы упоминали въ началѣ настоящей статьи. *Панвини* ³⁾, находитъ, что эту сказку должно относить къ папѣ Іоанну XII, который въ числѣ многихъ любовницъ почтилъ своею особенною привязанностiю распутную красавицу Іоанну Райнера. *Алацци* ⁴⁾, основываясь на извѣстiи о томъ, что въ Германiи, въ полов. IX вѣка, появилась какая-то мечтательная дѣвушка, именемъ Тiота (Thiota), выдававшая себя за пророчицу и общественную учительницу ⁵⁾, полагаетъ, что въ этомъ извѣстiи замѣчается главное основанiе для созданiя сказки о паписсѣ Іоаннѣ. *Лейбницъ* ⁶⁾ находитъ, что подобная случайность могла быть съ какимъ либо епископомъ, который могъ разрѣшиться отъ бремени въ Римѣ, во время папской процессiи, что и дало народу поводъ перенести эту случайность, для большаго эффекта, на папу. *Генке* ⁷⁾ видитъ въ сказанiи о па-

1) Blondel, s. c., p. 85.

2) I. Aventini Annalium Bojorum libri VII, ed. Cisneri. Basil. 1580.

3) O. Panvini Epitome romanorum pontificum usque ad Paulum IV. Venet. 1567.

4) L. Allatii De ecclesiae occidentalis et orientalis perpetua consensione, Colon. 1648.

5) Annal. Fuld. ad a. 847, ap. Pertz, s. c.

6) Leibnitz, Flores sparsi in tumulum papissae, ap. Scheid, Bibl. hist. Goetting.

7) H. P. C. Henke, Kirchengeschichte, Helmstädt. 1788.

писецъ сатиру на Женсидоровы Декреталии. *Гфререръ* соединяетъ два объясненія, первое и послѣднее, въ одно: онъ видитъ въ этой сказкѣ сатиру не только на Иоанна VIII, но и на Женсидоровы Декреталии ¹⁾.

Таковы главнѣйшія изъ тѣхъ догадокъ и соображеній, которыя были высказаны въ западной литературѣ за послѣднія три столѣтія; перечислять ихъ всѣ было бы безцѣльною и безполевною работою, хотя мы и не можемъ признать мнѣнія высказаннаго по этому поводу Блонделемъ и заключающагося въ тожь, что «не стоитъ труда занимать умъ бесполезнымъ разслѣдованіемъ источника и значенія этой сказки» ²⁾. Мы не можемъ согласиться съ тѣми изъ французскихъ протестантовъ, которые находятъ, что папесса Иоанна сдѣлала бы даже честь папскому престолу, какъ избранная единственно за свои ученые заслуги; ³⁾ равнымъ обра-

¹⁾ Die Schneide der Fabel besteht in den beiden Punkten; dass die Dirne aus Mainz stamme, und dass sie von Griechenland kömmand, den päpstlichen Stuhl eingenommen hat. In dem ersten erkenne ich eine verdammende Hindeutung auf das Gesetzbuch des falschen Isidor, in dem zweiten einen allegorischen Fadel des Bundes, den Leo IV mit den Byzantinern abschliessen wollte. *Gf'r'er*, Kirchengeschichte, III, 978.

²⁾ Il ne faut pas exercer son esprit en des enquestes inutiles pour un sujet qui n'en vaut pas la peine. Où en serions nous, s'il nous falloit deviner sur quoy se sont fondez les auteurs de tant de romans qui trouvent jusques à present du credit dans l'opinion du commun? Blondel, s. o., p. 92.

³⁾ Je ne trouve pas que nous soyons fort interessés à prouver la verité de cette histoire de la papesse Jeanne. Quand le siege des papes auroit souffert cette surprise, qu'on y auroit establi une femme pensant y mettre un homme, et que cette femme seroit en suite accouchée dans une procession solennelle comme on dit, cela ne formeroit pas à mon sens un grand préjugé. Et l'avantage que nous en tirerions ne vaut pas la peine que nous soustenons un grand procès là-dessus. Je trouve mesme que de la manière que cette histoire est rapportée, elle fait au siege romain plus d'honneur qu'il n'en mérité. On dit que cette papesse avoit fort bien étudié, qu'elle estoit sçavante, habile, éloquente, que ces beaux dons la firent admirer à Rome, et qu'elle fut élue d'un commun consentement, quoy qu'elle parust comme un jeune

земь не можемъ мы согласиться съ тѣми германскими протестантами, которые оправдываютъ появленіе паписсы другими женщинами, занимающими въ исторіи видное мѣсто и дѣлающими честь тѣмъ націямъ, къ которымъ онѣ принадлежали ¹⁾. Мы видимъ въ сказаніи о паписсѣ не болѣе какъ сказку, но сказку историческую, разслѣдовать основную мысль которой и указать поводъ къ ея зарожденію составляетъ одну изъ задачъ исторической критики, безъ чего эта критика была бы не полна.

Всматриваясь въ отдѣльныя черты разсказа очевидно, что первоначально этой сказкой не имѣлось въ виду оскорбленіе папства; папскій престолъ вдетенъ въ разсказъ позже, ради большаго эффекта: папа и роды—сопоставленіе игривое и заманчивое. Главный, основной сюжетъ разсказа—маскированіе дѣвушки, ея притворство, обманъ и разоблаченіе обмана естественнымъ путемъ, безъ ея воли—ясно указываетъ въ немъ зародышъ романа или новеллы; упоминаемыя въ разсказѣ мѣстности—Англія, Майнцъ, Авинны, Римъ—очевидно составляютъ романическое изукрашеніе.

estranger, incogna, sans amis et sans autre appuy que son mérite. Le dis que c'est faire beaucoup d'honneur au siege romain, que de supposer qu'un jeune homme incogna y fut avancé uniquement à cause de son merite; car on avoit que de tout temps il n'y a eu que la brigade qui ait fait obtenir cette dignité. *Jurieu*, Apologie pour la réformation, II. 88.

¹⁾ Es wäre möglich, dass im Mittelalter eine Päpstin Johanna gewesen wäre, Märchen liegt oft etwas Wahres zu Grunde—was nun? Ein Weib auf dem Peters Stuhl, das sich durch Gelehrsamkeit und seine äußerliche Zucht so weit emporschwang, hätte solchen so wenig entehrt, als die Damen des Mittelalters, die sich in Ritterrüstung und Kutte bargen, die Bitte rund Klöster Lösung entehrt haben, oder neuere weibliche Helden unsere Armeen. Die *yuvelle d'Orleans* und der *chevalier d'Hon*, die Margarethen, Isabellen, Elisabethen, Catherinen und Marie Theresien auf Königsthronen, zieren sie ihr Geschlecht nicht mehr, als hundert gewöhnliche Männer? und kamen nicht Damen auf weit wichtigere Throne, als Peters Stuhl ist, nieder mit apocryphischen geburten? Die fromme Heloise fiel, und war dennoch noch dem Fall eine würdige Aebtissin von Paraclet. Weber, s. c., S. 244.

Тѣмъ не менѣе разсказъ о паписѣ не представляется чистымъ вымысломъ, пустымъ созданиемъ фантазіи; въ немъ чувствуется какая-то историческая точка опоры, какой-то историческій намекъ, который натолкнулъ народную фантазію на созданіе разсказа о паписѣ Іоаннѣ, при чемъ статуя и надпись, кресла и улица служили лишь орнаментами разсказа ¹⁾. Этотъ намекъ могъ быть самъ по себѣ не болѣе какъ вымысломъ, но признаваться за историческій фактъ той эпохой, фантазія которой выткала изъ него разсказъ о паписѣ.

Въ концѣ X столѣтія, въ Италіи, въ городѣ Салерно, однимъ изъ мѣстныхъ жителей составлена небольшая хроника, написанная дурнымъ латинскимъ языкомъ, полная басень и сказокъ ²⁾. Между прочимъ въ ней разсказывается слѣдующая свазна: «Въ Константинополѣ былъ однажды патріархъ, человекъ довольно хорошій, который, ради плотской любви, держалъ при себѣ свою племянницу, переодѣтую въ внуха. Патріархъ любилъ своего много внуха и наряжалъ его въ дорогія парчевыя одѣянія. Умирая, патріархъ предложилъ своего внуха себѣ въ преемники, и племянница патріарха была возведена на патріаршій престолъ, который занимала около полутора года. Господь явился метителемъ за такое поруганіе патріаршаго сана и моровая язва страшно опустошала Новый Римъ, столицу Византійской имперіи; сатана явился избавителемъ Константинополя отъ такого бѣдствія: ночью явился онъ въ лагерь лонгобардскаго герцога Арихиза Бене-

¹⁾ Деллингеръ не касается вопроса объ исторической основѣ разсказа о паписѣ Іоаннѣ, который рассмотрѣвъ въ трудѣ знаменитаго ученаго Ваура о христіанской церкви въ средніе вѣка. Мы не можемъ допустить, чтобъ Деллингеръ, не упомянувшій о томъ трудѣ, былъ бы не знакомъ съ нимъ; наслодое упоминіе Деллингера мы объясняемъ антагонизмомъ ученаго католика къ предствителю тибингенской исторической школы.

²⁾ *Chronicon Salernitanum; seu Historia principum Longobardorum ab anno 747 usque ad a. 974.* ap. Porta, s. c., III, 467 sqq.

вентскаго ¹⁾), назвалъ его по имени, и сказалъ ему: «я хочу повѣдать тебѣ мою продѣлку, — патриархъ Византійцевъ не мужчина, а женщина, потому-то кара Божія гнететъ ту землю». Герцогъ даждь знать объ атомъ въ Константинополь и, по произведенному дознанію, обнаружилось что дьяволъ говорилъ правду. Патриархъ былъ низложенъ; моръ прекратился» ²⁾).

Этой сказкѣ вѣрили въ то время; на нее намекаетъ папа Левъ IX въ своемъ письмѣ къ патриарху Михаилу; она дала главную основу для созданія сказки о паписѣ Іоаннѣ ³⁾).

Въ спорахъ между греческою и римскою церковью, первую нерѣдко упрекали, особенно въ IX стол., послѣ назначенія Фотія патриархомъ, въ томъ, что она легко относится къ первосвященническому сану, возводитъ въ патриархи даже евнуховъ, при чемъ, какъ говорили въ Римѣ, очень возможно, что не только евнухъ,

¹⁾ Архивъ Беневентскій живъ во времена Карла V.; рассказъ отнесенъ къ нему вроятно вслѣдствіе того, что вообще Беневентскіе герцоги были въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ Византіей и Константинополемъ.

²⁾ *Quidam illo in tempore patriarcha Constantinopolitum praeserat, vir bonus et justus, set hoc carnali amore nimirum foedatus, in tantum ut nepotem suam quasi concubus in domo propria haberet, eamque undique insignis vestimentis fulciret. Ille patriarcha morti approximavit, atque omnibus suum nepotem, qui videbatur, commendavit. Dum obisset, una omnes illam, qui erat foemina, cunctis nescientibus praesulem elegerunt. Praesuit illorum ferme unum et semis annum. In tempesta noctis quando sopore corpora fessa premuntur, malignus spiritus ante stratum ubi Arichis dormiebat sese obduxit et vocem emisit asserens: *Quis agis Arichis?* At ille dum insolito clamari aures inneceteret, idem diabolus: *Propalabo tibi, quid egi. Constantinopolitani nimirum foeminam habent, ideoque terrae illius sui redemptoris detinetur tram.* Et haec dicens abscessit. Idem princeps statim Constantinopolim spochrisarios direxit, et cuncta quae ei diabolus propalaverat aperuit. Illi vero curiosius indagarunt, et qualiter per Arichisum promulgatum fuerat reppererunt, et hunc pestis ipsa quievit. Chr. Salern., l. s. c., p. 491.*

³⁾ *R. Bellarmin, De potestate summi pontiff. in rebus temporalibus. Romae. 1610. I. Mabillon, Musseum italicum, Paris, 1687. I, 27. Spannheim, de papa foemina, p. 12 sqq. Baur, s. c., S. 80.*

но даже женщина взойдетъ на патриаршій престолъ. Возможность была тотчасъ же облечена въ дѣйствительность и дѣйствіе перенесено въ Римъ. Здѣсь, въ Римѣ, сказка долго жила въ устахъ народа, варьировалась сообразно условіямъ времени, дополнялась мѣстными матерьялами, росла мало по малу, была кратко отиѣчена въ современныхъ запискахъ, пока наконецъ ею не воспользовались доминиканцы, которые записали ту сказку со всѣми ея соблазнительными подробностями и равнесли по всей Европѣ.

Обставивъ сказку о паписѣ Іоаннѣ мѣстными, чисто римскими подробностями, народная фантазія сохранила какъ историческую основу, такъ и главную пружину всего механизма: подобно тому какъ въ рассказѣ Салернской хроники все приписано сатанѣ, такъ точно въ сказкѣ о паписѣ Іоаннѣ все совершается *procurante diabolo*.

В. Билбасовъ.

КОРАНЪ, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ¹⁾.

(Продолженіе.)

III.

1) *Причины, вызвавшія ученіе корана: а) политическое состояніе Аравіи до Магомета и при Магометѣ. Исламъ какъ объединяющая сила для арабовъ и знамя войны съ ослабѣвшими Византійскою и Западною имперіями и Персіей. Насколько было политическаго духа въ намъреніяхъ Магомета? б) Религіозное состояніе Аравіи: сабейство, язычество, религія маговъ, іудейство, христіанство, іудейскія и христіанскія секты. Религіозный эклектизмъ. Такъ называемые ганифы—искатели религіи Авраама. Сектанты ли Магометъ?*

Арабы встрѣтили явленіе исламизма какъ явленіе Мессіи. Спустя какихъ нибудь двадцать лѣтъ религія Магомета была уже на вершинѣ славы и могущества, какъ религія общепризнанная, божественная. Что же заставило арабовъ такъ встрѣтить исламъ? Двѣ причины способствовали такому чрезвычайному успѣху ученія Магомета: во первыхъ, политическое состояніе Аравіи и, во вторыхъ, религіозное—въ эпоху до Магомета. Скажемъ о томъ и другомъ.

Полуостровъ Аравіи представляетъ значительное разнообразіе природы: часть его покрыта песчаными пустынями, часть же

¹⁾ См. Труды Кіев. Дух. Академіи 1870 г. Ноябрь.

составляетъ богато-одаренную землю. Отсюда жизнь его обитателей приняла двойной характеръ, или двойную форму: одни, обитавшіе въ пустыняхъ, жили въ первоначальной невѣжественности и занимались разбоемъ; другіе, населявшіе плодородную часть, занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, имѣли организованное республиканское правленіе и нѣкоторую образованность, какъ мы уже видѣли. Таковы были жители «Счастливой Аравіи», гдѣ очень рано возникло нѣсколько царствъ съ исполнительною властію царей. Въ общественномъ быту ихъ во всей силѣ сохранялось племенное начало и племенная независимость, вызывавшая иногда вражду, иногда дружбу. Междуплеменные союзы часто прерывались кровопролитными войнами, хотя скоро наступалъ миръ, такъ необходимый для интересовъ международной торговли. Впрочемъ, и въ военное время двѣ вещи оставались ¹⁾ часто неприкосновенными—торговля и гостепримство. На Счастливую Аравію издавна обращали свои взоры всѣ почти народы древняго міра. Уже Библія превозноситъ богатства Аравіи. Съ похвалою отзываются и языческіе историки о дарахъ Аравіи ²⁾. Вслѣдствіе этого также очень рано явилось желаніе къ покоренію Аравіи: ее хотѣли покорить Лакедемоняне, затѣмъ Александръ Македонскій и его преемники, которые хотя и получали дары отъ арабскихъ князей (царей), но не какъ подать. Изъ римскихъ императоровъ удалось покорить Аравію и обратить ее въ римскую провинцію только Траянъ: всѣ походы римлянъ въ Аравію, бывшіе до него, оканчивались или неудачей или полнымъ несчастіемъ ³⁾. При Траянѣ Аравія получила названіе *Arabia Augusti*

¹⁾ Издавна въ Аравіи существуетъ обычай—держатъ на возвышенностяхъ огни для показанія путникамъ дороги. Эти огни называются огнями гостепримства. См. *Пасторета*, ч. 4, 218. Примѣчаніе.

²⁾ *Диодоръ-Сци.* lib. 2, 161; lib. 3, 213. *Страбонъ*, lib. 16, 782. *Плиній*, lib. 12, с. 14. *Геродотъ*, lib. 3, 204.

³⁾ *Плутархъ*, жизнь Брасса, 275; жизнь Помпея, 465—6.

Provincia, и на римских монетахъ явилось изображеніе верблюда ¹⁾). Послѣ паденія римской имперіи Аравія снова сдѣлалась свободною, но не всегда была покойна отъ иноземныхъ притязаній персидскихъ и греческихъ царей. Иногда арабы находились въ вассальныхъ отношеніяхъ къ египетскимъ правителямъ. Такъ при Магометѣ одинъ египетскій царь, по имени Абрага или Абраха, считался царемъ также Аравіи и жилъ въ Іеменѣ. Несчастная война арабовъ съ этимъ Абрага, носящая сколько характеръ внутренней междуплеменной войны, столько же характеръ оппозиціи иноземному владычеству, стремящемуся оторвать часть арабскихъ племенъ отъ свящ. Каабы, была послѣднимъ событіемъ въ жизни удѣльной Аравіи. Война эта, упоминаемая въ Коранѣ ²⁾, возникла по слѣдующему случаю. Одинъ князь въ южной Аравіи, именемъ Дгу-Навасъ, принялъ іудейство и сталъ преслѣдовать христіанъ; тѣхъ, которые не принимали іудейства, онъ приказывалъ бросать въ раскаленную печь, почему и названъ въ насмѣшку «господиномъ рва». Абрага, какъ покровитель христіанъ, изъ коихъ состояла большая часть его египетскихъ подданныхъ, заступился за христіанъ. Ближайшимъ поводомъ къ войнѣ съ Дгу-Навасомъ послужилъ частный случай. Абрага запретилъ своимъ подданнымъ іеменцамъ (племени Гамиаръ) посѣщать Мекку, какъ свящ. мѣсто, и вмѣсто Каабы велѣлъ въ Іеменѣ построить храмъ. Храмъ былъ построенъ. Разъ одинъ арабъ, почитатель Каабы, наканунѣ торжественнаго праздника, осквернилъ внутренность іеменскаго храма будто испражненіемъ на священномъ мѣстѣ ³⁾. Возгорѣлась война, названная слоновою, потому что іеменцы сражались на слонахъ. Мекка была взята, Дгу-Навасъ бѣжалъ, и, чтобы не попасться въ плѣнъ, бросился съ конемъ въ море.

¹⁾ Пасторетъ, ч. 4, 228.

²⁾ Кор. 105, 1.

³⁾ Гербелотъ, подъ словомъ Araba въ Biblioth. orient.

Въ началѣ VII в. Аравія могла считаться безопасною отъ вѣдшихъ враговъ. Греческое царство (восточное римское) и западное римское, также сопредѣльная Персія были неопасны для Аравіи. Для этихъ царствъ наступили времена упадка, и имъ мало было дѣла до другихъ. На Востока происходили смуты, вследствие религіозныхъ споровъ савелліанъ, аріанъ, несторіанъ и еutihianъ. Правительство ввязалось въ церковныя дѣла и запуталось. Придворныя дразги отвлекали вниманіе царствующихъ особъ отъ военной дисциплины войскъ и лучшаго устройства государства. Духовенство интриговало при дворѣ и отвлекало военныя силы на преслѣдованіе еретиковъ. Не лучше было состояніе и западной половины нѣкогда могущественной римской имперіи. Тутъ Дамасъ спорилъ съ Урсициномъ (Ursicin) о папскомъ престолѣ. Гражданская власть такъ обезсиѣла, что во время жаркихъ споровъ претендентовъ папскаго престола, губернаторъ Рима Вивенцій (Vivençius) долженъ былъ оставить городъ, пока возстановится въ немъ спокойствіе само собою. Высшее духовенство приобрѣло силу вліять на высшую власть и на дворъ, и занялось интригами вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами мира и блага. Нерѣдко императорская политика руководствовалась частными и нечестными соображеніями частныхъ лицъ; нерѣдко за спорами религіозными слѣдовали убійства. Такъ указы Констанція, Юстиніана повелѣвали убивать людей «другихъ мнѣній» съ церковію. О правителяхъ 5—6 в. можно сказать вообще, что они отличались только дурными дѣлами. Чась Востока и Запада пробилъ. Во время Магомета готы уже облевали Римъ; границы восточной имперіи также постоянно служивались нашествіями гунновъ и персовъ. Императоръ Маврикій одѣялся данникомъ царя гунновъ: греческія войска находились въ разстройствѣ, Фока по изгнаніи Маврикія ввергъ имперію еще въ большія бѣды. Спустя семь лѣтъ, Ираклій въ арміи нашель только двухъ солдатъ изъ всѣхъ носившихъ оружіе при Фокѣ. Не смотря на свой

мужественный характеръ, на свою умную политику и энергическую дѣятельность, Ираклій ничего не могъ сдѣлать уже для поддержки царства. Роскошь подѣдала силу грековъ, и войска можно было набирать изъ мужчинъ и женщинъ почти съ равною надеждою на ихъ мужество. Посмотримъ теперь на Персію. Нѣкогда могущественная повелительница Востока, Персія пришла также въ упадокъ; а въ будущемъ ожидали ее не лучшіе дни. И тутъ религіозныя смуты шли рука объ руку съ политическимъ ослабленіемъ. Виновниками этихъ смуть являются Манессъ и Маздакъ¹⁾, вздумавшіи ввести между персами общественную коммуну даже во владѣнія женами. Это было при Хозроѣ Кобадѣ, который дозволилъ Маздаку осуществить свой принципъ въ своей семейной жизни. При наследникѣ этого царя, въ народномъ бунтѣ Маздакъ былъ убитъ высшимъ сословіемъ, по приказанію Ануширвана, какъ виновникъ беспорядковъ. Затѣмъ настало гоненіе на его поборниковъ. По смерти Ануширвана, старавшагося, возстановленіемъ древней религіи персовъ, дать государству прочность, завязались раздоры между его сыновьями, и начались междоусобія. Тронъ великихъ царей, послѣднимъ достойнымъ преемникомъ которыхъ былъ Ануширванъ, названный «справедливымъ», теперь дѣлается предметомъ споровъ и интригъ. Ормуздъ, его первый наследникъ, своею жестокостію вооружаетъ противъ себя подданныхъ, и ослѣпленный низвергается съ престола женнинымъ братомъ; престолъ занимаетъ его сынъ Хозрой-Парвицъ, благодаря своимъ интригамъ противъ отца. Разъ низверженный и потомъ возстановленный по разнымъ пронкамъ, онъ вынуждаетъ своихъ подданныхъ обратиться къ внѣшней помощи: персы заводятъ тайную переписку съ арабами, приглашая ихъ низвергнуть тирана. Дѣло однако обошлось безъ арабовъ: собственный сынъ отнялъ у Парвица престолъ, заключая его въ тем-

1) *Манессъ*, извѣстный основатель Манихейской ереси, былъ родомъ персъ, 3-го вѣка. Его лжеученіе долго жило въ Персіи. *Маздакъ*—главный жрецъ религіи Зороастра.

лицу, а потомъ велѣлъ убить. Деслѣ Парвида, въ теченіи шести лѣтъ, на престолѣ восходило и нисходило шестеро его сыновей. Эти домашнія ссоры окончательно должны были разстроить государство. Но замѣчательно, что въ это время персы дѣлали еще завоеванія въ областяхъ греческой имперіи; отняли Дамаскъ и большую часть Сиріи и Іерусалимъ, — доказательство, что греки хорошо успѣвали въ храбрости и военномъ искусствѣ.

Арабы смѣло могли теперь смотрѣть въ глаза ослабѣвшимъ сосѣдямъ. Кромѣ свѣжести народныхъ силъ, Аравія получала силы и средства еще совнѣ. Какъ страна либеральная въ религіозномъ отношеніи и республиканская по устройству, она сдѣлалась убѣжищемъ всѣхъ, кто опасался за свое имущество и страдалъ за религіозныя убѣжденія въ римской имперіи — на Западѣ и Востокѣ. Энергическая натура арабовъ искала движенія, разбоя въ большихъ размѣрахъ; и какъ прежде ея силы разрѣшались во внутреннихъ раздорахъ и междоусобіяхъ, такъ теперь должны были, соединившись въ одно теченіе, обратиться на внѣшнихъ враговъ. Соединить ихъ, эти силы, составляло великую задачу, выступавшую тенѣрь на чреду въ исторіи. Ее разрѣшилъ Коранъ. «Религія Магомета, говоритъ арабскій историкъ философъ Хаядунъ, послужила для арабовъ объединяющимъ пунктомъ въ войнѣ противъ оружающихъ народовъ. Какъ въ матеріи лежитъ сила инерціи (по старой физикѣ, тепершній «законъ инерціи»), такъ дремлетъ въ извѣстныхъ народахъ «стремленіе къ нападению»¹⁾. Соединить это природное, присущее натурѣ арабовъ, стремленіе въ одно движеніе пришлось ученію Магомета. Но въ намѣреніяхъ самого Магомета, если судить по его біографіи безпристрастно, не видно широкаго завоевательнаго духа, порывающагося за предѣлы Аравіи съ политическими замыслами. Что Магометъ не задавался широкими политическими планами, не думалъ о господ-

¹⁾ Шоренеръ, III B. VII S.

ствѣ за предѣлами Аравіи и даже въ самой Аравіи въ качествѣ царя, видно изъ его жизни: онъ не жилъ царемъ, хотя покорялъ всю Аравію, не дѣйствовалъ какъ властелинъ, и умеръ какъ простой арабъ, почти въ бѣдности; далѣе, и не опредѣлялъ онъ своего призванія иначе, какъ призваніемъ пророка, долженствующаго возстановить древнюю религію Авраама. Его задушевною мыслию, желаніемъ, заправлявшимъ всѣми его поступками, была религіозная идея, а не тенденція честолюбиваго царя или князя. Ученіе его объединило арабовъ и, благодаря своей гражданской сторонѣ, сообщило имъ толчокъ къ основанію царства на теократическихъ началахъ Корана. Почти всѣ преемники Магомета и многіе даже изъ сотоварищей его смотрѣли на исламъ съ большимъ политическимъ пониманіемъ и расчетами, чѣмъ самъ «религіозный мечтатель, экзальтированный пророкъ».

Задача, къ осуществленію которой стремился Магометъ, выполнение которой онъ принялъ на себя, какъ порученіе отъ Бога, — это основаніе или возстановленіе религіи единаго Бога въ первоначальномъ чистомъ видѣ. Мысль объ этомъ вызвали и поддерживали въ немъ упадокъ религій и религіозное броженіе въ Аравіи въ началѣ 7 в. Тутъ скрывается вторая причина чрезвычайнаго успѣха его ученія. Мы должны теперь ближе и подробнѣе коснуться религіознаго состоянія Аравіи въ эпоху Магомета.

Арабы исповѣдывали не одну религію. Большинство, или чернь, держалось язычества въ самомъ грубомъ видѣ. Поэтому арабскіе писатели время до исламизма называютъ временемъ невѣжества, темнымъ временемъ. Язычество имѣло два вида, одинъ болѣе чистый, другой грубый, — язычество сабеевъ и собственно язычество. Корень *сабейства* составлялъ монотеизмъ, вѣра въ верховнаго Аллаха. Но къ нему присоединились, съ теченіемъ времени наросты грубаго язычества. Народъ не могъ питать и питаться вѣрою въ единаго Бога; ему нужно было много боговъ. Такъ явилось многобожіе, а съ нимъ — культъ языческихъ. Тутъ

ничья хитрость не участвовала; таковъ былъ характеръ народнаго пониманія и сознанія, и напрасно Шпренгеръ ¹⁾ несправедливо думаетъ, что жрецы насильно принудили арабовъ къ политеизму. Признавая бытіе единого Бога, сабей старались также дать нѣкоторое понятіе о немъ, его бытіи, свойствахъ и пр. ²⁾. Затѣмъ, они признавали звѣздныхъ духовъ, управляющихъ будто бы міромъ, поставленныхъ верховнымъ Аллахомъ. Этѣхъ духовъ они считали низшими божествами. Отсюда оставался шагъ къ идолопоклонству: они и установили культъ богамъ-духамъ. Затѣмъ съ теченіемъ времени понятіе планетнаго или звѣзднаго духа отошло на задній планъ и явилось звѣздопочитаніе, культъ звѣздамъ.—У сабеевъ существовали свои *кравственныя понятія* и свои религиозные обряды. Они старались усовершенствоваться въ четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ; вѣрили въ мученія по смерти, только думали, что спустя 9 вѣковъ души освободятся изъ ада и получать милость Божію. *Молились* Сабей въ день три раза. Первая молитва совершалась предъ восходомъ солнца или въ самый моментъ восхода, при чемъ колѣнопреклонялись 8 разъ и при каждомъ колѣнопреклоненіи 3 раза повергались на землю; вторая—когда солнце было въ зенитѣ или начинало спускаться къ полудню. Эта молитва сопровождалась 5-ю простыми поклонами, съ тремя земными при каждомъ. Третья молитва съ такимъ же числомъ простыхъ поклоновъ и земныхъ, исполнялась вечеромъ, предъ заходомъ солнца. Одни писатели говорятъ, что сабей во время молитвы обращались лицомъ къ Меккѣ, другіе—что они обращались къ югу; третьи—къ сѣверу, а еще нѣкоторые къ той звѣздѣ, которую почитали. *Постились* сабей три раза въ году. Одинъ постъ продолжался 30 дней, другой 9; третій—7. Существовали у нихъ и жертвоприношенія, при которыхъ жертвы закалаемыя предавались сожженію; они не ѣли бобовъ, чеснока и

¹⁾ Шпренгеръ III В. IX—X S.

²⁾ Сале, р. 465.

нѣкоторыхъ другихъ овощей. Изъ Аравіи сабей отправлялись на богомолье въ Месопотамію, къ мѣсту близъ города Харрамъ. Глубокое уваженіе питали они также къ меккскому храму и египетскимъ пирамидамъ, думая, что это гробницы Сиса и его сыновей — Эноха и Сабн ¹⁾, основателей будто бы религій сабеевъ. Поэтому они отправлялись на богомолье и къ пирамидамъ, и здѣсь совершали жертвоприношенія; жертвы состояли изъ ягнуга и чернаго теленка, которыхъ предварительно окуривали ладаномъ. Изъ библейскихъ книгъ сабей пользовались только псалмами; но имѣли и свои собственныя книги, на халдейскомъ языкѣ, между прочимъ одну въ формѣ діалога, съ именемъ Сиса. Изъ христіанскихъ обычаевъ у нихъ существовалъ обрядъ крещенія, почему путешественники и называютъ ихъ христіанами (или послѣдователями) Іоанна Крестителя, также Іоаннитами, какими именемъ называли себя и они сами. Хотя у сабеевъ существовалъ язычскій культъ, всетаки они не были грубыми идолопоклонниками, какъ арабы-язычники. Признавая бытіе верховнаго Аллаха, послѣдніе признавали или вѣрили въ тоже время въ боговъ—товарищей верховнаго Аллаха. Два терміна, существовавшіе у арабовъ-язычниковъ, *Allah taïla* (Богъ всевышній) и *Al-Nahat* (богини) ²⁾

¹⁾ Нѣкоторые отъ этого имени производятъ и имя *сабеевъ*, хотя другіе указываютъ корень этого названія въ «*Саса*»—названіи идола, изображавшаго собой небесное орудіе. *Пакоуль*, Срес. р. 138. *Хольсонъ* сабейство считаетъ видоизмѣненіемъ древняго халдейства, *Шпренгеръ*—новѣйшею сектою іудейскаго происхожденія (1, 38). Кажется, въ религій сабеевъ были элементы и халдеизма и еврейства.

²⁾ Съ исламизмомъ явилось новое имя Божіе, синонимическое древне-арабскому «Аллаху»,—это *Рахманъ*, такъ часто употребляемое въ Коранѣ. Не безынтересно знать происхожденіе этого имени. *Рахманъ* значитъ щедродательный, милосердый. Ему соответствуетъ имя *Рахмъ* какъ Магомету—Ахмедъ, Салману—Салимъ, Надману—Надимъ. Отличіе *Рахманъ* отъ *Рахмъ*, по арабской лексикологій, то, что первое прилагается и къ человеку, тогда какъ послѣднее относится только къ Богу одному, какъ и *Аллахъ* (Богъ) и аль-*Раабъ* (Господь). Слово *Рахманъ* въ корейшитскомъ

представляли соединеніе монотеистическаго и политеистическаго начала. Верховному Существу у арабовъ была особенная молитва. Она читалась такъ: «О Боже, я посвящаю себя на твое служеніе! О Боже, я посвящаю себя на твое служеніе. Будь товарищемъ только твоимъ товарищей, ибо ты—единный верховный Господь и нѣтъ у тебя ничего, что нѣтъ»¹⁾). За названіе низшихъ

нарѣчій, на которомъ говорилъ Магометъ, не употреблялось, а употреблялось только въ гаміарскомъ нарѣчій и халдейскомъ языкѣ, гдѣ относилось къ богамъ. Магометъ сталъ употреблять его съ 616 г., и на первыхъ порахъ возбуждалъ насмѣшки: когда вновь обратившіеся мусульмане слышали отъ Магомета это названіе Бога, они протестовали противъ него. Почему? *Первая причина:* они подумали, что Магометъ проповѣдуетъ о человѣкѣ, извѣстномъ съ этихъ именемъ. Преданіе сообщаетъ слѣдующее обстоятельство. Разъ ночью при Каабѣ Магометъ въ молитвѣ, повернувшись на землю, взывалъ: о Рахимъ, о Рахманъ! Неотрпные (т. е. новообращенные мусульмане) сказали: Магометъ прежде къ одному Богу обращался, а теперь молится двумъ; мы не знаемъ никакого Рахмана, кромѣ Рахмана іеменскаго (можетъ быть, это и казямбуръ или острога надъ Магометомъ). Подъ этими именемъ—приблизительнъ суна—разумѣли Мосалима, такъ называвшагося въ язычествѣ. По другому преданію, неотрпные говорили Магомету: мы не хотимъ признавать того, что ты говоришь; мы слышали, тебя научилъ тотъ, котораго ты называешь Рахманомъ; мы не будемъ уже вѣровать, ни теперь, ни когда либо, въ Рахмана. Третье преданіе говоритъ, что неотрпные насмѣхались надъ Магометомъ, когда онъ провозносилъ «бисмиллахъ аль-Рахманъ аль-Рахимъ», думая, что онъ взываетъ къ Мосалиму (вслѣдствіе чего Богъ открылъ Магомету не молиться слишкомъ громко). По этому поводу онъ въ 17, 10 долженъ былъ объяснить, кто разумѣется подъ именемъ Рахмана. *Вторая причина.* Имя *Рахманъ* употреблялось одною христіанскою сектою, въ отношеніи къ Христу (напр. при объясненіи 2,17 къ Римл.), какъ у язычниковъ въ отношеніи къ богамъ. Объ этихъ христіанскихъ сектантахъ (рахманитахъ) упоминаетъ Магометъ въ 25, 64 и отзывается о нихъ какъ почитателей Бога. Заимствовавъ имя Рахманъ, Магометъ соединилъ съ нимъ свою идею Бога. Такимъ образомъ, идея семитическихъ народовъ о Богѣ соединилась съ идеєю христіанскою,—идея Бога строгаго, правосуднаго съ идеєю Бога милосердаго, Бога любви. Подр. см. у Шпр. В. II, 198—203.

¹⁾ Сале, р. 469.

боговъ товарищами верховнаго Бога, дочерями Бога ¹⁾, Магометъ уморалъ арабовъ очень часто. Кажется, низшіе боги, звѣздные духи или ангелы, не отличались у арабовъ отъ самихъ планетъ или звѣздъ; вѣроятно, на послѣднія они смотрѣли какъ на одушевленные существа; иначе трудно понять существованіе культа звѣздамъ и планетамъ и вѣрованіе арабовъ, что дождь посылается звѣздой, что звѣзды извѣщаютъ о волѣ Бога, сопровождаютъ рожденіе человѣка, имѣютъ вліяніе на его судьбу и пр. Едвали у нихъ могло существовать космическое понятіе, что особенное положеніе планетъ и звѣздъ (какъ бездушныхъ тѣлъ) и особенности временъ года вліяютъ на судьбу человѣка. Скорѣе можно допустить, что они смотрѣли на звѣзду какъ мы смотримъ на ангела-хранителя, т. е. какъ на одушевленное существо, имѣющее прямое отношеніе къ человѣку чудеснымъ образомъ. Говоря: «богини, ангелы, духи, товарищи Аллаха» ²⁾, арабы едвали могли соединять съ этими словами представленіе объ отдѣльныхъ отъ планетъ и звѣздъ существахъ. Какъ существамъ божескимъ, понимающимъ, слышающимъ и внимающимъ молитвамъ человѣка, арабы строили звѣздамъ и планетамъ храмы. Извѣстно семь храмовъ, построенныхъ въ честь семи планетъ. Храмъ Венеры носилъ названіе Бейтъ-Гомданъ (Beut Ghomdan); онъ построенъ былъ однимъ іеменскимъ царемъ Дагакомъ, а разрушенъ послѣ Отмакомъ, халифомъ, убитымъ будто бы во исполненіе пророчества, хранив-

¹⁾ Эти два имени у грековъ переводились какъ имена Бахуса и Уранія, при чемъ греки искажали настоящее произношеніе арабскихъ словъ. *Аллага-Таала* считали Бахусомъ, потому что, по греческой мифологіи, Бахусъ былъ воспитанъ въ Аравіи; *Аллаха-Илахатъ* (Allah Nahat)—Уранією, потому что арабы поклонялись звѣздамъ. Герод. III, с. 8. *Strab.* 16 lb.

²⁾ Шпренгеръ почему-то думаетъ, что въ этомъ названіи видно вліяніе христіанскаго ученія о Сынѣ Божіемъ (В. I, 15): какъ будто богини и боги низшіе не существовали въ другихъ религіяхъ, греческой, римской и пр.

шатся въ этомъ храмѣ (и гласившаго такъ: *Гомданъ! теть, кто разрушитъ тебя, опредѣленъ къ смерти*). Сатурну была посвященъ знаменитый храмъ Мекки—Кааба. Но воѣ планеты почитались одинаково всеми арабами. Каждое племя имѣло свою планету или звѣзду, и ей преимущественно молилось. Солнце почитали въ племени Гамгаръ. Между почитателями Сиріуса упоминается какой-то Абу-Габса, или Гавса, котораго одни изъ арабскихъ писателей считаютъ Корейшитомъ и дѣдомъ Магомета. Этотъ Абу-Габса употребляетъ все усилія, чтобы убѣдить Корейшитовъ оставить кудтъ идоловъ и обращаться только къ одному сиріусу. Имя этого чело- вѣка Корейшиты въ насмѣшку дали и Магомету, называя его «сыномъ Гавсы» (отсюда, вѣроятно, и мнѣніе, что Гавса былъ дѣдомъ Магомета) за то будто, что онъ убѣждалъ ихъ къ тому, къ чему убѣждалъ нѣкогда Гавса ¹⁾. Магометъ нападаетъ на служеніе Сиріусу въ 53 главѣ Корана. Съ храмами неразлучны были идолы, въ которыхъ чернь признавала присутствіе силы, чудеснымъ образомъ низшедшей на изображение отъ изображаемаго ²⁾; а болѣе образованные видѣли только символы божескихъ существъ. Въ Коранѣ ³⁾ упоминается о трехъ идолахъ, изображавшихъ трехъ богинь, которыя одушевляли будто бы и свои изображения и изъ которыхъ каждая преимущественно почиталась тѣмъ или другимъ племенемъ. Упоминается въ Коранѣ еще нѣсколько другихъ идо- ловъ, племенныхъ боговъ, какъ-то: *Ватъ* (мужская фигура), *Сава* (женское изображение), *Іаутъ* (изображеніе льва), *Іаукъ* (изображеніе козы), *Насръ* (орелъ). Трудно понять смыслъ этихъ изображеній. Полагаютъ ⁴⁾, что это символическія изображенія людей жившихъ до потопа и отличавшихся какими нибудь осо- бенными достоинствами. У Мекки на двухъ горахъ (Сава и Мерва)

¹⁾ *Паккоксъ*, Spec. p. 132.

²⁾ *Шренгеръ*, В. I, 16. S.

³⁾ Сура 53, ст. 9.

⁴⁾ *Сале*, p. 470.

стояло два идола, изъ которыхъ одинъ (по имени Нейслахъ) представлялъ женскую фигуру, другой (Асабъ)—мужескую. По вѣрованію арабовъ ¹⁾, это—дочь и сынъ какого-то Сахала, превращенные въ эти камни за худыя дѣла въ Каабъ (сказаніе, напоминающее исторію сыновей Іліа). Ихъ особенно почитало племя Джорхамъ, хотя и Корейшиты питали къ нимъ уваженіе. По вѣртіи Мекки, Магометь оставилъ эти идола неприкосновенными, какъ памятники божественнаго правосудія. Между другими племенами большою оригинальностью отличалось племя Генабъ: оно почитало идола, сдѣланнаго изъ тѣста. Кроме племенныхъ идоловъ, каждое семейство имѣло своего домашняго, къ которому обращались члены семейства, выходя изъ дому и возвращаясь домой. Изъ числа такихъ божковъ были упоминаемые въ Библии идола Лавана, нохиненные Рахилью ²⁾. Затѣмъ, существовали идола; такъ сказать, историческіе или *общіе*, обставленные кругомъ Каабы; число 360. Главный между ними назывался Хабаль, принесенный въ Аравію камишъ-то Амру-Ибнъ-Дахай-омъ (изъ Сиріа), увѣрявшимъ, что этотъ Хабаль можетъ давать дождь. Фигура представляла статую изъ краснаго агата, безъ руки, заживленной Корейшитами золотою рукою, въ которой Хабаль держалъ 7 стрѣлъ, безъ перьевъ, штышкихъ сходство съ тѣми, которыя каабскіе жрецы употребляли при гаданіи народу. Думаютъ, что статуя эта изображала Авраама, а вокругъ стоявшіе идола—ангеловъ, пророковъ, между которыми и Исмаила, также съ стрѣлами для гаданія. Хабаль и вся его компанія были рабѣты Могометомъ по завоеваніи Мекки въ 8 годъ гиджры. Говорятъ ³⁾, что въ числѣ идоловъ Каабы, низвергнутыхъ Могометомъ, была маленькая статуя Дѣвы-Маріа на колоннѣ съ младенцемъ на рукахъ.—Происхожденіе такого множества идоловъ

¹⁾ *Пакоккъ*, *Спец.* p. 97.

²⁾ *Ренандъ*, *Christianisme et Paganisme* p. 128.

³⁾ *Ренанъ*, p. 275; *Ренандъ*, тамъ же, p. 129.

объясняютъ ¹⁾ слѣдующимъ образомъ. Потомки Немама, по мѣрѣ того, какъ земля кругомъ Мекки становилась тѣсною для нихъ, переселялись дальше; для сохраненія памяти о своей родинѣ они брали съ собой камни, которые потомъ почитались въ каждомъ клемени какъ святыни; извѣдѣ ихъ сносили въ Хаабъ, — общенациональному святилищу. Такимъ образомъ, будто, изъ простыхъ памятниковъ камни превратились въ предметъ обожанія. Этимъ объясняется и то, почему многіе изъ этихъ идоловъ ничего не представляютъ, кромѣ простыхъ необтесанныхъ камней.

Изъ религіозныхъ обычаевъ арабовъ-язычниковъ укажемъ на нѣкоторые, хорошо характеризующіе ихъ взглядъ на отношеніе е верховнаго Аллаха къ низшимъ богамъ и улаживаемые (наместомъ) въ Коранѣ. Во время жертвоприношенія арабы дѣлили животное на части, при чемъ верховному Аллаху отдѣляли меньшую часть, а если эта часть оказывалась какъ нибудь лучшею, ее соею часть же замѣняли частію какого-нибудь низшаго бога. Садъ свой арабы дѣлили на двѣ части — часть верховнаго Бога и низшихъ боговъ. Если плоды изъ первой попадали или перенатывались во вторую, — они не возвращали плодовъ; если, наоборотъ, изъ второй попадали въ первую, возвращали. Дадѣе, если во время ороженія полей и огородовъ, изъ канада, раздѣляющаго часть верховнаго Бога и часть низшихъ боговъ, вода текла въ часть низшаго, то арабы запруживали протокъ; если наоборотъ случалось, то оставляли. Все это потому, говорили арабы, что верховный Богъ не нуждается ни въ чемъ. Но такое понятіе о верховномъ Богѣ не мѣшало арабамъ присоединять къ нему «товарищей» и оставаться въ грубомъ идолопоклонствѣ, хотя, надо сказать, у лучшихъ язычниковъ идея о верховномъ Аллахѣ проникалась вседае болѣе или менѣе ясно, особенно у протовъ ²⁾.

¹⁾ Сале, р. 477—8.

²⁾ Одинъ поэтъ Набигха Дзобіани (Nabigha Dzobyanu) говоритъ: «Клянусь я (чтобы не оставалось сомнѣнія въ душѣ твоей), что нѣтъ спасе-

Не одинаково смотрѣли арабы-язычники на отношеніе Творца къ міру и человѣку. Одни міръ считали несотвореннымъ, а возмѣнили самъ собою, безъ участія Бога. Такіе на изчезновеніе вещей смотрѣли какъ на смерть и переходъ въ другія формы; въ частности, были вѣровавшіе въ метемпсихозисъ. Они представляли его такъ: кровь мозга покойника будто бы превращалась въ птицу, которая посѣщала потомъ чрезъ тысячу лѣтъ гробъ покойника; если человѣкъ умеръ насильственною смертію, то душа его переходила будто бы въ птицу, называемую Хамахъ, которая кричитъ постоянно «оскуни, оскуни» (дайте мнѣ пить), прося крови убійцы, или возмездія. Другіе происхожденіе міра объясняли творческимъ актомъ Божества. По отношенію къ человѣку первые отрицали личносъ бессмертіе и будущее воскресеніе; вторые признавали то и другое, въ связи съ чѣмъ существовалъ у нихъ и обычай — лишать жизни верблюда умершаго араба, чтобы онъ могъ сопровождать своего хозяина и въ загробномъ мірѣ.

Сабензмъ былъ древнѣйшею религіею арабовъ; позднѣе явилось язычество въ грубомъ видѣ. Затѣмъ также очень рано приняла въ Аравію *религія маговъ* Зороастра, при Магометѣ ослабѣвшая въ своемъ отечествѣ (Персія). Введеніе этой религіи объясняется торговыми связями персовъ съ Аравіей и военнымъ столкновеніемъ: известно, что нѣкоторые князья Аравіи были васса-

ніа поминю Аллаха». — «Кого ведетъ Аллахъ, — поетъ другой, — путемъ добра, тотъ идетъ и онъ спокоенъ душой, а кого хочетъ Аллахъ, того заблуждаетъ на ложномъ пути. Одинъ только Аллахъ вѣренъ и справедливъ, одинъ Онъ вѣдаетъ грѣхи людей. Не суетны ли всѣ вещи безъ Бога!.. Надо, впрочемъ, замѣтить, что сознаніе единого Бога у этихъ людей было скорѣе тусклымъ отблескомъ сторонняго свѣта — иудейства и христіанства, чѣмъ самородною и вполне сформированною идеею. Такъ напр. о другѣ Лабидъ (стихи котораго мы привели сейчасъ) — поэтѣ Айшѣ, или Мамунѣ, монотеистъ также какъ и самъ Лабидъ (только онъ отрицалъ предопредѣленіе въ пользу ученія о свободѣ человѣка) нагѣстно, что свои взгляды онъ заимствовалъ отъ христіанъ Гиръ (Подр. у Шпр. В. I, 13—14).

лами персидских царей въ эпоху ихъ могущества ¹⁾. Во время Магомета, который хорошо зналъ эту религію, многія арабскія племена держались магізма, особенно племя Таминъ ²⁾. Вліяніе магізма на исламъ выразилось въ ученіи Корана о сатанѣ ³⁾ и о генияхъ; въ Аравіи вообще отразилось ученіемъ о богахъ и богиняхъ.

Іудейство ввелось между арабами частію путемъ пропаганды, частію насиліемъ нѣкоторыхъ князей, прозелитовъ іудейства. Евреи издавна имѣли сообщеніе съ Аравіей. Болѣе чѣмъ за 100 лѣтъ до Р. Х., когда вся Палестина сдѣлалась римскою провинціей, а особенно когда былъ разрушенъ возобновленный храмъ, многіе іудеи оставили свое отечество и переселились въ Аравію, ища здѣсь убѣжища отъ ненавистнаго правительства Рима, свободы вѣрѣ и богатства. Они имѣли здѣсь въ своихъ рукахъ почти всю внѣшнюю и внутреннюю торговлю; какъ вліятельные люди, они приобрѣтали я прозелитовъ. При Магометѣ іудейство исповѣдывали особенно племена Бенанаксъ, Ал-Харетъ, Ефизъ-Бааба и Бендахъ. Пунктомъ распространенія іудейства служила Медина ⁴⁾, куда преимущественно, какъ въ торговому городу, съѣзжались іудеи вначалѣ. Случались и насильственные обращенія; такъ за

¹⁾ Персеваль, Histoire des Arab. t. II, lib. 4.

²⁾ Sale, 479.

³⁾ Въ Коранѣ діаволь является съ нѣсколькими именами. *Эбласъ*— имя падшаго духа; имя это филологи переводятъ нарицательнымъ именемъ діавола—*шайтанъ*, которое употребляется и въ Коранѣ (напр. 20, 103; 2, 118), даже въ замѣнъ собственнаго *Эбласъ*. Тѣмъ не менѣе между ними есть значительное различіе: *шайтанъ* въ началѣ означало, по мнѣнію филологовъ, землю, а потомъ стало названіемъ также отверженныхъ, проклятыхъ людей, гениевъ и животныхъ; тогда какъ *Эбласъ* относится только къ одному первоначально падшему духу, какъ его собственное имя. См. Шпр. II, 242. Кажется отъ шайтана произошло и греч. «сатана». Почему оно будетъ значить *отверженный, проклятый, противный*, въ смыслѣ предиката или качественнаго прилагательнаго.

⁴⁾ Лоранъ, р. 481.

700 лѣтъ до Магомета, одинъ князь Іеменскій (по имени Абу-Карбъ-Асадъ) силою ввелъ іудейство между своими подданными. Изъ его преемниковъ многіе также отличались приверженностію къ новой вѣрѣ, а за годъ или въ самый годъ рожденія Магомета одинъ изъ нихъ, Дгу-Навасъ, прозванный въ насмѣшку «господиномъ рва», съ фанатическою нетерпимостію преслѣдовалъ всѣхъ, кто не принималъ іудейства, особенно христіанъ.

Позже всѣхъ религій проинило въ Аравію *христіанство*. Между первыми христіанами, слушателями апостоловъ, а можетъ быть даже самого Спасителя, были такіе, которые потомъ оставили Палестину и съ іудеями переселились въ Аравію. Самъ ап. Павелъ *ездилъ* въ Аравію, какъ говоритъ въ посланіи къ Галатамъ (1, 17). Особенно же стали умножаться христіане здѣсь съ 4—5 в., когда, съ возведеніемъ православнаго христіанства на степенъ государственной религіи, начались гоненія на еретиковъ. Они были большою частію изъ монофизитовъ, которыхъ и теперь много на Востоцѣ. Православная партія не пользовалась уваженіемъ арабовъ, потому что не отличалась либеральностію. Православныхъ называли «императорскими христіанами» (*maliky*)¹⁾. Тѣмъ не менѣе въ гражданскомъ отношеніи они были въ силѣ, въ тѣхъ областяхъ, князья которыхъ оставались ленниками греко-римскихъ императоровъ или, по крайней мѣрѣ, уважали ихъ. Вообще православныхъ въ Аравіи было не много. Какъ въ Америкѣ теперь ищутъ безопасности европейскіе преступники, такъ тогда искали въ оазахъ и пустыняхъ Аравіи спасенія преступники церкви. Христіанскими племенами считались въ вѣкъ

¹⁾ Гиббонъ думаетъ, что ни до Магомета, ни во время Магомета православныхъ христіанъ не называли въ Аравіи *maliky* (*maliky*), а только въ X в. Шпренгеръ признаетъ раннее существованіе этого имени (императорскіе христіане) на томъ основаніи, что для *maliky* дали православнымъ монофизиты изъ ненависти, а ненависть монофизитовъ къ православнымъ въ началѣ VII в. была такъ же сильна какъ и въ X в.

Магомета Гамхаръ, или Гаміаръ, Хассанъ, Рабіа, Тахлабъ и нѣкоторые другія. Исторія обращенія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ христіанство связана съ чудесными событіями. Чудесно обратилась въ христіанство дѣтъ за пять до рожденія Магомета часть племени Наджрановъ. Дѣло было такъ ¹⁾. Іудеи племени Гаміаръ развѣзывали христіанъ на публичный споръ о Богѣ. Споръ длился три дня, въ присутствіи царя (князя), высшаго общества и народа. За іудеевъ спорилъ Гербанъ (Herbanus), за христіанъ — епископъ Грегенцій (Gregentius) ²⁾. Такъ какъ каждая изъ обѣихъ сторонъ твердо отстаивала свое, то Гербанъ обращается (это было въ третій день) къ христіанамъ: «Если Іисусъ Назорей еще живъ и на небѣ онъ, если можетъ слышать молитвы своихъ почитателей, — пусть явится намъ въ глаза: тогда мы увѣруемъ въ него!» Іудеи повторили предложеніе въ одинъ голосъ: показывайте вашего Христа и мы сдѣлаемся христіанами!.. Вслѣдъ за этимъ, продолжаетъ повѣствователь, въ страшномъ вихрѣ съ громомъ и молніей является на воздухъ Христосъ, окруженный сіяніемъ и блескомъ порпурнаго цвѣта, съ мечемъ въ рукѣ и діадемою на головѣ (діадему жиды нашли весьма драгоценною). Онъ обращается къ сидящимъ: «вотъ я предъ вашими глазами, тотъ, котораго вы расняли». Облако исчезло. Христіане вскричали: *Magie eleison!* Іудеи были поражены чудомъ и приняли крещеніе, послѣ чего остались живы». Такъ чудесно будто бы обратились къ христіанству и трибы въ царствѣ Гира

¹⁾ Сале, р. 472; Ренанъ, р. 274; Ренандъ, р. 129.

²⁾ Съ водвореніемъ христіанства, само собою явилась въ Аравіи и церковная іерархія. При Магометѣ здѣсь существовали двѣ яковитскія епископіи. Каедрa главной епископіи находилась въ Куеѣ, а по другимъ въ Акулѣ, по инымъ же въ Багдадѣ (въ Персіи). Епископъ этой епархіи носилъ титулъ «епископа всей Аравіи» и находился, какъ и епископъ другой епархіи, въ іерархической зависимости отъ «епископа всего востока». Несторіанскій епископъ жилъ въ двухъ діоцезахъ, въ Гирѣ и Акулѣ. Онъ зависѣлъ отъ своего патріарха. У Сале, *Observations*, р. 472.

и Хассана ¹⁾. Христиане арабскіе, какъ мы сказали, состояли большею частію изъ сектантовъ. Находились между ними даже тавіе, которые думали, что душа умираетъ, подобно тѣлу, и будетъ воскрешена съ тѣломъ, — заблужденіе, существовавшее еще во время Оригена ²⁾. Кромѣ *монофизитовъ*, *аріанъ* и *несторіанъ*, здѣсь существовали извѣстные *бериллы*, послѣдователи Боцрекаго епископа Берилла, *коллириды*, *ессеи* и *евіониты* ³⁾. Коллириды Дѣву Марію почитали наравнѣ съ Богомъ и чествовали ее пирогами, свитымъ кольцеобразно и называвшимся поэтому *colligus*, отъ чего произошло и самое названіе ихъ. Одни изъ коллиридовъ говорили, что есть два бога, кромѣ Бога Отца: Иисусъ и Марія; — эти назывались *маріамитами*. Другіе полагали, что Дѣва Марія только свободна отъ всего человѣческаго и потому обоготворена. Третьи считали ее дополненіемъ св. Троицы ⁴⁾, думая, что безъ нея Троица будетъ несовершенною. Эти сумазбродныя мнѣнія часто осуждаетъ Магометъ въ Коранѣ. Соблазнительныя разсужденія и споры служили, вѣроятно, причиною того, что Магометъ такъ строго формулировалъ свой догматъ о единомъ Богѣ: Мы должны долѣе остановиться на евіонитахъ и ессеяхъ.

Какъ и палестинскіе, арабскіе *евіониты*, хотя называли себя христианами, ближе были къ іудейству, чѣмъ къ христианству; признавали тору, одно евангеліе Матѳея, на ап. Павла смотрѣли какъ на отступника; отрицали ученіе о воплощеніи и искупленіи. Одни изъ нихъ, бывшіе ближе къ іудейству, Иисуса Христа считали сыномъ Іосифа и Маріи; другіе, стоявшіе ближе къ христианству, признавали его только рожденнымъ отъ Маріи, чудеснымъ образомъ, небеснымъ существомъ, хотя и не бже-

¹⁾ Подр. у *Сале*, р. 472—3.

²⁾ *Ессей*, Hist. Eccles. lib. VI, с. 83.

³⁾ *Епифаний*, de Haeres. lib. 1.

⁴⁾ *Персеваль*, Hist. des Arab. t. I, р. 198.

ственнымиъ. Названіе, какое они давали Иисусу Христу—*Рахманъ* (милосердый, щедрый), указывало на Христа какъ милосердаго заступника, ходатая предъ Богомъ. Магометъ относился къ евіонитамъ довольно благосклонно, считая ихъ вѣрными, христіанами (такъ какъ и сами евіониты называли себя христіанами, не смотря на то, что даже не имѣли христіанскихъ храмовъ и священниковъ, а только синагоги (*gashi* на арабскомъ), тогда какъ православные, признававшіе Иисуса Христа Богомъ по естеству, были въ его глазахъ невѣрные. Это замѣчаніе послужитъ намъ ключемъ къ разъясненію прямыхъ противорѣчій въ Коранѣ тамъ, гдѣ говорится о христіанахъ. Ученіе евіонизма имѣетъ въ немногомъ сходство съ взглядами Магомета; и если мы признаемъ тутъ заимствованіе со стороны Магомета ¹⁾, то не должны забывать съ другой стороны, что все ученіе евіонейства, то, что составляло полную догматичку секты, осталось совершенно чуждымъ Корану. Евіонейское ученіе о нисхожденіи на Иисуса при крещеніи Христа, о изліаніи этого Христа еще въ Адама, бывшаго по тѣлу тѣмъ же Иисусомъ, о низшествіи Христа съ неба и сотвореніи его прежде всѣхъ тварей, о томъ, что онъ есть духъ, превышій всѣхъ ангеловъ, явившійся въ тѣлесномъ видѣ въ патриархахъ и наконецъ принявшій тѣло, чтобы быть распяту, умереть на крестѣ и потомъ снова вознестись на небо ²⁾: всѣ эти мистическія тонкости не подошли подъ взглядъ Магомета и остались чужды Корану.

На ряду съ евіонействомъ въ Аравіи существовала и секта позднѣйшихъ *ессеевъ*, которые еще во время Епифанія считали

¹⁾ Такъ дѣлаетъ Шпренгеръ: разбирая содержаніе Климентинъ, сочиненія, авторомъ котораго считается евіонитъ, и сравнивая его съ ученіемъ Корана въ нѣкоторыхъ пунктахъ (въ ученіи о Христѣ, открывеніи, про рокахъ), онъ находитъ сходство между тѣмъ и другимъ, и ученіе Корана производитъ изъ евіонейскаго. В. I, 25—7.

²⁾ *Епифаній*, Наг. 10, 3.

пророками Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, Аарона и Иисуса (последніе два по ихъ ученію были пророки истины—*ἀληθείας*; остальные ума—*σοφίας*), и отрицали пророческое достоинство Давида, Соломона, Исаи, Іереміи, Даниіла, Іезекиіла, Елисея, Иліи. Магометъ признавалъ пророческое достоинство и за послѣдними изъ этихъ пророковъ, хотя въ меньшей степени. Говоря о Давидѣ ¹⁾, онъ употребляетъ ограничивающее выраженіе: мы (т. е. Богъ). дали Давиду псалмы (а не книгу, какъ сказано о Моисеѣ и Иисусѣ ²⁾). Во время Магомета эта секта уже потеряла свой древній характеръ. Между взглядами реформированнаго ессейства и взглядами Магомета также существуетъ нѣкоторое сходство; поэтому не лишне сказать здѣсь о перемѣнахъ, происшедшихъ въ позднѣйшемъ ессействѣ. Начало реформы въ немъ относится къ царствованію Траяна (между 98—117 г.; о ессействѣ древнемъ мы не считаемъ нужнымъ говорить), и приписывается нѣкому *Елксая*, или *Елкесаю* (продолжателемъ его считается братъ его родной, *Ексей*, Іехеус), котораго во время Епифанія четыре секты—евіониты, ессей древніе и новые, и оссанты—считали каждою своимъ основателемъ ³⁾. Съ реформы Елксая у ессейнъ будто явился обычай клясться, по словамъ Епифанія ⁴⁾, солю, водою, землей, хлѣбомъ, воздухомъ, небомъ, масломъ, ангелами, Духомъ Св., и будто Елксай положилъ основаніе почитанію этихъ вещей. Въ сектѣ было запрещено блудодѣяніе; вмѣсто обращенія къ солнцу во время молитвы, вошло въ обычай обращаться къ Іерусалиму.

¹⁾ *Сура* 17, 5.

²⁾ *Шпренгеръ* В. II, 255 S. въ примѣчаніи.

³⁾ Рѣшительно нельзя опредѣлить, кто былъ этотъ *Елксай*. Шпренгеръ считаетъ его однимъ лицомъ съ Локисаномъ и Коссомъ (жившимъ позже). В. I, 35; I, 45. По *Виллвандо* оцъ реформаторъ то назорейства, то ессейства. *Хольсонъ*, на основаніи одной арабской рукописи, считаетъ его персомъ, не Локманомъ, а совершенно другимъ лицомъ, по имени *Гассейнъ*, котораго назорейская секта (позже) признавала пророкомъ.

⁴⁾ Епифаній, *Наег.* 30, 16.

Подобныя шлятвы видимъ и въ Коранѣ (главы: 37, 1—3; 77, 1—3; 85, 1; 95, 1), видимъ также въ немъ запрещеніе блуда (въ сурѣ 57, 47). Тутъ есть очевидное сходство. Отъ чего оно произошло? *Шпренгеръ* думаетъ, что изъ ессеиства взгляды и обычаи занесены въ ученіе Корана. Но едвали будетъ справедливо такъ думать. Блътвы подобныя—въ духѣ восточныхъ народовъ и существовали самобытно у каждаго народа. Что касается запрещенія блуда въ Коранѣ, то весьма странно считать подобное узаконеніе подражательнымъ; какъ будто у ессеевъ только и считался блудъ грѣхомъ. Елксай о Христѣ думалъ, что онъ былъ сила какая-то, и полагалъ, что по высотѣ онъ 96 миль, по широтѣ 24, также представлялъ и ноги Его. Признавая бытіе Св. Духа, Елксай полагалъ, что духъ этотъ женскаго пола. У христіанскихъ учителей Магомета Христосъ считался Богомъ подъ именемъ Рахмана; Духъ Св. представлялся и въ Коранѣ такимъ чудовищнымъ сначала, а потомъ уже сдѣлался силою. Такую аналогію сводитъ Шпренгеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ученіи о Христѣ и Духѣ Св. на Магомета вліяли взгляды разныхъ сектъ, хотя въ Коранѣ І. Христосъ и Духъ Св. тварныя существа, стоящія безконечно ниже Аллаха.—Елифаній Кипрскій сообщаетъ слѣдующую выписку изъ сочиненія реформатора ессеиства: «О сыны, не идите къ изображенію огня, ибо оно обманываетъ васъ; онъ самъ есть обманъ: хотя показывается онъ вблизи, но онъ вдаль» и проч. Это мѣсто интересно въ томъ отношеніи, говоритъ Шпренгеръ ¹⁾, что ученіе предлагается *сынамъ*, ученикамъ; такъ говоритъ въ Коранѣ и *Локманъ* сыну, т. е. обращаетъ рѣчь свою къ сыну. Вся аналогія держится здѣсь на звательномъ падежѣ «о сыны». Изъ другой секты, *гемеробаптитовъ*, Шпренгеръ заноситъ въ ученіе Корана повелѣніе объ омовеніи, хотя у Магомета обрядъ этотъ не имѣетъ того таинственнаго значенія, какое придавали ему

¹⁾ *Шпренгеръ* 1. 24.

гемеробаптисты, по словамъ Епифанія ¹⁾. Шпренгеръ какъ бы даже забываетъ, что и у самыхъ арабовъ язычниковъ существовалъ обрядъ омовенія, общій на Востокъ и прежде и теперь. Магометъ считалъ омовеніе простымъ обрядомъ тѣлесной чистоты; такимъ онъ былъ и у арабовъ, и выходитъ, что Магометъ заимствовалъ его отъ гемеробаптистовъ, считавшихъ этотъ обрядъ таинствомъ.

Отъ столкновенія всѣхъ этихъ ученій должно было образоваться нѣчто въ родѣ александрійскаго эклектизма. Въ Коранѣ Магометъ часто нападаетъ на тѣхъ, которые думаютъ, что «съ нихъ достаточно вѣровать въ Бога и послѣдній день». Это была еще не большая бѣда: въ эклектизмѣ люди всетаки дорожили истиною. Отъ этой перепутанности и разнорѣчивости религіозныхъ понятій вытекало другое явленіе, индифферентизмъ. Многие не чувствовали никакой нужды въ объективной религіозной истинѣ. Для новой вѣры эклектизмъ и особенно индифферентизмъ были самыми опасными врагами; первый потому, что стоялъ на философскомъ основаніи, второй потому, что совсѣмъ отрицалъ истинную религію, признавая всѣ. Магометъ сражался преимущественно съ язычествомъ; но, собственно говоря, теперь язычество не имѣло уже силы сражаться: оно держалось во имя отцовскихъ преданій и съ перваго разу представлялось лучшимъ умамъ нелѣпостію. Если его приверженцы говорили, указывая на Магомета: «оставимъ ли нашихъ боговъ для глупаго поэта», то говорили потому, что не вникнули еще въ сущность новой религіи и въ ея значеніе для народной жизни и вѣка. Только іудейство могло твердо стоять за свое, но и оно, не выступая изъ національной узкости, не въ состояніи было выдержать конкуренціи съ исламомъ, отвергшимъ объятія всѣмъ племенамъ на правахъ *національнаго* и *личнаго* равенства предъ Богомъ. Христіанство хотя

¹⁾ Шпренгеръ В. I, S. 37.

приобрѣтало послѣдователей, всетаки мало гармонировало съ семитическимъ міровоззрѣніемъ арабовъ, своимъ ученіемъ о Троицѣ и воплощеніи. Выступая съ своимъ ученіемъ, Магометъ подавалъ руку іудейству и христіанству—первому за относительную высоту его теоретической стороны, второму—за высоту его нравственныхъ началъ. Но ни іудейство, ни христіанство не захотѣло ирряться съ новымъ пріятелемъ. Главную поддержку Магометъ нашелъ въ людяхъ, *искавшихъ* истины и колебавшихся между всѣми этими религіями. Предъ выступленіемъ Магомета, въ этомъ пестромъ смѣшеніи представителей разныхъ вѣръ рѣзко выделяется особый классъ людей, называвшихся *ханифами*, людей, желанія и стремленія которыхъ должны были положить основаніе лучшему будущему. Направленіе ихъ можно назвать монотеистическимъ синкретизмомъ. Шпренгеръ думаетъ, что люди эти составили особую секту, хотѣвшую вопросы всѣхъ религій свести къ ученію о единомъ Богѣ, что и Магометъ вышелъ изъ этой секты и что такимъ образомъ исламъ ни болѣе ни менѣе какъ цѣликомъ и буквально повторенное ученіе этой секты. Взглядъ Шпренгера на происхожденіи *ханифства* можно представить такъ. Чисто-христіанскій евіонизмъ съ прибавкою нѣкоторыхъ сабенитическихъ понятій извѣстенъ былъ въ Аравіи подъ именемъ *ракуизма*. Между послѣдователями такого евіонейства жило много аскетовъ, вѣроятно, отшельниковъ, которые у арабскихъ писателей постоянно называются христіанами. Почти невозможно съ точностію опредѣлить, гдѣ преимущественно жили эти *ракузлы*. Извѣстно, что къ нимъ принадлежали нѣкоторые христіане племени Тайя (Тауу), жившаго на горѣ *Шаммаръ* въ срединѣ полуострова, между которыми наша себѣ пріюти и аскеты. Изъ приверженцевъ ракуизма является самымъ замѣчательнымъ нѣкто *Коссъ* (Косс), хорошо знавшій Новый Заветъ и все христіанское ученіе. Происходилъ онъ отъ племени Іадатовъ (по исключительному же свидѣтельству *Ибнъ-Сада*, отъ племени Бокръ-бенъ-Вайиль). Это могуществен-

ное племя жило сначала у берега Краснаго Моря, потомъ долго эмигрировало съ мѣста на мѣсто и, послѣ нѣсколькихъ перекочевовъ, остановились у праваго берега Тигра (во второй разъ), гдѣ и жило когда выступилъ Магометъ съ своими завоеваніями. Часть этого племени обитала вблизи Мекки, при Дцу-Карѣ, у источника Басвы и не участвовала въ эмиграціяхъ своихъ родичей. Если вѣрить арабскимъ историкамъ, Коссъ былъ по своему общественному положенію судья, справедливость котораго вошла въ пошлвицу у арабовъ. По мнѣнію Шпренгера, Коссъ выходитъ епископомъ Награновъ ¹⁾. У поэта Лабиды онъ упоминается какъ мудрецъ. Полагають даже, что Коссъ одно лицо съ Докманомъ. Арабскіе историки говорятъ, что онъ былъ первый, который въ эпоху Магомета выступилъ съ проповѣдью о единствѣ Божіемъ и воскресеніи мертвыхъ.

Этотъ-то самый Коссъ, вышедшій изъ секты христіанскихъ евюнеевъ, сталъ, по мнѣнію Шпренгера, отцемъ секты ханифовъ или ханиства ²⁾. Объ ученіи этой секты нѣтъ подробныхъ свѣдѣній, кромѣ того, что она существенно держалась догмата единства Божія. Между сектантами существовало множество «свитковъ» или апокрифовъ, съ именами разныхъ библейскихъ лицъ. Объ этихъ свиткахъ сохранились довольно обстоятельныя свѣдѣнія. Предисловіе одной рукописи, принадлежавшей будто бібліотекѣ халифа Мамуна, гласитъ: «Ахмедъ-бень-Абдъ-Аллахъ-бень-Саламъ, кліентъ повелителя вѣрныхъ Харума, говоритъ: я перевелъ эту книгу изъ книги (библии) Ханифовъ, т. е. авраамовыхъ христіанъ, которые вѣруютъ въ Авраама и получили отъ него *согофъ* (sohof) — книги, испосланныя ему Богомъ. Оригиналъ подробнѣе, а мой переводъ сокращеннѣе. Я ограничивался тѣмъ, что считалъ необходимымъ для пониманія разногласій и

¹⁾ Шпренгеръ В. I, 45 S.

²⁾ Съ этимъ именемъ извѣстна одна секта мусульманская, явившаяся позже и получившая свое имя отъ основателя ея, Абу-Ганифа (Abu Hanifa).

разрозненности этих сектъ и пр. ¹⁾. Этотъ же Ахмедъ говорить въ другомъ мѣстѣ: «я перевелъ начало этой книги (т. е. книги ханифовъ), также Согофа, торы, Евангелія (вѣроятно, Маттея), и книгъ пророковъ и учениковъ (вѣроятно, апостоловъ) съ еврейскаго, греческаго и сабейскаго языка. Я принаравливался къ особенностямъ арабскаго языка и не вездѣ переводилъ буква въ букву ²⁾. Выставляя ученіе ханифовъ объ откровеніи, или книгахъ откровенныхъ, Ахмедъ говорить: всѣхъ пророковъ 124 тысячи, изъ коихъ 315 явилось (разомъ) съ однимъ посланничествомъ. Число открытых Богомъ книгъ—104; 100 открыты Богомъ въ промежутокъ между Адамомъ и Моисеемъ, именно: первая книга—это 21 свитокъ Адама; вторую книгу Богъ открылъ Снеу; она содержитъ 29 свитковъ; третью—Идрису (Эноху), изъ 30 свитковъ, четвертую Аврааму изъ 10 свитковъ, *согофъ*. Пятую книгу далъ Богъ Моисею, также изъ 10 свитковъ. Эти пять книгъ составляютъ такимъ образомъ 100». Затѣмъ спустя нѣкоторое время Богъ далъ Моисею еще тору на скрижаляхъ. Позднѣе открылъ Богъ Давиду *мазашіг*—псалмы, числомъ 150, которые имѣютъ и іудеи и христіане». Другой арабскій писатель Ибнъ-Монаггинъ, писавшій въ 231 году гижры, также сообщалъ нѣчто о согофахъ. Сказавши о каноническихъ книгахъ вет. и нов. завѣта, онъ продолжаетъ: іудеи имѣютъ книги, которыхъ христіане не принимаютъ; затѣмъ перечисляетъ самыя книги, и первую ставитъ *Ашмаатъ* или согофъ Авраама и Моисея, книги, содержащія исторію отъ Адама до Моисея, въ дидаггической формѣ или въ видѣ опредѣленной и повелѣній. Въ другомъ мѣстѣ этотъ же писатель сообщаетъ, «что свитки Авраама и Моисея содержатъ откровенія Бога, данныя Адаму, Снеу, Идрису (Эноху), Аврааму и Моисею, откровенія, находившіяся въ свиткахъ, впоследствии собранныхъ Моисеемъ. Содержаніе этихъ

¹⁾ *Шартеръ*, В. I, 46—7 S.

²⁾ Онъ же, I, 48 S.

свитковъ—историческіе отрывки въ формѣ гомилетическихъ апокризовъ. Есть свитки другого рода, историко-легендарные, въ повѣствовательной формѣ. Такіе свитки указываетъ Шпренгеръ въ одной рукописи, найденной въ Бейрутѣ, около 486 г. гиджры, списанной съ древняго манускрипта и также приписываемой Эноху. Изъ бейрутскихъ свитковъ первый содержитъ 5 страницъ (листовыхъ), второй—3, третій—4, пятый—15. Въ рукописи значится, что они переведены съ греческаго на арабскій; писаны речоманною прозою и вычурнымъ слогомъ. Ясно, что свитки Эноха имѣютъ двѣ редакціи, довольно самостоятельныя; одно собраніе, древнѣйшей редакціи, то, о которомъ говоритъ Монаггимъ, а другое, позднѣйшей, то, которое содержится въ бейрутской рукописи; переданное нѣкимъ Тайлабіемъ (Thalaby), жившимъ около 430 г. гиджры ¹⁾. Судя по вѣрѣ ханифовъ въ эти апокрифическія, исключительно относящіяся къ ветхому завету, сочиненія, можно полагать, что ханифы держали себя совершенно изолированно отъ христіанства, его ученія и обрядовъ. Въ числѣ приверженцевъ этой секты указываютъ много замѣчательныхъ людей, какъ предвѣстниковъ ислама. Преданіе Ибнъ-Сада рассказываетъ объ одномъ еврей, сирскомъ выходцѣ, Абу-Омайра-Ибнъ-Тайманъ, который незадолго до Магомета поселился въ Мединѣ и славился какъ пророкъ и угодникъ Божій. «Пять разъ въ день, говоритъ преданіе Сада, совершалъ онъ молитву. Когда у мединцевъ случалась

¹⁾ О какихъ изъ нихъ упоминаетъ Коранъ? Ученый Ахмедъ (VIII в.) говоритъ, что Магометъ указывалъ на свитки первой редакціи, болѣе древніе, чѣмъ свитки второй редакціи (къ которой принадлежитъ бейрутская рукопись). Свое мнѣніе Ахмедъ основываетъ на авторитетѣ еврейскихъ ученыхъ прозелитовъ исламизма, именно: *Абдаллахъ-бенъ-Салима*, который присоединился къ Магомету непосредственно послѣ «бѣгства», *Иамана*—друга Магомета, *Какъ-аль-Ахбара*, очень уважаемаго мусульманами за богословскую ученность, *Вахба*, также авторитетнаго писателя мусульманъ, *Ибнъ-Таймана*, сирійца, поселившагося въ Мединѣ и умершаго немного раньше Магомета.

засуха, они обращались къ нему: «выходи, и проси за насъ о дождѣ». Онъ же отвѣчалъ: «я не сдѣлаю этого, если прежде вы не раздадите милостыни». Они говорили: «что мы должны дать»? онъ отвѣчалъ: «каждый одно *са* (са) финиковъ или два *модды* ячменя». Мы (рассказъ въ суннѣ передаютъ современники Тайгана) дѣлали какъ онъ говорилъ. Потомъ онъ шолъ съ нами на гору, окружающую долину—и его молитва исполнялась. Прежде чѣмъ мы возвращались оттуда, собирались облака и лилъ дождь. Мы такъ дѣлали часто и всегда шолъ дождь. Не задолго до смерти, онъ говорилъ: «какъ вы думаете, что привело меня изъ страны хлѣба и вина въ страну плача и нужды?... Я полагалъ, что явится пророкъ и это то мѣсто, куда онъ убѣжитъ. Я надѣялся, что доживу до него. Тогда я сдѣлался бы его приверженцемъ. Вы не присоединитесь къ нему, ибо онъ проливаетъ кровь, уводитъ женъ и дѣтей въ плѣнъ; однако то не спасетъ васъ, что сторонитесь отъ него, ибо онъ идетъ къ вамъ!.. Послѣ этого онъ умеръ». Другой, неизвѣстный по имени ханифъ явился незадолго до Магомета въ Хигацъ (Higaz) гдѣ онъ старался расположить къ древней вѣрѣ поклонниковъ чернаго камня; но его проповѣдь осталась безплодною. Замѣчательнѣйшимъ ханифомъ является Омай, современникъ Магомета и любимый поэтъ арабовъ. Когда Магометъ выступилъ съ проповѣдью, Омай отнесся къ нему сочувственно, и самъ Магометъ сначала думалъ о немъ высоко, какъ о ревнителѣ древней вѣры; но потомъ перемѣнилъ отношеніе къ нему, какъ къ человѣку «съ нечистымъ сердцемъ», когда Омай, разочаровавшись въ новомъ пророкѣ, или, какъ думаютъ, самъ желая стать пророкомъ, началъ на него писать сатиры, которыя пускалъ въ обращеніе между народомъ ¹⁾).

Такой взглядъ проводитъ Шпренгеръ на ханифовъ, какъ на людей, принадлежавшихъ къ определенной сектѣ, съ вѣрою въ

1) Суры 7, ст. 174—86 говорятъ объ Омаѣ въ этомъ двойственномъ тонѣ.

откровение (тянущееся чрезъ всю исторію в. завѣта) Божіе и Авраама; основателя ханифства, и полагаетъ, что Магометъ вышелъ ¹⁾ изъ этой секты ²⁾.

Хотя у арабскихъ писателей и въ самомъ Коранѣ встрѣчаются люди съ именемъ ханифовъ, но отсюда нельзя рѣшительно заключать, что ханифы были приверженцы какой нибудь секты определенной, установившейся. Скорѣе ханифами назывались люди, отвергнувшіе современныя религіи съ ихъ обрядами и суевѣріями, и удержавшіе изъ всѣхъ идею Бога (единого) и загробной жизни. Но такъ какъ эти идеи сами по себѣ не составляютъ еще религіи, то естественно, что ханифы являются людьми стремящимися къ какой-то древней религіи, въ которой идея верховнаго Бога «единого» была существеннѣйшимъ догматомъ. «Авраамическіе христіане» были вовсе не одно и тоже съ ханифами, съ которыми отождествляетъ ихъ Шпренгеръ. Авраамическіе христіане (называющіеся еще и сабеями новыми) составляли іудейскую секту; ханифами назывались люди, вышедшіе изъ всѣхъ религій, преимущественно же изъ язычества. Что показываетъ самое это имя? Въ Коранѣ оно встрѣчается 12 разъ, съ различными оттѣнками значенія и даже въ притивоположныхъ

¹⁾ Шпренгеръ, В. I, 40—92 S.

²⁾ Въ «Климентинахъ» высказывается мысль о первоначальномъ откровеніи, сообщенномъ первому человѣку Богомъ. Эта мысль видна и въ Коранѣ, только откровение это Коранъ представляетъ сообщеннымъ въ письмени, тогда какъ Климентины признаютъ откровение, сообщенное въ душѣ, отличіе, въ которомъ обнаруживается чувственный характеръ представленія арабовъ и отвлеченный грековъ. На основаніи этого, Шпренгеръ (I, 23—4) между ученіемъ Корана и Климентинъ находитъ такое отношеніе: Климентины написаны евіонеемъ, евіонейство же въ измѣненномъ видѣ отразилось въ религіозномъ движеніи той секты, изъ которой вышелъ Магометъ, т. е. ханифства. Кажется, это значитъ на основаніи аналогій и случайнаго совпаденія доказывать или находить причинную связь.

смыслахъ. Изъ употребленія его нельзя вывести, чтобы ханифы составляли секту. По этимологическому значенію, ханифъ значитъ «отщепенецъ» въ арабскомъ; въ еврейскомъ и сирскомъ значитъ *язычникъ*, иногда *разератникъ*. Это то же, что «вольнодумцы» наши; только у ханифовъ были и положительныя религиозныя стремленія, нѣрѣдко нечуждыя языческихъ предразсудковъ. Магометъ употреблялъ названіе ханифъ въ смыслѣ «свободный» (отъ всѣхъ заблужденій), «отщепенецъ» (отъ язычества). Въ этомъ смыслѣ онъ употребляетъ, это имя въ 3 сур. 60 стихѣ: «Авраамъ не былъ ни іудей, ни христіанинъ, но ханифъ (въ русскомъ переводѣ стоитъ «благочестивъ») и мослеминъ, а не многобожникъ». И себя Магометъ называетъ въ этомъ смыслѣ ханифомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Корана, преимущественно тѣхъ, которыя открыты въ Меккѣ, *ханифъ* употребляется въ смыслѣ «чистый» «очищенный». Ясно, что Магометъ не держался обыкновеннаго словоупотребленія, по которому ханифъ (т. е. въ глазахъ арабовъ язычниковъ) было нехорошій именемъ. Ханифъ употреблялось еще какъ названіе, указывавшее въ человѣкѣ недостатки—болѣзненное наклоненіе тѣла на бокъ (*ymaui*), также скривленіе ноги. У послѣдователей Магомета ханифъ стало пониматься какъ преданность пилигримству въ Мекку. Двойное названіе *ханифъ-мослеминъ* указывало на усерднаго пилигрима, а просто ханифъ—значило тоже, что мослеминъ, «преданный, вѣрный». Итакъ ханифы были люди, недовольствовавшіеся суевѣріями своихъ соотечественниковъ и искавшіе лучшаго. Таими именно представляются они у арабскихъ писателей. Къ этому направленію примыкалъ и Магометъ, своимъ строгимъ отношеніемъ къ язычеству. Но исламъ, какъ положительное ученіе, обстоятельно высказанное и смѣло приведенное въ сознаніе, отличается отъ ханифства такъ же, какъ разцвѣтшее и принесшее плоды дерево отъ сѣмени, не выступившаго еще на поверхность почвы.

Безножойное движеніе лучшихъ умовъ Аравіи въ послѣднее десятилѣтіе до Магометовой эпохи рельефно представляется въ слѣдующемъ драматическомъ разсказѣ. Ибнъ-Исаака (Исгака), изъ котораго можно ясно видѣть также, что ханиство вовсе не было сектою. «Корейшиты собрались въ одинъ день у своего идола (Вивана, по имени), котораго почитали. Это собраніе повторялось ежегодно, въ опредѣленный день, который они праздновали какъ день торжественный. Тутъ не было четырехъ мужей (изъ корейшитовъ), которые сѣлись между собою и, подъ клятвою молчать о взаимныхъ объясненіяхъ, рѣшились высказаться одинъ другому открыто. Эти мужи были *Варакъ-бенъ-Навоаль-бенъ-Асадъ*, племянникъ первой жены Магомета, *Отманъ бенъ-ал-Хавайритъ-бенъ-Асадъ*, также кузинъ жены пророка, *Обай-Аллахъ-бенъ-Га'шъ*, мать котораго Омайма (по имени) была дочерью Абнъ-алъ-Моталиба и теткою пророка, и *Цайдъ-бенъ-Амръ*. Они говорили другъ другу: наши соотечественники испортили религію. Должны ли мы обходить камень, который не слышитъ и не видитъ, и который не вредитъ и не пользуется? Поищемъ лучшей религіи. Затѣмъ бросили они свое отечество и путешествовали въ чужія страны, *чтобы найти ханиство* ¹⁾—религію Авраама. *Варакъ* сталъ твердымъ христіаниномъ, занимался Св. Писаніемъ, списалъ часть его, приобрѣлъ въ немъ основательное знаніе и вѣрилъ въ него, какъ въ откровеніе. *Обай* оставался въ сомнѣніи, пока не перешелъ въ исламъ. Онъ сопровождалъ, съ женою своею, Магомета во время бѣгства его въ

¹⁾ Къ этому мѣсту Шпренгеръ дѣлаетъ такое примѣчаніе, совершенно произвольно: «вѣроятно, редакторъ этого разсказа подъ *ханиствомъ* разумѣлъ идеальную религію». (В. I, 81). Почему же не то, что разумѣлось обыкновенно?.. Взглядъ Шпренгера на ханиство, какъ на опредѣленную секту, очевидно не гармонируетъ съ этимъ мѣстомъ сунны: зачѣмъ было искать ханиства, если оно существовало какъ опредѣленное ученіе, а не какъ то, къ чему стремились?

Абиссинію. Въ Абиссиніи принялъ христіанство и умеръ христіаниномъ. *Отманъ* отправился ко двору византійскаго императора, тамъ принялъ христіанство, жилъ при дворѣ и пользовался уваженіемъ. *Цандъ* не обратился ни въ іудейство, ни въ христіанство, хотя отказался и отъ религіи своего народа; воздерживался отъ употребленія мяса животныхъ не зарѣзанныхъ, также крови всякаго животнаго и мяса жертвъ идольскихъ. Онъ осуждалъ обычай убивать дѣвочекъ, которыхъ арабы закапывали въ землю или убивали. Цандъ говаривалъ: «я молюсь Богу Авраама». Ибнъ-Исаакъ говоритъ далѣе, что передавалъ ему отецъ его о Цандѣ. Отецъ его рассказывалъ: я видѣлъ Цандъ-бент-Амра, когда онъ уже былъ старъ, спиною прислонившагося къ Каабѣ. Въ этомъ положеніи онъ взывалъ: «у Него, въ рукахъ котораго находится моя жизнь, клянусь, я единственный между вами, который слѣдуетъ религіи Авраама»; потомъ продолжалъ: «о Аллахъ! еслибы я зналъ, какая форма почитанія тебѣ угодна, я въ ней сталъ бы благоугождать тебѣ. Но я не знаю»... Затѣмъ онъ падалъ ницъ, такъ, что сидѣлъ на пяткахъ, и молился такъ, какъ былъ (безъ омовенія и другихъ церемоній). Отъ Цанда остались стихи, въ которыхъ ясно видна идея единобожія ¹⁾; въ нихъ

1) Идея эта проглядываетъ здѣсь болѣе какъ чувствованіе страдающей души Цанда, нежели какъ эвергическая и стремящаяся въ общественное сознаніе мысль. Вотъ его стихи: «Долженъ ли я думать, что господство надъ міромъ раздѣлено?! Нѣтъ: я отказываюсь и отъ Лати и отъ Оцца. Такъ поступаетъ рѣшительный человекъ. Я не вѣрю ни въ Оццу, ни въ его двухъ дочерей; еще посѣщаю двухъ идоловъ Бани-Амръ. Я не вѣрю и въ Ганма. Въ самомъ дѣлѣ: онъ былъ когда-то моимъ Господомъ, когда я имѣлъ еще мало смысла. Ночью обвораживаютъ люди сновидѣніями: такъ случилась и со мною. Но тотъ, кто имѣетъ глаза, видитъ ихъ ничтожество ясно, какъ ясенъ Божій день. Богъ погубилъ многихъ, которые предалися нечестію; другихъ Онъ поддерживалъ ради благочестія народа. Слабое дитя становилось между ними великимъ и сильнымъ. Если человекъ и пропасть, онъ можетъ найтись, какъ разцвѣтаетъ увядшая вѣтвь, когда наполняется дождемъ. Прошу я Рахмана, моего Господа, что-

замѣтно также сходство некоторыхъ выраженій съ оборотами рѣчи Магомета. Одинъ родственникъ Цайда рассказывалъ Ибнъ-Исаану, что Цайдъ имѣлъ обыкновеніе, подходя къ Каабѣ (въ виду молящагося народа, на площади) произносить слѣдующія слова: «искренно повергаю я себя въ молитвословіи Тебѣ, какъ рабъ и слуга. Я ищу прибѣжища у того, у кого находилъ его Авраамъ, когда становился (онъ) предъ Каабою и говорилъ: я, бѣдное, плѣненное существо, поручаю себя тебѣ и тебѣ угодное хочу дѣдать. Благочестіе, а не слова даютъ вѣчную жизнь! «Цайдъ хотѣлъ оставить Мекку, чтобы найти ханство—вѣру Авраама. Но его жена, Саѳіа, дочь Гадрама, замѣтивши, что мужъ не бросаетъ намѣренія своего, дала знать объ этомъ двоюродному брату Цайда, Каттибъ-бенъ-Наваалу. Каттибъ пожурилъ его за то, что онъ оставилъ религію своихъ отцевъ. Наконецъ, Цайдъ зашелъ такъ далеко, что мекканцы запретили ему оста-

бы онъ—щедрый Господь, простилъ мнѣ мои грѣхи. Храните страхъ къ Аллаху, вашему Господу: пока будете имѣть его—не погибнете. Ты спрашиваешь благочестивыхъ: они въ садахъ райа; злодѣи же низвергаются въ пламенную пропасть. Въ жизни они грѣшили и по смерти ожидаетъ ихъ нѣчто такое, что сжимаетъ и давитъ грудь». Шпр. I, 83—4. Цайду приписываются и другіе стихи, такіе: «Аллаху приношу я хвалу и прославленіе и вѣчное славословіе. Ему приношу—высочайшему царю, выше котораго нѣтъ бога и которому нѣтъ равнаго господа. Человѣкъ! Помни смерть! Ты ничего не можешь скрыть предъ Аллахомъ. Не почитай никакихъ боговъ на ряду съ нимъ; ибо путь правый очевиденъ. Пусть они на геніевъ возлагаютъ надежду; но Ты, Боже, нашъ Господь и наша надежда!»—Далѣе предлагается назиданіе изъ легендарной исторіи посольства Моисея къ Фараону, которому Моисей указываетъ на чудеса природы, какъ твореніе Бога (что твердь утверждена безъ опоры, земля стоитъ безъ свай, что восходитъ солнце, появляются растенія и т. п.) и напоминаетъ исторію Іоны. Въ манерѣ изложенія замѣтно большое сходство съ приемами рѣчи Корана; даже встрѣчается цѣлое выраженіе: «вѣроатно во всемъ этомъ есть знаменіе для того, кто принимаетъ это къ сердцу»—выраженіе такъ частое въ Коранѣ (съ измѣненіемъ: «для того, кто имѣетъ смыслъ»).

взвѣдъ въ Меккѣ. Онъ поселился на горѣ Гарѣ, находившейся близъ города. Баттибъ даже просилъ въосторыхъ мншней и ученыхъ шайхуновъ не пускать Цанда въ городъ. Но Цандъ иногда тайно посѣщалъ Мекку. Когда узнавали объ этомъ прѣставленные къ нему люди, они сейчасъ извѣщали Баттиба, который и заставлялъ его снова убраться вонъ. Мекканцы доучали Цанду и мучили его изъ боязни, чтобы не увлечь онъ за собой другихъ и не погубилъ ихъ отечественной религiи. Наконецъ Цандъ бросилъ свое отечество и пошелъ искать вѣру Авраама. Онъ спрашивалъ объ ней у монаховъ и раввиновъ; такъ прошелъ онъ всю Месопотамiю и Сирию. Въ Майбѣ (или Масабѣ) въ Балкѣ (Moabitis) встрѣтилъ онъ одного аскета, посвященнаго въ таинства христіанскаго учениа. На вопросъ Цанда: какъ найти ханнство, религiю Авраама?—аскетъ отвѣчалъ: ты едвали найдешь человека, который могъ бы тебѣ указать то, чего ты ищешь; однако настало уже время, когда надлежитъ выступить пророку въ той самой странѣ, откуда ты ушелъ. Онъ будетъ проповѣдывать ханнство, религiю Авраама; иди отыскивай его; темеръ время, на которое приходится его иссеия. По совѣту аскета (монаха) онъ поспѣшилъ въ Мекку назадъ, но, достигнувъ области Лахмитовъ (Lachmiten), былъ убитъ ¹⁾.

Оъ нѣкоторыми сокращенiями весь этотъ расказъ о четырехъ мужахъ приводятъ Персеваль ²⁾, Сале ³⁾, Ренать ⁴⁾ и Лоранъ ⁵⁾; у всѣхъ онъ оканчивается ограбленiемъ и убiенiемъ Цанда бандою разбойниковъ на пути въ Мекку. Такъ и выходитъ по Суннѣ и арабскимъ писателямъ. Шпренгеръ не вѣритъ такому окончанiю судьбы Цанда, а полагаетъ, что онъ возвратился въ

¹⁾ Шпренгеръ, В. I, 31—7 S.

²⁾ Pistoir. des Arab. t. I, p. 321—6.

³⁾ Observations sur le Mohometanisme, p. 479—80.

⁴⁾ Etudes de Hist. Relig. p. 276.

⁵⁾ Etudes sur l'Hist. de l'Humanité, p. 483—4.

Мекку, здѣсь жилъ какъ ханифъ, умеръ и погребенъ у подножія горы Гиръ, т. е. дѣло поварачиваетъ по своему—и все для того, чтобы Магомета вывести непременно изъ «секты ханифовъ». Основанія къ такому заключенію у Шпренгера слѣдующія: во 1-хъ, въ Боранѣ соотечественники говорятъ Магомету, что люди, обучавшіе его древнимъ баснямъ, уже раньше распространяли заблужденія въ Меккѣ; во 2-хъ, есть сходство между мыслями и даже выраженіями Магомета (въ Боранѣ) и Цайда (въ стихахъ); въ 3-хъ, наконецъ (самое сильное) въ одной элегіи, написанной Варакомъ въ честь Цайда, есть будто намеки на послѣдующее время жизни Цайда. Противъ перваго основанія надо замѣтить, что ему Шпренгеръ придаетъ оборотъ, не встрѣчающійся нигдѣ въ Боранѣ; здѣсь соотечественники говорятъ Магомету, что и прежде такія же басни (и это относится не къ идеѣ ханифства, идеѣ ислама, а къ разнымъ исторіямъ и легендамъ) рассказывали другіе. Апокрифическія сказанія были извѣстны арабамъ и раньше Магомета, равно какъ и нападенія противъ многобожія и идолопоклонства встрѣчались прежде его. Пожалуй, можно признать въ словахъ мекканцевъ указаніе и на Цайда, но только раньше его путешествія. Въ Боранѣ нѣтъ прибавки, дѣлаемой Шпренгеромъ въ укорѣ мекканцевъ Магомету: сказано «у которыхъ», а не «у котораго учился баснямъ». Мекканцы указывали на то, что Магометъ *учился*; а учился онъ у христіанъ, у еврея, перса, монаха, сектантаго, словомъ, дѣлалъ такъ, какъ дѣлаетъ человѣкъ, желающій послушать, поучиться у кого ни попало. Басательнаго втораго основанія надо замѣтить, что сходство мыслей и выраженій не показываетъ еще заимствованія: оно можетъ случиться по общности языка и законовъ духовной дѣятельности. Наконецъ и элегія Варака не даетъ права давать исторіи оборотъ помимо историческихъ указаній. Элегія читается такъ (обращается Варакъ къ Цайду): сты вель другихъ на путь правый, о сынъ Амра, и дѣло доброе показывалъ имъ. Ты избѣгъ

пламени (горящаго) своею вѣрою въ единого Господа, которому нѣтъ равныхъ, и тѣмъ, что отречеся отъ ложныхъ боговъ (по другому чтенію—горныхъ духовъ); также чрезъ то, что нашелъ религію, которой искалъ, и чрезъ то, что не бросилъ ученія о единствѣ твоего Господа. Ты теперь въ славномъ мѣстѣ, гдѣ радуется божественная милость. Тамъ встрѣчаешь друга Божія Авраама. Милость Божія находитъ человѣка, елибы онъ былъ *даже тысячью долинами дальше подъ землей* ¹⁾. Изъ этой элегіи не видно, чтобы Цандъ послѣ путешествія жилъ въ Меккѣ или близъ Мекки. Можно полагать даже, что послѣдній стихъ намекаетъ на гибель Цанда вдали отъ отечества. Если же здѣсь сказано, что Цандъ «нашелъ вѣру, которой искалъ», то это можно также считать за поэтическую вольность и похвалу Варака своему другу, погибшему въ благородномъ стремленіи къ вѣрѣ Авраама. Въ тому же, если и признать, что Цандъ послѣ путешествія жилъ въ Меккѣ или на Гирѣ, то и въ такомъ случаѣ скѣпѣ выходитъ, что онъ самъ нашелъ здѣсь ханство, чѣмъ прінесъ его съ путешествія; потому что, по разсказу Ибнъ-Исаака, Цандъ возвращался къ Меккѣ въ надеждѣ встрѣтить пророка, проповѣдующаго религію Авраама. Наконецъ, надо замѣтить, что Цандъ былъ уже старъ еще до изгнанія изъ Мекки.

Итакъ, вѣкъ Магомета представляетъ главнымъ образомъ четыре класса людей: *утопавшихъ* въ идолопоклонствѣ и довольствовавшихся имъ, — *прильнувшихъ* іудейство или христіанство (въ искаженіи) и нашедшихъ въ этихъ религіяхъ исковое лучшее, — *индифферентность и эклектичность*, — и наконецъ *искавшихъ* истины, но не находившихъ ея; иначе говоря, вѣкъ представляетъ два направленія—одно довольствующееся старымъ, въ прежнемъ или немного измѣненномъ его видѣ, и другое—стремящееся къ

¹⁾ Шпретеръ, В. I, 83 S.

новому, къ коронной реформѣ въ религіи. Надежды людей послѣд-
няго направленія отвѣтилъ Магометъ: онъ выступилъ знамени-
носноцѣмъ новаго направленія и лучшимъ выразителемъ идей, опре-
дѣлявшихъ это новое направленіе и чаяній, связанныхъ съ нимъ.
Итакъ, что такое Магометъ для ислама ¹⁾?

2) *Личность Магомета и его роль: взгляды католиче-
скихъ и протестантскихъ писателей на Магомета. Развитие
его. Искренно ли онъ считалъ себя пророкомъ? Браи его. Поло-
женіе Магомета въ исторіи исламизма.*

Жизнь Магомета извѣстна болѣе подробно, чѣмъ жизнь всѣхъ
основателей религіи. У мусульманъ существуетъ цѣлая литера-
тура о жизни ихъ пророка, что щедро вознаграждаетъ молчаніе
Корана объ этомъ предметѣ. Изъ мусульманскихъ біографовъ ри-
суютъ жизнь Магомета болѣе чудесно шииты и менѣе чудесно сун-
ниты ²⁾. Но всѣ они благоговѣютъ предъ особою основателя сво-
ей вѣры: онъ представляется имъ идеаломъ чловѣка, сосудомъ
божественнаго духа. Изъ христіанскихъ писателей нѣкоторые
слѣдуютъ направленію мусульманскихъ, другіе держатся церковно-
христіанскаго взгляда. Въ числу послѣднихъ относятся преиму-
щественно католики. Первые тоже истощаются въ похвалахъ
нравственнымъ качествамъ Магомета ³⁾. Одинъ изъ нихъ, знаме-

¹⁾ *Исламъ*—преданность, *мусульманъ*—преданный; одного съ нимъ кор-
ня извѣстное слово *саламъ*—спасеніе, миръ, и *салимъ*—здоровый, спасен-
ный. Исламъ употребляется въ Коранѣ довольно часто и именно въ смыслѣ
богопреданности. Но встрѣчается и въ другомъ значеніи—«мятежникъ и
преступникъ» (*моггімъ*), напр. въ 88, 93; даже встрѣчается въ противополо-
жномъ значеніи—«богодостоудничества и многобожія». Въ приложеніи
къ собственной религіи Магометъ слово «исламъ» употреблялъ исключи-
тельно въ первомъ смыслѣ.

²⁾ Нѣкоторые чудеса приводятъ *Ренанъ* р. 237—43. *Шпреггеръ*, В. III,
LV—LXXVII о характерѣ шиитскихъ біографій Магомета.

³⁾ Вейль, Шлоссеръ, Сале, Ренанъ, Ренацъ, Миллеръ—историкъ.

нѣтъ историкъ Миллеръ, говоритъ даже, что «былъ Богъ въ немъ» (es war ein Gott in ihm¹⁾). Недружелюбно смотрятъ на Магомета Придо, Реландъ, Раумеръ, Кантю, Руссо, Бароній, Рорбамеръ аббатъ, Вивалдусъ, и другіе. Общая мысль ихъ та, что Магометъ былъ сознательный обманщикъ, компиляторъ, во-ровавшій безсознательно и краденное выдававшій за божественное. У этихъ писателей явились въ виду при этомъ и задняя цель — уверить грековъ, что вотъ-де какъ Господь наказалъ васъ за ересь ересью же, возобновившею хулу Арія на Христа (Вивалдусъ, Рорбамеръ)²⁾, а также укорить протестантовъ, ученіе которыхъ католическіе писатели считали повтореніемъ сарацинской ереси и аріяства (Мараккій, Бароній). Такимъ образомъ, около особы Магомета католики спорили съ греками и протестантами, и протестанты также не забывали при этомъ какъ латинской, такъ и греческой церкви. Нѣкоторые изъ послѣднихъ даже проводили аналогію между папой и Магометомъ. Карлъ Форстеръ издавъ, въ 1829 г. сочиненіе, въ которомъ развивалъ ту мысль, что Магометъ — не что иное, какъ маленький козляный рогъ, о которомъ говорится въ 8-мъ пророка Давида; а папскій — большой рогъ³⁾. Подъ вліяніемъ этой аналогіи протестанты считали католичество (т. е. исламізмъ) испорченностію восточной церкви, а

¹⁾ Доранъ, р. 479.

²⁾ Такого взгляда держатся и Целандеръ; онъ говоритъ, что христіанство грековъ было смѣсью паганизма, христіанскихъ обычаевъ и неразумныхъ формулъ (т. III, р. 168). Культъ иконъ, замѣчаетъ другой историкъ протестантъ, былъ продолженіемъ язычества. Церковь, вмѣсто того, чтобы жить жизнью благодатною и распространять слово Божіе у варваровъ, терзалась пустыми метафизическими спорами. Испорченность нравовъ была ужасная. Чтобы сохранить великую истину — идею единства Божія, явился Магометъ (Доранъ, слова Миллера ист., р. 470).

³⁾ Реландъ, р. 220.

напство—испорченностию западной церкви. Мы ограничимся общимъ взглядомъ на развитіе и личность Магомета.

До выступленія своего, Магометъ, «этотъ «бѣдникъ, болѣзненный и сирота», по выраженію Алгацали, большею частію путешествовалъ съ караванами. Во время этихъ путешествій онъ многое видѣлъ, многое слышалъ; сходился съ христіанами и іудеями, имѣлъ знакомство даже съ монахами (Сергій). Аккуратность, распорядительность и честность вывели его на настоящую дорогу. Богатая купеческая вдова, съ караванами которой онъ путешествовалъ, предлагаетъ ему свою руку. Магометъ женится на ней и въ его жизни совершается перемѣна. Разнообразие и претендательность всѣхъ религій возбуждаютъ въ немъ сомнѣніе, недоумѣніе: какая же религія истиннѣе? отъ чего онѣ разногласятъ? есть ли въ какой изъ нихъ истина въ полномъ видѣ? Для рѣшенія своихъ недоумѣній онъ сталъ ближе изучать религіи. Это изученіе было для него самообразованіемъ. Мусульманскіе біографы Магомета не скрываютъ лицъ, съ которыми обращался ихъ пророкъ: Гелаледдинъ, комментаторъ Корана, указываетъ нѣмого Кайка—христіанина, котораго иногда посѣщалъ Магометъ; Іагіа—одного христіанскаго раба, книгопродавца; Цаншаскаръ—одного молодого человѣка, по имени Айшъ, служившаго въ книжной лавкѣ. Указываютъ еще двухъ оружейныхъ мастеровъ въ Меккѣ, которые читали Магомету тору и Евангеліе; упоминаютъ также о какомъ-то персѣ Салманѣ ¹⁾. Изъ множества лицъ, указываемыхъ преданіемъ ²⁾, едва ли возможно выбрать одного учителя Магомету. Надо полагать, что онъ обращался преимущественно къ исповѣдывавшимъ лучшія религіи, іудеямъ, христіанамъ и сабеямъ. Такимъ путемъ онъ познакомился съ Пятюннжіемъ,

¹⁾ *Савари*, Trad. Коран. т. 2, р. 21, note.

²⁾ *Шпренгеръ*, В. II, 370—90.

Евангелиемъ, также съ разными апокрифами, какъ-то: евангелиемъ Варнавы, завѣтомъ 12 патріарховъ, книгою Эноха и пр. ¹⁾. Разказы библейскіе были ходячи, большею частію съ дополненіями. Отсюда вошли и въ Коранъ многія іудео-христіанскія апокрифическія сказанія и переименованныя библейскія повѣствованія. Какъ гражданинъ, обладающій прекрасными душевными качествами, Магометъ пользуется общимъ уваженіемъ мекканцевъ. Но началъ замѣчать, что онъ ежегодно по цѣлому мѣсяцу удаляется въ пещеру горы, лежащей близъ Мекки, и начинаетъ вести жизнь самоуглубленную. Жена первая замѣчаетъ въ немъ эту перемену, но не можетъ объяснить себѣ причины ея. Внутреннія возбужденія, слѣдствія уединенія и сосредоточенности, скоро обнаруживаются. Умъ парилъ въ область невидимаго міра и явился ему образъ этого міра. Человѣкъ не въ силахъ былъ отличить реальность явленія отъ образа или вида предмета, образующагося внутри, въ самой душѣ его, и поддался обману. Магометъ вѣритъ, что ему является или открывается сверхчувственный міръ; ему видится ангель, слышится голосъ, обучающій его. «Привѣтствіе посланнику Божию!» говоритъ ему голосъ на безлюдныхъ дорогахъ. Конечно, Магометъ не всегда находился подъ вліяніемъ иллюзій и не всегда считалъ себя подъ вліяніемъ внѣшней силы — ангела. Но въ этомъ и не было нужды: разъ вообразивши себя призваннымъ быть посланни-

¹⁾ Читалъ ли книги самъ Магометъ? Онъ могъ, конечно, читать, потому что умѣлъ писать, хотя въ писательскомъ искусствѣ ушелъ не далеко (*Шпр.* II, 399—401. *Гунтеръ-Валь*, in Einleit). Но нѣтъ нужды, при распространенности у восточныхъ народовъ, какъ и у арабовъ, общественныхъ сказочниковъ, пѣвцовъ (историческихъ легендъ), думать, что библейскія и іудео-христіанскія апокрифическія сказанія онъ усвоилъ собственнымъ чтеніемъ. Искаженія библейскихъ разказовъ, встрѣчающіеся въ Коранѣ, можно объяснить частію вліяніемъ апокрифовъ, частію плохимъ воспроизведеніемъ ихъ Магометомъ, частію намѣреннымъ приравненіемъ ихъ пророкомъ къ собственной цѣли, во время проповѣди.

комъ. Божіимъ, онъ уже и въ естественномъ состояніи смотрѣлъ на себя какъ на пророка; ошибки свои и неудачи онъ могъ изъяснить какъ проявленія человѣческой слабости, человѣческой природы, которая не можетъ сдѣлаться совершенно другою. И не это одно; онъ даже могъ смотрѣть на свои удаченія, не пророческія дѣйствія, совсѣмъ иначе, чѣмъ смотрѣли бы на нихъ другіе. Разъ убѣдившись въ своемъ посланничествѣ, онъ иногда пренебрегалъ требованіями логики и нравственнаго чувства; иногда свой ошибочный взглядъ, проявленіе страсти, какъ напимѣръ дозволеніе себѣ имѣть болѣе четырехъ женъ, онъ считалъ гармонирующимъ съ пророческимъ достоинствомъ. Почему? потому что хотя идея пророческаго призванія по своей сущности не гармонируетъ съ естественными склонностями и не похвальными желаніями сердца, всетаки сознаніе этого призванія живетъ и развивается необходимо въ связи съ чувствованіями сердца и потому необходимо же проявляется иногда въ противорѣчій съ самою идеею божественнаго призванія. Магометъ могъ допускать самыя очевидныя обманы, самыя преступныя желанія, и въ тоже время сознать себя пророкомъ. Не измѣнять цѣли призванія, стремиться къ ней—въ этомъ онъ полагалъ свое дѣло, а какимъ путемъ идти къ цѣли, какъ осуществлять ее—это было для него не важный вопросъ. Поэтому онъ могъ позволять и даже узаконять въ извѣстныхъ случаяхъ убійство людей, и въ тоже время быть увѣреннымъ искренно въ своемъ божественномъ посланничествѣ. «Кровопротіе меньшее зло, чѣмъ идолослуженіе». «Люди забывшіе Творца, хуже всѣхъ животныхъ»—такъ рассуждалъ Магометъ ¹⁾. Итакъ мы признаемъ въ Магометѣ искреннюю увѣренность въ своемъ божественномъ посланничествѣ а не сознательно рассчитанный обманъ,—и это на слѣдующихъ основаніяхъ :

¹⁾ Кор. сура 2, 186; 8, 57.

Во первыхъ, противники Магомета не называли его обманщикомъ, а только «сузавбродомъ, бѣшеннымъ, глухимъ поэтомъ» и т. п. именами. Его родственники жалѣли объ немъ и сначала старались только защищать его, не думая вовсе обращаться въ проповѣдующую имъ новую вѣру.

Во вторыхъ, его поведеніе и вся жизнь не показывали въ немъ прута, обманщика изъ-за расчетливыхъ видовъ: онъ не господствовалъ, не приобреталъ, не намѣнялъ прежней скромности въ жизни, ходилъ въ плащѣ простаго араба ¹⁾ и умеръ въ бѣдности ²⁾.

¹⁾ *Гунтер-Валь*, in *Einführung*, LXXII.

²⁾ Предоставивши отдѣльныя черты жизни Магомета, *Реман* завѣщала ему характеристику такъ: «вообще Магометъ представляется чело-вѣкомъ искреннимъ, чувствительнымъ, исполнительнымъ, незабываемымъ. Его поступки были простодушны, прямы; характеръ благожелательный; на рукопожатіе онъ отвѣчалъ рукопожатіемъ друга и первый не отнималъ руки. Онъ отдавалъ поздравленіе дѣтямъ маленькимъ, и обнаруживалъ сердечную слабость къ женщинамъ: «Рай, говаривалъ онъ,— у ногъ матери!» Ни чувство гордости, ни религіозная экзальтація не измѣнили въ немъ личныхъ чувствованій. Онъ сохранялъ простоту араба; остался чуждъ идеи величества р. 248—9. «Его щедродательность и любовь были такъ велики, говоритъ другой писатель, что онъ былъ постояннымъ бѣнякомъ, не имѣлъ въ домѣ своемъ ничего, исключая тѣхъ жизненныхъ запасовъ, которые необходимы были для его семейства; нѣрѣдко и часть этого отдавалъ бѣднымъ; случалось, что въ каждыя года у него ничего не оставалось въ домѣ». *Салл, Observations*, р. 479. По мнѣнію извѣстнаго изслѣдователя исторіи мусульманства, Вейля, «слабость, которую замѣчали въ Магометѣ въ отношеніи къ женскому полу и которой одной достаточно, чтобы бросить тѣнь на характеръ его, какъ пророка, была почти единственною слабостію въ его частной жизни. Въ другихъ отношеніяхъ онъ былъ образцомъ домашней и общежительной добродѣтели. Въ его домѣ, пищѣ и содержаніи господствовала величайшая простота. Онъ былъ такъ скромнѣе, что запрещалъ не только всякую почитательность къ себѣ отъ своихъ сподвижниковъ, но ни разу не принималъ такихъ услугъ, ко-

Въ третьихъ, искренняя религіозность несовмѣстима съ религіознымъ плутовствомъ. Говорящаго именемъ Божиимъ и въ то же время живущаго религіозно-добродѣтельно нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать обманщикомъ, намеренно избравшимъ религію ремесломъ. Обманывать именемъ Божиимъ можетъ только невѣрующая въ Бога и находящая въ этомъ свои жизненные выгоды.

Въ четвертыхъ, наконецъ, безъ внутренняго убѣжденія въ своемъ божественномъ посланничествѣ и крѣпкой надежды на помощь Божію, Магометъ не сталъ бы затѣвать такого опаснаго и нелегкаго дѣла какъ религіозная реформа. Онъ часто подвергалъ жизнь свою опасности, былъ долго преслѣдуемъ обществомъ, спасался бѣгствомъ, вступалъ на неравный бой; и неужели все это для того, чтобы только обмануть людей!.. По словамъ Шпренгера, «Магометъ былъ податливъ и зависимъ отъ своихъ друзей, какъ жены отъ мужей», и такой слабый, податливый человекъ могъ выдержать такую трудную борьбу (въ теченіе почти 40 лѣтъ), сознавая свое мошеничество, безъ вѣры въ Бога и Божію помощь!..

Итакъ, Магометъ выступаетъ съ искреннимъ признаніемъ своего посланничества. Десять лѣтъ колеблется борьба; общество его учениковъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Но ополченіе противниковъ его было всегдѣ несравненно сильнѣе. Тутъ были іудеи, язычники, христіане, сабей и люди, не нуждавшіеся въ религіи, жившіе безъ нея. Насмѣшки и оскорбленія, временныя неудачи и потери не поколебали рѣшимости и стойкости общества одушевленныхъ мусульманъ. Многіе пали какъ мученики, но всегдѣ побѣда выиграна, исламъ восторжествовалъ.

торья могъ исполнять самъ: самъ ходилъ на рынокъ покупать съѣстные припасы, нерѣдко самъ готовилъ пищу, починялъ себѣ одежду, подметалъ домъ» и проч. (Historischkritische Einleitung in der Koran, въ біографіи).

Въ какомъ отношеніи находится Магометъ къ произведенной имъ реформѣ, къ тому движенію, которое началось съ исламомъ? Мы видѣли общественно-политическое и религиозное состояніе арабовъ въ началѣ VII в. Тутъ было много задѣтковъ реформы. Старое не удовлетворяло уже многихъ, хотя большинство держалось его и было довольно имъ; обстоятельства, факты жизни говорили ясно, что существующее—не лучшее; но всетаки они не знали, гдѣ искать этого лучшаго и что дѣлать для реформы. «Господи! говоришь Цандъ, я не знаю, какая форма почитанія Тебѣ угодна»!.. Говорять, реформа была давно подготовлена и исламомъ повтому вовсе не дѣло Магомета. Этими хотѣтъ сказать то, что тотъ строй мировоззрѣній и жизни, который послужилъ вызовомъ къ реформѣ и явленію ислама, уже существовалъ. Это такъ; но все же Магометъ былъ тотъ человѣкъ, который осуществилъ то, что считалось нужнымъ осуществить для его соплеменниковъ. Объединить нравственно-религиозныя стремленія арабскихъ племенъ, занимавшихся доселѣ съ своими племенными божками, враждовавшихъ другъ съ другомъ, тянувшихъ въ разныя стороны и въ общественной жизни и въ религіи—объединить эти племена идею «единого Бога, идею равенства, братства и святости людей предъ безконечно-святымъ и верховнымъ Существомъ—это была задача, которая никому не приходила въ голову до Магомета. Мысль объ этомъ проникла, можно сказать, все существо Магомета; онъ жилъ и чувствовалъ подъ ея влияніемъ. Онъ высказывалъ ее отрывочно, восторженно, какъ постоянное чувствованіе, высказывалъ, какъ экзальтированная женщина. То, что называютъ въ Магометѣ эпилепсіей, нервнымъ расстройствомъ, можно считать явленіемъ, зависѣвшимъ отъ этого именно восторженнаго отношенія къ идеѣ и всецѣлаго проникновенія ею. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ настоящее время мы не встрѣчаемъ въ религиозныхъ обществахъ людей, падающихъ въ обмороки отъ

сильно-возбужденнаго состоянія души, людей совершенно-здоровыхъ, даже крайнихъ на физическои организаціи? Этихъ можно объяснять тѣ удивительные перемены въ жизни Магомета; которые составляютъ исключеніе въ жизни энцикліковъ и которыхъ удивляется Сале ¹⁾: часто Магометъ носилъ прищипка, въ тотъ же день, а иногда и часъ, обнаруживая удивительно-холодный, проницательный умъ въ часто запутанныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ бурнаго періода своей жизни. Шпренгеръ ²⁾ находитъ аналогію между Магометомъ и нервными женщинами;—и она действительно есть здѣсь. Историческая женщина отдается вся извѣстному чувству и становится какъ бы несвободною: также сильно было въ Магометѣ чувство проповѣдуемой имъ истины, и отдаваясь этому чувству, онъ не владелъ уже собою и ничь можно было легко распорядиться, какъ «мужъ распорядится своею женою».

Итакъ, Магомету предпочтительно предъ всеми его современниками принадлежало: а) болѣе живое и глубокое сознание: неудовлетворительности настоящихъ формъ религіи; б) открытіе идеи, должностравнившей стать фундаментомъ реформы, и в) почувствованное и смѣлое выраженіе ея вслухъ воцѣхъ. Тутъ скрыта рывокъ движенія и возмужавшій зародышъ ³⁾, который

¹⁾ Observations, p. 479.

²⁾ Шпренгеръ, В. III. XIV S.

³⁾ Шпренгеръ (I, 17—18) проводитъ аналогію между экономическимъ закономъ; что, приходя увеличиваться или уменьшается соответственно увеличенію или уменьшенію расхода—и закономъ духовнаго развитія: «что съ возникновеніемъ у народа потребностей умственно-нравственнаго развитія является необходимымъ и ихъ удовлетвореніе, точно такъ же какъ становится необходимымъ повышение дѣятельности слѣзъ души при усиденіи кровообращенія». Положимъ, что все это—правда; но этимъ вовсе не отрицается преимущественное, направляющее значеніе въ совершающемся переворотѣ—историческаго дѣателя, лучше другихъ сознающаго и чувствующаго умственно-нравственныя потребности своего вѣка или своего народа.

должно было равняться въ идеальное существо. Фактическое проявленіе этой идеи въ общественное сознание и ея утверждене, принадлежит уже не одному Магомету, а главнымъ образомъ даже, «сподвижникамъ силы», его сподвижникамъ, безъ которыхъ новое учене не пошло бы дальше чувства и сознанія Магомета. Но «сти мужи силы», какъ называетъ ихъ *Реналь*, т. е. Омаръ, Абу-Бекръ, Ганза, Абдаль-Рахманъ, сами вышли изъ школы Магомета и были участки его твореніемъ. Мужество этихъ мужей, ихъ энергію, можно разложить на двѣ силы, — *нормальную* существовавшую у нихъ и до ислама, и *раскрывшуюся* подъ вліяніемъ ислама. Эту-то раскрывшуюся энергію характера и дѣятельности ихъ и можно назвать твореніемъ Магомета. Тоже можно приложить и къ обществу его послѣдователей, къ дѣятельности мусульмановъ. То, что совершили эти люди, принадлежитъ имъ, если смотрѣть на ихъ дѣло какъ оно совершилось вовнѣ; но оно не принадлежитъ имъ, если разсматривать его въ его причинѣ. Магометъ былъ внутреннею пружиною движенія и дѣятельности своего общества; ни одинъ изъ современниковъ не былъ способенъ замѣнить его: съ такою сознательностію, настойчивостію и самоотверженіемъ никто изъ его современниковъ не высказывалъ его идеи. Можно признать, что нѣкоторые изъ его сподвижниковъ отличались большимъ мужествомъ, чѣмъ онъ; но величіе Магомета, то, что опредѣляло его призваніе, заключалось вовсе не въ мужествѣ. Цадъ и Обай были, пожалуй, умнѣе и нравственнѣе его; но имъ недоставало его религіознаго одушевленія, способности слиться съ идеею, самоотверженія и настойчивости. Магометъ дѣлалъ ошибки, когда развивалъ свою мысль, когда нужно было высказать ее частнѣе и опредѣленнѣе; поэтому онъ нудался въ поправкахъ и совѣтахъ другихъ.

Наша мысль такова: исламъ своимъ *утвержденіемъ* обязанъ многимъ лицамъ, но своимъ *происхожденіемъ* — Магомету,

сробиившему толчокъ къ реформѣ и поддержавшему ее своею настойчивостію и вліяніемъ на современниковъ. Явился бы исламъ безъ Магомета или нѣтъ, конечно, трудно сказать; но можно положительно сказать, что исламъ не явился бы безъ другаго Магомета, безъ другаго «пророка», равнаго ему во всемъ. Мы можемъ заключить словами Шпренгера: «Если духъ арабовъ—отецъ ислама, то Магометъ—его мать»¹⁾.

А. Гуссевъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Das Leben und Lehre Moham. B. III, XV S.

РѢЧЬ

по случаю наименованія Кіевскою духовною Академіею ея основателей, благодѣтелей, начальниковъ и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся, 31-го декабря, въ день кончины митрополита Петра Могилы.

Настоящее празднество, собравшее насъ въ сей святой храмъ, имѣетъ, повидимому, часто мѣстный характеръ. Кіевская духовная Академія, въ лицѣ своихъ начальствующихъ, учащихся и учащихъ и въ присутствіи сочувствующихъ ея дѣятельности лицъ, поминаетъ нынѣ своихъ основателей, благодѣтелей, начальниковъ, учившихъ и учившихся, которые жили и трудились для нея со времени основанія Академіи и до настоящаго времени. Въ эти дѣятели на поприщѣ духовной науки жертвовали матеріальными и нравственными средствами и силами для основанія, поддержанія и процвѣтанія нашей Академіи, этого перваго въ Россіи высшаго учебнаго заведенія. Особенно это нужно сказать о первыхъ основателяхъ и дѣятеляхъ нашей Академіи. Въ прежнее время, когда только возникла наша Академія, не было въ Россіи той повсемѣстной и всеобщей жажды къ просвѣщенію, какаѣ замѣчается въ наше время: русское общество не чувствовало настоятельной нужды въ просвѣщеніи и большую часть обходилось безъ него. Только на югѣ Россіи возникла эта потребность образованія, но возникла подъ вліяніемъ такихъ тѣсныхъ политическихъ обстоятельствъ, которые способны были скорѣе совершенно подавить эту потребность, чѣмъ содѣйствовать ея развитію. Мы

разумѣемъ здѣсь политическое иго Польши, долго тяготѣвшее надъ этимъ многострадальнымъ краемъ и городомъ; мы разумѣемъ здѣсь ту нетерпимость и тотъ фанатизмъ польскаго католицизма, которые такъ враждебно относились къ нашему родному православію и русской народности въ южномъ краѣ Россіи, и старались лишить юго-западный русскій народъ всякаго образованія, съ цѣлію погубить его православіе. Враги наши сознавали, что безъ образованія не можетъ быть у насъ яснаго сознанія правоты своей вѣры, что безъ образованія русскій здѣшній народъ скорѣе бы отдѣлялся добычею латинской пропаганды. И вотъ, среди общаго почти равнодушія къ просвѣщенію съ одной стороны, среди враждебныхъ отношеній къ православію и русской народности съ другой, Богъ воздвигалъ изъ среды русскаго народа людей, истинныхъ смельчаковъ Россіи, которые переживали въ своемъ сердцѣ все горе русской земли, любили неминуемую бѣду отъ ига иноземцевъ, а еще болѣе отъ собственнаго невѣжества и неразвитости, и, по мѣрѣ силъ своихъ, старались утереть слезы родной земли, залечить ея язвы и прежде всего возобновить и поддерживать училища, въ которыхъ всего болѣе нуждался юго-западный край Россіи. Такими были Острожскіе, Драванскіе, Малишевскіе, Воютинскіе и другіе; такова была первая основательница и благотворительница нашей Академіи Анна Гулевичъ-Воютинская; таково наконецъ было воювачъ земли Молдавской Пётръ Могилъ, православный митрополитъ Кіевскій. Это были люди вполне передовые, понимавшіе нужды современнаго отечества и старавшіеся удовлетворять этимъ нуждамъ.

Но не одними мѣстными интересами южнорусскаго края, и не одними даже научными или учебными интересами стремились добру и памяти по себѣ помиласямы вамъ нынѣ основатели, благотворители и всѣ дѣятели Кіевской Академіи. Для насъ болѣе важное значеніе имѣетъ дѣятельности заключаются въ томъ, что они старались соединить интересы науки и образованія съ интересами вѣры

и достигли въ этомъ отношеніи утѣшительныхъ результатовъ. Въ силу этого союза науки съ вѣрой, православная церковь сочувствуетъ намъ, какъ нѣжная мать, и воспоминаетъ нынѣ вмѣстѣ съ нами имена великихъ основателей, благотворителей и дѣятелей Кіевской Академіи. Союзъ науки и вѣры имѣетъ, по нашему мнѣнію, такую важность, что онъ долженъ составлять цѣль всякаго образованія, всякой гражданственности; потому что при этомъ только союзѣ можетъ быть поноу человѣческое существованіе. Одна наука развиваетъ только умъ и сушитъ сердце; одна религія безъ образованія легко можетъ превратиться въ суевѣріе и двоевѣріе. Слѣдовательно, для полноты человѣческой жизни нужно, чтобы умъ находился въ мирѣ съ сердцемъ, чтобы религія или вѣра была въ союзѣ съ наукою и образованіемъ. А этотъ миръ и этотъ союзъ могутъ вымываться уже не мѣстными политическими обстоятельствами извѣстнаго края, а общечеловѣческими потребностями, лежащими въ глубинѣ души каждаго изъ насъ. Поэтому, если основатели, благотворители и дѣятели Кіевской Академіи имѣли въ виду этотъ союзъ вѣры и науки, составляющій общечеловѣческую потребность, и въ большей или меньшей мѣрѣ осуществляли эти виды свои; то они имѣли и имѣютъ значеніе не только мѣстное, для юго-западнаго края Россіи, но и общее для всего обширнаго нашего отечества, и притомъ не въ прежнее только время, но и въ настоящее.

Мы сказали, что союзъ вѣры и науки необходимъ для полноты человѣческой жизни; но его нелегко достигнуть одному чловѣку, а тѣмъ болѣе цѣлому народу, воспитывающемуся подъ различными односторонними вліяніями. Въ этомъ отношеніи южно-русское образованіе съ Кіевской Академіей во главѣ и происшедшія отъ нея духовными училищами представляетъ изъ себя едва ли не единственное въ исторіи русскаго народа и въ исторіи русской церкви явленіе; потому что Кіевская Академія съ своими чадами духовными школами полнѣе всѣхъ выразила въ своей

дѣтельности этого союза вѣры и науки. Въ духовно-православномъ и религіозномъ развитіи русскаго народа можно различать три важныя ступени. Первую ступень представляетъ изъ себя древняя жизнь нашего отечества отъ принятія имъ православной вѣры и до основанія школы на юго-западѣ Россіи и царствованія Петра I на сѣверѣ ея. Во все это время русскій народъ съ охотою усваивалъ себѣ православную вѣру и читался плодами греческо-болгарской письменности, но нисколько почти не имѣлъ научнаго систематическаго образованія, за исключеніемъ рѣдкѣ немногихъ частырей русской Церкви. Большинство народа, незнакомаго съ образованіемъ, смѣшивало православную вѣру съ суевѣріемъ и такимъ образомъ выработало для себя такія странныя и подчасъ уродливыя представленія, въ которыхъ иногда трудно бываетъ отличить языческое отъ христіанскаго. Мы иногда можемъ любоваться произведеніями этой двоявѣрной народной литературы, какъ близкими къ природѣ и поэтическими; но, конечно, нѣтъ бы изъ людей образованныхъ не пожелали превратиться въ необразованнаго, суевѣрнаго человека, который часто, подъ именами святыхъ православной церкви, чтить свои языческія божества, или чтить букву вѣды, не цѣняя ея духа, и одно перестолженіе въ крестномъ знаменіи считаетъ важнымъ условіемъ вѣчнаго спасенія. Мы сожалѣемъ объ этихъ людяхъ, потому что въ нихъ есть вѣра, но нѣтъ нисколько образованія, нѣтъ союза вѣры съ наукою и образованіемъ. Таково было состояніе образованности въ древней Россіи. Вторую ступень въ духовно-православномъ и религіозномъ развитіи русскаго народа представляетъ изъ себя южнорусское образованіе и во главѣ его Кіевская Академія. Это образованіе зародилось въ борьбѣ съ католичествомъ, протестанствомъ и вообще съ иновѣріемъ, и вслѣдствіе этого имѣло преимущественно богословскій и народный характеръ. Южнорусская образованность и въ частности образованность Кіевской Академіи имѣли ближайшею своею цѣлю защитить православіе отъ напале-

ния иновѣрцевъ, особенно же католиковъ, а для этого имъ необходимо было расширять научнымъ образомъ истинныя православныя и уяснять то, что бессознательно принималось русскимъ народомъ въ прежнее время. По отношенію къ католической Польшѣ, тяготѣвшей всѣми силами своими надъ православнымъ югозападнымъ краемъ, это образованіе было въ религиозномъ отношеніи тѣмъ же, чѣмъ мечь кованецъ въ политическомъ отношеніи, т. е. мечомъ духовнымъ, и оба эти меча духовный и воинскій, въ союзъ между собою, значительно подготовили воссоединеніе здѣшняго края съ Россіей. Но и мечомъ желаннаго воссоединенія здѣшняго края съ Россіей, духовно-общинно-русское образованіе не потеряло своего значенія въ общинѣ нашей родной и цѣлою еще потому оставалось единственноымъ общечеловѣческимъ образованіемъ, для всѣхъ сослодій и всѣхъ людей, жаждавшихъ просвѣщенія. Съ XVIII вѣка, т. е. со времени Петра Великаго, Высшій Академія сдѣлалась высшимъ просвѣщеніемъ и школою для всей Россіи. Кіевскіе ученые вызывались на іерархическія должности, вызывались для заведенія новыхъ училищъ и на служеніе государственными интересами Россіи. Но и здѣсь, въ землѣ для нихъ области, кіевскіе ученые оставались вѣрными самимъ себѣ и жили въ кругу тѣхъ же союзовъ вѣры и науки, которые они соблюдали на первоначальной своей роднѣ. Правда, они уже не имѣли теперь вѣтвистыхъ краевъ православной вѣры, какъ прежде; зато они могли свободнѣе оглянуться на прежнюю свою политическую дѣятельность; могли замѣтить недостатки, допущенные въ нѣкую борьбу, освободиться отъ тѣхъ вѣромъ и мнѣній, какіе неслѣдованы ими отъ иновѣрцевъ. Теперь настало для нихъ время обзора своей собственной прошлой дѣятельности. И съ этой поры выростаетъ изъ научнымъ образомъ положительная сторона христіанскаго православнаго ученія, высѣченная вѣкомъ современниками, но чрезвычайно важная для послѣдующихъ поколѣній. Въ сжатіи, духовное образованіе, выростившее изъ Высшей Академіи и запеча-

тѣнное союзовъ науки съ вѣрою, должно было уступить свое первенство другому направленію образованія, такъ называемому свѣтскому, которое представляетъ изъ себя новую ступень въ исторіи духовно-нравственнаго развитія русскаго народа. Это образованіе, заключавшееся главнымъ образомъ въ спеціальныхъ и практическихъ наукахъ, первоначально имѣло въ виду чисто государственныя цѣли и клонилось къ поддержанію политическаго могущества Россіи и возведенію ея на единый уровеньъ съ другими западно-европейскими государствами. Но это образованіе, не исключавшее собою и религіознаго духовнаго, — проложило въ послѣдствіи времени дорогу такъ называемымъ просвѣтительнымъ идеямъ западной Европы, которыя стали во враждебныя отношенія къ духовному образованію и самую вѣру представляли чуть ли не суевѣріемъ и тьмою. Но крайней мѣрѣ явилось съ этого времени различіе между свѣтскимъ и духовнымъ образованіемъ. Съ половины XVIII в. то и другое образованіе стали противопоставлять одно другому: свѣтское образованіе, занесенное съ запада, не хотѣло имѣть прямаго общенія съ началами вѣры, воспитанными въ народѣ, и иногда равнодушно, а иногда прямо враждебно относилось къ духовному образованію. Вслѣдствіе этого, духовное образованіе замкнулось въ само себя, и только въ своей средѣ продолжало поддерживать прежній союзъ вѣры и науки, и терпѣливо ждало того времени, когда и его позовутъ на чреду общественнаго служенія на пользу церкви и государства. Въ такомъ положеніи оно находилось почти до послѣдняго времени.

Такимъ образомъ въ теченіи всей многовѣковой жизни русскаго народа до настоящаго времени, мы замѣчаемъ три ступени духовно-нравственнаго и религіознаго развитія: вѣру безъ научнаго образованія въ древней Россіи, союзъ вѣры и науки въ южнорусскихъ и духовныхъ школахъ и свѣтское образованіе безъ твердыхъ основъ вѣры. Нѣтъ сомнѣнія, что между этими ступенями нужно отдать предпочтеніе средней изъ нихъ, т. е.

тому образованію, представительницею котораго служила и служить наша Академія; потому что въ этомъ образованіи больше связи вѣры и науки, чѣмъ во всякомъ другомъ, и слѣдовательно оно скорѣе могло удовлетворять всѣмъ сторонамъ человѣческаго существа, а не одной какой либо, питать не одинъ разумъ или сердце и не одну чувственность, а всего человѣка. Въ этомъ заключается историческая заслуга Кіевской Академіи и всѣхъ воцмнившихъ отъ нея школъ, всего духовнаго образованія.

Но мы оказались бы слишкомъ несправедливыми къ памяти великихъ основателей, благотворителей и всѣхъ дѣятелей нашей Академіи, еслибы приписали ей и возникшимъ изъ нея духовнымъ школамъ одно только историческое значеніе и отказали ей въ современномъ значеніи. Всякое важное явленіе въ исторіи извѣстнаго народа никогда не остается безъ вліянія на послѣдующія судьбы этого народа. Что разъ приобрѣлъ на своемъ вѣку и выработалъ собственнымъ опытомъ нѣкій народъ, то онъ передаетъ послѣдующему поколѣнію, которое въ свою очередь прилагаетъ къ наслѣдству отцовъ свое собственное достоинство и передаетъ его своему потомству. Подобная передача занимается и въ вѣрѣ духовно-нравственныхъ и религіозныхъ стремленій извѣстнаго народа. Какая либо существенная потребность, разъ пробудившись въ народѣ, не умираетъ безслѣдно, но въ вѣчномъ видѣ переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Въ этомъ отношеніи все появившіяся въ исторіи русскаго народа ступени духовно-нравственнаго и религіознаго развитія его продолжаютъ существовать и до настоящаго времени: вѣра безъ систематическаго образованія, отличавшая древнюю Россію, евангеліе и двоевѣріе и фарисейскій буквализмъ въ вѣрѣ продолжаютъ жить и до настоящаго времени въ простомъ народѣ и преимущественно въ расколѣ; духовное образованіе безъ достаточно живаго отношенія къ современнымъ интересамъ русскою жизни въ духовномъ сословіи; свѣтское образованіе съ притязаніемъ на просвѣщеніе, но

безъ свѣточа вѣры—въ высшемъ привилегированномъ сословіи. Какъ скоро масса народа закрѣплена была въ древней Россіи за высшіи сословія, — она потеряла доступъ къ образованію и осталась на томъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго состоянія, на какомъ застало его закрѣпленіе. Какъ скоро духовенство перестало выходить изъ среды народа, загнулось въ особое сословіе и въ матеріальномъ отношеніи поставлено было въ зависимость отъ своей паствы, оно ослабило свои духовно-нравственныя связи съ народомъ, потеряло его довѣріе и туго подвигалось впередъ въ своемъ развитіи. Высшее сословіе, отрѣженное отъ другихъ сословій и родной почвы, глядѣло только на западъ и тамъ искало идеаловъ своей жизни. Въ этомъ раздѣленіи сословій и степеняхъ ихъ образованія заключается и большая невыгода и вмѣстѣ выгода мыслящихъ людей нашего времени. Невыгода состоитъ въ томъ, что трудно теперь найти цѣльнаго русскаго чловѣка, которому бы одинаково дороги были все стороны духовной жизни русскаго народа: каждый имѣетъ болѣе или менѣе тѣсный кругозоръ, опредѣляемый тѣмъ сословіемъ, къ которому принадлежитъ онъ. Но съ другой стороны въ этомъ раздѣленіи сословій есть и своя выгода, хотя и отрицательнаго свойства. Когда исторически складывался и образовывался характеръ всякаго сословія и не имѣлъ еще законченности, тогда невидны или по крайней мѣрѣ не такъ замѣтны были тѣ крайности, которыя онъ заключалъ въ себѣ. Но теперь, когда подведены итоги всей прошлой жизни русскаго народа, когда вся эта жизнь сложилась въ три различныя группы, соответствующія тремъ главнымъ сословіямъ, ставшимъ рядомъ одно подле другаго; то менѣе обнаружилась недостатки каждаго изъ нихъ и почувствовалась потребность выйти изъ замкнутаго круга и начать жизнь болѣе полную и широкую, не на однихъ сословныхъ, а общерусскихъ началахъ. Починъ въ этомъ общерусскомъ дѣлѣ, въ широкомъ пониманіи русской жизни естественнымъ образомъ принадлежитъ

Тому, кто стоит выше всяких сословий и основных интересов. Мы разумеешь адель благополучно выше царствующего Государа Императора Александра Николаевича. Совершенное иль великое дѣло освобожденія крестьянъ касается не только крестьянъ и помѣщиковъ, а всего народа русскаго. Въ основѣ этого акта лежитъ великая мысль о равноправности всѣхъ людей не не въ эмпирическомъ отношеніи, а относительно равенства правъ, равенства передъ закономъ и судомъ. Эта мысль чисто христіанская; *о Христѣ бо Иисусъ... ильсть рабъ и свободъ, но евангелская и еа естъ Христесть*. И вотъ, необходимымъ послѣдствіемъ этого дѣла является цѣлый рядъ благотѣльныхъ преобразованій, касающихся или всего русскаго народа, или отдельныхъ его сословій, преобразованій, проиниженныхъ тою же великою мыслию. Такой общенародный характеръ имѣютъ землія собранія и городскія учрежденія, гдѣ одни общіе земельные и хозяйственныя интересы соединяютъ между собою людей разныхъ сословій и классовъ. Такого же характера — учрежденіе гласнаго судопроизводства, въ которомъ унижаются мало, но маду всѣ сословныя привилегіи, — и всѣ дѣти нашего общаго отечества становятся равными передъ закономъ. Далѣе, если мы обратимъ вниманіе на частныя преобразованія нынѣшняго царствованія, касающіяся отдельныхъ сословій, то и адѣсь увидимъ ту же идею равноправности людей и уничтоженія сословной замкнутости. Възвѣмъ для примѣра духовное сословіе. Нужда и бѣдность его волновали; онѣ же и поддерживали его замкнутость. Духовенство питалось отчасти трудами рукъ своихъ, а больше всего подаяніями своихъ прихожанъ и слѣдовательно зависѣло отъ нихъ въ матеріальномъ отношеніи, закрѣпощено было, — если можно такъ выразиться, не только за высшимъ сословіемъ, но и за податными классами народа и, подъ вліяніемъ этой двойной зависимости, усвоило себѣ не совсѣмъ хорошія привычки. Но и этимъ не окончилось все униженіе нашего духовенства. Для облегченія матеріальнаго

это положенія явилась наследственность духовныхъ должностей и мѣстъ, явились особые благотворительные капиталы, назначавшіеся для одного духовенства. Въ нынѣшнее же царствованіе положенъ предѣлъ униженію и замкнутости духовенства: оно получило обезпеченіе отъ правительства и уже не такъ зависитъ въ матеріальномъ отношеніи отъ прихожанъ, какъ прежде, и слѣдовательно сильнѣе можетъ дѣйствовать на нихъ въ духовно-нравственномъ и религіозномъ отношеніи. Въ духовныя школы и въ духовное званіе открытъ доступъ всякому, чувствующему въ себѣ призваніе къ нему, и уничтожена наследственность духовныхъ мѣстъ и замкнутость сословія.

Не будемъ упоминать о другихъ реформахъ, которыми такъ богато нынѣшнее царствованіе. Весь вообще строй жизни русскаго народа преобразуется на началахъ полноправности всѣхъ и каждаго. Но всѣ эти преобразованія нынѣшняго царствованія не представляютъ изъ себя чего либо совершенно новаго и небывалаго въ Россіи. Онѣ возникли изъ тѣхъ же началъ, какими руководилась доселѣ русская жизнь, и только вступившихъ въ новый возрастъ своего развитія: что прежде развивалось отдѣльно и въ извѣстныхъ только слояхъ и классахъ русскаго общества, то теперь сливается въ одно общее русло народной жизни и теряетъ здѣсь свои крайности и односторонности. Поэтому всѣ современные преобразованія нельзя назвать случайными явленіями, насильственно разрывающими естественную послѣдовательность историческаго развитія русскаго народа, и нельзя производить ихъ изъ чуждыхъ идей запада: они происходятъ изъ роднаго источника, изъ прежнихъ условій русской жизни. Слѣдовательно, чтобы понять ту роль, какую каждому сословію и каждому изъ насъ приходится принимать на себя среди всеобщихъ преобразованій, чтобы быть сознательными исполнителями мудрыхъ плановъ, и предначертаній Государя Императора, для этого нужно сознать историческія задачи каждаго сословія и стараться примирить ихъ съ задачами

других сословій, такъ чтобы изъ всѣхъ ихъ образовалось единое русское стадо подъ управленіемъ единого пастыря. Въ этомъ отношеніи старая Кіевская Академія для насъ представитель духовной науки, да и для всей вообще Россіи, получаетъ особенное значеніе, какъ прародительница и представительница всѣхъ духовныхъ школъ и духовнаго образованія въ Россіи, какъ представительница союза вѣры и науки. Среди преобразованій, касающихся быта всѣхъ сословій и въ частности духовнаго, намъ весьма естественно оглянуться на свое прошлое, уловить связь, соединяющую это прошлое съ настоящимъ временемъ и сознательно содѣйствовать органическому росту русскаго народа вступающаго нынѣ въ возрастъ зрѣлаго мужества.

Въ исторіи прошлой жизни русскаго народа мы видѣли постепенное появленіе трехъ ступеней духовно-нравственнаго и религіознаго развитія русскаго народа. И если задача нынѣшняго царствованія, насколько мы понимаемъ ее, состоитъ въ гражданскомъ уравненіи сословій, въ равноправности всѣхъ и каждаго; то должно быть такое же уравненіе ихъ и въ духовно-нравственномъ и религіозномъ отношеніи. И какъ въ прежнее время Кіевская Академія съ духовными школами одна доставляла болѣе полное и всестороннее образованіе, потому что была представительницею союза вѣры и науки: такъ и въ настоящее время духовное образованіе и нынѣшняя Кіевская Академія должны быть проводниками союза вѣры и науки во всѣ сословія и классы русскаго общества. Современная духовная наука наша, ведущая свое начало отъ старой Кіевской Академіи, конечно должна имѣть на первомъ планѣ тотъ же союзъ съ вѣрою, какой имѣла въ виду и прежняя Кіевская Академія съ духовными школами, потому что этотъ союзъ одинъ только можетъ сообщить полноту человѣческой жизни. Но, при всемъ этомъ, наша духовная наука была бы отсталой и неудовлетворяла бы современнымъ потребностямъ русскаго народа, если бы только сохраняла полученное отъ прежней

Кіевской Академіи наследіе безъ всякаго пристращенія и пріименія: она должна быть доставлена на свѣдѣніицѣ, чтобы освѣщать все слод русскаго народа, и въ свою очередь получать отъ нихъ то, чего ей недоставало почти до послѣдняго времени. Простой русскій народъ, недавно одѣлавшійся свободнымъ народомъ, ищетъ свѣта и свѣта; а какой лучше свѣтъ, какъ не свѣтъ науки, находящейся въ союзѣ съ вѣрою! Да и сама свѣтское образованіе, гордящееся тѣмъ, что оно стоитъ на уровнѣ современной западной науки, не отъ того ли увлекается иногда людьми православію и народности олдоросскими и релігиозными воззрѣніями, что црвадо свои связи съ духовною наукою и жнолемъ и потеряло ту преемственность православнаго богословскаго преданія, какое сохранилось въ этой наукѣ и въ этой школѣ? И кому, какъ не хранителямъ духовнаго образованія и отечественной богословской науки, выпадаетъ жребій согрѣть теплою вѣрой дѣтскую образованность и науку и усвоить послѣдніе результаты западно-европейской науки не въ сыржъ ихъ видѣ, а подъ угломъ зрѣнія православной вѣры, въ духѣ православія и русской народности? Задача современной духовной науки и школы многосторонняя и трудная; но зато и завидная ея доля! Духовной наукѣ и школѣ предстоитъ быть посредствующимъ звѣномъ между простымъ необразованнымъ народомъ и высшимъ свѣтскимъ образованіемъ и примирить ихъ собою и въ себѣ, чтобы образовать одно цѣльное, православное русское міровоззрѣніе. А для этого она сама должна обновиться и освѣжиться новыми силами, т. е. приобрести ту искренность и теплоту вѣры, какими отличается простой православный русскій народъ, и стать на уровнѣ современной науки, не увлекаясь ея крайностями. Къ этому стремятся и совершаемыя нынѣ преобразованія духовно-учебныхъ нашихъ заведеній, академій и семинарій съ училищами. Оставаясь по прежнему спеціальными духовными училищами, т. е. проводниками богословскаго образованія, они въ то же время открываются для всѣхъ

сословій и уравниваются, по возможности, съ свѣтскими учебными заведеніями; но имѣютъ въ виду не одно только размноженіе образованныхъ людей въ духѣ вѣры и церкви, а приготовленіе въ нихъ пастырей и учителей народа, т. е. даютъ образованіе своимъ питомцамъ для того, чтобы они дѣлились этимъ образованіемъ съ народомъ. И еслибы, съ Божіею помощію, осуществилась хотя бы доля тѣхъ благихъ предначертаній, какія лежатъ въ основѣ новыхъ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній, то эти послѣднія могли бы имѣть такую же широкую, живую и благотворную дѣятельность, какую имѣла прежняя Кіевская Академія, имѣли бы живыя связи со всѣмъ русскимъ народомъ, воздѣйствовали на него и получали отъ него новыя силы и средства для своей дѣятельности. Тогда живѣе почувствовалась бы та связь, которая соединяетъ современныя духовныя училища съ прежними; тогда яснѣе пришли бы къ сознанію тѣ великія заслуги, какія оказаны православію и русскому народу поминаемыми нынѣ основателями, благодѣтелями, начальниками Кіевской Академіи и всѣми въ ней учившими и учившимися.

Но осуществленіе всѣхъ этихъ надеждъ и ожиданій, возлагаемыхъ нами на современныя духовно-учебныя заведенія, еще впереди. Мы стоимъ лишь на порогѣ знаменательныхъ преобразованій, коснувшихся нашихъ духовно-учебныхъ заведеній,—и нѣкоторое чувство робости и недовѣрія къ собственнымъ своимъ силамъ пробуждается въ насъ при видѣ свитка историческихъ событій, развертывающагося передъ нашими глазами: впереди—обширная жатва, требующая многихъ рукъ и усиленнаго, добросовѣстнаго труда на пользу вѣры и общаго нашего отечества; позади, въ дали прошедшаго, возникаютъ передъ нами великіе образы первыхъ дѣятелей на нивѣ Господней, приснопоминаемыхъ основателей, благотворителей и всѣхъ дѣятелей Кіевской Академіи. Ихъ громадный трудъ кажется непосильнымъ для насъ, позднѣйшихъ его продолжателей. Они посѣяли сѣмена православной науки на

русской почвѣ, полили ихъ своимъ потомъ и кровію; Богъ возра-
стилъ эти сѣмена; а мы позднѣйшіе дѣлатели на нивѣ Господней,
должны пожать и собрать въ жатницу то, что посеяно, возрасло
и принесло сторичный плодъ. Но жатва такъ велика, а дѣлателей
мало! Молите убо вы, приснопамятные основатели, благодѣтели и
дѣятели нашей Академіи, молитте Господина жатвы, чтобы Онъ
послалъ большее число дѣлателей на свою ниву!

Н. Петровъ.

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1871.

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

стр.

I.	Книга пророка Іереміи. Рѣчи 31—36; гл. XLIX, XXXIV, XXI, XXXIV, XXXVII, XXXII (<i>Переводъ съ еврейскаго.</i>)	209—224.
II.	Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской духовной Академіи	1—76.
III.	Св. Левъ Великій и его проповѣди. <i>В. Пльницкаго.</i> (Окончаніе).	84—294.
IV.	Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ (Продолженіе). <i>Н. Петрова.</i>	295—374.
V.	Изъ записокъ Синайскаго богомольца.	375—407.
VI.	Житіе и жизнь св. и преподобнаго отца нашего Петра, иже въ Хвостынь, Кориша постившагося	408—431.
VII.	Программа конкурса	432
VII.	Творенія бл. Іеронима. (<i>Переводъ съ латинскаго.</i>)	209—224.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Управленія.

1871.

Подписка принимается преимущественно ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ; а также въ Москвѣ у книгопродавца А. О. Терапонта, въ Петербургѣ у книгопрод. С. И. Литова.

Цѣна за годовое изданіе журнала (12 кн., не менѣе 15 печат. лист. каждая) 6 руб. съ пересылкою; безъ пересылки 5 руб. 50 коп. По той же цѣнѣ можно получать «ТРУДЫ» за 1869 и 1870 годы. Оставшіеся въ редакціи экземпляры «Трудовъ» за первыя девять лѣтъ (1860—1868) продаются по *три рубля съ пересылкою.*

Цѣна отдѣльной книгѣ «ТРУДОВЪ» 50 коп. съ перес.

Въ той же редакціи можно получать «ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ», еженедѣльный журналъ. Цѣна за годовое изданіе текущаго (XXXIV) года и прошедшихъ XXXI, XXXII и XXXIII годовъ 4 руб. съ пересылкою, а безъ пересылки 3 руб. Экземпляры «ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ» за первыя 31 годъ существованія журнала, продаются по 2 руб. за экзем. каждаго года съ перес. Выписывающіе одновременно не менѣе 10-ти экземпляровъ «Воскреснаго Чтенія» прежнихъ годовъ платятъ только по 1 руб. 50 к. за экземпляръ и получаютъ бесплатно «УКАЗАТЕЛЬ къ 25 годамъ Воскреснаго Чтенія. Цѣна Указателю отдѣльно—50 коп. Имѣются въ продажѣ слѣдующіе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XV (51—52), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59), XXIII (59—60), XXIV (60—61), XXV (61—62), XXVI (62—63), XXVII (63—64), XXVIII (64—65), XXIX (65—66), XXX (66—67).

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ И ЕГО ПРОПОВѢДИ.

(Окончаніе.)

Войдемъ ближе въ разсмотрѣніе проповѣдей св. Льва Великаго.

По различію выраженныхъ въ нихъ стремленій и началъ, ихъ можно раздѣлить на четыре группы: первую, самую многочисленную, составляютъ слова на праздники, и главная задача, ими преслѣдуемая,—опредѣленіе чистой вселенской вѣры противъ еретиковъ, въ особенности евтихіанъ. Вторую группу составляютъ сказанныя на день посвященія св. Льва и на дни св. апостоловъ Петра и Павла: интересъ имъ придаетъ замѣтное въ нихъ стремленіе поддержать и возвысить значеніе римской катедры. Третья группа составляется изъ словъ, сказанныхъ при сборѣ милостыни. къ четвертой группѣ принадлежатъ всѣ слова на четыре поста, содержимыя церковію: они согласны между собою не по духу только и характеру, но и по содержанию.

Самую важную и широкую часть проповѣдей св. Льва Великаго составляютъ слова на праздники Господни, направленные къ предохраненію чистой вѣры его паствы отъ еретическихъ заблужденій, и имѣющія догматико-полемическое содержаніе.

Приступая къ слову о силѣ праздника, если не всегда, то часто ¹⁾ нашъ проповѣдникъ исповѣдуетъ неизреченность и непостижимость тайны, заключающейся въ событіи праздника. Это не случайное выраженіе, не общее мѣсто и не прикраса слова, а дѣйствительное и глубокое убѣжденіе, которое слишкомъ широко владѣло сознаніемъ св. Льва. Имѣя предъ глазами глубину таинства и указывая на нее другимъ, проповѣдникъ смирялъ свой

¹⁾ Patr. C. c. T. LIV. S. XXV: In Nativitate Dom. V, p. 208.

умъ предъ нею, и внушалъ смиреніе мысли другимъ, примѣромъ и словомъ убѣждая всѣхъ прибѣгать къ авторитету церкви. Всѣ ереси онъ производилъ отъ желанія понять непостижимое, очами разума видѣть то, что предоставлено вѣрѣ ¹⁾). Самъ онъ брался за изъясненіе неизреченнаго насколько то возможно для чело- вѣка вѣрующаго и насколько оно открыто ему. (всякая тайна имѣетъ двѣ стороны: одну сокровенную, а другую, которою она приражается человѣческому сознанию), и брался не по довѣрію къ своимъ силамъ, а въ надеждѣ на руководство свыше, и въ сознаніи лежащаго на пастырѣ долга, передать христіанамъ все то, чѣмъ владѣетъ сознаніе церкви, котораго главные носители освященные представители церкви. Проповѣдникъ сознавался при этомъ, что большинству вѣрующихъ извѣстны или должны быть извѣстны подробности праздника, что евангельское чтеніе раскрыло и оживило назидательную исторію, послужившую ему основаніемъ, но долгъ пастыря звалъ его къ разъясенію и извѣстнаго, а обстоя- тельства и заботы времени давали направленіе этому разъясенію.

Обстоятельства праздниковъ, торжествуемыхъ церковію, чаще всего склоняли слово св. Льва къ тайнѣ воплощенія и давали ему поводъ сообщать церковное ученіе объ этомъ догматѣ, споры о которомъ волновали весь Востокъ. Въ частомъ толкованіи этого догмата, въ заботливомъ опредѣленіи его видна сила увлеченія души епископа предметомъ спора, видно и желаніе дать людямъ предостереженіе и указаніе, какъ нужно, согласно съ ученіемъ церкви, вѣровать въ догматъ подвергшійся обсужденію. Изъ 96 проповѣдей около 30 или нарочито посвящены уясненію этого догмата или касаются его кратко, но въ то же время сильно и настоятельно. Самый главный праздникъ, когда умѣстнѣе всего упоминать было о тайнѣ воплощенія, это праздникъ Рождества Христова, и всѣ десять словъ на этотъ праздникъ (XXI—XXX) безраздѣльно по- священы этому предмету. Но къ нему возвращается нашъ пропо- вѣдникъ и въ другіе дни, и на Богоявленіе, и въ дни четыре- десятницы, и при воспоминаніи страстей Христовыхъ, и въ про-

¹⁾ Sermo XXIII. In Nativ. Dom. III, p. 200.

повѣдахъ о воскресеніи, и на Пятидесятницу, и по вызову обстоятельство въ обыкновенные дни, какъ свидѣтельствуеть 96 словъ о евтихіанской ереси.

Многихъ соприкосновенныхъ пунктовъ касается св. Левъ Великій, сосредоточивая свою мысль на тайнѣ воплощенія. Онъ говоритъ о необходимости воплощенія Сына Божія и его плодахъ, показываетъ здѣсь исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ и обѣтованій; выводитъ отсюда нравственные уроки, видя въ воплощеніи не только тайну, но и примѣръ, не забываетъ выяснять отношеніе діавола къ чудесному рожденію Христа; но главное и существенное у него—таинственный образъ внутренняго соединенія двухъ естествъ въ одномъ Богочеловѣкѣ, выясненіе и опредѣленіе церковнаго ученія объ этомъ предметѣ, въ назиданіе вѣрующихъ и въ предохраненіе ихъ отъ заблужденій. Мы считаемъ долгомъ раскрыть во всей широтѣ мысль св. Льва, сосредоточенную на великомъ догматѣ, и соберемъ для этого въ одно цѣлое частныя представленія, къ ней относящіяся, представленія, разбѣянные, повторяющіяся и переплетающіяся во множествѣ его праздничныхъ словъ. Этимъ мы дадимъ лучшее понятіе о содержаніи и характерѣ проповѣднаго слова римскаго епископа.

Въ разныхъ словахъ различно выражается главная догматическая мысль, занимавшая душу нашего проповѣдника. Развивая ее, по нити представленій онъ доходитъ до обстоятельствъ, составляющихъ причины воплощенія. И вся исторія человѣчества, даже всего міра, затрогивается его мыслию при уясненіи средоточнаго пункта христіанства: по крайней мѣрѣ изъ общаго обозрѣнія великихъ совѣтовъ Божіихъ, лежащихъ въ основаніи міровой исторіи, берутся имъ руководящія начала его объясненій. Самый 'отдаленный пунктъ, котораго касается его взоръ при этомъ случаѣ, это злоба діавола, ядомъ своей зависти отравившаго челоуѣка и лишившаго его блаженства. Взору св. Льва видится борьба древняго змія противъ челоуѣколюбца Бога: этотъ врагъ

Божій оболщеніємъ погубилъ человѣка, и былъ причиною чрезвычайнаго нисхожденія на землю Сына Божія. «Всесильный и милосердый Богъ (говорить въ одной проповѣди ¹⁾ св. Левъ), котораго природа благодѣ, котораго воля могущество, котораго дѣло милосердіе, тотчасъ, какъ дьявольская злоба умертвила насъ ядомъ своей зависти, предуказалъ предуготованныя средства своей любви для возстановленія смертныхъ, возвѣщая змію, что имѣющее родиться сѣмя жены сотретъ высоту вредной главы (Быт. 3, 27), т. е., Христосъ, имѣющій придти во плоти, Богъ и человѣкъ вмѣстѣ, родившись отъ Дѣвы, непорочнымъ рожденіемъ осудить растлителя человѣческаго рода». Хитрости этого врага не опускаетъ изъ виду нашъ проповѣдникъ, когда объясняетъ образъ таинственнаго рожденія Господа Иисуса во плоти. По его словамъ, необычайность этого рожденія входила въ планы божественнаго домостроительства и избрана для того, чтобъ скрыть его отъ лукавства и бдительности дьявола. «Дьяволъ хвалился (говорить св. Левъ въ своемъ догматическомъ посланіи ²⁾ къ Флавіану, и слово въ слово повторяетъ это рассужденіе въ проповѣди на Рождество Христово) ³⁾, что онъ лишилъ божественныхъ даровъ человѣка, увлеченнаго его обманомъ, и лишивши его дара безсмертія, подвергъ его тяжкому приговору смерти, и что онъ самъ въ своемъ бѣдственномъ положеніи находитъ нѣкоторое утѣшеніе въ соучастіи перемѣтника, и что Богъ по требованію строгой правды, измѣнилъ первоначальное отношеніе къ человѣку, котораго создалъ въ такой чести; потому, возлюбленные, по распоряженію тайнаго совѣта, нужно было неизмѣняемому Богу, котораго воля не можетъ лишиться своей благодѣ, посредствомъ сокровеннаго таинства возстановить первое расположеніе Своей любви, чтобы вопреки предначертанію Божию не погибъ человѣкъ, увлеченный въ вину хитростію дьяволь-

¹⁾ Patr. C. c. T. LXVII. In Nativitate Dom. II, p. 194.

²⁾ Epist. XXVIII, c. III, p. 765. P. C. c. T. LIV.

³⁾ Sermo XXII, p. 194—5.

ской неправды». Явленіе искупленія совершилось такъ, какъ предначертано было въ великомъ совѣтѣ Божіемъ. Милосердый и всемогущій Господь нарочито скрываетъ силу своего Божества подъ покровомъ нашей слабости: «этимъ побѣждена хитрость безпечнаго врага, который на рожденіе Отрока, явившагося для спасенія рода человѣческаго, смотрѣлъ какъ на обыкновенное рожденіе всѣхъ людей. Онъ видѣлъ Его плачь и слезы, видѣлъ, что Онъ повивается пеленами, подвергается обрѣзанію и по закону съ жертвою очищенія приносится во храмъ. Онъ видѣлъ потомъ обыкновенное возрастаніе Его въ отрочествѣ, и до мужескихъ лѣтъ не сомнѣвался въ Его естественномъ усовершенствованіи. Между тѣмъ онъ причинялъ Ему оскорбленія, умножалъ обиды, присоединилъ злословія, укоризны, клеветы, поношенія, излилъ на него наконецъ всю силу своей ярости, испробовалъ всѣ роды искушеній, и зная, какииъ ядомъ заразилъ человѣческую природу, никакъ не вѣрилъ, чтобы былъ непричастенъ первому преступленію Тотъ, Котораго послѣ столькихъ доказательствъ признавалъ простымъ смертнымъ. Итакъ нечестивый грабитель и алчный хищникъ упорно преслѣдовалъ Того, Который ему не былъ долженъ, и на основаніи древняго общаго осужденія выходитъ рукописаніе, требующее наказанія неправды отъ Того, въ которомъ не было никакой вины. Такимъ образомъ уничтожается злосовѣтная подпись смертоноснаго договора, и по причинѣ несправедливаго требованія большаго изглаждается сумма всего долга. Тотъ сильный связывается своими узами, и все замышленіе злобнаго обращается на главу его. Послѣ того, какъ связанъ былъ начальникъ міра, расхищается добыча плѣна. Возвращается въ честь свою природа, очищенная отъ смертной заразы, смерть разрушается смертію; рожденіе восстанавливается рожденіемъ»¹⁾).

Долгое время не приходило предопредѣленное Богомъ спасе-

¹⁾ Sermo XXII. In Nativitate Dom. II, p. 197.

ніе погибающему міру, и Богъ въ послѣдокъ дней совершилъ во Христѣ искупленіе, когда нечестивое заблужденіе отвратило всѣ народы отъ почитанія истиннаго Бога, и когда самъ избранный народъ Божій отпалъ отъ законныхъ установленій. Въ то время, когда оскудѣла правда, и весь міръ впалъ въ суету и грѣхъ и заслуживалъ строгаго осужденія, Господь сжалился надъ всѣми, и гнѣвъ претворилъ на милость, чтобы яснѣе было величіе искупительной благодати: тогда благоволилъ открыть тайну отпущенія для уничтоженія грѣховъ чедовѣческихъ, когда никто не могъ хвалиться своими заслугами ¹⁾).

При мысли о позднемъ явленіи Искупителя, св. Льву Великому припоминаются ропотливыя недоумѣнія многихъ, желавшихъ измѣненія плановъ божественнаго домостроительства и представлявшихъ, что было бы лучше, еслибы Христосъ родился тотчасъ послѣ грѣхопаденія. Въ отвѣтъ на эти ропотливыя жалобы всеобъединяющая мысль нашего проповѣдника указываетъ на внутреннюю гармонію, связывающую всѣ времена, на дѣшу жизни, проникающую чедовѣчество всѣхъ поколѣній, какъ одинъ цѣльный организмъ, и на благое и мудрое Провидѣніе, заправляющее всѣмъ ходомъ исторіи и съ одинаковою любовію относящееся ко всѣмъ временамъ. Тайна спасенія чедовѣческаго, по словамъ св. Льва, — тайна, идущая отъ вѣка. «Что проповѣдывали апостолы, то предвозвѣщали пророки, и не поздно исполнилось то, во что всегда вѣровали. Мудрость и благость Божія этимъ замедленіемъ спасительнаго дѣла сдѣлала насъ болѣе способными къ усвоенію своего званія; это замедленіе послужило къ тому, чтобы въ настоящіе дни Евангелія не сомнѣвались въ томъ, что за столько вѣковъ предвозвѣщено было многими знаменіями, многими голосами и многими таинствами, и чтобы рожденіе Спасителя, имѣвшее прев-

¹⁾ Patr. C. c. T. LIV. Serme XXXIII. In Epiphaniae solemn. III, p. 240—1.

зойти всё чудеса и всякую мѣру разумѣнія человѣческаго, нашло въ насъ тѣмъ болѣе твердую вѣру, чѣмъ древнѣе и чаще была проповѣдь о немъ. Итакъ не по новому совѣту и не поздравимъ милосердіемъ Богъ обратился съ помощію къ дѣламъ человѣческимъ, но отъ сложенія міра онъ установилъ одно и тоже спасеніе для всѣхъ. Благодать Божія, которою оправдывались всегда всѣ святые, не началась, а только приведена въ дѣйствіе при рожденіи Христовомъ¹⁾.

Мысль человѣческая, пораженная необычайностію и высотой тайны воплощенія Сына Божія, изумлялась крайнему снисхожденію Божію, обнаружившемуся въ принятіи человѣческой природы Сыномъ Божіимъ, и задолго до св. Льва слышались вопросы: ужели у премудраго и всеильнаго Правителя судебъ міра и человѣка не нашлось другаго средства къ возстановленію падшаго человѣка въ его первобытное блаженное состояніе? Въ отвѣтъ на эти недоумѣнія, св. Левъ представляетъ необходимость воплощенія, какъ единственнаго сильнаго средства для нашего спасенія. Для освобожденія насъ отъ плѣна гордаго діавола, говорилъ онъ, «недостаточно было ученіе закона; не могла наша природа возродиться и одними увѣщаніями пророковъ; но нужно было къ нравственнымъ учрежденіямъ присоединить истину искупленія, и родъ, растлѣнный отъ начала, долженъ былъ возродиться новымъ рожденіемъ. Для примиренія нашего нужно было принести жертву, которая была бы и участницею нашего рода, и въ тоже время была бы чужда нашего оскверненія»²⁾. Удивительно снисхожденіе Бога къ человѣку: это нисхожденіе, обнаружившееся усвоеніемъ Сыну Божію человѣческихъ свойствъ, болѣе удивительно, чѣмъ возведеніе человѣка къ божественному. Но еслибы сего не сдѣлалъ всемогущій Богъ, никакой видъ правды, никакая

¹⁾ Sermo XXIII. In Nativitate Dom. III, p. 202. Подобная мысль и въ S. XXIV. In Nativit. Dom. IV, p. 204.

²⁾ Patr. С. с. Т. LIV. Sermo XXIII. In Nativ. Dom. III, p. 201—2

форма мудрости не освободили бы насъ отъ плѣна діавола и не извлекли бы изъ бездны вѣчной смерти. Природа, пораженная смертною ранюю, не могла найти никакого лекарства, и своими силами она не измѣнила бы своего состоянія ¹⁾. «Правосудный и милосердый Богъ не такъ воспользовался правомъ своей воли, чтобы для нашего искупленія показать одно могущество благодати; поелику человекъ, сотворившій грѣхъ, былъ рабомъ (Іоан. 8, 34), то такъ дано испѣленіе больнымъ, примиреніе виновнымъ, искупленіе плѣннымъ, что праведный приговоръ осужденія уничтожался праведнымъ дѣломъ Освободителя. Ибо еслибы за грѣшниковъ дѣйствовало одно Божество, тогда побѣдила бы діавола не столько правда, сколько сила» ²⁾. «Вселенская вѣра въ смиреніи Господа да видитъ свою славу, и церковь, составляющая тѣло Христова, пусть радуется о тайнѣ своего спасенія: потому что царствовала бы смерть отъ Адама до конца, еслибы Слово Божіе не сдѣлалось плотію и не обитало въ насъ и еслибы самъ Творецъ не нисшелъ въ общеніе твари, и своимъ рожденіемъ ветхаго человека не воззвалъ къ новому началу; неразрѣшимое осужденіе тогда лежало бы на всѣхъ людяхъ, такъ какъ при одинаковомъ рожденіи у всѣхъ была бы одна общая причина гибели. Между сынами человѣческими одинъ Господь Іисусъ родился певиннымъ; потому что Онъ одинъ зачатъ безъ оскверненія плотской похоти. Онъ сдѣлался человекомъ нашего рода, чтобы мы могли сдѣлаться участниками божественной правды» ³⁾.

Самая сущность догмата о воплощеніи Сына Божія выражается въ формулѣ символа, твердымъ тономъ и голосомъ авторитета, опирающагося не на личную мысль, а на преданіе и

¹⁾ Sermo XXIII. In Nativ. Dom. III, p. 201—2.

²⁾ Sermo LVI. De Passione Dom. V, p. 326. Ср. Sermo LXIV. De Passione Dom. XIII, p. 353.

³⁾ Patr. C. c. T. LIV. Sermo XXV. In Nativ. Dom. V, p. 211. Ср. S. LII, De Passione Dom. I, p. 313—1.

сознаніе всей церкви. Не разъ въ его словахъ ¹⁾, говоренныхъ съ церковной кафедры, буквально повторяются его догматическія опредѣленія, находящіяся въ его посланіи Флавіану, читанныя и одобренныя на халкидонскомъ соборѣ, равно какъ разъясненія, встрѣчающіяся въ другихъ догматическихъ посланіяхъ ²⁾. Въ этомъ повтореніи точныхъ опредѣленій догмата, подтвержденныхъ соборомъ, видно стараніе дать надежное руководство вѣрѣ, не достигшей опредѣленности, и въ основаніи лежитъ мысль о значеніи и важности церковныхъ уясненій пункта, подвергающагося колебаніямъ сомнѣнія. Повторяя разъ одобренныя опредѣленія вѣры, св. Левъ дѣлалъ тоже самое, что принято было въ другихъ церквахъ запада, читавшихъ догматическое посланіе св. Льва для назиданія народа предъ наступленіемъ праздника Рождества Христова. Догматическое посланіе, желая опредѣлить, что должно думать о воплощеніи Бога Слова, выставляетъ на видъ общее, не допускающее различій, свидѣтельство всѣхъ вѣрныхъ, которые исповѣдуютъ, что «они вѣрують въ Бога Отца всемогущаго и въ Иисуса Христа, Сына Его едиnorodнаго, Господа нашего, рожденнаго отъ Святаго Духа и Маріи Дѣвы. Этими тремя положеніями разрушаются злоумышленія всѣхъ почти еретиковъ. Ибо когда вѣрятъ въ Бога и всемогущаго и Отца, то тѣмъ самымъ признають совѣчнаго Ему Сына, ни въ чемъ не отличающагося отъ Отца; потому что отъ Бога рождается Богъ, отъ Всемогущаго Всемогущій, отъ Вѣчнаго Совѣчный, не позднѣйшій по времени, не низшій по власти, не отличающійся по славѣ, нераздѣльный по сущности: этотъ же Единородный Совѣчный (Сынъ) Совѣчнаго Родителя родился отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы.

¹⁾ Sermo XXI. In Nat. Dom. I, c. 2, p. 191—192. Ep. XXVIII, c. 3. Sermo XXII. In Nativ. Dom. II, c. et 2, p. 193—5. Ep. XXVIII, c. 4. Sermo XXIV, c. 3. Ep. XXVIII, c. 4, p. 767.

²⁾ Sermo LXV. De Pass. Dom. XIV, c. 4. Epist. CVXV, ad Leonem. Imper. c. 7, p. 1165.

Это временное рожденіе у того рожденія божественнаго и вѣчнаго ничего не убавило, ничего не прибавило къ нему, но все оное въ цѣлости восприняло для возстановленія человѣка, который былъ уловленъ, и это для того, чтобы онъ своею силою и побѣдилъ смерть и одолѣлъ діавола, имѣвшаго державу смерти. Ибо мы не могли бы побѣдить виновника грѣха и смерти, еслибы не воспринялъ нашей природы и не сдѣлалъ ее своею Тотъ, Котораго не могъ ни осквернить грѣхъ, ни удержать смерть. Зачать Онъ отъ Духа Святаго во чревѣ матери Дѣвы, которая какъ зачала его сохранивши дѣвство, такъ и родила сохранивши дѣвство».

«Но можетъ быть, онъ (Евтихій) сочелъ Господа нашего Ісуса Христа немѣющимъ нашего естества, на томъ основаніи, что посланный къ блаженной Маріи Приснодѣвѣ ангелъ сказалъ ей: *Духъ Святыи найдетъ на Тя, и сила Вышняго остытитъ Тя; тѣмъ же и рождаемое Свято наречется Сынъ Божій* (Лук. 1, 35)?... Не такъ нужно понимать то рожденіе необыкновенно удивительное и удивительно необыкновенное, чтобы по причинѣ особенности зачатія намѣнено было самое свойство рода. Плодотвореніе Дѣвѣ далъ Духъ Святыи, а истина тѣла взята отъ тѣла, и Премудрость сама создала себѣ домъ (Притч. 9, 1), и *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), то есть, обитало въ той плоти, которую взяло отъ человѣка и одушевило духомъ разумной жизни».

«Итакъ съ сохраненіемъ свойствъ той и другой природы и при соединеніи ихъ въ одно лице, величіемъ воспринято смиреніе, силою слабость, вѣчностію смертность и для уплаты долга нашего состоянія и безстрастная природа соединилась съ природою подверженною страданію, такъ что одинъ и тотъ же посредникъ Бога и человѣковъ человѣкъ Ісусъ Христосъ и могъ умереть по одной природѣ и не могъ умереть по другой, какъ то и нужно было для нашего врачеванія. Въ цѣлой и совершенной

природѣ истиннаго человѣка родился истинный Богъ, въ цѣлости владѣющій всѣмъ своимъ, въ цѣлости владѣющій всѣмъ нашимъ. Нашимъ мы называемъ то; что въ насъ отъ начала создалъ Творецъ, и что принялъ Сынъ Божій для возстановленія. Ибо то не имѣло никакого слѣда въ Спасителѣ, что внесъ обольститель и что допустилъ обольщенный человѣкъ. Онъ не сдѣлался участникомъ въ нашихъ грѣхахъ чрезъ то, что принялъ общеніе человѣческихъ слабостей. Онъ принялъ образъ раба безъ скверны грѣха, возвеличивая человѣческое, не умаляя божественнаго; потому что уничтоженіе, по которому Невидимый сдѣлался видимымъ и Творецъ и Господь всѣхъ вещей захотѣлъ быть однимъ изъ смертныхъ, было спусхожденіемъ милосердія, но не уменьшеніемъ могущества. Потому Тотъ, кто пребывая въ образѣ Бога сотворилъ человѣка, Тотъ же самый въ образѣ раба сдѣлался человекомъ: ибо та и другая природа безъ ущерба удерживаетъ свое свойство, и какъ образъ Бога не уничтожаетъ образа раба, такъ и образъ раба не умаляетъ образа Бога».

«Такимъ образомъ входитъ въ эту ядоль міра Сынъ Божій, нисходя съ божественнаго престола и не удаляясь отъ божественной славы, рожденный новымъ образомъ, новымъ рожденіемъ. Новымъ образомъ; потому что Невидимый въ своемъ (существовѣ) захотѣлъ быть видимымъ въ нашемъ, Непостижимый захотѣлъ быть постигаемымъ, существующій прежде времени захотѣлъ явиться во времени; Господь вселенной принялъ зрѣть раба, закрывши неизмѣримость своего величія; безстрастный Богъ не возгнушался быть страстнымъ человекомъ, и Безсмертный не возгнушался подчиниться законамъ смерти. Новымъ рожденіемъ рожденъ Онъ; потому что непорочное дѣвство не знало пожеланія и доставило только вещество плоти. Отъ Матери Господа взята природа, но не вина, и въ Господѣ Исусѣ Христѣ, рожденномъ изъ утробы Дѣвы, природа не отлична отъ нашей; потому, что рожденіе было чудесное. Ибо Онъ и истинный Богъ и истинный

человѣкъ, и въ этомъ единствѣ нѣтъ никакого превращенія, когда взаимно соединяются и смиреніе человѣка и величіе Бога. Ибо какъ Богъ не измѣняется отъ милосердія, такъ и человѣкъ не уничтожается достоинствомъ. Каждая изъ этихъ двухъ природъ въ общеніи съ другою дѣлаетъ то, что ей свойственно, то есть, слово дѣлаетъ то, что принадлежитъ слову, а плоть исполняетъ то, что свойственно плоти. Одна изъ нихъ сіяетъ чудесами, другая подвергается оскорбленіямъ. И какъ Слово не отступило отъ равенства Отчей славы, такъ плоть не оставила естества нашего рода. Одинъ и тотъ же (это часто нужно говорить) есть и истинно Сынъ Божій, и истинно Сынъ человѣческій. Рожденіе по плоти есть обнаруженіе человѣческой природы, а рожденіе отъ Дѣвы—знакъ божественной силы. Младенчество дитяти показывается смиреніемъ колыбели (Лук. 2, 7): величіе Всевышняго объявляется голосами ангеловъ (Лук. 2, 13). Какъ начинающаго жизнь подобно людямъ, Бго Иродъ нечестиво хочетъ убить (Мате. 2, 16); но какъ Господу вѣхъ, Ему слышать смиренно поклониться волхвы. Когда Онъ приходитъ къ крещенію Іоанна Предтечи, голосъ Отца, идущій съ неба, сказалъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ* (Мате. 3, 13, 17), чтобы не скрылось, что подъ покровомъ плоти скрывается Божество. Бого, какъ человѣка, искушаетъ дьявольское лукавство, тому, какъ Богу, служатъ ангельскія силы (Мате. 4, 1, 11). Алкать, жаждать, утомляться и спать очевидно человѣческое (дѣло). Но пятью хлѣбами насытить пять тысячъ человѣкъ (Іоан. 6, 5), и дать самарянкѣ живую воду, нитіе которой утоляютъ жажду на вѣки, ходить по хребту моря какъ по сушѣ и усмирять воядыманія волнъ при шумной бурѣ (Лук. 8, 24)—безъ сомнѣнія божественное (дѣло). Какъ (опуская многое) не одной и той же природы дѣло—оплакивать слезами сожальніа умершаго друга (Іоан. 11, 35), и его же властнымъ словомъ воззвать къ жизни послѣ четверодневнаго пребыванія во гробѣ (43), или висѣть на

древѣ и въ ночь обративши день потрясти все элементы, или быть пригвожденнымъ и отворить ворота рая вѣрѣ раббойника (Матт. 27, 35): такъ не одной и той же природы дѣло сказать: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30), и сказать: *Отецъ Мой болѣе Мене естъ* (Іоан. 14, 28).

«Въ силу этого единства лица въ той и другой природѣ говорится, что и Сынъ человѣческой сошелъ съ неба, хотя Сынъ Божій принялъ плоть отъ той Дѣвы, которою рожденъ. И опять говорится, что Сынъ Божій распятъ и погребенъ, хотя Онъ это претерпѣлъ не по Божеству своему, по которому Единородный совѣченъ и единосущенъ Отцу, но по слабости природы человеческой. Потому мы все и въ символѣ исповѣдуемъ Единороднаго Сына Божія, распятаго и погребеннаго, согласно съ выраженіемъ Апостола: *еще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (2 Кор. 2, 8) ¹⁾.

Вотъ существенный пунктъ ученія св. Льва Великаго, составляющій главное содержаніе его проповѣднаго слова. Для опредѣленія его мы приведемъ вначительныхъ мѣста изъ знаменитаго его посланія къ Флавіану, въ которомъ отцы халкидонскаго собора одобрили послышавшіеся имъ строгій и точный, полный и ясный голось преданія и церкви. Мы не напрасно обратились въ этому творенію св. Льва при уясненіи содержанія его проповѣдей, связанныхъ на праздники; потому что здѣсь, въ этомъ твореніи, коренной, такъ сказать, стволъ всей догматичекой рязонаго епископа, и проповѣди составляютъ только частныя развѣтвленія, держащіеся этого ствола, и служатъ видоизмѣненіями и разъясненіями ученія, заключающагося въ главномъ сочиненіи св. Льва. Въ проповѣдяхъ св. Левъ преклоняется предъ таинствомъ, находитъ неизреченнымъ рожденіе Сына Божія отъ Отца, и удивляется чудесному рожденію Христа во времени, но всегда заповѣдуетъ

¹⁾ Patr. С. с. Т. LIV. Epis. XXVIII, с. 2. 3. 4. 5, p. 767—771.

исповѣдывать въ одномъ лицѣ двѣ природы, истинно-человѣческую и истинно-божескую. «Не такъ та и другая природа удержала свои свойства, чтобы въ нихъ могло быть раздѣленіе лицъ; не такъ тварь воспринята въ общеніе своего Творца, чтобы Онъ былъ обитателемъ, а она обиталищемъ, но такъ, что одна природа внутренно соединилась съ другою, и хотя иная (природа) принимается, и иная принимается, различіе той и другой входитъ въ такое единство, что одинъ и тотъ же Сынъ называетъ себя и меньшимъ Отца, потому что Онъ истинный человѣкъ, и исповѣдуетъ Себя равнымъ Отцу, потому что Онъ истинный Богъ» ¹⁾. Этому вѣровать приглашаетъ св. Левъ своихъ слушателей не во имя логической правды, не въ силу разумныхъ доказательствъ, а во имя высшаго авторитета церкви. «Прославляя день рожденія Господа Спасителя... (говоритъ онъ на примѣръ въ одной проповѣди на Рождество Христово), мы *должны* вѣрить, что сила Слова ни въ одинъ моментъ времени не отступала отъ плоти и души зачатой... Человѣкъ такъ воспринять въ Сына Божія, такъ отъ самаго тѣлеснаго начала принять въ единство лица Христова, что не безъ Божества зачать, не безъ Божества родить, не безъ Божества воспитанъ» ²⁾. «Нынѣшняго праздника (говоритъ онъ въ другой проповѣди на Рождество) истинный читатель и благочестивый поклонникъ тотъ, кто о воплощеніи Господа не думаетъ ничего ложнаго, и о Божествѣ Его ничего недостойнаго: во равно опасное, если у Него отрицаютъ истинность нашей природы, или равенство Отчей славы. Итакъ когда приступаемъ къ разумнѣйшему таинства рождества Христова, пусть далеко отгонится отъ насъ мракъ земныхъ умствованій, и отъ очей просвѣщенной

¹⁾ Patr. C. c. T. LIV Sermo XXIII. In Nat. Dom. III, c. 1, p. 200. Cp. XXI V, c. 1. 2. 3, p. 204—203. S. XXV, c. 3. 4. 5, p. 209—212.

²⁾ Sermo XXVIII. In Nativ. Dom. VIII, c. 2—6, p. 222—5. Cp. Serm. XXIX, XXX, XLVI, XLVII, LI, LII, LIV, LVI, LVII, LXIV, LXV, LXVIII, LXIX, LXXII, XCVI.

вѣры пусть да удалится дымъ земнаго мудрованія: *божественный авторитетъ*, которому мы вѣримъ, *божественное ученіе*, которому мы слѣдуемъ»¹⁾. Отъ лица церкви выясняя таинство, въ которомъ Слово сдѣлалось плотію, истинный Богъ истиннымъ человѣкомъ, св. Левъ потому обращаетъ мысль слушателей къ божественному авторитету, что «никакой умъ не можетъ понять этого таинства, никакой языкъ не можетъ выразить этой благодати»²⁾. Еще проповѣдуя въ одинъ изъ дней четыредесятницы³⁾, и совѣтуя избѣгать не только пороковъ, но и заблужденій, св. Левъ раскрываетъ ученіе о двойствѣ естествъ въ единствѣ лица Іисуса Христа, перифразируя часть IV главы посланія къ Флавіану, въ которой перечисляются различныя дѣянія Спасителя, принадлежащія то божеской, то человѣческой природѣ: раскрывши это ученіе, проповѣдникъ приказываетъ слушателямъ держаться этой вѣры въ воплощеніе Господне, завѣряя ихъ, что тогда только принесутъ пользу дѣла милосердія и чистота воздержанія, когда умы ихъ не будутъ загрязнены скверною нечестивыхъ мнѣній. Рѣчь его въ этомъ случаѣ принимаетъ такой властительски-повелительный тонъ: «Отбросьте ненавистныя Господу доказательства земной мудрости, при посредствѣ которой никто не могъ достигнуть до познанія истины, и то твердо держите въ душѣ, что говорите въ символѣ. Вѣруйте въ совѣчнаго Отцу Сына Божія, чрезъ котораго все сотворено, и безъ котораго *ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 3), въ концѣ времени рожденнаго по плоти. Вѣруйте въ Него, тѣлесно распятаго, умершаго, воскресшаго, вознесшагося превыше небесныхъ начальствъ, сѣдѣщаго одесную Отца, имѣющаго придти судить живыхъ и мертвыхъ въ той же плоти, въ которой Онъ вознесся».

Говоря такимъ образомъ, болѣе всего заботится св. Левъ о

¹⁾ Sermo XXVII. In Nativ. Dom. VII, c. 1, p. 216.

²⁾ Ibidem c. 2, p. 217.

³⁾ Sermo XLVI. De Quadragesima VIII, p. 293—4.

сохраненіи единства вѣры, а чрезъ нее единства церкви. Двухъ истинныхъ вѣръ не можетъ быть, а одна, говоритъ онъ часто и въ писмахъ и въ словахъ ¹⁾; потому всѣми мѣрами нужно стараться объ усвоеніи этой единой вѣры, уклоненіе отъ которой — уклоненіе къ заблужденію и погибели. Живое единство церковнаго сознанія у него всегда предъ глазами, и во имя его предписываетъ онъ своимъ слушателямъ держаться того ученія, которое самъ изъяснялъ отъ лица церкви. «Возлюбленные (говоритъ онъ разъ послѣ изъясненія догмата о воплощеніи), твердо держитесь той вѣры, которую исповѣдали предъ многими свидѣтелями, и въ которой возрожденные водою и Духомъ Святымъ получили помазаніе спасенія и печать вѣчной жизни. А если кто будетъ возвѣщать иное противъ того, чему вы научились, анаеема да будетъ. Свѣтлѣйшей истинѣ не предпочитайте нечестивыхъ басней, и что случится вамъ читать или слышать противное правилу каеолическаго и апостольскаго символа, то считайте совершенно смертоноснымъ и дьявольскимъ... Великое сокровище вѣра чистая, вѣра истинная, въ которой нельзя ничего ни прибавить, ни убавить; потому что кромѣ одной вѣры нѣтъ еще вѣры, какъ говоритъ Апостолъ: *единъ Господь, едина вѣра, едико крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ* (Еф. 4, 5). Этого единства держитесь непреклонною мыслию; въ немъ ищите святости (Евр. 12, 14), въ немъ служите заповѣдямъ Господнимъ; потому что *безъ вѣры не возможно угодити Богу* (Евр. 11, 6), и безъ нея нѣтъ ничего святаго, чистаго, живаго: ибо *праведный отъ вѣры живъ будетъ* (Авраа. 2, 4); а кто по оболъщенію діавола поте-

¹⁾ Nisi una est, fides non est. Sermo XXIV. In Nativ. Dom. IV, c. 6. Patr. С. с. Т. LIV, p. 207. Epist. XXIX, ad Theodosium Augustum p. 781. Ep. XC, ad Marcianum Augustum c. 1, p. 933. Ep. CXLV, ad Leonem Augustum p. 1114. Ep. CLXI, ad Presbyteros, diac. et clericos Ecclesiae Constantinopolitanae p. 1142. Ep. CLXV, ad Leonem Augustum c. 2, p. 1135.

рлетъ еѡ, тотъ живой умеръ; потому что какъ чрезъ вѣру сохраняется правда, такъ еще чрезъ вѣру истинную получаются вѣчная жизнь, какъ говоритъ Господь Спаситель: *сія есть вѣчная жизнь, да знаютъ Тебе, единому истинному Богу, и Ею же послалъ еси, Исуса Христа* ¹⁾. (Іоан. 17, 3). «Въ твердости христіанской вѣры принадлежитъ (говорить въ другомъ мѣстѣ св. Лѡвъ, объясняя, что ненужно христіанскому проповѣднику повторять одно и то же), да, по апостольскому учавію, *тоже даголемъ вси и будемъ утверждены въ томъ же разуманіи и въ тойже мысли* (1 Кор. 1, 10). Это невѣріе, мать всѣхъ заблужденій, раздробляется на многія мнѣнія, которыя нужно раскрашивать искусствомъ слова. А свидѣтельство истины никогда не теряетъ своего свѣта, и если оно для однихъ блеститъ больше, а для другихъ меньше, это происходитъ не отъ различія свѣта, а отъ слабости созерцанія» ²⁾.

Единство вѣры, великой въ своей простотѣ, одна изъ коренныхъ мыслей, заправлявшихъ всѣмъ строемъ сознанія и желаній св. Лѡва Великаго, понималось имъ въ самомъ широкомъ объемѣ: подъ нимъ онъ разумѣлъ не одно согласіе въ вѣрѣ всѣхъ живущихъ членовъ церкви, но согласіе въ вѣрѣ всѣхъ временъ и мѣстъ. По его представленію, вѣра—духовная сила, сплывающая во едино членовъ царства Божія, не имѣющаго предѣловъ ни въ пространствѣ, ни во времени. Потому при уясненіи христіанскихъ вѣрованій онъ ищетъ ихъ начала и признанія за предѣлами новаго завѣта, и въ церкви сѣней и гаданій указываетъ сознаніе великихъ идей христіанства. При толкованіи догмата о воплощеніи, равно какъ и другихъ пунктовъ христіанскаго ученія, какихъ касалась рѣчь св. Лѡва, онъ часто ³⁾ обращается

¹⁾ Patr. Cours. c. T. LIV. Sermo XXIV. In Nativ. Dom. IV, c. 6, p. 207—8.

²⁾ Sermo LXIX. De Passione Dom. XVIII, c. 1, p. 376.

³⁾ Patr. Cours. c. T. LIV. Sermones XXIII, c. 4, XXIV, c. 1, XXV, c. 4, LII, c. 1, LIV, c. 1, LX, c. 1. S. LXIII, c. 8.

къ прообразамъ, символамъ и обѣтованіямъ ветхозавѣтнымъ, и на основаніи ихъ показываетъ, что вѣра, которою мы живемъ, есть вѣра давняя, идущая отъ начала царства Божія на землѣ, а мы только яснѣе представляемъ одну и ту же истину, на которую издавеча смотрѣлъ ветхозавѣтный человѣкъ.

Твердо стоя на началѣ единства церкви и вѣры, и внушая это начало своимъ слушателямъ и подчиненнымъ, св. Левъ строго, безъ снисхожденія смотрѣлъ на еретиковъ, раздиравшихъ единое тѣло церкви, и свое чувство не разъ выражалъ въ проповѣдяхъ. По долгу пастырства часто приходилось нашему проповѣднику говорить въ своихъ поученіяхъ объ еретикахъ и ихъ заблужденіяхъ; но эта рѣчь не имѣетъ вида прямой полемики съ ересью. Таковую полемику съ заблужденіемъ онъ находилъ неумѣстною на церковной каѳедрѣ, и считалъ недостойнымъ единой вѣры становить ее на одну доску съ ересью и заставлять ретоборствовать съ мнѣніями, лишенными всякой твердости. Въ бесѣдахъ съ паствою св. Левъ, по поводу явленія такихъ еретиковъ, описываетъ ихъ заблужденія и нечестія, и въ этомъ случаѣ рѣчь его принимаетъ характеръ предостереженія вѣрующимъ, а не разсужденія, подвергающаго критикѣ ложное мнѣніе. По увѣщанію его, обыкновенно обращаемому къ паствѣ при мысли объ еретикахъ, съ ними не нужно имѣть никакого общенія, чтобы не заразиться отъ нихъ ересью: это главное средство, которое указывала пастырская любовь и предусмотрительность римскаго епископа и твердымъ и слабымъ умамъ безъ различія. Силою внѣшняго огражденія вѣры своей паствы св. Левъ старался охранить чистоту ея исповѣданія; онъ боялся, какъ бы человѣкъ, вступая самъ по себѣ въ частное общеніе съ еретиками, и удаляясь чрезъ то отъ охранительнаго покровя церкви, безъ общей поддержки, въ одиночествѣ, не сдѣлался жертвою заблужденія. Что не опасно для всѣхъ, для общества, то можетъ быть опасно для одного.

Противъ евтихіанъ направлялось большее число уроковъ и

и предостереженій, заключающихся въ проповѣдяхъ св. Льва. Ихъ притязанія и воиновенія, ими произведенныя, заставили римскаго епископа чаще всего разъяснять догматъ о воплощеніи Бога Слова. Вселенская важность спора, ими поднятаго, оправдывала частое повтореніе одной и той же матеріи въ насидательныхъ речахъ св. Льва: опасность угрожала чистотѣ вѣры всей церкви, и потому нельзя было не отовратиться на гадюсъ церкви, угрожаемой опасностію, поставленному на видной стражѣ церковной. Но для запада, и въ частности для Рима евтихіане были партиєю чужою, издали угрожающею нарушеніемъ единства вѣры: ихъ мѣсто дѣйствія было на востокѣ, въ особенноти въ Константинополь, Іерусалимъ и Александрію, и отсюда сила ихъ вліянія грозила потрясти весь свѣтъ христіанскій. Имѣя это въ виду, св. Левъ главною своею задачею считаетъ положительное раскрытіе чистаго символическаго ученія церкви: изъ области вѣроученія онъ рѣдко спускается въ область факта, и въ своихъ проповѣдяхъ общую догматическую истину почти никогда не обставляетъ историческими указаніями. Положивши свою душу на защиту догмата, искажаемаго восточными еретиками, онъ зорко смотритъ ватѣмъ, чтобы не проторглась ихъ ересь въ его царству, и потому, когда являются въ Римъ пришельцы съ востока, онъ наблюдаетъ за ихъ мнѣніями и вѣрованіемъ. Въ этомъ случаѣ, когда представителю ереси дадутъ о себѣ знать жителямъ его города и свободно высказываютъ предъ ними нечестивое мнѣніе, св. Левъ къ раскрытію общей истины присоединяетъ прямое указаніе на гѣхъ, которые несли съ собою еретическую заразу. Такъ было разъ, когда въ Римѣ явились кунцы изъ Александріи зараженные евтихіанствомъ, которые готовы были не только защищать, но и распространять мнѣніе о томъ, что во Христѣ одна природа Божества, и нѣтъ настоящей плоти человѣческой. Этотъ фактъ со стороны св. Льва вызвалъ нарочитое слово, въ которомъ онъ, указывая на этихъ пришельцевъ, старается предохра-

нить свою паству отъ близкой заразы. «Какъ искусные и благо-
разумные врачи (говорилъ онъ въ этомъ словѣ) стараются преду-
преждать болѣзни находящимися у нихъ лекарствами, и показы-
ваютъ, какъ нужно уклоняться отъ вреднаго для здоровья, такъ
и долгъ пастырской обязанности заботиться о томъ, чтобы злоба
еретиковъ не повредила Господнему стаду, и показывать, какъ
нужно остерегаться нечестія волковъ и разбойниковъ; потому что
еретическое нечестіе никогда не могло такъ скрываться, чтобы
не было усмотрѣно и по праву осуждено святыми отцами нашими.
Отъ нашей заботливости, какою мы окружаемъ любовь вашу, не
могло скрыться, что пришли въ городъ нѣкоторые египтяне, по
преимуществу кушцы, и защищаютъ то, что въ Александріи зло-
дѣйски допущено еретиками, утверждая, что во Христѣ была одна
только природа Божества, и она не имѣла дѣйствительной плоти
человѣческой, которую Онъ взялъ отъ блаженной Маріи Дѣвы:
это нечестіе говорить, что Онъ не истинный человѣкъ и Богъ,
подверженный страданію. Они сами отступили отъ истины. Еван-
гелія и послѣдовали жи діавола, и другихъ хотѣть сдѣлать
участниками своей гибели. Потому увѣщаваемъ васъ отеческою
и братскою любовію: не принимайте ни зъ какое общеніе вра-
говъ каеолческой вѣры и церкви, отрицающихъ воплощеніе Гос-
пода, и противорѣчащихъ символу, составленному святыми анос-
толами, по слову Апостола: *еретика чловѣка по первымъ и
второмъ наказаніи отрицайся, вѣдый, яко разверзется тако-
вый и сопрѣшаетъ и есть самоосужденъ* (Тит. 3, 10. 11).
Этихъ людей, возлюбленные, о которыхъ мы говоримъ, бѣгайте,
какъ смертоноснаго яда, удаляйтесь отъ нихъ, воздерживайтесь
отъ разговоръ съ ними, если общаемы вами они не захотятъ
исправиться; потому что слово ихъ, по написанному, какъ ракъ
будетъ распространяться (2 Тим. 3, 17). По справедливому суду
съ отторгшимися отъ единства церкви не нужно имѣть никакого
общенія: его потеряли они не по нашей ненависти, но по сво-

нѣ злодѣяніямъ. Итакъ вы, возлюбленные Богомъ и одобренныя апостольскимъ свидѣтельствомъ, о которыхъ блаженный апостолъ Павлъ, учитель языковъ, сказалъ, что *вѣра ваша возвышается со всею мѣрѣю*, сохраните въ себѣ то, что, какъ знаете, сказалъ о васъ таковой проповѣдникъ¹⁾.

Едвали не единственный разъ во время епископства св. Льва почувствовалась въ Римѣ указанная въ приведенномъ словѣ непосредственная опасность чистотѣ вѣры римской церкви отъ евтихіанской заразы. По крайней мѣрѣ въ другихъ словахъ, касающихся евтихіанства, нѣтъ подобныхъ фактическихъ указаній, и проповѣдникъ говорить о немъ въ общихъ чертахъ, какъ о язвѣ, опасной для церкви, происшедшей отъ діавола, но язвѣ, свирѣпствующей вдали отъ предѣловъ Рима. Римскій епископъ открываетъ своимъ слушателямъ въ бесѣдѣ церковной, что послѣдователи Евтихіа склоняютъ на свою сторону многихъ неопытныхъ, и хвалятся тѣмъ, что увеличиваютъ число отпадающихъ отъ тѣла церкви Христовой. Это заставляетъ его возбуждать бдительность благочестія своей паствы, еще не оскверненной ересью, по отношенію къ нечестивому заблужденію, нестерпимому для ея православному слуху²⁾. Чтобы утвердить свою паству въ ея отвращеніи отъ нечестиваго заблужденія, проповѣдникъ сближаетъ ихъ нечестіе съ нечестіемъ іудеевъ: эти не видѣли въ человѣческомъ смиреніи Спасителя Его божественнаго величія; и потому подвергли Его преслѣдованіямъ и крестной смерти, а еретики наоборотъ отвергали дѣйствительность человѣческаго образа въ лицѣ Спасителя, и потому Бога представляли способнымъ къ страданію; это двѣ оборотныя стороны одного и того же нечестія. Защитники евтихіанства у св. Льва называются еще именемъ *фанта-*

1) P. C. c. T. LIV. Sermo XCVI. p. 466—8.

2) Sermo XXVIII. In Nativit. Domini VIII, c. 4. 5. Sermo XXX c. 2. Sermo XCI. De jejuniis septimi mensis VI, c. 2, p. 451.

сманниковъ ¹⁾ *христіанъ*: это имя онъ изводитъ имя потому, что они не признають факта искупленія, совершеннаго страданіемъ и смертію Господа Ісуса Христа, и не признавая этого, они не могутъ участвовать въ плодахъ искупленія. Св. Левъ не ожидаетъ отъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта на вопросы, подобные слѣдующимъ: «какое естество Спасителя распято на деревѣ, какое лежало во гробѣ, какая плоть воскресла въ третій день, или съ какимъ тѣломъ Ісусъ предсталъ предъ взоры учениковъ, вошедши къ нимъ, когда заперты были двери (Іоан. 20, 19)? Или пусть они покажутъ, какимъ образомъ могутъ обѣщать себѣ надежду жизни вѣчной, какимъ образомъ могутъ считать себя участниками воскресенія Христова? Ибо не могутъ они сказать съ Апостоламъ: *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. 5, 20); потому что Онъ не начатокъ людей, если Онъ не отъ ствола человѣческой природы» ²⁾. По словамъ св. Льва, евтихіане напрасно присвоиваютъ себѣ имя христіанъ, потому что отвращаются отъ всякаго творенія, которому Христосъ глава; не могутъ входить въ общеніе съ церковію и участвовать въ ея торжествахъ, потому что отступаютъ отъ Евангелія и противорѣчатъ символу; не могутъ быть участниками пасхальнаго торжества, потому что не признають во Христѣ той плоти, воскресеніе которой прославляемъ мы ³⁾.

Кромѣ евтихіанъ, волновавшихъ востокъ, и оттуда угрожавшихъ чистотѣ вѣры всей церкви, св. Левъ въ своихъ проповѣдяхъ нерѣдко касается манихеевъ, секты, явившейся въ 3-мъ вѣкѣ, жившей нѣсколько столѣтій и заявлявшей свое вліяніе въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ. Объ нихъ приходилось говорить нашему проповѣднику не по одному участию къ судъ-

¹⁾ Sermo LXV. De Passione Dom. XIV, c. 4, p. 365. Ср. Ep. CLXV. c. 7, p. 1165.

²⁾ Sermo LXV, c. 1. 3. 4, p. 361—3. P. C. c. T. LIV.

³⁾ Sermo LXXII. De resurrectione Dom. II, c. 7, p. 394.

бамъ вселенской церкви, а по вызову мѣстныхъ обстоятельствъ. Манихейская секта въ вѣкъ св. Льва заявляла себя въ разныхъ мѣстахъ Италиі, занесенная сюда изъ Африки, и находила защитниковъ себѣ между жителями самаго Рима. Опасность отъ нея такимъ образомъ была ближе, чѣмъ отъ евтихіанъ, и потому объ нихъ св. Левъ говоритъ болѣе строго и настоятельно, чѣмъ о самихъ евтихіаныхъ, и въ проповѣдахъ его, сюда относящихся, разсѣяно довольно фактическихъ указаній.

Секта эта не была новостію въ вѣкъ св. Льва Великаго; задолго до него осуждено было ея лжеученіе католическою церковію. Въ этомъ лжеученіи не было одного опредѣленнаго пункта: оно представляло искаженіе цѣлаго христіанства, подъ вліяніемъ разныхъ языческихъ и гностическихъ идей. На этомъ основаніи проповѣдь св. Льва, направленная противъ манихеевъ, не могла поставятъ главною задачею своею частое повтореніе положительнаго ученія церкви, искажаемаго у манихеевъ, какъ это замѣчается мы въ словахъ объ евтихіаныхъ; потому что это значило бы раскрывать всю совокупность ученія христіанскаго. Что же дѣлаетъ пастырѣ—проповѣдникъ, въ виду опасной ереси, занесенной въ предѣлы его паствы? Онъ выставляетъ предъ глаза слушателей со всею прямою нечестію манихеевъ, какъ теоретическое, такъ и практическое, въ надеждѣ, что одно публичное раскрытіе его характера отниметъ у него силу обольщенія, какую оно имѣетъ надъ неопытными; онъ даетъ совѣты и указываетъ средства своимъ слушателямъ для предохраненія себя и церкви отъ манихейской заразы. Рѣчь его въ настоящемъ случаѣ такъ рѣзка и строга, какой только можно ожидать отъ ревнителя вѣры по отношенію къ самой зловерной сектѣ.

По представленію св. Льва, манихеи хуже всѣхъ еретиковъ, когда либо явившихся. Другія ереси имѣютъ въ себѣ нѣчто здоровое, а у манихеевъ все нечестиво и нѣтъ ничего добраго. Аріи, представляя Сына Божія меньшимъ Отца и тварію, и пола-

ган, что Духъ Святыи сотворенъ имъ вмѣстѣ со всѣми тварями, погубилъ себя великимъ нечестіемъ, но онъ не отрицалъ вѣчнаго и неизмѣннаго Божества, которое видѣлъ не въ единствѣ тринности, а въ существѣ Отца. Македоній, удалившись отъ свѣта истины, не принималъ Божества Святаго Духа, не исповѣдывалъ въ Отцѣ и Сынѣ одинаковое могущество и одну и ту же природу. Савеллій, спутанный неизъяснимымъ заблужденіемъ, чувствуя нераздѣльное единство субстанціи въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, относилъ къ единичности лицъ то, что долженъ былъ принести равенству, и когда не могъ понять истинной Троицы, видѣлъ одно и то же лице подъ тройственнымъ наименованіемъ. Фотинъ въ слѣпотѣ ума исповѣдывалъ Христа истиннымъ человѣкомъ нашего естества, но не видѣлъ въ Немъ Бога, рожденнаго отъ Бога прежде всѣхъ вѣковъ. Аполлинарій, потерявши твердость вѣры, вѣрилъ, что Сынь Божій принялъ истинную природу человѣческой плоти, но въ то же время говорилъ, что въ этой плоти не было души, потому что ее замѣняло само Божество. Подобнымъ образомъ, если перечислить всѣ заблужденія, какія анаематствовала каволическая вѣра, въ разныхъ изъ нихъ найдется нѣчто, что можно отдѣлить отъ достойнаго осужденія. Но въ нечестивѣйшемъ догматѣ манихеевъ совершенно нѣтъ ничего, что въ какомъ либо отношеніи можно признать терпимымъ¹⁾. Діаволъ здѣсь преобладаетъ не однимъ видомъ нечестія, но совокупностію всѣхъ заблужденій и пороковъ. Что было дурнаго у язычниковъ, что было темнаго у плотскихъ іудеевъ, что было неповоленнаго въ тайнахъ волшебнаго искусства, что наконецъ было святотатственнаго и богохульнаго во всѣхъ ересяхъ, все это стеклось къ нимъ въ смѣси всѣхъ нечистотъ, какъ бы въ какую помойную яму²⁾.

¹⁾ Sermo XXIV. In Nativ. Dom. IV, c. 5, p. 206—7.

²⁾ Sermo XVI. De jejuniis decimi mensis V, c. 4, p. 176.

Въ числѣ нечестій и заблужденій, совокупившихся въ манихействѣ, виднѣе всѣхъ для заботливой мысли св. Льва Великаго то заблужденіе, которое отродилось въ еutihianской ереси. Рѣчь его склопается къ нимъ часто въ тѣхъ же проповѣдяхъ, въ которыхъ онъ раскрываетъ главный пунктъ своего вѣроученія, т. е., догматъ о соединеніи двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ, и когда казалось нужно упомянуть объ еutihianaхъ, вмѣсто еutihianaхъ въ словѣ св. Льва являются манихеи потому, что они были на глазахъ Рима, тогда какъ тѣ жили далеко. Манихеи, подобно еutihianaхъ, отвергали тѣлесное рожденіе Христа отъ Дѣвы Маріи, и не принимали ни истиннаго рожденія Его, ни истинныхъ, дѣйствительныхъ страданій, не исповѣдывали Его распятымъ и дѣйствительно воскресшимъ ¹⁾. Это заблужденіе манихеевъ, вопреки единой истинной вѣрѣ, проповѣданной во все вѣка, видѣвшихъ во Христѣ одно призрачное тѣло, св. Левъ называетъ диавольскимъ нечестіемъ, и его ставитъ имъ въ главный укоръ. Оно не умалается отъ того, что они стараются обставить свое представленіе нѣмнѣе уваженіемъ къ божественному величію Искупителя. Въ своемъ фальшивомъ благоговѣніи они считали недостойнымъ величія Божія, чтобы Сынъ Божій вошелъ въ женскую утробу и подчинилъ себя нашему поношенію, чтобы смѣшавшись съ природою плоти, родился въ истинномъ тѣлѣ человѣческой субстанціи, тогда какъ во всемъ этомъ дѣлѣ не поношеніе, но сила, и мы должны видѣть здѣсь не оскверненіе, но славную честь; потому что и видимый свѣтъ не оскверняется тѣми нечистотами, на которыя изливается... «Это великое и неизреченное таинство божественной любви возвыщено было всѣми свидѣтельствами свящ. Писанія, а они (это другое нечестіе манихейское, состоявшее въ непризнаніи ветхозавѣтныхъ книгъ свящ. Писанія богодухновенными, и

¹⁾ Patr. C. c. T. LIV. Sermo XXIV, c. 4, p. 206. Sermo XXXIV. In Epiphaniae solemnitate IV, c. B. 4, p. 247.

въ извращеніи источниковъ вѣроученія христіанскаго), противными истины, презрѣли законъ, данный чрезъ Моисея, и указанія пророковъ, вдохновенныхъ свыше, и самыя даже евангельскія и апостольскія писанія искажали, иное вбрасывая изъ нихъ, а другое внося, съ именами апостоловъ и съ авторитетомъ словъ самого Спасителя вымышляли себѣ и пуская въ свѣтъ многія ложныя книги, которыми они подкрѣпляли вымыслы своего заблужденія и дѣлали смертоносный ядъ въ умы уловляемыхъ ими. Они видѣли, что имъ все противостоятъ, все говоритъ противъ нихъ, и что богохульное безуміе ихъ нечестія опровергается не только новымъ, но и ветхимъ завѣтомъ. И однако упорствуя въ безумномъ заблужденіи, они не перестаютъ возмущать церковь Божию своими обманами, убѣждая тѣхъ жалкихъ, которыхъ могли уловить, что Господь Іисусъ Христосъ не принялъ истинной челоуѣческой природы, что Онъ не былъ распятъ за спасеніе міра... и чтобы по уничтоженіи всей истины апостольскаго символа, никакой страхъ не ограничивалъ нечестивыхъ, внушая имъ, что Христосъ не придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Бого лишали силы таинствъ, тѣхъ учили поганяться Христу въ солищѣ и лушѣ, и подъ именемъ Духа Святаго чтить самого учителя таинствъ нечестій Манихея»¹⁾).

Съ искаженіями Писанія, съ отверженіемъ его авторитета манихеи соединяли отрицаніе силы церковнаго преданія и не считали обязательнымъ для себя символическое исповѣданіе вѣры всей церкви, вообще не придавали значенія и твердости тѣмъ основамъ, на которыхъ зиждется цѣлость церкви. Отступивши отъ руководительныхъ началъ, которыми управляется жизнь церкви и сознаніе вѣрующихъ, манихеи отворили дверь въ христіанство языческимъ суевѣріямъ, и свое исповѣданіе, окрашенное цвѣтомъ

¹⁾ Patr. С. с. Т. LIV. Sermo XXXIV, с. 4, р. 247—8. Ср. Sermones: IX, de collectis IV, с. 4. р. 168; XLVII, de Quadragesima IX, с. 2, р. 296.

христіанства, наполнили представленіями, совершенно чуждыми вѣрѣ Христовой, и стоящими въ противорѣчія съ нею. Такое языческое представленіе св. Девъ: указываетъ у манихеевъ въ томъ почтеніи, съ какимъ они относились къ солнцу и лунѣ, воздавая имъ божескую честь, какъ высшимъ божествамъ: Это почитаніе свѣтилъ небесныхъ было на родинѣ Манеса (Месопотаміи) еще въ язычествѣ, и отъ стараго заблужденія не могъ отказаться учитель секты и по принятіи христіанства: старая закваска его мысли заставила его образовать какую-то странную смѣсь всѣхъ вѣрованій, и пустить ее въ среду христіанства. Въ силу языческаго преданія манихеи соблюдали у себя извѣстные празднества въ честь солнца, въ различныя времена года, при видныхъ переменахъ этого свѣтла. Они напримѣръ не праздновали Рождества Христова, потому что не признавали за Нимъ истинно-человѣческой природы; но всетаки торжествовали этотъ день вмѣстѣ съ христіанами, что его не по воспоминанію великаго событія въ царствѣ Божіемъ, а по причинѣ рожденія новаго солнца, т. е. поворота солнца отъ змннаго стоянія къ лѣтному. Это нечестіе указываетъ св. Девъ въ одной проповѣди на Рождество Христово, предостерегая отъ него своихъ слушателей. «Сердца такихъ людей (чуждыхъ празднѣкъ Рождества въ силу явленія новаго солнца), по словамъ проповѣдника, закрыты густою тьмою и далеки отъ истиннаго свѣта; ибо они донинѣ увлекаются глубѣйшими заблужденіями язычества, и не могли поднять взора ума своего выше того, что видятъ простымъ зрѣніемъ, чтуть божественною честию служебныя свѣтила міра. Отъ душъ христіанскихъ должно быть далеко нечестивое суавѣріе и чудовищное заблужденіе. Немзѣримо отстоять отъ вѣчнаго временное, отъ бестѣлеснаго тѣлесное, отъ обладающаго подчиненное; хотя оно и имѣетъ удивительную красоту; но не имѣетъ божества, достойнаго поклоненія. Нужно чтить ту силу, ту мудрость, то величіе, которое изъ ничего сотворило вселенную, и

всемогушимъ разумомъ создало земную и небесную субстанцію въ той формѣ и мѣрѣ, въ какой хотѣло. Солнце, луна и звѣзды доставляютъ выгоду пользующимся ими, пріятны для тѣхъ, которые смотрятъ на нихъ, но за нихъ благодарность должна возпосытаться Творцу, и поклоняться нужно Богу, который сотворилъ ихъ, а не твари, которая служить¹⁾).

Смѣсь разныхъ представлений, составляющихъ манихейское исповѣданіе, еретики, отвергнувшіе преданіе церкви, основывали на авторитетѣ своего учителя Манеса: они представляли его воплощеніемъ обѣтованнаго Господомъ Параклита, имѣвшаго научить всему послѣдователей Христовыхъ. Св. Левъ это обольщеніе сектантовъ разоблачаетъ предъ слушателями въ проповѣди на день Пятидесятницы. По вызову праздника онъ разъясняетъ догматъ о Троицѣ, и въ частности о третьемъ лицѣ ея, и къ слову объ этомъ догматѣ припоминаетъ странное извращеніе его у манихеевъ. «Чтобы показать (говоритъ онъ о манихеяхъ), что они слѣдуютъ нѣкому великому и высокому виновнику, въ учителя своего Манесѣ они видѣли ивившагося Духа Святаго, и вѣрили, что обѣщанный Господомъ Параклитъ не прежде пришелъ; какъ родился этотъ обольститель несчастныхъ: въ немъ, по ихъ мнѣнію, такъ пребывалъ Духъ Божій, что Манесъ былъ не что иное, какъ самъ Духъ, который при посредствѣ тѣлеснаго голоса и языка наставлялъ своихъ учениковъ на всякую истину, и открылъ никогда непознанныя тайны прошедшихъ вѣковъ. Какъ все это ложно и зыбко, показывается самая сила евангельской проповѣди. Манесъ, служитель дьявольской лжи и основатель гнуснаго суетвѣрія, приобрѣлъ извѣстность, достойную осужденія, въ то время, когда послѣ воскресенія Господня прошло 260 лѣтъ, при консулахъ Пробѣ и Павлинѣ, когда свирѣпствовало уже восьмое гоненіе на христіанъ, и безчисленныя тысячи мучениковъ своими по-

¹⁾ Sermo XXI, In Nativ. Dom. II, c. 6, p. 198.

бѣдами показали исполнявшимся то, что обѣщала Господь, говоря: *егда предають вы, не печетесь, како и что возмалюете, дастъ бо вамъ въ той часъ, что возмалюете, не вы бо будете малолуции, но Духъ Отца вашего, малюай въ васъ* (Матѣ. 10, 19, 20). И такъ не могло быть столько вѣровъ безъ исполненія обѣтованіе Божіе, и тотъ Духъ истины, котораго не получилъ міръ нечестивыхъ, не могъ такъ удерживать сѣдиобразную широту своихъ даровъ, чтобы столько поколѣній церкви лишать своего вдохновенія, пока не родился чудовищный необрѣтатель столькихъ лжей...¹⁾, который, исполнявшись духа діавола, противился Духу Христову, и пустилъ въ ходъ такъ много странныхъ и безстыдныхъ басней и ложныхъ ученій.

Св. Левъ въ своихъ проповѣдяхъ о манихейхъ не довольствовался указаніемъ однихъ теоретическихъ уклоненій ихъ отъ истинности и чистоты вѣры. Онъ считалъ нужнымъ разоблачать и ихъ практическое нечестіе, ихъ нравственную слабость и несостоятельность. Нужда этого вытекала изъ того обстоятельства, что манихеи отличались благочестивою внѣшностію, которою сѣблзанили и располагали въ себѣ неосмысленныхъ. У нихъ были строгіе посты, являлись они въ траурныхъ одеждахъ, и имѣли видъ блѣдный, скромный и сокрушенный. Между тѣмъ у нихъ, какъ показали слѣдствіе, бывшее надъ ними до настоящаго св. Льва, и сдѣланныя на немъ признанія, втайнѣ допускаясь таянія нечестія, о которыхъ срамно и говорить, и эти нечестія прикрывались видомъ благочестія и приводились въ связь съ дѣятельными религіознаго служенія. Нашъ проповѣдникъ входитъ въ это обстоятельство и знакомитъ своихъ слушателей съ тайными признаніями представителей манихейства, чтобы слушатели не соблазнились приличною видностію, за которою можетъ скрываться самый гнусный порокъ.

¹⁾ Patr. С. с. Т. LXXVI, с. 6. 7. р. 408—10.

Славялись манихеи своими постами и воздержаніемъ: они не пили вина, соблюдали строгую разборчивость въ нищѣ, и постомъ ознаменовывали даже тѣ дни, въ которые церковь призвала христіанъ къ радости и веселію и дѣлала имъ разрѣшеніе на пользованіе благами земли, данными въ наслажденіе человѣку. Эти посты, по объясненію св. Лѣва, служили не къ славѣ и спасенію, а къ осужденію и гибели. Діаволъ, умѣвшій повредить роду человѣческому черезъ пищу, умѣетъ вредить ему и чрезъ самый постъ. Манихеи своими постомъ осуждаютъ природу тварей и оскорбляютъ Творца; потому что они воздерживаются отъ многого не потому, что хотятъ воздержаніемъ налагать узду на свою плоть и ея страсти и доставить большую свободу духу, а потому, что боятся осквернить себя тѣмъ; что по ихъ опредѣленію создавъ не Богъ, а діаволъ, между тѣмъ «совершенно нѣтъ никакой субстанціи злой, и даже природа самаго зла въ существѣ своемъ не злая. Ибо благой Творецъ все создавъ добрымъ, и одинъ виновникъ всѣхъ вещей, *сотворившій небо и землю, море и вся яже въ нитъ* (Псал. CXLV, 6). Все что позволено человѣку употреблять въ пищу и питіе, все свято и чисто въ качествѣ своего рода. Если что употребляется съ неумѣренною жадностію, то вредитъ лущимъ и нѣющимъ излишество, но не оскверняетъ, иль природа пищи и питія: *вся бо, по слову Апостола, мѣста чистыя* (Тит. I, 15)»¹⁾. Это одна причина, по которой воздержаніе манихеевъ является оскорбительнымъ для Бога и вреднымъ для нихъ самихъ; другая причина нечестивости манихейскихъ постовъ въ томъ, что они свое глупое воздержаніе превращаютъ свѣтиламъ небеснымъ, служа твари больше, чѣмъ Творцу (Рим. I, 25). «Они опредѣляли поститься въ честь солнца и луны въ воскресенье и понедѣльникъ, въ одноиъ извращенномъ дѣлѣ показывая себя вдвойнѣ нечестивыми, вдвойнѣ нечестивыми»

¹⁾ Sermo XLII. De Quadragesima IV, c. 4, p. 278—9.

ными, потому что ностъ свой устанавливаютъ для почитанія звѣздъ, и презираютъ день воскресенія Господня. Они удаляются отъ таинства нашего спасенія, и не вѣрятъ, что Христось Господь нашъ въ истинной плоти нашей природы дѣйствительно родился, дѣйствительно пострадалъ, дѣйствительно погребенъ былъ и дѣйствительно воскресъ, и поэтому день нашей радости они осуждаютъ скорбію своего поста» ¹⁾. Въ слову о постахъ манихейскихъ св. Левъ присоединяетъ указаніе на одно нечестіе, которое вытекаетъ изъ ихъ щепетильнаго, основаннаго на лжи, преступнаго воздержанія, и для православнаго благоговѣйнаго чувства показываетъ ужасное неприличіе ихъ святотатства. «Когда они (говоритъ св. Левъ), чтобы скрыть свое невѣріе, осмѣливаются участвовать въ нашихъ богослужебныхъ собраніяхъ, то причащаясь тайнамъ соблюдаютъ такое воздержаніе, что недостойными устами принимаютъ тѣло Христово, не желая обнаруживать себя, а отъ принятія крови нашего искупленія совершенно отказываются. Это для того мы дѣлаемъ извѣстнымъ вашей святости, чтобы по этимъ признакамъ вы узнавали такихъ людей, и чье святотатственное притворство будетъ замѣчено, тѣхъ бы властію священническою изгоняли изъ общества святыхъ» ²⁾.

Но этого мало, что святость манихейская—святость извращенная. Св. Левъ считаетъ нужнымъ показать всѣмъ, что въ ней, при видимой чистотѣ и внѣшней воздержанія, гнѣздятся сѣмена самыхъ гнусныхъ явленій. Совершенно безразличныя сами въ себѣ, эти явленія тѣмъ болѣе должны возбуждать противъ себя строгій судъ, что на нихъ нечестіе смотрѣло какъ на дѣло благочестія. Желая возбудить въ своихъ слушателей отвращеніе отъ манихейской ереси, св. Левъ выноситъ на священную каедру добытое на тайномъ слѣдствіи, производившемся надъ

¹⁾ Ibidem. с. 5, р. 279—280.

²⁾ Ibidem.

ними. «Долго рассказывать (говорит онъ) о всѣхъ ихъ нечестіяхъ и гнусныхъ дѣйствіяхъ; неостанетъ словъ для раскрытія множества ихъ преступленій. Изъ нихъ достаточно указать на немногое, чтобы изъ того, что вы услышите, вы могли судить о томъ, что мы изъ скромности опускаемъ. Изъ священныхъ обрядовъ ихъ, которые у нихъ столько же срамны, сколько недостойны и воспоминанія, мы не умолчимъ о томъ, что Богъ благоволилъ открыть нашему разслѣдованію, и пусть никто не думаетъ, что вы повѣрили въ этомъ случаѣ сомнительной молвъ и ненадежнымъ мнѣніемъ. Когда засѣдали со мною епископы и пресвитеры, и когда въ то же засѣданіе собрались почтенные христіане и знатныя лица, мы приказали привести избранниковъ и избранницъ (Electos et Electas) манихейскихъ. Сначала они многое рассказали касательно своего превратнаго догмата и обычая своихъ празднествъ, потомъ открыли и то злодѣяніе, о которомъ стыдно и упомянуть; это злодѣяніе было изслѣдовано съ такимъ тщаніемъ, что не осталось ни для кого ничего сомнительнаго. Ибо присутствовали при этомъ всѣ тѣ лица, чрезъ которыхъ совершено ужасное злодѣяніе, то есть, дѣвочка, имѣющая около десяти лѣтъ, двѣ женщины, которыя ее воспитывали и приготавливали къ этому злодѣянію. Былъ еще юноша, растлитель дѣвочки, и епископъ ихъ, распорядитель гнуснаго преступленія. Всѣ они дали одинаковое показаніе, и явно открылась мерзость, которую едва могъ выносить нашъ слухъ. Не желая оскорблять болѣе открыто рѣчью вашъ цѣломудренный слухъ, мы считаемъ достаточнымъ указать на это происшествіе: изъ этого указанія весьма ясно видно, что въ этой сѣктѣ нѣтъ никакого стыда, никакой благопристойности, никакой чистоты; въ ней закономъ служить можъ, религіею дьяволъ, священнодѣйствіемъ гнусное сладострастіе¹⁾».

¹⁾ Patr. C. c. T. LIV. Sermo XVI. In jejunio decimi mensis V, c. 4, p. 178—9.

Какииъ увѣщаніемъ сопровождается св. Левъ раскрытіе манихейскихъ нечестій и къ какииъ практическимъ средствамъ склоняетъ волю слушателей проповѣдникъ борющійся съ ересію? Какъ вездѣ у св. Льва, когда рѣчь заходитъ объ еретикахъ, такъ и здѣсь, первое увѣщаніе къ слушателямъ—не имѣть никакого общенія съ людьми, зараженными манихейскимъ заблужденіемъ, не входить съ ними въ бесѣду, не заводить съ ними знакомства, и вообще уклоняться отъ сношенія съ ними по какииъ бы то ни было интересамъ ¹⁾. Какъ видно, женщины больше увлекались виѣшними признаками святости, которыми окружали себя манихеи; потому къ нимъ проповѣдникъ обращаетъ нарочитое и особенно настойчивое наставленіе воздерживаться отъ знакомствъ съ еретиками, чтобы они не впали въ сѣти діавола, когда неосторожный слухъ ихъ увлечется какииъ либо баснословными разсказами, и при этомъ припоминаетъ, что къ женскому полу съ большею увѣренностію подступать лукавство врага, и что женскія уста соблазнили перваго мужа, и чрезъ женское легкомысліе лишились всѣ люди блаженства райскаго ²⁾. Проповѣдное слово, запрещающее православнымъ всякія сношенія съ манихеями, было дѣйствиельно той же заботы, которая заставляла св. Льва хлопотать объ изгнаніи манихеевъ изъ Италіи, и которая вызвала противъ нихъ строгій указъ Валентиніана, лишавшій ихъ гражданскихъ правъ и осуждавшій ихъ на изгнаніе. Гражданская власть, по его побужденію, удаляла ихъ изъ среды православнаго общества, а проповѣдникъ самое общество приглашалъ удалиться отъ нихъ: этимъ призывомъ ревностный пастырь надѣялся отнять силу обольщенія у скрытаго нечестія, ускользавшаго отъ кары закона.

Св. Левъ очень опасался тайнаго распространенія манихей-

¹⁾ Sermo XXXIV. In Epiphaniae solemnitate IV, с. 5, р. 249. Sermo XVI. In Ieiunio decimi mensis V, с. 5, р. 179.

²⁾ Sermo XVI, с. 5.

ской ереси, которая долгое время скрывалась въ тишинѣ и боялась открыто выступить съ своими убѣжденіями, но тѣмъ не менѣе приобрѣтала себѣ приверженцевъ. Узнавши о томъ, что въ Римѣ скрываются приверженцы ереси, св. Левъ для пользы вселенской церкви ¹⁾ считалъ необходимымъ открыть ихъ убѣжища, и употреблялъ всѣ средства въ тому, что дознать, кто сочувствуетъ ереси, и въ чемъ состоитъ служеніе еретиковъ, и когда усилія его сопровождались успѣхомъ, онъ благодарилъ милосердіе Божіе, помогшее ему въ служеніи церкви Божіей. При такихъ заботахъ, св. Левъ приглашаетъ любовь и благочестіе христіанъ, вѣранныхъ его архиепископскому попеченію, по мѣрѣ возможности содѣйствовать правительству въ уничтоженіи манихейскаго нечестія, и указывать ему на тѣхъ, которые держась втайнѣ манихейскаго нечестія, скрываются отъ его бдительности. Гдѣ бы такіе ни скрывались, св. Левъ совѣтуетъ своимъ слушателямъ «объявлять о нихъ своимъ пресвитерамъ. Ибо великое благочестіе (говорить онъ) открывать убѣжища нечестивыхъ, и въ нихъ наносить удары самому діаволу, которому они служатъ. Противъ нихъ, возлюбленные, съ оружіемъ вѣры нужно подняться всей вселенской церкви: но ваше благочестіе въ этомъ дѣлѣ должно проявиться по преимуществу, такъ какъ въ лицѣ предковъ своихъ вы услышали Евангеліе о крестѣ Христовомъ изъ устъ блаженнѣйшихъ апостоловъ Петра и Павла» ²⁾. Такая проповѣдь говорена была въ то время (444 г.), когда производилось разысканіе манихеевъ, по побужденію св. Льва, и когда этому дѣлу онъ посвящалъ всю энергію своей ревности. Увѣщаніе приложено къ слову о милостынѣ, говоренному по случаю особаго благотворительнаго учрежденія въ римской церкви, и прямой связи не имѣетъ съ предметомъ слова. Видно, что открытіе въ Римѣ ереси глубоко заняло

¹⁾ Sermo XXXIV, с. 5, р. 249.

²⁾ Sermo IX. De collectis IV, с. 4, р. 168. Patr. C. с. Т. LIV.

душу епископа; потому при всякомъ удобномъ случаѣ онъ высказываетъ о ней то, что лежало у него на сердцѣ и проситъ слушателей къ жертвѣ милосердія присоединить усердіе къ содѣйствію побѣдъ надъ ересію. Этотъ совѣтъ повторяется равностнымъ епископомъ и въ другой разъ ¹⁾, когда проповѣдникъ, послѣ увѣщаній, обращенныхъ къ слушателямъ, удалится отъ всякихъ сношеній съ этими вредоносными и достойными проклятій людьми, которыхъ значительное число являлось въ Римѣ въ слѣдствіе возмущеній и безнорядковъ въ другихъ странахъ, присовокуплять: «и о томъ съ мольбою увѣщаваю васъ, возлюбленные, чтобы вы вѣрно указали нашей заботливости, если кому изъ васъ извѣстно, гдѣ они живутъ, гдѣ учатъ, кого посѣщаютъ, и въ какомъ обществѣ часто бывають; потому что мало пользы, если кто, подъ покровомъ Духа Святаго, самъ не уловляется ими, но несколько не беспокоится, когда видать, что другихъ увлекають они. Противъ общихъ враговъ за общее спасеніе у всѣхъ должна быть одинаковая бдительность, чтобы отъ раны одного какого либо члена не заразились и не пострадали другіе члены,—и кто не думаетъ открывать таковыхъ, тѣмъ какъ бы не оказаться виновными въ молчаніи на судѣ Христовомъ, хоти бы они не осквернились сами согласіемъ съ еретиками».

Какъ видно изъ этого увѣщанія, св. Левъ не считалъ достаточнымъ для борьбы съ ересью одно средство нравственнаго убѣжденія, и проповѣдь его въ своей практической части принимаетъ чисто-юридическій оттѣнокъ. Но св. Левъ былъ правителемъ церкви первѣ всего, а потомъ уже проповѣдникомъ, и отсюда неизбѣженъ особенный колоритъ его проповѣди и особенное направленіе его совѣтовъ и наставленій.

Давая силу и значеніе внѣшнимъ средствамъ дѣйствія противъ еретиковъ, св. Левъ не забываетъ въ проповѣдяхъ и дру-

1) Sermo XVI. De Ieiunio decimi mensis V, p. 179.

*

гихъ нравственныхъ средствъ, какія можетъ въ этомъ случаѣ предложить любовь христіанская. Эти нравственныя средства, по мысли проповѣдника, отнюдь не въ томъ должны состоять, чтобы вступать въ словопренія съ еретиками, и стараться разубѣждать ихъ въ заблужденіи, показывая его несостоятельность: спорить о вѣрѣ не пристало члену церкви и споръ объ утвержденномъ церковію—оскорбленіе для вѣры; да это и не могъ совѣтовать епископъ возбранявшій православнымъ всякое общеніе съ зараженными манихейскимъ нечестіемъ. Св. Левъ приглашаетъ любовь христіанъ, по примѣру Апостола, оплакивая паденіе еретиковъ, молиться о спасеніи и обращеніи совратившихся (2 Кор. 11, 20. Рим. 12, 15), и выражаетъ надежду, что милосердіе Божіе съ любовію приметъ падшую душу, если она, по обращеніи, слезами и покаяніемъ загладитъ свое прежнее нечестіе и противленіе церкви ¹⁾.

Ревность о чистотѣ вѣры, вооружавшая св. Льва противъ ереси, побуждала его заботиться и объ искорененіи застарѣлыхъ суевѣрій, замѣчаемыхъ имъ у народа. Хотя бы съ этими суевѣріями не соединялось явное противленіе церкви, въ глазахъ св. Льва они были безчестіемъ и болѣзнью общества вѣрующаго во Христа, и если гдѣ замѣчалъ онъ признаки такой болѣзни, онъ являлся туда съ приличнымъ врачевствомъ. Такъ въ своей паствѣ замѣтилъ онъ нѣчто напоминающее языческое поклоненіе солнцу: въ Римѣ, въ видѣ ли остатка отъ древнихъ временъ или по подражанію манихеямъ, держались обычаи, которые корень свой имѣли въ религіозномъ почитаніи великаго свѣтила небснаго; они соблюдались и благочестивыми христіанами, даже соединялись съ выраженіемъ истиннаго благоговѣнія предъ Богомъ. Люди вѣрили во вліяніе звѣздъ небесныхъ, приписывали имъ то ²⁾,

¹⁾ Patr. C. c. T. LIV. Sermo XXIV, c. 5, p. 249.

²⁾ Patr. C. c. T. LIV. Sermo LXXXIV. In octavis apostolorum Petri et Pauli c. 2, p. 434. Sermo XXVII. In Nativ. Dom. VII, c. 3, p. 218.

что происходит от нашей или от божественной воли, и возсылали имъ моленія въ видахъ предотвращенія тѣхъ несчастій, какія могли угрожать ихъ жизни. Другіе неразумные, «при началѣ дневнаго свѣта восходили на возвышенныя мѣста и оттуда поклонялись восходящему солнцу. А иные христіане думаютъ, что они благочестиво поступаютъ, когда при входѣ въ церковь блаженнаго апостола Петра, посвященную единому живому и истинному Богу, прошедши всѣ ступени, ведущія изъ площади паперти, обращаются лицомъ къ восходящему солнцу и кланяются въ честь блистающаго свѣтила. Это дѣлается или по незнанію или по духу язычества, и мы не мало тужимъ и скорбимъ о семъ. Хотя иные чтутъ больше Творца прекраснаго свѣта, чѣмъ самъ свѣтъ, его твореніе, но нужно воздерживаться отъ самаго вида этого служенія. Если его встрѣтитъ у насъ оставившій служеніе богамъ, то не удержитъ ли при себѣ эту древнюю часть заблужденія какъ будто дозволенную, на которую онъ будетъ смотрѣть, какъ на общую христіанамъ и нечестивымъ?»¹⁾.

Другой разрядъ проповѣдей св. Льва служитъ выраженіемъ другаго интереса, имѣвшаго значеніе для патріотическаго сердца римскаго епископа. Въ тѣхъ проповѣдяхъ, содержаніе которыхъ мы показывали, св. Левъ ратуетъ о цѣлости и чистотѣ вѣры и единствѣ церкви; здѣсь онъ выступаетъ защитникомъ преимуществъ своей каѳедры, которымъ онъ даетъ значеніе въ экономіи церковнаго порядка и дисциплины. Разрядъ словъ, сюда относящихся, не великъ: всего семь словъ. Не сложно и не многозначительно ихъ содержаніе; но они приобрѣтаютъ значеніе въ исторіи проповѣди по стремленію, лежащему въ основаніи ихъ содержанія, — стремленію поддержать и возвысить авторитетъ римской каѳедры. Стремленіе это не имѣетъ такихъ размѣровъ, какіе приняло позднѣйшее панство: въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека

¹⁾ Sermo XXVII, c. 4, p. 248—9.

на свѣтскую власть, какую присвоили себѣ позднѣйшіе преемники св. Льва, нѣтъ и мысли о той непогрѣшимости, какую окружало авторитетъ римскаго епископа человѣческое работѣство. Но защитники папской власти въ ея настоящемъ видѣ съ удовольствіемъ выставляютъ патріотически-церковную рѣчь знаменитаго въ исторіи представителя римской каведры и дополняютъ смыслъ ея своими выводами. Съ цитатами изъ проповѣдей св. Льва мы встрѣтились въ «*Первой догматической конституціи о церкви Христовой*», представленной на разсмотрѣніе послѣдняго римскаго или ватиканскаго собора, 10 мая 1870 года ¹⁾. Эта консти-

¹⁾ «Догматическая конституція о церкви Христовой» состоитъ изъ введенія, 4 главъ, (1., объ установленіи апостольскаго иервенства во святомъ Петрѣ, 2) о непрерывности первенства Петрова въ римскихъ первосвященникахъ, 3) о слѣдѣ и разумѣ первенства римскаго первосвященника, 4) о непогрѣшимости римскаго первосвященника) и 3 канонѣвъ. Св. Левъ цитуется въ введеніи и во второй главѣ. Введеніе читается такъ: «Вѣчный сопастырь и еписколъ душъ нашихъ, дабы спасительное дѣло нашего искупленія пройти вѣчно, до скончанія вѣковъ, постановилъ создать святую церковь, въ которой проживая какъ въ дому Божіемъ (1 Тим. 14, 16), всѣ вѣрующіе должны быть связаны единою вѣрою и единою любовью. Потому Онъ предъ прославленіемъ молился Отцу, да всѣ вѣрующіе въ Него *едино будутъ, якоже Сынъ и Отецъ едино суть* (Іоан. 17, 1—21). Итакъ премудрый Строитель (1 Кор. 3, 10), дабы это единство вѣры и общенія въ своей державѣ сохранить прочно, установилъ во святомъ Петрѣ апостолѣ постоянное начало и видимое основаніе обонхъ единствъ, *на твердыняхъ коего долженъ былъ создаться вѣчный храмъ и въ этой непоколебимости вѣры высота церкви достигнуть небесъ* (S. Leo M. Sermo IV, с. 2. in diem Natalis sui)».

«Но что относительно св. Петра (говорится во 2-й главѣ) установилъ Пастыреначальникъ и верховный Пастырь овецъ Христосъ Іисусъ (1 Петр. 5, 4. Евр. 13, 20) для непрерывнаго благоденствія и вѣчнаго блага церкви, то должно необходимо продолжаться, по Его же указанію, въ церкви, которая, основанная на камени, простоятъ неизбежно до скончанія вѣковъ. Ибо нѣтъ никакого сомнѣнія и извѣстно во всѣ вѣка, что святой и блаженнѣйшій Петръ, князь и глава апостоловъ, столпъ вѣры и основаніе католической церкви, который отъ Господа нашего Іисуса Христа, Спасителя и Искупителя рода человѣческаго, получилъ ключи царствія, до сего времени и вѣчно живетъ и предсѣдаетъ и творить судъ въ своихъ преемникахъ, епископахъ святаго римскаго престола,

туція утверждаетъ: 1) апостольское *первенство* римской каедры, установленное будто премудрымъ Строителемъ церкви въ лицѣ апостола Петра, и непрерывно сохраняющееся въ его преемникахъ и 2) *непогрѣшимость* этихъ преемниковъ Петра въ дѣлахъ вѣры. При раскрытіи этого ученія, какъ его объясненіе, приводятся два мѣста изъ проповѣднаго слова св. Льва: къ авторитету этого отца обратились составители «*Догматической конституціи о церкви Христовой*» потому, что считаютъ его наиболѣе виднымъ защитникомъ ученія, ставшаго въ Римѣ догматомъ. Это обстоятельство усиливаетъ интересъ, какой имѣютъ проповѣди св. Льва о чести и значеніи своей каедры.

Главный изъ словъ, направленныхъ къ возвеличенію каедры

изъ основаннаго и освященнаго его кровію; такимъ образомъ вслѣдствіи преемникъ, наследующій святому Петру на сей каедрѣ, получаетъ, по установленію самого Христа, первенство Петра надъ всеобщей церковію. *Итакъ пребываетъ устройство истины, и святой Петръ, удерживаясь вѣчно въ полученной имъ твердости камня, не оставилъ принятаю имъ кормила церкви*» (S. Leo M. Ser. III, с. 3.

Первенство римской каедры, утверждаемое въ *Догматической конституціи*, не есть первенство чести, но главенство власти. Каноны, приложенные къ конститудіи, гласятъ: «Канонъ 1. Если кто скажетъ, что св. апостолъ Петръ не поставленъ Господомъ Христомъ въ князя всѣхъ апостоловъ и въ видимаго главу всей конвистующей церкви, или что онъ получилъ только почетное первенство, но не первенство настоящей и собственной юрисдикціи прямо и непосредственно отъ того же Господа нашего Иисуса Христа, тотъ да будетъ анагема. Канонъ 2. Если кто скажетъ, что не собственно Господомъ Христомъ установлено, чтобы святой Петръ имѣлъ навсегда преемниковъ въ первенствѣ надъ всеобщей церковію, или что римскій первосвященникъ не есть по божественному праву преемникъ Петра въ томъ первенствѣ, тотъ да будетъ анагема. Канонъ 3. Если кто скажетъ, что римскій первосвященникъ имѣетъ только право надзора или руководства, но не полную и верховную власть юрисдикціи надъ всею церковію не только въ дѣлахъ вѣры и нравственности, но также и относительно дисциплины и управленія церковію, распространяемою по всему земному шару, или что эта власть его не есть правильная и непосредственная надъ всѣми и надъ каждой отдѣльною церковію, или надъ всѣми и каждымъ изъ епархій и вѣрующихъ, тотъ да будетъ анагема». Моск. Вѣд. 1870 г. № 108.

римскаго епископа, сказаны въ годовой день посвященія св. Льва во епископы (de Natali S. Leonis). Такихъ словъ пять или собственно четыре ¹⁾ (первое изъ нихъ сказано при самомъ посвященіи св. Льва, и въ немъ кратко выражено то чувство смиренія и благодарной преданности Богу, съ какимъ онъ вступалъ на епископскую кафедру, и нѣтъ упоминанія о преимуществахъ этой кафедры, какое составляетъ главное содержаніе другихъ проповѣдей, сказанныхъ in anniversario ordinationis suae). Въ знаменитѣйшихъ изъ древнихъ церквей годовой день посвященія ихъ епископа воспоминали и торжествовали какъ церковный праздникъ. На этотъ праздникъ стекалось много христіанъ въ церковь, и приглашались, а чаще сами собирались, сосѣдніе епископы, чтобы братскою любовію почтить служеніе собрата. Св. Левъ при этомъ случаѣ дѣлился словомъ любви съ своими братьями по вѣрѣ и служенію, и въ этомъ словѣ старался выставить авторитетъ и значеніе той кафедры, предстоятеля которой они чтили своимъ присутствіемъ на его праздникѣ. Другія два слова ²⁾ сказаны на праздники апостоловъ Петра и Павла. Оба эти апостола въ Римѣ приняли мученическую кончину, и одного изъ нихъ, именно апостола Петра, преданіе считаетъ первымъ епископомъ римскимъ. Память позднѣйшихъ потомковъ первенствующихъ христіанъ Рима считала ихъ поэтому украшеніемъ своей церкви, и видѣла въ нихъ близкихъ покровителей и защитниковъ предъ Богомъ въ небесномъ царствѣ, и потому дни кончины ихъ были для Рима днями самыхъ большихъ праздниковъ, и благодарному чувству ихъ почитателей естественно было въ эти дни воздавать имъ все подобающее величіе чести, какимъ окружены ихъ имена въ благоговѣйномъ воспоминаніи христіанъ. Иногда встрѣчаются отрывки, клонящіеся къ возвеличенію римской кафедры и въ дру-

¹⁾ Patr. C. c. T LIV. Sermo II—V.

²⁾ Patr. C. c. LIV. Sermo LXXXII, LXXXIII.

гихъ словахъ, когда св. Левъ говоритъ о вѣрѣ церкви и значеніи апостола Петра, какъ напримѣръ въ словѣ на страсти Господни, при изложеніи вѣры въ воплощеніе по символу апостольскому, и при указаніи исповѣданія Иисуса Христа Сыномъ Божиимъ, выраженнаго апостоломъ Петромъ ¹⁾.

Въ собраніи проповѣдей св. Льва Великаго не неожиданность представляютъ слова, проникнутыя подобнымъ стремленіемъ. Въ его жизни и дѣятельности очень замѣтно заявляетъ себя ревность о чести своей катедры. Проповѣдь въ настоящемъ случаѣ служитъ отголоскомъ глубокихъ желаній, не опредѣлявшихся случайными вызовами. Заявленіе ихъ съ церковной катедры, и заявленіе неоднократное, свидѣтельствуетъ о ихъ силѣ, и показываетъ, что представитель Рима не опускалъ представлявшагося ему случая къ напоминанію о высокомъ значеніи своей церкви.

Дѣлая характеристику великаго святителя римскаго, мы упомянули о его заботѣ къ поддержанію авторитета своей катедры, какъ бы одной изъ существенныхъ чертъ въ его историческомъ лицѣ, и старались указать причины, подъ вліяніемъ которыхъ окрѣпла и рельефно опредѣлилась эта сторона его дѣятельности. Но нашему представленію не личная страсть къ владычеству и не предосудительная заносчивость лежали у него въ основаніи ревниваго охраненія преимуществъ римской катедры. Въ немъ, въ его энергической и крѣпкой душѣ, исторія нашла сильнаго выразителя общей народной воли, сказавшейся еще въ древнемъ Римѣ, и не смотря на политическія бури и превращенія не умиравшей въ потомкахъ властителей міра, пока время еще не дало заглухнуть старымъ воспоминаніямъ. Съ одной стороны духъ и преданія города, бывшаго столицей міра, съ другой великія воспоминанія римской церкви, поддержанныя уваженіемъ вселенской церкви, горячей патріотической душѣ невольно предъявляли

¹⁾ Sermo LXII. De Passione Domini XI, c. 2, p. 850.

тему для слова и заповѣдь для дѣла. Исторія, имѣющая предъ глазами властолюбивые замыслы позднѣйшихъ преемниковъ св. Льва, съ подозрѣніемъ смотритъ на заботу великаго мужа о поддержаніи и возвышеніи авторитета своей катедры и видитъ въ его дѣлахъ и заявленіяхъ первые шаги позднѣйшаго папства. Мы не можемъ отрицать того, что въ словѣ св. Льва слышнѣе, чѣмъ прежде, заявлены сила и авторитетъ Рима: человекъ, выдающійся изъ ряда своихъ предшественниковъ большею энергичностію своей воли и большею даровитостію своей духовной природы, въ силу одного этого долженъ былъ выпуклѣе другихъ выразить начало, жившее въ сердцѣ Рима и заправлявшее умами его жителей.

Въ проповѣдяхъ св. Льва Великаго чествованіе, каковъ онъ воздастъ своей катедрѣ, составляетъ самый щеголивый пунктъ для православнаго изслѣдованія. Здѣсь, въ церковномъ словѣ, представитель Рима практическому стремленію, громко заявленному въ исторіи, долженъ былъ указать основаніе и начертить предѣлы, и тутъ мы встрѣчаемся съ представленіями, которые не согласуются съ разумомъ нашихъ обще-церковныхъ установленій. Св. Левъ не представляетъ строго-опредѣленной системы церковнаго управленія, въ которой бы все было начертано съ совершенною точностію, не допускающею разныхъ толкованій. Главное понятіе, около котораго вращается его мысль,—первенство римской катедры. Но это первенство въ его словѣ является удобораствяжимымъ понятіемъ, и мы слышали бы его или допустили бы неточность въ передачѣ мысли св. Льва Великаго, еслибы ограничили его исключительно предѣлами чести, а не юрисдикціи. Многое въ проповѣдяхъ, сказанныхъ въ честь римской церкви и историческихъ лицъ, ей послужившихъ, «говорится по движенію патріотическаго чувства и не должно бы служить строгимъ опредѣленіемъ вещи. Патріотическое чувство съ любовію выставляетъ на видъ все, что можетъ послужить къ воз-

вышнему дорогого для него, близкаго предмета. Но у такого положительнаго человѣка, какииъ былъ св. Левъ, патриотическое слово не было фразою, и корень свой имѣло не въ мгновенной вспышкѣ чувства, а въ спокойной мысли и въ постоянномъ убѣжденіи. Въ потомкѣ древнихъ мироправителей сильно было требованіе единства церкви, и для болѣе видимаго выраженія этого единства онъ могъ желать дисциплинарныхъ учрежденій, не однимъ союзомъ любви связующихъ между собою исповѣдующихъ вѣру Христову. Но желанія этого рода, свойственныя духу римскаго гражданина и знакомыя ему по политическимъ воспоминаніямъ, въ благочестивомъ сердцѣ уступали голосу всей церкви, въ соборахъ видѣвшей высшее выраженіе своего единства, и не великъ посягательству на независимость главныхъ престоловъ, окруженныхъ во вселенской церкви честию, равною чести римской катедры.

У св. Льва выставляются два начала, на которыхъ онъ утверждаетъ славу своей церкви и преимущества своей катедры. Одно совершенно не догматическаго свойства: оно уназывается во внѣшнемъ политическомъ значеніи города. Оцѣнивая положеніе вещей, созданное исторіею, и стоя на почвѣ города, богатаго преданіями, проповѣдникъ оживлялъ предъ своими слушателями воспоминанія о дохристіанскихъ временахъ и представлялъ имъ судьбы Промысла Божія, возвысившаго римское царство и сдѣлавшаго его всемірною имперіею. Съ чувствомъ покорности Провидѣнію, непостижимому въ своихъ судьбахъ, но въ тоже время съ самосознаніемъ потомка всесвѣтныхъ обладателей, онъ говоритъ о великомъ значеніи древней имперіи, соединившей въ себѣ всѣ царства, и своими предѣлами досягавшей до послѣднихъ предѣловъ извѣстнаго тогда свѣта. Городъ, чрезъ свое правительство господствовавшій надъ всѣмъ свѣтомъ и сплотившій свою властію въ едино почти всѣ народы, не зналъ виновника своего величія и думалъ служить заблужденіямъ всѣхъ націй. Между тѣмъ

дѣло устроено было свыше, чтобы при соединеніи народовъ въ одно царство, скорѣе распространялась по всѣмъ народамъ проповѣдь евангельская, и безпрепятственнѣе разлилось по всему міру дѣйствіе благодати Христовой ¹⁾).

Римъ, столица древняго міра, вѣшнимъ могуществомъ послужившій дѣлу царства Божія и приготовившій пути для его распространенія, долженъ былъ и во внутренней жизни христіанства быть однимъ изъ главныхъ и средоточныхъ его пунктовъ. Избранный Провидѣніемъ въ столицу міра политическаго, онъ чрезъ то приобрѣталъ особенное значеніе и въ мірѣ христіанскомъ. Потому, «когда двѣнадцать апостоловъ, получивши отъ Святаго Духа даръ языковъ, раздѣливши собѣ страны земныя, предприняли распространеніе Евангелія по всему міру, блаженнѣйшій Петръ, первый въ ряду апостоловъ (*princeps apostolici ordinis*), назначается въ главное мѣсто римской имперіи, чтобы свѣтъ истины, открытый во спасеніе всѣмъ языкамъ, сильнѣе излился отъ самой главы по всему тѣлу міра. Какой націи людей не было тогда въ этомъ городѣ! Или какіе народы не знали тогда, что усвоилъ Римъ! Здѣсь, гдѣ усердное суевѣріе собрало смѣсь разныхъ заблужденій, нужно было поправить мнѣнія философіи, здѣсь нужно было показать пустоту земной мудрости, здѣсь нужно было уничтожить служеніе дэмонамъ, здѣсь нужно было разрушить нечестіе всѣхъ языческихъ священнодѣйствій» ²⁾).

Въ этомъ указаніи значенія Рима мы не видимъ еще преувеличенія св. Льва: св. Левъ стоитъ въ предѣлахъ своего права, когда говоритъ о политической важности своего города, и косвенно отсюда склоняетъ мысль слушателей къ признанію его іерархическаго значенія. Подобное значеніе признавали за нимъ и отцы соборовъ, когда они ради царствующаго города отдавали

¹⁾ Patr. C. c. T. LIV. Sermo LXXXII, c. 1. 2, p. 422—3.

²⁾ Patr. C. c. T. LIV. Sermo LXXXII, c. 3, p. 424.

первую честь его епископу. По естественному порядку вещей, съ умственнымъ и политическимъ вліяніемъ города болѣе или менѣе соразмѣряется и его вліяніе церковное, и въ важномъ политическомъ центрѣ не можетъ быть безъ вѣса и преимущественной чести и представительство іерархическое. Въ силу этого и константинопольская кафедра тотчасъ же начала возвышаться въ своемъ значеніи, когда Константинополь, подобно Риму, сдѣлался столицей имперіи и мѣстопробываніемъ императора и сената.

Св. Левъ впрочемъ самъ не придавалъ этому началу такого значенія, какое имѣеть у него другое основаніе къ возвеличенію кафедры, развиваемое въ его проповѣдяхъ. Это другое основаніе— авторитетъ апостола Петра и его значеніе въ ряду апостоловъ, по закону наслѣдія переходящее къ римскимъ епископамъ, какъ его преемникамъ. На мысли объ этомъ предметѣ съ настойчивостію сосредоточиваетъ вниманіе своихъ слушателей нашъ проповѣдникъ, и ее повторяетъ въ болѣе или менѣе сильныхъ выраженіяхъ во всѣхъ словахъ, говоренныхъ въ годовую день его посвященія и въ нѣкоторыхъ другихъ.

День свой, годовую день своего посвященія во епископа, св. Левъ считаетъ и представляетъ днемъ апостола Петра ¹⁾. Римская церковь въ лицѣ своихъ членовъ и сосѣднихъ епископовъ и священниковъ вспоминала и торжествовала этотъ день какъ праздникъ. Св. Левъ въ чувствѣ смиренія не къ себѣ относитъ ту честь, какую оказывали ему при этомъ братья и сослужители его, вмѣстѣ съ его паствою, но къ своей кафедрѣ. А съ именемъ римской кафедры у него неразрывно соединяется имя апостола Петра, какъ перваго епископа, освятившаго и возвысившаго ее своимъ служеніемъ. Себя св. Левъ представляетъ преемникомъ Апостола,—преемникомъ не по мѣсту только служенія, но и по тѣмъ полномочіямъ, какими былъ облеченъ Апостолъ ²⁾. Это пре-

¹⁾ Sermo IV de Natali ipsius. c. 2, p. 148.

²⁾ Sermo III, c. 4, p. 147.

емство самое живое и непосредственное. Епископъ-Апостолъ, по представлению св. Льва, не оставляетъ своей катедры и по смерти ¹⁾: духъ его живетъ въ его преемникахъ, и та твердость, которую онъ получилъ отъ камня Христа, самъ едѣлавшись камнемъ, перешла къ его преемникамъ, и всюду, гдѣ они показываютъ какую либо твердость, всюду безъ сомнѣнія является сила пастыря — Апостола. Въ силу такой связи своего служенія съ служеніемъ апостола Петра, всякій разъ, какъ св. Левъ выходитъ съ словомъ въ день своего праздника, отъ своего смиренія мысль свою и мысль своихъ слушателей онъ обращаетъ къ славѣ блаженнѣйшаго Апостола и этотъ день проситъ посвятить прославленію того, «который отъ самаго Источника всѣхъ даровъ напоенъ такими обильными водами благодати, что безъ его участія, послѣ того какъ онъ одинъ получилъ много, ни къ кому ничто не можетъ перейти» ²⁾. «Не далеко, я вѣрю (говоритъ онъ во второмъ ³⁾ словѣ), отъ этого собранія святое вниманіе и вѣрная любовь блаженнѣйшаго апостола Петра, и вашего благочестія не оставляетъ, тотъ, достоюлжное почитаніе котораго собрало васъ сюда. Онъ и самъ радуется вашей любви, и въ участникахъ своей чести съ благоволеніемъ видитъ соблюденіе установленія Господня, одобряя ту утвержденную преданіемъ любовь всей церкви, которая на престолѣ Петра чтитъ Петра, и отъ любви къ такому пастырю не хладѣетъ и въ отношеніи къ лицу столь неравнаго ему наследника». «Справедливо (говоритъ онъ въ другомъ ⁴⁾ словѣ) такъ торжествуется нынѣшній праздникъ, что въ лицѣ смиренія моего онъ (Петръ) разумѣется, онъ чтится, онъ, на которомъ утверждается забота всѣхъ пастырей объ охраненіи ввѣренныхъ имъ овецъ, и чье достоинство не умаляется и въ не-

1) Sermo III, c. 3, p. 146. Sermo V, c. 4, p. 153.

2) Sermo IV, c. 2, p. 149.

3) Sermo II, c. 2, p. 143—4.

4) Sermo III, c. 4, p. 147.

достоинствѣмъ наследникѣмъ. Отъ этого такъ пріятное для меня и дорогое присутствіе здѣсь достопочтенныхъ братьевъ и сосвященниковъ моихъ тѣмъ священнѣе и богоугоднѣе, что честь того служенія, котораго мы удостоились, главнымъ образомъ относятся къ тому, который, какъ мы знаемъ, былъ не только первосвященникомъ этой кафедрѣ, но и первымъ изъ всѣхъ епископовъ. Итакъ когда мы предлагаемъ вниманію вашей святости свои увѣщанія, вѣрьте, что онъ самъ говоритъ вамъ, онъ, на мѣстѣ котораго мы исполняемъ свое служеніе; потому что по его возбужденію увѣщаемъ васъ и проповѣдуемъ вамъ не иное, какъ то, чему онъ училъ».

Что же указываетъ св. Левъ въ авторитетѣ апостола Петра такого, что служить къ возвышенію римской кафедрѣ? Въ проповѣдяхъ св. Льва, проникнутыхъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ одному изъ первоверховныхъ апостоловъ, такъ изображаются его заслуги, достоинство и значеніе, что онъ становится во главѣ и лика апостольскаго и всѣхъ служителей церкви Христовой. Панегиривать въ отношеніи къ людямъ, прославившимъ церковь и знаменитымъ своими заслугами,—обычное явленіе въ церковной проповѣди, и благоговѣйному чувству пастыря весьма естественно было величать пышными титулами дѣятеля, близкаго по мѣсту служенія и служащаго украшеніемъ этого мѣста,—весьма естественно выставлять тѣ доблести, какими онъ великъ и славенъ въ церкви Божіей. Похвала въ этомъ случаѣ обычный долгъ, какой отъ позднѣйшаго потомка приносится великому служителю прежнихъ временъ. И людямъ меньшаго значенія въ царствѣ Божіемъ благоговѣйная любовь христіанъ воздавала дань хвалы, ораторскимъ словомъ со всѣмъ блескомъ украшая ихъ почтеннымъ ликомъ. Но здѣсь похвала великому дѣятелю не возвращается вся къ его личности, а связывается съ учрежденіемъ, котораго онъ служить первымъ представителемъ, и вызывается именно существованіемъ этого учрежденія, для уясненія его значенія.

Вотъ подробности, въ какихъ представляется у св. Льва преимущественное достоинство апостола Петра, въ сравненіи съ другими апостолами и служителями цѣркви.

Прежде всего уже одними названіями убожаемаго Апостола нашъ проповѣдникъ хочетъ показать особенное его значеніе въ цѣркви. Онъ называетъ его *главою апостольскаго чина* (princeps apostolici ordinis) ¹⁾, *княземъ апостоловъ* или *главнымъ изъ апостоловъ* (princeps apostolorum) ²⁾. Такія полновѣсныя выраженія, приложенныя къ имени апостола Петра, взятая сами въ себѣ, могутъ означать только первенство чести, принадлежащее одному изъ избраннѣйшихъ учениковъ Господа Иисуса Христа, пожалуй, первенство нравственнаго авторитета. Въ этомъ смыслѣ и величаетъ Апостола нашъ проповѣдникъ: совершенно въ параллельныхъ мѣстахъ главный въ апостольскомъ чинѣ (princeps apostolici ordinis) называется *первымъ въ апостольскомъ чинѣ* (apostolici ordinis primus) ³⁾, *первымъ въ апостольскомъ достоинствѣ* (primus in apostolica dignitate) ⁴⁾. То и другое названіе усвоается Петру св. Львомъ, когда онъ свидѣтельствуетъ, что по причинѣ важности города Рима просвѣщать его вѣрою во Христа назначено было первому изъ апостоловъ, и когда говорить о его исповѣданіи Христа Сыномъ Божиимъ, выраженномъ отъ лица апостоловъ. Въ томъ и другомъ случаѣ смыслъ титула можетъ не переходить за предѣлы теоретическаго признанія отличій чести за лицомъ, выдающимся изъ круга равныхъ. Точно также можетъ быть толкуемо встрѣчающееся въ проповѣдяхъ св. Льва величаніе апостола Петра *первымъ изъ всѣхъ епископовъ* ⁵⁾ (primus omnium episcoporum). Но практическая мысль св. Льва не довольствуется

¹⁾ Sermo LXXXII, с. 3, р. 424.

²⁾ Sermo V, с. 4, р. 135.

³⁾ Sermo LXXXIII, с. 1, р. 429.

⁴⁾ Sermo IV, с. 2, р. 130.

⁵⁾ Sermo III, с. 4, р. 147.

однимъ признаніемъ теоретической чести: это признаніе она стрѣнитса провести въ практическую область и предлагать къ дѣлу. Подъ вліяніемъ такого стремленія къ понятію первой чести присоединяется право и обязанность руководить другихъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ быть вождемъ ихъ, и отличный между другими честію чрезъ то самое, въ представленіи римскаго епископа, является уполномоченнымъ руководителемъ ихъ. Мы не будемъ опредѣлять здѣсь, въ какомъ объемѣ и степени принимаетъ это руководство нашъ проповѣдникъ, говорящій о немъ въ общихъ выраженіяхъ. Читатель самъ увидитъ мысль св. Лѣва, когда мы напомнимъ ему, что нашъ проповѣдникъ своего предшественника по кафедрѣ и покровителя римской церкви называетъ *приготовленнымъ къ управленію всею церковію* ¹⁾ (ad regimen totius Ecclesiae praeparatus), *начальнымъ представителемъ всей церкви* ²⁾ (princeps totius Ecclesiae). Последнимъ именемъ величаетъ св. Левъ вождя своего Петра, приглашая слушателей воздать «хвалу вѣчному Царю Искупителю нашему Господу Иисусу Христу за дарованіе *такого могущества* тому, кого Онъ сдѣлалъ *главнымъ во всей церкви*, что если и въ наши времена что дѣлается чрезъ насъ хорошаго..., это нужно относить къ трудамъ и управленію того, кому сказано: *и ты обращаешься утверди братію твою*». Выраженіе слишкомъ соблазнительно для защитниковъ папской власти, опирающихъ авторитетъ римскаго епископа на авторитетъ апостола Петра. Еслибы мы сказали, что по смыслу проповѣдника апостоль Петръ первенецъ всей церкви, знатнѣйшій представитель ея, въ силу этого значенія первый покровитель и служитель, мы не передали бы всей силы выраженія, нами приведеннаго, отзывавшагося не одною панегирическою гиперболою. Здѣсь именно завлѣются тѣ сочувствія и желанія, какія питалъ

1) Sermo LXII. De Passione Dom. XI, c. 2, p. 340. P. C. c. T. LIV.

2) Sermo IV, c. 4, p. 152.

римскій патриотъ по отношенію къ значенію и вліянію своего города, своей церкви и ея представителя Апостола, и какія мы напрасно стали бы отрицать во Львѣ Великомъ.

Величая апостола Петра многозначительными названіями въ проповѣдяхъ, клонящихся къ поддержанію и возвышенію авторитета римской катедры, св. Левъ въ оправданіе этихъ названій выставляетъ на видъ такіе факты изъ его жизни, изъ которыхъ видна особенная сила и дѣятельность его, часто ставившая его на верху апостольскаго лина, и съ другой стороны особенное вниманіе къ нему нашего Господа. Такъ всѣхъ апостоловъ Господь спрашиваетъ, что думаютъ о немъ люди, и за всѣхъ отвѣчаетъ апостолъ Петръ: *Ты Христосъ Сынъ Бога живаго*, и отъ Господа Иисуса получаетъ похвалу за это исповѣданіе и особенное обѣтованіе: *блаженъ еси Симоне Варъ Иона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отець Мой, иже на небесѣхъ. И азъ же тебѣ глаголю: яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царствія небснаго, и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Матѣ. 16, 16—19). Другой разъ предъ своимъ страданіемъ, имѣвшимъ смутить совѣсть учениковъ, Господь думаетъ объ общей опасности, угрожающей всѣмъ апостоламъ, но обращеніе дѣлаетъ одному Петру, объ немъ заботится, объ его вѣрѣ молится: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ вась, дабы съялъ, яко пшеницу. Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя: и ты нѣкогда обращаеша утверди братію твою* (Лук. 22, 31—32). Такая особенная заботливость у Господа о Петрѣ и особенная молитва о его вѣрѣ (замѣчаетъ св. Левъ) происходитъ отъ того, что состояніе всѣхъ будетъ надежнѣе, если не будетъ побѣжденъ умъ главы (principis). Въ Петрѣ ограждается твердость всѣхъ, и помощь божественной благодати такъ направляется, что твердость, сообщаемая Христомъ

Петру, чрезъ Петра передается апостоламъ¹⁾. Увлекся проповѣдникъ въ выраженіи благоговѣнія къ блаженному Апостолу, подъ вліяніемъ желаній, господствовавшихъ въ Римѣ, и въ своемъ толкованіи словъ Спасителя, выражающихъ особенную заботливость о Петрѣ, вноситъ въ текстъ мысль, уклоняющуюся отъ контекста. Спаситель скорбитъ о Петрѣ не потому, что имѣеть въ виду его главенство въ апостольскомъ чинѣ, а потому, что видитъ въ близкомъ будущемъ его паденіе и отреченіе. Потому лишь только Петръ самоувѣренно высказалъ свою неустрашимость и готовность на всѣ пожертванія ради Господа, Спаситель сказалъ ему: *глаголю ти Петре, не возласитъ плоть днесь, дондеже трикратно отвержешия Мене не вѣдѣти* (Лук. 22, 34). Такое объясненіе, вполне вытекающее изъ контекста, давали приведеннымъ словамъ и отцы, когда старались раскрывать смыслъ евангельскихъ сказаній во всей его чистотѣ, безъ прихвѣси стороннихъ соображеній. Обращаетъ вниманіе проповѣдникъ на троекратное порученіе апостолу Петру, высказанное Спасителемъ послѣ воскресенія: *паци овцы Моя* (Іоан. 21, 15—17)²⁾. Но это порученіе опять имѣеть отношеніе къ отреченію Петра; вопросомъ: *любиши ли Мя?* предшествующимъ этому порученію, вопросомъ, троекратно повтореннымъ, Господь какъ бы звалъ его къ очищенію отъ троекратнаго отреченія и тѣмъ возстановлялъ его въ апостольскомъ достоинствѣ. Не даромъ скорбѣлъ Петръ, когда слышалъ отъ своего Учителя и Господа неоднократно повтореніе вопроса и послѣ того, какъ имъ данъ былъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. Притомъ полный и точный смыслъ евангельскаго ученія долженъ извлекаться не изъ того или другаго евангельскаго мѣста, отрывочно взятаго, а изъ внимательнаго соображенія всей совокупности Евангелія и всѣхъ

¹⁾ Sermo IV in Natali S. Leonis. c. 2. 3. p. 150—2.

²⁾ Sermo IV, c. 4. p. 153.

параллельныхъ текстовъ, въ немъ заключающихся. Подобное соображеніе ослабляетъ силу того полномочія, какое по вызову частныхъ обстоятельствъ, Господь обращалъ къ одному апостолу Петру. Въ большинствѣ случаевъ Господь Іисусъ Христосъ не одному Петру, а всѣмъ Апостоламъ безъ различія давалъ порученіе касательно пастырскаго управленія церковію, равно какъ и власть вязать и рѣшить, и тѣмъ облакалъ ихъ одинаковыми полномочіями касательно совершенія дѣла служенія церковнаго (Матѣ. 18, 18. Іоан. 20, 21—28. Лук. 24, 49. Марк. 16, 15. Матѣ. 28, 18—20).

Всѣ подобные факты изъ жизни апостола Петра, представленныя въ евангельскомъ разсказѣ и повторенныя въ проповѣдяхъ св. Льва, сами по себѣ не могутъ вызывать недоумѣній въ читателѣ. Они получаютъ особенный смыслъ и могутъ возбуждать споры, когда предзанятая мысль приводитъ ихъ въ связь съ устройствомъ церкви, и когда изъ нихъ извлекаются и на нихъ опираются каноническіе выводы. Въ словахъ объ апостолѣ Петрѣ, по вызову текста Евангелія, нашъ проповѣдникъ говоритъ объ основаніи церкви, которой не одолѣютъ и врата адовы, и съ этимъ основаніемъ у него связывается имя великаго Апостола. Текстъ Евангелія основаніе, на которомъ божественный Строитель созидаетъ свою церковь, указываетъ въ твердой вѣрѣ въ Сына Божія, исповѣданной Петромъ, и не уклоняется отъ этого указанія нашъ проповѣдникъ. Но воля позднѣйшихъ поклонниковъ папства желала бы видоизмѣнить смыслъ словъ проповѣдника, и основаніе церкви заставить его относить не къ вѣрѣ церкви, выраженной Петромъ, а къ его личности, и чрезъ то исказить мысль проповѣдника, и безъ того много благопріятствующую чести и величію римской катедры. Тирада, сюда относящаяся, у св. Льва читается такъ: «Твердость основанія, на которомъ воздвигается высота всей церкви, не колеблется ни отъ какой тяжести налегающаго на него храма. Твердость той вѣры,

которая похвалена въ главномъ изъ Апостоловъ, вѣчна: и какъ пребываетъ то, во что во Христѣ увѣровалъ Петръ, такъ пребываетъ и то, что Христосъ въ Петрѣ установилъ. Ибо когда, какъ указано въ евангельскомъ чтеніи, Господь спросилъ учениковъ, за кого считаютъ Его, послѣ того какъ многіе высказали различныя мнѣнія, блаженный Петръ отвѣчалъ: *Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго*, и Господь сказалъ ему: *Блаженъ еси, Симоне Варъ Юна, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесахъ. И азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семь камени созижду церковь Мою, и врата адава не одолѣють ей...* (Матѣ. 16, 16—19). Итакъ пребываетъ устроеніе истины, и блаженный Петръ, держась въ приобретенной твердости камня, не оставляетъ принятаго имъ управленія церковію. Ибо такъ предъ прочими онъ поставляется, что то называется камнемъ, то объявляется основаніемъ, то поставляется привратникомъ царства небснаго, то дѣлается судьей того, что нужно вязать и рѣшить, такъ что и на небесахъ будутъ удержаны его приговоры; какое у него общеніе съ Христомъ, мы узнаемъ изъ этихъ тайнъ его наименованій. Онъ и теперь съ большею силою и властію исполняетъ въ Томъ и съ Тѣмъ, чрезъ котораго прославленъ. Если что и мы правильно дѣлаемъ и правильно судимъ, если что получаемъ отъ милосердія Божія при каждодневныхъ молитвахъ, это дѣло трудовъ и заслугъ того, котораго власть живетъ въ его престолѣ, и котораго преимущественный авторитетъ здѣсь является. А это, возлюбленные, получило то исповѣданіе, которое отъ Бога Отца внушено апостольскому сердцу, и превзошло все то нерѣшительное, что представили человѣческія мнѣнія, и получило твердость камня, который не поддается никакимъ ударамъ. Во всей церкви каждодневно Петръ говоритъ: *Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго*, и всякій языкъ, исповѣдающій Господа, наставляется ученіемъ этого голоса. Эта вѣра побѣждаетъ діавола, и разрѣшаетъ узы его плѣн-

никовъ. Она извлеченныхъ изъ міра переноситъ на небо, и врата адовы не могутъ одолѣть ее. Такою свыше она ограждена твердою, что ее не могло сокрушить еретическое нечестіе, не могло побѣдить языческое лжевѣріе¹⁾).

Сейчасъ приведенное мѣсто заслуживаетъ вниманія въ двухъ отношеніяхъ: само по себѣ, какъ наиболѣе рельефно выражающее тему, составляющую основу проповѣдей св. Льва въ день его посвященія, и по тѣмъ толкованіямъ, какія оно вызывало. Въ немъ проповѣдникъ выставляетъ на видъ преимущественный авторитетъ апостола Петра, заслуженный его исповѣданіемъ, и сильно говоритъ въ пользу іерархическаго первенства его, но въ догматическое ученіе о церкви не вноситъ ничего новаго. Основаніе и твердыню церкви онъ указываетъ не въ апостолѣ Петрѣ, какъ юридическомъ лицѣ, не въ его личномъ значеніи и положеніи, а въ богодухновенномъ исповѣданіи Христа, въ вѣрѣ, имъ выраженной и живущей во всей церкви. Этой вѣры не могутъ одолѣть силы адовы, но она воплощается не въ одномъ Петрѣ, но въ цѣлой совокупности святыхъ Божиихъ, и Петръ одинъ только изъ главныхъ выразителей ея. По словамъ же Льва Великаго, эта вѣра ежедневно исповѣдывается во всей церкви, и она собственно побѣждаетъ діавола и съ твердостью камня противостоитъ противъ всякаго нечестія и лжевѣрія. Привилегія на эту вѣру принадлежить не одному Петру, высказавшему ее отъ лица всѣхъ апостоловъ, и не одной римской кафедрѣ. Мы не войдемъ въ противорѣчіе съ словами нашего проповѣдника, если скажемъ, что она, эта вѣра, вѣчно и неизменно будетъ существовать, когда не будетъ Рима и римской кафедрѣ. Но такъ какъ у св. Льва имя вѣры церковной переплетается съ именемъ апостола Петра, то Кенель для устраненія всякой спутанности и уясненія дѣла

¹⁾ Sermo III, c. 2. 3, p. 145—7. Ср. Sermo IV, c. 3, p. 15". Sermo LXII. De Passione Dom. XI, c. 2, p. 350.

читателю, въ своемъ изданіи твореній Льва Великаго. къ приведенному нами тексту проповѣди сочелъ нужнымъ присоединить подстрочное замѣчаніе, въ которомъ говорить, что здѣсь твердость вѣры, похваленная въ Петрѣ, представляется тѣмъ камнемъ, на которомъ Господь обѣщаетъ построить церковь, и противъ котораго врата адовы ничего не могутъ сдѣлать; потому что вѣчно пребываетъ¹⁾.

Такое замѣчаніе Кенеля смутило совѣсть Баллерини, вызвало со стороны ихъ горячее возраженіе и понудило ихъ прибѣгнуть къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы выжать изъ словъ авторитетнаго мужа какъ можно больше доказательствъ въ пользу теории папства. Изъ ихъ толкованій видно, какъ преувеличенное представленіе объ извѣстномъ предметѣ разрастается постепенно отъ сосредоточеннаго вниманія на немъ пристрастной мысли. Сильныя краски, какія употреблялъ св. Левъ для разрисовки великаго образа апостола Петра, подъ перомъ Баллерини сгущаются еще болѣе. Застѣняя общее, во имя котораго величественнымъ представляетъ Петра св. Левъ, они ярко раскрашиваютъ однѣ частныя личныя черты Апостола, и чрезъ то видоизмѣняютъ картину, нарисованную св. Львомъ, и искажаютъ смыслъ словъ ревнителя чести римской катедры. По ихъ замѣчаніямъ, въ словѣ св. Льва подъ именемъ твердыни или камня церкви разумѣется *не вѣра вообще, и даже не вѣра Петра, но та вѣра, которую онъ проповѣдалъ, и которую оставилъ на храненіе въ римскомъ престолѣ, и которая по особенной привилегіи сохраняется въ его преемникахъ, и будетъ сохраняться до конца міра*²⁾. Въ словахъ, указывающихъ на общее начало, они видятъ частное выраженіе его, и на мѣсто внутренняго духа и глубокой основы

¹⁾ S. Leonis Magni opera omnia. Editio secunda. Lugduni MDCC. T. 1, p. 51.

²⁾ Patr. c. Compl. T. LIV, p. 322—3.

жизни поставляютъ временное и вѣщнее проявленіе этого духа. Между тѣмъ этотъ недостатокъ встрѣчается не у нихъ однихъ; а и въ *Догматической конституціи церкви Христовой*, бывшей на разсмотрѣніи послѣдняго ватиканскаго собора.

Баллерини сами чувствовали натяжку въ своемъ толкованіи, и для утвержденія своихъ объясненій приведеннаго мѣста изъ проповѣдей св. Льва сносятъ его съ другими мѣстами: 1) изъ словъ на страсти Господни, гдѣ говорится, что «Петръ за твердость вѣры, которую имѣлъ проповѣдывать, услышалъ: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ей*, и 2) изъ 7-го слова на день посвященія, гдѣ читается такой перифразъ обѣтованія Спасителя: «Я нерушимый камень, Я основаніе, кромѣ котораго никто не можетъ положить другаго основанія (Ев. 11, 14. 20); но и ты камень, потому что утверждаешься моею силою. На основаніи такихъ сближеній они стараются указать въ словахъ св. Льва мысль о томъ, что по его представленію имя и значеніе камня, на которомъ строится церковь, принадлежитъ *личности* Петра, во первыхъ, и во вторыхъ той *вѣрѣ, которую онъ имѣлъ* проповѣдывать и *оставить въ римской церкви*. Но для объясненія подлинной мысли св. Льва не нужно много перелистывать книгу его твореній, и изъ разныхъ отрывочныхъ мѣстъ извлекать выводы невѣрные не только въ логическомъ, но въ догматическомъ отношеніи. Въ томъ же самомъ словѣ, гдѣ св. Левъ хвалитъ твердость вѣры св. Петра и показываетъ его величіе, онъ настоятельно свидѣтельствуетъ о томъ, что Господь Иисусъ Христосъ есть истинный священникъ, отъ котораго мы все получаемъ, и который дѣйствуетъ въ насъ: Онъ одинъ священникъ не по чину Ааронову, котораго священство было временнымъ служеніемъ и кончилось вмѣстѣ съ закономъ ветхозавѣтнымъ, а по чину Мелхиседегову,

1) S. LXII, c. 2, p. 331.

2) S. IV, c. 2, p. 150.

въ которомъ предъизобразена была форма вѣчнаго первосвященника (Евр. 7, 11) ¹⁾, что непрестающе уничижительною жертвою этого всемогущаго и вѣчнаго Священника, подобнаго намъ и равнаго Отцу, мы держимся, что хотя Онъ многимъ пастырямъ поручилъ заботу о своихъ овцахъ, но Самъ не оставляетъ оберегать возлюбленное стадо. Отъ главной и вѣчной твердыни Его мы получили и огражденіе апостольской силы, которое никогда не отступаетъ отъ своего дѣла: и твердость основанія, на которомъ построится высота всей церкви, не колеблется ни отъ какой тяжести налегающаго на него храма ²⁾. Таже мысль съ меньшею ясностію высказывается и въ другомъ (5-мъ) словѣ, гдѣ св. Левъ приглашаетъ слушателей за всѣ блага воздать благодареніе Ваноннику ихъ Богу, и причину своего торжества отнести къ началу его и Главѣ, въ рукѣ Котораго и всѣ степени служеній и моменты времени ³⁾. Кроме Его нѣтъ священника такъ совершеннаго и чистаго, который бы, принося жертвы уничиженія за народъ, не долженъ былъ приносить еще жертвы и за свои грѣхи. Этотъ верховный Первосвященникъ, хотя съдѣлать одесную Бога Отца, не отступаетъ однако отъ собранія своихъ первосвященниковъ, и по справедливости поется ему устами всей церкви и всѣхъ священниковъ: *клятсѣя Господь и не раскается: ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. 109, 6). Онъ истинный и вѣчный первосвященникъ, Котораго управленіе не можетъ имѣть ни измѣненія, ни конца ⁴⁾.

Но если св. Левъ апостола Петра не представляетъ основаніемъ или основнымъ камнемъ церкви (*основанія бо много никтоже можетъ положить паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ*), то все таки онъ выдвигаетъ его изъ ряда прочихъ членовъ цер-

¹⁾ Sermo III, c. I, p. 145.

²⁾ S. III, c. 2, p. 145.

³⁾ S. V, c. 4, p. 153.

⁴⁾ S. V, c. 2, p. 154.

кви и указываетъ въ немъ инстанцію высшаго іерархическаго порядка. По его указанію, это учрежденіе высшей іерархической инстанціи въ лицѣ апостола Петра есть дѣло Божіе. Апостолъ Петръ по своему значенію высшій изъ апостоловъ и посредникъ между ними и Господомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ коринно церковнаго правленія. Въ немъ навольно сказалась воля и мысль Рима, желавшая видимаго средоточія церковнаго единства и облакавшая особеннымъ величіемъ своихъ представителей. Есть нѣсколько мѣстъ въ его проповѣдяхъ, съ энергіею заявляющихъ это представленіе. Въ словѣ на страсти Господни ¹⁾, упомянувши объ неповѣданіи Петра, св. Левъ по поводу словъ Господа Іисуса Христа, обращенныхъ къ апостолу Петру: *плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесахъ*, объясняетъ цѣль, для которой въ сердцѣ Апостола дѣйствовалъ Духъ Отца, и указываетъ ее въ томъ, что *«приготовляемый къ управленію всей церковію, напередъ долженъ былъ учиться тому, чему имѣлъ учить»*. Силнѣе и подробнѣе мысль объ особенномъ призваніи Петра въ церкви Божіей выражена въ 4-мъ словѣ на день посвященія св. Льва. «Изъ всего міра (говоритъ здѣсь св. Левъ) избирается одинъ Петръ, который ставится во главѣ (praepositus) и званія всѣхъ языковъ и всѣхъ апостоловъ и всѣхъ отцовъ церкви, такъ что хотя въ народѣ Божіемъ много священниковъ и много пастырей, но собственно Петръ правитъ всѣми, хотя главнымъ образомъ ими управляетъ и Христосъ. Великое и удивительное участіе въ своемъ могуществѣ сообщило этому мужу божественное благоволеніе, и если что общаго съ нимъ, по изволенію Божію, есть у прочихъ начальниковъ, Богъ чрезъ него только даетъ то, въ чемъ другимъ не отказалъ. Господь всѣхъ апостоловъ спрашиваетъ, что о немъ думаютъ люди, и дотолѣ рѣчь отвѣчающихъ обща, доколѣ изъясняются мнѣнія человѣче-

¹⁾ Sermo LXII, с. 2, р. 350.

скаго невѣдѣнія. Но гдѣ спрашивается, что думаютъ ученики, тамъ первый въ исповѣданіи Господа тотъ, который первый и въ апостольскомъ достоинствѣ... ¹⁾ Говоря о власти ключей царствія, о власти вязать и рѣшить (Матѣ. 16, 19), раздаваемой всѣмъ апостолами, но по случаю исповѣданій вѣры, выраженного за всѣхъ Петромъ; преподанной въ личномъ обращеніи къ нему одному, проповѣдникъ хочетъ указать особенное преимущество прославляемаго Апостола и въ отношеніи къ этой власти: «Перешло и къ другимъ апостоламъ (говорить св. Левъ) право той же самой власти, и всѣмъ начальникамъ церкви передана сила этого опредѣленія; но не напрасно одному поручается то, что назначается для всѣхъ. Петру это потому особенно вѣряется, что образъ Петра поставляется во главѣ всѣхъ правителей церкви. Привилегія Петра пребываетъ всюду, гдѣ по Его правдѣ явряется судъ. И это и не чрезмѣрная строгость и не послабленіе, что нигдѣ ничто не связывается, ничто не разрѣшается, если чего не разрѣшить или не свяжетъ блаженный Апостоль» ²⁾. Слова эти буквально повторяются въ проповѣди на день апостола Петра ³⁾. Кенель, чувствуя разногласіе подобныя указанія съ разумомъ церковныхъ установленій; не оставляетъ приведеннаго мѣста изъ св. Льва безъ подстрочнаго замѣчанія ⁴⁾, въ которомъ старается ослабить рѣзкую мысль римскаго епископа, и ударяетъ на то, что изображая власть, данную Петру Господомъ, св. Левъ присовокупляетъ, что «эта власть дана не одному Петру; но перешла ко всѣмъ прочимъ апостоламъ: она вручается Петру, но для того, чтобы въ немъ одномъ всѣ правители церкви узнали, что имъ ввѣрено... Левъ утверждаетъ здѣсь, по замѣчанію Кенеля, какъ общую всѣмъ власть, такъ и общую всѣмъ привилегію,

¹⁾ Sermo IV, c. 2 p. 149—150

²⁾ S. IV, c. 8. p. 151.

³⁾ S. LXXXIII. c. 1, 2 p. 429—430.

⁴⁾ S. Leonis Magni opera omnia Lugduni. 1700. T. I. p. 53.

поключая первенства чести. Въ привилегіи Петра, о какой упоминаетъ св. Левъ, Бенель видитъ право суда, принадлежащее всѣмъ епископамъ, — суда справедливаго и согласнаго съ канонами: гдѣ есть такой судъ, тамъ пребываетъ и привилегія Петра.

Мы не менѣе Бенеля чувствуемъ несоотвѣтствіе указаній св. Льва съ разумомъ установленій, господствующихъ въ православной церкви, и видимъ въ нихъ одностороннее представленіе, происшедшее отъ сосредоточеннаго вниманія на томъ въ древнемъ свидѣтельствѣ, что наиболѣе благопріятствуетъ идеѣ проповѣдника. Но должны ли мы подчинять своему разуму мысль, принадлежащую прошедшему, и заставлять ее говорить въ тактъ съ нашимъ убѣжденіемъ? И если мы въ своихъ сужденіяхъ опираемся на утвержденныхъ и выясненныхъ правилахъ церковной жизни, то не будемъ ли мы виновны въ своего рода деспотизмѣ или умственномъ наслѣдіи, когда будемъ требовать непрекословнаго согласія съ собою отъ литературныхъ памятниковъ, и когда будемъ подводить подъ свой уровеньъ всѣ разнообразныя извѣтія человѣческой мысли, какими ознаменовали себя энергическіе представители старыхъ временъ и разныхъ народовъ? Въ церкви есть символъ, есть догматъ, отъ котораго никто не имѣетъ права отступать, но внѣ сферы догмата есть широкое поле для свободныхъ построеній мысли въ видахъ уясненія неопредѣлившихся сторонъ жизни. Церковь, требуя отъ своихъ членовъ покорности въ главномъ и существенномъ, получившемъ высшее опредѣленіе, съ происхожденіемъ всегда смотрѣла и смотритъ на труды и усилія личнаго ума, направленные къ уясненію вещей и положеній, нерѣшенныхъ общимъ голосомъ церкви. Въ церковной письменности, въ памятникахъ отеческой литературы, кромѣ раскрытія положительнаго ученія церкви, есть богатое разнообразіе частныхъ мнѣній, и каждый сильный писатель, сохраняя свою личность, заявляетъ себя извѣстными мнѣніями, ему только принадлежащими или кругу лицъ, родственныхъ ему по воспитанію и настроенію.

Ученіе св. Льва Великаго о привилегіи апостола Петра не догматическаго свойства. Догматическій характеръ этому учению придали позднѣйшіе его преемники и почитатели его катедры. Въ догматѣ, въ его выраженіи св. Левъ былъ органомъ церкви, защитникомъ вселенскаго преданія. Въ вопросѣ церковнаго устройства, въ опредѣленіи правилъ церковной дисциплины онъ былъ выразителемъ мнѣній не вселенской церкви, а мѣстной и ея членовъ, находившихся подъ вліяніемъ сложныхъ и разнообразныхъ причинъ. Римская почва образовала его мысль по роду своему, и онъ платилъ невольную дань тѣмъ преданіямъ, среди которыхъ воспитался. Онъ во всей силѣ признавалъ значеніе соборовъ, какъ высшихъ органовъ выраженія вселенской мысли, и самъ въ свое время содѣйствовалъ тому, чтобы на соборѣ слышнымъ образомъ заявленъ былъ чистый голосъ вселенской церкви о догматѣ, подвергавшемся нападеніямъ ереси. Но кромѣ этихъ чрезвычайныхъ органовъ вселенской церковной власти въ церкви дѣйствуютъ непрерывно постоянные органы, снабженные высшимъ полномочіемъ, и при установленіи отношеній между ними въ порядкѣ іерархическаго чиновначалія св. Левъ подчиняется идѣ, подсказанной римскимъ государственнымъ правомъ. Для ума, возросшаго на почвѣ Италіи, Римъ былъ не городъ только, а всеобъединяющая идея, видимое средоточіе жизни. Перешедши въ христіанство, эта идея привязана была къ имени одного изъ верховныхъ апостоловъ Петра, послужившаго насажденію и устройнію римской церкви, и въ немъ, въ его лицѣ, какъ епископѣ Рима, позднѣйшая мысль видѣла первое олицетвореніе этой идеи. Отсюда, по воздѣйствію древнихъ преданій самыхъ разнообразныхъ, у св. Льва явились своеобразныя опредѣленія отношеній Петра къ апостольскому чину, а чрезъ него и его катедры къ другимъ катедрамъ, не оправдываемыя опытомъ апостольской церкви, и подтверждаемыя только отрывочными мѣстами Писанія, толкуемыми довольно произвольно. Личный характеръ апостола Петра, его горячая и энергическая

натура, по которой онъ выступалъ представителемъ всего апостольскаго общества и прежде другихъ являлся на дѣло въ трудныхъ обстоятельствахъ, его близость къ Господу Іисусу Христу, при которой онъ удостоивался особеннаго благоволенія своего Учителя, наравнѣ съ возлюблѣннѣйшимъ ученикомъ Богочеловѣка, наконецъ подвиги и заслуги его, по устроению церкви Божіей, послѣ воскресенія Іисуса Христа; все это давало поводъ къ тому, чтобы поднять его на особенную высоту предъ другими, и представить въ немъ не первенца только церкви, но какъ бы ея правителя и начальника.

Св. Левъ, когда говорилъ о преимуществахъ апостола Петра и о преимуществахъ своей катедры, былъ, какъ мы сказали, выразителемъ не своей, но общенародной римской воли. Отъ того въ его словахъ, сюда относящихся, нѣтъ голоса личной земной острасти. О высотѣ своей катедры онъ говоритъ съ достоинствомъ энергическаго заступника ея, но когда при этомъ воспоминаетъ о себѣ, непритворно выражаетъ чувство смиренія, чуждое всякой самонадѣянности. Слыша этотъ голосъ смиренія, мы смѣле можемъ утверждать, что онъ въ качествѣ преемника Петрова не принималъ бы той неогрѣцимости, какую нынѣ въ смыслѣ догмата призналъ за напой соборъ ватиканскій. Этотъ голосъ личного смиренія, при защитѣ высокаго, особеннаго значенія учрежденія, представляемаго римскою епископскою катедрою, ослабляетъ рѣзкость впечатлѣнія, производимаго сильными и настойчивыми заявленіями о первенствѣ престола св. Петра, и въ читателѣ вызываетъ чувство уваженія къ представителю идеи, которой онъ былъ не самозваннымъ проводникомъ и защитникомъ. Говоримъ это на основаніи тѣхъ же словъ, изъ которыхъ мы привели цитаты, въ защиту особенныхъ правъ римской катедры. Во всѣхъ нихъ онъ воздастъ хвалу Богу за величіе дара ему сообщеннаго, но въ тоже время смиренно исповѣдуетъ свои немощи и слабости. Онъ чувствуетъ и открыто выражаетъ, что его положеніе возлагаетъ на

него особенныя великія обязанности. У него во первыхъ забота общая со всеми епископами, которые должны пещись о своемъ стадѣ и которые нѣкогда должны будутъ отдать отчетъ о ввѣренныхъ имъ овцахъ. Но кромѣ этого труда, общаго у него съ другими епископами, онъ сознаетъ себя призваннымъ къ заботѣ о вседневной церкви; потому что «къ престолу апостола Петра обращаются со всего свѣта, и отъ нашего домостроительства неотступно требуется попеченіе о всей церкви, ему отъ Господа ввѣренное. Но чѣмъ большимъ мы обязаны по отношенію ко всемъ, тѣмъ больше чувствуемъ на себѣ бремя, насъ подавляющее»¹⁾. «Если мы посмотримъ на себя и на свои дѣла (говоритъ онъ въ день торжества своего), мы едвали найдемъ, чему бы по справедливости могли радоваться. Ибо мы обложены смертною плотию, подлежимъ слабости тлѣнія, никогда такъ не свободны, чтобы не подвергаться какому либо искушенію, и въ этой борьбѣ не одерживается такая счастливая побѣда, чтобы послѣ торжества не поднялась борьба съ новою силою. Поэтому нѣтъ такъ совершеннаго первосвященника, такъ непорочнаго предстоятеля, который бы, принося жертвы за грѣхи народа, не долженъ былъ еще приносить жертвы и за свои согрѣшенія. Но если это касается всѣхъ священниковъ вообще, тѣмъ больше отягчаетъ и связываетъ оно насъ, для которыхъ самое величіе принятаго бремени служить весьма частымъ поводомъ къ преткновенію»²⁾. Божественное благоволеніе (говоритъ онъ въ другой разъ) сдѣладо настоящій день достойнымъ почитанія: оно возвело мою низость на самую высшую степень, и тѣмъ показало, что не презираетъ никого изъ своихъ. Поэтому хотя необходимо страшиться о недостойнствѣ, но благочестиво радоваться о дарѣ; потому что Вѣновнымъ бремени, на меня возложеннаго, самъ и помощникъ въ

¹⁾ Sermo V, c. 2, p. 153.

²⁾ Sermo V, c. 1. 2, p. 153.

управленіи, и чтобы немощной не палъ подъ величіемъ благодати, ему дастъ силу Тотъ, Который возложилъ достоинство. Итакъ когда по обычному порядку возвращается день, въ который Господь благоволилъ даровать мнѣ достоинство епископскаго служенія, для меня есть истинная причина радоваться во славу Божию. Онъ отпустилъ мнѣ многое, чтобы я много возлюбилъ Его, и желая сдѣлать болѣе дивною благодать свою, перенесъ свои дары на того, въ которомъ не нашелъ никакихъ заслугъ» ¹⁾. «Сколько разъ (говоритъ св. Левъ въ 3-й проповѣди) милосердіе Божіе удостоиваетъ возобновлять дни даровъ своихъ, всегда, возлюбленные, есть справедливая и законная причина радоваться. если начало принятаго служенія относится въ похвалѣ своего Виновника. Это обыкновеніе, приличное всѣмъ священникамъ, я признаю особенно необходимымъ для себя, который, смотря на слабость своей малости и на величіе воспринятаго дара, долженъ возгласить слѣдующее пророческое слово: *Господи, услышай слухъ Твой и убойся, разумь дѣла Твоя, и ужасося трудъ слабому, высота низкому, достоинство не заслуживающему*» ²⁾?

Третій разрядъ проповѣдей св. Льва составляютъ проповѣди о сборѣ пожертвованій на благотворенія (de collectis). Этихъ проповѣдей немного (всего 6), и содержаніе ихъ обыкновенный призывъ къ благотворительности, обставленный благочестивыми указаніями на необходимость, пользу и значеніе благотвореній. Съ этой стороны проповѣди de collectis не представляютъ ничего особеннаго. Но поводъ, по которому онѣ сказаны, выдвигаетъ ихъ изъ ряда обыкновенныхъ проповѣдей о милосердіи и нашу мысль

¹⁾ Sermo II, c. 1, p. 142—3.

²⁾ Sermo III, c. 1, p. 144—5.

обращаетъ къ одной изъ основныхъ чертъ характера и дѣятельности св. Льва, проходящей по всей его исторіи, именно къ его ревностной заботливости о поддержаніи вѣншихъ полезныхъ учрежденій церкви и о сохраненіи того, что заповѣдано отцами.

Проповѣди de collectis напоминаютъ собою обычай, по которому въ Римѣ установлены были нарочитые дни для принесенія жертвоприношеній въ пользу благотворительныхъ учрежденій церкви, и эти дни были дѣйствительно отличными отъ обыкновенныхъ будничныхъ дней. Сборъ приношеній въ нарочитые дни былъ собственно римскимъ учрежденіемъ, отличавшимся отъ обыкновенныхъ сборовъ милостыни, бывшихъ въ другихъ церквахъ. Учрежденіе это шло изъ далекой древности, и установлено отцами въ противодѣйствіе особеннымъ языческимъ обрядамъ и празднествамъ, отправлявшимся въ Римѣ. Святые отцы церкви часто перемѣняли на благочестивые христіанскіе праздники дни, имѣвшіе особенное значеніе у язычниковъ, и проводившіеся ими съ особеннымъ торжествомъ. Силу учрежденія общественнаго сбора святыхъ приношеній высоко цѣнилъ и уважалъ св. Левъ римскій, и въ своихъ словахъ весьма ясно указываетъ на особенность этого обычая, на его древнее и апостольское происхожденіе, и на тѣ причины, какими онъ былъ вызванъ. «Благочестиво и благоразумно, возлюбленные, (говоритъ онъ) установлено святыми отцами, чтобы въ различные времена назначались особенные дни, въ которые бы благочестіе вѣрнаго народа призывалось къ публичному приношенію» ¹⁾ жертвоприношеній, въ которые бы «снадѣй по мѣрѣ желанія и возможности приносили часть отъ иждивеній своихъ на нужды и содержаніе бѣдныхъ» ²⁾. «Долгъ христіанской любви, возлюбленные, въ строгомъ благочестіи сохранять то, что установлено по апостольскому преданію. Ибо тѣ блаженнѣйшіе уч-

¹⁾ Sermo XI, c. 2, p. 163.

²⁾ Sermo VII. De collectis II, p. 159.

ники истины, по учению, вдохновенному свыше, установили, чтобы въ тѣ дни, когда слѣпота язычниковъ являлась изобрѣтательнѣе въ своихъ суевѣріяхъ, тогда въ особенности народъ Божій прилежалъ молитвамъ и дѣламъ благочестія; потому что нечистые духи, сколько услаждаются заблужденіемъ язычниковъ, столько сокрушаются отъ соблюденія истинной вѣры, и умноженіе правды мучить виновника нечестія... Для разрушенія козней древняго діавола, въ день, въ который нечестивые модъ именовъ своихъ идоловъ служили діаволу, весьма благоразумно въ святой церкви учреждено собраніе пожертвованій» ¹⁾. Въ вѣкъ св. Льва тѣмъ языческаго суевѣрія начеала предъ свѣтомъ Евангелія, и тѣхъ празднествъ, въ видѣ противодѣйствія которымъ учреждены были дни публичнаго собранія общественной милостыни, уже не видно было; но св. Левъ, упоминая о первоначальныхъ причинахъ древняго учрежденія, говоритъ, что въ видахъ полезнаго и благотворнаго дѣйствія его, отцы благоразсудили сдѣлать его постояннымъ, хотя и миновали временныя обстоятельства, сію вызвавшія. «Къ благочестивому исполненію дѣлъ милосердія (говоритъ онъ) призываетъ насъ дѣмъ апостольскаго установленія, въ который благоразумно и полезно учредили отцы первое собраніе святыхъ приношеній; чтобы въ то время, какъ народъ языческій суевѣриѣ служилъ демонамъ, противъ гнусныхъ жертвъ нечестивыхъ выставлялось святѣйшее приношеніе нашей милостыни. Поелюку это было весьма плодотворно для возрастанія церкви; то угодно было сдѣлать его постояннымъ» ²⁾. И еще въ другомъ словѣ: «сохраняя установленія апостольскаго преданія, возлюбленные, пастырскою любовію увѣщаваемъ васъ, чтобы день, который они (отцы), очистивши отъ суевѣрія нечестивыхъ, освятили дѣлами милосердія, вы прославили соблюденіемъ благоче-

¹⁾ Sermo VIII. De collectis III, p. 139—160.

²⁾ Sermo IX. De coll. IV, c. 3; p. 162

сиваго обычая, и показали, что у насъ живеть авторитетъ отцовъ и ихъ ученіе пребываетъ въ нашемъ дощипованіи. Святая польза отъ этого учрежденія была же прошедшему, только времени, но и нашему вѣку: что имъ содѣйствовало къ разрушенію нечестія, то намъ способствуетъ къ возрастанію добродѣтели»¹⁾).

По поводу многократныхъ указаній св. Льва на какою то языческой нравдикѣ, вызвавшей въ Римѣ особенное церковно-общественное учрежденіе; Баллерини дѣлають догадки о томъ, какого рода суевѣрный обрядъ замѣненъ сборомъ пожертвованій въ христіанскихъ церквахъ, и полагають, что это были игры въ честь Аполлона, учрежденныя послѣ жестокаго пораженія при Канцахъ. Этими играми завѣдывалъ преторъ города. Съ ними соединялись приношенія въ честь Аполлона какъ публичныя общенародныя, такъ и отдѣльныя приношенія частныхъ лицъ. Сначала эти игры не имѣли опредѣленнаго дня въ году; но въ 546 году отъ основанія Рима установили совершать ихъ наканунѣ нонъ квинтильскихъ или іюльскихъ, и съ тѣхъ поръ къ этому дню приурочивался праздникъ Аполлона. Прежде одинъ день назначался для праздника, а потомъ онъ продолжался нѣсколько дней (отъ II нонъ до IV идъ іюльскихъ или отъ 6 до 12 числа іюля по нашему счисленію). Къ предположенію о томъ, что церковное учрежденіе сбора общественныхъ пожертвованій явилось въ замѣну именно этихъ игръ, Баллерини пришли на основаніи одного норядка, въ какомъ помѣщались поученія св. Льва de collectis въ нѣкоторыхъ рукописныхъ лекціонаріяхъ, располагающихъ слова сообразно годовому теченію дней и праздниковъ. Именно, они слѣдуютъ за поученіями на день апостоловъ Петра и Павла и предшествуютъ поученію (84 въ ихъ изданіи, и изданіи Минье) in octavis Apostolorum Petri et Pauli. Въ слѣдствіе такихъ соображеній Баллерини относятъ римскій нравдикѣ 'приношеній къ

1) Sermo X. De coll. V, c. 1, p. 164.

началу іюля или въ двамя непосредственно слѣдующиимъ за праздникомъ Петра и Павла ¹⁾; и такъ какъ у язычниковъ въ древнее время въ эти числа были игры Аполлона, то христіанскій праздникъ, по ихъ предположенію, былъ именно замѣною этихъ игръ.

Дни приношеній торжествовались въ Римѣ какъ праздничные дни. Въ церквахъ собирався народъ, отправлялось торжественное богослуженіе, и самъ епископъ, глава города, принималъ участіе въ этомъ богослуженіи. Праздникъ продолжался не одинъ день, а нѣсколько: въ проповѣдяхъ св. Льва не одинъ разъ ²⁾ назначается первый день собранія приношеній; но за первымъ днемъ должны были слѣдовать другіе.

Какъ прежде преторъ города напередъ объявлялъ день игръ Аполлона, такъ и епископъ Рима, еще до наступленія дней церковныхъ приношеній, являлся съ публичнымъ словомъ, въ которомъ говорилъ о приближеніи этихъ дней и призывалъ слушателей къ исполненію завѣта церкви, предписаннаго древними. Проповѣди св. Льва были какъ бы объявленіемъ о наступающихъ дняхъ приношеній, и говорились не въ самые эти дни, а предъ ихъ наступленіемъ. На это есть ясное свидѣтельство въ проповѣдяхъ: во всѣхъ ихъ встрѣчаются выраженія подобнаго рода: «придетъ воскресенье, будетъ сборъ приношеній» ³⁾; «на понедѣльникъ приготовьте добротныя приношенія свои» ⁴⁾; «во вторникъ сойдитесь въ церквахъ своихъ округовъ съ добровольными приношеніями» ⁵⁾ и т. д. ⁶⁾. Праздникъ, какъ видно, всегда былъ въ одинаковыя числа года, отъ того въ проповѣдяхъ, говоренныхъ

¹⁾ Patr. C. c. T. LIV, p. 155—8.

²⁾ Sermo VII, De coll. II, p. 159. Sermo X, De coll. V, c. 4, p. 163.

³⁾ Sermo VI, De coll. I, p. 158.

⁴⁾ Sermo VII, De coll. II, 159.

⁵⁾ Sermo VIII, De coll. III, p. 160.

⁶⁾ Sermo IX, De coll. IV, c. 3, p. 162. Sermo X, De coll. V, c. 4, p. 166. Sermo XI, De coll. VI, c. 2, p. 168.

въ разные годы, то воскресенье ¹⁾ назначается днемъ приношеній, то понедѣльникъ ²⁾, то вторникъ ³⁾, то среда ⁴⁾, то опять воскресенье ⁵⁾, то суббота ⁶⁾.

Римъ раздѣленъ былъ на семь церковныхъ округовъ во время Льва Великаго; въ каждомъ изъ этихъ семи округовъ были свои благотворительныя учрежденія, — больницы, приюты для вдовъ и бѣдныхъ. На поддержаніе этихъ учрежденій и на покрытіе другихъ нуждъ общества и церкви собирались пожертвованія. Въ каждомъ округѣ былъ особый распорядитель, въ кѣдѣнн потораго состояли приношенія собиравшіеся на эти нужды, и къ которому обращались нуждающіеся въ помощи и ищущіе ея у церкви. На эти округи указываетъ св. Левъ, приглашая любовь своихъ слушателей собраться въ церквахъ своихъ округовъ съ добродетельными пожертвованіями на издержки милосердія ⁷⁾.

Въ содержаніи проповѣдей разбираемаго нами разряда обращаетъ на себя вниманіе та особенность, что св. Левъ имѣетъ въ виду не одну благотворительную дѣль учрежденія, но останавливается своею мыслию на самой формѣ учрежденія, ее хочетъ поддерживать и въ условіяхъ подчинить добрымъ расположеніямъ своей натуры. Защитникъ строгата порядка и вѣншнаго двоцивилизованнаго строя церковныхъ служеній, онъ не довольствовался однимъ нравственнымъ стремленіемъ, которое могло любовью покрывать нужды бѣдствующихъ. Внѣшнія правила, утверждающія и упорядочивающія это стремленіе; для него была вещь самую желательною, и когда онъ встрѣчалъ учрежденіе, направленное

¹⁾ Sermo VI.

²⁾ Sermo VII.

³⁾ Sermo VIII.

⁴⁾ Sermo IX.

⁵⁾ Sermo X.

⁶⁾ Sermo XI.

⁷⁾ Sermo VIII. De coll. III, p. 160. Sermo IX. De coll. IV, p. 162. Sermo XI. De coll. VI, p. 168.

къ упорядоченію благотвореній частной свободной воли, онъ отдавалъ ему все свое вниманіе, и поддерживалъ его всею силою своей административной власти и своего вліятельнаго слова. Къ тому же, что шло изъ древности, то предъ его сохранительнымъ умомъ было святынею; которую онъ благоговѣнно чтить самъ и чтить внушалъ другимъ. Въ свѣдѣствіе такого настроенія св. Льва въ словахъ его о сборѣ приношеній для историка проповѣднической литературы первая выдающаяся мысль о важности этого учрежденія. Проповѣдникъ указываетъ на спасительное учрежденіе отцовъ, уважаемыхъ церковію, за то, что оно основано на апостольскомъ преданіи, и явилось по волѣ апостоловъ, руководившихъ божественными внушеніями, что оно, по мысли его основателей, есть весьма надежное и спасительное средство къ борьбѣ съ врагомъ, связывавшимъ насъ дробными суевѣрїями и суетнымъ служеніемъ, и къ снисканію добродѣтели и побѣднато вѣнца. Такая мысль встрѣчается во многихъ словахъ¹⁾ de consensu et есть, можно сказать, ихъ основная идея: ею проповѣдникъ хочетъ расположить своихъ слушателей къ милосердію, и ео инъ исполненія предписаній, основанныхъ на волѣ апостоловъ, изображеніяхъ отцовъ, рекомендуетъ для милосердія установленію публичную общественную форму.

Далѣе въ развитіи той темы, какую указывали проповѣднику дни сбора пожертвованій на благотворительныя нужды церковныя, и къ какой онъ обращался не при одномъ особенномъ случаѣ, представлявшемся въ праздникъ приношеній, именно темы о милостынѣ, нѣтъ ничего новаго въ проповѣдяхъ св. Льва. Это общее церковное ученіе, которое встрѣчается у всѣхъ отцовъ, проповѣдниковъ любви христіанской. Но для характеристики св. Льва Великаго, для уясненія его личнаго образа не безъ значе-

¹⁾ Sermo VII. De coll. II, p. 159. S. VIII. De col. III, p. 159—160. S. IX. De coll. IV, c. 3; p. 162. S. X. De col. V, c. 1, p. 164. S. XI. De coll. VI, c. 2, p. 168.

нія можетъ быть наблюденіе надъ тѣмъ, какъ въ его словѣ сочетаются обычныя представленія, какія побужденія къ милосердію выдвигаются на видъ и какія чаще другихъ повторяются у него. При внимательномъ наблюденіи такого рода, и въ переплетающихся частныхъ представленіяхъ нашего проповѣдника, избираемыхъ имъ для раскрытія темы о милосердіи, видна воля администратора, воля, упорядочивающая и объединяющая общественныя силы. Предъ глазами св. Льва, когда онъ говоритъ о милосердіи христіанскомъ, является не столько человекъ съ его единичными нуждами, сколько цѣлое общество во взаимныхъ отношеніяхъ его членовъ, какъ великій организмъ, при всемъ разнообразіи его членовъ сплоченный во едно внутреннюю силу и высшими законами, управляющими его жизнью. Личное благо въ этомъ органическомъ соединеніи единичныхъ силъ является только слѣдствіемъ строгаго подчиненія частныхъ желаній общему благу. Въ основѣ общественнаго устройства, по представленію св. Льва, лежатъ начала божественнаго порядка, независящія отъ воли человека, и не измѣняющіяся отъ его желаній. Земное и вещественное богатство происходитъ отъ щедрости того же Бога, который по своей благодати подаетъ намъ духовныя силы и небесныя дары. Щедротатель Богъ раздѣляетъ земныя блага между людьми по своему изволенію, и Онъ не только даетъ ихъ людямъ для владѣнія, сколько поручаетъ для раздаванія ¹⁾. Въ общественномъ организмѣ все соединено, и общее благо вытекаетъ изъ взаимныхъ услугъ членовъ. Но силѣ этой связи богатый обязанъ помогать бѣдному, и въ замѣнъ за свою услугу получаетъ для себя вознагражденіе въ новой милости. «Каждый изъ насъ себя доставляетъ то, что раздѣляетъ нуждающимся. Сокровище на небѣ основываетъ для себя тотъ, кто въ лицѣ бѣднаго успокоиваетъ Христа. Итакъ познай въ этомъ благодареніи и устройство

¹⁾ Sermo X. De coll. V, c. 1, p. 164.

божественной любви. Ибо для того (Богъ) благоволил ущедрить тебя, чтобы чрезъ тебя не нуждался другой, и чтобы немолняя свое дѣло, ты освобождаешь бѣднаго отъ тяжести бѣдности, и себя отъ множества грѣховъ. О удивительное Провидѣніе и благодать Творца, который въ одномъ дѣлѣ благоволил оказать помощь двоимъ!» ¹⁾ Сокровище на небѣхъ и блаженство заслуживаетъ тотъ, который *разумѣваетъ на нища и убога* (Ис. 40 1).²⁾ Чтобы сильнѣе выставить мысль объ этихъ взаимныхъ услугахъ, св. Левъ нарочито останавливается на томъ, что все мы нуждаемся въ милосердіи Божиёмъ, и все должны искать его, и мы не съищемъ его, еслибы милостыня не покрывала нашей вины, еслибы нужды бѣдныхъ не были лекарствомъ противъ преступленій, по слову Господа: *блаженны милостивыи, яко тѣмъ помилованы будутъ*. На будущемъ судѣ дары милосердія покроютъ требованія правды.³⁾

Въ слѣдствіе такого порядка проповѣднику нажутся жалкими тѣ богатые, которые плаваютъ въ изобиліи и только на себя тратятъ свое имущество, а не помогаютъ бѣднымъ и слабымъ, «отъ которыхъ не получаетъ вынужденнаго плѣнный. утѣшенія: путникъ, помощи заключенный». Такіе богатые, по словамъ Льва, бѣднѣе всѣхъ бѣдныхъ; ибо терпятъ тѣ постоянные доходы, какіе могли бы имѣть..., они снаружи блестящи, а свнутри темны, изобилуютъ временнымъ, а бѣдны вѣчнымъ: души свои томятъ голодомъ и обезображиваютъ наготою тѣ, которые изъ хранящагося въ земныхъ жилищахъ, ничего не внесли въ сокровищницы небесныя ⁴⁾. Золъ для себя тотъ, кто не добръ для другаго, и душѣ своей вредитъ, что не помогаетъ во мѣрѣ возможности чужой ⁵⁾.

¹⁾ Sermo VI. De coll. I, p. 157—18. Ср. Sermo VII. De coll. II, p. 159.

²⁾ Sermo IX. De coll. IV, c. 3, p. 162.

³⁾ Sermo XI. De coll. VI, c. 1, p. 167.

⁴⁾ Sermo X. De coll. V, c. 2, p. 164.

⁵⁾ Sermo XI, c. 1, p. 167.

Чтобы подтвердить подобными представлениа, проповѣдникъ указываетъ на единство природы человѣческой, въ силу котораго должно быть общеніе благъ земныхъ. Въ организмѣ общества всѣ члены одного корня и однихъ существенныхъ свойствъ. природа богатыхъ и бѣдныхъ одна и таже; одна и таже бренность человѣческая, одно и то же счастье, не обезопасенное отъ паденій; что нынѣ постигаетъ однихъ, того долженъ бояться всякій. Проповѣдникъ напоминаетъ слушателямъ: «пустъ вознаестъ себя во всѣхъ людяхъ измѣняемая и тѣнная смертность, и по причинѣ общаго состоянія пусть возвращаетъ общую любовь роду своему, плачетъ съ плачущими, воздыхаетъ съ болѣзнующими, раздѣляетъ съ немущими свое богатство...»¹⁾.

Касательно самаго способа милосердія св. Лѣву не было нужды много распространяться. при томъ случаѣ, какой вызывалъ его слова. Онъ говоритъ только, чтобы слушатели сходились въ церкви своихъ округовъ и приносили пожертвованія, и при этомъ указываетъ день для такихъ собраний. Онъ приглашаетъ къ этимъ жертвованіямъ не однихъ богатыхъ; но и маломущихъ; и количество жертвованій предоставляетъ усердію каждого. Пусть каждый даетъ не больше, чѣмъ сколько позволяетъ ему его состояніе, пусть каждый самъ будетъ справедливымъ судьбою между собою и бѣднымъ. Онъ не хочетъ никакого принужденія въ дѣлѣ любви, и указываетъ на то, что *добровольна дается любовь Богу* (2 Кор. 9, 7); проситъ давать приношенія по любви, безъ всякаго сожалѣнія. Богъ смотритъ не столько на количество приношеній, сколько на усердіе приносящего, и онъ равна принимаетъ даръ богатаго и бѣднаго²⁾.

При этомъ проповѣдникъ поручаетъ особенной любви слушателей тѣхъ бѣдныхъ, которыхъ скрываетъ опрочность, и ко-

1) Sermo XI. De coll. VI, p. 167.

2) Sermo XI. De coll. VI, c. 2, p. 168.

торымъ обращаться за милостынею препятствуетъ чувство чести и стыдливости. «Многіе стыдятся явно просить того, въ чемъ нуждаются, и рѣшаются скорѣе сносить тяжесть скрытой бѣдности чѣмъ унижать себя публичнымъ попрошайствомъ. Такихъ нужно узнавать и избавлять отъ скрытой нужды, чтобы тѣмъ больше возрадовались они, когда окажутъ вниманіе я ихъ бѣдности и чувству стыда. Справедливо въ нуждающемся и бѣдномъ чувствовать лице самого Іисуса Христа Господа нашего, который будучи богатъ, какъ говоритъ Апостолъ; сдѣлался бѣденъ, чтобы насъ обогатить своею бѣдностію (2. Кор. 8, 9) ¹⁾».

Четвертый послѣдній разрядъ проповѣдей св. Льва заключаетъ въ себѣ довольно значительное число проповѣдей, сказанныхъ въ дни постовъ церковныхъ: 9 на постъ десятаго мѣсяца (Рождественскій), 13 на четьредесятницу, 4 на постъ по пятидесятницѣ и 9 на постъ седьмаго мѣсяца (Успенскій). Въ этой группѣ проповѣдей по преимуществу выражается правоученіе св. Льва, отрывочно встрѣчающееся и въ проповѣдяхъ другихъ отдѣловъ. Въ дни постъ, когда св. церковь призываетъ каждаго своего сына къ подвигу нравственнаго исправленія и самоусовершенія, и налагаетъ на всѣхъ обязанность благочестивой сосредоточенности; св. Левъ приурочивалъ особенную учительную дѣятельность, и что церковь налагаетъ на человека своими установленіями, къ тому онъ побуждалъ я что онъ разъяснялъ проповѣдными словомъ.

Соответственно характеру и основному настроенію римскаго епископа, его ученіе не есть развитіе идеи христіанской нравственности, примыкающее къ общимъ понятіямъ и на нихъ опирающееся; оно вытекаетъ изъ учрежденій церковныхъ, и ихъ разъясняетъ; по своему характеру это ученіе не отвлеченно нравст-

¹⁾ Sermo IX. De coll. IV. c. 3, p. 162-3.

венное, и дисциплинарно-церковное. Когда мы читаемъ слова св. Льва, сказанныя въ дни постовъ, мы замѣчаемъ въ нихъ заботу проповѣдника о поддержаніи этихъ дисциплинарно-церковныхъ учрежденій, и здѣсь встрѣчаются указанія не незначительныя и для исторіи церкви и для исторіи этихъ учрежденій.

Въ вѣкъ св. Льва уже были освящены данностію все четыре поста, нынѣ соблюдаемые православною церковію. Въ своихъ проповѣдяхъ на посты св. Левъ показываетъ не только значеніе этихъ дисциплинарно-нравственныхъ учрежденій церкви, но и древность церковныхъ постовъ вообще и причины установленія каждаго изъ нихъ, и вмѣстѣ съ этимъ разъясняетъ благотворныя слѣдствія, какими они сопровождаются въ жизни членовъ церкви.

Дѣло поста можетъ быть дѣломъ личнаго благочестія чловѣка, и каждый христіанинъ, по побужденію своей совѣсти, можетъ налагать на себя добровольно посты. Но эти частныя добровольныя посты кажутся невидимыя, хотя и полезныя, дѣломъ уму римскаго первосвященника, всегда обнимающаго своимъ взоромъ цѣлость церкви, а не единичную жизнь каждаго члена ея, и стремящагося къ объединенію частныхъ въ видахъ болѣе стройнаго теченія жизни и болѣе успѣшнаго достиженія цѣлей царствія Божія. Ему пріятны и для церкви наиболѣе важны и нужны посты общественныя, которыми объединяется и дружно направляется къ одной цѣли дѣятельность и нравственное поведеніе всѣхъ членовъ единаго стада Христова. И онъ не разъ указываетъ на преимущественное значеніе обще-церковныхъ постовъ яредъ постами частными. — постовъ, учрежденныхъ церковію, предъ постами добровольными. Но представленію св. Льва, обще-церковныя посты—твердыни, свыше установленныя для огражденія и защищенія нашихъ душъ и тѣл: они учреждены для удобнѣйшей борьбы съ врагомъ нашего спасенія, который прежде воздвигалъ противъ христіанъ казни и преслѣдованія, а

когда увидѣлъ, что эти казни послужили въ умноженію нашихъ триумфовъ, то жестокия гоненія перешли на скрытое коварство, и кого не могъ одолѣть голодомъ, огнемъ и мечемъ, тѣмъ думаетъ покорять правдою, страстями и удовольствіями. Для разрушенія этихъ коварныхъ злоумышленій христіанскій строй, по распоряженію Духа истины, имѣетъ сильныя крѣпости и побѣдоносныя оружія»; для того по промысленію благодати Божіей установлены святыя посты, которые въ нѣкоторые дни требуютъ отъ всей церкви общей благочестивой бдительности. Ибо хотя прекрасно и похвально каждому изъ членовъ церкви украшаться собственными личными добродѣтелями, но превосходнѣе дѣйствіе и священнѣе добродѣтель, когда въ одномъ подвигѣ соединяются сердца благочестиваго народа, чтобы тотъ, кому наше освященіе служить наказаніемъ, былъ побѣжденъ не частію, но цѣлымъ (церковію)»¹⁾.

Всюду у св. Льва идея церкви и ея единства является главнымъ, направляющимъ мыслію, понятіемъ, и все оцѣнивается ею съ точки зрѣнія, опредѣляемой этимъ понятіемъ. Что дѣлается отъ лица церкви и соединяетъ во едино частныя воли, то дѣлаетъ изъ людей великій, могущественный, непобѣдимый народъ: представленіе объ этомъ нашъ проповѣдникъ старается напечатлѣть въ умахъ своихъ слушателей. Здѣсь исходная точка его ученія о постахъ, молитвѣ и другихъ дѣлахъ благочестія. «Между всѣми подвигами добродѣтельнаго благочестія (говорить онъ) всегда имѣетъ свое преимущество соблюденіе божественныхъ установленій, такъ что священнѣе совершаемое по общественному закону, чѣмъ то, что дѣлается по частному желанію. Ибо соблюденіе воздержанія, какое каждый себѣ назначаетъ по собственному изволенію, относится къ частной пользѣ; а постъ, соблюдаемый всею церковію, никого не отдѣляетъ отъ общаго

¹⁾ Sermo XVIII. De Ieiunio decimi mensis VII, c. 1. 2, p. 182—4. Ср. Sermo LXXXVI. De Ieiunio septimi mensis I, c. 1, 437.

очищенія, и тогда является могущественнѣйшимъ народъ Божій, когда сердца всѣхъ соединяются въ единство святаго повиновенія, и когда въ станѣ воинства Христова вездѣ одинаковое приготовленіе, вездѣ одинаковое огражденіе. Пусть ярится неуспѣнная злоба жестокаго врага, и пусть всюду разставляетъ она скрытыя засады: никого она не можетъ уловить, никого не можетъ уязвить, когда не найдетъ никого безоружнымъ, никого безпечнымъ, никого безучастнымъ дѣлу благочестія. Къ могуществу этого непобѣдимаго единства призываетъ насъ, возлюбленные, и настоящій постъ (седьмага мѣсяца)... Поднѣйшее уничтоженіе грѣховъ получается тогда, когда у всей церкви одна молитва и одно исповѣданіе. Ибо если святому и благочестивому согласію двухъ или трехъ Господь обѣщаетъ исполнить все, чего ни попросятъ они (Матѣ. 18, 20), откажетъ ли въ чемъ народу многихъ тысячъ, равно исполняющему одно благочестіе, и согласно молящемуся въ одномъ духѣ? Великое, возлюбленные, въ глазахъ Господа и истинно драгоценное зрѣлище, когда весь народъ Христовъ вмѣстѣ исполняетъ одно служеніе, и однимъ стремленіемъ одушевляются оба пола, всѣ степени и всѣ сословія, когда въ избѣжаніи зла и въ совершеніи добра у всѣхъ равное и одинаковое предпріятіе, когда въ дѣлахъ своихъ рабовъ прославляется Богъ, и когда виновника всякаго благочестія благословляютъ въ совокупной благодатной дѣятельности... Итакъ, возлюбленные, возлюбимъ блаженную цѣлость священнѣйшаго единства, и вступимъ въ узаконенный постъ въ согласіи общаго доброй воли...¹⁾ «Общественные посты (говоритъ св. Левъ въ другой проповѣди) нужно предпочитать частнымъ; и тамъ нужно видѣть особенную пользу, гдѣ бодрствуетъ общаа заботливость. Пусть благочестіе каждаго соблюдаетъ налагаемое по усердію, и

¹⁾ Sermo LXXXVIII. De Ieiunio septimi mensis III, c. 2. 3. 4. 5, p. 441—3.

противъ коварства дуканнаго развращенія муть надеждъ, испрашивая помощи божественнаго покровительства, беретъ небесное оружіе. Но церковный воинъ, хотя бы могъ храбро сражаться въ частной борьбѣ, безопаснѣе и счастливѣе будетъ бороться, если выступить противъ врага явно въ строю, гдѣ онъ не съ своими только силами вступить въ битву, но, подъ управленіемъ непобѣдимаго Царя, будетъ вести общую войну въ союзѣ съ братьями войсками. Съ меньшею опасностію многіе вѣстѣ сражаются съ врагомъ, чѣмъ перознь; и не легко подвергнуться ранѣ тому; кого, огражденнаго щитомъ вѣры, защищаетъ не своя только храбрость, но и храбрость другихъ; такъ что гдѣ одно у всѣхъ дѣло, тамъ одна и побѣда.

Мысль св. Льва о преимущественномъ значеніи постовъ общецерковныхъ предъ постами частными, раскрытая такъ рельефно, и утвержденная на идеѣ церковнаго единства, простирается до того, что онъ отрицаетъ значеніе подвига поста, если онъ предпринимается человекомъ, не держащимъ живаго единенія съ церковью. Церковь одна даетъ освященіе подвигу благочестія человека, и дѣлаетъ его богоугоднымъ. Посты есть у иудеевъ и еретиковъ, были и соблюдаются донынѣ, посты у самихъ язычниковъ, «но у насъ вѣра освящаетъ и ядущаго, а у нихъ невѣріе оскверняетъ и постящагося: внѣ церкви каволической нѣтъ ничего праведнаго, нѣтъ ничего чистаго, какъ говоритъ Апостолъ: *всяко, воше не отъ вѣры; грѣхъ есть* (Рим. 14, 23)»¹⁾.

Общественнымъ постамъ соблюдаемымъ церковью, св. Левъ приписываетъ апостольское происхожденіе и начало, ихъ видитъ въ божественной волѣ и высшемъ узаконеніи. На священную древность, на божественное начало и апостольское происхожденіе постовъ церковныхъ онъ любитъ указывать своимъ слушателямъ, выражая въ этихъ указаніяхъ свое уваженіе къ учрежденіямъ

¹⁾ S. LXXIX. De jejunio Pentec. II, c. 2, p. 419.

церкви, и внушая это уваженіе другимъ. Для него вѣры, обращенной къ прошедшему и руководившейся преданіемъ, это была одна изъ самыхъ родныхъ, любимыхъ мыслей, и съ нею онъ является: едва не въ каждой проповѣди, произнесенной въ постъ. Онъ находитъ особенный смыслъ въ учрежденіи и существованіи именно четырехъ постовъ, не болѣе ни менѣе. Ихъ онъ приводитъ въ соответствіе съ четырьмя временами года, и находитъ основательнымъ и необходимымъ, чтобъ отъ каждаго времени года извѣстныя стадіи назначались для посвященія Богу. «По ученію св. Духа, церковные посты такъ распределены по кругу всего года, что законъ воздержанія предписанъ воѣмъ временамъ: такъ постъ весенній мы соблюдаемъ въ четырехдесятницу, лѣтній въ пятидесятницу, осенній въ седьмомъ мѣсяцѣ, а зимній въ настоящемъ десятомъ, зная, что въ божественныхъ заповѣдяхъ нѣтъ ничего произвольнаго, и что по слову Божию къ наученію нашему слушать всѣ элементы, когда страны міра, какъ четыре евангелиста, непрестанно научаютъ насъ тому, что мы должны проповѣдывать и исполнять»¹⁾.

Указавши на мудрое распоряженіе, узаконившее въ церкви четыре поста, св. Левъ показываетъ частныя причины, по которымъ установленъ въ церкви каждый изъ четырехъ постовъ.

Самый важный постъ изъ четырехъ, это постъ четырехдесятницы. «Во всѣ дни и времена воспоминаются нами нѣкоторые знаки божественной благодати, и никакая часть года не лишена священныхъ таинствъ, чтобы мы всегда сильнѣе стремились къ зовущему насъ милосердію Божию, когда всюду встрѣчаются намъ знаменія нашего спасенія. Но все, что въ различныхъ дѣлахъ и дарахъ благодати приносится для возстановленія душъ нашихъ, все то яснѣе и обильнѣе представляется намъ, когда мы призы-

¹⁾ Sermo XIX. De Ieiunio decimi mensis VII. c. 2. p. 186. Cp. Sermo XCIV. De Ieiunio septimi mensis IX. c. 3. p. 439.

ваемся къ прославленію не чего нибудь частнаго, а всего вмѣстѣ. При приближеніи пасхальнаго торжества, наступаетъ величайшій и священнѣйшій постъ, который отъ всѣхъ вѣрныхъ безъ исключенія требуетъ строгаго воздержанія, потому что никто столько не святъ, чтобы не нужно было быть еще святѣе, никто столько не благочестивъ, чтобы не нужно было быть еще благочестивѣе¹⁾. Этотъ величайшій и священнѣйшій постъ установленъ святыми апостолами, по ученію, св. Духа²⁾. Цѣль этого установленія—достояное приготовленіе къ величайшему христіанскому таинству, къ высшему всѣхъ праздниковъ,—пасхальному торжеству, которымъ въ церкви Божіей освящается достоинство всѣхъ праздниковъ³⁾, и которому предшествуетъ великая тайна страданій Господнихъ⁴⁾. Самое рождество Господа отъ матери имѣетъ отношеніе къ этому таинству, и не было другой причины рожденія Сына Божія, кромѣ необходимости быть распяту на крестѣ для спасенія человѣка. Въ утробѣ Дѣвы принята смертная плоть, въ смертной плоти совершилось страданіе, и по неизреченному совѣту милосердія Божія оно послужило намъ тайною искупленія, уничтоженіемъ грѣха и началомъ воскресенія къ жизни вѣчной. Припоминая, что чрезъ крестъ Господа спасенъ міръ, мы знаемъ, что къ прославленію дня Пасхи намъ нужно приготовиться сорокодневнымъ постомъ, чтобы достойно присутствовать при божественныхъ тайнахъ. Не только архіереи или священники, не одни совершители таинствъ, но все тѣло церкви, и все число вѣрныхъ должно очиститься отъ всякой сверны, чтобы храмъ Божій, кото-

¹⁾ Sermo XLIX. De Quadragesima XI, c. 1, p. 301. Patr. C. c. T. LIX.

²⁾ Sermo XLVII. De Quadragesima IX, c. 1, p. 293. Sermo XLIV. De Quadr. VI, c. 2, p. 286.

³⁾ Sermo XLVIII. De Quadragesima X, c. 1, p. 298. S. XLVII. S. L. De Quadr. XII, c. 1, p. 303.

⁴⁾ Sermo XLII. De Quadrag. IV, c. 1, p. 273. S. XLIV. De Quadrag. VI, c. 1, p. 283.

рому основаніемъ служить самъ Основатель, былъ благовиденъ во всѣхъ камняхъ и свѣтелъ во всей своей цѣлости. Ибо если дворцы царей и преторія высшихъ властей всякими украшеніями разумно убираются, чтобы быть лучшими жилищами тѣхъ, которыхъ больше заслуги, то какъ заботливо нужно созидать, какъ честно украшать жилище самаго Божества» ¹⁾.

Подобно великому посту Четырдесятницы учрежденъ апостолами, по внушенію Св. Духа, и постъ лѣтній, постъ Пятидесятницы. «Мы не сомнѣваемся (говоритъ св. Левъ), что по исполненіи апостоловъ обѣтованною силою, по изліяніи въ сердца ихъ Духа истины, между прочими таинствами небеснаго ученія, первоначально по указанію Утѣшителя принято это учрежденіе духовнаго воздержанія, чтобы умы, освященные постомъ, были способнѣе къ употребленію даровъ, ими полученныхъ ²⁾. Эти учителя, которые примѣромъ и преданіемъ своимъ наставили всѣхъ сыновъ церкви, святымъ постомъ открыли первое начало христіанской брани, чтобы имѣющіе сражаться противъ духовныхъ враговъ, брали оружіе воздержанія, которымъ бы отсѣкали корни пороковъ» ³⁾. Когда въ день Пятидесятницы... обѣтованный Господомъ Духъ Святой исполнилъ души ожидающихъ большею силою, тѣмъ когда либо, и яснѣйшимъ присутствіемъ своего величія: то открывалось, что между прочими дарами Божиими сообщена тогда благодать поста, который непосредственно слѣдуетъ за нынѣшнимъ праздникомъ, чтобы какъ похоть была началомъ пороковъ, такъ воздержаніе стало началомъ добродѣтелей» ⁴⁾. Этому указанію св. Левъ предпосылаетъ общее замѣчаніе, которымъ наставляетъ слушателей въ томъ, что всякое христіанское

¹⁾ Sermo XLVIII. De Quadragesima X, c. 1, p. 296.

²⁾ Sermo LXXVIII. De Ieiunio Pentecostes I. p. 416. Patr. C. c. T. LIV.

³⁾ Ibidem. c. 2, p. 416. Cp. Sermo LXXXI. De Ieiunio Pentec. IV, c. 1, p. 425.

⁴⁾ Sermo LXXIX. De Ieiunio Pentecostes II, c. 1, p. 419.

установленіе божественнаго происхожденія, и что церковію принято въ обычай благочестія, то происходитъ отъ преданія апостольскаго и отъ ученія Святаго Духа, который чрезъ свои установленія управляетъ сердцами вѣрныхъ.

По апостольскимъ постановленіямъ, мы соблюдаемъ постъ для своего очищенія и въ седьмой мѣсяцъ ¹⁾. Причину установленія этого поста проповѣдникъ не связываетъ ни съ какимъ особеннымъ событіемъ, но ищетъ ея въ самомъ распорядкѣ времени года. «Седьмой мѣсяцъ (говоритъ онъ) отъ начала таинственъ по причинѣ седмиобразнаго Духа, и освященъ самымъ числомъ своего порядка ²⁾, и отсюда онъ выводитъ необходимость освященія его плодами воздержанія. Проповѣдникъ, говоря о началѣ поста седьмаго мѣсяца, своимъ воспоминаніемъ уносится къ временамъ Ветхаго Завета, и не разъ замѣчаетъ, что апостольское установленіе оттуда заимствовало этотъ постъ, не для того, чтобы подчинить насъ бремени закона, а чтобы рекомендовать намъ пользу воздержанія, которое служитъ Евангелію Христову: апостолы знали, что Господь пришелъ въ міръ не для того, чтобы разорить законъ, но чтобы исполнить его, и потому многое изъ иудейскихъ учрежденій предписали соблюдать и христіанамъ ³⁾.

Постъ десятаго мѣсяца (Рождественскій или зимній) св. Левъ въ своихъ проповѣдяхъ представлялъ естественною благодарностію со стороны человека Богу. Въ теченіе его по собраніи всѣхъ плодовъ приносится достойная жертва роздержанія Щодродателю Богу ⁴⁾. Этотъ постъ, по представленію проповѣдника, учредили святые отцы по вдохновенію свыше въ самое удобное время, что-

¹⁾ Sermo XCIII. De Ieiunio septimi mensis VII, c. 3. p. 457.

²⁾ Sermo XCII. De Ieiunio septimi mensis VII, c. 4. p. 455.

³⁾ Sermo XCII, c. 1, 2, p. 453—4. Sermo XCIII, c. 3, p. 457.

⁴⁾ Sermo XIII. De Ieiunio decimi mensis II, p. 172. Sermo XIV. De Ieiunio decimi mensis III, c. 2, p. 173.

бы по собраніи всѣхъ плодовъ показать разумное воздержаніе для Бога, и чтобы каждый помнилъ, какъ нужно пользоваться изобиліемъ,—быть воздержнѣе для себя и щедрѣе къ бѣднымъ ¹⁾). И здѣсь, какъ при показаніи начала поста седьмага мѣсяца, проповѣдникъ восходитъ къ временамъ ветхозавѣтнымъ, и припоминаетъ, что изъ Ветхаго Завѣта многое принято въ Новомъ такого, что относится къ правиламъ нравственности или къ простому служенію Богу: все, сюда относящееся, у насъ сохраняется въ той же формѣ, въ какой первоначально явилось. «Оттуда и обычный постъ десятаго мѣсяца, который нами долженъ быть соблюдаемъ каждый годъ; потому что дѣло благочестивое и справедливое воздавать благодареніе божественной щедрости за плоды, которые земля произвела на пользу, чловѣка по устроенію божественнаго Провидѣнія» ²⁾).

Въ проповѣдяхъ св. Льва на посты, при объясненіи ихъ происхожденія и начала, не можетъ не обращать вниманіе читателя стараніе проповѣдника сближать учрежденія двухъ завѣтовъ, показывать согласіе между предписаніями ветхозавѣтнаго закона и установленіями евангельскими и апостольскими; и авторитетомъ одного завѣта утверждать важность установленія, принятаго въ другомъ. Это у нашего проповѣдника выраженіе общаго настроенія его мысли. Такое настроеніе мысли могло возникать у св. Льва въ слѣдствіе противодѣйствія манихеямъ, которые унижали Ветхій Завѣтъ, и въ его время тревожили спокойствіе римской церкви. Но еще болѣе оно утверждалось на основной идеѣ его сознанія и на его воѣ, старавшейся все объединять и приводить въ согласіе. Величественный образъ церкви, обнимающей собою всѣ мѣста и воѣ времена, одушевляемой единымъ Духомъ отъ перваго дня до послѣдняго, была главною и руководящею его

¹⁾ Sermo XVI. De Ieiunio dec. mens. IV, c. 2, p. 175.

²⁾ Sermo XVI. De Ieiunio decimi mensis VI, c. 1, p. 180. Ср. Sermo XV. c. 2, p. 175. Sermo XX. De Ieiunio septimi mensis IX, c. 1. 2, p. 189—9

идею, которая опредѣляла собою направленіе его мысли и дѣятельности и давала ему точки опоры при изясненіи разныхъ предметовъ подпадающихъ его изслѣдованію. Эта идея собственно побуждала его указывать гармонію въ двухъ завѣтахъ и представлять единство церкви въ ея разновременныхъ учрежденіяхъ. Величественному образу церкви былъ бы нанесенъ ущербъ, по мысли проповѣдника, если бы онъ не простиралъ его широты за предѣлы обновленія міра христіанствомъ.

Въ чемъ сущность поста, по указанію проповѣди св. Лѣва Великаго?

Посты св. Лѣвъ представлялъ не только временемъ воздержанія, но и временемъ особеннаго духовнаго бодрствованія. Они, по его словамъ ¹⁾, *твердыни*, поставленныя на пути жизни христіанъ: въ эти твердыни церковь приглашаетъ христіанъ для большаго сосредоточенія силъ духовныхъ, для защиты отъ соблазновъ и развлеченій міра, а главное отъ нападеній коварнаго и злобнаго врага нашего спасенія. Потому не къ одному внѣшнему воздержанію отъ пищи призываетъ свою паству римскій епископъ въ своихъ проповѣдяхъ на дни поста, а къ усиленному бодрствованію надъ своею душею, къ исправленію своего сердца и къ трудамъ по списканію добродѣтели. Потомуже воинственныхъ предковъ любилъ представлять жизнь постоянною борьбою, и мысль о врагѣ нашего спасенія ²⁾ не оставляетъ его ни на минуту когда онъ говоритъ о подвигѣ, указанномъ человѣку его назначеніемъ. Бдительность и духовное мужество—главныя свойства, подъ которыми онъ изображаетъ долгъ человѣка, призваннаго въ общество христіанское. Діаволъ постоянно еспариваетъ у человѣка его право на блаженство; нападенія на нашу душу могутъ быть каждый день; въ его рукахъ множество орудій, которыми онъ ста-

¹⁾ Sermo XVIII. De Ieiunio dec. mensis VII, c. 1, p. 182.

²⁾ Sermones XXIV, XV, XVI, XXXIX, XL, XLI, XLIX, LXXXIX.

рается наносить намъ раны и смертельные удары. Бдительность нужна намъ противъ нападений врага. Но въ обыкновенное время, при отсутствіи вѣшнихъ напоминаній, легко предаться безопасности и забыть о необходимости заботливо охранять достоинство души нашей. Чтобы пробудить отъ этой безопасности или допустить до нея, церковь, по внушенію свыше и апостольскому преданію, и установила дни поста, въ которые, ограничивая произволь нашей воли и мѣру нашихъ наслаждений, зоветъ насъ тѣмъ въ сосредоточенію и напоминаетъ намъ объ опасности и нашемъ долгѣ. Въ соотвѣтствіе этому намѣренію церкви, христіанинъ въ дни поста долженъ напрягать всѣ силы своей души, чтобы облегчить и очистить себя отъ тяжести и скверны грѣха и поставить на безопасной высотѣ по отношенію къ соблазнамъ міра и нападеніямъ врага. Нравственное напряженіе и духовная бдительность тѣмъ болѣе нужны въ это время, что врагъ нашъ, замѣчая нашу осмотрительность, съ своей стороны употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы овладѣть нашею волею и выбить насъ изъ безопасныхъ твердынь, указываемыхъ намъ церковію ¹⁾. Возбуждая бдительность благочестія, проповѣдникъ даетъ разумѣть слушателямъ, что нѣтъ границъ коварству и дерзости діавола, и въ примѣръ представляетъ исторію искушеній самого Господа, къ которому приступалъ съ своими обольщеніями діаволъ, не смотря на извѣстное ему божественное величіе Господа Иисуса Христа, и его нечестіе не отчаялось въ искусствѣ своей злобы послѣ того, какъ Господь сорокадневнымъ постомъ показалъ ему свою силу въ борьбѣ съ искушеніями ²⁾.

При общей духовной бдительности, требуемой отъ каждаго церковію во время поста, какое значеніе имѣетъ вѣшнее воздер-

¹⁾ Sermo XXXIX. De Quadragesima I, c. 1. 2. 3. 4, p. 163—6. Sermo XL. De Quad. II, c. 2, p. 268—9. Sermo XLIX. De Quadr. XI. c. 3, p. 303. Sermo LXXXVII. De Ieiunio septimi mensis II, c. 1, p. 438.

²⁾ Sermo XLI. De Quadr. III, c. 2, p. 273.

жаніе? И для чего оно предписывается церковію? Внѣшнее воздержаніе, по толкованію св. Льва, согласному съ ученіемъ церкви, не бесполезно для цѣлей нравственнаго воспитанія: оно обуздываетъ вожделѣнія плоти; законъ воздержанія, ограничивая нашу волю, учитъ насъ подчинять свою свободу и дѣятельность высшимъ распоряженіямъ божественной воли, и отрывая насъ отъ ежедневныхъ привычекъ, напоминаетъ намъ о высшей дѣятельности по закону, часто забываемому нами при обыкновенныхъ заботахъ и хлопотахъ. Для врага нашего это ограниченіе, налагаемое на нашу плоть и наши желанія, служитъ неприятнымъ явленіемъ, на которое онъ смотритъ съ боязнію и отвращеніемъ. Но само въ себѣ воздержаніе плотское только начало пути, но не весь путь, и кто на немъ одномъ остановится, тотъ не достигнетъ побѣднаго вѣнца. Борьба наша—борьба духовная, и съ врагами спасенія мы должны бороться духовнымъ оружіемъ. *Буква убиваетъ, а духъ животворитъ*, говоритъ проповѣдникъ, апостольскимъ словомъ разясняя сущность христіанскаго воздержанія (1 Кор. 8, 1). Указывая часто начало постовъ христіанскихъ въ учрежденіяхъ церкви ветхозавѣтной, св. Левъ иногда замѣчаетъ при этомъ, что указаніемъ на ветхозавѣтное происхожденіе постовъ онъ не подчиняетъ христіанъ игу іудейскаго закона и не поставяетъ образцомъ для этихъ обычаевъ плотскаго народа; христіанское воздержаніе должно превосходить посты іудейскіе, и отнюдь не должно сосредоточиваться на одной внѣшности, на которой останавливалось благочестіе іудеевъ. Они принимали на себя мрачныя лица (Матѣ. 6, 16), надѣвали траурныя одежды, босыми ходили въ церковь, со всею тщательностію выполняли всѣ подробности внѣшняго воздержанія, но посты ихъ, на этомъ останавливавшіеся, были постами праздными и суетными ¹⁾.

¹⁾ Sermo LXXIX. De Ieiunio decimi mensis IV, с. 1, р. 444. Во время св. Льва внѣшній постъ не во всѣ дни недѣли соблюдался съ одинаковою строгостію. Св. Левъ во многихъ своихъ проповѣдяхъ въ заключеніи приглашаетъ

Характеръ духовнаго бодрствованія, требуемаго отъ челоуѣка церковію въ дни постовъ, намъчивается нашимъ проповѣдникомъ только въ общихъ чертахъ. Назидательное слово его какъ бы только напоминаетъ своимъ слушателямъ объ обязанностяхъ, имъ давно извѣстныхъ, и часто въ одной короткой тирадѣ сокращенно представляетъ всю полноту требованій закона. «Пусть всякая душа христіанская (говоритъ напримѣръ онъ) внимательно сматривать кругомъ себя и строго испытываетъ внутреннее своего сердца. Пусть она наблюдаетъ, нѣтъ ли гдѣ раздора, не скрывается ли гдѣ страсть. Чистота пусть далеко гонитъ нецѣломудріе, и свѣтъ истины пусть разсѣиваетъ тьму лжи. Пусть смиритса

слушателей къ посту въ среду и пятницу, а въ субботу къ бдѣнію у блаженнаго апостола Петра. *Quarta igitur et sexta feria jejunemus; sabbato autem apud beatum Petrum apostolum vigilemus* или *vigilias celebremus*—такія слова служатъ у него обычнымъ заключеніемъ почти всѣхъ проповѣдей на посты, за исключеніемъ проповѣдей на постъ Четыредесятницы (Sermo XII. De Ieiunio decimi mensis I, с. 6, р. 172. Sermo XIII, р. 173. Sermo XV, с. 2, р. 176. Sermo XVI, с. 6, р. 179. Sermo XVII, с. 4, р. 182. Sermo XVIII, с. 3, р. 186. S. XIX, с. 3, р. 188. S. LXXVIII. De Ieiunio Pentecostes I, с. 4, р. 418. S. LXXXI, с. 4, р. 422. S. LXXXVI. De Ieiunio septimi mensis I, с. 2, р. 438. S. LXXXVIII, с. 5, р. 444. S. LXXXIX, с. 6, р. 446. S. XC, с. 4, р. 450. S. XCII, с. 4, р. 455. S. XCIV, с. 4, р. 460). Изъ нихъ мы заключаемъ, что въ среду и пятницу постъ былъ болѣе строгій, чѣмъ въ другіе дни недели, а въ субботу болѣе противъ обыкновеннаго продолжительное бдѣніе въ церкви апостола Петра. Такихъ заключительныхъ словъ нѣтъ въ проповѣдяхъ на четыредесятницу; это можетъ служить свидѣтельствомъ, что въ этотъ величайшій и важнѣйшій постъ не было такого различія въ силѣ поста между днями недели, какое допускалось въ другіе посты, и всѣ дни были какъ бы средою и пятномъ. Иные на основаніи выраженія св. Льва: *sabbato autem apud beatum Petrum apostolum* хотѣли доказывать существованіе поста въ римской церкви въ субботу. Но приведенное выраженіе ничего не даетъ опредѣленнаго касательно этого предмета: оно говоритъ только о бдѣніи, а не о постѣ особенномъ; притомъ оно относится только къ субботамъ, входящимъ въ кругъ постныхъ недель, а не къ субботамъ всего года. См. *Dissertatio Pasch. Queenselli sexta, De Ieiunio sabbati in Ecclesia Romana observato tempore S. Leonis. P. Cursus completus. T. LV, p. 627—646.*

гордость, успокоится гнѣвъ, пусть сокрушатся вредоносныя копыя и обуздается злословіе языка. Пусть умолкнетъ мщеніе и предадутся забвенію обиды. Пусть наконецъ искоренится всякое растеніе, которое насадилъ не Отецъ Небесный (Матѣ. 15, 13). Тогда въ насъ хорошо питаются сѣмена добродѣтелей, когда съ поля сердца нашего исторгается всякое внѣшнее терніе» ¹⁾.

Между добродѣтелями, которыми, по нравоученію св. Льва, нужно наиболѣе украшать свою душу, его проповѣдь рядомъ съ постомъ ставитъ молитву и милосердіе, и о послѣднемъ, какъ лучшемъ выраженіи чистаго настроенія духа, какъ выполненіи закона любви, онъ говоритъ особенно часто, такъ что проповѣди о постѣ есть вмѣстѣ и проповѣди о милосердіи» ²⁾. Къ благочестивымъ дѣйствіямъ (говоритъ онъ) принадлежать главнымъ образомъ три добродѣтели, то есть молитва, постъ и милостыня; для упражненія въ нихъ всякое время удобно, но особенно на это должно быть отдѣляемо то время, которое для насъ освящено апостольскими преданіями: такъ на примѣръ настоящій десятый мѣсяць приносить съ собою древле установленный обычай, по которому мы прилежнѣе должны подвизаться въ тѣхъ трехъ добродѣтеляхъ, которыя я перечислилъ. Молитвою снискивается милость Божія, постомъ исправляется похоть плоти, милостынями заглаждаются грѣхи (Дан. 4, 24); чрезъ всѣ же (три добродѣтели) вмѣстѣ возстановляется въ насъ образъ Божій... Это тройкое благочестіе обнимаетъ собою сущность всѣхъ добродѣтелей. Оно возводитъ насъ къ образу и подобію Божію, и приближаетъ насъ къ Духу Святому; потому что въ молитвѣ пребываетъ правая вѣра, въ постахъ невинная жизнь, «въ милостыняхъ добрая душа» ³⁾.

Мы не считаемъ нужнымъ раскрывать всѣхъ подробныхъ частно-

¹⁾ Sermo XXXIX. De Quadragesima I, c. 5, p. 266.

²⁾ У Кенеля проповѣди св. Льва на постъ десятаго мѣсяца и озаглавляются: De Ieiunio decimi mensis et de Eleemosynis. S. Leonis opera omnia. T. I. Lugduni. 1700.

³⁾ Sermo XII. De Ieiunio decimi mensis I, c. 4, p. 171—2.

сти, въ какихъ выражается правоученіе римскаго епископа: онъ не прибавяетъ ничего въ характеристикѣ изображаемаго нами проповѣдника. Въ краткихъ поученіяхъ его нѣтъ строгаго и подробнаго развитія нравственнаго начала. Въ нихъ встрѣчаются указанія обязанностей и добродѣтелей, наиболѣе необходимыхъ для христіанина, вызываемыя случаемъ и высказываемыя тономъ положительнаго наставленія авторитетнаго лица. Объединяя эти указанія, разсѣяанныя во множествѣ поученій св. Льва, мы уловляемъ руководящіе мотивы его наставительной мысли. Область нравственной дѣятельности человѣка нашъ проповѣдникъ подчиняетъ строгой дисциплинѣ и благоговѣть предъ внѣшними уставами и учрежденіями церкви, но при этомъ онъ отнюдь не хочетъ внушать своимъ слушателямъ соблюденіе только внѣшняго благочестія. Онъ ведетъ волю и мысль слушателей къ потребностямъ внутренняго благочестія и говоритъ имъ о необходимости обновленія и возстановленія духовнаго человѣка. При мысли объ этомъ обновленіи и внутреннемъ самоусовершеніи у него рѣдно заходитъ рѣчь объ уединенныхъ, такъ сказать, кабинетныхъ добродѣтеляхъ: его любимыя добродѣтели, — добродѣтели социальныя, общественныя. Человѣка онъ представляетъ всегда какъ члена общества, какъ одного изъ великой семьи Божіей, вмѣстѣ съ другими раздѣляющаго труды жизни, и въ соединеніи съ другими достигающаго цѣлей жизни. Если онъ и требуетъ отъ него не внѣшняго, а внутренняго благочестія, то благочестія видимаго, осязательнаго, сопровождающагося благотворными результатами для жизни общества. Въ посты, по смыслу учрежденій церкви, человѣкъ призывается къ внутреннему самоограниченію, умерщвленію плоти и духовному самососредоточенію; но св. Левъ въ дни постовъ зоветъ человѣка служить обществу, и о дѣлахъ милосердія, прощенія обидъ, помощи бѣднымъ, говоритъ едва ли не чаще ¹⁾),

¹⁾ Sermo XII. De Ieiunio dec. mensis I, p. 168—172. S. XIV, XV, XVI, XVIII, XIX, XX. De Quadragesima I, XL, LVI, LXIII, XLIV, XLV, LXVI, LXVII, LXVIII, LXIX, L, LXXVIII. De Ieiunio Pentecostes I, LXXX, LXXXVI. De Ieiunio sept. mensis I, LXXXVII, LXXXVIII, LXXXIX, XCI, XCV.

чѣмъ о воздержаніи и его разныхъ степеняхъ и видахъ. Милосердіе—лучшее украшеніе поста; а безъ милосердія и постъ недействителенъ: ростокъ добра, пускающій корень въ душѣ чловека, тогда только заявляетъ свою жизнь и силу, когда въ дѣлахъ любви дѣлается замѣтнымъ для другихъ. Спасеніе душъ нашихъ (говоритъ онъ во второй проповѣди на постъ десятаго мѣсяца) приобретается не однимъ постомъ; дополнимъ постъ своей милосердіемъ къ бѣднымъ: Употребимъ на добродѣтель то, что отнимемъ у удовольствія. Пусть воздержаніе постащаго послужитъ къ обогаченію бѣдныхъ. Позаботимся о защитѣ вдовъ, о призрѣніи сиротъ, объ утѣшеніи плачущихъ, о примиреніи ссорящихся. Пусть найдеть пріютъ у насъ чужестранецъ, помощь утѣсенный, одежду нагой, попеченіе больной, чтобы каждый изъ насъ отъ праведныхъ трудовъ принесть жертву благочестія Виновнику всѣхъ благъ Вогу, и заслужилъ у него награду царства небеснаго¹⁾. Направили во дни поста къ дѣламъ любви волю христіанъ, св. Левъ стоятъ на почвѣ положительнаго закона Божія, но раскрывая положительную заповѣдь закона евангельскаго, проповѣдникъ для возбужденія большей ревности къ исполненію этой заповѣди, готовъ упоминать и на требованія закона чловеческаго. Такъ наприимѣръ въ словахъ о милосердіи онъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на благочестивый обычай римскихъ императоровъ, которые въ честь страданій и воскресенія Господа склоняли, по выраженію св. Льва, высоту своей власти, и смягчая строгость своихъ законовъ, оказывали милость и снисхожденіе виновнымъ преступникамъ, и указаніемъ на это убѣждаетъ христіанъ подражать своимъ государямъ,—отпускать вины, прощать оскорбленія, оставлять ищеніе: *непримично частнымъ законамъ быть строже государственныхъ*²⁾.

В: Плевнскій.

¹⁾ Sermo XIII, p. 172.

²⁾ Sermo XL/ De Quadragesima II, c. 5, p. 271.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ БАЗИЛИАНСКАГО ОРДЕНА ВЪ БЫВШЕЙ ПОЛЬШѢ.

(Продолженіе.)

II.

Второй періодъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ продолжается съ начала до конца XVIII в., или точнѣе съ Замойскаго собора въ 1720 году и до третьяго раздѣла Польши въ 1795 году, послѣ котораго уже не осталось въ Польшѣ базилианскихъ монастырей, перешедшихъ къ сему времени подъ власть Россіи и Австріи.

Въ началу этого періода уже закончилась совращеніе православныхъ монастырей въ унию: оставшіеся къ этому времени православными монастыри оставались таковыми до третьяго раздѣла Польши. Вслѣдствіе такихъ успѣховъ униі, базилиане могли уже теперь не стѣсняться въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ «схизматиками» и слѣдовательно не имѣли нужды, для привлеченія ихъ въ унию, строго придерживаться православныхъ обрядовъ и обычаевъ: базилиане уже прямо могли теперь объявить себя на сторонѣ католической церкви, ея обычаевъ и обрядовъ, что и не замедлили сдѣлать. Довольно рѣшительная попытка къ сближенію униі и базилианъ съ римско-католическою церковію сдѣлана была, какъ мы видѣли, во время столкновенія базилианскаго ордена съ своимъ митрополитомъ Жоховскимъ, когда Хеди-

скій уніатскій епископъ Яковъ Суша сдѣлалъ въ нунціатуру представленіе объ ограниченіи власти митрополита и епископовъ постановленіями Тридентскаго собора, отчасти принятыми въ основаніе Nexus-а или союза базилианъ съ митрополитомъ Жоховскимъ, составленнаго въ 1686 году. Но полное примѣненіе правилъ Тридентскаго собора къ уніатской церкви и базилианамъ сдѣлано было на Замойскомъ соборѣ 1720 года. Мы не будемъ распространяться здѣсь о постановленіяхъ этого собора и отношеніи ихъ къ постановленіямъ Тридентскаго собора; потому что читатели Трудовъ Кіевской духовной Академіи имѣютъ уже понятіе о сихъ соборахъ ¹⁾. Скажемъ только, что Замойскій соборъ далъ уніатамъ тему для развитія уніатской церкви въ духѣ латинства и постановленій Тридентскаго собора. Въ теченіи всего почти XVIII вѣка постановленія Замойскаго собора примѣнялись и къ соединенію всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одинъ базилианскій орденъ, и къ внутренней организаціи сего ордена, и къ измѣненію богослуженія и обрядности уніатской церкви примѣнительно къ богослуженію и обрядности католической церкви, и проч. Но примѣненіе этихъ постановленій къ базилианскому ордену имѣло, въ разсматриваемый нами періодъ, нѣсколько фазисовъ своего развитія. Съ 1720 года базилиане заняты были преимущественно разрѣшеніемъ сложнаго вопроса о соединеніи всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одну базилианскую конгрегацію; съ половины XVIII в. и до 1790 г. превозводились внутренняя работа надъ организаціей базилианскаго ордена на началахъ католической церкви; а съ 1772 г., т. е. со времени перваго раздѣла Польши, начинается рѣшительный упадокъ базилианскаго ордена и стремленіе къ полному сліянію съ католичествомъ. На этомъ основаніи; второй періодъ исторіи базилианскаго ордена мы раздѣлимъ

¹⁾ «Тридентскій соборъ», въ Трудахъ Кіевск. дух. Акад. 1762 год., ч. 2, кн. 3; 1863 г. ч. 1, кн. 2 и 3. «Взглядъ православнаго на Замойскій соборъ», тамъ же, 1862 г., ч. 1, кн. 2.

на слѣдующіе три отдѣла: 1) о соединеніи всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одну базилианскую конгрегацию; 2) о внутренней организаціи базилианскаго ордена, съ 50-хъ годовъ XVIII в., и 3) объ уназдкѣ базилианскаго ордена, съ 1772 г. и стремленіи его къ полному сліянью съ католичествомъ.

I.

Второй періодъ исторіи базилианскаго ордена, какъ мы сказали, открылся постановленіями Замойскаго собора. Относительно монастырей и монастырей этотъ соборъ постановилъ слѣдующее: «сужскіе монастыри, если не соединены въ Конгрегацию и не имѣютъ своихъ монашескихъ визитаторовъ, визитуются епископомъ, соединенныхъ же съ Конгрегациею епископъ не долженъ визитовать, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда монашескіе визитаторы и главы орденовъ, коимъ принадлежитъ это, послѣ 6-ти мѣсяцевъ отъ напоминанія епископа, не позаботятся визитовать, исправлять и преобразовать монашескіе обычаи»¹⁾. «Поелику дознано опытомъ и одобрено постановленіями св. соборовъ, — говорится въ другомъ мѣстѣ постановленій этого собора, — что нѣтъ болѣе успѣшнаго средства къ возстановленію или соблюденію монашескаго порядка и дисциплины, какъ всѣ монастыри, не подчиненные генеральнымъ главамъ и не имѣющіе своихъ ординарныхъ визитаторовъ, соединить въ одно тѣло или Конгрегацию; то Св. Синодъ, слѣдуя по стопамъ сихъ св. каноновъ, постановилъ, чтобы монастыри Владимірской, Луцкой, Хелмской, Львовской и Черемышльской епархій, черезъ годъ послѣ опубликованія настоящаго декрета, и по полученіи пригласительной грамоты превененнѣйшаго митрополита, собрались на Конгрегацию, и потомъ каждое четырехлѣтіе избирали генерала, провинціала и монашескихъ визитаторовъ, и постановляли и опредѣляли прочее, что можетъ казаться необходимымъ для правильной администраціи всей провинціи и для возстановленія монашеской дисциплины. Предсѣдательство-

¹⁾ Замойскій соборъ, тит. VI, «объ епископахъ».

вѣтъ же будетъ на первой сей генеральной капитулѣ превелебнѣйшій господинъ митрополитъ, и на нее приглашенъ будетъ высокопреподобнѣйшій протоархимандритъ провинціи Литовской, дабы обрацавшіеся въ теченіи долгаго времени на сихъ генеральныхъ капитулахъ могли помощію и совѣтомъ помочь другимъ. Новый же протоархимандритъ на будущее время будетъ подчиняться тому, кому велитъ подчиняться святыи престолю¹⁾. Очевидно, что хотя Замойскій соборъ желалъ всѣ уніатскіе монастыри сдѣлать базилианскими, но онъ не думалъ всѣ базилианскіе монастыри соединить въ одну базилианскую Конгрегацию и предполагалъ такихъ конгрегаций двѣ:—прежнюю Литовскую и новую Польскую или Русскую,—подъ вѣдѣніемъ своего особаго протоархимандрита или генерала. Такое раздѣленіе базилианскаго ордена въ Польшѣ на двѣ конгрегации соотвѣтствовало и тогдашнему положенію Литовскихъ и Польскихъ или Русскихъ уніатскихъ монастырей. Тѣ и другіе монастыри находились въ особыхъ провинціяхъ бывшаго царства Польскаго. Переходъ жителей одной провинціи въ другую не допускался условіями соединенія Литвы съ Польшею. Кромѣ того, тогда какъ Литовскіе монастыри давно уже входили въ составъ базилианскаго ордена и стояли уже на подорогѣ къ окатоличенію,—польскіе или русскіе монастыри еще довольно близки были къ православію. Это были монастыри уножинаемыхъ въ постановленіяхъ Замойскаго собора епархій Владимірской, Луцкой, Хелмской, Львовской и Перемышльской. Изъ нихъ Львовская, Перемышльская и Луцкая епархіи совращены были въ унію лишь въ самомъ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII в. «Древній обрядъ сохранялся неопорченныиъ, особенно въ Украинѣ, Подоліи, Волыннѣ, Подгоріи и проч.: до самаго Замойскаго синода унитовъ»,—говорили уніатскому митрополиту Лисовскому русскіе люди около 1780 года,—«ибо около этого времени, при

¹⁾ Замойскій соборъ, титулъ XI «о монастыряхъ и положеніи монаховъ».

отправленіи божественныхъ службъ, употреблялись древніе требники, святая литургія совершалась по древнему обряду, символизмъ былъ безъ прибавленія, въ литургіи низшимъ клиромъ публично воспоминался только мѣстный епископъ или архіепископъ, (какъ и теперь дѣлается въ Львовской епархіи), дарохранительницы (monstrantia) и положеніе въ нихъ св. таинъ, которыя, какъ состояція изъ опрѣснока, подвергаются неуваженію и опасности выпастъ св. частицамъ на землю, и другія церемоніи, чуждыя обряда греческаго, не были извѣстны, — словомъ, не было въ униатскомъ обрядѣ никакой замѣтной разницы отъ древняго обряда греческаго¹⁾. Вообще, литовскіе и польскіе или русскіе монастыри были совершенно разлжны между собою, и соединеніе ихъ въ одну Конгрегацію произвело бы, да и дѣйствительно произвело, какъ скоро увидимъ, цѣлый рядъ недоумѣній, стоиновѣній и волненій, происходившихъ между тѣми и другими монастырями вслѣдствіе разности интересовъ той и другой провинціи. Между тѣмъ Литовскіе монастыри, гордые своею столѣтнею принадлежностію къ базилианскому ордену, своею опытностію и заслугами, оказанными со стороны ихъ умна и каталитчеству, не желали раздѣльнаго существованія двухъ базилианскихъ конгрегацій и старались о соединеніи ихъ одну Конгрегацію, съ тѣмъ, чтобы удержать за собою въ этой Конгрегаціи господствующее или, по крайней мѣрѣ, первенствующее положеніе. Они начали свои стремленія къ первенству въ базилианскомъ орденѣ съ того, что старались удержать за своей Конгрегаціей 12 монастырей, присоединенныхъ еще прежде къ ордену, но входившихъ въ предѣлы новообразующейся русской Конгрегаціи.

По утвержденіи въ Римѣ постановленій Закойскаго собора, униатскій митрополитъ Левъ Кшыма, во исполненіе XI титула

¹⁾ См. энциклопедію Іеракліа Лисовскаго къ своему духовенству, писанную около 1785 г. въ исторіи базилиан. монастырей, въ Почаев. архивѣ; № 94, прилож., л. 211—213.

Замошского собора, издалъ 24 января 1727 года интимацію къ епископамъ Луцкому, Хелмскому, Львовскому и Перемышльскому, къ архимандритамъ, протоархимандриту и консульторамъ Литовской провинціи, а также къ игуменамъ монастырей въ Коронѣ, въ епархіяхъ—Біевской, Владимірекой, Луцкой, Холмской, Львовской и Перемышльской, приглашая ихъ къ 25 мая, по новому календарю, въ Дубно, на генеральную капитулу, для образованія новой провинціи ¹⁾. Вслѣдствіе этого, къ назначенному числу, кромѣ митрополита, прибыли въ Дубно: епископы Луцкій и Острожскій Іосифъ Выговскій, Львовскій и Галицкій Аванасій Шептицкий, Хелмскій и Бельзскій Іосифъ Левицкій, Перемышльскій, Самборскій и Саноцкій Іеронимъ Устрицкій ²⁾; Литовскій протоархимандритъ съ консульторами и секретаремъ; архимандриты Мѣлецкій, Дерманскій, Дубенскій, Каневскій и Овручскій, и игумены равныхъ монастырей ³⁾. Но лишь только хотѣли приступить къ образованію новой провинціи русской въ царствѣ, составленію конституцій, устроенію добраго порядка въ орденѣ и проч., какъ Литовскій протоархимандритъ съ своими консульторами и секретаремъ стали сильно настаивать, «чтобы монастыри, находящіеся въ значительномъ разстояніи отъ провинціи Литовской и посему прежде принадлежавшіе провинціи Польской, отсюда окруженной монастырями дизунитовъ, подчиненные унитскими предстоятелями Литовскому протоархимандриту, никомъ образомъ и не принадлежали къ имѣющей образоваться провинціи Царства, и просили представить это дѣло на рѣшеніе Ватикана» ⁴⁾. «Всѣ же приве-

¹⁾ Поч. арх., № 279.—

²⁾ См. манифестацію сихъ епископовъ отъ 26 мая 1727 г., въ дѣлѣ Польской базилиан. провинціи съ провинц. Литовской о 12 монастыряхъ, 1747 г., Sum. № 21.

³⁾ Представленіе митроп. и епископовъ налѣ по дѣлу о неоснованіи новой Конгрегаціи, 1727 г., тамъ же № 5.

⁴⁾ Манифестація митр. и еписк., отъ 26 мая 1727 г., въ дѣлѣ Польской базилиан. провинціи съ провинц. Литовской о 12 монастыряхъ, 1747 г., Sum. № 21.

лебные и достопочтенные епископы, архимандриты и суперіоры требовали противнаго и въ подкрѣпленіе петиціи своей старались представить доводы, по которымъ каждая сторона требовала этого. Каждый за свою сторону изложилъ слѣдующее:

«Во первыхъ, отцы Литовскіе пріавели въ свою пользу тотъ же синодъ, титулъ XI о монастыряхъ и положеніи монаховъ, и изъ сихъ словъ вывели или закличили слѣдующее: по монастыри прежде подчинялись Литвѣ, слѣдовательно и теперь должны подчиняться ей».

Отвѣтъ. Визиторами монастырей въ равной мѣрѣ или даже болѣе, суть епископы и провинціалы; согласно 6 главѣ 23 сессіи Тридентскаго собора; но епископы русскіе опустили сію свою обязанность визитовать монастыри, а слѣдовательно и протоархимандритъ Литовскій, который подчиненъ архіепископу митрополиту Россіи, долженъ предоставить другому провинціалу обязанность визитовать оныя монастыри; но нижеслѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, монастыри Царства, о коикъ идетъ рѣчь, не могутъ визитоваться протоархимандритомъ Литовскимъ и не визитовались никогда, по причинѣ чрезмѣрной отдаленности — до 100 польскихъ миль, и ясный примѣръ сего представилъ превелебнѣйшій господинъ митрополитъ нынѣшній; бывшій прежде сряду 10 лѣтъ протоархимандритомъ Литовскимъ, который какъ по отдаленности, такъ и по причинѣ постоянныхъ военныхъ смуть, производимыхъ въ Царствѣ Шведами и Москвитянами, однажды только визитовалъ Дубно и Дермань, отдаленнѣйшій же Дорогобужъ — никогда. Во вторыхъ, монастыри, состоящіе въ Царствѣ Польскомъ, каковы Дубенскій, Дерманскій и Жидичинскій, всегда были во владѣніи епископа, и не имѣли никакой зависимости отъ протоархимандритовъ Литовскихъ, и не означены въ Нехис-ѣ, бывшемъ между митрополитомъ Жеховскимъ и орденомъ, посему не подлежатъ визитации Литовскаго протоархимандрита. Въ третьихъ, нынѣ, когда теперешній протоархимандритъ находится въ Дубно,

Не смотря на то, что Бучацкій монастырь находится только въ 30 польскихъ миляхъ, — Дубно не былъ визитованъ; — то что будетъ, когда онъ получитъ право и долженъ будетъ визитовать за 100 или 50 миль отъ мѣста своей резиденціи, или болѣе чѣмъ за 200 миль отъ монастырей, находящихся на границахъ Литвы? Въ четвертыхъ онъ не имѣлъ прежде рѣшительно никакихъ правъ на тѣ монастыри, на которые нынѣ заявляетъ претензію. Ибо ректорами Владимірской коллегіи издревле назначались люди свѣтскіе, лишь бы они были способными къ преподаванію наукъ, о Хелмской же всегда заботился Хелмскій епископъ, который и теперь тамъ и въ Жидичинѣ самъ собою воздвигъ каменные монастыри съ церквами».

Во вторыхъ, имѣющая учредиться провинція безъ присоединенія къ ней монастырей Царства, будетъ весьма бѣдна; потому что въ ней не можетъ быть назначено мѣста ни для жительства провинціала, ни для школъ, ни для новиціата, а безъ сихъ трехъ предметовъ не можетъ быть и провинція. Если свѣщ. Конгрегация распространенія вѣры не повѣритъ справедливости написаннаго; то просимъ осмотрѣть тѣ и другіе монастыри, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Царствѣ, откуда онъ увидитъ, что нѣтъ ни одного монастыря, кромѣ Почаевскаго, который бы былъ годенъ или для учрежденія новиціата, или для открытія школъ, или для резиденціи провинціала въ новой имѣющей образоваться провинціи. Въ епархіи же Владимірской нѣтъ почти ни одного монастыря, за исключеніемъ Владимірской коллегіи, которая обогащена и основана одними епископами. Мѣлецкій же, хотя они и называютъ его въ своей манифестаціи богатымъ, таковъ, что при отцѣ Горяинѣ къ праздникамъ Рождества Христа Господа, никогда не доставало хлѣба, и онъ издревле принадлежалъ не къ епархіи Владимірской, какъ изложили Литовцы въ своей манифестаціи, но къ епархіи Луцкой».

«Въ третьихъ, безъ присоединенія монастырей Царства къ

новой провинціи Царства, будутъ недостаточъ лицъ, изъ коихъ должны избраться провинціалы, суперіоры и магистры новиціевъ, профессоры наукъ, проповѣдники и другіе дѣятели въ церкви Божіей; если же тѣ монастыри присоединятся ко вновь образуемой провинціи, то она имѣла бы образцовыхъ и ученыхъ лицъ, при помощи коихъ учредила бы новиціатъ и поставила бы новыхъ провинціаловъ и основала въ провинціи школы»...

«Въ четвертыхъ, особую причину и побужденіе къ непри соединенію къ Литвѣ монастырей, состоящихъ въ Польшѣ, составляетъ домогательство (*ambitus*) архимандрій, какъ монастырей пожизненныхъ; ибо кромѣ монастырей, имѣющихъ въ Литвѣ титулъ архимандрій, каковы суть: Пустынская, Онуфрейская, Черейская, Полоцкая, Минская, Лавришовская, Гродненская, Лепренская, Бобринская, Троицкая, Виленская, Брацлавская, желаютъ еще пользоваться состоящими въ Царствѣ архимандріями, каковы суть: Дерманская, Дубенская, Дѣрогобужская, Жидичинская, и такимъ образомъ оставить провинцію Царства бѣдною и скудною къ вознагражденію за заслуги; ибо она не будетъ имѣть архимандритскихъ монастырей, коими бы награждала заслуженныхъ лицъ, кромѣ слѣдующихъ своихъ архимандритскихъ монастырей: одного Уніевскаго, который всегда дается епископамъ Львовскимъ, другаго—Овручскаго, довольно бѣднаго, третьяго—Мѣлецкаго, четвертаго—неимѣющаго никакихъ фундушей, ни полей, ни церквей, ни монастыря, но только одинъ титулъ, называемаго Каневскимъ, находящагося между Польшей и Московіей, и пятаго, въ одной милѣ отъ Владиміра, Зимненскаго, котораго не слѣдовало бы и считать, въ которомъ находится одинъ только монахъ и архимандритъ, который пользуется титуломъ архимандріи, по древности сего монастыря».

«Въ пятыхъ, монахи Царства ходатайствуютъ, чтобы къ новой ихъ провинціи присоединены были слѣдующіе монастыри: 1) Дубенскій архимандричій; 2) Дерманскій архимандричій, кои оба

держитъ нынѣшній протоархимандритъ Литовскій. 3) Дорогобужскій архимандритій, для коего нѣсколько деревень купилъ свѣтѣйшій князь Юрій Любомірскій, Metator Castrogum Regni, папскій монастырь имѣетъ каменную разваливающуюся церковь, которую старается возстановить превадебнѣйшій митрополитъ, не обязанный по отношенію къ ней, совершенно разрушенной, никакимъ правомъ, 4) монастырь Жидичинскій, навсегда данный конституціей Царства въ пособіе епископу Хелмскому; ибо безъ этого аббатства онъ никакъ не могъ бы существовать, коего церковь совершенно разрушившуюся, превосходно устроилъ и оградилъ каменнымъ монастыремъ. 5) Берховскій, 6) Буцацкій, 7) Хелмскій и 8) Владимірскій»¹⁾.

Но взаимныя разсужденія и доводы обѣихъ сторонъ не привели ни къ чему положительному. Конгрегація или капитула не состоялась, и обѣ стороны ограничились только тѣмъ, что подали одна противъ другой протестацію и въ городскіе суды, и къ папѣ²⁾. Между тѣмъ около 1729 г. умеръ митрополитъ Бишка. Дѣло оставалось безъ движенія до 1739 г. Въ этомъ году преемникъ Льва Бишки митрополитъ Аванасій Шептицкій, сдѣлалъ новую попытку къ образованію новой базилианской провинціи и для этой цѣли созвалъ на 25 августа 1739 г. во Львовъ епископовъ Владимірскаго, Луцкаго, Перемышльскаго и Хелмскаго, аббатовъ и суперіоровъ сихъ епархій и Литовскаго протоархимандрита съ консульторіей, и составилъ изъ нихъ капитулу³⁾. На первомъ планѣ, конечно, былъ вопросъ о спорныхъ монастыряхъ. Базилиане вновь образуемой Русской или Польской провинціи за-

¹⁾ Представленіе митроп. и епископовъ папѣ по дѣлу о неоснованіи новой конгрег., 1727 г. тамъ же № 5. Здѣсь перечислены не всѣ спорные монастыри.

²⁾ См. манифестацію митроп. и епископ. 26 мая 1727 г., тамъ же, Sum. № 21; представ. митр. и епископ. папѣ, 1727 г., тамъ же № 5.

³⁾ Акты Львовской Конгрегаціи 1739 г. въ рукописн. сборн. библиот. Волын. Семин., № 1289.

явили и требовали, «чтобы находящіеся на Волини монастыри, о коихъ до настоящаго времени идетъ споръ и разногласіе между провинціей Литовской и помянутой провинціей Русской, приписаны и присоединены были ко вновь учреждаемой Русской провинціи; но на это достопочтеннѣйшій протоархимандритъ Литовскій, присутствовавшій съ своей консульторіей на помянутой капитулѣ, прямо отвѣтилъ, что такое разногласіе между провинціями о монастыряхъ легко можетъ быть покончено и разрѣшено впоследствии, лишь бы только первоначально, по смыслу декретовъ св. престола, суперіоры и другіе монахи, доселѣ неприннадлежащіе къ генеральной Конгрегаціи, приступили къ избранію генеральной главы и другихъ должностныхъ лицъ и соединились въ Конгрегацію». На основаніи этого заявленія Литовскаго протоархимандрита, бавиліане Русской провинціи оставили вопросъ о спорныхъ монастыряхъ, приступили къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ ¹⁾ и, поведанному, спокойно окончили капитулу. Прежде всего, на этой капитулѣ митрополитъ Шептицкій освободилъ отъ своей власти монастыри Киевской, Львовской, Галицкой и Каменецкой епархій, а за нимъ тоже сдѣлали и епископы: Владимірскій, Луцкій, Перемышльскій и Хелмскій, «съ тѣмъ только условіемъ, что, еслибы какіе либо отдѣльные монастыри, вслѣдствіе визитаціи нѣбющаго быть избраннѣмъ протоархимандрита, по бѣдности своей фундаціи, должны были уничтожиться; то принадлежащіе имъ фондуши отданы были въ распоряженіе мѣстнымъ епископамъ и могли быть присоединены къ приходскимъ церквамъ». Затѣмъ, члены конгрегаціи, руководствуясь автами первой базилианской капитулы, доставленными Литовскимъ протоархимандритомъ, по-

¹⁾ Объ этомъ ничего не говорится въ актахъ Львовской капитулы 1739 г. но извѣстно изъ заявленія епископовъ Владимірскаго Феофила Годобскаго, Луцкаго и Острожскаго Феоодосія Рудницкаго и аббата Овручскаго Иннокентія Лявницкаго, заявленія, сдѣланнаго ими въ 1747 году. См. дѣло Польск. базилиан. провинціи съ провинціей Литовской о 12-ти монаст., 1747 г., Sum. № 80.

становили слѣдующія рѣшенія. 1) «Поелику ежедневныя примѣры убѣждаютъ, что монашескому обществу весьма полезно чтобы во внѣшнемъ и внутреннемъ управленіи подчинялись одному генеральному суперіору и главѣ; посему мы, слѣдуя также декретамъ свящ. синода Замоискаго, соединяемся въ новую Конгрегацію Покрова Пресв. Дѣвы Маріи и считаемъ нужнымъ каждое четырехлѣтіе избирать одного провинціала или протоархимандрита, который бы начальствовалъ надъ всѣми монастырями, находящимися въ епархіяхъ: митрополитской Кіевской, Галицкой, Каменецкой, Владимирской, Луцкой, Перемышльской и Хелмской, но доселѣ не имѣющихъ своихъ генеральныхъ визитаторовъ и проч. ¹⁾. 2) Хотя св. Замоискій синодъ въ 11-мъ титулѣ ясно опредѣлялъ, что имѣющій вновь избратся протоархимандритъ нашей Конгрегаціи долженъ быть подчиненъ тому, кого уважаетъ св. престолъ; тѣмъ не менѣе мы, обязанные вѣчною благодарностію славнѣйшему и превелебнѣйшему Аванасію Шептицкому, архіепископу митрополиту всея Россіи, президенту настоящей капитулы, какъ первому возстановителю нашей Конгрегаціи и попечителю о благѣ ордена, по практикованному въ Конгрегаціи св. Троицы обычаю, желаемъ подчиняться, вмѣстѣ со вновь имѣющимъ избратся протоархимандритомъ нашимъ, не иному кому, какъ только славнѣйшему и превелебнѣйшему митрополиту и его преемникамъ, по Nexus-у, заключенному Капріаномъ Жоховскимъ, бывшимъ митрополитомъ всея Россіи, и только что помянутой Конгрегаціей, каковой во всѣхъ замѣчаніяхъ и пунктахъ принимаемъ, и смиренно просимъ св. апостольскій престолъ, чтобы утверждены были сіи желанія наши. 3) Приписывая протоархимандритской

¹⁾ Соединены въ Конгрегацію монастыри: Мѣлещкій Трѣмбовельскій, Вицискій, Пацковскій, Красногорскій, Львовскій, Почаевскій, Загаецкій, Овручскій, Крылосскій, Каменецкій (Конгр. 1739 г., бѣл. Волин. сем., № 1289), Загоросскій, Зимненскій, Кременецкій, Жуковскій, Каневскій, Стодискій. Дѣло Польск. баз. бров. съ провинц. Литов. 1747, Sum. № 6285.

должности особенную важность, дабы ниѣлющій избратъся на нее не изнемогъ подъ тяжестью бремени, постановляемъ, по достохвальному примѣру другихъ орденовъ, чтобы оны и четыре консультора и пятый секретарь, подчиненные тому же протоархимандриту, оставались въ должностяхъ только въ теченіи четырехлѣтія¹⁾. Послѣ этого, слѣдующія 4 и 5-я сессіи посвящены были избранію протоархимандрита, консультора и секретарей для новой Русской базилианской провинціи. Передъ избраніемъ митрополитъ Шептицкій предложилъ Литовскому протоархимандриту съ консульторами, чтобы, въ случаѣ избранія въ протоархимандриты кого либо изъ лицъ Литовской провинціи, это лицо уволено было протоархимандритомъ и консульторами, и когда Литовскій протоархимандритъ согласился на это, то митрополитъ предложилъ въ протоархимандриты 2-хъ кандидатовъ: Виленскаго настоятеля Патрiція Жиравскаго и Бытоскаго—Феофодосія Конячевскаго. Литовскій протоархимандритъ съ своими консульторами возражалъ было противъ титула протоархимандрита, но его возраженіе не было поддержано собраніемъ, которое избрало въ протоархимандриты Польской или Русской провинціи Патрiція Жиравскаго, оставленнаго притомъ и въ должности консультора, какъ пожизненной въ Литовской провинціи. Другими же консульторами избраны: Иннокентій Липницкій, Гедеонъ Козубскій, Ипатій Билцнскій, Гавріилъ Позняховскій, и секретаремъ Паснутій Маньковскій²⁾.

Въ основаніи внутренней жизни вновь образуемой провинціи положены были правила, извлеченныя на рассматриваемой нами капитулѣ изъ конституцій Литовской провинціи, въ слѣдующихъ 34 пунктахъ:

¹⁾ Конгр. Львов. 1789 г., сес. 2 и 3, въ библ. Волын. семина., № 1289; сп. Дѣло польской баз. пров. съ пров. Литовской 1747 г. Summ., №№ 46, 58 и 59.

²⁾ Конгр. Львов., 1789 г., сесс. 4 и 5, въ библ. Волынской семинаріи, № 1289.

1. «Послику на настоящей Конгрегациі поставлено, чтобы для монастырей вступающихъ въ сей Конгрегациі, каждое четырехлѣтіе избирался провинціалъ или протоархимандритъ; то посему, предотвращая дальнѣйшія невыгоды и неудобства слухъ монастырей, желаемъ чтобы на такое достоинство набирались одни простые монахи, а никакъ не епископы, аббаты или пользующіеся другою прелатурою».

2. «Для избранія протоархимандрита, по обычаю другихъ орденовъ, собираются не только суперіоры монастырей, но и легаты монастырей и дѣлаютъ свой выборъ не иначе, какъ чрезъ секретные голоса. И между всеми ими председатель Конгрегациі всегда имѣетъ два голоса. А дабы монастыри, при посылкѣ многихъ легатовъ, не отягощались дорожными издержками, нужно наблюдать, чтобы изъ cadaго монастыря, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ, посылалось не болѣе одного легата».

3. «Чтобы въ избраніи протоархимандрита избѣжать подозрѣнія и нареканія на орденъ, — для этого не только отцы суперіоры и легаты, но и самъ председатель будутъ приносить присягу по слѣдующей формѣ: «Призываю во свидѣтельство Бога, въ Троицѣ Святой единого, что избираю въ протоархимандриты того, кого считаю способнѣйшимъ къ сей должности».

4. «Послику архіепископы митрополиты всея Россіи должны быть верховными директорами нашего ордена; то посему единодушно желаемъ, чтобы по избраніи такихъ митрополитовъ участвовали и имѣли избирательный голосъ не только превелебные епископы, но и протоархимандриты обѣихъ конгрегациій съ консулторіей».

5. «Хотя назначеніе и перемѣшеніе какъ монастырскихъ суперіоровъ, такъ и другихъ монашествующихъ лицъ, принадлежать будетъ самому протоархимандриту и въ частности консулторіи, особенно относительно большихъ суперіорствъ, тѣмъ не менѣе, изъявляя благодарность превелебнѣйшимъ господамъ епи-

свопомъ за ихъ содѣйствіе настоящей Конгрегаціи, мы общаемъ вмѣстѣ съ новоизбраннымъ протоархимандритомъ нашимъ уступать и назначать какъ въ суперіоры къ епископскимъ кафедрамъ, такъ и въ аудиторы къ превелебнѣйшимъ епископамъ и на другія должности тѣхъ лицъ, конкъ пожелаютъ сами превелебнѣйшіе епископы, лишь бы однако требуемыя превелебнѣйшими епископами лица были способны къ предназначеннымъ должностямъ и отъ такихъ должностей сами не отказывались по законнымъ причинамъ».

6. «Гдѣ находятся монастыри, имѣющіе прихадскія обязанности, въ тѣхъ ненарушимо должны быть соблюдаемы постановленія священныхъ каноновъ относительно визитаціи и обычаи другихъ орденовъ обряда латинскаго».

7. «Когда торжество какого либо праздника или другая нужда потребуетъ совершать въ какомъ либо городѣ публичныя процессіи, не будутъ отказываться, въ случаѣ требованія превелебныхъ епископовъ, отъ участія въ нихъ находящіеся въ томъ городѣ отцы и братія наши, съ сохраненіемъ однако всегда преимуществва передъ свѣтскими парохами. Не будутъ также отказываться превелебные отцы суперіоры отъ исполненія порученій и визитацій церковей, когда на этотъ конецъ послѣдуютъ къ нимъ порученія изъ канцеляріи превелебныхъ епископовъ, развѣ только воспріятствуютъ особыя занятія по монастырю или другія законныя причины».

8. Если бы кто изъ свѣтскихъ пресвитеровъ за свои грѣхи присужденъ былъ епископомъ къ карцеру, то таковаго не откажутся принять отцы суперіоры, живущіе при кафедрахъ, если только при такихъ кафедрахъ находятся карцеры; однако пища и другое для такого заключеннаго должны быть доставлены или превелебнѣйшимъ епископомъ, или самимъ заключеннымъ».

9. «Во всѣхъ типографіяхъ монастырскихъ строжайше будетъ наблюдаемо, чтобы не выходила изъ тисменія никакая книга

безъ дозволенія достопочтеннаго претоархимандрита и одобренія превелебнѣйшаго мѣстнаго епископа».

10. «Заботясь о всякой чистотѣ совѣсти отцовъ и братій нашихъ, предостерегаемъ, чтобы въ каждомъ монастырѣ никто не смѣлъ принимать исповѣди какъ отъ монаховъ, такъ и стороннихъ лицъ, кромѣ того или тѣхъ, кого, смотря по надобности, назначить духовникомъ или духовниками суперіоръ монастыря, по своему усмотрѣнію».

11. «Поелику правила суть какъ бы нѣкія границы хорошей и совершенной жизни; то посему, дабы они точно соблюдались, отцы суперіоры монастырей тщательно позаботятся о томъ, чтобы всѣ должностныя лица имѣли списки правилъ, относящихся къ ихъ должности, общія же правила должны читаться каждую седмицу въ назначенный суперіоромъ день, и если бы кто ихъ нарушилъ, на того обращается серьезное вниманіе. Суперіоры будутъ также стараться доставлять все необходимое отцамъ и братіямъ относительно пищи и одежды, всегда имѣя въ виду нестяжательность и чистоту, и при наказаніи должны слѣдовать матери добродѣтели—разборчивости».

12. Каждый годъ во всякомъ монастырѣ отцы и братія наши въ день отца нашего св. Василія будутъ возобновлять священные обѣты монашескіе слѣдующимъ образомъ: По созваніи отцовъ и братій въ церковь, суперіоръ въ священнической одеждѣ, стоя предъ св. тайнами, обратится къ братіи съ словами, направленными къ возбужденію благочестія и принесенію обѣтовъ Богу, потомъ съ колѣнопреклоненіемъ самъ первый сдѣлаетъ вышесказанное возобновленіе обѣтовъ, съ присовокупленіемъ также 4-го обѣта о неодогаательствѣ возведенія на почести безъ согласія ордена, слѣдующимъ образомъ: Я N N, прошесть ордена св. Василія Великаго, клянусь и обещаю въ Троицѣ Святой Единому, что я сохранию нестяжательность, чистоту и повинованіе и до конца моей жизни постоянно буду жить въ сей святой конгре-

гаціи нашего ордена въ обрядѣ соединенныхъ съ св. римскою церковію, въ монастыряхъ, подчиненныхъ протоархимандриту нашему; буду вѣренъ и преданъ сему ордену и обряду; кромѣ того клянусь и обещаю предъ тѣмъ же всемогущимъ Богомъ, что ни самъ, ни чрезъ другихъ, ни тайно, ни явно, николѣмъ образомъ не буду стараться о достоинствахъ и монашескихъ должностяхъ, особенно же знатнѣйшихъ прелатствахъ церковныхъ. Да поможетъ мнѣ Богъ и св. Евангеліе Божіе. Подобнымъ образомъ и другіе отцы и братія должны исполнять возобновленіе своихъ обѣтовъ».

13. «Лаяки не иначе должны допускаться къ обѣтамъ или профессіи, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ, дабы хорошо испытана была ихъ нравственность. Къ тремъ же обычнымъ обѣтамъ они должны присовокуплять четвертый, что не будутъ домогаться степени клириковъ. Одежду должны носить болѣе короткою, не должны выстригать вѣнцовъ, ни стричься, не носить длинные волосы. Каждый долженъ заниматься тѣмъ ремесломъ, какое знаетъ и сколько можетъ никто не допускается изъ такихъ, кто бы не зналъ какого либо ремесла; никогда не должны допускаться къ обученію наукамъ; не должны участвовать въ общихъ рекреціяхъ, а если когда будутъ участвовать, должны занимать послѣднее мѣсто».

14. «Суперіоры монастырей каждый мѣсяцъ, 1 или 2 числа, должны дѣлать совѣщаніе объ общемъ благѣ монастыря и во первыхъ объ усовершеніи монашеской жизни, объ искорененіи пороковъ братіи, насажденіи добродѣтели, о домашнемъ порядкѣ и очищеніи душъ ближнихъ».

15. «Если въ какомъ либо монастырѣ найдется, чего Боже сохрани, несправимый отецъ или братъ, то таковой долженъ быть высланъ и изгнанъ, однако не прежде, какъ по наказаніи и испытаніи строгимъ заключеніемъ и другими наказаніями, согласно священнымъ канонамъ».

16. «Каждый изъ братій нашихъ, кто отважится разглагольствовать предъ сторонними о какой либо происшедшей въ монастырѣ ссорѣ или тайномъ грѣхѣ, долженъ подвергнуться тому же наказанію, какому самъ согрѣшившій».

17. «Тѣ, кому надлежитъ, тщательно должны смотрѣть, чтобы по всѣмъ монастырямъ нашимъ всецѣлски соблюдалось единообразіе въ обрядѣ и церемоніяхъ, относящихся къ богочтѣнію».

18. «Еслибы кто дерзнулъ послѣ процессіи, чего Боже сохрани, выйти изъ ордена; тотъ долженъ быть схваченъ и, если елирикъ, лишенъ права богослуженія и въ позныхъ кандалахъ конать везаю и исполнять другія нившія работы, но крайней мѣрѣ въ теченіи года: по выполненіи же вшитими, протоархимандритъ постановитъ о немъ, что заблагоразсудитъ о Господѣ».

19. «Монахи, поступающіе изъ схизмы, не иначе допускаются, какъ, по испытаніи зрѣлыми монахами, и если захотятъ оставаться, то допускаются къ новиціату и, по истеченіи года испытанія, произносятся обычныя обѣты».

20. «Каждого года суперіоры монастырей должны отдавать самому протоархимандриту или назначенному визитатору отчетъ въ доходахъ и расходахъ; другія же должностныя лица тоже будутъ дѣлать въ свое время, каждый предъ своимъ суперіоромъ».

21. «Оригинальныя права и привилегіи всѣхъ монастырей должны храниться въ тѣхъ монастыряхъ, которымъ для сей цѣли назначены будутъ протоархимандритомъ и консульторами».

22. «Еслибы кто либо изъ братій нашихъ сталъ предаваться замѣтному пьянству; то въ первый разъ, въ теченіи дня долженъ поститься въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ; во второй разъ— въ теченіи двухъ дней; въ третій—въ теченіи цѣлой недѣли. Если не исправится, то наказывается строже. Еслибы кто допустилъ такое пьянство внѣ монастыря, тотъ долженъ быть наказанъ гораздо строже, т. е. однажды упившійся—на недѣлю, въ другой разъ—на двѣ, въ третій—на три самается на хлѣбѣ и

на воду, и если и послѣ снхъ наказаній не исправится, то оныхъ должно быть поступлено по правиламъ, подписаннымъ е невсправимыхъ».

23. «Братія, находящіеся въ пути и просящіе милостыни; по возвращеніи, все должны отдать настоятелю; если что дастся кому либо друзьями или родителями, то онъ представляетъ это настоятелю, который распорядится этимъ предметомъ такъ, какъ ему заблагоразсудится о Господѣ. А дабы кто либо изъ братіи не выдумывалъ себѣ какой либо нужды, суперіоры должны наблюдать, чтобы было у нихъ все необходимое, какъ сказано выше, чтобы въ монастыряхъ было не больше монаховъ, какъ сколько можно прилично содержать».

24. «Частные обѣты отцовъ и братій, если они сдѣланы безъ вѣдома протоархимандрита, должны считаться неправильными и ничтожными».

25. «Какъ для принятія исповѣди, такъ и для обращенія со свѣтскими должны избираться отцы солидные и постники, а не должно поручать этого молодымъ».

26. «Дабы правильно и всегда въ порядкѣ велось въ монастыряхъ хозяйство, желаемъ, чтобы не было частыхъ переменъ эконома и другихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: духовниковъ, экклезіарховъ, преимущественно же суперіоровъ, развѣ только послѣ четырехлѣтія, или по требованію блага управленія».

27. «Еслибы кто изъ отцовъ и братій нашихъ отважился на писемъ или словахъ, злословить его; тотъ ни отъ кого не можетъ получить разрѣшенія, кромѣ самого митрополита. Кромѣ того хулигель славы и блага монашескаго самъ долженъ быть наказанъ относительно чести и тѣла, т. е. навсегда лишены права председательства или суперіорства, голоса активнаго и пассивнаго; долженъ ваяться, цѣлый годъ содержась въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ, и каждую недѣлю въ столовой, при вхождѣ и

выходѣ братіи, припадать къ ихъ ногамъ и каяться въ своемъ грѣхѣ».

28. «Кто внимательно будетъ читать секреты супериора, однако не откроетъ ихъ другому, тотъ долженъ быть наказанъ заключеніемъ въ теченіи дня на хлѣбѣ и водѣ; если же такіе секреты откроетъ другимъ, то долженъ содержаться въ карцерѣ недѣлю на хлѣбѣ и водѣ».

29. «Заботясь о цѣлости всѣхъ монастырей, когда въ какомъ либо монастырѣ случится монаху оставить сію жизнь, то вся подвижность и бывшее въ его пользованіи должно будетъ поступить не въ иной, какъ только въ тотъ монастырь, въ комъ онъ умеръ».

30. «Поелику превелебные господа епископы, присутствующіе на сей конгрегаціи, видя большую нужду монастырей нашихъ, сами добровольно и благосклонно, въ качествѣ попечителей нашего ордена, обѣщали ежегодно вносить по 100 золотыхъ, до будущей конгрегаціи, или дотогѣ, пока не представится другой способъ помочь такимъ попечителямъ, то посему мы во всемъ принимаемъ эту декларацію, съ должною благодарностію симъ превелебнымъ епископомъ».

31. «Когда кто умретъ изъ отцовъ и братіи нашихъ, за его душу каждый изъ священниковъ нашихъ, по полученіи перваго извѣстія объ его смерти, обязанъ будетъ совершить три литургіи. Такимъ же поминовеніемъ будутъ пользоваться превелебнѣйшіе епископы, оказывающіе свою протекцію нашему ордену. Братія же трижды должны молиться въ церкви и слушать три литургіи за душу сего усопшаго».

32. «О числѣ лицъ монашествующихъ, долженствующихъ жить въ монастырѣ св. Спаса въ землѣ Перемышльской, сдѣлаетъ опредѣленіе самъ достопочтенный протоархимандритъ вмѣстѣ съ своей консульторіей; то же нужно разумѣть и о другихъ монастыряхъ».

33. «Въ главнѣйшихъ монастыряхъ, кромѣ суперіора, должны быть избираемы обществомъ консульторы. съ коими суперіоръ всегда долженъ будетъ совѣщаться о дѣлахъ монастырскихъ».

34. «Если бы случилось, что въ какомъ либо монастырѣ монахи невольно совершили убійство,—таковые, по предварительномъ показаніи, могутъ быть разрѣшаемы суперіоромъ, однако имъ должно быть запрещено богослуженіе, до рѣшенія достопочтеннѣйшаго протоархимандрита»,¹⁾.

Хотя всѣ почти эти постановленія Львовской капитулы 1739 года дѣлались на основаніи конституцій базилианскихъ конгрегацій Литовской провинціи; однако примѣненіе этихъ конституцій къ тогдашнимъ обстоятельствамъ Польской или Русской провинціи и всего базилианскаго ордена не совсѣмъ нравилось Литовскимъ базилианамъ. Во первыхъ, Литовскіе базилиане, долго боровшіеся съ митрополитомъ и епископами и успѣвшіе значительно ограничить ихъ власть и права, не могли благоприятно смотрѣть на довольно близкую связь вновь образуемой провинціи, съ митрополитомъ и епископами. Въ частности, они не могли быть довольны постановленіемъ Львовской Конгрегаціи, по которому фундуши бѣдныхъ монастырей, предназначавшихся къ уничтоженію, должны были поступить въ распоряженіе мѣстныхъ епископовъ и присоединиться къ приходскимъ церквамъ. Далѣе, Литовскіе базилиане, гордившіеся своей столѣтней исторіей и заслугами, оказанными имъ уни.—желали, вопреки постановленіямъ Замойскаго собора, чтобы вновь образуемая провинція не была самостоятельной провинціей, и не имѣла своего особаго протоархимандрита; но, подъ непосредственнымъ управленіемъ провинціала, подчинялась Литовской провинціи и ея протоархимандриту. Прибавимъ къ этому, что совершенно открытымъ оставался еще труд-

¹⁾ Конгрегація Львовская, 1739 г., сесс. 6, въ рук. собр. библ. Волынск. семин., № 1269.

нѣйшій вопросъ о спорныхъ 12 монастыряхъ, т. е. о причисленіи ихъ къ Польской, или же Литовской провинціи, — мы поймемъ, что, при всеобщемъ кажущемся согласіи засѣданій Львовской Конгрегаціи, она не только не предотвращала возможности столкновений между двумя базилианскими провинціалами, но и возбуждала новыя недоразумѣнія и вопросы. Если же Литовскій протоархимандритъ съ своей консульторіей, присутствовавшіе на Львовской капитулѣ, не оказали, по видимому сильнаго сопротивленія постановленіямъ этой капитулы; то это зависѣло частію отъ того, что нѣкоторые вопросы не занесены были въ акты конгрегаціи; такъ наприм., изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что на этой же конгрегаціи, кромѣ вопроса о монастыряхъ возникли важные споры о томъ, должна ли Русская провинція подчиняться Литовской провинціи подъ общимъ титуломъ презв. Троицы, или существовать на равныхъ правахъ, подъ собственнымъ и отдѣльнымъ титуломъ, и нужно ли наблюдать очередь въ набраніи протоархимандрита изъ обѣихъ провинцій¹⁾; — частію отъ того, что ихъ голосъ заглушаемъ былъ многолюднымъ собраніемъ отцовъ новой Польской провинціи, дакъ напримѣръ это было съ протестомъ Литовскаго протоархимандрита противъ названія главы Польской провинціи протоархимандритомъ; частію потому, что Литовскіе базилиане надѣялись достигнуть своихъ цѣлей другими путями, посредствомъ ходатайства предъ высшей инстанціей, а именно передъ Конгрегаціей распространенія вѣры. Въ Литовской базилианской провинціи издавна была должность генеральнаго прокуратора, проживавшаго въ Римѣ, и Литовскіе базилиане обратились черезъ него къ папѣ, отъ лица всего базилианскаго ордена и униатской церкви, съ просьбою о рѣшеніи помянутыхъ вопросовъ въ ихъ пользу²⁾. Вслѣдствіе этого Конгрегація рас-

¹⁾ См. дѣло Польской базил. провинц. съ провинц. Литов. о 12-ти монаст., текстъ, § 10.

²⁾ На это намекаетъ представленіе митрополита Шептицкаго папѣ,

пространенія вѣры; въ засѣданіи своемъ 1 мая 1742 г., бывшемъ въ присутствіи паны, рассмотрѣвъ взаимныя претензіи Литовской и Польской провинцій, нѣкоторые вопросы предрѣшила положительнымъ образомъ, другіе предоставила рѣшенію послѣдующихъ генеральныхъ базилианскихъ конгрегацій или капитулъ. Въ декретѣ частной конгрегаціи распространенія вѣры, послѣдовавшемъ 18 мая 1742 г., говорится, что «вслѣдствіе доклада кардинала Караффы о львовскомъ дѣлѣ между конгрегаціей пресв. Троицы и генераломъ, или протоархимандритомъ Россіи съ одной стороны, и конгрегаціей Польской провинціи и прокураторомъ епископомъ митрополитской куріи съ другой, его святѣйшество (пана Бенедиктъ XIV), по рассмотрѣніи дѣла и выслушаніи кардиналовъ, опредѣлилъ:

1. «Изъ монастырей той и другой стороны должны образоваться одна только конгрегація, подъ тѣмъ же титуломъ конгрегаціи Св. Троицы унитовъ».

2. «И посему въ свое время должна составиться генеральная капитула, для избранія новаго генерала или протоархимандрита всего ордена, который долженъ быть изъ простыхъ монаховъ, а не епископовъ».

3. «На этой генеральной капитулѣ должны имѣть активный голосъ *) тѣ монахи, соединенные такимъ образомъ подъ титуломъ конгрегаціи Пресв. Троицы, коимъ, по констатунціямъ

писанное въ 1742 году, гдѣ митрополитъ отъ лица всѣхъ униатскихъ епископовъ проситъ пану, «чтобы никакое представленіе наше не имѣло никакой зависимости отъ соображеній и намѣреній отца прокуратора Литовскаго, который имѣетъ попеченіе объ одной только отдѣльной провинціи, а не о всемъ орденѣ (какъ несправедливо говорятъ), а тѣмъ болѣе не о коллегіи нашей епископской». См. дѣло Польск. базил. провинц. съ провинц. Литов., 1747 г., Summar. № 7; см. ниже.

*) Въ базилианскомъ орденѣ различались активный и пассивный голоса. Активный голосъ,—это голосъ избирателя на капитулахъ, а пассивнымъ называлось право быть избираемымъ.

ордена, принадлежит право голоса; пассивный же—всѣ вообще и порознь монахи профессы соединенной такимъ образомъ конгрегациі, не имѣющіе каноническаго препятствія».

4. «На этой генеральной капитулѣ долженъ председательствовать митрополитъ Россіи, который однако не можетъ быть избранъ въ генералы или протоархимандриты ордена».

5. «Сверхъ сего, на сказанной генеральной капитулѣ долженъ быть апостольскій нунцій, и если онъ не можетъ явиться лично, то долженъ дать полномочіе отъ себя аудитору нунціатуры».

6. «Что касается власти митрополита, то ему принадлежит только то право, какое постановленіями апостольскими и св. соборомъ Тридентскимъ предоставляется прочимъ митрополитамъ и епископамъ надъ изъятыми монахами».

7. «Между тѣмъ нужно написать нунцію въ Польшѣ, чтобы онъ представилъ свящ. конгрегациі о томъ, что бы могло содѣйствовать миру и согласію и дальнѣйшему благу всей соединенной такимъ образомъ конгрегациі, и особенно подалъ мнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли опредѣлить на будущее время очередь въ избраніи генерала или протоархимандрита ордена между монахами той и другой стороны. соединенными, какъ выше сказано, въ одну конгрегацию,—и особенно сообразилъ, какимъ образомъ можетъ быть установлена сія очередь»¹⁾).

Митрополитъ Шептицкій и епископы, узнавъ о семъ декретѣ, сильно поражены были имъ и обратились къ папѣ съ жалобою на литовскихъ базилианъ и ихъ прокуратора въ Римѣ за его ложныя представленія папѣ, просили дозволенія, предварительно генеральной капитулы, сдѣлать совѣщаніе между собою и выслушать ихъ общія просьбы²⁾. Недовольны были и базилиане

¹⁾ Bullae et brevía..., 1767 года, ч. I, стр. 73—74. Декретъ Конгрегациі 18 мая 1742 года.

²⁾ Въ 1742 г. митрополитъ Аѳанасій Шептицкій и епископы Луцкіи

Польской провинціи, опасавшіеся, кромѣ того, католическихъ

Феодосій Рудницкій, Хелмскій—Фелиціанъ Володкевичъ, Перемышльскій, Саноцкій и Самборскій—Иеронимъ Устрицкій и Пинскій Георгій Булгакъ писали папѣ слѣдующее: «Святѣйшій отецъ! Отъ первыхъ начатковъ русско-польской іерархіи, предстоятели наши всегда пользовались такими прерогативами, чтобы имѣть подъ непосредственной своей властью не только свѣтскій, но и монашескій клиръ. Не уменьшилась эта власть чрезъ оказанное предшественниками нашими новинноевію верховной главѣ, напротивъ того благочестивѣйшій предшественникъ вашей святости Климентъ VIII принялъ ихъ съ такою любовію, что не только благосклонно утвердилъ своими буллами древніе обычаи, обряды и церемоніи Восточной церкви, согласно Флорентійскому собору, но и ихъ самихъ обласкалъ новыми и особыми благодѣянiami и милостями, долженствовавшими также излиться и на преемниковъ. И хотя около 1624 года самъ св. памяти Юзефъ Рутскій, архіепископъ митрополитъ всея Россіи, постарался соединить вѣрвенные его поначенію монастыри базилианъ въ конгрегацію; тѣмъ не менѣе чрезъ это никакъ не хотѣлъ ослабить юрисдикціи митрополитовъ и епископовъ, и тогда на свое представленіе получалъ ясные декреты верховнаго пастыря и свящ. Конгрегаціи, а именно, что отъ учрежденія конгрегаціи помннутыхъ отцовъ базилианъ не долженъ причиняться никакой ущербъ той власти, кака по праву и обычаю принадлежитъ митрополиту. Итакъ въ теченіи цѣлаго почти столѣтія, послѣ такихъ декретовъ, не только самъ архіепископъ митрополитъ имѣлъ непосредственную власть надъ самими базилианами, безъ всякаго противорѣчія, но и епископы наши, находящіеся въ Царствѣ, непосредственно управляли монастырями и монахами; находящимися въ ихъ епархіяхъ. Когда же однако въ недавно истекшемъ году, собранные въ сей городъ Львовъ, мы во исполненіе одного Замоискаго синода, освободили, съ разными предосторожностями, всѣ монастыри и монаховъ отъ нашей епископской власти, и за содѣйствіе въ дѣлѣ учрежденія новой конгрегаціи должны были получить должную благодарность,—съ несносною печалію узвали мы, что тамъ, по ложнымъ представленіямъ Литовскаго прокуратора, опредѣлено уничтожить единственное украшеніе нашей епископской коллегіи и всей іерархіи, т. е. митрополитскую власть, утвержденную декретами св. престола и привилегіями наисвѣтѣйшихъ королей польскихъ и въ теченіи около 100 лѣтъ свято соблюдаемую самими отцами Литовскими, въ силу торжественнаго Nexus-a и капитулярныхъ конституцій, сдѣланныхъ въ началѣ конгрегаціи пресв. Троицы. Но мы заключили, что не сдѣлано постановленія о таковой власти, и льстимъ себя несомнѣнной надеждой, что ваша святость, по свойственной отеческому сердцу милости, благоволитъ милос-

тенденцій Литовскихъ базилианъ ¹⁾). Недовольство это достигло тиво выслушать новыя наши просьбы и, благосклонно толкуя издаваемыя по настоящему дѣлу декреты, предотвратитъ неслезанную для многихъ душъ опасность и очевидный для враговъ нашихъ и св. римской церкви соблазнъ и оскорбленіе. Мы не нарушаемъ здѣсь постановленій св. Триденскаго собора; ибо изъ контекста свящ. канонѡвъ, смысла важнѣйшихъ авторовъ и нашихъ объясненій достаточно доказано и полнѣе будетъ доказано, что они предшественниками нашими и нами самими, насколько касаются церковной дисциплины, не приняты. Не выставляемъ нашихъ трудовъ и трудовъ предшественниковъ нашихъ въ споспѣшествованіи уни и распространеніи католической вѣры; поелику никому не безвѣстно, что вся почти Литва и всѣ епархіи наши приведены были къ послушанію верховному главѣ не трудовъ отцовъ базилианѡвъ Литовскихъ (какъ несправедливо они хвалятся), но усиліями, примѣромъ и апостольскою ревностію самихъ митрополитѡвъ и епископѡвъ. О сей только милости смиренно просимъ Вашу святость, чтобы, какъ мы пришли къ лону общей матери съ древними правами, обрядами и обычаями Восточной церкви, и такіе обряды и обычаи утвердила сама высшая власть, такъ и въ наши времена, чтобы не быть намъ чрезъ лишеніе собственнымъ правъ моношеніемъ для своего и чужаго народа. Ибо мы истинные ревнители по католической вѣрѣ, и гораздо болѣе самихъ отцовъ базилианъ Литовскихъ можемъ заботиться о приращеніи св. уни. А чтобы съ большею смѣлостію могли мы обращаться въ своихъ нуждахъ къ св. престолу, съ глубочайшимъ смиреніемъ обращаемся къ отеческому сердцу вашей святости, чтобы никакое наше представленіе не имѣло никакой зависимости отъ соображеній и намѣреній отца прокуратора Литовскаго, который имѣетъ вѣщеніе объ одной только отдѣльной провинціи, а не о всемъ ордентѣ (какъ несправедливо говорятъ), а тѣмъ болѣе не о коллегіи нашей епископской. Раздѣлять чувства наши (какъ справедливо надѣмся) и другіе братія и соепископы наши, которые, по причинѣ отдаленности, не могли такъ скоро прибыть вмѣстѣ съ нами къ настоящему мѣсту; а посему присовокупляемъ смиренныя просьбы, чтобы вслѣдствіе верховнаго распоряденія святости вашей, превелебный нунцій, находящійся нынѣ въ Царствѣ, не прежде приступилъ къ открытію генеральной капитулы, пока мы со всемъ соепископами нашими не соберемъ вмѣстѣ и наконецъ не выслушаны будемъ въ нашихъ просьбахъ вашею святостію. См. дѣло митроп. Гребницкаго съ базилиан. притоарх., 1755 г., Summar., № 7.

¹⁾ Мы скоро увидимъ, что русскіе базилиане однимъ изъ условій соединенія въ одну конгрегачію съ Литовской провинціей поставляли строгое и ненарушимое соблюденіе обрядѡвъ и обычаевъ Восточной церкви.

высшей степени и перешло въ раздраженіе, когда, въ силу декрета Конгрегациі распространенія вѣры отъ 18 мая 1742 г., созвана была папскимъ нунціемъ въ Польшѣ, архіепископомъ Патрасскимъ Фабрицемъ Сорболлономъ, генеральная капитула въ Дубно, на 26 мая (по новому стилю) 1743 г., гдѣ обѣ стороны стали теперь лицомъ къ лицу. Базиліанъ Литовской провинціи оказался на капитулѣ 72, а Польскихъ 167^{*)}.

Тотчасъ же по окончаніи предварительныхъ приготовленій къ капитулѣ началась схватка между литовскими и польскими базиліанамъ. Когда на третьей сессіи, по прочтеніи декрета Конгрегациі распространенія вѣры отъ 18 мая 1742 г., председатель и делегатъ предложили исполнить этотъ декретъ, «тотчасъ отцы настоятели и легаты Русской провинціи настаивали предъ превелебнѣйшимъ предсѣдателемъ, чтобы приказано было публично читать ихъ недоумѣнія и причины, которыя дѣлають для нихъ труднымъ исполненіе помянутого декрета. Прочтаны были эти недоумѣнія и причины, и когда послѣ сего чтенія отцы Литовской провинціи отвѣтили, что все это раньше изслѣдовано и опредѣлено послѣдовавшимъ декретомъ, и не остается ничего болѣе, какъ только исполнить сей декретъ; то между обѣими провинціями возникъ продолжительный споръ²⁾. Споръ этотъ не прекращался и въ слѣдующую сессію; а потому митрополитъ

¹⁾ Акты этой капитулы есть и въ библ. Волин. семин., № 1289, и въ Поч. архив., № 271. Мы будемъ пользоваться послѣднимъ ихъ спискомъ, какъ болѣе исправнымъ. Капитула эта происходила подъ председательствомъ митрополита Аванасія Шептицкаго, въ присутствіи назначеннаго нунціемъ делегата Георгія-Маріа Ласкариса, епископа Зенополитанскаго и препозита—инфулата Олыкского (м. Олыка, Волин. губерніи). Изъ униатскихъ епископовъ на ней были: Луцкій—Феодосій Рудницкій, Черемышльскій—Иеронимъ Устрицкій, Пипскій—Георгій Булгакъ и Хелмскій Фелиціанъ Володкевичъ; кромѣ того получено письмо Смоленскаго архіепископа Антонова Томилловича. Сесс. 1 и 2.

²⁾ Тамъ же, сесс. 3.

Шептицкий, какъ председатель капитулы, распустивъ собраніе, приказалъ базилианамъ Русской провинці сдѣлать свою частную сессию, въ присутствіи Луцкаго и Пинскаго епископовъ, и письменно изложить свои требованія ¹⁾. Вслѣдствіе этого русскіе базилиане представили слѣдующія условія соединенія ихъ въ одну съ Литовской провинціей конгрегацию»:

«Легкій способъ, посредствомъ коего могутъ въ настоящее время сохраниться авторитетъ св. престола, цѣлость обѣихъ провинцій и древняя власть митрополитовъ надъ базилианскимъ орденомъ. Хотя хорошо извѣстно превзлѣбнѣйшимъ епископамъ и всѣмъ отцамъ, собравшимся на настоящую капитулу, что отцы суперіоры и легаты конгрегациі Покрова Пресв. Дѣвы Маріи доселѣ остаются при твердомъ и постоянномъ намѣреніи просить св. апостольскій престолъ, чтобы утверждена была во всѣхъ пунктахъ и заключеніяхъ своихъ капитула сей конгрегациі, бывшая во Львовѣ въ 1739 году, и всегда имѣли это единодушное желаніе; тѣмъ не менѣе, чтобы дать въ настоящее время еще большія доказательства своего уваженія и повиновенія св. престолу, единодушно соглашаются и заявляютъ, что они готовы приступить къ одной конгрегациі и избрать одного протоархимандрита, однако не прежде, какъ согласно разсмотрѣны, приняты и исполнены будутъ на настоящей капитулѣ слѣдующія предположенія, просьбы и условія сей конгрегациі. Предположенія же, просьбы и условія сіи суть слѣдующія:

1. «Чтобы имѣющая составиться конгрегациа, къ коей должны приступить обѣ провинціи, т. е. Литовская и Польская, не имѣла титула Пресв. Троицы, но какой либо третій, отличный отъ титуловъ Пресв. Троицы и Покрова Пресв. Дѣвы Маріи. Помянутые же титулы должны оставаться при каждой порознь провинціи».

¹⁾ Тамъ же, сесс. 4.

2. «Чтобы при составленіи таковой одной конгрегаціи, имѣющей существовать подъ различными титулами, строжайше опредѣлены были границы обѣихъ провинцій и твердо было постановлено, чтобы, въ случаѣ соединенія этихъ провинцій въ одну конгрегацію, монашествующія лица никогда не переходили и не перемѣнялись изъ одной провинціи въ другую».

3. «Чтобы отцы Литовской провинціи уступили настоящей Русской провинціи монастыри, находящіеся въ предѣлахъ настоящей провинціи и состоящіе во владѣніи Литовскихъ отцовъ, о каковыхъ монастыряхъ возбужденъ былъ вопросъ и на прошлой Дубенской конгрегаціи 1727 г., и изъ-за одного этого нерѣшеннаго вопроса разстроилась помянутая капитула, а именно: настоящій Дубенскій, Дерманскій, Святокрестскій также Дубенскій, Жидичинскій, Владимирскій, Хелмскій, Дорогобужскій, Люблинскій, Гродецкій, Бучачскій, Верховскій и др.»

4. «Чтобы въ случаѣ составленія и образованія одной конгрегаціи предоставлена была отцамъ конгрегаціи совершенная свобода избирать новаго протоархимандрита закрытыми голосами изъ той провинціи, изъ какой захотятъ, и не налагалось обязательства, чтобы первый такой протоархимандритъ непременно былъ изъ Литовской провинціи. Впоследствии же должна соблюдаться очередь между обѣими провинціями».

5. «Дабы имѣющіе приглашаться на генеральную капитулу, для избранія протоархимандрита и другихъ должностныхъ лицъ, отцы Русской провинціи не обременялись чрезмѣрно путевыми расходами, требуется было и слѣдуетъ постановить, чтобы для генеральныхъ капитулъ назначались монастыри не далеко отстоящіе отъ той или другой провинціи, но находящіеся въ срединѣ между той и другой провинціей».

6. «Чтобы монастыри одной провинціи не привлекались и не обязывались къ повинностямъ и трудамъ другой провинціи».

7. «Чтобы вышеозначенные монастыри, имѣющіе быть воз-

вращенными, возвращены были съ имѣніями и суммами и церковною и домашнею утварью».

8. «Чтобы въ римской резиденціи, пожертвованной, по милости св. престола, для прокураторовъ нашего ордена, равно какъ и въ алуинатахъ, отцы Русской провинціи имѣли равное участіе и мѣсто».

9. «Поеліку послѣднимъ декретомъ св. престола аббаты не устранены отъ избранія въ протоархимандрита; то посему нужно предоставить свободѣ и волѣ отцовъ обѣихъ провинцій, чтобы они могли выбирать въ протоархимандрита и аббатовъ, если только захотятъ этого».

10. «Чтобы прежняя власть русскехъ митрополитовъ надъ орденомъ базилианъ оставалась неприкосновенною и ненарушимою, согласно древнимъ Nexus-амъ и апостольскимъ постановленіямъ, послѣдовавшимъ съ 1624 года; однако, чтобы эта власть не сдѣлалась, по какимъ либо причинамъ, обременительною для ордена, для нея должны быть уазаны на настоящей капитулѣ границы и правила».

11. «Чтобы при избраніи протоархимандрита и его должностныхъ лицъ предсѣдательствовалъ превелебнѣйшій митрополитъ; при избраніи же генеральнаго викарія и его должностныхъ лицъ предсѣдательствовалъ избранный протоархимандритъ».

12. «Чтобы въ то время, когда протоархимандритъ избранъ будетъ изъ одной провинціи, глава другой провинціи носилъ титулъ викарнаго генерала».

18. «Чтобы должность протоархимандрита и другихъ оффиціаловъ... продолжалась не болѣе четырехлѣтія; по истеченіи же четырехлѣтія опять должны быть избираемы новыи протоархимандритъ, викарій, консульторы и секретари».

14. «Чтобы при будущемъ протоархимандритѣ всегда было по два присяжныхъ помощника (жосіі), одинъ изъ одной, другой — изъ другой провинціи».

15. «Чтобы въ монастыряхъ обѣихъ провинцій строго и ненарушимо соблюдались обряды, церемоніи, благочестіе, посты, обыкновенія и обычаи восточной церкви».

16. «Чтобы на вакантныя прелатства въ каждой провинціи, т. е. на епископства и аббатства, не возводились и не назначались лица другой провинціи».

17. «Чтобы по истеченіи трехлѣтія, на четвертомъ году, викарный генераль представлялъ протоархимандриту акты произведенной имъ визитаціи».

18. «Чтобы должностныя лица провинцій, для удобнѣйшаго исполненія обязанностей ордена, освобождены были отъ службы мѣстнымъ епископамъ».

19. «Чтобы при избраніи протоархимандрита изъ одной провинціи генеральный прокураторъ римскій избирался изъ другой провинціи».

20. «Чтобы наслѣдство, оставляемое умирающими монахами, поступало въ распоряженіе протоархимандрита или лучше викарнаго генерала; протоархимандрить же или викарный генераль, по истеченіи времени своего четырехлѣтія, обязанъ будетъ отдать на генеральной капитулѣ отчетъ превелебнѣйшему митрополиту или назначеннымъ отъ него лицамъ».

21. «Чтобы имѣющій избратся на настоящей капитулѣ протоархимандрить, провинціалъ или викарный генераль, консульторы и другія должностныя лица не прежде поступили въ прохожденію и отправленію своихъ должностей, какъ по милостивомъ разсмотрѣніи и утвержденіи св. престоломъ настоящихъ просьбъ, выборовъ и актовъ сей капитулы».

22. «Наконецъ, наша провинція заявляетъ, что еслибы, вслѣдствіе противодействія другой провинціи, сіи требованія, просьбы и акты капитулы не были по чему либо утверждены; то она опять и опять и постоянно будетъ просить св. апостольскій

престоль, чтобы по милости сего св. престола могла получить то, чего справедливо просить» ¹⁾.

Литовскіе базилиане, согласившись на многія изъ сихъ условій, на нѣкоторыя изъ нихъ не хотѣли согласиться. Такъ напри- мѣръ: 1) они желали чтобы прежній титулъ ихъ провинціи Пресв. Троицы оставался общимъ титуломъ для всего ордена, провинціи же имѣли особые титулы, одна—Покрова пресв. Дѣвы Маріи, Маріи, другая св. мученика Юсафата (Бунцевича); 2) соглашались на то, чтобы лица одной провинціи не переходили въ другую, но съ такою оговоркою, что въ случаѣ необходимости можетъ быть допущенъ этотъ переходъ, съ согласія обѣихъ провинцій и разрѣшенія генерала; 3) не соглашались уступить Русской про- винціи требуемыхъ ею монастырей, до рѣшенія папы, коему дѣло о сихъ монастыряхъ послано съ Дубенской капитулы 1727 года; 4) относительно свободнаго избранія перваго протоархимандрита изъ той или другой провинціи, а неисключительно изъ одной Ли- товской, обѣщали повиноваться волѣ папскаго престола; 5) освобождали каждую провинцію отъ несенія повинностей и трудовъ другой провинціи, но съ тѣмъ, чтобы тяжести всей конгрегациі одинаково лежали на обѣихъ провинціяхъ; 6) распоряженіе о вос- питаніи базилианъ той и другой провинціи въ папскихъ алумна- тахъ предоставляли будущему протоархимандриту, впрочемъ счи- тали нужнымъ просить папу, чтобы съ умноженіемъ жатвы въ оградѣ Христовой благоволено было умножить и число дѣятелей. Относительно же римской резиденціи Литовскіе базилиане отвѣтили, что такъ какъ она сооружена иждивеніемъ Литовской провинціи, которая израсходовала на нее 1340 римскихъ скуталовъ, то бази- лиане Русской провинціи должны уплатить Литовскимъ базилиа- намъ 1000 польскихъ имперіаловъ, если они желаютъ пользо- ваться ею; 7) на требованіе, чтобы архимандритамъ предостав-

¹⁾ Сесс. 5.

лено было право избираться въ генералы, литовскіе базилиане отвѣтили, что «непристойно отступать отъ канонически предписаннаго обычая, но что они однако обѣщаютъ отмѣнить этотъ обычай, если только превелебные и достопочтенные аббаты отступятся отъ своей претензіи неповиноваться непосредственной власти протоархимандрита»; 8) признавали власть митрополита въ томъ видѣ, какъ она опредѣлена папскимъ декретомъ 1742 года; 9) рѣшеніе вопроса о предѣдательствованіи на выборахъ протоархимандрита и другихъ должностныхъ лицъ предоставляли папѣ; 10) соглашались избрать протоархимандрита, консульторовъ и секретаря только на четырехлѣтіе; но при этомъ предостерегали Русскую провинцію, чтобы частными генеральными капитулами не причинить излишнихъ расходовъ, и чтобы частая перемѣна начальствующихъ лицъ и выборъ неопытныхъ лицъ не принесли вреда ордену, а посему считали болѣе полезнымъ, чтобы должность протоархимандрита обѣихъ провинцій продолжалась восемь лѣтъ. «Что же касается генеральныхъ консульторовъ, поелику въ пользу пожизненности ихъ имѣется декретъ свящ. Конгрегациі распространенія вѣры, то ей и слѣдуетъ рѣшить вопросъ о срокѣ; тѣмъ не менѣе впрочемъ нужно будетъ войти въ соглашеніе съ отцами Польской провинціи относительно срока должности генерала и его консульторовъ». 11) Далѣе, литовскіе базилиане соглашались на освобожденіе должностныхъ лицъ ордена отъ епархіальной службы, если она тяжела; 12) отстраняли предложеніе русскихъ базилианъ, чтобы при выборѣ генерала изъ одной провинціи генеральный прокураторъ римскій выбирался изъ другой провинціи, и выборъ сего прокуратора представляли генералу и его консульторіи; 13) распоряженіе наслѣдствомъ умирающихъ монаховъ предоставляли провинціаламъ, которые должны давать отчетъ провинціальнымъ капитуламъ; 14) находили несогласнымъ съ декретомъ 1742 года то условіе русскихъ базилианъ, чтобы будущій генералъ и оффиціалы вступили въ должности только по утвержденіи капи-

тульныхъ актовъ, и 15) общались всѣми силами стараться объ утвержденіи настоящей капитулы папскимъ престоломъ ¹⁾).

Споры между провинціями продолжались и послѣ этого, въ теченіи трехъ или четырехъ слѣдующихъ сессій; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше они утихали и оканчивались взаимными уступками и примиреніемъ. Прежде всего, митрополитъ Шептицкій предложилъ на обсужденіе капитулы вопросъ о неприкосновенности древней власти митрополита, по прежнимъ Nexus-амъ и папскимъ постановленіямъ. Вслѣдствіе этого пересмотрѣнъ былъ Nexus митрополита Жоховскаго съ базилианскимъ орденомъ, заключенный въ 1686 году, и принятъ былъ всѣми сторонами, съ нѣкоторыми только измѣненіями и поправками въ немъ. Такъ напр. въ немъ прибавлено было о томъ, чтобы генеральныя капитулы всегда происходили въ тѣхъ мѣстахъ, какія указаны будутъ на настоящей капитулѣ; чтобы на генеральныхъ капитулахъ предсѣдательствовалъ митрополитъ, а на провинціальныхъ— протоархимандритъ, чтобы въ аббатскихъ монастыряхъ протоархимандритъ имѣлъ власть только надъ монахами, а не надъ аббатомъ, который долженъ подчиняться митрополиту; чтобы кандидатовъ на епископства и другія достоинства представляли митрополиту генераль и консульторы. Въ случаѣ утвержденія папою очереди въ избраніи генерала изъ обѣихъ провинцій, митрополитъ обязывался наблюдать за точнымъ выполненіемъ сей очереди. Не только митрополитъ, но и епископы выговаривали себѣ право требовать отъ ордена монашествующихъ лицъ, необходимыхъ для епархіального управления ²⁾, и проч. Затѣмъ и остальные требованія базили-

¹⁾ Сесс. 6.

²⁾ Сеос. 7—9 и 11. «Nexus превелебѣйшаго и славѣйшаго господина Леанасія Шептицкаго, архіепископа-митрополита всея Россіи, съ орденомъ базилианскимъ обѣихъ провинцій, долженствующій соблюдаться на вѣчныя времена, составленный и утвержденный на Дубенской капитулѣ 7 іюня 1743 года:

анъ Русской провинціи или окончательно рѣшены были на настоящей капитулѣ общимъ согласіемъ базиліанъ обѣихъ провинцій, или представлены на разрѣшеніе папы. Кромѣ того приняты были

1) «Протоархимандритъ, послѣ своего избранія, принесетъ предъ митрополитомъ присягу отъ своего и всего ордена имени и общаеъ повинненіе какъ св. апостольскому престолу, такъ и митрополиту, по всѣмъ правамъ, конституціямъ и декретамъ св. апостольскаго престола, особенно относительно сохраненія и соблюденія настоящаго Nexus-a на вѣчныя времена всѣмъ орденомъ какъ Литовской, такъ и Польской провинцій.

2) «Превелебнѣйшій митрополитъ вполне предоставляетъ ордену и его главѣ достопочтенному протоархимандриту внутренней порядокъ монашескій, оставивъ за собою нижеозначенное».

3) «Если достопочтеннѣйшій протоархимандритъ ордена будетъ нуждаться въ совѣтѣ и помощи превелебнѣйшаго митрополита по важнѣйшимъ дѣламъ своего ордена, то долженъ обращаться къ нему и просить у своего іерарха помощи; превелебнѣйшій же митрополитъ общаеъ ордену всякую помощь и покровительство».

4) Генеральныя капитулы созываетъ протоархимандритъ, по совѣщаніи съ митрополитомъ. Мѣсто же и время генеральныхъ капитулъ всегда и неизмѣнно будетъ то, какое указано будетъ настоящею капитулою, такъ что не должно быть измѣняемо никакою необходимостію и причиною, развѣ только съ разрѣшенія свещ. Конгрегациа распространенія вѣры, когда протоархимандритъ съ консульторами обѣихъ провинцій допесутъ ей о свирѣствованіи, чего Боже сохрани, моровой азы. И посему, если бы превелебнѣйшій митрополитъ задержанъ былъ важнѣйшими дѣлами, особенно же дѣлами генеральныхъ сеймовъ Царства; то ему можно будетъ назначить вмѣсто себя другаго въ предсѣдателя генеральной капитулы. Если бы, по какимъ либо причинамъ, пожелалъ быть на этихъ генеральныхъ капитулахъ ктолибо изъ епископовъ, тотъ можетъ, по необходимости».

5) На генеральныхъ капитулахъ предсѣдательствовать будетъ превелебнѣйшій митрополитъ, на провинціальныхъ достопочтеннѣйшій протоархимандритъ».

6) Достопочтеннѣйшій протоархимандритъ съ полной консульторіей обѣихъ провинцій будетъ подавать наравнѣ съ аббатами голоса при избраніи какъ превелебнѣйшаго митрополита, такъ и коадьютора его.

7) «Достопочтеннѣйшій протоархимандритъ будетъ визитовать всѣ монастыри или самъ, или чрезъ другаго. Въ аббатскихъ же монастыряхъ

нѣкоторыя постановленія прежнихъ базиліанскихъ капитулъ, сообразныя съ тогдашнимъ положеніемъ базил. ордена.

онъ будетъ простирать свою власть только на монашествующихъ лицъ, а не на самихъ аббатовъ, кои, согласно апостольскимъ и капитульнымъ постановленіямъ, какъ значится въ 7 сессіи второй Жировицкой конгрегаціи 1638 года, прямо подчиняются власти митрополита. Если же отъ управленія аббатовъ окажется въ монастыряхъ чтолибо обременительное; то протоархимандритъ доносить о семъ митрополиту, съ соблюденіемъ опредѣленія св. апостольскаго престола относительно преимущества аббатовъ передъ архимандритомъ».

8) «Для возведенія на какія либо достоинства, т. е. епископства и аббатства, протоархимандритъ съ консултуріей будетъ презентовать митрополиту лицо, одаренное надлежащими качествами, которое митрополитъ будетъ презентовать свящ. царскому величеству, если не найдетъ каноническаго препятствія. Если же въ презентованномъ найдено будетъ какое либо препятствіе, то протоархимандритъ съ консултуріей долженъ избрать новаго кандидата и презентовать превелебнѣйшему митрополиту».

9) Когда апостольскій престоль соблаговолитъ даровать нашей конгрегаціи ту милость, чтобы протоархимандриты поочередно избирались изъ обѣихъ провинцій; то превелебнѣйшій митрополитъ не отяготится наблюдать, чтобы соблюдалась взаимная очередь».

10) «Въ случаѣ смерти протоархимандрита, орденомъ будетъ управлять, съ вѣдома митрополита, первый генеральный консултуръ, избранный изъ той провинціи, изъ которой былъ и самъ умершій протоархимандритъ; на будущую же капитулу въ предписанное время созветъ тотъ же консултуръ, по предварительномъ соглашеніи, какъ съ превелебнѣйшимъ митрополитомъ, такъ и съ консултуріей обѣихъ провинцій».

11) «Если митрополитъ и епископы пожелаютъ имѣть духовника, богослова и другихъ нужныхъ имъ лицъ, резидентовъ къ кафедрамъ; то достопочтенный протоархимандритъ или викарный генераль обязанъ будетъ доставить людей, годныхъ и способныхъ къ отравленію сихъ должностей».

12. «Каждый разъ, какъ только открыто будетъ, что протоархимандритъ злоупотребляетъ своею должностію или, чего Боже сохрани, не хорошо живетъ; то, по донесеніи генеральной консултуріи обѣихъ провинцій, превелебнѣйшій митрополитъ увѣщаетъ такового къ болѣе правды жизни и исполненію своего долга. Если же онъ не послушается увѣщанія и останется совершенно неисправнымъ, въ такомъ случаѣ ми-

Всѣ рѣшенія разсматриваемой капитулы, разбросанныя порознь, можно изложить въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. «Съ согласія литовскихъ отцовъ, отцамъ Русской провинціи предоставлена свобода набирать въ протоархимандрита секретными голосами того, кого укажетъ Духъ Святыи» ¹⁾).

2. «Титулъ или наименованіе новой будущей конгрегациі предоставляется рѣшенію св. апостольскаго престола. Обѣ провинціи общають принять тотъ титулъ, какой заблагоразсудителъ назначить для помянутой конгрегациі унятовъ св. апостольскому престолу; но просять, чтобы благоволено было утвердить и удержать прежнее титулы провинціи Литовской и Польской, какими они пользуются, а именно—Пресвятой Троицы и Покрова Пресвятой Дѣвы Маріи» ²⁾).

3. «Границы провинціи должны оставаться въ настоящемъ

трополитъ, по совѣщаніи съ консульторами обѣихъ провинціи и по меньшей мѣрѣ съ двадцатью настоятелями, сдѣлавъ свое дознаніе, долженъ приступить къ сентенціи низложенія».

13) «Еслибы кто изъ монаховъ считалъ себя обиженнымъ отъ провинціала или викарнаго генерала своей провинціи, къ кому непосредственно слѣдуетъ ему обращаться?.. къ генералу. Если же будетъ обиженъ самимъ протоархимандритомъ или генераломъ, то долженъ обратиться къ преемственному митрополиту, который увѣщаетъ протоархимандрита, чтобы онъ воздержался отъ угнетенія до генеральной капитулы, на которой долженъ отвѣчать. Это же нужно разумѣть и о важной обидѣ, нанесенной посредствомъ назначенія тяжкаго наказанія. Когда же нужно низложить суперіора, то его низлагають генераль и полная консульторія за причиненный имъ вредъ или важные проступки; однако протоархимандритъ обязанъ дать на генеральной капитулѣ отчетъ въ этомъ». См. акты Дубенской капитулы 1743 года въ Почаев. арх., № 279, и въ рукоп. сборн. библиот. Волын. сен., № 1289, сесс. 12. См. также дѣло митроп. Флоріана Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, Римъ, 1753 года, Summagium, № 6. Nexus составленъ былъ собственнo и прочитанъ на 7 сессіи, но окончательнo разсмотрѣнъ и утвержденъ только на 12 сессіи.

¹⁾ Сесс. 10, § 1.

²⁾ Сесс. 11, § 1.

положеніи; перемѣщеніе же лицъ изъ одной провинціи въ другую, даже и въ случаѣ необходимости, должно происходить не иначе, какъ только по опредѣленію генеральной капитулы; границы же провинцій опредѣлены и указаны будутъ въ слѣдующемъ пунктѣ».

4. «Литовская провинція уступаетъ Польской провинціи Люблинскій монастырь, съ такими условіями, чтобы, въ случаѣ нужды, прокураторъ Польской провинціи съ одинаковымъ усердіемъ велъ и защищалъ въ Люблинскомъ трибуналѣ дѣла монастырей Литовской провинціи, а также чтобы сія уступка продолжалась до рѣшенія св. апостольскаго престола относительно другихъ монастырей... Равно, если кто либо изъ монаховъ Литовской провинціи прибудетъ въ Люблинъ по дѣламъ своей провинціи, то для него должно быть готовое помѣщеніе въ помянутомъ монастырѣ. Наконецъ, такъ какъ этотъ монастырь обогащенъ предшественниками превелебнаго Хелмскаго епископа, то сей епископъ выговариваетъ себѣ свободную резиденцію въ этомъ монастырѣ, еслибы это оказалось нужнымъ ¹⁾. Провинціалы никогда не должны простираť своей власти далѣе означенныхъ границъ. Если же впоследствии основанъ будетъ, съ согласія мѣстныхъ епископовъ, какой либо монастырь, то онъ долженъ принадлежать той провинціи, къ какой приписаны сами фундаторы и мѣстные епископы ²⁾.

¹⁾ Сесс. 11, §§ 2 и 3. Сн. сесс. 13, § 10.

²⁾ Сесс. 13, § 10. Въ XVIII в. вновь основаны были слѣдующіе ба-валіанскіе монастыри: 1) 5 апрѣля 1743 года Тадулинскій монастырь Францискомъ Тадеушомъ Огниснимъ; Любовичскій—госпожей Залусской, 10 сентября 1742 года (см. акты Дубен. капит. 1743 г., сесс. 13); около 1763 года Крестиниопольскій монастырь Францискомъ Салезіемъ Потоцкимъ; около того же времени Пугинскій монастырь—Теофилой Вальжиной, т. е. женою помѣщика Вальга (см. акты провинц. Вѣзостоп. капитулы 1763 г., сесс. 6, въ Почаев. арх., № 337). Первые два монастыря приписаны были къ Литовской провинціи, остальные же—къ Польской или Русской провинціи

5. «Чтобы отцы суперіоры и легаты Русской провинціи, созываемые на генеральную капитулу и легаты для набранія протоархимандрита и другихъ должностныхъ лицъ, не отягощались чрезмѣрно путевыми расходами, предлагается и должно быть допущено условіе, чтобы для генеральныхъ капитулъ не назначались монастыри слишкомъ отдаленные отъ той и другой провинціи, но назначались находящіеся въ срединѣ между обѣими провинціями»¹⁾). Такими монастырями признаны были Брестскій и Бальскій: генеральная капитула должна была собираться одинъ разъ въ одномъ монастырѣ, другой разъ — въ другомъ²⁾).

6. «Никакая провинція не будетъ подлежать частнымъ повинностямъ другой провинціи; общимъ же тяжестямъ всей соединенной конгрегациі будутъ подлежать обѣ провинціи, однако по предварительномъ совѣщаніи тѣхъ, кому это принадлежитъ по силѣ конституцій».

7. «Дѣло о резиденціи прокуратора Польской провинціи въ городѣ (т. е. въ Римѣ), равно и дѣло объ уплатѣ долговъ представляются на рѣшеніе св. апостольскаго престола. Касательно же воспитанниковъ, просить св. апостольскій престолъ или объ умноженіи лицъ въ аліюнатахъ, или о томъ, чтобы въ равной мѣрѣ допускались отцы Польской провинціи, по предварительнымъ рекомендаціямъ достопочтеннѣйшей консулторіи той и другой провинціи, для своихъ провинцій».

8. «Носеліи достопочтенные аббаты добровольно отказываются отъ выбора въ протоархимандрита; то посему должно изъ

¹⁾ Сесс. 11, § 4.

²⁾ Сесс. 13, § 3. Впрочемъ, мы увидимъ впоследствии, что генеральными капитулами происходили большею частію въ Брестѣ, дважды въ Торонахъ и однажды въ Жидичинѣ, но никогда не были въ Бальскомъ монастырѣ. Причиною этого былъ пожаръ, истребившій Бальскій монастырь въ пятнадцатилѣтіи XVIII вѣка. — См. акты Брестск. капитулы 1751 г. въ рукоп. сборн. библ. Волын. сем., № 1239.

брать простаго монаха професса, неимѣющаго никакого каноническаго пренятствія, съ предоставленіемъ св. апостольскому престолу рѣшенія того, могутъ ли они впослѣдствіи быть избираемы въ генералы, или нѣтъ».

9. «Всѣ должности, начиная съ будущаго генерала или протоархимандрита, какъ-то: должности консулторовъ, секретарей и провинціаловъ, должны продолжаться до четырехлѣтія. По окончаніи же очереди для генерала, на генеральной капитулѣ можетъ быть назначенъ другой срокъ, если угодно будетъ отцамъ обѣихъ провинцій. По избраніи генерала изъ той провинціи, изъ какой будетъ избранъ, въ другой провинціи будетъ провинціалъ, зависящій отъ генерала» ¹⁾.

10. «При будущемъ протоархимандритѣ всегда должны быть два присяжныхъ секретаря, по одному изъ каждой провинціи.

11. «Въ монастыряхъ обѣихъ провинцій строго и ненарушимо должны соблюдаться практика, обычая, благочестіе, посты, обряды и церемоніи восточной церкви».

12. «На вакантныхъ прелатства въ обѣихъ провинціяхъ, какъ-то на епископства и аббатства, не должны возводиться и назначаться лица другой провинціи» ²⁾.

13. «Дабы должностныя лица провинцій могли удобнѣе исполнять обязанности нашего ордена, для сего они должны быть освобождены отъ службы превелебнѣйшимъ мѣстнымъ епископамъ, если обязанности эти будутъ несовмѣстны съ обязанностями по ордену».

¹⁾ Сесс. 11, §§ 5—9 См. сесс. 13, § 1. Выборъ на четырехлѣтіе допущенъ на время для того, чтобы Русская провинція скорѣе имѣла протоархимандрита изъ своей провинціи.

²⁾ Сесс. 11, §§ 10 и слѣд. Въ дополненіе къ этому, на Брестской капитулѣ 1747 года было постановлено, чтобы возводимые на вакантныхъ бенедикціи каждый разъ обращались за разрѣшеніемъ къ провинціалу и генералу. См. акты Брест. капит. 1747 г., въ библ. Волын. сем., № 1289.

14. «Наслѣдства монаховъ и настоятелей остаются на мѣстѣ, кромѣ однѣхъ денегъ, которыя непосредственно передаются провинціалу для общихъ расходовъ провинціи, въ каковыхъ деньгахъ онъ обязанъ будетъ дать строгій отчетъ на генеральной капитулѣ».

15. Очередь прокуратора въ Римѣ устанавливается такимъ образомъ: если заблагоразсудится генералу съ консульторами обѣихъ провинцій, то, въ случаѣ необходимости, онъ можетъ отозвать его и назначить другаго, соблюдши порядокъ очереди; время же резиденціи прокуратора не опредѣляется».

16. «Избраніе генерала должно согласоваться съ условіями той и другой провинціи. Тѣмъ не менѣе Польская провинція предлагаетъ такое условіе, чтобы новозбранный принесъ предъ митрополитомъ присягу по Nexus-у, председательствовалъ на провинціальныхъ сессіяхъ и отъ Литовской провинціи получилъ обычные знаки повиновенія; провинція же Польская исполнитъ все это подъ условіемъ, если помянутый избранный генералъ или протоархимандритъ утвержденъ будетъ вмѣстѣ съ имѣющими быть представленными на утвержденіе св. апостольскаго престола конституціями и, до утвержденія св. апостольскимъ престоломъ, не будетъ проходить своей должности въ Польской провинціи»¹⁾.

17. «Во время генеральной капитулы, имѣющей открываться, подъ председательствомъ превелебнѣйшаго митрополита или его делегата, черезъ каждое четырехлѣтіе, на общихъ сессіяхъ всѣми отцами обѣихъ провинцій должны избираться посредствомъ закрытой подача голосовъ какъ самъ достопочтеннѣйшій протоархимандритъ, такъ и четыре генеральныхъ консультора и два секретаря сего протоархимандрита. Однако всегда должно быть соблюдаемо, чтобы непремѣнно избирались два консультора и одинъ секретарь изъ одной, а также два консультора и одинъ секретарь изъ другой провинціи».

¹⁾ Сесс. 11, § 10—13.

18. «Для жительства протоархимандрита, консулторовъ и секретарей его въ Литовской провинціи назначается монастырь Тороканскій, а въ русской провинціи—монастырь Почаевскій. Также должны быть назначены въ каждой провинціи и другіе монастыри, для жительства своихъ отдѣльныхъ провинціаловъ. Однако, если угодно будетъ достопочтенному протоархимандриту и отцамъ обѣихъ провинцій, то консулторы протоархимандрита могутъ имѣть мѣсто жительства и оставаться въ отдѣльныхъ монастыряхъ, только не далеко отстоящихъ отъ резиденціи самого протоархимандрита, такъ чтобы для необходимыхъ совѣщаній могли быть совываемы въ непродолжительное время.»

19. «Какъ протоархимандритъ, такъ генеральные консулторы и секретари, послѣ своего избранія, приносятъ предъ митрополитомъ присягу, по предписанной формѣ, провинціалы же и секретари провинцій передъ протоархимандритомъ».

20. «Одни провинціалы каждой провинціи будутъ визитовать подчиненные имъ монастыри, не переступая предѣловъ, указанныхъ на настоящей капитулѣ. Самъ же протоархимандритъ не долженъ дѣлать такой визитаціи, кромѣ того случая, когда какой либо монастырь пожалуется, что онъ обиженъ визитаціей провинціала ¹⁾. Даже и въ такомъ случаѣ онъ долженъ дѣлать визитацію не собственной особой, но чрезъ какого либо консултора или секретаря своего, или черезъ другаго делегата или визитатора. Однако, чтобы протоархимандритъ лучше могъ знать о томъ, что дѣлается въ провинціяхъ, для этого каждый провин-

¹⁾ На Брестской капитулѣ 1747 г.. это постановленіе объяснено было такъ: «подъ именемъ же апелліаціи монастыря разумѣется апелліація къ достопочтенному генералу, дозволенная только суперіорамъ, а не простымъ монахамъ. Однако и монахъ, по учиненіи визитаціи и выполненіи эпитиміи, можетъ обращаться къ тому же достопочтенному генералу съ жалобой на причиненную ему обиду». См. сесс. 5, § 6, въ библ. Волын. сем., № 1289. Но это толкованіе не было одобрено въ Римѣ. См. ниже.

циалъ ежегодно будетъ представлять протоархимандриту акты своей визитации, будучи обязанъ впоследствии дать отчетъ въ своей визитации на генеральной капитулѣ».

21. «Перемѣщенія другихъ монашествующихъ лицъ, въ случаѣ нужды, должны дѣлать сами провинціалы, каждый въ своей провинции. Если нужда потребуетъ перемѣнить и самыхъ настоятелей и поставить другихъ, особенно когда дѣло идетъ о монастыряхъ и суперіорствахъ важнѣйшихъ, тогда провинціалы объясняютъ сію необходимость достопочтенному протоархимандриту и представляютъ, для утвержденія, кандидатовъ на эти суперіорства ¹⁾. Но меньшихъ президентовъ будутъ перемѣнять одни провинціалы съ консульторіей».

22. «Дабы монастыри не обременялись множествомъ начальническихъ коней, для сего постановляется, чтобы протоархимандритъ имѣлъ при себѣ не болѣе 12 коней, а провинціалъ не болѣе 11. Остальные же должностныя лица и настоятели никогда не употребляютъ подъ свою повозку 4-хъ коней, но только 2-хъ».

23. «Дабы каждому, по мѣрѣ достоинства, даваемъ былъ всею братіею особый и собственный титулъ, самъ протоархимандритъ долженъ будетъ имѣть титулъ *reverendissimi*, провинціалы *religiosissimum et admodum reverendum*, консульторы и секретари *venerebilibus et admodum reverendum*, настоятели *admodum reverendum*; остальные же отцы и братія имѣютъ только титулъ *religiosorum et reverendum*» ²⁾.

24. «Важныя дѣла производятся протоархимандритомъ въ

¹⁾ По опредѣленію Брестской капитулы 1747 г., эти важнѣйшія суперіорства были слѣдующія: въ Литовской провинции—Виленское, Бытенское, Жаровицкое, Полоцкое и Витебское, а въ Польской—Добромыльское, Лавровское, Львовское, Бѣлостокское и Сласское при горахъ. См. акты сей конгр., сесс. 5, § 7, въ библ. Волын. сем., № 1289. Но впоследствии важнѣйшими монастырями признаны всѣ вокальные монастыри. См. объ этомъ ниже.—

²⁾ О предположеніи базиліанъ увеличить эти титулы и несогласіи на то Конгрегации распространенія вѣры сказано будетъ въ слѣдующей статьѣ.

духовномъ и свѣтскомъ судѣ не прежде, какъ по совѣщаніи съ консульторами ордена и присяжными секретарями, хотя бы дѣло касалось и не всего ордена, а одного только монастыря. Если же бы привлекался посредствомъ позова къ отвѣту или весь орденъ, или какой либо отдѣльный монастырь; то сущность сего дѣла немедленно сообщается тому прокуратору, который присутствуетъ на такомъ судѣ, и о дальнѣйшемъ ходѣ дѣлается совѣщаніе съ консульторами ордена. Посему слѣдуетъ увѣщевать отцовъ настоятелей или монастырскихъ президентовъ, начинающихъ споры и дѣла по собственному произволу, безъ совѣта съ протоархимандритомъ, если только они не привлечены будутъ къ отвѣту посредствомъ позова, и въ случаѣ недействительности увѣщанія подвергать суду».

25. «Отецъ прокураторъ не долженъ начинать въ Римѣ никакихъ дѣлъ, особенно же касающихся всего ордена и отдѣльных провинцій, безъ полученія на сіе письменнаго разрѣшенія достопочтеннаго протоархимандрита. Протоархимандритъ же въ подобныхъ дѣлахъ ордена и провинцій совѣщается съ генеральной консульторіей и съ самимъ провинціаломъ и его консульторіей о томъ, нужно ли вести это дѣло, или нѣтъ».

26. «Отцы настоятели монастырей не отваживаются дѣлать полюбовныхъ сдѣлокъ относительно фундуша, или по какимъ либо обидамъ, какъ съ духовными, такъ и съ свѣтскими людьми, подъ нитожностію сдѣлки, развѣ только по прямому разрѣшенію достопочтеннаго протоархимандрита, данному на письмѣ. Если дѣло будетъ неважное, то достопочтенный протоархимандритъ самъ и одинъ даетъ разрѣшеніе; если же дѣло будетъ большой важности, то совѣщается съ консульторіей».

27. «Для избѣжанія всѣхъ смутъ въ орденѣ и провинціяхъ, строго постановляется, чтобы достопочтеннѣйшій протоархимандритъ, провинціалы и другія должностныя лица ордена и провинцій до окончанія своей должности не домогались никакихъ

прелатствъ и не брали предлагаемыхъ. Кто отважится сдѣлать противное сему, тотъ за это самое будетъ признанъ неспособнымъ къ какой либо промоціи».

28. «Всѣ должности прежнихъ оффиціаловъ, т. е. протоархимандрита, провинціаловъ, консульторовъ и секретарей, слагаются и оставляются непосредственно передъ избраніемъ новаго протоархимандрита и другихъ должностныхъ лицъ».

29. «Дабы на капитулахъ не было споровъ о мѣстахъ, постановляется и предписывается, чтобы непосредственно послѣ протоархимандрита сидѣли провинціалы обѣихъ провинцій, послѣ провинціаловъ— генеральная консульторія достопочтеннѣйшаго протоархимандрита, послѣ генеральной консульторіи— консульторія обѣихъ провинцій, а послѣ нихъ—отцы настоятели и легаты въ своемъ порядкѣ. Сверхъ того нужно наблюдать, чтобы, когда протоархимандритъ избирается изъ извѣстной провинціи, провинціалы и консульторы этой провинціи сидѣли выше провинціала и консульторовъ другой провинціи. Это же нужно разумѣть и о другихъ отцахъ одной провинціи относительно другой» ¹⁾.

30. «Дабы монастыри не обременялись частыми контрибуціями, отселѣ никакія контрибуціи не должны быть налагаемы безъ вѣдома и согласія достопочтеннаго протоархимандрита».

¹⁾ Сесс. 3, §§ 2—9, 11—16. Последнее изъ сихъ постановленій состоялось, вѣроятно, по слѣдующему случаю. На 2-й сессіи возникъ споръ о преимуществѣ между аббатами и викарными генералами и консульторіями обѣихъ провинцій. Ибо аббаты рассуждали, что они, какъ ношазменные и носящіе митру, крестъ и пастырскій жезлъ, должны имѣть мѣсто выше викарныхъ генераловъ и консульторіи; напротивъ викарные генералы и консульторы выставляли въ пользу своего преимущества предъ аббатами древній обычай и употребленіе. Митрополитъ распорядился, чтобы до опредѣленія римскаго двора аббаты сидѣли выше викарныхъ генераловъ и консульторовъ; но Литовскіе базилиане протестовали противъ этого распоряженія. Тамъ же, сесс. 2.—Тогда же и между остальными монахами могъ возникнуть споръ о преимуществѣ.

31. «Для прегражденія пути всякому недозволѣнному честолюбію, строго постановляется, чтобы возвращающіеся изъ уступленныхъ св. престоломъ алюминатовъ и всѣ другіе неопрофессы не прежде допускались къ какимъ либо должностямъ и старались о промоціи, какъ послѣ шестилѣтнихъ по крайней мѣрѣ трудовъ и ванятій на нользу ордена или въ школьномъ преподаваніи, или въ проповѣданіи слова Божія съ амвона или другимъ какимъ либо образомъ, безъ всякихъ должностей. Тѣ же, кои во избѣжаніе сего постановленія будутъ искать какой либо важной протекціи для себя, этимъ самымъ дѣлаются неспособными къ какимъ либо должностямъ».

32. «Для избранія протоархимандрита и отдѣльныхъ провинціаловъ, консулторовъ и секретарей будутъ собираться не только настоятели и президенты монастырей, но и легаты. Однако нужно наблюдать, чтобы изъ монастыря, имѣющаго 12 и болѣе лицъ, назначалось не болѣе одного легата; изъ монастыря же, имѣющаго не болѣе 7 лицъ, не назначалось ни одного легата. Предсѣдатели же капитулъ всегда будутъ имѣть два голоса».

33. «Каждый годъ, въ день св. отца нашего Василія, отца и братія дѣлають возобновленіе обѣтовъ, по употреблявшейся доселѣ формѣ».

34. «Когда придетъ вѣсть о смерти какого либо отца или брата, тотчасъ отцы этой провинціи, изъ которой былъ умершій, совершаютъ за его душу три литургіи; братія же будутъ читать другія молитвы, какія назначены будутъ суперіорами, и слушать три литургіи. Отцы же другой провинціи взаимно обязываются совершить по одной литургіи за умершаго. Подобныя поминковенія должны также совершаться въ обѣихъ провинціяхъ за всякаго превелебнѣйшаго митрополита и епископа, какъ и за другихъ отцовъ и братій»¹⁾.

¹⁾ Акты Дубенской капитулы 1743 года, сесс. 13, §§ 17—21.

Все эти постановления представлены были папѣ; однѣ, составленныя съ общаго согласія, для утвержденія; другія для рѣшенія ¹⁾. Буллою своею отъ 2 мая 1744 года, начинающаея *Inter ruites*, папа утвердилъ одни изъ постановленій Дубенской капитулы 1743 года, другія исправилъ и дополнилъ, третьи вновь разрѣшилъ, для рѣшенія же нѣкоторыхъ труднѣйшихъ вопросовъ потребовалъ новыхъ свидѣній.

Исправлены были папою слѣдующія постановленія капитулы: 1) На Дубенской капитулѣ 1743 г. было постановлено, чтобы избранный протоархимандритъ принесъ предъ митрополитомъ присягу въ повиновеніи какъ папскому престолу, такъ и самому митрополиту. «по всемъ правамъ, конституціямъ и декретамъ, послѣдовавшимъ отъ св. престола апостольскаго». Къ этимъ словамъ папа велѣлъ прибавить слѣдующія: «какъ и по предписанному въ декретѣ святѣйшаго господина папы и проч.». 2) «Вы постановили, пишется въ декретѣ, чтобы по смерти протоархимандрита первый генеральный консулторъ избираемый изъ той провинціи, въ коей былъ покойный протоархимандритъ, управлялъ орденомъ, съ вѣдома митрополита; и потомъ присовокупяете насающееся приглашенія на будущую генеральную капитулу, для избранія преемника. Итакъ, вмѣсто словъ: *долженъ управлять орденомъ съ вѣдома митрополита*, поставьте слѣдующія слова: долженъ управлять орденомъ, извѣстивъ первоначально митрополита о смерти протоархимандрита и сохранивъ должное почтеніе и уваженіе къ нему». 3) Папа одобрилъ постановленіе Дубенской конгрегаціи о томъ, чтобы у базилианъ обѣихъ провинцій строго соблюдались практика восточной церкви, обычаи, благочестіе, посты, обряды и церемоніи, такъ какъ еще Рутскій просилъ объ этомъ папу Павла V, отъ коего и получилъ бреве 10 апрѣля 1615 года о соблюденіи обрядовъ восточной

¹⁾ Сесс. 11.

церкви ¹⁾). Одобрение едва ли искреннее! Условие о строгомъ соблюдении обрядовъ и обычаевъ восточной церкви предложено было базилианами Русской провинціи, вѣроятно, въ виду обнаруживаемыхъ Литовскими базилианами стремленийъ къ латинству. Но папа, одобряя состоявшееся по сему предмету постановленіе Дубенской капитулы, въ дополненіе къ нему указываетъ на свою энциклику, изданную 24 декабря 1743 года къ Антиохійскому патриарху греко-мелхитовъ о соблюденіи греческихъ обрядовъ. «Поелкику же мы, говорится въ декреталѣ, 24 декабря прошлаго 1743 года издали энциклику къ Антиохійскому патриарху греко-мелхитовъ и другимъ католическимъ епископамъ сего обряда, подчиненнымъ помянутому патриарху, въ которой много говорится о воздержаніи и постахъ и другихъ обычаяхъ восточной церкви; то желаемъ, чтобы и ее также припомнили и къ вышепомянутому постановленію прибавили слѣдующія слова: *по декреталу святѣйшаго господина нашего и проч.*» ²⁾). Но этой энцикликой дозволялось сокращеніе на одинъ день постовъ передъ Рождествомъ Христовымъ и праздникомъ св. апостоловъ Петра и Павла, устроеніе въ одной и тойже церкви нѣсколькихъ алтарей, совершеніе нѣсколькихъ литургій разными священниками на одномъ и томъ же алтарѣ, и проч. ³⁾), слѣдовательно допускались искаженія греческаго обряда и приближеніе его къ обряду латинскому. 4) Базилиане, говорится въ декреталѣ 2 мая 1744 года, хорошо постановили о прокураторѣ, чтобы онъ поочередно избирался изъ Литовской и Польской провинціи. Но чтобы это постановленіе было болѣе совершенно и не было трудно для исполненія, папа велѣлъ выразить его слѣдующимъ образомъ: «генеральный прокураторъ на будущее время долженъ быть избираемъ на гене-

¹⁾ Декретомъ 2 мая 1744 г. въ книгѣ *Bullae et brevia...*, 1767 г., ч. 2., стр. 1 и слѣд.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Энциклика 24 декабря 1743 г., тамъ же, въ примѣчаніи.

ральной капитулѣ, и въ избраніи его должна соблюдаться очередь, такъ что когда протоархимандритъ бываетъ изъ Литовской провинціи, генеральный прокураторъ долженъ быть монахъ профессъ Польской провинціи и наоборотъ». Поелику же на Дубенской капитулѣ 1743 г. не былъ избранъ генеральный прокураторъ; то папа приказывалъ, чтобы въ текущее четырехлѣтіе протоархимандритъ съ генеральными консульторами избралъ въ генеральные прокураторы монаха професса Польской провинціи.

5) Постановленіе о томъ, что самъ протоархимандритъ не можетъ визитовать монастырей, а только черезъ консультора или секретаря своего или другаго назначеннаго имъ визитатора, папа велѣлъ измѣнить такъ, «что гдѣ въ вышеуказанныхъ случаяхъ нужна будетъ визитация протоархимандрита, то онъ можетъ визитовать или самъ, или черезъ другаго». 6) Одобривъ пронаведенное обѣими провинціями избраніе протоархимандрита, папа заключаетъ: «однако мы видимъ, что форма, въ какой монахи Литовской провинціи приняли избраніе протоархимандрита, отлична отъ той, какую употребили монахи Польской провинціи; ибо тѣ обѣщали абсолютное повиновеніе и подчиненіе протоархимандриту, эти же прибавили такое условіе: если помянутый избранный утверждень будетъ вмѣстѣ съ представленными на утвержденіе св. апостольскаго престола конституціями, и въ Польской провинціи не будетъ исполнять своей должности до утвержденія св. апостольскими престоломъ». Папа съ огорченіемъ прочелъ это условіе и велѣлъ базиліанамъ Польской провинціи безусловно повиноваться протоархимандриту, подъ угрозою церковнаго наказанія.

Вновь рѣшены папою представленные ему базиліанами вопросы о титулахъ базиліанской конгрегации и провинцій, о резиденціи римскаго прокуратора и аліюмнатахъ. Относительно титуловъ какъ всей базиліанской конгрегации, такъ и отдѣльныхъ провинцій папа постановилъ, что общія дѣла должны произво-

даться подъ титуломъ ордена св. Василя Великаго русиновъ, въ отдѣльныхъ же актахъ Литовской провинціи нужно употреблять титулъ Пресв. Троицы унатовъ, въ актахъ же Польской провинціи— Покрова Пресв. Дѣвы Маріи. Касательно резиденціи базилианскаго генеральнаго прокуратора въ Римѣ, «также альюмнатовъ, коиши пользуются Руссіе во многихъ коллегіяхъ», папа изложилъ слѣдующее: «Извѣстно, что папа Урбанъ VIII, по ходатайству самой Конгрегациі распространенія вѣры, уступилъ Русскимъ монахамъ церковь св. Сергія и Вакха, и что кардиналъ Антоній, прозванный Барбериномъ, т. е. брадою св. Онуорія, братъ самого Урбана, пріобрѣлъ для имѣющей основаться гостинницы сосѣднюю площадь и здѣсь выстроилъ зданіе для генеральнаго прокуратора, на содержаніе коего оставилъ по духовному завѣщанію ежегодный доходъ. Несомнѣнно также, что первоначальная уступка вышепомянутой церкви, также гостинницы и годоваго дохода сдѣланы были для однихъ монаховъ базилианъ русиновъ, которые въ то время составляли конгрегацию св. Троицы унатовъ. Поелику же недавно и польскіе монастыри соединились въ одно тѣло, и наконецъ изъ всего ордена св. Василя русиновъ образовалась одна конгрегациа, которая состоитъ изъ двухъ провинцій Литовской и Польской, и поелику по законамъ установленной между ними очереди генеральный прокураторъ долженъ избираться то изъ провинціи Литовской, то изъ провинціи Польской; то справедливость требуетъ, чтобы въ помянутой гостинницѣ жилъ генеральный прокураторъ и тогда, когда онъ избранъ будетъ изъ провинціи Польской; поелику генеральный прокураторъ, будетъ ли онъ выбранъ изъ провинціи Литовской, или же изъ провинціи Польской, всегда есть генеральный прокураторъ всего ордена и конгрегациі, составленной изъ обѣихъ провинцій». Для содержанія зданій гостинницы и испрашивались пособія и дѣлались долги. Уплата части этихъ долговъ падаетъ въ равной мѣрѣ на обѣ провинціи. «Касательно же альюмнатовъ, поелику

два изъ нихъ уступлены папою Урбаномъ VIII въ городской коллегіи распространенія вѣры, а два въ греческой коллегіи за городомъ, иные же назначены въ другихъ коллегіяхъ внѣ города; то постановляемъ, что сіи аллюматы должны принадлежать общимъ провинціямъ и должны быть поровну раздѣлены между ихъ воспитанниками.

Труднѣе казались вопросы о назначеніи вокальныхъ изъ общихъ провинцій на генеральныя капитулы, о спорныхъ монастыряхъ и о правѣ избранія архимандритовъ въ генералы ордена; а посему папа, высказавъ свой взглядъ на эти вопросы но не рѣшая ихъ окончательно, потребовалъ новыхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній и соображеній, для окончательнаго рѣшенія сихъ вопросовъ.

Для соблюденія равенства голосовъ изъ той и другой провинціи при выборѣ протоархимандрита и другихъ должностныхъ лицъ ордена, папа опредѣлилъ, «чтобы на генеральныхъ капитулахъ, когда идетъ дѣло объ избраніи протоархимандрита, кромѣ председательствующаго на капитулѣ митрополита подавали голоса консултаторы, секретари генеральныя и провинціальныя, провинціалы и другіе 40 монаховъ и столько же изъ другой провинціи, по выбору и назначенію, и всѣ они, при выборѣ низшихъ должностныхъ лицъ, должны имѣть активный голосъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ голоса избраннаго протоархимандрита». А дабы, при значительномъ разстояніи мѣстъ, назначеніе гласныхъ изъ той и другой провинціи было правильно, для сего папа приказывалъ Зенополитанскому епископу, чтобы онъ обсудилъ вмѣстѣ съ протоархимандритомъ, провинціалами и генеральными и провинціальными консултаторами, какиимъ путемъ можно лучше достигнуть избранія сихъ гласныхъ, и представить о семъ Конгрегаціи распространенія вѣры.

Изъ спорныхъ монастырей провинція Литовская уступила Польской провинціи Люблинскій монастырь, съ нѣкоторыми усло-

віями, а именно съ тѣмъ, что сія уступка должна имѣть силу дотолѣ, пока не рѣшено будетъ папскимъ престоломъ, должны ли принадлежать Польской провинціи 12 монастырей, находящіеся будто бы въ предѣлахъ Польской провинціи, но принадлежащіе провинціи Литовской. При настоящемъ положеніи дѣлъ, — говоритъ папа, мы ничего не можемъ отвѣтить и только утверждаемъ помянутую уступку монастыря Люблинскаго. «Объ остальномъ же должны быть представлены вами дальнѣйшія соображенія, сообразныя съ дѣломъ, чтобы мы могли произнести свое сужденіе о принадлежности и прочихъ двѣнадцати монастырей. Изъ представленныхъ намъ документовъ съ несомнѣнностію открывається, что этими монастырями владѣла Литовская провинція. Видно также, что нѣкоторые изъ нихъ основаны были для Литовцевъ. Эти именно обстоятельства и нужно разъяснить и изложить причины, по коимъ Польская провинція требуетъ теперь уступки ихъ себѣ. Все это, кажется, могло бы сдѣлаться въ короткое время и безъ большихъ хлопотъ, т. е. чтобы согласились о дѣлѣ предъ нашимъ нунціемъ, живущимъ при царѣ Польскомъ, или передъ его аудиторомъ или другимъ чиновникомъ, отъ него назначеннымъ, и чтобы сверхъ того послано было наконецъ къ намъ донесеніе какъ о дѣлѣ, такъ и о всѣхъ доводахъ, какіе предъ нимъ изложены будутъ съ той и другой стороны, послѣ чего не замедлимъ сдѣлать надлежащее рѣшеніе».

Вопросъ о томъ, могутъ ли архимандриты быть избираемы въ протоархимандрита, вытекаетъ изъ того, что въ протоархимандриты долженъ быть избираемъ простой монахъ профессъ не имѣющій каноническаго препятствія. Но рѣшеніе вопроса о томъ, могутъ ли архимандриты быть избираемы въ протоархимандрита, зависить отъ рѣшенія другаго вопроса, а именно: должны ли аббаты оставаться не подчиненными власти протоархимандрита и непосредственно подчиняться митрополиту. Но такъ какъ сей вопросъ еще не рѣшенъ, — говоритъ папа, — то мы не считаемъ

пока возможнымъ произнести мнѣніе и о первомъ вопросѣ; ибо, если аббаты должны непосредственно подчиняться власти митрополита, то по всей справедливости не могутъ имѣть права на избраніе въ протоархимандриты, если же они должны подчиняться власти протоархимандрита, то не могутъ быть лишены права на выборы въ протоархимандрита, такъ какъ и прежними декретами устраняются отъ сего не аббаты, но епископы и митрополиты. Итакъ, здѣсь то нужно разсмотрѣть, кому непосредственно должны подчиняться аббаты, митрополиту или протоархимандриту. На базилианскихъ конгрессіяхъ постановлено было, что «протоархимандритъ долженъ визитовать всѣ монастыри или самъ, или черезъ другаго; но гдѣ находятся монастыри аббатскіе, тамъ онъ имѣетъ власть только надъ лицами монаховъ, но никакъ не надъ самими аббатами, которые должны подчиняться митрополиту, такъ что еслибы какой либо аббатъ допустилъ въ управленіи своимъ монастыремъ какое либо обремененіе для монастыря или монаховъ, то протоархимандритъ обо всемъ долженъ донести митрополиту. Но принадлежитъ ли аббатамъ преимущество предъ самими протоархимандритомъ, или наоборотъ,—это, какъ мы видимъ, предоставлено вами на судъ св. Апостольскаго престола».

Итакъ предствятъ два вопроса, одинъ о непосредственномъ подчиненіи архимандритовъ или протоархимандриту, или митрополиту; другой—о преимуществѣ сихъ аббатовъ предъ протоархимандритомъ. Начиная со втораго вопроса, какъ менѣе труднаго, «опредѣляемъ, что во всѣхъ монашескихъ актахъ протоархимандритъ долженъ преимуществовать передъ аббатами; поелику нельзя допустить, чтобы въ сихъ монашескихъ актахъ монахъ преимуществовалъ предъ самимъ главой своего ордена. Въ же монашескихъ актовъ предписываемъ соблюдать такой обычай: если въ упомянутыхъ актовъ аббатъ преимуществовалъ предъ протоархимандритомъ, то и впоследствии преимущество должно принадлежать аббату; если же прежде было такъ, что протоархимандритъ

преимущественно предъ аббатами, то это самое должно соблюдаться и впоследствии».

Переходя къ другому вопросу о непосредственномъ подчиненіи аббатовъ или протоархимандриту, или митрополиту, — «мы полагаемъ, — продолжаетъ папа, — что вы помните, что на конгрегация, бывшей у насъ 1 мая 1742 года, хотя и допущена была власть митрополита надъ монахами, однако ограничена предѣлами постановленій апостольскихъ и св. Тридентскаго собора, гдѣ ограничены права митрополита относительно изъятыхъ монаховъ, откуда безъ сомнѣній слѣдуетъ, что аббаты непосредственно должны подчиняться не митрополиту, а протоархимандриту», ибо это лучше для блага ордена, такъ какъ злоупотребленія въ аббатствахъ скорѣе могутъ уничтожиться, если о нихъ извѣстно будетъ протоархимандриту. Находимъ также несогласнымъ съ канонами западной церкви, чтобы власть митрополита простиралась и на тѣ монастыри, которые находятся въ епархіяхъ епископовъ суфрагановъ; «поселику монастыри, кои не имѣютъ привилегій изъятія и непосредственнаго подчиненія апостольской столицѣ, должны подчиняться не митрополиту, а власти мѣстныхъ епископовъ». Тридентскій же соборъ постановилъ, чтобы митрополитъ, визитуюя свою собственную епархію, не иначе визитовалъ каедральныя церкви и епархіи провинціальныхъ епископовъ, какъ по порученію провинціального собора. Притомъ же, по постановленіямъ восточной церкви, монастыри и монахи должны подчиняться мѣстному епископу. «Патріарху же принадлежитъ право ставропитія, т. е. водруженія креста при основаніи монастырей, вследствие чего бывало такъ, что хотя монастырь находится внѣ епархіи собственной епархіи, въ предѣлахъ каваго либо епископа суфрагана, однако непосредственно подчинялся самому патріарху и оставался совершенно изъятымъ изъ власти мѣстныхъ епископовъ». Но право сей ставропитія, усвоенное патріархомъ, не принадлежитъ митрополиту. «Особенно же обращаетъ наше вни-

наніе то, что, по нашему замѣчанію, Замойскій соборъ всячески старался о томъ, чтобы монастыри ордена св. Василія Великаго Польской провинціи соединить въ одну конгрегацію, о протоархиандритѣ же постановилъ, чтобы онъ подчинился тому, кому велитъ подчиниться апостольскій престолъ. И этотъ соборъ, дѣлая постановленія о визитаціи монастырей и многомъ другомъ, относящемся къ дисциплинѣ, сообразовался съ постановленіями св. Тридентскаго собора». Но поелику мы видѣли нѣкоторые декреты Конгрегаціи распространенія вѣры и буллы папы Урбана VIII, въ коихъ удерживаются права митрополита какъ надъ монахами, такъ и аббатами, и поелику намъ представлены были акты многихъ соборовъ и капитулъ, въ коихъ допускаются помянутыя права митрополита, читали также рѣшеніе конгрегаціи собора по Биевскому дѣлу о правѣ визитаціи, доложенному 22 августа и рѣшенному 12 сентября 1739 года, также представленные по этому дѣлу документы, коими утверждено и признано было право митрополита Россіи, который велѣлъ своимъ делегатамъ визитовать и осудилъ аббата одного монастыря, находящагося внѣ его епархіи, такъ какъ онъ находится въ Луцкой или Владимірской епархіи ¹⁾: то посему мы, желая какъ можно осторожнѣе посту-

1) Указываемое здѣсь дѣло состояло въ слѣдующемъ: Въ 1738 году митрополитъ Шенгицкій поручилъ визитацію Мѣлецкаго монастыря епископу Пинскому и аббату Дорогобужскому. Поелику же во время визитаціи Мѣлецкіе монахи обвиняли своего аббата Иннокентія Пеговича въ нечистой жизни, то митрополитъ опредѣлилъ лишить Пеговича аббатства и послать подъ началъ въ Бытенскій монастырь. Но Пеговичъ считалъ этотъ приговоръ митрополита неправильнымъ, особенно потому, что аббатство Мѣлецкое, какъ состоящее въ Луцкой епархіи, можетъ быть визитуемо только Луцкимъ епископомъ, на основаніи 3-й главы 7-й сессіи Тридентскаго собора, а также 6-го титула Замойскаго собора объ епископахъ, гдѣ мужскіе монастыри, не вошедшіе въ конгрегацію, предоставляются визитовать мѣстнымъ епископамъ. Изъ правилъ же каноническихъ видно, утверждалъ Пеговичъ, что митрополитъ не можетъ визитовать кафедральныхъ церквей и епархіи своихъ провинціальныхъ епископовъ, безъ со-

ИТЬ ВЪ СТОЛЬ ВАЖНОМЪ ДѢЛѢ. касающемся знаменитаго достоинства и доблестями митрополита, не считаемъ еще возможнымъ сдѣлать опредѣленіе и рѣшеніе сего вопроса, т. е. кому непосредственно должны подчиняться аббаты, — митрополиту, или протоархимандриту, что однако сдѣлано будетъ нами безъ всякаго промедленія, какъ только или сами найдемъ, или намъ представлены будутъ той и другой стороною прочнѣйшія основанія для рѣшенія. А между тѣмъ постановляемъ, чтобы въ аббатскихъ монастыряхъ протоархимандритъ имѣлъ полную власть надъ имѣніями монастыря и монашествующими лицами. Митрополитъ же никоимъ образомъ не долженъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе монастырями, такъ какъ мы видимъ, что самъ митрополитъ съ 1686 года все внутреннее управленіе ордена предоставилъ сему ордену и протоархимандриту, оставивъ за собою остальные дѣла, кои считалъ подлежащими власти мѣстныхъ епископовъ. А между тѣмъ, пока митрополитъ не представитъ намъ въ возможной скорости своихъ доводовъ, равно и аббаты того, что мо-

гласія сихъ послѣднихъ (свящ. конгр. 29 ноября 1688 г.). На это митрополитъ отвѣчалъ, что всѣ базилианскіе аббаты, находящіеся въ той провинціи, посвящаются и поставляются одними митрополитами и визитуются по ихъ приказанію, какъ и аббатъ Мѣлецкій Пеговичъ поставленъ митрополитомъ Винницкимъ; слѣдовательно правленъ и приговоръ митрополита о Пеговичѣ. Крімъ того фискаль архіепископской куріи доказывалъ, что Мѣлецкій монастырь находится не въ Луцкой, а во Владимирской епархіи, и посему аббатъ Пеговичъ справедливо осужденъ Владимирскимъ епископомъ, суфраганомъ митрополита, и просилъ разрѣшенія того: 1) «можетъ ли митрополитъ всея Россіи имѣть право визитовать Мѣлецкій монастырь чина св. Василія Великаго, такъ чтобы визитація, сдѣланная делегатами въ маѣ 1738 года, осталась неприкосновенною въ данномъ случаѣ..; 2) произнесенный 18 августа 1738 г., тѣмъ же митрополитомъ приговоръ можетъ ли имѣть силу въ настоящемъ случаѣ, и проч. Конгрегация Тридентскаго собора отвѣтила: «На первое—утвердительно, на второе—къ господину нунцію, который долженъ поступить по закону относительно утвержденія или неутвержденія приговора», и проч. См. дѣло базилиан. протоарх. съ митроп. Гребницкимъ, Summar., № 4.

зеть благопріятствовать ихъ интересамъ, постановляемъ, чтобы митрополитъ продолжалъ пользоваться своими правами относительно лицъ аббатовъ».

Въ заключеніе папа хвалитъ униатскаго митрополита Аонасія Шелтицаго и поручаетъ ему слѣдующее дѣло: «Мы знаемъ, говоритъ папа, что многіе монастыри Польской провинціи доведены до такой бѣдности, что едва могутъ содержать двухъ или трехъ монаховъ. При такихъ обстоятельствахъ, каноническіе законы предписываютъ дѣлать соединеніе многихъ монастырей, такъ чтобы въ каждомъ удобно могло жить 10 или по крайней мѣрѣ 8 монаховъ. Итакъ ко многому, похвально сдѣланному доселѣ, митрополитъ присоветовать и слѣдующее, которое мы поручаемъ ему, и даемъ для этого всѣ нужныя и необходимыя права, дабы онъ, вмѣстѣ съ протоархимандритомъ и генеральными консульторами, также Польскимъ провинціаломъ и консульторіей сей провинціи, позаботился о соединеніи сихъ бѣднѣйшихъ монастырей» и о послѣдующемъ донесъ апостольскому престолу¹⁾).

Исполненіе предписаній папской буллы началось съ уничтоженія бѣдныхъ монастырей и присоединенія ихъ къ богатѣйшимъ. Въ октябрѣ слѣдующаго 1745 года собрались въ Дубно митрополитъ Аонасій Шелтицій, протоархимандритъ Поликарпъ Мигуновичъ, провинціалъ Русской провинціи, генеральные и провинціальныя консульторы и секретари и, получивъ отъ визитаторовъ

¹⁾ *Виллае et brevia* ..., 1767 г., ч. 2, стр. 1—60. Для послѣдняго повелѣнія папы объ уничтоженіи бѣдныхъ монастырей Дубенская капитула 1743 года не давала собою повода. Но мы знаемъ, что вопросъ объ этомъ поднятъ былъ на Львовской капитулѣ 1739 года епископами, которые желали, чтобы «ундуши уничтожаемыхъ монастырей отдавались въ распоряженіе мѣстнымъ епископамъ и приисчислялись къ приходскимъ церквамъ. См. объ этомъ выше. Основаніемъ же для сего распоряженія могъ служить декретъ Конгрегациі распр. вѣры отъ 12 іюня 1625 г., о подчиненіи мѣстнымъ епископамъ монастырей, не могущихъ содержать по 12-ти монаховъ. См. *Indulgentiae, brevia, decreta*..., ч. 1., стр. 72—82.

нужныя свѣдѣнія о доходахъ и достаткахъ монастырей Русской провинціи, положили оставить самостоятельными только тѣ изъ монастырей, кои могли содержать не менѣе 8-ми монаховъ, остальные же монастыри частью присоединить къ другимъ богатѣйшимъ монастырямъ, съ тѣмъ, чтобы въ нѣкоторыхъ изъ нихъ совершались миссіи назначенными отъ начальства лицами, — частью совершенно уничтожить. Такимъ образомъ всѣ монастыри Русской базилианской провинціи раздѣлены были на три категоріи: монастыри самостоятельные, приписываемые къ другимъ и предполагаемые къ уничтоженію.

«Монастыри, кои могутъ существовать частью сами по себѣ, частью въ соединеніи съ другими: Лавровскій, Добромыльскій, Лисненскій, Щеплотскій, Верхратскій, Креховецкій, Безядскій, Львовскій, Георгіевскій, Дервенскій, Унівскій аббатскій, Вицинскій, Краснопустынский, Подгорецкій, Почаевскій, Загаецкій, Мильчецкій, Луцкій кафедральный; Луцкій братскій, Брестовоздвиженскій, Бѣлостоцкій, Загоровскій, Низкиничскій, Мѣлецкій аббатскій, Гоцанскій, Любарскій; Билиловскій, Овручскій аббатскій, Шаргородскій, Барскій, Камонецкій кафедральный, Чортковскій, Трембовельскій, Сатавовскій, Крылосскій при кафедрѣ Галиціи, Заваловскій, Погоньскій, Тациковскій, Добжанскій и Люблинскій», всего 38.

«Монастыри, по бѣдности фондуша присоединенные къ другимъ богатѣйшимъ монастырямъ: къ монастырю Лавровскому — монастырь св. Сваса при горахъ (ad montes) и Топельницкій; къ монастырю Добромыльскому — Перемышльская резиденція при церкви св. Іоанна; къ монастырю Лиснянскому — монастыри Летнянскій, Деражичскій и Билинскій; къ монастырю Щеплотскому — монастыри Чернелавскій и Смолянскій; къ монастырю Верхратскому — монастырь Замосцскій; къ монастырю Безядскому — монастырь Жулкевскій; къ монастырю Львовскому кафедральному — монастыри св. Онуфрія, св. Іоанна, резиденція городская при храмѣ

Успенія пресв. Дѣвы Маріи и монастырь Горпинскій; къ монастырю Деревянскому—монастыри Ясеничскій, Стояновскій и Огладовскій; къ монастырю Краснопустынному—монастырь Подгородецкій; къ монастырю Подгородецкому—монастыри Бучинскій и Лѣсокъ (Lasek) въ Злочовѣ; къ Загаецкому—монастыри Кременецкій и Стоженскій; къ монастырю Мильчецкому—монастыри Страховскій и Перекальскій; къ монастырю Луцкому кафедральному—монастырь Поддубецкій; къ монастырю Луцкому братскому—монастыри Туминскій и Четвертинскій; къ монастырю Загоровскому—монастыри Волсвинскій и Городескій; къ монастырю Низвиничскому—монастыри Зимненскій и Туропинскій; къ монастырю Гошанскому—монастырь Городищенскій, къ монастырю Любарскому—монастырь Колодеженскій; къ монастырю Билиловскому—монастыри Тригурскій и Красногурскій; къ монастырю Шаргородскому—монастыри Немировскій и Грановскій; къ монастырю Барскому—монастырь Головчинскій; къ монастырю Каменецкому кафедральному—монастыри Малѣевскій и Убановицкій; къ монастырю Чертковскому—монастырь Улашковскій; къ монастырю Трёмбавельскому—монастыри Збуруженскій (не Збаражскій ли?) и Бурневскій, къ монастырю Сатановскому—монастырь Боржовецкій; къ монастырю Крылосскому при кафедрѣ Галицкой—монастыри Питичскій, св. Иліи Соколенскій, Дороговскій и Жукевянскій; къ монастырю Заваловскому—монастыри Задаровскій и Литвиновскій; къ монастырю Погоньскому—монастыри Угерницкій, Загвойскій, Соколецкій и Фувіонскій; къ монастырю Паницковскому—монастыри Гойшовскій, Сваричевскій и Болоховскій; къ монастырю Добржанскому—монастыри Рудницкій и Подгородищенскій; къ монастырю Люблинскому—монастырь Домашевскій».

«Монастыри, кои, по совершенному недостатку фондуша, совершенно оставляются Русскою провинціей, пока наследники и благочестивые фундаторы не обезначатъ ихъ пожертвованіемъ, достаточнымъ для содержанія по крайней мѣрѣ 8-ми монашествующимъ».

шихъ лицъ: Баюцинскій, Боложиновскій, Выспенскій, Бильченскій, Девинячскій, Винницкій, Грабовскій, Городенскій, Натайковскій, Косовскій, Короловскій, Сынковскій, Левковскій, Тышичскій, Тлумачачскій, Бржуховицкій, Улучскій, Блодечскій, Брупцевій, Замшезошскій, Ладавскій, Манковскій, Бершадскій, Лебеднискій, Анофрейскій. Движимыя же церковныя и домашнія имущества сихъ имѣющихъ уничтожитья монастырей мы полагаемъ передать слѣдующимъ монастырямъ: движимое имущество монастыря Баюцинскаго—монастырю Добржанскому; Боложиновскаго—Деревянскому, Выспенскаго—Добржанскому; Бильченскаго—Каменецкому каедральному; Девинячскаго—Трембавельскому; Винницкаго—Шаргородскому; Грабовскаго—Добржанскому; Городенскаго—Погоньскому; Натайковскаго—Малѣвскому; Косовскаго—каедральному—Брылосскому; Короловскаго—каедральному Каменецкому; Сынковскаго—тому же каедральному Каменецкому; Левковскаго—аббатскому Овручскому; Тышичскаго—Деревянскому; Тлумачскаго—каедральному Брылосскому; Бржуховскаго—Добромыльскому; Блодечскаго—тому же Добромыльскому; Замшевицскаго—Люблинскому; Ладавскаго—Шаргородскому¹⁾.

Независимо отъ общей консультаціи съ митрополитомъ, базилянскій протоархимандритъ и генеральные консульторы подали папѣ двѣ просьбы, изъ коихъ въ одной просили его не уничтожать монастырей, достаточныхъ для содержанія 5-ти монаховъ, общая совѣмъ оставить всѣ прочіе, не могущіе содержать по 5-ти монаховъ; въ другой о томъ, чтобы въ качествѣ приписныхъ къ сосѣднимъ монастырямъ сохранились тѣ меньшія резиденціи, кои не могутъ содержать и по пяти монаховъ и кои въ силу декрета 2 мая 1744 года должны быть уничтожены, дабы монахи не принуждены были отдать ихъ свѣтскому клиру,

¹⁾ Актъ подписанъ 19 октября 1745 г. См. его въ дѣлѣ Польской базилян. провинціи съ провинц. Литов. о 12-ти монаст., 1747 г., Summar., №№ 44 и 60.

такъ имъ объявлено бывшимъ апостольскимъ нунціемъ, лишь бы только помянутыя резиденціи не имѣли приходовъ, послѣднія они безъ всякаго затрудненія готовы отдать свѣтскому клиру. Вслѣдствіе этого, папа дозволилъ базилианамъ оставить за собою на десятилѣтіе тѣ монастыри и резиденціи, въ коихъ можетъ содержаться до 5-ти монаховъ, лишь бы въ теченіи шести мѣсяцевъ или года совершенно оставлены были остальные монастыри, резиденціи и миссіи, немогущія содержать и 5-ти монаховъ, а между тѣмъ, чтобы къ профессіи каждый разъ допускалось не болѣе 15-ти новиціевъ, способныхъ къ слушанію философіи и богословія, по испытаніи ихъ тремя аудиторами, и недопускались новыя фундаціи монастырей, если онѣ недостаточны для содержанія по крайней мѣрѣ 8-ми монаховъ. Что же касается монастырей, резиденцій или миссій, въ коихъ не можетъ содержаться и по 5-ти монаховъ и кои или принадлежали прежде свѣтскому клиру, или имѣютъ приходы; то онѣ должны быть уступлены епископу и свѣтскому клиру той епархіи, въ которой находятся; остальные же, первоначально основанныя монахами, согласно 5 главы, 21 сесс. Тридентскаго собора должны быть приписаны къ сосѣднимъ монастырямъ, такъ чтобы монахи не имѣли болѣе тамъ постоянного жительства; церкви же, находящіяся при такихъ монастыряхъ, резиденціяхъ и миссіяхъ, должны подлежать власти и визитаціи мѣстнаго епископа¹⁾.

За уничтоженіемъ малыхъ и бѣдныхъ базилианскихъ монастырей, послѣдовало рѣшеніе дѣла о назначеніи вокалисовъ или гласныхъ изъ обѣихъ базилианскихъ провинцій для присутствованія на капитулахъ. По предварительномъ составленіи провинціальными консультаціями обѣихъ провинцій списковъ вокалисовъ;

¹⁾ Письмо папскаго нунція въ Польшѣ къ базил. протоархимандриту, писанное 13 августа 1754 г., вслѣдствіе декрета Конгрегаціи распространенія вѣры отъ 3-го того же августа. См. акты Почаев. провинц. капитулы 1753 г.. сесс. 1, въ рукоп. сборн. библиот. Волын. семина., № 1289.

на 7 февраля 1746 года созвана была во Владимирѣ Волынскомъ генеральная консультація, подъ предсѣдательствомъ папскаго делегата Георгія Ласкариса, архіепископа Зенополитанскаго, инфулата Олыкскаго. Въ таблицѣ своихъ вокалисовъ Литовскіе базилиане Русской провинціи видѣли въ этомъ обстоятельствѣ присвоеніе этихъ монастырей Литовскою провинціей, до рѣшенія дѣла о нихъ въ Римѣ, и потому сочли нужнымъ потребовать отъ предсѣдателя заявленія, что поименованіе сихъ монастырей въ числѣ вокальныхъ Литовской провинціи не должно ни увеличивать правъ этой провинціи на сіи монастыри, ни уменьшать правъ Русской провинціи ¹⁾. Какъ, затѣмъ, рѣшено было дѣло объ избраніи вокалисовъ изъ обѣихъ провинцій, объ этомъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что въ смыслѣ вокальныхъ, читанномъ на Брестской капитулѣ 1747 года, не были помѣщены аббаты ²⁾, и что на генеральныхъ капитулахъ каждая провинція имѣла по 40 голосовъ, которые принадлежали знатнѣйшимъ монастырямъ провинціи ³⁾. Перенесеніе голосовъ изъ одного мона-

¹⁾ Отвѣтъ провинціи Русской на доводы Литовцевъ, посланный папскому нунцію въ Польшѣ. См. дѣло Польской базил. провинц. съ провинц. Литов. о 12-ти монаст., 1747 г., Syntrag., № 62.

²⁾ Брестск. капитул., 1747 г., сес. 1.; въ рукоп. сборн. библ. Волыиск. семин., № 1289.

³⁾ На Брестской генеральной капитулѣ 1751 года голоса имѣли слѣдующія лица: изъ *Литовской провинціи*, — кромѣ орденскихъ чиновниковъ, секретарь провинціала, магистръ новиціевъ; прокураторъ дѣлъ трибунальскихъ, три профессора богословія и философіи монашеской и настоятели Виленскій, Жировицкій, Битенскій, Торонанскій, Березвечскій, Полоцкій, Витебскій, Онуфріевскій, Жидичинскій, Хелмскій, Боруновскій, Бяльскій, Лавришевскій, Владимірскій, Антопольскій, Новогрудскій, Врестскій, Добрыгорскій Пустынскій, Мстиславскій, Ятвинскій, Волненскій, Лышковскій, Суковскій, Мовврскихъ миссій, Берховскій, Дрейскій, Рожанскій, Сержневскій, и 8 легатовъ изъ монастырей Виленскаго, Битенскаго, Жировицкаго, Полоцкаго, Витебскаго, Онуфріевскаго, Жидичинскаго и Дерманскаго; изъ *Русской провинціи* — магистръ новиціевъ, прокураторъ трибунальскихъ дѣлъ, профессоръ нравственнаго богословія и настоятели Почаевскій, Загаецкій, Добромльскій, Лавровскій, Львовскій, Георгіевскій,

стыря въ другой производилось не иначе, какъ только съ разрѣшенія Конгрегациі распространенія вѣры ¹⁾. Передъ каждой генеральной капитулой составлялся списокъ вокальныхъ и представлялся на утвержденіе упомянутой Конгрегациі ²⁾.

Затѣмъ, оставалось рѣшить труднѣйшіе вопросы: о спорныхъ монастыряхъ и о томъ, кому должны подчиняться аббаты, митрополиту, или протоархимадриту ордена.

Около 1746 года Литовскіе базилиане представили папскому

Каменицкій, Загоровскій, Вилостецкій, Крылескій, Луцкій кафедральный, Луцкій братскій, Гошанскій, Трембовельскій, Люблинскій, Креховскій, Низклинчскій, Виднянскій, Краснопустынскій, Беядскій, Мильчецкій, Вилловскій, Шаргородскій, Барскій, Погоньскій, Любарскій, Верхратскій, Щеплотскій, Лисьянскій, Унѣвскій, Мѣлецкій, Овручскій, Чертковскій, Заваловскій, Пацковскій, Сатавовскій, Добржанскій, Деревянскій и нѣсколько легатовъ вмѣстѣ неизвѣстныхъ настоятелей. Изъ другихъ же монастырей, немнѣющихъ голоса, настоятели или президенты собирались предъ капитулами въ ближайшій монастырь и подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго настоятеля открывали монастырскій конвентъ, высказывали свои желанія и могли быть избираемы легатами вокальныхъ монастырей. См. акты Брестск. капитулы 1751 г., сесс. 1., въ рукописн. сборн. библ. Волын. сем., № 1289.

1) На провинціальной Почаевской капитулѣ 1755 года лишены были голоса недостаточные монастыри Вилловскій, Погоньскій, Лишнянскій, Чортковскій, Сатавовскій, Заваловскій, Пацковскій, Добржанскій, Деревянскій, а сдѣланы гласными—Суасскій при горахъ, Кременецкій, Поддубецкій, кромѣ того три профессора богословія и два философіи; сборн. библ. Волын. сем. № 1289. — Перенесена вокальность изъ Ятвѣвскаго монастыря въ Рожанскій (см. декретъ Піа VI отъ 7-го мая 1775 г. *Indulgentia, brevia, decreta...*, 1788 г., ч. 1, стр. 13); изъ Гошанскаго въ Острожскій (декретъ 2 Апр. 1780 г., тамъ же, стр. 43—44); изъ Тригурскаго въ Пугнянскій (декретъ 7 фев. 1784 г., тамъ же, стр. 55—56). Въ 1772 г., дана вокальность Кривинпольскому монастырю (см. акты Брестск. Конгр. 1772 г., сесс. 1., въ Почаев. библ., № 384). Въ монастыряхъ, принадлежащихъ епископамъ, вокальными считались викаріи; см. декретъ 30 апрѣля 1759 г., въ книгѣ *Bullae et brevia...*, ч. 2, стр. 123—135.

2) *Codex Constitutionum Ordinis S. V. M.*, 1791 г., изд. въ Почаевѣ, стр. 205 и др. См. декреты Конгрегациі распространенія вѣры отъ 30 апрѣля 1759 года, а 11 іюля 1763 г., въ книгѣ *Bullae et brevia...*, 1767 г., част. 2., стр. 123 и слѣд., 137—140.

нунцію въ Польшѣ особый докладъ и при немъ суммаріушъ, съ изложеніемъ доводовъ о принадлежности спорныхъ монастырей провинці Литовской. Но здѣсь они уже домогались не 12-ти только вышеозначенныхъ монастырей, а и многихъ другихъ, на которыхъ доселѣ не заявляли претензій, какъ-то: Мѣлецкаго, Загоровскаго, Зимненскаго, Кременецкаго, Овручскаго, Жуковскаго, Каневскаго, Стоянскаго, и даже Люблинскаго, который не задолго передъ тѣмъ они уступили—было Польской провинці. Главнымъ основаніемъ для ихъ домогательства было то, что эти монастыри визитовались нѣкоторыми Литовскими протоархимандритами и управлялись Литовскими базилианами, и что на Литовскихъ капитулахъ дѣлались разныя постановленія о сихъ монастыряхъ. Въ частности Литовскіе базилиане старались доказать, что 1) въ Жидичинскомъ, Дерманскомъ, Дубенскомъ и Дорогобужскомъ аббатствахъ Литовскіе базилиане были иногда настоятелями; 2) монастыри Хелмскій, Владимірскій, Верховскій и Бучацкій основаны были для монаховъ ордена св. Василія Великаго, слѣдовательно для Литовцевъ; 3) монастыри Мѣлецкій, Загоровскій, Зимненскій, Кременецкій, Овручскій, Жуковскій, Каневскій и Стояновскій или Стоженскій визитовались Литовскимъ протоархимандритомъ, и кромѣ того Овручскій монастырь находится въ предѣлахъ Кіевскаго воеводства, принадлежавшаго прежде Литвѣ, и наданъ для Виленской семинаріи, и 4) большая часть аббатствъ Русской провинці несправедливо носятъ этотъ титулъ, уничтоженный базилианскими капитулами и, какъ простые монастыри, они не представляли препятствія къ соединенію ихъ въ Литовскую конгрегацию.

Съ своей стороны Русская базилианская провинція представила тому же нунцію возраженія свои противъ Литовскихъ базилианъ, опирающіяся главнымъ образомъ на той мысли, что не слѣдуетъ смѣшивать Литовской провинціи съ конгрегацией, а потому, если нѣкоторые монастыри нынѣшней Польской провинціи

визитовались прежде протоархимандритомъ или участвовали на генеральныхъ капитулахъ, то вслѣдствіе этого принадлежали не Литовской провинціи, а цѣлой базилианской конгрегаціи, и что слѣдовательно несправедливы притязанія Литовской провинціи на эти монастыри ¹⁾. Но какъ полное опроверженіе доводовъ базилианъ Литовскихъ, такъ и подробное изложеніе своихъ правъ на спорные монастыри, базилиане Русской провинціи представили въ 1747 году папѣ ²⁾. Въ основаніе своего представленія они положили мысль о раздѣльности провинцій бывшей Польши въ политическомъ и церковномъ отношеніяхъ. Послѣ соединенія Литвы съ Польшею, писали базилиане Русской провинціи, каждая изъ соединенныхъ націй удержала свою особность, свои учрежденія и трибуналы, и имѣетъ по пяти сенаторовъ, занимающихъ при дворѣ свои прежнія національныя должности. И эта раздѣльность національностей и провинцій соблюдается не только по отношенію къ свѣтскимъ, такъ какъ во всѣхъ воеводствахъ находятся царскіе подкоморіи, наблюдающіе за цѣлостію границъ и имѣній и не позволяющіе безъ царскаго разрѣшенія переходить изъ одной націи въ другую, но и относительно духовныхъ; ибо существуютъ древнѣйшіе статуты Царства, не противорѣчащіе и свящ. канонамъ, чтобы всякія бенефиціи церковныя, свѣтскія или монашескія давались въ Польшѣ знатнымъ полякамъ, въ Литвѣ—

¹⁾ Самаго доклада и суммаріума Литовскихъ базилианъ мы не имѣли; по сущности ихъ доводовъ извлекли изъ возраженій базилианъ русской провинціи. См. дѣло Польской базилиан. провинціи съ провинціей Литов. о 12-ти мон., 1747 г., Summar., № 62.

²⁾ Тамъ же. Книга составлена въ 1747 году, какъ это видно изъ помѣщенія въ ней актовъ, относящихся къ сему году, и отпечатана въ томъ же году въ Римѣ. Полное заглавіе ея слѣдующее: *Sacra Congregazione de propaganda fide coram Sanctissimo, Eminentissimo et Reverendissimo Domino Cardinali Caraffa ponente ordinis S. B. M. Ruthenorum Provinciae Poloniae pro reverendissimis Patribus dicti ordinis et Provinciae Poloniae cum reverendissimis Patribus Provinciae Litruliae. Римъ, 1747 года.*

литовцамъ». Не уничтожилась эта раздѣльность и тогда, когда введена была въ Россіи унія и послѣдовалъ декретъ Конгрегаціи распространенія вѣры отъ 4 октября 1624 года о соединеніи всѣхъ Русскихъ монаховъ въ одну конгрегацію. Ибо, хотя вслѣдствіе опустошительныхъ набѣговъ Татаръ и козаковъ на зѣмліи край въ XVII вѣкѣ, зѣмліи монастыри не были тогда соединены въ одну конгрегацію, и для охраны и защиты или отдавались мѣстнымъ епископамъ, или поручались попеченію протоархимандрита; однако, какъ скоро стали ослабѣвать татарскіе и казацкіе набѣги, и когда около 1680 года имъ нанесенъ былъ ударъ сраженіемъ подъ Берестечкомъ (sic!), то Русская нація, почувствовавъ облегченіе и свободу, потребовала себѣ возвращенія прежнихъ своихъ правъ и въ 1681 году получила отъ Яна III дипломъ, по которому церковныя бенефиціи въ ихъ епархіяхъ, принадлежащія клиру обряда греческаго, какъ-то: епископства, аббатства, должны раздаваться, въ силу древнихъ законовъ, однимъ благороднымъ и знатымъ русикамъ, *съ жнами и чина съ. Василя Великаго*, и притомъ въ Польшѣ—знатымъ полякамъ, а въ Литвѣ—знатымъ литовцамъ¹⁾. Эта же раздѣльность націй не опускалась изъ виду и на Замойскомъ соборѣ 1720 года, на капитулахъ Дубенской 1727 г., Львовской 1739 г., Дубенской 1743 г. и въ папскомъ декреталѣ 2 мая 1744 года. А спорные монастыри, по своей фундаціи, принадлежатъ Русской націи, и посему должны быть возвращены Русской или Польской базилианской провинціи. Показавъ затѣмъ, что всѣ 12 спорныхъ монастырей основаны лицами Русской націи для Русскихъ монаховъ, базилиане Русской провинціи переходятъ къ изложенію частнѣйшихъ доводовъ, какъ въ подтвержденіе своей просьбы, такъ и въ опроверженіе доводовъ Литовскихъ базилианъ:

¹⁾ Здѣсь разумѣется дипломъ, данный Яномъ III Юсефу Шумляцкому и другимъ епископамъ, приступавшемъ въ то время въ уніи. Мы говоримъ объ этомъ дипломѣ въ своемъ мѣстѣ.

1) Раздѣленіе провинцій въ Польшѣ основано на національных отличіяхъ; постановленія же западной церкви, какъ напр. Тридентскаго собора, и мнѣнія западныхъ канонистовъ—Іеронима, Барбовы, Пигнателли и др. не допускаютъ, чтобы монастыри одной націи подчинялись монастырямъ другой націи.

2) Литовскіе базиліане возражаютъ, что Замоискій соборъ велѣлъ соединить въ Конгрегацію все монастыри, «не подчиняющіеся генеральнымъ главамъ и не имѣющіе своихъ ординарныхъ визитаторовъ», и отсюда заключаютъ, что спорные монастыри, какъ прежде присоединенныя къ Литовской провинціи и имѣющіе генераловъ и визитаторовъ, не должны входить въ составъ новообразованной Польской или Русской провинціи. Но, поманутыми словами, заимствованными изъ 8 главы 25 сессіи Тридентскаго собора, отцы Замоискаго собора хотѣли только выразить побудительную причину къ соединенію монастырей въ одну конгрегацію, а не разумѣли здѣсь какихъ либо частныхъ монастырей. Притомъ же, если давать этимъ словамъ тотъ смыслъ, какой даютъ имъ отцы Литовскіе; то пришлось бы уступить имъ не только спорные, но и все монастыри нашихъ енархій, такъ какъ большая часть изъ нихъ, до Замоискаго собора, участвовала вмѣстѣ съ свѣтскими миромъ на генеральныхъ конгрегаціяхъ и, съ дозволенія мѣстныхъ епископовъ, визитовалась протоархимандритомъ ордена. Однако эти визитаціи были не обыкновенными, бывающими ежегодно, а экстраординарными и весьма рѣдкими, какъ объ этомъ заявили епископы на Дубенской капитулѣ 1727 года. Ежегодныя же ординарныя визитаціи сихъ монастырей и невозможны, вслѣдствіе отдаленности ихъ отъ Литвы, что отчасти подтвердилъ и самъ Литовскій провинціалъ съ своею консульторіей, не явившись въ прошломъ году во Владиміръ на консультацію по отдаленности и трудности пути.

3) Литовцы указываютъ на примѣръ другихъ монашескихъ орденовъ, въ коихъ монастыри одной провинціи подчиняются

другой. Но въ другихъ орденахъ только вновь основываемые монастыри могутъ подчиняться той провинціи, какой пожелають фундаторы. Настоящій же вопросъ касается не вновь основываемыхъ монастырей, но основанныхъ въ предѣлахъ Русской провинціи еще до раздѣленія провинцій и до опредѣленія ихъ границъ на Дубенской капитулѣ 1749 года.

4) Ни папскій престолъ, ни Русскіе монахи и ихъ епископы никогда не имѣли намѣренія отдавать наши монастыри Литовской провинціи. Декретомъ 4 октября 1624 года предписывалось только соединить Русскіе монастыри въ одну конгрегацию, безъ нарушенія предѣловъ провинцій. Равно епископы, аббаты и монахи Русскіе, по окончаніи козацкихъ набѣговъ, протестовали на генеральномъ сеймѣ 1681 года противъ смѣшанія двухъ націй Литвы и Россіи и получили на это дипломъ Яна III ¹⁾). Сообразно съ симъ и Замоискій соборъ описалъ нашу провинцію, основываясь на различіи національностей и епархій. На Дубенской же капитулѣ 1727 года епископы и русскіе монахи сдѣлали новую протестацію противъ смѣшенія монастырей различныхъ провинцій.

5) Русская провинція такъ бѣдна, что безъ спорныхъ монастырей не можетъ существовать, тогда какъ Литовская провинція и безъ того богата. Бѣдность русскіхъ монастырей видна изъ того, что когда послѣдовало папское распоряженіе объ уничтоженіи бѣднѣйшихъ монастырей, то на Дубенской консультаціи 19 октября 1745 года постановлено было совсѣмъ уничтожить 25 монастырей, еще большее число присоединить къ богатѣйшимъ монастырямъ, такъ что осталось только около 38 монастырей, и то небогатыхъ, потому что они обязаны поддерживать приниженные монастыри. Не предвидится увеличенія числа монастырей и на будущее время, потому что вся польская Русь, не исключая ни одного монастыря, состоитъ уже въ уніи. Можно ожидать даже

1) Разумѣется тотъ же дипломъ, указанный въ предыдущемъ примѣчаніи.

большаго об'єднѣнія монастырей и всей русской провинціи, которая, будучи отовсюду окружена схизматиками и гранича съ востока, запада и юга съ козаками, татарами и валахами, легко можетъ подвергнуться нападеніямъ этихъ народовъ, кои, какъ только данники турокъ и москвитянъ, а не вполнѣ подвластные имъ, живутъ по своимъ законамъ и произвольно нападаютъ на Русь. А между тѣмъ, при всей своей бѣдности, русскіе базилиане обязаны еще совершать миссіи для обращенія иновѣрныхъ, предписанныя на помянутой Дубенской консультаціи 1745 года. — Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится провинція Литовская. Бромъ 65-ти богатыхъ монастырей, ео составляющихъ, она имѣетъ въ своихъ предѣлахъ 52 схизматическихъ монастыря, которые должна привлечь къ униі посредствомъ своихъ миссій, и отъ запада къ востоку граничить съ Москвитянами и Пруссами, кои, строго подчиняясь своимъ князьямъ, могутъ объявлять развѣ только формальную войну; поэтому Литовская провинція, какъ не подверженная случайнымъ нападеніямъ внѣшнихъ враговъ, имѣетъ у себя богатые монастыри ¹⁾.

Однако доводы базилианъ Русской провинціи не убѣдили папу. Конгрегация распространенія вѣры, бывшая въ присутствіи папы 21 сентября 1750 года, присудила 12-ть спорныхъ монастырей Литовской провинціи. Этотъ декретъ объявленъ былъ базилианамъ на Брестской генеральной капитулѣ 1751 года. Избранные на сей капитулѣ новые начальники Польской провинціи, по совѣщаніи между собою, 30 августа 1752 года занесли чрезъ Луцкаго игумена Іеронима Оземкевича въ акты публичнаго нотаріа и акты Луцкой латинской консисторіи манифестацію противъ помянутаго папскаго декрета. Папа и Конгрегация распространенія вѣры уничтожили эту манифестацію, и провинціалъ Польской провинціи съ своей консулторіей далъ 11 марта 1754 года обязательство—

¹⁾ Дѣло Польск. базил. провинц. съ провинц. Литов., 1747 г., текстъ.

не возбуждать болѣе вопроса о разграниченіи провинцій. Но Бучацкій монастырь возбудилъ новый споръ о томъ, каковой провинціи онъ долженъ принадлежать ¹⁾). Письмомъ отъ 24 апрѣля 1751 года папскій нунцій въ Польшѣ увѣдомлялъ бавиліанскаго генерала, что хотя папа присудилъ недавно Литовской провинціи спорныя монастыри, между коими числится Бучацкій монастырь во Львовской епархіи на границахъ Валахіи; однако замѣчая, что по дальности разстоянія трудно будетъ Литовскому провинціалу взытовать этотъ монастырь ежегодно, а монахамъ обращаться къ сему провинціалу, онъ изъявилъ желаніе, чтобы Литовская провинція добровольно уступила сей монастырь провинціи Польской ²⁾). Но, какъ видно, согласія на это со стороны Литовской провинціи не послѣдовало. Конгрегация распространенія вѣры, разрѣшая 13-й вопросъ Брестской капитулы 1751 г., по сему предмету, декретомъ своимъ 11 июля 1755 года постановила, чтобы Бучацкій монастырь, согласно волѣ фундаторовъ, принадлежалъ Литовской провинціи. Вопросъ объ этомъ монастырѣ поднятъ былъ и на Брестской капитулѣ 1759 года. Но Антоній—Евгеній, архіепископъ Ефесскій, декретомъ своимъ отъ 23 января 1764 года запретилъ отъ имени папы поднимать болѣе вопросъ о предѣлахъ провинцій ³⁾).

Что же касается вопроса о томъ, кому непосредственно должны подчиняться аббаты, митрополиту, или протоархимандриту; то папа самъ далъ тонъ для рѣшенія этого вопроса въ духѣ правилъ Тридентскаго собора; т. е. въ пользу подчиненія аббатовъ протоархимандриту. Зато тѣмъ съ болѣею силою митро-

¹⁾ Декретъ 23 января 1764 г. См. въ актахъ Брест. капитулы 1772 г., сесс. 8., въ Почаев. библиот., № 384.

²⁾ Письмо это въ актахъ Брестской генеральной капитулы 1751 г., сесс. 2. § 10. См. рукоп. Сборн. библ. Волын. сем., № 1289.

³⁾ Акты Брестск. капитулы 1772 года, сесс. 3., въ Почаев. библиотекѣ, № 384. См. *Bullae et brevia...*, 1767 г., т. 2, стр. 137—140 и др.

политъ старался отстаить свои права и власть надъ аббатами. Всѣ представленныя имъ доказательства можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) По правиламъ и обычаямъ восточной церкви, митрополиты часто имѣли власть надъ монастырями, находящимися въ епархіяхъ епископовъ суфрагановъ, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ Томасинъ. Это же подтверждается и находящеюся въ нынѣшнемъ помѣсткѣ древнею ершюю крисяги, каковую приносили предъ митрополитомъ епископы и аббаты.

2) Власть Русскаго митрополита надъ аббатами подтверждена дипломами великихъ князей и королей. Еще въ греческомъ Номоканонѣ говорится о власти митрополита, что ей должны быть подчинены игумены и другіе монахи, что подтверждено уставами великихъ князей Владимира и Ярослава и грамотою великаго князя Василія Димитріевича; данною имъ въ 1390 году. Эти права митрополита подтверждены и Литовскими князьями и Польскими королями, какъ-то: Витолдомъ въ 1415 году; Владиславомъ III, который утвердилъ за митрополитомъ Исидоромъ древнія права и обычаи Кіевской митрополіи, королемъ Александромъ въ 1504 году и Сигизмундомъ Великимъ въ 1543 году. Король Александръ, кромѣ того, заявлялъ, что однимъ митрополитамъ по обычаю принадлежитъ «право подавать всѣ бенедикціи, принадлежація царскому праву патронатства». Сигизмундъ I далъ въ 1519 году Кіевскому митрополиту Юсѣю Солтану грамоту о подчиненіи и подсудности ему всего духовенства греческаго обряда въ Польшѣ, даже въ предѣлахъ епархій суфрагановъ. Владиславъ IV издалъ въ 1635 г. дипломъ, номъ повѣлялъ, чтобы на епископства и аббатства возводились только базилиане, по рекомендаціи митрополита. Всѣ эти грамоты и дипломы Литовскихъ князей и Польскихъ королей подтверждены были и послѣдующими королями, какъ наприм. Яномъ III и Михаиломъ. А Польскіе короли, по свидѣтельству Алозія Булеша

въ его книгѣ «Вѣра православная», стр. 153, № 1533, были по отношенію къ русинамъ апостольскими викаріями. Велѣдствіе этого они сами иногда распространяли данную имъ папою власть на аббатства, особенно въ тѣ несчастныя времена, когда уніатскіе епископы подвергались преслѣдованіямъ со стороны схизматиковъ. и назначали администраторовъ на вакантныя аббатства. Такъ наприм. въ 1633 году Владиславъ IV назначилъ нареченнаго Луцкаго епископа администраторомъ аббатства Жидичинскаго, въ 1638 году Рафаила Борсакъ администраторомъ того же аббатства. Притомъ же, Русскія аббатства суть рекомендацельныя, и ихъ имущества не разъ были раздѣляемы между аббатами и монахами. Цари и вельможи, имѣющіе право презентованія, весьма часто презентуютъ на аббатства или епископовъ, или лицъ, имѣющихъ уже другія аббатства, или простыхъ монаховъ, неприсоединенныхъ къ конгрегаціи, или даже свѣтскихъ пресвитеровъ. «Такъ наприм. Сигизмундъ Августъ номиновалъ Іоанна декана Могилевскаго на аббатство св. Спаса. Очевидно, что надъ такими аббатами не можетъ имѣть власти протоархимандритъ, который не можетъ запретить королю и вельможамъ презентовать такихъ лицъ на аббатства.

3) Власть митрополита надъ аббатами была на прантикѣ съ 1617 года и до настоящаго времени. Онъ поставлялъ ихъ, разбиралъ ихъ дѣла, судилъ, визитовалъ ихъ аббатства и отдавалъ въ администрацію, и никто не оспаривалъ этой власти митрополита. Напротивъ, ее признавали какъ всѣ монахи, такъ и самъ протоархимандритъ и даже папекій престоль. На капитулѣ 1617 года монахи заявили слѣдующее: «зная, что митрополиту Кіевскому поручено Богомъ и викаріемъ Его на землѣ наблюденіе надъ всѣмъ не только въ его епархіи, но и въ епархіяхъ всѣхъ епископовъ, находящихся въ Русской землѣ, надъ самими епископами, надъ всѣмъ клиромъ монашескимъ и свѣтскимъ, и мы желаемъ подчиняться его управленію не только относительно

благословенія и порядка церковнаго, но и относительно нашихъ внутреннихъ дѣлъ и монашескаго порядка». Въ 1624 году базилиане просили папу прислать четырехъ кармелитовъ, для преобразования базилианскаго ордена, къ митрополиту, называя послѣдняго главою своего ордена. Конгрегация распространенія вѣры, подтверждая въ 1643 году декретъ о соединеніи монаховъ въ одну конгрегацию, безъ ущерба власти митрополита, присовокупила: «поселку монахи греческіе во всей Греціи не изъяты изъ власти митрополита». На Жировицкой конгрегации 1658 года постановлено было предоставить провинціалу власть «надъ архимандритами относительно управленія лицъ, тамъ находящихся. Что же касается лицъ архимандритовъ, то они должны пользоваться своими правами и привилегіями». Въ 1686 году заключенъ былъ между митрополитомъ и орденомъ союзъ, въ силу котораго за митрополитомъ оставлено было право подаванія аббатствъ и пожизненныхъ суперіорствъ; а этотъ союзъ постоянно этьмъ имѣлъ силу и подтвержденъ на канитулахъ 1739 и 1743 годовъ. Въ 1703 году, на Новогрудской конгрегации было постановлено: «достопочтенный отецъ Іеронимъ Бвляковичъ, игуменъ св. Креста, долженъ подчиняться превадебному митрополиту, а не превадебному Перемышльскому, поселку пожизненнаго игуменства принадлежать только митрополиту». Наконецъ конгрегация собора, по поводу дѣла о визитаціи Мѣлецкаго аббатства митрополитами делегатами и низложеніи митрополитомъ Мѣлецкаго аббата, въ 1739 году признала за митрополитомъ право визитовать Мѣлецкое аббатство и судить его аббата. Правда, протоархимандриты и провинціалы обнаруживали иногда свою власть надъ аббатами и визитовали ихъ монастыри; но это дѣдали они или въ отсутствіе митрополита, по своеволію, или же визитовали аббатства по порученіямъ митрополитовъ. Часто и сами аббаты отказывались отъ своихъ преимуществъ и добровольно подчинялись протоархимандриту, особенно въ послѣднее время, съ 1747 г., послѣ декрета 2 мая 1744 года.

4) Сами протоархимандриты всегда подчинялись и должны почитать митрополитамъ. Митрополитъ созывалъ капитулы для избранія протоархимандрита, председательствовалъ на нихъ, избиралъ протоархимандрита, утверждалъ избраннаго, получалъ отъ него присягу, принималъ на него жалобы, увѣщевалъ, судилъ и низлагалъ. Сами монахи, собравшіеся на капитулу 1661 года, просили папу, чтобы генералъ ихъ непосредственно подчинялся не папѣ, какъ въ другихъ орденахъ, а митрополиту.

5) Хотя Тридентскій соборъ въ 3 главѣ 24 сессіи предписываетъ, чтобы митрополиты не простирали своей власти на епархіи суффрагановъ, за исключеніемъ того случая, когда это признано и утверждено будетъ провинціальнымъ соборомъ; но это постановленіе Тридентскаго собора не должно имѣть силы въ Русской церкви. Всѣ папскіе законы и постановленія соборовъ латинской церкви, послѣдовавшія послѣ отдѣленія грековъ отъ латинской церкви, обличаютъ грековъ только въ томъ, что касается догмы, а не церковной дисциплины. Напротивъ, церковная дисциплина и обряды восточной церкви не разъ одобрялись папами и на Флорентійскомъ соборѣ, и при отдѣленіи южно-русской митрополіи отъ сѣверной въ 1458 году, и при утвержденіи Русской уніи въ 1596 году, и проч. Если же, послѣ этого, на Замойскомъ соборѣ многое постановлено было о церковной дисциплинѣ согласно постановленіямъ Тридентскаго собора; то отсюда еще не слѣдуетъ, будто бы уніатскою церковію приняты были всѣ безъ исключенія постановленія Тридентскаго собора. Замойскій соборъ сдѣлалъ много постановленій независимо отъ Тридентскаго собора, какъ наприм. о монахахъ и постахъ восточной церкви ¹⁾.

¹⁾ Sacra Congregatione particulari de propaganda fide coram Sanctissimo Domino Nostro Benedicto papa XIV Kijoviensis jurisdictionis pro R. D. Floriano Grebnički Archiepiscopo Polocensi totiusque Russiae Metropolita cum Domino Protoarchimandrita ordinis Sancti Basilii Magni Ruthenorum, Supplicatio facti et juris. Римъ, 1755 года.

Протоархимандритъ съ своей стороны возражалъ слѣдующее:

1) Въ восточной церкви митрополитъ никогда не имѣлъ власти надъ аббатами, находящимися въ другихъ епархіяхъ. Эти аббаты подчинялись своимъ мѣстнымъ епископамъ, какъ свидѣлствуютъ о томъ акты соборовъ Никейскаго, бывшаго въ IV вѣкѣ, въ гл. 3-й и 15-й, Халкидонскаго въ V в., въ канонѣ 4-мъ, а также 37-я новелла Юстиніана и правила св. Василія Великаго. Что же касается формы присяги, даваемой будто бы митрополиту аббатами, то эта форма находится только въ контионалѣ, изданномъ Аванасіемъ Шептицкимъ въ 1740 году.

2) Царскіе дипломы о подчиненіи суфрагановъ митрополиту изданы въ противодѣйствіе схизматическому митрополиту, дабы въ случаѣ ваканціи какой либо уніатской кафедрѣ митрополитъ не давалъ завладѣть ею схизматикамъ. При томъ же эти дипломы, какъ наприм. дипломъ 1635 года, данный Владиславомъ IV, взяты изъ частной книги «Люблинскаго соборѣданіа», не имѣющей оффиціального характера, а потому и не заслуживаютъ вѣроятія, тѣмъ болѣе, что сами короли одобряли соединеніе монаховъ въ одну конгрегацию и порицали власть митрополита надъ орденомъ, какъ наприм. сдѣлалъ это въ 1684 г. Янъ III.

3) Всѣ приводимыя митрополитомъ основанія для своей власти надъ аббатами непрочны и сомнительны. На капитулѣ 1617 года митрополиту предоставлена была только посредствующая власть надъ орденомъ, а непосредственная принадлежала протоархимандриту. Слова декрета 1643 года «поелику монахи греческіе во всей Греціи не изъяты изъ власти митрополита» суть подложныя слова; потому что въ подлинномъ декретѣ вмѣсто «митрополита» стоятъ слова «мѣстныхъ епископовъ». На Жировицкой конгрегациі 1658 года провинціалу предоставлена была власть только надъ аббатсеми монастырями, а не надъ самими аббатами, потому что тогда во главѣ ордена былъ провинціалъ, а не протоархимандритъ. Что же касается Nexus-а 1686 года,

то онъ и противорѣчилъ каноническимъ постановленіямъ западной церкви, и не былъ утвержденъ папою, и никогда не имѣлъ значенія. Не подкрѣпляетъ митрополитскую власть надъ аббатами и рѣшеніе конгрегации собора 22 августа и 2 сентября 1739 г. по дѣлу о визитаціи Мѣлецкаго аббатства, потому что это рѣшеніе, послѣдовавшее до присоединенія Мѣлецкаго монастыря къ конгрегации, вызвано было какъ важными и явными проступками Мѣлецкаго аббата, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что неизвѣстно было, въ какой епархіи находится Мѣлецкій монастырь, въ Луцкой, или Владимірской. Если же, при всемъ томъ, митрополитъ обнаруживалъ иногда надъ аббатами свою власть, то или въ предѣлахъ своей епархіи и до соединенія монастырей въ Конгрегацию, или въ качествѣ протоархимандрита ордена, каковую должность они присвоивали себѣ до 1686 года.

4) Сами аббаты признавали власть протоархимандрита надъ собою. На капитулѣ 1623 года постановлено было, чтобы аббаты приносили присягу передъ генераломъ; но власть надъ аббатами перешла въ руки генерала преимущественно съ 1661 года и послѣ декрета 2 мая 1744 года.

5) Всѣ присутствовавшіе на Замойскомъ соборѣ единодушно согласились принимать и почитать Тридентскій соборъ и соединить монастыри въ Конгрегацию, подъ властію генерала. Вслѣдствіе этого митрополитъ и епископы освободили на Львовской капитулѣ 1739 года всѣ, безъ исключенія монастыри изъ подъ своей власти, которая посему перешла къ папѣ, какъ генералиссимусу всѣхъ орденовъ. За митрополитомъ же осталась только власть, опредѣленная Тридентскимъ соборомъ, т. е. разсмотрѣніе дѣлъ относительно свѣтскихъ клириковъ епархій суфрагановъ и право визитовать эти епархіи въ томъ случаѣ, когда это признаеть нужнымъ провинціальный соборъ¹⁾.

¹⁾ Sacra Congregatione de propaganda fide coram Sanctissima Domino

По разсмотрѣніи сего дѣла въ собраніи кардиналовъ, бывшемъ 23 ноября 1755 года, папа постановилъ слѣдующія рѣшенія, обнародованныя потомъ въ декреталѣ 30 марта 1756 года, начинающемся *Super familiam*:

1. «Опредѣлено и рѣшено было, что аббаты или архимандриты монастырей помянутой Конгрегациі должны подчиняться непосредственной власти протоархимандрита, но съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ посвященіе получалъ отъ митрополита, а инсталляцію отъ протоархимандрита, присягу же въ повиновеніи приносилъ предъ митрополитомъ, и чтобы форма сей присяги такъ была составлена, чтобы касалась всѣхъ законовъ, конституцій и декретовъ, послѣдовавшихъ отъ апостольскаго престола, и преимущественно тѣхъ, кои заключаются какъ въ помянутомъ декреталѣ, начинающемся *Inter plures*, такъ и въ настоящемъ нашемъ».

2. «Постановлено, чтобы на провинціальныхъ капитулахъ своей провинціи и генеральныхъ всей конгрегациі помянутые аббаты или архимандриты пользовались на будущее время правомъ активнаго и пассивнаго голоса, однако съ соблюденіемъ и строгимъ исполненіемъ всего того, что постановлено въ часто упоминаемомъ декреталѣ *Inter plures* о числѣ вокальныхъ, такъ именно, чтобы въ означенное число входили и аббаты».

3. «Опредѣлено было, что протоархимандриту дозволяется визитовать монашествующихъ аббатовъ или архимандритовъ монастырей помянутой Конгрегациі, и еслибы потребовала польза монастырей, отрѣшать во время сей визитациі отъ должности, предоставивъ впрочемъ отрѣшеннымъ право апеллировать къ митрополиту, какъ делегату апостольскаго престола, равно какъ апеллировать къ нему и въ томъ случаѣ, еслибы во время по-

Nostro Kijoviensis praetensae jurisdictionis inter Protoarchimandritam ordinis S. B. Magni Ruthenorum et Metropolitam, restrictus facti et juris, cum Summario. Римъ, 1754—1755 г.

мянутой визитаціи протоархимандритъ употребилъ противъ аббатовъ другія наказанія, или тѣлесныя, или унизительныя.

4. «Еслибы протоархимандритъ захотѣлъ начать процессъ противъ помянутыхъ аббатовъ независимо отъ акта визитаціи, по важнымъ и личнымъ преступленіямъ, которыя, по предписаніямъ закона, должны быть наказываемы или низложеніемъ, или тѣлеснымъ наказаніемъ, или безславіемъ, то овъ не иначе можетъ дѣлать это, какъ начавъ законный процессъ и совмѣстно съ консулторіей постановивъ общимъ мнѣніемъ то, что въ дѣлѣ требуетъ опредѣленія и объясненія; но отъ его приговора можно и дозволено апеллировать къ помянутому митрополиту, какъ дегагу апостольскаго престола.

5. «Каждому монаху, еслибы овъ потерпѣлъ отъ протоархимандрита какое либо притѣсненіе, дозволяется обращаться къ митрополиту, какъ дегагу апостольскаго престола, всегда впрочемъ съ соблюденіемъ неприкосновенности авторитета апостольской нунціатуры помянутаго престола».

6. «Постановлено, чтобы въ случаѣ недостатка въ клирѣ священниковъ, для замѣщенія приходовъ и для епархіальной службы при епископахъ, епископы сносились съ протоархимандритомъ о доставленіи имъ такихъ монаховъ, кои управленіемъ и администраціей приходскихъ церквей восполнили бы недостатокъ свѣтскихъ священниковъ, и чтобы сіи монахи, отправляя порученную имъ должность, подчинялись своимъ епископамъ и отдавали имъ отчетъ въ исполненіи возложенной на нихъ обязанности... Постановлено, что еслибы случилось взять какихъ либо монаховъ для службы при кафедральныхъ церквахъ, то въ относящемся къ службѣ при сихъ церквахъ и къ богочтенію они должны подчиняться власти помянутыхъ епископовъ».

7. «Поелику же, послѣ рѣшенія вышеприведенныхъ вопросовъ и постановленія, намъ доложено было, что есть нѣкоторые монастыри, управлявшіеся прежде аббатами, которые поставялись тамъ по номинаціи славнѣйшаго о Христѣ сына нашего, ко-

роя Польши и великаго княжества Литовскаго, и другихъ кня-
шихъ патроновъ, и они обращены теперь начальниками и мона-
хами Литовской провинціи въ простыя суперіорства, то посему
просили насъ, чтобы мы повелѣли возстановить сіи монастыри
въ прежнемъ званіи аббатствъ и возвратить намъ Царскому Вели-
честву, такъ и другимъ княжимъ патронамъ нарушенныя долж-
ныя права ихъ надъ ними. Независимо отъ сего, усматривая,
что каждый разъ, когда дѣлаются вакантными аббатства, адми-
нистраціи ихъ поручается митрополиту, или мѣстному епископу,
въ епархіи коего сіи монастыри находятся, дотоѣ, пока патро-
нами не сдѣлана будетъ законная презентація, и не имѣя вѣр-
ныхъ свѣдѣній о семъ предметѣ, повелѣваемъ заинтересованнымъ
въ дѣлѣ сторонамъ представить намъ документы, для рассмотрѣ-
нія и надлежащаго рѣшенія сего дѣла ¹⁾.

¹⁾ Докремомъ 30 марта 1763 года см. въ книгѣ: *Bullae et brevia Sum-
morum Pontificum...*, 1767 г., ч. 2, стр. 103—113.—Дѣло объ уничтоженныхъ
Литовскими базилианами аббатствахъ возникло еще на капитулѣ 1743 г. Въ
актахъ сей капитулы мы находимъ, что на 8-й сессіи ко олевскіе легаты—Луд-
кій униатскій епископъ Θεодосій Рудницкій и оффиціалъ и препозитъ кафедраль-
ный Лудкій Антоній Шашовскій изъяснили собранію королевскую волю, чтобы
на настоящей генеральной капитулѣ не было поставлено ничего, противнаго
древнимъ правамъ королей польскихъ, и особливо чтобы аббатства, принадле-
жачія праву патронатства цара и нѣкоторыхъ вельможъ, обращенныя Литовскими
базилианами въ простыя суперіорства, снова возвращены были къ прежнему со-
стоянію и презентовались даремъ и вельможами. Митрополитъ отвѣчалъ, что
соблюденіе правъ царскихъ у базилианъ всегда было на первомъ планѣ. Но на
этой капитулѣ не послѣдовало никакого рѣшенія о возстановленіи упраздненныхъ
аббатствъ. На 14-й сессіи Литовскіе базилиане отвѣтили только, что въ настоя-
щее время они не имѣютъ въ рукахъ документовъ, необходимыхъ для раскрытія
дѣла, но готовы твердо охранять всѣ королевскія права. Кажется, вопросъ о
возстановленіи уничтоженныхъ аббатствъ возбужденъ былъ самими базилианами
Русской провинціи въ связи съ вопросомъ о 12-ти спорныхъ монастыряхъ, такъ
какъ русскіе базилиане старались доказать, что нѣкоторые изъ спорныхъ мона-
стырей прежде были аббатствами, а потому незаконно поступили во владѣніе
Литовской провинціи. Чѣмъ рѣшилъ это дѣло папа, для насъ неизвѣстно. Впо-
слѣдствіи мы увидимъ, что польскій сеймъ 1768 года возстановилъ упраздненныя
Литовскими базилианами архимандріи—Лавровскую, Виленскую, Лавришевскую,
Пустыевскую, Манскую и др. См. *Indulgentiae, brevia, decreta...*, 1788 г., ч. 2,
стр. 28—26.

Вотъ кругъ вопросовъ, возбужденныхъ соединеніемъ всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одну базилианскую Конгрегацию. Какъ ни мелочны, по видимому, всѣ эти задорныя и порой раздражительныя тяжбы Литовскихъ базилианъ то съ уніатской іерархіей вообще и въ частности съ митрополитомъ и аббатами, то съ базилианами Русской провинціи за преимущество и преобладаніе; но во всѣхъ этихъ волненіяхъ, сопровождавшихъ образованіе новой базилианской провинціи и соединеніе всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одну орденскую Конгрегацию, лежала одна главная мысль объ устройствѣ базилианскаго ордена по началамъ Римской церкви вообще и въ частности Тридентскаго собора. Уже самая мысль Замойскаго собора объ основаніи новой базилианской конгрегации была вызвана желаніемъ уніатскихъ епископовъ подражать западной церкви. Но Литовскіе базилиане пошли далѣе: они видѣли, что вновь учреждаемая базилианская провинція, не совсѣмъ еще забывшая преданія восточной церкви, хотѣла вступить въ тѣсный союзъ съ своею іерархіей, и всячески старались препятствовать этому союзу то отнятіемъ у Русской провинціи нѣсколькихъ монастырей, то стремленіемъ подчинить эту провинцію себѣ, подъ главенствомъ одного генерала ордена, и наконецъ совершенно ослабили власть уніатскихъ епископовъ и митрополита надъ орденомъ и даже подчинили себѣ аббатовъ или архимандритовъ, доселѣ не подчинявшихся ордену. Такимъ образомъ они собрали богатый матеріалъ для устройства базилианскаго ордена, какъ независимаго учрежденія. Оставалось расположить этотъ разнородный матеріалъ надлежащимъ образомъ, привести его въ порядокъ и дать окончательную отдѣлку. Этому достигли базилиане внутреннимъ устройствомъ своего ордена.

Н. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СИНАЙСКАГО БОГОМОЛЬЦА.

Иерусалимъ. 21 июля 1870 г.

«Въ июль—на Синай,—подъ 28° широты,—почти подъ тропикъ! Возможно ли это? Такъ я отнесся недавно къ людямъ, объявившимъ свое намѣреніе изъ Иерусалима заѣхать на Синай съ тѣмъ, чтобы въ августѣ быть уже у себя дома. Правда, что добравшись разъ до Палестины, встать уже доброму поклоннику побывать и на Синаѣ, но *июль!* Обыкновенно около десятой доли поклонниковъ нашихъ, бывающихъ въ Иерусалимѣ, ѣдутъ на Синай. Больше всего выбирается для этого время между праздникомъ Рождества Христова и Великимъ постомъ. Гораздо рѣже ѣдутъ туда въ Рождественскій постъ, при чемъ имѣютъ случай праздновать день св. Великомученицы Егательны въ монастырѣ ея имени. Набирается обыкновенно цѣлое общество или *партія* Синайскихъ богомольцовъ и преимущественно богомолицъ. Поѣздка продолжается съ мѣсяцъ или и болѣе. Расказовъ о ней тоже становится на мѣсяцъ. Слушая ихъ и повѣряя слышимое пишмымъ, я воспламенялся желаніемъ самъ побывать на «богоспешенной» горѣ. Но какъ было сдѣлать это? Примкнуть къ какой нибудь партіи не хотѣлось тѣсноты ради и по другимъ многимъ причинамъ. Одному ѣхать казалось скучнымъ, убыточнымъ и пожалуй опаснымъ. Подыскать надежнаго товарища представлялось самымъ лучшимъ и желаннымъ, особенно—товарища-богомольца,

который не съ распросомъ, а съ разговоромъ относился бы ко мнѣ всякій разъ, какъ встрѣтится что нибудь новое и особенное на пути. Товарища-богомольца я недождался, но Богъ послалъ мнѣ нѣчто иное, при чемъ самое бывальство теряло цѣну. 11-го іюля прибылъ изъ Россіи въ Іерусалимъ рѣдкій гость, начальникъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній отечественныхъ. Доселѣ отправлялись на поклоненіе св. мѣстамъ большею частію люди, окончившіе свою, ту или другую, службу, которые пользуются досугомъ своего «саштатнаго» положенія, пріѣзжали сюда съ духомъ болѣе или менѣе покойнымъ, открытымъ для тихаго и бзмязнаго богомыслия и ничѣмъ не стѣсняемаго измѣненія благихъ чувствъ. Іерусалиму памяты нѣсколько такихъ личностей. Для нихъ путешествіе къ св. мѣстамъ было какъ бы вѣнцомъ ихъ служебной дѣятельности, свѣтлымъ и торжественнымъ, но принадлежащимъ только имъ однимъ, и дорогимъ только для нихъ и для тѣснаго кружка ихъ присныхъ. Иное дѣло—лицо служащее, начальственное, а главное—занимающееся воспитаніемъ другихъ. Кго каждый шагъ дальняго пути, принадлежитъ, такъ сказать, другимъ, и каждое впечатлѣніе дорожное будетъ раздѣлено тысячами. Съ нимъ и въ немъ путешествуетъ цѣлое общество, цѣлое поколѣніе и притомъ такое, которое въ свою очередь само будетъ управлять обществами, вліять на поколѣнія. Благословено имя тѣхъ, кто не полагаетъ препятствія подобному поклонничеству. Преблагословено будетъ—тѣхъ, кои станутъ располагать и побуждать къ нему. Благосклонный читатель извинитъ мнѣ это отступленіе мое отъ дѣла. Рѣчь коснулась предмета, давно и живо мени занимающаго. Итакъ, узналъ я, что гость нашъ, поклонившись святынѣ Палестинской, думаетъ побывать и на Синаѣ (и на Ливанѣ, и на Аѳонѣ..). Какого еще лучшаго случая искать мнѣ и самому повидать Синай? Нѣ бывалець онъ конечно, но за то при немъ вѣрно находятся и *Порфирій* и *Уманецъ* и *Барскій*, а, можетъ быть, цѣлый сонмъ иноязычныхъ бывальцовъ Синайскихъ. Чтоже ка-

сается мѣсяца іюля, то вѣдь его уже не перемѣнишь. И такъ рѣшено было ѣхать. Рѣшеніе это послѣдовало вчера 20 іюля. Великій и преславный пророкъ и боговритель Хоривскій да благословить оное!

Иерусалимъ. 22 іюля 1870.

По предложенію Его Блаженства патріарха Іерусалимскаго Бирялла II, была сегодня торжественная служба на св. Голгоѣ въ честь тезоименитства Е. В. Государыни Императрицы. Порядокъ былъ такой. На восходѣ солнца здѣшняя миссія наша въ полномъ составѣ отправилась въ городъ ¹⁾ къ дому Патріарха. Бодрый старецъ давно уже дожидался насъ русскихъ. Церемониально отправились потомъ греческое и наше духовенство въ храмъ Воскресенія Христова, при звонѣ колоколовъ. Поклонившись Гробу Господнему, всѣ вошли въ соборный храмъ, и въ алтарь его облачились. Боговымъ ходомъ прямо изъ алтаря вошли потомъ, при пѣніи тропаря св. Мвроносицѣ, на Голгоу, гдѣ пропѣто было Великое Славословіе и совершено благословеніе хлѣбовъ, послѣ чего непосредственно началась Божественная Литургія. Съ патріархомъ служили четыре архіерея, два русскихъ архимандрита и довольно другихъ священниковъ. Пѣніе шло попеременно то греческое то наше. По окончаніи Литургіи, всѣ служащіе сошли къ св. Гробу, и стоя передъ нимъ на возвышенной площадкѣ, лицомъ къ востоку, отслужили молебенъ св. равноапостольной Маріѣ Магдалинѣ на мѣстѣ, гдѣ она въ преславное и прерадостное утро воскресенія Христова встрѣтила и не узнала оплакиваемого Учителя. Рука, которою она коснулась стопы Господней, была съ нами. Одинъ изъ архимандритовъ нашихъ держалъ ее при персяхъ своихъ въ сребропозлащенномъ кивотцѣ. Можно представить, какъ все это возгрѣвало и усиливало молитву

¹⁾ Мѣстопребываніе ея за городомъ въ такъ называемыхъ «Русскихъ заведеніяхъ» или проще: *постройкахъ*.

нашу! Богослуженіе кончилось по обычаю возгласеніемъ многолѣтія Россійско-Императорскому Дому. Церемониально потомъ опять патриархъ со всѣми служащими и со всѣми святогробскими братствомъ, а равно и чиновниками нашего консульства, взошелъ въ патриаршія палаты, гдѣ предложено было всѣмъ обычное угощеніе вареньемъ, ликѣромъ и чаемъ. Затѣмъ, избранному духовенству съ членами нашей миссіи и консульства предложень былъ и полный обѣдъ, заключившійся по обычаю тостами въ честь Августѣйшей Фамиліи нашей, хозяина и гостей.

Иерусалимъ. 23 іюля 1870 г.

Гостя водятъ по остальнымъ святынямъ и достопримѣчательностямъ св. Града. На Сіонѣ ему показали святѣйшія мѣста Тайной вечери и сошествія Св. Духа. По теперешнему указанію одно изъ нихъ отстоятъ отъ другаго на $\frac{1}{4}$ версты, первое находится внутри бывшего когда-то латинскаго монастыря, обращеннаго теперь въ мечеть, подъ поломъ которой особо показывается мнимый гробъ царя Давида, второе—всѣмъ открытое и ничѣмъ незащищенное отъ изувѣрства мусульманскаго—лежитъ на нынѣшнемъ православномъ кладбищѣ. Къ сожалеңію, онъ не могъ видѣть мѣста, гдѣ былъ домъ Каиафы, гдѣ судили Христа, грѣлся Петръ и глашаль пѣтель. Теперь на томъ мѣстѣ армянскій скитъ. Сколько ни стучали въ малую желѣзную дверцу обители, никого не могли достучаться. Вѣроятно скитники уходили тогда въ большой монастырь армянскій на обѣдню. Напрасно стучали также въ ворота другаго скита армянскаго (женскаго), такъ называемаго «монастыря Маслины», къ которой, по преданію, привязанъ былъ Господь, пока собирались къ первосвященнику старѣйшины людскіе. По Сіону прошла теперь съ запада на востокъ южная стѣна Іерусалима, раздѣлявшая, какъ полагать надобно, бывший домъ первосвященническій на двѣ части. Однако же отъ мѣста отреченія Петрова до маслины весьма не близко,

и невѣроятно, чтобы въ такомъ непомерно тѣсномъ городѣ, каковъ въ старое время былъ Иерусалимъ, были такіе обширныя дома, хотя бы палаты первосвященника. Гостю показали также мѣсто «гдѣ жидаы плачутъ», т. е. уцѣлѣвшій остатокъ стѣны храма, или точнѣе, двора Соломонова. Идучи далѣе въ городъ, путники зашли въ новую синагогу нѣмецко-польскихъ евреевъ. Она была полна народа, казавшагося на первый разъ гуляющимъ или торгующимъ, въ самомъ же дѣлѣ молившагося. Давно я уже знакомъ съ еврейскою молитвою, и никогда не могъ надивиться утѣбно людямъ совмѣщать служеніе Богу со всякимъ другимъ занятіемъ. Смотри на эти живыя снующія фигуры съ неумолкающимъ говоромъ и бѣгучимъ взоромъ, выражающимъ всестороннюю житейскую заботу, я не сомнѣвался, что это все таже длится, черезъ множество вѣковъ прошедшая, *молитва устенъ*, которая съумѣла нѣкогда возсѣсть на мѣняльннй столикъ и до-торговалась до бича Христова. Еще два-три переулка, и путники стоятъ передъ воротами «русскаго» мѣста, или мѣста, приобрѣтеннаго для русскаго консульства, и стоящаго заброшеннымъ пустыремъ. Поклонники наши, застигнутые ночью въ Иерусалимѣ, не имѣютъ, гдѣ главу подклонить, а вотъ мѣсто стоитъ правд-ное и пустѣетъ, да еще и не одно. Консульство водворилось въ поклонническомъ пріютѣ. Естественно ожидать потому, что на мѣстѣ консульства водворится поклонническій пріютъ. Но туда не даютъ даже заглянуть поклонникамъ. Мѣсто это вышло угломъ. Отъ него начинается древняя «улица пальмъ», на которую выходитъ всею боковою стороною старая развалившаяся церковь знаменитой гостиницы бывшаго ордена рыцарей св. Іоанна Милостиваго или *Іоаннитовъ*, отъ которой остались еще великолѣпныя ворота. Поравнявшись съ ними, путники наши полюбопытствовались взглянуть на остатки бывшаго храма. Мѣсто это еще недавно почти все, сажени на три глубины, засыпано было землею. Минувшею осенью, Султанъ подарилъ его Прусскому На-

слѣдному Принцу, которымъ и принято было лично во владѣніе Пруссіи. Вслѣдъ затѣмъ начата была расчистка мѣста. Теперь вся мѣстность бывшей церкви уже очищена. Производится уборка земли въ прикосновенныхъ къ ней зданіяхъ. Трудовъ и издержекъ много. Много ли будетъ пользы отъ разрываемыхъ развалинъ, другой вопросъ. Вѣроятно мѣсто поступитъ въ вѣдѣніе новаго прусскаго ордена *Иоганнитовъ*, учрежденнаго также, какъ и прежній, съ человѣколюбивою цѣлію. Бѣда впрочемъ, если въ числѣ дѣлъ человѣколюбія онажится и распространеніе вѣры. А чуть ли оно у іерусалимскихъ Иоганнитовъ не будетъ первымъ или даже исключительнымъ. Бѣ удивленію, протестантство въ Сиріи и Палестинѣ успѣло ослабить себя пропагандическими стремленіями до слѣдшаго фанатизма. Вотъ оно водворяется передъ самымъ гробомъ Господнимъ, до котораго ему повидимому нѣтъ никакого дѣла, и нѣтъ сомнѣній, что подниметь голову свою выше латинства, и станетъ посмѣваться всякому древнему вѣрованію Востока! Замѣчательно, что при церемоніи водруженія прусскаго орла на развалинахъ, нѣмецъ какой-то, встрѣтивъ грека, не утерпѣлъ сказать ему: «понятно, что дѣйствіе наше вамъ не нравится, но...» А мнѣ такъ удивительнымъ кажется, отчего оно стало *понятно* нѣмцу. Ужъ не отъ задней ли мысли какой нибудь, бросающей себѣ на дѣло прежде, чѣмъ оно осуществится? Разносить слухъ, что тутъ будетъ каедръ новаго протестантскаго епископа въ Іерусалимѣ съ чисто-нѣмецкимъ оттѣнкомъ протестантства; ибо вполне очищенные послѣдователи Евангелія не уцѣлѣваютъ англиканскимъ епископомъ здѣшнимъ, хотя онъ въ угоду евреямъ (а кто говоритъ: и магометанамъ) очистилъ храмъ свой отъ послѣдняго слѣда не-евангельскаго христіанства, крестнаго знаменія!. Іерусалиме! Іерусалиме!.. Я отошелъ отъ мѣста будущихъ подвиговъ новыхъ *рыцарей Іоанна Іерусалимскаго* подавленный мыслию о странной судьбѣ человѣческой молитвы. Въ той синагогѣ, которую мы недавно посѣтили; молитва сходилла

до ремесла, а въ этой, которую, надѣюсь, не посѣтимъ болѣе, домашній обиходъ возводится на степень молитвы.. Грустно! Вмѣстѣ съ гостемъ и я дѣлаю прощальное поклоненіе гробу Господнему и св. Голгоѣ. Въ алтарѣ греческаго собора намъ показываютъ разныя драгоценности ризницы, и въ числѣ ихъ двѣ сабли, одну съ греческою надписью, относимую еще къ византійской эпохѣ востока, другую поднесенную кѣмъ-то нашему Петру Великому съ латинскою надписью. Увѣряютъ, что онъ самъ прислалъ ее въ даръ гробу Господнему. Характеристическій подарокъ. Въ сакристіи францисканскаго монастыря тоже показывали намъ желѣзныи мечъ Готфрида съ отсѣченнымъ концомъ и одну изъ шпоръ его. Не нашлось мѣста у гроба Христова никакому другому доспѣху освободителя его, кромѣ орудій пораженія и попраиія. Тоже характеристично. Но довольно на сей день. Завтра ѣдемъ.

Реман. 24 июля.

Сборы съ ранняго утра. Въ корридорахъ дома миссін толпа народа, продающаго разныя издѣлія мѣстнаго производства изъ камня, перламута, агата, янтара, кости, дерева и проч., наполняющая «постройки» наши всякій разъ, какъ огласится, что пожаловала на нихъ какая нибудь именитость. Продавцовъ смѣнили носильщики тяжестей. По мѣрѣ того, какъ шумъ умолкалъ внутри дома, онъ все болѣе и болѣе раздавался за стѣнами его, гдѣ происходила укладка вещей на животныхъ. Предположено было выѣхать утромъ, но едва оказались готовыми къ тому въ два часа по полудни. Да и еще прошелъ часъ, пока послѣдній неготовый сѣлъ на лошадь. Мирная обитель напутствовала насъ звономъ. Поездъ имѣлъ видъ торжественный. Было около 20 всадниковъ, путниковъ и провожатыхъ. Вѣялъ прохладный вѣтерокъ встрѣчный, и солнце не смотря на то, что прямо вливалось въ лица наши лучемъ своимъ, не пекло насъ, приберегая

свою жгучую дѣятельность для Египта. Для небывавшихъ въ Іерусалимѣ замѣтимъ, что ближайшій къ нему участокъ Ясской дороги стережется, на разныхъ разстояніяхъ, четырьмя башнями. Изъ нихъ первая, т. е. ближайшая къ св. Граду, стоитъ почти у самыхъ городскихъ стѣнъ, вторая—на первомъ перевалѣ волнистой поверхности этой части іудейскихъ горъ, третья—на второмъ такомъ же перевалѣ, нѣсколько вышемъ перваго, четвертая—надъ спускомъ въ глубокую *Долину Терезиновоу*, памятную единоборствомъ Давида съ Голиафомъ. Въ городѣ извѣстны всѣмъ выраженія: пройти до *второй* или *третьей* (рѣдко—*четвертой*) башни, или проѣхать до *Колонн*, мѣста въ самой глубинѣ сказанной долины, гдѣ обыкновенно происходятъ встрѣчи и простины, столь нерѣдкія въ быту іерусалимлянъ. Вторую башню или ту точку, на которой она стоитъ, можно бы посправедливости назвать *mons gaudii* нашихъ временъ. Въ средніе вѣка была извѣстна одна такая *гора радости* въ западной окрестности Іерусалима (можетъ быть, носящая теперь имя пророка Самуила), съ которой въ первый разъ открывался Іерусалимъ взору поклонника. Теперь Іерусалимъ въ первый разъ видятъ поклонники отъ этой второй (а по ихъ счету—третьей) башни. Тамъ же онъ и скрывается изъ глазъ ихъ. Тутъ, помню, сошелъ съ коня императоръ Францъ-Іосифъ, снялъ наску, сталъ на колѣна, взялъ въ руку земли святой и поцѣловалъ ее, къ истинному умилению всѣхъ, видѣвшихъ этотъ трогательный знакъ его глубокаго благоговѣнія. Мы тоже остановились, оборотили лошадей своихъ, смотрѣли на Іерусалимъ и крестились, прощаясь кто надолго, кто навсегда съ ненагляднымъ зрѣлищемъ. На половинѣ между второй и третьей башней открывается съ южной стороны дороги большая перекрестная долина, дающая видѣть вдоль себя одинъ за другимъ *Крестный монастырь*, обращенный теперь въ богословскую школу іерусалимскаго престола, *Ильинскій монастырь*, *Рахилинъ холмъ* и наконецъ въ послѣдней дали *Вио-*

лесѣ. Поклонъ съ молитвой и ему, тишайшему и убожайшему, но *ничимъ же меньшему во владыкахъ израилевыхъ*. Между третьей и четвертой башней, съ сѣверной стороны дороги, открывается другая глубокая долина, къ которой по всѣмъ вѣроятностямъ должно быть приурочено преславное дѣйствіе Иисуса Навина. Наконецъ мы минули всѣ 4 башни, и длинными изворотами спускаемся въ Теревинскую юдоль. Она ли въ самомъ дѣлѣ есть та, гдѣ *Саул погналъ тысячи, а Давидъ тмы*, рѣшить не беремся. Глубокихъ долинъ по близости Иерусалима много, а по всей землѣ Иудейской многое множество. Не одна вѣроятно обилвала и теревинѣами. Которая же изъ нихъ искомая? Пусть будетъ эта самая, и пусть на томъ мѣстѣ, гдѣ мы ѣдемъ, чудный отрокъ поражаетъ исполина въ виду двухъ воинствъ, занимающихъ оба противоположные склоны высотъ. Въ наибольшей глубинѣ долины есть рытвина, по которой зимою течетъ вода. Черезъ нее переброшенъ мостъ, и тотчасъ за мостомъ стоитъ, памятная поклонникамъ, кофейня съ чистою и холодною ключевою водою, а въ небольшомъ отдаленіи къ сѣверу на косогорѣ скучена деревня *Кулонъ*, или по грамотному: *Колонія*. Когда и какъ досталось селенію это европейское имя, положительно неизвѣстно. Думаютъ, что эта извѣстная Colonia Адрианова. Но и ранѣе Адриана существовала гдѣ-то по близости Иерусалима римская колонія временъ Веспасіана. Веспасіанова же колонія, по свидѣтельству Юсѣфа Флавія, была въ селеніи *Эммаусъ* сладкой и дорогой памяти. Отсюда и простекаетъ то, что потеряннаго для географіи евангельскаго Эммауса ученые нашего времени начинаютъ искать съ Колоніи. Флавіевъ Эммаусъ отстоялъ отъ Иерусалима на 30 стадій, а евангельскій на 60 (или на 160, какъ читается въ самыхъ древнихъ спискахъ Евангелія). Въ стадіи 125 шаговъ, сѣдов. до евангельскаго Эммауса отъ Иерусалима надобно положить 7500 шаговъ. А какъ человѣкъ въ полномъ возрастѣ и здравіи дѣлаетъ среднимъ числомъ 100 шаговъ въ минуту, то и

выходить, что отъ Іерусалима до Эммауса ровнымъ путемъ онъ прошелъ бы, не останавливаясь, 75 минутъ или часъ съ четвертью. Теперь отъ Іерусалима до Булоньё считается около часу ходу съ небольшимъ или безъ малаго, смотря по ходу. Такимъ образомъ уже есть основаніе искать Эммауса въ Колоніи. Возлѣ кофейни видны развалины огромной постройки готическаго стиля. Теперь ихъ раскупаютъ и отчасти просто растаскиваютъ, строя изъ нихъ и на мѣстѣ ихъ жилые дома. При раскопкахъ открытъ былъ тутъ недавно родникъ живой воды съ устроеннымъ къ нему ходомъ. На одномъ изъ камней его видится явственно высѣченный крестъ. Новый поводъ предполагать, что къ мѣсту привязывалось нѣкогда какое-то церковное преданіе, не дожившее до нашего времени. Западнѣе развалинъ по дорогѣ вышла небольшая площадка, усаженная старыми маслинами. Тутъ всадники сошли съ коней. Последовало обычное прощальное благопожеланіе отправляющимся и остающимся. Прощѣто было: *Нынь отпущаеши*, такъ разительно совпадавшее своимъ смысломъ съ благоговѣйнымъ настроеніемъ поклонника, *видѣшаго мѣста спасенія, уютованнаго предъ лицомъ всѣхъ людей*. Было и грустно и весело. Позади насъ оставался тихій и благодатный Сіонъ, впереди очертывался воображеніемъ грозный, богошественный Синай. Жаль было перваго, желалось втораго: медленно мы, дальніе пилигримы, выѣзжали съ поляны на дорогу. Ласкательно до слуха сердца доносились изъ-за вѣтвей древесныхъ несравненные мотивы пасхальной пѣсни. Точно для поющихъ наступаетъ великая четвертьдесятница, и братія расходятся въ далекую пустыню! Подавляемые впечатлѣніемъ разставанія, поднимались мы опять загагами по кособогу на второй гребень горнаго края. Широкое и ровное полотно дороги существуетъ не болѣе двухъ дѣтъ. Имъ поклонники и туристы и промышленный людъ обязаны похвальному начину бывшаго іерусалимскаго губернатора *Назыфа*-паши. Отъ теперешняго, вполне просвѣщеннаго человѣка, могъ бы ожидать

кто и желѣзной дороги, но вѣроятно время для нея не пришло еще. «Проститесь съ Горней», говорить намъ кто-то. Мы смотримъ по направленію указывающей руки. Вдали на лѣво, по ту сторону веселой и сплошь зеленѣющей долины, на подгорьи бѣлѣтъ куча зданій. Наиболѣе бросающаяся въ глаза, центральная часть ихъ есть дѣтскій пріютъ, недавно выстроенный братьями Ратисбонами, обратившимися изъ еврейства въ католичество. Восточная оконечность занята латинскимъ монастыремъ Рождества Предтечи, выстроеннымъ на мѣстѣ дома Захаріи, гдѣ и родился *съ рожденныхъ женами болій*. На западномъ краю селенія другая группа зданій знаменуетъ собою мѣсто встрѣчи Божіей Матери съ Елисаветою и трехмѣсячнаго пребыванія у нея, зовомое католиками просто и кратко: Magnificat. Прпминаю минуты, проведенныя нами въ *Горней*, куда мы тоже *со тщианіемъ* ѣхали за недѣлю передъ сими. Дорогое по священнымъ событіямъ, мѣсто это совсѣмъ олатинено. У православныхъ нѣтъ тамъ ни церкви ни дома, ни клочка земли. Земля-то, правда, есть, занимаетъ видное мѣсто, состоитъ изъ сплошной скалы и украшается русскими именами, имѣетъ хозяевъ и ждетъ прихода ихъ много лѣтъ. Но я боюсь, что эта *неплоды пераждающая* ничего не дождетя и никогда не *возвеселится о чадѣхъ многихъ*. Мнѣ видится въ воображеніи совсѣмъ иная мѣстность, *имущая мужа*, и потому чадородная *паче пустыи*. Съ этихъ самыхъ извилинъ Яской дороги я уже какъ бы слышу добрый лепетъ русскій, подъ шелестъ крестнаго знаменія гласящій: «а вонъ и наша Горняя матушка!» Да, пора и въ Горней быть чему нибудь *нашему*. Кто въ домѣ глядитъ, тотъ дѣло дѣлаетъ, кто спитъ, тотъ дѣлу не мѣшаетъ, а кто дремлетъ, тому одна дорога: вонъ изъ дома! Такъ какъ-то, слыхалъ я, разсуждаютъ наши топорные философы. Ихъ топору конечно не вырубить того, что пишетъ перо, но, ей, пора бы уже и перу внять топору. Прошу прощенія за это мистическое отступленіе. Надѣюсь, что оно послѣднее въ своемъ

родѣ, и что инныя, болѣе свѣтлыя и открытыя, мысли будутъ навѣвать на насъ святое и прекрасное мѣсто въ близкомъ будущемъ. Взобрались на высшую ступень дороги. Передъ нами еще возвышался коническій холмъ, увѣнчанный развалиной, называемый теперь *Кустуль*, въ чемъ несомнѣнно слышится испорченное *Castellum*. И здѣсь тоже ищутъ Эммауса, если предположить, что здѣсь именно былъ военный поселокъ Веспасіановъ или крѣпостца. Мы оставили верхушку горы влѣвѣ, и разными изворотами стали спускаться въ глубину второй котловины, которой передняя (восточная) часть вся открывалась передъ нами. Бонскій топотъ позади насъ заставилъ насъ оглянуться. Насъ догоняли всѣ, простившіеся съ нами въ Колоніи. Одного разставанія имъ было мало. Избытокъ добраго усердія не шолъ въ разладъ съ нашимъ настроеніемъ душевнымъ. Мы также переполнялись желаніемъ продлить впечатлѣнія Іерусалима. Остановились, и прощаемся вторично. Западающее солнце обливаетъ багрянымъ свѣтомъ всадниковъ, и всю группу вызываетъ на какой нибудь торжественный финалъ. Пустыня оглашается пѣніемъ *Вечерняю Имна*, тихаго, какъ самый свѣтъ вечерній. И было вдвойнѣ кстати богохвалебное пѣніе. Въ такой же какъ настоящій, тихій вечеръ, подъ тихими лучами западашаго солнца, шелъ когда-то тутъ неподалеку отъ насъ гдѣ-то Онъ, *свѣтъ тихій святыхъ славы безсмертнаго Отца Небеснаго*, въ день востанія своего отъ мертвыхъ, какъ бы именно въ напутіе, въ утѣшеніе, въ благословеніе поклоннику, оставляющему Іерусалимъ. О, *достойны Ты во вся времена путь быти гласы преподобными!* Не веселѣе стало отъ этого втораго прощанія, но теплѣе было отъ него сердцу. Еще не высокій но длинный, подъемъ, и короткій спускъ. Дорогу перегораживаетъ высокій холмъ, возникающій изъ самой глубокой точки котловины, и при подошвѣ кругомъ усаженный маслинами, смоковницами и виноградомъ. Дорога обходитъ его съ сѣверной стороны. На югъ же отдѣляется отъ нея другая стезя

къ развалинамъ бывшаго когда-то тутъ женскаго монастыря. Четырехугольникъ стѣнъ его еще стоитъ и различается ясно: Рядъ готическихкихъ скалъ говоритъ о второй половинѣ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ. Мѣстоположеніе бывшей обители относительно красивое. Ручеекъ воды—великое благо въ Палестинѣ—течетъ подь самыми стѣнами. «Надо купить», говоритъ мнѣ ближайшій по лошади сосѣдъ, кивая головой на развалины. Отчего же нѣтъ? купить такъ купить, отвѣчаю я, а потомъ?. «Потомъ?. Потомъ устроить русскій женскій монастырь».—Можно и монастырь выстроить, а потомъ? Не нужно ли будетъ потомъ содержать его? А на какія средства?—У католиковъ 30 монастырей въ Сиріи и Палестинѣ, чѣмъ нибудь да содержатся же!—То-то и есть, сосѣдъ любезный, заключилъ я бесѣду уже самъ съ собой, что то католики, а то мы. Намъ даже купить-то нельзя въ Турціи ни одного аршина земли. И нельзя не потому, чтобы не позволялъ кто этого, а потому что мы сами того не хотимъ. Люди, которымъ все равно, есть ли на свѣтѣ Св. Земля или нѣтъ, покупаютъ ее на расхватъ, а мы, дышущіе такъ сказать ею, отрицаемъ отъ себя упорно право собственности въ ней! Антиноміи видно не въ одной логикѣ встрѣчаются. Но не будемъ толочь воду.

За монастырскимъ холмомъ открывается другая, западная часть второй котловины, также какъ и первая, покрытой богатою (относительно) растительностію. На южной окраинѣ ея привлекаетъ къ себѣ вниманіе высокая коническая гора, увѣнчанная опять развалинами и весьма похожая на Кустульскую. Исслѣдователи древности ищутъ тутъ, потеряннаго также для географіи, *Модина*, родины и мѣста погребенія славной фамиліи Маккавеевъ. Прямо за горою лежитъ глубокая дебрь, зовомая теперь *пустынею св. Іоанна*, въ которой жилъ и возросъ Предтеча. Поднимаемся косогорьемъ, минутъ около 20, и достигаемъ селенія *Карьетъ эль Энабъ*, болѣе извѣстнаго подь именемъ *Абугоша*. Дорога обходить его съ сѣверной стороны. Домъ (какъ и въ Бо-

лонія, всё каменные) разбросаны по скату горы. Самое низкое и ближайшее къ дорогѣ зданіе есть большая церковь романскаго стиля, почти совсѣмъ цѣлая, хотя и давно опустѣлая. Мы свернули съ дороги прямо къ ней. Большая и красивая дверь въ сѣверной стѣнѣ у самаго почти сѣверо-западнаго угла стоитъ всегда открытою. Мы въѣхали ею внутрь храма, раздѣленнаго двумя рядами четырехугольныхъ столбовъ на три части, и объѣхали кругомъ стѣнъ ея, кое-гдѣ еще сохранившихъ штукатурку съ неясными слѣдами бывшей иконописи. Полукруглая стѣна главнаго алтаря (образуемаго къ востоку) внизу пробита, и это единственная капитальная порча зданія. Когда-то тутъ былъ, и видно процвѣталъ, монастырь францисканскій братьевъ Миноритовъ, но въ 1489 году ему положенъ былъ конецъ, — братство его въ числѣ 9 человекъ все было зарѣзано. «А ужъ это непременно купить», прокричалъ мнѣ съ другаго конца церкви прежній собесѣдникъ, «и устроить тутъ перепутную станцію для полонниковъ». Совсѣмъ не впадедъ было такое предложеніе. Я только искалъ взоромъ того мѣста, гдѣ бы могло совершиться ужасное злодѣяніе. По какому поводу могъ быть тутъ устроенъ монастырь? Не одна близость ключевой воды вызвала его, и не одно перепутье. Старыхъ временъ поклонническая дорога пролегла другими мѣстами. Вѣроятно строители водились какимъ нибудь преданіемъ. Ученый Уильямсъ думаетъ, что здѣсь былъ Эммаусъ евангельскій, а всё почти изслѣдователи древностей Св. Земли ищутъ на этомъ мѣстѣ библейскаго *Карьяе-Іарима*, гдѣ Ковчегъ Завета пребывалъ 20 лѣтъ послѣ возвращенія изъ плѣна филистимскаго. Поднимаемся на западную окраину котловины. Ее составляетъ особый горный вряжъ, образующій самую высшую точку на всемъ разрѣзѣ іудейскихъ горъ по линіи Ясской дороги. Но самая дорога проложена по наиболѣе низкой части его. До перевала этого мы сдѣлали непрерывнаго пути ровно 2 часа съ половиной. Солнце еще свѣтило, но было какъ бы уже

совѣтъ безъ лучей. Стлались длинныя тѣни, и на все ложи-
лась печать мирнаго отдыха послѣ долгаго труда. Любо взору и
родственно духу это вечернее ублаживающее успокоеніе земли.
Какая-то дремота несется отъ него въ душу. Что-то грезится,
что-то припоминается.. Вотъ съ пригорка, гдѣ стоялъ (и еще до
сихъ норъ стоитъ) незабвенный дождь, одинокій отрокъ тоскливо
вперяетъ утомленныя чтеніемъ Псалтири глаза въ слѣдъ удаляю-
щемуся свѣтилу дня, и несомненно чувствуетъ, что туда, туда,
въ напрасно ловимый западъ, лежитъ и его вольный и невольный
путь. Разлука съ бытіемъ минуты, тѣнь «перелетной птички»,
проносящаяся по радостному существованію ребенка, превра-
щается въ сокрушающую думу о входахъ и исходахъ бытія,
бороздой пахара раздирающую сердце того, кто отживаетъ вѣкъ.
Жаль ребенку минующаго дня, жаль солнышка, жаль свѣта Божи-
яго, но эластичный организмъ тѣла и ума скоро восстанавливаетъ
вдавленное впечатлѣніемъ мѣсто. А тутъ и дня не жаль, и солн-
цемъ не занять, и о свѣтѣ совѣтъ не думаешь, и подавляющаго
впечатлѣнія не чувствуешь, а все о чемъ-то тоскуешь! Не одно ли
и то же оно—явленіе закатившагося солнца—и подъ 60 и подъ
32 градусомъ широты земной, и оно, —едва уже припоминаемое
и сіе, —едва только окончившееся?. И пригорокъ не такой же ли?
наблюдатель не тотъ же ли? Въ чемъ же разница? Разница въ
томъ, что питомецъ Псалтири теперь не глазами уже только
устраивается по пути въ вѣщій западъ, а ногами, и давно
идетъ по нему, и можетъ быть кончаетъ его, и уже утомился
отъ пути. Вотъ и первоучна Псалтири Божіей не такъ же ли, и
не съ этихъ ли самыхъ горъ, устремлялся мыслію за исчезаю-
щимъ свѣтиломъ живни, и тоскливо говорилъ: *отыду, и ктому
не буду?* О западъ, западъ! Не могу я смотрѣть на тебя, и не
тужить.. Но, какъ нибудь надобно покончить эту вечернюю пѣснь
вечерѣющей души. *Вскую прискорбна еси душе моя? и вскую
смуцаеш ми? Уповай на Бога! Не Богу ли повинется душа*

моя? Твой есмь азъ, спаси мя. У Тебе источникъ живота, во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ.

Пересѣаемъ горную площадъ, похожую на ту, которая идетъ отъ долины тервинеевъ къ Іерусалиму. То спускъ, то подъемъ незначительной высоты. Гранью горизонту впереди, вмѣсто Элеона, здѣсь служить островерхая гора, похожая на Ку-стульскую и Маккавейскую. Не достигая ея, дорога поворачиваетъ къ югу, и съ сей точки начинается западный склонъ іудейскихъ горъ, здѣсь въ первый разъ открывается взору Средиземное море со всеѣмъ его широкимъ побережьемъ, образующимъ тучныя поля *Саронскія*. Отсюда видны и *Ремли* и *Яфа*. Такъ говорятъ другіе. Мы еслибы и хотѣли, не могли уже рассмотреть ихъ. Солнце сѣло, и поморіе подернулось туманомъ или дымомъ. Дорога идетъ извиваясь, слѣдуя извивистому направленію долины, или по здѣшнему: *уади*, которой есть и особое имя, но я хорошо его не разслушалъ. По мѣрѣ спуска съ горъ, насъ оставлялъ и прохладяющій вѣтерокъ. Дорога постоянно хорошая, но начинаетъ утомлять однообразіемъ видовъ. Доѣзжаемъ до широко-вѣтвистаго дерева, выступившаго вѣтвями своими на самую дорогу. Въ тѣни его при слабомъ свѣтѣ луны, можно было различить какую то развалину. Отсюда до выхода на равнину считается еще полчаса пути. Продолжаемъ его. Тишина глубокая. Изрѣдка донесется откуда-то тоскливый и унылый голосъ горной совы, и рѣшительно ничего болѣе. На встрѣчу, также изрѣдка, попадетъ или вереница верблюдовъ или куча ословъ,—тѣхъ и другихъ тяжело навьюченныхъ. Погонщики едва поспѣваютъ за первыми, и постоянно (большею частію немилосердно) подгоняютъ послѣднихъ. Плохое житье у араба этому тихому и послушному животному, виноватому единственно въ томъ, что оно, какъ говорится, характеромъ не сошло съ хозяиномъ. Хозяинъ есть весь движеніе и тревога, работникъ, напротивъ, весь покой и нѣга.. Роли очевидно несообразныя. Горы съ обѣихъ сторонъ надвигаются на

дорогу, образуя настоящее ущелье. Въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ его, на сѣверной сторонѣ, стоитъ полуразрушенная сторожка старой постройки. Бытіе ея вызвано, конечно, какимъ нибудь, чрезъ мѣру рѣзкимъ, случаемъ. Воображаю, чего и чего насмотрѣлись эти камни тутъ въ минувшія времена! Цѣлые караваны поклонническіе были разбиваемы и умерщвляемы въ тѣснинахъ этихъ. Теперь и одинокій путникъ, напримѣръ, почтарь, даже ночью, ѣдетъ съ безопасностію, и сторожевой пикетъ не даромъ пустѣетъ. Въ немъ нѣтъ болѣе нужды. Вслѣдъ за крайнимъ суженіемъ дороги, начинается выходъ изъ горъ на Саронскую равнину. Черезъ нѣсколько минутъ мы достигли *Бабъ-эль-уади*, т. е. *воротъ долины*. И съ горъ и въ горы ѣдущіе обыкновенно находятъ какой нибудь поводъ остановиться тутъ. Обычай подаль руку расчету, и явилась, къ утѣшенію странниковъ, кофейня, въ которой, кромѣ кофе, можно спросить огня, воды и иногда плодовъ. Года за два передъ симъ какой-то аферистъ выстроилъ кофейню на полчаса пути далѣе этой, по близости ключевой воды, и тѣмъ сдѣлалъ большой подрывъ Бабельуадскому заведенію, которое одинъ изъ нашихъ почтилъ названіемъ «любезнаго», вѣроятно потому, что неоднократно, утомленный путемъ, пользовался его гостепріимнымъ кровомъ, состоящимъ изъ чистаго неба, подпертаго по присловію, кольями. Дѣйствительно, ѣдущіе изъ Ясы начали останавливаться у перваго по дорогѣ кафежи, да и изъ Іерусалима спускающіеся тоже нерѣдко предпочитаютъ протянуть еще на полчаса свой путь, чтобы ближе быть къ половинѣ всей дороги. Такъ поступили и мы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ упомянутой кофейни миновали одинъ новый недостроенный домъ. Тутъ предполагалось быть станціи Яско-іерусалимскихъ дилижансовъ, и даже она была нѣсколько времени, пока существовало колесное сообщеніе между двумя городами. Вождедѣнное предпріятіе неизвѣстно отчего рушилось. Одно сломанное колесо бывшаго экипажа, валяясь неподалеку, печально напоминало о неудачномъ

исходѣ дѣла. Какое-то новое чужеземное общество, говорятъ, предлагало свои услуги правительству, обѣщая послѣднему ежегодный взносъ въ 30,000 піастровъ (около 2,000 рублей бумажныхъ), но дѣло опять разошлось. Нельзя не пожалѣть объ этомъ. Горы не вдругъ дали мѣсто равнинѣ. Еще онѣ часа на два будутъ тянуться по дорогѣ въ видѣ холмовъ и волнообразныхъ перека-товъ. На высотѣ одного изъ такихъ холмовъ, минутахъ въ 10 отъ «воротъ долинныхъ» съ сѣверной стороны дороги различалась при свѣтѣ луны одна башня. Туземцы называютъ мѣсто: *Дерь-Эйюнъ*, въ переводѣ: *Монастырь Юса* или *Юаса*. Тамъ есть ключевая вода, и при ней небольшая солитва. Не купить ли? спрашиваю я сосѣда.—Смѣйтесь, отвѣчаетъ онъ. Вотъ скоро покажу я вамъ такое мѣсто, котораго если вы не купите, то и Русскими не зовитесь.—Впереди дороги вдаль показався огонекъ. Подѣхавъ къ нему, мы привѣтствовали уже знакомый обликъ шалаша, состоящаго изъ нѣсколькихъ вертикальныхъ тычинъ, поддерживающихъ хворостяную кровлю. Это и есть «кофейня». Назовемъ и ее любезною ради того, что она есть единственная на всей равнинѣ по дорогѣ. Сходимъ съ лошадей, и кто прямо ложится на землю, кто «учится ходить», разминая одевелѣвшія ноги. Баседжи спѣшитъ угостить насъ микроскопическою чашкою кофе. Намъ указываютъ мѣсто, гдѣ стояли шатры императора Австрійскаго и кронпринца Прусскаго, во время ихъ поклонническаго странствованія въ Іерусалимѣ прошлою осенью. Со временъ Брестовыхъ походовъ не было еще такого явленія въ Св. Землѣ, какимъ прославился минувшій годъ. Тогда вѣнценосцы Европы мечомъ доставали себѣ прямо и открыто Палестину. Теперь они же разбираютъ ее по кусочкамъ втихомолку, лѣзя и кланаяся Саладинамъ нашего времени, и совсѣмъ неожиданно вдругъ оказываются собственниками той или другой священной мѣстности. А все же, и тогда и теперь, послѣдняя цѣль завладѣть чѣмъ нибудь въ Св. Землѣ. Правъ сосѣдъ. Онъ лучше понимаетъ придорожное

значеніе своего роднаго края: «кто идетъ, тотъ и рветъ!» и отставать намъ въ этомъ дѣлѣ не слѣдуетъ никомъ образомъ.

Отдыхъ продолжался съ полчаса. Снова садимся на коней и ѣдемъ. Четвертая луна слабо освѣщаетъ предметы и невысоко стоитъ на небѣ. Но ея все-таки станетъ намъ до Рэмля. Этими мы утѣшаемъ себя. Дорога кажется совсѣмъ бѣлою отъ свойства почвы, и идетъ все косогоромъ, справа (къ сѣверу) нѣтъ продолжающійся отрогъ горный, слѣва—долину, орошаемую ручьемъ, большею частью безводнымъ. На картахъ онъ изображается рѣкою, и тѣмъ вводитъ въ заблужденіе довѣрчиваго странника. Еще разъ поднимаемся на небольшую высоту. Передъ нами огромный плосковерхій холмъ, называемый *Атрунъ*, или съ членомъ: *Эль-Атрунъ*, изъ чего европейцы сдѣлали *Латрунъ*, и привязали къ нему преданіе о благоразумномъ разбойникѣ (*latro*). Вершина холма еще разъ покрыта развалинами, которыя, по рассказамъ очевидцевъ, весьма древни, представляютъ кладку изъ большихъ тесаныхъ камней безъ цемента, и имѣютъ пирамидальное а не отвѣсное направленіе стѣнъ. Думаю, что ученые, напрасно поиславъ въ нагорной части (по Евангелію и Іосифу Флавію—въ *Горней*) Іудей *Модина*, найдутъ его въ Атрунѣ. Имена конечно не созвучныя, но это ничего не значитъ. Называется же теперь древній *Хевронъ Эль-Хамлемъ* или *Хам-рахманомъ*, а Іерусалимъ *Эль-Кудсомъ*, но нигде ¹⁾ не сомнѣвается, что это тѣ самыя мѣста. Въ Атрунѣ ровно половина пути отъ Яфы до Іерусалима, т. е. по 6 часовъ или 30 верстъ въ ту и другую сторону. Всего естественнѣе тутъ бы быть и главному перепутью поклонническому отъ одного пункта до дру-

¹⁾ Исключая переученаго Ludwig Noack, который въ своей книгѣ: *Vom Eden nach Golgatha* (I. II. vol. 1887 Leipzig) усиливается переставить всю мѣстность Св. Земли, передвигая ее въ сосѣдство къ Ливану. Іерусалимъ переходитъ у него такимъ образомъ на параллель Генисаретскаго озера, а Хевронъ перемѣщается на Ермоль.

гаго. Теперь весь путь этотъ дѣлится на двѣ, весьма неравныя, части. Первая—отъ Яфы до Рэмли—3 часа или 15 съ небольшимъ верстъ, вторая—отъ Рэмли до Іерусалима—9 часовъ или 45 верстъ и притомъ большею частію все подьмана гору. Очень не равномѣрно. Будемъ надѣяться, что съ умноженіемъ числа поклонниковъ русскихъ, умѣющихъ не только *взрывать*, но и *глазеть*, сказанное нами слово повторится не разъ, и дѣло кончится тѣмъ, что съ Атруна забѣлѣютъ нѣкогда на все побережье и на широкое море, вмѣсто пирамидъ Магжавейскихъ, палаты Московскія. Кто прежде могъ подумать, что Мамврійскій Дубъ будетъ русскимъ? И однакоже теперь священное мѣсто дубравы Мамврійской носить имя: *Московіе* т. е. Русь. Видно, что стоить только чего нибудь усильно захотѣть, да еще пребавить къ тому нѣчто... и дѣло будетъ сдѣлано. Спускаемся и снова поднимаемся. Проходить въ этомъ занятіи цѣлый часъ. Ёдемъ еще разъ по каменистой возвышенности, застроенной деревней *Кэбабъ*. Все въ ней покоится глубокимъ сномъ. Днемъ тутъ прохода нѣтъ путнику отъ дѣтей, навязывающихъ свою воду. Отсюда до Рэмли остается два часа пути. Идетъ уже мягкая земля, слегка волнистая и цвѣтомъ бурая, а по мѣстамъ и совсѣмъ черная. Мѣстность вообще однообразная и довольно скучная, а для утомленнаго путника, съ нетерпѣніемъ ждущаго минуты отдыха, и просто несносная. Однѣ придорожныя сторожевыя башни, выстроенныя въ недавнее время по поводу разнесшагося слуха о намѣреніи Султана посѣтить Іерусалимъ, издали заявляющія о себѣ матовою бѣлизною, развлекаютъ притупившееся вниманіе. Хоть бы дерево, хоть бы камень наконецъ, тагъ надоѣвшій тамъ въ горахъ, встрѣтились по сторонамъ! Ничего! А тутъ еще и мѣсяцъ, вопреки расчету, сталъ прежде времени готовить себѣ постель, говоря цвѣтистымъ языкомъ страны. Но съ нимъ случилось нѣчто, и того менѣе ожиданное. Еще не доходя земли, онъ потемнѣлъ въ густомъ и переполненномъ морскими испаре-

ніями, слоѣ воздуха, успѣвъ впрочемъ обрисовать намъ на чертѣ югозападнаго горизонта силуеть двухъ деревъ. Это значило, что мы понемногу приближаемся уже къ жилому мѣсту. И точно, вскорѣ повѣяло на насъ сыростію до того, что слѣдовало застегнуться на всѣ пугови. А вотъ показалась и черная линія садовъ, окружающихъ Рамлю. Было совсѣмъ темно, глухо и мертво, когда мы подѣхали въ ней къ воротамъ *Московсана*.

Архимаея. 25 іюля 1870

Но точно ли это *Архимаея*, съ именемъ коей все еще связывается евангельская исторія, подъ обыденными нуждами и впечатлѣніями дороги значительно сгладившаяся уже со вчерашняго вечера? Кроме нѣкотораго созвучія именъ, имѣется свидѣтельство о семь изъ IV вѣка, слѣдовательно самое древнее, какое только завѣщала намъ, скупая на подобные памятники, исторія Палестины. Удовольствуемся имъ ¹⁾. Для русскихъ поклонниковъ принимается въ Рэмли верхній этажъ большаго заѣзжаго дома, съ особеннымъ дворикомъ для лошадей. Помѣщеніе состоитъ изъ большой террасы, устланной каменными плитами, и обставленной со всѣхъ сторонъ комнатами съ выходомъ на террасу и окнами наружу. Есть 5—6 комнатъ чистыхъ на подобіе номеровъ въ гостиницахъ и столько же для простонародья, снабженныхъ одними рогожами. Еще не такъ давно для прибывающихъ изъ Яфы поклонниковъ готовился обѣденный столъ. Теперь это найдено лишнимъ. И въ самомъ дѣлѣ, наши странники въ Яфѣ вдоволь запасаются обыкновенно хлѣбомъ и плодами, и въ теченіе короткаго перехода не успѣваютъ проголодаться. Самое желанное для нихъ въ «Рамлѣ» это—чай. Зато самоварамъ, когда приходитъ

¹⁾ По блаженному Герониму (путешествіе Павлы), *Архимаея* вмѣстѣ съ *Номею* находилась на дорогѣ отъ Яфы къ Лидѣ, а не на параллели послѣдней. Но большой точности въ подобныхъ разсказахъ конечно искать нельзя, не зная даже того, какому направленію слѣдовала тогда яфско-лидская дорога.

караванъ поклонническій, не бываетъ покоя ни на одну секунду. Одни допиваютъ чай, другіе начинаютъ пить, и такъ дѣло идетъ до самаго выхода всѣхъ съ мѣста. Привѣтливый землякъ и къ намъ явился на столъ, но мало нашелъ въ насъ сочувствія къ себѣ. Утомленіе наше было такъ велико, что всякій постарался отыскать себѣ поскорѣе постель и забыть все на свѣтѣ. Намъ-ревались встать на разсвѣтѣ, но опоздали, думали собраться въ четверть часа, но провозились цѣлый часъ. Но такъ или иначе, собрались и выѣхали. Съ первой возвышенности открылся на лѣво высокій четырехугольный минаретъ старой постройки, принадлежащій къ бывшему тутъ нѣкогда огромному поклонническому пріюту мусульманскому, славному въ свое время на весь край, и смѣшиваемому, незнаю на какомъ основаніи, съ христіанскимъ монастыремъ 40 мучениковъ. Когда-то черезъ Рэмли шла большая караванная дорога отъ Дамаска въ Газу и оттуда въ Аравію. Теперь паръ измѣнилъ порядокъ вещей. Дорога большая пролегла моремъ, и Рэмли обратилось въ захолустье, едва подерживаемое проѣзжею дорогою іерусалимскою. Большинство населенія мусульманское, которому принадлежитъ и бывшая большая церковь *св. Іоанна* (Предтечи?), обращенная теперь въ мечеть. Есть и малая (арабская) община православная. Для поклонниковъ есть большія подворья греческое, армянское и францисканское, изъ коихъ въ каждомъ есть и своя церковь. Церковь греческаго подворья есть вмѣстѣ и приходская рэмльская. Видъ ея напоминаетъ болѣе сарай, чѣмъ домъ молитвенный. Но, окончивъ съ Аримаеѳеѳ, къ которой, кромѣ Іосифова, привязывается и имя Никодима, будто бы имѣвшаго здѣсь домъ свой. Говоря о Рэмли, необходимо кажется упомянуть и о *Лиддѣ*. Съ той же возвышенности, откуда мы смотрѣли на «башню 40 мучениковъ», видна и Лидда къ сѣверу отъ Рэмли верстахъ въ двухъ или трехъ отъ нея. И она, какъ Рэмли, тоже знаменуетъ себя возвышенною башнею, стоящею при развалинахъ бывшей

церкви св. великомученика Георгія, выстроенной надъ гробомъ его. Первоначальный храмъ Лиддскій во имя Божіей Матери, первый можетъ быть послѣ Сіонской Горницы, о которомъ занесено въ сказанія церковныя одно дорогое, но къ сожалѣнію довольно темное, преданіе, исчезъ безслѣдно. вмѣсто него прославился потомъ другой Лиддскій храмъ св. великомученика, но и отъ него вѣроятно не осталось камня на камени. Видимыя теперь развалины церкви св. Георгія принадлежатъ по стилю къ среднимъ вѣкамъ, и латинцы на семь архитектурномъ основаніи хотятъ присвоить ихъ себѣ, по крайней мѣрѣ не отдать въ исключительное вѣдѣніе православныхъ. Теперь идетъ споръ о семъ между двумя вѣроисповѣданіями. На сикъ дняхъ ждуть въ Іерусалимѣ Сирійскаго вали (генераль-губернатора) и одного нарочно посланнаго изъ Константинополя чиновника, которые совмѣстно съ патриархомъ іерусалимскимъ и французскимъ консульствомъ, должны рѣшить вопросъ о принадлежности церкви, съ незапамятныхъ временъ состоящей въ вѣдомствѣ и распоряженіи мѣстной православной общины. Пронесся, какъ мнѣ говорили, слухъ въ Іерусалимѣ, что на недавнемъ Петербургскомъ юбилей ордена св. великомученика Георгія, предложено было кѣмъ-то возобновить Лиддскій храмъ на средства ордена. Славное бы это было дѣло, но вотъ прошло уже довольно времени послѣ шумнаго праздника, и изъ слуховъ не вышло ничего, или—хуже—вышло разочарование. Лидда есть епархіальный городъ в кафедре Лиддскаго архіепископа (никогда въ ней не бывшаго), которому принадлежатъ (именословно) и Рэмля. И тотъ и другой приходы находятся въ непосредственной зависимости отъ патриарха. Архіепископъ же, вмѣстѣ съ другими титулярными владыками, безвыѣздно живетъ въ Іерусалимѣ и ни во что не мѣшается; да и мѣшаться, по правдѣ, не во что. Продолжаемъ путь. Проходить съ небольшимъ полчаса времени. Налѣво видится черноватая куча землянокъ съ большими (сухими) водоемами, отъ коихъ къ дорогѣ направ-

ляется водопроводъ, давно уже не дѣйствующій, оканчивающійся при самомъ пути водотечью, тоже безводною. Деревня маваночная называется *Сарфендъ*, а по старому *Сарифел*, которую мусульмане сожгли въ 756 г., не терпя христіанскаго населенія по близости своего новосозданнаго города. Легкіе то спускъ, то подъемъ продолжаются и утомляютъ зрѣніе однообразіемъ. На дальней возвышенности впереди показывается цѣлая масличная роща. Оттуда увидишь море, думаемъ мы. А увидѣли впереди себя далеко на горизонтѣ только другую возвышенность, весьма похожую на первую, и ничего болѣе. Солнце начинало уже печь въ спину, и надобно было защищаться отъ него зонтикомъ. Добрались и до послѣдней возвышенности. Сталъ слышаться прибой морскихъ волнъ. Поравнялись съ деревней *Язуръ*, лежащей на холмѣ, къ сѣверу отъ дороги. При самой же дорогѣ, съ той же стороны, стоитъ не то мечеть, не то тюрбе (надгробный памятникъ въ видѣ часовни) со множествомъ малыхъ вытянутыхъ куполовъ, напоминающихъ кучу мухоморовъ. При зданіи есть и ключъ воды. Мѣсто это имѣетъ значеніе іерусалимскаго Кулонъ, т. е. пріурочено обычаемъ для встрѣчъ и провожаній. Насъ конечно никто не думалъ встрѣчать. Зато мы поодоровались тутъ съ Ясой и съ широкимъ моремъ. Городъ бѣлѣлъ подъ лучами солнца, и утопалъ въ зелени окружающихъ его садовъ. Такая же зеленая равнина тянулась отъ него къ намъ. Большую частію это были посѣвы сусама (дающаго масло въ родѣ нашего рыжековаго) или баштаны арбузовъ. Съ полчаса прошло, пока мы подъѣхали къ садамъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ саженей до первой кантусовой изгороди, мы во слѣдъ колонновожатому повернули вправо, и врѣзались въ сады поодаль отъ большой дороги. Послѣ нѣсколькихъ изворотовъ, поровнялись съ большими каменными воротами свѣжей постройки. Въ самомъ обществѣ нашемъ отыскался одинъ, назвавшій себя хозяиномъ мѣста, и попросилъ насъ въѣхать внутрь воротъ. Мы въѣхали. Открылся обширный

пустырь, сперва холмистый, потомъ совершенно ровный, имѣвшій фигуру параллелограмма. Это тоже *Moskovicé*, сказали намъ, т. е. русское мѣсто, недавно приобретенное нашею миссією. Оно будетъ аршинъ 400 длины и около половины того ширины, когда-то было засажено все виноградомъ, смоковничными деревьями и ягодичинами (сикоморами), но потомъ все съѣмъ опустѣло. Его 7 холмовъ составляютъ исключеніе во всей окрестности Язы, и какъ бы говорятъ о своемъ неусушительномъ происхожденіи. Въ двухъ мѣстахъ уже успѣли открыть древнія пещеры, служившія гробницами для стародавнихъ жителей Юнпіи. Мѣсто это носитъ арабское имя *Тавиты*, т. е. *Тавиры* по книгѣ Дѣяній Апостольскихъ. Такимъ образомъ можно намъ поздравить себя съ приобретеніемъ въ Палестинѣ еще одного мѣста, освященнаго евангельскими событіями. Ежегодно въ третье воскресеніе послѣ Пасхи, когда читается въ церкви Апостоль о воскресеніи блаженной жены св. апостоломъ Петромъ, православные жители Язы приходятъ сюда на цѣлодневное гулянье, чѣмъ и подтверждается фактически преданіе о св. Тавиѣ. Вѣроятно, здѣсь было мѣсто погребенія ея послѣ вторичной смерти. Мы проѣхали вперевѣхъ свое мѣсто, и полюбовались съ вышей точки его на великолѣдную панораму несчетныхъ садовъ Ясыкихъ, самой Язы и голубаго безпредѣльнаго моря. Вотъ куда прѣзжать проводить зиму людямъ съ слабою грудью. Яскакая зима лучше нашего сѣвернаго іюня, а мѣсто посреди сотенъ апельсинныхъ садовъ и кванить не нужно. Лѣтъ черезъ 10 тутъ будетъ конечно непроходимый лѣсъ липовый и апельсиновый по всей низменной части. Верхнюю же можно засадить всякимъ инымъ деревомъ райскимъ отъ индійскаго бамбука до русской березки. Осмысленіе саду уже положено. Вырыть колодезь хорошей воды на глубинѣ 11 сажней, роется яма подъ водоемъ, возводится зданіе для садовника и сторожа, указано уже и мѣсто будущимъ палатамъ русскимъ. Только.. но зачѣмъ набрасывать тѣнь на свѣтлую перспективу? Черезъ 5 минутъ выѣ-

жаемъ опять на большую дорогу у прекраснаго фонтана, обнесеннаго высокими старыми кипарисами, и черезъ четверть часа подъѣзжаемъ къ стѣнамъ Яѳы высокимъ и крѣпкимъ, но совсѣмъ ей не нужнымъ и, какъ говорится, неподходящимъ. Достигши іерусалимскихъ воротъ, мы взяли налѣво и вдоль крѣпостнаго рва поѣхали къ другимъ воротамъ городскимъ, ближайшимъ къ тому мѣсту, гдѣ намъ слѣдовало остановиться. Уже на одномъ этомъ краткомъ объѣздѣ, наше очарованіе Яѳою успѣло значительно разсвѣяться. А переступивъ за ворота города, мы совсѣмъ простились съ нимъ. Веселящее впечатлѣніе живучей растительности вдругъ смѣнилось неприятнымъ зрѣлищемъ тѣноты, духоты, шума и гама и всякаго безобразія. Спѣшимъ разными перекладками добраться до *русскаго пріюта*, и, добравшись, мы примѣру столькихъ другихъ путешественниковъ; прежде всего всѣ въ одинъ голосъ спросить: не ушелъ ли пароходъ? Эта суетливая забота о томъ, что не подаетъ ни малѣйшаго повода безночить, характеризуетъ по преимуществу русскихъ туристовъ. Намъ успокоили объявивъ, что теперь только 9 часовъ утра, а пароходъ отойдетъ въ 4 часа послѣ обѣда.

Отдохнули, подрѣпались, взяли билеты на пароходъ и отправили на него свои вещи. Остался еще часъ-другой совершенно свободнаго времени. Слѣдовало посвятить его на обзорніе города, но мы не рѣшились на то по причинѣ удушающаго зноя и малозначительности предметовъ наблюденія. Впрочемъ то, что наблюдали другіе, сводится къ слѣдующему. Въ Яѳѣ около 5000 жителей, большинство коихъ магометане. Кромѣ магометанъ есть православные (около 500 семействъ), греко-униты, марониты, латины, армяне, копты, протестанты (одинъ домъ), евреи, египтяне и.. русскіе поклонники. Забылъ еще прибавить нѣмецкихъ колонистовъ, именующихъ себя «Друзьями храма» (какого? Ужъ конечно не храма гроба Господня). Ихъ пять или шесть семействъ пока, но общаются сотни и тысячи. Они ку-

или деревянныя постройки бывшей американской колоніи, и составляют теперь миниатюрный городокъ между садами, устроили тамъ церковь, школу и гостиницу, и вромѣ того въ городѣ имѣютъ больницу и паровую мельницу. «Храмъ» не скрываетъ ни отъ кого своего миссіонерскаго посланничества въ Палестинѣ, и самъ составляетъ религіозную сенту въ протестантствѣ. Откуда только не набираются охотники просвѣщать страну, просвѣтившую міръ! Для поклонниковъ есть въ Яѳѣ особенныя пріюты (монастыри): греческій, латинскій, армянскій, коптскій (въ одномъ саду за городомъ). Приходскою церковію православнаго населенія служатъ, какъ и въ Рэмли, монастырская церковь св. Георгія, но есть еще и другая кладбищенская за стѣнами города, гдѣ служатъ по субботамъ. Она прямо противъ оконъ русскаго пріюта, и мы сегодня застали еще конецъ сей службы; т. е. расцѣвасмы по могиламъ мертвенныя лѣтн. Есть и школы православныя: мужская и женская. Все это—и церкви и пріютъ и школы—содержится на средства патріарха. Наизначительное лицо православнаго общества есть такъ называемый «сигуменъ» греческаго монастыря, какъ бы повѣренный патріарха. Онъ же и членъ мѣстной управы отъ православнаго общества. Не смотря на то, что мы имѣемъ (нанимаемъ) свой поклонническій пріютъ въ Яѳѣ, поклонники наши обыкновенно останавливаются въ греческомъ монастырѣ ради большей близости его къ мѣсту высадки, удобствъ при отправкѣ въ Іерусалимъ и просторности. Въ пріютѣ же нашемъ останавливаются, и то не всегда, только заѣзжія именитости наши. Въ верхнемъ этажѣ его есть двѣ комнаты довольно чистыя, въ которыхъ и мы помѣщаемся теперь. Нижний этажъ, предназначенный для простолюдинъ, большею частію пустуетъ. Что еще сказать о Яѳѣ? На освѣдомленіе наше о мѣстѣ дома *Симона кожевника*, намъ сказали, что оно очень близко отъ насъ, и мы рѣшились пойти взглянуть на него. Насъ привели (по близости Маяка) въ одни полуразрушенныя сѣни не то

мечети не то бани, и тѣмъ дѣло кончылъ. Видимо, ведущіе (да и ведомые—тоже) не придавали большаго значенія своему хожденію. Блаженный Иеронимъ въ свое время видѣлъ мѣсто пречуднаго откровенія Апостолу на вершинѣ яскаго холма, а отъ Майка до высшей точки Яфы не близко. Кромѣ сей христіанской древности, любопытный можетъ видѣть на животномъ базарѣ остатки и языческой древности, а именно два ряда гранитныхъ колоннъ, до половинны вросшихъ въ землю. Стояли ли онѣ тамъ изначала, или перенесены туда съ другаго каного мѣста, никто не знаетъ. Можно также подивиться на огромнѣйшіе гранитные монолиты, лежащіе теперь у водотечи, что при іерусалимскихъ воротахъ. Въ старыя времена показывали также въ Яфѣ на одномъ изъ каменной пристани двѣ пробойны, къ которымъ будто бы прикованы были руки баснословной Андромеды. Такихъ, выѣденныхъ моремъ, ямнъ мы съ террасы монастыря греческаго видѣли множество, но при всемъ томъ не вразумились, какимъ образомъ, Андромеда могла очутиться въ Яфѣ, и откуда взятыя было здѣсь на спасеніе ея Персею? Какъ-то невольно чувствуется эта, такъ сказать, несоизмѣримость Палестины съ греческою міеологіей.

Въ два часа по полудни мы сошли на пристань, кипѣвшую по обычаю народомъ, ни скорбя, ни радуясь простились съ Св. Землею, и въ большой лодкѣ отправились на парходѣ, только еще начинавшій дымиться. Это былъ *Jupiter*, одинъ изъ сотни Ллойдовыхъ левиаановъ, снующихъ по великому морю и *удницею* (золотою) *влекущихся* то къ тому, то къ другому берегу. Мы объѣхали носъ *дракона* и чуть не заѣли за *узду, обложенную о ноздряхъ его*. Стоитъ онъ пока *связанный яко вѣрабій*, и *играетъ съ нимъ, яко со птицею*. *Языцы имъ питаются, и раздѣляютъ его финикійстѣи народи* всякій разъ, какъ онъ приходитъ къ берегамъ Финикіи нагруженный всеми заказами финикійцевъ. *Корабли рыбарей* устремляются къ нему на пере-

рывъ со всѣхъ сторонъ, чуть покажется онъ въ урочный день на широтѣ моря, какъ *рабъ вѣчный*, послушный своему *завѣту*, т. е. рейсовому распisanію. Аллюзии эти приходили въ голову тогда уже, какъ мы сидѣли и ходили по спинѣ девиаана, и чудовище ревѣло и свистѣло, готовое сорваться съ мѣста. Время подходило къ четыремъ часамъ. Море было тихо, небо чисто, на казубѣ прохладно, на душѣ спокойно. Отъ нечего дѣлать пере-листываю «гида» и слышу показанія его о Яѳѣ съ тѣмъ, что видѣлось и отчасти еще видится. Какой-то морякъ нашъ, которому надоѣло ходить по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ и видѣть «все тоже да тоже», сравнивалъ Яѳу съ краюхою хлѣба, лежащею на краю большого стола, ноздреватую и хорошо пропеченною, но ужь очень черствую.. Последнимъ отъывомъ, видимо озлобленнымъ, онъ конечно намекалъ на опасную стоянку на яскомъ рейдѣ. Дѣйствительно, видъ Яѳы съ моря не казистый. Она закрываетъ собою всю вѣчно цвѣтущую зелень садовъ, и даетъ окрестности обликъ довольно печальный. Песокъ съ одной, песокъ съ другой стороны, а по серединѣ шероховатая масса сплошнаго камня изъ желтосѣраго цвѣта, и все вмѣстѣ подернуто дымкою нышущаго и волнующагося воздуха. Отошла отъ Юпитера и послѣдняя неренда, махая ему на прощаніе бѣлою лентою съ красными полосками. Она привозила австрійскую почту. Ждать больше было некого и стоять не зачѣмъ. Вылетавшій изъ трубы паръ доходилъ въ ревѣ своемъ до послѣдняго crescendo, терзая слухъ безконечно измѣнчивыми тонами и невыносимо фальшивыми нотами. Вдругъ онъ смолкъ. Вмѣсто него послышалось какое-то особенное шуршаніе или шелестѣніе, и гдѣ-то въ преисподней сталъ мѣрно раздаваться глухой тактъ незримаго режиссера.. Все на пароходѣ судорожно отвѣчало ему, отъ гигантскаго ствола мачты до тончайшаго волоска головы пассажира. Мы быстро стали отдаляться. Прощай *Св. Земля!*

Портъ-Саидъ. 28 іюля 1870.

Въ ночи «посвѣжѣло», какъ говорятъ моряки, и пріятное ощущение легкаго покачиванія стало переходить въ истому то летѣнія стремглавъ внизъ, то быстро опрокидыванія назадъ. При каждомъ такомъ движеніи, что-то подступало къ самому горлу, давило виски и кружило голову. Страшная эта болѣзнь безъ боли терзаетъ невыносимо. Въ душѣ являются раздраженіе, ожесточеніе, уныніе и оупѣніе. Не было другаго способа избыть муки, какъ идти и лечь въ постель. Это я и сдѣлалъ. Вопреки привычкѣ, пришлось спать часовъ 8 или и болѣе. Въ каютѣ было душно, не смотря на открытый иллюминаторъ. Не разъ я воображалъ видѣть сквозь него свѣтъ дневный, но все ошибался. Наконецъ часмый избавитель показался. Вмѣстѣ съ тѣмъ утихъ и вѣтеръ. Утро было прекрасное. Вышедши на верхъ, я не увидѣлъ ничего кромѣ моря и моря во всѣ стороны. Вызываемая этимъ зрѣлищемъ, идея безконечности сама звала въ свою очередь душу къ исповѣданію предъ Безконечнымъ. И было кстати. Часъ былъ для того не только пригодный, но и урочный. Сопедъ внизъ, занялся приготовленіемъ писемъ, которыя долженъ былъ отнестъ на далекую родину тотъ же австрійскій Юпитеръ. Въ удивленію моему узналъ я, что изъ Палестины самый лучший т. е. вѣрный, скорый и дешевый, путь для почтовой корреспонденціи съ отечествомъ есть черезъ Ллойдово пароходное Общество. А развѣ у насъ нѣтъ своего подобнаго Общества? И развѣ не русскимъ полоннинамъ, круглый годъ бывающимъ въ Палестинѣ и пріѣзжающимъ туда на пароходахъ Общества, имѣть всѣ письменныя сношенія съ Россією черезъ тоже Общество? На вопросы эти я не могъ добиться отвѣта. Знаю одно, что наши полонники въ іерусалимѣ не имѣютъ возможности сносятся съ отечествомъ по русской почтѣ и свою тысячу писемъ относятъ въ Ллойдову почтовую контору, и благодарятъ Бога, что хотя этимъ

путемъ могутъ переносываться съ лѣтъ нужно. Мнѣ рассказывалъ одинъ обыватель нашъ іерусалимскій, что ему три раза посылаемы были книги изъ Россіи, и три раза возвращались къ мѣсту своей отправки безъ всякаго конечно объявленія, а между тѣмъ почтовыя сношенія между Россіей и Турціей существуютъ, и въ Яѳѣ принимаются и отправляются и письма и посланки нашимъ пароходнымъ агентствомъ! Еще любопытнѣе, рассказанный также мнѣ, случай съ 1000 гривениками, отправленными черезъ наше Общество изъ Яѳы въ Москву, небывавшими тамъ, возвратившимися въ Яѳу, снова отправленными въ Константинополь съ Ллойдовымъ Обществомъ, захваченными тамошней таможеню какъ запрещенный товаръ, кое-какъ добытыми изъ нея съ непремѣннымъ обязательствомъ тотчасъ же отправить ихъ въ Россію, и принятыми нашимъ агентствомъ для отправки туда! Диво, да и только! А вѣдь уже тысяча лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы завязали наши международныя сношенія съ Царьградомъ и со всеѣмъ христіанскимъ востокомъ. Пора бы намъ, лучше всеѣхъ новоявленныхъ Месажрій и Ллойдовъ, устроить дѣла свои съ ними. Суевливое бѣгальце на верху сказало намъ, что мы приближаемся къ берегу. Въ окошкѣ мелькнула гряда большихъ, правильно тесаныхъ и неправильно сложенныхъ, камней, выникшая прямо изъ моря, въ саднѣ вышнюю. Это былъ *Саидскій* молкъ. Вскорѣ загремѣла цѣпь якоря, и «Юпитеръ» остановился въ новоустроенной пристани новоявленного города. Мы очутились въ мѣстѣ, гдѣ кромѣ земли и воды все ново, да и земля съ водой тоже весьма недавно помѣнялись своими мѣстами. Гдѣ стоялъ нашъ пароходъ, тамъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ была сухопутная дорога, и тянулись караваны изъ *Шама* (Дамаска) въ *Масръ* (Каиръ), и все составляло одну солонцоватую безжизненную пустыню, продолженіе которой видится теперь во все стороны отъ новаго города. *Саидъ* высматривалъ довольно красиво, хотя сплоченные изъ досокъ балаганы, видѣвшіеся тамъ и сямъ, давали предполагать, что можетъ

быть большинство городскихъ зданій спито, какъ у насъ говорится, на живую нитку. Особенно довольно такихъ балагановъ было на прибрежномъ пустырьѣ или въ сопредѣльности съ нимъ, гдѣ, вадернутый на высокій шестъ, флагъ русскій гласилъ, что и здѣсь мы, русскіе, не чужіе, и уже владѣемъ пядію земли. Пассажиры расходятся. Къ тому же готовимся и мы. Забираемъ свои пожитки, и идемъ соглядатаевъ на берегъ. Забота главная о томъ, гдѣ намъ приклонить голову на цѣлый день; ибо стало извѣстно, что сегодня урочный часъ для отправленія вверхъ (почему: *вверхъ*, а не *внизъ*, не знаю) по каналу уже прошолъ, и другаго не будетъ. Соглядатаи возвращаются и выхваляютъ Hôtel de Louvre, какъ первую гостиницу города, а то есть: Hôtel de France, des Etrangers, du Canal, de Lessers, de Garibaldi etc. etc.. Отъ этого набѣга французскихъ словъ меня покорило, но тутъ же мнѣ объяснили, что Портъ-Сандъ *французскій* городъ, и ниаго, кромѣ французскаго, отъ него ничего и ожидать нельзя. Помирился я съ этимъ, и даже пожелалъ поскорѣе увидѣть лицомъ къ лицу Францію, которую знаю доселѣ только по картѣ и по слухамъ, да еще по тѣмъ образчикамъ ея сыновъ и дочерей, которыми наполненъ свѣтъ. Прощаемся съ «Юпитеромъ» и ѣдемъ на берегъ. Всѣ лодки обязательно пристають къ тамошней пристани. Сперва насъ ведутъ въ паспортную. Тамъ осматриваютъ наши паспорта, отбираютъ ихъ для передачи въ наше Консульское Агентство, и указываютъ дорогу, куда мы должны пойти, чтобы выйти въ свободную черту города. Служащіе въ заведеніи то греки, то французы, но тутъ же снуютъ и оливковыя лица туземцевъ, занимающихъ пока подручныя должности, но имѣющія вѣрный расчетъ на лучшее будущее. Возвращаюсь къ берегу, гдѣ происходитъ шумная процедура переноски нашихъ вещей все еще допотопнымъ способомъ, т. е. на спицѣ носильщиковъ. Знакомая мнѣ *арава*. (слово это если и вопреки лексической истинѣ, все же весьма вѣроятно можетъ быть принимаемо за однокоренное съ

арабомъ, по гречески *аравомъ*) во всей силѣ, красотѣ и полнотѣ передъ нами. Крика въ 10 разъ больше, чѣмъ дѣла. Но вотъ конецъ всѣмъ состязаніямъ и пререканіямъ. Вещи раздѣлены на 4 кучи, перевязаны и задѣты на заплечное сѣдло дюжихъ хамаловъ. — Идемъ въ таможеню. Подходитъ оливковый господинъ въ костюмѣ страны, и говоритъ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ: «Мое почтеніе! Куда? Смотрѣть каналъ?». Оказалось, что собесѣдникъ лѣтъ 5 прожилъ въ Россіи, состоя на службѣ въ какомъ-то турецкомъ консульствѣ, и гдѣ гдѣ не былъ! Даже видѣлъ нашу Нижегородскую ярмарку. Требовалось по таможенному уставу пересмотрѣть всѣ наши вещи, а для сего во 1-хъ свалить ихъ всѣ на землю, во 2-хъ и т. д. развязать, открыть, дать перековеркать, снова закрыть, увязать и положить на хамаловъ. Длинная и скучная исторія. Я сказалъ анакому, что это совершенно напрасно, что мы поклонники и товаровъ съ собою не возимъ. Онъ отвѣтилъ: да васъ и не будутъ осматривать. Только вещи-то все таки прикажите свалить на землю. Это—ничего! Дѣйствительно, вещи полежаи съ минуту на землѣ. Намъ опросили. Знакомый, съ своей стороны, передалъ, что слѣдовало, о насъ мытарямъ; и маніемъ руки намъ дали знать, что мы свободны идти въ городъ. Я поблагодарилъ анакома за добрую услугу, а онъ пожелалъ намъ счастливаго пути на *Синай*.

(Продолженіе впредь.)

Житіе и жизнь св. и преподобнаго отца нашего Петра, иже въ Хвостѣнѣ, Кориша, постившагося.

Благослови Отче.

Благо и къ благому умилению себе убо и слышещимъ уснѣшно поущение, Петра Преподобнаго воспоминаніемъ любещу ти имѣти писаніемъ. Житіе его явственно составити бѣдиль еси насъ брате Григоріе. Многоже о семъ (яко же и твое вѣсть преподобіе): не лѣнностію убо, скудствомъ же наче благоразумія, за неже вышше таковое моея силы дѣло начети, востезахсе. Преподобніи бо аще и въ послѣдніе роды: но не худше древнихъ изредныхъ, подвизасе бысть: и яко бесплотно пощеніемъ, молитвами же, и слезами: (да сице рекоу): Ангельски въ Коришской пустыни достойно Богу поживъ явися. И како азъ грубый, и недостойный. иже и въ грѣсѣхъ препогано северно же и нечисто свое изнуривъ житіе: сердце же помраченно и умъ страстенъ, и помысла мудрости опустѣвшій (и отъ туду притежавъ) имѣя: и еже къ похвалѣ житія его удостойти слово и украсити подвиглъ се быхъ: обаче да не яко не радещихъ о твоей любви помышляеши насъ, и не прогнѣватите унше, судивше: елико отъ нищаго ума постижно, твое прошение усердно совершити быхомъ. Бога же премудрости наставника, и благомыслию подателя, каплю Духа Святаго благодати разумъ, подати намъ молимъ: яко твоей надежди достойно слово удостойти возможемъ. Благосмысленній же твой

разуумъ о семъ, и доброе отъ насъ прошеніе, и Божественную любовь юже имаша къ святымъ его благодохвалю, и много ублажаю: благо бо что души своей сими снискавши. Еже бо святыхъ житія, и тѣхъ изрядную и благолюбивую жизнь, послѣднимъ родомъ писаніемъ оставити, добро жъ вѣло полезно, и богоугодно: благо убо реть благолюбивымъ душамъ сія прочитаема, рвеніемъ къ добродѣтели составляютъ, якоже и вѣрныхъ писаніихъ. иже древде въ воинствѣ нѣвнѣхъ храбровавшихъ мужества написанна обрѣтаема. нынѣ любящии воинство, желаніемъ любезно сія почитаютъ; и оттуду еже въ бранѣхъ усердїи же и искусїи, и не страшливы, иже къ сопротивнымъ быти учата. Сїце убо и святыхъ мужей житія, и доблестраданія, и еже на діавола мужества же и боренія и одоленія ихъ пишущїи и слышашїи. умилени убо въ доброе (аще ли и подвижны о души по смлѣ) обрѣтаются, и къ мысленнымъ супостатомъ и врагомъ душъ нашихъ отсюду искусїи убо и сопротивнїи быти тцатся. о користи же обои благими бывають. Слышашимъ бо польза и пишущему мзда отъ пользѣ послушующихъ. сего бо ради и мы о Бозѣ и твоей любви повинувшися, преподобнаго житіе по твоему прошенїю сказати начинаемъ, и не яко похвалити того тцимся, ни убо: самѣмъ же что полезно отъ сего прїобрѣсти желаемъ. Преподобнїи же егда на земли въ животѣ, похвалы чловѣческія не восхотѣль, ниже восхотѣль, на небеса же паче отнюдь сія нынѣ не жалаеть, по Давиду глаголя, отъ Тебе похвала моя въ церкви велицѣй, сирѣчь на небеса. и что ми есть на небеса, и что ми есть на небеса у Тебе, чему восхотѣхъ на земли. не обликовой бо нынѣ онъ вкупѣ небесныхъ похвадъ Божественныхъ глаголю и Ангельскихъ, ихъ же мы смыслити убо не постигаемъ, ниже и коли удовлїимся изглаголати. но убо да не глубинами забвенія прикровенно будетъ, добраго отца доброе житіе и еже въ пустыни терпїніе, да и мы къ нему ввнетиемъ зраце: и яко се остномъ подвиги его воставляемы и мали къ добродѣтели подвигнемся.

Начинаемъ же повѣсть, Бога въ помощь слову, о немъ же повѣсть, помышлени иудеи:

Отъ страны убо иже въ Діокилїи Хвостынской сей святыи бысть отъ села же Етера, у немри нарицаемаго. Благовѣрну же и благочастиву христіанину родителю сынъ. иже и по рождествѣ его святымъ крещеніемъ просвѣтивша и. и егда же устрѣбшу ему святымъ: вѣдана и учитися книгамъ: Бротоу же сый зѣло издѣльска отрокъ и по всему тихъ образъ и нравъ имѣише: и простою и безалобивою душею, послѣди на немъ будущую благодать въ юнѣ возрастѣ Божію проявляше. Многаци бо яко мнрскимъ желанно на игрилица и позоры сверстници его исходяще, и сего же въ общество пояти нудище, уирѣвляхуся: оному же сихъ исторгшусе, и не любодружну въ сицевыхъ быти рещу, и тамо не хотяже ити. И многаци же о немъ родителемъ его, о сицевыхъ унивающимъ и къ нему глаголющимъ: уноризно роду и поношеніе наше, почто съ дружиною радоватися не изыдеши; но всегда молчащъ, и безгласнъ яко сѣтя ходиши, что убо сицево съ нами твое пребываніе; кой же тайный помыслъ въ сердци своемъ нося, не извѣстни намъ. Онъ же яко младенцъ безалобивъ некоуна. и ослабисе ни чесеже глаголаше. Ученію же паче прилеже, и множае въ церкви пощеніемъ неже въ дому пребываше. и ни о ници же ни о одѣждѣ спорбъ твораше родителема; аще не они сами нуждоу что отъ сихъ дали бы ему: Во вчуе же святыхъ книгъ досвѣвъ. Евангелїа заповѣди поучаеся и слыша въ немъ Господа глаголюща: Иже любить отца или матеръ паче мене нѣсть мнѣ достоинъ: оставити же родители и той помышляше, и аще где отнедѣ когѣ работающа Богу обрщетъ и той съ нимъ работати: тому съвѣдомысе ¹⁾. И сий убо поучающуся ему, и абіе отецъ его конецъ житїя приеъмъ къ Господу отъиде. Мати же разумѣ сына своего яко отъити помышляеть,

¹⁾ По исправленному: совдворится.

ощутявшій и яко матери обычай, пріемшіи о вѣн его. и плачу- щися глаголаше: не остави матеръ свою чадо. помилуй вдовство мое, ушедри сиротство сестре своее дѣтску оущу. Ты вѣси яко съ Богомъ тебе точію и сію едину утѣшеніе души моея имаши. Не остави убо мене молю тя. да не плачемъ смерти вкушу тебе ради. и слово имаши дати Богу о моемъ убіеніи. Не нужду же тебе мясо ясти или браку причитатися. пробуди убо яко же хо- щещи, точію не остави мене. Онъ же матернео сердце растерзас- емое помиловавъ, и многими слезами. еже тогда отъ нти удер- жаяъ бысть. Абіе же домовную печаль по отцѣ пріемъ. и овсемъ послушае матеръ свою работаше съ боязію повинувася. Пощені- емъ же крѣпильшимъ наче обложьсе. И сего ради яко поносидъ, сухондець звашеса. вретше же остро по тѣлу ношаше, и развѣ матерѣ никому же о семъ знающу. Сего бо ради и множайшій плачь матери его о нещѣ бываше, врищей его юностии цвѣтъ пощеніемъ всушающа. и яко же хоцетъ оставляше его жити. Ю- сихъ же и матери его преставльшейся и дщерь слезоу тому оставя- ши, ко Господу отъиде. Онъ же матеръ убо слезами и надгроб- ными псалмы и пашати достойнымъ достойно почеть и еже что въ дому обрѣтъ радость ницимъ. Оснабу же пріемъ и якоже отъ исперва помыслилъ отъйти тщашеса. И наемъ юностромъ сестры своя яко на инѣи кому оставити ю удержаяъ бысть. впросившу бо тому, аще посягнути замужъ сестро моя: хоцещи; она же чистоту любящи, о словеси тому тежко си вменившій, къ нему глаголаше: аще самъ брама убѣгашеи; почто инихъ къ нему бѣдиши; живъ Господь и жива душа твоя, яко того не ст- творихъ, ниже остану тебе. Богъ твой Богъ мой и идеже вселит- тися идеши, иду и азъ съ тобою, и якоже пощеніемъ живаше ты, живу и азъ съ тобою, точію не остави мене. Много же мо- ливъ ю и яко посягнути невозмогъ убѣдити ю, глагола: воля Господня да будетъ.—

Изъшедшаа же изъ села изъ дому отча и въ церкви иже

види тогжде села святаго и верховнаго апостоломъ Петра апостола, отъ старца убо иже ту живущаго иночествомъ Ангельскій образъ приємъ преподобнѣи, тужде же и хижину потькъ пребывать. Близъ себе же и сестре своей приградивъ. братски убо пребываста, зѣльнымъ же дощеніемъ и молитвами къ Богу упражнястася, ближнимъ же и знаемымъ и поплоти сроднѣи чудному изшествію и о Бозѣ пребыванію ихъ удивльшеся погрѣбная имъ приношаху. Много же о семъ преподобнѣи негодоваше и тежко многихъ приходъ себѣ вмѣняше. Глагола же къ своей сестрѣ: много намъ кромѣ своихъ, яко ни радости ни скорби ихъ видѣти, пребывать полезно. она же рече: яко же волиши Господи. Въ нѣмъ же страну вставши въ Алтань нарицающуюся отъ юдста. и тамо, яки близъ церкви святаго и верховнаго апостола Петра достный подвигъ совершающа пребываста. но ни тамо дѣлы добродѣтельными отъ приходящихъ укрытесе возмогоста. Преподобный же древнихъ слыша отецъ житія, и большими подвигами искуситися усердствуя, пустыню, идеже незнаемъ бысть, постигнути желаше. Спону же присно общество сестры ему твораше. Много же о семъ тужаше глаголя: о коль велиа малость жена си приключишесе. Стужъ же си единою вставъ побѣже. сестра же его ощутивши, хижину ничесоже имущу, оставльши до немъ течение. и пришедши до горы Етеры высокы прилежащѣи граду Призрѣну. яже естъ выше села Борше нарицаемаго, и на той горѣ покой приключишамъ. Путнаго же ради труда сестрѣ его нанемогши и уснувши. Преподобный же, аще въ горѣ разсѣдшиса камень обрѣтъ, взити въ оны усердствоваше. и къ немъ аще благоволившу Богу, и животъ свой уединешъ скончати поучавшеся, и съ женою пребывать въ пустыни, бѣдно и нестройно номышляше, глагола же къ себѣ: лучше ми паче сестры предмочести Бога. и оны въ врѣмя оскорбити. сего же не въ вѣки прогнѣвати полезнѣе. Вставъ же на молитвѣ и покланяся глаголаше: Господи ты вся вѣси и ты вся вѣси еще къ тебѣ сердца моего желаніе, яко твоея ради

любве и нынѣ, сестру мою сію едину въ пустыни оставямъ. Яко
начамъ отнюдь заперенно коработати ми. Тебѣ Богу моему хощу.
направи же ме по твоей благодати, адѣже начало покаянія подому.
О своихъ ми злыхъ истинно пощекую и азъ убо изволеніе и обѣтъ.
Ты же терпѣніе и до конца житіе въ пустыни сей даруй ми
молюся. и о сей рабѣ твоей сестрѣ моей. твоими щедротами
благоизволивъ, Ангеломъ твоимъ благимъ настави ю идеже по-
каяніемъ тебѣ угождающій, животь свой спончасть. Не забуди
Владыко иже въ дѣвствѣ чистотою, пощеніемъ и молитвами труды
ея тебе ради, покрый ю въ кровѣ силы твоея, отъ всѣхъ види-
мыхъ и невидимыхъ сътой діавольныхъ, яко да и азъ твой о сна-
сеніи ея возрадуюжеса и возвеселюсе. и абіе образомъ креста
честную главу ея знаменавъ, и спешу сію остави. рѣкою же
слезъ о разлученіи излива-е. и выведъ въ пустыню потаи себа
отъ нее. она же отъ сна воставши и близъ себе сего не видѣвши,
именемъ же его ищущи призываше. и яко долго исавши и не
обрѣтши его, разуме яко отъ перва мысляща отбѣжавша его отъ
нее. много же въ горахъ плакавши и воплемъ великимъ растръ-
зающіи, глаголаше: увы мнѣ, яко погибохъ. увы мнѣ Господи
Брате и наставниче спасенію, увы мнѣ. Сладкій мой свѣте како
тебе лишихся. гдѣ убо привиталь еси. где же мене оставивъ
водворяешися. отъ матери наю тебѣ оставихсе, и ты не милос-
тивно на пустыни едину мя оставивъ бѣгомъ отбѣгль еси. увы
мнѣ увы мнѣ, что оусыпши подѣяхъ. И чесо добыхъ, како смерт-
нымъ сномъ обета бывшии, и не абіе конецъ животу въ немъ
приехъ. и смертныя сія бѣди дабыхъ непострадала. Нынѣ же жива
сущи всепоначо и азѣ погибохъ. Увы мнѣ окаянкой что сотворю,
или како себѣжду. горо Божія смерти прошу въ тебѣ пріяти. и
поне ты милостива ми бывшии. примми убо и мене зде. да любо
и гробомъ неисклудну изъ тебе сотвориши ме. не ятому бо въ
міръ возвратитсе или въ немъ быти благоволю. ни бо достоятъ
ми жити г-на брата моего не видаци. Сія и многа плачу достойна

сглаголавшей. и тако плачущися и рыдающе. и въ люди ны идѣ же незнаема быти отшедши, въ дѣвствѣ же и цѣломудрїи въ пещени же и молитвахъ, яко же отъ брата навѣиши. проводивши житїе, и доброй къ Богу бывши и угодивши ему. и ктому престависе. извѣщенїе же послѣди прїемъ преподобни о преставленїи еѣ. благодаривъ Бога радовашесе. Бѣ бо и молитва отъ него выну къ Богу бывающе о ней, яко да спасетсѣ. Сице убо яже о сестрѣ преподобнаго содѣясе. Преподобный же по отшествїи сестры своей, возшедъ на гору свѣтонарицаемую. и обрестъ ея смотря иснаше мѣста, идеже бы хижину пребывати потѣклъ себе. отъ туду же сошедъ обрѣте доль стѣнами обстоимъ великими. въ нихъ же и пещеры многи суще. и на едину же стѣну высокоу, нокти приежесе. яко се на столпъ бѣдно возшедъ. отъ Бога же якось готованну, вышшу на ней пещеру обрѣтъ. и зѣло Бога благодаривъ о ней возвеселися. Прѣмо же вѣтромъ и въ очїю солнцу въ ней жити вселисе. Мразомъ убо померзаемъ, и солнцемъ пожизаемъ, постное совершаше страданїе. Стояня же его еже въ молитвахъ, колѣнокланяня же многа, и бїенїя персна. или еже въ всенощныхъ бдѣнїихъ. Слезы убо и умиленїя его аще подостоянїю скажемъ. не вѣрно лѣннвыиъ и не брегымъ вѣнїтсѣ. убогъ же отнюдь и бездомокъ бѣаше. и ни чесоже въ пещерѣ имый татми крадома, развѣ очернѣвша тѣла и, на немъ нужднхъ рубъ, власенхъ. и сіе прикровенїа рада удовъ, ихъ же стыдъ праотца ослушанїемъ познахомъ. бесплїценъ же, мало рещи яко и безплотенъ, кромъ всянїа утѣхи, и куренїа дыма пребываше. пищею-бо доволенъ бываше дивнхъ былїй лѣтораслыи, и горькии буювыи желуди собираше. аще и сія пищу нарицати достоятъ. Пїтїе же его отъ горъ сладка текущая вода. иже жажду врачующїи и не многомъ сномъ поработещи. аще ли же бы кто Боголюбивъ знае его мало хлѣба коли принеслъ, покланяся прїимаше, не многаци же приходещи или приносяти ему что. многомоляше и ниже о немъ кому сказати запрещаше, да не

многимъ узнанъ и прогнанъ будетъ. Сна же мало къ каменной стѣнѣ прислоняся сѣде примаше. Наготу же паче мягкихъ одеждъ цѣловаше. На кринны бо сельные умно взирая радовашеся. Иже и Соломою славу, по гласу иже во Евангеліи Господа Бога моего ИИС Христа цвѣтомъ красотою преспѣющихъ. Снце убо пребывае не милостивнѣ какъ неучрежденъ же и неощеднѣ врагъ бываше своему тѣлу. бѣ бо и тѣломъ крѣпокъ и не утомимъ яко много въ реченныхъ же пещерахъ бѣси мнози и звѣри дивніи. отъ прежде вшедше пребываху. во единой же нижней пещерѣ подъ стѣною Святаго змій великъ вшедъ пребываше. но убо звѣри дивніи пришедшу святому, миръ къ нему имѣяху. и яко единонасильнику ни коя же ему пакости творяху, дондеже и отъ-идоша. Бѣси же лукави ненависто-человѣчна суще существа. Якоже отъ искони на перваго человѣка Адама зависть содѣявше, и змиевымъ совѣтомъ обожоніемъ прельстившеи заповѣди преступленіемъ и древа снѣдію вкупѣ. отъ рая убо и отъ Бога отгнана и сотворише. снце убо и на преподобнаго зависть воздвигше, и общно сътрѣтившии ѡ-нѣмъ змиемъ, яко совѣщавшесе, бранями убо великими, яко отгнати его отъ стѣны и отъ пещеры подвигохесе. и змій убо на лице преподобнаго недерживаше языкъ. въ своей же пещерѣ день и ночь непрестанно яресе сопѣяше. и соплениемъ шумъ и страхъ великъ творе смущаше преподобнаго. бѣси же пакы мечтанными страхованіи клопоты творяще, и въ ноцехъ влючуще, часто нападаху на нѣ. о вогда бо прихощаху, яко се змій онаго съ собою имуще, и объѣзвающа главу его, и пожрѣти его глаголаху. о вогда же яко сестра ему пришедши являхуси. и въ ноци плачущася глаголаху, брате брате именемъ зовуще, изыди Господи. брате изыди. и прими ме въ пещеру, да не отъ звѣрей снѣдена буду, тебе одинаго въ родителе мѣсто имѣхъ. и тебѣ всѣхъ оставивши послѣдовахъ. ты же мя едину оставилъ еси. се колико время въ горахъ ищущи тя заблуждаю, гладемъ же и плачемъ изнемогши погибаю. ты же яко о чуждей о мнѣ

не родѣ пребываеши. каменуотробне не-милостивне, непомилуеши ли слезы моя приметъ ли тя Господь за мое оставленіе. изыди поне нынѣ. и къ своимъ отнуду же цюеть мя отвѣдеша мя. и цаки въ свою постную пещеру возвратишися. Преподобный же ухищренія суца бесовска разумѣвъ, псалмы Давидовы поа, и ни единого же слова къ нимъ отвѣщаваше. Они же яко ничесоже успѣвше, стыдящесе отхождаху. Паки же пришедше, и яко потрясающе пещеру и кличуще на святаго глаголаху: что ты здѣ окаянне, или ты боятися Бога глаголаеши. и толико время ни поискати ея убѣдисе, и неустрашисе суда. яко отъ тебе душу ея Богъ изыщеть. кимъ убо вещимъ паче симъ грѣкомъ, прогнѣваеши Бога. аще не нынѣ изпедь, и обрѣть кости ея. и въ земли негребеша, и поне симъ себѣ умириши Бога. святыи же молитву творе, и ни чесоже къ нимъ отвѣщаваше. и зане ничесоже къ нимъ преподобному отвѣщавати гнѣвомъ растерзающесе отхождаху, змій же яко же рекохомъ присно яреса сопѣаше и смущаше преподобнаго немощи бо ему бѣашо чисти молитвы творити, отъ многого шума и сопленія зміева. Стужжеси преподобный, отъ стѣны своей долѣ къ змію глаголетъ: отъ Господа моего ИИС Христа долѣ сей и стѣны сія и съ пещерами мнѣ убо въ причастіе предаша се, и пещера въ ней же ты вгнѣздивсе. подъ мною нынѣ стрѣлтивім лукавно пребываеши, моя естъ. аще ли же и съседитвенника ты хотѣхъ и ближняго ты имѣти. но понеже на мя яришися. и твоимъ многимъ соплениемъ пакости ми дѣеши. вставъ убо и якоже прочіи звѣри отъ-идоше изыди. неприетно бо ми искреннаго те имѣти. убо и исперва Богъ, вражду между тобою и между нами положилъ, ни авъ хошу нынѣ миръ съ тобою имѣти. не добра бо съ тобою дружба. вставъ изыди яко соблазвъ ми еси. Змій же слыша старца претеча, паче лютѣе на него соплениемъ яряшесе. и отъ пещеры не отхождаше:

Преподобный припаде и съ плачемъ великимъ глаголетъ: се Господи видими бѣду мою, яко въ неже мѣсто приведе ме Твоя

благость, змії сей лукавий гѣвномъ и соплениемъ многимъ, отъ него изгонитъ ме. Азъ же рабъ Твой, яко человекъ грѣхи немощенъ. Кое къ нему кромѣ Твоея силы противленіе смѣти начинаю. безъ Мене бо рече ничесо же творити можете. И абіе по древнихъ отцехъ сорокодневно и ноцно, пощеніемъ и молитвами стояніе совершивъ и въ помощь Бога на прогнаніе строптивого и лютаго змія. Ангела своего послати моляше. Кончавшимъ же семи днемъ молитвеннаго стоянія, яко се нѣкимъ оружіемъ отъ молитвы, упованіемъ же и вѣрою преподобный обложя, вземъ жезлъ свой, и съ стѣны слѣзъ. и пещеры идѣже змії живяше дойти хоте. И се якоже на Мадіама дровле Іисусу Навінну, и сему на лютаго змія. Ангель Господень оружіе въ руку имѣе представъ явися. Старецъ же о свѣтлости его ужасеся. и яко пасти възрoutивсе. подъемже и онъ глагола: не ужасайся видѣнія моего душе ищущія Господа. Азъ есмь Михаиль Архистратигъ силъ Господнихъ и се убо якоже просившу ти въ помощь ангела у Бога. Нынѣ азъ отъ Него посланъ пріидохъ на прогнаніе лукаваго змія же пакости дѣющаго ти. и нынѣ узриши славу Бога нашего. приближьшимъ же къ вратомъ пещеры, змії убо сугубыя брани ангела же съ оружіемъ, старча же жезломъ намештвія не стерпѣвъ верхомъ пещеры пропастію избѣжавъ. и въ незнаемая бѣгомъ бѣже отъиде. Архистратигъ глаголе къ старцу, миръ тебѣ душе ищущая Господа. Видѣла славу Бога нашего. се прешеніе твое мною Богъ исполни. и къ тому строптивый и лукавый змії не имать зде пріяти въ вѣки. внимай же собѣ и вѣрися о Господѣ многи бо брани отъ бѣсовъ пріяти имани, иже зде завидящихъ ти. не убойжеся ихъ и страха ихъ не ужасайся. Именемъ же Господнимъ противляйся имъ. и посрамленны отъ-идуть. и абіе не видимъ бысть имъ. Старецъ же о свѣтлости Божія ангела и о не запномъ зміевомъ прогнаніи почудився, и многомъ смиреніемъ перьси свои бія глаголаше: кто есмь Азъ иже въ страстехъ очерневшій и въ грѣсѣхъ сгнивый, смръдѣщій, да пре-

славнаго и пресвѣтлаго Твоего начальнаго ангеломъ Господи, въ помощь мою послалъ еси. и вшедъ въ пещеру, многими слезами Бога благодаривъ, зміево ложище одѣждаше. и благаго его ангела яко своего воина Михаила Архистратига похваляше радуяся. пещеру же зміеву яко Божию церковь и святое мѣсто виѣннвъ, по Аврааму рекъ на мѣстѣ семь Господь видѣ.

По изгнаніи же зміевъ вещшимъ постомъ крѣпльшими же молитвами и всенощными стояніи подвизашеся преподобный. Слезами же наче и умиленіемъ присно исповѣдаеся. къ Богу упражняемъ бываше. и въ мѣру честныя иже къ Богу любви. и ума чистоты достиже. тѣмъ же и много о немъ прелукавый и съ своими новниги бѣсъ тужаше. и зѣло гнѣвомъ распыкашеся. и еже отъ молчанія и молитвы крѣпость его искаше разорити всѣми же козвствіи и мечтанными страхованіи. и како отъ стѣны и отъ пещеры отгналъ бы его тщашеся. въ единъ убо отъ дней день яко же облакомъ множествомъ вранъ и звѣрскими всякими видами совокупльшеся. на святаго придоша. звѣри убо рыкающе, и яко пожрѣти его являхуся, вранове же яко истерзати зѣницы очю его, въ пещеру усѣвахуся. Скоро же преподобный воставъ, и Богу крестообразно руцѣ свои уподобивъ глаголаше: Помощниче мой и избавителю мой Господи, не закосни. се бо львовымъ образомъ подвигшеся придоша врази мои ускори изети мя, и не предаждь звѣремъ душу исповѣдающихся, да не порадуются о инѣ врази мои, ни да рекутъ пожрѣхомъ и. И абіе святыя вѣры исповѣданіе: Вѣрую во единого Бога начеть глаголати якоже древле отъ напѣванія пѣсней и бречанія гусли Давидъ. да-ве-и злый Саула духъ, отъ него отбѣгаше. Сице и они, вногда учюше святаго святыя вѣры образъ глаголюща отбѣгоша отъ пещеры, и безвѣсти быша. Святыи же къ нимъ прѣте глаголаше: чувственніи звѣри и клеветъ вашъ строптивый и вещественный зміи именовъ Господа Бога моего Иисуса Христа отъ zde отгнаныя: и о васъ мечтанныхъ помощію именовъ Его попекуся. и падъ ли-

цешъ на землю, многими слезами Бога похваляя глаголаше: Возлюблю Тя Господи, крѣпосте моя, прибѣжище мое и утверженіе и столпъ отъ лица вражія: и о имени Твоемъ вси востающія на ны враги паша низлагаемъ; и паки постное страданіе паче приемашесе. Богу же якоже и древнихъ крѣпкихъ, и сего своего раба искушающу: и многими бѣсовъ бореньми терпѣніемъ вѣнчати его хоте. многаши бѣсомъ на него поослабляше и съ высокія стѣны оныя низринувше и о камень разбиваху тѣи. Божією же силою соблюдаемъ, вреда ни коего же смертнаго подымаше. и паки въ пещеру вхождаше, радостною душею вся иже отбѣсовъ озлобленія и раны примаше: и яко Богу проумне иже къ врагомъ его бореніе и страсти его видещу: не сятною любовію къ вѣщшимъ усерденъ бываше бранемъ. Яко паче сицево въ страданіихъ терпѣніе и не преборимое въ бранѣхъ усердіе его бѣсомъ видящимъ, самымъ срамлятисе: и како убитіи, или прогнѣватіи люте подвижатисе.

Подъ стѣною же того на ней же преподобный стояше, рѣка отъ высокихъ горъ сходящи приближается, единою же снѣгомъ и дождемъ многимъ наводнившіисе: видѣвше же бѣсы радостны бывше: и множество совокувшись, на святаго нападоша, и съ стѣны оной, Богу подущшу имъ, и поемше его, и въ онь потокъ мутныи по острому каменію, влекуще и раздраху плоть его. Сама же себе бѣдеще и глаголюще: снѣшите друзи, снѣшите: аще и первѣ лѣнны быхомъ, губителя нашего сего убити: но нынѣ время тщивомъ быти, и показати усердіе: вси убо днесь, елика сила подвигаемся, и потопимъ врага нашего. и до потопа до-влекше его: и яко повелѣнія власти не имуще, не можаху тѣи въ онь во врещи. много же біюще и, глаголаху: изыди отъ насъ окаянне: съ человекѣи не имый мѣста, и въ наша жилища, насъ прогнати, пришесть еси, и наше стѣны и пещеры себѣ въ причестіе не праведно наслѣдилъ еси. изыди отъ насъ безъ пакости, изыди: никтоже зде прежде тебе насъ насильствуя

виде. престани обидѣти насъ, да не злѣ погибнеша. Преподобный же ни мали отвѣщаваше къ нимъ. они же яко ничесоже уснѣвши, посрамлени къ себѣ глаголаху: оставимъ его нынѣ жива, и аще отъ вде не изыдетъ. придемъ умертвимъ его. и тако отъ него претече отхождаху. Преподобный же ранами отягченъ въ пещеру нощными приимаесе, на стѣну восхождаше, глаголя: се азъ паки есмь, и о имени Господа Бога моего ИИСУ Христа васъ не боюся. и паки по первое молчаніе и пощеніе держашесе, моляся и глаголя: на Тя Господи уповахъ да не постыждуся въ вѣкъ, да не посмѣютсися врази мои. Бѣси же тогда яко отшедше и на мнозѣ убо време отпущше. и абіе паки яко се много множество вой собравшесе, придоша на святаго. и исполняху же доль весь, и постѣнахъ, въ оружїяхъ ходеще. Шлемове же, яко се дивїихъ вепровъ главы и медвежье. и прочїихъ звѣрей виды на главахъ носеще, являхусе: позоръ убо страшнѣ мечтанными, яко ужаснїи святаго творяху, пришедше же у пещеры предстаще, на святаго же претече глаголаху: се уже приспѣ твое убїенїе: и не мни яко и многаши милостиви ти бывше, тако и нынѣ, боривше, жива ты оставимъ: всеконечно убо убити ты придохомъ. и что сотвориши о безвѣстне. понѣ нынѣ умудривсе и послушавъ насъ воставъ изыди: да не оружіемъ закланъ злѣ умреша. и ни сухое твое тѣло человѣческому погребенїю оставимъ. разсѣвше бо страстныи уди твои и звѣремъ въ снѣдъ въ нустыни развержемъ: яко да и прочїи твое таковое убїенїе видѣвши, не преобидѣли насъ, и якоже ты, не дерзнуть братися. Преподобный же молитвою противу имъ вооружашесе глаголя: Боже въ помощь мою воими, Господи помощи мнѣ потщися. се бо изгоняція мя, и пани совѣщавшесе: придоша на мя врази мои. Смертію же ищуще душу мою, и хвалящесе глаголютъ, поженете имѣте ѿ, Богъ оставилъ ѿ есть и нѣсть избавника ему. Боже мой не удалися отъ мене, Боже мой въ помощь мою воими, да постыдятся и исчезнутъ оклеветаяція душу мою, одержутся студомъ и срамомъ

искушимъ зла мнѣ, азъ же истинно уповаю на Тя, и приложу на всяку мою брань похвалу твою, и гдѣ бѣсомъ безъ страха глагола: аще и множае паче сихъ полковъ на мя ополчятся, не убоятся сердце мое, аще бранію на мя востанете, дерзостенъ на вы азъ, о имени Бога моего явлюся. бѣси же гнѣвомъ великомъ огорчашася на ны, и убити его устремилася. Старецъ же во вратѣхъ пещеры представъ, и съ жезломъ, еже не влѣсти имъ къ нему, противляшася. они же яко и пси лающе, окрестъ обтичаху: и яко се съзади прокопующе пещеру, глаголаху; дерзайте, не ослабно держаще брань, отъ здѣ бо заглоти его внидемъ. Сущіи же у вратъ пещеры вищущемъ яко оружіемъ клопоти творяще на ны, оолчяхуса копіи же и мечи, убити прискачаху. и яко се копіемъ порануть мнѣ—вся, святыи назадь возрутивше. и въ ужасѣ бывъ глагола: Господи, помози ми, помилуй мя Господи, яко немощенъ есмь, и душа моя смятася зѣло. и абіе Божіа ангела помощію подъять, и укрѣпленъ бывъ не падеся. и паки съ жезломъ не дати въ пещеру влѣзти противляшася, глагола: услыша Господь молитву мою, Господь моленіе мое пріяте. да постыдятся и смятутся вси врази мои, возвратятся и устыдятся зѣло вскорѣ. и тако Божіею помощію укрѣпленъ бывъ. и бѣси побѣжденны бывше и отъ пещеры отступивше сташа. Старецъ же предъ пещерою ставъ, паки съ жезломъ на воеводы бѣсовскіе прѣте глаголаше: что вамъ яко на безпомощнаго совѣщати умыслися? Или яко уничтожити мя мнѣвше, и множествомъ на мя приидосте; многаци бо борющеся со мною, не познасте ли свою немощь, или не искусите силу и крѣпность Господа Бога моего ИС: Христа яко помощника ми бысть, и не премогае мене; якоже и нынѣ. не видѣте ли ваше не удобство и неусищество. войскомъ на мя единого совокупльшеся, приидосте: и обшедше яко пчелы соть обидосте мя. и яко огонь въ терніи гнѣвомъ на мя терчаще ¹⁾. убити мя разгорѣстеся, азъ же именемъ

1) Такъ по чтенію исправленному; въ самомъ же текстѣ: тръграде.

Господнимъ противляхся, и паки вамъ противляюся. аще бо и возриновенъ вами днесъ преклонихся пасти, но Господь пріятъ мя. Крѣпость моя и похвала Господь, и бысть мнѣ во спасеніе. десница Господня сотвори слау, десница Господня воздвиже мя, и укрѣпи мя на васъ. не умру отъ васъ якоже вы всуе на мя хвалитесь. но паче живъ буду о Бозѣ Спасѣ моемъ ИИС: Христѣ. аще же и тмами брани борющіи мя и изгонящіи мя не престанете: и о имени его зде и животь свой скончаю; вы же посрамитесь и исчезнете. Начальніи же бѣсомъ, къ старцу что посмѣянно отъ человекъ, о погибели своей радуясь, и тако на ни велеречуещи; или живъ отъ насъ избѣжати помышляещи; пожди мало и още приходъ нашъ, и вскорѣ узриши свое убіеніе. обаче почто и боримся съ тобою; кую бо вящшую злобу и нужду, или лютѣйшую страсть паче юже нынѣ имаши, на тя возложимъ, что бо окаянне, не всякія ли бѣды горчайше и нуждѣе твое житіе; како же не разсудиши, яко благопріятнѣйшими смерть паче живота твоего есть; что бо есть твой животь, о немъ же яко не смыслень хвалишися, не самъ ли яко звѣрь въ пустыни быліе грызе, голодомъ убился еси; солнцемъ убо опаляемъ, вѣтры же и дожди томимъ, и въ каменной той пещерѣ померзающу ти, и истнѣвшу тѣлу твоему наготовю же земли образно кожи твоей очерпѣвши, въ ней иже яко во врѣтищи кости твои яко сѣно исохши, едва содержется. и въ толицѣ стражди безъ ума терпя свое йзнураеши житіе. что убо болѣе отъ сихъ оскорбимъ, или проклянемъ тя; преподобный же помысливъ рече: пріиди на мя милость твоя Господи, и отвѣщаю поносецимъ ми слово. яко уповахъ на словеса твоя. и тако свѣтло къ бѣсомъ глаголетъ: неневѣднесмъ вашего лукаваго кознства, имже лукавно похваляюще мя прилежите. яко взвысити умъ мой гордынею мощете, ею же вы отпадосте. но убо нечистъ предъ Богомъ всякъ высокородный: безума бо тако вы дмитесь. и аще что благо многими лѣты исправилъ, единемъ часомъ погубити можетъ, своей крѣпости кромя помощи

Божіей надѣяся. азъ же паче всѣхъ чловѣкъ грѣшнѣй исповѣдаюся. есмь земля и пепелъ предъ Господомъ Богомъ моимъ, и ничтоже о себѣ иже Богу достойно; кромѣ помощи его содѣлавъ помышляю. отъ того бо пощеніе мое и терпѣніе мое, иже зде въ пустыни. ибо той Богъ мой и Спаситель мой, и заступникъ мой, и нань уповаю. тѣло же мое еще истлѣло, или истлѣвается, никоей же ми пакости творить. еще бо въ истлѣніи стерпитъ, востанетъ въ неистлѣніе: еще нынѣ не честно, востанетъ въ славу. еще нынѣ не мощно и наготою очернѣло, востанетъ въ силу и свѣтлость. подобаеъ бо рече истлѣнному сему обещися въ безыстлѣніе, и мертвенному сему обещися въ немертвость. кая же ми польза, еще по вашему поущенію, многими поработится пищама, дебело же тѣло, и кипящую кровь имѣти, и душу многими страстьми въ грѣсѣхъ потопляти. плоть бо и кровь царствія Божія не можетъ наслѣдовати рече божественный Апостоль. Стражда же моя и нуждное житіе, иже зде поносяще ми глаголете. вся лѣта живота моего не суть ни въ единъ день вѣчныхъ мукъ, яже васъ и слушающихъ васъ ожидаетъ. якоже и сами вѣсте, и исповѣдаете глаголюще: что намъ и Тебѣ Исусе пришелъ еси прже време мучити насъ. тѣмъ же убо, не иже Богу работающихъ, но самѣхъ васъ окаянныхъ и плача суще достойныхъ, яко и достойно зватися подобаеъ, вѣдуще отъ колікія чести и радости, славы же и свѣтлости за гордыню отпадосте. они же отъ старца услышавше сицевая. что отвѣщати не обрѣтаху. горестію же распыхахуся, и зубы своими гризуще, устны глаголаху. о нужда отъ тебе Петре; твердомените, одолѣ каменотерпѣніемъ твоимъ одолѣ, и препрѣ, отходимъ убо отъ зде отъ жилищъ нашихъ отходимъ. но убо и мы еще когда побѣждаемы бываемъ. но присно боримъ. тѣмъ же и при концѣ житія нѣкимъ. еще и великимъ, одолѣваемъ. убо и тебѣ не преподобне, попещися имамы. и тако посрамлены бывше. стыдещеся отъидоша. Преподобный же по страшной оной брани, побѣдѣ же и

препрѣнїю, и по отшествїю бѣсовъ, въ пещеру вшедъ, и на землю припадаю, плачемъ великимъ перси свои бѣе. и по Давяду благодаря Бога глаголетъ. Вознесу тя Господи, яко подѣеть мя. и нѣси возвеселилъ врагъ моихъ о мнѣ. мнѣ же мало не подви-вастася нозѣ мои. мала и не проліяшеся стопы мои, и аще не бы Господи помогъ мнѣ, мала и вселилася бы во адъ душа моя. милость Твоя Господи поможе ми. милости Твоя въ вѣки воспю, и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою. весь день спасеніе Твое. и тако въ умиленїи мнозѣ молитвами Богу на мнозѣ упражняемъ. и исповѣдашеся. По сихъ же свѣтъ, великъ въ неизреченныхъ видѣнныхъ въ пещерѣ обліста его: и сну же отъ него въ день и въ ночь отшедшу, и яко на небеси сушу, а не на земли мнѣтися. радостію же и веселіемъ онѣхъ неизглаголаныхъ видѣнныхъ многодневно насыщающуся, яко и худое быліе и горькій жегудъ снѣсти забывшу: и нисобрати же сія по сихъ изыти помышляющу. ниже къ тому на земли жити благоволящу. Любовію же Господа своего уязвляемъ, псаломская глаголаше: возжада душа моя къ Богу крѣпкому и живому. когда прииду и явлюся лицу Божію; сице убо день и ночь поучаеся, и умиленіемъ сердца радостныя, яко хлѣбъ сладкій, слезы свои въ пищу и питіе себѣ предлагаше. Но иго (sic) и свирѣпое быліе отъ толѣ въ манны мѣсто преложившу и усладившу ему Богу, яко и паче богатыхъ пищамаи трабезъ. сими укрѣпляющу сердце его и душу его веселити. И ничиѣмъ же міра тлѣнныхъ оскорбляемъ бысть колѣ. ни о притежанїи бо села, ни дома, утвердити попечесе. о боготесанныхъ бо пещерахъ, и о дѣбрехъ и о пропастьхъ, яко о свѣтлыхъ палатахъ весело радовашесе. и тако благодаря Бога, въ покои мнозѣ и веселїи мнозѣ прочая лѣта проводивъ, умоу къ Богу и любовію отъ всѣхъ земныхъ выну возвышаемъ. якоже Бого-отецъ о таковыхъ Давидъ рече: Богу крѣпцы земли умоу зѣло вдѣшесе. И бѣсомъ убо къ тому не братися дерзнувшимъ, ниже къ нему приближатися смѣющимъ, похвалу же ихъ, юже

къ нему рехшихъ. яко и при концѣ житія нѣвнимъ аще и великимъ одолюваемъ. не забытну убо на сердцѣ ношаше. и яко оружіе въ души своей сію имѣя бояшеса да не како и той. и присно моляся. глаголаше: не отверзи мене во время старости, и егда изнемогаетъ крѣпость моя не остави мене, не предаждь мене въ рудѣ врагомъ ревнующимъ ми, да не порадуютъ мене и рекутъ о мнѣ: благоже, благоже, яко пожрѣхомъ его. и тако страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣваше. Смиренія Апостолова поминая реченная: Христось приде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ. и пани: имийся стояти, да блюдется да се не паднетъ. и Господа евангеліемъ научающа: вся елика аще творите, глаголите: яко раби недостойни. Имже должны бѣхомъ сотворити сотворихомъ. яко всякъ возносясье смирится. и смиряясье возноситсе. Сія вся присно поминая, уничиженіемъ мнозиѣмъ предъ Господомъ себе смиряя осуждаше. тѣмъ же и до конца жити, а бесплакоти отъ бѣсовъ душу его соблюсти. Являти же хотя Богъ, еже въ пустыни терпѣливое и многострадальное его пощеніемъ житіе, боголюбивыми нѣвними увѣденъ бысть иноки: иже и пришедши моляша ѿпритися имъ. и отъ того постному научитися житію. проувѣдѣвъ же онъ свое къ Богу вскорѣ отшествіе. не восхотѣ отрещися ихъ, приеъмъ же ихъ, указа имъ подъ другою стѣною прямо ему въ пещерахъ вселитися. По семъ же отъ міра шедше съчиво и оскордо принести повѣлѣ има. и на страдальной той стѣнѣ, въ каменной пещерѣ, въ ней же и до конца живота поживе преподобный, гробъ ему изсѣщи умоли ихъ. Мало же дни по уготованіи гроба пожавъ, и братію постному житію, и въ пустыни терпѣти научаше: о бѣсовскихъ нападеніи яко немощныхъ, не устрашатися укрѣпляше: и аже о житіи своемъ вся сказа имъ. По сихъ же пламенемъ объятъ бывъ и естествомъ челоуѣка мало поболѣвъ, божественныхъ же и животворящихъ святыхъ Христовыхъ таинъ причестився рече: слава Богу о всемъ. Много же и многими слезами о исходѣ души своей предъ

братією помолився глаголя: Господи ІІС: Христе Сыне Божій прійми въ мирѣ душу мою, и сподоби мя, яко проити ми воздухъ и духи лукавствія не бурно и не возбранно: безъ крамоли же и пакости. пособствуемъ убо и возбраняемъ отъ святыхъ ангель Твоихъ: и наставляемъ же и проводимъ ими, идѣже Тебѣ Богу моему поклонюся. и благо Тобою по величїи ти милости, а не осужденно по многихъ ми злыхъ быти ми прїемлему. и тако миръ и благословеніе и покровъ отъ лица вражія молитву имый, вручѣ же и послѣднее о Господѣ цѣлованіе братія дасть. И исполнивъ дни свои въ добрѣй старости: и поста теченіе скончавъ, явился добрый о Бозѣ страдалецъ, колѣннихъ подвигъ похвальная имена, широты слова убѣгае. Отца сего преминувъ не изглаголахъ. да глаголють же ся ему отъ Божїихъ ангель, имѣ же и во плоти, яко бесплотно споживе: и отъ тѣхъ убо да похваляется. убо же и мы отъ многихъ мало речемъ. Петръ честный и прїе подобный, иже твердъ именованъ и вѣщїю. Петръ, истинный нестяжатель, иже развѣ себе ничесоже въ пустыни имѣвъ. тѣмъ же и чувственныхъ татей не убоаяся. ни мысленными же плѣниси разбойники. Петръ новый пустынникъ, иже изящнымъ терпѣніемъ и зѣлымъ воздержаніемъ ветхихъ убо подобенъ многихъ же и прѣходе. Петръ святой Богоносный, иже простотою и безлюбїемъ Христа въ души своей вселивъ поносн. Петръ благодушіемъ и кротостїю цѣлій голубь. тѣмъ и кроткихъ землю наслѣдовалъ. Петръ всеблаженный, страшный на бѣсы оружиикъ молитвами, и сими прогонитель. Петръ верховнаго званіе имѣвъ, и вѣрою же подобенъ бывъ. якоже бо за Христа радостїю распять быти изволивъ. сице и сей усердствуя по вседневно въ пустыни пощенїемъ Христу спрочеться. и кромѣ меча самонужденъ. яко и до крове явился мученикъ. Петръ во всемъ изящный иже въ молитвахъ, бдѣнію и въ пощенїи болѣзнемъ, въ ноготѣ же студены и солнцу въ опаленіе, не престанному же плачу и въздыханїю въ умиленїи и сокрушенїю сердца, во всѣхъ лѣтѣхъ, иже въ пус-

тнни житія своего себе вдавъ. вышшій страстей грѣховныхъ, добрымъ страданіемъ явися. и въ самое убо достиже желаемыхъ крайнее. иже вси боголюбивіи желающе, достигнути тщатся, совершенныя глаголю къ Богу любви. Еже есть первое и единое блаженство.

Конецъ же иже на земли маловременнаго и лестнаго житія оставляя, и на безконечное ко Христу и блаженное житіе зовомъ, восхоте уединенъ духъ свой къ Господу отдать. и абіе вышереченную братію въ свою имъ пещеру почити отпускаетъ. и въ утрѣи накіи день пріяти къ нему смѣ замовѣдавъ. братія же и не хотяще обаче повеленію старчу не смѣюже противитися отъ идоша.

Въ наставшую же ночь къ полунощнымъ и утреннимъ словесіемъ вставшамъ имъ слышаше неизреченныхъ пѣсми и гласъ, иже сладостію умъ и сердце въ умиленіе и душу отводяще. вскоре же изъ пещеры изшедше, и откуду таковое разумѣти искаху, сладко и желанно слышимое пѣніе бываетъ. возрѣвше же на стѣну старчу, и видѣша пещеру его, яко се многими свѣщами просвѣщаему. удивляемы же о семъ глаголаху. старца отходяще единого оставихомъ: и огню же прежде въ пещерѣ его не бывающу, и како свѣтъ велий въ ней нынѣ видимъ, и многихъ гласы откуду поющихъ слышимъ; убо еда кто иже прежде насъ знаемыхъ ему по насъ пришлн суть, и съ нимъ срадуются; но что странно ихъ веселіе; яко пѣснѣи силу разумѣти не постигаемъ; хотяху же пещеры дойти, и въ ней бываемое уистинити. и заповѣдикъ старца удержакуса: лѣто же яко цѣло ночь ту глаголаху нещевавше. тщещся и ожидающе утро, яко дойти до старца. и о немъ лучившееся видѣти. кончаннѣмъ бывшимъ сладкимъ онѣмъ и неизреченнымъ пѣснѣмъ: абіе же и дню по сихъ освѣтшу. братія спѣшно пещеру постигоша, и сію исполненну благоуханныхъ вонь обрѣтоша. и никого же кого инаго въ ней видѣше, точію преподобнаго въ исѣченомъ гробѣ яко спяща воз-

лежаща. власѣнными же прѣти себе приобрѣтавши и къ Господу отшодша. лицемъ же и зѣло свѣтлымъ сияюща, и смѣ чистоту и свѣтлость души своея являюща. тогда разумѣвши, яко не чело-вѣческихъ и калныхъ и живыхъ и влечетомъ северенныхъ и нечистыхъ устенъ, но безплотныхъ и чистыхъ, иже присво Бога поющихъ святыхъ ангелъ: внигда поющихъ святаго старца исхо-дящи гласы отъ пещеры слышахуся. удивльшиже се святости старца и почетнаго ѿ тако Бога похвалиша. негодоваху же на старца и жалеще глаголаху: о немилосердіе, о прворство, еже о насъ твое отче! Ангелы на свое пріяти хоте погребеніе. насъ зане же грѣшныхъ отгналъ еси. аще добръ ты вѣси сотворилъ еси, много иже не мали оскорбившихъ тя оскорбивъ. благодариха же Бога яко благословенія и молитвы его прежде преставленія его сподо-бишася. многимъ же излитіемъ слезъ и надгробными псалмы, аще и прежде ихъ ангелы опѣтаго, почтоша отца. честное же и пре-подобное лице его страхомъ цѣловаше. и тако камениемъ каменни (sic) прикрывше гробъ плакаху. окаянныхъ же и негибныхъ себе нарицаху лишенія ради святаго старца. и тако плачуще въ свою пещеру возвратишася. Не потаити же хоте трудовъ поти, еже его ради Богъ, и доброе и твердое въ пустыни преподобнаго терпѣніе. не по мнозѣ бо времени постомъ исхъшія честныя и святыя мощи его яко муромъ ароматомъ благоуханные и чудеса изцѣленіемъ творити смѣ дарова благодать. изыде же въ уши многихъ иже о немъ гласъ. абіе же окрестны людіе и отъ мно-гихъ помѣстныхъ и дальныхъ странъ приходяще приращуть. и святымъ его мощемъ поклоняются, и до сего дне. и вси иже вѣрою и любовію приходящія не скорбни ни не полезни отхо-дятъ. многихъ бо и различныхъ недугъ цѣльбы пріемають. и нудими духи нечистыми освобождаями бывають: пріять бо отъ Бога власть въ животѣ и по смерти сихъ отгонити. тако бо прославляетъ Богъ славящихъ его.

Азъ же умиланный Феодосіе, слышавъ о чудесѣхъ яже прѣсѣщеніемъ Святаго Духа исцѣленными отъ святыхъ мощей Преподобнаго бывающихъ, желаніе много, любовію и вѣрою къ нему ниѣа, молитвами же Преподобнаго Богомъ сподобленъ бывъ приидохъ отъ святыхъ горы Аѳона, отъ обители святаго Саввы Сербскаго и святаго отца святымъ и чудотворнымъ мощемъ поклонихся, пустыню же его и стѣну, на ней же страдавъ, огледавъ видѣхъ. дивно отъ Бога суще отходнымъ устроено пребываніе. Мѣсто убо есть кромѣ міра и всякому страданію достойно: присному же умиленію и плачу боголюбивымъ поучительно. Пещера же Преподобнаго, въ ней же паче челоуѣка ангельскимъ поживе, цѣрковь Богу сотворена бысть, въ ней же гробъ его. и святыхъ мощей останци чудотворивы предлежать. Главу бо его святую и съ прочими уди дондеже исперва въ пустыни лежащу, Христолюбивіи людіе многою любовію и вѣрою, овы убо въ Константиный градъ, ниже инамо разграбивше, отнесоша. и кождо въ своемъ отечествѣ въ лѣпоту цѣрквамъ корысть раздѣлиша. Сія вся видѣвъ, и отъ сихъ разумѣхъ, яко велика суца пощеніемъ и терпѣніемъ Преподобнаго: и воистину достойно отъ Бога прославленнаго. и испытахъ же отъ сущихъ ту и отъ окрестныхъ многихъ: яже о житіи его хоте разумѣти. и яже отъ онѣхъ мнози, яже Преподобнаго погребшихъ, яже тогда бывшіи съ ними, слышаніемъ пріяша. сія и по нихъ будущиимъ роду роду повѣстію предаша держати. сія о немъ сказаша ми сія же и писаніемъ явственню всякому прочитати сотворихъ. да не гатаніемъ яко сонія, доброе житіе Преподобнаго сказается; и мнози пользе умиленія лишатся. Буди же намъ и воѣмъ почитающимъ и слышавшимъ молитвами преподобнаго злыхъ дѣлъ оставше и въ благая Богу умилвшея нощи. и грѣховъ оставленіе здѣ достигнути и въ пали бытіи вѣчныхъ благъ получитьи. о томъ самомъ Христѣ Ісѣ (міе) Господѣ нашемъ. Емуже слава съ Отцемъ, держава, честь, и

поклоненіе, кунно: съ свѣтѣхъ Духомъ. и нынѣ и присно и во
вѣки вѣкомъ аминь:

Слава Богу о всамъ.

Изъ рукописи Хиландарскаго монастыря, на бумагѣ, въ 1/4
листа, Сербскаго извода, № 248. Въ рукописи этой заключа-
ются слѣдующіе предметы:

1) Мѣсяца октября въ 30 день служба Стефану Кралю Серб-
скому и житіе его.

2) Мѣсяца ноября въ 11 день служба Кралю Стефану Де-
чанскому и проложное житіе его.

3) Того же мѣсяца въ 11 же день служба святому муче-
нику Георгію Новому, иже въ Сардакы.

4) Мѣсяца іунія въ 29 день память преподобнаго и бого-
носнаго отца нашего Петра Борищного. (службу же держимъ его
мѣсяца сего 27 ради свѣтѣхъ и верховныхъ Апостолъ, или въ
недѣлю предъ свѣтѣ Апостолы).—Идетъ самая служба, въ кото-
рой послѣ 6-й пѣсни канона положено проложное житіе сего
свѣтаго.

5) Мѣсяца ноября въ 11 день житіе и жительство свѣтаго
Великомученика въ царѣхъ Стефана Сербскаго, иже въ Дечахъ.
Списано Григоріемъ мнихомъ и презвитеромъ, игуменомъ быв-
шимъ тожде обители (пространно).

6) Мученіе свѣтаго мученика Георгія Новаго мученика въ
Сардакійстѣмъ градѣ (пространное сказаніе).

и 7) Житіе и жизнь свѣтаго и преподобнаго отца нашего
Петра, иже въ Хвостѣнѣ, Кориша, цѣстившагося. (Это самое
житіе выше здѣсь и помѣщено). Намъ случайно пришлось встрѣ-

тмтсья съ житіемъ этимъ. И послѣду о святомъ семъ существу-
ють въ печати самыя смудныя свѣдѣнія (смотри: Святые южныхъ
славянъ, Филар. Арх. Черниг. іюня 5); то мы и заблагораз-
судили сообщить публикѣ такъ неожиданно обрѣтшееся простран-
ное сказаніе о семъ славянскомъ святомъ. Существующее, по
показанію Григоровича (Очеркъ путеш. по европ. Турц. Казань,
1848, стр. 187), житіе святаго сего въ Рыльскомъ монастырѣ
сходится ли съ нашимъ, мы не знаемъ.

Въ Русскомъ, на Аеоуѣ, св. Великомученика
Пантелеимова монастырѣ 1870 г. Генв. 9.

ПРОГРАММА КОНКУРСА

на занятіе кaeдры: 1) русской гражданской исторіи и 2) новой всеобщей гражданской исторіи, въ Казанской духовной Академіи.

Желающіе занять означенныя кaeдры приглашаются представить къ 30 мая 1871 г. въ Совѣтъ Наванской духовной Академіи:

1) Дипломъ на степень доктора или магистра богословія, полученную въ одной изъ духовныхъ академіи, или на степень доктора или магистра исторіи, полученную въ одномъ изъ русскихъ университетовъ.

2) Разсужденіе, по которому приобрѣтена ученая степень и, если имѣются, другія печатныя или рукописныя сочиненія, относящіяся къ предмету искомой кaeдры.

3) Соискатель по § 50 Уст. дух. академіи, долженъ прочесть публично, въ присутствіи комиссіи изъ профессоровъ и доцентовъ церковно-историческаго отдѣленія Академіи, двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію комиссіи.

Еъ соисканію кaeдры, по § 45 Уст. дух. академіи, допускаются только лица православнаго исповѣданія.

По штату, Высочайше утвержденному 30 мая 1869 г., въ Академіи ординарному профессору полагается жалованья 2400 руб., столовыхъ 300 руб. и квартирныхъ 300 руб.; экстраординарному профессору—1600 руб., столовыхъ 200 руб. и квартирныхъ 200 руб.; доценту—900 руб., столовыхъ 150 руб. и квартирныхъ 150 рублей.

Ординарнымъ профессоромъ, по § 46 Уст. дух. академіи, можетъ быть только имѣющій степень доктора. Имѣющіе степень магистра могутъ быть доцентами и экстраординарными профессорами.

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1871.

МАРТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ	стр.
I. Книги пророка Іереміи. Р. 36—38; гл. КХХІІ, КХХІІІ, КХХ. (Переводъ съ еврейскаго.)	225—240.
II. Отчеты о дѣствіяхъ Кіевской духовной Академіи за 1870 учебный годъ.	1—54.
III. Бесѣды св. Григорія Великаго на пророка Іезекіиля. В. Пятницкаго.	433—482.
IV. О приписаніяхъ русскимъ быльямъ. А. Розова.	483—553.
V. Фресковые изображенія по лѣстницамъ на хорахъ Кіево-софійскаго собора. Н. Смирнова.	554—591.
VI. Нравственныя и религіозныя понятія древнихъ греческихъ философовъ. (Продолженіе.) П. Липницкаго.	593—632.
VII. Творенія бл. Іеронима. (Переводъ съ латинскаго.)	225—240.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Управленія.

1871.

Подписка принимается преимущественно ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ; а также въ Москвѣ у книгопродавца А. О. Ферапонтова, въ Петербургѣ у книгопрод. С. И. Литова.

Цѣна за годовое изданіе журнала (12 кн., не менѣе 15 печат. лист. каждая) 6 руб. съ пересылкою; безъ пересылки 5 руб. 50 коп. По той же цѣнѣ можно получать «ТРУДЫ» за 1869 и 1870 годы. Оставшіеся въ редакціи экземпляры «Трудовъ» за первыя девять лѣтъ (1860—1868) продаются по *три рубля съ пересылкою*.

Цѣна отдѣльной книгѣ «ТРУДОВЪ» 50 коп. съ перес.

Въ той же редакціи можно получать «ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ», еженедѣльный журналъ. Цѣна за годовое изданіе текущаго (XXXIV) года и прошедшихъ XXXI, XXXII и XXXIII годовъ 4 руб. съ пересылкою, а безъ пересылки 3 руб. Экземпляры «ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ» за первыя 31 годъ существованія журнала, продаются по 2 руб. за экзем. каждаго года съ перес. Выписывающіе одновременно не менѣе 10-ти экземпляровъ «Воскреснаго Чтенія» прежнихъ годовъ платятъ только по 1 руб. 50 к. за экземпляръ и получаютъ бесплатно «УКАЗАТЕЛЬ къ 25 годамъ Воскреснаго Чтенія. Цѣна Указателю отдѣльно—50 коп. Имѣются въ продажѣ слѣдующіе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XV (51—52), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59), XXIII (59—60), XXIV (60—61), XXV (61—62), XXVI (62—63), XXVII (63—64), XXVIII (64—65), XXIX (65—66), XXX (66—67).

БЕСѢДЫ СВ. ГРИГОРІЯ ВЕЛИКАГО НА ПРОРОКА ІЕЗЕКІИЛЯ.

I. Бесѣды св. Григорія Двоеслова на пророка Іезекіиля въ исторіи христіанской письменности составляютъ явленіе довольно оригинальное, много говорящее о направленіи мысли той эпохи, которой онѣ принадлежать. Съ церковной катедры, долженствующей указывать человѣку путь спасенія и раскрывать слово жизни, въ большомъ городѣ, въ которомъ сосредоточивалась широкая и разнообразная жизнь, и гдѣ волнующееся море желаній, страстей и мнѣній людскихъ предъявляло проповѣднику много предметовъ для руководственного разъясненія и много насущныхъ религіозныхъ нуждъ, требующихъ удовлетворенія, среди населеній, которыхъ предки отличались прямою возрѣніемъ и твердымъ практическимъ направленіемъ, епископъ проповѣдникъ ведетъ отвлеченную рѣчь о таинственныхъ предметахъ христіанскаго вѣдѣнія. Свое вниманіе и вниманіе своихъ слушателей онъ сосредоточиваетъ не на практическихъ вопросахъ, не на насущныхъ предметахъ вѣры, не на ясныхъ, много назидательныхъ въ своей простотѣ, мѣстахъ Писанія, а на символическихъ видѣніяхъ, уносящихъ мысль отъ дѣйствительности, стоящей предъ глазами, въ область утонченной мистики, и для назиданія народа изъясняетъ труднѣйшія мѣста самаго темнаго изъ пророковъ,

загадочныхъ образовъ, не легко постижимыхъ при самомъ напряженномъ вниманіи испытанной мысли. По свидѣтельству блаженнаго Іеронима ¹⁾, у іудеевъ до тридцатилѣтняго возраста никому не позволялось читать начальныя и послѣднія главы книги пророка Іезекіиля, равно какъ и книгу Пѣснь Пѣсней и начало книги Бытія, по причинѣ глубины смысла, въ нихъ заключающагося, требующаго для своего уразумѣнія вполнѣ зрѣлаго знанія. А св. Григорій Двоесловъ эти именно мѣста, преданіемъ іудейскимъ отнесенныя къ числу самыхъ труднѣйшихъ во всемъ священномъ Писаніи, и дѣлаетъ предметомъ своихъ общецерковныхъ бесѣдъ. Узоры таинственной символики, отличающіе отъ другихъ книгъ Писанія книгу пророка Іезекіиля, послужили для него фономъ, на которомъ онъ расписываетъ свои картины: его благочестивое созерцаніе старалось наполнить понятнымъ содержаніемъ темныя символы пророческихъ видѣній, и въ толкованіи этихъ символовъ встрѣчаются извитія мысли, часто затѣйливыя и утонченныя. Позднѣйшая схоластика, мудрствующая надъ сочетаніемъ буквъ, изъ чиселъ извлекающая особенныя заключенія при рѣшеніи вопросовъ знанія, довольно замѣтно даетъ себя предчувствовать въ словахъ отца, котораго собиратели сентенцій, смѣнявшіе представителей творческой эпохи христіанской литературы, чтили какъ одного изъ главныхъ руководителей въ области богословскихъ практическихъ знаній.

Бесѣды св. Григорія Двоеслова на Іезекіиля служатъ тѣмъ знаменательнѣйшимъ признакомъ времени, что сказаны были среди необычайныхъ обстоятельствъ, переживаемыхъ его паствою. Толкованіемъ таинственныхъ видѣній пророка римскій епископъ занималъ своихъ слушателей въ 592 году, когда надъ головою его города висѣла гроза, и сердца всѣхъ были въ страхъ и сму-

¹⁾ S. Eusebii Hieronimi, Stridonensis presbyteri commentariorum in Ezechielem prophetam, liber primus, Patr. Curs. compl. T. XXV, p. 17.

щеніи. Къ стѣнамъ Рима спѣшилъ Агилуфъ, царь лонгобордскій, съ свирѣпымъ войскомъ, не привыкшимъ къ пощадѣ, и граждане видѣли впереди осаду, голодъ и разграбленіе ¹⁾. Въ Италиі, по словамъ проповѣдника, «вездѣ видѣли плачь, вездѣ слышали стоны, разрушены были города, разорены станы, опустошены поля, въ пустыню превратилась земля... и конца не предвидѣлось, казнямъ божественнаго правосудія» ²⁾. Людямъ нужно было думать о самозащитѣ, о принятіи необходимыхъ мѣръ противъ вражескихъ мечей, и сюда направлять свои мысли и усилія. При этомъ для таинственныхъ созерцаній недоставало необходимаго спокойствія, — условія сосредоточенія мысли на возвышенныхъ предметахъ религіознаго знанія. Чувствовалъ это проповѣдникъ и не разъ выражалъ свое смущеніе о томъ, какъ проникнуть въ сокровенный смыслъ Писанія умъ его, занятый земными страхами. «Чѣмъ больше беспокоится онъ о земномъ, тѣмъ меньше видитъ въ небесномъ... И сосредоточенный не въ силахъ онъ постигать высшіе предметы: подумайте же, что можетъ сдѣлать онъ раздѣленный» ³⁾. Но не смотря на такіа соображенія, не смотря на настоятельный голосъ временной нужды, проповѣдникъ повиновался долгу, налагаемому на него высшею необходимостію, и отъ земли уносился съ своими слушателями къ тайнамъ Божиимъ, созерцанію которыхъ время полагало по видимому сильныя препятствія.

Не прихотливое настроеніе проповѣдника, и не безучастное отношеніе его къ тяжкимъ болѣзнямъ и ранамъ времени объяс-

¹⁾ *Homiliarum in Ezechielem* L. II. Praefatio S. Magni Gregorii. Patr. C. compl. T. LXXVI, p. 934—6.

²⁾ *Homil. in Ezechielem*. L. II. hom. VI, c. 22. P. C. c. T. LXXVI, p. 1009—10, c. 24, p. 1011. Ср. hom. X, c. 24, p. 1072. L. I. hom. XI, c. 26, p. 917.

³⁾ *Homil. in Ezech.* L. II. Praefatio. P. C. c. T. LXXVI, p. 936. L. I. hom. XI, c. 26, p. 917.

няетъ причину избранія для изъясненій слушателямъ чудныхъ видѣній Іезекіиля. Въ этомъ случаѣ онъ отвѣчалъ своимъ словомъ на желанія римлянъ и изъяснялъ трудныя мѣста изъ пророка по просьбѣ своихъ согражданъ, какъ свидѣтельствуеть его жизнеописатель Іоаннъ діаконъ ¹⁾, и самъ онъ въ предисловіи ²⁾ ко второй книгѣ бесѣдъ, приступая къ изъясненію послѣдняго видѣнія пророка о зданіи, построенномъ на горѣ. Такимъ образомъ общее желаніе указало проповѣднику предметъ рѣчи, и при политическихъ буряхъ, при опасностяхъ, угрожавшихъ Риму, не епископъ насильно увлекалъ своихъ согражданъ въ область мистики, а народъ или по крайней мѣрѣ избранные изъ народа сами стремились туда и своимъ стремленіемъ побуждали епископа, учившаго ихъ словомъ назиданія, раскрывать предъ ними предметы, ихъ занимавшіе. Глубокія причины произвели такое настроеніе въ массѣ общества, когда-то заправлявшаго теченіемъ гражданской жизни всего міра. Во времена паденія имперіи воля римскаго народа почувствовала свое безсиліе предъ событіями, потрясавшими старое государственное зданіе и выдвигавшими на сцену новыхъ свѣжихъ дѣятелей, и потеряла энергію противодѣйствія. Тяжелые удары, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, притупили въ народѣ чувствительность къ тѣмъ раздраженіямъ, какія производило время, полное болѣзней. Миръ, вмѣсто радостей дававшій одни печали, скорби и раны, потерялъ свою прелесть въ глазахъ людей, сжившихся съ несчастіями, и не было причинъ любить его и привязываться къ нему, какъ выражалъ это не разъ въ своихъ проповѣдяхъ ³⁾ св. Григорій, раздѣлявшій вмѣстѣ съ народомъ его скорби. Въ сердцахъ людей, при такомъ

¹⁾ S. Gregorii Magni vita, a Ioanne diacono scripta. L. IV, c. 76. P. C. c. T. LXXV, p. 225.

²⁾ P. C. c. T. LXXVI, p. 933.

³⁾ Hom. in Ezech. L. II, hom. VI, c. 22. P. C. c. T. LXXVI, p. 1010. Homil. in Evangelia I, p. 1079—81. XXVIII, c. 3, p. 1212—13.

положеніи вещей образовалось благочестивое, можно сказать, отвлеченно-аскетическое настроеніе, и въ силу этого настроенія люди отвращали свои глаза отъ земли и ея скорбныхъ картинъ, и помыслами о небесномъ старались заглушать болѣзненные ощущенія своей души. Въ благочестивыхъ бесѣдахъ, въ назидательныхъ воспоминаніяхъ и размышленіяхъ они забывали давящую сердце дѣйствительность, и обезпокоенныя души въ сферѣ религиозныхъ истинъ находили для себя тихій пріютъ, который доставлялъ имъ отраду среди тревогъ и несчастій политическихъ.

Между благочестивыми занятіями, сосредоточившими на себѣ вниманіе римлянъ, видное мѣсто отведено было чтенію Писанія. Въ немъ искали они уразумѣнія непостижимыхъ судебъ Божіихъ, и уясненія для себя путей духовной жизни. Таинственные мѣста при этомъ они не обходили своимъ вниманіемъ; напротивъ ими интересовались болѣе, чѣмъ яснымъ словомъ, предполагая въ нихъ и желая извлечь изъ нихъ особенно глубокое содержаніе. Таинственность возбуждала пытливую мысль и требовала отъ нея напряженія для усвоенія божественной мудрости, сокрытой подъ непонятными образами. Сознаніе своего безсилія въ этомъ случаѣ заставляло благочестивыхъ людей обращаться за помощію къ лицамъ, облеченнымъ высшимъ авторитетомъ и обладавшимъ большими богословскими знаніями. Такъ объясняется то обстоятельство, что римляне обратились къ своему епископу съ просьбою объяснить имъ книгу пророка Іезекіиля или по крайней мѣрѣ наиболѣе темныя мѣста этой книги. Темный символизмъ, въ какомъ выражалось пророчество Іезекіиля, и память о древнемъ іудейскомъ преданіи, по которому чтеніе книги Іезекіиля запрещено было людямъ, не достигшимъ тридцатилѣтняго возраста, заставляли предполагать въ ней нѣчто особенное, постижимое только избранными умами, оваренными съѣтомъ благодатной мудрости. Съ просьбою разяснить эти темныя и многосодержательныя символы Іезекіиля благочестивые граждане Рима обратились

къ своему епископу, въ такое время, когда Риму угрожали враждебныя полчища лонгобардовъ, и онъ готовился выдерживать осаду. Это обстоятельство было новымъ поводомъ, обратившимъ религиозную мысль къ пророчеству Іезекіиля. Іезекіиль своими пророчествами и видѣніями утѣшалъ іудеевъ среди плѣна вавилонскаго. Въ виду плѣненія, угрожавшаго Риму, души, полагавшія надежду на Бога и преданныя Провидѣнію, ничѣмъ лучше не могли утѣшить себя, какъ размышленіемъ о тѣхъ символическихъ картинахъ, какія, по вдохновенію свыше, представлялъ когда-то великій пророкъ глазамъ народа Божія, подвергшагося несчастію плѣна.

II. Всѣхъ бесѣдъ на книгу пророка Іезекіиля св. Григорій Двоесловъ оставилъ двадцать двѣ. Въ нихъ онъ обозрѣваетъ или изъясняетъ не всю книгу, а только начальныя главы и одну изъ послѣднихъ, именно тѣ, которыя представляютъ особенныя трудности для пониманія. Бесѣды раздѣляются на двѣ книги. Первая книга, состоящая изъ двѣнадцати бесѣдъ, содержитъ толкованіе первыхъ трехъ главъ книги Іезекіиля, съ приложеніемъ трехъ стиховъ четвертой. Начальная бесѣда общаго содержанія и говоритъ о разныхъ видахъ и способахъ пророчества, не касаясь текста Іезекіилева. Затѣмъ главное вниманіе проповѣдника обращено на первую главу Іезекіиля, изображающую видѣніе славы Господней: изъясненію этой главы или этого видѣнія посвящено цѣлыхъ семь довольно длинныхъ бесѣдъ (II—VIII), и когда кончается проповѣдникъ изъясненіе начала книги пророка, поражающаго своею таинственностію, онъ чувствуетъ нѣкоторую легкость на душѣ своей, какъ путникъ, прошедшій самую трудную стадію подлежащей ему дороги, и считаетъ долгомъ благодарить Бога, всегда питающаго насъ духовною пищею, за то, что Онъ помогъ ему приблизить къ землѣ, то есть, къ пониманію простыхъ людей парящее созерцаніе пророка и сообщить другимъ воз-

вышающую силу его таинственныхъ видѣній ¹⁾. Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ первой книги (IX—XII) толкователь проходитъ уже не съ такою подробностію, какъ первую главу,—вторую, третью и три начальные стиха четвертой. Во второй книгѣ десять бесѣдъ, и во всѣхъ нихъ изъясняется одна сороковая глава пророчества Іезекіилева, съ которой начинается описаніе зданія или храма, построеннаго на горѣ, показаннаго Іезекіилю въ послѣднемъ его видѣніи, бывшемъ въ двадцать пятый годъ плѣненія вавилонскаго. Проповѣдникъ съ такою подробностію толкуетъ и разбираетъ каждую частную черту въ видѣніи Іезекіилевымъ, что въ десяти бесѣдахъ не успѣлъ не только раскрыть всего видѣнія, описаннаго въ нѣсколькихъ главахъ, но и объяснить одной главы. Онъ остановился въ своемъ толкованіи, не успѣвши ввести мысль слушателей во внутреннее святилище таинственнаго храма (разъяснивши только 47 стиховъ изъ 49 одной главы, описывающей девятую часть видѣнія). Не по винѣ проповѣдника прекратилось толкованіе пророчествъ Іезекіилевыхъ на самой, такъ сказать, срединѣ: ему положили конецъ политическія замѣшательства, достигшія послѣдней степени, когда св. Григорій говорилъ свою двадцать вторую бесѣду на Іезекіиля. «Пусть никто не сътуетъ на меня (говоритъ онъ въ заключительной тирадѣ своихъ бесѣдъ), если послѣ настоящей рѣчи я прекращу свои бесѣды, потому что, какъ всѣ видите, слишкомъ возрасли напасти наши: со всѣхъ сторонъ мы окружены *вражескими* мечами, отовсюду угрожаетъ намъ опасность смерти. Одни возвращаются къ намъ, потерявши руки, о другихъ говорятъ, что они взяты въ плѣнъ, о третьихъ, что они убиты. Я неволью долженъ сдержать языкъ свой отъ разглагольствія; потому что тяжка для души моей жизнь моя. Никто пусть не требуетъ отъ меня разъясненія свя-

¹⁾ Homiliarum in Ezechielem Lib. I, hom. VIII, c. 33. Patr. C. compl. T. LXXVI, p. 869.

ценныхъ рѣчей; потому что въ плачь обратились гусли мои, и пѣснь моя въ голосъ рыдающій (Іов. 30, 31). Око сердца моего уже не имѣетъ силы разсматривать тайны; потому что *воздрема душа моя отъ унынія* (Псал. 118, 28). Уже не такъ сладка для духа моего назидательная бесѣда; потому что я забылъ ѣсть хлѣбъ свой *отъ гласа воздыханія моего* (Пс. 101, 5). Бому угрожаютъ лишеніемъ жизни, какъ тому говорить о смыслахъ свящ. Писанія и разъяснять таинственное¹⁾?)

Св. Григорій, какъ видно, первоначально имѣлъ намѣреніе въ своихъ бесѣдахъ разъяснить всю книгу Іезекииля. Но подробность и широта, какую приняло его толкованіе, можетъ быть, противъ его ожиданія и плана, сдѣлала для него этотъ трудъ неудобноисполнимымъ. Въ началѣ второй книги, приступая къ изъясненію сороковой главы, онъ признается предъ своими слушателями, что при многихъ занятіяхъ и заботахъ, его удручающихъ, ему невозможно пройти въ изъясненіи всю книгу пророка по порядку. Изъ многихъ выраженій предисловія второй книги можно заключать, что св. Григорій хотѣлъ прекратить свои бесѣды послѣ изъясненія первыхъ трехъ главъ Іезекииля; но слушатели просили его, чтобы онъ разъяснилъ имъ *«по крайней мѣрѣ последнее его видѣніе, самое темное изъ вѣсѣхъ его видѣній»*. Св. Григорій высказываетъ въ отвѣтъ на это, что ему *необходимо повиноваться волю* своихъ слушателей, но выставляетъ на видъ два обстоятельства, смущающія его душу, 1) чрезвычайную темноту видѣнія и 2) то, что Агилульфъ, царь лонгобардскій, спѣшитъ къ городу и уже перешелъ По²⁾. Последнее обстоятельство, угрожавшее бѣдою Риму, не дало возможности римскому епископу докончить то, что предпринялъ онъ, уступая просьбамъ благочестивой паствы.

¹⁾ Hom. in Ezech. L. II, h. X, c. 24. P. C. c. T. LXXVI, p. 1072.

²⁾ Homil. in Ezech. L. II. Praefatio, P. C. c. T. LXXVI, p. 958—5.

Бесѣды св. Григорія Двоеслова дошли до насъ въ видѣ исправленномъ самимъ авторомъ. Св. Григорій Двоесловъ между древними церковными писателями отличался рѣдкою аккуратностію по отношенію къ своимъ твореніямъ и, какъ видно изъ предисловія къ бесѣдамъ на Евангелія, или изъ письма св. Григорія къ Секундину епископу ¹⁾, не мало заботился о томъ, чтобы они, распространяясь въ обществѣ, не имѣли въ себѣ чего либо неисправнаго. Посылая книгу бесѣдъ на Іезекіиля епископу Маріану, св. Григорій въ письмѣ къ нему рассказываетъ ихъ вѣдѣнію исторію. Онѣ записаны были писцами такъ, какъ говорилъ онъ ихъ предъ народомъ. «При множествѣ занятій (замѣчаетъ св. Григорій) я оставилъ ихъ въ забвеніи. Но чрезъ восемь лѣтъ, по настоянію братій, я постарался отыскать тетради писцовъ, и пробѣгая ихъ, исправилъ ихъ при помощи Божіей, насколько могъ при тяжелыхъ напастяхъ» ²⁾. Копія бесѣдъ, исправленныхъ самимъ Григоріемъ, послужили основаніемъ позднѣйшихъ изданій ихъ, и письмо къ Маріану, когда-то приложенное къ исправленной книгѣ бесѣдъ на Іезекіиля, при отправленіи ея своему брату и соепискому, обыкновенно является въ нихъ въ качествѣ предисловія къ книгѣ какъ бы отъ самого автора, чѣмъ въ изданіяхъ бесѣдъ на Евангелія служитъ письмо къ Секундину епископу ³⁾.

По своему обычному смиренію, заявленному во многихъ бесѣдахъ ⁴⁾ и засвидѣтельствованному историками ⁵⁾, св. Григо-

¹⁾ Epistola S. Greg. M. ad Secundinum, Tauromenitanum episcopum. P. C. c. T. LXXVI, p. 1075—8.

²⁾ Ном. in Ezech. L. I. Praefatio. Epistola ad Marianum episcopum. P. C. c. T. LXXVI, p. 785.

³⁾ Бесѣды св. Григорія Двоеслова на пророка Іезекіиля переведены на русскій языкъ архимандритомъ Клементомъ. Базань. 1863.

⁴⁾ L. II. Ном. in Ezech. II, c. 1, p. 948—9.

⁵⁾ Lib. Isidori Hispalensis c. 27. Bibliotheca ecclesiastica, ed. curante Fabricio, p. 66.

рій Двоесловъ своему труду не придавалъ особеннаго значенія и отзывался о немъ очень скромно. Когда Маріанъ епископъ просилъ у него книги бесѣдъ на Іезекіиля для чтенія, св. Григорій колебался, посылать ли ему ихъ; потому что считалъ весьма несообразнымъ, чтобы черпалъ «мутную воду тотъ, о комъ извѣстно, что онъ постоянно пьетъ изъ глубокихъ и чистыхъ источниковъ блаженныхъ отцовъ Амвросія и Августина». Когда потомъ онъ послалъ ихъ Маріану, то замѣтилъ въ письмѣ къ нему, что рѣшился на это въ томъ соображеніи, что часто среди ежедневныхъ наслажденій пріятною кажется и невкусная пища и прибавилъ, что «посылаетъ самое незначительное читающему лучшее, чтобы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ возвращался онъ къ тонченнымъ яствамъ, когда прискучитъ ему грубая пища» ¹⁾).

Но въ поколѣніяхъ, ближайшихъ ко времени св. Григорія, рассматриваемое нами произведеніе было окружено особеннымъ уваженіемъ. Древніе церковно-литературные историки, упоминавшіе о св. Григоріѣ Великомъ, Исидоръ Испалійскій и Ильдефонсъ Толедскій, отзываются о немъ съ самою широкою похвалою и говорятъ, что «по благодати Св. Духа онъ одаренъ былъ такимъ свѣтомъ знанія, что не только въ настоящее время съ нимъ никто не можетъ сравниться, но и въ прошедшихъ вѣкахъ не было ему равнаго» ²⁾). Этотъ свѣтъ знанія онъ показалъ главнымъ образомъ въ разумніи и изъясненіи свящ. Писанія. Бесѣды на пророка Іезекіиля, представляющія разъясненіе самыхъ темныхъ мѣстъ Писанія, довольно ясное и вразумительное для его современниковъ, были однимъ и самымъ главнымъ изъ твореній, списавшихъ ему такіе панегирическіе отзывы. Съ какимъ почтеніемъ внимали мудрости Григорія, раскрывавшей смыслъ таинственныхъ

¹⁾ Epist. ad Marianum. P. C. c. T. LXXVI, p. 785.

²⁾ Bibliotheca ecclesiastica, Fabricii. Liber Isid. Hispalensis de scriptoribus ecclesiasticis c. 27, p. 86. Ildefonsi Toletani epis. de scr. eccl. c. 1, p. 61.

видѣній Іезекіиля, его непосредственные слушатели, это видно изъ тѣхъ легендъ, какія мы читаемъ у его биографовъ, касательно происхожденія рассматриваемаго нами творенія. Павелъ діаконъ, монахъ монастыря Монте-Кассино, и Іоаннъ діаконъ, оставившіе намъ древнѣйшія жизнеописанія св. Григорія Великаго, согласно передаютъ слѣдующій рассказъ, сообщенный послѣ его смерти однимъ благочестивымъ человекомъ, бывшимъ ближе всѣхъ къ св. Григорію, и исполнявшимъ при немъ должность писца, именно діакономъ Петромъ, съ которымъ св. Григорій велъ свои діалоги о жизни италійскихъ отцовъ и подвижниковъ. Когда св. Григорій толковалъ послѣднее видѣніе Іезекіиля, Петръ діаконъ, писавшій подъ его диктовку, сидѣлъ за занавѣсомъ, и такъ какъ св. Григорій дѣлалъ остановки въ диктованіи, то Петръ среди такой остановки сталъ смотрѣть на него въ скважину, и видитъ, что на его головѣ сидитъ бѣлоснѣжный голубь и клювъ свой держитъ у его усть. Когда голубь отворачивался отъ усть Григорія, тогда Григорій начиналъ диктовать и писецъ записывать диктуемое. Когда потомъ опять умолкалъ толкователь, служитель его опять приставлялъ глаза къ скважинѣ, и св. Григорій воздвигалъ къ небу руки и глаза и своими устами принималъ клювъ голубя. Св. Григорій, узнавши, по откровенію Духа, о томъ, что извѣстна другому его тайна, очень былъ опечаленъ, и заклиналъ своего служителя никому не говорить о ней. И Петръ діаконъ свято хранилъ эту тайну, но когда послѣ смерти св. Григорія завистливые люди начали худить и даже сожигать его книги, и увлекать на свою сторону по временамъ и благочестивый народъ, онъ счелъ нужнымъ противиться этому, и чтобы подѣйствовать на другихъ, высказалъ то, что обязался хранить подъ строгою клятвою, и въ то самое время, когда выдавалъ тайну святости Григоріевой, при народѣ испустилъ духъ, какъ самъ напередъ предъявилъ всѣмъ, рѣшаясь нарушить данную

клятву ¹⁾). Чудесный рассказ отъ біографовъ св. Григорія переходилъ и къ историкамъ литературы ²⁾).

Сила историческаго факта, здѣсь заключающагося, въ томъ, что на взглядъ почитателей св. Григорія его мудрость, обнаруженная при изъясненіи трудныхъ мѣстъ Іезекііля, была мудростию вышечеловѣческою, вдоховенною свыше. Вѣднѣе знаменіе богодуховенности толкователя Писанія, записанное біографами, было выраженіемъ внутренняго благоговѣнія, съ какимъ смотрѣли на учителя вѣры, легко и свободно раскрывавшаго таинственныя страницы божественной книги.

III. Какъ же толкуеть Іезекііля св. Григорій Двоесловъ, описавшій у современниковъ и ближайшаго потомства таюю высюю авторитетъ своимъ искусствомъ изъясненія свящ. Писанія?

Экзегетика вѣковъ, предшествующихъ времени св. Григорія, представляла два направленія, къ которымъ примыкали всѣ замѣчательныя труды по изъясненію свящ. Писанія. Одно направленіе отличалось вниманіемъ къ историческому смыслу и главными органами имѣло отцовъ антиохійскихъ; другое цѣнило выше всего мистическій смыслъ и его старалось искать во всѣхъ мѣстахъ Писанія. Это послѣднее направленіе имѣло много видоизмѣненій, и ему служили дѣятели христіанской мысли въ разныхъ мѣстахъ христіанскаго міра, въ особенности въ Александріи. Утвержденное Оригеномъ въ христіанской наукѣ, оно своимъ началомъ скрывается за предѣлами христіанства въ іудейской древности.

Предъ глазами современниковъ св. Григорія Двоеслова было

¹⁾ Vita S. Gregorii Magni, auctore Paulo Diacono. c. 28. P. C. c. T. LXXV, p. 57—8. S. Greg. M. vita, a Joanne Diacono scripta. Lib. IV, c. 69. P. C. c. T. LXXV, 224—2.

²⁾ Liber Sigeberti Gemblacensis monachi de script. ecclesiast. c. 41. Biblioth. eccles. ed. Fadtico p. 9.

нѣсколько толкованій на Іезекиіля: Оригена, св. Ефрема Сирина, блаж. Феодорита, блаж. Иеронима. Одно изъ самыхъ обстоятельныхъ толкованій было толкованіе блаж. Феодорита, одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей антиохійской школы, и ему или его замѣчаніямъ придавали цѣну повднѣйшіе толкователи труднѣйшаго изъ пророковъ. Разсудочная ясность и прямота мысли и частое обращеніе къ историческимъ указаніямъ для уразумѣнія текста отличаютъ это толкованіе отъ другихъ, и блаж. Феодоритъ по возможности сдерживаетъ мистическія увлеченія, возбуждаемыя символическою рѣчью пророка. Если у него встрѣчаются аллегорическія изъясненія, то въ нихъ не заносится толкователь въ сложныя и возвышенныя области, не ищетъ слишкомъ отдаленныхъ аналогій, а сближаетъ съ образами пророка по преимуществу событія изъ іудейской исторіи. Съ настроеніемъ св. Григорія не гармонировало разсудочное и прямое толкованіе Писанія, представляемое твореніями Феодорита, и въ его изъясненіи Іезекиіля нѣтъ ничего, заимствованнаго изъ Феодорита или напоминающаго его образъ толкованія, и мы не видимъ изъ бесѣдъ Григорія, чтобы онъ знакомъ былъ съ этимъ толкователемъ. Не видно также, чтобы давало пособіе ему толкованіе Ефрема Сирина, который идетъ дальше Феодорита въ употребленіи аллегорій, но не видитъ въ ней главнаго средства къ извлеченію достойнаго смысла изъ текста Писанія.

Толкованіе на Іезекиіля, представленное св. Григоріемъ, примыкаетъ къ тому направленію, которое при отысканіи смысла въ Писаніи, любило прибѣгать къ аллегорическому методу толкованія, и у него это направленіе является въ томъ жесткомъ и крайнемъ видѣ, какой только можетъ имѣть аллегорическая метода толкованія. Жесткій и рѣзкій видъ толкованія Григоріева зависитъ отъ того, что въ немъ аллегорія все, и аллегорія сама подробная и кропотливая, доходящая до частныхъ и мелочей, и кромѣ аллегорій въ немъ нѣтъ ничего, на чемъ бы можно

было остановить вниманіе. Ее вообще весьма любилъ св. Григорій, и къ ней часто прибѣгалъ въ бесѣдахъ на Евангелія, при раскрытіи простаго, понятнаго и назидательнаго слова евангельскаго. Но въ бесѣдахъ на Евангелія она составляетъ частный пріемъ экзегетико-гомилетической діалектики, а здѣсь она не только главное, но и единственное средство къ развитію смысла изъ текста пророка. У Іезекіиля самый символическій характеръ рѣчи и видѣній, составляющихъ содержаніе главъ, объясняемыхъ Григоріемъ, заставляя читателя и толкователя возвышаться надъ буквою и искать за нею глубины таинственнаго содержанія. Для мысли, привыкшей къ аллегоризированію, здѣсь былъ полный просторъ, и она вдоволь могла удовлетворить своей наклонности, работая надъ сложными символическими образами пророческой книги. Находя богатый матеріалъ для себя, она всюду обращается съ своею пытливостію, и не только тамъ указываетъ полноту особеннаго смысла, гдѣ ясно видны символическія черты, но и тамъ, гдѣ описывается какая либо частность, мало связанная съ цѣлымъ символомъ, въ числахъ, союзахъ и вообще словахъ, являющихся въ текстѣ по требованію грамматической или логической связи, для указанія хронологической послѣдовательности и т. под.

Идя этимъ путемъ, св. Григорій обращается по временамъ къ руководству своимъ предшественниковъ, Оригена ¹⁾ и въ особенности блаж. Іеронима, но если слѣдуетъ имъ, то не во всей широтѣ ихъ мысли, а настолько, насколько позволяла ему эта господствующая надъ его мыслию аллегорія. При всей силѣ и смѣлости аллегоризирующей мысли Оригена, его аллегорическое толкованіе не имѣетъ того жесткаго и рѣзкаго вида, какой въ тол-

1) Въ бесѣдахъ св. Григорія повторяются мысли, заключающіяся въ бесѣдѣ Оригена на первую главу книги пророка Іезекіиля: онъ могъ перейти къ Григорію чрезъ непосредственное знакомство съ твореніемъ Оригена, и чрезъ другихъ толкователей пророка, руководившихъ Оригеномъ.

кованіи Григорія поражаетъ читателя, привыкшаго къ связаному генетическому развитію мысли. Это зависитъ отъ того съ одной стороны, что Оригенъ въ толкованіи Писанія идетъ не единственнымъ путемъ аллегорій: рядомъ съ нею стоятъ у него другія замѣчанія, другія образы изъясненія; съ другой стороны сочная мысль Оригена, игривая, плодовитая и богатая философскими идеями, каждый предметъ, подпадающій ей изслѣдованію, окружала влажною идеальною атмосферою. Аллегорическое толкованіе его не сухой скелетъ опредѣленій, а текучее волнующееся развитіе идей, связанныхъ съ коренными началами возвышенной и твердой системы, и свидѣтельствующихъ о сильномъ творческомъ умѣ христіанскаго философа; въ своемъ теченіи она пускаетъ изъ себя множество частныхъ вѣсныхъ представленій и развивается слишкомъ широко и разнообразно. Блаженный Іеронимъ болѣе Оригена и всѣхъ другихъ вліялъ на Григорія при изъясненіи послѣднимъ Іезекіиля. Но въ характерѣ ихъ толкованій большая разница, и если дѣлать сравненіе между ними, оно едва ли окажется въ пользу св. Григорія. У блаж. Іеронима въ толкованіи не мало ученаго элемента: онъ сличаетъ тексты библейскіе, обращается за указаніями и повѣрною къ тексту еврейскому, къ переводу Семидесяти, смотритъ, какъ читается извѣстное мѣсто у Акилы, Симмаха и Теодотіона, знакомится съ толкователями, при случаѣ цитуетъ мнѣнія Платона, даже приводитъ мѣста изъ Горация, Энеиды и Георгикъ Виргилія и т. под. Эта сторона не занимаетъ мысли нашего толкователя, и все, что не питаетъ аллегорической мистики, не подпадаетъ его вниманію. У блаж. Іеронима онъ заимствуетъ по мѣстамъ только представленія, какія Іеронимъ влагаетъ въ форму пророческаго символа, какъ его разъясненіе. Но въ этой части онъ является гораздо подробнѣе и широконѣе щательнѣе блаж. Іеронима: у блаж. Іеронима нѣтъ того разнообразія смысловъ, какіе изъ одного мѣста пророческаго текста извлекаетъ нашъ проповѣдникъ, и его аллегоризированіе не до-

ходить до такихъ частныхъ, какими богаты бесѣды св. Григорія. Подробность, можно сказать, кропотливость аллегорій, не оставляющей безъ вниманія ни одной частной черты въ текстѣ пророка и вездѣ указывающей особенное символическое знаменованіе,—отличительная черта комментарія св. Григорія, и здѣсь его достоинства и недостатки.

Толкованіе на Іезекіиля, заключающееся въ бесѣдахъ св. Григорія, имѣетъ въ себѣ много любопытнаго и поучительнаго, и свидѣтельствуетъ о ясномъ умѣ толкователя, привыкшемъ вращаться въ области религіознаго созерцанія. Но ясной богословской мысли не доставятъ строгости ученаго критическаго ума. Навидательныя изъясненія пророка, читаемыя у Григорія, остроумны, но не показываютъ глубокой мысли, старающейся сказать ни больше, ни меньше, какъ сколько заключается въ изъясняемомъ текстѣ: они представляютъ вниманію слушателей первыя попавшіяся на мысль сближенія. Не даромъ св. Григорій свидѣтельствовалъ, что изъясняя Іезекіиля онъ самъ при этомъ изъясненіи учился тому, чему училъ и слушалъ также, какъ и другіе, то, что говорилъ самъ¹⁾, т. е. ему часто безъ особенныхъ изысканій попадались подъ мысль и слово иныя знаменованія, соединяемыя съ символами, и онъ ихъ хорошо узнавалъ въ то время, какъ произнесилъ.

Все широкое толкованіе св. Григорія на Іезекіиля есть переложеніе непонятныхъ символическихъ видѣній пророка на новую ясную рѣчь, полную духовнаго смысла, влагаемаго въ символы просвѣщеннымъ христіанскимъ умомъ. Символы Іезекіиля для него іероглифы, и онъ старается отгадать ихъ смыслъ, пользуясь средствами, какія доставляли ему благочестивая вѣра и питаемое ею созерцаніе. Въ слѣдствіе этого изъясненіе Іезекіиля у Григорія больше приложеніе къ тексту благочестивыхъ созерцаній, ко-

¹⁾ L. II, hom. in Ezech. II, c. 1, p. 949.

терія, но мысли толкователя, кажутся подходящими къ таинственнымъ образамъ, видѣніямъ и указаніямъ пророкомъ, чѣмъ привлеченіе къ тексту прямого смысла, въ немъ заключающагося. Правда глазаки его съ одной стороны символическія видѣнія пророка, съ другой многосодержательное понятіе царства Божія, устроено на заклѣ промышленіемъ, и любовію Господа. При каждой частной чертѣ образа, нарисованнаго пророкомъ, толкователь смотритъ, какое нѣмъ представленіе, вкладающъ въ широкое понятіе царства Божія, имѣетъ аналогію съ указанною чертою символа, и какое представленіе кажется ему соответствующимъ цѣли, то онъ поставляетъ на мѣстѣ символа, какъ его знаменованіе. У пророка многія указанія имѣютъ отношеніе къ историческимъ судьбамъ іудейскаго народа, совершившимся до пришествія Спасителя, какъ показываетъ это блаженный Феодритъ, но перешедши обыкновенной исторіи, не составляющія существенной части въ откровеніи догматическаго Божія о спасеніи человека, св. Григорій вникаетъ малозначными предметами въ сравненія съ символами пророка, и потому и не упоминаетъ о нихъ при толкованіи этихъ символовъ. Главный центръ, около котораго вращается это представленіе, — Спаситель, явившійся на землѣ для искупленія грѣшнаго человечества и основанія церкви Божіей, составляющій главное содержаніе всѣхъ писаній Ветхаго и Новаго Завета. Отъ Него мысль толкователя переходитъ къ понятію Духа Божія, пребывающаго и дѣйствующаго въ церкви и въ сердцахъ избранныхъ людей, заключающаго себя разными означеніями, пророчествами и чудесами, и все наполняющаго своею благодатію. Далѣе въ составѣ церкви, основанной Христомъ и одушевленной благодатію Духа, проповѣдникъ толкователь сосредоточиваетъ вниманіе на ея широтѣ, обнимающей собою праведныхъ и Ветхаго и Новаго завета, на Писаніи, утверждающей и разъясняющей ея вѣру, на видимыхъ органахъ, служащихъ ей, между которыми много останавливается на проповѣдникахъ

и пастыряхъ, долженствующихъ распространять вѣру въ народѣ и утверждать въ немъ добродѣтель, на судьбахъ Божіихъ, открывшихся въ призваніи языковъ въ церковь Христову, и въ отверженіи до времени избранныхъ прежде іудеевъ, на жизни, достойной членовъ царства Божія и ея двойкой формѣ: дѣятельной и созерцательной, на добродѣтеляхъ, къ которымъ должны стремиться всѣ, вступившіе во врата церкви и т. под. Въ кругѣ представленій, нами очерченномъ, заключается вся полнота мыслей, которыми оживляетъ и уясняетъ символы Іезекіиля нашъ проповѣдникъ.

Пользуясь указанными понятіями при разъясненіи Іезекіиля, св. Григорій не заботится о цѣлостномъ проведеніи одной идеи по всему тексту и символу пророка. У него символъ раздробляется на части; отдѣльные стихи текста изъясняются имъ какъ самостоятельные отрывки, безъ строгой связи съ цѣлымъ, безъ органическаго сосредоточенія частныхъ представленій, и читатель разсѣивается на многихъ частныхъ смыслахъ, извлекаемыхъ изъ одного образа, и поставленныхъ рядомъ: множество представленій не всегда удобно бываетъ соединить въ одно систематическое цѣлое. Единство, какое есть въ толкованіяхъ Григорія, основывается не на текстѣ, а на внутреннемъ созерцаніи толкователя, изъ котораго, для уясненія текста, выводятся наружу тѣ или другія понятія, имѣющія родственную связь и оживляемая силою богопреданной вѣры евангельской. Представленія и догмы, вводимыя въ текстъ пророка, опираются на субъективную мысли герменевта, а не на объективную связь объясняемаго библейскаго мѣста.

IV. Очерчиваемый нами характеръ толкованій св. Григорія будетъ ясенъ, когда общія положенія мы будемъ раскрывать при-
мѣрами. Этотъ характеръ весь виденъ и одинаково выдерживаетъ себя въ каждой бесѣдѣ. Такъ во второй бесѣдѣ, при первомъ приступѣ къ разъясненію пророческаго текста, съ разу раскры-

вается у проповѣдника и богатый запасъ готовыхъ опредѣленій, которыми владѣеть его аллегорія, и обстоятельность толкованія, доходящая до кропотливости, по которой толкователь не оставляетъ безъ объясненія ни одной черты у пророка, и настойчивость аллегорій, съ одинаковою силою подчиняющей себѣ какъ символы, такъ и простыя историческія описанія, и ненаучная легкость герменевтическихъ основаній, на которыхъ она опирается. Проповѣдникъ толкователь здѣсь останавливается прежде всего на союзѣ и, которымъ начинается пророческая книга, и видитъ въ немъ указаніе на соединеніе внѣшняго слова, высказываемаго пророкомъ съ словомъ внутреннимъ, которое слышалъ онъ своимъ духомъ; далѣе читаетъ указаніе на тайны домостроительства Божія въ тѣхъ обстоятельствахъ, при какихъ открылось первое видѣніе пророку, упоминаніемъ о которыхъ предваряется описаніе самаго видѣнія. *И бысть въ тридцатое лѣто ... слово Господне ко Іезекілю, сыну Вузіеву, священнику, въ земли халдейскій при рѣцѣ Ховарь (1, 1—3).* Въстѣ съ Оригеномъ ¹⁾ отнеса къ возрасту пророка тридцатое лѣто, указанное въ книгѣ, и сдѣлавши замѣчаніе о возрастѣ, необходимомъ для открытія общественнаго проповѣдническаго и учительскаго служенія, св. Григорій говоритъ, что пророкъ временемъ своего возраста знаменуетъ Господа, котораго возвѣщаетъ словами. Какъ на тридцатомъ году Іезекіля открылись небеса, и онъ увидѣлъ видѣнія Господни при рѣкѣ Ховарь, такъ на тридцатомъ году своей земной жизни Господь пришелъ на рѣку Іорданъ, и тамъ открылись небеса и слышанъ былъ голосъ съ неба. Дальнѣйшія слова перелгаются въ рѣчь совершенно другаго таинственнаго смысла, при посредствѣ еврейскаго ихъ значенія, указаннаго Оригеномъ ²⁾. «Ховарь значить тяжесть, Іезекиль—сила Божія, Вузи пресрѣніе или пренебреженіе, Халден—цѣлнющіе или какъ бы демоны.

¹⁾ Orig. in Ezech. Homilia I. c. 4. P. graecae Curs. compl. T. XIII. p. 672.

²⁾ Ibidem.

Итакъ приходитъ *Иезекииль* на *рѣку Ховарь*; такъ какъ *Ховарь* значитъ тяжесть, то что означается *рѣкою Ховарь*, если не родъ человѣческій? Онъ течетъ отъ рожденія къ смерти, и также самъ себя отъ грѣховъ, которые совершаетъ и носитъ... Приходитъ *Иезекииль* на *рѣку Ховарь*: сила Божія чрезъ тайну своего воплощенія благоволила приблизиться къ роду человѣческому, несущему тяжесть грѣховъ своихъ и ежедневно текущему отъ рожденія къ смерти ... Но *Иезекииль* сынъ *Вузиевъ*: Единородный Сынъ Божій благоволилъ принять плоть отъ того народа, который Господь презрѣлъ за вину вѣроломства. Итакъ сила Божія рождается отъ презрѣннѣй; потому что Искупитель нашъ благоволилъ принять человечество отъ народа вѣроломнаго и презрѣннаго. Приходитъ въ землю *Халдейскую*. Халдеи въ переводѣ значатъ, какъ мы сказали, плѣняющіе или какъ бы демоны. Плѣняющими могутъ быть названы неправедные; потому что они и сами совершаютъ неправду и другихъ убѣжденіемъ склоняютъ къ неправдѣ. Но они справедливо могутъ быть названы похожими на демоновъ (какъ бы демоны); потому что тѣ, которые другихъ убѣжденіемъ склоняютъ къ неправдѣ, совершаютъ служеніе демоновъ для неправды, хотя по природѣ и не демоны. Итакъ приходитъ сила Божія въ землю *Халдейскую*; потому что Единородный Сынъ Отца явился среди тѣхъ, которые и сами служили грѣху, и другихъ плѣнныя увлекали ко грѣхамъ ¹⁾. И бысть на немъ рука Господня. Рукою или мышцею Господнею называется Сынъ Божій; потому что чрезъ Него все сотворено. О Немъ еще Псалмопѣвецъ сказалъ: *да будетъ руки твои еже спасти Мя...*

И видѣхъ, и се духъ воздвизаяся градоше съ сѣвера, и облакъ великій въ немъ, и свѣтъ окрестъ его, и огнь блистайся. И посредь его яко видѣние илектра посредь огня и свѣтъ въ немъ, и посредь его яко видѣние четырехъ животныхъ:

¹⁾ Ном. in Ezech. II. l. 1. c. 6. p. 797—8.

и сіе видѣніе иже, яко подобіе человека въ иже (1, 4. 5). Подознѣвши съ символическимъ толкованіемъ историческихъ наименованій, св. Григорій начинаетъ раскрывать самое видѣніе, и мысль его, не привыкая къ синтетическимъ построеніямъ, не дѣлаетъ общаго обзорѣнія его, не указываетъ одного знаменованія, объясняющаго цѣлый символъ, а остававливается отдѣльно на каждомъ словѣ. Онъ обращаетъ вниманіе предварительно на порядокъ рѣчи, на то, что пророкъ говоритъ о себѣ то въ первомъ, то въ третьемъ лицѣ, и видитъ здѣсь ясное указаніе на то, что пророкъ говоритъ не отъ себя только, но и отъ Духа Святаго. *Духъ создаваемый градше съ стѣра*—это злой духъ, овладѣвающій сердцами людей и доводящій ихъ до оцѣпенѣнія. Онъ своимъ вліяніемъ довелъ умы іудеевъ до оцѣпенѣнія, держалъ ихъ въ холодномъ вѣроломствѣ, заставилъ ихъ уклониться отъ пути праваго и жизнь ихъ подвергъ искушенію. *Облакъ великій въ немъ*—это указаніе на невѣдѣніе и отверженіе іудеями Спасителя, предвозвѣщеннаго въ законѣ и пророкахъ, и явившаго предъ ними многія знаменія и чудеса. *И свѣтъ окрестъ его и оны блмсталися*. Огонь, по словамъ Григорія, означаетъ иногда Св. Духа, иногда злобу ума: здѣсь огонь, слѣдующій за облакомъ, есть жестокость преслѣдованій, послѣдовавшая за слѣпотю ума. Когда въ Іудеѣ продолжалось преслѣдованіе, проповѣдь апостоловъ распротранялась по всему міру, и Господь даровалъ свѣтъ языкамъ, которые, живя окрестъ Іудеи, сидѣли во тьмѣ и сѣни смертной. *И посреди его яко видѣніе млектра посреди оны*. Млектръ, смѣшанный изъ золота и серебра, означаетъ Посредника Бога и человѣковъ, Господа Іисуса Христа, соединившаго въ единствѣ лица двѣ природы. Млектръ въ огнѣ—Богъ сдѣлавшійся человѣкомъ, въ преслѣдованіи. *И посреди яко подобіе четьрехъ животныхъ*—святые евангелисты, отъ воплощенія Господа утвержденные въ силѣ вѣры и въ огнѣ преслѣдованія пораженные многими возмущеніями. *И сіе видѣніе*

яко подобіе челоуѣка въ нѣхъ—Спаситель нашъ, не восхищеніемъ нещевавшій быти равень Богу, но Себе умалившій и принявшій зракъ раба и бывшій въ подобіи челоуѣчесомъ; Ему мы должны и можемъ быть подобны въ нравахъ, будущей славы и будущихъ тѣлахъ и т. д. ¹⁾.

Какъ видѣть читатель, многое удачно сближаетъ св. Григорій при объясненіи символовъ Іезекииля. Его вѣрующая мысль вноситъ много свѣта въ темную буйву пророка, и слушатели его бесѣды выносили немало назиданія изъ его толкованій. Но смыслъ указываемый св. Григоріемъ у пророка, основывается только на вѣроятіи, на возможномъ сходствѣ образа и прилагаемаго къ нему знаменованія. Никто не можетъ сказать, чтобы толкованіе Григорія, развитое съ большою подробностію, было толкованіемъ единственно истиннымъ, и исключало всѣ другія толкованія. Рядомъ съ нимъ, другой изобрѣтательный умъ могъ поставить и дѣйствительно поставилъ другія толкованія, другія знаменованія образовъ пророка, имѣющія равное достоинство назидательности и вѣроятной истинности. Св. Григорій самъ очень ясно сознавалъ это, и потому въ одномъ и томъ же мѣстѣ библейскаго текста указывалъ нерѣдко нѣсколько смысловъ, могущихъ давать разъясненіе символическому видѣнію. Онъ даже прямо говоритъ, что *«духъ пророчества часто въ одномъ совершаетъ емьсть многое»* ²⁾. Это значитъ, что у пророка въ одномъ темномъ и даже истинномъ выраженіи толкователь можетъ и имѣетъ право находить, и указывать нѣсколько смысловъ. Въ другомъ мѣстѣ разъясняя свои герменевтическія основанія, онъ замѣчаетъ, что одна и таже рѣчь въ Писаніи не всегда означаетъ одну и ту же вещь. Именемъ солнца напримѣръ иногда означается нашъ Искушитель, а иногда преслѣ-

¹⁾ L. I. Hom. in Ezech. II. c. 8—14. P. G. c. T. LXXVI. p. 798—802.

²⁾ Homilium in Ezech. L. I. Hom. II. c. 16. p. 802. P. C. c. T. LXXVI. Sp. Hom. VI. c. II p. 833. N. VII. c. 10. p. 844—5. N. X. c. 31 p. 898.

дованіе. Левъ означаетъ и Господа, и именемъ его выражается подобіе діавола. Именемъ вода иногда означается мудрый, а иногда глуный ¹⁾. Такия герменевтическія основанія не стѣсняли свободы толкователя, и св. Григорій пользовался ею съ возможною широтою. Мы видѣли, какъ св. Григорій толкуеть начальныя слова перваго видѣнія Ісаакіилева. Онъ относитъ ихъ къ исторіи явленія христіанства, но отъ перваго прішествія Господня онъ находитъ возможнымъ и нужнымъ перейти ко второму. и картина пророка получаетъ въ его толкованіи другое освѣщеніе. *Духъ воздвизался и градоущій съ сѣвера* означаетъ у него и діавола, и потрясеніе всѣхъ элементовъ при явленіи послѣдняго суда изъза грѣшниковъ. Буря приходитъ съ сѣвера для наказанія охладѣвшихъ умовъ грѣшниковъ, смятеніе или потрясеніе изображается бурей; потому что въ тотъ день сердца всѣхъ, оставшихся въ смертной плоти, содрогнутся въ страшномъ трепетѣ. *Облакъ великій*—пракъ слѣпоты, отъ воспоминанія грѣховъ давящій чувство и не позволяющій смотрѣть на Единороднаго Сына Божія въ божескомъ видѣ, имѣющаго придти на послѣдній судъ. *Огонь блисталися*—тотъ огонь суда, который сожметъ небо и землю и обвинитъ и сокрушитъ грѣшниковъ въ заслуженной ими казни. *И селѣтъ окрестъ его*—отъ суда того никто не скроется въ своей глубинѣ; потому что всякій проникается блескомъ Судии. *И посредеъ его яко видѣніе млектра*—посредеъ огня Искупитель нашъ на подобіе млектра соединившій въ себя двѣ природы, явится тогда во всемъ своемъ страшномъ величій, и огонь суда будетъ служить ему въ наказаніи нечестивыхъ. *И посредеъ яко подобіе четверехъ животноныхъ*—евангелисты, проповѣдавшіе слово истины, соединившись въ Нимъ, Его тѣломъ и величіемъ, явятся виѣстѣ съ Нимъ судіями тѣхъ, которые въ жизни слѣдовали евангельскимъ заповѣдямъ ²⁾.

1) L. II. Hom. VII. c. I. p. 1012.

2) L. I. Hom. II. c. 15—18. P. C. c. T. LXXVI. p. 802—3.

Подобныя сравненія смысла встрѣчаются у св. Григорія очень часто. Такъ въ 3-й бесѣдѣ изъясняя 6—9 стихи, описывающіе видѣніе четырехъ животныхъ, и переводя этотъ символъ на разъясненіе ученія о евангелистахъ и вообще проповѣдникахъ и ихъ двоякой жизни, дѣятельной и созерцательной, выраженіе: *рука человека подъ крылами иль на четырехъ сторонахъ иль*, объясняетъ такъ: «могутъ въ этомъ ибѣть четыре strany означать четыре части свѣта, то есть, востокъ, западъ, сѣверъ и югъ; потому что проповѣдь святыхъ, по устройству Божію, распространялась во всѣхъ частяхъ свѣта. Можемъ еще подъ четырьмя частями разумѣть четыре главные добродѣтели, изъ которыхъ происходятъ остальные, то есть, благоразуміе, мужество, справедливость и умеренность»¹⁾. Или въ 4-й бесѣдѣ стихъ 10 4-й главы принимаетъ разнообразныя приложенія. *Подобіе лицъ иль лице человека и лице львоу одесную четверемъ, и лице телцею одесную четверемъ и лице орлеу четверемъ*. Эти слова, по рѣше всего характеризуютъ четырехъ евангелистовъ, какъ и принимаетъ большинство толкователей. Лице человека означаетъ Матвея, потому что онъ началъ отъ родословія человеческого; лице львоу означаетъ Марка, который начинается возмасы въ пустынь; телцею Луку, начавшаго словомъ о жертвоприношеніи; Орлею Іоанна, начавшаго отъ божества Слова... «Но послѣдую всѣ избранныя — члены нашего Искупителя, и Мошунталь глава всѣхъ избранныхъ, то нѣтъ нѣчто противорѣчащаго тому, чтобы все то, чѣмъ символически изображаются его члены, означало и Кго самого. Ибо Самъ Единородный Сынъ Божій истиннѣ едѣлся человекомъ, Самъ благоволилъ умереть, какъ тѣло въ жертвѣ нашего искупленія; Самъ своею силою возсталъ изъ гроба, какъ левъ...; Самъ послѣ своего воскресенія вознесся на небо поднялся въ горня какъ орелъ. Для насъ Онъ вышѣ и человекъ и про-

¹⁾ L. I. N. III, c. 7, s. p. 808—9.

желези и телець въ смерти и левъ въ воскресеніи и орелъ въ вознесеніи на небо». И видѣть съ этимъ, видѣніемъ истырокъ животныхъ можетъ означаться и каждый изъ избранниковъ... Всейшій, совершенный въ разумѣ, есть человекъ; когда онъ отрывается отъ удовольствій міра и умерщвляетъ себя, онъ телець; и послѣду онъ добровольнымъ умерщвленіемъ приобретаетъ силу и безопасность противъ всего враждебнаго, то явится какъ бы львомъ. А послѣду возвышенно совершаетъ небесное и вѣчное, то есть какъ бы орелъ¹⁾.

Въ подобныхъ случаяхъ, когда толкователю представляются различные смыслы, могущіе служить изъясненіемъ символовъ, онъ безпристрастно излагаетъ ихъ, и самому читателю предлагаетъ избрать тотъ, который кажется ему лучше. Такъ изъясняя 22 стихъ 1 главы: *подобіе надъ главою животныхъ яко твердь*, св. Григорій говоритъ: «это при содѣйствіи благодати Господа, мы изъяснимъ двумя способами и предоставляемъ суду читателя избрать то, что онъ сочтетъ лучшимъ. Именемъ тверди могутъ означаться небесныя силы... Но можетъ подъ нимъ въ образномъ смыслѣ разумѣться и нашъ Покупитель, истинный Богъ надъ всѣмъ, сдѣлавшійся совершеннымъ человекомъ, въ которомъ наша природа утверждена (у Отца²⁾). Въ такихъ же видахъ толкователь предплагаетъ различія изъясненія темнаго мѣста въ 3 главѣ Іезекииля: *видѣхъ гласъ крыль животныхъ, скрывающихся другъ ко другу, въ гласъ колесъ держащихся надъ, и гласъ труба семикъ* (ст. 10). указывая здѣсь подъ крылами животныхъ то добродѣтели, соединяющіяся между собою, изъ которыхъ одна возбуждаетъ и вызываетъ къ совершенству другую, то всѣхъ святыхъ, касающихся другъ друга, своими добродѣтелями возбуждающихъ другъ друга къ взаимному соревнованію, и

¹⁾ L. I. N. IV. c. 2. p. 814—16.

²⁾ L. I. hom. VII, c. 18. 17, p. 848—9.

восполняющихъ при взаимномъ общеніи взаимные недостатки: такъ какъ никогда одному не дается все, чтобы онъ не впасть въ гордость; но одинъ имѣеть то, чего нѣтъ у другаго и наоборотъ; напримѣръ одинъ владѣеть словомъ мудрости, но не имѣеть добродѣтели воздержанія и т. под. ¹⁾).

V. Больше всего допускалъ разнообразіе смысловъ св. Григорій, когда объяснялъ видѣніе зданія, построеннаго на горѣ, самое темное изъ всѣхъ видѣній. Во многихъ воротахъ этого зданія онъ видитъ то указаніе на Господа, то на проповѣдниковъ, то на св. Писаніе, то на вѣру. Но въ бесѣдахъ, посвященныхъ изъясненію этого видѣнія, обращаетъ на себя вниманіе не одна свобода мысли, готовой впадать разныя знаменованія въ одно и тоже слово Писанія, а еще другая частная черта или особенность его герменевтической методы, безъ указанія которой характеристика его истолковательныхъ бесѣдъ на Іезекіиля была бы не полна.

Эта особенность, въ которой св. Григорій показалъ поразительную изобрѣтательность и характерное остроуміе, — *мистика* или *тайная наука чиселъ*. Во второй книгѣ бесѣдъ, составляющей толкованіе сороковой главы Іезекіиля, въ которой съ такою арифметическою точностію описывается долгота, широта и высота зданія, видѣннаго пророкомъ, и разстояніе между воротами внѣшними и внутренними, и въ которой цѣлыя занимаютъ такую видную часть, для мистики чиселъ и ихъ замысловатаго разбора представлялся и вызовъ и просторъ. И св. Григорій показалъ себя образцовымъ представителемъ тайной науки чиселъ. Онъ не первый выступалъ съ таинственнымъ толкованіемъ числовыхъ опредѣленій. Еще до него находились люди, которые старались соединять съ каждымъ числомъ многосодержательное знаменова-

¹⁾ Lib. I, hom X, c. 31—35. P. C. e. T. LXXVI, p. 898—901.

ніе. Вливанію Кипрскому приписываютъ сочиненіе «О тайнахъ чиселъ» ¹⁾, въ которомъ показано особенное совершенство и знаменованіе трюичнаго, шестеричнаго и седмичнаго числа. Совершенство этихъ чиселъ опредѣляется предметами, подходящими подъ эти числа, бросающимися прямо въ глаза или подъоснованными нарочно нѣз множества существъ и явленій, историческихъ и естественныхъ. Для трюичнаго числа тайну, силу и удивительное знаменованіе доставляетъ прежде всего нераздѣльное Божество, существующее въ трехъ лицахъ, но къ тайнѣ трюичнаго Божества присоединяется множество другихъ тайнъ: три великія стихіи (говоритъ книга): небо, земля и море; три въ насъ силы: умъ, духъ, слово (*νῆς, πνεῦμα, λόγος*); три праотца: Адамъ, Свѣтъ, Вдохъ; три патріарха: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ... Три мѣсяца Моисей скрывался у родителей... Три отрока не захотѣли поклониться золотому тельцу, Садрахъ, Мисахъ, Авденаго... Три укормлены сказаны Единороднымъ Сыномъ Божиимъ Пресвятой Дѣвѣ, Три любимые ученика у Спасителя. Три года Господь творилъ чудеса и проч... Подобнымъ образомъ трактуется и о совершенствѣ шестеричнаго числа, которое освящено тѣмъ, что въ шесть дней Богъ сотворилъ міръ, въ шестой день сотворилъ Адама..., въ шестой мѣсяцъ Гавріила послалъ къ Дѣвѣ Маріи... въ шестой часъ Спаситель, распятый на крестѣ примирился съ разбойникомъ, шесть разъ послѣ воскресенія нѣз мертвыхъ являлся въруманамъ и т. д. Такую мудрость, любившую сочетать съ пустыми отвлеченными дѣями многозначительное содержаніе, уважали въ тѣ вѣка, когда ослабѣвала внутренняя производительная сила философской мысли. Тогда видѣсто широкихъ запросовъ, вызывавшихъ на размышденіе о законахъ міроваго и историческаго теченія жизни, много занимають людей опредѣденія второ-

¹⁾ Περὶ τῶν ἀριθμῶν μυστηρίων. Patr. graecae curs. compl. T. XLIII. p. 507—518.

степенныхъ подробностей или незначительныхъ принадлежностей великихъ предметовъ знания: ими съ усердіемъ занимаются мустоту, образовавшіеся въ слѣдствіе ослабленія творческой мысли, но далекіе отъ мелкихъ и крупныхъ твореній. Стремленіе подобнаго рода съ особенною силой выразилось послѣ времени св. Григорія, но и у него оно принимаетъ уже очень видное развитіе. Въ проповѣдяхъ на Евангеліи ¹⁾ св. Григорій обращается къ таинственной науцѣ чиселъ важнѣй разѣ, когда встрѣчаетъ въ текстѣ количественное опредѣленіе какого либо явленія и толкуетъ важную цифру довольно замысловато, то раздѣляя ее на значительныя числа, то опять слагая ихъ. А въ библіахъ на Иовидіа арифметическая мистика составляетъ одинъ изъ главныхъ приемовъ эзотетика и придаетъ имъ своеобразную оригинальность. Вотъ наприимѣръ слово пророка:

Се ограда виноградъ окрестъ грама, и съ ручь муса мѣра тростяна шести локоть съ локоть шестидланнѣй (въ латинскомъ текстѣ, читаемомъ у Григорія: шести локтей съ дланью), и мѣри предстѣнїе ширину равно трости, и высоту его равно трости (40, 5). Мѣра тростяна, по толкованію нашего проповѣдника, означаетъ свящ. Писаніе, показывающее порядокъ и законы двойной жизни, то есть, обучающее, какъ нужно вести жизнь дѣятельную и созерцательную. Шестью локтями выражается жизнь дѣятельная; потому что въ шесть дней Господь совершилъ творъ дѣла свои. Длань или длань, прибавленная у пророка къ шести локтямъ, означаетъ жизнь созерцательную и соответствуетъ седьмому дню ²⁾. Ширина и высота, измѣряемая здѣсь, толкователемъ относятся, первая къ означенію любви ближняго, а вторая къ означенію разумнїи Создателя. Не можетъ означаться ими, по его замѣчанію, и теловѣческая и ангельская природа;

¹⁾ Ном. XXIV, XXXI.

²⁾ L. II, nom. II, с. 7, р. 9:2—3.

потому что здание, въ которомъ обитаетъ Богъ; творится изъ ангельской и человѣческой природы, первая составляетъ нижнюю часть, а вторая верхнюю. Та и другая измѣряется одною третию; потому что смиреніе людей возводитъ до равенства съ ангелами ¹⁾).

Нли слѣдующее выраженіе: *Власть братный* (кривизна у вереть, пертикъ), *иже Власть влара дверный отъи ласоте,* *иже сже дею ласотей: и елма дверный спутръ уду* (10, 9) подаютъ поводъ нашему толкователю къ такимъ размысленіямъ: Власть братный широта вѣчной жизни. Шѣра его восемь ласотей; потому что семью выражаетъ все время, а восьмой день вѣчный день, который наступитъ по исполненіи времени. Съ этимъ послѣднимъ днѣмъ думаетъ Псалмопѣвецъ, когда сказыаъ: *съ ласотей псаломъ Давиду о восьмой* (Пс. 9). Ради этого вселюбовитно члела Господь благоволиа воскреснуть по прошествіи субботы. День воскресенія Господня, третій отъ дня смерти Господней, въ ряду дней считается восьмымъ; потому что слѣдуетъ за седмымъ. Исторія страданія, смерти и воскресенія нашего Искупителя въ-которыхъ образомъ находитъ преобразование въ самыхъ дняхъ: въ шестой день Господь пострадалъ, въ субботу (седмой) почтилъ во гробѣ, въ воскресенье (восьмой) воскресъ изъ гроба. И днѣ насъ настояща жизнь есть шестой день; потому что проводится въ печаляхъ и безпокойствахъ. Въ субботу мы успокоиваемся во гробѣ и находимъ покой душѣ своей по смерти тѣла, а въ воскресенье или осмой день встанемъ тѣломъ изъ гроба и будемъ радоваться съ плотию во славу души ²⁾. Азвевъ, *иже* (иже) двумя ласотями; — наша жизнь, которая каждодневно должна шрпавляться въ любви въ Богу и ближнему и расширяться въ этииъ двухъ направленіяхъ. Любовь не есть истинная любовь, если она

¹⁾ Ibidem. c. 15, p. 937—8.

²⁾ Lib. II, hom IV, c. 2. 8, p. 975—4.

имѣеть меньше двухъ латей, принимаемыхъ въ духовномъ смыслѣ ¹⁾).

И ове десертныя (комнаты или покои у вѳорть) *прямо ове, три о сѣю страку, и три обѣ ову, мѣра же едина тремъ* (40, 10). Ове—это сердца горящихъ любовію къ Богу. Трѣи покои съ одной стороны и трѣи съ другой—всѣ избранныя въ *обоихъ завѣтахъ*, ветхомъ и новомъ, пламенѣющіе любовію къ *Троицѣ*. Но тоже число можно отнести и къ добродѣтелямъ избранныхъ: главныхъ добродѣтелей, безъ которыхъ никто не можетъ спастись, собственно *три*,—вѣра, надежда и любовь, и онѣ одинаковы какъ у древнихъ отцовъ, такъ и у новыхъ учителей. Или можно разумѣть здѣсь три разряда отцовъ древнихъ и три разряда новыхъ: древній народъ имѣлъ патриарховъ до закона, праведныхъ отцовъ въ законѣ и послѣ пророковъ; въ *незавѣтномъ* народѣ эти три разряда составляютъ первенцы изъ евреевъ, полнота языковъ и наконецъ останки евреевъ; или еще проповѣдники, воздержники, или цѣстники, и добрыя супруги составляютъ три категоріи вѣрныхъ, угодившихъ Богу, одинаково видны и въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ ²⁾). *Мѣра едина тремъ*: при различіи заслугъ лицъ разныхъ разрядовъ нѣтъ различія въ вѣрѣ; или, если это мѣсто относится къ отцамъ двухъ завѣтовъ, оно можетъ означать равное, одинаковое исповѣданіе Троицы и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ ³⁾).

И размѣри широту свода вратнаго десяти лактей, широту же (длину) *вратную тринадесяти лактей и лакоть едина сводимъ* *прямо овеимъ лактя единаго, и лактя единаго, предель сяду и сяду* (передъ комнатами выступъ въ одинъ лакоть съ одной стороны, и въ одинъ лакоть съ другой сто-

¹⁾ Ibid. с. 3.

²⁾ L. II, hom. IV, с. 4. 5, р. 973—6.

³⁾ Ibidem. с. 6. 7, р. 976—7.

роны)... *И размеры врата от стлвы еве до стлвы еве* (въ текстѣ читаемъ у Григорія отъ кровли покоевъ до кровли воротъ), *широта двадцати и пяти лактей: сія врата ко вратомъ* (дверь была противъ двери), *и непокровенное елама вратъ шестидесяти лактей, и еве двора окрестъ. И непокровенное вратъ отвилъ въ непокровенное елама вратъ внутрь уду пятьдесятъ лактей* (и отъ передняго края воротъ, что при входе, до края крыльца внутреннѣхъ воротъ пятьдесятъ лактей) (40, 11—15). Ворота у нашего толкователя часто служатъ символическимъ означеніемъ свѣщ. Писанія, и намѣренія этихъ воротъ толкуются въ смыслѣ указанія на нѣкоторыя отличительныя черты или частности, содержащіяся въ двухъ завѣтахъ Писанія. Ширина входа вратнаго означаетъ законъ ветхозавѣтный, а высота законъ новозавѣтный. Десять лактей широты—десять заповѣдей закона Моисеева; въ новомъ завѣтѣ къ этимъ десяти заповѣдямъ прибавлена благодать Духа, открывшая народу Троицу, которую проповѣдала и пророки, но которой народъ ветхозавѣтный не зналъ, держась одного закона. Отсюда объясняется смыслъ тринадцати лактей, показывающихъ длину воротъ. Мѣра постепенно увеличивается у пророка: то одинъ локоть, то шесть лактей, то десять, то тринадцать и т. д.; этимъ означаетъ постепенность уясненія вѣры въ Бога, единого въ существѣ и триннаго въ лицахъ, и постепенность проповѣди, раскрывающей тайны благодати Божіей. Предъ покоями съ одной и другой стороны выступъ въ одинъ локоть—ветхій и новый завѣтъ показываютъ намъ одного Посредника Бога и человѣковъ.

Больше трудностей предстояло герменевту, когда онъ по своему плану долженъ былъ вложить многосодержательный смыслъ въ болѣе сложныя числа, чѣмъ бывшія прежде, возвращенія около единицъ. Подборъ фактовъ гораздо труднѣе, когда приходится проводить параллели между историческими данными и цѣлыми десятками бессодержательныхъ цифръ. Но мысль, привыкшая къ

остроумными сопоставлениями, легко воспримлет лансны и покорныя числа, и по чертѣмъ имѣръ безъ особеннаго труда разведеть занимательныя узоры: Что означаютъ наприимѣръ двадцать пять лантей, которыми опредѣляется широта воротъ или разстояніе отъ вровли покоевъ до вровли воротъ? Но указанію св. Григорія въ этомъ измѣрѣніи лежитъ глубокой смыслъ, и число 25 для его мысли даетъ много реальнаго содержанія. Вровли покоевъ у него означаютъ савронную горячность любви, а вровли воротъ — символъ того, что свѣтъ. Писаніе написано для насъ, но не все понимается нами. Двадцать пять лантей между ними, — это пять чувствъ человѣческихъ, помноженныхъ на самихъ себя. Базъ этихъ тѣлесныхъ чувствъ мы не можемъ обходиться при исполненіи небесныхъ заповѣдей. Умноженіе ихъ на самихъ себя означаетъ умноженіе того, что чрезъ нихъ совершается въ добромъ дѣлѣ. Двадцать пять лантей и измѣрется широта между покоемъ и воротами; потому что въ дѣлахъ вѣнныкъ чувствъ показывается и лунастра, насколько мы узнали свѣтъ. Писаніе и насколько сердцемъ любивъ ближняго.

Провѣдичи не удовольствована такимъ смысловитиъ объясненіемъ. Рядомъ съ нимъ еще поставляютъ другое, которое не менѣе важнаго можетъ имѣть долю вѣроятности. Ворота могутъ означать входъ въ царство небесное. Двери и ворота имѣютъ пролю, — сила нашей любви къ Богу и ближнему не узнаются здѣсь, а узнаются только тогда, когда изъ этого вѣна мы переходимъ въ новую вѣнну живни. Широта отъ покоевъ до воротъ, простирающаяся на двадцать пять лантей, показываетъ что, что мы до входа въ царство небесное многообразно и непрестанно должны совершать все что можемъ, по любви къ Богу и ближнему, которую, разъ почувствовавши, мы должны возвращать и лунивать. Какой же при этомъ собственно символъ въ числѣ 25? Толкователь разлагаетъ это на множители, и составляетъ число 25 сложное число $5 \times 5 + 1$, помощью этого разложенія на

ходить особенное знаменованіе въ составныхъ числахъ. Шестеричное число, соответствующее днѣмъ творенія и дню, въ который Богъ завершилъ всѣ дѣла свои, означаетъ дѣло или дѣланіе, въ которому примвляется человекъ. Четыре указываютъ на четырехъ евангелистовъ; такъ какъ четыре евангелія указываютъ на нѣкую сущность всякаго добраго дѣла. Шесть, поименованное на четыре, даетъ 24. Въ этому произведенію прибавляется единица, означающая Единого, дѣйствующаго вся во всѣхъ, и составляется полное искоемое число (25) ¹⁾.

Но есть еще измѣренія. *Неокровиное слава вратъ шестидесяти лактей*. По методу толкователя и по тѣмъ мыслямъ, съ какими преступаетъ св. Григорій въ разгадкѣ темныхъ мѣстъ пророческой книги, читатель можетъ догадываться, въ чемъ будетъ показанъ знаменательный смыслъ означеннаго числа. Опять здѣсь разложеніе на составныя числа и опять все опирается на шестеричное число, которое признается у св. Григорія однимъ изъ самыхъ содержательныхъ чиселъ. Имъ означаетъ совершенство добраго дѣла; но дѣло человека опредѣляется десятью заповѣдями закона, и послѣ этого понятно, что значить $60 = 6 \times 10$. Свое толкованіе св. Григорій подтверждаетъ словами Господа, взятыми изъ притчи о сѣятелѣ: *другое паде на земли добрый, и дающе плодъ восходящъ и растущъ, и приплодоваше на тридесять, и на шестидесять и на сто* (Матт. 13, 8). Плоды земли доброй приносятъ тридцать, когда умъ приноситъ совершенство вѣры въ Троицу, приносятъ шестидесять, когда приноситъ дѣла доброй жизни; приносятъ сто, когда вводитъ умъ совершенство вѣчной жизни ²⁾.

И отъ передняго края воротъ, что при входѣ, до края крыльца внутреннихъ воротъ пятьдесятъ лактей. Число 50

¹⁾ Lib. II, hom. V, c. 1—7, p. 984—9.

²⁾ L. II, h. V, c. 12, p. 992.

означать покой вѣчной жизни. Чтобы уяснить такое знаменованіе, св. Григорій по прежнему даетъ слитному числу раздѣльный видъ, поставляя вмѣсто 50 равное ему число $7 \times 7 + 1$. Седмой день исполняетъ число дней, и по закону суббота назначена для покоя. Помноженное само на себя, седмичное число даетъ 49, которое достигаетъ 50, если къ нему прибавить единицу. Прибавленіе единицы основывается на томъ, что все наше совершенство будетъ въ созерцаніи Того Единаго, въ видѣніи коего для насъ будетъ вся радость и спасеніе. Отсюда и юбилей, то есть, пятидесятый годъ данъ былъ для покоя. Это указаніе на то, что кто достигаетъ вѣчныхъ радостей всемогущаго Бога, такъ не будетъ болѣе имѣть труда и стenanія ¹⁾.

Метода толкованія чиселъ, объясняемая приведенными при-
мѣрами, показываетъ, что для св. Григорія нѣтъ числа, въ которомъ бы не нашли особеннаго реального содержанія или смысла. У Иезе-
кіиля, при указаніи измѣрній зданія, встрѣчаются разныя другія
числа, и всѣмъ дано своеобразное объясненіе. Разстояніе отъ воротъ
до воротъ показывается въ одномъ мѣстѣ у пророка въ столетей, —
это совершенная жизнь опредѣляемая десятью заповѣдями закона,
помноженными на самихъ себя ²⁾. Тридцать прегражденій въ
междустолпнїяхъ, — тѣже десять заповѣдей, помноженные на тре-
тичное число, означающее вѣру въ Св. Троицу, то есть, жизнь
дѣятельная и созерцательная, обнимаемая десятью заповѣдями и
утверждаемая на вѣрѣ въ Троицу ³⁾. При описаніи зданія въ
иныхъ мѣстахъ показывается семь ступеней или восходовъ, а въ
кругихъ восемь (22. 26. 35 ст.). Семь восходовъ — семь даровъ
Св. Духа ⁴⁾, а восемь заключаетъ въ себѣ сложное число $(7 + 1)$,
въ которой семью означаетъ седмиобразная благодать Св. Духа,

¹⁾ Ibidem. с. 15, р. 994.

²⁾ L. II, h. VII, с. 11, р. 1019.

³⁾ L. II, h. VI, с. 5, р. 1000.

⁴⁾ L. II, h. VII, с. 7, р. 1016.

а послѣднюю восьмую ступенью означается награда вѣчной жизни. Ставя ворота символомъ, означающимъ святыхъ проповѣдниковъ, св. Григорій, при объясненіи смысла, заключающагося въ числѣ ступеней, указываетъ на то, что святые проповѣдники согласно проповѣдуютъ седмиобразную благодать Св. Духа, и возвѣщаютъ награду вѣчной жизни ¹⁾. Въ томъ же самомъ числѣ св. Григорію видится и другой смыслъ, по которому подъ семью ступенями можно разумѣть семь дѣлъ благочестія, а восьмая ступень означаетъ совѣтъ совершенства или день вѣчнаго суда и воскресенія плоти ²⁾.

Св. Григорій впрочемъ не всякое попадающееся сближеніе считаетъ годнымъ и состоятельнымъ, и допуская въ одномъ и томъ же числѣ разные смыслы, иногда полемизируетъ противъ аллегоризированія другихъ, которые по его мнѣнію произвольно обращаются съ цифрами. Такъ приступая къ объясненію 72 стиха 10-й главы: *четыре стола для всеожигаемыхъ жертвъ, изъ тесаныхъ камней, длиною въ полтора локтя. и шириною въ полтора локтя, а вышиною въ одинъ локоть*, св. Григорій считаетъ нужнымъ опровергнуть толкованіе этого мѣста, сдѣланное кѣмъ то, который слагая $1\frac{1}{2} + 1\frac{1}{2}$, видѣлъ здѣсь указаніе на Троицу, а подъ однимъ локтемъ высоты понималъ единство божественнаго величія. Св. Григорію кажется это толкованіе несостоятельнымъ потому, что въ Троицѣ, все сотворившей и все держащей, не можетъ быть ничего половинчатаго, и изъ двухъ половинокъ не составляется что либо единое. Субстанція, пребывающая всегда неизмѣнною, не терпитъ никакого уменьшенія и отсѣченія, и не получаетъ ни ущерба, ни увеличенія. Св. Григорій вмѣсто этого толкованія представляетъ свое, по которому долгота означаетъ надежду, широта любовь, а высота вѣру въ невидимое.

¹⁾ L. II, b. VIII, c. 2, p. 1028.

²⁾ L. II, hom. VIII, c. 4. 5, p. 1029—1030.

Символь, означающій долготерпѣніе надежды, потому имѣеть измѣреніе въ локоть и половину, что святые отцы и учителя, долготерпѣливо ожидающіе тайнъ внутренней надежды, живя въ добродѣтели, вполне совершенны, сколько относится къ человѣческой мѣрѣ, а не совершенны по отношенію къ тѣмъ божественнымъ тайнамъ, которыхъ вполне не можетъ усвоить человекъ, пока находится въ смертной плоти. По отношенію къ себѣ самимъ они имѣють полный локоть, а по отношенію къ Богу не имѣють полного локтя; потому что хотя вполне успѣвають въ добродѣтеляхъ, но о Богѣ здѣсь знаютъ только нѣчто, отчасти. Подобное явленіе представляетъ и любовь, широта которой соответствуетъ широтѣ стола или трапезы въ локоть съ половиной. Такая неполнота въ широтѣ любви зависитъ отъ того, что совершенно любить можно только тѣхъ, кого видятъ. Могутъ святые совершенно любить ближнихъ, которыхъ знаютъ, но всемогущаго Бога могутъ любить отъ глубины сердца, но не могутъ любить столько, сколько должны; потому что не могутъ видѣть Того, кого любятъ: мѣра любви меньше тамъ, гдѣ меньше мѣра знанія. А вѣра имѣеть одинъ локоть; потому что она одна у всѣхъ святыхъ¹⁾.

VI. Съ помощію аллегоріи стараюсь выяснитъ смыслъ, заключающійся въ словахъ пророка Іезекіиля, св. Григорій не всегда держится въ предѣлахъ объясняемаго текста. Часто по средству представленій, при толкованіи Іезекіиля, онъ воспоминаетъ многія мѣста изъ другихъ книгъ священнаго Писанія и приводитъ факты библейской исторіи. Поставляемья рядомъ съ словами пророка, они являютъ у толкователя ихъ разъясненіемъ и подтвержденіемъ смысла, въ нихъ указываемаго. Но замѣчательно, что всякій разъ, какъ св. Григорій цитуетъ слова Библии, не принадлежащія къ тексту пророческой книги, эти слова подпадаютъ у него подъ

¹⁾ Lib. II. Num. IX. c. 9—11. p. 1047—9.

тиски аллегоріи, и вѣсть съ символами пророка несутъ одинаковый тонъ. Смысла аллегоріи, овладѣвши мыслию толкователя, подчиняетъ себѣ все, что только ни оживляетъ чередъ нею его память. Припоминается ли ему исторія пророка Елисея и Сарептской вдовицы, при изъясненіи видѣнія четырехъ животныхъ, — Сарептская вдовица, получившая отъ пророка чудесную помощь для освобожденія своихъ двухъ сыновъ отъ заимодавца, хотѣвшаго сдѣлать ихъ своими рабами, является символомъ церкви, а ея дѣти символомъ іудейскаго и языческаго народа. Малая часть елея, находившаяся у нея, по чудесному дѣйствию умножившаяся до того, что наполнила пустые сосуды, занятые ею у сосѣдей, — это то немногое изъ ученія небеснаго, которое, бывъ услышано изъ устъ одного учителя пустыни умами многихъ, воарасло и наполнило ихъ до верха. Сарептской вдовицѣ и ея сынамъ елея по слову пророка, умножившійся въ сосудахъ, принесъ освобожденіе отъ заимодавца, — и въ церкви ученики и слушатели вѣры при пособіи благодати освобождаются отъ лежащаго на нихъ долга¹⁾... Или онъ обращается словомъ къ исторіи благословенія Исаакомъ своихъ двухъ сыновъ, — буквальная исторія кажется ему удовлетворительною для пониманія младенцевъ въ вѣрѣ, а люди большей зрѣлости и высшаго созерцанія видятъ здѣсь высшую тайну, и для нихъ Исаакъ является образомъ всемогущаго Бога, желавшаго насытиться благами или добродѣтелями іудейскаго народа, представленнаго въ лицѣ Исава. Младшій сынъ Іакова — образъ языческаго народа, Ревекка — благодать во время замедленія іудейскаго народа, искавшаго на сторонѣ благъ для Бога, поставившая предъ Богомъ языческій народъ для того, чтобы онъ принесъ всемогущему Отцу пищу добрыхъ дѣлъ и получилъ благословеніе, принадлежащее старшему брату²⁾. Даже одно выраженіе у евангелиста Іоанна: *зима бѣ* (Іоан. X, 22), при передачѣ

¹⁾ Lib. I. N. III. c. 6. p. 88.

²⁾ L. I. N. VI. c. 2. 3. p. 829—30.

рѣчей, сказанныхъ Спасителемъ въ храмѣ на праздникѣ обновленія въ Иерусалимѣ, приводится св. Григоріемъ съ тѣмъ, чтобы показать, что въ священномъ Писаніи нѣтъ ни одного слова безъ особеннаго знаменованія, и зима здѣсь означаетъ холодъ сердца ¹⁾. При указаніи смысла, заключающагося въ образѣ покоевъ или комнатъ въ зданіи, видѣнномъ Іезекіилемъ, св. Григорій для разъясненія этой части символическаго видѣнія обращается къ словамъ Пѣсни пѣсней, и разумѣя подъ именемъ покоевъ сердца тѣхъ, у которыхъ душа любовью соединяется съ невидимымъ женихомъ, свою мысль раскрываетъ описаніями любви, содержащимися въ Пѣсни пѣсней, каждой чертѣ описанія давая таинственное знаменованіе (Пѣсн. 11, 5) ²⁾. Въ другой разъ, въ той же бесѣдѣ, указывая въ воротахъ зданія Іезекіилева священное Писаніе, толкователь представляетъ въ объясненіе описаніе выи новѣсты въ Пѣсни пѣсней: *яко столъ Давидовъ былъ столъ; создамъ въ олпювь: тысяща щитовъ виситъ на немъ, вси стрѣлы сильныхъ* (4, 4). Выи новѣсты или церкви—священное Писаніе: тысяща щитовъ на ней—все наше огражденіе, заключающееся въ священномъ Писаніи: тамъ заповѣди Божія, тамъ пригѣры праведныхъ и проч. ³⁾.

Такимъ образомъ все тайны и тайны указываются св. Григоріемъ какъ у пророка, имъ объясняемаго, такъ и у другихъ священннхъ писателей, случайно подпадающихъ его вниманію. Св. Григорій чувствовалъ, ⁴⁾ что многіе въ тишинѣ могутъ укорять его за такое толкованіе, и въ виду этого молчаливаго упрека старался показать необходимость и значеніе того герменевтическаго метода къ которому онъ прибѣгалъ. «Темна вода въ

¹⁾ Lib. I. Nom. XII c. I. p. 919.

²⁾ L. II. N. III. c. 8. 9. p. 962.

³⁾ Ibidem. c. 19. 20. p. 968—9. См. еще L. I. N. VI. c. 7. p. 831. c. 13. p. 835. N. VII. c. 10.

⁴⁾ L. II. N. II. c. I. p. 948.

облацяхъ воздушныхъ (Ис. 15, 2) (говорить онъ въ началѣ 6 бесѣды 1 книги); потому что темны сказанія у пророковъ. Для уразумѣнія этихъ темныхъ сказаній необходимы особенныя средства. «Сама истина говоритъ ученикамъ своимъ: *еще малою во тьмѣ, рцйте во свѣтъ* (Мат. 10, 27), то есть, открыто излагайте то, что слышите подъ покровомъ аллегорій». По представленію св. Григорія темнота божественныхъ откровеній; заключающихся въ Писаніи, доставляетъ и великую пользу и удовольствіе: пользу тѣмъ, что упражняетъ умъ и посредствомъ напряженія расширяетъ его, а удовольствіе тѣмъ, что найденное послѣ усильнаго труда гораздо пріятнѣе того, что прямо дается мысли, какъ выраженное въ открытомъ словѣ, и тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ съ большимъ трудомъ достигается. Пониманіе буквы Писанія можетъ удовлетворять только младенцевъ въ вѣрѣ, и тому, что младенцы въ вѣрѣ понимаютъ по буквѣ, ученые люди въ силу духовнаго разумѣнія даютъ возвышенный смыслъ, — и это имѣетъ значеніе по отношенію не къ однимъ пророческимъ книгамъ, но и историческимъ ¹⁾. При развитіи подобныхъ соображеній проповѣдникъ припоминаетъ евангельское сказаніе о чудѣ въ Канѣ Галилейской, и смыслъ его обращаетъ въ свою сторону, замѣчая при этомъ, что люди внимательные и зрѣлые, когда слушаютъ, какъ Господь приказалъ наполнить пустые водоносы водою, и потомъ тотчасъ же ту воду претворилъ въ вино, съ вѣрою чтутъ и исторію и ищутъ въ ней сокровеннаго внутри. Вода, которою Спаситель велѣлъ наполнить водоносы, — это историческій смыслъ Писанія, наполняющій сердца наши. Но вода превращается въ вино; потому что исторія чрезъ тайну аллегорій превращается предъ нами въ новый духовный смыслъ ²⁾. Свящ. Писаніе — книга списанная снаружи и снаружи, — снаружи

¹⁾ L. I. Н. VI. с. 1. 2. p. 829.

²⁾ L. I. Н. VI. с. 7. p. 881. Ср. Ном, VII. с. 10. p. 844.

аллегорією, и совнѣ исторією, и если внѣшній смыслъ понятенъ всѣмъ, то внутренній раскрывается только предъ проповѣдниками, людьми высшаго разумѣнія ¹⁾. Оно для насъ пища и питіе, — пища въ темныхъ мѣстахъ, питіе въ ясныхъ; первую мы разжевываемъ, а второе прямо глотаемъ, не разжевывая ²⁾. Себѣ не приписывалъ св. Григорій особенной мудрости и силы въ уразумѣніи внутреннего сокровеннаго смысла Писанія, но если указывалъ въ толкованіяхъ пророка только то, что сокрыто подъ буквою, то дѣлалъ это, какъ самъ сознается, «не по безразсудности, а по смиренію. Я знаю (говоритъ онъ), что поставленный предъ своими братьями я уразумѣлъ въ свящ. Писаніи много такого, чего одинъ не могъ бы понять. Изъ этого уразумѣнія я понялъ и то, по чьей заслугѣ мнѣ дается разумѣніе. Ибо явно, что это дается мнѣ для тѣхъ, въ присутствіи которыхъ дается. Изъ этого по благодати Божіей и происходитъ, что и смыслъ возрастаетъ, и самоумѣніе умаляется, когда изъ-за васъ я учусь тому, чему учу въ присутствіи васъ; потому что (искренно признаюсь) большею частію я съ вами слушаю то, что говорю» ³⁾.

VII. Бесѣды св. Григорія на Іезекіиля не комментарий только, но и гомилетическое произведеніе, предназначавшееся для назиданія слушателей. Кромѣ смысла, указываемаго въ текстѣ пророка, и способа его толкованія, для историка литературы, въ особенности для историка проповѣди, въ немъ долженъ имѣть большое значеніе увѣщательный и собесѣдовательный элементъ рѣчи. Форма церковнаго живаго слова заставляетъ проповѣдника дѣлать обращенія къ слушателямъ, указывать примѣненіе отвлеченныхъ правилъ къ дѣйствительности, переживаемой современниками проповѣдника, вводитъ вообще личную субъективную сти-

¹⁾ L. I. N. IX. с. 29. 30. 31. p. 882—3.

²⁾ L. I. N. X. с. 3. p. 836—7. См. еще. Hom. XII. с. 20. p. 928 L. II. N. I. с. 1—3. p. 935—6.

³⁾ L. II. Hom. II. с. 1. p. 948—9.

хію въ рѣчь, построеную на основаніи незыблемаго слова Божіа. Но когда мы ищемъ этого живаго элемента въ бесѣдахъ епископа римскаго, мы поражаемся скудостью его среди полноты мистико-аллегорическихъ мудрованій. Рассматриваемое нами твореніе, взятое въ цѣломъ, слишкомъ объективно для церковной бесѣды. Проповѣдникъ весь погруженъ въ символъ, и въ немъ сосредоточено его вниманіе. Истины христіанской вѣры, подмладываемыя подъ этотъ символъ, общаго свойства, и высказываются проповѣдникомъ большею частію съ теоретическою отвѣченностью. Это размышленія вѣрующей души о тайнахъ домостроительства Божія; среди нихъ она уносилась сама и увлекала за собою другихъ въ возвышенную сферу божественнаго и вѣчнаго.

Но высшими помыслами св. Григорій вмѣстѣ съ своими современниками желалъ заглушить чувство боли, раздражаемое чуждыми и тяжкими бѣдами, обрушивавшимися на голову несчастнаго поколѣнія, и оно, это сдержанное чувство боли, не могло тамъ и здѣсь не прорваться и не заявить себя. Прерывая размышленія о возвышенныхъ предметахъ и символическихъ тайнахъ, оно раждало тирады полныя тяжелой скорби и смущенія. Извлеченіе изъ этихъ тирадъ мы привели выше, когда изображали обстоятельства, при какихъ сказаны были бесѣды св. Григорія на Іезекііаля. Въ нихъ св. Григорій сильно выражаетъ печаль свою и печаль своего вѣка по поводу множества бѣдствій, удручающихъ современное ему человѣчество. Съ чувствомъ безнадежной грусти, ни мало не ослабляемой потерянными видами на лучшее будущее, говоритъ онъ о своемъ времени и спрашиваетъ своихъ слушателей: что въ этомъ мірѣ можетъ привлекать насъ? Вездѣ мы видимъ плачь, вездѣ слышимъ стоны. Разрушены города, разорены станы, опустошены поля, въ пустыню обратилась земля. Ни одного жителя не осталось въ деревняхъ, почти ни одного не осталось и въ городѣ; и между тѣмъ и самыя малые остатки человѣческаго рода доселѣ поражаются ежедневно

и безъ перерыва. И конца нѣтъ казнятъ небеснаго правосудія; потому что и при казняхъ не сокращаются преступныя дѣянія. На нашихъ глазахъ одни уведены въ плѣнъ, другіе изувѣчены, третьи убиты. Что же въ этомъ мірѣ можетъ привлекать насъ, братія возлюбленные? Если и такой міръ мы любимъ, то мы любимъ уже не радости, а раны. Мы видимъ, чѣмъ сталъ теперь самый Римъ, который когда-то былъ владыкою міра. Онъ удрученъ неизмѣримыми печалами, бѣдствіями гражданъ, нападеными враговъ; частыми разрушеніями. На немъ мы видимъ исполнившимся то, что сказалъ пророкъ о городѣ Самаріи: *поставь котель, поставь и налей въ него воды, сложи въ него куски мяса* (Иез. XXIV, 3. 4.) и немного пося: *и вскипѣло вареніе его, и кости его разварились въ немъ* (5). И еще: *собери кости, которыя я сожгу огнемъ: и истаетъ мясо, и сварится весь составъ, и кости истлѣютъ. Поставь потомъ пустой котель на горящія угля, чтобы онъ разгорячился, и мѣдь его растопилась* (10. 11). Тогда для насъ поставленъ котель, когда основанъ этотъ городъ. Тогда въ него налита вода и собраны куски его, когда къ нему со всѣхъ сторонъ стеклись народы, которые какъ горячая вода кипѣли дѣлами міра и какъ куски мяса варились въ своемъ жару. Хорошо сказано о немъ: *вскипѣло вареніе его, и кости его разварились въ немъ*; потому что въ немъ прежде сильно кипѣли дѣла славы свѣтской, а потомъ исчезла и самая слава вмѣстѣ съ тѣми, которые гонялись за нею. Кости означаютъ сильныхъ вѣка, а мясо — народы; потому что какъ мясо носится костями, такъ и сильными вѣка управляется слабость народовъ. Но вотъ исчезли изъ него всѣ сильные вѣка сего: разварились кости. Вотъ пропали народы, истаяло мясо его... Гдѣ теперь сенать? Гдѣ народъ? Истлѣли кости, истаяло мясо, истреблено въ немъ все ложное величіе свѣтскихъ достоинствъ. Сварится весь составъ его. И насъ немногихъ оставшихся до нынѣ ежедневно поражаютъ

меча, ежедневно подавляют смятения:... Но что мы говоримъ о людяхъ, когда мы видимъ что при учащающихся разрушеніяхъ гибнуть и самыя зданія? Потому о городѣ опустѣломъ можно сказать: пусть разгорячится и жидъ его растопится. Уже сожигается самый котель, въ которомъ прежде сожигалось мясо и кости; потому что послѣ того, какъ пади люди, падаютъ и стѣны. Гдѣ теперь тѣ, которые когда-то услаждались его славою? Гдѣ ихъ вышность? Гдѣ гордость? Гдѣ частое и неумѣренное веселіе?...

Но то, что мы говоримъ о сокрушеніи города Рима, совершается во всѣхъ городахъ міра. Одни мѣста опустошены войною, другія пострадали отъ меча, третьи истощены голодомъ, четвертыя поглощены челюстями земли ¹⁾.

Не часты въ бесѣдахъ Григорія на Іезекиіля обращенія мысли и слова къ своему времени, но когда встрѣчаются они, всегда проникнуты однимъ скорбнымъ чувствомъ. Есть характеристичныя вѣха, современнаго Григорію, въ его бесѣдахъ на Евангеліе ²⁾ и въ другихъ его сочиненіяхъ ³⁾, но всё онѣ изображенія той жалобной картины, какую мы сейчасъ представляли. Видно, что здѣсь слышится голосъ наболѣвшаго сердца, и въ немъ, въ этомъ сердцѣ, не было мѣста для другихъ чувствъ и возрѣній по отношенію къ своему времени. Подъ давленіемъ тяжелыхъ несчастій въ немъ сложилась и окрѣпла мысль о близкой кончинѣ міра, и онъ видѣлъ уже наступившее начало его гибели. Занятый этою мыслию, онъ отвлекалъ умы и сердца своихъ слушателей отъ мірскихъ пристрастій, и увѣщавалъ ихъ съ приближеніемъ конца міра оставить всѣ желанія міра.

Есть другіе эпизоды, прерывающіе теоретическое толкованіе пророческихъ символовъ. Они являлись не по тѣмъ мотивамъ, изъ

¹⁾ L. II. N. VI. c. 22—24. p. 1009—1011.

²⁾ N. I. c. 5 p. 1080. N. XXVIII. c. 3. p. 1212—3.

³⁾ Dialog. L. III, 38.

нашихъ возникали плачевныя іереміады о несчастіяхъ своего вѣка, но основной тонъ ихъ такой же грустный, какой слышится въ случайныхъ воспоминаніяхъ объ обстоятельствахъ своего времени. Видно, что въ душѣ проповѣдника глубоко укоренено было меланхолическое настроеніе, соединенное съ преданностію волѣ Божіей. Натура мягкая, сердечная, обращенная внутрь самой себя, и ношившая въ себѣ сознаніе высокихъ аскетическихъ идеаловъ, она не чувствовала спокойствія и самодовольства, когда подвергала свою дѣятельность строгому самоиспытанію и когда представляла себѣ судъ Божій, предъ которымъ постоянно ходила. Естественныя, воспитанныя временемъ, склонности влекли св. Григорія въ монастырь для подвиговъ уединенія и молитвы, но обстоятельства, управляемая высшею Волею, вызывали его на чреду общественнаго служенія и поставляли на самоѣ видномъ мѣстѣ въ церкви. Тяжело было его благочестивой душѣ нести бремя правленія и вмѣсто молитвы и богомыслія заниматься заботами правленія и хлопотами о разнообразныхъ, часто мелочныхъ дѣлахъ, иногда вовсе несвойственныхъ пастырю церкви. А священный идеалъ служителя Божія, который онъ желалъ и старался осуществить, его благоговѣйное сознаніе поставляло на такой высотѣ, которая не легко достижима, и онъ чувствовалъ за собою вину и отвѣтственность предъ Богомъ за свое служеніе недостигающее предносіягающаго предъ нимъ идеала. Отсюда частая его пастырская исповѣдь, въ которой онъ, по побужденію своего сердца, всанародно обличалъ свое недостойнство и смиренно просилъ у пастыря молитвъ предъ Богомъ о томъ, чтобы Единный Пастыречья начальникъ помогъ ему не падая нести тяжелое бремя его служенія. Трогательныя самообращенія, исполненныя глубокаго христіанскаго чувства, не разъ прерываютъ рѣчь, посвященную указанію внутренняго знаменованія символовъ пророка, и они производятъ на сердце читателя и слушателя мягкое и впечатлѣніе, подобное тому, какое производятъ задушевныя признанія дружескаго сердца въ искренней бесѣдѣ.

На проповѣдникахъ и пастыряхъ церкви св. Григорій, при толкованіи Іезекііля, останавливался своею мыслію едва ли не чаще, чѣмъ на какомъ либо другомъ предметѣ, частію по вызову текста пророческаго, частію по движенію своего самосознанія. Внутреннее чувство и пастырская совѣсть подслащивали ему мысли о пастырскомъ долгѣ и тамъ, гдѣ есть, хоть отдаленное, указаніе на него, и даже тамъ, гдѣ символическій образъ казался не давалъ никакого намека на пастырскія обязанности, напримѣръ при опредѣленіи знаменованія прегражденій и междустоній (40 17), притворовъ и трапезъ (39—43) въ зданіи, видѣнномъ Іезекіелемъ на горѣ. Говоря объ ихъ значеніи, св. Григорій съ благоговѣніемъ относится къ ихъ долгу, вида въ нихъ рѣчи, орошающіе и оплодотворяющіе всю церковь ¹⁾, и представляя ихъ стражами народа, стоящими на высотѣ и долженствующими свѣтить всѣмъ своею жизнію и быть какъ бы провидѣніемъ для всѣхъ, но въ то же время со страхомъ за нихъ по причинѣ великой отвѣтственности, на нихъ лежащей ²⁾. При мысли объ этой-то отвѣтственности онъ не можетъ сдержатъ своего трепетнаго чувства, и публичнымъ самообличеніемъ облегчаетъ себѣ отъ давящей чувства тяжести. «О какъ тяжело для меня (признается онъ) то, что я говорю; потому что говоря это я поражаю самого себя; такъ какъ ни языкъ мой не держитъ проповѣди какъ должно, ни жизнь моя не слѣдуетъ языку сколько нужно. Часто занимаюсь я праздными словами, а отъ увѣщанія и назиданія ближнихъ уклоняюсь по небрежности и безчувствію. Предъ лицомъ Бога я сдѣлался и нѣмъ и многорѣчавъ;—нѣмъ въ необходимомъ, многорѣчивъ въ праздномъ. Но вотъ рѣчь Бомія о жизни стража побуждаетъ меня говорить. Молчать не могу, и между тѣмъ говоря боюсь поражать самого себя. Буду говорить, буду говорить, чтобы мечь слова

¹⁾ I. I. N. X. c. 41. p. 902—3.

²⁾ I. I. N. XI. c. 4. p. 9, 10, 11, 12. 28. 27.

Божія прошель чрезъ меня и пронизль сердце ближняго. Буду говорить, чтобы глаголь Божій звучалъ противъ меня чрезъ меня же самого. Я не отрицаю своей виновности и вижу свою слабость и нерадѣніе. Можетъ быть, у милосердаго Судии самое сознание вины послужить къ испрошенію прощенія. Живя въ монастырѣ я старался воздерживать языкъ свой отъ празднословія и почти постоянно направлять умъ къ молитвѣ. Но послѣ того какъ на рамена свои я принялъ пастырское бремя, духъ мой не можетъ постоянно сосредоточиваться въ самомъ себѣ; потому что развлекается многими. Я вынужденъ разбирать тѣ дѣла церкви, тѣ дѣла монастырей, а часто жизнь и поступки частныхъ лицъ, то долженъ входить въ дѣла гражданъ, то печалиться при видѣ устремляющихся мечей варваровъ и бояться волковъ, нападающихъ на вѣренное мнѣ стадо, то хлопотать о томъ чтобы не остались безъ помощи тѣ которые держатъ порядокъ, то терпѣливо сносить являющихся грабителей, то противодѣйствовать имъ по побужденію любви. Итакъ если къ столькимъ и такимъ моментамъ увлекается мой умъ, разсѣивающійся и расторгаемый, когда возвратится ему къ себѣ, самому, чтобы собрать всего себя для прочевѣдія и не уклоняться отъ служенія слова? А по-снску часто вынуждаемый своимъ положеніемъ, я вхожу въ сношенія съ свѣтскими людьми, то иногда ослабляю сдержанность языка. И если самъ стараюсь не уклоняться отъ правилъ, предписываемыхъ моею совѣстію, то другихъ слабѣйшихъ не влеку къ тому, къ чему стремлюсь. Отъ чего бываетъ что часто и праздно, терпѣливо, выслушиваю отъ нихъ. Но такъ какъ самъ я слабъ, то на короткое время вовлеченный въ пражныя рѣчи, уже охотно начинаю говорить то, что началъ слушать неволью. И гдѣ не хотѣлось падать, тамъ я добровольно лежу. Итакъ кто же я, и какой я стражъ когда не стою на горѣ дѣла, но доселѣ лежу въ юдоли немощей? Творецъ можетъ дать мнѣ недостойному и высоту жизни, и силу языка, и Искупитель рода че-

ловѣческаго по любви къ которому въ изъясненіи Его словъ я не щажу и себя» ¹⁾).

Въ томъ же словѣ, изъ котораго мы привели трогательную рѣчь самообличенія, заходитъ слово о покаяніи, и толкователь опять пускается въ изліянія благочестивыхъ чувствъ своего нѣжнаго и впечатлительнаго сердца. «Я желалъ бы отвратить отъ себя очи свои, и вотъ опять божественное слово обращаетъ меня въ себѣ самому, чтобы я видѣлъ свое нерадѣніе, и убоялся того, что слышу. Ибо, какъ я выше сказалъ, чье сердце, разсѣянное въ безчисленныхъ хлопотахъ, можетъ сосредоточиться въ себѣ самомъ? Когда я могу и заботиться о всемъ томъ, что вокругъ меня, и сосредоточенною мыслию смотрѣть за самимъ собою? Когда могу обличеніями исправлять нечестіе развращенныхъ хвалою и увѣщаніями охранять дѣйствія добрыхъ, однимъ показывать страхъ другимъ радость? Когда могу помышлять о томъ, что необходимо для братьевъ, и заботиться объ оправданіи города противъ вражескихъ мечей, хлопотать о томъ, чтобы отъ нечаяннаго нападенія не погибли граждане, и въ тоже время держать дѣйственное слово увѣщанія для охраненія душъ? Ибо говорить о Богѣ можно только спокойному и свободному уму. Тогда слово хорошо управляется въ рѣчи, когда чувство безопасно находитъ въ тишинѣ; и взволнованная вода не отражаетъ образа того, кто смотритъ на нее, но только тогда видно въ ней лице идушаго, когда она не движется. Итакъ братіе возлюбленные, какое увѣщаніе сдѣлаетъ вамъ страждъ вашъ, котораго возмущаетъ такая смѣшеніе вещей» ²⁾?

Съ грустнымъ тономъ, проникающимъ тѣ эпизоды въ толкованіи на Іезекіиля, въ какихъ св. Григорій касается современнаго политически-общественнаго состоянія своего отечества или

¹⁾ L. I. Hom. XI. c. 5. 6. p. 907—8.

²⁾ L. I. H. XI. c. 26. p. 917. См. еще с. 29. p. 919.

выражаетъ свое аскетически-пастырское настроеніе, воплощъ гармонируетъ характеръ тѣхъ правоученій, какія вылетаютъ въ истолковательную рѣчь проповѣдника. Въ тѣхъ правоученіяхъ виденъ строгій аскетъ, привышій отрицательно относиться къ обыкновеннымъ наслажденіямъ жизни, зовущій всѣхъ къ подвигу покаянія и выставляющій предъ всѣми силу и необходимость слезъ, которыя могутъ омытъ наши скверны душевныя и фунить намъ радости неба. Не нужно искать примѣровъ въ подтвержденіе этикъ положавій: они всюду, гдѣ заходитъ у св. Григорія рѣчь о жизни, о положеніи и долгѣ челоуѣка. Ему напримѣръ крылья, которыми покрывали тѣла свои животныя, описанныя Іезекиилемъ, напоминаютъ страхъ и покаяніе, которыми святыне покрываютъ себя предъ Богомъ, а распускающіяся и опускающіяся крылья внушаютъ мысль о самобичеваніи, которому подвергаютъ себя и совершенные. И жизнь святыхъ совершенныхъ и жизнь стремящихся и обращающихся къ добродѣтели предъ его глазами покрыта одинаковымъ темнымъ покровомъ. Тѣ оплакиваютъ свои грѣхи и крылья добродѣтелей простертаютъ на ближнихъ, служа для нихъ примѣромъ, а эти смотрятъ на нихъ слезы и подражаютъ имъ, — въ нѣтъ на свои нечестія возбуждаются къ самобичеванію и стараются покрыть себя крыльями своихъ слезъ ¹⁾. «И мы (послѣ подобныхъ разсужденій обращается къ слушателямъ своимъ св. Григорій), младенцы въ добродѣтели, всегда должны имѣть предъ глазами ума своего и добродѣтели и слезы совершенныхъ. Будемъ подражать тому, что видимъ въ нихъ чтобы начавшіе возрастать въ добрѣ, могли покрыть божіинное нами зло отъ будущаго строгаго суда. Въ непрестанныхъ сѣтованіяхъ, въ каждодневномъ покаяніи мы имѣемъ Священника на небесахъ, который ходатайствуетъ за насъ. О немъ говорится у Іоанна: *аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы къ Отцу, Іисуса Христа*

¹⁾ L. I. Hom. VIII. с. 22. 23. p. 351—3.

праведника, и той очищеніе есть о грѣсахъ нашихъ (1 Іоан. 2, 1). Вотъ радуется духъ нашъ когда слышитъ о силѣ нашего Ходатая. Но страхъ опять тревожитъ нашу радость; потому что Ходатай нашъ называется праведнымъ. Ибо мы имѣемъ много неправыхъ дѣлъ; а праведный Ходатай никакимъ образомъ не принимаетъ на себя дѣлъ неправедныхъ, и не соглашается сказать слово за неправду. Что же сдѣлаемъ, братіе мои возлюбленные? Но вотъ душѣ моей приходитъ на мысль, что нужно сдѣлать. Оставимъ и осудимъ то зло, которое мы совершили. Написано: *праведникъ себе самую олагодѣньи въ правословіи* (Притч. 18, 17). Всякій грѣшникъ, обратившійся со слезами, уже начинаетъ быть праведнымъ, когда станетъ осуждать то, что сдѣлалъ. Ибо не есть ли уже праведенъ тотъ, кто со слезами возстаетъ противъ своей неправды? ¹⁾

Слезы, къ которымъ любилъ призывать своихъ слушателей нашъ проповѣдникъ, по его словамъ, ведутъ насъ къ источнику милосердія, и онъ увѣрялъ ихъ, что ихъ слезы будутъ приняты тамъ, гдѣ приняты слезы безчисленнаго множества людей. Предъ ихъ глаза онъ выставлялъ разительные примѣры благотворнаго дѣйствія слезъ: слезами въ источникѣ милосердія омылъ свою скверну Давидъ послѣ тяжкой вины своей, слезами очистилась Марія Магдалина, прежде бывшая великою грѣшницею. Въ источникѣ милосердія слезами омылъ свое отреченіе Петръ апостолъ, и благоразумный разбойникъ вину прежней жизни своей ²⁾...

При общемъ тонѣ покаяннаго грустнаго настроенія, среди уясненія символовъ пророка, одно отрадное воспоминаніе одушевляетъ толкователя. Свободно погружаясь въ глубину богословія, созерцающая величіе таинъ которыя ясно раскрылись предъ взоромъ христіанскаго общества, св. Григорій исповѣдуетъ благодать Иису-

¹⁾ L. I. Hom. VIII, c. 24, p. 853.

²⁾ L. II. H. VIII, c. 19—21, p. 1039—1041.

интели, призвавшаго насъ изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ, и даровавшаго намъ видѣть великое и непостижимое. Въ благодарномъ чувствѣ предъ Богомъ неразъ, среди своихъ размышленій, вызываемыхъ текстомъ пророка, онъ обращается къ слушателямъ, и проситъ ихъ припомнить и представить, кто мы и откуда пришли, и до изслѣдованія какихъ возвышенныхъ тайнъ поднимаемся. Въ лицѣ древнихъ праотцевъ мы были поклонниками идоловъ, чтили деревья и камни, но вотъ по духу благодати вслѣдываемъ небесныя слова. Откуда это намъ?.. ¹⁾ Возблагодаримъ Единого, который премудрою и всеблагою волею ведетъ насъ и весь родъ человѣческій къ предуказанной намъ цѣли ²⁾.

В. Плевницкій.

¹⁾ L. I Н III. с. 19 р. 814.

²⁾ L. II Н IV. с. 19. р. 983—4. Н. VI. с. 21. р. 1009.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ.

(По поводу статьи г. Стасова «Происхождение русскихъ былинъ», въ Вѣст. Евр. 1868 г. кн. 1, 2, 3, 4, 6 и 7 и отвѣта его на критику его теоріи въ статьѣ «Критика мнѣнхъ критиковъ» въ Вѣст. Евр. 1870 г. кн. 2 и 3).

Значительная часть настоящей статьи, заключающая въ себѣ опредѣленіе различія между народной и искусственной поэзіей и частію теорію происхожденія и развитія мѣзовъ, была написана уже два года тому назадъ, тотчасъ по появленіи первыхъ отдѣловъ стоящаго въ заглавіи сочиненія г. Стасова. Она была вызвана не столько желаніемъ печатно опровергнуть мнѣнія г. Стасова, сколько потребностію уяснить себѣ самому казавшіяся истинными воззрѣнія, почему, замѣчу мимоходомъ, общія и основныя понятія о мѣвахъ занимаютъ въ ней такое видное мѣсто. Читая по частямъ сочиненіе г. Стасова, я поражаюсь странностію многихъ его выводовъ и рѣшился внимательнѣе изучить причину ихъ—произвольность пріемовъ и метода изслѣдованія. О печатномъ обнародованіи своихъ мнѣній я мало думалъ, частію потому, что это было дѣломъ почти непривычнымъ для меня, а частію и потому, что я не имѣлъ возможности въ пору и въ мѣлостномъ видѣ прочесть сочиненіе г. Стасова. Книжки Вѣстника Европы, гдѣ помѣщено указанное сочиненіе, попадались мнѣ въ руки иногда черезъ многіе мѣсяцы одна послѣ другой;—такова горькая участь людей, слѣдящихъ за наукой въ мелкихъ губернскихъ городахъ. При подобныхъ же обстоятельствахъ интересъ къ дѣлу

Неизбѣжно пропадаетъ. Затѣмъ явились разныя хлопоты, не рѣдко вовсе не научнаго характера, и моя рукопись завалилась между бумагами. О судьбѣ воззрѣній г. Стасова въ нашемъ ученomъ мѣрѣ и въ литературѣ я зналъ весьма не много. Были ли возраженія на его теорію и какія именно,—не читалъ и не слышалъ. Впрочемъ я слышалъ, что нѣкоторые готовы всякое положеніе г. Стасова считать аксіомой и посажденнымъ словомъ науки. Послѣ оказалось, что возраженія были, а г. Орестъ Маллеръ представилъ оригинальное по формѣ возраженіе—огромное самостоятельное изслѣдованіе объ Идѣ Муромцѣ. Въ «Британскіхъ моихъ критиковъ» г. Стасовъ успѣшилъ опровергнуть возраженія своихъ оппонентовъ, по крайней мѣрѣ официальныхъ, при чемъ повторилъ главнѣйшія изъ нихъ. Въ эту именно пору обстоятельства мои измѣнились, и я получилъ возможность читать довольно большое количество повременныхъ изданій; такимъ образомъ мнѣ привелось прочесть, даже очень скоро, новую статью г. Стасова. Въ ней я встрѣтилъ тѣ же взгляды, которые меня непріятно поразили въ первой статьѣ его, безъ новыхъ доказательствъ, и кое-какія новыя мнѣнія, съ которыми я тоже никакъ не могъ согласиться; мало того, въ ней какъ будто проглядываетъ яроическое пренебреженіе къ правильному приему доказательства мнѣній. Вновь я не выдержалъ, чтобы чтеніе статьи не сопровождалось возраженіями, на этотъ разъ даже съ цѣлью, если возможно, печатно высказать свои мысли. А чтобы связать этотъ отрывокъ съ прежнимъ, я рѣшился прочесть вновь первую статью г. Стасова, чтобы составить цѣлостный взглядъ на его теорію. И надобно сознаться, впечатлѣніе, полученное мною на этотъ разъ, было болѣе выгодно для статьи г. Стасова, чѣмъ это было прежде, при чтеніи ея урывками. Большую часть сдѣланныхъ имъ частныхъ сближеній русскихъ и восточныхъ сказаній нельзя было не признать удачными, особенно же тамъ, гдѣ дѣло идетъ о существенномъ содержаніи сказаній—о выраженныхъ въ нихъ народныхъ

религиозно-стакійныхъ воззрѣніяхъ. Оказалось даже возможнымъ согласиться со многими общими взглядами его на русскія и восточныя сказанія, напр. на характеръ, сходства и особенности ихъ, поелику здѣсь онъ по большей части стоялъ еще на фактической почвѣ, обобщалъ лишь факты. Странность, фантастичность и нелогичность другихъ взглядовъ этого рода легко объясняется увлеченіемъ г. Стасова своими шнимыми открытіемъ; притомъ тѣми же недостатками страдаютъ иногда и взгляды на былины предшественниковъ г. Стасова, вызвавшіе его на борьбу съ ними и съ самими былинами. Но... иное приходится сказать о ссылакахъ г. Стасова на законы народнаго вообще и въ частности баснословнаго творчества; здѣсь мы замѣчаемъ поразительное забвеніе самыхъ общезвѣстныхъ истинъ. И это тѣмъ для меня страннѣе, что рядомъ съ такими ссылами мелькомъ встрѣчаются и глубоко-основательныя взгляды на этотъ предметъ, оставленные однакожъ безъ приложенія. Поелику же указанныя ссылки играютъ у г. Стасова роль общей посылки въ его окончательномъ выводѣ— признаніи дочернаго отношенія русскіхъ былинъ къ восточнымъ сказаніямъ; повятно, насколько можно дать вѣры этому выводу. Не менѣе ошибокъ замѣчаемъ у г. Стасова и тамъ, гдѣ онъ считаетъ удобнымъ для себя сослаться на русскую жизнь, старую и новую. Противъ нихъ не можемъ не возражать.

Задумывая два года тому назадъ критику статьи г. Стасова, я имѣлъ намѣреніе подробно разобрать всѣ приведенныя г. Стасовымъ восточныя пересказы и свести ихъ съ доступными для меня сказаніями европейскіхъ народовъ; словомъ сдѣлать нѣчто подобное тому, что сдѣлано Орестомъ Миллеромъ для былинъ объ Ильѣ Муромцѣ. И теперь нѣкоторое время думалъ— было объ атомъ, но устранился громадности труда, который, по атому самому, могъ быть мнѣ не по силамъ и средствамъ; дѣло же вполнну не имѣло бы серьезнаго результата. Поэтому я нахожусь, вынужденнымъ оставить этотъ планъ, сохраняя надежду на выполненіе

есо при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Въ настоящей же статьѣ ограничусь разборомъ общихъ взглядовъ г. Стасова на былинны и на сущность и развитіе народнаго баснословнаго творчества, послужившихъ основаніемъ для изобрѣтенной имъ теоріи, при чемъ будетъ обращено мною вниманіе и на логическую основательность заключеній или выводовъ у г. Стасова, послѣдку и въ этомъ отношеніи трудъ г. Стасова не безъ грѣшковъ. Я не отпущу также случая возражать фактически на фактическія ошибки г. Стасова.

I.

Изученіе русскихъ былинъ, ихъ происхожденія и смысла— дѣло очень недавнее. Столько же ново и вообще изученіе русской мифологіи; капитальныя сочиненія по этому предмету всѣ относятся къ недавнему времени, и только въ настоящую пору, благодаря почтенному труду Афанасьева, мы имѣемъ полный сводъ всѣхъ фактовъ, относящихся къ разнымъ вопросамъ русской мифологіи. Наука о мифологіи или религіозномъ развитіи человѣчества только что начинаетъ обособляться и выдѣляться изъ массы родственныхъ наукъ. Между тѣмъ въ настоящее время нужно ли комунибудь доказывать права этой науки на самостоятельность, указывать важность ея въ объясненіи исторической жизни человѣчества? Нужно ли говорить, что съ религіей до эпохи откровенія, мало сказать тѣсно связана, органически слита вся умственная, нравственная и бытовая жизнь человѣчества, что съ нею имѣютъ внутреннюю связь и формы политической жизни народовъ? Поэтому всякій образованный человѣкъ имѣетъ право интересоваться судьбой этой науки, радоваться ея успѣхамъ и печалиться о признакахъ обратнаго движенія въ ней.

Успѣхъ каждой науки выражается не только, и даже можно сказать, не столько, въ накопленіи фактовъ, въ расширеніи внѣшняго объема науки, сколько въ лучшемъ объясненіи фактовъ, въ улучшеніи метода обобщенія ихъ. Не къ тому ли времени от-

носятся быстро прогрессивное движеніе естественныхъ наукъ, какъ былъ принятъ современный опытный методъ естествознанія? Не того ли же ждутъ для своего развитія и другія науки, дающія въ настоящее время больше знаній, чѣмъ знанія? Часто одинъ вѣрный взглядъ, брошенный на предметы, лучше объясняетъ ихъ, чѣмъ кропотливое нагроможденіе фактовъ. Онъ вводитъ тамъ простоту, гдѣ послѣдніе лишь усложняли и запутывали дѣло. Долгое время планетный міръ, построенный по системѣ Птолемея, представлялъ сложную и запутанную машину съ взаимно перекрещивающимися колесами, которую каждое новое открытіе въ планетномъ мірѣ только болѣе усложняло, пока смѣлый умъ Коперника, поставивъ неподвижное солнце въ центрѣ планетъ, не заставилъ ихъ въ стройномъ, дивномъ по простотѣ, порядкѣ и гармоніи течь по указанной каждой изъ нихъ орбитѣ. Каждый успѣхъ въ объединеніи и объясненіи фактовъ служитъ залогомъ новыхъ успѣховъ; онъ вызываетъ на трудъ новыя, молодыя силы и даетъ ихъ мысли на первыхъ порахъ устойчивость, твердый фундаментъ для собственныхъ ихъ построеній. Тогда какъ обиліе фактовъ, невѣрно объединенныхъ пугаетъ неопытные еще умы, спутываетъ ихъ мысли, увлекаетъ ихъ изысканія на дорогу ложныхъ, бесплодныхъ соображеній. Все это заставляетъ образованнаго человѣка особенно радоваться успѣху наукъ въ обобщеніи и объясненіи своего матеріала, приветствовать появленіе всякаго лучшаго приѣма въ этомъ отношеніи. Зато какъ неприятно встрѣтить въ новомъ произведеніи незнаніе или умышенное забвеніе приѣмовъ обобщенія и объясненій матеріала, принятыхъ наукой и получившихъ въ ней право гражданства, оказавшихъ уже развитію науки большія услуги и еще болѣе обещающихъ въ будущемъ! Право, какъ будто теряешь вѣчто дорогое, чѣмъ уже владѣлъ.

Признаюсь, съ такимъ именно чувствомъ я читалъ сочиненіе г. Стасова. «Происхожденіе русскихъ былинъ». Трудъ его поч-

тенный; фактовъ подобрано очень много. Большая часть восточныхъ пересказовъ русскихъ былинъ адѣсь въ первый разъ встречается въ нашей литературѣ. Самый выборъ Стасовымъ фактовъ для сравненія въ средѣ восточныхъ сказаній заслуживаетъ благодарности всѣхъ интересующихся этимъ предметомъ, особенно же лицъ, неимѣющихъ возможности пользоваться подлинниками ихъ, или переводами на европейскіе языки, помѣщенными въ разныхъ ученыхъ, большою частію дорогихъ, изданіяхъ. Благодаря ему, область научныхъ изслѣдованій значительно расширилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, открылась возможность дѣлать болѣе широкія и болѣе вѣрныя обобщенія. Но послѣ всѣхъ успѣховъ науки въ объясненіи происхожденія и значенія созданій русскаго народнаго, особенно же мифологическаго творчества, въ трудахъ Хомякова, Аксакова, Буслаева, Афанасьева, страшно встрѣтить взглядъ Стасова, ничего необъясняющій, который, еслибы и былъ справедливымъ, потребовалъ бы длинныхъ историческихъ изысканій, чтобы быть принятымъ наукой. Къ тому же Стасовъ считъ себя въ правѣ, по моему мнѣнію нѣсколько раненію, отнестись свысока, съ ироніей къ взглядамъ на былинны большей части указанныхъ выше ученыхъ. Конечно, взглядъ Стасова найдетъ себѣ основательное опроверженіе со стороны нашихъ ученыхъ, специалистовъ дѣла ¹⁾, но и я, насколько понимаю, вижу несостоятельность его, а потому не могу не возражать.

Пріемы Стасова при раскрытіи происхожденія русскіхъ сказокъ и былинъ, вкраткѣ состоятъ въ слѣдующемъ: въ русскомъ народномъ эпосѣ встрѣчается такая-то сказка или былина; наши ученые видятъ въ ней коренное произведеніе нашего народнаго

¹⁾ Теорія Стасова дѣйствительно подверглась, сколько кажется, серьезной критикѣ, при присужденіи ему за означенное сочиненіе преміи; но къ сожалѣнію, въ литературѣ подобныя оффиціальныя критики остаются неизвѣстными.

творчества, находятъ, что она «представляетъ несомнѣнные, чистѣйшіе, самостоятельные элементы русскіе, какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ», представляетъ черты древне-русскихъ понятій, нравовъ и обычаевъ, которыя они и вносятъ цѣлкомъ въ исторію русскаго народа, вообще смотрятъ на нихъ какъ на «страницы изъ дѣтописи». Но... подобные рассказы, и притомъ болѣе пространные и болѣе связные, есть и у восточныхъ народовъ—монголовъ, тибетцевъ и индусовъ; следовательно эта русская былина не русскаго происхожденія, а составляетъ лишь не вездѣ удачное сокращеніе и перемѣну восточныхъ разсказовъ; следовательно видѣть въ ней черты древне-русскихъ понятій, нравовъ и обычаевъ—чистѣйшая фантазія, если не сказать болѣе, созданная патріотизмомъ русскихъ ученых¹⁾.

1) На этомъ основаніи иной западникъ, пожалуй, наскочитъ тысячу «разъ о бѣдности и несамостоятельности русской мысли и природы. Что, скажетъ, русской народъ выдумалъ самъ?—самоваръ, да и то взялъ отъ татаръ. Хвалились, что выдумали былины, а вотъ Стасевъ доказалъ, что вы ихъ украли, да и украсть-то толкомъ не умѣли,—у кровныхъ азіатцевъ: монголовъ, тибетцевъ, индусовъ и т. п. Конечно подобныхъ выводовъ я не хочу приписывать Стасову и вообще не желаю мѣшать дѣло науки съ разными разглагольствіями нашихъ quasi-просвѣщенныхъ людей, но пользуюсь случаемъ замѣтить, какъ невѣрные научные приемы въ объясненіи явленій русской мысли и жизни естественно влекутъ за собою невѣрные и подъ часъ обидные для русскаго патріотизма взгляды на русскую жизнь. И Стасевъ однакожъ оказывается не безъ грѣшка въ этомъ отношеніи. Въ «Критикѣ моихъ критиковъ» Стасевъ сознается, что онъ нѣбрежно сталъ изучать былины со стороны ихъ фантастичности и невародности, въ надеждѣ, авось этимъ путемъ не получатся ли лучшіе результаты, чѣмъ тѣ, какіе онъ встрѣчалъ у нашихъ ученыхъ. Изъ этого видно, что теорія Стасова нѣкоторымъ образомъ предшествовала изученію фактовъ и составляетъ поэтому предзанятую группу (если не систему) понятій, которая могла создаться только на почвѣ западничества. Понятно, какое дѣйствіе должна была имѣть подобная предзанятность (или предубѣжденіе, предрасудокъ—что хотите) на научную справедливость въ выводахъ изъ фактовъ, даже на вѣрность оцѣнки или пониманія самихъ фактовъ. Ею только я допускаялъ возможность объяснить себѣ, какииъ обра-

Кажется, я вѣрно резюмировалъ приемъ изслѣдованія Стасова. Я думаю, что въ этомъ приемѣ и непосвященному въ науку не трудно замѣтить логическую несостоятельность. Рассказы, подобные русскимъ былинамъ, есть и у восточныхъ народовъ, *следовательно* русскія былинны составляютъ передѣлку восточныхъ рассказовъ. Насколько это *следовательно* слѣдуетъ? Увидимъ. Почему нельзя сказать наоборотъ: рассказы, подобные русскимъ былинамъ, есть и у восточныхъ народовъ, *следовательно* сказанія послѣднихъ заимствованы изъ русскихъ былинъ? Я думаю, логика равно допускаетъ и то и другое предположеніе. Почему также нельзя предположить, что тѣ и другія происходятъ, независимо другъ отъ друга, отъ одного древнѣйшаго, неизвѣстнаго Стасову, источника? Почему не подумать, что кое-въ чемъ рассказы разныхъ народовъ сходятся случайно? Наконецъ, и особенно, почему не принять, что русскіе и азіатскіе рассказы и возникли и развивались равно самостоятельно, сошлись же въ признакахъ потому, что изображаютъ одну и ту же вещь? Вѣдь объ одномъ и томъ же предметѣ и европеецъ и краснокожій и монголъ по необходимости будутъ думать и говорить похоже. Вотъ сколько разныхъ *следовательно* можно вывести изъ мысли автора. На какомъ же основаніи изъ всѣхъ ихъ Стасовъ выбралъ лишь одно? На какомъ также основаніи, не успѣвъ выбрать одно *следовательно*, взглядъ, основанный на немъ, онъ считаетъ непререкаемой научной истиной, аксіомой?

Стасовъ выставляетъ слѣдующія причины предпочтенія одного *следовательно* другимъ. Во 1-хъ, восточные рассказы пространнѣе, связнѣе русскыхъ, и лучше мотивированы; заимство-

зомъ Стасовъ признавалъ сходства тамъ, гдѣ я, при всемъ моемъ стараніи, ради безпристрастія, ставъ въ положеніе Стасова, не находилъ ни малѣйшаго сходства.

ванія же и передѣлки, говоритъ онъ, всегда короче и хуже оригиналовъ. Очевидно, заключаетъ онъ, то—оригиналы, а русскія былины—копія. Это доказательство встрѣчается во многихъ мѣстахъ сочиненія Стасова «Происхожденіе русскихъ былинъ». Но при этомъ поражаетъ слѣдующая странность: первая посылка раскрыта докторальнымъ тономъ, весьма подробно, широкоуѣщательно; по всему видно, что она составляетъ любимую мысль Стасова;—вторая же посылка, если и высказывается, то высказывается голословно, мимоходомъ. Между тѣмъ, именно во второй послыгѣ, по построенію доказательства, и должна бы заключаться вся сила его, вся его доказательность. Вообще это доказательство имѣетъ какой-то странный характеръ; оно походитъ скорѣе на вѣщаніе оракула, чѣмъ на доказательство. Читатель просто приглашается вѣрить, что въ былинѣ тутъ то, *очевидно*, урѣзано, тамъ сокращено, тутъ два лица или событія слиты въ одно, тамъ выпущенъ такой-то мотивъ, этотъ мотивъ эпичнѣе и первоначальнѣе и т. д. Но почему всѣхъ этихъ фактовъ нельзя понимать въ обратномъ смыслѣ? На это Стасовъ въ большей части случаевъ не даетъ никакого отвѣта, кромѣ развѣ слова *очевидно*, ничего, прибавимъ отъ себя, *очевидно* не доказывающаго. Между тѣмъ важность, которую, повидимому, придавалъ ему Стасовъ, доказывается, по моему мнѣнію, уже количествомъ и объемомъ тѣхъ отрывковъ, въ коихъ оно излагается, о чемъ читатель можетъ судить по обилію представленныхъ ниже выписокъ изъ произведенія Стасова. Не можетъ же быть, чтобы мало-значущія разглагольствованія могли занимать въ статьѣ такое видное мѣсто ¹⁾).

¹⁾ Вотъ эти отрывки по порядку.—Послѣ сличенія былины объ Иванѣ Гостинюмъ-сынѣ съ пѣснями томскихъ шоровъ, Стасовъ такъ высказываетъ свой взглядъ на былинку: «Наша пѣсня объ Иванѣ Гостинюмъ-сынѣ заключаетъ въ себѣ, явнымъ образомъ, тѣ самые элементы, которые образовали пѣсню томскихъ шоровъ, съ тою только разницею, что эта по-

Во 2-хъ наши былины представляютъ, по словамъ Стасова, очень большое сходство съ восточными рассказами даже

слѣдняя излагаютъ подробно, пространно и со всѣми надлежащими побудительными причинами то, что въ нашей пѣсни является въ сокращенномъ, и, можно сказать, изувѣченномъ видѣ, а главное, является лишеннымъ всѣхъ мотивовъ, условливающихъ событія. При этомъ, какъ часто бываетъ съ пѣснями или поэмами, происшедшими отъ чужихъ оригиналовъ и укороченными, нѣсколько разныхъ лицъ слито въ одно лицо, нѣсколько разныхъ событій слито въ одно событіе» (Ист. Евр. кн. 2, стр. 683). Въ частности онъ находитъ: «Въ нашей пѣсни вовсе не видно, почему именно князь Владиміръ и всѣ его окружающіе держать сторону бурочки—косматочки: въ южно-сибирской пѣсни, напротивъ того, мотивъ очень ясно тутъ обозначенъ. Девять творцовъ (нашъ князь Владиміръ съ боярами, князьями и гостями) создали гнѣдого коня, а единый творецъ (нашъ владыка черниговскій) создалъ буланого коня Аранджулу, и между обѣими сторонами возникаетъ очень естественный закладъ: чей конь побѣдитъ? Это противоположеніе у насъ уже исчезло.

Въ русской пѣсни Иванъ Гостинный-сынъ пьетъ чару зелена вина въ полтора ведра—повидимому съ гора, и отъ страха проиграть закладъ. Но въ сибирской пѣсни Алтынъ-Эргекъ выпиваетъ сначала семь, а потомъ девять ведеръ вина потому, что его старается напоить до пьяна братъ его Алтынъ-Ташъ, которому нужно во время братнина сна увести коня его. Этотъ мотивъ, конечно, гораздо эпичнѣе и первоначальнѣе.

«Во время состязанія, конь Ивана Гостинаго-сына сталъ хватать своего господина зубами за шубу и выхватывать оттуда по черному соболу;—какая-то странная подробность, вовсе къ дѣлу не идущая, и ровно ничего незначащая: но это, конечно, не что иное, какъ искаженіе очень естественнаго и понятнаго мотива сибирской пѣсни, состоящаго въ томъ, что буланный конь Аранджула зубами схватилъ коня своего противника, перекусилъ ему жилу на затылкѣ, и тотъ отъ этого издохъ».

Яснѣе выразилъ Стасовъ свою мысль въ разборѣ былины о Ставрѣ-бояринѣ, въ которой онъ открылъ большое сходство съ пѣснію алтайскихъ татаръ: «Богатырьша добываетъ невѣсту, по нашей пѣсни одну, по алтайской—двѣ, и именно въ этомъ обстоятельствѣ съ особенною яркостію обозначается, что сибирская пѣсня гораздо древнѣе русской; что та—оригиналъ, а эта копія. У насъ героиня добываетъ невѣсту, и потому это ровно ни къ чему не ведетъ: невѣста остается въ тѣни, и мы нисколько не знаемъ, должны ли мы считать, что это фальшивое сватовство обезчестило или опечалило ее, и вообще что дальше вышло изъ этого. Въ

въ подробностяхъ; притомъ они болѣе походятъ на позднѣйшія сказанія позднѣйшихъ арійскихъ народовъ, чѣмъ на древнѣйшіе

алтайской пѣсни совсѣмъ иначе. Героиня добываетъ, въ видѣ невѣсты, двухъ женщинъ, но это не безцѣльно: онѣ дѣйствительно становятся женами ея брата: это одно изъ благъ, доставленныхъ любимому брату любящею сестрою, и жены эти никогда потомъ и не узнаютъ, что онѣ взяты изъ отцовскаго дома женщиной, а не мужчиной. Для всѣхъ остается тайною, что сестра Алтаича одно время принимала на себя видъ своего брата. Основательность и логичность мотивовъ всегда существуетъ въ древнѣйшихъ оригиналахъ, и затеривается лишь въ позднѣйшихъ копіяхъ».

Также полно высказана эта мысль при обсужденіи былинъ о Садкѣ. «Всего поразительнѣе то, что большинство первоначальныхъ, основныхъ мотивовъ дѣйствія, исчезло или искажено, подобно тому, какъ мы это уже видѣли въ другихъ мѣстахъ настоящаго изслѣдованія. Такъ наприм., сошествіе Садки въ море и пребываніе его у Морскаго-царя лишено у насъ всякаго значенія и дѣли, и, сверхъ того, является чѣмъ-то въ высшей степени непослѣдовательнымъ и безсвязнымъ! Садко спускается въ море въ видѣ жертвы, чтобъ умилостивить морское божество, а между тѣмъ это божество вовсе не принимаетъ его какъ свою жертву, повидимому забываетъ даже объ этомъ значеніи Садки, и только потѣшается его музыкой, да еще угощаетъ его добыча, а потомъ женить на своей дочери, и послѣ того Садко снова возвращается на землю. Далѣе, въ пѣсни остается совершенно не высказаннымъ, почему именно, по совѣту благодѣтельнаго старца, Садко долженъ взять на себя не одну изъ первыхъ, вторыхъ и третьихъ трехсотъ дѣвицъ, а ту, которая идетъ послѣ нихъ всѣхъ. Наконецъ, вообще говоря, Садко спускается въ море и выходитъ оттуда безъ всякихъ результатовъ: онъ только спасается отъ опасности, грозившей ему. Но и опасность эта, и преодоленіе ея, ровно ни къ чему не ведутъ. Въ восточныхъ оригиналахъ совсѣмъ иное дѣло. Какъ эти, такъ и всѣ остальные мотивы приведенныхъ рассказовъ вполне ясны, и всякій разъ имѣютъ свое основаніе» (Вѣст. Евр. 1868 г. кн. 3, стр. 240—241).

Въ другомъ мѣстѣ: «Изъ сравненія разныхъ восточныхъ оригиналовъ третьей пѣсни о Садкѣ мы вынесли убѣжденіе, что лишь въ позднія времена герой этого рассказа является купцомъ, и его похищенія имѣютъ купеческій характеръ. Въ болѣе древнихъ рассказахъ онъ представленъ то въ видѣ царевича, то царя, то брахмана, то существа уже вполне мифологическаго, и похищенія его имѣютъ характеръ то религіозный, то мифологическій, и даже стихійный. Тоже самое надо предполагать и о

разказы древнѣйшихъ аріицевъ, и еще болѣе на новѣйшія произведенія иноплеменныхъ тюркскихъ кочевыхъ народовъ. Это же

герой первыхъ моментовъ легенды и былины: по всей вѣроятности и онъ тоже, въ болѣе древнихъ разказахъ являлся не купцомъ, а царевичемъ, брахманомъ, существомъ мнѳологическимъ; и то, что представлено намъ, въ позднихъ редакціяхъ, буддійской и русской, подъ видомъ чуднаго разбогатѣнія его и скупанія потомъ товаровъ, имѣло въ началѣ совсѣмъ иной характеръ. Чѣмъ позднѣе является легенда, тѣмъ болѣе затеривается и искажается первоначальный, всегда вполне осмысленный разказъ, и тотъ мотивъ, котораго мы теперь болѣе не знаемъ, но который, мѣтросное, имѣлъ вполне удовлетворительное эпическое значеніе, въ легендѣ о Пурнѣ является уже разказомъ о купцѣ, который становится гордъ и старается насолить цѣлой корпорации купеческой—изъ мнѣнія за дурные съ нимъ поступки, а въ русской былинѣ представляется еще болѣе модернизированнымъ разказомъ о купцѣ—самодурѣ, расхваставшемся своимъ богатствомъ, и безъ цѣли и резона употребляющимъ его на безалаберное дѣло». (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 3, стр. 258—259).

Много, но безъ всякихъ доказательствъ, распространяется Стасовъ по поводу былины о Дунаѣ и о Ванькѣ Вдовкинѣ смѣтъ, считаемыхъ имъ почему-то особенно пелѣтными и чудовищными. О первой онъ говоритъ: «Наша былина представляетъ рѣшительно ничѣмъ не объяснимую смѣтъ грубости, пелѣтности и чудовищности. Какое означеніе имѣеть эта стрѣльба въ цѣль, гдѣ спорять о своемъ искусствѣ мужъ и жена? Какой смыслъ имѣеть это убійство жены мужемъ только за то, что она хвасталась? Что такое означаетъ это вырѣзываніе младенца изъ утробы убитой матери? По какой причинѣ и для какой цѣли совершается это непостижимое варварство? Далѣе, когда въ матерней утробѣ найденъ младенецъ, то почему герой, вмѣсто того, чтобы радоваться, что если уже убита мать, то по крайней мѣрѣ вышелъ на свѣтъ такой волшебный ребенокъ,—вмѣсто этого онъ вдругъ лишаетъ себя жизни? И наконецъ, почему ко всѣмъ этимъ чудовищнымъ дѣламъ прицѣплено ни съ того ни съ сего сватовство князя Владиміра, которымъ начинается былина, и которое, однакоже, не имѣеть далѣе никакихъ послѣдствій?» (Вѣст. Евр., 1868 г. кн. 4, стр. 677—678).

«Разказъ «Гариванзы» явно былъ однимъ изъ прапредковъ нашей былины о Дунаѣ, и служить объясненіемъ многого, что у насъ искажено и потому темно.

Двѣ наши королевны, изъ которыхъ одна выходитъ за князя Владиміра, а другая за Дунаѣ,—это, въ первоначальномъ разказѣ, жены одного и того же лица: первыя 27 женъ Сомы, уступленныя добровольно,

обстоятельство, по мнѣнію его, не можетъ быть объяснено ни теоріей самостоятельнаго происхожденія ихъ на Руси, ни другой

это первая наша королевична, уступленная добровольно; вторая его жена, Тара, взятая силой—это вторая наша королевична, взятая силой. Но такъ какъ въ русской былинѣ, время христіанскихъ, не могло уже быть рѣчи о многоженствѣ, то у насъ первую королевичну отдали особому лицу, князю Владимиру, и изъ этого произошелъ, безъ сомнѣнія, весь эпизодъ о сватовствѣ этого князя. Ничего не значущая стрѣла, которую у насъ мечутъ Дунай и его жена, и которою, наконецъ, первый убиваетъ послѣднюю,—это божественная стрѣла, которую мечетъ богъ Рудра, защитникъ похищенной жены, Тары, въ мужа—похитителя, Сому. Вынимаіе младенца изъ чрева матери не безцѣльно и не безпричинно: это возмутительное варварство совершается, въ Гариванзѣ, мужемъ похищенной женщины—изъ ревности, потому что онъ предполагаетъ, что этотъ ребенокъ происходитъ не отъ него, а отъ похитителя. Наша пѣсня говоритъ только про то, чѣмъ *мож бы быть* чудный новорожденный ребенокъ («богатырь когорому не будетъ сопротивника»), чего, однако же, потомъ вовсе не случилось; но рассказъ Гариванзы гораздо логичнѣе и послѣдовательнѣе: тутъ, въ этомъ чудномъ рожденіи, только начало дальнѣйшихъ подвиговъ и жизни героя, о когоромъ рассказывается далѣе въ Гариванзѣ, и потому-то въ индѣйской повѣсти тутъ и сказано, какъ и въ нашей пѣсни, но только съ резонномъ: «этотъ младенецъ долженъ былъ однажды быть грозенъ своимъ врагамъ».... Въ рассказѣ Гариванзы о Сомѣ есть также и новѣствованіе о томъ, что герой рассказа изливается, какъ нашъ Дунай, въ видѣ потока воды; но только это изложено не въ концѣ, а въ началѣ эпизода и не по случаю *смерти*, а по случаю *рожденія* героя. «Добродѣтельный Атри (отецъ Сомы, въ теченіе 3000 лѣтъ предаваясь всѣмъ изнѣзаваніямъ подвижничества, стоялъ съ неподвижно устремленными глазами; тутъ однажды тѣло его произвело вещество Сомы; это вещество поднялось до его головы, и подъ видомъ воднаго потока потекло изъ его глазъ» (Hagivansa, 1, 112). Это объясняетъ очень удовлетворительно причину обращенія нашего героя въ воду: чѣмъ онъ первоначально родился, въ то воплощеніи и обратился».

Послѣдняя возбуждаетъ въ немъ слѣдующія соображенія: «При первомъ взглядѣ, многія ея подробности кажутся довольно странными, необъяснимыми. Что такое значить, напр., основной мотивъ: прятаніе главнаго дѣйствующаго лица? Конечно, понятенъ тотъ мотивъ, нерѣдко встрѣчающійся въ пѣсняхъ и поэмахъ у очень многихъ народовъ, что дѣвицу выдаютъ замужъ за того, кто превзошелъ всѣхъ соперниковъ храбростью, лов-

теоріей мѣстнаго и національнаго развитія у насъ мифическо-эпическихъ преданій, вынесенныхъ изъ обще-арійской прародины.

костью, мужествомъ, умѣньемъ, кто совершилъ самыя трудныя, иногда сверхъ-естественныя подвиги, наконецъ, кто отгадалъ трудныя загадки (это послѣднее условіе имѣеть значеніе религіозное), но нигдѣ не встрѣчали мы такого страннаго мотива, чтобы дѣвушку отдавали замужъ за того, кто умѣеть хорошо играть въ прятки, и притомъ въ такія прятки, изъ которыхъ женухъ можетъ лишиться жизни. Точно также, совершенно непонятны нѣкоторыя подробности нашей быliny: такъ наприм., хотъ бы та, что Ванька поскакалъ черезъ тридцать вѣзовъ, чрезъ тридцать *цѣлтовъ*. Что это за цѣты или цѣты? Пѣсня того не объясняетъ.

«Но объясняютъ все это и вполнѣ дѣлають понятнымъ восточные источники. Сличая съ ними нашу быlinу, находимъ, что она отъ насъ происходитъ, и что многое въ ней является темнымъ и страннымъ только потому, что тѣ или другія части первоначальныхъ оригиналовъ измѣнились, при переходѣ къ намъ, а другія выпущены или сокращены». (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 4, стр. 688—689).

«Въ нашей пѣсни, Ванька, безъ всякаго резона, предлагаетъ Волшану странное пари: спрятаться отъ него такъ, что тотъ его не отыщетъ. Въ восточномъ оригиналѣ такому притавью есть очень естественная причина: не пари, а необходимость въ самомъ дѣлѣ скрываться отъ опаснаго врага, пока еще нѣтъ средства вступить въ нимъ съ открытымъ бой».

«Пускался на это похождение, нашъ Ванька забываетъ къ Марьѣ, чтобы только поцѣловаться и проститься съ нею, тогда какъ намъ совершенно неизвѣстно, когда и какъ онъ ее прежде зналъ и видѣлъ. Въ азіатской легендѣ все это мотивировано совершенно просто и убѣдительно. Гессеръ-Ханъ радостно обвиняется съ Тюмень-Джиргалангой при свиданіи, потому что давно знаетъ ее,—это его жена; онъ съ нею видится въ отсутствіи волшебника, потому что хотеть, но еще не можетъ освободить ее и она должна подать ему нужныя совѣты и помочь самому освобожденію своему».

«Ванька поскакалъ у насъ «черезъ тридцать вѣзовъ, черезъ тридцать цѣлтовъ», и послѣ того уже спрятался «за одинъ вѣзъ». Въ азіатской легендѣ эти *цѣлты* очень понятны: это не что иное, какъ народы разныхъ цѣлтовъ, черезъ земли которыхъ долженъ пробираться герой. Вѣзъ, за которымъ спрятался Ванька Вдовкинъ сынъ—это волшебное дерево, одно изъ превращеній врага—чародѣя; подъ этимъ деревомъ садится герой азіатской легенды, переодѣтый такъ, что его не въ состояніи узнать волшебникъ, и чрезъ это ему становится возможно подрѣзать корни дерева и уничтожить его въ конецъ» (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 4, стр. 692—693).

Оно объясняется-де единственно позднѣйшимъ заимствованіемъ былинъ русскихъ цѣликомъ съ востока чрезъ посредство тюрк-

А вотъ и общіе выводы Стасова: «Когда станешь сравнивать наши былины съ тѣми созданіями восточной поэзіи, гдѣ оказывается одинъ и тотъ же составъ, скелетъ, только въ болѣе древней формѣ, скоро придешь къ заключенію, что былины очень много утратили въ сравненіи съ своими первообразами какъ по содержанію, такъ и по формѣ».

«Какія же это утраты, и существенныя онѣ или несущественныя?»

«Главная, самая важная утрата состоитъ въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ наши былины не содержатъ болѣе тѣхъ побудительныхъ пружиныхъ дѣйствій, на которыхъ вертится все дѣло. Неизвѣстно, какъ и почему именно это сдѣлалось, но только наши былины слишкомъ часто оставляютъ ихъ совершенно въ сторонѣ, обходятся безъ нихъ, или же вдругъ довольствуются такими мотивами, которые иной разъ мало удовлетворяютъ смыслу и логикѣ. Русская былина нерѣдко обращаетъ вниманіе только на одни голые факты, на одну оболочку внѣшнихъ событій, излагаетъ приключенія одно за другимъ и ничуть не заботится ни о ихъ взаимной связи, ни о ихъ побудительныхъ причинахъ. Вся душевная, вся духовная и человѣческая сторона, всѣ внутренніе мотивы совершающихся дѣйствій и событій не имѣютъ для нея никакого интереса. Такіе мотивы, какъ мнѣніе за отца, за жену и т. д., никогда не встрѣчаются въ русскихъ былинахъ; влюбленіе, муки любви и ревности, смысловая и отцовская любовь, жажда славы, властолюбія—все это мотивы, неизвѣстные нашимъ былинамъ, а если какіе нибудь слабыя намеки на тотъ или другой изъ числа этихъ мотивовъ и встрѣчаются въ нашихъ былинахъ, то они такъ блѣдны и эмбрионны, что нечего и сравнивать ихъ съ этими же мотивами въ восточныхъ пѣсняхъ и особливо поэмахъ, гдѣ они являются въ полномъ цвѣтѣ широкаго, пышнаго развитія».

«Въ восточныхъ первообразахъ нашихъ былинъ мы не найдемъ такой бѣдности и ограниченности мотивовъ и личныхъ характеровъ. Какая разница! Здѣсь вы на каждомъ шагѣ встрѣтите и героя, идущаго на войну или завоеваніе, потому что ему самому такъ хочется, а не князь приказалъ, и богатыря влюбляющагося, и богатыря ревнующаго, и богатыря, выражающаго то или другое душевное свое настроеніе, и богатыря, возмущеннаго поступками постороннихъ лицъ надъ его отцомъ, матерью, женой, сестрой, и всѣ эти душевные настроенія и движенія высказываются не только *всегда* въ поэмахъ высокоцивилизованныхъ, развитыхъ народовъ (въ Магабгаратѣ, Рамайнѣ, Шахъ-Намѣ), но даже *очень часто* въ поэмахъ и пѣсняхъ народовъ и племенъ, на которыхъ мы привыкли смот-

скихъ племенъ. Правда самъ Стасовъ ослабляетъ силу этого доказательства, когда признаетъ за русскими былинами особенность

рѣтъ съ нѣкоторымъ высокоуміемъ, какъ на народы и племена грубые, еще вовсе неразвитые (поэмы средней Азии, напр. «Гессеръ-Хантъ», «Джангаріада», «Кузу-Курнешъ», пѣсни киргизскія, сибирско татарскія, телеутскія, сагайскія, монгольскія, калмыцкія). Въ противоположность всему этому, наши богатыри въ былинахъ не чувствуютъ никогда ни стыда, ни ревности ни любви, ни удивленія, ни состраданія, ни радости, ни горести, не чувствуютъ потребности ни въ великодушіи, ни въ мщениіи, ни въ благодарности. Они только совершаютъ извѣстные факты, извѣстныя дѣйствія: все остальное для нихъ сочтено излишнимъ. Въ сравненіи съ приведенными выше монгольскими и тюркскими поэтическими произведеніями, наши былины, въ отношеніи мотивовъ психическихъ и иныхъ, оказываются чѣмъ-то урѣзаннымъ, настроиваннымъ.

«Съ другой стороны, замѣтимъ, что множество подробностей являются въ былинахъ въ какомъ-то темномъ, непонятномъ видѣ, такъ что невозможно дать себѣ отчета въ ихъ смыслѣ и значеніи, тогда какъ въ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ, болѣе древнихъ, чѣмъ русскія былины, мы находимъ все то, чего недостаетъ былинамъ со стороны ясности и отчетливаго обозначенія причинъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, въ нашей пѣсни объ Иванѣ Гостинномъ-сынѣ ничего не говорится о томъ, съ какой стати происходитъ состязаніе коней, и почему именно владика черниговскій держитъ сторону героя пѣсни, противъ князя Владиміра и всего его двора: въ болѣе же первобытной пѣснѣ томскихъ шоровъ мы находимъ вполне удовлетворительные мотивы всего этого. Состязаніе идетъ тутъ между однимъ высшимъ творцомъ (нашъ владика черниговскій) и *десятью* творцами (нашъ князь Владиміръ съ дворомъ своимъ), и предметъ состязанія—это кони, созданные тою и другою стороною: понятно, что это вопросъ кровный, глубоко-существенный, имѣющій значеніе евогоническое, религіозное, а это очень далеко отъ того мелкаго *скакового* интереса, который только и уцѣлѣлъ въ нашей былинѣ. Изъ былины о Ванькѣ Вдовинѣ—смыслъ точно также совершенно исчезъ главный, существенный мотивъ, и остался на лицо только ничѣмъ необъяснимый и ничего незначащій фактъ вранья, которому мы не можемъ никакимъ образомъ сочувствовать, потому что онъ тутъ лишень, по русскому пересказу, всякаго смысла. А между тѣмъ по первоначальнымъ оригиналамъ этотъ фактъ заключалъ и смыслъ, и значеніе, и интересъ. Въ былинѣ о Соловѣи Будимировичѣ встрѣчается особенно много темнотъ, недоговорокъ и запутанностей, тогда какъ въ предшествовавшихъ ей оригиналахъ все понятно, разумно и просто. Въ были-

выбора матеріала; бѣдность расположенія или ограниченность мѣста дѣйствія, опущеніе психическихъ мотивовъ или внутрен-

вахъ о Дунаѣ и Ставрѣ до такой степени исчезли или заглушены дѣйствующіе тамъ мотивы (въ первой убійство жены и вынужте младенца, во второй сватовство женщины за женщину и т. д.), что рассказы, первоначально очень поэтические и легко обнаруживающіе все значеніе своего содержанія, превратились въ какіе-то чудовищные или карикатурно-буфонскія сказки» (Вѣстн. Евр., 1868 г., кн. 4, стр. 626, 627, 628, 629, 630).

Тѣ же рѣчи Стасовъ ведетъ и насчетъ русскихъ сказокъ: «Особенное вниманіе надо при этомъ обратить на то, что былины точь-въ-точь столько же утратили въ сравненіи съ азіатскими первообразами своими, какъ и сказки. Оно и понятно: источники и у тѣхъ и у другихъ были одни и тѣже; творчество, претворявшее чужеземные матеріалы въ русскія созданія, было также совершенно одинаково въ обоихъ случаяхъ, слѣдовательно ясно, что какъ уцѣлѣвшія хорошія стороны, такъ и утраты были одного рода и качества. Для примѣра послѣднихъ достаточно будетъ указать на сказку о Жарь-птицѣ, въ сравненіи съ ея восточными предшественниками. Въ сказкѣ Сомачевы мы видимъ царя, окруженнаго дѣльми гаремомъ женъ, и любящаго преимущественно одну изъ нихъ, вмѣстѣ съ ея сыномъ. Эта исключительная привязанность тотчасъ рождастъ зависть, ревность, ненависть къ любимой женѣ и ея сыну со стороны остальныхъ царскихъ женъ и ихъ сыновей. Назъ этого столько опредѣленнаго, естественнаго и столько свойственнаго гаремамъ мотива развивается вся послѣдующая повѣсть. Ненавидимый сынъ побуждаетъ множество препятствій, совершаетъ множество подвиговъ и возвращаетъ счастье гонимой матери. Въ нашихъ (и, вѣроятно, чрезъ нихъ посредствомъ происшедшихъ западныхъ) пересказахъ, всѣ эти эпические мотивы уже не существуютъ: всего только и есть налицо, что три сына царскіе, изъ которыхъ двое старшихъ, неизвѣстно за что, ненавидятъ и преслѣдуютъ младшаго... Но все это стоитъ въ прямой противоположности съ восточными поэмами, пѣснями и сказками, гдѣ психологическіе мотивы всегда высказываются, и въ полной мѣрѣ... Урѣзаніе всего самаго существеннаго, самаго интереснаго и важнаго—происходило совершенно по одному и тому же закону, будто бы по одной и той же мѣрѣ, какъ для былины, такъ и для сказокъ» (Вѣстн. Евр., 1868 г., кн. 6, стр. 630, 631 и 632).

Въ концѣ концовъ Стасовъ заключаетъ свой взглядъ весьма курьезнымъ недоумѣніемъ: Что касается дѣйствія, то тутъ встрѣчаются на каждомъ шагу въ былинахъ непостижимое добровольное ограниченіе и урѣзаніе. Вездѣ уничтожены психическіе мотивы, выпущены вонъ внутреннія при-

*

нихъ причинъ дѣйствія, даме урѣзываніе середины самого дѣйствія; послѣ чего остаются въ пользу его доказательства, только начало и конецъ и кое-что изъ середины голаго дѣйствія (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 7, стр. 314—315). Въ другомъ мѣстѣ онъ признаетъ русской работой и сборъ отрывковъ въ цѣльныя сказанія, такъ что на долю востока остается только происхожденіе этихъ эпическихъ отрывковъ. Не много, какъ видите. Впрочемъ Стасова, повидимому, это не особенно беспокоитъ; для него всего важнѣе простой фактъ сходства, въ чемъ бы то ни было, русскихъ былинъ и восточныхъ сказаній, какъ непрерываемаго, по его мнѣнію, доказательства совершенной не состоятельности мнѣнія, будто русскія былины—коренное произведеніе нашего народнаго творчества, и будто онѣ представляютъ несомнѣнные, чистѣйшіе, самостоятельные элементы русскіе, какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ. А доказать это и было, по его словамъ, главною задачей его изслѣдованія ¹⁾.

чкимъ дѣйствіи, рассказъ со всѣхъ сторонъ укороченъ, сжать. Нашей былинѣ, словно какому нибудь дѣловому человеку-прозанку, рассказывающему о событіяхъ, съ нимъ случившихся, только и важны, что *начало* и *конецъ* дѣла. Она быстро шагаетъ отъ событія къ событію, стремится поскорѣе дойти до конца, до развязки, и постоянно урѣзываетъ какъ можно больше *середину*, столько же всего рассказа, какъ и каждой отдѣльной его части. Вся лирическая, эпическая и драматическая обработка фактовъ ей ни по чемъ—ей важнѣе только самъ сырой фактъ».

«Все это въ высшей степени замѣчательно и своеобразно. Здѣсь высказывается въ яркихъ чертахъ, что именно въ извѣстную эпоху исторіи было нужно нашему народу, что способно было питать его чувство и художественныя потребности, и что, напротивъ, было для него лишнее. Богатый, очень полный и разнообразный матеріалъ лежалъ предъ нимъ: умышленно или по нечаянности, изъ него выбрана и выщипана въ оборотъ лишь очень незначительная, вовсе не художественно урѣзанная часть, и эту-то именно часть нашъ народъ привыкъ считать и называть самымъ что ни есть народнымъ, кореннымъ своимъ созданіемъ, привыкъ дорожить имъ, какъ чѣмъ-то самымъ роднымъ себѣ и близкимъ. Историческій фактъ достопримѣчательный!» (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 7, стр. 315 и 316).

1) Хотя самъ Стасовъ придаетъ этому доказательству, по видимому, лишь

Сколько я догадываюсь, г. Стасову предносилась еще одна причина предпочтенія, именно: безспорное *хронологическое* старшинство нѣкоторыхъ восточныхъ разсказовъ, напр. индѣйскихъ,

второстепенное значеніе, тѣмъ не менѣе по всѣмъ логическимъ и фактическимъ основаціямъ, въ немъ заключается ключъ къ рѣшенію вопроса. Поэтому мы съ особой любовью приведемъ общія разсужденія Стасова объ этомъ предметѣ. Приведа мѣтвія Сильвестра-де-Саса, Бенфея и Макса Мюллера, раздѣляющихъ славянъ европейскихъ народовъ на первичныя, или органическія, и вторичныя, или неорганическія, Стасовъ рѣшительно говоритъ: «Къ вторичнымъ, безъ всякаго сомнѣнія, относятся—наши былины».

«Еслибъ онѣ были созданія не заносныя, не чуждыя, не яновснныя, а, напротивъ, самообразовавшіяся на нашей почвѣ, изъ первоуродныхъ обще-арійскихъ элементовъ, что бы мы тогда находили въ нихъ?»

«Въ нихъ соединялись бы *два* коренныхъ явленія: *эоперыхъ*, общая арійская основа, и, во *вторыхъ*, славяно-русская ея разработка. Что касается до перваго, то она должна была существовать у славянскаго племени въ формѣ самой неразвитой, зародышной; тѣмъ же иначе, какъ не эмбрионно могла и быть, въ древне-арійской прародиѣ, въ доисторическія времена, до раздѣленія арійскаго племени на народы, эта основа, если даже и въ Ведахъ, т. е. въ рещивныхъ налагивахъ отдѣлившаяся и самостоятельную сформировавшаяся индѣйской народности всѣ эпитетскія основы являются чѣмъ-то въ высшей степени эмбрионнымъ, неустановившимся, въ твердую, опредѣленную форму? Что касается до второй составной части, то тутъ мы бы находили уже новое преобладаніе славяно-русскаго элемента, какъ въ общемъ взглядѣ на вещи, въ міросозерцаніи, такъ и въ историческихъ, эпитетскихъ и бытовыхъ подробностяхъ».

«Поэтому, еслибы сравнивать наши былины съ азіатскими поэтическими произведеніями, то мало того, что былины наши были бы наибольшее сходство съ ними, но еще, кромѣ того, всего болѣе сходились бы съ самыми древнѣйшими разсказами того или другого арійскаго племени, и именно съ тѣми, которые болѣе другихъ близки были ко временамъ обще-арійской прародины: чѣмъ древнѣе было бы такое племя, и чѣмъ древнѣе его разсказы, тѣмъ болѣе родства можно было бы замѣтить между основными чертами этого разсказа и нашимъ былинно. Болѣе поздніе разсказы болѣе позднихъ народовъ и племенъ арійскихъ уже менѣе сходились бы съ былинами, и всего менѣе сходства было бы между разсказами самыхъ позднихъ, вполне обособившихся арійскихъ племенъ и народовъ, и русскими былинами. Что же касается до разсказовъ азіатскихъ племенъ во все не арійскаго корня, то съ ними не было бы уже у нашихъ былинъ ровно никакого сходства, какъ съ произведеніями національностей вполне чуждыхъ и далекихъ нашему арійскому духу и происхожденію».

тибетскихъ и персидскихъ передъ русскими. Индѣйскія поэмы, изъ которыхъ взяты авторомъ иные рассказы, сочинены за нѣсколько столѣтій до Р. Христова; тибетскія явились около Рож-

«Видно этого мы находимъ въ былинахъ совершенно другое. Съ древнѣйшими рассказами древнѣйшихъ арийскихъ племенъ и народовъ наши былины хотя и имѣютъ, безъ сомнѣнiя, много общаго, но только въ главныхъ мотивахъ; съ рассказами арийскихъ народовъ болѣе новаго времени онѣ имѣютъ общаго не одни только главные мотивы, но и главныя развитiя этихъ мотивовъ и множество частныхъ подробностей: еще болѣе имѣютъ онѣ сходства съ позднѣйшими рассказами арийскихъ народовъ позднѣйшаго времени; а наибольшее, ближайшее сходство связывается у нихъ съ рассказами тѣхъ народовъ во все *неарійскаго* племени, которые получили отъ *арійскихъ* народовъ первоначальные эпические мотивы и выработали, развили ихъ сообразно съ условiями своей исторiи и быта».

«Факты противорѣчатъ фантазiямъ партизановъ отечественной самобитности нашихъ былинъ: съ тѣмъ, по ихъ соображенiямъ, онѣ должны были бы сходиться всего болѣе, съ тѣмъ онѣ сходятся всего менѣе; а съ тѣмъ не должны бы имѣть вовсе ничего общаго, съ тѣмъ именно онѣ-то всего тѣснѣе и связаны» (Вѣст. Евр., 1868 г., вѣ. 7, стр. 329 и 330).

Затѣмъ онъ въ подтвержденiе своей мысли приводитъ извлеченiя изъ разбора былинъ о Добрынѣ, объ Иванѣ-гостинюмъ снѣгѣ, о Потюкѣ, о Садкѣ и сорока казикахъ, послѣ чего заключаетъ: «Этихъ примѣровъ, я думаю, довольно, чтобъ показать, что относительно общаго ихъ состава, наши былины никакъ не похожи на такия, которые бы прямо черпали изъ первоуроднаго арийскаго родника, помини тѣхъ развитiй первоначальнаго мотива, которые совершились у разныхъ азиатскихъ народностей. Совпаденiе развитыхъ формъ мотива въ нашихъ былинахъ съ такими же развитiями его формами именно у этихъ послѣднихъ народовъ, и притомъ поздняго времени, такъ часто встрѣчается, такъ разительнo, такъ специально, что не можетъ быть дѣломъ простаго случая, или тождества человеческого духа и одинаковой поэтической дѣятельности у всѣхъ народовъ вообще».

«Происхожденiе всѣхъ индо-европейскихъ языковъ изъ одного источника и зависящее отъ того сходство ихъ между собой не только не служитъ къ опроверженiю всего высказаннаго здѣсь, но еще подтверждаетъ мою мысль. Никто не сомнѣвается въ дѣйствительномъ происхожденiи ихъ изъ обще-арiйскаго корня, и самостоятельномъ развитiи каждаго изъ нихъ на почвѣ новаго европейскаго отечества; но это нисколько не имѣаетъ и заимствованiямъ у одного отъ другаго, а также и отъ племенъ вовсе не-арiйскихъ. И сравнительное языковѣдiе, далекое отъ того, чтобъ всѣ факты каждаго отдѣльнаго языка

дства Христова; Шахъ-Намъ создано еще позднѣе при дворѣ славной фамилии Газне видовъ; русскія же былины въ настоящей своей формѣ могли явиться лишь черезъ тысячу лѣтъ послѣ Рождества Христова, записаны же почти черезъ двѣ. Очевидно, думалъ онъ, позднѣйшее по происхожденію должно быть новѣйшимъ и по содержанию; въ случаѣ сходства его съ древнѣйшимъ,

упрямо вводить только изъ однихъ источниковъ прарадины, не боятся видѣть и вслѣдовать эти заимствованія, не приходить отъ нихъ въ патріотическій ужасъ, и добросовѣстно отводить имъ значительное мѣсто на своихъ страницахъ».

«Что же касается подробностей былинь, то мы замѣчаемъ здѣсь слѣдующее».

«Еслибы былины создались дѣйствительно на нашей почвѣ, въ очень древнее время, изъ элементовъ первоначально арійскихъ, то, не смотря на всевозможныя позднія наслоенія временъ княжескихъ и царскихъ, мы ниѣли бы тутъ, во первыхъ, географическія черты нашей отечественной земли, а потомъ черты древняго нашего быта и народной нашей жизни. Такимъ образомъ, тутъ были бы на сценѣ: наша зима, свѣтъ, морозъ, ледъ на рѣкахъ» и т. д. и т. д.

«Вмѣсто всего этого, мы находимъ въ былинахъ подробности и обстановку, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя свойственны нашей землѣ, нашему народу и нашему быту. Передъ нами картина, вся составленная изъ азіатскихъ подробностей».

«Здѣсь у насъ предъ глазами: климатъ жаркой азіатской холосы, безъ зимы, морозовъ, льда и свѣта; вездѣ азіатскія степи и горы; табуны коней кочевыхъ народовъ; слоны, барсы, львы, соболы чуть не на улицахъ городскихъ; блококаменные палаты азіатскихъ народовъ; чисто-азіатскіе купеческіе корабли и чисто-азіатскій купеческій бытъ; азіатская равняя письменность и грамотность, условленная брахманствомъ и буддѣйствомъ; монастыри, странствія и омовенія, по преимуществу буддѣйскаго характера; богатыри всегда верхомъ; вооруженіе, способъ боя, чисто-азіатскіе; богатырши—совершенно азіатскаго характера; казни, образъ жизни и привычки азіатскіе; рѣчи, эпическія выраженія, наконецъ характерныя числа и многія имена—все это не русское, а азіатское».

«И мало того, что все это азіатское вообще: мы на каждомъ шагу убѣждаемся, что подробности и обстановка эта всего чаще цѣлѣютъ фizioномію монгольскую и тюркскую, времени буддѣйскаго» (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 7, стр. 333, 334 и 336).

сыновнее или внучатное отношеніе его къ послѣднему несомнѣнно: не древнѣйшее же въ самомъ дѣлѣ замѣстуется изъ новѣйшаго!... Поэтому русскія былины короче и хуже мотивированы въ сравненіи съ восточными разказами; ясно какъ день, что они урѣзаны и т. п. Все это такъ-де очевидно, что и доказывать тутъ нечего, а нужно прямо пользоваться выводомъ, какъ фактомъ, что, замѣтимъ, Стасовъ и дѣлаетъ. Къ тому же въ индѣйскихъ сказаніяхъ встрѣчаемъ подчасъ брахмановъ—пустынниковъ, религіозныя омовенія, подвиги и заслуги и т. п. религіозно-космическія вещи, въ русскіхъ же былинахъ этого не видимъ; религіозный же характеръ эпическихъ произведеній—тоже признакъ древности.

Я думаю, никто меня не упрекаетъ въ желаніи ослабить силу доказательствъ опровергаемаго мною взгляда; напротивъ я выставляю ихъ въ самой рѣзкой формѣ, предоставляя себѣ за это только право разбирать эти доказательства въ томъ порядкѣ, какой я считаю болѣе сообразнымъ существу дѣла. На первый разъ считаю нужнымъ указать вкратчѣ тѣ промахи въ теоріи Стасова, которые не оправдываются и съ его точки зрѣнія, замѣшанной исключительно отъ искусственной литературы.

Стасовъ утверждаетъ, что изъ двухъ словесныхъ произведеній, написанныхъ на одну тему, позднѣйшее по времени, какъ подражаніе, будетъ *непрежльнно* короче и хуже мотивировано въ сравненіи съ древнѣйшимъ оригиналомъ. Конечно, утверждая это, онъ имѣлъ въ виду литературныя (т. е. писанныя) произведенія, а также явленія въ области искусствъ, подтверждающія его мысль. Подобные факты дѣйствительно существуютъ. Поэтому и я, относительно произведеній искусственной литературы, признаю въ известной мѣрѣ справедливость его мысли, а именно, что точная копировка будетъ всегда ниже своего оригинала. *Замѣйте, точная копировка, а не свободное подражаніе.* Последнее, смотря по таланту подражателя, можетъ быть и хуже и лучше.

Напр. родоначальницами всѣхъ басенъ были басни Езопа. Многие сюжеты послѣднихъ проходятъ черезъ баснописцевъ всѣхъ европейскихъ народовъ до нашего незабвеннаго Крылова. Пусть г. Стасовъ прослѣдитъ ихъ и узнаетъ, всегда ли подражаніе хуже оригинала. Я привелъ пераыи, поавшіяся на глаза, примѣръ; при точнѣйшихъ сравненіяхъ съ исторіей литературы можно бы ихъ привести много. Можно даже съ нѣкоторою основательностію доказывать претивное тому, что говоритъ г. Стасовъ. Въ исторіи литературы признается же прогрессъ идей и формъ. На позднѣйшемъ подражаніи долженъ отобразиться этотъ прогрессъ; потому оно должно быть лучше древнѣйшаго оригинала. Притомъ подражатель оригинала лучше, чѣмъ его сочинитель можетъ видѣть его недостатки и постараться избѣгнуть ихъ, слѣдовательно его произведеніе должно быть лучше. Конечно; нисколько не думаю выдавать эту мысль за неоспоримую истину, а только противопоставляю крайней мысли г. Стасова другую крайнюю, столько же справедливую или несправедливую, мысль. Очевидно, истина ни въ той, ни въ другой мысли, а на срединахъ; а потому очевидно и то, что г. Стасовъ не уловилъ ее. Притомъ и въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній съ нимъ далеко нельзя согласиться. По его взгляду подчасъ, какъ будто, выходитъ, что пространность произведенія, обиліе мелкихъ подробностей и многословіе составляютъ достоинство его; по моему же мнѣнію, оправдаемому теоріей словесности, краткость и сила изображенія предмета и словеснаго выраженія—наилучшія качества сочиненія. Исторія литературы между прочимъ именно по растянутости и излишней пространности узнаетъ неудачное подражаніе; краткость и сила наичаще признаки оригинала. Чтобы доказать эту мысль, стоитъ только, напр., сравнить Слово о полку Игоревѣ съ натянутымъ подражаніемъ ему въ сказаніи о Мамаевомъ побойцѣ; гдѣ первое живописуетъ предметъ однимъ словомъ, тамъ послѣднее употребляетъ нѣсколько блѣдныхъ словъ и оборотовъ. И большая

толковость, справедливѣе сказать, болѣе полное мотивированіе подробностей не рѣдко бываетъ результатомъ сиропузезаѣйшей отдѣлки частностей. На основаніи всего этого можно, съ точки зрѣнія самого г. Стасова, прийти къ противоположному взгляду на отношеніе русскихъ былинь къ восточнымъ разсказамъ. Внутреннее превосходство послѣднихъ надъ первыми не доказано, а большая пространность и растяннутость очевидна; это же — качества неудачнаго подражанія; *слѣдовательно* восточные разказы составляютъ лишь передѣлку русскихъ былинь: мысль, надобно сознаться, въ силу своей односторонности, невѣрная; но она имѣетъ за себя не менѣе данныхъ, чѣмъ и теорія г. Стасова.

Точка зрѣнія искусственной литературы позволяетъ многое сказать и противъ втораго доказательства г. Стасова. Во 1-хъ всякое безразличное сходство въ произведеніяхъ разныхъ народовъ ничуть не даетъ права утверждать, чтобы ихъ произведенія не были «коренными произведеніями творчества этихъ народовъ и чтобы они не представляли несомнѣнныхъ чистѣйшихъ самостоятельныхъ національныхъ элементовъ, какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ», хотя бы даже сравниваемые произведенія относились къ разнымъ періодамъ всеобщей исторіи человѣка, т. е. одни были бы хронологически старше, другія-моложе. Произведенія, изображающія одиѣ и тѣже вещи, по необходимости будутъ представлять большое сходство другъ съ другомъ, хотя бы онѣ явились въ различныя эпохи, у народовъ, раздѣленныхъ большимъ пространствомъ мѣста и времени. Если же теорію г. Стасова, со всею строгостію, прилагать къ произведеніямъ искусственной литературы, пожалуй, не найдется ни у одного народа ни одного самостоятельнаго произведенія, за исключеніемъ развѣ древнѣйшихъ произведеній первобытныхъ народовъ, да и то потому, что неизвѣстно болѣе древнихъ. Во что же тогда обратится исторія литературы? *Слѣдовательно* всякое безразлично сходство еще не много значитъ и въ искусственной литературѣ и никакъ не даетъ основанія къ самоувѣренному заключенію г. Стасова.

Но Стасовъ сошлетъ на сходство подробностей. Это доказательство будетъ посерьезнѣе. Но и здѣсь возможенъ вопросъ: сходство всякихъ ли безразлично подробностей будетъ несомнѣнно свидѣтельствовать о заимствованіи, или не всякихъ? Стасовъ рѣшительно утверждаетъ всякихъ; исторія же литературы, сколько я знаю, будетъ далеко не такъ рѣшительна въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что самое понятіе о «подробностяхъ» далеко отъ точнаго опредѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое подробность? По современному практическому употребленію этого понятія въ исторіи литературы, подробностію будетъ всякая мелкая часть какаго угодно цѣлага. Поелику же цѣлымъ можетъ быть и громадное произведеніе, и маленькій разсказецъ, чуть-чуть не одно предложеніе, то и подробность можетъ принимать самыя различныя размѣры; иная подробность можетъ быть больше другаго цѣлага сочиненія, относящагося къ тому же роду предметовъ. Справедливо ли, спрашивается, о сходствѣ такихъ подробностей судить иначе, чѣмъ о сходствѣ цѣльныхъ произведеній? Къ тому же выводу мы придемъ на основаніи соображеній иного рода. Люди, подобно Стасову, придающіе сходству подробностей такое важное значеніе въ рѣшеніи вопроса о заимствованіи произведеній, обыкновенно съ понятіемъ «подробности» соединяютъ представленіе чего-то характеристическаго, свойственнаго только одному произведенію, составляющаго какъ бы личныя его примѣты. Разумѣется, когда встрѣтится сходство въ такихъ подробностяхъ, тогда предположеніе заимствованія дѣлается неизбѣжнымъ. Но всякая ли подробность можетъ быть названа характеристическою чертою одного только произведенія? Отвѣтъ не можетъ быть труденъ; очевидно, личными примѣтами произведенія могутъ быть названы только тѣ подробности, которыя изображаютъ вещи, свойственныя одному только народу и вѣку, даже одному только автору, и поэтому не могутъ повториться сами собою у другаго народа, въ другой вѣкъ и у другаго писателя. Такое же содер-

жаніе могутъ имѣть не отрывки только, но и цѣлыя произведенія. Слѣдовательно вопросъ о сходствѣ подробностей сливается съ общимъ вопросомъ о сходствѣ между произведеніями; отыскивается и общій критерій для рѣшенія общаго вопроса о заимствованіи. Последнее несомнѣнно въ томъ случаѣ, если въ произведеніяхъ разныхъ народовъ замѣчаемъ черты, возможные исключительно у одного народа и въ одно время, въ чемъ бы эти черты ни заключались, въ выборѣ предмета, въ мотивированіи, въ формѣ, въ словесныхъ оборотахъ, въ известномъ комбинированіи подробностей, въ цѣломъ или частяхъ, послѣднюю исторія литературы представляетъ заимствованія во всемъ этомъ ¹⁾. Если этого не замѣчаемъ, если сходство состоитъ въ изображеніи такихъ вещей, кои могли самостоятельно существовать у разныхъ народовъ и въ разное время, здѣсь по меньшей мѣрѣ нужна осторожность въ заключеніи, а главное—слѣдуетъ обратиться къ бібліографіи за справками и историческими данными (если они существуютъ).

Отсюда очевидно, какъ произволенъ усвоенный Стасовымъ приемъ доказательства, и какъ ненаучны сдѣланные имъ выводы. На основаніи выставленнаго нами критерія, Стасову, въ случаѣ недостатка, положимъ, прямыхъ свидѣтельствъ въ пользу или противъ заимствованія русскихъ былинъ съ востока, слѣдовало бы, посредствомъ историческихъ справокъ, рѣшить, существовало ли и могло ли существовать на Руси то, что составляетъ содержаніе былинъ; и только въ случаѣ отрицательнаго отвѣта онъ имѣлъ бы право рѣшительно говорить о заимствованіи ихъ съ востока. Стасовъ же поступаетъ совершенно наоборотъ: находитъ сходство между восточными рассказами и русскими былинами, и

¹⁾ Слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что раньше заимствованіе проявлялось въ идеяхъ и убѣжденіяхъ, проникающихъ содержаніе произведеній, т. е. въ мотивированіи, а на счетъ былинъ Стасовъ замѣчаетъ, что именно въ мотивированіи то русскія былины и отступаютъ отъ восточныхъ рассказовъ. Странно!...

тотчасъ заключаетъ, что содержаніе послѣднихъ заимствовано изъ первыхъ; готовъ даже утверждать, что въ былинахъ нѣтъ ничего русскаго, что такихъ вещей и не было на Руси, хотя бы исторія и говорила противное. По крайней мѣрѣ иначе нельзя понимать его мысль, что былинами вовсе нельзя пользоваться для изображенія руссокой жизни. Нельзя иначе толковать выводы, въ родѣ слѣдующихъ: Садко не потому отправляется за море съ товарами, что это дѣлали Новгородцы, а потому, что восточный первообразъ его торгуетъ; поэтому заключать отъ этой быliny къ жизни Новгородца—нельзя. Выводъ очевиденъ: никакой торговли въ Новгородѣ не было, за море Новгородцы не отправлялись и т. д. Или: наша былина не потому рассказываетъ о калитахъ—перехожихъ, чтобы у насъ были благочестивые странники, а потому, что они были на востокѣ; не потому даетъ имъ въ руки палки, чтобы наши странники ходили съ палками, а потому что у браминовъ, по закону ихъ, непременно была палка; ничего русскаго—моль здѣсь нѣтъ; а посему не было на Руси ни странниковъ, ни палокъ у нихъ и такъ далѣе, и такъ далѣе. Ну, какъ не вспомнивъ того мудреца, который въ баснѣ Крылова трудился около ларчика,—а ларчикъ просто открывался,—или великаго метафизика Хемницера! Что подобный приемъ доказательства слишкомъ ненаученъ и съ точки зрѣнія искусственной литературы, лучше всего можно видѣть изъ тѣхъ нецѣпостей, до коихъ можно дойти, благодаря ему; наприм., въ былинахъ видимъ, что русскіе богатыри пьютъ вино, ѣдятъ хлѣбъ, кормятъ коней овсянкой и т. п. На основаніи приема г. Стасова—почему нельзя *резонно* заключать: русскіе богатыри дѣлаютъ все это не потому, чтобы все это было на Руси, а потому что восточные герои это дѣлаютъ; поэтому заключать отсюда къ русской жизни нельзя; следовательно вина на Руси не пили, хлѣба не ѣли и т. д.

Но положимъ, г. Стасову удалось бы доказать заимствованность содержанія русскихъ былинъ, но и въ этомъ случаѣ его

собственная точка зрѣнія должна осудить сдѣланный имъ выводъ, будто былинами нельзя пользоваться для изображенія русской жизни въ древнюю пору. (а этотъ выводъ, замѣтить, самымъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ признанною имъ главною цѣлью сочиненія). Если несомнѣнно, что народомъ или лицомъ заимствуется то, чего не было у нихъ, не менѣе вѣрно и то, что они не могутъ заимствовать ничего такого, въ чемъ бы, по крайней мѣрѣ, не ощущали потребности, чего бы не хотѣли осуществить въ своей жизни. Думаю, что это такая ясная истина, которую и доказывать не приходится. Само заимствованіе поэтому доказываетъ, что извѣстныя вещи если не были прежде него, то, по крайней мѣрѣ, съ этого времени начинаютъ входить въ жизнь народа или лица. Слѣдовательно и послѣ г. Стасова, какъ это было до него, исследователи русской старины имѣютъ полное право пользоваться былинами для характеризованія древней русской жизни; слѣдовательно также трудъ г. Стасова, въ этомъ отношеніи, пропалъ даромъ.

Послѣднія мысли навели меня на соображеніе вотъ какого рода: заимствуется то, въ чемъ по крайней мѣрѣ ощущается потребность, что люди хотятъ осуществить въ своей жизни; русскія же былины, по словамъ г. Стасова, удержали изъ восточныхъ разсказовъ разныя нелѣпицы и несерьезныя вещи, въ которыхъ, очевидно, русскому человѣку не было нужды ни съ какой стороны. Между тѣмъ рядомъ съ этими нелѣпницами стояли понятныя не только русскому, но и австралійцу движенія духа, наприм., ищеніе, ревность, благодарность, любовь и т. д.; а русскій человѣкъ все это урѣзавъ, какъ будто ни въ чемъ этомъ у него и потребности никогда не было. Г. Стасовъ думаетъ объявить что обстоятельство сравненіемъ русскихъ былинъ съ дѣловымъ человѣкомъ; но не думаю, чтобы сравненіе было удачно; дѣловой человѣкъ есть практическій человѣкъ, а былины сдѣлали слишкомъ не практически. Не правда ли?—Странный случай, един-

ственный случай, исключительный случай; пройди весь свѣтъ и всё вѣка, другаго такого не съищешь. Широкая, значить, русская натура... Или уже слишкомъ узкая, одинъ Богъ разберетъ. Мы становимся въ тупикъ; да и г. Стасовъ недоумѣваетъ (см. Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 7, стр. 316). Поелику же исключительныхъ случаевъ въ природѣ и исторіи не бываетъ, и не должно быть; то поневолѣ приходится спросить: ужь полно такъ ли, г. Стасовъ? Нѣтъ ли тутъ какой нибудь ошибки?

О третьемъ промахѣ г. Стасова скажемъ короче. Г. Стасовъ заключалъ такъ: нѣкоторые восточные рассказы, наприм. индѣйскіе, хронологически древнѣе русскихъ былинъ, слѣдовательно и всё они древнѣе русскихъ и составляютъ оригиналъ. Можетъ быть отъ подобнаго силлогизма г. Стасовъ и отказался бы; но, очевидно, съ словомъ *восточный* у него соединяется понятіе о чемъ-то очень древнемъ, съ чѣмъ европейская давность и въ сравненіе не можетъ идти. Вотъ почему онъ приписываетъ большую сравнительно съ русскими былинами древность заурядъ и индѣйскимъ поэмамъ и сказаніямъ алтайцевъ и тюрковъ. Между тѣмъ относительно древности послѣднихъ можно очень и очень сомнѣваться. О русскихъ былинахъ мы знаемъ, что они явились въ настоящемъ видѣ почти тысячу лѣтъ назадъ, о сказаніяхъ алтайцевъ мы и этого не въ правѣ сказать, потому что ничего достовѣрнаго не знаемъ; записаны же онѣ несомнѣнно позднѣе русскихъ былинъ. Доказать хронологическую древность можно только ссылками на положительныя историческія свидѣтельства; г. Стасовъ же этого не сдѣлалъ, да и сомнѣваюсь, чтобы могъ сдѣлать; развѣ прибѣгнувъ бы къ произвольнымъ догадкамъ и соображеніямъ, которыхъ въ прежнее время столько наплели — было историческія науки, желая доказать заимствованія тамъ, гдѣ нельзя было этого доказать. И относительно индѣйскихъ сказаній, я думаю, нельзя было ограничиться указаніемъ хронологической древности ихъ сравнительно съ русскими былинами. Точ-

ное научное изслѣдованіе требовало бы указать посредствомъ библиографическихъ справокъ, когда и какимъ образомъ индѣйскія поэмы перешли къ русскимъ, у коихъ и явились въ формѣ былинь. Такимъ образомъ я имѣлъ право говорить, что взглядъ г. Стасова, еслибы и былъ справедливъ, потребовалъ бы длинныхъ историческихъ изысканій, чтобы быть принятымъ наукой.

Такимъ образомъ и точка зрѣнія искусственной литературы не оправдываетъ взглядовъ г. Стасова. Откуда же онъ ихъ заимствовалъ? Недоумѣваю... А! догадался; онъ ихъ заимствовалъ отъ тѣхъ произведеній, которыя называются произведеніями искусства для искусства и составляютъ красивыя формы безъ мысли. Его приемы и выводы поэтому не что иное, какъ приложение къ изученію русскихъ былинь похороненной—было теоріи «чистаго искусства» (или «искусства для искусства»). Послѣ сего все въ взглядахъ г. Стасова дѣлается понятнымъ и естественнымъ. Произведеніе чистой фантазіи, да еще въ добавокъ какую нибудь несуразную вещь, дѣйствительно трудно повторить самостоятельно, и въ цѣломъ, и въ частяхъ; при сходствѣ предположеніе заимствования неизбежно. Въ созданіяхъ искусства для искусства, для пріятнаго развлеченія и препровожденія времени, для щекотанія нервовъ, регрессъ замѣчается чаще, чѣмъ прогрессъ, уже потому, что впусы ищущихъ въ произведеніяхъ искусства щекотанія нервовъ неизбежно портятся, такъ какъ только высшія стремленія человѣческаго духа представляютъ надежное основаніе для всякаго человѣческаго усовершенствованія. Легко объясняются и тѣ странности, о которыхъ мы говорили: для такъ называемой фантазіи до сихъ поръ законъ еще не писанъ; о вкусахъ, какъ тоже извѣстно всѣмъ послѣдователямъ теоріи «чистаго искусства», не спорять; слѣдовательно русскій народъ легко могъ принять съ востока, изъ восточныхъ разсказовъ, разныя странныя и безтолковыя вещи и выбросить изъ нихъ все существенное, главное и разумное. Что же, коли-моль такъ ему нра-

выдось?—Все это хорошо, замѣтимъ мы; да только теорія-то эта, нѣсколько устарѣла и не имѣетъ болѣе авторитета даже при оцѣнкѣ произведеній искусственной литературы. Можетъ быть она имѣла когда-то свое значеніе, то есть, въ ту пору, когда упомянутыя мною произведенія чистой фантазіи составляли массу литературныхъ произведеній; можетъ быть они и теперь не стоятъ того, чтобы судили ихъ съ иной точки зрѣнія. Но во всякомъ случаѣ теперь иначе смотреть на задачи литературы, много требуютъ; теперь наприм. хотятъ, чтобы литература была передовымъ дѣятелемъ человѣческаго духа въ уясненіи себѣ всего сущаго и въ достиженіи обладанія имъ. И это требованіе прилагаютъ ко всѣмъ бывшимъ и настоящимъ произведеніямъ литературы, даже въ созданіямъ искусства для искусства, чистую же фантазію стараются ограничить и въ настоящемъ, и въ прошедшемъ, въ послѣдней области—тѣми временами, когда замѣтно сознательное и намѣренное служеніе ей; на существованіе же ея въ другія эпохи смотрятъ весьма скептически, если не сказать болѣе. Спрашивается теперь, если -въ искусственной литературѣ чистой фантазіи уже не даютъ теперь ходу, тѣмъ болѣе слѣды ли съ этой точки зрѣнія оцѣнивать произведенія безыскусственной народной литературы? Во всякомъ случаѣ не слѣдовало тревожить усоншихъ, хотя бы для того было и болѣе серьезное основаніе, чѣмъ какое имѣлъ г. Стасовъ. Между тѣмъ, мнѣ кажется, и ужасы, для устраненія коихъ г. Стасовъ вызывалъ эту тѣнь, не такъ страшны, и польза операціи не такъ велика, какъ воображалъ себѣ г. Стасовъ.

Во 1-хъ я нахожу, что г. Стасовъ мнѣнія своихъ предшественниковъ по изученію и объясненію русскихъ былинъ излагаетъ въ чрезчуръ рѣзкомъ видѣ,—приписываетъ имъ то, чего они на дѣлѣ и не думали. Послушаешь его, такъ выходитъ, что ученые предшественники г. Стасова признавали невозможнымъ встрѣтить содержаніе русскихъ былинъ, въ цѣломъ или въ по-

дробностяхъ, ни у какаго народа на западѣ или востокѣ. Только въ этомъ случаѣ возраженіе его, — есть-де такіе же рассказы у восточныхъ народовъ, — было бы дѣйствительно побѣдоносно. Между тѣмъ, сколько я знаю, всё предшественники г. Стасова, при случаѣ, приводили сходные рассказы, существующіе у другихъ народовъ; и не обинуясь признавали это сходство. Правда, они упоминали почти исключительно о сказаніяхъ европейскихъ народовъ, но что же было имъ дѣлать, когда восточные рассказы были еще неизвѣстны и дорога къ нимъ была еще до г. Стасова не проложена? Во всякомъ случаѣ обвинять ихъ, на этомъ только основаніи, въ нежеланіи сближать русскія сказанія съ пересказами другихъ народовъ будетъ несправедливо. Въ чемъ-чемъ ни грѣшны предшественники г. Стасова, но никакъ не въ этомъ; съ какими же мельницами воевалъ г. Стасовъ? Конечно, они пользуются результатами сравненія иначе, чѣмъ дѣлаетъ г. Стасовъ; напр. они, признавая сходство русскихъ былинъ съ европейскими рассказами, не берутся рѣшать вопроса о заимствованіи содержанія ихъ русскими или европейцами, а просто пользуются имъ для характеризованія русской жизни, предоставляя европейскимъ ученымъ пользоваться содержаніемъ своихъ сказокъ для изображенія жизни нѣмцевъ, французовъ и т. д.; и, конечно, они имѣли на то резонныя основанія. Я согласенъ съ г. Стасовымъ въ одномъ, а именно, что въ ихъ общихъ заключеніяхъ о былинахъ встрѣчается много фантастическихъ, произвольныхъ мыслей, не оправдываемыхъ содержаніемъ ихъ и заимствованныхъ, очевидно, изъ предшествующихъ изученію былинъ историческихъ познаній изслѣдователей; у нихъ, поэтому, нерѣдко, выводы говорятъ больше, чѣмъ сколько позволяютъ сказать факты ¹⁾). Но

¹⁾ Г. Стасовъ не покунулся на выдержки изъ сочиненій своихъ предшественниковъ, обличающія фантастическій характеръ многихъ ихъ положеній; за нимъ приведу ихъ и я. Вотъ заключенія о Добрынь Ники-тичѣ, сравнительно мало фантастичныя: «Добрыня—говорить Хомяковъ—

чтобы опровергнуть ихъ фантазіи и утвердить истину, по видимому, достаточно было бы большаго благоразумія, при составле-

типъ удалаго наѣздника нашего. Кажется, въ немъ воображеніе народныхъ поэтовъ олицетворило дружину варяжскую. Онъ—дружинникъ высокаго происхожденія, онъ ищетъ приключеній ради самихъ приключеній. Болѣе смѣлый наѣздникъ, чѣмъ сильный воинъ, онъ всегда подвиженъ, всегда молодъ; но русское чувство дало беззаботному богатырю мягкость и чело-
вѣколюбіе, которое рѣзко отдѣляетъ русскаго отъ татарина, равно жестокаго какъ къ иноплеменнымъ, такъ и къ своимъ товарищамъ и подданнымъ (Хомяковъ, Моск. Сборн. 1852, статья: «Русскія народныя пѣсни», стр. 327—329).

«Добрыня, говорятъ К. Аксаковъ, дядя Владиміра по лѣтописямъ, и племянникъ его по пѣснямъ. Самое названіе Добрыня, уже обрисовываетъ нравъ этого богатыря; и точно, доброта и прямодушіе—его отличительныя свойства (соч. К. Аксакова, т. I, ст.: «Богатыри временъ великаго князя Владиміра», стр. 342)», «Благородство по происхожденію Добрыни, говоритъ г. Безсоновъ, его боярство, видны повсюду: даже въ этомъ постоянномъ отечествѣ: Никитичъ, въ этомъ «дородствѣ», которое преимущественно ему приписывается. Особенное благородство развито и во всемъ его образѣ: мягкость въ отношеніяхъ, изящество въ приемахъ; рыцарство въ подвигахъ. Добрыня—нашъ Гекторъ, нашъ Милошъ (Пѣсни Кирѣвскаго, вып. II-й: Замѣтка г. Безсонова къ пѣснямъ о Добрынѣ, стр. XXI—XXII)». «Вѣжливость и образованіе Добрыни, говоритъ г. Буслаевъ, соотвѣтствуютъ его княжескому происхожденію. Первоначально эпосъ восхвалялъ въ немъ, вѣроятно, брата Милуши, кляшницы Ольгиной, отъ которой родился князь Владиміръ (Рус. Вѣст., 1862, V ст.: «Русскій богатырскій эпосъ», стр. 524)». (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 2, стр. 643—644). О Потокѣ читаемъ: «Въ Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ наши изслѣдователи видятъ одного изъ представителей «дружины земской» времени князя Владиміра, и именно «*богатыря-бродягу*», выразителя остатковъ жизни кочевой,—такого богатыря, который никогда не посидитъ на одномъ мѣстѣ; поминутно отрягается княземъ Владиміромъ на подвиги въ далекія страны, и самъ тоже себѣ ищетъ и находитъ поминутно разнообразнѣйшія походы. При этомъ, «образъ его едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ богатырей перепутанъ съ явленіями баснословными. По своему уподобленію съ прожитою эпохою азычeskихъ вѣрованій и стихійнаго вѣросознанія, притягиваетъ онъ къ себѣ оттуда множество образовъ совершенно баснословныхъ, Лебедь-Валькирію, вообще оборотней, подземныхъ змѣевъ, лиходѣевъ, и т. д. (Кирѣвскій, IV. Замѣтка г. Безсонова, стр. XXXV—XXXVIII).

*

ніи заключенія изъ посылкоѣ; конечно, это кто нибудь и сдѣ-
лаетъ. Во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы меньшее зло лечить

Поелки же Потокъ есть не только личность, но представитель цѣлаго
направленія, особой стороны въ земской дружинѣ, то его исторія есть
вмѣстѣ, на значительную долю, исторія и всей земской дружины. Мы ви-
димъ въ немъ и остатки прежняго стихійнаго, кочевого періода, и борьбу
этихъ послѣднихъ съ новыми условіями жизни, и новые образы, приня-
тые жизнью среди новыхъ условій, и борьбу языческихъ началъ съ хри-
стіанскими, и торжество христіанства. Будучи выразителемъ силъ внутрен-
нихъ и невещественныхъ, Потокъ въ тоже время есть живой образъ, съ
сердцемъ, лицомъ, бытомъ окружавшей его дѣйствительности (тамъ-же, стр.
XLIX). (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 2, стр. 669). Фантастична и замѣтка Без-
сонова о Иванѣ-Гостинюмъ смѣт: «Въ этой пѣсни схвачена только одна
сторона его удалства: хвастовство конемъ, тою охотой, которою всегда
и вездѣ отличались богатые торговцы. Предметъ не малой важности для
исторіи первобытной; успѣхи коня волновали не одну Грецію, не одинъ
Римъ: отъ Кіева до Чернигова волнуется вся земля, въ закладъ входятъ
князья, и бояре, и гости—корабельщики; цѣлая область черниговская, въ
лицѣ своего владыки, споритъ съ кievскою, съ княземъ Владиміромъ»
(Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 2, стр. 681). Или вотъ рѣчи о Ставрѣ: «Изъ бы-
лины нашей одни выводятъ заключенія историческія, а именно, что «отно-
шенія русской земской дружины къ русскому князю и дружинѣ княжеской
съ теченіемъ времени становились все болѣе и болѣе натянутыми, враж-
дебными и разразились трагическою катастрофою, гдѣ земскій дружинникъ
(Даниловчанинъ, не перенося неправды княжеской, побиваетъ его дружку
и своихъ товарищей, а потомъ убиваетъ и себя. При такой напряжен-
ности образа мужчины, Василиса (жена Данилова) естественно является
при немъ образцомъ женственности, и проч. Но потомъ быленое творче-
ство успѣшило выйти на спокойную, болѣе свойственную себѣ дорогу.
Прежнія роли перемѣнились: Ставръ тоже страдалецъ, по уже безъ силы,
потерянный, въ тюрьмѣ; его жена, Василиса, принимаетъ на себя эмергію
мужескую,—переодѣвается мужчиной, и такимъ образомъ, мужествомъ, до-
гадливостію, ловкостію спасаетъ мужа, успокоиваетъ его отношенія къ
князю, даже дурачить князя». Другіе наслѣдователи, напротивъ, извлекаютъ
выводы моральныя: «По понятіямъ народнаго эпоса, жена составляетъ
домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставля-
ть на позоръ публички. Такъ, цѣлая былина о Ставрѣ Годиновичѣ осно-
вана на мысли, что на пиру, гдѣ пьяные хвалятся молодечествомъ, богат-
ствомъ и конями, не должно профанировать домашняго счастья и унижать

большинъ, вмѣсто произвольности одного вывода вносить въ изслѣдованіе произвольность самыхъ посылокъ, какъ это сдѣлалъ

жену, низводя ее до предметовъ, которыми богатырь хвастаетъ какъ собственностью» (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 2, стр. 689—690). Слишкомъ много говорятъ тѣ, кои «объявляютъ, что Соловей-Будимировичъ—это «яркій и опредѣленный образъ морскихъ наѣздниковъ, вѣроятно прибалтійскихъ, избѣжавшихъ своею богатою дбмочей и заморскими диковинками русскихъ невѣсть», и только сомнѣваются, «быль-ли Соловей отважный норманнъ, или скорѣе одинъ изъ поморянъ, изъ западныхъ славянъ доисторической эпохи, когда русскіе жили близъ Балтійскаго моря и вели по нему торговые сношенія»; или прямо называютъ Соловья-Будимировича «варягомъ, норманскимъ пиратомъ»; или, наконецъ, видятъ въ Соловѣ Будимировичѣ «знаменитаго *строителя* изъ Италіи, и именно изъ Венеціи, напоминающаго тѣхъ мастеровъ, которые съ XII вѣка приходили на Русь» (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 2 стр. 696). Выводы ученыхъ о Садкѣ я признаю большею частію трезвыми, и потому обхожу ихъ молчаніемъ: менѣе трезвости въ выводахъ о сорока каликахъ; по крайней мѣрѣ въ быліи объ нихъ нельзя видѣть ни перелицовки библейскаго сказанія, ни точнаго изображенія древнихъ паломниковъ. Тоже нужно сказать о толкахъ по поводу Ильи Муромца: «Илья Муромецъ, по словамъ К. Аксакова, пользуется у насъ общезнѣвностью больше всѣхъ другихъ богатырей: полный неодолимой силы и непобѣдимой благодати, онъ—представитель, живой образъ русскаго народа. Богатырь-крестьянинъ Илья Муромецъ—это величайшая тѣлесная сила, соединенная съ кротостью и силою духа. Притомъ Илья—первая *человѣческая* сила, въ противоположность другимъ богатырямъ, которыхъ сила не человѣческая, а *стихійная*. Илья составляетъ переходъ отъ этихъ стихійныхъ, старшихъ богатырей къ младшимъ, *человѣческимъ*. Многие изслѣдователи наши повторяли и развивали далѣе слова К. Аксакова. Такъ напримѣръ, одни высказывали, что Илья—выборный дружины земскои, и никакъ не членъ дружины княжеской; а поэтому представитель всей земли, міра—народа русскаго. Другіе находили, что Илья—могучій представитель силъ простаго народа и защитникъ его интересовъ передъ исключительнымъ господствомъ дружины. Правда, иногда наши изслѣдователи признавались, что на Илью Муромца перенесены нѣкоторыя черты бога-громовника, Перуна, Тора, т. е. черты древнѣйшей индо-германской мифологіи; но все-таки, общій тонъ и смыслъ истолкованій Ильи Муромца тотъ, что этотъ герой—какой-то символъ и воплощеніе коренныхъ элементовъ русскаго національнаго духа» (Вѣст. Евр. 1868 г., кн. 4, стр. 651—652). Сильно отзываются «фантазіей всѣ разноголосные отзывы о Дунаѣ

г. Стасовъ, тѣмъ болѣе, что—во 2-хъ, и въ случаѣ успѣха замысловъ г. Стасова, выгода отъ того была бы не велика. Я уже

Иванычъ: «Наши изслѣдователи говорятъ про эту былинну много различнаго. Одни изъ нихъ объясняютъ: «Дунай Ивановичъ, прозвищемъ *«Тихій»*, собственнымъ своимъ именемъ напоминаетъ ту древнѣйшую пору, когда русскіе славяне, за одно съ прочими своими братьями, жили еще при Дунаѣ; сказаніе о смерти его, давшей имя рѣкѣ, роднитъ его съ богатырями старшими, но творчество совершенно почти забыло его древность и приурочило ко временамъ Владимірова времени. Только лишь порою оно даетъ замѣтить, что онъ не исконный житель земли Кіевской, что онъ явился со стороны, что онъ принадлежалъ, до появленія на Руси, и другимъ племенамъ славянскимъ». Другіе наши изслѣдователи говорятъ: «Народный нашъ эпосъ воспѣваетъ мифическія и героическія личности Дуная, Дѣпра и проч. не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ мифовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту славянъ. Въ раннюю эпоху своего мифологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индо-европейской мифологіи, разсѣялись по рѣкамъ... Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи». Наконецъ, третьи изслѣдователи говорятъ: «Дунай не похожъ на другихъ богатырей: очевидно, пришедъ изъ другихъ странъ, буйный духомъ, онъ отличается какою-то горделивой осанкой... Удалой дружинникъ Дунай, прежде служившій разнымъ королямъ, остался наконецъ на службѣ у православнаго князя Владиміра, и самъ уже является православнымъ витяземъ» (Вѣст. Евр., 1868 г., кн. 4, стр. 676—677). Или рѣчь о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ: «Событія здѣсь взяты по ту сторону сложившагося міра—народа русскаго, не только въ азычествѣ, въ колебаніи стихійнаго вѣросознанія и кочеваго быта, но даже при самомъ еще началѣ всего этого. Ванька Вдовкинъ—сынъ представитель Руси, еще не обособившейся отъ славянскаго племени, и едва выдѣляющейся отъ другихъ племенъ, представляется сыномъ вдовьямъ, т. е. сиротой меньшимъ и слабѣйшимъ въ семьѣ раздѣляющихся народовъ; онъ служить существу, въ которомъ видите древнѣйшаго, первобытнаго бога,—царю Волшану, котораго имя однокоренно и однозначуще съ «волхвомъ» и «волшебствомъ» (Вѣст. Евр. 1868 г., кн. 4, стр. 688—689). Или такіе общіе отзывы о всѣхъ богатыряхъ: «первое и главное, что выдается изъ міра Владиміровыхъ пѣсенъ,—это христіанская вѣра; она постоянно и всюду основа жизни.... *Всѣ богатыри православные....* Вся жизнь Владиміровыхъ

имѣлъ случай указывать, что и въ томъ случаѣ, если бы г. Стасову удалось доказать заимствование русскихъ былинъ съ востока, одна изъ главнѣйшихъ, если не самая главная задача его произведенія не была бы достигнута; всетаки можно было бы пользоваться былинами для характеризованія русской жизни. Да и вообще, думаю, не ошибусь, если скажу, что взглядъ г. Стасова ничего не объясняетъ и для науки бесплоденъ. Наука народнаго баснословія имѣетъ задачу разъяснить, какъ, при какихъ условіяхъ возникаютъ и распространяются народныя сказанія и какой смыслъ кроется въ нихъ подъ формой разсказовъ о сверхъестественныхъ, странныхъ или забавныхъ приключеніяхъ героевъ; также, какое мѣсто занимаютъ сказанія разныхъ народовъ въ общемъ ходѣ развитія народнаго баснословія; г. Стасовъ же утверждаетъ, что русскіе заимствовали свои сказанія у другихъ народовъ. Истина общезвѣстная, что народы много заимствуютъ отъ другихъ, но отвѣчаетъ ли она требованіямъ науки, подвигаетъ ли впередъ ея дѣло? Или, можетъ быть, важно для науки то, что русскій народъ заимствовалъ съ востока; но опять извѣстно, что сказанія всѣхъ европейскихъ народовъ (въ какой формѣ—иное дѣло) имѣютъ первоначальной родиной востокъ, откуда и распространились по Европѣ при переселеніи народовъ. Или для науки важно узнать, что русскій народъ, заимствуя во-

пѣсенъ имѣетъ христіанскую основу: видимъ здѣсь, на пирахъ Владиміровыхъ, собранную всю русскую землю, собранную въ единое цѣлое христіанскою вѣрою, около великаго князя Владиміра».—«Радость, проникнувшая жизнь, послѣ возрожденія Христовымъ ученіемъ, является какъ праздникъ, какъ постоянный братскій пиръ». Г. Безсоновъ также утверждаетъ, что въ Ильѣ-Муромцѣ колное «отсутствіе началъ языческихъ и мнѣческихъ и у него характеръ христіанскій: кто же изъ страстныхъ искателей русской мнѣологии и русскаго язычества можетъ допустить, чтобъ представитель язычества боролся съ язычествомъ, представитель мнѣологии съ мнѣологіей, въ лицѣ врага Идолица»? (Вѣстн. Евр., 1868 г., кн. 6, стр. 621).

сточные рассказы, иногда искажалъ ихъ?— фактъ отдѣльный, не объясняющій законовъ образованія народныхъ сказаній. Или неподворна та мысль, что русскій патриотизмъ въ наукѣ вреденъ?— но объ этомъ намъ уже всѣ уши прожужжали. Или наконецъ— та, что нѣкоторые русскіе ученые способны, увлеченіемъ патриотизмомъ, ошибаться насчетъ происхожденія и значенія русскихъ былинъ? Но скажите, пожалуйста, и эти мысли помогаютъ ли хоть на іоту разрѣшенію указанныхъ нами задачъ науки?

Я хотѣлъ говорить коротко, но вышло очень длинно. Виномъ тому желаніе возможно яснѣе показать, какъ пренебреженіе къ общепринятымъ научнымъ положеніямъ неизбѣжно отзывается несостоятельностью и противорѣчіями во взглядахъ пренебрегающаго. А что и помимо указанныхъ выше фантастическихъ взглядовъ Хомякова, Аксакова и Буслаева, существуютъ общепринятые научныя положенія, составляющія, можно сказать, азбуку науки о произведеніяхъ народнаго слова, которыя (положенія) однакожь почему-то забыты г. Стасовымъ,—это мы докажемъ.

Существуетъ общепризнанное научное положеніе, что созданія народнаго слова въ своемъ происхожденіи и развитіи подчиняются инымъ законамъ, чѣмъ произведенія искусственной литературы. Очевидно поэтому, что для изученія и объясненія ихъ нужны иные приемы, другая точка зрѣнія. Слѣдовательно и справедливые взгляды, выработанные при изученіи произведеній искусственной литературы, нужно съ большою осторожностію прилагать къ созданіямъ народнаго, безискусственнаго слова. Чтобы оправдать свои слова научнымъ авторитетомъ, я сошлюсь на «Исторію русской словесности» Галахова, которая не только признаетъ коренное различіе между народной и искусственной словесностію, но и объясняетъ, въ чемъ оно состоитъ: «Народная поэзія, по своему происхожденію и характеру, существенно отлична отъ поэзіи искусственной. Первая есть произведеніе и общее достояніе народа, обнимающее всѣ интересы его жизни, тогда какъ во

второй отдѣльныя лица выражаютъ свои особенныя чувствованія, свой особенный взглядъ на людей и природу».

«Въ періодъ господства наввннхъ вѣрованій и юношеской фантазіи, когда народъ еще не распадался на образованные и необразованные классы, на высшія и низшія сословія, когда всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого либо человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа, въ этотъ періодъ каждый испытывалъ одинаково возбужденное и одинаково направленное духовное настроеніе. Одна и та же степенъ развитія приносила съ собою не только одни и тѣже чувства и понятія, но даже одинъ и тотъ же способъ выраженія чувствъ и понятій. При такомъ состояніи народнаго быта, поэзія имѣла своимъ предметомъ не изобрѣтенное фантазією, а данное самимъ бытомъ, испытанное и пережитое всѣмъ народомъ. Она представляла народную жизнь въ совершенной истинѣ и простотѣ. Въ народной поэзіи пѣвецъ относится къ поэтическимъ произведеніямъ совершенно иначе, нежели въ поэзіи искусственной. Отдѣльный человѣкъ, одаренный сравнительно высшею силою бессознательнаго вдохновенія, былъ не что иное, какъ пѣвецъ народный, т. е. органъ, голосъ своего народа. Онъ не творилъ чего либо новаго, а выражалъ лишь то единственно, что извѣстно было каждому, хранилъ національное сокровище поэзіи, но не владѣлъ имъ. Единственная обязанность его состояла въ томъ, чтобы передавать сказаніе въ томъ видѣ, какъ оно было передано ему самому. Такъ какъ въ немъ болѣе, чѣмъ въ другихъ, являлось поэтическое настроеніе, то онъ могъ, конечно, при передачѣ сказанія обнаружить въ извѣстной мѣрѣ самодѣятельность; но она ограничивалась прибавленіемъ немногихъ подробностей, при описаніи лица или при разсказѣ о событіи, и выборомъ того, что казалось пѣвцу важнѣйшимъ въ сказаніи. Нигде не имѣла она возможности создать событія, лица, — вообще то, что называется сюжетомъ или баснею поэти-

ческаго произведенія. Даже виѣшнее выраженіе зависѣло не отъ раскащика: онъ употреблялъ только обычные слова и обороты, какъ они сложились народомъ и, однажды сложенные, остались неприкосновенными. Личность пѣвца никогда не выставялась въ пѣснѣ: она сливалась со всею массою народа въ единствѣ поэтическаго одушевленія, въ единствѣ чувствъ и понятій. Отсутствіе личности поэта въ народныхъ произведеніяхъ причиною того, что они чужды всякой цѣли и преднамѣренности. Нѣтъ въ нихъ ни лирическихъ изліяній, принадлежащихъ пѣвцу или собственно раскащику, ни сатиры, обнаруживаемой смѣхомъ или негодваніемъ. Они не ставятъ себѣ задачею изобразить характеръ того или другаго класса народа, отнестись съ сочувствіемъ или неодобреніемъ къ какому либо общественному вопросу, противопоставить прошлое современному въ ущербъ одного или въ выгоду другаго. Нѣтъ въ нихъ никакого покушенія увлечь умъ и воображеніе чѣмъ нибудь новымъ и неожиданнымъ. Увлеченный къ сочувствію своихъ слушателей, пѣвецъ не допускаетъ никакихъ соображеній и эффектовъ. Въ поэзіи народной жизнь совершается какъ она есть, равно всемъ понятная, одинаково на всехъ дѣйствующая, безъ малѣйшей зависимости отъ личныхъ воззрѣній и, слѣдовательно, безъ малѣйшаго разнообразія, налагаемаго на него разнообразіемъ творческихъ талантовъ. Не таковы происхожденіе поэзіи искусственной и ея отношеніе къ жизни».

«Изъ происхожденія и объема народной поэзіи само собою открывается, что она служила и служитъ народу не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія. Народъ понимаетъ ее не какъ особенную сферу духовной дѣятельности—сферу искусства, которое образованный чедовѣкъ отличаетъ явственно отъ другихъ областей жизни—религій, гражданской дѣятельности, науки. Бестелственная поэзія касается всего народнаго быта: обнимаетъ и религиозные, и нравственные, и умственные его интересы. Ее нельзя отдѣлать ни отъ вѣрованій, ни отъ убѣжденій, съ которыми она состав-

ляетъ одно цѣлое. Поэтому народъ видитъ въ своей повѣи драгоцѣнное достояніе, которое, въ теченіе многихъ столѣтій, однимъ поколѣніемъ завѣщивали другимъ. Она имѣетъ смыслъ священной старины, непркосновеннаго преданія, которое должны усвоивать люди молодые съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, передать ее потомкамъ¹⁾.

Тотъ же взглядъ проводитъ и Аванасьевъ, сильно высказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ противъ чисто-эстетической оцѣнки былинъ, а слѣдовательно и противъ изученія ихъ съ точки зрѣнія искусственной словесности, создавшей эстетическую оцѣнку. Приведемъ его слова объ изученіи былинъ: «Основа богатырскихъ пѣсенъ—древнее мненческое сказаніе, и если станемъ ближе въ нихъ всматриваться и сличать ихъ варіаціи, живущія тамъ и здѣсь у народовъ родственныхъ, то необходимо убѣдимся, что вліяніе христіанства и дальнѣйшей исторической жизни коснулось только именъ и обстановки, а не самаго содержанія: вмѣсто мненческихъ героевъ подставлены историческія личности или святые угодники, вмѣсто демоническихъ силъ—названія враждебныхъ народовъ, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлены позднѣйшія бытовые черты. Но самый ходъ разсказа, его завязка и развязка, его чудесное остались непркосновенными. Древнія эпическія сказанія чужды личнаго произвола; они не были собственностію того или другаго поэта, выраженіемъ его исключительныхъ воззрѣній на міръ, а напротивъ были созданіемъ цѣлаго народа. Вотъ что, въ теченіи долгихъ вѣковъ, оберегало народный эпосъ отъ олончательнаго паденія и давало ему необыкновенную живучесть. Дѣйствительнымъ поэтомъ былъ народъ; онъ творилъ языкъ и мненіи, и такимъ образомъ давалъ все нужное для художественнаго произведенія—и форму, и содержаніе; въ каждомъ названіи уже запечатлѣвался повѣстическій образъ и въ каждомъ мненіи высказыва-

¹⁾ «Исторія русс. слов.» Галахова, § 12—13.

лась поэтическая мысль. Отдѣльными лица являлись только Пересказчиками или пѣвцами того, что создано народомъ: одаренные отъ природы способностію хорошо рассказывать или пѣть, они передавали въ своихъ повѣстяхъ и пѣсняхъ давно всѣмъ известное и знакомое. Даже въ выборѣ словъ и оборотовъ они не были совершенно свободны; народный пѣвецъ постоянно чувствовалъ неудержимо-влекущую его силу преданія: характеристическіе эпитеты, мѣткія уподобленія, картинныя описанія—все это, однажды созданное творческимъ гениемъ народа, тотчасъ же обратилось въ общее достояніе и стало повторяться безъ малѣйшей перемѣны... Изученіе эпическихъ пѣсней, такъ называемыхъ *былинъ*, тогда только приведетъ къ прочнымъ выводамъ, когда исследователи будутъ держаться сравнительнаго метода, когда путемъ обстоятельнаго сличенія различныхъ вариантовъ былины съ родственными памятниками и преданіями другихъ народовъ они опредѣлятъ позднѣйшія отиѣны, снимутъ историческіе наросты и возстановятъ древнѣйшій текстъ сказанія. Тогда раскроются настоящія основы басни, а вмѣстѣ съ этимъ и самой эстетической критикѣ будетъ дана та твердая опора, безъ которой она обращается не болѣе, какъ въ наборъ фразъ и мнѣній, оправдываемыхъ развѣ однимъ темнымъ сочувствіемъ или несочувствіемъ къ народной поэзіи. Толковать о художественномъ достоинствѣ тѣхъ образовъ и красокъ, смыслъ которыхъ остается невѣдомымъ, все равно, что рассуждать о мѣткости и живописности выраженій незнакомаго намъ языка: смѣлость, которую ничѣмъ нельзя извинить въ наукѣ! Именно такую смѣlostью отличаются эстетическіе приговоры нашихъ критиковъ, рассуждавшихъ о народныхъ былинахъ¹⁾.

¹⁾ «Поэтическія возрѣвія славянъ на природу» Леанасьева, т. 1, стр. 45—47. Нужно однакожъ сознаться, что понятія современной теоріи о различіи между народною и искусственною словесностію, въ свою очередь, иногда отзываются натавугостію; таковы напр. толки о безсознательности и всеобщности

Послѣ этихъ столь ясныхъ словъ возможны ли, казалось, были толки о программѣ былинъ, выполнить которую сознательно старался русскій народъ, подражая восточнымъ сказаніямъ? Возможны ли были толки о самомъ подражаніи—удачномъ или неудачномъ? Возможно ли относиться къ былинамъ какъ къ соз-

народнаго творчества въ отличіе отъ сознательной личной производительности поэта и т. п.

Во 1-хъ народная словесность не могла же избѣгнуть влияния того общаго закона, по коему всякая идея и всякій обычай въ человѣчествѣ, въ отличіе отъ общественныхъ животныхъ—муравьевъ, пчелъ и т. п., непремѣнно происходятъ отъ одной или нѣсколькихъ особей и только путемъ пропаганды, мало по малу, распространяются на всю массу общества. Поэтому и всѣ народныя словесныя произведенія (т. е. каждое въ частности) должны имѣть личныя, единичныя авторствъ а не собирательное множество или народъ; только свѣдѣнія объ этихъ авторахъ не сохраняются въ источникахъ. Личный же авторъ непремѣнно создаетъ свои произведенія сознательно, то есть, на столько сознательно, на сколько это возможно; поемому, по коему мѣрѣ, полной сознательности въ словесныхъ произведеніяхъ никогда не бываетъ; любой авторъ никогда не дастъ вполне основательнаго отчета о цѣляхъ и частяхъ своего произведенія. Отсюда слѣдуетъ, что произведенія народнаго творчества не могутъ создаваться несознательно. Факты современнаго народнаго творчества подтверждаютъ эту мысль: они всегда имѣютъ личнаго автора и опредѣленную цѣль. И въ средѣ образованнаго общества есть аналогичскій фактъ—созданіе слѣпца или слуха. Обыкновенно, авторъ ихъ остается неизвѣстенъ, но кто усомнится, что долженъ же быть одинъ первоначальный авторъ, измышлявшій, или создававшій ихъ сознательно. Такимъ образомъ въ первоначальномъ происхожденіи произведенія народнаго творчества мало отличаются отъ произведеній искусственной литературы. Но великое различіе въ дальнейшей судьбѣ ихъ; тогда какъ послѣднія весьма мало измѣняются, благодаря главнымъ образомъ хорошимъ средствамъ сохраненія, первыя подвергаются значительной перемѣнѣ, нерѣдко совершенно измѣняющей ихъ характеръ. То есть, дѣло происходило совершенно наоборотъ, чѣмъ какъ представляеть господствующая у насъ теорія, не освободившаяся еще отъ влияния произведеній искусства ради искусства и привыкшая сравнивать несоизмѣримыя вещи—съ одной стороны единичныя произведенія искусственной литературы, а съ другой стороны—цѣлый кругъ народныхъ словесныхъ произведеній. Это-то непрерывающееся творчество при сохраненіи народныхъ произведеній и составляетъ важнѣйшее ихъ отличіе отъ произведеній искусственныхъ. Благодаря ему, произведеніе въ той формѣ, въ какой оно до насъ дошло, дѣйствительно не можетъ быть названо плодомъ личнаго сознательнаго

даніямъ искусства для искусства, создаваемымъ, распространяемымъ и заимствуемымъ ради лишь удовольствія, — занимательный-де рассказъ? Зачѣмъ переносить на первобытные народы условія нашего времени, наши привычки и обычаи? Если въ наше время, отъ праздности и скуки, читаются, ради удовольствія, занима-

творчества. А какъ возможны измѣненія въ сказаніяхъ, при глубокомъ уваженіи къ нимъ со стороны пересказчиковъ, читатель увидитъ дакъше, въ исторіи мифа.

Во 2-хъ. Не менѣе вѣрно и то, что въ человѣчествѣ, въ любомъ обществѣ невозможно встрѣтить абсолютнаго равенства въ пониманіи вещей, равно и въ понятіяхъ и въ убѣжденіяхъ, и наоборотъ. Поэтому называть народныя произведенія отголоскомъ понятій и убѣжденій всего народа, съ другой стороны считать искусственныя произведенія исключительно приличными въ этомъ отношеніи только авторамъ ихъ, будетъ весьма несправедливо. Народныя произведенія всегда имѣютъ немногихъ пересказчиковъ, а слѣдовательно и немного людей, вполнѣ усвоившихъ ихъ; литературныя произведенія также опираются на большую или меньшую массу почитателей ихъ, коимъ были болѣе или менѣе присущи выраженные въ нихъ понятія и убѣжденія. Что литературныя произведенія, не рѣдко мало по малу, вовсе утрачиваютъ читателей и почитателей, а народныя произведенія въ ту пору, какъ они подвергаются научному изслѣдованію, обыкновенно пользуются общимъ вниманіемъ народа, тоже еще ничего не доказываетъ. Кто знаетъ, сколько народныхъ произведеній забылось въ теченіе вѣковъ? А созданія искусственной литературы волей-неволей сохраняются, благодаря письменности или печати, часто во свидѣтельство лишь человеческой глупости. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи отличія между произведеніями народной и искусственной словесности появляются не столько при происхожденіи ихъ, сколько въ послѣдствіи.

Главный недостатокъ существующей теоріи народной словесности состоитъ, по видимому, въ забвеніи той простой вещи, что все имѣетъ начало и процессъ развитія, что и мифологія не могла же явиться вдругъ, въ незамѣтные времена, въ головахъ всѣхъ особей народа или расы, строго опредѣленною въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ, такъ что рассказчикамъ оставалось только пересказывать эти какъ-бы врожденныя идеи. Когда наука «о словесныхъ произведеніяхъ» обратитъ серьезное вниманіе на это начало историческаго (или доисторическаго — въ настоящемъ случаѣ, почти все равно) развитія важнѣйшихъ, если не всѣхъ, отраслей народнаго творчества, надѣюсь, она создастъ такую теорію словесныхъ произведеній, которая установитъ общіе законы для человѣческаго творчества и въ тоже время объяснитъ всѣ частныя отличія того или другаго класса словесныхъ произведеній. Но не труднъ, подобно сочиненію г. Стасова, могутъ помочь этому.

тельные повѣсти и рассказы; слѣдуетъ ли отсюда, что и въ старое время былины и сказки составлялись съ тою же цѣлью? Думаю, что нѣтъ. Люди тогда были рабочіе, а не праздношатающіеся; потому на такъ называемыя произведенія народной фантазіи они смотрѣли очень серьезно, какъ на поученіе, а не пустое, хотя бы и занятное, препровожденіе времени, какъ и пристало трудящимся людямъ. Припомнимъ по этому случаю взглядъ лѣтописцевъ на свой трудъ, взглядъ нашего народа на книги вообще. Правда, теперь онъ не съ такимъ уваженіемъ смотритъ на сказки, но только потому, что они потеряли для него, за отдаленностію времени созданія ихъ и благодаря усвоенію христіанства, всякій поучающій характеръ. Повторимъ сказанное выше, что даже по отношенію къ искусственной литературѣ теорія искусства для искусства—ложная теорія или, лучше, патологическое явленіе.

Между тѣмъ именно въ указанныхъ толкахъ, протекающихъ отъ смѣшенія созданій народнаго слова съ произведеніями искусственной литературы, г. Стасовъ, кажется, и видитъ свою заслугу для науки. Правда, г. Стасовъ высказываетъ иногда догадку, что можетъ-де быть, эта исторія имѣла первоначально космическое или мифологическое содержаніе; но дальѣ догадки нигдѣ неидетъ. Его догадки не отзывались въ его сужденіяхъ. Напротивъ г. Стасовъ вездѣ трактуетъ сказанія чисто съ художественной точки зрѣнія и, не уясняя себѣ смысла и значенія ихъ, думаетъ рѣшить вопросъ о ихъ происхожденіи. Художественной точкой зрѣнія и объясняется то, что о подробностяхъ сказаній онъ вездѣ говоритъ, то какъ о случайныхъ выдумкахъ авторовъ ихъ, то какъ объ эпическихъ чертахъ, желающихъ изобразить напризъ и порывъ страсти героя или героини, какъ будто эпизмы состоятъ только въ формѣ, въ тѣхъ или другихъ словесныхъ оборотахъ. Она заставляеть его въ сюжетахъ былинь видѣть случайные рассказы, Богъ вѣсть когда и почему явившіеся въ

Восточной Азии, и послѣ долгихъ странствованій проникше и въ Россію ¹⁾.

Другое преобладающее въ гуманитарныхъ наукахъ положеніе, забытое г. Стасовымъ, требуетъ—сходства въ чертахъ мысли и жизни разныхъ народовъ, вліяніе коихъ другъ на друга въ этомъ отношеніи не доказано положительными историческими свидѣтельствами, объяснить менѣе заимствованіями и подражаніемъ, чѣмъ единствомъ происхожденія, или даже одинаковымъ повсюду отношеніемъ ума человѣческаго къ природѣ, одинаковыми повсюду потребностями человѣка. По недосугу рыться въ книгахъ, я не привожу здѣсь цитаты изъ сочиненій авторитетовъ науки о народномъ баснословіи ²⁾; сошлюсь лишь на тотъ общезвѣстный фактъ, что въ ихъ собственныхъ изысканіяхъ господствуетъ сравнительный методъ, который сопоставляетъ сказанія разныхъ народовъ, какъ самобытныя по началу или развитію созданія на-

¹⁾ Вѣст. Евр., кн. 2, 1868 г., стр. 668.

²⁾ Крейцеръ указанное возрѣніе положилъ въ основу своихъ замѣчательныхъ произведеній по наукѣ о баснословіи. Тайлоръ, въ сочиненіи «Доксторическій бытъ человѣчества и начало цивилизаціи», слѣдующимъ образомъ высказывается о попыткахъ изъ сходства преданій и мѣтовъ въ отдаленныхъ странахъ вывести историческую связь между послѣдними: «Для употребленія съ этою цѣлію доказательствъ, взятыхъ изъ мѣтологій, требуется, чтобы въ группированныхъ фактахъ и идеяхъ было систематическое сходство, которое должно быть до того поразительно, чтобы уничтожить всякую вѣроятность того, чтобы такіа двѣ комбинаціи могли произойти отдѣльно; или по крайней мѣрѣ, событія и идеи, сходныя между собой въ различныхъ странахъ, должны имѣть до того странный и фантастическій характеръ, что при первомъ взглядѣ на нихъ, была бы очевидна невѣроятность того, чтобы онѣ могли быть изобрѣтены дважды. Но и легче и вѣрнѣе указать на вліяніе известнаго круга сообщенія между различными народами, на распространеніе вѣрованій и народныхъ сказаній, какъ на доказательство того пути, которымъ историческая связь дѣйствительно замѣчается въ мѣтологіи, нежели излагать а priori правила относительно того, каково должно быть вліяніе такой связи». Нѣсколько выше онъ утверждаетъ, что «способность творенія мѣтовъ принадлежитъ всему человечеству и проявляется въ самыхъ отдаленныхъ странахъ». (Стр. 451—452).

редней мысли, усиливаясь изъ этого сопоставленія извлечь общіе законы, управляющіе возникновеніемъ и развитіемъ народнаго баснословія. Всѣмъ извѣстно также, что указанное мною научное положеніе принято въ другихъ гуманитарныхъ наукахъ и принято послѣ тяжелыхъ бесплодныхъ трудовъ, вызванныхъ теоріей заимствованій. Сколько наприм. употреблено учеными труда, чтобы объяснить, какимъ образомъ отличительныя, какъ они говорили, черты Египта явились въ имперіяхъ Ацтековъ и Инковъ! Сколько было сдѣлано самыхъ разнообразныхъ предположеній, — какими путями египтяне или финикійцы зашли въ Америку? Въ наше же время ни одинъ историкъ не поведетъ Ацтековъ и Инковъ изъ Египта. Особенно сильно повредила теорія заимствованій изученію русской исторіи и образованію правильныхъ взглядовъ на жизнь русскаго народа. Блаженной памяти нѣмецкіе ученые поголовно всѣ юридическія и бытовыя черты русскаго народа (за исключеніемъ, впрочемъ, дурныхъ, которыя они милостиво оставляли на долю русскихъ) выводили отъ варяговъ-нѣмцевъ, на томъ только основаніи, что нѣчто подобное было у варяговъ, у которыхъ русскіе взяли собѣ князей. Сколько было положено ими напраснаго труда на это неблагоприятное, какъ оказалось по справкамъ, дѣло; да не мало усилій потребовалось и для того, чтобы доказать, что заимствованныя будто бы русскими черты искони существовали и у такихъ славянскихъ народовъ, къ которымъ варяги никогда не заходили, и что эти черты—свои прирожденные у всѣхъ славянъ, а слѣдовательно и у русскихъ. Равнымъ образомъ въ старыя времена славянофиловъ утверждали же, что родовая община и судъ присяжныхъ возникли у славянъ, и отъ нихъ послѣдній заимствованъ англичанами, пока Грановскій и иные не доказали, что и родовая община и судъ присяжныхъ у нѣмцевъ—свои прирожденные! Были, и даже до настоящаго времени существуютъ подобныя же пререканія и въ области славянской филологіи, благодаря, между прочимъ, продажности

нѣкоторыхъ востро-славянскихъ ученыхъ. Изъ этихъ прицѣровъ видно, что теорія заимствованій, вездѣ, гдѣ нѣ появлялась, отнимала безмядно много дорогаго для науки времени, а притомъ, какъ ложная теорія, давала возможность пользоваться собою для ненаучныхъ, нерѣдко дурныхъ и предосудительныхъ цѣлей. Желательно ли избѣжать этой теоріи и всѣхъ ея послѣдствій въ наукѣ народнаго баснословія?—Пусть судятъ о томъ читатели. Напрасно п. Стасовъ забылъ подобную исторію: ея и внесъ ее въ свои исследования о русскихъ быльяхъ, бесплодность которыхъ (ислѣдованій) для науки я уже показалъ. Жаль также, что онъ не вспоминалъ о возможности объясненія сходствъ въ сказаніяхъ разныхъ народовъ, помимо вліянія заимствования и одноплемянности, еще и единствомъ челоуѣческаго существа и сходствомъ условій природы. Можетъ быть, при обширности и богатствѣ матеріала, бывшаго у него подъ рукою; и при его силѣ логики въ выводахъ, онъ пришелъ бы въ очень важнымъ выводамъ относительно исторіи баснословія челоуѣчества; можетъ быть пролилъ бы нѣсколько новыхъ лучей свѣта на исторію русскаго народа. Но что не сдѣлано, то не сдѣлано; во всякомъ случаѣ вѣрно то, что люди, выходящіе въ своихъ исследованияхъ изъ этихъ началъ, успѣли придти къ важнымъ выводамъ относительно происхожденія и развитія народнаго баснословія, которыми я и воспользуюсь отчасти для опроверженія теоріи г. Стасова.

Но, что такое народное баснословіе? когда, и какъ оно возникаетъ? какими образомъ и по какимъ причинамъ развивается? какое значеніе имѣютъ въ этомъ развитіи частныя сказанія разныхъ народовъ? Имѣетъ ли въ сказаніяхъ народовъ эти чудеса, или необыщія: въ сущности, — кони, означающіе черему моря и горы, камни, свѣтащіяся какъ солнце и луна и т. д., которыхъ не найдемъ въ действительности, хоть и пройди весь свѣтъ? Чья досужая фантазія промывала ихъ? И какой народъ

первый выдумать и пустить гулять по свѣту такую чепуху? И почему она вердѣ принята людьми; какъ истина, съ несокрушимой силой убѣжденая? И такъ далѣе... Вотъ вопросы; отвѣтъ на которые должны предѣствовать подробному разбору положеній г. Стасова; послѣду только онъ можетъ дать прочныя основы для нашихъ предположеній; положить фундаментъ для соображеній. Очевидно при этомъ, что послѣдніе будутъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ справедливѣе будутъ общіе взгляды, положенныя въ основаніе ихъ. Признаюсь, что при настоящемъ состояніи науки нельзя ручаться за полную вѣрность послѣднихъ; но все таки, опираясь на изслѣдованія лучшихъ современныхъ ученыхъ, они будутъ приближаться къ истинѣ такъ близко, насколько это возможно въ наше время.

Народное баснословіе въ первоначальной своемъ значеніи есть богословіе естественныхъ религій. Въ немъ человечество образно, — въ разсказахъ о дѣйствіяхъ и подвигахъ божественныхъ личностей — выражало свои вѣрованія, свои представленія о мірѣ выше человѣка и объ отношеніи его къ міру, обитаемому человѣкомъ. Послѣду же божество, по понятіямъ человѣка, проявляло себя въ дѣйствіяхъ и явленіяхъ могущественныхъ силъ природы, — въ всеобъемлющемъ небесномъ сводѣ, днемъ изливающимъ на землю свѣтъ и тепло, ночью же блистающемъ мириадами звѣздъ, какъ бы драгоценными камнями по черному полю мантии, въ блескѣ и теплотѣ солнечныхъ лучей, то благотельныхъ и плодотворныхъ, то губительныхъ, пожигающихъ, въ бурныхъ лѣтнихъ грозахъ — тучегонителяхъ, сверкающихъ молніями, прогоняющихъ зной, проливающихъ на землю сѣмя дождя или въ свинцовыхъ, мертвящихъ природу, осеннихъ тучахъ, сѣющихъ снѣгъ и метели; то и народное баснословіе представляется намъ поэтическимъ; олицетвореннымъ изображеніемъ дѣйствій и явленій силъ природы. На этомъ основаніи большая часть ученыхъ согласна даже видѣть въ народномъ баснословіи поэтическія во-

зрѣнія человѣка на природу, чѣмъ въ родѣ образнаго естествознанія, прозватившагося въ богословіе лишь мало по малу вслѣдствіе забвенія народомъ первоначальнаго стихійнаго значенія олицетвореній, ставшихъ тогда личностями самобытно существующими¹⁾.

Не смотря однакожь на все мое уваженіе къ научнымъ заслугамъ упомянутыхъ ученыхъ, съ послѣднимъ взглядомъ ихъ я не могу согласиться. Религіозное значеніе олицетвореній было прежде, чѣмъ забылся ихъ стихійный характеръ; самое олицетвореніе вызывалось религіозными потребностями человѣка. Это, по моему мнѣнію, уже потому вѣроятно что религіозныя потребности—вѣковѣчныя требованія человѣческой природы, что идея божества по этому существовала искони. Сами упомянутые ученые должны признаться, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые—и довольно ихъ—мины явились въ то время, когда уже существовали у народа божественныя личности. Столь многочисленныя мины о грозовыхъ явленіяхъ несомнѣнно явились далеко позднѣ личнаго обоготворенія неба, представленіе о которомъ въ эту пору начинается уже тускнѣть въ зеркалѣ народнаго сознанія. Что напр. сохранили Греки кромѣ имени о своемъ Уранѣ ко времени образованія Олимпа и культа громовержца? Я же готовъ утверждать, что идея божества и божественныя личности въ исторіи естественной религіи человѣчества являются прежде всякихъ миновъ. Спрашивается теперь: какое значеніе имѣли идея божества и предшествовавшія вѣрованія народа при созданіи миновъ, въ своихъ послѣдствіяхъ имѣвшемъ очень ощутительныя послѣдствія для народныхъ вѣрованій? Неужели никакого до тѣхъ поръ, пока выработавшіяся мины не приняли религіознаго характера, создавъ

¹⁾ Этотъ взглядъ напримѣръ высказываетъ Максъ-Мюллеръ въ своихъ лекціяхъ о языкѣ. «Если хотите—говоритъ онъ—объяснить индусу, что боги, которымъ онъ поклоняется, не больше какъ названія явленій природы, названія, которыя мало по малу утратили собственный первоначальный смыслъ, олицетворились, наконецъ были обоготворены, заставьте его читать Веды» (Лекц. о языкѣ, стр. 68). Тотъ же взглядъ проводитъ и Аевъ-васевъ въ сочиненіи «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу».

новыя божественныя личности и новую божественную исторію, и не заняли мѣста прежнихъ вѣрованій? Невѣроятно. Исторія религій не представляетъ, сколько я знаю, ни одного примѣра, чтобы умъ человѣка не постигнулъ начинавшейся гдѣ нибудь работы и приготовленій къ изложенію господствующей религіи, а со- вѣсть его осталась бы спокойнымъ зрителемъ этихъ приготовле- ній. Очевидно, вопросъ о вліяніи существовавшихъ вѣрованій на созданіе новыхъ миеовъ еще не затронуть и дѣло рѣшалось обходя его, то есть, безъ хозяина. Очевидно и то, что теоріи могутъ во многомъ измѣниться, если будетъ принятъ во внима- ніе этотъ вопросъ.

Вопросъ объ относительной древности вѣрованій и миеовъ такъ важенъ въ исторіи религіознаго сознанія человѣчества, что я не считаю возможнымъ ограничиться отрицательнымъ доказа- тельствомъ большей древности первыхъ, но, по мѣрѣ силъ, по- стараюсь привести и положительныя.

Въ этомъ случаѣ должно мнѣ помочь сравненіе религій раз- ныхъ народовъ; оно должно указать возможно древнѣйшую форму естественной религіи и дальнѣйшія ступени ея развитія у раз- ныхъ народовъ. Можетъ быть многіе скажутъ, что это невысказано: источники язычества текутъ изъ незапамятной старины и, сли- ваясь съ позднѣйшими миеами въ одно неразрывное цѣлое, дѣ- лаютъ опредѣленіе первоначальнаго язычества и ступеней его развитія чрезвычайно труднымъ, если не невозможнымъ. Это и справедливо по отношенію къ миеологіи одного народа или нѣ- сколькоихъ близко родственныхъ, но несправедливо по отношенію къ миеологическимъ сказаніямъ всѣхъ народовъ. Въ человѣчествѣ, несомнѣнно извѣстно, въ настоящую пору встрѣчаются такія формы быта и жизни, которыя Европа пережила въ эпоху чуть- чуть не до ледоваго періода, а въ передней Азіи отъ нихъ и слѣдовъ не осталось. Затѣмъ встрѣчаются, нерѣдко рядомъ, и всѣ формы быта и жизни, которыя европейское человѣчество пе-

реживало въ продолженіе тысячелѣтій. Неужели исторія не въ правѣ пользоваться ими для объясненія преемства разныхъ историческихъ явленій? Почему не дать вѣроятія и тому предположенію, что между современными намъ религіями разныхъ народовъ можно найти очень древнюю форму, которая въ мисологіи европейскихъ народовъ изглажена позднѣйшими *наклонностями* мисовъ? Почему нельзя отыскать между ними же слѣдовъ перехода къ одной формѣ въ другую до позднѣйшихъ, наиболѣе выработанныхъ мисовъ древней Греціи и по нимъ опредѣлять раннія *формации* религіознаго развитія человѣчества? Я не безъ намѣренія употребляю термины геологіи, поелику именно методы геологіи и исторіи развитія растительныхъ и животныхъ организмовъ (въ соображеніяхъ Дарвина) можно рекомендовать для сравнительнаго изученія азмическихъ религій. Они, сколько я понимаю, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) изъ трехъ формъ, изъ коихъ вторая во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ слѣдуетъ за первой, а третья нигдѣ не встрѣчается прежде второй (встрѣчи рядомъ геологія не допускаетъ), третья абсолютно новѣе второй, не смотря на тѣ случаи, гдѣ она является непосредственно послѣ первой. 2) Изъ двухъ формъ, изъ коихъ одна представляетъ рядомъ съ сложившимся организмомъ зачатки иной формы, а другая представляетъ развитіе этихъ зачатковъ, вторая абсолютно новѣе первой и составляетъ слѣдующую ступень развитія, хотя бы мы и не встрѣчали фактовъ, наглядно показывающихъ и доказывающихъ это преемство. 3) Если при господствѣ позднѣйшей формы мы встрѣчаемъ въ вѣрованіяхъ народа разрезанныя черты древнѣйшей, мы въ правѣ утверждать, что послѣдняя вѣкогда существовала и господствовала, хотя бы и не имѣли иныхъ доказательствъ того. Напримѣръ догматъ о вѣчно покоящемся Парабрамѣ въ религіозно-философской системѣ браманизма напоминаетъ намъ представленія финскихъ племенъ о божествѣ неба и даетъ основаніе предполагать, что культъ послѣдняго въ незапамятную пору существовалъ

у Индусовъ. 4) Между двумя формами, заступающими мѣсто себя слѣди третьей, послѣдующей за первой и предшествующей второй, мы въ правѣ предположить историческое существованіе дѣйой формы, хотя бы прямых историческихъ свидѣтельствъ и не подтверждали этого предположенія. На основаніи этихъ приѣмовъ мы можемъ облажать религіи самыхъ различныхъ народовъ и ставить ихъ въ послѣдовательное отношеніе другъ къ другу¹⁾).

5) Я убѣжденъ, что естественно-историческому методу въ мнѣологіи или наукѣ о естественной религіи человечества суждено играть важную роль, поелику одинъ только онъ имѣетъ силу объединять всѣ известныя намъ въ прошедшемъ и настоящемъ естественныя религіи въ одинъ дѣйательный организмъ исторически развивающагося религиознаго міросозрѣнія человечества, съ наибольшей возможной въ этомъ дѣлѣ, научной достоверностію. Другіе, употребляющіеся въ этой наукѣ методы, или слишкомъ ограничены въ количествѣ подлежащихъ имъ обобщеніямъ фактовъ, или слишкомъ субъективны и произвольны. Такъ наприимѣръ я нисколько не отрицаю важности историческаго изслѣдованія религій, вахожу даже, что историческій методъ незаменимый дѣлатель въ тѣхъ областяхъ естественнаго религиознаго міросозрѣнія, куда достигаютъ его руки, то-есть историческія свѣдѣнія, гдѣ онъ лучше всѣхъ другихъ гарантируетъ вѣрность научныхъ выводовъ. Но оубѣда въ томъ, что самыя древнія историческія свѣдѣнія не ведутъ насъ далеко въ глубь обдой старины; они количественно на сравнительно новыхъ формахъ, о болѣе старыхъ они молчатъ или сообщаютъ басню; напр.: «Веды» Индусовъ говорятъ намъ уже объ олимпийскихъ боггахъ, вездѣ завершаемъ собой развитіе политеизма; «Иліада» и «Теогонія» Гезіода ведутъ насъ въ старину не далѣе того и т. д. Указать отношеніе и связь между известными намъ исторіи, съ развитыми богословіемъ и культомъ, религіями древнихъ народовъ и открываемыми намъ этнографіей грубыми религиозными вѣрованіями современныхъ намъ дикихъ племенъ онъ оказывается бессильнымъ. Поэтому въ общей исторіи религиознаго міросозерцанія человечества онъ не можетъ играть главной роли. Но, какъ вспомогательное орудіе естественно-историческаго метода, онъ имѣетъ не маловажное значеніе; и тамъ, гдѣ онъ не можетъ получить непосредственное приложеніе. Создавая въ доступныхъ ему областяхъ исполнѣ вѣрныя, непререкаемыя истины, онъ даетъ твердыя основы для теорій о прошедшихъ и будущихъ степеняхъ этого развитія. Филологическій методъ также много приносить пользы наукѣ о естественныхъ религіяхъ; разъясня

Прилагая эти приемы къ изученію мнѣологическаго матеріала, который я могъ встрѣтить въ небольшомъ губернскомъ городѣ, я пришолъ къ слѣдующимъ выводамъ:

космической характеръ божествъ и родственность религиозныхъ воззрѣній народовъ, раздѣленныхъ между собой пространствомъ и временемъ, но о преемственности ихъ онъ не сказалъ ничего; это выше его средствъ. Психологическій методъ, къ коему любили въ настоящее время прибѣгать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда исторія и филологія отказываются давать свѣдѣнія, до сихъ поръ въ самыхъ основахъ своихъ страдаетъ субъективизмомъ и произвольностію (и едва ли даже когда нибудь освободится отъ этихъ недостатковъ), поелику область человеческого духа одна изъ самыхъ запутанныхъ и спорныхъ областей нашего вѣдѣнія; этнографическая же психологія, которая должна была бы дать основанія для теорій естественныхъ религій, къ тому же до сихъ поръ мало обращала на себя вниманіе и трудъ ученыхъ. Отсюда-то и вытекаетъ возможность самыхъ разнообразныхъ, подчасъ противоположныхъ психологическихъ точекъ зрѣнія на факты религиозной жизни человечества. Отсюда же происходитъ незаслуженное господство въ настоящемъ ученномъ мірѣ въ воззрѣніяхъ на религію довольно уже старой такъ называемой рациональной теоріи, въ силу коей религій обращаются въ сборъ болѣе или менѣе совершенныхъ и уточненныхъ понятій человѣка о вещахъ премірныхъ. Впрочемъ и въ настоящемъ своемъ состояніи психологія можетъ принести не малую пользу мнѣологіи, при провѣркѣ сдѣланныхъ на основаніи естественно-научнаго метода обобщеній; поелику психологическая возможность или невозможность, подобно физической, въ исторической критикѣ играетъ важную роль, опредѣляя вѣроятность или невѣроятность тѣхъ или другихъ событій, передаваемыхъ историческими источниками, или объясненія ихъ. Такимъ образомъ единственнымъ достаточнымъ методомъ въ наукѣ о естественной религіи человечества оказывается естественно-историческій. Могущество его основывается на томъ обстоятельстве, что онъ обращаетъ пространственную совмѣстность религиозныхъ формъ въ градацію исторической преемственности ихъ; тоже дѣлаетъ и съ формами, раздѣленными временемъ, какъ и пространствомъ. Орудіемъ его служатъ изслѣдованіе соотношенія между религиозными формами и формами гражданственности и культуры, нѣющаго за себя неопровержимыя историческія данныя. Исторія религій сообщаетъ намъ, что религиозныя формы, кои мы знаемъ, у просвѣщеннѣйшихъ народовъ древняго и новаго (не христіанскаго) міра нѣли прежде себя другія формы, кои у этихъ народовъ мы усматриваемъ лишь

1) Древнѣйшая изъ извѣстныхъ въ настоящую пору наукъ формъ естественной религіи есть религія личнаго божества неба, при чемъ небо почитается жилищемъ его. Поелику же Пятоннижѣ—древнѣйшій историческій памятникъ человѣческаго рода, даетъ намъ ясныя указанія, что такова же почти была религія, открытая первому человѣку самимъ Богомъ, почему и можно предположить, что религія личнаго божества неба дѣйствительно была первоначальною религіей человѣка ¹⁾. Религію личнаго божества

въ видѣ остатковъ, слабыхъ слѣдовъ, но которыя въ полной силѣ и законченности существовали и теперь существуютъ у многихъ народовъ на низшихъ ступеняхъ гражданственности. Не въ правѣ ли мы предположить генетическаго отношенія между этими формами, хотя бы даже тѣ формы, которыя на этомъ основаніи признаются нами старѣйшими, существуютъ и въ настоящее время, а послѣднія уже погубилъ вмѣстѣ съ носителями ихъ—цивилизированными народами? Въ полномъ своемъ развитіи, этотъ примѣръ можетъ быть выраженъ такъ: чѣмъ ниже гражданственное и культурное развитіе народа, тѣмъ болѣе первобытный характеръ должна носить его религія, и наоборотъ. Такимъ образомъ изъ существующихъ въ настоящее время естественныхъ религій народовъ, находящихся на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи и культуры, можно составить такую жъ градацію исторической преемственности ихъ, какую можно составить и относительно послѣднихъ. Степень цивилизаціи и культуры въ этомъ методѣ будетъ играть важную роль путеводителя, впрочемъ потому только, что преемственность и генетическое отношеніе степеней ихъ лучше выяснены въ научномъ сознаніи, такъ что спора объ нихъ быть не можетъ.

¹⁾ Съ научной точки зрѣнія это только предположеніе, но я надѣюсь, что наука рано или поздно оправдаетъ это предположеніе, и тѣмъ еще разъ докажетъ согласіе въ окончательныхъ выводахъ науки и Богооткровенной религіи. Можетъ быть и въ такомъ видѣ, то есть въ видѣ предположенія, мысль о первоначальномъ монотеистическомъ Богооткровеніи многимъ ученымъ покажется ученой ересію, совершенно ненаучнымъ положеніемъ: общепринятыя, свяжуть, научныя истины не позволяютъ и рѣчи заводить объ этомъ. Но поелику извѣстно, что общепринятыя въ извѣстномъ кружкѣ ученыхъ и въ извѣстное время основныя положенія не всегда сказываются научными истинами, то это и даетъ мнѣ смѣлость коротенько разобрать эти общепринятыя—де въ мисологіи научныя истины, насколько онѣ остались въ моей памяти отъ читаннаго или слышаннаго мною. Начинаю во-

неба ни; встречаемъ у всѣхъ извѣстныхъ намъ первобытныхъ народовъ, еще неогунившихъ на путь гражданственности: различия:

просимъ. Какая первоначальная форма религии? говорятъ—этицизмъ. Какъ же у народовъ, находящихся на низшихъ ступеняхъ развитія человеческого, замѣчаемъ понятие о единомъ Духѣ, о Богѣ неба, который послѣ закрывается солнцемъ или вовсе забывается у богѣ цивилизованныхъ народовъ? Не спорю, что рядомъ съ нимъ и этицизмъ бываетъ. Потому говорить (Вундтъ, кажется): реальное у нихъ этицизмъ, а Богъ неба на дальнемъ планѣ, въ видѣ только неясныхъ слѣдовъ. Спрашивается: что же явилось прежде? Или то и другое явилось одновременно? Слово *слѣды* предполагаетъ бывшее прежде; слѣдовательно этицизмъ позднѣйшее явленіе. Притомъ то, что имѣетъ будущее, не можетъ удалиться на задній планъ, а напротивъ должно приближаться спереди, въ лицо человѣческому сознанію.

Говорить изъ рассказовъ народовъ о томъ, что предки ихъ вѣровали въ одного Бога, не слѣдуетъ заключать, чтобы эта вѣра действительно когда либо существовала; всѣ народы хорошеѣ обыкновенно относятъ къ старинамъ, напримѣръ золотой вѣкъ, времена невинности и райскаго блаженства. Но они забываютъ, что отношеніе дикихъ народовъ къ этой вѣрѣ не то, что къ золотому вѣку; послѣднему сочувствуютъ, жалуютъ, что онъ прошолъ, желаютъ его возвращенія; вѣра же въ единого Бога неба не встрѣчаетъ сочувствія; дикарь недоволенъ имъ; какъ далекимъ отъ людей и съ большимъ удовольствіемъ обращается къ этицизмъ; онъ радъ, что можетъ обойтись безъ него и не желаетъ его возвращенія. Все это обнаруживаетъ въ этой вѣрѣ въ единого Бога неба нѣчто названное природо отивъ, а не созданное радужными мечтами фантазіи его. Послѣ даже и такое отношеніе прекращалось, и Богъ неба исчезалъ изъ памяти народовъ.

Говорить: у всякаго народа были сумные люди, которые стояли далеко выше массы, и потому вѣровали въ единого Бога, когда тѣ появились этицизмъ. Но они не обращаютъ вниманія на тотъ фактъ, что поклоненіе этицизмъ и понятие о единомъ Богѣ были всегда общи всѣмъ недѣльнымъ народа отъ перваго до послѣдняго человѣка. Следовательно это *исорать* есть: прямое извращеніе факта. А фактъ всетаки застаиваетъ спрашивать, что явилось прежде? одновременность же невозможна, потому что логически и психологически невозможно созданіе одними и тѣми же головами, въ одно и тоже время, объ одномъ и томъ же предметѣ, двухъ столь различныхъ обобщеній, каковы: этицизмъ и единый Богъ неба, даже великій Духъ, до коего цивилизація доходитъ послѣ всего,—послѣ Бога овалца, послѣ небеснаго огня (Агни, Сварожича), послѣ Громовержца съ

у древних Семитовъ, изъ среды которыхъ выдѣлился богоубран-
ный народъ Израильскій, у краснокожихъ Индусовъ, ищущаго

его Олимпомъ и трояностію Божествъ мировъ, доходить въ видѣ панте-
истически-рефлективныхъ вѣрованій браминизма, буддизма, религій пер-
сидскихъ маговъ, египетскихъ жрецовъ, пифагорейзма, неоплатонизма и т. д.

Говорятъ еще: у фетишистовъ идея единаго Бога принесена извнѣ,
отъ народовъ едино-божниковъ. На это отвѣтимъ: всѣ извѣстныя монопо-
теистическія религіи распространяли свою идею единства Божества непре-
мѣнно вмѣстѣ съ другими характеристичными признаками своими, кото-
рыя, хоть по имени и внѣшней формѣ, фетишистовъ обращали въ христі-
анъ, магометанъ, и т. п. Русскіе напримѣръ долгое время были двоевѣрцы,
но они глубоко бы оскорблялись, если бы называли ихъ нехристіанами, во
внѣшности они и были ими. Черкесы, извѣстно были плохіе мусульманы;
но мусульманскаго фанатизма у нихъ было больше, чѣмъ у турокъ и дру-
гихъ самыхъ искусныхъ въ мусульманской теологіи народовъ. Слѣдова-
тельно, еслибъ у фетишистовъ было вліяніе монотеистическихъ племенъ,
то они бы по наружности не были фетишистами, а христіанами или маго-
метанами и т. д. Слѣовательно идея одного Бога у нихъ не завозяна отъ
сосѣдей. Скажутъ развѣ, что этой идеи у нихъ и нѣтъ, что она создана
воображеніями путешественниковъ, людей съ преданностями монотеистиче-
скими понятіями, свѣдѣнія коихъ философіи не проверены. Противъ этого
остается развѣ сказать, что, значить о религіи дикихъ племенъ мы ничего
не знаемъ: если путешественники лгутъ, когда замѣчаютъ у нихъ идею
единаго Бога, почему же правду говорятъ, когда находятъ фетишей? Зна-
чить, нужно всѣ бывшія до сихъ поръ путешествія забыть и послать но-
выхъ путешественниковъ, — лучше всего попаръ, одного философа и од-
ного монотеиста. Замѣтимъ однакожъ, что доказательства въ пользу суще-
ствованія у дикарей идеи одинаго Бога встрѣчаемъ у несомнѣнныхъ фило-
софовъ и раціоналистовъ, — Вулфта, Кастрона.....

Но говорить логически и психологически невозможно; чтобы чело-
вѣкъ додумался до высшихъ понятій прежде, чѣмъ до низшихъ. Совер-
шенно согласенъ, но при этомъ настаиваю на истинности факта существо-
ванія у народовъ низшей культуры идеи одинаго Бога, — высшей, слѣдо-
вательно, идея. Непримириное, скажутъ, противорѣчіе. Да, непримириное,
если въ исторіи религіознаго сознанія видѣть одного дѣателя — саморазви-
вающійся человѣчскій умъ. Но это самое заставляетъ признать существо-
ваніе иного дѣателя, укльзаемаго въ Библии, именѣно непосредственно
богооткровеніе первому челоѣву, которое сохранилось въ памяти людей
до тѣхъ поръ, пока слѣшкомъ не изиѣнилась весь первоначальный обликъ

щихся великому Духу, у древнихъ Монголовъ, съ такою легкостію вездѣ принявшихъ монотеистическія религіи—исланизмъ и ламай-

ихъ мыслей и воззрѣній и вся ихъ культура. Такимъ образомъ эта идея не есть продуктъ умственного развитія этихъ племенъ, а дана ихъ сознанию извнѣ, или лучше, есть слѣдъ, остатокъ первобытнаго живаго вѣрованія, въ послѣдствіи сохранившійся консервативностію людской памяти, какъ нѣчто мертвое. Что сохраненіе памяти народовъ подобнаго мертваго груза есть дѣло естественное, доказательство того желающій можетъ найти у Макса Мюллера въ его лекціяхъ о языкѣ, гдѣ многіе мнѣ и негнѣшныя обряды у народовъ объясняются удержаніемъ въ памяти извѣстныхъ словъ, при подтасовкѣ означенныхъ ими понятій и предметовъ; откуда уваженіе, слѣдуемое по нравѣ предметамъ, первоначально обозначаемымъ ими, перешло на предметы, поздне названные ими и вовсе нестоющіе его. Припомнимъ существованіе въ нашихъ народныхъ сказкахъ и былинахъ такъ называемыхъ эпическихъ чертъ и приемовъ, также заговоровъ, которме всѣ для улотребляющихъ ихъ не имѣютъ смысла, тѣмъ не менѣе употребляются, какъ нѣчто существенно необходимое.

Но вотъ представляютъ возраженіе: что не можетъ быть понато или принято, то не можетъ быть и дано. Но во 1-хъ, если думаютъ эту якобы аксіому обратить противъ теоріи откровенія, то ее же можно на томъ же основаніи обратить и противъ возможности существованія рядомъ съ фетишизмомъ идеи единого Бога на дальнемъ планѣ, очевидно неясно сознанный, и противъ измысленія ея и передачи массѣ народа лучшими людьми. Во 2-хъ, сообщеніе извнѣ не предполагаетъ непременно со стороны принимающаго усвоенія съ полнымъ сознаніемъ. Кто знакомъ съ современной педагогикой, тотъ знаетъ, какой громадный процентъ свѣдѣній усвоится учащимися механически, полу-безсознательно, если не безсознательно. Да и кто похвалится, чтобы было у него хоть одно понятіе, вполне ясное во всѣхъ своихъ частяхъ. Между тѣмъ и такое понятіе не остается безъ пользы, принятыя такимъ образомъ свѣдѣнія темны, неопредѣленны, легче забываются, но слѣды ихъ остаются. Иногда даже (а можетъ быть и всегда) эти безсознательныя, но часто повторявшіяся усвоенія создаютъ такой фанатизмъ убѣжденія, какого трудно ждать отъ сознанныхъ истинъ; въ послѣднемъ случаѣ для полноты убѣжденія почти всегда будетъ недоставать рѣшенія тѣхъ или другихъ частныхъ. Слѣдовательно сообщеніе не предполагаетъ непременно приготовленности къ нему со стороны принимающаго. Разумѣется, если послѣдній абсолютно ни о чемъ не знаетъ, такъ что правой руки отъ лѣвой не отличить, ему нельзя сообщить ничего; но такое положеніе въ мірѣ Божіемъ не суще-

ство, въ слабѣйшей степенн у многихъ финскихъ племенъ ураль-

ствуетъ и немислимо. Категоріи пространства и времени, нѣкоторыя нравственныя положенія, по непосредственному вѣдѣнію, т. е. безъ умозаключенія, по впечатлѣніямъ чувствъ внѣшнихъ и внутреннего, существуютъ у всѣхъ людей, лишь бы они развились физиологически и психически до поры сознанія; первыя, повидному, существуютъ даже у животныхъ. Если и нужна тутъ опытъ, то опытъ нехитрый и дающійся человѣку и человечеству очень рано. Я увѣренъ, что идея Божества изъ тѣхъ же предметовъ, которые не требуютъ долгаго опыта. Вообще нужно различать эти универсальныя предметы отъ спеціальныхъ, требующихъ спеціальнаго, а потому не легко достижимаго опыта, который у разныхъ лицъ, даже народовъ бываетъ различенъ. Возьмемъ въ примѣръ слова: Александръ Великій, царь Македонскій, слово *великій* нашъ (да и всякій необразованный) народъ пойметъ только въ значеніи физическаго роста; слово *царь* вполне понятно нашему простому народу; но едва ли пойметъ его американецъ; слово *Македонскій* для нашего народа—слово безъ мысли, а американецъ, знающій нерѣдко по опыту множество странъ, легко представитъ, что была страна *Македонія*. Скажутъ: странно; значитъ для широкихъ обобщеній нужно меньше опыта, чѣмъ для спеціальныхъ или узкихъ. Да, и нѣтъ, т. е., по моему мнѣнію ни чуть не нужно смѣшивать представленій пространства и времени, существующихъ даже у животныхъ, или сознанія божества, возможнаго для самыхъ неразвитыхъ людей, съ обобщеніями научными, хотя бы даже такими узкими, какъ: Александръ Великій, царь Македонскій. Это несоразмѣрныя вещи и по процессамъ, создающимъ ихъ, и по мѣркамъ, кои можно прилагать къ нимъ самимъ. Первыя результаты естественнаго, принудительнаго, потому бессознательнаго опыта; вторыя—слѣдствія добровольнаго, сознательнаго, научнаго наблюденія. Первыя не формулируются сознательно, или высказываются какъ непосредственный фактъ безъ аргументаціи и безъ посылокъ, вторыя непременно формулированы и обстановлены послылками. Потому первыя ничуть не абстрактныя обобщенія, а почти что конкретныя представленія. Съ послѣдними въ рядъ можно поставить только философскія и научно-богословскія истинны о тѣхъ же предметахъ. Послѣднія же мы никогда и не думали приписывать необразованному люду. Исторія достаточно показываетъ, какъ много развитія нужно было человечеству, чтобы научно поставить категоріи пространства, времени, матеріи, силы, что бессознательно вѣдаютъ даже животныя, поелику дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ. Тоже нужно сказать о религіозной идеѣ, о идеѣ правды и добра и т. и. На этомъ основанія и возможно полусознательное усвоеніе человечествомъ

свои; и волжской вѣтвей¹⁾. Далѣе у многихъ народовъ западной, южной и средней Африки (см. «Природа и люди», кн. 2, вып. 1). Правда съ этой религіей воздѣ понти соединены равныя суевѣрныя представленія и обряды, — почитаніе камней, вереметей и другихъ физическихъ предметовъ, шаманство и т. п. Но жестоко ошибались тѣ, которые на этомъ основаніи первоначальною религіей человѣка признавали обожаніе ближайшихъ человѣку предметовъ природы въ ихъ матеріальной непосредственности, какъ это сдѣлалъ Кастренъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о финскихъ племенахъ. Они упускали изъ виду то обстоятельство, что подобный грубый эвѣннизмъ встрѣчается у народовъ одновременно съ вѣрою въ божество неба и допускали въ исторіи вѣрованій невообразимый скачокъ — истинное salto mortale — отъ мелкихъ предметовъ природы, окружающихъ человѣка, къ тому что есть наиболѣе объемлющаго и далекаго отъ человѣка въ природѣ, отъ наибольшей дробности къ наибольшему обобщенію. Между тѣмъ многія данныя заставляютъ видѣть въ этихъ представленіяхъ и обрядахъ или вѣрованій въ случайное присутствіе, откровеніе божества на извѣстныхъ мѣстахъ, въ извѣстныхъ предметахъ, или слѣды вѣрованій въ загробную жизнь, возникшихъ самостоятельно и идущихъ въ своемъ развитіи параллельно развитію представленій о мірѣ божествъ. Но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что на этой ступени религіознаго сознанія человѣчества мы не встрѣчаемъ мѣровъ чѣмъ и подтверждается высказанная мною мысль, что идея Божества и

на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи идеи одного Бога — самой высшей, говорятъ, абстракціи. Но самъ создать ее онъ дѣйствительно не могъ, потому что, при созданіи нужна была бы сознательная работа ума, которая могла приводить и привела человѣчество къ другому результату, именно къ обожанію множественности силъ природы.

¹⁾ Я болѣе всего занимался религіозными вѣрованіями племенъ урало-финской вѣтви; изученіе ихъ-то, въ связи съ состоящемъ гражданственностію самихъ племенъ, и привело меня къ тѣмъ выводамъ относительно исторіи религіозныхъ вѣрованій человѣчества, которыя излагаются здѣсь.

божественная личность: является въ исторіи естественной религіи прежде всякихъ мифовъ.

2) Исторія естественной религіи, человечества, въ общихъ чертахъ, идетъ отъ общаго къ частному, отъ единства къ многообразію, отъ премірнаго къ земному, отъ отдаленнаго къ ближайшему, отъ невидимаго къ нагляднымъ олицетвореніямъ. Въ ней явственно выдѣляются три главныя послѣдовательныя ступени: царство неба или Сварога, греческаго Урана; царство Сварожичей — солнца; Дажь — бога (Ваала, Брокеса) и небеснаго огня (Агни); царство громовержца и тучагонителя Перуна, греческаго Зевеса. Каждая послѣдующая ступень представляетъ большее количество боговъ, а слѣдовательно и большее дробленіе божественныхъ силъ, болѣе развитый антропоморфизмъ, и болѣе представленіяхъ о богахъ, болѣе выработанный культъ и болѣе численную и лучша организованную греческую іерархію. Въ царствѣ Зевеса или Олимпѣ этотъ процессъ раздробленія и олицетворенія божественныхъ силъ привелъ религіозное сознаніе къ той, съ которой неизбѣжно долженъ былъ начаться поворотъ отъ земли къ небу, отъ обоготворенія матеріи къ обожанію духа. Когда онъ заставилъ людей обоготворять камень и собаку, мочу коровъ и т. п., разумъ человека понялъ, что онъ не надолго божества тамъ, гдѣ искалъ, гдѣ видѣлъ признаки его присутствія или дѣйствія, и обратилъ исканіе Бога на пути обобщенія и отвлеченія чертъ Божества отъ матеріи, отъ условій человѣческой тѣлесности. Этимъ путемъ шла затѣмъ философія Индіи, Египта и Греціи, болѣею частью, впрочемъ, отнимая у божества вмѣстѣ съ тѣлесностію и личность: обыкновенно она приводила человѣка къ созданію фантастическихъ (но никогда — мистическихъ) феодалныхъ религій, какъ то: религіи Египетскихъ жрецовъ, брахманизма и т. д., съ которыми впрочемъ превосходно луживалось, какъ религія, непрофанической черны, все наследіе полицеизма, во всѣхъ его крайностяхъ.

3) Ни въ происхожденіи религіозныхъ вѣрованій, ни въ ихъ

развитіи однакожь я не признаю всерѣшающаго участія дѣятелей, открытыхъ учеными—защитниками могущественной силы воображенія и слова. Не имѣли всерѣшающаго вліянія ни «наивное младенческое возрѣніе человѣка на природу и ея силы, какъ живыя и одушевленные, дѣйствующія будто бы по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, по какимъ дѣйствовалъ самъ человѣкъ», ни «поэтически-задушевное отношеніе человѣка къ природѣ, вызывавшее его на каждомъ шагу къ олицетвореніямъ и уподобленіямъ», ни «накопленіе въ умѣ человѣка впечатлѣній и ознакомленіе его съ разнообразіемъ естественныхъ явленій, возбуждавшія фантазію къ дробленію божества» ни «могущественное обольщеніе мифическаго слова». Не признаю всего этого уже потому, что самое богатство человѣческаго слова и поэтическая производительность человѣка начинается не ранѣе появленія мифовъ въ божественное царство Сварожичей (Уранидовъ), изъ коихъ особенно дѣйствія небеснаго огня дали общіе сюжеты для созданія мифовъ. Есть даже основаніе думать, что именно мифы могущественно содѣйствовали возбужденію производительности человѣческаго ума; со времени ихъ начинается разцвѣтъ поэзіи (лирической, какъ и эпической); до нихъ нераздѣльное господство матеріальныхъ интересовъ и слѣдость мысли (припомнимъ Самоѣдовъ и др.). Впрочемъ я не отрицаю громадной важности воображенія и слова въ исторіи религіознаго сознанія человѣчества, и въ своемъ мѣстѣ постараюсь указать ихъ значеніе, но долженъ сказать, что силы, возбуждшія движеніе въ руслѣ религіознаго сознанія и вызвавшія развитіе его, были явны. О первоначальномъ источникѣ вѣрованія я считаю излишнимъ говорить послѣ того, что сказано мною выше о древнѣйшей формѣ естественной религіи. Прибавлю только, что и утверждающіе, будто «человѣкъ, сознавъ свою отдѣльность отъ міра физическаго, свою безпомощность въ немъ и зависимость отъ неборимыхъ внѣшнихъ вліяній, призналъ въ нихъ высшую божественную силу, смиренно склонился предъ нею и объединилъ

все богатство естественныхъ силъ и образовъ въ одномъ словѣ божества ¹⁾, также заставляютъ первобытнаго человѣка дѣлать неестественный скачокъ. Человѣка, едва умѣющаго, по ихъ мнѣнію, давать отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и различать другъ отъ друга самыя близкія къ нему предметы, они заставляютъ создать самое широкое обобщеніе,—идею Божества, обнимающаго весь міръ, притомъ такого Божества, которое вскорѣ же оказалось, какъ увидимъ, бесполезно для нуждъ создавшаго его человѣчества. Возможны ли при подобныхъ условіяхъ широкія обобщенія, являющіяся обыкновенно въ пору высокаго развитія знаній,—пусть рѣшитъ исторія философіи и психологіи.. И я увѣренъ, что онѣ рѣшатъ не въ пользу этого мнѣнія. Я не признаю это возможнымъ, не смотря даже на лучшее мнѣніе мое о первобытномъ человѣкѣ и о дѣтяхъ ²⁾.

Признавая откровенный характеръ первобытныхъ вѣрованій человѣка, я нахожу, что движеніе религіознаго сознанія человечества обусловливалось главнымъ образомъ тѣмъ, что оно не

¹⁾ См. Аванасьева «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу», т. 1, стр. 56 и 57.

²⁾ Въ поступкахъ дитяти я различаю отношеніе его къ неодушевленнымъ предметамъ и обращеніе съ живыми существами. Что касается перваго, психологін не мѣшало бы тщательно изслѣдовать, дѣйствительно ли видно въ немъ одушевленіе этихъ предметовъ умомъ дитяти. Въ томъ обстоятельстве, что дитя бьетъ вещь, о которую оно ушиблось, нельзя ли видѣть только желаніе раздосадованнаго ребенка *сорвать свое сердце*, которое и взрослыхъ заставляетъ подчасъ дѣлать не меньшія глупости? Я замѣчалъ, что въ подобныхъ случаяхъ дитя охотнѣе срываетъ сердце на предметахъ постороннихъ, но живыхъ, которые подвернутся ему подъ руку. Впрочемъ дитя въ интеллектуальномъ отношеніи тоже животное; а медвѣдь бьетъ же чурбанъ, мѣшающій ему полакомиться медомъ изъ улья. Приравненіе же дитяти животныхъ къ себѣ не только естественно, но и рационально. Пока не пробудилась въ немъ мысль, онъ въ своихъ потребностяхъ, чувствахъ и желаніяхъ не отличается отъ котенка, съ которымъ возится, отъ собачки, съ которой играетъ, отъ игвенка, котораго ласкаетъ; можно ли ему и не приравнивать ихъ къ себѣ?

могло удержаться на высотѣ того обобщенія, которое дано ему исторіей независимо отъ него. Идея всевышняго Существа, Великаго Духа, Творца и Промыслителя міра была слишкомъ высока и непонятна для человѣческаго неразвитаго ума, все мѣряющаго по мѣрѣ условій своего тѣлеснаго бытія. *Подобное познается*, чувствуется, желается *подобнымъ*, — вотъ категорія ума, которая въ своемъ матеріальномъ значеніи управляла мыслию человѣка искони—до высшихъ мудрецовъ греческаго міра, опредѣляя основной взглядъ человѣка на божество. Въ ея челобѣтъ тогда также не могъ мыслить божество, какъ мы не можемъ мыслить предметы природы внѣ категорій пространства и времени и т. п. Можно сказать, что внѣ ея не мыслили о божествѣ и лучшие философы Греціи, приблизившіеся къ христіанскимъ идеямъ (не мыслимъ, пожалуй и мы). Различіе въ томъ, что человѣкъ естественной религіи подобное своей природы находилъ въ своемъ тѣлѣ, почему и уподоблялъ жизнь божества своему тѣлесному бытію; со времени же Сократа челобѣтъ позналъ свою духовную природу и началъ уподоблять жизнь божества своему духовному бытію. Было время, когда челобѣтъ, на основаніи этой категоріи думалъ и надѣялся познать свою духовную природу, ему неизвѣстную, изъ сравненія ея съ предметами и явленіями внѣшней природы, болѣе извѣстными ему; памятники чего остались въ человѣчскомъ словѣ (дуть, духъ, душа и т. п.) и въ положеніяхъ досократовской Греческой философіи. Какъ бы то ни было, вслѣдствіе господства этой категоріи ума, понимаемой въ матеріальномъ смыслѣ, выходило непримиримое противорѣчіе между первоначальной идеей божества и воззрѣніями челобѣта. Великій Духъ не имѣетъ глаза и уха и живетъ всегда гдѣ-то далеко вверху; поелику то, что близко къ челобѣту, то видно ему, а ужъ конечно, не замѣтитъ божества, если бы оно было близко, нельзя. Между тѣмъ дикарь убѣжденъ, что видѣть можно только такимъ глазомъ, какой есть у него самаго, и слышать только человѣче-

скими ухомъ и притомъ не иначе, какъ при непосредственномъ соприкосновеніи ¹⁾). Существованіе солнца успокоивало сомнѣнія

¹⁾ Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести слова Кастрена, прекрасно изображающія отношеніе финскаго дикаря къ божеству: «Для большей части дикихъ народовъ, говоритъ Кастренъ, совершенно неповижно, что боги могутъ слышать молитвы человѣка, когда онъ не находится въ прямомъ общеніи съ ними. Они не имѣютъ понятія о духовной связи человѣка съ богами. Погону самоѣды и др. народцы Сибири считаютъ лишнимъ прямо обращаться съ молитвами къ небеснымъ или какимъ другимъ наиболее могущественнымъ богамъ. Они говорятъ, эти боги слишкомъ удалены отъ смертныхъ,—какъ же они могутъ слышать слабый голосъ человѣка?» (Эго собственно говорится о главномъ. Нумѣ или Торнѣ, почему и приданы ему другія низшія божества, какъ посредники между нимъ и людьми и ходатаи за послѣднихъ). «По ихъ мнѣнію, какъ не свойственно просить помощи и содѣйствія у далеко живущаго пріятеля, такъ же странно обращаться за тѣмъ къ божествамъ отдаленнымъ и скрытымъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ необходимо или личное присутствіе просящаго и того, кого просятъ, или по крайней мѣрѣ необходимъ посредникъ. Всѣ предметы природы у финновъ—обиталища разнаго рода божествъ и финны обращаются къ предметамъ ближайшимъ: деревьямъ, камнямъ, животнымъ и у божествъ этихъ предметовъ ищутъ ходатайства предъ божествами высшими. Но и эти божества, ближайшія, недоступны для обыкновенныхъ людей, только мудрѣйшіе изъ народа, шаманы, только они одни могутъ входить въ сношенія съ богами, искать ихъ содѣйствія въ исполненіи своихъ желаній. Для обыкновеннаго человѣка область боговъ совершенно замкнута. Шаманъ находится въ тѣсномъ общеніи съ богами, особенно въ то время, когда онъ приходитъ въ восторженное состояніе. Въ томъ случаѣ, когда шаманъ не получилъ ожидаемой помощи отъ служащихъ ему низшихъ божествъ, онъ можетъ обращаться къ самому высшему небесному богу, но въ этомъ случаѣ боги—посредники ходатайствуютъ предъ небеснымъ богомъ о ниспосланіи желанной помощи. Въ одной самоѣдской пѣснѣ убѣждаютъ божество Тадебціо (Tadebcio) отправиться на высоту къ Нуму (Num) у самоѣдовъ соответствуетъ Укео у прочихъ финновъ) испросить у него исцѣленіе для больнаго. Боасъ прогнѣвить Нума, Тадебціо хлопочетъ всеми силами избавиться отъ порученія и совѣтуетъ шаману самому непосредственно обратиться къ Нуму. Шаманъ отвѣчаетъ на это: «Я не имѣю доступа къ Нуму, онъ далеко. Если бы я могъ его достигнуть, я не просилъ бы тебя, самъ пошелъ бы къ нему, но я немогу идти къ нему, потому иди ты». Итакъ при посредствѣ шамановъ люди сообщали божествамъ свои просьбы; шаманы, при посредствѣ споспѣшствующихъ имъ божествъ, доносили эти просьбы до боговъ высо-

людей въ одномъ отношеніи,—глазъ у божества найденъ (здѣсь помогло олицетвореніе), глазъ всевидящій, по крайней мѣрѣ днемъ, и всѣми видимый. Но ухо у божества—слышать молитвы людей не найдено. Правда шаманы какимъ-то образомъ находятъ возможнымъ передавать ему желанія людей посредствомъ умершихъ, но для этого они должны уподобляться имъ въ мучительномъ экстазѣ,—положеніе для каждаго человѣка неудобно. Правда божество иногда тоже неизвѣстнымъ образомъ открываетъ свое присутствіе въ нѣкоторыхъ естественныхъ предметахъ, въ деревѣ, въ роцѣ или въ скалѣ, особенно напоминающей нѣсколько фигуру человѣка ³⁾, но подобное соприкосновеніе божества съ чело-

чайшихъ. Но бывали случаи, когда нельзя было прибѣгнуть къ посредству шамановъ и чрезъ нихъ передать просьбу богамъ; случалось, что шаманъ далеко, а его помощь необходима. Въ такихъ случаяхъ можно было прибѣгнуть къ священнымъ деревьямъ и камнямъ; но такъ какъ и эти предметы не всегда могутъ встрѣтить кочующія племена, т. е. желая не оставить бѣднаго человѣка совершенно безъ поддержки, милосердія божества допускаютъ, чтобы шаманы привлекали ихъ къ какому нибудь изображенію, къ которому бы люди и могли обращаться. Есть и выгоды для божествъ въ этомъ добровольномъ плѣнѣ: имъ приносятъ богатныя жертвы. Перестаютъ приносить жертвы, и люди думаютъ, что божества, могутъ освободиться изъ своего добровольнаго плѣна».

³⁾ Замѣтимъ кстати, что вѣрованія въ откровенія божества на разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ предметахъ было однимъ изъ источниковъ,—можетъ быть даже важнѣйшимъ,—многобожія и идолопоклонства. Народъ въ этихъ физическихъ предметахъ въ данную пору видѣлъ не проявленіе только силы Божества, но самое Божество въ цѣломъ его организмѣ. Привыкая видѣть въ предметѣ постоянное воплощеніе Божества и зная о другихъ подобныхъ, онъ естественно пришелъ къ мысли объ отдѣльныхъ Божественныхъ личностяхъ, подобно тому, какъ иногда теперь простой народъ каждую чудотворную икону Божіей Матери считаетъ изображеніемъ особой Богородицы и насчитываетъ по этому столько Богородицъ, сколько знаетъ чудотворныхъ иконъ. Подобнымъ образомъ у чувашъ произошло вѣрованіе въ Олбуть Керемете. Отсюда же не далеко было и до идолопоклонства, когда люди нашли для себя болѣе удобнымъ имѣть воплощенія Божества всегда близъ себя въ видѣ человѣкоподобныхъ идоловъ—непремѣнно съ глазами и ушами,—въ которые шаманы имъ известными путями упрасивали божество воплотиться и которые скоро замѣнили въ вѣс-

вѣкомъ было и слишкомъ случайно, чтобы удовлетворять постояннымъ религіознымъ нуждамъ человѣка, и не безопасно, великую человѣкъ въ подобныхъ случаяхъ могъ нечаянно противъ своей воли оскорбить божество неуваженіемъ къ мѣсту его откровенія и подвергнуться его гнѣву. Въ концѣ концовъ вышло то, что люди стали заявлять формальныя жалобы на божество неба, живущее далеко, вѣчно покоящееся, оставившее міръ самому себѣ или низшимъ духамъ, словомъ бесполезное для людей.

Тоже наивное возвращеніе на божество выражается и на слѣдующихъ ступеняхъ религіознаго развитія человѣчества. Божество солнца очевидно видѣло все, что есть на поверхности земли, потому культъ ему совершался на открытыхъ мѣстахъ, преимуще-

или естественныя менѣе человѣкообразныя возлющенія. Правда, и здѣсь иные ученые наблюдатели хотѣли видѣть фетишизмъ, поклоненіе матеріальности предмета; за то другіе склоняются къ той мысли, что эти истуканчики имѣютъ у почитателей ихъ значеніе идоловъ или образовъ Божества. У остяковъ, говоритъ Гофманъ, «кроме общественныхъ жертвенниковъ, каждый чумъ поклаивается еще дома особеннымъ кукламъ, которыя дѣлаются изъ дерева или изъ тряпокъ. Онѣ бываютъ разной величины и, смотря по достатку хозяина, украшаются разноцвѣтными платками. Во время обѣда на долю этихъ идоловъ откладывается часть кушанья. Остяки Березовскаго округа по большей части обращены уже въ христіанскую вѣру, но придерживаются однакожь старыхъ обычаевъ, и потому при появленіи стороннихъ людей, тотчасъ прячутъ своихъ идоловъ, но когда съ ними развакоминься и внушишь къ себѣ нѣкоторую довѣренность, они выносятъ изъ тайниковъ свои священныя куклы и готовы продать ихъ за бѣдѣлицу. Чтобы имѣть понятіе, какую идею соединяютъ они съ этимъ издѣліемъ, я торговалъ въ чумѣ одного бѣднаго оленяго пастуха маленькаго идола, сдѣланнаго изъ тряпки. Одна иголка его не соблазнила, но когда я, возвышая постепенно цѣну, предложилъ ему четыре иголки и пару сережекъ изъ желтой мѣди, онъ отдалъ мнѣ своего идола. Тотъ же самый остякъ не согласился отдать мнѣ за пять иголокъ шкурку молодого песца, и уступилъ ее только за небольшой товарикъ. Изъ этого я заключалъ, что остяки отдѣляютъ идею божества отъ видимаго его изображенія. Нельзя думать, чтобы они приписывали кукламъ силу, которой они боятся и которую почитаютъ въ идолахъ, иначе мой пріятель не разстался бы съ своею куклою за вещи, соответствующія цѣнности обыкновенной песцовой шкурки. (Сѣв. Уралъ т. 2, стр. 29).

ственно на горахъ, и главную часть его составляло показываніе ему приносимой жертвы: «смотри, бери», (такъ было въ мордовскихъ, сколько помнится, кереметяхъ). Солнце могло и слышать, но для того нужно было послышье крикнуть и въ молитвѣ притомъ нужно было обстоятельно указывать нужды чело-вѣка. Припомнимъ насмѣшки пророка Иліи надъ жрецами Ваала и наставленіе Господа ученикамъ—не многословить въ молитвѣ, подобно язычникамъ. На основаніи той же указанной нами идеи, чело-вѣкъ, открывая новыя воплощенія божества, напр. въ грозо-выхъ явленіяхъ, изображалъ дѣйствующую силу и самыя дѣ-ствія чело-вѣкообразно, или, лучше тѣлеснообразно, уподобля-ихъ тому, что онъ видѣлъ въ дѣйствіяхъ чело-вѣка, но при этомъ добросовѣстно сохранялъ отличія въ размѣрѣ и энергіи небес-ныхъ явленій.

Чередованіе царствъ боговъ обусловливалось чередованіемъ формъ гражданственности у народовъ: божеству неба поклоняют-ся народы звѣроловныя и номады въ древнѣйшую пору; надъ кочевыми народами царитъ божество солнца съ своимъ братомъ небеснымъ огнемъ; оно же естественно господствуетъ въ стра-нахъ мало орошаемыхъ дождемъ¹⁾; культъ громовержца и туче-

¹⁾ Такъ напр. семитическіе народы, даже въ пору наибольшаго развитія государственной жизни, не пошли дальше царства Ваала или Беа (бога солнца) конечно потому, что въ странахъ, занимаемыхъ ими (Сирія и Ме-сопотамія), атмосферныя явленія не имѣютъ рѣшительнаго вліянія на жизнь че-ловѣка. Благопріятный урожай обусловливался въ нихъ близостію проточной воды для орошенія полей. Если и встрѣчаются у нихъ повтому божества послѣд-няго поколѣнія боговъ, напр. у Арамейцевъ Малькартъ, то они не играютъ глав-ной роли. Только у воинственныхъ Ассирійцевъ главный богъ—войнолюбивый Асуръ или Адра-Мелехъ, относится къ этой формации боговъ. Тому же физическому основанію и Зенды обязаны тѣмъ, что не развили бывшихъ у нихъ сказаній о божествахъ атмосферныхъ явленій (напр. Рустеме) въ полный религіозный культъ, а вмѣсто того отъ культа солнца прямо перешли къ рефлексивной дуалистиче-ской религіи Зороастра.

гонителя встрѣчается во всѣхъ умѣренныхъ странахъ въ эпоху земледѣльческаго и государственнаго быта, достигая въ Олимпѣ и въ троичности главнѣйшихъ божественныхъ личностей (Зевеса, Посейдона и Плутона) высшаго своего развитія. Причина подобнаго совпаденія очевидна. Вступая на новую ступень гражданственности, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ существенно измѣняетъ свое отношеніе къ важнѣйшимъ дѣятелямъ природы. Дикарю мало дѣла до произращающей и сожигающей златъ: силы солнца, — средства его пропитанія отъ того мало выигриваютъ или страдаютъ; немного нужды и до грозовыхъ явленій, которыя притомъ во многихъ странахъ и не грозны. Вся жизнь кочевника въ стадахъ, а жизнь стады въ обилии сочныхъ травъ на степяхъ, всегда сухихъ и подверженныхъ дѣйствию солнца; пошали засуха степи, иссуши источники, стада погибаютъ, гибнутъ люди. Урожай хлѣба и благосостояніе хлѣбопашца наиболѣе зависятъ отъ благопріятнаго распредѣленія по временамъ года дождя — небснаго сѣмени. Человѣкъ же, въ окружающемъ его мірѣ, наиболѣе любитъ то, что ему полезно, и боится того, что для него вредносно. Поелику также божество, по понятіямъ человѣка, должно быть занято главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ устройствомъ или уничтоженіемъ его матеріальнаго благополучія, то вмѣстѣ съ измѣненіемъ отношенія человѣка къ природѣ измѣнялись въ его глазахъ способы, мѣсто и свойства проявленій божества и его дѣятельности. Въ понятіяхъ дикаря покоющееся въ небѣ кочевникамъ представлялось дѣйствующимъ въ произращающей силѣ солнца и въ борьбѣ съ злымъ началомъ зимы и холода, земледѣльцамъ являлось въ грозовыхъ явленіяхъ. Много совпаденій формъ религіозныхъ и формъ гражданственности исторія человѣчества не представляетъ. Нигдѣ также не видимъ измѣненія естественной религіи безъ соотвѣтствующаго гражданственнаго развитія; дикарь, пока онъ пребываетъ дикаремъ, остается поклонникомъ неба и чтителемъ шамановъ. Не замѣчаемъ того даже

подъ влияніемъ болѣе развитыхъ народовъ, которое въ дѣлѣ религіи болѣе дѣйствуетъ посредственно, чрезъ измѣненіе гражданскаго быта народа (я здѣсь не говорю о Богооткровенной религіи).

Какое же участіе въ такомъ случаѣ имѣютъ въ созданіи религіозныхъ вѣрованій фантазія народа и мнѣческое обольщеніе роднаго слова? Очень большое. Они выполняютъ и раскрашиваютъ рисунокъ, абрисъ коего данъ указанными двумя причинами. Они создаютъ все разнообразіе мнѣческихъ сказаній въ предѣлахъ, имъ указанныхъ. Разъ открывъ присутствіе, воплощеніе божества въ извѣстномъ родѣ естественныхъ явленій, человѣкъ добросовѣстно проводитъ эту мысль до самыхъ мельчайшихъ изъ нихъ, вездѣ видя проявленія и дѣйствія божества. Для изображенія же ихъ онъ воспользовался изобиліемъ сближеній и уподобленій, создаваемыхъ его впечатлительнымъ ощущеніемъ и богатствомъ своего образнаго, метафорическаго слова. При этомъ человѣкъ, по привычкѣ въ каждомъ проявленіи божества видѣть самое божество въ цѣльномъ его организмѣ, легко могъ забыть первоначальное отличіе между божествомъ и стихійными предметами, служащими его воплощеніемъ, и отождествить ихъ, приписавъ божеству сущность и свойства физическихъ предметовъ, сдѣлавъ послѣдніе богами, живущими и дѣйствующими человѣкообразно и сообразно требованіямъ, заявляемымъ въ отношеніи къ божеству человѣкомъ. Здѣсь-то, по моему мнѣнію, и скрывается источникъ того оживотворенія и одушевленія природы, которое ученые признаютъ первымъ актомъ баснословнаго творчества человѣка. Особенно важное значеніе имѣло обольщеніе образовъ и слова на одушевленіе и обоготвореніе тѣхъ окружающихъ человѣка предметовъ, которымъ первоначально уподоблены были (только уподоблены) дѣйствія божества въ силахъ природы, болѣе отдаленныхъ отъ человѣка. Этимъ путемъ явились въ баснословіи и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ птицы изъ вѣри, дѣйствующія по человѣчески, ковры—самолеты и т. п. Но человѣкъ, не смотря на все обольщеніе

созданныхъ имъ образовъ и роднаго слова, никогда не могъ отрѣшиться отъ сознанія неестественности подобнаго оживотворенія и одушевленія физическихъ предметовъ, почему развитіе каждаго цикла мифовъ непремѣнно приходитъ къ созданію личнаго божества, независимаго отъ матеріи естественнаго предмета, свойства котораго тогда приписываются Божественной личности въ смыслѣ личныхъ нравственныхъ качествъ. Задача моего труда заставляетъ меня далѣе прослѣдить исторію мифическихъ сказаній или баснословнаго творчества. Впрочемъ опредѣлить техническую исторію каждаго мифа и раскрыть вполне значеніе въ этой исторіи фантазіи народа и человѣческаго слова я не берусь, частію потому, что это выходило бы изъ предѣловъ моей задачи, а частію и потому, что боюсь заявлять свое мнѣніе тамъ, гдѣ ошибались и авторитеты науки. Я довольствуюсь только нѣкоторыми замѣчаніями, насколько позволяетъ мое знаніе предмета.

А. Розовъ.

(Продолженіе будетъ).

Фресковыя изображенія по лѣстницамъ на хоры Кіево-софійскаго собора 1).

Фресковыя изображенія, придающія Кіево-софійскому собору такое высокое археологическое значеніе, до 1843 года лежали подъ слоями покраски и побѣлки, которыми были покрыты они въ разныя времена, въ продолженіе многовѣковаго существованія храма. Открытіе фресковъ производилось въ 1843—1845 годахъ; при чемъ оказалось, что живописью этого рода украшены всѣ *древнія* стѣны, столбы, арки и своды собора. Но вѣсть съ фресками религіознаго содержанія найдены были изображенія, которыхъ въ наше время не допускаетъ важность священнаго мѣста. Стѣны по лѣстницамъ, ведущимъ на хоры, явили изображенія звѣрей, птицъ, музыкантовъ, плясунувъ и т. д. Странность и неумѣстность изображеній послѣдняго рода такъ поразили нѣкоторыхъ свидѣтелей открытія, что, въ виду охраненія чистоты религіознаго чувства въ посѣтителяхъ древняго храма, они рекомендовали снова закрыть несвященныя изображенія въ священномъ мѣстѣ. Но изъ уваженія къ памятнику давноинувшихъ вѣковъ, большинство лицъ, заинтересованныхъ въ реставраціи Ярославова храма, нашло возможнымъ не только оставить, но и возобновить вѣсть съ священными и фрески несвященнаго характера.

1) Сочиненіе, писанное для соисканія *Венгійско-Румянцево* преміи.

На хоры Киево-софійскаго собора ведутъ двѣ лѣстницы: одна съ югозападной, другая съ сѣверозападной стороны. Югозападную лѣстницу украшаютъ слѣдующія изображенія:

1) Тотчасъ, при входѣ, на лѣвой стѣнѣ является изображеніе *охоты* ¹⁾ *за вепремъ*. Пѣшій охотникъ поражаетъ дикаго звѣря копьемъ, которое держитъ въ правой рукѣ; лѣвая рука свободна и поднята вверхъ. Надобно полагать, что этою рукою въ первоначальномъ рисункѣ охотникъ держалъ щитъ, который отъ времени стерся, и рука осталась пустою: потому что, какъ увидимъ ниже, копьѣ въ правой и щитъ въ лѣвой рукѣ составляютъ обыкновенныя принадлежности охотниковъ на другихъ картинахъ, представляющихъ охотничьи сцены. Кромѣ охотника и вепря на первомъ фрескѣ уцѣлѣла *собака*, которая хватается вепря за правую заднюю ногу. Время и обстоятельства сгладили дополнительные подробности этой картины; ими, безъ сомнѣнія, снабжено было то значительное пространство фреска, которое въ нынѣшнемъ рисункѣ сплошь покрыто новою голубою краскою. Костюмъ охотника составляютъ: на станѣ туника—видѣ короткой рубашки (до колѣнъ) съ узкими рукавами безъ полъ; то есть, безъ разрѣза напередѣ—стянута поясомъ, и какъ бы для большей свободы дѣйствія, подобрана съ боковъ такъ, что нижняя половина ея спускается въ видѣ трехгольника. Она темно-коричневаго цвѣта, по рукавамъ и вокругъ шеи оторочена желтоцвѣтною тесьмою. На груди охотника сохранилась часть верхней одежды, плаща, полную форму котораго мы найдемъ дальше. Плащъ, какъ и туника, коричневаго же цвѣта, но болѣе свѣтлаго. На ногахъ охотникъ имѣетъ узкія погавицы (порты) зеленоватаго цвѣта, но сапоговъ не видно; потому что пространство не позволило изобразить охотника во весь ростъ. Голова охотника обнажена.

¹⁾ *Охота*—позднѣйшее слово; въ древности она называлась *ловами*.

2) Слѣдующее изображеніе, сохранившееся хотя не полно, но, лучше перваго, представляетъ *четыреца всадниковъ*, изъ которыхъ каждый кромѣ коня, на которомъ сидитъ, ведетъ еще трехъ коней, такъ что подѣ каждымъ всадникомъ видно *четыре коня*: два бѣлаго и два коричневаго цвѣта. Всадники представлены внутри колонады, огороженной легкою рѣшеткою. Колонны въ числѣ пяти стоятъ въ равномъ одна отъ другой разстояніи; верхи ихъ соединены посредствомъ четырехъ арокъ. Поверхъ этихъ арокъ изображены четыре окна, изъ которыхъ въ первыя два смотрятъ женскія лица, въ послѣднія—мужескія. Всадники не имѣютъ при себѣ никакого оружія; лѣвыя руки ихъ подняты вверхъ. Одежда каждаго состоитъ изъ одной тунники, которая на первомъ и послѣднемъ всадникахъ имѣетъ зеленый цвѣтъ, на второмъ и третьемъ—коричневый. Плаща нѣтъ на всадникахъ, головы ихъ также покрыты; ногъ за конями невидно.

3) Рядомъ съ этою группою видны поясныя изображенія *трехъ лицъ*. Двое представлены въ положеніи буквы *Ф*, третій, подогнувши лѣвую руку въ бокъ, правую поднимаетъ вверхъ. Всѣ одѣты въ туннику, которая на первой фигурѣ зеленого цвѣта, на двухъ остальныхъ—коричневаго. По подолу, рукавамъ и вокругъ шеи туника (на каждой особѣ) окаймлена желтоцвѣтною тесмою, пронизанною жемчугомъ, кромѣ того имѣетъ украшеніе по груди, состоящее изъ пяти кружковъ желтаго цвѣта съ дробницами изъ жемчуга и камня. На головы, или лучше на затылки изображенныхъ лицъ надѣты повязки въ видѣ низкой скуфы.

4) Поверхъ всего пространства, занимаемаго тремя описанными картинами, тянется одинъ большой фрескъ. *Левъ и львица* съ противоположныхъ сторонъ терзаютъ животное, похожее на *лошадь*. По направленію къ этой сценѣ, съ правой стороны бѣжитъ *барсъ*, затѣмъ *тигръ*, преслѣдуемый пѣшимъ *охотникомъ*. Охотникъ имѣетъ въ лѣвой рукѣ щитъ, въ правой—копье, которымъ уже успѣлъ ранить бѣгущаго звѣря. На фрескѣ есть три дерева,

покрыты только букетами цвѣтовъ, но безъ листьевъ. Поновленіе лишило этотъ фрескъ общихъ чертъ, принадлежащихъ всѣмъ другимъ несвященнымъ фрескамъ Софійскаго храма. Звѣри изображены на немъ тучными и жирными, въ противоположность общему характеру другихъ фресковыхъ фигуръ, обыкновенно сухихъ и тощихъ. Одежда охотника, представленнаго на этомъ фрескѣ, совершенно сходна по только покрою, но и цвѣтомъ съ костюмомъ, въ какомъ мы видѣли на первомъ фрескѣ охотника, поражающаго копьёмъ вепря: поверхъ коричневой туники надѣтъ тоже коричневый плащъ—длинная, широкая одежда безъ рукавовъ, безъ подбоя и безъ украшеній. Онъ застегнутъ у праваго плеча, и потомъ, не закрывая стана, отброшенъ назадъ и распущенъ какъбы по воздуху. Узкіе порты на ногахъ охотника заправлены въ сапоги бѣловатаго цвѣта. Годова безъ новдаки.

5) На противоположной стѣнѣ, или лучше на столбѣ, вокругъ котораго вьется лѣстница, напротивъ описанныхъ изображеній помѣщается фрескъ, представляющій сцену опять изъ охотничьяго быта. На вершинѣ дерева укрывается звѣрокъ, похожій на *бѣлку*. Съ правой стороны молодой *охотникъ* направляетъ копьё; *другой* съ лѣва прицѣливается въ бѣлку изъ лука. Между охотниками видна лающая *собака*. За этой сценой идетъ другая, представляющая *всадника* и *волка*. Волкъ съ яростію хочетъ броситься на лошадь всадника, но всадникъ предупреждаетъ нападеніе, направивъ противъ лютаго звѣря свое копьё. Въ лѣвой рукѣ всадника щитъ. Костюмъ иѣшихъ охотниковъ и на этомъ фрескѣ составляютъ тѣже плащъ, короткая туника, порты и сапоги, которые мы уже видѣли на людяхъ этого рода; одежды ихъ различаются только цвѣтами.

Костюмъ всадника отличается отъ костюма иѣшихъ охотниковъ отсутствіемъ плаща, не зато туника его украшена богаче; она не поднята по бокамъ, какъ на иѣшихъ охотникахъ, и окаймлена желтаго цвѣта тесьмою, унизанною жемчугомъ и мелкими

каменьями, не только по рукавамъ и вокругъ шея, но еще по подолу. На конѣ всадника видно сѣдло.

6) Затѣмъ слѣдуетъ изображеніе такого рода. *Человѣкъ* несетъ на лѣвомъ плечѣ *голову вепря*, поддерживая ее лѣвою рукою, а въ правой рукѣ держитъ *заднюю ногу* того же звѣря. Впереди его идетъ *другой* безъ всякой ноши. Остальныя подробности фреска исчезли. Человѣкъ, несущій голову и ногу вепря, прекрасно сохранилъ свои черты, и поновленіе не коснулось его. Одѣтъ онъ въ туннику, подобранную съ боковъ; плечи и грудь покрыты широкимъ нагрудникомъ, пронизаннымъ въ нѣсколько рядовъ жемчугомъ и довольно крупными камнями. На головѣ низкая, круглая повязка; на ногахъ желтые порты и черные сапоги. Другая личность, изображенная на этомъ фрескѣ, одѣта въ туннику коричневаго цвѣта, обшитую по подолу тесьмой, и украшенную нагрудникомъ. На головѣ повязка въ видѣ чалмы; ногъ невидно.

Здѣсь самое узкое мѣсто лѣстницы. Столбъ, вокругъ котораго она вьется, такъ близко подошелъ къ западной стѣнѣ, что лѣстница съузвившись не давала бы свободного прохода, еслибъ ширина ея не была увеличена искусственно, посредствомъ углубленія, высѣченнаго въ западной стѣнѣ. Въ центрѣ углубленія сдѣлана узкая, но довольно глубокая ниша въ видѣ хлѣбной печи.

7) Въ этой нишѣ сохранилось изображеніе *блгущей лисицы*.

Черезъ двѣ или три ступени вверхъ отъ ниши лѣстница вдругъ расширяется, и своды надъ нею становятся сравнительно выше. Отсюда, съ точки расширенія лѣстницы, идутъ слѣдующія изображенія.

8) На правой сторонѣ, то есть, на столбѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изгибъ его приближается къ хорамъ, изображены *четыре человека* въ полный ростъ. Одинъ идетъ съ конькомъ, другой съ чашкой, двое остальныхъ стоятъ обратившись лицами другъ къ другу, и повидному, о чемъ-то разсуждаютъ. Надъ головами

этихъ людей видна поднятая завѣса зеленого цвѣта. Всѣ они представлены молодыми людьми безъ бороды и усовъ. На чело-вѣкъ съ копьемъ надѣтъ плащъ коричневаго цвѣта, пристегну-тый на груди у праваго плеча. Съ плечъ плащъ отброшенъ на спину и по ней спущенъ внизъ, такъ что передняя половина корпуса и руки не закрыты имъ. Туника сѣраго цвѣта обшита каймою только по подолу; порты и сапоги имѣютъ дымчатый цвѣтъ. На чело-вѣкъ съ чашкой плаща нѣтъ; надѣта только ту-ника зеленого цвѣта съ нашивнымъ нагрудникомъ; подолъ ея по бокамъ поднять до пояса; порты коричневаго цвѣта, сапоги чер-ные. На головѣ этотъ, какъ и первый чело-вѣкъ, имѣетъ бѣлую повязку. Третій также безъ плаща; одѣтъ въ тунику краснаго цвѣта, окаймленную широкимъ нагрудникомъ. Порты и сапоги на немъ черные; голова обнажена. На послѣднемъ чело-вѣкъ ту-ника, зеленого цвѣта, обшита тесьмою по подолу, рукавамъ и вокругъ шеи, но безъ нагрудника. Ногавицы вишневаго цвѣта, сапоги дымчатаго. Голова обнажена. Фрескъ поновленъ и состав-ляетъ только часть когда-то существовавшей большей картины.

9) На противоположной стѣнѣ противъ послѣдняго фреска находится такого вида изображеніе. Представлено *четыреугольное зданіе*, покрытое тремя, расположенными въ рядъ, остроконеч-ными крышами; внутренность его разрѣзана вертикальными и горизонтальными линіями на *пять отдѣленій*. Въ первомъ, между колоннами, верхи которыхъ соединены посредствомъ арокъ, стоятъ *три чело-вѣка*, стоятъ прямо и смотрять въ одну сторону, впе-редь. Простота и бѣдность костюма показываетъ въ нихъ лю-дей низшаго сословія. Они одѣты въ длинную узкую одежду съ рукавами, но безъ полъ, похожую на тунику. На всѣхъ эта одежда подпоясана поясомъ одинаковаго съ нею цвѣта, то зеле-наго, то коричневаго; никакихъ украшеній, въ видѣ обшивки или каймы, нѣтъ на ней. На головахъ двое изъ названныхъ лицъ имѣютъ сѣраго цвѣта повязки, третій стоитъ съ раскрытою го-

левою. Второе отдѣленіе представляетъ видъ продолговатаго четырехъугольника. По верху его развѣшена полукругами широкая кайма, усыпанная жемчугомъ и каменьями, украшенная, кромѣ того привѣсками въ видѣ небольшихъ призмъ, какими у насъ украшаются люстры. Изъ-подъ этой каймы по боковымъ стѣнамъ отдѣленія спускается занавѣсъ, который, впрочемъ не закрываетъ самой внутренности этой части зданія. Здѣсь изображены *четыре человека* въ такомъ же положеніи и въ такомъ же костюмѣ, какъ въ первомъ отдѣленіи. Третье отдѣленіе представляетъ четырехъугольникъ длиннѣе и шире предыдущаго. По сторонамъ его стоятъ двѣ колонны (византійскаго стиля); соединенныя посредствомъ арки. Между колоннами изображены *три человека*. На станіи перваго изъ нихъ длинная туника бѣлаго цвѣта, по груди, рукавамъ, подолю и вокругъ шеи обшита богатымъ позументомъ; поверхъ туники надѣтъ плащъ пурпуроваго цвѣта съ нашитымъ по груди четырехъугольнымъ платомъ изъ парчи съ жемчугомъ и драгоценными каменьями, на голову надѣта діадема, въ видѣ четырехъугольной повязки, немного расширяющейся къ верху; вся она усыпана въ три ряда жемчужными и каменными дроблячками. Голова окружена кромѣ того нимбомъ краснаго цвѣта. Предъ этой особой, сидящей на стулѣ или скамьѣ стоитъ *женщина*, по видимому, на судебномъ допросѣ; позади ея *мужчина*, какъ будто свидѣтель или доносчикъ; оба въ простомъ костюмѣ. Четвертое отдѣленіе занимаетъ мѣсто подъ первыми двумя, и представляетъ видъ расширеннаго четырехъугольника. Наружность его наивысшая *тамбиму*: посреди видно большое четырехъугольное окно, задѣланное частою рѣшеткою; по сторонамъ его два меньшихъ круглыхъ окна, также съ рѣшетками. Въ первое большое окно чрезъ рѣшетку смотритъ, по видимому, *арестантъ* заключенный въ темницу. Наконецъ въ пятомъ отдѣленіи, помѣщенномъ ниже третьяго, представляется *шесть человекъ* изображенныхъ въ профиль. Одинъ изъ нихъ, точно блюститель порядка,

стоитъ, обратившись къ остальнымъ, что-то повидимому говоритъ имъ, показывая правою рукою вверхъ, туда, гдѣ сидитъ царь или императоръ въ положеніи судьи. На этого человѣка надѣто нѣчто въ родѣ нашего жидета (зеленаго цвѣта); только совершенно глухаго, безъ пуговицъ и безъ прорѣза на груди, узкіе рукава и погавицы желтаго цвѣта дополняютъ его костюмъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ небольшую трость. Остальныя лица одѣты въ длинныя, подпоясанныя туники, безъ всякихъ украшеній. Вся картина занимаетъ относительно небольшое пространство, фигуры изображены въ жаломъ видѣ.

10) За этимъ фрескомъ значительное пространство теперь не имѣетъ никакихъ изображеній, кромѣ *трехъ* молодыхъ *всадниковъ*, гонящихся за дикою лошадыю и занимающихъ только небольшой уголъ въ этомъ мѣстѣ. Одинъ изъ нихъ въ дымчатой, другой въ зеленой, третій въ желтой туникѣ. Плаща нѣтъ ни на одномъ всадникѣ. Погавицы голубаго цвѣта и черныя сапоги видны только на переднемъ всадникѣ. На головахъ всѣ имѣютъ пизенькія бѣлаго цвѣта повязки въ видѣ нашей скуфы.

11) Выше этого фреска въ кругу изображенъ звѣрь съ лъвинымъ туловищемъ, но съ головою орла и съ крыльями (*грифъ*).

12) Отдѣляющееся окномъ отъ послѣднихъ двухъ фресковъ, слѣдующее изображеніе составляютъ *два* *человѣка*, подходящіе къ двери съ приподнятою завѣсою (зданія, которому могли бы принадлежать эта дверь, на рисунокѣ нѣтъ). На станѣ оба они имѣютъ короткую туннику, подобранную по бокамъ, и украшенную нагрудникомъ; на ногахъ—погавицы и сапоги; различенъ только головной уборъ ихъ: одинъ представленъ въ повязкѣ, имѣющей видъ чалмы, другой въ шапкѣ на подобіе воловьяго рога. По другую сторону двери стоитъ третье лицо, въ положеніи обращенномъ и нѣсколько наклоненномъ къ двумъ первымъ; протяну-

тия по направленію къ дверямъ обѣ руки его, очевидно, выражаютъ приглашеніе войти въ открытую дверь.

13) Описанная группа, по видимому, составляетъ часть слѣдующей за нею большой, любопытной картины. Представлена *толпа веселящихся* людей, услаждающихъ себя музыкою, плясками, и какъ видно по открытымъ рта́мъ, пѣснями. Музыкантовъ шестеро. Среднее мѣсто занимаетъ *плясунъ съ цимбалами*; обратившись къ нему, съ лѣвой стороны играетъ *флейщикъ*, съ правой—*два музыканта съ флейтами же*. (Ниже послѣднихъ сидеть *гитаристъ*, еще ниже *арфистъ*. На лѣво отъ арфиста *три плясуна*, изъ которыхъ средній машетъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько поодаль отъ этого общества молодой парень взлѣзаетъ на шесть, впереди котораго стоитъ человекъ въ положеніи буквы *Ф*. Музыканты и плясуны одѣты въ подпоясанныя туники, подобранныя по бокамъ у всѣхъ, кромѣ гитариста и арфиста. На головахъ одни не имѣютъ никакого покрова, другіе—низкія повязки, а третьи—шапки въ видѣ воловьего рога. Человекъ, взлѣзающій на шесть одѣтъ тоже въ туняку, но неподпоясанную, и съ засученными рукавами; ногавицы прикрываютъ ноги только о коленъ. сапоговъ нѣтъ.

14) Выше группы музыкантовъ на сводѣ въ кругу положено изображеніе большой *змьи* и стоящаго надъ нею *грифа*.

15) Послѣднее, самое верхнее изображеніе представляетъ въ кругу *сокола*, налетѣвшаго на *зайца*.

Кромѣ описанныхъ изображеній, по сводамъ юго-западной лѣстницы тамъ и здѣсь встрѣчаются птицы: *соколы* и *кречеты*, изображенные отдѣльными особями въ кругахъ, и чаще такимъ образомъ, что бѣлый соколъ или кречеть имѣетъ крылья коричневаго цвѣта и наоборотъ. Около птицъ видны разбросанныя перья.

Фресковыя изображенія по сѣверо-западной лѣстницѣ уцѣлѣли только на лѣвой стѣнѣ и на сводахъ ея. Правая стѣна теперь не имѣетъ ихъ.

1) Первое изображеніе представляет поединок *воина* съ существомъ, имѣющимъ *человѣчье туловище и птичью голову*. Воинъ держитъ въ лѣвой рукѣ щитъ, а правую поднялъ топоръ съ намѣреніемъ разрубить имъ голову необыкновеннаго врага. Последний, въ свою очередь, направилъ копье противъ воина. Чудовище изображено на половину обнаженнымъ; по груди его проведены анатомическія линіи; нижняя половина туловища закрыта перевязью; на ногахъ надѣты погавицы, заправленные въ сапоги. Человѣкъ съ топоромъ жмется обтянутымъ по верхней половинѣ корпуса и по рукамъ лайкой; вокругъ шеи видна тесьма съ изображенными на ней небольшими кольцами; нижняя часть туловища закрыта передникомъ; на ногахъ погавицы и сапоги; голова обнажена. Впрочемъ, краски на теперешнемъ фрескѣ совершенно новыя.

2) Поверхъ этого фреска на сводѣ, въ кругу бѣжитъ *собака*, поворотивши голову назадъ и огрызаясь. Изображеніе подновленное.

3) *Воинъ* на бѣломъ конѣ сражается съ напавшимъ на него *медведемъ*. Схвативши лѣвою рукою за нижнюю челюсть звѣря, всадникъ правою рукою поражаетъ его копьемъ. Одѣтъ онъ въ туніку, окаймленную по рукавамъ, подолу и вокругъ шеи; на головѣ имѣетъ круглый металлическій шлемъ; на ногахъ погавицы и сапоги. На лошади надѣто сѣдло. Все изображеніе имѣетъ теперь новыя краски; помещено оно на сводѣ.

4) На стѣнѣ остатокъ фреска представляетъ *пять мужчинъ*, изъ которыхъ отъ каждаго сохранились только голова и верхняя часть груди. Эти лица смотрятъ на *женщину* опять безъ туловища, изображенную на небольшомъ разстояніи отъ нихъ. Головы мужчинъ обнажены; вокругъ шеи каждый имѣетъ кайму коричневаго цвѣта, принадлежащую конечно туникѣ. У женщины на головѣ вѣнецъ четырехугольной формы, по краямъ пронизанный круглыми дробницами изъ жемчуга, а по срединѣ украшенный

тремя камнями, изъ которыхъ два четырехугольной и одна круглой формы. Изъ-подъ вѣнца спускается по вискамъ бѣлое покрывало; кромѣ того голова обведена краснымъ нимбомъ. На груди женщины сохранилась часть испори коричневаго цвѣта съ широкою тесьмою вокругъ шеи и часть зеленаго плаща, пристегнутого у праваго плеча. Этотъ остатокъ картины сохранилъ свои древнія краски.

5) На своѣ крылатый левъ (*грифъ*), лѣвое—звѣрь съ львинымъ туловищемъ, птичьей головою и крыльями (тоже *грифъ*) и *соколъ*. Всѣ въ кругахъ.

6) Внизу на стѣнѣ—*садникъ*. На станѣ его длинная исподъ, или туника, бѣлаго цвѣта, окаймленная золотоцвѣтною тесьмою по рукавамъ и подолу; сверхъ туники плащъ пурпуроваго цвѣта, украшенный на груди четырехугольнымъ платомъ, унизаннымъ по золотому полю жемчугомъ и камнями. На головѣ вѣнецъ и нимбъ краснаго цвѣта. Этотъ фрескъ сохранился съ своими древними красками, но онъ составляетъ только часть картины, какъ это надобно полагать по значительнымъ пространствамъ съ обѣихъ сторонъ всадника, неизмѣющимся теперь никакихъ изображеній и покрытымъ неюю, голубою краскою.

Выше послѣдняго фреска послѣдовательно идутъ одиночныя изображенія въ кругахъ:

7) *Стрѣлецъ*, приклонившій къ землѣ правое колѣно, прицѣливается изъ лука. Одѣтъ въ коричневою тунику, подпоясанную и подобранную по бежамъ; голова обнажена. Фрескъ поновленный.

8) *Человѣкъ*, обратившись лицомъ къ стрѣлку и припавши на лѣвое колѣно, направляетъ впередъ *колосъ*. Зеленая туника его подпоясана поясомъ и по бокамъ поднята; голова безъ повязки. Поновлено и это изображеніе.

9) На дномъ камнѣ желтаго цвѣта сидитъ *музыкантъ* и играть смычкомъ (*plectrum*) на семиструнномъ инструментѣ, въ

родѣ гитары (*sithara*). На музыкантѣ туника зеленого цвѣта; повязка покрываетъ его голову. Изображеніе древнее; поновленъ только смычокъ, которымъ музыкантъ играетъ.

10) Гончая *собака* преслѣдуетъ *олень*.

11) На стѣнѣ изображена часть зданія, продолговатой четырехугольной формы, съ остроконечной крышей; занавѣса украшаетъ его внутренность. Въ горизонтальномъ направленіи отъ зданія проведена низкая стѣна, разрѣзанная линіями на небольшіе квадратики и, повидимому, повелоченная. Близъ стѣны сидятъ *три человека*. На одномъ изъ нихъ длинная туника зеленого цвѣта, по подолу и вокругъ шеи отороченная залотоцвѣтною каймою, пронизанною жемчугомъ и камнями. Рукава туники широкие; изъ-подъ нихъ видны нарукавники. Плащъ пурпуроваго цвѣта застегнутъ у праваго плеча, откуда правая пола его пошла по спинѣ діагональною линією, и подхваченная подъ лѣвую руку, возвращается напередъ, и здѣсь собрана на колѣнахъ. Дѣвая пола плаща отъ застежки спущена по груди внизъ и доходитъ до самаго подола туники. На этой полѣ, тамъ, гдѣ она прикрываетъ грудь, нашитъ квадратный золотистаго цвѣта платъ, усыпанный жемчугомъ и драгоценными камнями. На головѣ вѣнецъ; вокругъ головы нимбъ. Человѣкъ этотъ сидитъ на стулѣ, который весь унизанъ жемчужными и каменными дробницами. По лѣвую сторону его изображены два воина, въ родѣ тѣлохранителей, одѣтые въ туники и плащи, но съ менѣе роскошными украшениями; головы ихъ раскрыты; въ рукахъ они имѣютъ оружіе; щиты и копья. Фрескъ этотъ сохранилъ свои древнія черты и краски.

12) Внутри зданія изображено *пять лицъ*: а) *женщина* въ туникѣ зеленого цвѣта. Напереди, вдоль ея туники нашитъ или наложенъ длинный платъ въ видѣ эпитрахили съ оплечьями, вышитый жемчугомъ и камнями. Сверхъ туники плащъ пурпуроваго цвѣта накинута только на лѣвое плечо, откуда лѣвая пола его

спущена по груди и наложена на лѣвую руку, а правая, не задѣвая плеча, со спины проходитъ подъ правую руку напередъ и здѣсь сложена на колѣнахъ. На головѣ ея бѣлое покрывало, спускающееся по вискамъ; изъ-подъ покрывала видны волосы.

б) Рядомъ съ этой женщиной изображенъ молодой *мужчина*; на немъ туника пурпуроваго цвѣта съ широкими рукавами и зеленый плащъ съ нагрудникомъ, застегнутый у праваго плеча; на головѣ вѣнецъ, но безъ нимба. Волосы доходятъ только до ушей; бороды нѣтъ. Дальше идутъ поясные изображенія *трехъ женщинъ*.

в) На первой плащъ зеленаго цвѣта застегнутъ на срединѣ груди (а не на правомъ плечѣ, какъ мы доселѣ видѣли); отсюда обѣ полы спущены внизъ и нависнуты на рука; плащъ отороченъ тесьмою; изъ-подъ него на лѣвой поднятой рукѣ виденъ рукавъ тунники, тоже зеленаго цвѣта. На головѣ женщины покрывало.

г) На второй женщинѣ, изображенной позади двухъ остальныхъ видна только верхняя часть какой-то одежды зеленаго цвѣта съ украшеніемъ, въ видѣ эпитрахили. Подобное же украшеніе замѣтно на костюмѣ послѣдней женщины. Какъ ни потускнѣлъ образъ этой личности, можно однако жъ примѣтить, что на руки наброшены полы плаща, изъ-подъ котораго на правой рукѣ виденъ рукавъ тунники зеленаго цвѣта, тогда какъ верхняя одежда имѣетъ пурпуровый цвѣтъ. Головы и двухъ послѣднихъ женщинъ покрыты бѣлыми покрывалами, которыя, впрочемъ не закрываютъ всѣхъ волосъ. Этотъ фрескъ сохранился съ древними чертами и красками.

13) Послѣднее изображеніе представляетъ въ кругу *лосъ* съ отрубленною правую заднюю ногу.

При первомъ взглядѣ на описанныя нами изображенія, между которыми иногда изрѣдка встрѣчаются существа даже недѣйствительнаго міра, приходятъ на память фантастическія картины, какими еще доселѣ богаты западные храмы, сооружен-

ные въ средніе вѣка ¹⁾. На сводахъ церковныхъ дверей, на аркахъ оконъ, вдоль контрфорсовъ, карнизовъ, галлерей рядомъ съ священными изображеніями средневѣковые храмы запада украшались картинами, сюжетомъ которыхъ служили: человѣческія тѣла съ головами животныхъ или, наоборотъ, головы людей, соединенныя съ звѣринными туловищами, кривляющіяся обезьяны, крылатые драконы, грифы (баснословная птица), саламандры (огненные духа) и т. д. *Бернгардъ*, строго-благочестивый аббатъ клермонскій, сильно жалуется на эти фантастическія произведенія, которыми украшались храмы его времени. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ спрашиваетъ: «Въ чему доброму ведутъ всѣ эти чудовища..., которыми покрываютъ стѣны монастырей, на показъ людямъ, оплакивающимъ грѣхи свои? Въ чему служить это красивое безобразіе или безобразная красота? Что означаютъ эти поганыя обезьяны, эти лютые львы, эти баснословные центавры? Но кромѣ этихъ изображеній, составлявшихъ во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ декоративное украшеніе, стѣны западныхъ храмовъ не рѣдко давали мѣсто картинамъ, проникнутымъ идеею весьма оскорбительною для святыхъ и ея служителей. На внутреннихъ стѣнахъ кафедрально храма въ Страсбургѣ видны были, напримѣръ, (теперь уничтоженныя) два барельефа, смыслъ которыхъ такъ рѣзко противорѣчилъ религіозному величію зданія, что говорили, будто самъ дьяволъ выцарапалъ ихъ своими собственными когтями ²⁾. Одинъ изъ барельефовъ представлялъ

¹⁾ Свѣдѣнія о несвященныхъ украшеніяхъ средневѣковыхъ западныхъ храмовъ заимствованы нами изъ статьи, помѣщенной въ журналѣ: *L'Université catholique* за 1836 годъ (т. II), подъ заглавіемъ: «De certaines compositions bizarres, qui décorent les églises du moyen âge: figures d'animaux et de monstres; diables; bas-reliefs grotesques ou satiriques».

²⁾ По вѣроятному предположенію, эти барельефы появились до 1298 года; спустя долгое время они перестали оскорблять взоры вѣрующихъ, но не погибли для исторіи искусства, потому что были гравированы и описываемы нѣсколько разъ.

процессію животныхъ, во главѣ которой разваливался медвѣдь съ кропильницей въ одной лапѣ и кропиломъ въ другой. Позади медвѣдя волкъ несъ крестъ, а заяцъ—зажженную восковую свѣчу; потомъ на заднихъ лапахъ слѣдовали боровъ и козелъ, поддерживая носилки, на которыхъ возлежала лисица—герой праздника. Между ногами носильщиковъ, около борова прыгала *canis femina, partes eas, quae sub caudâ sunt suis, attractans*. Въ другомъ барельефѣ презрѣнный рабъ поднималъ св. чашу и совершалъ миссу; впереди престола оселъ съ длинными ушами, въ должности дьякона, выпѣвалъ гимны по большой книгѣ, которую поддерживалъ на своей головѣ коть вмѣсто аналоя. Напрасно хотятъ открыть, замѣчаетъ одинъ западный писатель, въ этомъ духовномъ звѣринцѣ что либо иное, кромѣ сатиры нѣмой, но ядовитой противъ недостатковъ и смѣшныхъ сторонъ, которыми артисты надѣлилъ католическое духовенство. Любодѣяніе, невоздержаніе, грабительство, малодушіе, невѣжество, грубость, вѣроломство, скрываемое подъ маскою ласкательства, все это символизировано было подъ видами козла, свиньи, волка, зайца, осла, медвѣдя, кота. Но рука скульптора пошла дальше: она не побоялась коснуться самаго верховнаго понтифекса. Какъ нечистыя животныя, поддерживавшія носилки, олицетворяли монаховъ, опору папства; такъ лисица, возлежавшая на подвижномъ тронѣ, олицетворяла собою самое папство. Подобнаго рода барельефы появлялись въ немаломъ количествѣ на стѣнахъ западныхъ храмовъ, особенно XIII вѣка, когда свѣтскія общества художниковъ, увѣковѣчивъ древнія преданія и типы въ самой архитектурѣ церквей, давали безграничный просторъ сатирическому порыву въ аксессуарныхъ украшеніяхъ, обративши ихъ въ скандальные фарсы, грубо профанирующіе святыню. Такъ, на стѣнахъ одного храма въ *Форцгеймъ* (Pforzheim) путешественники находили барельефъ, назидательный не менѣе страсбургскихъ. Волкъ въ мхнатомъ фракѣ привѣтствуетъ стадо гусей съ четками на клювахъ;

лица въ кукулѣ съ проповѣднической кафедрѣ смотритъ на неоперившагося слушателя съ побрягушками, въ дурацкой шапкѣ. Въ сатирической живописи монастырской церкви въ *Альпирсбергѣ* (Alpirsberch) волкъ въ капюшонѣ съ тревникомъ въ лапѣ и медвѣдь стояли около аббатскаго сѣдалища, какъ царедворцы близъ царя. Въ *Руга*, въ церкви Божіей Матери рама боковой двери украшена гротесковыми барельефами, между которыми виденъ монахъ съ головою свиньи.

Изъ даннаго нами описанія несвященныхъ изображеній Кіево-софійскаго собора легко видѣть, что они не представляютъ ничего цохожаго на эти возмутительныя композиціи, которыми украшались стѣны западныхъ храмовъ въ средніе вѣка. Православный востокъ всегда сохранялъ благоговѣйное уваженіе къ св. Церкви. О проанациіи ея обрядовъ, о пародіи на ея служителей здѣсь не могло быть и рѣчи. Но что касается и тѣхъ немногихъ фантастическихъ существъ, которыя встрѣчаются между нашими фресками, то и въ этомъ случаѣ нѣтъ необходимости видѣть вліяніе запада. Средневѣковый западъ только расширилъ міръ фантазіи до крайнихъ размѣровъ; но не ему принадлежитъ инициатива въ созданіи такихъ чудовищъ, какъ грифы или люди съ головами звѣрей и птицъ, а еще древнимъ языческимъ народамъ. Грифъ, это чудовищное соединеніе льва и орла, по древнему вѣрованію, есть лютый звѣрь, живущій въ горахъ гиперборейскихъ, гдѣ онъ будто бы охраняетъ неприкосновенность золотыхъ рудъ отъ сѣдняго народа *аримасовъ*. Греки знали этого звѣря и часто изображали его на своихъ вазахъ ¹⁾. Извѣстно потому, что египтяне представляли своего Озириса въ видѣ человѣка съ головою птицы ²⁾. Изъ этого древнеязыческаго источника не только за-

¹⁾ *Encyclopedie methodique. Recueil d'antiquités*, ч. III, стр. 96.

²⁾ Снимокъ можно видѣть въ *Encyclop. method.* par. III, № 3, pl. CCXXXVIII, tab. 80.

падные, но и восточные художники могли заимствовать типы фантастических существъ. Въ сочиненіи Дюканжа: *Historia Byzantina* ¹⁾, между монетами Константина Великаго представлены два снимка, рисункомъ которыхъ служить человекъ съ собачьею головою.

Такимъ образомъ мы въ правѣ не допускать тѣсной связи между средневѣковыми украшеніями западныхъ храмовъ и нашими несвященными изображеніями. Обращая вниманіе на прямой непосредственный смыслъ послѣднихъ, нельзя не видѣть въ нихъ *сценъ, взятыхъ изъ быденнаго дѣйствительнаго быта, и именно—быта византійскаго.*

Четыре фреска по сѣверо-западной лѣстницѣ, описанные нами подъ цифрами: 4, 6, 11 и 12, очевидно представляютъ сцены изъ быта *византійскихъ императоровъ.* Это видно изъ костюмировки изображенныхъ тамъ лицъ. Костюмъ восточныхъ императоровъ отличался чрезвычайною характерностію въ покроѣ, цвѣтѣ и украшеніяхъ. До временъ Діоклитіана одежды греко-римскихъ государей были тѣже, которыя нѣкогда составляли костюмъ римскихъ сенаторовъ отличаясь отъ послѣдняго только цвѣтомъ. Діоклитіанъ къ концу III вѣка первый соединилъ въ своемъ костюмѣ европейскіе атрибуты царскаго достоинства со всею роскошью Азии. Ему подражали и послѣдующіе императоры. Ко времени Юстиніана византійско-императорскій костюмъ (*basilikḗ stolḗ*) составляли: *пурпуровая хламида* (плащъ), украшенная *квадратнымъ нагрудникомъ* (тавліонъ), вышитымъ по золоту камнями и жемчугомъ, парчевая *туника*, *корона*, пронизанная жемчугомъ и драгоценными камнями. Хламиды пурпуроваго, или червленнаго, цвѣта императоры не позволяли носить не только простымъ людямъ, но даже князьямъ другихъ народовъ, плати-

¹⁾: *Historia Byzantina, duplici commentario illustrata... Du Cange, Venetiis. MDCCXXIX.*

щихъ имъ дань ¹⁾. Четыреугольный жемчужный *платъ*, которымъ украшалась хламида, первоначально имѣлъ видъ набодровника, закрывавшаго колѣни, и опускавшагося до ногъ ²⁾. Впоследствии стали носить его выше, и онъ сдѣлался роскошнымъ нагрудникомъ. Туника составляла общую принадлежность какъ императорскаго, такъ и всякаго другаго костюма въ Византіи: ее носили всѣ мужчины и всѣ женщины; но императорская туника отличалась, большею частію, бѣлымъ цвѣтомъ, котораго не могли имѣть туники, напримѣръ, простыхъ воиновъ, и потому—болѣе роскошными украшеніями и бордюрами по груди, плечамъ и подолу. Корона византійскихъ императоровъ образовалась изъ лавроваго вѣнча, который носили еще римскіе консулы. Аврелианъ первый надѣлъ повязку, извѣстную подъ именемъ *диадимы*. Эту повязку, незакрывавшую прежде и темен, впоследствии покрыли парчею съ жемчугомъ и драгоценными камнями. Такъ явилась корона, въ видѣ четырехугольной шапочки, часто украшавшейся на верху небольшимъ крестомъ ³⁾. Во времени Палеологовъ вѣнецъ получилъ еще большее развитіе: сталъ походить на нашу митру, и принялъ новое названіе—*сѣнца* ⁴⁾. Наконецъ *нимбъ* вокругъ головы, который на западѣ составлялъ исключительную принадлежность святыхъ лицъ, на востокѣ придавался еще государямъ

¹⁾ *Encyclopedie methodique. Recueil d'antiquités.* ч. III, стр. 140.

²⁾ Образчикъ этой первоначальной формы указаннаго украшенія можно видѣть на дискѣ 394 года, изображающемъ Феодосія Великаго и его сыновей: Аркадія и Гонорія, между которыми императоръ дѣлитъ римскую имперію на восточную и западную. Снимокъ диска см. въ журналѣ г. Прохорова: *Христіанскія Древности.* 1863 г. при кн. VI-ой.

³⁾ Но не всегда; напримѣръ Юстиніанъ въ мозаикѣ св. Виталія въ въ Равеннѣ, Никифоръ Воганіанъ въ рукописи Іоанна Златоуста XI вѣка, изображены въ коронахъ безъ крестовъ.

⁴⁾ См. Кодина, *De officiis et officialibus curiae et ecclesiae Constantinopolitanae*, стр. 81. Образчики стеммы можно видѣть у Дюканжа, въ его *Historia Byzantina* (стр. 191 и 197), на снимкахъ императоровъ: Михаила и Мануила изъ династїи Палеологовъ.

не только христіанскимъ, но и языческимъ. У Дюканжа, въ его *Historia Byzantina* встрѣчается нѣсколько византійскихъ монетъ съ изображеніемъ императора въ вѣнецъ съ нимбомъ. Кромя этого нимбъ можно видѣть] на Юстиніанѣ и Теодорѣ въ равеннской мозаикѣ, на императрицѣ Евдокиѣ и ея сыновьяхъ (Львѣ и Александрѣ) въ рукописи Григорія Назіанзина ¹⁾, на Діоклитіанѣ въ фресковомъ изображеніи, находящемся въ алтарѣ трехсвятительскаго придела въ нашемъ же Кіево-софійскомъ соборѣ. Костюмъ императрицы въ Восточной Имперіи состоялъ изъ тѣхъ же одеждъ, въ которыя одѣвался императоръ. Императрица носила длинную туннику, обрамленную по рукавамъ, подолу и вокругъ шѣи широкою тесьмою, вышитою жемчугомъ и камнями; отъ тунники императора тунника императрицы отличалась только болѣе узкими рукавами; поверхъ тунники императрица надѣвала хламиду пурпуроваго цвѣта съ такимъ же украшеніемъ на груди, какое имѣла хламида императора. Головной уборъ императрицы составляла *diadema*, которой не носили супруги западныхъ государей ²⁾. Въ такомъ костюмѣ является, напримѣръ, Теодора на мозаикѣ св. Виталія въ Равеннѣ. Такъ одѣта царица Александра, припадающая къ ногамъ великомученика Георгія на фрескѣ въ алтарѣ Трехъ Святителей въ нашемъ Софійскомъ храмѣ. Такими образомъ хламида, тунника, вѣнецъ и нимбъ составляли отличительныя особенности византійско-императорскаго сана. Точно такую же драпировку имѣютъ нѣкоторыя особы, изображенныя въ Софійскомъ соборѣ на вышеуказанныхъ фрескахъ по сѣверо-западной лѣстницѣ. На первомъ изъ нихъ (подъ цифрою 4) уцѣлѣли только, какъ мы видѣли, пять мужескихъ головъ и одна женская украшенная по царски, въ византійскомъ вкусѣ. Судя по постановкѣ, какая дана этимъ лицамъ, фрескѣ, надобно полагать, изображалъ какую либо царскую процессію. Но нельзя сказать

¹⁾ См. *Христіанскія Древности*, Прохорова. 1863 г. кн. VIII, стр. 176.

²⁾ См. *Encyclopedie methodique. Recueil d'antiquités*. ч. III, стр. 140.

ничего опредѣленнаго касательно содержанія втораго фресна (подъ ц. 6), на которомъ сохранилось единственное изображеніе всадника въ византійско-императорскомъ костюмѣ. Болѣе понятенъ фрескъ, описанный подъ ц. 11. Здѣсь, очевидно, изображенъ *царь, или императоръ съ двумя тѣлохранителями* по лѣвую сторону. Изображенія царскихъ особъ съ двумя тѣлохранителями по сторонамъ встрѣчаются въ Византіи еще въ IV вѣкѣ. На дискѣ ¹⁾ 397 года, изображающемъ дѣленіе римской имперіи на восточную и западную, представленъ Θεодосій Великій и его сыновья, Аркадій и Гонорій, которые оба имѣютъ при себѣ по два тѣлохранителя, вооруженныхъ щитами и кожьями, какъ и на нашемъ фрескѣ. На последнемъ изображеніи по сѣверо-западной лѣстницѣ представлены: одинъ мужчина и четыре женщины. Мужчина, молодой человекъ, имѣетъ на головѣ вѣнецъ, но безъ нимба. Можно думать, что это *некоронованной царевичъ*. Признать его царемъ или императоромъ препятствуетъ отсутствіе на немъ нимба, которыми окружены головы всѣхъ другихъ царственныхъ особъ на фрескахъ Кіевского собора; но нельзя не отнести этой личности къ царскому семейству: потому что въ Византіи носить вѣнецъ могли только императоръ, императрица и сынъ императора, хотя бы послѣдній былъ и не коронованъ ²⁾. Что касается женщинъ, то это прежде всего *дѣвицы*; такъ какъ, по обычаямъ византійскимъ, только дѣвицы могли выпускать волосы изъ-подъ головной повязки ³⁾, какъ изображено это на женщинахъ въ нашемъ фрескѣ. Потомъ этихъ женщинъ, по богатству и украшеніямъ ихъ костюма, по пурпуровому цвѣту платья, и по тому еще, что изображены онѣ рядомъ съ царевичемъ, слѣдуетъ признать *царскими дѣтьми*.

¹⁾ Снимокъ см. въ журналѣ Прохорова: *Христіанскія Древности*. 1863 г. при кн. IV-ой.

²⁾ См. Копина, *De officiis et officialibus curiae et ecclesiae Constantinopolitanae*, стр. 82.

³⁾ Прохорова, *Христіанскія Древности*. 1863 г. кн. IX, стр. 228.

По югозападной лѣстницѣ, подъ цифрою 9, описана нами сцена, въ которой, очевидно, царь же является, какъ *судья* подданныхъ и каратель преступленій противъ охраняемаго имъ закона. Это одна изъ сценъ, въ которыхъ выражаются *отношенія верховной власти къ обществу*. Намъ извѣстно, что подобными сценами украшено было подножіе одного обелиска, стоявшаго въ константинопольскомъ гипподромѣ. На западной сторонѣ обелиска представлена была аудіенція иностранныхъ пословъ или путешественниковъ, подносящихъ императору дары; на южной—судебное засѣданіе, въ которомъ повѣренные отъ императора разбирали дѣла и тяжбы его подданныхъ; на сѣверной—раздача жалованья или наградъ войскамъ ¹⁾. На восточной сторонѣ того же обелиска представлены были танцы, подъ аккомпаниментъ древнихъ духовыхъ и струнныхъ инструментовъ ²⁾. Есть и между нашими фресками изображеніе (по югозападной лѣстницѣ, подъ ц. 13) группы плясунвъ и музыкантовъ съ инструментами того и другаго рода, употреблявшимися у грековъ. На югозападной лѣстницѣ есть изображеніе, представляющее четырехъ всадниковъ внутри крытой колоннады, поверхъ которой видны окна съ смотрящими въ нихъ лицами. Этотъ фрескъ едва ли не представляетъ *часть гипподрома*; всадники, имѣющіе каждый по четыре лошади, напоминаютъ представителей партій цирка, а лица, смотрящія въ окна, весьма похожи на зрителей.

Между несвященными изображеніями Кіевского собора часто встрѣчаются сцены изъ *охотничьяго* быта. По юго-западной лѣстницѣ фрески этого рода описаны у насъ подъ цифрами: 1, 4, 5 и 6; по сѣверо-западной—подъ цифрою 3. Сюда же слѣдуетъ отнести на сѣверо-западной лѣстницѣ стрѣлка и охотника

¹⁾ См. *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste*. Erste Section, стр. 373.

²⁾ Тамъ же.

съ копьёмъ, собаку, догоняющую оленя, и на другой лѣстницѣ, сокола, нападающаго на зайца.

Ловля дикихъ звѣрей въ древности имѣла болѣе широкіе размѣры и болѣе важное значеніе, чѣмъ имѣетъ въ настоящее время. «Имя Нимврода, говорятъ одинъ путешественникъ, наполняетъ Вавилонію и Ассирію, какъ имя Авраама—Месопотамію, какъ имя Цезаря—древнюю Францію, Траяна—Дунайскую долину, Александра (Македонскаго)—весь востокъ. Откуда явилась такая популярность человѣка, который, можетъ быть, устроилъ небольшое человѣческое общество, но въ исторіи замѣчательнъ только какъ *великій ловецъ звѣрей*? А отсюда, что охота въ древности вовсе не была невиннымъ развлеченіемъ, какому у насъ предаются послѣ перваго сентября. Чтобы понять великаго ловца, надобно перенестись въ первые вѣка человѣчества, когда свободный, властительный, кипящій жизнію и дѣятельностію лѣсъ покрывалъ міръ, какъ покрываетъ теперь бразильскую Мато и абиссинскую Мазога, когда боязливый, жившій въ одиночку человѣкъ, обрабатывая поле съ пшеницей или мансомъ, по близости своего шалаша, могъ считать себя только жильцомъ страшной, и черезчуръ плодородной мачихи. Старѣйшими дѣтьми лѣса были не мы, но народъ ревушій, шумный, дикіе звѣри, начиная съ тигра, который нападалъ изъ-за куста сзади на проходящихъ, и не смѣлъ смотрѣть никому прямо въ глаза, до льва и леопарда, осторожныхъ грабителей стадъ, до слона, тяжело ступающаго по мансовымъ полямъ, которыя онъ вытаптывалъ, до гиппопотама и кабана, валяющихся на нивѣ, до хитрой и влой обезьяны, опустошающей изъ удовольствія вредять, мы уже не говоримъ о пифонѣ, который беззаботно обвивается вокругъ столбовъ шалаша; о змѣѣ, преползающей чуть не въ колыбель ребѣнка; о крокодилѣ, спрятавшемся въ засадѣ, въ тростникахъ рѣки; объ аллигаторѣ, бодрствующемъ въ черной, зловонной водѣ болота»¹⁾.

¹⁾ *Всемирный Путешественникъ*. 1870 г. том. VII, стр. 79—80.

Даже въ средніе еще вѣка охота составляла важнѣйшее занятіе всей Европы; съ любовію, доходившею до страстнаго увлеченія, предавались ей и государи и лица высшихъ сословій. Для нея существовали особые законы, о ней написаны цѣлыя книги. Искусство и удачливость въ преслѣдованіи дикихъ звѣрей считалось начествомъ, достойнымъ всякаго благороднаго человѣка. И въ древней Руси, у князей охота занимала первое мѣсто возлѣ дѣлъ государственныхъ. Въ *поученіи* своимъ дѣтямъ Владиміръ Мономахъ говорилъ: «Да не застанеть васъ солнце на ложѣ! идите рано въ церковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой; такъ дѣлали всѣ добрые мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славили Господа... Потомъ садились думать съ дружиною, или оудить народъ, или ѣздили на *охоту*... Любя охоту, мы часто ловили звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ ломалъ меня на рогахъ, олень бодалъ, лось топтала ногами, вепрь сорвалъ мечъ съ бедра моей, медвѣдь пронюсилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и низвергнулъ коня подо мною.... Но Господь хранилъ меня» ¹⁾. Наши князья видѣли въ охотѣ лучшее средство къ укрѣпленію физическихъ силъ и къ развитію способностей для военнаго дѣла. Особенно широкіе размѣры имѣла русская охота въ окрестностяхъ Кіева; холмы и овраги вокругъ этого города въ древности покрыты были дремучимъ непроходимымъ лѣсомъ, который служилъ весьма уютнымъ пристанищемъ для звѣрей и птицъ разнаго рода. Въ этихъ мѣстахъ, съ легкой руи Кія, Щека и Хорива, ²⁾ кіевскіе князья производили ловы сѣтьми, псами, соколами, ястребами. Подвиги

¹⁾ Карамзинъ, *Ист. Гост. Россійск.* Изд. 1842 г. Т. II, гл. VII, стр. 96.

²⁾ «Быша три брата, одному имя Кій, а другому Щека, а третьему Хоривъ... и сотвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ. Быше около града гѣсъ и боръ великъ, и баху ловаща звѣрь». *Полн. Собр. русск. лѣтописей.* Свб. 1846 г. Т. 1, стр. 4.

ловцавъ воспѣвались въ пѣсняхъ, сказкахъ и жили въ памяти народа рядомъ съ замѣчательными событіями. Вслѣдствіе такого важнаго значенія, какое въ старину придавали охотѣ, изображенія охотничьихъ сценъ бывали весьма употребительны въ древнее время. Геродотъ видѣлъ картины этого рода во дворцѣ Семирамиды ¹⁾; ими украшены были стѣны помпейскихъ зданій ²⁾. Когда въ нашей Руси появились металлическія деньги, то обыкновеннымъ украшеніемъ ихъ служили: всадникъ съ околкомъ въ рукѣ, охотникъ, поражающій медвѣдя, стрѣлокъ съ лукомъ и т. п.

Существуетъ мнѣніе, будто и въ Кіево-софійскомъ соборѣ представлены сцены охоты нашихъ русскихъ предковъ ³⁾. Но хотя охота была любимымъ занятіемъ и русскихъ князей, хотя изображенія сценъ изъ охотничьяго быта не были чужды и русскому вкусу, — барсы, львы и тигры не могли быть предметомъ русскаго лова. Кромѣ того, чтобы быть послѣдовательнымъ, это мнѣніе должно допустить, что и царственными лица на фрескахъ суть русскіе князья, но мы уже видѣли, что костюмировка этихъ лицъ *византийская*, а не русская. Правда, русскіе князья, съ принятіемъ христіанства и цивилизаціи изъ Византіи, заимствовали оттуда и нѣкоторыя особенности костюма византийскихъ императоровъ; но они соединили заимствованныя одежды съ своими національными, и образовался у нихъ костюмъ не чисто-византийскій, а смѣшанный, извѣстный подъ названіемъ *руско-византийскаго*. Образцы этого костюма сохранились на древнихъ изображеніяхъ русскихъ князей. При *сборникѣ Святослава Ярославича*, относящемся къ 1073 году, названный князь изображенъ въ такомъ костюмѣ: на головѣ *шапка* съ широкимъ околшемъ, съ наушниками, съ широкимъ круглымъ верхомъ; нимба

¹⁾ *Всемирный Путешеств.* 1870 г. вып. 3, стр. 44.

²⁾ *Отеч. Зап.* 1856. Январь. Статья подъ заглав. *Помпея изъ неаполитанскаго записокъ.*

³⁾ См. Н. Семеновскаго, *Сказаніе о ловахъ вел. кн. кіевскихъ* Сиб. 1857.

нѣтъ; на плечи надѣтъ *плащъ* синяго цвѣта безъ нашивнаго нагрудника, съ краснымъ подбоемъ; изъ-подъ плаща видна *исподъ* зеленого цвѣта съ красною каймою по подолу и съ золотыми нарукавниками ¹⁾. Такимъ образомъ плащъ и *исподъ* (туника) составляютъ общія принадлежности какъ византійскаго царскаго, такъ и русскаго княжескаго костюма; но плащъ русскаго князя отличается отъ византійско-царскаго плаща *подбоемъ*, котораго невидно на плащахъ восточныхъ императоровъ, *немльникомъ* нашивнаго нагрудника и *цельтомъ*. *Цельтъ* же отличаетъ русско-княжескую *исподъ* отъ византійской. Но главное различіе этихъ костюмовъ въ *золотномъ* уборѣ. Святославъ имѣетъ на головѣ шапку, вовсе непохожую на византійскій вѣнецъ. *Нимбъ* красного цвѣта только византійскими художниками придавался государямъ; русскіе, равно какъ и западные иконографы отличали нимбомъ однихъ святыхъ, но не святыхъ, хотя бы и царственныхъ особы изображались ими безъ нимба.

Русско-византійскую одежду нашихъ первыхъ князей можно видѣть еще въ *старо-ладожской крѣпости*, въ *перви св. Георгія*, на фресковомъ изображеніи князя *Всеволода*, XII вѣка. Въ *Христіанскихъ Древностяхъ* ²⁾ такъ описывается костюмъ этого князя: «На немъ (Всеволодѣ) надѣтъ узорчатый плащъ, или паволока; рубашка немного ниже колѣнъ, украшенная узорами, широкой каймой и наплечниками (въ родѣ широкихъ лентъ или повументовъ), а на рукавахъ поручи или нарукавники... На головѣ древняя русская шапка (клобузь)».

Какимъ же образомъ могли явиться несвященные изображенія въ священномъ мѣстѣ? Бывали ли подобныя примѣры въ первоначальной практикѣ христіанскаго искусства?

Между несвященными изображеніями Кіево-софійскаго храма встрѣчаются, какъ мы видѣли, изображенія *царственныхъ* особъ.

¹⁾ *Христ. Древн.* 1863. кн. IX, стр. 200.

²⁾ 1864 года. кн. VII, стр. 155—156.

Въ древнихъ христіанскихъ церквахъ дѣйствительно были допускаемы изображенія высокопоставленныхъ лицъ, хотя бы эти лица были еще живы, и слѣдовательно, не были признаны за лица святыхъ. Такъ Павлинъ, епископъ поланскій и другіе писатели утверждаютъ, что въ древнихъ церквахъ помѣщались изображенія живыхъ и мертвыхъ: епископы и цари представляемы были въ томъ же храмѣ, гдѣ изображались святые и мученики. Изображеніе самого Павлина, вмѣстѣ съ изображеніемъ мученика Мартина, находилось на стѣнахъ крещальни, построенной Северомъ ¹⁾. Акакій, епископъ константинопольскій, по свидѣтельству Свиды, былъ такъ честолюбивъ, что самъ приказывалъ ставить въ церквахъ свои изображенія ²⁾. Подобной чести удостоился и Македоній (извѣстный еретикъ). Теодоръ Лекторъ замѣчаетъ о Тимоеѣ, преемникѣ его: «Тимоеѣ когда приходилъ въ церковь, не начиналъ служенія, не снявши предварительно изображеній Македонія» ³⁾. Въ Константинополѣ, въ храмѣ св. Софіи, стояла цѣлая коллекція императорскихъ статуй; тамъ были статуи: Константина Великаго, Констанція, Юліана, Галліана, Теодосія Великаго, Теодосія Младшаго, Аркадія, Валентиніана, три статуи матери Константина В., св. Елены ⁴⁾. Съ VI вѣка христіанскіе художники начинаютъ изображать на храмовыхъ стѣнахъ лицъ, которыми строились храмы. Въ церкви св. *Виталія* въ Равеннѣ, построенной Юстиніаномъ (534—547) есть мозаическія изображенія двухъ царскихъ процессій: въ одной Юстиніанъ между придворными и духовенствомъ, въ другой супруга императора, царица

¹⁾ См. Binghami, *Antiquitates ecclesiasticae*. Т. III, стр. 306.

²⁾ Тамъ же стр. 106.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste*, 1 Sect. стр. 374. Еще: *Impertum orientale, sive antiquitates Constantinopolitanae*, Ч. III. кн. 1, стр. 18.

Теодора съ придворными женщинами ¹⁾). Въ церкви *св. Сергія* въ Газѣ, построенной при Юстиніанѣ епископомъ *Маркіаномъ*, было изображеніе, въ которомъ св. покровитель храма милостиво держалъ свои руки на плечахъ храмоздателя ²⁾). Въ трапезунтской церкви *св. Софіи*, надъ дверью изображенъ основатель храма, Алексѣй III, окруженный царедворцами ³⁾). Обычай полагать на стѣнахъ храма изображенія великихъ особъ и храмоздателей изъ Византіи перешелъ и въ Россію. Въ *Спасо-преображенской* церкви, въ упраздненномъ *Нередицкомъ* монастырѣ, около Новгорода, сохранилась фресковая живопись греческаго пошиба. На южной стѣнѣ подъ хорами изображенъ сидящимъ князь Ярославъ Всеволодовичъ, основатель Нередицкой обители ⁴⁾). Въ *Староладожской* крѣпости, въ церкви *св. Георгія*, XII вѣка, сохранилось фресковое изображеніе князя Всеволода ⁵⁾). Въ Кіево-печерской лаврѣ, на хорахъ большаго храма еще не такъ давно висѣли портреты малороссійскихъ гетмановъ: Мазепы, Богдана Хмельницкаго, Коношевичъ — Сагайдачнаго и другихъ. Но всѣ указанные случаи относятся къ изображеніямъ высокопоставленныхъ лицъ *портретнымъ*, помѣщаемымъ въ самыхъ храмахъ для выраженія чѣмъ либо заслуженнаго къ нимъ уваженія со стороны церкви. Ничего аналогическаго имъ не представляютъ собою изображенія царственныхъ особъ, замѣченныя нами по лѣстницамъ Кіево-софійскаго собора. Отсутствіе надписей не позволяетъ намъ видѣть въ послѣднихъ изображеній портретныхъ. Помѣщеніе же ихъ группами въ различныхъ положеніяхъ и въ ряду другихъ группъ, представляющихъ лица и сцены разныхъ слоевъ обще-

¹⁾ *Сборникъ на 1866-й годъ, изданный обществомъ древне-русскаго искусства, при Московскомъ Публичномъ музеѣ. Отд. 1 стр. 53.*

²⁾ *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste. 1 Sect. стр. 462.*

³⁾ *Сборникъ древне-русскаго искусства на 1866-й годъ Отд. 2, стр. 35.*

⁴⁾ Макарія, *Древности Новгорода. Ч. 1, стр. 503—504.*

⁵⁾ Прохорова, *Христ. Древн. 1864 г. кн. XII, стр. 155.*

ственного быта в разных свойствах, и притомъ—въ части здания не внушающей особеннаго благоговѣнія, побуждаетъ насъ не выдѣлять этихъ изображеній изъ ряда всѣхъ имъ смежныхъ, а относить къ одному роду съ остальными.

Древнiе художники любили украшать не только простыя, но и священныя здания, между прочимъ, картинами нашей обыденной жизни, не соединяя съ ними какого либо особаго значенiя. Первые примѣры этого рода встрѣчаются еще у язычниковъ. Языческiе художники первоначально посвящали рѣзецъ и кисть съ исключительностiю предметамъ своей религiи и исторiи отечества. До времени Александра Македонскаго греческое искусство вообще ограничивалось олицетворенiемъ преданiй мифологiи и событiй національной исторiи. Боги и герои съ ихъ подвигами были единственными сюжетами, которыми украшались древнѣйшiе храмы Эллады. Иного рода изображенiй и не допускали эти храмы. По смерти же Александра Великаго, политическiе перевороты повлекли за собою упадокъ искусства, которому не мало способствовало и чрезвычайное обилiе художественныхъ произведенiй: мифологическiя преданiя и национальная исторiя до того были исчерпаны скульпторами и живописцами, что уже не могли давать новыхъ сюжетовъ для искусства. Художники стали пролагать себѣ новые пути. Они обратились къ изображенiю сценъ *вседневной жизни* ¹⁾. Представитель этого направленiя, талантливый *Пармъ*, занимался изображенiемъ лавокъ, рыночныхъ сценъ и т. под. Въ храмахъ, рядомъ съ картинами мифологiи и исторiи, стали появляться эскизы домашняго быта, обыкновенныя сцены окружающей насъ жизни. Изображенiями въ этомъ родѣ особенно богаты развалины древней *Помпеи*. Тамъ между художественными произведенiями открыто много такихъ, которыя мы обозначаемъ названiемъ *жанра*.

1) *Отеч. Зап.* 1856. Январь. Статья подъ заглавiемъ: *Помпеи изъ неаполитанскихъ записокъ*.

Въ Пантеонѣ (помпейскомъ храмѣ посвященномъ Августу) найдены барашки, птицы, рыбы, плоды, амфоры, роги изобилія, обвитые гирляндами, и поддерживаемые геніями. На стѣнахъ *Sacelli* ¹⁾ въ той же Помпеѣ видны были живописныя изображенія птицъ, кабаньей головы, окорока. Подобнаго рода изображеніями украшены были и другіе памятники искусства въ Помпеѣ. Встрѣчались тамъ: павлины, пеллганы, газели, слоны, попугай впряженный въ колесницу и управляемый стреловою, кошка заѣвшая куропатку, заяцъ лакомящійся виноградомъ, мальчикъ съ гусемъ, рыбакъ, сатиры, вакханки, плясуны, сцены охоты, сбора винограда и проч. Античная кисть не чуждалась въ Помпеѣ изображенія даже кухонныхъ принадлежностей, каковы: блюда съ дичью, съ рыбой, съ плодами и раками, вазы съ вишнями и т. под. Это сопровождалось искаженіемъ эстетическаго вкуса древнихъ, на которое сильно жаловались Ветрувій и Плиній, укорявшіе богатыхъ людей за то, что они, украшая живописью свои дома, цѣнили болѣе яркость красокъ рѣдкихъ и дорогихъ, нежели занимательность сочиненія. Страсть къ расписыванію и раскрашиванію въ это время дошла до величайшихъ размѣровъ. Цвѣты, статуи, картины составляли такую же обычную принадлежность зданій, какъ въ наше время составляютъ ее пестрые обои и снимки фотографіи. Въ Помпеѣ кисть маляра не пощадила даже мраморныхъ капиталей, не говоря уже о стѣнахъ атриумовъ, трилиніумовъ, термовъ и храмовъ.

Христіанскіе храмы, принимая искусство, замѣнили изображенія языческой мѣологии и исторіи картинами небснаго міра, образами святыхъ, сюжетами изъ ихъ жизни и подвиговъ. Но христіанскіе художники не нашли необходимымъ совершенно устранить изображенія безразличнаго, въ религіозномъ отношеніи, характера, какія ко времени появленія христіанства стали прони-

¹⁾ *Sacellum*—маленькая кумирня съ мраморнымъ жертвенникомъ.

каты въ среду украшеній языческихъ храмовъ. Христіанская церковь допустила, какъ непредосудительное украшеніе, на стѣнахъ храма картины животнаго и растительнаго міра и сцены обыденной жизни человѣка. Только произведеніямъ этого рода, по крайней мѣрѣ восточная церковь отвела мѣсто не рядомъ съ священными изображеніями, а вдали отъ нихъ: на вѣшнихъ стѣнахъ храма, въ наперти, по лѣстницамъ на галлерей, на полу и т. под.

Безразличныя изображенія появляются у христіанъ весьма рано. Первые опыты въ этомъ родѣ встрѣчаются на самыхъ первоначальныхъ памятникахъ древне-христіанскаго искусства. По примѣру язычниковъ, древніе христіане любили украшать гробы мучениковъ и даже всякаго вѣрующаго живыми и искусственными цвѣтами и листьями, въ видѣ гирляндъ, букетовъ, вѣнковъ въ вазахъ или корзинахъ. Въ римскихъ катакомбахъ, входъ въ первую комнату усыпальницы *св. Амессы* (замученной при Аврелианѣ, въ III вѣдѣ) украшенъ крылатыми геvіями, несущими на своихъ плечахъ корзины съ цвѣтами. Своды римскихъ катакомбъ, углы древнихъ *cubicula* (погребальныя комнаты въ катакомбахъ) украшены птицами, расположенными въ симметрическомъ порядкѣ. На фризахъ нѣкоторыхъ саркофаговъ показываются голуби и другія птицы, клюющія плоды изъ маленькихъ корзинокъ. На каменныхъ доскахъ, которыми покрывались такъ называемыя *loculi* (гробницы) въ катакомбахъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства вырѣзывались или рисовались изображенія птицъ: голубей, павлиновъ и четвероногихъ животныхъ, напримѣръ: льва, тигра, быка, лошади, овцы, оленя и проч. ¹⁾.

Катакомбы и усыпальницы служили убѣжищемъ христіанъ и христіанскаго искусства въ первые вѣка гоненій. Съ воцареніемъ Константина Великаго, когда наступили для христіанства

¹⁾ См. Mortigny, *Dictionnaire des antiquités chrétiennes*. Стр. 35.

лучшія времена, стали размножаться открытые христіанскіе храмы. Сюда вынесли христіане изъ подземныхъ усыпальницъ, вмѣстѣ съ живописью и скульптурою, древній обычай украшать извѣстныя мѣста священныхъ зданій изображениями растений, животныхъ и проч.

Рядъ этого рода изображеній начинается въ христіанскихъ церквахъ еще съ IV вѣка. Въ храмѣ *св. Георгія* въ Сокуѣ мозаики, украшающія куполь, представляютъ великолѣпныя палаты въ фантастическомъ стилѣ египетской живописи: портики подъ колоннами, бесѣдки съ занавѣсами, аркады съ фризамъ, украшенными разными орнаментами ¹⁾. Въ церкви *св. Констанцы* (въ Римѣ, на поментанской дорогѣ), построенной также въ четвертомъ вѣкѣ, потолокъ украшенъ мозаикою, которая своимъ содержаніемъ сильно напоминаетъ живопись Помпеи. Она представляетъ геніевъ между арабесками виноградныхъ лозъ и кистей, бюсты, женскія фигуры, сцены собиранія винограда. Здѣсь же находился огромный порфирный саркофагъ Констанцы съ беремьсами геніевъ, занятыхъ собираніемъ винограда и приготовленіемъ вина. Разрушенная мозаика среднимъ потолка представляла теламоновъ и каріатидъ, савловъ и вакханокъ, рыбу, лебедей, геніевъ въ лодкахъ и различныя другія сцены ²⁾.

Такимъ образомъ въ самыхъ древнихъ христіанскихъ церквахъ встрѣчаются не только одноличныя изображенія, но и цѣлыя группы несвященнаго содержанія. Сюжетомъ для нихъ избираются, между прочимъ, сцены мѣстныхъ занятій, наиболѣе важныхъ и любимыхъ, каковы, наприм. въ Италиі: собираніе винограда и приготовленіе вина.

Несвященныя изображенія, конечно, не могли составлять

¹⁾ См. *Сборникъ древнерусскаго искусства на 1866 годъ*. Отд. I, стр. 51—52.

²⁾ *Сборникъ древнерусск. искусства на 1866 годъ*. Отд. I, стр. 129.

необходимой принадлежности христіанскаго храма, какъ составляють ее изображенія священнаго характера; и христіанскимъ художникамъ церковь не виѣнила въ непремѣнную обязанность покрывать ими церковныя стѣны, хотя, съ другой стороны, не дѣлала на этотъ разъ и официальнаго запрещенія. Не были они и тѣмъ либо особенно важнымъ, что требовало бы большаго вниманія со стороны христіанскаго искусства. Для церкви эти изображенія, неимѣющія прямой связи съ картинами религіознаго содержанія, составляли то же, что въ книгѣ или картинѣ составляютъ аксессуарныя украшенія, которыя могутъ быть, могутъ и не быть тамъ, могутъ имѣть такую и другую форму. Помѣщеніе или непомѣщеніе ихъ зависѣло отъ личной воли строителей храма или художниковъ, которыми храмъ расписывался. Равнымъ образомъ, церковь не давала точныхъ неизмѣнныхъ правилъ касательно характера и содержанія несвященныхъ изображеній: вкусоуъ и желанію частныхъ же лицъ, принимавшихъ участіе въ сооружеиіи той или другой церкви, условливалось украшеніе стѣнъ храма изображеніями тавихъ, а не другихъ растеній или животныхъ, тавихъ, а не иныхъ сюжетъ нашего житейскаго быта. Нечего, конечно, и говорить, что нескромныя картины, оскорбительныя для нравственнаго или религіознаго чувства христіанъ, безусловно запрещаемы были церковію не только въ храмахъ, но и въ частныхъ домахъ, какъ запрещаемы и даже сожигаемы были ея богохульныя и безнравственныя сочиненія, которыя могли повредить чистотѣ христіанскаго ученія и святости христіанской жизни. (Впрочемъ надобно замѣтить, что это запрещеніе во всей строгости и во всякое время помнила только восточная церковь. Какъ видѣли мы, въ западной церкви былъ періодъ, когда на стѣнахъ тамошнихъ религіозныхъ зданій появлялись изображенія, составлявшія самую возмутительную ирофанацію святыни). Въ актахъ II-го никейскаго, или VII-го вселенскаго собора помѣщено письмо *преп. Нила*, ученика св. Іоанна Златоуста и писателя

церкви, V-го вѣка, написанное имъ къ одному знатному человеку, *Олимпіодору*. Этотъ Олимпіодоръ, возмѣнивъ намѣреніе соорудить храмъ, спрашивалъ Нила, можно ли ему, Олимпіодору, покрыть извѣстныя мѣста церкви сценами охоты и рыбной ловли? Преподобный не даетъ на это позволенія. Вотъ отвѣтъ, посланный имъ Олимпіодору: «Намѣревался построить церковь св. мучениковъ..., ты спрашиваешь меня, найду ли я приличнымъ твое желаніе изобразить по стѣнамъ храма разнаго рода животныхъ: однихъ съ правой, другихъ съ лѣвой стороны такъ, чтобы по землѣ видны были разсланные тенета съ запутавшимися въ нихъ зайцами и дикими козами; затѣмъ охотники съ собаками, преслѣдующими бѣгущихъ звѣрей; а въ морѣ представлены были закинутыя сѣти и разнаго рода рыбы, вытаскиваемыя на суну рыбаками?.. Я не одобряю этого. Я желалъ бы, чтобы даже обыкновенный домъ былъ наполненъ скорѣе тысячею крестовъ, чѣмъ картинами птицъ, скотовъ и звѣй. Ребачествомъ и глупостію представляется мнѣ желаніе развлекать взоръ вѣрующихъ подобнаго рода предметами. Святой храмъ на восточной сторонѣ долженъ имѣть одинъ и единственный крестъ; ибо спасительный крестъ даровалъ свободу человѣческому роду... Стѣны же храма слѣдуетъ украшать картинами священной исторіи ветхаго и новаго заветовъ..., а въ обыкновенномъ домѣ достаточно имѣть изображеніе одного креста»¹⁾.—Несвященныя изображенія, появлявшіяся въ священныхъ мѣстахъ, какъ дѣло менѣе чѣмъ второстепенное, не могли сдѣлаться предметомъ видной главы въ исторіи христіанскаго, изобразительнаго искусства. Дошедшія до насъ описанія древне-христіанскихъ храмовъ, главнымъ образомъ останавливаясь на изображеніяхъ, составляющихъ необходимую и существенную принадлежность христіанскихъ церквей, почти умалчиваютъ о безразличныхъ украшеніяхъ, которыя могли только

¹⁾ *Vinius, Concilia generalia et particularia. T. VI, p. 44.*

допускаться имъ, но не составлять ихъ непремѣнной принадлеж-ности. Поэтому переписка преп. Нила съ Олимпіодоромъ, имѣв-шая совершенно случайное происхожденіе, составляетъ для насъ важный фактъ.

Олимпіодоръ намѣреваясь помѣстить въ сооружаемой имъ церкви изображенія сценъ охоты и рыбной ловли, спрашиваетъ на это позволенія или одобренія у преподобнаго Нила. Трудно предположить, чтобы Олимпіодору первому пришла въ голову оригинальная мысль покрыть стѣны храма мірскими картинами; по всей вѣроятности, примѣры этого рода встрѣчались и прежде ¹⁾).

Но св. церковь смотрѣла безразлично на украшенія храмовъ, хотя неизмѣвшая прямого отношенія къ религіи, но и неоскорби-тельного для послѣдней. Она не давала положительныхъ правилъ, которыми узаконялось или воспрещалось бы употребленіе безраз-личныхъ украшеній въ христіанскихъ храмахъ. Вотъ почему Олим-піодоръ, не зная ни правилъ, ни опытовъ, въ которыхъ церковь высказала бы свой взглядъ на помѣщеніе несвященныхъ изобра-женій въ храмѣ, считаетъ нужнымъ узнать на этотъ счетъ, по извѣстному намъ поводу, мнѣніе авторитетнаго и уважаемаго учи-теля церкви, преподобнаго Нила. Строгому суровому аскету, какимъ знаетъ исторія преподобнаго Нила, не могло понравиться предло-женіе Олимпіодора, и онъ отвергаетъ его. Отсюда мы приходимъ

¹⁾ Въ подтвержденіе этого предположенія, мы имѣемъ возможность сослаться на *Мартини*, который въ своемъ *Dictionnaire des antiquités chrétiennes*, подъ словомъ *animaux* (стр. 36) утверждаетъ именно, что въ перво-начальной церкви существовалъ обычай изображать на фасадахъ и внутрен-нихъ стѣнахъ христіанскихъ базиликъ мірскія сцены охоты и рыбной ловли, которыя будто бы отвлекали мысль вѣрующаго отъ священныхъ предметовъ и вымывали въ душѣ ихъ чувственными представленіями. Послѣ этихъ словъ, Мартини цитуетъ сочиненіе *Боржіа: De cruce Veliterna*. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти этого сочиненія въ кievскихъ библио-текахъ, и потому не можемъ сказать, что говоритъ Боржіа касательно предмета нашего изслѣдованія.

къ заключенію, что изображенія, о которыхъ писалъ Олимпіодоръ Нилу, вовсе не имѣли въ себѣ какой либо религіозной мысли. Позади ихъ прямаго, такъ сказать, буквального смысла не скрывалось никакой христіанской аллегоріи. Еслибы Олимпіодоръ, намѣреваясь изобразить на стѣнахъ своего храма сцены охоты и рыбной ловли, придавалъ этимъ изображеніямъ аллегорическій смыслъ; онъ, конечно, не преминулъ бы объяснить его преподобному Нилу; чего однако жъ онъ не сдѣлалъ. И Нилъ не видѣлъ никакой аллегоріи въ сказанныхъ изображеніяхъ, — смотрѣлъ на нихъ просто какъ на мірскія сцены, рисованіе которыхъ вообще считалъ ребячествомъ и глупостію. Этого не высказалъ бы онъ Олимпіодору, если бъ послѣдній далъ своимъ изображеніямъ какую либо символическую мысль, нравственную ли то, или религіозную. Поэтому навязывать несвященнымъ изображеніямъ, о которыхъ мы говоримъ, символическое значеніе, было бы ничѣмъ неоправдаемымъ произволомъ. Но, съ другой стороны, изображенія, о которыхъ писалъ Олимпіодоръ, преподобный Нилъ не называетъ профанаціею святыхъ, оскорбительною для благочестиваго чувства; не называетъ намѣренія Олимпіодора ни безнравственнымъ, ни богохульнымъ, а только дѣтскимъ ребяческимъ, негармонирующимъ съ серьезностію христіанина. Благочестивому подвижнику желалось, чтобы и обыкновенные дома христіанъ имѣли единственнымъ своимъ украшеніемъ крестъ Христовъ, устраняя, какъ излишество, картины нерелигіознаго характера. Но это было личное желаніе строгаго пастыря, а не требованіе, обязательное для всѣхъ и cadaго.

Какъ бы то ни было, сохранились до насъ хотя немногія и краткія извѣстія о томъ, что греческіе художники допускали несвященныя изображенія для орнаментаціи христіанскихъ храмовъ. «Въ цареградской Софій, говоритъ о. Скворцевъ ¹⁾, кромѣ

¹⁾ *Описаніе Кіево-Софійскаго собора по обновленіи его съ 1843—1853 годахъ*, стр. 14.

священныхъ были и простыя украшенія изъ мозаики, т. е. изображенія животныхъ, роговъ съ плодами и корзины, виноградныхъ вѣтвей». Въ церкви, построенной Василіемъ Македоняниномъ въ императорскомъ константинопольскомъ дворцѣ, представлены на мозаическомъ полу «животныя и тысячи различѣйшихъ предметовъ» ¹⁾, такъ что художникъ, по выраженію патріарха Фотія ²⁾, какъ бы собралъ въ одно мѣсто всѣ роды красоты. Церковь Пантократора въ Константинополѣ, въ которой погребена императрица Ирина, еще доселѣ представляетъ на полу птицъ изъ свѣтло-желтаго мрамора ³⁾. Въ церкви св. Софїи въ Трапезунтѣ на мозаическомъ полу въ большомъ медальонѣ изображены нападающіи одни на другихъ птицы и звѣри ⁴⁾.

Обычай употреблять для орнаментации храмовъ, между прочимъ, несвященные изображенія, съ Востока легко могъ перейти въ Россію, благодаря византійскимъ художникамъ. Византійцы были у насъ первыми наставниками какъ въ архитектурѣ, такъ и въ живописи; ими строились наши древнѣйшіе храмы, ими и расписывались эти храмы. Но какъ въ своихъ церквахъ восточныя иконографы не полагали несвященныхъ изображеній рядомъ съ священными, такъ не сдѣлали они этого и въ русскомъ Кіевософійскомъ соборѣ. Лѣстницы на хоры нашего храма, какъ извѣстно, до времени Петра Могилы, стояли вѣдъ самой церкви; покрыть ихъ изображеніями святыхъ было бы даже не совсѣмъ прилично и умѣстно, а потому, не желая оставить огромное пространство совершенно пустымъ, рѣшились украсить его картинами несвященнаго содержанія.

¹⁾ Христ. Древн. Прохорова 1864 г. кн. VI, стр. 118.

²⁾ См. *Imperium Orientale, sive antiquitates Constantinopolitanæ*, въ кн. VI-й: *Photii patriarchæ, novæ sanctissimæ Dei Genetricis ecclesiæ, in palatio a Basilio Macedone extractæ, descriptio*.

³⁾ Христ. древн. Прохорова, 1863 г. кн. VI, стр. 118.

⁴⁾ Сборникъ древнерусскаго искусства на 1866-й годъ. Отд. 2, стр. 35.

Оригиналомъ, съ котораго копировались несвященные фрески Софійскаго собора въ Кіевѣ, служили, по всей вѣроятности, византійскія миниатюры какой либо рукописи. «Удобныя для перенесенія въ рукописяхъ, говоритъ г. Буслаевъ ¹⁾, миниатюры оказали громадное вліяніе на повсемѣстное распространеніе иконописныхъ сюжетовъ, и особенно въ такихъ отдаленныхъ странахъ какъ наше отечество». Большая часть греческихъ рукописей съ миниатюрами относится къ IX—XII вѣкамъ, когда послѣ мрачной въ исторіи христіанскаго искусства эпохи иконоборства греческое художество начало развиваться съ новою силою не только въ восточной римской имперіи, но и на западѣ, хотя оно, при всемъ сочувствіи къ нему даже царственныхъ особъ (наприм. Константина Багрянороднаго), уже не могло возстановить во всей цѣлости древнеантичныхъ преданій и изящнаго искусства древней Греціи и Византіи; истинно изящное замѣнилось роскошнымъ, перешло въ мелкія украшенія; ремесло взяло верхъ надъ искусствомъ. Что въ рукописяхъ религіознаго содержанія помѣщались кромѣ священныхъ и несвященныхъ миниатюры, въ подтвержденіе этого мы ссылаемся на г. Буслаева, который въ статьѣ: *Общая понятія о русской иконописи* ²⁾ упоминаетъ о рукописи XI вѣка, подъ заглавіемъ: *Житія святыхъ и слово Іоанна Дамаскина о рождествѣ Христовѣ*, хранящейся на афонской горѣ, въ монастырѣ Есфигменѣ. Изъ этой рукописи «въ образецъ вполнѣ художественной граціи» г. Буслаевъ указываетъ на «красивую женскую фигуру, сидящую на зеленомъ лугу. Руками держитъ она свои роскошныя косы, по обѣ стороны спускающіяся по плечамъ. Такую фигуру, продолжаетъ авторъ, скорѣе можно бы встрѣтить на стѣнахъ Помпей, нежели на листахъ церковной книги. Какъ въ помпейской живописи замѣтна склонность

¹⁾ См. *Сборникъ древнерусскаго искусства на 1866-й годъ*. Отд. 1, стр. 56.

²⁾ *Сборникъ древнерусскаго искусства на 1866-й годъ*. Отд. 1, стр. 87.

къ натуральной школѣ, допускающей ежедневное и тривіальное, такъ и на византійскихъ миниатюрахъ лучшаго стиля, чему служитъ образцомъ въ той же рукописи миниатюра, изображающая троицхъ пастуховъ въ полѣ. Двое усердно играютъ на инструментахъ; третій, оживленная фигура, къ нимъ обращается съ тривіальными жестами, соответствующими его простонароднымъ привычкамъ.

Студентъ церковно-практическаго отдѣленія *Николай Смирновъ.*

ПРАВСТВЕННЫЯ И РЕЛИГИОЗНЫЯ ПОНЯТІЯ ДРЕВНИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ.

(Продолженіе.)

II.

1) Сократъ былъ убѣжденъ въ томъ, что единственно возможный и необходимый путь къ самоусовершенію и осуществленію счастья есть познаніе себя въ объясненномъ смыслѣ, а также познаніе тѣхъ идеальныхъ требованій, которыя уже заключались въ основѣ общепринятыхъ представленій о добродѣтели, но только не были ясно сознаваемы и выражены въ опредѣленныхъ положеніяхъ. Итакъ мыслящая дѣятельность ума, стремленіе къ познанію имѣло значеніе для Сократа только какъ средство къ осуществленію нравственной задачи. Потому-то единственно достойнымъ усиленной дѣятельности мысли предметомъ признаются имъ нравственно практическіе вопросы. Имѣя въ виду эту основную мысль философіи Сократа, нельзя не признать совершенно натуральнымъ послѣдствіемъ ея то, что у Платона, усвоившаго духъ сократовской философіи, во взглядѣ его на познавательную дѣятельность, именно, относительно происхожденія и значенія ея, нравственный мотивъ является преобладающимъ. Въ этомъ отношеніи Платонъ также представляетъ рѣшительный контрастъ софистическому направленію. Общій характеръ софистическаго образованія, объясненный выше, обнаруживается также въ тѣхъ понятіяхъ о сущности и достоинствѣ умственной дѣятельности, ко-

торыми руководились софисты. Здѣсь, также какъ и во всемъ, они не шли далѣе узкаго утилитаризма. Сократъ, какъ мы видѣли, своею личною дѣятельностію, при непосредственныхъ своихъ сношеніяхъ съ согражданами, пролагалъ путь совершенно иному, противоположному направленію умственного сознанія. Но хотя въ основѣ его умственного труда заключались далеко болѣе возвышенныя мотивы, стремленія, имѣющія не условно практическое значеніе, но безусловно нравственное достоинство, тѣмъ не менѣе нравственно-общественное призваніе Сократа до такой степени поглощало въ себѣ всѣ силы его духа, что сущность и значеніе познающей дѣятельности ума у него не изясняются сами по себѣ, но могли быть поняты только изъ метода его собесѣдованій. Какъ у софистовъ свойственное имъ направленіе не было сформулировано болѣе или менѣе систематически и нигдѣ не было проведено въ значеніи теоретическаго принципа, тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно Сократа; не въ теоріи, а на практикѣ онъ былъ борцемъ новаго направленія совершенно противоположнаго господствовавшему тогда характеру нравовъ и понятій, хотя совершенно не чуждаго національному духу грековъ. То, что было у Сократа содержаніемъ его личной дѣятельности среди общества, у Платона мы видимъ уже въ формѣ болѣе или менѣе опредѣленнаго теоретическаго міросозерцанія. И у него, какъ у Сократа, высшимъ возбуждающимъ средствомъ къ развитію мыслящей дѣятельности ума служатъ преимущественно софистическія мнѣнія. Однако значительное расширеніе умственного сознанія у Платона сравнительно съ Сократомъ представляется не только въ томъ, что здѣсь мы встрѣчаемся съ новыми вопросами, но главнымъ образомъ въ далеко большей степени обобщающей силы сужденія. Онъ не ограничивается критикою отдѣльныхъ мнѣній и требованіемъ извлеченія изъ нихъ общаго содержанія, но опредѣляетъ сверхъ того и тѣ нормы, на которыхъ основывается мыслящая дѣятельность ума, приводящая къ созна-

нію это общее. Дѣятельность мысли, направленная къ познанію общаго и необходимаго, къ опредѣленію жизненныхъ принциповъ продолжается въ томъ же направленіи и въ философіи Платона, но при этомъ она поставляется здѣсь въ связь съ такими предположеніями, или принципами, которые должны служить къ изясненію ея самой, какъ въ отношеніи къ бытію познаваемому, такъ и относительно существа познающаго: Такое расширеніе умственного сознанія у Платона возможно было потому, что въ лицѣ Сократа, именно въ его философскихъ бесѣдахъ онъ имѣлъ предъ глазами типическое выраженіе сознательно предпринятой критической дѣятельности мысли, которая также сознательно, вполне цѣлесообразно, шагъ за шагомъ и въ приложеніи къ многоразличнымъ вопросамъ неутомимо была развиваема имъ. Платонъ теоретически представилъ то, что уже осуществлено было въ нѣкоторой мѣрѣ жизнью Сократа. Вотъ почему онъ въ своихъ сочиненіяхъ не только нигдѣ не говоритъ самъ отъ себя, а вездѣ почти выводитъ на сцену Сократа, какъ главное бесѣдующее лице. Но кромѣ того у него есть діалоги, посвященные исключительно изображенію личности Сократа какъ философа, такъ что здѣсь теоретически выраженное воззрѣніе сопровождается типическимъ олицетвореніемъ. Такъ, всѣ черты, которыми опредѣляется философія, какъ стремленіе къ умственному и вмѣстѣ нравственному самоусовершенію, представляются осуществленными въ лицѣ Сократа.

Для нашей цѣли необходимо представить нѣкоторыя такія черты личности Сократа слѣдуя изображенію его у Платона; при этомъ само собою объяснится для насъ отношеніе послѣдняго къ первому, равно какъ и взглядъ Платона на философію. Съ особенною полнотою и яркостію рисуется типическая личность Сократа въ извѣстной рѣчи Алкивіада, находящейся въ «*Пирѣ*», одномъ изъ діалоговъ Платона, посвященныхъ изясненію любви. Рѣчь эта составляетъ завершеніе діалога, сосредоточивая въ одномъ

образъ все существенное его содержание. Это какъ бы окончательный выводъ изъ предшествующаго развитія идей, а потому высказанное Алквивіадомъ должно быть представлено въ связи со всѣмъ предъидущимъ ходомъ діалога. Вотъ существенное содержание его:

Сократъ отправляется на пиръ къ Агатону, который, желая отпраздновать полученную имъ награду перваго трагика, созвалъ къ себѣ друзей своихъ. Здѣсь мы видимъ болѣе или менѣе извѣстныхъ образованныхъ людей того времени; таковы, кромѣ Сократа, Федръ, Павзаній, Эриксимахъ, Аристофанъ; позже всѣхъ другихъ приходитъ сюда же и Алквивіадъ. Желая сообщить болѣе интереса веселому торжеству, друзья рѣшили, чтобы каждый изъ присутствующихъ высказалъ нѣчто въ честь эроса. Поэтому случаю произносится нѣсколько рѣчей, слѣдующихъ въ такомъ порядкѣ, что каждая послѣдующая или исправляетъ или дополняетъ сказанное прежде. Здѣсь, въ такомъ именно способѣ изложенія рѣчей, мы видимъ тотъ обыкновенный приѣмъ платоновской діалектики, который состоитъ въ томъ, что посредствомъ отрицанія, исправленія, или дополненія, вообще помощью критики иныхъ, представлявшихся мнѣній по данному вопросу, онъ доводитъ читателя до сознанія того именно воззрѣнія, которое самъ онъ признавалъ болѣе другихъ соответствующимъ истинѣ. Въ разсматриваемомъ нами сочиненіи рѣчь Сократа объ эросѣ, представленная послѣ всѣхъ другихъ о томъ же предметѣ, безъ сомнѣнія содержитъ ученіе Платона; всѣ предъидущія рѣчи служатъ только приготовленіемъ къ ней, такъ что Сократъ могъ остановиться послѣ всего сказаннаго на одномъ положительномъ разсмотрѣніи предмета не заботясь о другихъ мнѣніяхъ, не вступая въ полемику со взглядами, несогласными съ предположеннымъ въ его рѣчи воззрѣніемъ. Необходимость критики несовершенныхъ или даже превратныхъ сужденій устраняется простымъ сопоставленіемъ сократовской рѣчи съ рѣчами другихъ и порядкомъ изложенія ихъ.

Рѣчь Федра имѣетъ риторическій характеръ; онъ говоритъ о древности эроса, что доказывается свидѣтельствомъ поэтовъ; потомъ вдругъ переходитъ къ разсмотрѣнію благодѣяній эроса для людей. далѣе говорится о подвигахъ, совершенныхъ по внушенію любви. Но во всемъ этомъ не замѣчается ясныхъ и раздѣльныхъ понятій о предметѣ. Онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ указать на тѣ добродѣтельныя качества и дѣяствія, которыя у людей рождаетъ эросъ. Но существенный недостатокъ его рѣчи состоитъ въ томъ, что онъ не разграничиваетъ чувственной любви отъ нравственной. Понимая любовь въ значеніи чувственнаго побужденія, онъ между прочимъ указываетъ на примѣръ самопожертвованія по внушенію любви (смерть Алькесты по любви къ мужу) не имѣющій ничего общаго съ другими явленіями, которыя въ сущности протекаютъ изъ эгоистическаго побужденія и тѣмъ не менѣе исчисляются здѣсь какъ благодѣтельныя послѣдствія любви.

Павзаній высказалъ то, чего недостаетъ въ рѣчи Федра. Онъ различаетъ чувственную любовь отъ высшей, нравственной, представляя это различіе въ образѣ двухъ эросовъ, сопровождающихъ двѣ Аэродиты, небесную и земную. Но онъ не объясняетъ, на чемъ основывается такое различіе; почему въ одномъ случаѣ любовь рождаетъ добродѣтель, а въ другомъ ограничивается грубою чувственностію; этотъ вопросъ не существуетъ для него. Представленіе о двухъ эросахъ хотя и служитъ средствомъ къ наглядному и совершенно ясному выраженію контраста между духовною и чувственною любовію, но въ то же время препятствуетъ дальнѣйшему болѣе глубокому изъясненію сущности любви; ибо, при такомъ олицетвореніи, любовь является чѣмъ-то независимымъ, имѣющимъ самостоятельную природу; чувственная и духовная любовь, по этому представленію, какъ бы двѣ самостоятельныя сущности, которыя служатъ къ изъясненію соответствующихъ имъ явленій во взаимныхъ отношеніяхъ между

людьми, но сами только предполагаются, а не изъясняются. Вліяніе этого представленія о двухъ родахъ любви отразилось въ рѣчи Плавзанія только въ томъ, что хотя онъ слѣдуя общераспространенному тогда мнѣнію, любовь мужскую (къ мальчикамъ) предпочитаетъ любви къ женщинамъ и въ этомъ случаѣ не отступаетъ отъ понятій, высказанныхъ Федромъ, но грубость этого воззрѣнія нѣсколько смягчается у него тѣмъ требованіемъ, чтобы любовь къ мальчикамъ основывалась не на одномъ чувственномъ впечатлѣніи красоты; такая любовь признается имъ постыдною, она одобряется только тогда, если имѣетъ предметомъ своимъ добрыя качества любимаго. Вотъ почему Плавзаній признаетъ должнымъ избирать для любви только юношей достигшихъ зрѣлаго возраста, слѣдовательно уже успѣвшихъ обнаружить качества души.

Рѣчь Эриксимаха проводить далѣе высказанную Плавзаніемъ мысль о различіи добраго и худаго эроса, примѣняя эту мысль къ изъясненію противоположности въ явленіяхъ физической природы. По его представленію добрый и худой эросъ господствуютъ въ цѣлой природѣ: болѣзненное, разстроенное состояніе въ вещахъ—это худой эросъ; напротивъ гармоническое, здоровое состояніе тѣлъ есть слѣдствіе присутствія въ нихъ добраго эроса.

Въ поэтическомъ представленіи Аристофана отчасти изъясняется самое происхожденіе любви. Онъ рассказываетъ въ своей рѣчи, что нѣкогда существовалъ родъ людской, непохожій на настоящій: было время, когда въ одномъ человѣкѣ соединялись два пола—мужскій и женскій. Но чувство своей необыкновенной силы внушило этимъ существамъ безумную рѣшимость возстать противъ власти боговъ. Тогда Зевсъ, желая наказать ихъ, раздѣлилъ каждое существо на двѣ половины. Раздѣленные половины имѣютъ съ тѣхъ поръ непреодолимое влеченіе соединиться и образовать одно существо. Здѣсь наглядно представляется та мысль о любви, что она есть стремленіе въ любящемъ къ воспод-

ненію того, чего недостаетъ ему и обнаруживается въ побужденіи къ рожденію. Любовь изображается у Аристофана какъ настроеніе, или влеченіе, зависшее отъ условій, не заключающихся въ немъ самомъ и потому различное, смотря по различію условій его происхожденія. Такъ онъ различаетъ три рода любви, ибо она бываетъ или между мужчинами, или между женщинами, или наконецъ между мужчиною и женщиною. Такимъ образомъ здѣсь значительно дополняется высказанное Плавзаніемъ о любви.

Рѣчь Агатона служитъ переходомъ къ Сократовскому изъясненію любви. Ибо это изъясненіе во многомъ имѣетъ непосредственное отношеніе и связь съ содержаніемъ рѣчи Агатона. Агатонъ сначала восхваляетъ эроса, а потомъ переходитъ къ разсмотрѣнію благодѣяній его. Того же порядка держится въ своей рѣчи и Сократъ. Врѣмя того, опредѣленія эроса въ рѣчи Сократа прямо противоположаются тѣмъ, которыя высказаны Агатономъ. Въ рѣчи Агатона говорится, что эросъ есть прекраснѣйшее и наилучшее существо, что онъ, младшій между богами, отличается вѣчною юностію и иѣжностію, обладаетъ всеми добродѣтелями. Но вотъ въ какихъ чертахъ изображается эросъ, въ Сократовской рѣчи: Эросъ не прекрасенъ, потому что онъ стремится къ красотѣ, слѣдовательно не имѣетъ ея; равнымъ образомъ онъ не можетъ быть названъ и добрымъ, ибо если не обладаетъ красотою, а только стремится къ ней, то поэтому уже не можетъ быть добрымъ: прекрасное и доброе тождественны. Прилагая эти опредѣленія къ мнимческому представленію объ эросѣ, Сократъ говоритъ, что если эросъ не прекрасенъ и не добръ, то онъ есть вѣчто среднее между прекраснымъ и добрымъ съ одной стороны, и безобразнымъ и худымъ съ другой. Отсюда ясно, что нельзя признать его богомъ; онъ—существо среднее между смертнымъ и бессмертнымъ, т. е., геній, посредникъ, приводящій въ сообщеніе между собою божественное и человѣческое. Это понятіе объ Эросѣ, какъ существѣ среднемъ между смертнымъ и бессмертнымъ,

передается далѣе въ мнѣнческомъ сказаніи о рожденіи его отъ Плутона (бога богатства) и Пеніи (богини бѣдности) и отсюда объясняется двойственность природы Эроса, который будучи всегда бѣденъ, стремится ко всему прекрасному и доброму, т. е. одушевленъ желаніемъ—обладать богатствомъ, котораго не имѣетъ; въ особенности же указывается, какъ характеристическій признакъ Эроса, свойственное ему исканіе мудрости. Отличаясь въ этомъ отношеніи отъ боговъ, которые обладаютъ мудростію и потому не нуждаются въ ней, Эросъ въ тоже время различается отъ незнающихъ но не сознающихъ своего невѣжества. Эросъ есть духъ философствующій; ибо философія есть ничто иное, какъ любовь, исканіе мудрости.

Затѣмъ разсматриваются дѣйствія эроса. Эросъ есть стремленіе къ тому, чего недостаетъ въ имѣющемъ такое стремленіе. Иначе, эросъ есть желаніе; но все желаемое можетъ быть названо благомъ, а благо желается ради счастья, которое оно, по мѣрѣ достиженія, приноситъ съ собою. Притомъ же, Эросъ, какъ сказано, есть среднее между смертнымъ и бессмертнымъ и не будучи бессмертнымъ устремляется къ нему, а бессмертное есть именно прекрасное и доброе. Итакъ эросъ, говоря вообще, есть побужденіе къ добру, стремленіе къ обладанію имъ ради соединеннаго съ нимъ счастья. Такое стремленіе не можетъ быть бесплоднымъ. Проявляясь въ различныхъ формахъ и направленіяхъ, любовь вообще есть начало рождающее въ области прекраснаго. Рожденіе въ прекрасномъ есть обнаруженіе любви къ благу. Какъ стремленіе къ вѣчному, любовь очевидно никогда не достигаетъ его вполне и потому для нея возможно только участіе въ вѣчномъ. Такое участіе смертнаго въ бессмертномъ происходитъ дѣйствительно путемъ рожденія, которое есть какъ бы увѣковѣченіе смертнаго.

Совратъ перечисляетъ различные виды рожденія, въ которыхъ проявляется одна и таже плодотворная сила любви. Въ

животномъ царствѣ рождающая дѣятельность любви происходитъ бессознательно. Но если, какъ сказано, въ области бывающаго и измѣняющагося рожденіе есть единственное средство участія въ бессмертномъ, то отсюда слѣдуетъ, что и въ области сознанія открывается таже рождающая сила любви, которая въ природѣ господствуетъ бессознательно. Ибо и здѣсь, ни нравы, ни обычаи, ни мнѣнія, ни пожеланія и удовольствія, ни скорби, ни что подобное не остается всегда тѣмъ же; даже познанія не сохраняются у насъ въ одномъ и томъ же видѣ. Поэтому добродѣтель, какъ и все измѣняющееся, есть также плодъ рождающей силы любви, плодъ, рождаемый въ душѣ; равнымъ образомъ, любовь здѣсь также направлена къ достиженію вѣчнаго, т. е. бессмертной памяти и славы. Обладающій добродѣтелью стремится къ рожденію ея въ другомъ, но всегда рождаетъ ее въ прекрасномъ, т. е., въ ипѣющемъ воспримчивость къ добру. Любовь рождаетъ также посредствомъ художниковъ, поэтовъ, государственныхъ мужей, въ каждомъ соотвѣтственнымъ ему образомъ. Платонъ въ особенности останавливается на понятіи любви философской и опредѣляетъ степени, по которымъ она восходитъ къ послѣдней своей цѣли. Проявляясь у философовъ, любовь побуждаетъ ихъ отъ юности къ дружественнымъ сношеніямъ съ другими, сначала ради тѣлесной красоты, потомъ ради душевныхъ качествъ и развиваясь далѣе, приводитъ ихъ къ наслажденію прекраснымъ въ законахъ, занятіяхъ, знаніяхъ; постепенно расширяя такимъ образомъ познаніе прекраснаго, она наконецъ устремляетъ ихъ умъ къ созерцанію чистой и вѣчной красоты, которая есть прекрасное само въ себѣ, по своей сущности и служить послѣднею цѣлью и основаніемъ для всего.

Далѣе слѣдуетъ рѣчь Алкивіада. Въ ней замѣчательно то, что здѣсь къ личности Сократа прилагаются всѣ тѣ черты, которыми въ предшествующей рѣчи изображенъ Эросъ. Очевидно въ намѣреніи Платона было представить въ лицѣ Сократа оуще-

ствленнымъ типъ философа, воплощеніе той философской любви, которая изъяснена была выше. Въ концѣ своей рѣчи, которую онъ передаетъ, какъ слышанную имъ отъ Діотимы Мантинеянки, Сократъ выражаетъ полное признаніе сказаннаго и говоритъ, что въ жизни своей сообразуется съ тѣмъ, что было представлено имъ въ рѣчи. Это одно уже заставляетъ предполагать, что въ рѣчи Алкивіада Сократъ изображается такимъ, каковъ онъ былъ на дѣлѣ. Если въ рѣчи Сократа имѣлось въ виду представить истинную философскую любовь, то Алкивіадъ въ рѣчи своей изображаетъ въ лицѣ Сократа осуществленіе этой любви.

Посредствомъ сравненій Алкивіадъ изображаетъ могущественное дѣйствіе рѣчей Сократа. Подобно тому, какъ сильны, безобразныя на видъ, скрывали внутри себя статуи боговъ, Сократъ, при своей непривлекательной наружности, обладалъ внутреннимъ неисчерпаемымъ богатствомъ духовной жизни. Отсюда, изъ глубины его духа, простекала та, подобная игрѣ Марсіаса, обворожительная сила слова, которая, по словамъ Алкивіада, возбуждаетъ тревогу въ душѣ и если жизнь суетна и пуста, заставляетъ ее входить въ себя и пробуждаться отъ разсѣянности. Сократу недоступно было увлеченіе чувственною красотою, богатство также не прельщало его: скорѣе желѣзо, по выраженію Алкивіада, могло ранить Аякса, нежели золото—Сократа, словомъ, вся жизнь его представляетъ выраженіе той непобѣдимой любви къ мудрости, которая господствуетъ надъ всѣми чувственными склонностями. Въ рѣчи Алкивіада говорится о благородствѣ и справедливости Сократа, изображается также изумительная энергія умственной дѣятельности его, наконецъ представляются и тѣ факты изъ его жизни, въ которыхъ въ особенности обнаружались твердость и мужество. Вообще къ личности Сократа какъ нельзя болѣе подходитъ то опредѣленіе, высказанное имъ объ Эросѣ, что самъ онъ ни прекрасенъ, ни нѣженъ, но одушев-

лень стремленіемъ къ прекрасному и это стремленіе сообщаетъ ему страшную силу очарованія.

Итакъ, достоинство любви опредѣляется тѣмъ, къ чему она направлена. Различіе чувственной и духовной любви обозначаетъ только различныя направленія одного и того же дѣятельнаго начала; любовь есть просто желаніе, стремленіе къ восполненію недостающаго и проявляется въ рожденіи, какъ это было представлено еще въ рѣчи Аристофана. Но не въ одной только чувственной области бытія любовь проявляетъ свою рождающую дѣятельность; она есть основаніе всякаго происхожденія не только въ бессознательномъ, но и въ широкой области сознанія, и какъ стремленіе къ восполненію, она направляетъ все бывающее и измѣняющееся къ осуществленію недостающаго ему блага. Поэтому философская любовь есть только высшая форма явленія той стремительной силы, или же того всеобщаго дѣятельнаго побужденія, которое есть причина многообразнаго рожденія какъ въ природѣ бессознательной, такъ и въ области сознанія и которое вообще направлено къ вѣчному. Но философская любовь еще недостаточно разграничивается здѣсь отъ другихъ видовъ любви. При изясненіи понятія объ эросѣ два раза въ параллель этому понятію указывается на среднее между знаніемъ и незнаніемъ и отсюда ясно, что сущность философской любви полагается въ стремленіи къ знанію. Но этимъ не ограничивается любовь къ мудрости. Изображая Сократа, какъ типъ философа, Платонъ останавливается не на одной только любви къ знанію, но говорить также, какъ замѣчено выше, о справедливости, твердости, мужествѣ, вообще о добродѣтеляхъ Сократа. Очевидно Платонъ, также какъ и Сократъ, не отдѣлялъ отъ теоретической умственной дѣятельности практическихъ стремленій; философію онъ понимаетъ въ широкомъ смыслѣ, какъ стремленіе къ умственному и вмѣстѣ нравственному самоусовершенію. Платонъ также не въ состояніи былъ представить, чтобы знаніе могло быть недѣятель-

нымъ. Наполняя душу, любовь къ знанію по необходимости должна обнимать въ себѣ всѣ ея силы и обнаруживаться въ цѣломъ строѣ жизни, потому-то эросъ въ высшемъ своемъ значеніи есть не просто стремленіе къ знанію въ строгомъ смыслѣ, но именно любовь къ мудрости, подъ которою вообще разумѣлось въ древнѣйшія времена дѣятельное проявленіе въ жизни разума. Мудрость есть основа всѣхъ добродѣтелей. Однако въ этомъ отношеніи, т. е. въ пониманіи значенія умственной дѣятельности есть также и важное различіе между Платономъ и Сократомъ. Какъ было сказано выше, умственная дѣятельность для Платона сама по себѣ есть предметъ философскаго разсмотрѣнія. Поэтому, хотя онъ и не разграничиваетъ знанія отъ практическаго осуществленія его, но изображая философскую любовь, главнымъ образомъ имѣеть въ виду первое, послѣднее же только предполагается, или точнѣе, въ самомъ стремленіи къ знанію для него заключается уже нравственная заслуга, нравственное усовершенствованіе. Знаніе по Сократу приводитъ къ добродѣтели и въ этомъ состоитъ все его знаніе; только ради добродѣтели онъ стремится къ знанію, такъ что на этомъ основаніи онъ отвергаетъ всѣ попытки къ изъясненію природы; познаніе природы, если даже признать его возможнымъ, было бы бесплоднымъ, не приносящимъ никакихъ практическихъ результатовъ. Напротивъ, по Платону знаніе само по себѣ имѣеть нравственное достоинство; и вотъ почему онъ не отрицаетъ попытокъ къ познанію вещей природы и самъ дѣлаетъ такую попытку. Поэтому, хотя философская любовь въ изъясненіи Платона обнимаетъ въ себѣ всѣ человѣческія добродѣтели, но стремленіе къ знанію поставяется однако на первомъ планѣ, какъ имѣющее безусловное достоинство: знаніе есть конечная цѣль ея. Говоря о томъ, какъ любовь къ прекрасному должна переходить отъ низшихъ видовъ его къ высшимъ, по мѣрѣ расширенія умственнаго сознанія, Сократъ, въ приведенной выше рѣчи объ Эросѣ, поставяетъ на самую высшую степень

любовь къ знанію. Отъ познанія прекраснаго въ тѣлахъ и душахъ, должно восходить къ созерцанію прекраснаго въ занятіяхъ и законахъ, отъ занятій же надобно руководить любимца къ знаніямъ, чтобы послѣдній испыталъ красоту знаній и смотря на прекрасное многообразное не любилъ болѣе красоты въ одномъ прекрасномъ, или мальчикѣ, или человѣкѣ, или занятіи, какъ рабъ, дабы, служа ему, не сдѣлаться худымъ или мелочнымъ ¹⁾. Здѣсь привязанность къ чему либо опредѣленному, преданность какому либо дѣлу охудается на томъ основаніи, что всякая подобная привязанность соединяется съ ограниченностію сознанія. Такимъ образомъ чистое умственное созерцаніе сущаго ясно уже предпочитается здѣсь всякимъ практически дѣятельнымъ явленіемъ любви къ прекрасному.

Съ болѣею полнотою, но въ томъ же направленіи изъясняется понятіе любви философской въ другомъ діалогѣ Платона, въ Федръ. Здѣсь не только противоплагаются между собою любовь чувственная и духовная, но кромѣ того изображается та область бытія, къ которой направлена духовная или философская любовь, а также изъясняется и самое происхожденіе этой любви.

Встрѣтившись съ Сократомъ, Федръ съ восторгомъ рассказываетъ ему, что былъ у Лизіаса (ритора) и выслушалъ произнесенную имъ рѣчь о любви. Какъ любитель рѣчей, Сократъ проситъ Федра сообщить ему содержаніе того, что говорилъ Лизіасъ; но оказалось, что Федръ имѣлъ при себѣ списокъ этой рѣчи. Прочитавъ ее Сократу, Федръ снова высказываетъ объ ней восторженную похвалу, и между прочимъ утверждаетъ, что едва ли можно лучше говорить о томъ же предметѣ. Сократъ сомнѣвается въ томъ, чтобы ничего уже нельзя высказать иначе и лучше о предметѣ Лизіасовой рѣчи. Тогда Федръ въ свою очередь предлагаетъ Сократу произнести рѣчь на ту же тему желая убѣдиться

¹⁾ Conviv. 210—211.

въ справедливости сомнѣнія, высказаннаго имъ относительно догматизма Лизіасовой рѣчи. Затѣмъ слѣдуютъ двѣ рѣчи Сократа: въ одной говорится о чувственной любви, у въ другой изображается любовь духовная.

Лизіасъ доказывалъ въ своей рѣчи, что человекъ нелюбящій можетъ быть несравненно полезнѣе чѣмъ любящій, для того, кто оказываетъ ему благосклонность. Тоже самое доказывается и въ первой рѣчи Сократа. Для насъ важнѣе вторая рѣчь Сократа и потому достаточно указать изъ первой рѣчи только на опредѣленіе любви, ибо оно имѣетъ ближайшее отношеніе ко второй. Въ началѣ рѣчи говорится, что всякое изслѣдованіе должно начинать опредѣленіемъ предмета (въ рѣчи Лизіаса не видно опредѣленнаго понятія о любви); большинство не сознаетъ, что ему неизвѣстна сущность каждой вещи и потому рассуждая о чемъ либо, обыкновенно запутываются въ противорѣчіяхъ. Поэтому Сократъ предварительно высказываетъ опредѣленіе любви. Что любовь, говоритъ онъ, есть нѣкоторое желаніе, это всякому извѣстно, но извѣстно также, что и нелюбящіе желаютъ прекраснаго. Итакъ чѣмъ различается любящій отъ нелюбящаго? Надобно помнить, что въ каждомъ изъ насъ есть два господствующія и руководящія начала (*δύο τινὲ ἐσθὺν ἰδέα ἀρχοῦτε καὶ ἄνοια*), которыми мы повинемся, слѣдуя тому, къ чему они приводятъ насъ. Одно—природою данное желаніе удовольствій, другое же есть мнѣніе, приобретаемое нами, которое стремится къ лучшему. Эти два начала бывають иногда согласны между собою, иногда несогласны, иногда же то одно, то другое беретъ перевѣсъ. Когда мнѣніе посредствомъ разума приводитъ къ лучшему и, при содѣйствіи его, господствуетъ въ насъ, тогда оно называется благоразуміемъ. А если желаніе неразумно влечетъ къ удовольствіямъ и силою ихъ держитъ насъ въ своей власти, то это называется невоздержностію. Невоздержность имѣетъ впрочемъ много названій, потому что она есть явленіе многообразное... Соотвѣтственно

этой присутствующей въ насъ склонности къ удовольствію, любовь чувственная опредѣляется такъ: влеченіе къ наслажденію тѣлесною красотой, когда оно неразумно пріобрѣтаетъ господство надъ мнѣніемъ, которое стремится къ справедливому, и усиливаясь отъ притока къ нему другихъ желаній также направленныхъ къ красотѣ тѣлесной, — побѣждаетъ человѣка, такое влеченіе называется любовью. Разсматривая любовь какъ чувственную страсть, какъ состояніе ненормальное, Сократъ показываетъ далѣе, что человѣкъ, увлекаемый этою страстью, приноситъ много вреда тому, на кого она обращена.

Тоже самое представленіе о любви, какъ страсти, или изступленія, служить исходнымъ пунктомъ и во второй рѣчи, изясняющей духовную любовь. Та рѣчь неистинна (таково начало второй рѣчи Сократа, которая утверждаетъ, что любящему должно предпочитать человѣка нелюбящаго на томъ основаніи, что первый безуменъ, а послѣдній благоразуменъ. Только тогда можно говорить такъ, если согласиться, что изступленіе есть зло. Но извѣстно, что когда оно есть даръ боговъ, то отъ него происходятъ величайшія блага. Ибо, какъ предсказательница дельфійская, такъ и жрецы додонскіе въ состояніи изступленія много прекраснаго совершили относительно частныхъ и общественныхъ дѣлъ Греціи, напротивъ когда были въ состояніи спокойнаго размышленія, то или мало, или почти ничего не сдѣлали. Вотъ почему тѣ изъ древнихъ, которые установили значеніе словъ, не признавали изступленіе чѣмъ то постыднымъ, ибо въ противномъ случаѣ они не соединяли бы съ прекраснымъ искусствомъ предугадывать будущее названіе: *изступленіе* (*μανία*), не наименовали бы его *μανητή*. Но такъ какъ это искусство прекрасно, когда посылается отъ Бога, то поэтому и названіе для него установили ответственное. Напротивъ, въ наше время не кстати слово *μανητή* превратили въ *μανητή* (искусство предсказыванія) ¹⁾. Равнымъ

¹⁾ *μανηδς* отъ *μανία* значить изступленный. По этому обозначая

образомъ предъугадываніе будущаго, дѣлаемое людьми проницательными, наблюдающими за полетомъ птицъ и другими знаками, насколько такое предъугадываніе прорастаетъ изъ ихъ внутренняго чувства, при содѣйствіи размышленія и знанія вещей (*ιστορία*), древніе называли *διωμοστικῆ*, теперь же это названіе измѣнили, поставивъ *ο* большое (ω) вмѣсто маленькаго *ι* такъ произошло названіе: *οίωμοστικῆ*¹⁾. Насколько же совершеннѣе и достоинѣе, по имени и по сущности, искусство предсказыванія сравнительно съ птицегаданіемъ, въ такой мѣрѣ, по свидѣтельству древнихъ, бѣзуміе, посылаемое богомъ, прекраснѣе обдуманности, происходящей отъ человѣка.... Третій родъ преступленія отъ музъ—состоитъ въ томъ, что объемя нѣжную и чистую душу, оно возбуждаетъ въ ней даръ ищнопѣній и другихъ видовъ творчества и посредствомъ поэзіи прославляя дѣла предковъ, поучаетъ потомство. Кто не имѣя изступленія музъ идетъ ко вратамъ поэзіи въ увѣренности, что сдѣлается поэтомъ посредствомъ одного искусства, тотъ и самъ и его поэзія окажутся ничтожными сравнительно съ поэзіею изступленнаго.

Сократъ намѣревается далѣе доказать, что дѣйствительно изступленіе даруется отъ боговъ для величайшаго счастья людей, но при этомъ замѣчаемъ, что доказательство, которое онъ хочетъ представить, искуснымъ въ рѣчахъ (*δισυβόλις*) покажется невѣроятнымъ и что его могутъ допустить только мудрые.

этимъ именемъ искусство предсказыванія, древніе выражали такимъ образомъ ту мысль, что предсказаніе есть дѣло божественнаго вліянія на человѣка, ибо изступленіе есть именно такое состояніе, когда человѣкъ не владѣетъ собой слѣдовательно находится подъ властію иной высшей силы. Напротивъ названіе *μυσικῆ*—искусство предсказыванія не даетъ такого взгляда на него, и не можетъ служить къ разграниченію высшаго дара предсказывать, происходящаго отъ божества, отъ простой предусмотрительности.

²⁾ *διωμοστικῆ* (отъ *οἴησις*. *νοῦς* и *ιστορία*) значитъ предсказываемое при помощи разсудка и знанія; *οίωμοστικῆ* значитъ птицегаданіе.

Доказательство это состоитъ въ слѣдующемъ: сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что душа есть существо безсмертное, ибо она сама отъ себя движется и служитъ началомъ движенія для другаго и какъ движущее себя существо, не можетъ разрушиться, Сократъ переходитъ далѣе къ разсмотрѣнью сущности души.

Показать, что такое душа въ себѣ, это есть дѣло божественнаго и продолжительнаго толкованія, говоритъ онъ; но если мы хотимъ высказать только чему она подобна, то это дѣло человеческое и нетрудное.

Сравнивая душу съ поѣздомъ пары крылатыхъ коней, управляемыхъ возничимъ и сросшихся съ нимъ въ одну нераздѣльную силу (*ἄσκη δὲ τῆ ζευγίαν δουρῶνι οὐκ ἐτέρω σέβυρος τε καὶ ἡνιόχου*), Сократъ говоритъ далѣе, что одинъ изъ этихъ коней прекрасенъ и добръ и произошелъ отъ такихъ же, каковъ самъ, а другой конь совершенно противоположенъ первому. Поэтому управление ими у насъ по необходимости должно быть затруднительнымъ и несовершеннымъ. Но какъ произошло различіе между смертнымъ и безсмертнымъ живущимъ существомъ? Вопросъ этотъ является здѣсь потому, что пражде доказывалось безсмертіе души; теперь же сравнивая душу съ колесницею, везою двумя крылатыми конями и управляемою возничимъ, Сократъ различаетъ души боговъ отъ душъ смертныхъ, ибо у боговъ кони и возница добры и происходятъ отъ добрыхъ, тогда какъ у прочихъ душъ (смертныхъ), какъ сказано, одинъ только конь добрый. По поводу сказаннаго вопроса Сократъ говоритъ, что вся душа господствуетъ надъ всѣмъ неодушевленнымъ и обходя всю страну неба является то въ одной, то въ другой формѣ ¹⁾. Будучи совершенна, владея перьями, она носится въ высотѣ и господствуетъ надъ міромъ; когда же теряетъ перья, то непроизвольно влечется внизъ, пока не соединится съ тѣломъ, въ которомъ и пошѣ-

¹⁾ Платонъ разумѣтъ здѣсь міровую душу.

щается. Только по соединеніи души съ тѣломъ, которое по причинѣ ея силы, кажется движущимъ само себя, это цѣлое, образованное изъ души и тѣла, было названо живымъ существомъ и къ этому названію получило еще прибавочное имя смертнаго (такъ что смертнымъ называется не душа, а цѣлое, состоящее изъ души и тѣла); что же касается имени безсмертнаго, то оно также не произошло вслѣдствіе разсужденія, (т. е. сознательно не было составлено) а образовалось просто потому, что мы, не видѣвши никогда Бога и не въ состояніи будучи обнять его мыслию, представляемъ его въ видѣ живаго существа, имѣющаго душу и тѣло, но только соединенныя на вѣчныя времена. Какъ бы то ни было впрочемъ, теперь мы хотимъ изслѣдовать причину, по которой душа лишается перьевъ. Выше было сказано, что существо смертное произошло вслѣдствіе соединенія души, лишенной перьевъ, съ тѣломъ. Отсюда вопросъ какъ и почему происходитъ такое соединеніе? Если первоначально душа жила внѣ тѣла, то какъ произошло то, что она перемѣнила лучшую свою жизнь на худшую?)

По природѣ, говоритъ Сократъ, сила перьевъ состоитъ въ томъ, чтобы поднимать тяжелое въ вышину, гдѣ обитаетъ родъ боговъ. Такое свойство перьевъ изъ всего тѣлеснаго наиболѣе участвуетъ въ божественномъ; а божественное есть прекрасное, мудрое, доброе и все подобное; поэтому перья души питаются всѣмъ этимъ и возрастаютъ, а отъ постыднаго, худаго и вообще отъ противнаго сказанному они обезсиливаютъ и гибнутъ. Итакъ, великій руководитель на небѣ, Зевсъ, ѣдетъ первый, все приводитъ въ порядокъ и надъ всѣмъ господствуя; за нимъ слѣдуетъ сонмъ боговъ и демоновъ, раздѣленный по порядку на двѣнадцать частей¹⁾. Одна только Гестія остается въ жилищѣ боговъ,

¹⁾ По числу двѣнадцати божествъ греческой мифологіи. Вотъ имена ихъ, не считая Зевса: Посейдонъ, Плутонъ, Гефестъ, Аполлонъ, Арей,

а изъ прочихъ всѣ, имѣющіе въ числѣ двѣнадцати свое мѣсто и власть, господствуютъ каждый надъ тѣмъ, что принадлежитъ ему по порядку мѣста. Много есть блаженныхъ зрѣлицъ и круговращеній (Θεία: τε καὶ διεξόδου) въ области небесной, въ которой вращается (ἐπιστρέφεται) родъ счастливыхъ боговъ, совершая каждый свое дѣло. При этомъ всякій, кто можетъ и хочетъ, проходить по одному и тому же пути, ибо зависть не имѣетъ мѣста въ хорѣ боговъ. Когда же они собираются на пиршество, то круто восходятъ къ окраинѣ небесной сферы. Колесницы боговъ въ это время катятся легко, будучи управляемы равномерно; но другія съ трудомъ подвигаются впередъ, ибо конь причастный злу тяготѣетъ къ землѣ, и не получивши должной поддержки, составляетъ тяжелое бремя для всякой возницы. По этой причинѣ возникаетъ въ душѣ тревога и усиленная борьба. Ибо души, называемыя бессмертными, достигши крайней границы неба, переступаютъ ее, останавливаются на ви́шнемъ возвышеніи неба (ἄνω τῆ τοῦ οὐρανοῦ ὄψης) и вращаясь вмѣстѣ съ окружностію его созерцаютъ все находящееся внѣ небесной сферы. Мѣста, которое находится выше неба, ни одинъ еще изъ здѣшнихъ поэтовъ не воспѣвалъ, да и никто не въ состояніи восхвалять его достойнымъ образомъ. Это та не имѣющая ни цвѣта, ни вида, неосязаемая сущность (δοξία), которой принадлежитъ истинное бытіе, и которая постигается только разумомъ, правителемъ души: здѣсь-то имѣетъ мѣсто родъ истиннаго знанія. Такимъ образомъ мышленіе божества и всякой души, годной воспринимать въ себя должное, радуется, какъ скоро послѣ долгаго времени познаетъ сущее и, созерцая истину, читается и исполняется восторгомъ, пока круговое обращеніе не перенесетъ его на прежнее мѣсто. При этомъ круговращеніи оно созерцаетъ справедливость, благо-

Гермесъ, Гера, Артемида, Паллада, Аφροδιτα, Деметръ, Гестія. Если же причислется Зевсъ, то исключается въ такомъ случаѣ Плуτωνъ.

разуміе, знаніе,—не то знаніе, которое измѣняется и бываетъ различно по различію вещей называемыхъ нами сущимъ, но знаніе, находящееся поистинѣ въ подлинно сущемъ. Насладившись зрѣлищемъ и другихъ родовъ сущаго, душа снова нисходитъ во внутренность неба и возвращается домой... Такова жизнь боговъ. Что же касается прочихъ душъ, то душа идущая по слѣдамъ боговъ и стремящаяся быть имъ подобною, успѣваетъ настолько возвыситься вмѣстѣ съ ними, что возникшія въ состояніи лишь поднять голову за ограду неба; увлекаемая круговращеніемъ, но въ тоже время будучи задерживаема своими конями, она съ трудомъ созерцаетъ сущее; другая же то поднимается, то ниспадаетъ и находясь во власти своихъ коней одно видитъ, а другаго не видитъ; прочія же, хотя всѣ стремятся подняться вверху, но оказываются неспособными, низвергаются въ бездну, при чемъ сталкиваются и давятъ одна другую, ибо всякая поспѣшаетъ опередить другихъ; отсюда шумъ, смятеніе и крайнее напряженіе силъ; многія при этомъ, по причинѣ неискusstва своего возницы, подвергаются увѣчьямъ, иныя лишаются перьевъ, всѣ же послѣ столькихъ напрасныхъ усилій возвращаются назадъ, не достигши созерцанія сущаго и принуждены питаться мнѣніемъ. Причина, по которой со стороны душъ было употреблено столько усилій для того, чтобы видѣть поле истины, есть та, что этимъ путемъ приобрѣтается тамъ пища, вполне соотвѣтственная лучшей части души; притомъ же и природа пера, помощію котораго душа легко возносится вверху, питается тѣмъ же. Далѣе излагается мнѣ о странствованіи и переселеніи душъ: рожденіе есть ниспаденіе души изъ первобытнаго ея жилища; поэтому находясь въ тѣлѣ, душа обнаруживаетъ тѣ свойства, которыя были приобрѣтены ею въ періодъ домірнаго ея существованія. Различіемъ этихъ свойствъ объясняется различіе призваній въ земной жизни, такъ что одна по своимъ свойствамъ предназначается быть, по соединеніи съ тѣломъ, художникомъ, другая правите-

*

лемъ, третья философъ и т. д. и потомъ, смотря по образу жизни, каждая душа, по раздѣленіи отъ тѣла, получаетъ лучшую или худшую участь, однако въ первобытное состояніе возвращается только послѣ многократныхъ переселеній изъ одного тѣла въ другое, т. е. послѣ многихъ періодовъ земной жизни; ибо для этого необходимо, чтобы снова выросли перья, потерянные душою; исключеніе въ этомъ случаѣ дѣлается только для философа; ибо душа безъ хитрости философствующаго возвращается въ небесное свое жилище, прошедши сравнительно непродолжительный рядъ переселеній; въ ней скорѣе, чѣмъ во всякой другой вырастаютъ крылья. Приобрѣтеніе крыльевъ, потерянныхъ душою при паденіи и необходимыхъ для возвращенія ея въ свою первобытную родину, поставляется въ зависимость отъ того, насколько душа во время земной своей жизни усиливается воспоминаніемъ то, что она нѣкогда видѣла, слѣдуя по пути боговъ. Отсюда ясно, что если для души философствующей признается возможнымъ возвращеніе въ первобытное ея небесное жилище помимо неизбежнаго для другихъ длиннаго посредствующаго ряда переселеній, то именно потому, что только душа философа постоянно устремлена къ воспоминанію тѣхъ предметовъ, отъ созерцанія которыхъ зависитъ даже божественность боговъ. Познавать истину, которая есть цѣль философіи, иначе возможно, какъ только посредствомъ воспоминанія о томъ, что душа знала, когда сопровождала бога и пренебрегая всѣмъ, что теперь зовется существующимъ, направляла мысль къ истинно существующему. Такое познаніе истины, или что тоже, воспоминаніе ея происходитъ посредствомъ того, что называется идеею (какъ εἶδος λεγόμενον), которая образуется въ разумѣ какъ единое нѣчто изъ многихъ отдѣльныхъ чувственныхъ наблюденій. Подобными воспоминаніями, если правильно пользуется ими, человѣкъ посвящается въ высочайшія таинства и дѣлается чрезъ нихъ вполне совершеннымъ. Но такъ какъ при этомъ онъ уклоняется отъ человѣческихъ заботъ, стре-

иась постоянно къ божественному, то большинство чуждается его, какъ безумнаго, толпа не понимаетъ, что онъ есть изступленный (*ἀνοσιδίων*).

До сихъ поръ были представлены тѣ основанія, изъ которыхъ изъясняется четвертый родъ изступленія, именно философское одушевленіе, или любовь. Сущность этого изъясненія состоитъ въ слѣдующемъ:

Итакъ четвертый родъ изступленія бываетъ тогда, если кто смотря на здѣшнюю красоту, припоминаетъ истиннѣ прекрасное, и чрезъ то выращаетъ въ себѣ крылья. Вновь оперившись, душа хочетъ подняться вверхъ, но такъ какъ, подобно птицѣ, смотря впередъ и не обращая вниманія на то, что находится позади, она на самомъ дѣлѣ не можетъ достигнуть вполнѣ чего желаетъ, то поэтому упрекаютъ такого человѣка въ безуміи. Такого рода изступленіе, какъ видно изъ предъидущаго, есть высочайшее по достоинству; отъ него происходитъ все лучшее какъ для имѣющаго его, такъ и въ отношеніи къ тому, кому оно сообщается; только по участию въ этого рода безуміи, любящій прекрасное получаетъ названіе любителя. Ибо, какъ сказано, каждая душа по природѣ видѣла сущее, (иначе она не вошла бы въ это живое существо). Но не легко воспоминать о видѣнномъ тамъпомощію того, что здѣсь находится; не легко это для тѣхъ, которые не долго созерцали сущее, которое есть тамъ (*ὅσα βραχύως εἶδον τότε τάχα*); точно также съ трудомъ воспоминается видѣнное тѣми, которые, низвергшись сюда, потерпѣли несчастье, т. е. вслѣдствіе сообщества съ плохими друзьями позабыли то, что видѣли, увлеченные постыдными дѣлами. Не много остается такихъ, у которыхъ дѣло памяти сохраняется въ должномъ видѣ. Но и эти, какъ скоро видятъ отображеніе существующаго тамъ (*τῶν ἕκαστῶν οὐσίᾶς*), впадаютъ въ стрость и не владѣютъ болѣе собою, не разумѣютъ сами, что съ ними дѣлается, ибо не даютъ себѣ отчета въ происходящемъ съ ними (*διὰ τὸ μὴ ἰκανῶς διασώζεσθαι*)

Встрѣчаемы здѣсь подобія справедливости, благоразумія и всего, что для души драгоцѣнно, не представляютъ въ себѣ чистоты и ясности, свойственныхъ первообразамъ; вотъ почему только съ трудомъ и то не многіе, посредствомъ своихъ тусклыхъ органовъ обращаясь къ образамъ, познаютъ родъ сущаго, или отображасмаго. Красота въ чистомъ видѣ была нами созерцаема только тогда, какъ слѣдуя по стопамъ Зевса, а другіе за другими богами, мы за одно съ счастливымъ сонмомъ наслаждались блаженными зрѣлищами, когда были посвящены въ такое таинство, которое должно признать блаженнѣйшимъ и которое мы совершали (*δραματικόν*), будучи еще не поврежденными, не оскверненными ничѣмъ дурнымъ, что ожидало насъ въ послѣдующее время. Участвуя въ неразстроенныхъ, простыхъ, спокойныхъ и блаженныхъ созерцаніяхъ, при сіяніи чистаго свѣта, мы сами были тогда чисты,—еще не знали того, во что теперь облечены и что зовется тѣломъ, прикованные къ нему подобно улиткѣ въ раковинѣ... Но какъ тогда красота сіяла вмѣстѣ съ другими видѣніями, присутствуя въ нихъ, такъ и теперь, пришедши сюда, посредствомъ яснѣйшаго изъ нашихъ чувствъ мы замѣтали ее, ибо и здѣсь она яснѣе всего блистаетъ. Зрѣніе самое воспримчивое изъ всѣхъ чувствъ тѣла; однако имъ не познается разумное; иначе, если бы существовалъ такой же доступный для глазъ образъ разумности, тогда она возбуждала бы сильнѣйшую любовь къ себѣ; тоже слѣдуетъ сказать обо всемъ прочемъ достойномъ наибольшей любви. Итакъ только красотѣ суждено быть очевиднѣйшею и пробуждать сильнѣйшую любовь. Отсюда понятно, почему человекъ, если только онъ не есть вновь посвященный (т. е. не обладающій чистою душою, не погразшею въ чувственность, привыкшіи къ наслажденіямъ чувственною красотою) или уже развращенъ, не легко переходитъ отъ здѣшней красоты къ созерцанію прекраснаго въ самомъ себѣ; при видѣ красоты такой человекъ не ощущаетъ священнаго трепета, преданный удовольствію, онъ, по обы-

чаю четвероногихъ, ищетъ только удовольствіи своей похоти; при своей необузданности въ обхожденіи съ другими, онъ не чувствуетъ ни страха, ни стыда, стремясь къ противоестественному наслажденію (*παρά φύσιν ἡδονῆν διώκων*) Напротивъ, вновь посвященный, кто многое созерцалъ находящееся тамъ, какъ скоро видитъ богоподобное лице, на которомъ отразилась красота, то испытываетъ внезапное потрясеніе, на него нисходитъ нѣкоторое изъ неземныхъ явленій страха, далѣе въ немъ рождается чувство благоговѣйнаго почитанія какъ бы передъ божествомъ и если бы онъ не боялся прослыть безумнымъ, то своему любимцу, какъ нѣкому священному изображенію или даже божеству, сталъ бы приносить жертвы. Стоитъ только — увидать ему своего любимца, какъ тотчасъ совершается въ немъ переворотъ: является у него необыкновенный жаръ и потъ. Это значить, что образъ красоты, воспринятый посредствомъ глазъ, согрѣваетъ его въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится зародышъ пера, для котораго нужна влага; при этомъ, посредствомъ теплоты все растворяется что только есть въ окружности почвы, на которой произрастаютъ перья, все бывшее долгое время въ оцѣпененіи и препятствовавшее произрастанію. Лишь только произошелъ такимъ образомъ притокъ лици, показывается стволъ пера и быстро разрастается во всей душѣ, ибо прежде она была вся покрыта перьями; тогда она волнуется, порывается во всемъ своемъ существѣ и что происходитъ съ тѣмъ, у кого прорѣзываются зубы, щекотанье и раздражающая боль въ деснахъ, тоже самое испытываетъ и душа, въ которой начинаютъ вырастать перья: она тревожится при этомъ, чувствуетъ боль, раздражается. Когда душа видитъ красоту мальчика и воспринимаетъ простекающія отъ нея части (что называется любовнымъ раздраженіемъ) и чрезъ то увлажняется и согрѣвается, тогда только отдыхаетъ она отъ болѣзненнаго чувства и радуется; какъ скоро же остается одна и остываетъ, то отверстія входовъ, откуда вырастаютъ перья, снима-

ются и закрываютъ въ себѣ отрогги ихъ. Но будучи скрытыми вмѣстѣ съ любовнымъ возбужденіемъ, они, подобно бьющимъ жиламъ, толкаются и проторгаются въ каждомъ вблизи лежащемъ выходѣ, такъ что вся душа, израненная кругомъ, терпитъ пронзительную боль, впадаетъ въ бѣшенство и только когда вспоминаетъ красоту, снова радуется. По причинѣ такого смѣшенія происходящаго съ двухъ сторонъ (т. е. радости и скорби), душа, не понимая своего состоянія, тоскуетъ, при безпомощности своей доходитъ до необузданности; мучимая тревогою, она не можетъ ни ночью успокоиться, ни днемъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но увлекаемая страстію, стремится туда, гдѣ надѣется увидѣть обладателя красоты.... Эту-то страсть, прекрасный мальчикъ къ которому обращена моя рѣчь, люди называютъ эросомъ.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе той мысли, что эросъ въ каждомъ, кто подпадаетъ его власти, обнаруживается своеобразно, смотря по тому, какому богу душа любящаго слѣдовала до рожденія въ тѣлѣ. «Все ищутъ себѣ любимца, слѣдуя своему богу, и какъ скоро находятъ его, то, управляясь подражаніемъ своему богу посредствомъ убѣжденій и настроенія руководятъ и любимца своего къ соответственнымъ тому богу свойствамъ»....

Наконецъ въ той же мифологической формѣ, какъ и вся предыдущая рѣчь, объясняется, какимъ образомъ и въ какихъ направленіяхъ развивается любовь. Здѣсь, подробно описывая характерные признаки коней, запряженныхъ въ колесницу души, Платонъ даетъ видѣть, что именно онъ разумѣетъ подъ образомъ коней. Это двѣ силы души, чувствительная и желательная, а наѣздникъ, управляющій ими, есть умъ. Одинъ изъ коней строенъ, одаренъ прекраснымъ сложеніемъ, высоко держитъ голову, съ загнутымъ носомъ, глаза имѣетъ черные, а самъ цвѣта бѣлаго. Онъ честолюбивъ, но въ то же время благоразуменъ и скромнень, вѣренъ истинному мнѣнію, для него не нуженъ бичъ, достаточно

для управленія имъ одного возгласа и напоминанія; другой напротивъ кривой и неповоротливый, дурно сложенъ, съ крѣпкою и короткою шеей (упрямъ), съ тупымъ носомъ; онъ имѣетъ мутные глаза, налитые кровью, слѣдуетъ безстыдству и наглости. Когда правитель этихъ коней, привидѣ того, что возбуждаетъ въ немъ любовь, согрѣтый въ душѣ теплотою, переполняется страстію и тревогами чувственности, въ этомъ случаѣ тотъ изъ коней, который остается въ повиновеніи ему, находясь всегда подъ вліяніемъ стыда, воздерживается, чтобы не ринуться стремглавъ на любимый предметъ; но другой не можетъ быть удержанъ ни посредствомъ узды, ни ударами бича, а бросается впередъ со всей силы и всѣми возможными способами принуждаетъ своего товарища и возничаго подойти къ любимцу и сдѣлать напоминаніе о любовномъ угожденіи. Сначала они противятся ему съ негодованіемъ, ибо побуждаются имъ къ дурному и противозаконному.... но наконецъ уступаютъ и соглашаются исполнить требуемое. Затѣмъ они подходятъ къ любимцу и замѣчаютъ свѣтлый взоръ его. И какъ только возничій увидѣлъ его, является воспоминаніе о природѣ красоты; тогда онъ снова видитъ, какъ она вжѣстѣ съ благоразуміемъ спокойно пребываетъ на священномъ перстѣ, увидѣвъ же ее, поражается священнымъ страхомъ и отклоняется назадъ; при этомъ, по необходимости такъ крѣпко затягиваетъ узду, что оба коня присѣдаютъ на заднія ноги, одинъ добровольно, а другой съ неохотою; отступивъ далѣе назадъ, одинъ чувствуетъ стыдъ и отвращеніе, но другой, лишь только прошла боль, причиненная ему уздою и паденіемъ, не переводя духа въ гнѣвъъ начинаетъ брань, жестоко порицая и другаго коня и своего возничаго за то, что по трусости не устояли на мѣстѣ, измѣнили обѣщанію; пытаясь снова заставить ихъ противъ желанія уступить ему, едва соглашается на ихъ просьбу отложить это намѣреніе до другаго раза. Когда же условленное время наступило, а добрый конь и возничій между тѣмъ показываютъ видъ,

будто забыли объ этомъ, то онъ напоминаетъ имъ, кривляется, ржетъ, увлекаетъ ихъ съ собою и снова заставляетъ ихъ приблизиться къ любимцу. Но возникшій, которому припоминается прежнее еще въ большей степени, бросается назадъ, какъ бы встрѣтивъ препятствіе, и въ большей еще мѣрѣ натягивая узду худшаго коня, окровавливаетъ ему ротъ, опрокидываетъ на задніи ноги и такимъ образомъ причиняетъ боль. Испытавъ много разъ тоже самое и поэтому оставивъ свою похотливость, угрошенный, онъ повинуется теперь благоразумію возникшаго и со страхомъ проходитъ, когда видитъ прекраснаго мальчика. Итакъ (таково заключеніе сократовской рѣчи), когда благороднѣйшая часть души побѣждаетъ, направляя къ упорядоченному образу жизни и философіи, тогда люди проводятъ на землѣ жизнь согласно и счастливо, отличаясь самообладаніемъ и умѣренностію, ибо покоряютъ своей власти то, отъ чего душа дѣлается дурною и даютъ свободу тому, отъ чего зависитъ ея превосходство, а послѣ смерти дѣлаются пернатыми и легкими и побѣждаютъ въ одномъ изъ трехъ истинно олимпійскихъ сраженій¹⁾, сподобляясь такого блага, больше котораго ни мудрость человѣческая ни божественное изстуженіе не въ состояніи доставить человѣку. Если же души ведутъ жизнь грубую и не философскую, и при этомъ честолюбивы, то можетъ случиться, что во время опьяненія (*ἔκστασις*) или при другомъ какомъ либо состояніи безопасности, невзвужданные кони, нашедши души безъ охраненія, расположатъ ихъ къ согласію избрать направленіе, называемое обыкновенно блаженствомъ и достигнуть своей цѣли, а разъ достигши, будутъ склонны къ

¹⁾ Въ этой же рѣчи выше было сказано, что если душа три раза сряду избираетъ одинъ и тотъ же жизненный жребій (философскій образъ жизни) то послѣ этого возвращается въ первобытное состояніе. Это странствованіе души теперь сравнивается съ тремя видами состязаній, которые употреблялись при олимпійскихъ играхъ (простой, двойной и продолжительный бѣгъ).

тому же выбору и впоследствии, хотя и рѣдко, ибо не вся душа участвовала въ такомъ рѣшеніи.

Во всей этой рѣчи Сократа мы уже имѣемъ существенное содержаніе философскаго образа воззрѣній Платона, представленное въ миеологической формѣ. Прежде всего здѣсь различается любовь философская, какъ изступленіе, отъ другихъ видовъ ея, именно отъ религіознаго и поэтическаго вдохновенія, подобно тому, какъ въ Пирѣ она признается однимъ изъ множества явленій одной и той же дѣятельной натуральной силы. Но замѣчательно то, что въ приведенной выше рѣчи Сократа изъ Федра изъясненіе любви философской сравнительно съ тѣмъ, которое содержится въ Пирѣ, развивается въ болѣе ограниченной сферѣ представленія. Тамъ любовь философская разсматривается въ связи съ натуральнымъ производительнымъ побужденіемъ, которое не только въ сознательной, но и въ безсознательной области бытія въ равной мѣрѣ обнаруживается. Напротивъ здѣсь изъясненіе той же любви не выходитъ за предѣлы строго разграниченной области душевной жизни. Вотъ почему прежде всего высказывается понятіе о душѣ, какъ существѣ безсмертномъ, и такое понятіе полагается въ основу всего дальнѣйшаго изъясненія. Душевная жизнь разсматривается при этомъ не какъ общая, натуральная сила, или побужденіе, представляющее въ себѣ аналогію дѣятельной силы, открывающейся повсюду въ природѣ, но такъ специализируется, что по самому ея происхожденію признается принадлежащею другому міру, иной области бытія, совершенно отличнаго и даже противоположнаго натуральному существованію вещей. Въ похвальной рѣчи Алкивіада въ особенности указывается на энергію внутренней духовной жизни въ личности Сократа, какъ преимущественное свойство его характера. Отсюда ясно, что личный характеръ Сократа служилъ для Платона прототипомъ, когда онъ изображаетъ здѣсь философскую любовь, какъ внутреннюю жизнь души, которая преимущественно открывается въ энергіи умственнаго созна-

нія. Ни у одного изъ прежнихъ философовъ мы не встречаемъ столь яснаго сознанія о самостоятельности и сосредоточенности въ себѣ, объ отличительности отъ всего прочаго природы души человѣческой, какъ это мы видимъ у Платона, у котораго такое сознаніе высказывается въ многоразличныхъ формахъ и составляетъ основу цѣлаго его міросозерцанія. Итакъ Платонъ разграничиваетъ рѣшительно душевную жизнь отъ всего неспроднаго ей; кромѣ этого мы видимъ у него въ нѣкоторой мѣрѣ раздѣльное познаніе о томъ, что такое душа въ самой себѣ. Ибо онъ ясно отмѣчаетъ различныя направленія въ жизни души, обозначаетъ особенности каждой изъ главнѣйшихъ образующихъ ее силъ (въ образѣ коней и возничаго). Предъ умственнымъ созерцаніемъ его открывается совершенно новый міръ бытія, міръ идеальный. Мысль Платона, погруженная въ созерцаніе того, что онъ называетъ сущимъ, не будучи въ состояніи ясно представить этотъ міръ сущаго, то облекается въ пластическія формы мифа, то посредствомъ отрицательныхъ опредѣленій даетъ разумѣть, какъ недостаточны общія формы языка и представленія для того, чтобы выразить всю полноту сущаго. Поэтому онъ нерѣдко прямо ссылается на непосредственное созерцаніе ума, какъ единственно возможный органъ познанія идеально сущаго; очевидно Платонъ раздѣлялъ то убѣжденіе Сократа, что каждый самъ для себя только въ состояніи достигать высшаго знанія, но не можетъ прямо сообщить его другимъ. Такой непосредственный способъ познанія сущаго, состоящій въ умозрѣніи, называется у Платона припоминаніемъ. Созерцать умомъ тоже, что воспоминать видѣнное, ибо хотя непосредственно, но не сразу дается такое умозозерцаніе; оно должно быть пробуждено въ душѣ, необходимо, чтобы душа достигла до такого созерцанія (крылья), или была бы доведена до него. Когда этотъ идеальный міръ сущаго сопоставляется съ чувственнымъ бытіемъ вещей, то послѣднее оказывается ничтожнымъ, призрачнымъ. Чувственный міръ бытія имѣетъ нѣкоторое значеніе

только потому, что душа, вслѣдствіе своей слабости (потеря перьевъ) отчужденная отъ родственной ей сѣеры сущаго, но не утратившая памяти о бывшей нѣкогда блаженной жизни въ томъ мірѣ, при существующихъ теперь условіяхъ бытія, не имѣетъ иной возможности оживлять въ себѣ воспоминаніе о прежнихъ видѣніяхъ и чрезъ то поддерживать въ себѣ сознаніе о высшемъ своемъ призваніи, кромѣ познанія вещей чувствѣннаго міра. Въ этомъ отношеніи только красота, присущая вещамъ, примиряетъ Платона съ наличною дѣйствительностію; это единственная сторона, въ которой міръ чувствѣнный соприкасается съ идеальнымъ; ибо мѣсто выше небесное (*ἄκρως ὀρατός τόπος*) есть именно область красоты, порядка, гармоніи. Прекрасное напоминаетъ душѣ о вездѣшней красотѣ, раждаетъ въ ней стремленіе къ высшему (выростаніе перьевъ) и такое стремленіе есть эросъ въ истинномъ значеніи этого слова, или, что тоже, философія.

Значеніе общественной дѣятельности Сократа, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что онъ пробуждалъ у согражданъ сознаніе тѣхъ идеальныхъ требованій и стремленій, которыя были свойственны національному характеру богато одареннаго народа. Но самый способъ, которому слѣдовалъ Сократъ, выполняя свое призваніе, и изъ котораго объясняется могущественное его дѣйствіе на лучшіе умы того времени, есть черта вполнѣ оригинальная, принадлежащая личности Сократа. Способъ этотъ есть методически развиваемый на данномъ вопросѣ процессъ мысли, сознательная теоретическая дѣятельность ума, приводящая къ обобщеннымъ идеямъ. Эта умственная дѣятельность въ систематическомъ ея образованіи, какъ одно изъ главнѣйшихъ направленій въ жизни души, имѣвшая значеніе для Сократа только какъ средство нравственнаго его призванія, у Платона, какъ сказано, является сама по себѣ предметомъ философствованія. Область понятій, образуемыхъ мыслящимъ умомъ и сознаваемыхъ какъ нѣчто ему нераздѣльно присущее, составляющее высшее его достоиніе, противопо-

лагается всему, что только является чувствамъ и такимъ образомъ раскрывается въ философіи Платона въ самостоятельный міръ сущаго, изображаемый и созерцаемый безъ всякаго посторонняго интереса, ибо въ немъ, по представленію Платона, скрывается источникъ и послѣдняя цѣль жизни души. При такой отрѣшенности, въ воззрѣніи Платона, идеальнаго созерцанія, постигаемаго умомъ, отъ реальной дѣйствительности, неизбежно слѣдовало отсюда отрицательное отношеніе къ интересамъ и правамъ этой дѣйствительности. Но эстетическое чувство, въ высшей степени свойственное натурѣ нашего философа, спасло его отъ такой крайности. Можно сказать даже, что самое раздѣленіе, которое вездѣ проводится Платономъ, между мыслимымъ содержаніемъ сознанія, какъ предметомъ умственнаго созерцанія, и ощущаемымъ бытіемъ есть именно слѣдствіе эстетическаго элемента въ его умственномъ настроеніи, и тотъ же художественный мотивъ не допустилъ его до рѣшительнаго отрицанія всякаго положительнаго значенія для познанія и жизни чувственной стороны въ бытіи вещей. Между тѣмъ несомнѣнно, что послѣдовательное развитіе основнаго воззрѣнія платоновской философіи приводило къ совершенно замкнутому въ себѣ, отрѣшенному отъ всякихъ насущныхъ интересовъ дѣятельной жизни, праздному умственному созерцанію. Это въ послѣдствіи доказала неоплатоническая философія. Впрочемъ въ нѣкоторой мѣрѣ такая крайность, какъ увидимъ, проведена и самимъ Платономъ. Это созерцательное направленіе философіи Платона изъясняется однако не изъ однахъ только личныхъ свойствъ его; оно было также отчасти слѣдствіемъ характера того времени. Не

даромъ же и Аристотель, этотъ вполне трезвый умъ, склонный къ эмпиризму, рѣшительно поставяетъ теоретическую созерцательную дѣятельность ума выше практически дѣятельной жизни. Въ то время цвѣтущая пора дѣятельной, исполненной глубокихъ интересовъ, многосторонней общественной жизни афинской республики уже прошла. Причины упадка общественной жизни въ Афинахъ, заключались главнымъ образомъ въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, которыя на первыхъ порахъ возбудили быстрое и многостороннее развитіе индивидуальныхъ силъ народа. Въ этомъ отношеніи вмѣстѣ съ Пелопонезскою войною наступаетъ рѣшительный поворотный моментъ въ исторіи афинской республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей эллинской жизни. Упадокъ нравовъ, общее распаденіе началъ прежней жизни, начинающееся со времени Пелопонезской войны, есть не болѣе какъ только обратная сторона прежняго цвѣтущаго состоянія свободы и образованности; она скрывалась прежде за успѣхами, достойными удивленія, сдѣланными афинскимъ народомъ въ области политики, литературы, общественной жизни. Зрѣлище широкаго развитія силъ народныхъ въ первыя времена афинской демократіи дѣлаетъ мало замѣтными худшія стороны жизни, которыя возникли здѣсь вмѣстѣ съ торжествомъ свободы и достиженіемъ матеріальнаго благосостоянія. Эти худшія стороны, приведшія афинскую республику къ разложенію, были однако очевидны для проницательнаго ума Сократа. Еще менѣе тогдашняя дѣятельность жизни могла удовлетворять Платона.

Наиболѣе виднымъ послѣдствіемъ софистическаго образованія,

какъ сказано выше, было то, что возбужденная имъ въ обществѣ подвижность и шаткость мнѣній постепенно разрушили бывшее до тѣхъ поръ крѣпкимъ зданіе добрыхъ старыхъ нравовъ и унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ временъ понятій о правѣ и законѣ, о добродѣтели и вѣрѣ. Всякое установившееся начало практической и художественной жизни по меньшей мѣрѣ было поколеблено и потеряло прежнюю силу. Въ то же время въ политикѣ и литературѣ исчезаютъ идеальныя стремленія; субъективное настроеніе личности въ мнѣніяхъ и цѣляхъ, уничтожившее всякую объективную мѣру въ томъ и другомъ отношеніи, является господствующимъ. Въ Афинахъ наибольшій былъ притокъ разрушительныхъ силъ. Безспорно, подъ вліяніемъ предшествующаго счастливаго развитія литературы, явилось больше широты и свободы въ проявленіи умственного сознанія; сужденіе и вкусъ въ значительной степени были изощрены, въ слѣдствіе чего неизбежны были болѣе строгія требованія и относительно жизни. Но плодомъ всего этого является въ обществѣ способность замѣчать и діалектически схватывать противоположности въ наличной дѣйствительности; довѣріе къ установившемуся строю понятій и нравовъ такимъ образомъ исчезало, а между тѣмъ исключительно формальное образование умственныхъ силъ не въ состояніи было дать никакого положительнаго содержанія на мѣсто того, что было разрушено. Серьезность и выдержанность скоро уступили мѣсто суетному резонированію и новому орудію демократическаго правительства -- краснорѣчію, которое господствовало въ процессахъ судебныхъ и народныхъ собраніяхъ, и въ которомъ все спѣшными упраж-

нятся подъ руководствомъ соежествъ. Правдное любопытство, страсть къ удовольствіямъ, увлеченіе минутными прихотами, эгоизмъ были господствующими явленіями времени. Вообще, въ пасторой игрѣ силъ недоставало нравственнаго и умственнаго средоточія; отъ прежняго строя жизни осталось только множество неразрѣшимыхъ противорѣчій.

Самый худшій плодъ этого новаго духа общественной жизни созрѣлъ въ правительствѣ толпы и демагоговъ. Гордость и самонібіе значительно возрасли въ народѣ съ тѣхъ поръ, какъ представлялась возможность разорвать тѣ границы, которыя прежде налагались на него правами, соединенными съ происхожденіемъ, богатствомъ, образованіемъ. Изъ среды себя народъ возвышалъ людей по своему вкусу, сначала дѣйствовавшихъ на трибунѣ, потомъ повелѣвавшихъ войскомъ. Охотно служили правителя подобнаго рода своимъ союзникамъ и расчетливо угождали ихъ самолюбію съ цѣлію, чтобы толпа въ своемъ ослѣпленіи отдала имъ въ руки судьбу отечества. Но не лучше была и та небольшая партія олигарховъ, которые продолжали свою непримиримую борьбу противъ охлократіи. Такимъ образомъ постепенно выродился народный характеръ. вмѣстѣ съ тѣмъ прежняя строгость воспитанія ослабѣла: древней серьезной музыкѣ предпочитали чувственно изысканныя мелодіи, которыя не могли образовать юношество; гимнастика тоже была въ упадкѣ, религіозная вѣра не устояла противъ разлагающей рефлексивной діалектики: вмѣсто прежней вѣры являются съ одной стороны грубое суевѣріе, но-

Торое поддерживалось множеством «азиатических кудьтовъ» восточнаго происхожденія, а съ другой стороны презрѣніе богопочтанія и священныя преданія ¹⁾).

Такииъ образомъ мало представлялось для Платона сочувственныхъ сторонъ въ современной ему жизни. Отсюда понятно, почему философія Платона имѣетъ характеръ оппозиціонный въ отношеніи къ непосредственной дѣйствительности, и почему въ связи съ этимъ преобладающее настроеніе ея есть самозаключенность мышленія въ отвѣденно теоретическомъ созерцаніи.

Съ какою рѣшительностію Платонъ проводитъ свойственное его философіи отрицательное отношеніе къ наличной дѣйствительности бытія и жизни, это въ особенности можно видѣть изъ характера доказательствъ безсмертія души, приводимыхъ въ Федонѣ. Здѣсь мы видимъ Сократа, бесѣдующаго въ послѣднія минуты своей жизни съ друзьями; предметъ бесѣды составляютъ доказательства безсмертія души; но основаніемъ, на которомъ утверждаются всѣ высказываемыя здѣсь доказательства, служитъ образъ философа, проникнутаго стремленіемъ къ вѣчному, такъ что въ этомъ діалогѣ, подобно тому какъ въ Пирѣ, теоретическое содержаніе также связывается съ соответственнымъ выраженіемъ его въ типической личности Сократа.

¹⁾ Всѣ указанныя черты жизни аѣннской демократіи подробнѣе излагаются въ Grundriss d. Griech. Litter. Bernhardy. См. 456—470. Dritte Bearb.

Сократъ, по разсказу Федона, когда вошли къ нему друзья, принюхавшись на своемъ ложѣ и потерая ногу, только что освобожденную отъ оковъ, сказалъ: какъ странно то, что люди называютъ удовольствіемъ; удивительно, что оно имѣетъ связь съ неприятымъ, которое повидимому противоположно ему; никогда не случается, чтобы человекъ разомъ испытывалъ то и другое, но какъ скоро кто либо ищетъ одного и получаетъ, то почти неизбѣжно принужденъ испытать и другое такъ, какъ бы оба были соединены между собою въ одномъ концѣ. Мнѣ кажется, что Езопъ могъ бы сложить объ этомъ такую басню, что Богъ, желая примирить эти враждующія противоположности, такъ какъ не могъ этого сдѣлать вполне, связалъ ихъ концами вмѣстѣ; потому-то если случается одно изъ двухъ, то вслѣдъ затѣмъ является и другое, какъ и я это испытываю теперь; ибо прежде отъ оковъ я чувствовалъ въ этой ногѣ боль, а теперь кажется слѣдуетъ послѣ боли нѣчто пріятное. Встать ты мнѣ напомнилъ, Сократъ,—этими словами остановилъ его рѣчь Кевисъ,—по поводу поэмы, которая ты сочинилъ, переложивъ въ стихи басни Езопы и гимнъ Аполлону; нѣкоторые уже спрашивали меня, между прочимъ и Эвенъ недавно, почему вздумалось тебѣ здѣсь заниматься этимъ, между тѣмъ какъ прежде ничего подобнаго не дѣлалъ. Сократъ ссылается на сонъ, неоднократно случавшійся съ нимъ и который побуждалъ его заняться музыкою и между прочимъ просить передать Эвену, чтобы онъ скорѣе послѣдовалъ за нимъ

(σάββα ὄν, ὡς Κέρως, Εβουφῆ φράζε καὶ ἰρρέσσαι, καὶ, ἄν σφραγίσῃ,

ὄρα δὲ φησὶ). Симиасъ, по поводу этихъ словъ Сократа, выражаетъ удивленіе и говоритъ, что едвали Эвэнъ послѣдуетъ его совѣту. На это Сократъ сказалъ: развѣ Эвэнъ не философъ? Симиасъ отвѣчалъ утвердительно. А если такъ, то конечно захочетъ пасть и всякій достойный этого имени (т. е. философа); впрочемъ онъ, конечно, не лишитъ себя жизни, ибо говорятъ, что это преступно. На вопросъ Кевиса, что если убивать себя преступно, то какинъ образомъ философъ можетъ желать послѣдовать за умирающимъ, Сократъ высказываетъ далѣе ту мысль, что хотя и желательно умереть, однако мы, какъ собственность боговъ, не вправѣ умерщвлять себя безъ ихъ соизволенія. Отсюда тотъ же Кевисъ выводитъ слѣдующее заключеніе: если мы призваны служить здѣсь и повиноваться богамъ, которые объ насъ заботятся, то желать смерти, дабы освободиться отъ такого служенія и такимъ господамъ могутъ лишь глупые. Сдѣлавъ предварительно то замѣчаніе, что еслибы умереть значило перемѣнить лучшее на худшее, тогда дѣйствительно странно было бы желать смерти, Сократъ прямо переходитъ къ высказанному уже положенію, что достойно философа желать смерти и берется доказать истинность его. Я хочу говорить Сократъ, дать вамъ отчетъ о причинахъ, побуждающихъ меня вѣрить, что человѣкъ посвящающій себя философіи долженъ встрѣчать смерть мужественно и съ полною надеждою на достиженіе послѣ смерти величайшихъ благъ. Истинные философы ни о чемъ иномъ не заботятся кромѣ того,

чтобы научиться умирать и быть мертвыми. (ἀποθανόντων καὶ καὶ σαδύμενοι).¹⁾

Эта идея о призваніи философовъ заботиться о смерти и искать ее выясняется въ слѣдующихъ, развиваемыхъ далее, положеніяхъ: а) смерть есть раздѣленіе души отъ тѣла, а философъ непримично привязывается къ чувственному, напротивъ цѣлю его стремленій должно быть осуществленіе добродѣтелей, для чего необходимо очищеніе отъ всего чувственного; ясно отсюда, что само по себѣ это стремленіе (къ нравственному) отрѣшаетъ душу отъ сообщества съ тѣломъ. б) Тѣло препятствуетъ приобрѣтенію высшаго знанія; ибо побредствомъ чувствъ истинное не познается; только мышленіемъ постигается сущее. Но если, во жрѣ освобожденія отъ вліяній тѣла, мышленіе съ болѣею свободою дѣйствуетъ, то и въ этомъ отношеніи философъ еще при жизни отрѣшается отъ тѣла. в) Идеи, въ которыхъ заключается истинное существо, нечувственны; этимъ также оправдывается стремленіе философа отрѣшиться отъ тѣла. Если освобожденіе отъ тѣла необходимо для достиженія познанія, то смерть дѣлаетъ для души доступнымъ это приобрѣтеніе. При соединеніи души съ тѣломъ познаніе недостижимо. Поэтому или никогда не будетъ оно достигнуто, или же только послѣ смерти тѣла. Та-

¹⁾ Поэтому было бы странно, еслибы всю жизнь заботясь и думая только о смерти, вотомъ когда она дѣйствительно приходитъ, стали бы бояться ея.

нимъ образомъ ясно, что жизнь философа есть только приготовленіе къ смерти: кто боится смерти, тотъ не философъ. Дальнѣйшія разсужденія о томъ, остается ли душа и по раздѣленіи отъ тѣла сознательною, познающею, продолжится ли жизнь ея по смерти, вѣчно или только на нѣкоторое время, — представляютъ не положительное развитіе основной идеи діалога — идеи о философѣ и философіи, а разрѣшеніе недоумѣній и трудностей, соединенныхъ съ тою идеею. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ бытіе души, какъ самостоятельнаго существа, и бытіе идей, какъ предмета для познанія, предполагаются, ибо вообще это первоначальныя основныя предположенія въ философіи Платона, къ которымъ относится въ ней все иное. Что дѣйствительно бытіе души, какъ существа самостоятельнаго, предполагается здѣсь, это видно изъ того, какъ разрѣшается вопросъ прямо направленный противъ этого предположенія. На замѣчаніе, что быть можетъ душа по раздѣленіи отъ тѣла разсѣвается какъ паръ, Сократъ высказываетъ положеніе, что противное происходитъ отъ противнаго и такъ какъ смерть и жизнь противоположны, то отсюда на основаніи сказаннаго заключаетъ, что изъ жизни происходитъ смерть и наоборотъ изъ смерти рождается жизнь. Здѣсь очевидно утверждается только смѣна явленій происхожденія и уничтоженія; но что послѣ смерти остается жизнь, какъ особое отдѣльное существо, эта мысль выводится изъ означеннаго положенія очевидно только подъ предположеніемъ самостоятельности души. Другимъ предположеніемъ, къ которому Платонъ обращаетъ

ся въ свои́хъ рассу́жденіяхъ о безсмертіи души, служить, какъ сказано, мысль о самостоятельномъ бытіи идей, изъ чего дѣлается далѣе выводъ о предсуществованіи душъ, а также о томъ, что знаніе есть припоминаніе. На основаніи ученія о припоминаніи, съ которымъ связывается предположеніе предсуществованія душъ, разрѣшается вопросъ о простотѣ души, а также о томъ, не есть ли душа гармонія тѣла.

Итакъ вотъ выводы изъ всего сказаннаго до сихъ поръ. Предметъ философскихъ изъясненій Платона есть познающая дѣятельность мышленія, которую онъ рассматриваетъ какъ высочайшую жизнь души посредствомъ которой она сообщается съ вѣчными и божественнымъ. Такъ какъ эта умственная дѣятельность имѣетъ сверхчувственный характеръ, то отсюда съ одной стороны въ соотвѣтствіе ей предполагается бытіе высшаго идеальнаго міра, къ которому она направлена; а съ другой проводится рѣзкое раздѣленіе внутренней душевной жизни отъ всего внѣшняго, чувственнаго, матеріальнаго. Эта внутренняя жизнь души, посредствомъ свойственной ей умственной дѣятельности, поставляется въ столь существенную связь съ сверхчувственнымъ міромъ вѣчно сущаго, что настоящій образъ существованія души въ тѣлѣ признается чуждымъ, несвойственнымъ ей, и высочайшая цѣль ея стремленій полагается въ освобожденіи отъ всего чувственнаго, тѣлеснаго. Если для души міръ тѣлесный и имѣетъ нѣкоторое значеніе, то только потому, что служить ей напоминаніемъ о нездѣшной жизни и объ иномъ родѣ сущаго.

Таковы общія основанія философіи Платона, которыя должны
быть приняты во вниманіе при изложеніи его преподаванія.

(Продолженіе будетъ.)

П. Линичкій.

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1871.

А П Р Ъ Л Ъ.

СОДЕРЖАНІЕ:	стр.
I. Книга пророка Іереміа. Рѣчи 38 39; гл. XXX, XXXI, XXXVIII. (<i>Переводъ съ еврейскаго.</i>)	241—256.
II. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской духовной Академіи	1—54.
III. О происхожденіи русскихъ былинъ. (Продолженіе) <i>А. Розова.</i>	3—67.
IV. Изъ записокъ Сивайскаго богомольца	68—104.
V. Востокъ христіанскій <i>Порфирія епископа Чиринскаго</i>	105—112.
VI. Письмо къ мусульманину желающему обрѣсти истину	113—127.
VII. Польскій проповѣдникъ XVII вѣка іезуитъ Тома Млодзяновскій (Окончаніе) <i>А. Мацкевича</i>	128—218.
VIII. Слово произнесенное въ Іерусалимѣ на ев. Голгоѣвъ вечеромъ въ великій пятокъ при обновленіи плащаницы, 26 марта 1871 г.	219—224.
Объявленія.	
IX. Творенія бл. Іеронима. (<i>Переводъ съ латинскаго.</i>)	241—256.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Управленія.

1871.

Подписка принимается преимущественно **ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ**; а также въ Москвѣ у книгопродавца А. О. Терапонтова, въ Петербургѣ у книгопрод. С. И. Литова.

Цѣна за годовое изданіе журнала (12 кн., не менѣе 15 печат. лист. каждая) 6 руб. съ пересылкою; безъ пересылки 5 руб. 50 коп. По той же цѣнѣ можно получать «ТРУДЫ» за 1869 и 1870 годы. Оставшіеся въ редакціи экземпляры «Трудовъ» за первыя девять лѣтъ (1860—1868) продаются по *три рубля съ пересылкою.*

Цѣна отдѣльной книгѣ «ТРУДОВЪ» 50 коп. съ перес.

Въ той же редакціи можно получать «ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ», еженедѣльный журналъ, издававшійся до апрѣля 1871 года. Цѣна за годовое изданіе XXXIV года а также XXXI, XXXII и XXXIII годовъ 4 руб. съ пересылкою, а безъ пересылки 3 руб. Экземпляры «ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ» за первыя 31 годъ существованія журнала, продаются по 2 руб. за экзем. каждаго года съ перес. Выписывающіе одновременно не менѣе 10-ти экземпляровъ «Воскреснаго Чтенія» прежнихъ годовъ платятъ только по 1 руб. 50 к. за экземпляръ и получаютъ бесплатно «УКАЗАТЕЛЬ къ 25 годамъ Воскреснаго Чтенія. Цѣна Указателю отдѣльно—50 коп. Имѣются въ продажѣ слѣдующіе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XV (51—52), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59), XXIII (59—60), XXIV (60—61), XXV (61—62), XXVI (62—63), XXVII (63—64), XXVIII (64—65), XXIX (65—66), XXX (66—67).

ТРУДЫ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1871.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Управленія.

1871.

Печатано по опредѣленію Совѣта Академіи.
Ректоръ А. Филаретъ.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ¹⁾.

(Продолженіе.)

Начало мнѣу даетсяъ забвеніемъ народомъ истиннаго характера первоначальныхъ сближеній и уподобленій. Извѣстно, что для раскрытія предмета существуютъ два пути: путь доказательства, то есть, изслѣдованія существенныхъ свойствъ и проявленій самаго предмета, и путь объясненія, сравненія, противоположенія предмета другимъ. Первый путь ведетъ насъ къ большому или меньшему уразумѣнію сущности и характера предметовъ, второй только нѣсколько уясняетъ намъ по наружнымъ признакамъ непонятный предметъ; о послѣднемъ еще древними оказано: сравненіе не есть еще доказательство. Первый господствуетъ въ мышленіи образованнаго человѣчества, второй свойствененъ неразвитому человѣку и человѣчеству. Первобытный человѣкъ уясняетъ себѣ дѣйствія божества въ недоступныхъ его прямому наблюденію силахъ и явленіяхъ природы, напр. атмосферныхъ и грозовыхъ явленіяхъ, не иначе какъ посредствомъ уподобленія ихъ свойствамъ и дѣйствіямъ человѣка, или окружающихъ его животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ. Этимъ путемъ Онъ создалъ безчисленное множество конкретныхъ образовъ, для изображенія свойствъ и дѣлій божества, — образовъ постоянно являющихся

¹⁾ См. Мартъ 1871 г.

жавшихся; поелику, если старыя уподобленія и забывались иногда, то развивавшаяся гражданственность съ избыткомъ вознаграждала эту потерю, предлагая все новыя и новыя предметы для образованія уподобленій. Но не здѣсь еще начало миеа. Миеъ является тогда, когда народъ забываетъ, что сравненіе не есть еще доказательство, когда въ уподобленіяхъ начинаетъ видѣть сущность и характеръ божества, когда потому начинаетъ уподобляемому существу—Богу, приписывать свойства, дѣйствія и даже сущность предметовъ, съ которыми его сравниваетъ, и отождествлять его съ ними; когда напр. божество солнца будетъ считать не только катящимся подобно колесу, бѣгающимъ подобно коню, помирающимъ, подобно волу, но живнно превращающимся въ извѣстную пору въ натянутое колесо, или въ скачущаго коня, или въ пожирающаго вола, или въ пляшущаго жениха, или въ невьсту въ брачномъ уборѣ и т. п. ¹⁾).

Подробности миеа создаются большею частію позднѣе, вследствие невольнаго стремленія ума обставить предметъ всеми чертами, приличными ему, и тѣмъ придать существованію его больше

¹⁾ Въ примѣръ образованія миеовъ приведемъ аналогическое ему созданіе невѣрныхъ сказаній объ историческихъ личностяхъ. Не случилось ли, вамъ, читатели, слыша рассказъ о какомъ либо историческомъ лицѣ, вдругъ представить его себѣ въ кожѣ и фигурѣ извѣстнаго вамъ современника, даже знакомаго? Вамъ почему-то кажется, что историческое лицо должно имѣть совершенно то же лицо, тотъ-же голосъ, также поступать въ сходныхъ случаяхъ. Не замѣчали ли вы; какую обольстительную силу имѣетъ подобная аналогія для ума? Незамѣтно пріобрѣтается увѣренность, что историческое лицо дѣйствительно имѣло подобныя наружныя признаки и внутреннія качества. Представьте себѣ при этомъ, что имѣть фактовъ для повѣрки вашей мысли. Въ подобныхъ случаяхъ достаточно ей высказаться съ приличною увѣренностію, достаточно одному или двумъ повѣрить вамъ на слово, и созданныя воображеніемъ положенія пріобрѣтаютъ силу историческаго факта. Вотъ вамъ и миеъ въ исторіи, миеъ добросовѣстный, безъ лжи и обмана, но только основанный на принятіи объясненія за доказательство.

естественности, живичности. Напр. къ садку—олицетворенію тучь—фантазія русскаго народа не могла не прибавить чертъ: сажанный, наостроженный, то есть, загороженный на берегу, поелику эти черты свойственны садамъ русскаго народа, особенно малорусскимъ. Въ снѣзю милой дѣвицы—зори фантазія прибавляетъ черту—на бѣлой постелькѣ; поелику нельзя же хорошенькую дѣвушку представить въ грязной обстановкѣ (См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1867 г. Мартъ). Лучше всего эта способность наша видна въ процессѣ образованія стоустой молвы, пожалуй даже сплетень ¹⁾:

Передавая чей либо рассказъ о событіи, мы, сами не замѣчая того, прибавляемъ къ нему новыя подробности, которыя по складу нашей мысли кажутся намъ необходимыми въ предметѣ, но которыя между тѣмъ непрежѣнно придаютъ ему новый односторонній свѣтъ. Прибавляемая въ одномъ направленіи черта дотога измѣняетъ событіе, что перейдя десять устъ, равназъ является совершенно инымъ; прибавленіе же ихъ въ равныхъ

¹⁾ Можетъ быть кому либо покажется страннымъ это сближеніе мненья съ сплетнями въ образованіи ихъ и развитіи; пожалуй даже скажутъ, прировнявъ-де кукушку къ соколу. Въ оправданіе выскажу свое глубокое убѣжденіе, что въ мірѣ Божіемъ существуетъ весьма малое количество законовъ и что изумительное разнообразіе существующаго происходитъ отъ измѣненія въ нихъ, часто весьма незначительнаго. Рано или поздно, наука должна же опредѣлить ихъ и указать пути, коими измѣненіе ихъ произвело разнообразіе этого чуднаго космоса. Тѣмъ болѣе позволительно сравнивать вещи, относящіяся къ одному роду явленій. Въ человѣческомъ мірѣ это убѣжденіе всего скорѣе находитъ себѣ подтвержденіе; изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ происходятъ явленія, которыя мы привыкли считать совершенно разнородными, какъ различны добро и зло, но, что замѣчательно, источники сами по себѣ всегда остаются добрыми. Напр. една и таже любознательность, только различно направленная, создастъ и величайшія открытія человѣческой мысли, и самыя гнусныя сплетни. Человѣкъ, вдумывающійся въ явленія жизни, можетъ, конечно, найти и много другихъ явленій въ этомъ родѣ.

направленийъ дѣтъ начало многимъ редакціямъ одного и того же разказа. Въ народной же памяти мнѣ переходятъ тысячи головъ; потому, переходя изъ устъ въ уста, они не могутъ не добавляться новыми чертами, не разрастаться и не измѣняться и притомъ тѣмъ дальше, тѣмъ больше, а не на оборотъ. При этомъ неизбѣжно и появленіе разнovidностей мнѣ, часто встрѣчаемыхъ въ сказаніяхъ одного народа, а тѣмъ болѣе естественныхъ въ сказаніяхъ различныхъ народовъ.

Появленіе разнovidностей мнѣ и вообще измѣненія и преобразованія въ немъ еще болѣе зависятъ отъ слова и отъ измѣненія въ языкѣ народа. Но прежде чѣмъ я выскажу свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, я считаю нужнымъ привести два примѣра измѣненія мнѣовъ подѣ влияніемъ слова. Изъ коихъ одинъ крѣпко засѣлъ въ мою голову потому, что онъ когда-то имѣлъ значеніе въ моей жизни. Изъ всѣхъ страшилищъ, которыми пугали меня въ дѣтствѣ работницы и крестьянскія женщины, входивія въ домъ моего отца, — сельскаго священника Яросл. губ., самымъ страшнымъ для меня былъ лизунъ, имѣвшій длинный языкъ, пролизывавшій сразу до костей, которымъ чудовище залиывало дѣтей. Помню, что мое напуганное воображеніе создало и образъ этого страшилища, какъ оказалось въ послѣдствіи мѣ мнѣ удивленію, точь въ точь похожій на жоржа ¹⁾. Но происхожденіе чудовища и значеніе его было для меня непонятно почти до послѣдняго времени ²⁾, когда я гдѣ-то встрѣтилъ замѣтку, что въ Черн. губ., если только память мнѣ не измѣняется, лѣсо-

¹⁾ Читатель можетъ быть увѣренъ, что въ пору созданія моего воображенія этого образа я и помини не имѣлъ ни о какихъ иныхъ животныхъ; кромѣ тѣхъ, какия видѣлъ я въ стадахъ роднаго скота и какия водились въ лѣсахъ окружающихъ его, да ученыхъ медвѣдей, представлявшихъ по деревнямъ, какъ бабы на барщину идутъ и т. п.

²⁾ т. е. до 1866 г. Ознакомъ, что лизунъ возбуждается во мнѣ и другую мысль: не есть ли онъ отголосокъ существованія въ старославянскомъ баснословіи чого-то похожего на пожирателя дѣтей — Молоха?

вижъ называется лисуномъ или лизуномъ. Другой примѣръ взять мною изъ сравненія разновидностей миеа о небесномъ деревѣ, отрясающемъ на землю росу плодородія и о красной дѣвицѣ—зорѣ, стерегущей ее. У всѣхъ народовъ, съ нѣскольکو развитой миеологіей, тучи, изъ коихъ падаетъ дождь и роса, представляются въ пѣсняхъ подъ видомъ дерева. Дерево это, смотря по мѣстности, является то вербою (у малоруссовъ) то бѣлой березой (у бѣлоруссовъ и мордвы). На вербѣ малоруссовъ—золотая кора; на березѣ бѣлоруссовъ золотая кора, шелковое вѣтвіе. На бѣлой березѣ мордвы листья какъ шелегі мѣдные; изъ прутьевъ и сучьевъ струею течетъ медовая вода, а около пня устлавается косяковая смола. Въ скандинавскихъ сагахъ мировое дерево Индрамль тоже каплетъ росу, называемую медомъ, а каплетъ росу потому, что каждый день норны черпаютъ воду изъ одного источника и поливаютъ вѣтви дерева; при корняхъ его отъ росы образуются три источника. У морней дерева и у Индусовъ и у Скандинавовъ воссѣдаютъ боги; въ сказаніяхъ Мордвы у него, какъ источника плодородія, устроивается Господомъ пиръ для небесныхъ боговъ». Подъ сучьями березы серебряный столъ, а на столѣ—свѣтлѣйшая чаша дорогая. Въ сіяющей чашѣ—напитокъ дорогой и ковшь золотой. Все это устроилъ Господь или Богъ вышній. Всѣ боги сошлись для питья и ѣды». У Скандинавовъ дерево существовало даже прежде міра, въ соотвѣтствіе чему въ одной галицкой колядкѣ твореніе міра приписывается двумъ голубямъ, гнѣздящимся въ вѣтвяхъ дерева, на срединѣ моря. Въ нашихъ пѣсняхъ дерево большею частію умножается въ садахъ саженный, расомъ рашенный; богатство сада (въ малор. колядкѣ) зелено вино (виноградъ); въ другихъ—расы (росы), по ошибкѣ языка передѣланныя въ расы (покровы, бѣлье). То и другое уносится райскими пташками. Въ этихъ миеахъ медовая вода, роса, зелено вино, расы означаютъ небесную влагу падающую на землю или уносимую молніеносными птицами—вѣтрами, пре-

вращающуюся на землѣ въ источникъ плодородія, отъ котораго питаются сами боги, а за ними, конечно, и люди. Золотая кора, шелковныя вѣтви, мѣдные листья есть небесный огонь, молнія, рождающійся также въ облакахъ и уносимый на землю птицами же. Влагу же означаютъ терюемыя небесной дѣвой драгоцѣнности—запонна, перстень, ключи звонкіе. Кто же небесная дѣва? Красная панна, въ золотѣ или дорогихъ сукнахъ ходить, носить золотую шубу, золотой или серебряный поясъ, золотое или серебряное колечко, сдѣланные изъ золотой коры и расы, слѣд. изъ молниемаго небеснаго огня; она-то сидитъ на дивномъ звѣрю девятирогомъ, на оленю на тирельчикѣ, на золотомъ столычикѣ и чешетъ кошу, да по столу мечетъ, или нижетъ бисеръ на двѣ иглы оребрене, или намѣривается злато споватъ, а серебро ткати, то спитъ на бѣлой постелѣ и стережетъ золотую кору и расы (или расы); то собираетъ похищенное или потерянное, которое потомъ снуетъ, тчетъ или нижетъ. Похитители ея—райскія птицы, терять драгоцѣнности заставляетъ добрый молодецъ, страшный ей, особенно тѣмъ, что онъ можетъ напустить буйный вѣтеръ, отъ коего вынетъ коса, и ясное солнце, отъ коего лице смагветъ. Это—дѣвственная утренняя заря, стерегущая росу, которую похищаютъ вѣтры прежде чѣмъ она проснется, и уничтожаетъ ясное лѣтнее солнце. Она стережетъ медовую росу и вино, чтобы птицы не снесли ее на землю, потому что то и другое ей самой надобно, брата женивши—сіяйнаго мѣсяца или ясное солнце, слѣд. для брачнаго пира. Она стережетъ золотую кору и пр. чтобы приготовить себѣ драгоцѣнный брачный уборъ, который она никогда не кончаетъ, какъ вѣчная дѣва. Послѣдній имѣетъ особенно богатъ преобразованіями, вызванными измѣненіями слова ¹⁾).

¹⁾ Желающаго знать больше примѣровъ подобнаго рода отсылаю къ сочиненію Аванасьева, гдѣ онъ встрѣтитъ ихъ на каждой почти страницѣ. Нѣсколько чрезвычайно характеристичныхъ примѣровъ приведено въ изслѣдованіи Щепкина «объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія».

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что измѣненіе одного слова, важнаго по относительному значенію въ мнѣѣ, даже одной корневой буквы въ этомъ словѣ, измѣняетъ подробности мнѣа и создаетъ новую картину; являюся иныя свойства предмета, иныя отношенія его къ другимъ. Измѣнился *лисунокъ* въ *лизунокъ* и вотъ онъ получалъ длинный языкъ и свойство лизать и зализывать людей. Или замѣнилось слово *раса*—роса словомъ *ряса*—платье и вотъ явилось представленіе о золотой одеждѣ, сброшенной птицами и сильно въ это время звѣнѣвшей, отчего дѣва—стражъ встала, рясу собрала и понесла до золотара, чтобы онъ сдѣлалъ изъ нея золотую шубу, золотой поясъ, серебряный перстень. Тоже самое было послѣдствіемъ различныхъ наименованій всемірнаго дерева вербою, березою и виноградомъ.

Слова измѣняются потому, что прежнія становятся для народа непонятными въ своемъ содержаніи, а между тѣмъ въ языкѣ народа есть слова подобозвучныя, но съ инымъ содержаніемъ, понятнымъ народу; послѣднія и замѣняютъ первыя, сначала какъ звуки, а потомъ послѣ нѣкотораго періода темноты и безсмыслицы, и какъ понятія. Непонятными же слова становятся или потому, что они устарѣли и давно для этого понятія замѣнены иными, не созвучными имъ, или потому, что самыхъ предметовъ въ данной мѣстности не существуетъ, а преобладаютъ въ ней иныя предметы того же рода. Въ примѣръ перваго можно привести замѣну слова *раса*—роса словомъ *ряса*—одежда. Нагляднѣе эту замѣну представляютъ искаженія народныхъ пѣсень:

Какъ во высокъ во теремѣ

За младаго мужа идучи...

Красная дѣвица радовалась

Ужъ ты младъ украситель мой...

Далѣе поется:

Лишь только игра пошла,

Млада домой кличетъ,

Млады послушалась.

Очевидно бессмысленное въ предложениі, но понятное само по себѣ *млада*, замѣнило имѣющее смыслъ въ предложениі, но не понятное по значенію *лада* (супругъ). Или искажаютъ приѣвъ: «ой дидо-лада моя» слѣдующимъ образомъ: «ой дѣво моля, млада мой». Для втораго укажемъ только, что дерево медоточивое является смотря по флорѣ мѣстности, гдѣ пѣсня поется, то вербою, то березой и пр.

Измѣненіе представленія о предметѣ послѣ измѣненія слова является частію въ слѣдствіе закона образованія словъ, дѣйствующаго здѣсь обратно, частію отъ указаннаго уже нами стремленія умъ къ естественности и жизненности. 1) Понятіе о предметѣ и слово, какъ знаніе его, создаются въ слѣдствіе опредѣленія мысли отличительнаго качества предмета и живописанія его сочетаніемъ звуковъ. Каждое слово въ языкѣ первобытнаго народа, кромѣ указанія на предметъ, предполагаетъ изображеніе его отличительнаго качества. Поэтому измѣняя слово для означенія предмета, народная мысль не могла вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣнить въ своемъ представленіи и качество предмета, не могла не придать ему новыхъ, такихъ качествъ, которыя наиболѣе соответствуютъ новому сочетанію звуковъ въ словѣ. Напр. по сочетанію звуковъ въ словѣ *лисунъ*, *льсунъ*, происходящемъ отъ слова *лѣсъ*, качество, придаваемое этому божеству народною мыслию, было его обитаніе въ лѣсу. Слово *лизунъ* происходитъ уже не отъ *лѣса*, а отъ слова *лизать*, означающаго извѣстное дѣйствіе языкомъ. Названное *лизуномъ* божество, уже не напоминало народной мысли обитанія въ лѣсу, а напоминало совершенно иное, лизаніе, которѣ со временемъ и вытѣснило совершенно первое. Поелику же съ понятіемъ этого божества искони соединялось мысленное, т. е. не выражаемое словомъ, представленіе чего-то ужаснаго и враждебнаго человѣку, то лизанію его и приданъ умерщвляющій характеръ. *Раса*, обращенная въ *рясу*, приняла всѣ существенныя качества послѣдней. 2) При новомъ словѣ,

старые образы являются бессмыслицей. Эпитетъ — *медовый*, прилагательный расъ, будетъ бессмысленъ въ отношеніи къ расъ. Расъ не можетъ быть также источникомъ плодородія, напиткомъ бессмертія, отъ котораго насыщаются и боги и люди; тогда какъ все это было естественно въ расъ — росъ. Человѣческая же мысль бессмыслия не терпитъ и стремится всегда къ правдоподобию и естественности, почему и замѣняетъ старые образы новыми, соответствующими новому слову. Въ приведенномъ примѣрѣ это стремленіе къ правдоподобию и естественности отражается даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. Расу птицы только стянули, т. е. сбросили, отчего она сильно звѣтѣла; золотую корицу онѣ сбывали, шибковитѣ (вѣтви) пообломали, зелено вино (виноградъ) одзбали, т. е. склевали:

Указывая ту и другую причину измышленія новыхъ образовъ послѣ замѣны однихъ словъ другими, я особенно нацѣляю на то обстоятельство, что народная мысль дѣйствуетъ здѣсь сообразно существу человѣческой мысли, законосообразно и подъ влияніемъ рациональнаго стремленія къ естественности и жизненности. По моему мнѣнію, эти черты дѣятельности народной мысли, въ соединеніи съ историческими измѣненіями въ языкѣ, гораздо болѣе объясняютъ происхожденіе разновидностей и подробностей *Илиовъ*, чѣмъ предположенія о младенческой наивности первобытнаго человѣка и т. п. По моему мнѣнію человѣкъ всегда былъ *человѣкомъ*, съ тѣми же потребностями и стремленіями мысли, что и въ настоящую пору, но, разумѣется, съ иными понятіями и взглядами, насколько они дѣти историческаго процесса.

Стоитъ замѣтить, что не смотря на всѣ преобразованія *Илиовъ*, нѣкоторыя черты остаются въ немъ неизмѣнными. Напр. въ *Илиунѣ* или *Илиунѣ* представленіе зловредности для людей; въ *Илиѣ* о небесномъ деревѣ и о красной дѣвицѣ-зорѣ во 1-мъ

главные предметы мифа (т. е. дерево или садокъ, красная дѣвица), во 2-хъ одно изъ качествъ того предмета, который вслѣдствіе вліянія языка подвергся замѣнѣ другимъ и подалъ поводъ къ созданію новыхъ образовъ и картинъ; именно: расы-росы. Это качество—блескъ, подобный блеску драгоценныхъ металловъ и камней; раса представляется подѣ видомъ бисера, самоцвѣтнаго жемчуга, драгоценныхъ камней и уборовъ, и раса—золотая и серебряная. Но очевидно это качество въ указанномъ предметѣ исконное, почти что физическое; это первоначальное, коренное уподобленіе небеснаго явленія земнымъ предметамъ. На основаніи этихъ наблюденій можно думать, что основной сюжетъ мифа при всѣхъ преобразованіяхъ его остается неизмѣннымъ въ своей сущности, такъ что во всѣхъ разновидностяхъ его можно признать главные личности и ихъ существенное отношеніе другъ къ другу. Остается неизмѣннымъ и коренное качество измѣняемаго предмета, основанное на первоначальномъ уподобленіи его, но, кажется, при томъ условіи, если оно не входитъ въ процессъ образованія имени. Качество лисуна, вошедшее въ имя его, обитаніе въ дѣсу, измѣнилось, но другое качество—зловредность осталось въ предметѣ и послѣ преобразованія. Всѣ другія качества забываются и измѣняются.

До сихъ поръ мы слѣдили судьбу каждаго мифа въ отдѣльности, указывали процессы, коими мифъ развивается и разнообразится и измѣняется самъ въ себѣ, и которые, въ сущности говоря, сводятся къ одному процессу, который въ теоріи словесности называется раскрытіемъ сюжета, выработкой подробностей и который по характеру своему принадлежитъ очевидно къ ряду снѣтетическихъ процессовъ. Въ исторіи же баснословія вообще не менѣе важную роль играетъ другой процессъ, аналитическаго уже характера—процессъ группированія или обобщенія мифовъ, создающій въ концѣ концовъ народную поэтическую

философію—богословіе ¹⁾). Тотъ и другой процессъ взаимно прерастаютъ между собой подъ общимъ влияніемъ съ одной стороны вѣчнаго стремленія человѣческаго ума къ правдоподобію и естественности, съ другой—забвенія, какъ результата невѣрныхъ средствъ для сохраненія мифовъ въ первоначальномъ видѣ. Все это и создаетъ то поражающее разнообразіе мифовъ и то изумительное богатство ихъ, какое мы видимъ теперь и которое едва

¹⁾ И это выраженіе по видимому нуждается въ объясненія, поелику въ немъ замѣчается непривычная группировка предметовъ. Еще находить родство между философією и богословією, но соединять философію съ поэзією, по принятымъ понятіямъ, странно. Между тѣмъ философія ближайшую связь и аналогію имѣетъ именно съ поэзією, такъ что онѣ выходятъ не только сестрами одна другой, но въ добавокъ еще и родными. Известно, что вся область человѣческаго вѣдѣнія, по источникамъ и характеру познания, дѣлится на двѣ—область догадокъ, предположеній, гипотезъ и теорій, дѣленныхъ изъ немногихъ данныхъ, гдѣ предметъ приблизительно уясняется уму, и область точныхъ свѣдѣній, основанныхъ на полныхъ данныхъ, гдѣ о предметѣ сообщается обстоятельное, доказательное знаніе. По преобладанію тѣхъ и другихъ въ различныхъ созданіяхъ человѣческаго разума, послѣднія также группируются на два класса; въ одинъ входятъ философія и поэзія, въ другой наука вообще. И философія и поэзія живутъ гипотезой, а не точными свѣдѣніями. Обѣ уясняютъ уму отношенія между вещами, коихъ или не успѣла коснуться или не можетъ касаться наука. Различіе же между ними (насколько оно теперь существуетъ, но не всегда было) состоитъ главнымъ образомъ во внѣшнемъ выраженіи и основывается на томъ, что послѣдняя примыкаетъ своимъ началомъ къ тому періоду исторіи ума, когда онъ все изображалъ образно, конкретно, а первая, во крайней мѣрѣ сдѣлалась вѣроятной въ пору преобладанія въ предмето-выраженіи отвлеченности. Въ частности о философіи нужно сказать, что гдѣ наука, тамъ нѣтъ философіи; логика и психологія поэтому вовсе не философія, а точныя гуманныя науки (по крайней мѣрѣ должны быть ими); отъ астрономическихъ предметовъ сама философія отказалась съ тѣхъ поръ, какъ овладѣла ими наука. Изъ этого однакожъ вовсе не слѣдуетъ, чтобы поэзія или философія пренебрегали научными истинами; нѣтъ, онѣ пользуются ими, какъ и данными чувственного опыта, но въ выводахъ идутъ дальше, а въ этомъ-то и заключается самая суть ихъ.

позволяет намъ установить нѣсколько фазисовъ въ развитіи баснословія; кановыми и я согласно съ в. Леонасевичемъ признаю главнымъ образомъ: 1) раздробленіе цикла мифическаго сказанія до отдѣльныхъ племенъ первобытнаго народа, въ слѣдствіе коего сказанія каждого племени представляются разрозненными и отрывочными и получаютъ связность, стройность и целостность только въ соединеніи съ сказаніями родственныхъ племенъ. Впрочемъ этотъ фазисъ я принимаю съ большими ограничениями и предосторожностями, какъ это будетъ видно въ послѣдствіи. 2) Низводеніе мифовъ на землю и прикрѣпленіе ихъ къ известной мѣстности и историческимъ событіямъ, — происшествіе историческаго времени, въ слѣдствіе коего божественное смѣшивается съ человѣческимъ, мифологія съ исторіей и мифологическія сказанія переходятъ въ героическія былины и историческія пѣсни. 3) Нравственное мотивированіе мифическихъ сказаній и вообще приспособленіе ихъ къ позднѣйшимъ понятіямъ, убѣжденіямъ и потребностямъ общественной и государственной жизни. Канонъ и культъ боговъ — важнѣйшія послѣдствія этого дѣйствія человѣческой мысли, которое имѣетъ аналогическое сходство съ упомянутымъ нами стремленіемъ мысли къ естественности, правдоподобию и жизненности. Первоначально я не имѣлъ намѣренія въ этомъ мѣстѣ подробно говорить о процессахъ, создавшихъ эти фазисы въ исторіи баснословія, надѣясь, что частный разборъ былинь дастъ мнѣ много случаевъ къ самому подробному раскрытію ихъ. Но по великому разбору былинь, по указанной выше причинѣ, былъ выключенъ изъ программы моего труда; въ слѣдствіе того возможное разъясненіе этихъ процессовъ сдѣлалось необходимымъ, настолько по крайней мѣрѣ, насколько это требуется главною цѣлію настоящаго сочиненія. Прежде всего обстоятельно опредѣлимъ тотъ видъ, какой могли имѣть мифическія сказанія, прежде чѣмъ они подверглись означеннымъ процессамъ. 1) Какой общій характеръ носили они? Конечно, это были неболь-

шіе отрывки повѣствовательнаго или описательнаго характера; смотря потому, въ настоящемъ или прошедшемъ времени изображались дѣйствія божества. Такой именно характеръ носятъ нѣкоторыя пѣсни старѣйшихъ ведъ. Можетъ быть даже въ болѣе древнюю пору, когда еще не былъ забытъ настоящій смыслъ уподобленій, они излагались въ видѣ дополнительныхъ частей предложенія, сравнительнаго характера (напр. божество пробѣгаетъ, подобно коню и т. п.) или въ видѣ краткихъ сравнительныхъ періодовъ, какіе встрѣчаются напр. въ пословицахъ. По крайней мѣрѣ, это—простѣйшія и кратчайшія формы объяснительнаго пониманія и изображенія предметовъ; простѣйшее же и болѣе краткое должно, конечно, въ исторіи мысли и слова предшествовать сложнымъ и развитымъ явленіямъ. Но и по забвеніи каждое уподобленіе, обнимающее небольшой рядъ тѣсно связанныхъ между собою дѣйствій естественнаго предмета, должно было образовать особый мифъ; поелику въ природѣ предметовъ не было основанія для совмѣщенія ихъ въ первоначальномъ творчествѣ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что, по виду, божеству скорѣе и легче приданы были дѣйствія естественныхъ предметовъ, чѣмъ качества ихъ; по крайней мѣрѣ, въ основѣ мифовъ лежитъ обыкновенно дѣйствіе. Это впрочемъ и естественно: божеству, по первоначальному представленію духовному и челоуѣкообразному существу, челоуѣческой мысли легче усвоить оивическія дѣйствія, имѣющія въ себѣ есетаки нѣчто неосязасное, какъ бы не матеріальное, чѣмъ физическія качества, коихъ тѣлесность несомнѣнна, напр. золотыя ноги и т. п.

Далѣе, что должно было преобладать въ нихъ—дѣйствія или объясненія причинъ ихъ, иначе событія или мотивы? По всѣмъ даннымъ—первыя. Первоначально первыя были простымъ изображеніемъ дѣйствій божества, совершающихся въ недоступныхъ челоуѣку сферахъ и уподобленныхъ окружающимъ челоуѣка явленіямъ; говоря проще, это были изображенія олицетворенныхъ св-

зачесныхъ явленій, какъ дѣйствій божества. Въ физическихъ же явленіяхъ человѣческихъ мотивовъ не существуетъ, потому чело-вѣкъ не могъ и толковать объ нихъ. Слѣдовательно если первоначально въ сказаніяхъ и были мотивы, то божественнаго харак-тера, напр. желаніе божества устроить явленія природы благо-приятно или неблагоприятно для челоуѣка. Аналогическое этому явленіе замѣчается въ тѣхъ формахъ естественнаго богопочтенія, которыя состояли въ точномъ повтореніи людьми на землѣ дѣй-ствій божества на небѣ; каковъ напр. хороводъ и т. п. При-томъ вопросъ о причинѣ или причинности вещей, въ исторіи челоуѣческой мысли, сравнительно не старый вопросъ. А когда онъ возникъ, онъ, обыкновенно, принималъ сначала форму во-проса о порожденіи: какое море всѣмъ морямъ мати? какая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати? и т. п. Отвѣтомъ обыкновенно служилъ образъ, картина, описательное или повѣствовательное указаніе относительной важности предметовъ, вообще ли, или въ какомъ нибудь одномъ случаѣ, то есть просто удачное, а чаще неудач-ное, сближеніе въ послѣдовательномъ порядкѣ двухъ извѣстныхъ челоуѣку фактовъ. При отсутствіи историческаго опыта и резуль-тата его,—умѣлости правильно пользоваться своимъ разумомъ, че-ловѣкъ и не могъ разсуждать иначе. Во всякомъ случаѣ это ука-зываетъ на дальнѣйшее время обобщенія и группированія мѣоувъ.

Еще: наименовали ли сказанія опредѣленные географическія мѣстности и опредѣленныхъ историческихъ лицъ? И на это нуж-но отвѣтить отрицательно. Дѣйствія происходили не на землѣ, а въ надземномъ пространствѣ; поэтому и сказанія первоначально должны были изображать ихъ происходящими невѣдомо гдѣ, или лучше сказать, между небомъ и землею. Челоуѣкъ также не могъ сознательно смѣшивать божества съ земными царями или лицами другихъ классовъ, чтобы дѣйствія перваго приписать послѣднимъ. Притомъ начало мѣоувъ восходитъ къ болѣе древнему періоду исторіи челоуѣчества, когда еще не было владѣтельныхъ особъ

и обособленныхъ классовъ общества. Но человекообразное представленіе божества заключало въ себѣ сѣмена всего этого, которыя должны были раскрыться, благодаря стремленію человека къ правдоподобию и естественности съ одной стороны и забвенію старыхъ созданій или чертъ ихъ съ другой. Они и раскрылись и низвели боговъ съ неба на землю, а ихъ дѣйствія связали человѣческими мотивами. Какъ это случилось? Попробуемъ показать.

Мы уже говорили, что мифъ возникаетъ тогда, когда люди забываютъ истинный смыслъ образнаго живописанія дѣйствій божества, когда отождествляютъ божество съ надземными физическими явленіями и предметами, представленными подъ видомъ колеса, коня, вола, птицъ, людей и тому подобныхъ земныхъ предметовъ. Но мы должны еще прибавить, что тотъ характеръ курьезности и несурзости, или бездѣлицы, какой мы теперь въ своемъ представленіи придаемъ мифу, окончательно опредѣлился еще позднѣе, а именно: когда забыта связь между этими земными предметами и явленіями, предварительно обставленными человѣческимъ воображеніемъ всѣми подходящими земными чертами, и самыми неземными предметами и явленіями, когда первые обратились въ отдѣльные отъ послѣднихъ, конкретные, а не отвѣченные предметы и явленія, но со всѣми свойствами и особенностями небесныхъ вещей. Тогда-то человекъ призналъ существующими въ мірѣ Божіемъ колеса, какъ и быть колеса, такія же въ сущности, какія находятся и у него подъ вѣномъ, но обладающія особенностями и свойствами солнца, и тому подобные предметы. И при всемъ томъ онъ могъ долго сохранять сознаніе божественности этого колеса, первоначально сознаніе того, что въ него обратилось божество. Это сознаніе иманно и поддерживало въ человекѣ увѣренность въ дѣйствительности, реальности нудныхъ предметовъ и явленій, — для божества-де все возможно. Даже когда терялось сознаніе божественности ихъ, они все-таки продолжали сохранять для человека значеніе историче-

снаго факта, увѣренность въ коемъ идетъ отъ предковъ. Не испорченное неправдами исторической жизни, человечество слишкомъ было проникнуто вѣрою, что человеческая мысль можетъ служить только правдѣ; оно было убѣждено, что въ словѣ изображается только то, что существуетъ въ дѣйствительности, а слѣдовательно что выражено въ словѣ предковъ, то должно быть, какъ бы оно ни было чудно. Здѣсь-то и лежитъ причина той чрезвычайной обаятельности суевѣрій на умъ народа, которая такъ изумляетъ насъ.

Важнѣйшимъ слѣдствіемъ забвенія этого рода было сведеніе мифовъ съ неба на землю: когда забыто было отношеніе упоминаемыхъ въ мифахъ колесъ, камней, коней, людей и т. д. къ надземнымъ явленіямъ, чувство правды заставляло человѣка мѣсто дѣйствія ихъ разумѣть на землѣ; поелику всѣ подобнаго рода не чудесные предметы и явленія замѣчались ими на землѣ, а никакъ не на небѣ. При этомъ забвеніе было тѣмъ полнѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мѣстомъ дѣйствія указывалась земля; а далѣе явились на сцену и опредѣленные географическіе пункты ея. Впрочемъ нужно помнить, что и полное забвеніе и полное перенесеніе сказанія на землю не могли совершиться въ скоромъ времени послѣ появленія мифовъ; напротивъ ихъ дѣйствіе доходитъ до поры роскошнаго развитія баснословія, а можетъ быть даже и до поры упадка его, переплетаясь съ нѣкоторыми другими явленіями. Забвеніе—результатъ невѣрныхъ средствъ для сохраненія мифовъ—неотступно слѣдовало за мифами во всей дальнѣйшей судьбѣ, какъ въ распространеніи ихъ и развитіи каждаго въ отдѣльности, такъ и въ группированіи и объединеніи ихъ; притомъ принимало самыя разнообразныя и прихотливыя формы. Отъ разлагающаго его дѣйствія укрывается сравнительно не большая часть въ мифахъ. О дѣйствіи его при распространеніи мифовъ мы уже говорили. Изъ разныхъ дѣйствій его при обобще-

ніи и группированіи мифовъ укажемъ болѣе важныя по своимъ послѣдствіямъ. Именно:

Иногда дѣйствіе его простиралось на цѣлыя уподобленія, которыя поэтому совершенно исчезали изъ цикла сказаній какого либо народа. Здѣсь-то, я думаю, беретъ свое начало разрозненность и отрывочность сказаній одного племени, получающихъ, по словамъ ученыхъ, связность, стройность и полноту лишь въ соединеніи съ сказаніями другихъ родственныхъ племенъ. Можетъ быть связности, стройности и полноты будетъ даже болѣе, если сравнивать сказанія не только родственныхъ, но и равноплеменныхъ народовъ.

Иногда же забываютъ только божественный характеръ предметовъ и явленій, коимъ уподоблены божество и его дѣйствія. При этомъ, какъ можно думать, существовала слѣдующая естественная постепенность: сначала обратились въ естественныя, хоть и чудныя, вещи, предметы и явленія неорганическіе, затѣмъ наступила очередь для органическихъ уподобленій, наконецъ божественныя лица обратились въ богатырей и героевъ, коимъ въ концѣ концовъ приданы даже историческія имена. Вспомогательными силами въ этомъ процессѣ были: кромѣ вѣчнаго стремленія къ правдоподобию, исконная же вѣра въ единство главной божественной личности и смѣна царствъ боговъ, при чемъ варіанціи божественныхъ уподобленій естественно, мало по малу, утрачивали божественный характеръ. Этотъ процессъ, конечно, имѣлъ свою долю участія въ низведеніи мифовъ съ неба на землю, въ превращеніи ихъ въ героическія былины и даже историческія пѣсни. Съ другой стороны онъ, по видимому, не остался безъ влияния и на группированіе мифовъ; забвеніе божественности коной и другихъ предметовъ сдѣлало болѣе удобнымъ постановку ихъ въ служебныя отношенія къ героямъ, вообще дало возможность внести въ сказанія все разнообразіе жизненныхъ отношеній, существующее въ дѣйствительномъ мірѣ.

Иногда также забывалось различіе божественныхъ личностей и дѣйствій ихъ, обозначенныхъ однимъ и тѣмъ же образомъ; напримѣръ конь обозначалъ солнце, но бѣгу же коня уподоблялось между прочимъ и стремительное теченіе тучъ. Результатомъ этого забвенія естественно было смѣшеніе разнородныхъ миеовъ, вносящее тѣмъ болѣе путаницы въ народное баснословіе, что человѣческая мысль не имѣла сознательной нормы для раздѣленія вещей и въ мірѣ, и въ собственномъ творчествѣ по родамъ ихъ.

Еще легче наконецъ терялось единство божественной личности и ея дѣйствій, если она обозначалась многими разнородными образами. Въ этомъ случаѣ, по видимому, достаточно было окрестить образъ инымъ именемъ, чтобы изъ него современнѣе создавалось самостоятельное существо. Въ послѣдствіи мѣстные пересказы объ одной и той же божественной личности тоже становились отдѣльными божествами, богатырями или героями. Отсюда то происходитъ то постоянно встрѣчающееся въ баснословіи явленіе, что одни и тѣже дѣйствія, качества, побужденія и т. н. приписываются разнымъ лицамъ. Этотъ процессъ одинъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ въ исторіи баснословія; онъ могущественный врагъ объединенія миеовъ. Замѣчательно притомъ, что не смотря на противоположность его предыдущему процессу, и онъ въ концѣ концовъ приводилъ къ тому же результату—путаницѣ въ народномъ баснословіи, когда потребовалось привести всѣ божества въ генетическое отношеніе другъ къ другу. Поелому, въ слѣдствіе забвенія космической основы божествъ, ихъ роднили между собою весьма часто не въ силу этой естественной связи, а по случайнымъ видамъ, болѣе же всего въ силу повднѣйшаго мотивированія; понятно, какія могли выходить отсюда странныя комбинаціи боговъ (съ точки зрѣнія космической основы), и какую темноту вносилъ созданный такимъ образомъ канонъ боговъ въ коренное отношеніе ихъ другъ къ другу. Поэтому-то, прибавимъ, греческій Олимпъ и остается, несмотря на множество ученыхъ

трудно вспомнить для насъ съ своей философской—космической (а не эстетической) стороны. Поэтому также Теогонія Гезеда, Метаморфозы Овидія, разныя Магабараты, Рамаины и т. п. и немогутъ служить путеводителями при изученіи исторіи баснословія, а скорѣе сами требуютъ разложенія и разъясненія, на основаніи выводовъ, добываемыхъ при изученіи менѣе выработанныхъ естественныхъ религій, какова напримѣръ религія славянъ и т. п.

Стремленіе человѣческаго ума къ естественности и правдоподобию оставило болѣе замѣтные слѣды своего вліянія частію на размещеніи божественныхъ личностей, а еще болѣе на чело-вѣкообразномъ мотивированіи ихъ дѣйствій.

Первый результатъ его объясняется легко. Во 1-хъ одни и тѣже физическія явленія, напримѣръ солнце, воздушныя явленія и т. п. производятъ столь различныя дѣйствія, что трудно приписать ихъ одной и той же нравственной личности. Между ними замѣчается борьба, которая опять въ одной личности невозможна и т. д. Стремленіе къ правдоподобию заставило человѣка приписать ихъ разнымъ лицамъ, сначала двумъ, затѣмъ многимъ. Подъ конецъ ихъ создано столько, что они совершенно перепутались въ сознаніи народномъ, а въ добавокъ спутали и его. Известно, что добрыя и злыя олицетворенія солнца и атмосферныхъ явленій составляютъ самую запутанную и трудную для объясненія область мифологіи. Во 2-хъ различные результаты борьбы однихъ и тѣхъ же божественныхъ лицъ, въ родѣ того напримѣръ, что Добрыня Ничитичъ еще въ дѣтствѣ убиваетъ Змѣя Горинича, а потомъ въ полномъ возрастѣ встрѣчаетъ его же (убитаго прежде) любовникомъ Марини, невольно заставляли народное сознаніе видѣть здѣсь не двухъ, а многихъ борющихся личностей. Притомъ чѣмъ дальше шло время, чѣмъ болѣе развивался мифъ, тѣмъ болѣе стремленіе къ правдоподобию вступало въ свои права, т. е. тѣмъ болѣе приобреталось личностей.

Второй потребует болѣе длиннаго объясненія, тѣмъ болѣе, что самое понятіе «безсмыслицы сказаній», уничтоженіе коей составляетъ задачу этого стремленія ума, не опредѣлено еще съ подобающей точностію. Стасовъ напримѣръ знаетъ лишь одного рода безсмыслицу—эстетическую, и съ этой точки зрѣнія поголовно осуждаетъ наши былины. Мнѣ же кажется, что при изслѣдованіи народнаго баснословія нужно обращать вниманіе и на смыслъ или безсмысліе иного рода, которые мы назовемъ философско-космическими или идеологическими въ собственномъ смыслѣ и которые во многихъ отношеніяхъ противоположны эстетическому смыслу или безсмыслію. Поэтому и я во многихъ былинахъ нахожу безсмыліе, но лишь съ нашей эстетической точки зрѣнія, заимствованной отъ искусственныхъ произведеній или по крайней мѣрѣ подвергшихся процессу мотивированія, въ которыхъ есть непремѣнно цѣль и планъ, проходящій чрезъ все произведеніе, въ концѣ явленіе героя послѣ смерти есть дѣйствительно безсмысліе. Совсѣмъ иначе выходитъ дѣло, если мы будемъ смотрѣть на извѣстныя народныя сказанія какъ на изображеніе мировыхъ и воздушныхъ явленій;—безсмысліе является вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности. Чтобы за примѣрами для объясненія своей мысли не ходить далеко, обратимся къ той же борьбѣ противоположныхъ атмосферныхъ явленій, выраженной въ борьбѣ Добрыни Никитича съ змѣемъ Тугаринымъ. Развѣ мы не видимъ постоянно, что борьба, кончившаяся, по видимому, полнымъ пораженіемъ, какъ бы умерщвленіемъ одной стороны, чаще всего злой силы, опять и опять повторяется съ новою силой, какъ будто врагъ ожилъ снова. Не должно ли было это внушить создающему имѣю народу мысль, что борьба на небѣ какая-то чудная борьба, что тамъ смерть не ведетъ за собою уничтоженія личности, или послѣдняя по умерщвленіи можетъ снова возставать. Это говорилъ ему его глаза, а что онъ видѣлъ, то и изображалъ. Отъ того онъ и заставлялъ своего добраго небеснаго героя много разъ по-

борать и умерщвлять враждебную ему и человечеству личность. И въ этомъ не было ничего неестественнаго, пока сохранялось сознание, что въ мнѣ изображается преимущественный рядъ похожихъ эманескихъ явленій, кончающихся однимъ и тѣмъ же уничтоженіемъ враждебной силы. Забудьте теперь эту физическую основу. Мотивируйте теперь эту борьбу человѣческими побужденіями, оставьте человѣческими условіями, наприимѣръ превращеніемъ бытія физической личности послѣ смерти; мнѣ обратится въ рядъ бессмыслицъ и потребуетъ дальнѣйшей работы мотивированія для объясненія, — какъ убитыя личности могли снова являться живыми? Это и совершалось съ народными сказаніями въ теченіе долгихъ вѣковъ ихъ существованія.

Но послѣдую въ человѣческой жизни господствуютъ, какъ извѣстно, одни законы, а въ космическихъ явленіяхъ — другіе, то человѣкообразное мотивированіе мнѣовъ неизбежно разногласило съ ихъ космической основой и дѣлало мнѣы въ космическомъ отношеніи непонятными, безтолковыми. И чѣмъ дальше шло это новое мотивированіе мнѣовъ, тѣмъ болѣе космическаго безсмыслия должно было представлять народное баснословіе. Припомнимъ сказанное мною выше о греческомъ Олимпѣ, о «Теогоніи» Гезіода, «Метаморфозахъ» Овидія, «Магабаратѣ» и «Рамаянѣ» Индусовъ и т. п. Слѣдовательно я имѣлъ основаніе говорить, что эти два смысла или бессмыслицы во многихъ отношеніяхъ противоположны другъ другу. Очевидно также, эстетическое мотивированіе есть позднѣйшее явленіе, сравнительно съ чисто мнѣологическимъ. Впрочемъ къ вопросу о мотивированіи мы скоро вновь обратимся; а теперь укажемъ главныя формы, какія принимало объединеніе мнѣовъ подъ влияніемъ указанныхъ причинъ.

Самою древнею формою объединенія мнѣовъ конечно была та, гдѣ полнѣе сохранялось сознание божественности всѣхъ уподобленій и образовъ и гдѣ въ то же время было меньше искусства въ соединеніи ихъ. Такою формою и былъ сборъ дѣйствій бож-

ства подъ видомъ человека, огня, камня, колеса и т. п., раско-
лоченныхъ по необходимости въ повѣствовательномъ порядкѣ и
объединенныхъ единственно личностію божества. Перелагая дѣло
на наши понятія, вновь созданшійся сложный мифъ, въ большей
части своего содержанія, будетъ не что иное, какъ рассказы о
превращеніяхъ героя въ разные образы. (Въ нашихъ былинахъ
замѣчательны превращенія Вольги Всеславича, Ваньки—Вдовинна
сына, частію Добрыни и Марины). Искусства объединенія здѣсь,
очевидно, не много, да и нужды въ немъ не было. Больше искус-
ства требовало соединеніе образовъ по роду и подобію, вслѣдствіе
каго главными героями мифовъ явились на ряду съ людьми бѣрые
волки, жарь-птицы и тому подобныя животныя, даже раститель-
ныя и неодушевленные предметы. Здѣсь нужно было болѣе или
менѣе выдержать естественный характеръ этихъ предметовъ. Въ
древности же этотъ періодъ народнаго баснословія, когда зоо-
морфизмъ стоялъ въ одномъ ряду съ антропоморфизмомъ, не мно-
гимъ уступаетъ предыдущей формѣ объединенія мифовъ.

Далѣе забвеніе божественности и тождественности человѣко-
образныхъ и вслѣхъ образовъ дало широкую возможность при-
водить героев въ разнообразныя отношенія къ внѣшнему міру,
естественно, похожія на тѣ явленія, которыя слагающій мифъ
народъ замѣчалъ въ своей жизни. Того требовала естественность.
Зато и работы мысли въ мотивированіи скученія этихъ предме-
товъ естественными отношеніями ихъ, было не мало.

Но полное раздолье чисто человѣческому, эстетическому
мотивированію наступило тогда, когда уменьшилось число божес-
ственныхъ личностей, мужчинъ и женщинъ, имѣющихъ тождествен-
ную космическую основу, добрую или злую, и при этомъ забы-
лась ихъ тождественность. Гуляя по одному и тому же простран-
ству—между небомъ и землею, или невѣдомо гдѣ, занятые од-
нимъ и тѣмъ же дѣломъ, они неизбѣжно сталкивались между
собою въ народномъ сознаніи. Нужно было поставить ихъ въ

какія либо отношенія другъ къ другу, но на какиихъ основаніяхъ установить эти отношенія? Конечно, прежде всего на физическихъ. Но если это и было легко относительно разнохарактерныхъ личностей, положимъ добрыхъ и злыхъ, мужчинъ и женщинъ, то что было дѣлать съ однохарактерными лицами? Вообще при томъ отношеніи героевъ и героинь выходили слишкомъ однообразными, такъ что о каждомъ почти лицѣ во многихъ случаяхъ приходилось буквально говорить одно и то же. Первоначально, когда еще не забылась космическая основа ихъ, человѣкъ волей-неволей ради правды мирился съ этимъ. Отсюда-то и произошли въ сказаніяхъ народовъ тѣ однообразные приемы въ выраженіи своего предмета, которые Стасовъ называетъ эпическими чертами и которые, въ слѣдствіе своей случайной монотонности, такъ не нравятся ему въ русскихъ былинахъ. Но не ему только не нравились они, а и всему создавшему миѳическія сказанія человечеству, такъ что, не смотря на освященіе ихъ временемъ, какъ бы канонизованіе ихъ (это можно сказать, первичный канонъ міра, выработанный бессознательно, вторичный же составляютъ создавшіеся подъ вліяніемъ теократіи теогоническія системы), человѣкъ легко уклонился отъ однообразія ихъ въ разнообразіе мотивовъ, какъ только забвеніе космической основы явленій въ мірѣ боговъ сняло цѣпь, сдерживавшую полетъ человѣческой мысли. Однообразія и монотонности человѣкъ вообще не любитъ, послѣдуя разнообразіе гораздо болѣе соответствуетъ его природѣ; въ отношеніяхъ людей дѣйствительно существуетъ самое прихотливое разнообразіе причинъ и слѣдствій. Въ силу этого разнообразіе чисто человѣческихъ мотивовъ и начало постепенно проникать въ народныя сказанія. Въ отношеніяхъ героевъ и героинь, вмѣсто простой плотской похоти, явились разнообразныя явленія любви и всевозможныя родственныя связи. Герои также вступаютъ въ многообразныя семейныя и общественныя отношенія другъ къ другу. При этомъ герои и героини, коимъ приписано болѣе силы и оцудо

которыя сгруппировалось болѣе дѣйствій, и болѣе предметовъ, заняли первенствующее положеніе и приняли характеръ настоящихъ божествъ. Но едва ли когданибудь случалось, чтобы всѣ дѣйствія одинаковой космической основы объединялись около одной личности.

Когда все это случилось, стада возможной и чисто-эстетическая обработка сложныхъ мифовъ или сказаній. Чувство правды не позволяло удерживать въ сказаніи противорѣчающія другъ другу вещи. Стремленіе къ разнообразію вело къ опущенію въ сказаніяхъ такихъ дѣйствій, кои слишкомъ уже походили на извѣстныя дѣйствія другихъ героевъ; въ слѣдствіе чего объ однихъ герояхъ мы знаемъ, какъ они родились, какъ воспитывались; другіе являются предъ нами вдругъ въ полной порѣ силъ; о третьихъ болѣе всего извѣстно, какъ они умерли и т. п. Позднѣе явилась забота объ единствѣ плана и о правильномъ выполненіи его, то есть, объ эстетическихъ качествахъ мифическихъ сказаній, особенно съ той поры, какъ взяли это дѣло въ руки поэты въ настоящемъ смыслѣ этого слова, подобные Гезіоду у Грековъ, Люміру у Чеховъ, двигавшему своими пѣснями Вышеградъ и всѣ его предѣлы, и старо-русскому Баяну ¹⁾, а также, когда сказанія начали распѣваться на княжескихъ пирахъ, очевидно, не только ради поученія, но и для забавы.

Изъ всего сказаннаго о мотивированіи читатель легко выведетъ понятіе объ отношеніи между совершенствомъ мотивированія и древностію мифическихъ сказаній. Очевидно, чѣмъ старѣе сказанія, или вѣрнѣе, чѣмъ они ближе къ эпохѣ зарожденія мифовъ у народа, тѣмъ меньше было въ нихъ искусства эстетическаго мотивированія, иначе—тѣмъ безсвязнѣе, короче и отрывочнѣе

¹⁾ Привожу лишь древнихъ и притомъ несомнѣнно существовавшихъ поэтовъ; почему умалчиваю съ одной стороны объ Овидіѣ, съ другой объ Орееѣ, Музеѣ и другихъ еракійскихъ пѣвцахъ, даже о Гомерѣ.

были сказанія (разумѣется при болѣе вѣрномъ сохраненіи космической основы). Иначе и быть не могло. Не говоря уже о томъ, что сознаніе божественно-космической основы явленій въ болѣе древнюю эпоху дѣлало эстетическое мотивированіе менѣе нужнымъ, развѣ можно предположить, чтобы умѣнье было прежде неумѣлости, чтобы люди прежде умѣли производить совершенныя вещи, чѣмъ научились создавать несовершенныя? Законъ прогресса, конечно, долженъ существовать и для народнаго творчества, какъ онъ существуетъ для искусственной литературы.

Но кромѣ этого движенія отъ несовершенства къ совершенству мотивированія, при развитіи баснословія, неизбѣжно происходило измѣненіе и въ самыхъ мотивахъ. Объясняя отношеніе божественныхъ личностей другъ къ другу, человѣкъ, естественно, прилагалъ къ нимъ то, что видѣлъ въ человеческой жизни (невиданнаго и не слыханнаго не можетъ придумать никакая задорная фантазія). Герои сказаній, очевидно, должны были дѣйствовать по тѣмъ же побужденіямъ и такъ, какъ дѣйствуютъ люди. Поелику же развитіе гражданственности вносило въ жизнь народа новыя и новыя отношенія, то и въ баснословіи, не переставшемъ измѣняться и развиваться въ эту пору, не переставали появляться новыя и новыя мотивы. Поелику также человечество въ древнѣйшую пору, до развитія историческихъ национальностей, представляло болѣе сходства, болѣе общихъ всему ему чертъ, то старѣйшее мотивированіе должно было носить доисторическій общечеловѣческій характеръ, а позднѣйшее проявлять историческія черты определенной народности. Но пусть никто не думаетъ, чтобы мифическія сказанія поэтому должны были представлять мозаику разнородныхъ мотивовъ. Нѣтъ, стремленіе къ естественности и живности все уравнивало и подкрашивало подъ цвѣтъ современности, что было легко исполнимо,—частію потому, что между общечеловѣческими и національнымъ существуетъ вовсе не отношеніе противоположности, а отношеніе ме-

нѣ или болѣе полного раскрытія, (первое—простое и общее, второе—развитое, сложное и подробное), частью потому, что старое, когда исчезало изъ жизни, становилось непонятнымъ и дѣлалось необходимымъ замѣну его подходящими современными явлениями. Поэтому сюда вполне прилагается то, что мы сказали выше, о вліяніи воображенія и измѣненій въ словѣ на измѣненія мѣста.

Здѣсь одновременно будетъ коснуться религиозно-нравственныхъ мотивовъ въ сказаніяхъ, въ родѣ пустынножителства, религиознаго омовенія, очищенія души предлогъ сверхдолжными наслугами потомковъ и т. п. Во всемъ этомъ Стасовъ видитъ религиозно—космическій элементъ и несомнѣнный признакъ древности сказаній; тогда какъ въ этихъ явленияхъ религиозно-космическаго элемента ни нашли и они свидѣтельствуютъ именно о новостяхъ сказаній, или лучше о происхожденіи ихъ въ самую позднюю эпоху народнаго баснословія. Очевидно эти невѣрные положенія Стасовъ основалъ на ошибочномъ представленіи характера богопочтенія въ древнѣйшихъ естественныхъ религіяхъ. Онъ признаетъ возможными въ первобытномъ богопочтеніи религиозно-нравственные мотивы, напр. угожденіе божеству чистотой духа, подвижничествомъ, добрыми дѣлами и т. п. (См. кн. 2 стр. 695, 708 и т. д.)

По видимому, онъ даже не находитъ страшнымъ приписать этимъ религіямъ опредѣленный и развитый культъ. Вотъ почему индійскія и тибетскія сказанія, гдѣ прямо упоминаются божества, гдѣ постоянно встрѣчаемъ религиозно-нравственные мотивы и черты развитаго религиознаго культа, онъ смѣло называетъ древнѣйшими; наши же сказанія, гдѣ просто въ олицетвореніяхъ излагается борьба воздушныхъ и космическихъ силъ, онъ признаетъ позднѣйшими. Конечно, это можетъ быть и согласно съ модною теперь теоріей развитія человѣчества, переживающаго будто бы послѣдовательно три степени—религиозную, метафизическую и научную, но ничуть не согласно съ фактами. Напротивъ все извѣст-

ные факты показывают 1) что въ первобытныхъ религіяхъ религиозно-нравственные мотивы не существуютъ, человѣкъ въ нихъ угождаетъ божеству не подвигами, а принесеніемъ жертвъ для утоленія какъ бы голода божества и удовлетворенія другихъ его какъ бы тѣлесныхъ потребностей, также словеснымъ или механическимъ изображеніемъ благодѣтельныхъ дѣйствій божества въ природѣ. Конечно, на нашъ взглядъ въ этомъ богопочтеніи довольно страннаго и непонятнаго. Положимъ, понятно еще, почему человѣкъ приносилъ въ жертву, или дарилъ божеству разные вещи и животныхъ: это нужно было или для того, чтобы удовлетворенное божество само не хозяйничало въ человѣческомъ добрѣ, что стоило бы человѣку гораздо дороже жертвы, или чтобы оно за подарокъ отдало человѣку вдвое, по свойственному божеству излишеству во всемъ. Но какимъ образомъ словеснымъ или механическимъ изображеніемъ благодѣтельныхъ дѣйствій божества въ природѣ человѣкъ думалъ чтить Бога и склонять его къ своимъ просьбамъ,—это, признаюсь, для меня не совсемъ понятно. Можетъ быть, человѣкъ рассчитывалъ на увлекательность примѣра: можетъ быть, онъ думалъ, что божество посмотритъ—посмотрѣть, на пр., на пляски людей, не утерпѣть и само повторитъ въ небесныхъ пространствахъ дѣйствія людей, распространяя при этомъ живительную теплоту и т. под. Конечно—моль это оно сдѣлаетъ для собственнаго удовольствія, а намъ выгодно. Кто придумаетъ лучшее тому объясненіе, я буду очень радъ за науку. Во 2-хъ тѣже факты показываютъ, что древѣйшія религіи или вовсе не имѣютъ внѣшняго культа, или имѣютъ культъ слабо развитый, такъ что въ нихъ нѣтъ ни жрецовъ, ни храмовъ, ни идоловъ, иногда даже общественныхъ жертвъ; напротивъ чѣмъ выше религія, тѣмъ больше развитъ религиозный культъ. Въ частности религиозно-нравственное мотивированіе является въ богопочтеніи всего позднѣе—въ пору существованія Олимпа, полнаго же своего развитія достигаетъ въ рефлексивныхъ

религіяхъ, созданныхъ подъ вліяніемъ философіи, каковыми я признаю: браманизмъ, буддизмъ, религію Зороастра, неоплатонизмъ. Ученіе о сверхдолжныхъ заслугахъ (или дѣлахъ) встрѣчается въ католициствѣ. Нужно ли указывать всѣхъ, я думаю, известные факты? Такимъ образомъ религіозно-нравственные мотивы, если и дѣйствительно-религіозные мотивы, то ничуть не космоическіе или стихійные: между тѣми и другими можетъ все исторія боснословія.

Высшей формой обобщенія и группированія сказаній было объединеніе если не всѣхъ, то большей части сказаній въ теогоническія—космологическія системы и въ эпическія поэмы, сдѣланы потому, группировались ли онѣ около божественной личности и космоическаго событія, или около человѣческаго лица и историческаго событія. Таковы: «Теогонія» Гезіода и «Иліада» у Грековъ, «Веды», и «Пураны», Рамаѳана и «Магабарата» у Индусовъ «Гессеръ-канъ» у Тибето—монголовъ, «Шахнама» и, вѣроятно, «Зенд-Авеста» у Персовъ, «Эдда», «Калевала» и т. под. Во всѣхъ ихъ преобладаютъ человѣческіе мотивы; поэмы же представляются иногда образцомъ чисто-эстетическихъ качествъ. Но зато и всѣ онѣ принадлежатъ въ позднѣйшей порѣ народнаго творчества, составляютъ высшій ея разцвѣтъ, и даже переходятъ въ область искусственной литературы: всѣ онѣ явились тогда, когда создавшіе ихъ народы уже высоко стояли въ гражданственности и довольно пожили государственною жизнью. Впрочемъ въ этомъ пунктѣ я такъ близко схожусь во взглядахъ съ Стасовымъ, что считаю возможнымъ привести его мнѣнія, какъ бы мои собственныя.

«Въ какой формѣ, говоритъ онъ, представляются намъ поэтическія созданія Востока, съ которыми мы имѣли возможность сравнивать наши былины? Это или отдѣльные рассказы, повѣствованія, каковы, напр., пѣсни минусинскихъ татаръ, телеутовъ, сагайцевъ, киргизовъ и другихъ разноплеменныхъ народовъ, или

же соединенные вмѣстѣ, въ формѣ одной поэмы или сборника тѣже рассказы и повѣствованія, прежде обращавшіеся въ народѣ отдѣльными единицами, а потомъ скучившіеся болѣе или менѣе стройными группами и членами одного общаго цѣлаго; таковы «Рама-яна, Магабгарата, Шахъ-Намѣ, Гессеръ-Ханъ, Дзанглунъ, Джангаріада» и т. д. Эта послѣдняя форма всегда является у народа, когда онъ достигъ или достигаетъ значительной степени интеллектуальнаго развитія: вмѣстѣ съ успѣхами самосознанія, вмѣстѣ съ желаніемъ обозрѣть все свои повѣстическія, художественныя сокровища, отдать себѣ сознательный отчетъ въ созданіяхъ бессознательнаго народнаго творчества прежнихъ лѣтъ—является всегда потребность слить въ одно всеобъемлющее, систематическое и сплошное цѣлое, разрозненные члены одного и того же рода и порядка, уже давно обращающіеся въ народѣ. Этой потребности обязаны своимъ происхожденіемъ все великія поэмы и сборники Востока. Здѣсь сотни, тысячи древнихъ пѣсень и пересказовъ, первоначально отдѣльныхъ, взяты изъ устъ народа и склеены вмѣстѣ, въ одно цѣлое; впрочемъ почти всегда при посредствѣ внѣшней, очень слабой связи. Эти же самые законы дѣйствовали и у насъ».

«Нельзя сомнѣваться, что русскія былины могли бы и должны бы были однажды слиться въ одну или нѣсколько большихъ эпопей, подобныхъ Магабгаратѣ, Гессеръ-Хану или Шахъ-Намѣ, но этого не случилось только вслѣдствіе измѣненнаго извнѣ историческаго строя русской жизни. Онѣ не успѣли совершить такого сліянія и на вѣки остались на одной степени съ пѣснями минусинскихъ татаръ, телеутовъ, сагайцевъ, киргизовъ и другихъ азіатскихъ племенъ. Доказательствомъ тому предположенію, что нашимъ былинамъ предстояло слиться въ нѣсколько большихъ группъ, можетъ служить то обстоятельство, что у насъ есть уже на лицо небольшіе конгломераты, скученія нѣсколькихъ пѣсень, нѣсколькихъ первоначальныхъ, малосложныхъ мотивовъ, въ бо-

лѣе сложное многообъемистое цѣлое. Прибѣрами могутъ служить нѣсна объ Ильѣ-Муромцѣ, Цотоцѣ, Дунаѣ и т. д.»

Г. Стасовъ соглашается даже на то, что большинство слаганий произошло на нашей почвѣ, и это доказывается фактъ тѣмъ. «Еслибъ мы, говоритъ онъ, получили уже гефовыя конгломераты, то что бы тогда было? Они бы существовали у насъ въ готовой, законченной, твердо опредѣленной формѣ, и принадлежащее одному лицу, одной группѣ событий и походной такъ бы и оставалось всегда приуроченнымъ къ одному лицу и къ одному порядку разсказовъ. Разница между пересказами состояла бы только въ болѣе или менѣе пространномъ объемѣ ихъ: въ однихъ передавалось бы все, касающееся извѣстныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ другихъ только часть, отрывки ихъ походной или жизни. Но мы видимъ другое. Одни и тѣже событія, одни и тѣже мотивы постоянно приписываются совершенно разнымъ личностямъ разными былинами. Такъ, наприм., совершенно одинакое выбираніе дружины изъ мальчиковъ товарищей встрѣчаемъ и въ былинѣ объ Вольгѣ Всеславичѣ и въ былинѣ о Добрынѣ; возвращеніе мужа изъ долгаго отсутствія къ женѣ, собирающейся выходить за другаго, встрѣчаемъ и въ пѣснѣ о Добрынѣ, и въ пѣснѣ о Соловьѣ Будимировичѣ; побѣда надъ чудовищемъ—обжорой разсказывается и про Ильѣ-Муромца съ идолицемъ и про Алешу Поповича съ Тугариномъ; побѣда надъ змѣемъ, любовникомъ героини разсказа, разсказывается и про Добрыню, убивающаго змѣя Горынича, любовника Марины, и про Алешу Поповича, убивающаго Тугарина Змѣевича, любовника княгини; владыка черниговскій держитъ закладъ одинъ противъ князя и цѣлаго двора его то за Ивана Гостинаго-сына (по случаю состязанія коней), то за Алешу Поповича (по случаю состязанія этого послѣдняго съ Тугариномъ); казнь невѣрной жены народѣйши приписывается и Добрынѣ и Цотому; жену казнить, отсылая одинъ членъ за другимъ и при этомъ приговаривая тѣ же самыя слова и Добрыня и Иванъ Годимовичъ; разсказъ о тя-

жалованья и отрывочныя мѣста, приносимыя за присылкою письма толпой боратырей, читаныя и въ былинахъ о Добрыньѣ, и въ былинахъ о Ставрѣ и его жнѣ. Что все это доказываетъ? Что былинныя обращены у насъ сначала въ видѣ отдѣльных, малосложныхъ рассказовъ, которые, смотря по волѣ, прихоти или забывчивости, пересказывались, передавались въ разныхъ формахъ и съ разными именами, а потому, употребляемы были въ разныхъ сочетаніяхъ и смѣшеніяхъ. На востокѣ, тамъ гдѣ они не достигли формы письменной или поэмной (конгломератной), эти отдѣльные рассказы постоянно находились, и теперь еще находятся, въ состояніи постояннаго броженія и измѣняемости: такъ по видимому, было и у насъ. Рассказъ въ своемъ мочеваніи съ мѣста на мѣсто, являлся съ разными именами и подробностями, вступалъ въ разнообразныя соединенія съ другими встречающимися ему по дорогѣ разсказами: иногда онъ удерживалъ болѣе простую, первоначальную форму, иногда измѣнялся подъ влияніемъ обильнѣвшихъ его мотивовъ и подробностей». Тамъ страннѣе заключеніе г. Старова: «Изложеніе состава, формы и подробностей русскихъ былинъ — это, такъ сказать, послѣдняя глава изъ исторіи восточныхъ поэмы и піесей: это изложеніе судьбы камонистовъ азіатской поэмы въ Россіи». Послѣдняя глава народныхъ сказаній есть славеніе ихъ къ упадку, выражающемуся въ непрестанномъ разломленіи и въ постоянномъ забвеніи сказаній; русскія же былинныя, по собственному же признанію г. Старова, носятъ на себѣ характеръ организованныхъ, способныхъ къ развитію и неразвившихся только благодаря историческимъ обстоятельствамъ. Какъ объяснить это противрѣчіе? Впрочемъ по всему видно, что г. Старовъ здѣсь проговорился невзначай; въ другихъ случаяхъ онъ называетъ былинныя просто безмысленными искаженіями восточныхъ рассказовъ. Подробнѣе же обмолвкой правды я объясняю ту его мысль, что сплоченіе отрывочныхъ сказаній происходило у насъ на Руси; послѣду по волѣ; другихъ мѣстахъ онъ толкуеть о дора-

зительное сходство наших былин и восточных рассказов, даже въ подробностях, которое предполагает полное единство развѣ лишь съ урѣзками. Такъ, или не такъ, только оказывается, что важный въ исторіи баснословія процессъ объединенія миеовъ, насколько онъ замѣтенъ въ русскихъ былинахъ, совершался въ нихъ самостоятельно; значить одни сюжеты заимствованы; только эти сюжеты, безъ мотивовъ, но съ подробностями, какіе-то странные сюжеты. Но продолжимъ изложеніе нашей теоріи.

Въ исторіи развивающагося баснословія до сихъ поръ оставалось не объясненнымъ, почему у однихъ народовъ и въ однихъ мѣстностяхъ образуются конгломераты миеовъ одного характера и около одного рода личностей, у другихъ народовъ и въ другихъ мѣстностяхъ иначе: напр. въ кievскихъ былинахъ мы встречаемъ все воителей, сосредоточенныхъ притомъ около князя кievскаго; въ новгородскихъ фигурируетъ Садко-Богатый купецъ? Было это дѣломъ случая; или результатомъ законосообразныхъ причинъ? Почему также кievскія сказанія группируются около Владиміра, а не другаго историческаго имени, новгородскія же знаютъ имя Садка, а не Добрыня, не Путята, не какое либо другое имя? Почему дѣйствія героевъ приурочиваются къ известнымъ мѣстностямъ? Въ этихъ вопросахъ заключается въ сущности говоря, весь вопросъ о сближеніи божественнаго съ человѣческимъ въ народномъ баснословіи. Отвѣтомъ на первый вопросъ будетъ указаніе различія въ гражданственности между Киевомъ и Новгородомъ. Киевъ былъ центромъ княжескихъ отношеній древней Руси, представителемъ монархической системы государственнаго устройства и центральнымъ пунктомъ всей системы защиты Русской земли отъ кочевниковъ; въ Новгородѣ же преобладающимъ въ государственной жизни классомъ были богатые гости; гостеванье было и преобладающимъ занятіемъ Новгорода, на которомъ создавалось все его могущество. А мы уже

знаемъ, что при первоначальномъ образованіи иносѣ человѣкъ уподобляетъ божество и его дѣйствія тому, что онъ постоянно встрѣчаетъ въ себѣ и около себя, и при дальнѣйшемъ развитіи баснословія стремленіе мысли къ живности и естественности подводило все, хотя весьма медленнымъ шагомъ, подъ цвѣтъ современности. Прибавимъ сюда, что людямъ всегда пріятнѣе слышать то, что въ томъ или въ другомъ отношеніи близко, сочувственно имъ самимъ, чѣмъ то, что имѣетъ мало соотношеній къ ихъ жизни: поэтому сказанія объ однихъ божественныхъ личностяхъ чаще повторялись, о другихъ же передавались все рѣже и рѣже, пока не забывались. Въ кievскомъ баснословіи (или пожелуй, въ баснословіи всѣхъ отчинныхъ земель древней Руси) поэтому болѣе и болѣе утверждались богатыри съ княземъ во главѣ, въ новгородскомъ же повторялось о гостѣ корабельномъ. Такимъ образомъ сказанія принимали обликъ національный, даже мѣстный. Что касается отношенія божественныхъ героевъ къ опредѣленнымъ историческимъ лицамъ, то едвали это не происходило въ большей части случаевъ отъ простаго совпаденія именъ героевъ, идущихъ изъ глубокой старины и бывшихъ сначала даже и не именами, а прозвищами ихъ, съ именами историческихъ лицъ, почему либо памятныхъ народу, а иногда и разныхъ предметовъ. Известно, напримѣръ, что болѣе древняя форма имени Владиміра нашлись былинь и Голубиной книги—Волотеманъ, или Водотъ Вологовичъ. Это же—имя божества, которое также называлось Волосомъ, или Валесомъ, и которое въ двоявѣрный періодъ почиталось подъ именемъ святаго Власія. Добрыня могъ быть чѣмъ-нибудь въ родъ Доброгаста. Имя Сада-гостя новгородскаго националистъ *садожъ рашенный*—олицетвореніе тучъ, въ которыхъ какъ въ воздушномъ морѣ сначала и плавалъ Садоко и добывалъ сокровища—золотые лучи солнца. Кажется притомъ, что у нашихъ предковъ язычниковъ людямъ давались имена божествъ, какъ теперь даются имена святыхъ. Конечно я пони-

жано, что этины предположеніи, можетъ быть; и не объяснилъ вовсе случаевъ приуроченія сказаній къ определеннымъ историческимъ лицамъ, но оно вѣроятно мѣстна; которое приписываетъ появленіе историческихъ именъ въ сказаніяхъ благодарному воспоминанію народа объ известныхъ историческихъ личностяхъ и желанію увѣковѣчить ихъ память въ живыхъ образахъ, или наумленію предъ ихъ подвигами. Последнее встрѣчаетъ противъ себя побѣдоносное возраженіе въ томъ обстоятельствѣ, что нерѣдко объ этихъ личностяхъ въ сказаніяхъ кромѣ имени не приводится никакимъ дѣйствительно историческимъ свидѣніемъ. Напримеръ Владиміръ князь столяно-Кіевскій былинъ вовсе не похожъ на историческаго Владиміра святаго крестителя Руси, кромѣ тѣхъ чертъ, которыя общи ему съ другими князьями древней Руси, и въ меньшей степени съ князьями всѣхъ майобразованныхъ племенъ, только что начинающихъ жить государственною жизнью. Могло ли бы это быть, еслибы народное творчество помнило существоващаго Владиміра святаго, а не кіевского князя просто? Причиной приуроченія героевъ сказаній къ известнымъ мѣстностямъ могло быть происхожденіе изъ этихъ мѣстностей если не самихъ сказаній, то болѣе или менѣе совершенныхъ редакцій ихъ. При переходѣ сказаній въ другія мѣстности, въ мысли населенія послѣднихъ сказаній, а можетъ, въ силу забвенія, а героемъ сказаній непременно связывались съ тою странною, откуда сказанія перешли; въ концѣ концовъ герои обращались въ личности живаго и дѣйствующаго въ ней. Аналогическое явленіе представляетъ въ послѣдствіи обособленіе божествъ—изъ одного божества—по мѣстностямъ, въ которыхъ оно почиталось, по знаменитымъ краямъ въ честь его; напримеръ, разбитіи у грековъ Зевесъ Додонскій, Зевесъ Олимпійскій и т. д.

Но какъ бы случайно сказанія бы приурочивались къ историческимъ личностямъ и мѣстамъ, принятіе ими историческихъ чертъ было неизбежно. Конечно, законы развитія отдельныхъ

иногда и многочисленных сказаний были одни и те же — какъ для первоначальныхъ простыхъ, такъ и для позднѣйшихъ сложныхъ инословъ, — конкордатовъ, по выраженію г. Стасова И въ былинахъ — сложныхъ инословъ — поэтому дѣйствовало стремленіе къ правдоподобію и естественности, которое обставяетъ предметъ мало по малу приидиндши ему подробностями. Въ силу этого, какъ только попалъ въ былинну Владимиръ, князь столярно-Кіевскій, съ его дружиною, начали постепенно сгущаться къ нимъ черты гражданственности древней Руси — борьба съ кочевниками, сословныя отношенія и т. п. Попалъ въ былинну Садко, богатый гость новгородскій, должны были протѣраться къ нему въ былинну и купеческія дружины, и братчины и хвостовство своими богатствами, и т. п. Но, благодаря медленной постепенности въ обстановкѣ сюжетовъ подробностями, при внесении ихъ, сказанія обыкновенно опаздывали противъ исторіи, такъ что въ ивнн Владиміра столярно-Кіевского сгущились черты не современныхъ ему, а относящіяся къ позднѣйшимъ вѣкамъ. Конечно, не случись съ русскимъ народомъ рѣзникъ мерзостовъ, кои иногда отшибали у него память, можетъ быть сгущаемыя въ былинахъ постепенно въ продолженіи вѣковъ, черты народной жизни создали бы цѣльный образъ, который характеризовалъ бы не Владимира святаго въ частности, а всю эпоху жизни народа, составляя бы для потомства рѣзюмѣ всего пережитаго въ эту эпоху его предкамъ въ умственномъ и бытовомъ отношеніяхъ. По крайней мѣрѣ, такое именно значеніе имѣютъ всѣ извѣстныя великія народныя эпопеи, въ родѣ Илиады, Одиссеи, Рамаины, Магабараты и др., которыя въ одно и то же время и вовсе не имѣютъ въ себѣ ничего историческаго, если въ нихъ искать дѣйствительныхъ историческихъ лицъ, и дѣйствительно бывшихъ дѣйствій и дѣяній ихъ, и содержать въ себѣ глубокую историческую правду, если принимать ихъ за рѣзюмѣ умственнаго и бытоваго развитія народа въ извѣстную многовѣковую эпоху. По видимому, и распро-

страненіе христіанства не помѣшало бы созданію въ былиннѣхъ вѣльнаго образа эпохи, какъ оно не помѣшало же образованію двоювѣрныхъ космогоническихъ и другихъ произведеній, иногда не малаго размѣра. Теперешнее состояніе былинъ и другіе факты позволяютъ думать, что послѣ крещенія Руси при Владимірѣ святомъ, народное баснословіе довольно долгое время еще продолжало развиваться. Помѣшали ему создаться—татарскій погромъ и слѣдствіе его—уничтоженіе бывшаго центра русской гражданственности, къ которому тянуло и былинное творчество—Кіева ¹⁾.

¹⁾ Противъ этого мнѣнія будутъ, конечно, возражать на основаніи модныхъ теперь взглядовъ на татарское иго. Теперь не рѣдкость встрѣтить такіа рѣчи, что татарское иго не имѣло вреднаго вліянія на судьбу Россіи; одно молъ худо, что Русскіе переняли татарскіе нравы и ухватки, но и въ этомъ случаѣ виновато ихъ обезьяничество; г. Стасовъ такъ чуть не въ благодѣтели возводитъ татаръ. Это заставляетъ меня коснуться здѣсь этого вопроса и рассмотреть его съ разныхъ сторонъ. Дѣйствительно, если смотрѣть на дѣло съ чисто государственной точки зрѣнія, можно согласиться, что на развитіе формъ государственности въ Россіи татарское иго не имѣло сильнаго прямаго вліянія, ни добраго, ни дурнаго. Дробленіе древнихъ Русскихъ земель, когда-то связанныхъ территоріальнымъ единствомъ, на удѣльные княжества продолжалось бы и безъ татаръ, также какъ при нихъ, а съ нимъ неизбежно продолжались бы и междоусубныя войны между князьями, только онѣ, навѣрно не были бы такъ раззорительны и гибельны для населенія (уже и тутъ видно вредное вліяніе татаръ, но я его въ счетъ не ставлю). Точно такъ же когда дробленіе княжествъ достигло бы высшихъ предѣловъ, и безъ татаръ нашлась бы фамилія, подобная Даниловичамъ Московскимъ, не утратившая права на великокняженіе, слѣдовательно фамилія съ претензіями, которая по смерти отца вдругъ увидала бы, что дѣлать ей нечего,—не придется и по городку на брата, что безбѣдно прожить, а тѣмъ болѣе поддержать свои претензіи возможно только при общемъ пользованіи отчиной; могла быть она воспитана въ древнихъ славянскихъ фамильныхъ добродѣтеляхъ, при коихъ братъ за брата стоялъ горой,—не даромъ же отецъ ихъ признанъ святымъ. Рѣшившись на общее пользованіе отчиной—на общее горе и радость, она тѣмъ самымъ приобрѣла бы много шансовъ на успѣхъ въ борьбѣ съ соперничающими ей фамиліями, напримѣръ, тверскою, бывшими даже сильнѣе ея. Въ старину личность князя составила своего рода не мало-важную силу; къ ней русскіе люди питали особое почтеніе, такъ что она

Послѣ этого былинное творчество или остановилось въ своемъ развитіи, или окончательно пришло въ упадокъ.

Рѣзко выдѣлалась надъ воймъ русскимъ ледеомъ. Боярина кѣмъ бы онъ ни былъ поставленъ, не всѣ слушались, а князя слушались вои. Идея представительства власти такъ же тогда иначе понималась, чѣмъ теперь. Теперь представители власти, напр. посла, уважаются не по его личному значенію и сословію, а по значенію представляемой имъ власти; тогда же было почти—что на оборотъ. Города и области древней Руси охотнѣе принимали въ себя и ставили во главѣ своего управленія хотъ какихъ—нибудь князей, чѣмъ наместниковъ—бояръ, хотъ бы отъ старѣйшаго князя Руси. Въ случаѣ какихъ либо столкновеній по этому поводу, они, при малѣйшей возможности, оружіемъ защищали князя, рѣшившагося стать во главѣ ихъ. Вотъ почему было тогда трудно уничтожить удѣльную систему, не смотра на то, что чуть не каждый великій князь естественно желалъ этого. Вотъ почему такъ же многочисленныя фамиліи тогда процвѣтали, сравнительно съ малочисленными. Что же выходило? Куда тверской князь посылалъ боярина, которой либо изъ Даниловичей явился лично и обаяніемъ княжескаго имени болѣе чѣмъ уравновѣшивалъ слабость силъ. Тверской князь не могъ вездѣ посѣять, но Даниловичи по той же причинѣ посѣдали вездѣ,—и въ Москвѣ, и въ Переяславлѣ, и въ Новгородскихъ пригородахъ. Конечно не красна была ихъ жизнь,—не дѣромъ же до торжества дожилъ только одинъ; но фамильная цѣль была достигнута. Одинъ братъ былъ наместникъ, другой—убить, но всетаки оставшіяся московскій князь одерживалъ верхъ, и, наученный опытомъ жизни, положилъ начало систематическому возвышенію своего дома. Но все это могло бы быть и безъ татаръ, и, можетъ быть, даже скорѣе, поскольку сохранилось бы многочисленное семейство Юрія II. Такимъ образомъ развитію на Руси самодержавія татары и не помогли и не помѣшали. Самодержавіе также легко могло явиться на Руси и безъ татаръ, какъ оно было на западѣ Европы, хотъ признаю, что благоговѣніе русскаго человѣка къ самодержавію многімъ обязано прошлой многовѣковой необходимости въ диктатурѣ или неограниченной власти для защиты самой жизни русскихъ людей.

Иной будетъ результатъ, если обратимъ вниманіе на значеніе татарскаго ига для просвѣщенія и образованія русскаго человѣка. Въ этомъ отношеніи вліаніе татаръ было губительно и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи. Въ нравственномъ отношеніи они своимъ примѣромъ, а главное, необходимостію хотъ какъ нибудь улучшить свое невыносимое положеніе, пручили русскихъ хитрить, обманывать, унижаться предъ сильными, быть грубыми и высокомерными съ слабыми; рабъ никогда не

Но въ чемъ выражается прекращеніе развитія баснословія и какіе признаки его упадка? Прекращеніе народнаго творчества

будетъ честенъ и примодушенъ. Въ умственномъ откошеніи они пригото- вили для русскаго народа нѣсколько вѣковъ невѣжества. Не говоря уже о томъ, что они въ Вятскомъ наместствѣ разорили русскія училища; сожгли библиотеку, дагѣ—привѣкли удобное сообщеніе съ Франціей, откуда Русь получала средства къ образованію, уселамъ, который считалъ народы организмами, способными страдать, болѣть и умирать, подобно отдѣль- нымъ лицамъ, найдя и другія серьезныя доказательства габельнаго влія- нія наместствъ татаръ и ига татарскаго на просвѣщеніе русскаго народа. Возможно, что отдѣльныхъ лицъ можно забыть или забыть ударить; или рядомъ жстонныхъ мѣръ и довести до того, что они временно, или на- всегда впадаютъ въ idiotство. Конечно на народы подобной же дѣйствіе производятъ неожиданныя опустошительныя наместствія кочевыхъ племенъ, когда большинство населенія погибаетъ, а меньшая часть принуждена жить подъ страхомъ постоянной смерти, выманивая собѣ право на широкую невостановленной тяжелой работой. Удачей эмергии и уныніе будутъ еще самыми худшими послѣдствіями такого злосключенія. Свѣдите, можно ли думать, когда приходится постоянно работать? Можно ли заниматься твор- чествомъ, когда человекъ не знаетъ, — позволятъ ли ему думать до за- крашняго дня? Вѣдь это все равно, что солонью пить въ котлахъ у лошади. И это продолжалось не годъ, не два, а нѣсколько вѣковъ. Гдѣ общая бѣ- жность работъ, можно ли тамъ нѣтъ досугъ къ умственной труду? Гдѣ человекъ не нѣтъ необходимого, наиримѣрь, личной безопасности, воз- можно ли, чтобы онъ не былъ весь занятъ обезпеченіемъ собѣ этого не- обходимаго и нѣтъ время мечтать о возможномъ и пріятномъ? Только притупляющимъ и подавляющимъ вліаніемъ татарскаго ига можно объяс- нить рѣзкое разлчіе въ умственной производительности русскаго народа въ XIII, XIV и XV вѣкахъ; въ послѣдніе русскіе по рожденію писав- шей видны гораздо менше, чѣмъ прежде. Замѣчательно и этотъ фактъ: когда вѣдь въ русскіхъ областяхъ, не подвергавшихся татарскимъ намест- ствіямъ, осталось древнее народное творчество, если не съ близкой раскош- ного развитія, то, по крайней мѣрѣ съ силой упорнаго сохраненія; тамъ, куда десятилы татары (также польскіе паны), народное творчество было подавлено; древнее народное баснословіе или совершенно изгладилось изъ памяти народа, или сохранилось въ видѣ бессмысленныхъ отрывковъ. При благоприятныхъ обстоятельствахъ тамъ иногда, наирим. въ Малороссіи, появлялось новое историческое творчество, но старое не воскресало. Вотъ слѣдствія татарскаго ига!

нужно признать тамъ, гдѣ замѣчается омертвѣніе формъ эпическихкихъ сказаній, превращеніе процесса объединенія ихъ, а также нравственнаго и эстетическаго мотивированія: сказанія сохраняются въ памяти народа, свѣто передаются изъ рода въ родъ, но въ той формѣ, какую они получили много вѣковъ тому назадъ, безъ всякихъ измѣненій въ строѣ былинныя крѣпкія перемѣны въ отдѣльныхъ словахъ и оборотахъ рѣчи. Въ такомъ именно видѣ сохранялись до нашего времени русскія былинныя въ глухихъ дѣбрищахъ Олонеккаго края. Въ такомъ же конечно, положеніи передавалось изъ вѣка въ вѣкъ финскія Калевала. Эта неподвижность, думаю, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что историческая жизнь отлагала лучшія силы народа, отъ былиннаго творчества къ другимъ областямъ: человѣческой жизне-дѣятельности, послѣ чего масса могла только сохранять старое, но не развивать. При томъ народъ, хранитель былиннаго творчества въ теченіе вѣковъ стоявшій бѣднѣе и подъ вѣстою тяжелой нужды не имѣлъ силъ къ дальнѣйшему духовному развитію (въ древнюю пору нашей исторіи, кѣ-то-то, Олонекскій край игралъ важную роль въ торговыхъ оборотахъ Руси). Различіе, которое существуетъ между финской Калевалой—цѣльнымъ народнымъ эпосомъ и русскими отрывочными былинами, объясняется степенью развитія, на коей стояли финскія и русскія эпическія сказанія въ пору прекращенія развитія народнаго эпическаго творчества, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Большая же историчность, то есть большое количество историческихъ чертъ въ русскихъ былинахъ, произошла конечно отъ того, что русская жизнь имѣла въ ту пору историческій центръ и историческія явленія, оныя же никогда ихъ не имѣли, поэтому и сгруппировали свои сказанія около чисто-мифическаго лица—Вайнемейнена. Фактически результатомъ вліявшаго сохраненія эпическихкихъ сказаній въ застывшей формѣ должно было быть для воскресенія былиннаго творчества въ новой красѣ въ томъ случаѣ, когда народъ полу-

часть возможность къ широкому развитію въ своемъ старомъ духѣ и характерѣ, или полное паденіе его, когда народъ развивается подъ вліяніемъ совершенно другихъ началъ. У насъ, — по видимому, готовится ему послѣдній конецъ и въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оно до сихъ поръ еще сохраняло свою живучесть, подобно тому, какъ это уже давно случилось въ большей части древнихъ русскихъ областей. Но по какимъ признакамъ узнается этотъ періодъ упадка народнаго эпического творчества?

Вообще замѣчаютъ, что человѣческая жизнь въ своемъ упадкѣ, старости — такъ сказать, имѣетъ много сходства съ своимъ младенчествомъ. Тоже должно было случиться и съ былиннымъ творчествомъ. Упадокъ въ немъ, конечно, выразился болѣе всего въ разложеніи сложныхъ сказаній на drobные рассказы и въ потерѣ смысла ихъ, въ слѣдствіе чего эпическія сказанія въ пору упадка становятся похожими на мѣломъ въ пору только что начинающагося развитія ихъ. Но между ними существуетъ и важное различіе: первые съ эстетическимъ смысломъ говорятъ и великій другой смыслъ, тогда какъ въ послѣднихъ, вмѣсто эстетическаго смысла, существуетъ полная физическая или космическая осмысленность; первыя дѣлаются неспособными къ новому осмысленному объединенію, вторыя именно къ этому стремятся. Поелику же человечество бессмыслию не терпитъ, потому какъ только сказанія попадутъ въ это положеніе безнадежнаго упадка, они быстро улетучиваются изъ памяти народа. Для окончательныхъ заключеній было бы весьма важно сдѣлать непосредственныя наблюденія на мѣстѣ разложенія былиннаго творчества, но я имѣю возможность привести близкую ему аналогію разложенія лирическаго народнаго творчества. Въ подмосковныхъ губерніяхъ, какъ извѣстно, въ настоящую пору происходитъ забвеніе коренныхъ народныхъ пѣсень, иначе разложеніе лирическаго народнаго творчества, подъ вліяніемъ фабричной образованности, ирисарскаго и трактирнаго просвѣщенія. Извѣстно также

что богатая поэтическими красотами, глубоким и здравым чувством и музыкальными мотивами народныя пѣсни зачастую замѣняются глубѣйшими во всѣхъ отношеніяхъ искусственными романсами. Ярославская губернія, моя родина, конечно, не могла избѣгнуть этой участи. Но послѣду, какъ тоже извѣстно, русская земля велика и обильна, то въ одной и той же губерніи можно замѣтить не маловажныя различія во влияніяхъ на народъ и въ народномъ бытѣ. Есть мѣстности, напримѣръ, въ Рыбинскомъ уѣздѣ, гдѣ не только поголовно все мужины, но нерѣдко и женщины близко знакомы съ Петербургомъ и Москвою, гдѣ они живут по трактирамъ, лавкамъ и банямъ и подѣ часъ приобретаютъ замѣчательную начѣтанность въ современной литературѣ; но есть и другія. въ родѣ знаменитаго Пошехонья, составляющаго предметъ насмѣшекъ и остроумныхъ шутокъ для всѣхъ остальныхъ Ярославцевъ, или дѣснивъ Ростовскаго и Угличскаго уѣздовъ, въ коихъ образованнымъ человѣкомъ съ полнымъ правомъ можетъ назваться тотъ мужикъ, который былъ разъ на мельницѣ, да два раза на кузницѣ¹⁾. Понятно, что населенія столь различныхъ мѣстностей должны жить не одинакою умственной жизнію. Поэтому и положеніе лирическаго народнаго творчества у нихъ должно быть различно; дѣйствительно, въ первыхъ мѣстностяхъ оно уже въ періодѣ разложенія, въ послѣднихъ еще живетъ здоровую жизнію. Но въ чемъ проявляется разложеніе? Въ томъ, что еще въ остающихся старыхъ народныхъ пѣсняхъ замѣчается полное безсмысліе и въ цѣломъ и въ частяхъ: или нѣтъ ни начала ни конца, а есть только середина, не представляющая притомъ никакого полнаго образа, цѣльной картины, или въ пѣснѣ начало одной пѣсни, середина—другой, конецъ третьей, подобран-

¹⁾ Можетъ быть, теперь подѣ влияніемъ энергической дѣятельности духовенства и земствъ, и въ этихъ мѣстностяхъ многое измѣнилось; но я припоминаю впечатлѣнія и разказы дѣтства, то есть послѣдніе сороковые годы и первую половину шестаго десятилѣтія.

ные притомъ такъ, что ни сами по себѣ, ни въ сборѣ не представляютъ ничего болѣе простаго набора словъ безъ смысла. Поэтому они скоро забываются народомъ, вмѣсто же ихъ распеваются или занесеныя изъ Литвы и Москвы искусственные романсы, или вновь созданныя въ самомъ народѣ лирическія привведенія, почти исключительно сатирическаго направленія и общественнаго, а не семейнаго содержанія. Последнія, что тоже замѣчательно, обыкновенно толковы по содержанию и поэты съ толкомъ. Думаю, что такъ должно быть, се помнить, что имѣетъ живое значеніе для народа. Въ мѣстностяхъ не подчинившихся вліянію литверской и московской жизни, старыя пѣсни семейнаго содержанія сохраняются въ замѣчательной чистотѣ, но ничего новаго въ области лирическаго творчества не является. Также, конечно, должно было случиться и съ эпическимъ народнымъ творчествомъ.

Изложеніе теоріи происхожденія, развитія и упадка народнаго баснословія теперь dokonчено; остается намъ воспользоваться положеніями ея для раскрытія всевозможныхъ отношеній баснословій разныхъ народовъ другъ къ другу, и къ частности для оцѣнки извѣстной теоріи г. Стасова объ отношеніи русскихъ былинъ къ восточнымъ сказаніямъ.

Во 1-хъ эпическое творчество составляетъ ли общее достояніе всѣхъ народовъ, или оно есть удѣлъ только нѣкоторыхъ аристократическихъ, особенно одаренныхъ природою народовъ? На основаніи изложенной теоріи, второе предположеніе я рѣшительно отрицаю, первое же считаю нужнымъ объяснить. Въ настоящую пору мы знаемъ довольно народовъ, у которыхъ эпическаго творчества не существуетъ. Чтобы за примѣрами не ходить далеко, укажемъ хоть нашихъ самоѣдовъ, остяковъ и другихъ приуральныхъ инородцевъ, у коихъ не замѣчается даже лирическихъ пѣсень, кои появляются въ теоріи народнаго творчества ранѣе эпическихъ сказаній. Но кто виноватъ въ этомъ—натура этихъ племенъ, скудно надѣленная умственными способностями и не-

тому несомненно къ развитію, или высшимъ обстоятельства? И прежде чередой говорили, и теперь подчасъ толкуютъ о томъ, что одни племена — культурныя, способныя къ цивилизаціи, другія — варварскія, къ которымъ цивилизація не можетъ пристыться; только прежде выражались неопредѣленно, а теперь осылаются на неизреченіе лицевого угла, мовоговаго вѣстимлща и т. п. Но всеъ quasi-опытные и quasi-научные факты разлетаются въ прахъ предъ тѣмъ несомнѣннымъ фантомъ, что дѣти культурныхъ и варварскихъ расъ, подвергнутыя одинаковому образованію при одинаковыхъ условіяхъ оказываются въ равной мѣрѣ способными усвоить знанія. Можно припомнить и тотъ фактъ, что народы стоящіе теперь на одинаковой степени развитія, напримѣръ, Нѣмцы и Французы, вдругъ оказываются не схожими по количеству мозга и тому подобнымъ признакамъ, но коимъ нѣкоторые изъ нихъ стоятъ даже ближе къ некультурнымъ племенамъ. Это позволяетъ думать, что указанное мнѣніе создано эгоизмомъ образованныхъ націй и тому подобными не совсемъ чистыми побужденіями; что нѣтъ расъ аристократическихъ или алобейскихъ по самой своей природѣ, а есть племена, оставленные въ лучшія или худшія условія природы, подпавшія благоприятнымъ или неблагоприятнымъ историческимъ обстоятельствамъ и приобрѣтшія добрыя или дурныя привычки (а привычки не даромъ называются второю природою). Здѣсь же нужно искать причины полнато отсутствія или слабого развитія эпического творчества у однихъ народовъ, роскошнаго процвѣтанія его у другихъ. Я уже говорилъ, что мнѣмъ появляются не ранѣе божественнаго царства Дажьбога (солнца) въ кочевомъ періодѣ; особенно же содѣйствовалъ мнѣической промаводительности небесный огонь, или громовержець, богъ земледѣльцевъ уштранныхъ странъ; но при этомъ неопредѣленность, случайность атмосферическихъ явленій отразились на туманности и вычурномъ разнообразіи сказаній. Говорилъ также, что эпическое творчество достигаетъ полнаго развитія только въ пору вы-

сокаго развитія государственности, притомъ совершающагося непрерывно въ духѣ естественнаго религіознаго сознанія. Поэтому, если племя не вышло изъ періода бродячаго зѣроловства или рыболовства, эпическаго творчества у него не нѣште. Если народъ при вступленіи въ бытъ государственной подвергнулся коренному перевороту въ духовной или матеріальной жизни, напри- мѣръ, принатію монотеистической религіи, или, напри- мѣръ, та- тарскому погрому, полного развитія у него баснословія тоже нельзя ждать. Или: гражданственность народа разовьется въ стра- нахъ, мало орошаемыхъ дождемъ: эпическое творчество также не богато и замѣчательно грезва ¹⁾. И наоборотъ у народа, до- стигнутаго государственности, смѣло можно искать баснословныхъ сказаній, на той или другой степени развитія, смотря по высотѣ развитія государственной жизни (разумѣется если не было из- вѣстныхъ неблагоприятныхъ естественныхъ условий или историче- скихъ обстоятельствъ). И въ этомъ случаѣ названное происхо- жденіе ихъ значить весьма мало; будь они арийцы или монголо- тюрки, извѣстныя мнѣтческія сказанія у нихъ будутъ неизмѣнно.

Второй вопросъ—могутъ ли одни и тѣже мнѣт создаваться у разныхъ народовъ самостоятельно?—уже предрѣшается связан- нымъ на первый вопросъ; но разсмотримъ дѣло обстоятельнѣе и подробнѣе. Какіе элементы мнѣтческихъ сказаній? Во 1-хъ космо- ческія или естественскія явленія, благоприятныя или враждебныя человѣку на той или другой степени гражданственности, почему

¹⁾ Въ извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества за настоящій годъ (тома VI № 2) помѣщено содержаніе статьи Хвольсона, читанной имъ въ Географическомъ Обществѣ объ отличіяхъ между Арийцами и Семитами. Указываемыя имъ особенности религіи и науки объясняются моею теоріей, а потому обратно объясняютъ и подтверждаютъ ее. Разнымъ образомъ сравнительное здравомысліе и практичность ума великорусскаго человѣка, по моему мнѣнію, имѣеть свой коренной источникъ въ томъ обстоятель- ствѣ, что въ составъ великорусскаго племени вошли, въ весьма значитель- ной долѣ, финнскія племена, у коихъ небыло развитой мнѣтлогіи.

человѣкъ въ нихъ видѣлъ дѣйствіа божества, обнаруженія его силы и его личности; во 2-хъ земные предметы и явленія, которые уподоблены были человѣкомъ дѣйствіа божества въ недоступномъ его наблюденію надземномъ мірѣ,—разумѣется по сходству на глазомѣрѣ,—кон потому слились и съ личностію божества и съ надземными явленіями; въ 3-хъ нравственные мотивы, игравшіе столь важную роль при объединеніи простыхъ мнѳовъ въ сложныя мнѳческія сказанія, тѣмъ большую роль, чѣмъ болѣе мнѳческія сказанія удалялись отъ первоначальной эпохи эпическаго творчества. Позднѣе они переходили въ чисто эстетическое мотивированіе, а еще позднѣе—въ пору рефлексивныхъ религій—въ религіозно-нравственные мотивы; при этомъ они болѣе и болѣе принимали отпечатокъ національности. Какіе изъ этихъ элементовъ и въ какой мѣрѣ могутъ появляться у каждаго народа самостоятельно?

О первомъ элементѣ, повидимому, и говорить нечего: благоприятныя или вредныя космическія явленія существуютъ помимо воли и сознанія человѣка; потому они невольно входили въ процессъ образованія религіозныхъ вѣрованій и мнѳческихъ сказаній народовъ въ такомъ, притомъ, видѣ, въ какомъ они существуютъ въ данной географической мѣстности, лишь бы только народы достигли известной степени гражданственности. А известно, что сходныя космическія явленія существуютъ или по всему земному шару, или по всей умѣренной полосоѣ его. Знаемъ также, что одинаковыя формы гражданственности, родовой бытъ, общинный бытъ, государственность и т. под. существуютъ и появляются у разныхъ народовъ, въ отдаленнѣйшихъ углахъ земли, болѣею частію самостоятельно. Очевидно, одинаковая космическая основа сказаній не только могла, но и должна была самостоятельно явиться у всѣхъ народовъ, живущихъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ природы и на одной степени гражданственности (или пережившихъ одну и ту же степень гражданственности).

Между темъ этотъ элементъ сказаній — самый существенный и самый живучий; одни образы замѣняются другими, являются и измѣняются нравственные мотивы; вся наружная форма сказаній преобразится совершенно, но мистическая основа остается и искуснымъ анализомъ можетъ быть выдѣлена изъ лодъ всѣхъ срывающихся ее покрововъ. Можетъ ли, поэтому, существовать на беломъ свѣтѣ хоть одинъ такой народъ, каго баснословныя сказанія не представляли бы нѣкоего сходства съ баснословными сказаніями всѣхъ иныхъ народовъ? Я это положительно отрицаю.

Что сказать о второмъ элементѣ? При выборѣ подобій воображеніе, какъ извѣстно, чрезвычайно прихотливо, такъ что здравой мысли подчасъ приходится не мало чудиться странности сближеній, которыя она никакъ не можетъ оправдать. Темъ не менѣе и для этого процесса познавательной дѣятельности разума уже опредѣлены нѣкоторыя нормы: напримѣръ, воображеніе не можетъ производить сближеній познаваемыхъ предметовъ съ несуществующими (въ природѣ, или сознаніи человѣка) вещами, иначе — создавать образовъ, не имѣющихъ конкретной основы: воображеніе сравниваетъ неизвѣстное съ извѣстнымъ, то есть, прежде всего и болѣе всего съ непосредственно-окружающимъ человѣка; ясныя и вѣрныя аналогіи должны всегда имѣть первенство и во времени, и въ значеніи предъ прихотливыми и странными образами, появляющимися преимущественно тогда, когда кругъ предметовъ, имѣющихъ ясное сходство, истощится. Если теперь приложимъ эти нормы къ употребленію мнѣческихъ сказаній, то окажется, что дѣло опять сводится къ вопросу о бытѣ народа и природѣ его страны, откуда человѣкъ почерпаетъ матеріалы для образовъ ¹⁾. Поэтому, если народы, при созданіи

¹⁾ Возможны при этомъ и такіе случаи, что народъ пользуется для составленія уподобленій даже такими предметами, которые не существуютъ въ его странѣ, но которые онъ хорошо знаетъ, или по воспомина-

мысле имѣли одинаковые матеріалы для уподобленій, они непременно создавали и одинаковыя уподобленія и сближенія. И наоборотъ, при различіи въ матеріалахъ непременно будетъ и соразмѣрное различіе въ образахъ. Поелому же условія природы всѣхъ внѣ-тропическихъ странъ болѣе или менѣе сходны, а кочевой бытъ, къ коему относится начало эпическаго творчества, представляетъ еще болѣе однообразія во всѣхъ чертахъ; понятно, что и въ этомъ элементѣ сказанія разныхъ народовъ должны имѣть большое сходство. Однакожъ сказанія народовъ, находящихся въ болѣе сходныхъ условіяхъ природы, должны и болѣе походить другъ на друга. Не нужно также забывать, что во 1-хъ развивающаяся гражданственность представляла новые и новые предметы для мнемическихъ уподобленій, а во 2-хъ стремленіе мысли къ правдоподобию и естественности незамѣтно, но постоянно обставляло старые образы подробностями современными позднѣйшимъ пересказчикамъ, поэтому относящимися къ позднѣйшей, сравнительно съ самими образами, эпохѣ гражданственности и носящими отпечатокъ опредѣленной національности. Отсюда слѣдуетъ, что большее сходство должны представлять сказанія племенъ наиболѣе близкихъ между собою по степени гражданственности, и не выработавшихся, по обстоятельствамъ, въ рѣзко обособленныя народности. Наоборотъ сказанія народовъ, находящихся на разныхъ степеняхъ гражданственности, неизбѣжно будутъ имѣть значительныя отличія, иногда въ самыхъ образахъ, но еще чаще въ дробныхъ чертахъ общихъ имъ образовъ, чертахъ придающихъ иногда, въ своей совокупности, новый видъ послѣднимъ. При этомъ первыя племена могутъ принадлежать

нію о той странѣ, откуда онъ произошелъ, или по слухамъ объ нихъ, какъ необыкновенныхъ вещахъ; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ предметы существуютъ если не въ природѣ, то въ сознаніи человека. Этимъ я объясняю существованіе въ нашихъ сказаніяхъ льва и слона, о которыхъ русскій человѣкъ всегда имѣлъ ясное представленіе.

въ разныхъ расамъ, а вторая — составлять вѣтви одного и того же семейства. Здѣсь-то и скрывается причина замѣчнаго г. Стецовымъ факта, что русскія быдны болѣе походятъ на отрывочныя пѣсни разныхъ турецкихъ племенъ, чѣмъ на многостраничныя поэмы Индусовъ, Персовъ — народовъ арийскаго происхожденія. Дѣло простое: русскій народъ, по условіямъ гражданственности во время появленія быдны, стоялъ гораздо ближе къ туркамъ, чѣмъ къ указаннымъ арийскимъ своимъ братьямъ.

Почти тоже нужно сказать о третьемъ элементѣ баснословныхъ сказаній — нравственныхъ мотивахъ, съ тѣмъ развѣ дополненіемъ, что нравственное мотивированіе вообще составляетъ позднее явленіе въ народномъ баснословіи. Извѣстно, что всѣ младенчествующіе народы, при вступленіи на поле исторіи, весьма похожи другъ на друга и по понятіямъ, и по обычаямъ, и по нравственнымъ качествамъ: тѣже взгляды на разные отношенія между людьми, тѣже добродѣтели и пороки, тѣже и обычаи. Извѣстно также, какъ безхитросны были ихъ понятія — обычаи, но и какъ грубы, какъ близки ко времени полнаго господства матеріальныхъ интересовъ и непосредственныхъ побужденій необлагороженной образованіемъ человѣческой природы. Но могли быть въ жизни младенчествующихъ народовъ и немаловажныя, хоть и второстепенныя, отличія: одинъ народъ предъ вступленіемъ на поле исторіи, ведетъ жизнь преимущественно мирную — земледѣльческую или торговую и объединяется въ государство, благодаря торговлѣ или тому подобнымъ мирнымъ интересамъ; другой дѣветъ грабежами и разбойническими набѣгами и объединяется ради военныхъ, хищническихъ интересовъ. Понятно, что это должно отозваться и на характерѣ и привычкахъ народовъ; одинъ будетъ обладать большимъ процентомъ благодушія и правдивости, а другой — большей долей кровожадности и любви къ насилиямъ. Не могло, конечно, все это не оставить слѣдовъ и на нравственномъ мотивированіи сказаній, а кромѣ того и на послѣ-

дующей исторической жизни народов: разъ приобретенныя народомъ примычки сохраняются долго. Въ мотивированіи же значенныхъ сказаній человекъ естественно отображалъ самого себя, переносилъ на божественныхъ героев свои собственныя побужденія, поелмку въ нравственной сферѣ онъ не зналъ иныхъ образовъ и подобій. Естественно, что древніе мотивы мифическихъ сказаній разныхъ народовъ представляютъ большее или меньшее сходство у всѣхъ народовъ; за исключеніемъ развѣ большей или меньшей дозы благодушія и правдивости, а также кровожадности и любви къ насилию, простота, грубость и матеріальность должны составлять общее ихъ достояніе. Но опять-таки скажемъ, что развивающаяся гражданственность, создавая новыя отношенія между людьми и новыхъ возбудителей дѣятельности ихъ, вносила въ сказанія новые мотивы, или прогрессъ самаго мотивированія, эстетическій прогрессъ въ самомъ творествѣ—дѣлалъ мотивы болѣе и болѣе ясными, а раскрытіе ихъ въ сказаніяхъ болѣе и болѣе стройнымъ и чрезъ то придавалъ послѣднимъ больше и больше эстетическаго достоинства. Не забудемъ и того, что развитіе гражданственности первоначально дѣйствовало на человечество разлагающимъ образомъ, выдѣляло изъ безразличной массы его рѣзко очерченныя народные организмы, рядомъ съ общечеловѣческимъ элементомъ, и нерѣдко въ ущербъ ему, все болѣе и болѣе развивавшіе свои національныя черты, то есть, оно дѣйствовало какъ разъ противно тому, что мы видимъ теперь на высотѣ гражданского развитія. Конечно, вліяніе этой причины должно было отразиться и на мотивированіи баснословныхъ сказаній, такъ что, по мѣрѣ развитія гражданственности у создавшаго сказанія народа, послѣднія должны были все болѣе и болѣе принимать въ этомъ отношеніи національный отпечатокъ. Отсюда слѣдуетъ, что баснословныя сказанія народовъ, не далеко ушедшихъ на пути гражданственности, отъ начала баснословнаго творчества, должны, по своему мотивированію, быть ближе другъ

къ другу, чѣмъ къ поѣтамъ высокообразованныхъ народовъ. и представлять болѣе обще-человѣческихъ чертъ, то есть, такихъ чертъ, кои, по сущности, конечно, а не по формѣ существуютъ и должны существовать у всѣхъ племенъ и во всѣ вѣка, каковы, на примѣръ, ревность, месть, ненависть и любовь и т. под. При этомъ какъ вѣрно то, что эти побужденія человѣческой дѣятельности составляютъ общее достояніе всѣхъ племенъ, такъ же несомнѣнно и то, что появленіе ихъ въ баснословныхъ сказаніяхъ народовъ не зависитъ отъ племеннаго происхожденія и тѣмъ болѣе отъ случайныхъ обстоятельствъ, въ родѣ заимствованія и т. под.

Изъ всего сказаннаго объ элементахъ баснословныхъ сказаній слѣдуетъ, что при одинаковыхъ условіяхъ они должны непремѣнно быть сходны, даже у разноплеменныхъ народовъ, слѣдовательно одинаковыя баснословныя сказанія могутъ появиться у разныхъ народовъ, независимо другъ отъ друга ¹⁾. Но, прибавимъ, одинаковость самостоятельно возникающихъ баснословныхъ сказаній имѣетъ свои предѣлы, за которыми сходство свидѣтельствовало бы о заимствованіи. Въ сказанномъ выше есть довольно данныхъ и для рѣшенія этого вопроса, то есть, вопроса о томъ, когда въ сходныхъ сказаніяхъ разныхъ народовъ слѣдуетъ признать заимствованіе однимъ народомъ у другаго и когда можно обойтись безъ него? Когда ихъ слѣдуетъ считать появившимися

¹⁾ Какъ далеко можетъ идти эта одинаковость сказаній разныхъ народовъ, наглядно показываетъ аналогическое сходство пословицъ европейскихъ народовъ о женщинахъ, въ заимствованіи которыхъ (пословицъ) однимъ народомъ у другаго еще никто кромѣ Стасова не заподозрилъ; да и трудно заподозрить, по самой многочисленности таковыхъ пословицъ. Между тѣмъ сходство ихъ весьма нерѣдко бываетъ дословное; отличаются отъ болѣею частію только тѣмъ, что вмѣсто однихъ второстепенныхъ предметовъ пословицы приводятъ другіе, по той причинѣ, что у одного народа этихъ предметовъ или вовсе не существуетъ, или и есть, но очень мало.

и развившимися у каждого народа самостоятельно? — Очевидно, то, что есть существеннаго въ сказаніяхъ, что составляет коренное мифическое содержаніе ихъ — изображеніе космическихъ свойствъ и дѣйствій божественныхъ личностей — богатырей, должно по всей справедливости считаться туземнымъ, самостоятельно происшедшимъ во всѣхъ странахъ, гдѣ только есть отвѣчающія имъ космическія явленія, напримѣръ: жизнедательное и истребительное, пожигающее дѣйствіе солнца, тучи, стремящіяся закрыть солнце, молніи, раздрающія икъ утробу и составляющія доминировать на землю плодотворное, сѣмя дождя, громъ, напоминающій стукъ оружія и небесную борьбу и т. под. Къ сожалѣнію космическія свойства и дѣйствія богатырей не всегда легко отличить отъ тѣхъ, кои обязаны своимъ началомъ мотивированію, то есть, приспособленію къ повдѣйшимъ понятіямъ, обычаямъ и потребностямъ народовъ. Особенно это трудно сдѣлать въ позднихъ пересказахъ, подвергшихся сознательной поэтической переработкѣ, въ коихъ, повтому, приспособленія занимаютъ больше мѣста, чѣмъ основной мифическій матеріалъ. Получить повтому рѣшительные результаты здѣсь возможно не иначе, какъ путемъ тщательнаго сравненія разныхъ сказаній между собою и съ природою странъ, гдѣ они возникли. Когда это будетъ сдѣлано со всюю массою эпического матеріала, тогда и вопросъ о заимствованіяхъ будетъ близокъ къ своему окончанію. Во всякомъ случаѣ изъ сходства космическихъ свойствъ и дѣйствій богатырей въ сказаніяхъ разныхъ народовъ нельзя заключать къ заимствованію ихъ одними народами у другихъ. Нѣтъ также основанія толковать о заимствованіи сказаній при сходствѣ въ нихъ такихъ образовъ, или отдѣльныхъ чертъ ихъ, तथाжъ мотивовъ, или развитія ихъ, которые, при извѣстныхъ условіяхъ существуютъ и должны быть у всѣхъ народовъ, напримѣръ образы князя и богатырей, купца, богатыршъ, вѣснаго коня, зѣна Горыныча и т. под., или хотя бы даже такая дробная

черта, какъ фактъ дѣтскихъ игръ съ товарищами у Добрыни и у Кривины, поелику дѣти играютъ не только въ Индіи или Россіи, но и по цѣлому свѣту. Иное было бы дѣло, если бы во 1-хъ у народа, находящагося въ низшей степени гражданственности, мы встрѣтили сказанія, свойственныя только болѣе высокому развитію гражданственности. Если бы во 2-хъ мы нашли въ сказаніяхъ предметы не соответствующіе природѣ страны, гдѣ они найдены, или такіе, о которыхъ народъ, создавшій сказанія не могъ никакъ составить яснаго представленія, напимѣръ, если бы жатва знойныхъ, бездождныхъ равнинъ Месопотаміи толковать о плодотворящемъ сѣмени, заливающимся на землю или о стогахъ облачныхъ коровъ и т. под.; или если бы русскіе въ сказаніяхъ упоминали о буйволахъ, пальмахъ и тому подобнымъ южнымъ предметамъ, о которыхъ они никакъ не могли составить себѣ представленія ¹⁾. Въ 3-хъ, если бы въ образахъ или мотивахъ сказаній одного народа мы встрѣтили понятія, нравы и обычаи, не бывшіе и не могшіе быть у него, напротивъ составляющіе характеристическія черты иныхъ народовъ; если бы, напимѣръ, въ русскихъ сказаніяхъ встрѣтились брахманскія понятія, нравы и обычаи, законъ гандхарвовъ, споры о престолонаслѣдіи между дѣтими государя отъ разныхъ женъ, театры, очищеніе душъ предковъ заслугами потомковъ, жизнь газелей и т. под. Въ 4-хъ иное тоже дѣло, когда въ сказкахъ о Урусманѣ Залазаровичѣ или о Бовѣ Королевичѣ встрѣчаемъ буквальное почти сходство собственныиъ именъ, притомъ именъ необъяснимыхъ славяно-русскими корнями и словоприводствомъ, съ именами персидскими и западно-европейскими въ Шах-Намѣ и въ сказаніяхъ о Карлѣ Великомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сходство сказаній свидѣтельствуетъ о

¹⁾ Что касается льва и слона, встрѣчающихся, хоть и рѣдко, вопреки утвержденіямъ Стасова, въ русскихъ быліяхъ, то это обстоятельство можно подложить подъ сдѣланную нами оговорку.

заимствованіи; но въ этихъ случаяхъ и насчетъ литературныхъ произведеній нужно было бы сказать тоже, то есть, что они заимствованы. Для опредѣленія мѣста въ исторіи баснеасвѣія сказаній разныхъ народовъ важенъ еще вопросъ о признакахъ, по которымъ можно узнавать относительную ихъ древность. Внимательно прочтенный предварительная соображеній, не задушевается сказать, что она должны быть противоположны признакамъ, указываемымъ Стасовымъ.

Первый и важнѣйшій признакъ древности сказаній, — это принадлежность ихъ къ тому или другому царству боговъ. Сказанія, относящіяся къ древнѣйшему царству боговъ, безусловно древнѣйшіи и т. д. Сравнительно съ этими признакомъ все иныя черты мифовъ, напримѣръ: краткость или полнота, большая или меньшая мотивированность имѣютъ второстепенное значеніе. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что древность самихъ царствъ боговъ опредѣляется не хронологически, но по отношенію въ исторіи гражданственности. Греческій Зевесъ древнѣе хронологически славянскаго Дажьбога; вѣра въ него была еще сильна ко времени образованія русскаго государства въ концѣ перваго тысячелѣтія по Рождествѣ Христовомъ; но въ исторіи гражданственности и религіознаго сознанія человечества царство Дажьбога (солнца) составляетъ древнѣйшую формацию сравнительно съ Олимпомъ Зевеса-Тучелюпитла. Псалмидній соответствуетъ періоду государственной жизни народовъ, первый же обождался племенами кочевыми, или только что переходящими къ осѣлости. Сказанія Пуранъ хронологически древнѣе всѣхъ нашихъ былинъ, но въ исторіи мифологии содержаніе многихъ изъ послѣднихъ можетъ называться болѣе древнимъ, потому что Русь при созданіи былинъ стояла на болѣе низкой ступени гражданственности, чѣмъ Индія въ эпоху происхожденія Пуранъ.

2) Изъ числа мифовъ, относящихся къ одному царству върваній древнѣе тотъ, который менѣе распространенъ, менѣе при-

направленъ къ позднѣйшимъ понятіямъ, обычаямъ и потребностямъ народовъ, а слѣдовательно и менѣе мотивированъ, послѣдую, какъ я уже сказалъ, подробности создаются постепенно, позднѣе образованіе основъ мифа, подъ вліяніемъ стремленія къ естественности и жизненности, которыя и придаются мифу при сравненіи его къ современнымъ понятіямъ и обстоятельствамъ. Поэтому сказанъ русскихъ былины мало-развитый, слабо мотивированный, или мотивированный чертами заимствованными изъ семейнаго и племеннаго быта, безъ сомнѣнія, мифологически древнѣе сказаній индійскихъ мифовъ, всегда полно-развитыя и мотивированныя чертами, взятыми изъ законовъ Ману, то есть, государственныхъ законовъ. Тоже нужно сказать и объ относительной мифологической древности русскихъ былины и многихъ тибетскихъ и другихъ восточныхъ сказаній, на которыя указываетъ Стасовъ.

3) Древнѣе также тѣ сказанія, въ коихъ образы и мотивы носятъ общечеловѣческой отвлеченность, а не частно-народный и напоявляютъ о низшихъ степеняхъ гражданственности, а не о развитыхъ формахъ государственной жизни, иначе—въ коихъ болѣе доисторическихъ и менѣе историческихъ чертъ.

Болѣе частные признаки древности: а) количество лицъ, ставящихся съ героемъ на одномъ поприщѣ, въ одномъ дѣйствіи; чѣмъ больше лицъ, тѣмъ сказаніе новѣе, а не наоборотъ, какъ думаетъ Стасовъ, видящій въ меньшемъ количествѣ искамение (см. напр. стр. 667 2-й кв). Мы уже имѣли случай высказать, что чѣмъ древнѣе формація, или царство боговъ, тѣмъ меньше божественныхъ личностей; тоже замѣчено было нами и о мифахъ. Поэтому, если, напримеръ, Шах-Намъ вмѣстѣ одного змѣя Горыныча заставляетъ Рустава побѣждать послѣдовательно многихъ вождей дивовъ, или злихъ духовъ, тѣмъ самымъ она изобличаетъ новизну своей редакціи. б) Опредѣленіе мѣста дѣйствій между небомъ и землей, или въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, вмѣстѣ определенной географической мѣстности

сти, поэтому неопредѣленность мѣста прямо свидѣтельствуетъ о недостаточномъ забвеніи надземнаго характера дѣйствій; определенность же дѣйствій говорить о полномъ извѣденіи мнѳовъ съ неба на землю. Много и иныхъ признаковъ можно было бы указать, но для оцѣнки теоріи Стасова, думаю, что достаточно и этихъ.

Я не могу пройти молчаніемъ и того вопроса: могутъ ли мнѳы и вообще народныя сказанія быть историческими матеріалами и свидѣтельствовать о понятіяхъ, нравахъ и обычаяхъ создавшаго ихъ народа? Стасовъ отрицаетъ эту возможность и позволяетъ себѣ относиться иронически къ выводамъ ученыхъ, державшихся противоположнаго взгляда. Наука же мнѳологии говоритъ, что мнѳическія сказанія подвергаются измѣненіямъ подъ вліяніемъ исторіи создавшихъ ихъ народовъ, что мнѳы изводятся съ неба на землю и прикрѣпляются къ извѣстнымъ географическимъ мѣстностямъ и историческимъ событіямъ и что они позднѣе нравственно-мотивируются, или приспособляются къ позднѣйшимъ понятіямъ, убѣжденіямъ и потребностямъ общественной и государственной жизни народа. Основываясь на авторитетѣ науки, я положительно утверждаю, что въ русскихъ былинахъ можно и должно видѣть черты древне-русскихъ понятій, нравовъ и обычаевъ, въ индійскихъ сказаніяхъ черты жизни индѣйцевъ и въ сказаніяхъ монголовъ, тюрковъ и т. п. черты ихъ жизни. Не нужно забывать только, что національность отпечатлѣвается на подробностяхъ и внѣшней формѣ сказаній, а не на основномъ содержаніи ихъ—героѣ и подвигахъ его, имѣющихъ мнѳологическое, общечеловѣческое значеніе. И кто не признаетъ русскаго обдѣла въ кievскомъ Владимірѣ—Брасномъ солнышкѣ, пирующемъ съ дружиною въ свѣтлой горницѣ, за столами дубовыми, жалующемъ богатырей и по имени и по изотчеству, или въ его удалой дружинѣ, борющейся въ чистомъ полѣ съ поленицею поганой, съ татарами проклятыми, въ вѣжливомъ Добрыѣ Никитичѣ, завѣст-

живою Алѣнѣ Полювичѣ, прямодушномъ и честномъ Ильѣ Муромцѣ и т. д. хотя бы первоначальный существенный смыслъ ихъ былъ общечеловѣческій? Нельзя не признать и того, что подробности индійскихъ сказаній живо рисуютъ именно Индію, притомъ Индію не Вадъ, а брахманизма съ его кастическимъ устройствомъ, отшельничествомъ, самоуглубленіемъ и другими его добродѣтелями. Конечно свое родное признали бы кочевые сыны степей средней Азіи въ подробностяхъ сказаній монгольскихъ и тюркскихъ, привожденныхъ Стасовымъ. Не мѣшаетъ также помнить, что историчность народнаго эпоса не то что историчность лѣтописей. Последние, говоря о жизни и подвигахъ князей, сообщаютъ (или по крайней мѣрѣ обѣщаютъ и обязаны сообщить) дѣйствительно бывшее съ нами и въ ихъ время; для перваго же историческія лица и событія служатъ только знаменемъ, верѣдко, притомъ, случайнымъ, подъ комъ совокупляется масса отдѣльныхъ чертъ той эпохи, въ которой относятся, которую чаще всего начинаютъ эти событія или лица; отсюда въ немъ всѣ историческія свойства и дѣйствія выводимыхъ лицъ имѣютъ не индивидуальное личное, но родовое значеніе. Здѣсь господство «чистой воды» Винкельмана. Поэтому въ томъ, напримѣръ, что говорятъ былины о Владимірѣ—Красномъ солнышкѣ, ничуть не слѣдуетъ видѣть біографіи Владиміра святаго, или какого нибудь другаго Владиміра, а ужъ скорѣе сборную біографію всѣхъ Киевскихъ князей дотатарскаго періода вмѣстѣ (разумѣется насколько этотъ Владиміръ былины есть человѣческая, а не божественная личность). Мнѣ кажется, что произвольность и странность многихъ выводовъ нашихъ ученыхъ о русскихъ былинахъ, на что такъ жалуются г. Стасовъ и что онъ осмѣиваетъ, весьма много зависятъ именно отъ забвенія этихъ двухъ обстоятельствъ; главною же причиною была, конечно, одновременность общихъ выводовъ, то есть, что выводы дѣлались прежде чѣмъ была изучена подробно и основательно самый матеріалъ, почему они говорили не то, что слѣдовало изъ фактовъ, а что подсказывало ученымъ ихъ разитравившемуся воображенію.

Но и г. Стасовъ выпустилъ ихъ изъ виду, когда потребовалъ, чтобы въ русскихъ былинахъ было помещено все то, что только онъ знаетъ по бытовой исторіи древней Руси (гг. Соловьевъ и Костомаровъ, конечно, могли бы заявить еще большія на этотъ счетъ требованія). На его вопросы, почему въ былинахъ нѣтъ тѣхъ или другихъ несомнѣнныхъ-де чертъ древне-русской жизни (съ этой несомнѣнностію мы еще встрѣтимся), безликий авторъ, безсознательный творецъ былинъ могъ бы съ еще большимъ правомъ и основательностію сказать то, что отвѣчалъ г. Стасовъ своимъ критикамъ, требовавшимъ для подтвержденія его теорій тѣхъ или другихъ доказательствъ, рѣшенія тѣхъ или другихъ соприсношенныхъ вопросовъ: это мнѣ не мѣшается, или это въ планъ мой не входило... Его вопросы въ сущности говоря равняются слѣдующему вопросу: почему народный эпосъ не исторія? Единственный отвѣтъ на него — потому, что не исторія! Еслибы онъ былъ исторіей, онъ сообщилъ бы (по крайней мѣрѣ) по возможности всѣ черты эпохи, къ которой онъ относится. Но поскольку онъ не исторія, то онъ могъ сообщить только нѣкоторыя черты эпохи, а другихъ не сообщать; но почему онъ сообщилъ одиѣ, а опустилъ другія черты — это тайна народнаго творчества или, лучше, дѣло случая. Былинный или героическій эпосъ даже не историческій эпосъ, отъ котораго онъ отличается обратнымъ отношеніемъ чисто-историческаго элемента къ баснословному; то есть, въ первомъ основа — баснословная, историческія же черты — случайное дополненіе къ баснословію, во второмъ — дѣло наоборотъ. И потому нужно пользоваться тѣмъ, что есть въ былинахъ, а не отказываться отъ лишняго историческаго источника потому только, что многихъ чертъ нѣтъ въ нихъ; если это разбирать, пожалуй не придется пользоваться никакими историческими матеріалами. Привозъ отъ русскихъ былинъ уже потому нельзя ждать полноты историческихъ чертъ, что былинное творчество было остановлено въ своемъ развитіи и не соз-

даже полного цикла сказаній. Но смѣльно ошибся бы тотъ историкъ, который вербразилъ бы, что достигшій полного развитія народный эпосъ, напримеръ, у грековъ въ Илиадѣ и Одиссеѣ, у индусовъ въ Рамаянѣ и Магабарадѣ, впитываетъ въ себя всѣ черты эпохи и выдумалъ бы, на основаніи ихъ, увѣрять, что никакихъ иныхъ чертъ мысли у грековъ и индусовъ, кромѣ вошедшихъ въ эти поэмы, и не было. Въ частности, по отношенію къ вопросу о заимствованіи, научное значеніе имѣла бы только совершенно обратная постановка вопросовъ г. Стасова о подробностяхъ, то есть, еслибы онъ имѣлъ возможность спрашивать не о томъ, почему дѣйствительно существовавшія черты русской жизни не указаны въ былинкахъ, а о томъ, почему существуютъ въ нихъ такія черты, кои въ русской жизни не было и не могло быть. Но г. Стасовъ знаетъ, что указывалъ въ былинкахъ и такія черты, кои въ древне-русской жизни не было. Дѣйствительно, отвѣтивъ, указывалъ, но вѣрно ли онъ определялъ эти черты, это еще увидимъ.

Развитая мною теорія не отрицаетъ и національнаго сродства баснословныхъ сказаній, но только подчиняетъ его всеобщимъ дѣтелямъ — условіямъ природы и гражданственности. Поэтику въ баснословіи ничто, можно сказать, не теряется, напротивъ отъывается такъ или иначе на самыхъ отдаленнѣйшихъ степеняхъ баснословнаго творчества, то, конечно, сказанія отдельныхъ народовъ одной расы должны были сохранять нѣкоторыя черты того времени, когда цѣлая раса составляла одно цѣлое, имѣла одну языкъ, одни понятія и обычаи, а следовательно и общее баснословіе, если только, прибавивъ, не стояла она, во время своего раздѣленія на племена, на той ступени, на коей появленіе баснословія еще не возможно. Но при отыскиваніи въ сказаніяхъ національнаго источника, нужно дѣйствовать осторожно, чтобы результатъ общихъ дѣтелей не приписалъ единству происхожденія народовъ. Повидимому, объяснять послѣднимъ сход-

ство баснословныхъ сказаній позволительно только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что условія природы и гражданственности обособившихся народовъ не соответствовали содержанию и формѣ сказаній и что соответственныя условія существовали у праматерняго народа. Только при такой осторожности можно избѣгнуть возраженія, приведеннаго г. Стасовымъ: какими образомъ сказанія народовъ одной расы могутъ болѣе походить на сказанія народовъ другой расы, чѣмъ на сказанія осплеменныхъ народовъ? Исслѣдованія Пиктэ даютъ, повидимому, основаніе думать, что арійскій пра-народъ уже имѣлъ нѣкоторыя мифы, которые должны были остаться и у выдѣлявшихся изъ него племенъ, подлежа только процессамъ объединенія и забвенія мифовъ; но при недостаткѣ вѣрныхъ историческихъ данныхъ можно было бы удовольствоваться и тѣмъ, еслибы аргюи привелось доказать, что тѣ или другія физическія основы, тѣ или другіе образы и мотивы не могли создаться самостоятельно у всѣхъ вѣтвей этого пра-народа и поэтому должны были составлять достояніе его до раздѣленія.

Вотъ теорія, которая если не господствуетъ, то будетъ господствовать въ наукѣ о баснословіи, при исслѣдованіи отношенія баснословныхъ сказаній одного народа къ подобнымъ же сказаніямъ другякъ. Она согласна съ извѣстными намъ фактами въ области народнаго баснословія и объясняетъ всѣ явленія въ этой области, указанныя (и даже не указанныя) г. Стасовымъ, не представляя черныхъ точекъ, то есть, недоумѣнныхъ вещей, найденныхъ самимъ г. Стасовымъ въ его теоріи. Она находитъ себѣ подтвержденіе даже въ большей части общихъ взглядовъ, извлеченныхъ г. Стасовымъ изъ сравненія русскихъ былинъ съ восточными сказаніями, хотя ведетъ къ совершенно инымъ слѣдствіямъ. Она указываетъ баснословію человѣчества естественный путь развитія отъ несовершенства къ совершенству, а не заставляеть его, вопреки всему, что только ни представляетъ исторія чело-

вѣдѣнства, являться ни съ того ни съ чего полнымъ совершенствомъ у одного народа, примѣрно у индѣйцевъ, и потомъ постепенно разлагаться и падать, переходя отъ одного народа къ другому. Пока оно не показалось въ недеггійя руны русскаго человѣка, будто бы окончательно его оставившаго. Оно даже въ случаѣ заимствованій въ области баснословія лучше теоріи г. Стасова объяснить, какъ могъ одинъ народъ создать странную (на нашъ взглядъ) чепуху, а другой перенять ее и оба считать за иѣчто въ высшей степени священное.

Но, скажутъ приверженцы теоріи заимствованій, положимъ и вѣрно то, что законы происхожденія и развитія баснословія у народовъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ, неизбѣжно вымываютъ весьма сходныя баснословныя сказанія, безъ всякаго вліянія ихъ другъ на друга; но развѣ не могла явиться въ сказаніяхъ подобная законосообразность, или соотвѣтствіе ихъ съ условіями природы и гражданственности и при заимствованіи ихъ, какъ нибудь случайно? Почему невозможно, что одинъ народъ, перенимая вѣрованія другаго, болѣе развитаго народа, принаровдиль ихъ къ своимъ условіямъ? Или не можетъ ли случиться такимъ образомъ: одинъ народъ изобрѣлъ не мифологическія, а поэтическія разсказы, напримѣръ о двухъ братьяхъ, побивающихъ враговъ страннымъ оружіемъ, ниспосланнымъ съ неба, или о враждебной встрѣчѣ въ бою отца съ сыномъ, не узнававшихъ другъ друга и т. под., а другіе народы перенимали ихъ, но усвоили посвоему то съ прибавленіями, то въ урѣзанномъ видѣ? Какъ ни противонаучны, какъ ни не рациональны эти вопросы, представляющіе намѣренное отверженіе научной точки зрѣнія, ищущей повсюду законосообразностей и не измышляющей случаевъ уклоненія отъ нея, но чтобы исчерпать возможныя основанія для теоріи заимствованія, коснемся и ихъ, предоставляя себѣ за это право въ отвѣтъ ограничиться самымъ необходимымъ.

И это приближение приверженцев теории заимствований въ области баснословныхъ сказаній не надежно, како бы мы не счѣтали за сказанія, то есть, признаемъ ли въ нихъ главу народного богословія, или забавныя поэтическія разказы, дело перенимаемые ради своей забавности. Въ первомъ случаѣ указанное предположеніе, не говоря уже о безполезнасти для объединенія исторіи религіознаго сознанія человѣчества, встрѣтило бы противъ себя всѣ извѣстные факты религіознаго вліянія однихъ народовъ на другіе. Ни одна религія до сихъ поръ не распространилась тамъ, гдѣ она не могла встрѣтить родственныхъ себѣ элементовъ. Даже христіанство — универсальная религія, способная удовлетворять религіознымъ стремленіямъ человѣчества на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ гражданственности — и та особой легкостію распространилась у тѣхъ лишь народовъ, которые еще не далеко ушли отъ періода древняго личнаго божества неба, или, которые подготовлены были къ единобожію философскимъ путемъ, и не имѣла почти никакого успѣха тамъ, гдѣ люди долго жили подъ вліяніемъ противоположныхъ ему началъ и крѣпко усвоили ихъ и въ понятіяхъ, и въ бытѣ. Что же сказать объ естественныхъ національныхъ религіяхъ періода процвѣтанія баснословія, въ коихъ каждый поступательный шагъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ шагомъ къ удаленію религіознаго сознанія отъ обще-человѣческой основы, къ пріобрѣтенію узко-национальныхъ чертъ, а чрезъ то къ потерѣ всякихъ точекъ соприкосновенія съ бытомъ и складомъ мысли народовъ, оставшихся на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія. Очевидно, усвоеніе послѣдними образованныхъ религій высокоразвитыхъ народовъ не легко мыслимо; да его что-то и не видно въ исторіи человѣчества, — дикіе сосѣди высокоцивилизованныхъ въ естественномъ духѣ народовъ въ религіозномъ отношеніи, обыкновенно, еще менѣе представляютъ сходства, чѣмъ въ культурѣ. Напрогнвъ мы замѣчаемъ заимствованія у народовъ близкихъ другъ къ другу гео-

грабительски и по условіямъ гражданственности, напримеръ, египтянами у скандинавовъ и славянъ, нѣкоторыми славянскими племенами у литовцевъ. Здѣсь, дѣйствительно, отставшій народъ подчиняется достигшему большей опредѣленности въ догмѣ и культурѣ, но онъ самъ возвышается до этой опредѣленности, а не искажаетъ ее по своему вкусу и нуждамъ; при этомъ онъ оставляетъ, обыкновенно, прочный памятникъ этого заимствованія (народы тогда еще не знали національнаго честолюбія и заимствованій своихъ не находили нужды таить), усвоивъ себѣ чужеродныя имена божествъ и принадлежностей культа. Понятно ли отсюда, что баснословныя сказанія въ цѣломъ своемъ объемѣ не могли перейти отъ одного народа къ другому и что заимствование нѣкоторыхъ частныхъ, ради большей опредѣленности догмы и культа, еслибы оно случилось, должно было бы само себя изблещать чужими именами и формами?

Но вотъ *terribles enfants* науки о баснословіи, — независимыя отъ процесса развитія религіозной мысли созданія досужей фантазіи, поэтическіе разказы, эпическіе мотивы и выраженія, получившіе свое бытіе должно быть отъ какого-то, очень остроумнаго человѣка, съ цѣлію позабавить почтенную индѣйскую публику, потомъ разгуливавшіе, должно быть ради забавности, по всему востоку и наконецъ дошедшіе до насъ, а чрезъ насъ и въ Европу!... Что объ нихъ сказать? А вотъ что: еслибы они были возможны въ народной словесности, пожалуй наукѣ съ ея законосообразностію пришлось бы отступить отъ нихъ, поелику она ни утверждать, ни отрицать, ни даже вообще создать какос-либо мнѣніе о произведеніяхъ такъ называемой чистой или досужей фантазіи не можетъ. Кто знаетъ и скажетъ, какую форму приметъ прихотливый полетъ фантазіи? Кто опредѣлитъ и то, почему такія сказанія при переходѣ отъ одного народа къ другому приняли такую, а не иную форму? Но дѣло въ томъ, что они невозможны; созданій чистой фантазіи въ безъискусственной сло-

военности народа, какъ я уже выше показала, не бываетъ и быть не можетъ. Вѣчное стремленіе человѣческаго ума къ естественности и правдѣ не допускаетъ мысли, чтобы какіе либо народы рѣшились сознательно выдумывать небывающія въ лицахъ, какъ бы она ни была забавна, а другіе стали перенимать ее. Элементы для подобнаго рода созданій дѣйствительно являются въ области народнаго богословія, но являются очень поздно, при концѣ человѣкообразнаго нравственнаго мотивированія. Въ эту пору народное творчество уже переходитъ въ періодъ сознательной личной поэтической дѣятельности; тогда богословныя сказанія теряютъ уже свой священный характеръ, послѣду уже не говорятъ о богахъ, а о людяхъ, и обращаются въ простыя, забавныя повѣсточки. Положимъ онѣ могутъ быть въ этомъ видѣ перенесены къ иному народу (я думаю, что никакъ не раньше появленія у него искусственной литературы; сказка о Ерусалимѣ Залазаревичѣ не имѣетъ списковъ старше XVI вѣка); но какой характеръ онѣ должны носить здѣсь? Очевидно тотъ, который имѣли на родинѣ, то есть, видъ простой повѣсти о человѣческихъ вещахъ, назначенной для забавы. Она можетъ быть хуже пересказана, съ пропусками и искаженіями, но всетаки останется простою повѣстію, или новеллой. Забытое значеніе вещей иного народа возоблудиться не можетъ. Скажите же, какими образомъ подобныя забавныя повѣли и остроумныя выраженія востока въѣхавъ на Русь приобрѣтаютъ снова священный характеръ и дѣлаются главами народнаго богословія, въ которыхъ если не остаются по мѣстамъ нравственнаго мотивированія, за то физическіе или что тоже божественные мотивы принимаютъ древній, ясный и разумный не своему характеръ? Вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ—чудо; а если не чудо, то прямое опроверженіе теоріи заимствованія былинъ русскими народами.

Послѣ всего, что было сказано, нужно ли много распространяться въ опроверженіи приведенныхъ г. Стасовымъ доказа-

тельность того, почему они признают русские былины сложением восточных рассказов? Я думаю, что каждый внимательно прочитавший предыдущее, без особого труда в новой истории сам оценит силу и доказательность его аргументов. Конечно ясно то, что большая краткость русских былин, даже в сравнении с многими восточными рассказами (индийскими, персидскими и тибетскими), равно как и меньшая связанность и худшее нравственное мотивирование их, служат неоспоримым доказательством их большей древности в процесс развития баснословия. Точно также ясно и то, что хронологическая давность и баснословная древность — вещи несоизмеримы, почему первая вовсе не может быть доказательством катехеско-символических отношений баснословных сказаний разных народов. Отношение же религиозно-нравственных мотивов (равно как и возможных религиозных воззрений в виде притчи) к древнейшей поре баснословия есть, по просту говоря, следствие незнания азбуки истории естественных религий. Не слушать нас и бедность расхождений, или ограниченность, и несправедливость мнений и действий в русских былинах, должны эти явные признаки древнейшего периода баснословного творчества, да сведенные вниз с неба на землю. Читатель не усумнится также сказать, что общее сходство русских былин с восточными рассказами еще ничего не значит, поскольку при одинаковых условиях природы и гражданственности баснословные сказания разных народов, родственных и иноплеменных — все равно, должны неизбежно подойти друг к другу. По той же причине не только возможно, но и должно быть большее сходство между русскими былинами и баснословными сказаниями иноплеменных творцов, живущих в условиях, более близких к обстоятельствам жизни русского народа, чем между ними и обработанными поэмами высокообразованных древних индусов, семитов и русских, ко древних же баснословных сказаниях индусов, которые бы соот-

вѣтствовали періоду появленія былинъ на Руси, свѣдѣній мы почти не имѣемъ. Болѣе важное, подчасъ даже рѣшительное значеніе имѣло бы указаніе на полнѣйшее будто бы сходство русскихъ былинъ съ восточными, чаще тюркскими пересказами въ подробностяхъ, особенно же въ такихъ подробностяхъ, которыхъ бы не было, или не могло быть въ древней русской жизни, но которыя составляютъ характерныя черты тюркскаго племени, если бы только было возможно (статья о былинахъ) Предупреждаемъ тутъ мы и сосредоточимъ свое вниманіе, тѣмъ болѣе, что возражать на это доказательство возможно не отъ общихъ началъ, а изъ подробнаго разбора сходныхъ въ сказаніяхъ чертъ и снесенія ихъ съ свѣдѣніями о древне-русской жизни.

(Продолженіе будетъ).

А. Розовъ.

Въ настоящее время въ русском обществе существуетъ сильное стремленіе къ изученію древней русской жизни. Это стремленіе обусловлено многими причинами. Во-первыхъ, это стремленіе къ познанію своего народа, къ выясненію его историческаго пути. Во-вторыхъ, это стремленіе къ познанію культуры своего народа, къ выясненію его особенностей. Въ-третьихъ, это стремленіе къ познанію культуры другихъ народовъ, къ выясненію ихъ особенностей. Это стремленіе обусловлено также и темъ, что въ настоящее время въ русском обществе существуетъ сильное стремленіе къ изученію древней русской жизни. Это стремленіе обусловлено многими причинами. Во-первыхъ, это стремленіе къ познанію своего народа, къ выясненію его историческаго пути. Во-вторыхъ, это стремленіе къ познанію культуры своего народа, къ выясненію его особенностей. Въ-третьихъ, это стремленіе къ познанію культуры другихъ народовъ, къ выясненію ихъ особенностей. Это стремленіе обусловлено также и темъ, что въ настоящее время въ русском обществе существуетъ сильное стремленіе къ изученію древней русской жизни.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СИНАЙСКАГО БОГОМОЛЬЦА.

Сандъ. 23. июля. 1870.

Итакъ мы въ Аорикѣ; третьей по счету ширьному и первой по историческому ходу, части свѣта. По картѣ, чуть не вся она кажется одною неодолимою степью. Признаться первое впечатлѣніе, какое она сегодня произвела на насъ, не много расходится съ вынесеннымъ съ ученической скамейки. Степь—въ полнѣйшемъ значеніи этого слова, даже какъ бы въ усилеиномъ, потому что къ понятію ровной безъ конца, и пустой во всѣ концы, поверхности земли надобно еще присовокупить представленіе необозримаго песка или непроходимаго болота,—одного лучше другаго! Но если несомнѣнно, что мы въ Аорикѣ, то вѣрно ли, что вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Египтѣ? Межеумочный перешеекъ Суецкій до нашихъ дней посмѣвался нашимъ географическимъ раздѣленіямъ земли. Лесепсъ оказалъ между прочимъ и географіи услугу не малую. Проведенная имъ по перешейку водяная борозда вдругъ обозначила предѣлы Азіи и Африки на этой точкѣ земной поверхности. Но вопроса «Египетскаго» она не коснулась. Мы разумѣемъ Египетъ историческій, до котораго одного и можетъ быть богомольцу дѣло, и то—не всякому. Фактически Саидъ принадлежитъ Египту. Будемъ думать потому, что мы уже въ Египтѣ. На первыхъ порахъ, въ увлеченіи успѣхомъ задуманнаго небывалаго предпріятія, помню, многіе предвѣщали Са-

илу значение столицы Египетской, или по крайней мере значение Александрии, возмужав венецъ съ развиваемаго ими Каира на *Измаилию*, и даже больше сего, переводя въ Измаилию самый Квотинтинополь, а каналь обращая въ Босфоръ. Остается теперь лишь поверить нагляднымъ наблюдениемъ, въ какой степени сбыточна эта блестящая утопия. Вотъ мы идёмъ, или лучше, тапнися ко отворотнымъ Оивамъ будущаго времени. Воротъ конечно не встрѣтишь въ такомъ недавнемъ городе, какъ Саидъ, но улицы его действительно тождественны бы для Оивъ. Онъ очень широкъ и расчлененъ по разнымъ линиямъ, но такъ, что образуется изъ нихъ общій перекрестокъ въ формѣ довольно просторной площади, по срединѣ которой устроенъ фонтанъ съ круглымъ широкимъ водосливомъ. Улицы и площадь не вымощены ничѣмъ. Въ sidewalk ихъ сероватаго дѣла тонетъ вся ступня пѣшехода. Дома ближайшую частію высокіе «европейскіе», какъ говорятъ о нихъ на Востокѣ, съ магазинами въ нижнихъ этажахъ. Видѣській, какъ слѣдуетъ ожидать, всё на французскомъ языкѣ рѣдко гдѣ съ переводомъ на греческій и, еще рѣже, на арабскій. Улицы, по которой мы съ трудомъ переставляли ноги, вывела насъ на удивляющую площадь. Съ перваго раза видно, что это центральный часть города. Важный: она вся въсѣмъ занята зданіемъ хорошаго каменцою постройки. Только слѣпой не прочесть бы огромной надписи, украшающей оное: *Hôtel de Louve*. Незрѣчивый, но бодрый, юноша изъ туземцевъ величаво прямо къ нему. Этотъ «доместикъ» профессіей своей имѣетъ привычку заѣзжихъ въ Саидъ эмигрантеровъ и рекомендовать имъ свой «самый лучший и самый дешовый» отель. Нашъ драгоманъ обратился было къ нему съ какою-то вопросомъ по арабски, но, какъ говорится, обжегся. Юноша съ добротствомъ отвѣтилъ по французски, что онъ французъ (а не арабъ — подразумевается). Въ «дверь» мы зашли весьма приличную комнату съ балкономъ на площадь, чистую и свѣтлую, съ мебелью ма всеми французскаго вкуса. Впрочемъ

гареонъ» (въ памятной грамматикѣ Перелогова, — мальчикъ, а
дѣтъ этой грамматикѣ — мудница дѣтъ, 30-ти) явившіяся къ намъ
на разныхъ дитяескихъ осѣдомленіяхъ... была одѣтъ: просто въ
рубашку, но зато съ остротъ на годовѣ дѣтъ и напоминая намъ
собой разительное сомнительное *ami d'aller* (галла), дѣлаю поудна
дала бурить. Вообще онъ казался очень солиднымъ. Когда ему
заказывали приготовить кофе съ молокомъ «снѣ намерь, вѣмецкій»,
онъ смѣшно поправилъ насъ говоря: *oui, monsieur, à la française*.
Сначала мы приписали это простому галльскому патристиву, но
вскорѣ убѣдились, что поправка его имѣла политическій стѣмокъ.
Раскаты отдаленнаго грома, браннаго, оплушающаго средину Ев-
ропы, доходя до насъ досюда, и имѣли даже дѣйствіе неуверенно
предсѣдующахъ другъ друга снѣ. Мы, несчастныя, были всели-
роданы и своею национальностью, и словомъ, полонинесонизъ ха-
рактеромъ, и могли, безразлично, относиться къ какому-то такъ
и дѣтъ другому названію, одинаково приготовляемому кофе. Мы
не возражали галлу, и онъ, жосаствывая, пошелъ исполнить за-
казъ нашъ. Итъ, бурога, ила, лѣтъ пукни въ томъ время дооси-
лѣтъ рѣзня, и поити не переставая завыванія французской пѣ-
сенни, а гдѣ-то въ соседнемъ номерѣ декламировался въ девятый
разъ, одинъ и тотъ же, сплѣтъ какого-то водевильнаго куллета.
Одинъ, словенъ, нуть, былъ «французскій духъ». Франціей
нахло, Помни, итъ-то, разнъ задавалъ себя вопресть, исть ии хоти
одна, точка соприкосновенія между: *à la française* и живанъ рус-
скаго духовенства, и рѣшалъ его утвердительно, «сравнивая это
прикосновеніе съ дѣйствіемъ воды, брошенной на горячую скове-
роду». Мы испытывали ослу и точность этого сравненія вслѣдъ
разъ, какъ проходили мимо олошкѣ изъ котораго разносился
неуроконая пѣсня. Она вдругъ скопала, и возобновлялась по-
томъ, уже не скоро. Видно, требовалось не одна минута для
переваренія въ мыслѣ нашего костюма, и всего нашего изолиро-
ваннаго положенія въ французскомъ духѣ и западѣ. Для наблю-

полномъ «христіанствѣ» когда увидѣлъ, что мы приложимся къ св. евангелію, а главное—заговорили съ нимъ погрѣшники ¹⁾. Церковь устроена пока въ видѣ мечети или сарая, и не поражаетъ ни великолѣпіемъ ни убожествомъ. Она принадлежитъ къ Индуойской епархіи. Во время работъ по прорытіи Суецкаго пролива, она имѣла порядочный доходъ отъ нахлынувшихъ въ Сидѣ эмирствоѣ грековъ. Теперь же едва поддерживается, православная же община изъ арабовъ еще не соотавилась, да едва ли и соотавится когда нибудь. Конкурировать въ какомъ бы то ни было родѣ торговой дѣятельности съ французами, греками и итальянцами не можетъ никогда арабская стихія. Передовая нація жгочетности рѣшительно самая послѣдняя въ семействѣ крестіанскихъ народовъ. Въ своемъ отечествѣ православному арабу нѣтъ куда подѣ правительствомъ хотя и единоплеменнымъ, но не единоримымъ. Вне отечества есть кому и кромѣ его представлять себѣ Востокъ. Давніе претенденты на это право евреи, греки, армяне, наконецъ цыгане, всегда теробьютъ ему дорогу. Мы приидимся и мимо латинской церкви, тоже напоминающей себѣ божье алтарь, нѣмъ храмъ, но стоящей въ центральной части города и видимо расчитывающей на лучшую будущность. Мечеть я не забылъ, но вѣроятно есть и она. Когда представляешь, что еще такъ недавно тутъ было море, а теперь видишь городъ въ 5.000 жителей, со всеми задатками долговѣчности, то невольно принасаешь преобладающее значеніе торговли въ жизни планеты нашей. Ученые, приурочивая планетамъ разныя отличительныя значенія въ видѣ гербовъ или знаговъ, украсили землю крестіанымъ знаменемъ. Весьма прилично ей знамя. Но она, и то далеко не вся, уже готова бы выставить это знаменіе только по праздникамъ, а въ будни. т. е. въ ⁹/₁₀ года носитьса подѣ кадуцейскѣ Мерку-

¹⁾ Въ рѣчи нынѣшняго грека, *христіаннис* (χριστιανός) и православный грекъ—одно и тоже, какъ и у насъ часто *православный* значитъ просто *русскій* человекъ.

рія. Это пожалуй еще не очень страшно. Я боюсь одного, — что-
бы, по подобію Меркуріева знака, кадуцей у насъ не согналы
креста подь исподъ земли, и не сдѣлалъ ее въ этомъ отношеніи
положею на Венеру... Заявленіе подобныхъ опасеній въ Сандъ,
и подобныхъ ему городахъ à la française, вовсе не есть простое
чесаніе языка, а имѣетъ свой смыслъ. Весь строй жизни такихъ
городовъ — употребити истертое выраженіе — блестятъ отсутствіемъ
креста. Отецъ Луврскій могъ бы служить хорошему аудиторіей
для изученія этого урока. Бать имъ уже сказала, онъ заднимъ
центральную часть города, имъ бы центръ въ самомъ центрѣ.
Мы это исполнѣ недали только при наступленіи ночи. При немъ
есть гнѣдушный садикъ, вырощенный съ нецновѣтными ушмаіями
на недавнемъ днѣ морсконъ въ неміе илбуды пить лѣтъ. При
входѣ въ него, аринякими бузмама написано: Jardin de Louvre.
Чувъ смерклома, задикъ освѣтился фонарями, а съ особо устро-
енной встради въ немъ раздались звуки музыки. Ямлось илбоко-
ство отдѣльныхъ столиковъ съ двумя, тремя, четырьмя стульями
каждый. Групами, тоже отъ двухъ до четырехъ человекъ, стали
обираться и садаться за столики любители отдыха съ цѣлію по-
бѣтрѣтъ, послушать, потолковать. Предлогомъ мѣ такой скорѣтъ
слушать желаніе *прохладиться*, т. е.: вынуть стаканъ илбѣ, или
линонада, рѣже — чашку кофе и совѣзмъ рѣдно — рюмку вина.
Тутъ же въ саду устроены и буеть. Сувтливой бѣготии прискути
и веродать нелзя. Рѣчь собесѣдниковъ отдѣльныхъ кружковъ
слывалась въ одинъ общій гулъ, замолкавшій только тогда, когда
игралъ оркестръ музыки, возобновлявшій свое дѣло черезъ на-
дую четверть часа. Въ довершеніе эфеента, раза три выходила
передъ пубамку на трибуну илбвица, и распѣвала что-то высокими
пѣтани. Всякій разъ, ривумѣется, ей апллодировали, на что она
отвѣчала граціознымъ поклономъ. Все это, хотя и искусственное
и какъ бы заманное, за недостаткомъ другихъ, болѣе ирямыхъ и
естественныхъ, воздействій на душу, назалось и хороше и иини-

знания. Сверху выгода, снизу удовольствие. Как же прелесть-то на
землѣ? Такъ проходить въ Сандѣ ночь, говорить: «другой годъ! По-
сѣтнадцати Луврскаго сада каждый вечеръ обходится, полагають,
сранда-два. Намъ по имени назван одного сандца съ весьма огра-
ниченными средствами, который не пропускаетъ ни *одного* вечера,
чтобы не поблѣдѣть въ Луврѣ! Это стадо для него уже «священ-
нымъ деломъ»; въ родѣ нашъ бы вечерней молитвы. А подобныхъ
ему, какъ можно судить по одному видѣнному нами вечеру, въ
Сандѣ-дегюа прислушивались мы съ своей выгодной «новинки» не
только къ музыкѣ и пѣнію, но и къ говору сандомей публики.
Царствовала, разумеется, рѣчь французская. Итальянская также
раздавалась, (безъ умолку.) Изрѣдка слышалась греческая! Я не
ловилъ родное слово, многого было. Что-то такъ сказать, «про-
дственное» прара-два-три «взвонило» однакоже внимательный слухъ!
То была рѣчь даلماتивская или славяноская; у. е. языкъ истин-
ный. *Славянь* — нашихъ, древнихъ, историческихъ, добуцествован-
шихъ въ миромъ образчикъ до нашего времени. Я нашла въ
противоположную, какъ бы жалобною и «видѣть» «быть» «нѣ-
сколько» сухою или «неравною». Предметомъ бесѣды болѣею «ча-
ще» была полученная около 4-хъ часовъ вечера изъ Александріи
телеграмма о пораженіи цѣлаго корпуса французскаго (или «ди-
визіи» — не помню) подъ Вейсенбургитъ. Въ Сандѣ такое «свѣдѣніе»
видѣло «жизненное» «свѣдѣніе». Что многие скептически «относился» къ
новостямъ, объ этомъ не говорить не нужно. Нашъ галль «продол-
жалъ» быть «новомудно» «спокойнымъ». Но «родству» «его» «занятій»,
ему «памяти», «вѣроятію» была «предшествовавшая» телеграмма объ
обидѣ Наполеона въ Сварбрюккитъ. «Въ» «ночь» «отъ» «Свещъ» 27-го «ноября» 1870-го «году»
«Духота» въ «комнатѣ»; «мирады» «комаровъ»; «лай» «собакъ», «дѣв-
шіяся» «за» «ночь»; «и» «неумоляемый» «вой» «городовыхъ» «сторожей»,
начавшіяся съ «ночью», «не» «дали» «мнѣ» «заснуть» «положительно» «ни»
«на» «одну» «минуту!» Съ «ожесточеніемъ» «встрѣтилъ» «я» «утро» «ланды». Руки

были сплошь выкрашены багряномъ. Впрочемъ: такой же цвѣтъ цвѣло и лице. Славнѣе на площади собачь жонглесъ растерзать, а черныхъ сторожей чуть не.. повѣсить. Летучіе вангиры, самые подручные для вымещенія досады, между тѣмъ скрылись куда-то всѣ, гонимые другомъ чуждыма сонныиномъ. Но что подьямъ въ этой модней услугѣ? Рецидивный другъ хочетъ, чтобы толковѣе постоянно такъ сказать сидѣлъ съ нимъ и смотрѣлъ на него, и слѣдовательно опить тамъ.. не спать! Отдаешь еще разъ дань туристической слабости торопиться. Въ 7 часовъ пароходъ отходить. Это мы влара учили намзуть дѣлный день. Закасалъ, потому, брѣвно домыслаку разбудить насъ и вращи съ носками-ками къ гостинницѣ къ 5 часовъ. Доместикъ чубраетъ, что не нужно такъ рано, что пристава староконная всего въ 5 минутакъ отъ отоя (Н. В. и что безъ насъ пароходъ не пойдетъ; ибо динится единственныхъ своихъ пассажировъ..), и т. д. Не смотря на то, къ 5 часамъ мы были на ногахъ, и ждала цѣлый часъ, пока отворить ворота дома. Въ половинѣ 7-го ми впростились съ гостепринимымъ кровомъ жаривавснато. Дура и направляетъ по постлаому полю къ каналу, котораго ни съ рейда ни изъ города еще не видѣли. Но и у пристани онъ еще не имѣеть ожидаемого вида. Тѣмъ не менѣе мы его приветствовали въ подобающимъ великому имени почтениемъ. Пристань (собственно почтового пароходства по каналу) не блестятъ ни хоромемъ набережномъ на хорошима зданіями. Все пока земляное и деревяное. Высматриваемъ парохода, который долженъ унести насъ въ библейскому морю, но не видимъ на поверхности воды ничего, что бы шумѣло и ревѣло, выбрасывало пары и осаживалось ледяни, какъ это обыкновенно бываетъ съ отходящими пароходами. На мѣсто всего этого, у самаго берега стояло что-то въ родѣ венеціанской гондолы, только большихъ разиформъ, и тихонько дымилась. Это что-то и былъ нашъ канальный пароходъ. Служащіе въ командѣ пароходства оказались въ наибольшей части одноплочен-

нашими нашими, и другие тоже относятся къ намъ. Получая изъ ваго таранга, прощю, нова доставленъ нами наши паспорта, споконно оставающихся въ рукахъ пограничныхъ властей мѣста вѣсь вчерашній день. Вадце эти для путешественниковъ документы безъ всякой видимой причины удерживаются. обыкновенно Богъ знаетъ къ и гдѣ, при первомъ шагѣ предъвзятелей ихъ на чужую землю, для чего-то передаются въ подлежащее консульство или агентство, а сами уже возвращаются по востребованію владѣльцевъ ихъ, при ихъ цемѣдемъ шагѣ съ чужой земли, хотя бы это ~~чужая~~ земля была все тамъ самая, какъ было и въ настоящемъ случаѣ съ нами. Во всей этой процедурѣ дорожка бумага сплошь разъ подвергается опасности потеряться неизвестно гдѣ и какъ, и по меньшей мѣрѣ затруднить выѣздъ путешественника! Или ее забудеть переслать одно вѣдомство другому, или переищеть, мѣсто ея гаету, или и пошлетъ туда, гдѣ ея никто неспрашиваетъ. Затѣмъ, въ нужную минуту, одного нѣтъ дома, другой еще «спочиваетъ», третій «ничего тутъ не понимаетъ» ибо это «не по его части»... Между тѣмъ часъ отиражи наступилъ, Путешественникъ мечется, а канъ угорѣвалъ, не зная, къ кому болѣе обратиться, а пожалуй и не умѣя ни съ кѣмъ объясниться, по невѣдѣнію туземнаго языка. А казалось бы, довольно пересмотрѣть паспортъ, прописать (если нужна) и тотчасъ же возвратитъ владѣльцу. Наши паспорта принялъ нами самъ почтенный агентъ нашъ, *доставившійся* ихъ гдѣ-то и подъявщій изъ-за нихъ на ноги цѣлую шеру пасарей.

Въ 7 часовъ съ четвертью мы сѣли на пароводъ. Въ немъ есть два класса мѣсть. Первое—въ носовой части парохода всѣмъ закрытое и наоминающее собою желѣзнодорожничій вагонъ, устроено на 6, а много на 8, человекъ. Второе—въ кормовой части—открытое: съ боковъ, имѣетъ неопредѣленно число мѣсть. Средняя парохода занята машинною томе открытою. Третьяго класса цѣтъ. На крышѣ судна складывается багажъ. Раздѣленъ

сидеть, а мы отчалили отъ берега. Минуты черезъ три иными уже настоящимъ прямолинейнымъ каналомъ, составляющимъ гордость и славу нашего, и безъ того уже не мало подутаго, вѣтра. Каналъ настолько широкъ, что такія, какъ нашъ пароходъ, кораблямъ можно, кажется, идти зрѣньемъ рядомъ. Больше же его только, что разминаясь, а настоящие морскіе пароходы вѣроятно потребуютъ для себя каждый разъ свободнаго пути на всемъ продолженіи канала. Впрочемъ, все это извѣстѣе всякому другому, чѣмъ намъ колоннистамъ въ мореходы попадающимъ пенаркомъ и вовсе не пригоднымъ въ рѣшенію мировыхъ вопросовъ. Срединна канала обозначена вѣхами. По незначительной высотѣ парохода, изъ него видится только безконечно длинная прямая лента воды зеленоватаго цвѣта, обставленная по сторонамъ песчано-вѣдными берегами, высокими настолько, что не позволяютъ видѣть за собою ничего. Я думалъ по началу, что въ обѣ стороны отъ канала идутъ песчаныя поля. Но карта заставила меня вѣрить, что за узкою полосною песню, вынутаго изъ самаго русла канала и образующаго означенные берега, лежитъ по обѣ стороны его масса воды, образующая озеро или морской заливъ: *Мексале*. Съ крышки парохода можно было полюбоваться на этотъ прекрасный и своеобразный видъ, но вскарабкаться туда стоило труда; притомъ же солнце начинало жечь поафрикански. Была половина 9 часа, когда мы остановились на три минуты у *Рашъ-эль-эль*. По картѣ видно, что это островъ. Съ парохода нельзя составить подобнаго понятія о мѣстѣ. Въ 10 часовъ и 5 минутъ проходимъ мимо огромной вертикальной машины, действующей паромъ. Черпала, какъ гигантскія бусы вѣдѣны на соединяющей толщины цѣпи, одна за другой сливаютъ за черпнутое дно русла въ баржа, или, по здѣшнему, мауны, а въ отнесать землю въ открытое море. На лѣвомъ берегу видны домики. Вѣрно и туль вышеле островъ. Остановка на минуту. Солнце печетъ помыслсердо. Намъ обгоняетъ пароходъ; но вселъ

подобный нашему. Въ 11 часовъ съ небольшими перерывами съ-
ждству доводому *Капитана*. На правомъ барану высятся два домика
огражденные железною оградой, съ равными промежутками на нихъ
сидятъ. Знаменіе ихъ, слышны и не было произнесено, такъ хоте-
вать на чело ихъ, угадать не трудно. Четыре часа совершеннаго
путь и почти столько же предстоящаго, опередилъ сами добры люди
зываютъ, на мысль о необходимости подтверждения. Близкій
изъ домиковъ, шедевромъ даруности, видимо, расчитываетъ на
пассажировъ 1-го класса. Но на этотъ разъ расчетъ его не оправ-
дался. Дордовъ съ задатымъ карманами, мажоранамъ, не бывши
Увидавъ, что въ дани, и не наши, стремительно вынулъ изъ
второй, остеріи, и мы двое, единственные первоклассники, напри-
видись вслѣдъ за ними, и едва уже наши, мѣсто, себя, объ-
быть въ полномъ ходу, и продолжался съ четверть часа. — Про-
стояли мы дуть, однакоже около 40 минутъ. Плати, или съ-
Тотъ же, однообразный видъ, знаменныя, пасажирскіе, бересовы
и податна воды, уходящая, вдалѣ, въ самомъ концѣ, перестро-
наго слоемъ густого воздуха, производимаго оптическій обманъ,
какъ будто оконечность канала, поидиась она небо. Въ часть съ
четвертью, остановка у некого, названнаго. № 63. Въротно,
это означаетъ, разстояніе, отъ Средиземнаго моря, въ километрахъ, на
нашихъ верстахъ, дриѣрно. Зной, триническій. Вътрѣ, въльш
Отворяемъ, ставни, въ царедорожѣ, отдѣляющей, 1-й классъ отъ
машины. По началу дѣйствительно, пролетитъ, струя, прохладя-
щая, а потомъ вмѣсто, прохлады, несетъ уже, подая, пылей, жаръ
съ прибавкою дыма, и зловонія, отъ щедро, умощасной, машины.
И крышка, и стѣнки, комнаты, тоже, жгутъ. Командиръ, паразитъ
в механикѣ, ищутъ, спасенія, у, насъ. Последний, сбрасываетъ, въ
верхнее, платье, и принимаетъ, подожемъ, встрѣдаемыя, топле
въ спальнѣ. Еще, одинъ, служащій, выселитъ, отмакнется, поти-
раетъ, съ лица, рунѣ, лица, и увидавъ, при, насъ, одну, газету, рус-
скую, подбавляетъ, ею, сдерживая, какъ, вѣромъ, за, протомъ, развертыва

вать и начинать читать столбецъ за столбцомъ, номеръ за номеромъ. Меня это удивило до того, что я спросилъ, не русскій ли онъ? Онъ назвалъ себя славунемъ и сказалъ, что уметь не только читать, но и писать порусски, хотя въ Россіи никогда не бывалъ. Въ 2 часа и 10 минутъ поровнялись съ мѣстомъ, названнымъ въ маршрутѣ: *Эль-Газръ*. Берега дѣлаются круче, значить каналъ проходить по материкъ, но кромѣ песку по прежнему ничего не видится по сторонамъ. Минуетъ какую-то галерею на высотѣ праваго берега. Увѣряютъ, что это мечеть. Еще разъ останавливаемся на двѣ—три минуты у *Chantier VI* — тоже на правомъ берегу. Еще далѣе—на томъ же берегу—отъ сѣвера канала поднимаются къ верху на значительную высоту деревянная лѣстница, приводящая къ большому зданію, намъ сказавши, —дворцу. Тутъ у вице-короля загородная дача. При дворцѣ видится и небольшая селитва: каналъ вдругъ расширялся, и мы вошли въ озеро *Тимсахъ*, переимѣнивъ курсъ и пробираясь сѣверо-восточн. означеннымъ маяками, которыхъ насчитали 4, одинъ за другимъ. Наконецъ, около 3-хъ часовъ по полудни пристали къ берегу, у пристани города *Измаилия*. Почтовый пароходъ не ходитъ далѣе по каналу, и билеты наши были взяты только до сюда. Такимъ образомъ плаваніе наше по этому чуду дней нынѣ кончилось. Мы заноздали противъ урочнаго времени на цѣлый часъ. Говорятъ, два раза сдѣлали на мѣли, но я этого не замѣтилъ. Вѣроятно, это было тогда, когда я воображалъ, что мы делаемъ положенную не росписанную остановку. Кто только видѣлъ каналъ, да часто и тотъ, кто только говоритъ о немъ, считаетъ долгомъ своимъ задаться вопросомъ о его будущности. Но повесть лж и намъ рѣчь объ этомъ? Поклонника можетъ занимать это дѣло не менѣе, чѣмъ войнаго другаго: каналъ значительно сокращаетъ издержки переезда его по Египту, и упорочность существованія его имѣетъ прямое отношеніе къ расчистанъ всякаго русскаго, землемѣрущаго странствовать по ея.

мѣстѣ. Но, пусть мы выскажемся объ этомъ... лѣтъ—
черезъ 10.

Измаиліе совсѣмъ новый городъ, новѣе даже порта *Саидъ*. Самыя имена этихъ городовъ говорятъ о томъ. Саидъ властвовагь въ Египтѣ прежде *Измаила*, вышшняго преемника древнихъ фараоновъ. Городъ почти не видѣнъ отъ пристани. Между нами и ею лежитъ песчаное поле, по которому проведено хорошее шоссе, обсаженное деревьями, еще очень юными. Охотниковъ ожидали у пристани двѣ-три коляски и до десятка ословъ, а для багажа стояли тутъ же длинныя телеги или кары. Утомившись долгимъ сидѣньемъ, мы съ охотой прошлись пѣшие до самаго воксала желѣзной дороги, соединяющей *Измаилію* съ *Суецомъ*. Зная, что опоздали своимъ прибытіемъ на мѣсто, мы надѣялись найти поѣздъ желѣзнодорожный уже готовымъ къ отходу, а пожалуй и боялись, какъ бы, по вчерашнему, не придти «къ столу послѣ обѣда», но видно правило опаздыванія здѣсь имѣеть всеобщее примѣненіе. Поѣздъ, съ которымъ мы должны были отправиться въ дальтѣйшій путь, еще былъ далеко гдѣ-то на дорогѣ отъ *Баира* къ *Измаилію*. Оставалось довольно времени для обзорѣнія города, которымъ однакоже мы не воспользовались, по весьма понятной всякому путешествовавшему причинѣ. Воксаль находится за городомъ или составляетъ самую южную часть его. По ровности мѣста, городъ отъ него не видѣнъ. То, что мы видѣли, напоминаетъ болѣе канву, приготовленную для шитья, нежели самое шитье. Судя по нему, надобно думать, что городъ выстроенъ (или выстроится) прямолинейно, съ широкими улицами, садами, площадями и пр. Есть въ немъ церкви греческая и латинская. Последней мы слышали и звонъ вечерній. Населеніе города, конечно, смѣшанное. Рѣчь слышится болѣе арабская, потому греческая, итальянская, французская... Туземная стихія, значить, преобладаетъ, и можно сознать себя уже дѣйствительно въ Египтѣ. Въ пяти часамъ послышались отдаленный

гуль и свистъ. Поѣздъ несея оттуда, куда намъ лежала дорога. Измаилія оказалась, такимъ образомъ не проѣзднымъ, а заѣзднымъ городомъ. Всѣ давно были готовы къ отъѣзду, и потому черезъ четверть часа страшный крокодилъ, выпущенный Европою въ землю Эѳіопскую, судорожно ударилъ своимъ стосаженнымъ ошибомъ, и—только его видали измаилиты! Мы, однако, еще нѣсколько минутъ видѣли городъ, или точнѣе—одинъ дворецъ новаго Исмаила, сына Авраамова, получившиго благословеніе заселять пустыню и жить отъ лова... Повторяются имена,—повторятся ли событія? Ибрагимъ-Паша, правда, прошолъ вооруженный съ своими домочадцами Ханаанскую землю и поразилъ у Дамаска, и гораздо далѣе, не 5 а 50 можетъ быть военачальниковъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ не былъ вовсе похожъ на отца вѣрующихъ. Зато и Исмаилъ, хотя тоже, и въ той же пустынѣ, ставитъ шатры свои, гдѣ и тезоименникъ его «сельный человѣкъ», но онъ вовсе не хочетъ, чтобы *ручь его были на всѣхъ и руки всѣхъ на него*, а напротивъ еще недавно искалъ чтобы руки всѣхъ были за него.. Но, пусть городъ его имени процвѣтетъ, оживить, обогатить и умирить пустыню, и пусть свидѣтельствуетъ въ слухъ всего «великаго языка» Измаилтянъ, что дикое величіе его хищнической жизни прошло невозвратно, и что, вмѣстѣ со всѣми «братіями» его, ему предложить отселѣ величіе христіански-гражданственной жизни!

Несемся, и вдругъ стоимъ. Случилась ли какая поруха, или такъ нужно, не знаю. Какъ будто выжидаемъ кого-то или чего-то. Движемся назадъ по тѣмъ же рельсамъ, но вскорѣ беремъ другое направленіе, и мчимся прямо на югъ. Во время этой передвижки оставленный нами городъ то исчезалъ, то снова показывался, то справа то слѣва, кругомъ насъ видѣлось одно безпредѣльное песчаное море.. Безотрадная картина! «Египетъ страна чудесъ». Иабитая фраза эта еще долго будетъ годиться для бесѣды объ Египтѣ. Въ теченіе одного дня нынѣшняго я не разъ

нигдѣ случай думать подобнымъ образомъ. Потому, кто знаетъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько лѣтъ вся эта ужасающая песчаная окрестность Измаилія превратится въ луга, сады и пашни? Ожидаютъ же оптимисты, что новосозданный каналъ будетъ когда-то Босфоромъ.. Лишь бы побольше заручить прѣсной воды, а на нее никогда не поспеютъ несравненный, и тоже въ своемъ родѣ—чудесный, Нилъ. Не долго я ожидалъ его, легкаго на поминѣ. Откуда ни возьмись, подошелъ къ дорогѣ узенькій (сравнительно) каналъ прѣсной воды, проведенной изъ Нила. Онъ усаженъ по обѣимъ сторонамъ деревьями, успѣвшими уже вырости до высоты бѣгущаго мимо нихъ вагона. Вдоль дороги, разумѣется, идетъ телеграфъ, а вдоль канала другой. По каналу сплываютъ малыя барки подъ парусами. Значить, уже есть кругомъ населеніе, и началась дѣятельная жизнь. Мало по малу степь за каналомъ начинаетъ являть на себѣ слѣды растительности. Пестрѣетъ не то трава, не то мелкій кустарничекъ. 1-я станція и минутная остановка. Видъ все тотъ же. Прѣсный каналъ неотступно слѣдитъ за нами. Растительность за нимъ гуще. Кое-гдѣ видятся вдали землянки, то въ одиночку то сученныя. 2-я станція. 6 часовъ вечера. Растительность еще гуще. Вдали, къ востоку, большая синева воды, которую волнуетъ вѣтеръ, незамѣчаемый при дорогѣ. Она принадлежитъ *Горькому* озеру. Каналъ уходитъ отъ дороги саженой на 100. Озеро, блеснувъ еще разъ, скрылось. Каналъ возвращается къ дорогѣ. 3-я станція. Узнаемъ, что въ вагонѣ 2-го класса произошелъ несчастный случай. Одинъ изъ пассажировъ вдругъ обомлѣлъ. Съ нимъ сдѣлались судороги; потомъ на лбу и по лицу выступили багровыя пятна, и наконецъ онъ пересталъ дышать. Стараются, кто какъ знаетъ, вывать къ жизни. Солнце сѣло. Каналъ (все—прѣсный. О большомъ *морскомъ* каналѣ не можетъ быть и рѣчи. Онъ идетъ далеко отъ дороги). ушелъ далеко на востокъ. 4-я станція. Пассажиръ окончательно умеръ. Справа, подъ заревомъ

закатившагося солнца, обозначается высокая, ярко голубая, гора. Слева еще раз канал подходит къ дорогѣ, а за нимъ снова стоитъ темная полоса воды, вѣроятно—продолженіе Горькаго озера. 5-я и послѣдняя станція. У насъ отбираютъ, по обычаю, билеты. Уже темно. При мерцаніи луны, начинаютъ бѣлѣть въ передней дали какія-то строенія. Это—предмѣстіе *Суецъ*. Несемъ мимо палатокъ мѣстнаго гарнизона, и влетаемъ въ городъ по его набережной улицѣ, идущей вдоль залива *Чермнаго моря*. Привѣтствуемъ стараго невиданнаго знакомаго, и выходимъ изъ вагона. Любопытные идутъ взглянуть на усопшаго. Окъ итальянецъ, только что опредѣлился городскимъ медикомъ Суецъ, и ѣхалъ къ своему посту. *Vita brevis..*

Никакого воисала или деберкадера не оказывается. Багажъ нашъ сваливаютъ прямо на улицу, и потомъ переносятъ на соседнюю площадку. Насъ окружаетъ толпа зѣвающихъ. Увидавъ нашъ особенный костюмъ и услыхавъ въ разговорѣ нашею, столько известное Востоку, *хорошо*, насъ немедленно спросили поарабски: откуда и куда мы. Мы объявили, что ѣдемъ на Синай. «Въ такомъ случаѣ, пожалуйста къ русскому консулу, у котораго всегда останавливаются всѣ ваши поклонники», сказалъ намъ одинъ высокій и худощавый господинъ, объявивъ тутъ же, что онъ свой человекъ, и даже родственникъ (и—*factotum*) консула. Благоразуміе требовало не отказываться отъ приглашенія и слѣпо слѣдовать тому, что дѣлаютъ *все* и *всегда*. Но мы впади въ грѣхъ мудрованія. Я первый выдумалъ искать квартиры у такъ называемаго *эпитрона синайскаго*, о существованіи котораго освѣдомился еще въ Іерусалимѣ. Я такъ умоааключалъ: мы ѣдемъ на Синай. Тутъ есть въ нѣкоторомъ смыслѣ представитель Синая. Слѣдовательно къ нему и нужно отнестись намъ на первый разъ. Минъ замѣтила, что эпитронъ оный не есть, какъ я могъ думать, игуменъ Синайскаго подворья (по примѣру Яскаго или Рамльскаго), а есть просто мѣстный негоціантъ и комиссіонеръ Синай-

ской обители, человекъ семейный и живущій въ частномъ домѣ. Возразить противъ этого было нечего. Но, увлекшись новымъ духомъ противорѣчій, другой авторитетъ общества нашего предложилъ не стѣснять насъ собою ни глаголемаго эпитропа, ни консула (тоже глаголемаго), а поискать гостинницы, черезъ что давались всѣмъ свобода и покой. Но.. зачѣмъ скрывать? Думаю, что дѣло шло не столько о спокойствіи ближняго, сколько объ удобствахъ собственнаго пребыванія. Луврскій отель избаловалъ насъ. Думалось, что ужъ если въ импровизованномъ Сандѣ отыскался «Лувръ», то въ стародавнемъ Суецѣ и не вѣсть, что отыщется. Чуть только мы передали свои мысли о гостинницѣ переводчику, какъ звѣрь уже и стоялъ передъ ловцомъ, по пословницѣ. Низенькій человечекъ, незамѣтно терпѣйся около насъ, сейчасъ предложилъ въ услугамъ нашимъ гостинницу *Нормандію*. Мы немедленно изъявили согласіе, уложили вещи наши на носильщиковъ и пошли, куда насъ вѣли. «Нормандія» не представила намъ желанныхъ удобствъ. Отводный нашъ номеръ имѣлъ входъ черезъ буфетъ и кромѣ того былъ.. безъ оконъ! Последняго я не могъ понять, но отрицать не имѣлъ возможности. Попытались на противоположной сторонѣ улицы занять одну большую комнату, но въ ней кромѣ четырехъ стѣнъ не нашли ничего. Притомъ же и слава дома того ходила разная, тогда какъ о Нормандіи всѣ отзывались съ похвалою. Порекомендовали еще одну «французскую» гостинницу въ самомъ концѣ города. Четверо изъ насъ пошли смотрѣть этотъ новый Лувръ, а двое остались при вещахъ у Нормандіи. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Надобно знать, что еще въ Яѣ насъ предостерегали на счетъ Суеца, представляя его сборнымъ мѣстомъ искателей приключеній изъ всѣхъ народностей, населяющихъ берега Средиземнаго моря, и въ особенности—грековъ. Когда происходили работы по проведенію желѣзной дороги, а потомъ морскаго канала, здѣсь, говорить, были чуть не ежедневные случаи разбоя и часто даже

убійства. Оттого, та или другая слава и рекомендація имѣли здѣсь для насъ особое значеніе. Проходить не мало времени въ ожиданіи. Хозяинъ Нормандіи начинаетъ быть недовольнымъ, и просить убираться вонъ, если намъ не нравится его гостинница. Носильщики, вѣрные понятію моему объ «сарафѣ», требуютъ во все горло уплаты за доставленный къ гостинницѣ багажъ. На ревъ ихъ собирается толпа зѣвакъ. Меня осаждаютъ непонимаемыми вопросами. Съ другой стороны опасеніе за цѣлость вещей не даетъ покою. А тутъ еще и бессонница минувшей ночи стала отзываться преждевременною дремотою. Я начинаю раскаиваться что отказался отъ добраго приглашенія остановиться тамъ, гдѣ *если* наши останавливаются. Въ сотый разъ напрягаю зрѣніе въ ту сторону, куда ушли наши искатели пристанища. Наконецъ, вижу, цѣлая толпа народа валитъ оттуда съ шумомъ и гамомъ непривычными. Радуюсь этому обстоятельству, надѣясь что оно отвлечетъ къ себѣ окружающихъ меня зѣвакъ. Но вышло совсѣмъ иное. Толпа идетъ прямо къ Нормандіи. Раздается громкій и встревоженный голосъ нашего драгомана, перебиваемый десятками другихъ голосовъ. Никого другаго изъ нашихъ въ толпѣ невидно. У меня упало сердце, какъ говорится. Я сильнѣе припомнилъ, что мы находимся въ Суецѣ, и при томъ ночью, да еще и на улицѣ. Пытаюсь пробиться къ драгоману, и спросить что случилось. Онъ, не слушавъ меня, отбивается отъ какихъ-то двухъ личностей, изъ коихъ одна, менѣе взрачная, до такой степени была назойлива, что прямо напрашивалась на расправу по началамъ древнѣйшаго изъ правъ человѣческихъ—кулачнаго. Она съ остервененіемъ тащила жертву свою въ Греческое консульство, говоря, что именемъ закона ее арестуетъ. Напрасно усиливаюсь вмѣшаться въ толпу, и ишу объясненія у кричащихъ. Меня не считаютъ компетентнымъ въ дѣлѣ. Я заявляю, что драгоманъ принадлежитъ къ нашему обществу, что мы—русскіе, только что прибывшіе въ городъ, имѣемъ прежде всего нужду въ помѣ-

щени, и что есть еще время разобрать дѣло и на квартирѣ, гдѣ мы остановимся. Миѣ отвѣчаютъ съ послѣдней запальчивостію что дѣло крайне важно, и отложить его нельзя ни на минуту, — что имѣютъ приказъ отъ генеральнаго консула (греческаго въ Александріи) схватить человѣка.. Я отвѣчаю, что намъ нѣтъ никакого дѣла до *ихъ* консуловъ какихъ бы то ни было на цѣломъ свѣтѣ, что мы русскіе, и подлежимъ вѣдѣнію своихъ властей. Намъ говорятъ: мы не съ русскими имѣемъ дѣло, а съ своимъ подданнымъ. Это человѣкъ, преслѣдуемый правительствомъ. Да правительства вашего я знать не хочу, кричить арестуемый, я — іерусалимскій житель, турецкій подданный, служу у русскихъ.. Ложь! вопить впиваясь въ него, фигурка, *ты* эллинскій подданный. — Я — Теодоръ С.. — Ложь! ты не Т. С., ты вотъ-кто! — фигурка выхватываетъ изъ за пазухи фотографическую карточку какого-то соотечественника своего, и суетъ ее подъ носъ отрицающемуся отъ чести быть эллиномъ. Въмѣсто карточки, ей тычутъ въ глаза паспортъ. Гвалтъ на всю улицу! Хозяинъ «Нормандіи» выбрасываетъ за ворота вещи наши, и гонитъ всѣхъ отъ своего дома. Толпа на минуту отхлынула къ окошку сосѣдняго дома, при свѣтѣ коего разбирали паспортъ. По странной случайности, имя драгомана въ паспортѣ не было прописано. Дѣло, вмѣсто комическаго, могло получить серьезный характеръ. Въ слѣдствіе настойчиваго требованія драгомана и вмѣшательства полицейскаго агента, эллинскіе сыщики согласились наконецъ идти разбирать дѣло у нашего консульскаго агента. Я опять остался одинъ, стоически перенося укоры и нападки норманца и поминутно ожидая своихъ, ушедшихъ за поискомъ квартиры. Толпа рѣдѣла, расходясь отдѣльными кружками и толкуя о случившемся. Не скрою, что немало было направлено косыхъ взглядовъ и затылочныхъ киваній и въ мою сторону. Меня же принимали сперва любопытство, потомъ раздраженіе, потомъ смѣхъ, а наконецъ злость.. Случай былъ такъ неожиданъ, положеніе, въ которомъ

я находился, такъ ново, придирчивость эллижскихъ агентовъ такъ дерзка, и отрицаніе личности нашего драгомана такъ сѣшно, а наконецъ, озлобленіе на насъ хозяйна гостинницы такъ справедливо, что недивно было совсѣмъ отуцѣть подъ наміемъ столькихъ разнообразныхъ ощущеній. Помню, что мысленно я не разъ перегеваривалъ съ собою: «не ищи лучшаго, когда есть хорошее», т. е. добравшись на примѣръ до Нормандіи, не ищи еще Франціи.. Какъ будто не могло случиться того же самаго, если бы мы вмѣсто улицы сидѣли уже давно въ первой понавшейся гостинницѣ. Какъ бы то ни было, но злость кипѣла во мнѣ, когда, наконецъ, съ той же фатальной стороны улицы показались еще двое нашихъ, полные невѣдѣнія о происшедшемъ и желанія порадовать меня извѣстіемъ, что нами взяты два номера въ Hôtel de l' Orient.. Не растягивая болѣе разсказа, ограничусь сообщеніемъ, что къ 10 часамъ вечера общество наше уже въ состояніи было, сидя около самовара, подшучивать надъ *me θ.. С..омъ*, которому, по словамъ его, дѣйствительно представилось въ началѣ, что вся сцена нарочно придумана была плутами, чтобы увести его вмѣсто консульства нуда нибудь въ темное мѣсто и тамъ, какъ говорится, уходить. Хотя греческій агентъ признался и испустился въ своей ошибкѣ передъ нашимъ агентомъ, но все же сгоряча намъ казалось необходимымъ жаловаться на причиненный намъ affrontъ «высшему начальству». Порѣшили однакоже оставить дѣло до утра, которое, какъ извѣстно, мудренѣе вечера.

Суецъ 28 іюля 1870 г.

Чего ожидать въ іюлѣ мѣсяцѣ подъ 30° широты? Въ Яѳѣ, гдѣ мы не знали куда дѣться отъ полуденнаго зноя, намъ говорили, что то была прохлада въ сравненіи съ Суецкимъ жаромъ. Въ отчаяніи нашему, мы не замедлили убѣдиться въ истинѣ зловѣщаго предсказанія. Комната наша всю ночь стояла настезь. Двери и окна были открыты. Даже верхняя дверь, выводящая на террасу, была отверена. При всемъ томъ, спать было душно, а только бессоница минувшей ночи позволила по временамъ за-

бываться. Зато утромъ могли спать сколько душѣ угодно, не тревожась ни малѣйшею заботою. Напрасно съ ранняго утра стали раздаваться свистки локомотива на проходящей возлѣ самой гостиницы вѣтви желѣзной дороги, проведенной къ корабельной пристани. Мы ихъ слышали, и всетаки спали. При свѣтѣ дня, отель наша показалась намъ съ одной стороны лучше, а съ другой хуже, чѣмъ была найдена вчера. При ней тоже есть садикъ, устроенный изъ разныхъ вьющихся растений, расположенныхъ крытыми галлерейми. Онъ многократно поливается въ теченіи дня, чѣмъ и охраняетъ свой, неизмѣнно зеленѣющій, видъ. Гдѣ налицее солнце сверху и прохлаждающая влага снизу, тамъ и рай. Но, забывать не должно, — рай не для одного человѣка, а для всего, что подобно ему, живетъ и любить жить въ довольствѣ, — для мухъ, скниповъ, комаровъ, пауковъ, муравьевъ, червей, ящерицъ, скорпионовъ, змѣй и тысячи другихъ, нелюбезныхъ человѣку, сосѣдей. Идеальный рай исключаетъ идею подобнаго сосѣдства. Въ немъ невыслышимъ кажется не только вредоносное но и безобразное. Но чуть ли такой рай не есть *Потерянный Рай*. Помню этотъ пресловутый «Потерянный Рай» съ 12-ю картинками и особымъ книжнымъ запахомъ, тщательно стерегомый отъ дѣтскихъ рукъ на самой верхней полочкѣ украшеннаго комода, такое чарующее и сокрушающее впечатлѣніе дѣлавшій на меня! «Какъ это его потеряли, и гдѣ онъ теперь былъ?» спрашиваешь бывало себя, и жалѣешь о свѣтломъ ангелѣ, что представленъ на картинѣ, тоже конечно потеряннымъ, по недалекому дѣтскому соображенію. Съ тѣхъ поръ и ину сего «потеряннаго» рая въ каждой лужайкѣ, въ каждомъ лѣсочкѣ, считаясь по разнымъ широтамъ и долготамъ земан. И чѣмъ ближе какое мѣсто подходитъ къ идеѣ искомаго, тѣмъ рѣзче высказывается упомянутое положеніе, что нѣтъ рая, приуроченнаго исключительно для человѣка. Прежнее очарованіе мало по малу слабѣетъ и исчезаетъ, а прежнее сокрушеніе грозитъ перейти въ от-

чаяніе. Таковы послѣдствія напрасныхъ поисковъ запретнаго и неудовимаго! Въ Суецѣ всего менѣе кто нибудь могъ бы имѣть поводъ искать рая; и вспомнить сегодня о немъ не пришлось бы совсѣмъ, если бы мнѣ не удалось быть свидѣтелемъ того, какъ одинъ изъ нашихъ, обозрѣвая съ террасы гостиницы пустынные окрестности города, и остановившись взоромъ на сказанномъ садикѣ, произнесъ въ увлеченіи: «какая прелесть! просто—рай!» а другой, въ отвѣтъ на это, указавъ на полуаршинныхъ ищерицъ, гонявшихся въ садикѣ одна за другою.. День прошель утромъ въ расхаживаніи по городу и необходимыхъ визитахъ, послѣ обѣда—въ лежаніи и полусонной дремотѣ, вечеромъ—въ чтеніи и бесѣдѣ. Обѣдать сходили въ общую столовую, гдѣ кромѣ насъ еще обѣдало за другимъ столомъ человекъ пять французовъ, по обычаю говорливыхъ и веселыхъ и весьма нецеремонныхъ. Слѣдуя строго уставу о ножѣ и вилокъ, они въ тоже время находили возможнымъ, въ присутствіи цѣлаго общества насъ, чужихъ и незнакомыхъ людей, сидѣть безъ верхняго платья. Этотъ педантизмъ, слѣшанный съ цинизмомъ, думаю, не мнѣ одному видится съ перодовой націи Европы. Настанетъ ли когда нибудь время, когда мы освободимся отъ тиранства французскаго языка, французскихъ модъ и французскаго вкуса въ публичныхъ собраніяхъ? Говоруновъ не мало занимаетъ конечно разгаряющаяся война. Новѣстіе о пораженіи французской арміи подтверждается, но новидимому не сильно дѣйствуетъ на патриотовъ. Нашъ агентъ есть одинъ изъ самыхъ почтенныхъ и зажиточныхъ негоціантовъ города. Онъ изъ арабовъ, православнаго исповѣданія, и есть уже третій преемственно агентъ нашъ изъ одной и той же фамиліи. Говорить только поарабски, но кажется знаетъ и французскій языкъ. По крайней мѣрѣ мы видѣли у него сегодня мѣстную какую-то французскую газету. Въ вечеру онъ увѣдомилъ насъ, что прискивается одно судно съ грузомъ для Ракеты, но оно нейдетъ завтра, ибо завтра среда—тяжелый день. Перспек-

тива еще цѣлаго дня бездѣйствія и задыханія въ жару была неприятнымъ напутіемъ на вторую ночь. За вечернимъ чаемъ припомнили вчерашнее злостраданіе, и наиболѣе заинтересованные въ дѣлѣ въ третій или четвертый разъ пересказали случившееся съ ними. Что страннымъ образомъ могло бы когонибудь поразить при этомъ, такъ это то, что рассказъ всякій разъ представлялся съ разными оттѣнками не только риторическаго, но и историческаго значенія. А прошли всего одни сутки послѣ случая! Ищи теперь точности въ стародавнихъ историкахъ! Замѣчательно также и то, что сегодня никто уже не заявлялъ «непремѣннаго» намѣренія требовать удовлетворенія отъ обидчиковъ законнымъ путемъ. Что это? незлобіе? великодушіе? неувѣренность въ успѣхъ? лѣнь?. Всего по немножку, а всего болѣе того, что такъ выразительно знаменуется словами: а!... ну—его!

Суецъ. 29 іюля 1870 г.

Я уже упоминалъ о террасѣ гостиницы. Домъ, по обычаю восточному, вмѣсто крыши вѣнчается просто потолкомъ, устланымъ сверху плитами, что и образуетъ одну сплошную площадь или террасу въ несобственномъ смыслѣ. Утромъ, пока солнце не возьметъ всей своей силы, на ней можно съ удовольствіемъ провести съ часъ времени. Къ сѣверу и востоку видишь съ нея подобныя же террасы городскихъ домовъ, на югъ и западъ—то песчано-болотистую степь, то цѣлое море воды, смотря потому, въ какіе часы дня смотришь туда. Утромъ и вечеромъ является тамъ земля, а въ полдень и въ полночь вода. Въ первый разъ я имѣю случай видѣть и наблюдать явленія морскаго прилива и отлива. Горизонтъ на западъ ограничивается высокою горою красноватаго цвѣта, скалистою, сухою и какъ бы совсѣмъ безжизненною. Имя ей: *Атага*. Она отдѣляетъ Египетъ отъ Аравіи или, частицею, отъ полуострова Синайскаго. На югъ—разстлается Суецкій заливъ или западный рогъ Краснаго моря, весьма

мѣлий у береговъ. Тамъ гдѣ мѣль оканчивается и начинается настоящее море, устроена англійской компаніей пристань, къ которой проведена отъ города широкая дамба, и на ней устроена желѣзная дорога, соединяющая собою пристань въ воксаломъ Каирской желѣзной дороги. Не въ дальней будущности западная сторона города сдѣлается главною и застроится домами въ европейской вѣсѣ и, такъ сказать, смыслѣ, а восточная съ ея мѣлиководною и засоренною пристанью, занимающею среднюю между морской пристанью и устьемъ канала, останется только памятникомъ временъ минувшихъ, — временъ весла и паруса, провидѣній и случая, дешеваго труда и лѣниваго застоя. Но какъ бы и куда бы ни разросся Суецъ, окрестность его всегда будетъ самая печальная. Послѣ чаю, въ намѣреніи скоротать какъ нибудь «тяжелый» день, мы раздѣлились на двѣ партіи. Одна посвятила себя исключительно на устройство пути нашего на Синай, и центромъ своей дѣятельности избрала городъ. Другая, которой и мы составили нераздѣльную часть, свободная отъ хлопотъ дорожныхъ, занялась осмотромъ главной достопримѣчательности мѣста, *Большой пристани*, отдаленной отъ города версты на двѣ. Чуть мы показались на улицѣ у воротъ гостиницы, и обратились лицомъ на западъ, чѣмъ ясно знаменовалось наше намѣреніе идти на дамбу, къ намъ устремилась цѣлая толпа извозчиковъ, или точнѣе сказать — изножиковъ, человекъ 12—15 мальчиговъ, каждый съ своимъ ослемъ, готовымъ нести насъ на край земли. Ловкіе, или шустрые, какъ называлъ ихъ спутникъ, ребята употребляли все, извѣстныя имъ, способы показать намъ товаръ свой лицомъ. Ослы держали голову къ верху и подпрыгивали, не только загоразивая намъ дорогу, но даже стаскивая съ нея. Напрасно мы говорили, что хотимъ идти къ морю пѣшкомъ и не нуждаемся въ подводѣ. Насъ атаковали со всѣхъ сторонъ, продираясь каждый какъ можно ближе къ намѣченному имъ всаднику, и хватая насъ за платье. Изъ ничего вышло гамъ нево-

образимый, угрожавший перейти къ побѣдѣ. Намъ оставалось одно средство спасенія—бѣжать. Съ четверть версты топна шла за нами цѣлотупно, считая наше дѣйствіе, конечно, только стратегическимъ маневромъ, потомъ стала мало по малу рѣдѣть. Но трое (по числу насъ пѣшаковъ) надболѣе уморные шли за нами до самой пристани, рассчитывая, что кто нибудь уставшій обратится же къ нимъ за услугами и заплатитъ такимъ образомъ за весь путь. Такого обстоятельства однакоже не случилось. Дамба значительно возвышена надъ уровнемъ моря и обложена по сторонамъ огромной величины камнями, доставляемыми по желѣзной дорогѣ, идущей до самаго выгрузнаго навѣса. По сторонамъ дамбы, на большей части протяженія ея, мы видѣли обнаженное отливомъ морское дно. Дѣйствія отлива становятся незамѣтными по мѣрѣ приближенія къ пристани, которая имѣетъ видъ длиннаго острова или узкой косы, лежащей подъ прямымъ угломъ къ дамбѣ. Длинная, брошенная въ море, стѣнка изъ булыжника, направляющаяся отъ дамбы на западъ къ оконечности пристани, намъ служила нагляднымъ объясненіемъ того, какъ образовалась самая дамба и т. д. вся пристань. Отгороженная ею часть моря будетъ высушена и засыпана землею, а потомъ обратится въ выселокъ или *Новый Суецъ*, который, отъ сей минуты можно предвидѣть, обратится въ полный жизни и дѣятельности городъ. Въ идеальное время мѣеологін Афина и Посидонъ (Минерва и Нептунъ) спорили за право дать городу Кѣкроа свое имя, и Посидонъ остался въ проигрышѣ. Въ реальное время наше богини уже не мѣщаются въ мужескія дѣла, а неутомимаго Посидона безъ малѣйшаго спора тѣснятъ отсюда Эрмисъ и Иасетъ (Меркурій и Вулканъ). Не знаю, не настанетъ ли когда нибудь на землѣ опять время, въ которое страшное для гражданственности и геотрагій божество возьметъ верхъ надъ великими побѣдителями своими, покажетъ намъ свой старый презубецъ, и залетѣть материни океаномъ.

Мы, какъ не специалисты, скоро осмотрѣли пристань. Далѣе

оставались вниманіемъ на великолѣпномъ докѣ, поистинѣ приводящемъ въ изумленіе своею громадностію и требовавшемъ настоящей «египетской» работы. Въ немъ стоялъ и починался большой пароходъ. Намъ сказали, что каждый день стоянки его тутъ стоятъ ему 70 наполеондоровъ. Охотно показали намъ также устроенное параллельно съ докомъ зданіе съ водонакачивательною паровою машиною. Прошлись мы по набережной, посидѣли въ тѣни выгрузнаго навѣса, гдѣ въ первый разъ встрѣтили въ Суецѣ дорогую прохладу. Больше не знали на что еще посмотреть. Мѣсто оживлено присутствіемъ и нескончаемымъ светлымъ движеніемъ чуть не двухтысячнаго бродячаго населенія. Есть и кофейни и харчевни и кое съ чѣмъ лавочки—начало будущихъ магазиновъ и гостинницъ. Мы утолили жажду изъ общественнаго водоема, въ который чугунными трубами проведена живительная влага изъ упомянутаго нами уже не разъ прѣснаго канала. Все онъ и вѣчно онъ, благодѣтель и живитель Египта, историческій Нилъ предлагаетъ здѣсь человѣку свои услуги. Надобно сказать правду, что и человѣкъ здѣшній съ своей стороны самую горячую любовь привязанъ къ Нилу. Мутная, какъ говорятъ, въ самой рѣкѣ вода, проходя черезъ каналъ и потомъ водопроводныя трубы, отстаивается и достигаетъ сюда уже чистою. По крайней мѣрѣ, такую мы пили изъ подъ самага крана водоемнаго. Къ полудню мы возвратились назадъ въ городъ, воспользовавшись напрасно прежде отринутыми услугами легкихъ и спокойныхъ бѣгуновъ, которыхъ рекомендуемъ всякому послѣ насъ охотнику посѣтить красноморскую пристань Европы. Приливъ шолъ такъ сказать — пятамъ нашимъ. Говорятъ, что онъ можетъ и опередить непроворнаго или утомленнаго путника. *Itinegaige* дѣлаетъ намекъ на подобный случай съ Наполеономъ. Вода здѣшняя будто бы чуть не затопила славнаго воителя. Черное море, видно, почуяло тогда въ себѣ новаго Фараона, всю жизнь вторившаго памятнымъ словамъ Фараоновымъ: *не вѣмъ Господа*. Не погрязъ новый колеснице-

гонитель въ черной пучинѣ вѣроятно потому, что евреи его (и нашего..) времени, за которыми онъ гнался, стояли страстнаго и упорнаго его преслѣдованія. Погрузили они его, правда, потомъ въ Тихомъ океанѣ, и благополучно съ тѣхъ поръ завоевываютъ земли, кипящія молокомъ и медомъ,—поцарствуютъ, конечно, лѣта не малыя между хананеями, но въ концѣ концовъ боюсь, чтобы не попали въ руки какого нибудь небукаднецара.. На попривѣтъ столькихъ невообразимыхъ и трудновѣруемыхъ событій прошедшаго, позволительно какъ бы унести въ ту же область невѣроятнаго и несбыточнаго въ будущемъ.

Дома обрадованы мы были прежде всего успокоительнымъ извѣстiemъ, что каиягъ въ Ранеу окончательно нанятъ. Заплачено за него 3 наполеондора, или по два съ половиною рубля (золотомъ) съ человека. Но и опечалены были вѣсть съ тѣмъ новою отсрочкою отбытія нашего изъ Суеца на цѣлыя сутки. Что-то на суднѣ было не готово къ отплытію. Должны были подчиниться необходимости. Придумывали разные средства сдѣлать сносными послѣобѣденные часы, но все напрасно. Самое лучшее, что можно было избрать, это—запереться въ комнатѣ, сбросить съ себя все *двойное* и неустанно прохладать себя соломеннымъ опахаломъ, сдѣланнымъ въ видѣ флага или топора; ибо при первомъ покушеніи впустить въ окна вѣтерокъ (предполагаемый), врывался въ комнату жгучій воздухъ, смѣшанный ктому же съ каменноугольнымъ дымомъ сосѣдней трубы. Отраду находили въ мысли, что это послѣдній день печенія нашего въ Суецѣ, за которымъ послѣдуетъ безсмѣнная прохлада моря и вѣчная свѣжесть горъ. Вечеромъ, съ поѣздомъ желѣзной дороги, прибылъ изъ Каира въ Суецъ *дикей* Синайскаго монастыря, соответствующій нѣсколько своимъ чиномъ и должности нашему *наместнику* монастыря. Его нарочно послалъ для сопровожденія насъ на Синай Синаискій игумень-архіепископъ, имѣющій пока пребываніе свое въ Каирѣ. И оправдалась такимъ образомъ греческая посло-

лица: «всякое препятствіе къ добру». Отправясь мы сегодня изъ Суеца, намъ пришлось бы однимъ ѣхать до самой обители, а теперь имѣемъ живое руководство себѣ и на морѣ и на сушѣ. Свѣтлолунная и тишайшая ночь, относительно-прохладная, проведенная отчасти на кровѣ дома, помирила меня на время съ Суецомъ. Пытался что нибудь отсюда нибудь вычитать о немъ, но узналъ весьма немногое. По близости его была въ Египетско-греческую эпоху приморская крѣпость *Клизма*, о которой упоминаютъ Птоломей, Геркулъ, Филосторгій и др. Въ смыслѣ «епархій и городовъ, принадлежащихъ царямъ Римскимъ» неизвѣстнаго времени, ¹⁾ послѣдній городъ 59-й епархіи, и именно *Асузсы 2-й*, названъ *Клѣма хасров*, что, очевидно, надобно читать *Клѣфа хасров*. Имена Суеца тутъ не встрѣчается. Но въ другой рукописной замѣткѣ (XVII в.) ²⁾ «о митрополіяхъ и епископіяхъ, подчиненныхъ патриаршему престолу Александріи и существовавшихъ до завладѣнія Египта оттоманами», 15-я по порядку митрополія носитъ имя *Суевисійской*, и каедрою ея поименованъ городъ: *Сараѳи*. Такъ обр. *Суецъ* или *Суейскъ* былъ извѣстенъ ранѣе 13 апрѣля 1517 г. когда погибъ послѣдній властитель Египта *Тумамбай*, и былъ каедрою митрополита, титуловавшагося по обычаю «спречестнымъ и эвзархомъ всего Чермнаго моря». Канія церкви принадлежали къ Сувейской епархіи, и сколько ихъ было, и когда прекратилось существованіе епархіи, неизвѣстно. Къ сожалѣнію оба наши древнѣйшіе Синанты—паломники *Гозара* и *Корабетниковъ*, идя на Синай, не заходили въ Суецъ. Барскій же въ 1728 г. былъ тутъ, встрѣтилъ Пасху и прожилъ 15 дней. Онъ видѣлъ здѣсь священника, но не упомянулъ ни о какомъ извѣстномъ архіерее, замѣтилъ только, что христіане здѣшніе «суть подъ властію священнѣйшаго патриарха Александріи»

¹⁾ Рукопись, въ которой помѣщенъ этотъ списокъ (Іерус. патр. библиотеки) принадлежитъ XII вѣку.

²⁾ Изъ библиотеки Синайскаго монастыря.

скаго», подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ котораго состоитъ и нынѣшняя православная Суецкая церковь. Приходъ ея слагается изъ десятиа домовъ. Центромъ и главой его считается нашъ консульскій агентъ, г. *Георгій Коста*. Есть въ Суецѣ и католическая церковь. Иныхъ свѣдѣній о Суецкомъ населеніи не имѣю.

Суецъ 30 іюля 1870 г.

Начали день визитами. Посѣтили сперва о. *дикел* ¹⁾. Это одинъ изъ пострадавшихъ за права и порядки обителя при бывшемъ въ послѣднее время игуменѣ-архіепископѣ, удаленномъ теперь отъ должности, — человекъ въ цвѣтѣ лѣтъ, съ достаточнымъ образованіемъ, пріятный въ обращеніи, симпатичный, какъ привыкли говорить теперь, однимъ словомъ: истинно почтенный, и, въ добавокъ, — русскій кавалеръ. Въ ожиданіи, пока устроится въ Суецѣ Синайское подворье, проѣзжающіе черезъ городъ Синаиты останавливаются у тагъ называемаго «эпитропа Синайской горы», мѣстнаго негоціанта, грека родомъ, женатаго на молдаванкѣ кажется, говорящей порядочно по русски. Это единственный толмачъ въ Суецѣ для нашихъ поклонниковъ и поклонницъ. Отъ сего эпитропа или вѣриже комиссіонера монастыря ѣдущіе на Синай обыкновенно получаютъ рекомендательныя письма, безъ которыхъ еще и доселѣ труденъ впускъ ихъ въ монастырь, а когда-то и совсѣмъ былъ невозможенъ. Отъ эпитропа мы отправились искать Суецкую церковь. Прошедши не мало закоулковъ поражающихъ на каждомъ шагу картиною бѣдности, безобразія и разрушенія, мы уперлись въ одни ворота, достучались какого-то вратаря и вошли на жалости достойный дворъ, а съ него и въ церковь. Незнаю, какими словами передать всю ея убожайшую невзрачность. Ничего въ ней нѣтъ, на чемъ бы съ отрадою можно было остановить взоръ. Въ нашихъ селахъ

¹⁾ По греческому образу рѣчи: *святаго дикел*. 'Αγία δίκηε, говорятъ Греки, обращаясь къ дикелю.

храмъ Божій всегда есть самое лучшее зданіе и часто до того лучшее, что всё постройка селенія, вмѣстѣ взятыя, не имѣютъ его стоимости. Входя въ храмъ, у насъ простолюдинъ переносится совсѣмъ въ другой міръ, и какъ бы на самомъ дѣлѣ видитъ подтвержденіе того, что говорится ему отъ имени св. вѣры о Богѣ, о душѣ, о раѣ, о вѣчной жизни. Церковь такимъ образомъ для него есть безмолвный проповѣдникъ всего высшаго, совершеннѣйшаго, духовнаго. А въ храмѣ, гдѣ разсуждалъ я обо всемъ этомъ, какія чувства и мысли должны внушать молящемуся его жалостная обстановка? Слушалъ я, помню, замѣчаніе одного, бывавшаго на Востокѣ, что всё храмы Коптовъ въ послѣдней степени бѣдны и небогообразны, а отъ того самаго и духовная жизнь этого народа убога до крайности. Тогда подобное заключеніе казалось мнѣ и мѣткимъ и весьма правдоподобнымъ. Повидавъ Востокъ самъ своими глазами, и сличивъ видимое съ повѣствуемымъ, я думаю теперь, что сужденія, какъ и растенія, большею частію пріурочиваются къ извѣстному климату, и Европа крѣпко можетъ ошибиться, если ко всему будетъ прилагать свой глазомѣръ. Ея возвышеніе духа, соразмѣряющееся съ высотой стѣнъ молитвеннаго храма, ея идеальныя представленія божества и неба, списываемыя съ стройныхъ линій, художественныхъ изображеній, блеска и убранства алтарей Господнихъ, самое ея умиленіе, извлекаемое изъ сердца молящагося музыкою, есть ли вещи хвальныя до пес plus ultra и желанныя до исключенія всего другаго? Не суть ли это явленія только извѣстнаго религіознаго климата, принявшія свой особый видъ и складъ отъ условій мѣстныхъ? Когда-то Египетъ, Палестина и все побережье Средиземнаго моря горѣли самою пламенною ревностію по духовной жизни, и давали видѣть въ себѣ несчетныя образцы самаго высокаго нравственнаго совершенства, — богомыслія, боголюбія, богочестія, до котораго Европѣ далеко настолько, что она отъ стыда начинаетъ уже считать ихъ выдумкою или ошибкою временъ легко-

вѣрныхъ.. Но тѣ неподражаемые образцы молились въ темныхъ пещерахъ, убогихъ каливахъ, душныхъ затворахъ безъ золота, безъ ладана, безъ голоса.. Такъ еще и до сихъ поръ молятся они теплѣйшею и чистѣйшею созерцательною молитвою по всему протяженію Сиріи, Египта, Нубіи и Абиссиніи до самой Индіи. Достаточно видѣть грека въ дѣбряхъ Аѳонскихъ, араба въ землянкахъ Ливана, копта среди песковъ Ливійскихъ и абиссинца.. хотя въ пустынѣ Іорданской, чтобы убѣдиться, что тутъ иная полоса духовной географіи, и другія прозябають на ней растенія, которымъ не нужны ни наши искусственные и насильственные удобренія, ни поливанія, ни прививанія, ни горшки, ни теплицы. И дай Богъ, чтобы наше оранжерейное благочестіе равнялось съ ними! Грустно мнѣ самому говорить не въ пользу свою, но что дѣлать? стоя въ убогой церкви Суецкой, и овладѣваясь памятью стольныхъ великолѣпныхъ святилицъ, извѣстныхъ мнѣ, я не сумѣлъ бы вознестись духомъ далѣе безобразныхъ, и тѣхъ уже полусогнившихъ, стропилъ и досогъ ея нависшей кровли. А мѣстный житель несомнѣнно молится тутъ полною христіанскою молитвою подъ раздирающій уши крикъ роднаго пѣнія. Убожество храма не говоритъ ему объ убожествѣ Бога, и благо ему! Съ такимъ убѣжденіемъ я бы и оставилъ самый крайній къ экватору православный храмъ, какой только я видѣлъ доселѣ, но случилось обстоятельство, натолкнувшее меня на иной рядъ мыслей. Въ церкви мы застали священника, читавшаго въ полголоса часы. вмѣстѣ съ привратникомъ они составляли на тотъ разъ всю полноту молящихся. Прибытіе наше пресѣкло службу. Мы открыли рѣчь о жалкомъ видѣ церкви. Пастырь утѣшилъ насъ извѣстіемъ, что онъ весьма занятъ мыслию о постройкѣ новой, болѣе приличной церкви, и думаетъ открыть денежный сборъ на этотъ предметъ. Сочувствуя ему, мы поспѣшили положить свою лепту въ руку его. Еще мы не успѣли переступить порога церковнаго, какъ одинъ изъ спутниковъ нашихъ, понимавшій мѣстную рѣчь,

услышалъ, что пастыръ съ пасомымъ условился просто раздѣлить между собою нашу жертву, да тѣмъ и покончить.. Не знаю, не надобно ли прибавить къ сказанному выше о климатическихъ различіяхъ еще то, что бывають прозябенія на нивѣ Божіей нигдѣ несѣяныя и никому нежданныя, которыя растутъ одинаково успѣшно подъ всѣми широтами, и для которыхъ все равно, осѣняетъ ли ихъ прѣвыспренній и преукрашенный куполъ или готовый обрушиться, дощатый навѣсъ?

Возвращаясь домой, мы прошли по базару, важнѣйшую часть котораго составляетъ крытая улица, обставленная лавочками съ обѣихъ сторонъ, въ коихъ можно найти все, потребное для домашняго обихода, отъ сковороды до зеркала, отъ гвоздя до браслета и отъ луковницы до розоваго масла. Есть особая лавочка съ китайскимъ товаромъ. Есть нѣсколько торгашей бухарцовъ. Тотъ, который бывалъ *въ нашемъ* Самаркандѣ, заявилъ преимущественныя права на вниманіе наше. Мы взяли у него, по чистому патриотизму, разнаго недужнаго «стамоншняго» товара на цѣлый золотой. Какіе-то рыжіе туристы съ указными (въ видѣ) бѣлыми повязками на (тоже—указныхъ въ видѣ каски) шляпахъ пытливо смотрѣли на нашу фамилиарность «съ землякамн». Одежда наша выдавала насъ. Мы могли слышать слово: Russian, чуть выползавшее изъ за зубовъ! непосѣдовъ—космополитовъ. Кто нибудь изъ нихъ вѣрно внесъ въ свою записную книжку, что видѣлъ на улицѣ Суеца русскихъ козаконъ, переодѣтыхъ понаши, переговаривавшихся съ агентами Афганистана.. Ему конечно и въ голову не придетъ, что если не на другое что, то на слово: *станъ* мы имѣемъ неоспоримыя филологическія права, а у него, отдѣленнаго отъ Азіи цѣлою Европою и Африкою, и сверхъ того—своею рыжею расою, всякое право собственности въ ней кажется принятымъ бѣлою ниткою. Возвратились въ свою «Восточную» гостиницу, лежащую на самой западной окраинѣ города. Восточнаго въ ней—грязь и безпорядокъ, западное—урочный часъ обѣда

и французскій языкъ. Надоѣло намъ и первое и второе, и третье и четвертое, особенно послѣднее. Въ видѣ предостереженія землякамъ, преемникамъ нашимъ по пребыванію въ Суецкомъ *Hôtel de l'Orient*, мы совѣтуемъ имъ хорошо изучить различіе значенія словъ: *dans* и *avec*., иначе и имъ, какъ намъ на прощанье, на трапезѣ предлагать вмѣсто жареной картошки то, что у насъ называютъ картошкой въ мундирѣ и при ней на тарелочкѣ, въ видѣ оптического стекла, битое масло.. За всѣ эти мелочи да проститъ меня благосклонный читатель. Если бы онъ былъ на нашемъ мѣстѣ, и видѣлъ всю угрожающую невозможность пережить оставшіеся 6 часовъ духоты и удушающей праздности, онъ и самъ поискалъ бы развлеченія и *dans* и *avec*. Намъ сказали, что выѣдемъ *разомъ* на закатъ солнца. Что оставалось дѣлать до этого блаженного термина? Единственное средство скоротать время было выходить почаще на террасу дома, наблюдать приливъ и отливъ моря, и въ двадцатый разъ разсматривать въ трубу сіе-летовую гору *Атагу*, возведенную однимъ писателемъ въ рядъ «священныхъ». Семь (священное число) находятъ онъ *святенныхъ* горъ на землѣ: Арабатъ, Синай, Озворъ, Сіонъ, Элаонъ Голгоу и.. Атагу! Какъ прістала къ первымъ послѣдняя? Это имъ напоминаетъ страницу одной пергаментной книги греческой, гдѣ перечисляются «величайшія» рѣки земнаго шара, насколько онъ былъ извѣстенъ пергаментному періоду науки. Начинается она такъ: Океанъ (рѣка!), Евратъ, Истръ, Иннахъ (!), Исминъ (?), Иннесъ.. и проч. Последнюю эту *величайшую* рѣку я видалъ много разъ. Черезъ нее могутъ переходить не только пословицныя горы, но и муравьи.

Около 3-хъ часовъ всѣ наши вещи были уложены и увязаны. Вмѣсто носильщиковъ, везти была подъ нихъ длинная телега. Наконецъ мы простились съ метр-д-отелемъ, нежелавъ другъ-другу, онъ намъ—*bon voyage*, а мы ему—*bon courage* въ начинающемся политическомъ невзгодіи его отечества. Минусъ памятную

«Нормандію» убѣдившую меня еще разъ до неотразимой очевидности, что человекъ по природѣ, или точнѣе до природы («второй»), есть существо незапомнатное. Злострадавшій *не С...*ъ, заявившій прежде притязаніе на немедленное удаленіе отъ должности Греческаго агента, теперь, проходя мимо бѣдственной гостиницы, кротко улыбнулся.. Выходимъ на берегъ къ тому самому мѣсту, гдѣ высадились за три дня передъ симъ изъ вагона. Я тоже, по примѣру спутника, прощаю себѣ ненужное мудрованіе тогдашнее, тѣмъ болѣе—что убѣдился самоглазно въ крайней непригодности для такого общества, какъ наше, помѣщеній, которыя мы могли имѣть въ домѣ нашего консульскаго агента. Каикъ, готовый насъ унести въ Черное море, весело колыхался на водахъ Суецкаго залива или заливца, въ отличіе отъ настоящаго, большаго залива, означаемаго на картахъ, который я называлъ не собственнымъ именемъ Чернаго моря. Корабль нашъ превосходилъ величиною всѣ другіе одного съ нимъ имени и устройства, видѣвшіеся на водѣ, чего на первый разъ и довольно было для нашего успокоенія. Идутъ послѣднія хлопоты. Спутники въ разбродѣ. Дѣлать нечего. Насматриваюсь на городъ. Западающее солнце золотитъ послѣдними лучами неприглядныя строенія его. Прощаюсь съ нимъ до времени, давая обѣтъ, по возвращеніи съ Синая, прибыть въ оный къ самому моменту отхода желѣзнодорожнаго поѣзда въ Каиръ.. Оказывается надобность въ предьявленіи кому-то нашего «тескера» или тишкиря, какъ говорятъ наши скитальцы, снующіе между Царемъ-градомъ, Аэономъ и Іерусалимомъ. На этотъ разъ тишкиремъ нашимъ была, выхлопотанная нашимъ мѣстнымъ агентствомъ у пограничнаго начальства, бумага, съ прописаніемъ именъ нашихъ, на свободный выпускъ въ море. Другая надобность въ чемъ-то со стороны таможи. Наконецъ всѣ формальности (очень немногія, впрочемъ) минуемъ благополучно. Багажъ нашъ перевозится лодкою на судно. Синаиты переправляютъ свой вслѣдъ за нашимъ. Буча народа собра-

лась около насъ на берегу. Ее отвлекаетъ на время приходъ урочнаго поѣзда изъ Измаиліи. Съ синяками насъ стало теперь уже 8 человекъ. Но въ наличности постоянно видится только отъ трехъ до пяти. То тотъ, то другой исчезаютъ въ сосѣднемъ переулкѣ, кто купить еще что-то позабытое, кто проститься, кто выпить на дорогу пива.. Но вотъ, кое-какъ оказываемся всѣ въ сборѣ. «Съ Богомъ!» говоритъ намъ одинъ нѣкто изъ толпы, прилично одѣтый, въ фесѣ и съ русою бородою, чистѣйшимъ русскимъ выговоромъ. «А вы какъ здѣсь?», спрашиваю я земляка, уцѣпившись за случай разогнать, начинавшееся во мнѣ, чувство недовольства на медлительность нашей отправки изъ Суэца. Отвѣтъ послѣдовалъ не очень ясный. Но выяснилось другое нѣчто, чего я не имѣлъ въ виду. Въ памятный вечеръ, когда мы, вслѣдъ за багажемъ своимъ, двинулись отъ «Нормандіи» къ «Отель-дель-орьянъ», смущенные и преогорченные, кто-то съ боку, подобно библейскому Семю, сопрозождалъ насъ самою рѣзкою русскою бранью подъ влияніемъ, какъ мнѣ казалось, спиртнаго духа, воображая, что мы уступили грекамъ и укоряя насъ въ трусости. Теперь я припомнилъ голосъ тогдашняго сына Гираня.. Спасибо соотечественнику за его патриотизмъ! Ни десятилѣтнее пребываніе его незнаю гдѣ, ни состояніе на службѣ не вѣсь у кого, ни болтаніе на всяческихъ языкахъ, видимо обличающее его въ космополитствѣ, не ослабили въ немъ *русскаго* чувства. Собесѣдникъ былъ еврей.

Такъ! «съ Богомъ» и тебѣ, таинственное и достопримѣчательнѣйшее изъ племенъ человѣческихъ! И кому больше, какъ не тебѣ, быть и *ходить съ Богомъ* или *предъ Богомъ*? Но какъ ходить и куда идти? Никакой философъ-историкъ, политикъ, богословъ не найдетъ дасть на это удовлетворительный отвѣтъ. Когда злополучнаго мальчика, проданнаго родными братьями, вели купившіе черезъ Суецкую пустыню на чужбину, могъ ли кто нибудь сказать ему: съ Богомъ, дитя! и угадалъ ли бы, куда и

зачѣмъ онъ идетъ? Когда же, черезъ 400 лѣтъ потомъ, два милліона родственниковъ, и отчасти прямыхъ потомковъ, бывшаго невольника направлялись обратно къ Суецкому перешейку, отъ всего Египта неслоь въ слѣдъ имъ: «съ Богомъ идите! съ Богомъ!» А куда и за чѣмъ они шли, по прежнему осталось загадкой.. И опять они идутъ съ разныхъ мѣстъ плѣнные и преобитвенные. Не кому и сказать имъ на прощаніе: «съ Богомъ!» Не возвращаются опять на мѣста родныя съ напутіемъ во имя Божіе. За чѣмъ уходили? Для чего возвратились? Никто не знаетъ.. И еще разъ ихъ гонять съ земли родной безъ всякихъ благопожеланій, тѣснить, губять, продаять и разсѣвають по всему лицу земному, во свидѣтельство, въ урокъ, залогъ и т. д. начало чего-то, по прежнему неизвѣстнаго. Двинутся ли они и еще разъ съ Богомъ, или вопреки Богу, 20-ю милліонами душъ въ землю обѣтованія отцовъ своихъ, или, подобно моему минутному знакомому, въ одиночку только будутъ продолжать появляться на ней до скончанія вѣковъ? Гдѣ отвѣтъ на это?

Вопросъ сдѣланъ былъ на зыблющейся стихіи Чермнаго моря.
Мы уже плыли.. на *Синай*.

(Продолженіе будетъ.)

ВОСТОКЪ ХРИСТІАНСКІЙ.

I.

ПРОСОПОГРАФІЯ ЦЕРКОВНАЯ.

Извлеченія изъ рукописей о внѣшнемъ видѣ Іисуса Христа и пречистой Его Матери, святыхъ, и царей присутствовавшихъ на святыхъ вселенскихъ соборахъ.

1. Нѣкоторые историки говорятъ, что у Спасителя волосы были волнисты и рѣдки. Φασὶ τινὲς τῶν ἱστορικῶν, ὅτι τὸ οὐλον καὶ ἀλιγότερον οὐχ ἴσα ἐπὶ τοῦ Σωτῆρος οἰκιστέρον ἔστιν.

Кедринъ.

2. Христосъ бѣше красенъ добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Высота бѣше тѣла шесть стопъ. совершенъ. Русы имѣа волосы не велики хусты, паче оубо до браны висяща. Брови имуши чертѣ велики наклоненѣ. Очи же его веселы, якоже и протца его Давида сазаетъ образъ, глаголя: «чермень помазу». и ноздрѣа сличенъ. Надрусъ брадою. долги имѣа волосы николиже стрижены, и мало наклоненъ выею, не ведми простъ (прямъ). Русъ (?) имѣа возрастъ тѣлесный. Лице не велики кругло имѣа, якоже и мати его. Чистъ и разуменъ нравомъ и кротостію, ко всякому чловѣку безгнѣвнъ, и по всему материна обычаа приобшашеся.

Изъ сборника на бумагѣ in 4° типог. въ библиотекѣ Леонхиландарскаго монастыря, 17 вѣка.

3. Богоматерь малогаголива, скоропослушлива, благоименита, не дерзновенца во всякому челоуѣку, якоже и дивитися всѣмъ разуму и глаголанію ея. Возрастомъ же быше средняа. Друзиѣ же глаголють, яко паче средняа. Руса. желтовласа. Очима черна, благозрачна. Брови черны. Руцѣ долгѣ. Круговатномъ лицемъ. Долгы персты инаши. Благодати Божіа и красоты исполнена, и помыслы немостидна и непремѣна. И смиреніе непреложно инаши. Одежды темнозрачны любящи пошаше: свидѣтельствуеть святыѣ покровъ ея.

Изъ того же сборника.

4. Святыѣ архидіаконъ Стефанъ былъ высокъ ростомъ, и волосы имѣлъ золотисторусые.

Αβϋος Ιστορικος του Νικητα.

Въ соборномъ храмѣ Аеоно-Кастамонитскаго монастыря на правой, передней колоннѣ, поддерживающей куполь, утверждена древняя икона св. архидіакона Стефана, принесенная изъ Іерусалима въ царствованіе Константина Мономаха (1042—1054 г.). Она описана мною такъ:

«Волосы золотисторусы, въ видѣ терноваго вѣнца Христова (Согона Christi). Темя голо. Брови правильны. Глаза пріятны. Носъ тонокъ, прямъ и длиненъ. Усы и борода едва показались. Цвѣтъ лица—цвѣтъ пшеничнаго зерна съ отливомъ алымъ. Живопись хороша и располаеть къ молитвѣ. Икона велика.

5. Константинъ Великій былъ роста средняго, широкоплечъ, съ толстою шею, носему и прозывали его толстошея, румянъ. Волосы на головѣ его были негусты и некудрявы, а борода рѣдкая и необросшая около щекъ; носъ слегка орлиный, взоръ львиный, лице пріятное и веселое.

Кедринъ.

— Константинъ Великій въ видѣніи доброты благолѣпенъ и прекрасенъ, веселъ лицемъ, добрымъ возрастомъ ни малъ, ни

высокъ зѣло, широко плечима, толстъ шиєю, образомъ черменъ; власы главныя и брѣдныя не часты, не обросли около лица, ноздры распырены. добры очи имѣя близъ лъвову.

Изъ Славянскаго лѣтописца 16 вѣка въ моеѣ библиотекѣ.

6. Θεодосій Великій, родомъ испаноць, благочестивый и православный, былъ роста средняго. строень отъ ногъ до головы, румянь, волосы имѣлъ свѣтлорусые, носъ тонкій и слегка орлиный. Былъ привѣтливъ и любезенъ.

Бедринъ.

7. Θεодосій Младшій былъ роста средняго, съ большими черными и острыми глазами; носъ имѣлъ тонкій и прямой, а волосы цвѣта медоваго; нравомъ былъ тихъ и доступенъ.

Бедринъ.

8. Царь Маріанъ былъ старецъ достопочтенный, благонравный, лицомъ румяный, великодушный, незнавшій сребролюбія, цѣломудренный, набожный и православный, къ согрѣшающимъ снисходительный, а въ наукахъ не свѣдущій.

Бедринъ.

9. Іустиніанъ былъ роста немного выше средняго, румянь, взоръ имѣлъ веселый и быстрый; голова же его казалась немного маловата по причинѣ густоты прекрасныхъ волосъ.

Бедринъ.

Точно такимъ онъ изображенъ на мозаической иконѣ Преображенія Господня въ алтарномъ, верхнемъ, углубленіи соборнаго храма Синайскаго монастыря. Эта икона, современная Іустиніану, отподоблена находившимся при немъ живописцомъ Петромъ Соловьевымъ въ 1850 году.

Порфирій Еп. Чигиринскій.

16 апрѣля 1871 года.
Кіево-михайл. монастырь.

ЖИВОПИСЬ ЦЕРКОВНАЯ.

Опредѣленія освященнаго собора, бывшаго въ Москвѣ въ 1667 году, о живописцахъ и иконахъ:

(Извлечены изъ рукописи Асоно-иверснаго монастыря на бумагѣ in 4°: Ὅρος, ἔστι τόμος τῆς ἱεράς συνόδου τῆς συγκροτηθείσης ἐν τῇ θωρακίστῳ μαγαλοπόλει Μεσσοχώριῳ ἐν ἔτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου, ἔρως ἐν μηνὶ Ἰαννουαρίῳ ἰνδικτιώνας δ'.)

Опредѣленіе 51. Еще повелѣваемъ, чтобы живописцы считались выше всякаго опытнаго художника, чтобы надъ ними начальствовалъ человѣкъ хорошій и способный наблюдать и учить другихъ, и чтобы они отнюдь не были зазираемы невѣждами; ибо они ищутъ святыхъ иконъ Христа и Богоматери и прочихъ святыхъ и друзей его. Однако возбраняемъ непристойныя и невѣжественныя живописанія нѣкоторыхъ неискусныхъ мужей, и желаемъ, чтобы отнынѣ прекратилось всякое суемудріе. Нѣкоторые обмани писати иконы по своему вымыслу, безъ справокъ съ свидѣтельствомъ (св. Писанія) и вопреки истинному преданію; напримѣръ, изображаютъ Господа Саваога разнообразно въ различныхъ видахъ, а иной придаетъ рукамъ святыхъ перстосложенія странныя. Мы же все такія отступленія, какъ непристойныя, возбраняемъ, и опредѣляемъ: отнынѣ болѣе не писать образовъ Господа Саваога ни на стѣнѣ, ни на иконѣ, потому что Господа Саваога (т. е. Отца) никто никогда не видалъ явивша-

гося во плоти, а изображать красками только одного Христа, такъ какъ Онъ явился во плоти на землѣ, но не по божеству, потому что божество — неописанно и неизобразимо. Подобно, и всесвятую Богородицу и прочихъ святыхъ и друзей Божиихъ живопишеть во плоти сообразно съ видомъ тѣла ихъ мы предлагаемъ по опредѣленію седьмого святаго вселенскаго собора. Еще же и неправильное перетелосложеніе, какое нѣкоторые обычно пишутъ на иконѣ Спасителя Христа, отвергаемъ; такъ же возбраняемъ и переназначія (*parastatistomata*) иконъ всепречистой Богородицы, Предтечи и прочихъ святыхъ, вводящія въ заблужденіе людей простыхъ и неграмотныхъ. Отнынѣ да преспрятаются все такіа отступленія и переназначія живописныя и иконныя, какъ странности. Повелѣваемъ же изображать на иконѣ Спасителя Христа и святыхъ іерарховъ благословляющую десницу такъ, какъ рѣшено и отпечатано нынѣ въ нашемъ соборномъ свиткѣ (тѣмас); ибо такое изображеніе есть самая истина и истинное преданіе богопроповѣданныхъ апостоловъ и законоположительныхъ отцовъ, сообщенное Игнатіемъ Богоносцемъ. Когда же пишутъ святыхъ мучениковъ Христовыхъ и другихъ въ молитвенномъ стояніи предъ Христомъ Богомъ нашимъ, или предъ всесвятою Богородицею; то по нашему повелѣнію пусть пишутъ ихъ только съ распростертыми руками, и отнюдь иначе; ибо это выражаетъ и возбуждаетъ умиленіе. *А перстосложеніе само по себѣ не молитву выражаетъ, а вывѣляетъ только нѣкое исповѣданіе вѣры,* какъ оно отчетливо начертано въ нашемъ свиткѣ, содержащемъ толкованіе о честномъ крестѣ и о знаменательномъ сложеніи перстовъ правой руки.

— 52. Живописать Господа Саваоа, то есть Отца, съдымъ, и едиnorodнаго Сына Его во чревѣ Его, и голубя посреди ихъ, весьма непристойно и несообразно; ибо кто видѣлъ Отца и божество? Отецъ не имѣеть тѣла, да и Сынъ рожденъ отъ Отца

прежде вѣновъ не съ плотію. А если пророкъ Давидъ говоритъ: *изъ чрева прежде денницы родишь Тя*: то тутъ разумѣется рожденіе не тѣлесное, а несказанное и непостижимое. Притомъ, сама Истина, Христось, въ божественномъ и священномъ Евангеліи глаголетъ: *никтоже видѣ Отца, токмо Сынъ*. И пророкъ Исаія въ 40 главѣ, ст. 18. 19, вѣщаетъ: *кому уподобисте Господа, и коему подобію уподобисте Его; Еда образъ сотвори древодѣлатель, или златарь сліявъ злато позлати его; или подобіемъ сотвори его; И божественный апостоль Павель въ Дѣяніяхъ, 17, 20, говоритъ: родъ убо суще Божій, не должны есмы нещевати (думать) подобно быти божество злату, или сребру, или камню художиль начертану, и смышленію чело-вѣчу. И богословнѣйшій Іоаннъ Дамаскинъ въ четвертой книгѣ объ иконахъ говоритъ: «кто можетъ сдѣлать подобіе невидимаго и неописаннаго и неизобразимаго Бога? Итакъ изображать божественное есть дѣло крайняго безумія и неблагочестія». И святыи Григорій Двоесловъ такъ же возбраняетъ сіе и воспрещаетъ. По-сему оное предвѣчное рожденіе едиnorodнаго Сына отъ Отца надобно постигать только умомъ, а живописать на иконахъ и стѣнахъ отнюдь не должно, да и невозможно. И Святыи Духъ по существу есть Богъ, а не естественный голубь. *Бога же никто не видѣлъ*, по свидѣтельству Іоанна евангелиста. А если на Іорданѣ при крещеніи Христа Духъ Святыи явился въ видѣ голубя, то лишь при крещеніи и прилично живописать Духа Святаго въ видѣ голубя, а въ другомъ случаѣ никто, имѣя здравый разумъ, не изобразитъ Духа Святаго, какъ голубя, такъ какъ онъ на горѣ Саворской явился какъ облако, а въ день Пятидесятницы въ видѣ огненныхъ языковъ, и иначе въ иныхъ случаяхъ. Но и Саввоомъ называется не одинъ Отецъ, а вся Святаи Троица. По слову неботаниника Діонисія Ареопагита Саввоомъ переводится съ еврейскаго языка: Господь силъ: Господь же силъ есть Свя-*

тая Троица, Отець, Сынъ и Святыи Духъ. А ежели пророкъ Данилъ говоритъ, что онъ *видѣлъ Ветхаго денми сядущаго на престолю*; то подъ Нимъ разумѣется не одинъ Отець, но и Сынъ, который во второе пришествіе свое сядетъ на престолю и будетъ судить всѣ племена и языки на страшномъ судѣ своемъ.

— 53. Еще изображаютъ нѣкоторые, на иконѣ Благовѣщенія, Саваоа съ дыханіемъ изъ устъ Его, и это дыханіе рисуютъ такъ, что оно струится въ чрево Всесвятой. Но кто видѣлъ это? Или, какое священное писаніе свидѣтельствуетъ о семъ? И откуда это занято? Явно, что такія и другія, подобныя, изображенія заняты отъ безразсудныхъ и суемудренныхъ людей, или лучше сказать, отъ неумныхъ и невѣжественныхъ. Посему мы повелѣваемъ отнынѣ прекратить таковыя суетныя и непристойныя изображенія. А въ Апокалипсисѣ св. Іоанна можетъ быть изображаемъ Сынъ, какъ сѣдовласый, ради оныхъ досточтимыхъ видѣній, кои являлись сему святому въ Апокалипсисѣ: *Азъ есмь Алфа и Омега, первый и послѣдній*. Тутъ Сынъ называется Алфою по причинѣ рожденія горняго, а Омегою по причинѣ рожденія дольняго. Посему-то и св. Максимъ, изъясняя десятую главу Ареопагита, говоритъ: «денми ветхъ и юнъ Господь. Пишется онъ иногда, какъ Ветхій денми, иногда какъ Юный. Такъ и въ изрѣченіи, — *Иисусъ Христосъ вчера и днесъ тойжде и во вѣки*, слово *днесъ* юнѣ слова *вчера*.

Пристойно и должно въ алтаряхъ святыхъ церквей на мѣсто Саваоа водружать крестъ, т. е. святое распятіе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, такъ какъ сей преданный отцами, исконный, обычай соблюдается во всѣхъ святыхъ церквахъ Востока и повсюду, такъ же и въ Кіевѣ и во всей Малой и Бѣлой Россіи въ владычества Московскаго. И это распятіе означаетъ велие таинство; именно, какъ Моисей въ пустынѣ вознесъ мѣд-

наго змія, который прообразовалъ распятаго Спаса Христа, и какъ тогда израильтяне, смотря на сего змія, исцѣлялись отъ угрызеній змій, такъ и мы, новыи израильтяне, видя въ святыхъ церквахъ распятіе и взирая на оное и на страданія Спаса нашего Іисуса Христа, врачуемся отъ угрызеній невидимаго змія, діавола, или отъ прегрѣшеній нашихъ смертныхъ и не-смертныхъ.

Съ новогреческаго перевелъ докторъ Едлинской словесности
Порфирій Епископъ Чигиринскій.

16 Апрѣля 1871 г.

ПИСЬМО КЪ МУСУЛЬМАНИНУ, ЖЕЛАЮЩЕМУ ОБРЪСТИ ИСТИНУ.

Я слышала вчера разговоръ вашъ о различіи, каково существуетъ между двумя религіями—Магометовой и Христовой, и хотя стѣснялось мое сердце, я молчала, предоставляя вамъ полную свободу излагать ваши мнѣнія. Сколько ни были жестки для христіанскаго слуха выраженія ваши противъ ученія нашего Господа, они не оскорбили меня, потому что это было только изповѣданіе мусульманскою вашою вѣры; совершенно иное впечатлѣніе произвели бы они на меня, если бы я слышала къ изъусту дѣмста, родившагося христіаниномъ, какими мнѣ, къ сожалѣнію, изоблауетъ свѣтъ. Но всего тягостнѣе мнѣ было видѣть изъ вашей бесѣды, что проводятъ многіе годы между христіанами, такъ какъ вы были почти воспитаны въ Англіи, и имѣя искреннее желаніе познать истину, вы однако не могли обрѣсти ее между нами.

Я говорилъ самъ себѣ: велики же должны быть грѣхи наши прегрѣшители, если приходившій къ намъ братъ, чадо Авраама, какъ и мы его чада, по духу, если братъ сей не смотря на свое доброе расположеніе, не могъ однако войти въ лоно общей нашей семьи, имѣющей Отца на небесахъ. Онъ началъ съ протестантовъ, прошелъ чрезъ католиковъ, и вотъ онъ теперь между православными, не сдѣлавшись еще, однако, христіаниномъ. Какъ же не нашлось ни одной любящей души въ сихъ трехъ испо-

вѣданіяхъ единого Господа, чтобы научить его истинной вѣрѣ? Не отъ того ли, что обращались болѣе къ его уму, не касаясь его сердца, и можетъ быть, по усилленному желанію показать себя слишкомъ разумными въ его глазахъ, достигли совершенно противнаго, внушивъ ему несчастную мысль, будто бы христіанская религія не въ силахъ удовлетворить разуму. Но Псалмопѣвецъ, болѣе насъ просвѣщенный, посреди нищета мрака, не научаетъ ли насъ, что сердцемъ вѣруется въ истину, прежде, нежели исповѣдуется она устами! Это дѣйствительно есть единственное средство вѣрить: сердце вѣруетъ прежде разума, и это совершенно въ природѣ вещей, «ибо Богъ есть любовь», какъ Онъ Самъ о Себѣ гласитъ устами возлюбленнаго ученика. Если вы начинаете чувствовать нужду своего спасенія, чрезъ искреннее сознаніе своей духовной нищеты, то вы сердцемъ поймете ея причину, и доказательства придутъ сами собой, потому что тогда разумъ будетъ дѣйствовать совершенно согласно съ разумомъ Божественнымъ, который есть самое Слово Божіе...

«Если мы говоримъ, что мы не имѣемъ грѣха, то мы сами себя обманываемъ и нѣтъ въ насъ истины», говоритъ Апостоль любви (Іоан. 1, 8.) Итакъ вы видите, что по духу нашей религіи, лучшее средство приблизиться къ Богу есть самопознаніе, ибо какъ могли бы мы достигнуть познанія Бога, не познавъ самихъ себя? Чтобы всходить на лѣстницу, слѣдуетъ начинать съ нижнихъ ступеней. Но сія первая истина, если только мы ее хорошо чувствуемъ и понимаемъ, приводитъ насъ къ другой, болѣе возвышенной, которая хотя и вытекаетъ изъ первой, но нисходитъ къ намъ, однако, свыше, чрезъ откровеніе. «Если же кто согрѣшилъ, говоритъ тотъ же Апостоль, мы имѣемъ Ходатая предъ Отцемъ, Іисуса Христа праведника» (2, 1). Не совершенно ли разумно, что тварь, которая согрѣшила, и находится чрезъ свое паденіе въ состояніи безвыходной нищеты, не бываетъ, однако, оставлена своимъ Творцемъ, иначе, гдѣ была бы Божест-

венная благость?—О какой же нищете здесь говорится?—Разсудимъ обстоятельно, потому что ничто такъ не требуетъ нашего разума, въ высшемъ его развитіи, какъ религія христіанская.—Здѣсь дѣло идетъ не о какихъ либо благахъ земныхъ, потому что нищета сія равно тяготитъ на престолѣ, какъ и въ хижинѣ. Внинемъ въ нравственное убожество чловѣка вообще и, углубляясь въ него, будемъ возвышаться къ истинѣ.

Какое же это странное существо, которое, по двойной своей природѣ, принадлежитъ и небу, и землѣ?—По своему обширному уму, оно объемлетъ все созданіе, угадываетъ самые тайные законы, которые движутъ вселенную и предсказываетъ въ урочный часъ прохожденіе свѣтилъ по тверди небесной, хотя оно и само приковано къ одной изъ меньшихъ планетъ. Но въ то же время, эта высокая, разумная тварь унижаетъ иногда себя даже до подобія животныхъ, коихъ превосходитъ впрочемъ даже и въ чувственности, потому что не останавливается на однихъ естественныхъ потребахъ. Что же это? падшій ли ангелъ, или усовершенствованное животное? Мы видимъ, однако, что ни одно животное не можетъ подняться до высоты чловѣка. Твореніе, столь совершенное а вмѣстѣ столь несовершенное, могло ли въ такомъ состояніи произойти изъ рукъ Творца, коего мудрость и благость возвѣщаетъ все созданіе?—Не долженъ ли здравый смыслъ вывести отсюда заключенію, что должно было произойти какое либо глубокое и неясное для насъ измѣненіе въ этой твари, полубожественной, и полуживотной, которую мы называемъ чловѣкомъ? Впрочемъ хотя нашъ разумъ внушаетъ намъ эту мысль, но мы не иначе можемъ постигнуть совершившуюся въ насъ перемѣну, какъ только чрезъ преданіе, постепенно до насъ дошедшее отъ нашихъ отцовъ, и которое мы называемъ откровеніемъ.

Оно намъ говоритъ, что чловѣкъ, созданный невиннымъ, палъ чрезъ искушеніе, будучи обольщенъ высшимъ его духомъ,

падшимъ прежде него и по той же причинѣ, которая есть гордость, ибо созданіе, столь возвышенное, какъ человекъ, должно было пасть нравственно прежде, нежели унизиться до крайнихъ предѣловъ чувственности. Такимъ образомъ я возвращаю васъ къ первой страницѣ исторіи человечества, единственно чрезъ размышленіе о томъ, что мы теперь, послѣку мы къ себѣ пришли болѣе посредствомъ разума, нежели вѣрою. Въ чемъ же состояли искушеніе и паденіе?—Искуситель сказалъ прародителямъ нашимъ: «если преступите заповѣдь вашего Творца и коснетесь запрещеннаго плода познанія добраго и лукаваго, то вы сами будете, какъ боги, знающіе доброе и лукавое (Быт. III.) Воснувшій же сего плода, они утратили пользованіе древомъ жизни, посреди рая, изъ коего были изгнаны. Чрезъ собственное ихъ возмущеніе противъ Творца и прочая тварь, дотогѣ имъ покорная, возмущилась противъ прежняго своего владыки; даже собственная ихъ природа участвовала въ этомъ возмущеніи, и человекъ сдѣлался такимъ существомъ; которое было бы для него самого непонятно, если бы утратилъ онъ преданіе о своемъ паденіи. Видите ли какая постепенность въ самыхъ слѣдствіяхъ сего паденія, которое, лишивъ его безсмертія, возмущило противъ него всю тварь, какъ только онъ удалился отъ источника бытія, который есть Богъ.

Посмотримъ теперь, что сдѣлало Божество; чтобы возстановить человека, потому что оно немогло оставить своего созданія въ такомъ отверженномъ состояніи, и сколько оно употребило мудрости, благости и правды въ отношеніи къ падшему человеку. Такое возстановленіе должно было быть совершеннымъ противодѣйствіемъ его паденія, и необходимо было, чтобы и самое средство совершенно соответствовало причинѣ паденія. «Согласно древле Адаму, сказано въ одномъ изъ догматическихъ гимновъ, которыми такъ богата наша Церковь, и восхотѣвъ быть богомъ, онъ не сдѣлался имъ; сего ради Богъ дѣлается че-

ловѣкомъ, дабы обоготворить Адама» (Стихира на Акае. Богоматери).

О глубина премудрости и милосердія Божія! Оно какъ бы снисходитъ къ желанію человѣка, котораго лучшая природа ищетъ сближенія съ Божествомъ; но чтобы воздѣйствовать противъ жи, сходитъ на землю сама Истина.—Творческая сила, которая въ началѣ создала человѣка по своему подобію, опять къ нему приближается, вочеловѣчивается, чтобы возстановить утраченный образъ и обоготворить его такимъ общеніемъ, хотя сдѣлавшись человѣкомъ, не престаётъ быть Богомъ. Присутствіе Его исполняетъ вселенную и проявляется повсюду въ наибольшихъ, какъ и въ наименьшихъ твореніяхъ.

Не скажете ли, быть можетъ: что одной благодати достаточно было бы для того, чтобы даровать прощеніе и возстановить человѣка послѣ его паденія? Но развѣ вы уже забыли, что въ немъ извѣстнъ источникъ безсмертія, ибо немогъ онъ болѣе прикасаться къ древу жизни, будучи изгнанъ изъ рая. Игнать необходимо было, чтобы самое это начало жизни, которое есть Богъ, обнаружало себя въ человѣкѣ и соединилось съ его природой, дабы его оживотворить; поему творческое Слово и дѣлается какъ бы однимъ изъ насъ, ради нашего спасенія. Омиритесь предъ сею бездною милосердія!—Для того, чтобы сдѣлать человѣковъ чадами Божиими, Богъ посылаетъ имъ собственное Слово, которое дѣлается смыномъ человѣческимъ по плоти, оставаясь Сыномъ Божиимъ по своему существу. Если мы не можемъ объяснить себѣ, разумомъ ичеловѣческимъ, ни Божественное Его рожденіе горѣ, ни милосердное Его воплощеніе на землѣ, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, признать оное съ вѣрою, по чувству собственнаго нашего убожества, которое требовало отъ Бога подобнаго снисхожденія.

Поднимите взоры ваши къ тверди небесной, въ безмолвн ночи, когда все небо усыяно тмами звѣздъ: не чувствуете ли

вы невольный ужасъ, при мысли, что каждое изъ сихъ свѣтилъ есть солнце, окруженное своею планетною системою, и что всѣ сіи невѣдомые міры должны быть обитаемы, подобно нашему, существами разумными, знающими и прославляющими своего Творца? Предъ такимъ неслովѣдимымъ и необъятнымъ величіемъ, не падаете ли вы въ прахъ, изъ котораго вы сами созданы? Но преклоняя, такимъ образомъ, взоры ваши къ землѣ, не поражены ли вы также тмами этихъ, почти неосязаемыхъ былинкокъ, которыя пользуются однако своимъ минутнымъ существованіемъ, столь же совершеннымъ какъ и бытіе высшихъ міровъ, вращающихся надъ нашими глазами? Каждая пылинка, каждая капля воды окружающаго землю океана, не таятъ ли въ себѣ миллионы микроскопическихъ существъ, въ коняхъ столь же совершенно отражается Творческая мудрость, какъ и въ млечномъ пути тверди небесной? Скажите же мнѣ, что поражаетъ васъ болѣе: необъятность ли созданія небесной тверди, или самая неосязательность тѣхъ твореній, которыя на землѣ ускользаютъ отъ нашего взора, но въ коняхъ также обнаруживается присутствіе Божіе? Есть ли что либо великаго, есть ли что либо малаго для Божества? «Если же, какъ говоритъ Господь въ своемъ Евангеліи, (Мате. VI, 30), полевую траву, которая сегодня растетъ, а завтра будетъ брошена въ огонь, Богъ одѣваетъ большею славою, нежели какому облекался Соломонъ»: то оставить ли Онъ разумное свое твореніе, лишенное первобытной славы, которое однако и въ этомъ падшемъ состояніи, можетъ изъ глубины своего ничтожества угадывать самые высокіе и самые тайные законы созданія міровъ, какъ будто дѣйствительно было оно нѣкимъ богомъ, по древней лести діавола? Богъ одинъ могъ восполнить эту бездну, которая внезапно открылась между Нимъ и Его твореніемъ, ибо вселаго много не было бы для сего достаточно, и посему Богъ снизшелъ на землю и возставилъ человѣка, уничтоживъ ложь самою Истиною.

Теперь, такъ какъ вы довольно уже поняли, насколько дозволяетъ нашъ слабый разумъ, цѣль и причину снисхожденія Божія къ человѣкамъ, смиритесь предъ тѣми средствами, какія употребилъ Онъ для своего человѣколюбиваго дѣла и не испытывайте величія Божія, ибо вѣра начинается тамъ, гдѣ кончается разумъ. Не напрасно сказалъ Апостолъ язычникомъ: «не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе? Ибо когда міръ своею мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу спасти вѣрующихъ невѣжествомъ проповѣди. Потому что безумное Божіе мудрѣе человѣковъ и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ» (1 Кор. I, 20, 24 25).

Проникнутые симъ мощнымъ словомъ Апостола, будемъ еще благоговѣйно созерцать исполненіе возвышеннаго пророчества Исаи, котораго называютъ евангелистомъ ветхаго завѣта, потому что онъ предсказалъ, за 700 лѣтъ, явленіе новаго завѣта въ лицѣ нашего Спасителя. «Самъ Господь дастъ намъ знаменіе, говорилъ онъ; се дѣва приметъ во чревѣ и родитъ сына, который назовется Еммануиль, что означаетъ съ нами Богъ» (Исаи VII, 14). И далѣе, въ порывахъ радостнаго восторга, пророкъ восклицаетъ: «Малое дитя родилось намъ и сынъ былъ намъ дарованъ! Онъ помесетъ на плечахъ своихъ знаменіе своего владычества (искупительный крестъ, предъ концемъ въ послѣдній день воссѣдадутся всѣ племена земныя) и наречется имя ему: чудный совѣтникъ, Богъ крѣпкій, князь міра и отецъ будущаго вѣка».

Всѣ сіи наименованія могли ли бы приличествовать сему младенцу, если бы онъ только былъ простымъ смертнымъ? И вашъ пророкъ признаетъ также необычайное его рожденіе отъ Дѣвы, когда говоритъ въ своемъ Коранѣ: «Ангелы сказали Маріи: Богъ избралъ тебя и сдѣлалъ чудною всякой нечистоты; Богъ воввѣщаетъ тебѣ глаголь свой: Онъ называется Словомъ и Мессією» (Коранъ III, гл. 38, 40). Въ 19 главѣ Корана повторяется тотъ же рассказъ, хотя въ другихъ выраженіяхъ; тутъ уже

является Духъ, вмѣсто ангеловъ: «ми посылаемъ къ Маріи нашего Духа, Который принялъ предъ нею образъ челоуѣка совершенной красоты; Онъ ей сказалъ: я посланъ отъ Господа даровать тебѣ сына святаго. Какъ, отвѣчаетъ она, могу я сына имѣть? Ничто изъ челоуѣковъ не прикасался ко мнѣ. Духъ отвѣчаетъ: такъ будетъ, ибо Господь твой сказалъ: все для Него возможно; Онъ будетъ нашимъ знаменіемъ предъ челоуѣками и свидѣтельствомъ нашего милосердія; рѣшеніе произнесено....» (Коран. XIX, 17. 21). Однако, даже чрезъ 6 вѣковъ послѣ событія, Магометъ не постигъ ни божественности сего младенца, рожденнаго иначе, нежели всѣ люди, ни возвышенной цѣли его чуднаго рожденія, столь ясно предсказаннаго пророкомъ давнихъ временъ: до такой степени проникательно око вѣры, и такъ слѣпо разумныя челоуѣческое, если оно хочетъ по своему объяснять божественное!

Магометъ, не отказывая въ наименованіяхъ, собственно евангельскихъ, сему князю міра, котораго признаетъ знаменіемъ милосердія Божія къ челоуѣкамъ, однако самъ, не понимаетъ возвышеннаго значенія сихъ названій. Онъ смѣшиваетъ Духъ Святый, образующій плоть Божественному Слову въ утробѣ Пречистой Дѣвы, съ ангеломъ, или духомъ, который возвѣстия ея сіе чудесное воплощеніе; но онъ не хочетъ, или вѣрнѣе не можетъ понять, что младенецъ, родившійся столь необычайнымъ образомъ, есть уже не простой челоуѣкъ, но имѣетъ въ себѣ и божественную природу. Гораздо разумнѣе принимать это такимъ образомъ, нежели слѣдовать мнѣнію Корана, весьма неудовлетворительному въ этомъ случаѣ. И сверхъ сего, можетъ ли такое существо, предсказанное при началѣ міра, какъ ожидаемый Мессіа и Божіе Слово, пришедшее наконецъ исполнить всѣ бывшія о Немъ пророчества, можетъ ли Оно еще имѣть нужду въ позднѣйшемъ пророкѣ, который будто бы долженъ явиться, дабы объяснить церкви, основанной Самимъ Мессіемъ, истинный смыслъ Его ученія, ибо

въ такомъ случаѣ необычайное рожденіе существа столь совершеннаго было бы уже излишнимъ.

Магометъ смотрѣлъ на всѣ сія явленія только съ человѣческой стороны, разсуждая исторически о Божественномъ лицѣ Христовомъ, и нисколько не разумѣя, что Онъ былъ *самъ*, внѣ котораго все прочее есть только тѣнь, а единственный *путь*, ведущій ко спасенію, посредствомъ истины, поелику самъ Онъ есть воплощенная *истина*, и что Онъ есть источникъ *жизни*, безъ которой не можетъ быть доступна намъ никакая жизнь.

«Я есмь путь, истина и жизнь», говорилъ Иисусъ Христосъ своимъ ученикамъ, когда прощался съ ними предъ своими страданіями; никто не приходитъ къ Отцу моему, какъ только Мною. И Я умолю Отца и дастъ вамъ другаго Утѣшителя, да пробудетъ съ вами во вѣки, Духа истины; въ тотъ день узнаете вы, что Я въ Отцѣ моемъ и вы во мнѣ и Я въ васъ». (Іоан. XIV, 6. 16. 20). Видите ли, о какой тѣсной духовной связи здѣсь говорится; которая не внѣ, но внутри насъ самихъ; это не иное что прикровенное ученіе, которое насъ руководить, но живящее начало, которымъ мы дышемъ; это огонь, распалляющій желѣзо, хотя и сохраняющій ему внѣшній образъ, если только предметы земные могутъ быть уподобляемы божественнымъ.

Но пророкъ, или лучше сказать, тайновидецъ библейскій, хотя и называетъ чуднаго сего младенца, иже сего родится отъ Дѣвы, Богомъ вѣрнымъ, но не ослабляется однако блескомъ Его славы; онъ ясно видитъ и разумѣетъ, что этотъ князь міра раздѣлитъ съ нами всю горькую долю человечества, дабы еще тѣснѣе съ нимъ соединиться и чрезъ то сдѣлаться действительно Отцомъ будущаго вѣка. «Господи, говоритъ онъ, кто вѣровавъ слуху нашему и сила Господня кому открылась? Мы зрѣли Его и не имѣли Онъ вида, ни красоты, но видѣ Его умазаны безчестіемъ, паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, человекъ въ язвъ сущій и вѣдущій терпѣть болѣзни; всѣ отворачиваютъ лице отъ Него, Онъ поруганъ

и виѣненъ за ничто. Сей грѣхъ нами носитъ, и о насъ болѣз-
нуетъ, а мы думали, что Онъ наказанъ отъ Бога язвою и трудомъ;
Онъ же мучимъ былъ за грѣхи наши и за беззаконія наши тер-
заетъ; наказаніе нашего мира на немъ, язвою Его мы исцѣлили.
И онъ, посреди оскорбленій, не отверзаетъ устъ своихъ, какъ
овца воденъ на заколеніе, безгласенъ, какъ агнецъ предъ стри-
гущими; въ уничиженіе Его совершился судъ Его (Исаіи 53).
Однако, досрѣди сего плачевнаго зрѣлища, пророкъ не теряетъ
изъ виду того, кто былъ сей человекъ вѣдущій терпѣть болѣзнь;
онъ внезапно восклицаетъ: «кто можетъ исповѣдать родъ Его»,
и начинается торжественную пѣснь новаго Іерусалима, который
есть церковь. Ничего ясліе не сказали сами евангелисты, повѣ-
ствуя намъ о Христѣ, хотя предъ ихъ глазами совершались всѣ
событія земной Его жизни; и однако св. Іоаннъ Богословъ, воз-
вѣщая намъ въ своемъ евангеліи: «что Слово есть Богъ и что
Оно здѣсь сдѣлалось плотію», ради нашего спасенія, предупре-
ждаетъ насъ также, что когда пришелъ Онъ къ своимъ, свои Его
не приняли» (Іоан. 1, 1—11). После столь ясныхъ свидѣтельствъ,
мы невольно расположѣны принять разумомъ то, чему внушаетъ
намъ вѣрить сердце, когда открывается намъ великолѣпное наслѣ-
діе, которое обѣщаетъ намъ тотъ же евангелистъ: «а тѣмъ,
которые Его приняли, вѣрующимъ во имя Его, далъ Онъ власть
содѣлываться чадами Божиими». Не отрадн ли входитъ такимъ
образомъ вѣрою въ сіе божественное родство? Признавая Іисуса
Христа сперва за сына человѣческаго, мы дѣлаемся Ему близкими,
какъ Его братья по плоти, и впоследствии возвышаемся чрезъ
Него къ Отцу Его небесному, признавая во Іисусѣ Христѣ едино-
роднаго Сына Божія. Это отблескъ Его славы, дающій намъ право
называться чадами Божиими, по благодати, тогда какъ Самъ Хри-
стосъ есть дѣйствительно Сынъ Божій по Божественному своему
существованію.

Идемъ ницъ предъ симъ непостижимымъ таинствомъ, ис-

точникомъ нашего спасенія, необходимость коего была намъ однако открыта чувствомъ собственнаго нашего убожества. . . Одни мы, въ цѣломъ человечествѣ, дерзаемъ, по нашему званію христіанъ, называть Бога нашимъ Отцемъ, потому что Онъ открылъ намъ тайну своего Божественнаго Отечества, чрезъ посредство другой тайны, обязательной для нашихъ чувствъ, чрезъ воплощеніе Сына своего, какъ о томъ возвѣщаетъ возлюбленный ученикъ Его: «ибо жизнь являлась, и мы видѣли, и свидѣтельствуемъ и возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь; . . о томъ что мы видѣли и слышали, проповѣдуемъ вамъ, дабы и вы имѣли общеніе съ нами, а наше общеніе съ Отцемъ и Сыномъ Его: Іисусомъ Христомъ» (Іоан. 1, 2. 3). Можно ли отвергнуть такіа свидѣтельства, когда Апостолъ еще присовокупляетъ: «что мы слышали, что видѣли своими очами, что осязали своими руками». И что же? не одинъ только евангелистъ, какъ возлюбленный ученикъ, видѣлъ Его, слышалъ и осязалъ; это утѣшительное дѣйствіе повторяется для каждаго изъ насъ въ таинствѣ приобщенія тѣла и крови нашего Господа, являющихъ намъ Его присутствіе какъ являлся Онъ предъ глазами тѣхъ, кто Его видѣлъ на землѣ. Это страшное таинство вѣрою даетъ намъ источникъ жизни, нами утраченной, такъ какъ мы удалились, чрезъ наше непослушаніе, отъ древа жизни. Это есть плодъ, для насъ возрѣвшій, на древѣ креста, коего знаменіемъ было райское древо. «Я—хлѣбъ живый, сшедшій съ неба, говорилъ Господь; кто вкуситъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра (Іоан. VI, 51).

Ничего не можетъ быть яснѣе; не думайте однако, чтобы и между Его учениками не нашлось невѣрующихъ; нѣкоторые возронтали: «жестоко слово сіе, кто можетъ его послушать»; на что отвѣчалъ Божественный Учитель: «для этого Я и говорилъ вамъ, что никто не можетъ принти ко Миѣ, если то не дано бу-

детъ ему отъ Отца моего» и Онъ спросилъ у двѣнадцати апо-
 столѣвъ, не хотите ли вы отойти? но Петръ отвѣчалъ Ему за
 всѣхъ: «Господи, къ кому намъ ийти? Ты имѣешь глаголы вѣч-
 ной жизни, и мы увѣровали, что Ты Христосъ Сынъ Бога жи-
 ваго» (Иоан. VI, 65—69). Но для того, чтобы вкусить отъ сего
 таинственнаго плода сего небеснаго хлѣба, который есть источ-
 никъ нашей жизни, надобно совлечь съ себя ветхаго, плотскаго
 человека, т. е. грубую природу нашу, разслабленную грѣхомъ,
 перешедшимъ къ намъ отъ перваго человека Адама; таин-
 ственное сие измѣненіе совершается въ возрождающихъ насъ во-
 дахъ крещенія, Словомъ Божиимъ и дыханіемъ Его Духа, подобно
 тому, какъ некогда по выраженію вдохновеннаго Псалмопѣвца,
 «Словомъ Господнимъ небеса утвердились, и Духомъ устъ Его
 вся сила ихъ». Вы видите, что Слово и Духъ Божій дѣйствуютъ
 такъ же при началѣ созданія всей твари, какъ и при нашемъ
 возрожденіи, для котораго тоже самое начало жизни было необ-
 ходимо. Вотъ почему Господь говорилъ Никодиму, ученому изъ
 евреевъ, который не могъ постигнуть, какимъ образомъ человекъ
 можетъ опять родиться, будучи уже старъ: «Ты ли, учитель во
 Израилѣ, и сего не знаешь; истинно, истинно говорю тебѣ: если
 человекъ не родится отъ воды и Духа, то не можетъ войти въ
 царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное
 отъ Духа есть духъ. Духъ дышетъ, гдѣ захочетъ, и гласъ его
 слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда идетъ; такъ
 бываетъ и со всякимъ человекомъ, рожденнымъ отъ Духа». И
 видя его невѣріе, присовокупилъ: «если Я говорю вамъ о земномъ
 и вы не вѣрите, какъ же повѣрите, если буду говорить вамъ о
 небесномъ» (Иоан. III, 4—12)? Итакъ вы видите, до какой сте-
 пени надобно быть приготовленнымъ въ духѣ, дабы разумѣть
 вещи духовныя и божественныя, противъ которыхъ востаетъ
 слѣжая наша плоть, и спрашиваетъ у каждаго таинства: «какъ
 можетъ это быть»? И однако, безъ возрожденія внутренняго, не

можетъ быть спасенъ. Человѣкъ, утратившій необытную свою славу, долженъ научиться сей истинѣ изъ самыхъ устъ своего Спасителя. Въ лицѣ Никодима, Онъ обращается ко великъ чело-вѣкъ, которые съ добрымъ расположеніемъ также приходятъ къ Нему ночью; въ безжизнныя свои страсти, почерпая изъ чистаго источника Его ученія; «ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отъ далѣ и Сына своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Ибо не для того послалъ Богъ въ міръ Сына своего единороднаго, чтобы Онъ судилъ міръ, но чтобы спасенъ былъ чрезъ Него міръ». Что можетъ быть: возмнѣшеніе и утѣшительнѣе такого ученія, и вмѣстѣ такъ опасно не принимать сего ученія! Господь Іисусъ Христовъ Самъ предостерегаетъ насъ: «судъ же состоитъ въ томъ, что Свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы» (Іоан. III, 16—19).

Не страшно ли лишиться самихъ себя спасенія, единственно по своей небрежности? Итакъ будемъ послѣдовательны въ нашей вѣрѣ, для которой исходною точкою долженъ служить собствен-ный нашъ разумъ: если уже мы однажды поняли необходимости посредника между Богомъ и челоувѣками, то необходимо также; чтобы онъ былъ причастенъ и обѣимъ природамъ—Божеской и челоувѣческой.

Вы пріемлете, по ученію своего Корана, что Слово Божіе есть Мессія и что Онъ воплотился въ утробѣ Дѣвы, но надобно также, чтобы вы помнили и то, что было ему вѣною: первый Адамъ созданъ былъ изъ дѣяственной земли и одушевленъ душою вѣною Божіею; итакъ необходимо было, чтобы тѣло второе Адама, чрезъ котораго должно совершиться наше возро-жденіе, было также создано изъ дѣяственной утробы, дѣйствиельно того же Духа, Духа Святаго.

Вы тутъ видите въ то же время и проявленіе ганиства Иеру-святой Троицы въ Божественномъ существѣ, которое превращаетъ

человѣческое разумѣніе: Богъ, Слово; Бгъ и Святой Духъ. И однако человекъ, созданный по подобію Божію, сохраняетъ еще отблескъ Его въ своей душѣ, существо коей онъ столько мало разумѣть, какъ и Божеское существо. Слово чловѣческое не есть ли вѣрный образъ его мысли, собственный глаголъ и проявленіе первоначальнаго разума, который его рождаетъ, и дыханіе его не влѣтъ ли въ себя нѣчто живительное, какъ и тотъ Божественный Духъ, который одушавляетъ все созданіе? Но предлагая здѣсь такого рода уподобленія, какъ бы нѣкую только тѣнь, я вовсе не думаю достигнуть вѣрнаго сравненія, по необъятному разстоянію, отдѣляющему несовершенную природу человека отъ совершенства Божественной, хотя непостижимая для насъ тройственность лицъ Божества неоднократно проявлялась и намъ, убогимъ смертнымъ, для нашего спасенія.

Вотъ почему слабый нашъ разумъ долженъ смириться предъ всеобъемлющимъ разумомъ Божіимъ, принявъ одною сердцемъ, а не чувствованіемъ, вѣру въ искупленіе, ниспосланное намъ, какъ новая жизнь; въ лицѣ Господа нашего Іисуса Христа. Имѣя вѣру въ Него, мы должны вѣровать и тайнѣ Пресвятой Троицы, которому Онъ намъ столь торжественно возвѣстидъ въ самый тотъ часъ, когда оставляя насъ, возносаясь на небо: «всякая власть дана Мнѣ на небеси и на земли; идите же и научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и вотъ! Я съ вами во вся дни, до скончанія вѣка (Матѣ. XVIII, 28). Апостолы повѣрили своему Божественному Учителю, и, крѣпкіе сею вѣрою, разцесли ее во всѣ концы вселенной, запечатлѣвъ ее своею кровію и Господь, пометнивъ, былъ съ ними и пребудетъ до конца вѣковъ. Аминь.

Будемъ же рашпаче благоговѣть съ чувствомъ глубокой благодарности, доколѣ мы еще на землѣ, предъ искупительнымъ Его крестомъ, знаменіе коего явится въ послѣдній день на небесахъ, тогда какъ восстанутся предъ Нимъ всѣ племена земныя, увидѣвъ

Сына челоѣческаго, грядущаго на облакахъ со всѣми силами и во всей своей слаѣ (Мате. XVIII, 30). Жертвоприношеніе Авраамово, воспоминаніе коего повторяется ежегодно на празднествахъ магометанскихъ, чрезъ закланіе безчисленныхъ овецъ, хотя и безъ всякой цѣли и таинственнаго значенія, было ничто иное, какъ символъ закланія того Агнца Божія, который взялъ на себя грѣхи всего міра, (Іоан. I, 36). Авраамъ пророчески предвидѣлъ день Его, тотъ день, въ который Божественный Агнецъ долженъ былъ принести себя въ жертву за все челоѣчество, подобно какъ и другая жертва принесена была вмѣсто сына его Исаака; отецъ вѣрующихъ, Авраамъ, возрадовался пришествію Того, Кто былъ чаиємъ всѣхъ языковъ и существовалъ прежде него, какъ и прежде всѣхъ вѣковъ (Іоан. VIII, 53, 58).

Размыслимъ наконецъ еще однажды о сихъ глубокихъ словахъ апостола язычниковъ св. Павла, который, проповѣдуя мудрецамъ еллинскимъ спасеніе всего міра только чрезъ единаго Христа, говорилъ: «слово крестное для погибающихъ есть безуміе, а для насъ спасаемыхъ сила Божія». (1 Кор. I, 16).

ПОЛЬСКІЙ ПРОПОВѢДНИКЪ XVIII ВѢКА ІЕЗУИТЪ ООМА МЛОДЗЯНОВСКІЙ ¹⁾.

(Окончаніе.)

Читателю извѣстно, что въ проповѣдяхъ Млодзяновскаго кромѣ *первой части* есть еще и *вторая часть*. Она постоянно слѣдуетъ послѣ *первой*, какъ отдѣльное и самостоятельное *прибавленіе* къ ней, прибавленіе, рѣдко когда имѣющее связь со всѣмъ предъидущимъ. Въ этомъ сознается и самъ Млодзяновскій. Въ своемъ предисловіи къ *ученому читателю*, онъ говоритъ: *вторую часть* проповѣди и иногда приспособляю къ первой, а иногда трактую въ ней о томъ, чего, какъ говорится, требуютъ обстоятельства, приспособляю однако все это такъ нельзя больше къ *тексту, взятому изъ очереднаго евангелія*. Внѣшній формальный характеръ *казанья* (слова), именно какъ *казанья*, и *гомиліи*, какъ *гомиліи*, постоянно и исключительно опредѣляется только *первою частию*, т. е. тою частию, которая занимается толкованіемъ св. Писанія. *Вторая часть* не полагаетъ въ этомъ случаѣ никакой доли своего участія. Иногда дѣло обходится вовсе безъ нея: иногда проповѣдникъ предлагаетъ своимъ слушателямъ *казанье* или *гомилію* съ одной только *первой частью*. Съ другой стороны, не смотря на всю болѣе или ме-

¹⁾ См. Труды Кіевской дух. Академіи Апрѣль, Іюль, Сентябрь, Декабрь 1870 года.

ше значительную формальную разность *казанья* и *толмача*, представленная къ нимъ *вторая часть* всегда имѣетъ одинаковый характеръ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ.

Общее представленіе объ этой второй части мы получимъ изъ краткаго сравненія въ этомъ отношеніи обѣихъ частей. Прежде всего, во *второй части* мысли свои проповѣдникъ излагаетъ проще. Тамъ (въ первой части) онъ какъ можно больше усиливается обставать ихъ со всѣхъ сторонъ порядочною массою всевозможныхъ хитросплетеній, пооднѣйшихъ *переломъ* и *концептовъ*, хочетъ непременно высказывать свои мысли узловато, мудро, какъ выразился разъ по этому поводу самъ Млодяновскій: здѣсь, *во второй части*, онъ говоритъ болѣе или менѣе естественно, безъ всякой искусственности, какъ человѣкъ, который не имѣетъ предвзятой мысли завладѣть вниманіемъ своихъ слушателей посредствомъ внѣшней оболочки своей рѣчи, но который какъ можно болѣе усиливается обратить это вниманіе именно на внутренній ея смыслъ, на содержаніе того, о чемъ говорятъ. Вотъ это-то качество *второй части* и дѣлало ее вообще доступною для людей простыхъ, какъ заявляетъ объ этомъ и самъ Млодяновскій. «*Первую часть* своего казанья иереи възподати постоянно строятъ, какъ бы для кановъ, а *для насъ оставляетъ только вторую часть*», такъ жаловались на Млодяновскаго простые люди, по увѣренію его самого. Не то, разумѣется, хотять сказать этимъ простые люди, будто *вторая часть* составлялась исключительно для нихъ однихъ, подобно тому, какъ *первая часть* составлялась для кановъ, но то, что проповѣдникъ во *второй части* имѣнялъ способъ изложенія своихъ мыслей начинать говорить проще, а потому и для нихъ, людей простыхъ, вразумительнѣе. Далѣе, во *второй части* Млодяновскій высказываетъ свои мысли прямо и искреннѣе. Въ *первой части* онъ преподаетъ свое нравоученіе какъ бы изъ-заугла, какъ бы украдкой, преподаетъ и вѣстѣ какъ бы осматривается,

не смотреть ни кто. Между собою и своими слушателями онъ постоянно ставитъ выводимые имъ изъ св. Писанія образы и только подъ ихъ забраломъ дѣлаетъ свои казнодѣйскія нападенія. Это даетъ возможность высказываться иногда въ высшей степени рѣзко, свободно и смѣло, судить и рядить о такихъ предметахъ современности, о которыхъ, при другихъ условіяхъ, трудно было бы и заниматься. Онъ умѣетъ въ высшей степени искусно маскировать свое личное искреннее участіе въ высказываемыхъ имъ мысляхъ; послѣднія онъ постоянно ставилъ въ такомъ свѣтѣ, что никто не имѣлъ права придратъся къ нему за нихъ, какъ за его собственные мысли и убѣжденія, но всякій волей-неволей обязанъ былъ считать ихъ небольшою, какъ остроумными сопоставленіями и искусными выводами, въ которыхъ очевидно только участіе изощреннаго ума казнодѣи, но не очевидно участіе его воли, его личной симпатіи, за которую онъ считался бы отвѣтственнымъ, хотя, съ другой стороны, всякій себѣ-наумъ хорошо понималъ, что на самомъ дѣлѣ это именно собственные мысли и убѣжденія проповѣдника, всякій хорошо видѣлъ, на какую сторону склоняются казнодѣйскія симпатіи и антипатіи въ измышленныхъ сопоставленіяхъ и выводахъ. Отношеніе проповѣдника къ слушателямъ, очевидно, не прямое, не искреннее. Не то *во второй части*. Здѣсь Млодзяновскій ставитъ себя къ своимъ слушателямъ прямо, лицомъ къ лицу. «Вотъ вотъ мои мысли, мои взгляды на тѣ или другіе предметы, вотъ что я думаю о тѣхъ или другихъ явленіяхъ нашей современности»,—какъ бы такъ постоянно обращается къ нимъ *во второй части* Млодзяновскій. Принявши такую позицію, онъ долженъ былъ значительно мягче высказывать свои мысли, значительно осторожнѣе выражать свои сужденія въ особенности о нѣкоторыхъ явленіяхъ своей современности.

Наконецъ, *во второй части* Млодзяновскій высказываетъ свои мысли серьезнѣе и приличнѣе. Въ *первой части* онъ посто-

янно находится въ веселомъ расположеніи духа: шутка, иронія, острота—всегдашніе спутники его рѣчи. Вездѣ проповѣдникъ видимо усиливается вызвать улыбку на устахъ своихъ слушателей... Приступая ко *второй части*, онъ какъ бы такъ говоритъ самому себѣ; «ну, шутка и остроумничанье теперь въ сторону». И дѣйствительно начинаетъ говорить серьезно. Но этого мало. Въ большинствѣ случаевъ проповѣдникъ идетъ дальше, и вмѣсто предъидущаго, шутливаго и веселаго, тона впадаетъ въ тонъ противоположный—элегическій, грустный. Къ этимъ-то случаямъ, должно быть, и относится сохранившееся о Млодзяновскомъ преданіе, будто онъ каждую свою проповѣдь обливалъ слезами.

Какими побужденіями руководился проповѣдникъ, когда допускалъ въ своей рѣчи, даже больше, въ своемъ настроеніи духа, такой рѣзкій переломъ? Что заставляло его переходить изъ одного тона въ другой, совершенно противоположный?

Могутъ сказать: «такая ужъ была тогда мода—въ *первой части* говорить такъ, а во *второй*—иначе»; могутъ, говоримъ, сказать, особенно когда узнаютъ, что во *второй части* Млодзяновскаго нашли себѣ пріютъ, между прочимъ, и столь вѣдомыя всѣмъ, по своему характеру, *католическія легенды*, составлявшія у тогдашнихъ польскихъ проповѣдниковъ самый любимый способъ назиданія.

Но нѣтъ, нельзя сказать, чтобы въ эпоху Млодзяновскаго въ польскомъ проповѣдничествѣ была мода и на *вторую часть*. Раздѣленіе проповѣди на двѣ части, различныя между собою по характеру, принадлежить, кажется, одному Млодзяновскому и условливалось его желаніемъ и на церковной каедрѣ не покинуть обязанности профессора *theologiae positivae*. Сколько мы ни читали проповѣдниковъ эпохи Млодзяновскаго, ни у одного изъ нихъ не встрѣтили такого раздѣленія. Рецензентъ Млодзяновскаго Познанскій каноникъ *Моренскій* называетъ планъ его проповѣдей рѣдкимъ планомъ. И тотъ тонъ, какой слышится во *второй*

части проповѣдей Млодзяновскаго, не замѣтенъ у другихъ польскихихъ проповѣдниковъ. Всѣ тогдашніе проповѣдники маперерыли другъ предъ другомъ старались проявлять въ своихъ проповѣдяхъ одинъ только тотъ характеръ, который съ такою своеобразною рѣзкостью обнаружилъ Млодзяновскій въ своей *первой части*. *Вторая часть* Млодзяновскаго есть созданіе самого Млодзяновскаго, его личнаго генія, его субъективныхъ воззрѣній и стремленій.

Первою частию своихъ проповѣдей Млодзяновскій ищлъ въ виду удовлетворить литературному и проповѣдническому вкусу своей эпохи. Вкусъ вѣда — это нѣчто такое непреборимое, что отъ его вліянія не могутъ освободиться, отъ его требованій не могутъ отказаться даже люди съ самымъ самостоятельнымъ умомъ, съ самой крѣпкой волей, тѣмъ болѣе не могъ освободиться и отказаться человѣкъ, который съ самаго дѣтства былъ воспитанъ въ *школь приспособленія*, въ школѣ, которая постоянно твердила ему, что хорошая цѣль оправдываетъ всякія средства — и хорошія, и неблаговидныя, и даже, совсѣмъ не хорошія. Рѣшившись отдать должное непреборимой силѣ своего вѣка, Млодзяновскій исполнилъ это совсѣмъ пыломъ и рвеніемъ, со всею своею правотою своею своеобразнаго таланта. Но можно думать, что Млодзяновскаго не вполне удовлетворяли лавры, доставленныя ему первою веселою частию его проповѣдей. Въ глубинѣ души рисовался предъ нимъ иной проповѣдническій идеалъ, и это было результатомъ не воспитанія, не вліянія среды, въ которой онъ вращался, но чулъемъ его собственной природы, въ которой ни воспитаніе, ни среда не могли совершенно заглушить добрыхъ инстинктовъ... Нѣсколько разъ Млодзяновскій высказался и высказался довольно рѣзко, какъ онъ смотритъ на свою *вторую часть*. Вотъ какъ, наприимѣръ, начинается онъ предпоследнюю свою проповѣдь въ Люблинѣ, гдѣ онъ, какъ извѣстно, былъ трибунальскимъ проповѣдникомъ: «Настоящее воскресенье, по моему

календарю, это день *визилем* (кашумъ) по отношенію къ будущему воскресенію, когда въ Либанѣ будетъ трибунальскій праздникъ, т. е. праздникъ имитации или окончанія генеральныхъ коронныхъ судовъ... Въ будущее, значитъ, воскресенье мнѣ придется говорить послѣднюю въ этомъ году проповѣдь къ членамъ трибунала. Если бы мнѣ пришлось послѣ этого послѣдняго моего слова умереть и отдать Господу Богу отчетъ въ своихъ проповѣдяхъ, что бы я сказала Господу? Совѣсть моя не упрекала бы меня въ томъ, что я не говорила правды, нѣтъ я говорилъ ее: но въ томъ упрекала бы меня совѣсть, что я уже слишкомъ приравляла эту правду, слишкомъ уже услаждалъ ее.. Не упрекала бы меня совѣсть и въ томъ, что я не употреблялъ ничтожнаго моего умения на разнообразныя истолкованія нѣтъ св. Писанія, приспособленныя къ нравамъ; нѣтъ, я употреблялъ его на это! Но въ томъ упрекала бы меня совѣсть, что дѣлалъ я это безъ достоинства и приличія... Но упрекала бы меня совѣсть и въ томъ, что я не отвращалъ людей отъ грѣховъ, не побуждалъ ихъ къ исправленію; нѣтъ, я побуждалъ! Но въ томъ упрекала бы меня совѣсть, я упрекала бы также, что не удостоился я той милости Господа Бога моего, чтобы мои труды принесли пользу... Поэтому, въ удовлетвореніе моихъ проповѣдываемыхъ грѣховъ, скажу я въ настоящій годъ такое слово, о которомъ, въ случай, еслибы мнѣ пришлось умереть, я могъ бы сказать предъ судомъ Господа Бога нашего: Господи, вспомни проповѣдь, говоренную мною въ 19 недѣлю по пасхѣ! ¹⁾.. И начинать Младяновскій въ *первой части* просто и съ прѣклицемъ говорить на слѣдующую тему изъ *theologiae moralis*: *сущность любви къ Богу—не грѣшится смертию...* *Вторая часть* въ этой проповѣди имѣетъ свой обмывенный характеръ. И послѣдняя проповѣдь въ Либанѣ омырѣшался сказать въ такомъ же родѣ... «*Конценты* прочь, такъ

¹⁾ II, 101.

начинаеть онъ ее: въ нмѣнншней проповѣди займетъ мѣсто съ теологія» ¹⁾. Видно, не слишкомъ вѣскомо нмѣннн былъ онъ объ этихъ концешнало, когда обратился къ нимъ съ такой фразой... Въ посвященнн третьяго тома своихъ проповѣдей *Елена—Текла Любомирской*, оправдываясь предъ нею въ томъ, что съ нескотомъ говорилъ проповѣди, живя при ея дворѣ, Млодзяновскій замѣчаетъ между прочимъ, что ему казалось всегда лучшимъ кончать проповѣдь, нежели начинать ее. Вообще, по всему видно, что совѣсть проповѣдника никогда не была спокойна за *первую часть*. Вотъ это-то и заставляло его, присовокуплять къ ней, если не постоянно, то по крайней мѣрѣ, болышею частью в *вторую часть*, которой онъ, по собственному сознанію, надѣялся принести гораздо болыше пользы своимъ слушателямъ ²⁾. Далѣе, мы не разъ говорили уже, что Млодзяновскій былъ самый горячій патріотъ... *Какъ патріотъ*, онъ непремѣнно хотѣлъ своимъ словомъ принять участіе въ событіяхъ, совершавшихся тогда въ его отечествѣ, хотѣлъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ въ предисловіи, непремѣнно говорить о томъ, чего требовали обстоятельства. Осуществлялъ онъ это патріотическое стремленіе именно *со второй части*. И *первую* свою *часть* онъ наполнилъ постоянно самыми современными замѣтками; всякая мысль въ *первой части*, всякій оборотъ, всякое сближеніе ужъ непремѣнно мѣтили въ какое нибудь современное, живое явленіе. Но дѣло въ томъ, что проповѣдникъ ограничивался здѣсь почти исключительно одной только бытовой стороной жизни, той стороной, которая, будучи основой и факторомъ всѣхъ совершающихся въ жизни событій, сама въ тоже время не есть событіе, собственно такъ называемое, не есть индивидуальный, разъ совершившійся фактъ... Она, пожалуй, можетъ быть названа и событіемъ, но только по-

¹⁾ I, 397.

²⁾ III, 113.

стоянно совершающимся, никогда не перестающимъ событіемъ, таинствъ слѣдовательно, которое уже привычно для всякаго глаза и не производитъ ни чего впечатлѣнія рѣзкой новизны. Въ *первой части* Млодзяновскій поставилъ себя въ такое положеніе, что все его вниманіе всегда устремлено было именно на это постоянное, обширное, неизмѣримое событіе и наивъ нарочно усиливалось отыскивать иногда самыя мельчайшія и неудовимыя черты его... *Первая часть* можетъ представлять, поэтому, самый богатый матеріалъ для изученія современнаго проповѣднику польско-шляхетскаго быта, собственно такъ называемаго... Но не могъ Млодзяновскій останавливаться на одной только бытовой сторонѣ своей милой отчизны. Горячій патриотизмъ, живѣйшее участіе къ судьбамъ отечества неудержимо влекли его говорить о событіяхъ въ собственномъ смыслѣ или, какъ выразился самъ проповѣдникъ, объ обстоятельствахъ. А событія тогда совершались въ Польшѣ самыя крупныя, самыя поразительныя. Люди, не потерявшіе еще въ концѣ политическаго смысла, видѣли въ нихъ явныя предвѣстники имѣющаго скоро наступить паденія отечества. Какъ долженъ былъ отнестись къ нимъ Млодзяновскій, у котораго, кромѣ политическаго смысла, былъ еще, по всѣмъ нашимъ соображеніямъ, достаточный запасъ того внутренняго душевнаго расположенія, которое называютъ чувствительностію? Если черты бытовой жизни, къ которымъ привыкъ и прилепился онъ съ самаго своего дѣтства, дѣйствительно способны были возбуждать и поддерживать въ немъ только легкое и веселое, сатирическое настроеніе духа, то событія жизни, совершавшіяся на его глазахъ обстоятельства, которыми тогда опружена была со всѣхъ сторонъ его *малая отчизна*, поражая и приводя въ трепетъ свою страшною и роковою новизною, не должны ли были настраивать проповѣдника совершенно на другой тонъ и исторгать изъ его усть рѣчи совершенно противоположнаго характера?.. Это было тѣмъ болѣе естественно, что самъ проповѣдникъ на-

рочно сходилъ въ это время съ своею покусавшею пачкой и свободно стиривалъ свои вошныя живины и непосредственнымъ впечатлѣніемъ дѣйствительности. Не удивляйтесь поэтому, что *вторая часть* принимала иногда у Млодзяновскаго такой характеръ, по которому вполне идетъ къ ней въ ряду случаевъ названіе *pars dolerosa*...

Постараемся нѣсколько подробнѣе представить характеристическія черты *второй части*.

Когда обстоятельства не побуждаютъ Млодзяновскаго выводить во *второй части* изъ сферы нравственно-религіознаго наученія, собственно такъ называемаго, тогда престою проповѣдническую нишу онъ предлагаетъ своимъ слушателямъ болѣею частью въ видѣ *легендъ*. Въ современной Млодзяновскому Польшѣ легенды отличаются тѣмъ же самымъ существеннымъ характеромъ, съ каковымъ мы видимъ ихъ въ средніе вѣка—на западѣ Европы. Онѣ представляютъ собою странную смѣсь правдивыхъ, основанныхъ на св. писаніи и св. преданіи, религіозныхъ представленийъ съ самымъ грубымъ суевѣріемъ. Многія изъ этихъ легендъ уже бывали въ Европѣ съ распространеніемъ образованія. А Польша, благодаря иезуитамъ, въ XVII вѣкѣ престо-душно повторяла то, что въ западномъ мѣрѣ уже не находило для себя добраго вниманія. Множество легендъ разнаго рода видимъ мы и въ проповѣдяхъ Млодзяновскаго. Однѣ изъ легендъ заимствованы имъ изъ средневѣковыхъ писателей—*Голкота*, *Эмгарда* и въ особенности изъ *Другоша*. Вотъ, наприм. приведенная Млодзяновскимъ изъ Другоша легенда о Магдебургскомъ епископѣ *Удалѣ*. «Въ настоящей *второй части*, говорить проповѣдникъ, и предлежу вамъ исторію, съ которою я познакомился насадъ тому гдѣ тридцать девять. Искажаю, что многіе и изъ васъ знаютъ ее. Но перелистывая недавно легенды или житія святыхъ, написанныя Другошемъ еще *gothico characterе*, я встрѣтилъ эту исторію въ книгѣ, называемой

Lampasius alimus—въ 15 главѣ и почелъ это знакомъ воли Божіей предложить вамъ же въ поученіе. Въ 950 г., во времена императора Оттона III, былъ въ Магдебургѣ епископъ по имени *Удо*. Въ школѣ, будучи еще ученикомъ, онъ отличался страннымъ тупостію. Высвѣщенный рабъ своихъ учителей за непочтваніе науки, онъ, рыдая, отправился въ церковь св. Маврикія и началъ горяче молиться ему и Пресвятой Дѣвѣ и просить твердой памяти и быстрого уха. Во время этой молитвы онъ заснулъ. Во снѣ явилась ему Пресвятая Богородица и сказала: «я, наконецъ, вымолила у возлюбленнаго Сына моего удовлетвореніе твоей просьбы; но пріосвоужаю къ сему то, о чемъ ты меня и не просилъ: именно—ты будешь архіепископомъ магдебургскимъ. После этого, архіепископъ, если ты хорошо будешь вести себя, то получишь великую награду; если же будешь жить дурно, то погибнешь душою и тѣломъ». Прошелъ *Удо*, почелъ въ назначенное время въ школу—и оказался убитъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Пришло наконецъ и то время, когда онъ сдѣлался епископомъ. Но онъ позабылъ предостереженіе Пресвятой Дѣвы: впасть, несчастный, въ самыя великія тѣлесныя грѣхи. Но вотъ—въ три ночи оряду, на самомъ актѣ тѣлеснаго грѣха слышитъ онъ слышащій голосъ: *cessa a ludo, satis basisti Udo* (перестань играть, *Удо*, довольно ты уже наигрался). Но прошло три мѣсяца, а исправленія въ *Удо* не последовало. Скоро после этого случилось, что одинъ каноникъ затворился для молитвы въ церкви. Въ полночь, онъ услышалъ страшный шумъ отъ вѣтра, который повалилъ все свѣчи въ церкви. После этого, пришли два юнныя съ зажженными свѣчами, озарившими всю церковь; спустя немного, явилось еще двое юношей: одинъ изъ нихъ началъ расстилать коверъ, а другой—равставлять два золотыхъ кресла. Виде спустя немного, возмолъ какой-то страшный и сильный вѣтеръ; съ обнаженными ногами, и промвнесь промолгасно: *omnes saluti, quorum reliquias hic habentur, surgite et venite ad iudicium*.

Послѣ этихъ словъ явилось вдругъ великое множество святыхъ; за ними шло 12 апостоловъ, потомъ -- Христосъ, а за Нимъ -- Богородица, окруженная сонмомъ дѣвъ. Всѣ святые поклонились Христу, послѣ чего Онъ сѣлъ; сѣла и Пресвятая Дѣва Богородица. Тогда является св. Маврикій съ своимъ полкомъ и говорить Господу: *acquiesce judex, ad juliam judicium*. Дѣва Богородица пала на колѣни; тоже сдѣлали и всѣ святые. Тогда, по знаку судьи Христа, двое изъ юдошей приняли дрожащаго Удона. Посмотрѣвши на него страшнымъ взглядомъ, св. Маврикій сказалъ: вотъ онъ самый, праведный судья, не епископъ, а бестія. Это -- тотъ самый, коему наша Госпожа Марія, твоя Матерь, даровала способность къ наукѣ и вѣсть съ этихъ предрекла, что онъ погибнетъ тѣломъ и душою, если будетъ жить дурно; тотъ самый, который, не смотря на греснратный гомосъ съ неба, не покинулъ своей развратной жизни. Тогда Господъ приказалъ одному страшному воину отсѣчь Удону голову. Уже воинъ заманудся мечомъ, какъ одинъ изъ святыхъ сказалъ: подожди немного, мы возьмемъ изъ него реликвию (тѣло и кровь Христову, воспринимаемая въ таинствѣ причащенія). Воинъ остановился. Тогда одинъ изъ святыхъ подставилъ чашу, а воинъ началъ бить Удона въ шею и за каждымъ ударомъ вынималъ изъ него св. дары. Чашу съ этими дарами взяла Пресвятая Богородица и съ низкимъ поклономъ положила ее на алтарь. Послѣ этого, воинъ отсѣчь Удону голову. Упомянутая мною книга прибавляетъ, что еще въ то время былъ знакъ на полу отъ брызнувшей крови. Этотъ знакъ постоянно прикрывали и показывали только тогда, когда новый епископъ вступалъ на кафедру. Каждый епископъ молился на этомъ мѣстѣ, чтобы и самому не достигнуть такого конца. Послѣ всего этого все видѣнїе исчезло въ очахъ упомянутого каноника. Въ тоже самое время онъ узналъ, что епископъ умеръ. Случилось, что въ этотъ же самый день другой каноникъ, магдебургскій *Фридерикъ* возвращался откуда-то, не

зная ни о чемъ происшедшемъ: Дорогой напалъ на него сонъ, и онъ заснулъ. И видится ему, что нѣкая страшная и великая толпа пошла въ Магдебургъ. Спусти немного, она возвращалась назадъ. Изъ толпы однакъ самый страшный сѣлъ на престолъ; и скоро раздаеся крикъ: разотупитесь проць, шельма идетъ: уже нашъ пріятель Удонъ. И показалось какому-то, что онъ видитъ Удона, а на шеѣ его—огненные щѣки. Тогда тотъ сатана, что сидѣлъ на огненномъ престолѣ, подошелъ къ Удону и началъ здороваться съ нимъ: здравствуй пріятель, такъ твердо державшій нашъ дружбу на свѣтѣ и распространявшій наше царство! Поздоровавшись, сатана сказалъ: пріятель нашъ Удонъ слишкомъ ленился, нужно его помѣсть въ баню. И бросилъ Удона въ колодезь, пламень изъ котораго достигалъ до самаго неба. Вынулъ его изъ этого колодца и сталъ онъ весь какъ уголь горячій, какъ раскаленное желѣзо. Чортъ продолжалъ: пріятель нашъ Удонъ подущалъ всякаго ко грѣху, соблазнялъ словами, неблагочестивыми совершеніемъ таинствъ доставлялъ намъ удовольствіе, а теперь я вижу, что онъ голодець, нужно его накормить. И начали ему насильно пичкать въ ротъ гадныхъ жабъ и змѣй и заливать горло сѣрымъ настоемъ. Тогда Удонъ закричалъ: «прокляты дьяволъ со всѣми искушеніями, соблазнами, прокляты всѣ страсти, проклято ослстолюбіе!» Эхъ, Удонъ, Удонъ! Раньше бы нужно было начать эту пѣсенку: Когда еще наступало искушеніе, тогда нужно было проклинать чорта. Удонъ продолжалъ: «Прокляты отецъ и мать, родившіе меня, проклята земля, меня носившая, проклята всякая тварь на небѣ и на землѣ, прокляты Богъ, сотворившій меня!» Тогда черта началъ бить въ ладоши, приговаривая: о, поистинѣ, онъ достоинъ жить съ нами во вѣки. Какъ хорошо онъ умѣетъ пѣть пѣсенку болюхальства! Отправимъ же мы его во адъ, пусть тамъ еще лучше поучится этой пѣсенкѣ¹⁾.

¹⁾ I, 99—101.

Другія легенды заимствованы Младзиновскимъ изъ болѣе новаго источника, именно изъ обширнаго янпаса благочестивыхъ разсказовъ, выработанныхъ въ средѣ самаго иезуитскаго ордена. Большую частію онъ разсказываетъ исторіи, переданныя ему очевидцами, или случившіяся при его личноиъ свидѣтельствѣ. Подобные разказы онъ обыкновенно называетъ *домашними исторіями*. Вотъ для притѣра одна изъ таковыхъ.

«Расскажу я, говоритъ проповѣдникъ, *ласкамъ своимъ* какъ это Богъ караетъ своихъ *инфамистовъ*, т. е. людей грѣшныхъ, еще на этомъ свѣтѣ. Предложу вамъ одну исторію, случившуюся въ бытность мою въ Познани. Да кромѣ меня живутъ здѣсь (въ Люблинѣ) и другіе два отца, при которыхъ это было. Ушелъ изъ насъ съ карула одинъ *жолдиръ*, желая убѣжать изъ военной службы, въ которую вступилъ по легкомыслію. Нашъ настоятель рѣшился помочь ему, тѣмъ болѣе, что объ этомъ просилъ его родственникъ *жолдѣра* — *одилъ* изъ *машиль* въ литовской нашей провинціи. Черезъ нѣсколько дней, разгостившись уже между намию челядью, *жолдиръ*, перадочно подлизавши, взялъ бутылку и сказалъ: клянусь Богомъ, порешию въѣхъ чертей!.. И началъ пить. Тогда явился къ нему дьяволъ въ видѣ пилигрима (какъ самъ разсказывалъ послѣ солдатъ тетя) и, схвативши его за руку, началъ тинуть его въ воду, и такъ крѣпко, что наша челядь не могла его вырвать. А между тѣмъ никто изъ челяди не видѣлъ этого адскаго пилигрима. Тогда одинъ изъ челяди, испуганный этимъ зрѣлищемъ, обвилъ руку *жолдѣра* четками. А четки тѣ были изъ шариковъ св. Іоанны. Послѣ этого чертъ бросилъ его въ рѣку или лучше, неслышну тогда было гѣто, въ степь всякой нечистоты, и началъ его топтать. Какъ ни вытягивали его челядь изъ воды, ничего не могли сдѣлать. Какъ разъ на это смятеніе пришелъ *жолдѣрскій* карауль, стерегшій городскія ворота. Караульные узнали его, хотѣли спасти, но и они ничего не сдѣлали. Тогда всѣ услышали голоса: слотони его

совершенно! Слышадъ былъ отвѣтъ: немогу! — «Тотъ его!» — Немогу; у него на рукѣ перевязь. И действительно, та рука, на которой были четки, оставалась совершенно не замеченою и неприкосновенною. Тутъ случился одинъ изъ *макимаъ*, священникъ, и началъ взывать къ нему: «поминись! Бить не можешь ты чувствуешь на своей душѣ какою кабухъ тлшней грѣхъ: каюа, что оскорбилъ Бога и дай обѣщаніе, что вышесовѣдаешься». Тогда жиднѣръ громко закричалъ: кахъ; ка нѣтъ на совѣсти одинъ грѣхъ, кового никогда не отрываятъ на исповѣди. Послеъ этого Богъ сдѣлалъ такъ, что его безъ всякой трудности спасли. Поучитесь изъ этого примѣра не таять грѣховъ на исповѣди и почитать четки св. Іоанны» ¹⁾.

Равнина *дамашція исторіи* Младяновскій рассказываетъ особенно часто про нѣкоего ксевида *Дружбыкаво* изъ ордена же іезуитовъ, исторіи въ родѣ, наприм. той, что «ксандъ Дружбыцидй видѣлъ въ чисталищѣ души, а надъ ними руки, ноги и сердце Господа Іисуса, и изъ его сердца падали капли крови на души» ²⁾ и др. т. п.

Къ разряду *легендъ* можно отнести и рассказы Младяновскаго изъ его путешествій по Востоку и западной Европѣ, рассказы, въ которыхъ онъ, въ навиданіе слушателямъ, описываетъ священныя мѣста Палестины, а также замѣчательныя мѣста и предметы, находящіяся на западѣ Европы и пользовающіяся адѣеъ особеннымъ религіознымъ почитаніемъ. Эти рассказы предлагались проповѣдникомъ большею частію приспособительно къ чуждымъ церковнымъ праздникамъ. Такъ, въ словѣ на *Рождество Христово* онъ рассказываетъ исторію своего путешествія изъ Іерусалима въ Виледеиъ, при чемъ описываетъ со всею подробностію какъ всѣ священные мѣста, встрѣчавшіяся ему по дорогѣ (земѣ

¹⁾ I, 362.

²⁾ IV, 617.

Урип, мѣсто, изъ котораго ангель поднялъ пророка Аввакума, камень, на которомъ лежалъ пророкъ Илія), такъ и самое мѣсто рожденія Іисуса Христа. Описываетъ камень, на которомъ сидѣла Пресвятая Дѣва, дарна въ рукахъ Господа Іисуса, въ то время когда три восточные царя принесли ему свои дары. «При этомъ они, идя съ Востока, должны были непременно зайти со стороны востоку что свидѣнн Пресвятая Дѣва, утверждаетъ Младзьяновскій, *должна была непременно обратить лице возлюбленнаго дитяти къ западу*. Черезъ это, въ лицѣ этихъ трехъ царей, Господь Іисусъ принималъ какъ бы римскую церковь, основанную на западѣ»¹⁾.

Въ словѣ *на Пасху* проповѣдникъ описываетъ церковь Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Замѣчательно здѣсь, какъ пилигримъ—іезуитъ относится къ факту нисхожденія огня въ церкви Гроба Господня, въ великую субботу. «Припомню здѣсь, говоритъ онъ между прочимъ, и одну исторію, которую не мѣшаетъ католикамъ принять къ свѣдѣнію. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ *посль страданій* Господа Іисуса существовало такое чудо: будтобы съ великой субботы на медѣлю выходилъ огонь изъ Гроба Господня. Я полагаю, что это произошло по тому случаю, что въ римской церкви издревле утвердился обычай освящать огонь въ великую субботу и гасить великій другой огонь. Такое чудо давно уже перестало существовать; но греки и армяне утверждаютъ, что оно и теперь происходитъ. Все это *слетни*. Вотъ какой обманъ производятъ они: входятъ *изъ* патриархи внутрь Гроба Господня и молятся тамъ; и стоящій внѣ народъ зываетъ: *пріеди* огонь Духа Святаго, снидя огонь освѣщающій, но не опаляющій! Потомъ, *посль* продолжительной будто бы молитвы, одинъ изъ патриарховъ выбиваетъ огонь, выходитъ съ нимъ изъ гроба, показываетъ его и быстро вертитъ имъ, желая этимъ увѣрить, будто бы онъ не

¹⁾ IV, 339—341.

ожгеть. Но послѣ моего знакомства съ однимъ человѣкомъ, кото-
рый самъ лично видѣлъ, какъ этотъ огонь ужасно ожегъ кого-
то, я *вполнѣ удостовѣрился*, что все это выдумки. Одинъ
турецкій паша хотѣлъ войти во внутренность Гроба съ цѣлю
удостовѣриться въ истинѣ чуда. Но патриархи отговѣтывали ему
это: «такого чуда, сказали они ему, нѣтъ; все это дѣлается для
привлеченія народа. Иначе никто бы сюда и не приходилъ... А
еслибы не приходилъ, то не было бы ни милостыни, ни разныхъ
другихъ пожертвованій. А еслибы не было пожертвованій, то мы
не имѣли бы чѣмъ заплатить тебѣ, и тогда и ты неимѣлъ бы ни-
чего, и мы»... Поэтому-то они и недопускаютъ къ себѣ като-
ликовъ, а между тѣмъ, для оправданія своей схизмы, говорятъ:
«наша вѣра лучше; въ католическую великую субботу не выхо-
дитъ огонь изъ Гроба Господня, а въ нашу выходитъ». Сказки!
Вовсе не выходитъ.... Если бы подобное чудо въ самомъ дѣлѣ
существовало, то ужели оно небыло бы любо и для насъ като-
ликовъ? Все это я сказалъ для предостереженія ¹⁾... И это говоритъ
человѣкъ, который въ другомъ мѣстѣ, съ увѣренностію рассказыва-
етъ самыя суевѣрныя и нелѣпыя сказки въ назиданіе своимъ
слушателямъ!..

Въ словѣ на *Вознесеніе Господне* Младзиновскій описываетъ
мѣсто вознесенія Господня, «какъ самъ *по Божію благословенію*
видѣлъ». О горѣ Елеонской онъ говоритъ, между прочимъ; слѣду-
ющее. «Гора эта заключаетъ нѣчто особенно дивное въ себѣ.
Всѣ путешественники встрѣчаютъ здѣсь какія нибудь неприятно-
сти. Св. отецъ нашъ Игнатій (Лойола) былъ побитъ тамъ на-
кою однимъ туркомъ... Князь Радзивилъ тоже имѣлъ здѣсь свои
неприятности. Не обошелся безъ нихъ и я». «Долго размышляя
я, говорять еще проповѣдникъ, къ какимъ странамъ было обра-
щено лице Іисуса Христа, при его вознесеніи. Полагаю, что

¹⁾ III, 511—512.

Господь смотрѣлъ въ это время въ полунощныи отрянаи — тѣ Мадсвѣ, въ Польнѣ и др... О, Господи! водвори миръ и согласіе между этими странами! ¹⁾.

Въ словѣ *на день св. Магдалины*: проповѣдникъ рассказываетъ, между прочимъ, о трехъ *реликвіяхъ* этой святой хранящихся въ французскомъ городѣ Марсели. «Есть три знаменитыя реликвіи св. Магдалины: *голова* ея — вся безъ тѣла, кромѣ конца носа и одной части уха, оставшихся цѣлыми по слѣдующему, творятъ, случаю: когда Магдалина хотѣла обнять ноги Іисуса Христа, послѣ его воскресенія, то Онъ, какъ бы удаляя ее отъ себя, положилъ одинъ свой палецъ на ея носъ, и два пальца — на ея лобъ, вслѣдствіе чего тѣ части и сохранились до сего дня, такъ будто живыя. Самая голова весьма велика, такъ что, кажется, эта святая превосходила своею высотой ростъ нынѣшнихъ людей. Тамъ же показываютъ *волосы св. Магдалины* — тѣ самыя, кои только и остались цѣлы, вслѣдствіе прикосновенія къ ногамъ Христа. Третья реликвія — это *пузырекъ*, въ которомъ св. Марія Магдалина носила *капельку крови Христовой*, пролитой на крестѣ. Что дѣлательно въ этомъ пузырькѣ находится кровь Христова, это ежегодно подтверждаетъ Богъ такимъ чудомъ; въ каждый великій пятокъ, около полудня, эта кровь начинаетъ, такъ сказать, кипѣть, шумѣть и наполняетъ въ это время всю комнату пузырька. *Самъ я это и не видалъ*, но вся страна утверждаетъ это и въ частности одинъ изъ нашихъ священниковъ, который видѣлъ это чудо собственными своими глазами, и съ которымъ я былъ въ нашемъ коллегіумѣ въ Марсели» ²⁾.

Но рѣдко Млодзяновскій удерживается въ предѣлахъ одного нравственно-религіознаго наученія... *Милая отчизна* никогда не выходитъ у него изъ памяти, и въ рѣдкой проповѣди онъ забы-

¹⁾ IV, 21—23.

²⁾ 389.

вастъ сказать хоть что нибудь про въ горестное положеніе. Большею же частію онъ посвящаетъ ей всю *вторую половину* во всякой проповѣди и гомилии. Въ этомъ случаѣ простота проповѣднической рѣчи принимаетъ особенный характеръ. Она оставляетъ болѣе или менѣе комодный, сухой и безучастный тонъ легендарнаго разказа и начинаетъ быть самой искренней, сердечной и задушевнѣйшей... Проповѣдникъ вадѣтъ за живое. Сначала онъ хочетъ, повидимому, спокойно обсудить и нарисовать положеніе дѣлъ своего *отчества*: онъ исчисляеть ея политическіе грѣхи и представляетъ на видѣ необходимость для нея нравственно-политическаго исправленія и возрожденія. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше спокойствіе тона измѣняется ему: особенное возбужденіе окватываетъ всю его душу, и онъ весь предается порывамъ и изліаніямъ самаго горячаго и стремительнаго чувства. Мы подмѣтили два способа, которыми большею частію выражаются у него эти порывы, высказываются эти изліанія. Когда проповѣдникъ говоритъ несясь накого нибудь несчастнаго событія, постигнаго его *милую отчизну*, тогда пораженный рекоюю новостію этого событія, увеличившаго себя и безъ того великую бездну золь отчизны, и находясь какъ бы въ недоумѣніи, до тонкъ же поръ будуть поражать несчастную Польшу промы небснаго правосудія, проповѣдникъ неволью облекаеть свою рѣчь въ форму *жалобныхъ молитвенныхъ воззваній* къ Богу, пресвитой Богородицѣ и патронамъ польскимъ, воззваній, въ которыхъ иногда слышится тонъ аѣкотораго ропота и даже упрена за то, что Польша, вопреки всѣмъ своимъ ожиданіяъ, не удостоивается божественной, свыше нисходящей помощи... Въ другой разъ проповѣдникъ обращаетъ вниманіе на всю злополучную судьму совершившихся фактовъ. Онъ уже привыкъ къ нимъ, съ болѣе къ сердцѣ освоился съ ними; на нихъ легла уже смиряющая печать прошедшаго... Но онъ настолько одаренъ политическимъ смысломъ, что въ прошедшемъ не можетъ не видѣть печальныхъ задатковъ близкаго и еще болѣе

роковаго будущаго. Не нужно было обладать особеннымъ даромъ ясновидѣнія, чтобы съ увѣренностію представлять себѣ тогда будущее Польши. Кромѣ Млодзяновскаго, были въ его время и другія лица, которыя вѣрно предвидѣли это будущее и пророчествовали о немъ, напримѣръ король *Янъ Казиміръ*. Зловѣщій призракъ этого будущаго постоянно преслѣдуетъ и давить мысль и воображеніе проповѣдника патриота... Грусть безнадежности слышится въ его рѣчахъ, обращенныхъ къ *милой отчизнѣ*, и онъ заранѣе поетъ ей *de profundis*... Форму самой скорбной *элегіи* принимаетъ въ это время проповѣдь Млодзяновскаго.

Вотъ примѣръ такихъ рѣчей:

Король *Янъ Казиміръ* отрекается отъ престола, произнесши известное свое пророчество о паденіи Польши. Отреченіе короля, — фактъ по выраженію Млодзяновскаго *никогда не слышанный въ Польшѣ*, и положеніе оставляемаго королемъ отечества, внушаютъ проповѣднику слѣдующую рѣчь: «Становлюсь предъ престоломъ Бога моего, престоломъ св. Троицы: Боже единый во святой Троицѣ! Неужели и Ты оставишь насъ виѣстѣ съ монархомъ, оставляющимъ насъ? Но вѣдь Ты защитникъ всѣхъ сиротъ, Господи Боже нашъ! Тѣхъ, кого оставляютъ счастье и удача, тѣхъ Ты всегда милостиво принимаешь, никогда отъ нихъ не отрекаешься. Пусть же Корона польская услышитъ отъ тебя: *miserere super turbam*—жалъ мнѣ этого народа! Это вѣдь ты, Польша, которая приняла св. католическую вѣру безъ всякихъ чудесъ, безъ малѣйшаго пролитія мученической крови... Въ Италіи нѣтъ ни одного города, который бы не былъ обогрѣнъ мученическою кровію. Въ Римѣ пролились такіе большіе потоки ея, что, взявши горсть земли римской, можно выжать изъ нея мученическую кровь.. А о французскихъ Ліонахъ, Парижахъ и Вьеннахъ и говорить нечего. Тамъ всякій костелъ обогрѣнъ мученическою кровію, заложенъ на мученическихъ тѣлахъ. Даже соединенное русское княжество виѣло своихъ мучениковъ за вѣру, убіенныхъ кievскими

князьями... Нашъ же народъ безъ всякаго пролитія крови, безъ тиранства принялъ вѣру въ Тебя, Боже единый во святой Троицѣ, и доселѣ свято сохранилъ ее: у насъ никогда небыло короля—еретика!—Это вѣдь та самая Польша, которая, для изгнанія шведскаго, брандербургскаго и седмиградскаго еретичества, какъ бы вторично окрестилась—окрестилась кровію! Та самая Польша, которая, во славу пресвятой Троицы, изгнала изъ себя арианъ, вопреки законамъ возлюбленной вольности! Если бы всѣ мы, собранные здѣсь, были спрошены Тобою, Господи, подобно апостолу Петру: *diligis me plus his*—любишь ли ты Меня больше, чѣмъ они—язычники, бусурманы, еретики и невѣрныя—*his*, мы разомъ отвѣтили бы: *Domine tu omnia nosti, tu scis quia amo te*. Господи! Ты все знаешь.... Ты проникаешь сердца наши... Развѣ Ты не видишь, что мы любимъ Тебя? Пусть же, Господи, народъ, любящій Тебя, услышитъ вождѣльное слово. *misereor super turbam*, жаль мнѣ этого народа, жаль мнѣ Польши ¹⁾...

Султанъ турецкій, принявши въ свое подданство Дорошенка, пошелъ войною на Польшу. Окраины Подолія подверглись страшному опустошенію турокъ и татаръ. Появились слухи о взятіи и самаго Каменца. Въ это время Младзьяновскій говорилъ такіа рѣчи: «Въ настоящей *второй части* обратимся мыслию къ нашимъ теперешнимъ несчастіямъ, и будемъ сердечно и благоговѣнно молиться, чтобы несчастную нашу Польшу Господь поручилъ покровительству Дѣвы Богородицы. Уменьшились наши подати. Соображая давніе годы, едва третья часть податей входитъ въ казну. Монета наша упала; Русскіе кони, доставлявшіе намъ самыя лучшихъ лошадей, совершенно опустошены. Нужно подумать и о томъ, что пришедшіе теперь турки, это большею частію съ молодую потурченныя поляки и русины. Такимъ образомъ, имѣя лучшихъ лошадей и лучшее оружіе, будутъ воевать не

¹⁾ 1, 325.

турки противъ поляковъ, но поляки противъ поляковъ! Нужно вспомнить и то, что нѣтъ у насъ согласія, что плоха у насъ военная дисциплина, наконецъ и о томъ нужно сказать, что Каменецъ гибнетъ, если уже не погибъ, Ураинна отпадаетъ, если уже не отпала, Львовъ горитъ, если уже не сгорѣлъ, а между тѣмъ въ христіанствѣ польскомъ не замѣчается ли жалѣннаго исправленія. Но въ томъ, чего не имѣетъ наша немощь, да поможетъ намъ и да защититъ насъ твою, Дѣво Богородице, сильное ходатайство предъ твоими Сынами, а чрезъ Сына и предъ Св. Троицею. Вспомни, Пресвятая Дѣво, твою Польшу, украсившую, въ равныхъ нѣбесахъ, столькими драгоценностями твои чудотворныя иконы! Какой изъ королей польскихъ не коснута и не одарила тебя въ Ченстоховѣ! Какой не просилъ у тебя помощи, идя на войну? Простой же народъ нашъ такъ украсилъ твою икону, что, кромѣ Лоретской, я не знаю никакой другой иконы, такъ богато украшенной, какъ твоя—въ Ченстоховѣ. Недавно ты, Пресвятая Дѣво, появилась въ *Студзманскъ*: а между тѣмъ и здѣсь поляки уже успѣли украсить и одарить тебя діамантами, рубинами и перлами. Вспомни, Пресвятая Дѣво, что нѣтъ ни одного костела, нѣтъ ни одной сельской *каплички*, гдѣ бы не нашлось твоей иконы. Пусть же на всемъ небѣ будетъ провозглашено, что Господь Богъ поручаетъ Польшу, въ настоящемъ бѣдственномъ ея положеніи, ходатайству и покровительству Пресвятыя Богородицы! Воскликните всѣ святыя поляки, блаженствующіе на небѣ: отчизна наша, не погибнемъ ты! Христомъ поручилъ тебя Пресвятой Дѣвѣ! Каменецъ! Если ты только еще осажденъ, то угнѣшай тебя! Не бойся—не пропадеешь! потому что ты—достояніе Дѣвы Богородицы. Если же ты уже завоеванъ, подманился, сдался, то помни, что не будешь ты: Будой, Бѣлградомъ, не будешь Хотинномъ; ибо ты—владѣніе Богородицы! О, еслибы, о, еслибы мы этого дождались! ¹⁾.

¹⁾ Ц, 69—70.

Но ожиданія Млодзяновскаго не оправдались. Каменецъ былъ взятъ и разграбленъ турками съ ужасающими жестокостями. «Страшное впечатлѣніе произвела въ *Москвѣ* вѣсть о взятіи Каменца, этого оплота Польши съ юга, подобнаго которому не имѣла Россія. Явились уже расказы о тѣхъ ужасахъ, которые надѣлали бусурманы въ покоренномъ городѣ: христіанскія церкви и римскіе костелы турки разорили и подѣлали мечети; образа изъ костеловъ и церквей выносили, кляли на преѣзжихъ воротахъ и велѣли христіанамъ ходить и ѣздить по нимъ и всякое ругательство дѣлать; кто не соглашался, того били до смерти»¹⁾. Если такое впечатлѣніе произвела вѣсть о взятіи Каменца въ *Москвѣ*, то можно представить себѣ, какое произвела она въ самой *Польшѣ*. О немъ можно судить по слѣдующему отрывку изъ проповѣди Млодзяновскаго, произнесенной въ *Краковѣ*: «Теперь слѣдовало бы вмѣстѣ съ Давидомъ восплунуть и зарыдѣть. А комужь? Мнѣ! Но этого мало: мой вопль—словно пѣсь завывль. Въ этомъ обширномъ собраніи, въ этомъ костелѣ Богъ имѣетъ своихъ слугъ. Пусть бы они завеняли! Но и этого мало! Возрыдай съ Давидомъ цѣлый *Краковъ*! И этого мало! Возрыдай цѣлое *краковское* воеводство!—Мало! Вся великая *Польша*, вся малая *Польша*, великое княжество *Литовское*, *Мазовія*, *Пруссія*!—Еще мало! Возрыдай вся воинствующая *церковь Христова* е своихъ братіяхъ—попаяхъ, уже гибнущихъ, находящихся воть-воть уже на волосѣхъ отъ погибели цѣлой *Короны*, возрыдай: *averte faciem tuam a peccatis meis* отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ! О Боже въ *Троицѣ Святой Единый*, котораго я исповѣдую отъ имени цѣлой *Короны*! Чту Тебя и поклоняюсь Тебѣ: Знаговоли воззрѣть на что нибудь другое у насъ, только не на грѣхи наши! Воззри на *Каменецъ*: гдѣ святія жертвы, приосившіяся Тебѣ тамъ? Какъ давно слышалъ Ты тамъ пѣснь: *Te Deum laudamus!*

¹⁾ *Соловьевъ*: *Исторія Россій*, т. XII, стр. 133.

Кто заноситъ Тебѣ тамъ: *Gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto!* Дѣво Богородице! Обойди каменцеіе костелы: тамъ были твои алтари, а теперь ихъ уже нѣтъ! Обойди всѣ дома: въ каждомъ изъ нихъ была твоя икона, а теперь ужъ нѣтъ! Не на грѣхи наши, а на это пусть посмотритъ Сынъ твой! Святые Божіи, восты конхъ почивали тамъ, привезенныя изъ далекихъ странъ! Для того ли Провидѣніе Божіе привело васъ сюда, чтобы осудить на поруганіе?! Святые соотечественники наши, кости которыхъ лежали тамъ, а теперь выброшены вонъ! Вѣдь вы во вѣки любите Господа Бога. Покажите же эти кости Святой Троицы, которую вы исповѣдали, покажите Господу Іисусу распятому, кровію котораго вы искуплены, покажите Пресвятой Дѣвѣ, подъ кровомъ которой вы жили, и умоляйте о возвращеніи васъ въ ваши дома, въ ваши гробы, въ ваши костелы!»¹⁾

Въ другой проповѣди Млодзяновскій говорилъ: «Для чего тебѣ, правосудіе Божіе, такъ издѣваться надъ нами, угнетать насъ? Мы не были бы людьми, не были бы христианами, еслибы не сознавали, что мы дѣйствительно заслужили эту кару и заслужили именно отъ Господа Бога нашего. Но, Господи мой, вспомни, что наше дѣло соединено съ Твоимъ собственнымъ дѣломъ, наше благо съ Твоимъ благомъ! Вѣдь эти поганцы (т. е. турки) будутъ смѣяться надъ нашимъ Христомъ! «Лучше Магомету служить, чѣмъ Христу», скажутъ они, и вездѣ будутъ перекрещивать Твой крестъ на свою луну! Имѣйте, продолжайте проповѣдникъ, обращаясь къ слушателямъ, имѣйте особенное религиозное чувство по отношенію къ тѣмъ, которые взяты теперь въ плѣнъ. Молитесь, во первыхъ, о томъ, чтобы Господь Іисусъ послалъ имъ твердость въ вѣрѣ. Пусть они не отступятся отъ нея, не смотря на всѣ муки, на самое даже *битве въ подолы*, составляющее, какъ я слышалъ отъ знающихъ, самое

¹⁾ II, 325—326.

несноснѣйшее изъ мученій. Послеку они не могутъ уже ни исповѣдываться, ни причащаться, то молитесь, во вторыхъ, о томъ, чтобы Господь послалъ имъ подкрѣпленіе съ неба. Ахъ, мои узники! Кто бы доставилъ мнѣ возможность навѣстить васъ теперь, выслушать вашу исповѣдь и подкрѣпить васъ св. тайнами! Просите для нихъ, наконецъ, утѣшеніи. О, сколько тамъ сердецъ, которыя желали бы лучше умереть, чѣмъ переносить несносныя насилія! Дѣвы—монахини, дѣвы и жены честныя и милыя дѣти, что тамъ съ вами? Утѣшь ихъ, милостивый Боже, утѣшь ихъ, сладчайшій Іисусе! Утѣшь ихъ, утѣшительница несчастныхъ, Богородице Дѣво! Прощайте, наши братья и наши сестры. Большая часть изъ васъ, навѣрно, уже не увидитъ своей сторонушки. Въ одномъ мѣстѣ родились вы, а въ другомъ погребутъ васъ! Вы уже не услышите больше христіанскихъ колоколовъ, больше ужъ не будете каяться предъ Господомъ Богомъ на исповѣди, больше ужъ не устоите св. причащенія!—Прощается съ вами и милая отчизна и вмѣстѣ извиняется предъ вами, что своими несогласіями погубила васъ вмѣстѣ съ Каменцемъ!»¹⁾

Послѣ взятія Каменца, Млодзяновскимъ овладѣла такая скорбь, что, по справедливому замѣчанію Головинскаго, о чемъ бы ни заговорилъ онъ послѣ, Каменецъ приходилъ ему на память и какъ кошмаръ не давалъ ему покоя²⁾. Читатель могъ замѣтить это въ выдержкахъ, приведенныхъ нами въ предыдущихъ отдѣлахъ нашего сочиненія.

Во время Млодзяновскаго Польша постепенно теряла лучшія свои провинціи. Скорбное впечатлѣніе производитъ на проповѣдника—патріота такое постепенное и многознаменательное уменьшеніе отечества. Въ одной проповѣди онъ такъ оплакиваетъ это:

¹⁾ II, 100.

²⁾ *Homiletyka*, стр. 539.

«Станемъ предъ престоломъ Господа Бога нашего, единого во Св. Троицѣ, и вмѣстѣ со всѣми тѣми, которые съ самаго сотворенія міра жили въ Иерусалимѣ, теперь живутъ и будутъ жить, низко, ниже, еще ниже, покорно, покорнѣе и еще покорнѣе поклонимся ему и воззовемъ: Боже, въ Троицѣ Св. Единый! Поляки Твои своихъ и Твоихъ провинцій не имѣютъ—*non habent!* ¹⁾ Зачѣмъ Ты, Боже, забывъ, послѣ козацкаго бунта, Украину, страну, которая была первою плодородіи, своимъ войскомъ и обоемъ составляла оубо Корону, а своими доходами ее хранящице: зачѣмъ Ты, Боже, забывъ ее? Императорство Сѣверское! зачѣмъ осталось ты только въ титулѣ польской Короны, а на самомъ дѣлѣ владѣешь тобою Москва? Владиславъ Четвертый! зачѣмъ Господь не принималъ отъ тебя фундаціи епископства смоленскаго? зачѣмъ сидитъ тамъ владѣнна московскій? Господи нашъ! вѣдь наша вѣра лучше, отъ чего же *отцѣпенская* рука беретъ надъ нами верхъ? Отъ чего полнии ливонскія вѣсть этихъ областей—*non habent!* Да и теперь миръ нашъ съ Москвою виситъ на волоскѣ, противъ насъ поднята сабля татарская, готовъ самопалъ казакскій, вьется чалма турецкая! А имѣютъ же поляки Твои столько силы, чтобы воспротивиться всему этому напору? Не нужно ли завопить: *non habent!* Сжался Господи Боже надъ нами! Сжался особенно надъ тѣми, кои имѣя отъ роду 24 года и болѣе того, и доселѣ еще не знаютъ, что такое миръ, и доселѣ еще не видѣли, чтобы Корона наслаждалась спокойствіемъ! Слишкомъ 24 года постоянной войны!—Чтожь ожидаетъ насъ въ будущемъ—въ старости нашей, если только ты обѣщалъ намъ ее, Господи? *Не придется ли хоть бы и самимъ панамъ блуждать за границу, быть тамъ попрошайками и сдѣлаться по-*

¹⁾ Текстомъ проповѣди были слова изъ евангелія Іоанна: *etiam non habent*, гл. 2, ст. 3.

слышишьъ народовъ! ¹⁾). И вѣдь свѣтъ станеть говорить о насъ: у насъ нѣтъ порядка и согласія, а потому они и недостойны Божіей помощи и не имѣютъ ея—*non habent, non habent!* ²⁾).

Въ другомъ мѣстѣ Мюдзяновскій говоритъ. «Для насъ полковъ есть такъ много причинъ къ рыданіямъ и воздыханіямъ. Корона наша постепенно падаетъ, гибнетъ. Черезъ *Оливскій договоръ* (5 января 1660 г.) мы навсегда лишились Лифляндіи, которая въ соединеніи съ Украиною и Литвою могли бы составить третью часть Польши. *Томашъ Замойскій* въ своей благодарственной рѣчи *за меньшу печать* (канцлерство) сказалъ, что съ отпаденіемъ Лифляндіи у польскаго орла вырвано одно изъ самыхъ большихъ перьевъ, — Путывль и Трубець Владиславъ отдалъ Москвѣ. Украина со времени *Желтой воды* доселѣ никогда искренно не соединялась съ Короной. Князю Бранденбургскому отдано нѣсколько уѣздовъ. Москвитянинъ что завоевалъ, то и доселѣ держитъ. Наконецъ не прошло еще и года, какъ мы потеряли непреступную крѣпость, городъ (Каменецъ) считавшійся укрѣпленнымъ отъ самаго Бога. Такимъ образомъ этотъ *Aquila magnarum alarum*—орелъ съ большими крыльями постепенно уменьшается: изъ орла остался только орлинь! А надолгожъ удержимъ мы у себя остальную Польшу? Конечно, еслибы у насъ было полное домашнее согласіе, еслибы мы подумали объ исправленіи домашнихъ нашихъ нравовъ, то долго бы могли еще крѣпиться. Но на это мало надежды! Уже летаютъ вѣсти, что если поляки еще свяжутъ себя ногу—потерпятъ неудачу; то пойдутъ на раздѣлъ между сосѣдними государями! О, Провидѣніе Господа Бога нашего! когда судило намъ родиться въ Польшѣ! Не тогда, когда Польша процвѣтала, а когда она уже изсыхаетъ! Не тогда, когда она блистала всѣми своими украшеніями, а когда она уже

¹⁾ Слышишь, польская эмиграція?

²⁾ III, 43—44.

гаснеть! Между вами, мои слушатели, двѣ трети еще не знаютъ, что такое покой—миръ, еще и разу не были свидѣтелями счастья отечества! Вѣрно мы тѣ, *in quos fines Polonis devenerunt*, при которыхъ наступаетъ уже конецъ Польши! Да и въ самомъ дѣлѣ не было ли особеннаго Божія предназначенія въ томъ, что гетманъ *Станиславъ Конецпольскій*, послѣдній изъ державшихъ булаву въ полной славѣ Короны, своимъ именемъ предвѣщаль, что послѣ него послѣдуетъ *конецъ польскій*. Каждый полякъ долженъ обратить на это вниманіе и воздохнуть» ¹⁾.

Близкое, чувствуемое Млодзяновскимъ, паденіе Польши часто внушаетъ ему самыя нѣжныя изліянія предъ *милой отчизной*. «Милая отчизна наша, говоритъ проповѣдникъ въ одномъ мѣстѣ, а непримично ли и тебѣ сказать: *modicum, et non videbitis me*, скоро, и вы не увидите меня? Милая отчизна! Не даромъ я называю тебя *милой отчизной*: корона твоя никогда не была на головѣ еретика! Милая отчизна, такъ обогатившая храмы, что еслибы уцѣляли всѣ тѣ богатства со времени Мечислава до нынѣшняго короля, цѣлая Европа не имѣла бы болѣе великолѣпныхъ и богатыхъ храмовъ, исключая развѣ храма св. Петра! Милая отчизна, изъ горячей любви къ Пресвятой Дѣвѣ настроившая ей столько алтарей и каплицъ и одарившая ихъ такими великолѣпными приношеніями и украшеніями! Милая отчизна, богатая при всей своей бѣдности, тароватая при всемъ своемъ недостаткѣ, своими деньгами, своими *черевыми золотыми* наполнявшая Венгрію, Силезію, Моравію, Татарію, Валахію, даже, какъ я самъ видѣлъ, Аравію и отдаленныя страны Европы! Милая отчизна, въ которую всякій иностранецъ ѣдетъ для того, чтобы обогатиться! Милая отчизна, воспитавшая насъ въ такой вольности, каковой никогда и нигдѣ не было подъ солнцемъ, исклю-

¹⁾ 1, 427.

чая развѣ Рима, въ то время когда существовало въ немъ славное *tribunitium veto*, т. е. польское *nie pozwalam!* Милая отчизна, въ которой то только и худо, что уже слишкомъ хорошо (sic)! Милая отчизна, а не заговоришь ли и ты къ намъ: *modicum, et non videbitis me*, скоро и вы не увидите меня!.. Въ какомъ же видѣ ты исчезаешь для насъ, милая отчизна? Позволишь ли завернуть себя магометанской чалмой, или же надѣнешь на себя сосѣднюю стежную шляпу? Или быть можетъ водворится въ тебѣ правленіе 12 воеводствъ?—Молчитъ отчизна, но за нее отвѣчаетъ намъ Евангеліе: *modicum, et non videbitis me!* Отчизна моя! Развѣ явился тебѣ ангель-хранитель польской монархіи и возвѣстилъ, что ты уже погибнешь, что часъ твой уже пробилъ? Нѣтъ, не ангель хранитель предостерегъ отчизну милую, но самъ Царь царей, Господь господей, Царь ангеловъ Иисусъ Христосъ: *omne regnum, in se divisum, desolabitur!* А какое у насъ въ Польшѣ согласіе, какое единство! Нехочу и говорить объ этомъ. Станиславъ епископъ, первый мученикъ польскій! Вспомни, что тѣло твое было разсѣчено и однако срослось. Сдѣлай же такъ, чтобы раздвоенныя сердца, раздѣленные члены нашего тѣла—нашей Короны пришли къ согласію и единству. Корона польская! Городъ Римъ былъ несравненно сильнѣе тебя и военными людьми, и богатствомъ, и численностію своего войска. Чтожъ? Царствуетъ ли Римъ надъ міромъ? Давно исчезло его владычество! Изъ всѣхъ государствъ, упоминаемыхъ когда либо въ священномъ Писаніи, осталась теперь только римская имперія и царство персидское; всѣ же прочія исчезли. Гдѣ цари Эдома, цари Гирать, цари Египта? Гдѣ наши предки, коихъ называли *Басторнами*? Гдѣ всѣ эти *Максабы, Язвинцы, Половцы*? Даже именъ ихъ не знаете! Не будетъ ли этого и съ нашей милой отчизной? *Настанутъ времена, когда все позабудутъ, что когда-то была Польша, что когда-то былъ король польскій.* Мы уже близки къ этому. А почему? А потому, что должно же

вѣдь неопытный священное Писаніе: *omne regnum, in se divisum, desolabitur*. Если мы, при всѣхъ нашихъ раздорахъ и несогласіяхъ, не погибнемъ, въ такомъ случаѣ св. Писанію придется сказать неправду. Но это невозможно! *Desolabitur!!* *)).

«Чудныя то рѣчи!», замѣчаетъ *Ю. Бартошевичъ*, приведя въ сокращеніи нѣсколько подобныхъ отрывковъ изъ *второй части* Млодзяновскаго; «но нужно читать ихъ въ подлинникѣ. Никакія выдержки, не дадутъ понятія о силѣ этого краснорѣчія, о любви этого сердца. И это краснорѣчіе сердца такъ просто здѣсь!» **).

У.

Въ предъидущихъ отдѣлахъ нашего сочиненія мы довольно подробно указали и разобрали тѣ основные мотивы, около которыхъ вращается *содержаніе* проповѣдей Млодзяновскаго, опредѣлили качества и приемы его, такъ называемаго *проповѣдническаго художества*; наконецъ, мы показали характеристическія черты его рѣчи въ то время, когда она была свободнымъ плодомъ его личнаго проповѣдническаго настроенія и чувства. Теперь намъ остается сдѣлать *общую оцѣнку* проповѣдей Млодзяновскаго и показать его значеніе въ исторіи польскаго проповѣдничества.

Обращая вниманіе на тѣ мѣста въ проповѣдяхъ Млодзяновскаго, гдѣ онъ задаетъ требованія и перываеъ лишь своего собственнаго личнаго вдохновенія, можно судить, какими богатствомъ проповѣдническаго таланта обладалъ Млодзяновскій и какое употребленіе онъ могъ бы сдѣлать изъ этого таланта, при другихъ условіяхъ умственной просвѣщенія и литературнаго вкуса, и особенно при другихъ началахъ нравственно-религіознаго обра-

*) I, 95—94.

**) *Historja Literatury Polskiej*, стр. 375.

звания. Но требования вѣна увлекали талантъ Млодзяновскаго на свою сторону и развили его хотѣ и блистательно, но не въ духѣ истиннаго церковнаго проповѣдничества. Млодзяновскій явился самымъ плодотворнымъ дѣятелемъ на почвѣ того направленія польской проповѣди, начала котораго принялись къ Польшѣ далеко еще прежде его. Но на этомъ пути онъ явился не простымъ работникомъ, не подражателемъ, дѣйствующимъ только по указанію другихъ. Нѣтъ, онъ явился самостоятельнымъ мастеромъ своего дѣла, заставившимъ и другихъ работать по своему указанію; онъ сдѣлался основателемъ, можно сказать, *новой* проповѣдической школы, или если не школы, то, по крайней мѣрѣ, *новой* проповѣдической моды, и надолго оставилъ послѣ себя учениковъ и подражателей. Въ проповѣдь таяъ называемаго *въ* Польшѣ *безуитскаго періода* онъ внесъ *новый мотивъ*, ставшій оттогда самымъ замѣтнымъ и существеннымъ ея качествомъ.

Не во *всѣхъ* формахъ проповѣдической рѣчи Млодзяновскаго думаемъ видѣть мы новый элементъ, внесенный имъ въ польскую проповѣдь. Однѣ изъ этихъ формъ имѣли происхождение совершенно случайное, а потому и не замѣчаютъ въ себѣ ничего особенно характернаго; другія же, въ смотря на всю свою оригинальность, суть только одно изъ частныхъ мимолетныхъ выраженій того *духа*, который проникаетъ проповѣди Млодзяновскаго, и только въ этомъ смыслѣ и имѣютъ известное значеніе. Нѣтъ, мы видимъ *много* *нового* въ самомъ этомъ *духѣ* проповѣдей Млодзяновскаго, въ той *стуренной формѣ*, которая даетъ плоть и кровь формамъ внешнимъ, вообще имъ тѣмъ или другой тою, спрашивая ихъ такимъ или другимъ цѣлостю, словомъ сказать, видимъ въ томъ, что въ учебникахъ гомилетикъ называется *характеромъ* церковной проповѣди.

Въ чемъ же состоитъ этотъ *новый духъ*, принесенный Млодзяновскимъ на церковную каудру?

До Млодзяновскаго польская проповѣдь XVII вѣка еще не

выработала самостоятельных элементов своего развития. Говоря вообще, она стояла до него на почвѣ *подражательнаго схоластицизма*. Млодзяновскій оживилъ польскую проповѣдь новой самостоятельной стихіей—*стихіей народности*. Самый схоластичизмъ принялъ у него народный характеръ, одѣлся, такъ сказать, въ *польскій кунтушъ*. Вообще въ своихъ проповѣдяхъ Млодзяновскій первый самымъ полнымъ и всестороннимъ образомъ выразилъ духъ польской народности, а потому проповѣди его въ высшей степени можно назвать народными. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду не однѣ какія нибудь частныя ихъ черты, въ которыхъ народная завска такъ прямо даетъ себя чувствовать.. мы имѣемъ въ виду не одну, наиримѣръ, народность возрѣнія Млодзяновскаго на библейскія лица и предметы, не одну, наиримѣръ, измѣъ его проповѣдей... Нѣтъ, мы утверждаемъ, что *во всѣхъ* сторонахъ проповѣдей Млодзяновскаго, *во всемъ* ихъ, такъ сказать, стрѣль, *во всѣхъ* ихъ приемахъ самымъ реальнымъ образомъ отразился духъ тогдашней польской народности, жизненный духъ тогдашняго польскаго общества.

Золотая шляхетская вольность, шляхетское своеволие— вотъ самое общее, существенное и самое жизненное народное качество современнаго Млодзяновскому польскаго общества. Полнѣйшая, безграничная разнуздаанность, непризнаваніе никакого авторитета, тысяча личныхъ волей, не подчинившихся одна другой и стремившихся взять верхъ одна надъ другой—вотъ элементарныя стихіи общественной и государственной жизни въ тогдашней Польшѣ. Объ нихъ можно составить себѣ достаточно ясное представленіе изъ проповѣдей самого же Млодзяновскаго, который, нужно отдать ему честь, всегда, и въ легкой, фривольной формѣ остроумной шутки, и въ плачевной формѣ чувствительной іереміады, всегда воставалъ противъ этихъ *народныхъ парокоевъ* своей *милой отчизны*. Думалъ ли Млодзяновскій, что и въ его собственной проповѣднической дѣятельности, насколько послѣдняя

проявилась въ оставшихся послѣ него проповѣдахъ, потомство увидитъ очевидное отраженіе и замѣчательный литературный памятникъ тогоже самаго народнаго духа, тѣхъ же самыхъ народныхъ пороковъ, противъ которыхъ онъ восталъ съ такою силою остроумія и чувства?...

Съ какой бы стороны вы ни рѣшились разсматривать проповѣди Млодзяновскаго, вездѣ увидите въ нихъ ясныя признаки современнаго проповѣднику шляхетскаго своеволія, шляхетской разнузданности. Обратите ли вы вниманіе на *герменевтическую* ихъ сторону, вы сейчасъ замѣтите здѣсь эти признаки. Вы увидите, что проповѣдникъ не признаетъ никакихъ правилъ библейской герменевтики, и что смыслъ священнаго Писанія онъ гнетъ въ такую сторону, въ какую ему только вздумается...

Такое же, если еще не большее своеволіе можно замѣтить, обративъ вниманіе и на *гомилетическую* сторону проповѣдей Млодзяновскаго. Для него не существуютъ никакія правила гомилетики. Онъ, скажемъ словами *Головинскаго*, не стѣняется ни предметами, ни важностію и святостію церковной катедры. Обо всемъ у него говорится въ высшей степени свободно, какъ будто дома, среди знакомыхъ, безъ всякой церемоніи въ мысляхъ и въ выраженіяхъ. Мѣсто проповѣди заняла домашняя болтовня (*conversasua*)... Иронія, грубая откровенность, сатира съ самыми разнообразными шутками, анекдотцами, приключеніями такъ и льются съ церковной катедры, въ присутствіи самыхъ образованныхъ слушателей... На церковной катедрѣ разбираются всѣ дѣла общественныя и частныя, слогъ разговорный, полный прибаутокъ и выраженій, схваченныхъ, такъ сказать, на лету ¹⁾. Самымъ яркимъ выраженіемъ *золотой вольности* Млодзяновскаго со стороны гомилетической служить, конечно, его дерзкая и несмысленная фамильярность съ предметами и лицами самаго высокаго и

¹⁾ «Homiletika» стр. 482—483.

даже наивысшаго религіознаго авторитета. Справедливо замѣчаетъ постою поведу *Θ. Прокоповичъ*: «Млодзяновскій—это *еднистосный, безтримирный* человекъ, который отваживается на такія шутки.. Кого мнѣ уважешь (*развѣ кромѣ его подражателей*), кто бы такъ *фамилярно*, чтобы не осканить нечестиво, шутить съ Богомъ»¹⁾.

Млодзяновскій держитъ себя совершенно на распашку даже въ *логическомъ* строѣ и складѣ своихъ проповѣдей. «Напрасно, говоритъ *Головинскій*, вы будете искать въ нихъ основы и логическаго порядка мыслей. Въ этихъ проповѣдяхъ, какъ и въ тогдашнемъ обществѣ, всюду царствуетъ анархія... Въ нихъ между однимъ и другимъ нѣтъ совершенно никакой связи мыслей: вездѣ паразитальное безмаде, вездѣ *солная дружка*, вездѣ *посполитное ружье* всего безъ исключенія, что приходило проповѣднику въ голову и нигдѣ—согласія и единства; *jedno do lasu, drugie do lasu*... вмѣсто связи мыслей проповѣдникъ держится связи словъ. Его рѣчь это—даже не разговоръ, ведущійся въ порядкѣ; это просто обыкновенная дружеская бесѣда, безъ всякой цѣли, гдѣ каждый вышивается въ разговоръ, если какое нибудь слово товарища напомнитъ ему о чемъ нибудь. Поэтому—и въ текстахъ; стоящихъ во главѣ проповѣди, и въ толкованіи св. Писанія, никогда и нигдѣ не берется одно определенное сужденіе, которое бы давало одну определенную мысль. Напротивъ всегда берется одно какое нибудь слово Писанія, не дающее никакого представленія—и такимъ образомъ проповѣднику открывается обширное коприще для говоренія обо всемъ, что только придетъ въ голову»²⁾. Итакъ, вотъ въ чемъ состоялъ тотъ *новый духъ*, который въ лицѣ Млодзяновскаго вторгся на церковную кафедру...

¹⁾ Выдержки изъ рукописной реторики *Θ. Прокоповича*. «Труды К. Акад. 1865. Апрель стр. 633.

²⁾ Ношіетука стр. 486—487.

Это былъ дукъ того же самаго польскаго своеволия, который виталъ тогда во всѣхъ сферахъ общественной и политической жизни Рѣчи Посполитой, и отъ которой не былъ свободенъ, которымъ, такъ сказать, одержимъ былъ, какъ нѣкимъ *этимъ духомъ*, каждый тогдашній шляхтичъ... Съ Млодзяновскимъ возшло на польскую церковную кафедру своего рода проповѣдническое *nie rozwalat*—этотъ непремѣнный атрибутъ *золотой вольности*, которымъ такъ кичились тогдашніе поляки..

И въ этомъ случаѣ—въ исторіи польской церковной кафедры повторилось тоже самое явленіе, что и въ исторіи польской политической и общественной жизни... Задатки, да и не задатки только, но и самые факты необузданнаго своеволия и беззаконія существовали уже въ Польшѣ и до *Сицинскаго*... Но когда Сицинскій въ первый разъ крикнулъ *nie rozwalat* и тѣмъ сорвалъ сеймъ, тогда шляхта начала бушевать несравненно хуже противъ прежняго и безпорядкамъ въ странѣ открылся неизсякаемый источникъ ¹⁾. Тоже можно сказать и по отношенію къ польскому проповѣдничеству. Въ исторіи послѣдняго Млодзяновскій былъ своего рода Сицинскимъ... Въ томъ и другомъ случаѣ важна была *дерзость инициативы*. Дерзкая и смѣлая попытка произвела свое рѣшительное дѣйствіе.

И въ самомъ дѣлѣ, если до Млодзяновскаго *казнодзѣйскаа вольность* всетаки ограничивалась только нѣкоторыми предметами и прорывалась то сямъ то тамъ только у нѣкоторыхъ проповѣдниковъ, то послѣ Млодзяновскаго она совершенно вышла изъ всякихъ границъ. Примѣръ Млодзяновскаго увлекъ всѣхъ. Это увлеченіе усидилось особенно съ началомъ XVIII вѣка. Церковная кафедра превратилась въ настоящіе театральные подмостки. «Слушатели сходились на проповѣдь, какъ на церковную комедію

¹⁾ *Яротевичъ*: *Obraz Litwy pod wzgłędem jej cywilizacyi*—часть III, стр. 117.

въ полной надеждѣ, что довольно позабавятся и потѣшатся на ней, особенно, если казнодѣя съ талантомъ остроумнаго юмориста умѣлъ соединять соответствующую игру жестовъ и голоса. Душой проповѣди сдѣлались—шутовство, игрушки, балагурство, къ чему примѣшивалась ироническая сатира нравовъ»¹⁾).

Проповѣдями въ такомъ родѣ особенно прославились слѣдующіе казнодѣя: *Ковалицкій, Керсицкій, Бблицкій и Остыцкій*... «Иезуитъ Ковалицкій приводилъ въ своихъ казаньяхъ множество историческихъ разсказовъ изъ Длаугоша, Кромера, Бѣльскаго, Коховскаго и другихъ; между ними встрѣчаются иногда потѣшные и остроумные анекдоты, но чаще всего самыя неприличныя побасенки и розказни, которыми онъ пользовался изъ рукописи иезуита *Янчинскаго*—обильнаго источника подобныхъ пустяковъ. Въ проповѣди на *запустный вторникъ*, приходившійся на день св. Аполлонія, исцѣляющей отъ зубной боли, проповѣдникъ широко распространяется *о зубахъ*, а *per analogiam*—объ обжорахъ и расточителяхъ, приводя при этомъ примѣры знаменитыхъ прожоръ. «Такимъ былъ, говорить онъ, одинъ дворовый у князя Василя на Острогѣ, по прозванію *Богданъ*, чудовище съ пастью, которая никогда не насыщалась, и съ зубами, которымъ немогъ удовлетворить никакой столъ.... Вотъ ежедневный завтракъ Богдана: поросёнокъ печеный, гусь, два каплуна, жаркое изъ вола, три большихъ хлѣба и два гарнца меду... Въ обѣду идетъ съ такимъ лакомымъ апетитомъ, какъ будто не ѣлъ цѣлый годъ... Чтожъ за обѣдъ? Мяса воловьего кусковъ десять, телячьего больше, бараньяго еще больше, поросёнокъ печеный, гусь, каплуны, жаркого три сорта—воловье, телячье и свиное, меду и горѣлки безъ мѣры. Вы думаете онъ наѣлся? Правда! встаетъ изъ за стола, готовый съ одинаковымъ апетитомъ съѣсть и выпить

¹⁾ *Мелержинскій*: *Historja wymowy w Pałsce*—т. III, стр. 39.

вдвое больше противъ прежняго» ¹⁾... И такія бредни, справедливо замѣчаетъ Мехержинскій, говорились во время богослуженія съ церковной каедрой! ²⁾).

Предъ нами лежитъ теперь толстая книга польскихъ проповѣдей на праздничные дни ³⁾. Авторъ ея ксендзъ Станиславъ Бѣлицкій принадлежалъ къ ордену іезуитовъ и жилъ въ началѣ XVIII столѣтія—во время короля Августа II—Саксонскаго, и пользовался значительнымъ авторитетомъ въ кругахъ лицъ, интересующихся проповѣдію. Выдержки изъ его проповѣдей въ значительномъ количествѣ приведены въ одномъ сочиненіи, изданномъ въ 1742—3 годахъ польскимъ піаромъ Арнольдомъ Казиміромъ Жеглицкимъ и служившемъ практическимъ руководствомъ для духовныхъ и свѣтскихъ ораторовъ Польши ⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ Бѣлицкій упоминаетъ о Млодзяновскомъ, какъ объ особенномъ пѣкоторомъ авторитетѣ ⁵⁾. По всему видно, что проповѣдникъ, о которомъ мы говоримъ, былъ жаркій подражатель Млодзяновскаго, вполне усвоившій себѣ духъ послѣдняго.

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что портретъ славнаго Богдана и доселѣ хранится въ Острогѣ. Его видѣла г-жа Кожановская, во время своей поѣздки на Волынь См. газету «Москва» 1867 г. № 134.

²⁾ Мехержинскій, т. III, стр. 41.

³⁾ Swianta kaznodzieyskie, to jest, kazania doroczne na uroczystosa swigtych Rozych od Stanislawa Bielickiego Soc. Iesu wypracowane, a potym roku 1717 wyprasowane w Kaliczu w Drukarni Societatis Iesu.

⁴⁾ Bibliotheca Gnomico-Historico-Symbolico-Politica, in quam tum s.s. Patrum, aliorumque selectae et nervosae theologorum, philosophorum, oratorum, poetarum et historicorum sententiae, tum apophtegmata, exempla, praecipue de Polona historia deprompta, similitudines et symbola ordine alphabetico collecta, atque ad publicam tam sacris, quam politiois oratoribus, maxime scholasticae juventuti utilitatem, per titulos communes ordine Alphabeti disposita, sub magno auspicio nominis Celsissimi principis Ioannis-Alexandri Sanguszko Ducis in Ostrag et Zaslav et caet. labore et studio B. P. A. C. Zeglicki e clericis regularibus Scholarum Piarum anno Dom. 1742.

⁵⁾ Стр. 41 и 152.

У него не только одна и таже манера, что и у Мледзлавского, особенно въ толкованіи св. Писанія *приспособительно къ нравамъ*, но встрѣчаются даже болѣе матеріальныя заимствованія изъ знаменитаго проповѣдника XVIII вѣка. Надѣмся, мы не утратимъ вниманія читателей, если приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ любопытныхъ проповѣдей польскаго іезуита начала XVII вѣка.

Въ проповѣди на *день св. Агнешки*, доказывая достоинство дѣвственнаго состоянія, проповѣдникъ говоритъ: «Когда явилась на свѣтъ первая дѣвица въ раю (*Genesis 2*), то св. Писаніе говоритъ: *adduxit eam ad Adam*. Зачѣмъ же это? Зачѣмъ было приводить ее къ Адаму, когда ее выформовали и образовали изъ боку самого же Адама и изъ его же собственной кости? Св. Амвросій замѣчаетъ: *trepidare virginum est, et ad occursum viri pavere*. Какъ голубица отъ ястреба, овечка отъ волка, такъ и честная дѣвица боязливо уходитъ отъ мужчины. Такъ и Ева—замѣтила въ себѣ красоту тѣла, а особенно души, оцѣнила достоинство дѣвчества, и куда-то ушла. Нужно было искать ее, привести къ мужу и приневолить: *adduxit eam*. О, еслибы дѣвцы умѣли цѣнить качества святой невинности, (что ангелъ имѣетъ *per naturam*, то чистая дѣвица имѣетъ *per gratiam et virtutem*),— за сто миль уходили бы отъ кавалеровъ! Стародавняя латынь говорила: *duxit uxorem*; нужно было тянуть къ сундужеству. А *Erasmus* пишетъ, что за невѣстой обыкновенно посылали пару воловъ, которыми ее вывозили изъ родительскаго дома. Теперь же не нужно тянуть! Вѣдь мы о каждой говоримъ *вышла за мужа*, а другая и полетѣла. Наши дѣвцы подобны Ревекѣ (*Gen. 24*). Пріѣхалъ за нею свать—слуга Авраамовъ. Послѣ деклараціи, родители желаютъ: *maneat adhuc puella nobiscum saltem decem dies*. Спрашиваютъ ее: *vis ne ire cum homine isto?*—*Vadam!*—«Но вѣдь нужножъ немножко подождать и попрощаться съ родными и знакомыми?»—Не удерживайте меня—*vadam!* Не обращаетъ вниманія, что дѣвичью вольность замѣняетъ неволей—

vidam!—А маложь въ настоящее время въ Польшѣ подобныхъ будто дѣвицъ! Однѣ повиходили за москвитянь, другіе за саксонцевъ, третьи за шведовъ,—словомъ, были ихъ полныя обезы. А когда я началъ разсвѣтывать одной изъ знаменитаго дома, говора, что москаль будетъ бить тебя кнутами и батогами; она отвѣчала: *для меня будутъ пріятны подобныя шутки!* и всетаки поѣхала! Иначе—Ева. *Adduxi eam ad Adam.* Что это значить: пока Сарра была еще жива, до тѣхъ поръ Богъ частенько навѣщалъ и тѣшилъ Авраама, а лишь только Сарра умерла, уже Богъ не такъ часто навѣщалъ его?—Сарра хоть была и богобоязненна, но все же, по старому, жена! Имѣлъ съ нею Авраамъ свои хлопоты. Вотъ потому Богъ и потѣшалъ его своими посѣщеніями. Но лишь только Авраамъ остался вдовцомъ, то сейчасъ и повеселѣлъ, и Богу уже не было надобности такъ часто навѣщать и утѣшать его. Съ женою, да еще злою, что минута, то и смерть. Во время татарскаго нашествія, назадь тому лѣтъ тридцать, одинъ пополянинъ, у котораго была такая жена—*и хог анаграмматиче оркус*,—узнавши, какою дорогой будетъ идти орда, привязалъ ее до дерева. Засмѣялись татары и поздоровавшись съ нею каждый отдѣльно, отправили ее домой, написавши къ мужу, что отдадутъ ее назадь, чтобы сварами не заразить Крыма. Таковы-то слѣдствія супружескаго состоянія—ссоры, несогласія; *dos uxoriam est lites*—настоящій адъ въ домѣ! Напротивъ состояніе безженное, а тѣмъ болѣе дѣвственное, есть состояніе покоя, состояніе небесное¹⁾.

Въ проповѣди на день св. апостола *Матвея*, разсуждая о томъ, что *мірская мудрость вообще не слишкомъ цѣнится у Бога*, проповѣдникъ говоритъ: «Въ книжной мудрости двѣ вещи опасны: *excessus et defectus*, если кто ужъ слишкомъ перемудритъ, или не доучится. Двухъ вещей особенно боялся Псалмопѣ-

1) Стр. 27—28.

вещь: *Oleum autem peccatoris non impignet caput meum*, а Глосса читаетъ: *non inungat labia mea*. Хорошая то вещь имѣть елей въ головѣ: *impignasti in oleo caput meum* (Psal. 22), но если ужъ слишкомъ, то—*peccator*, ибо ужъ перемудрилъ. Съ другой стороны и это неособенное счастье: *non inungat labia mea*; и то не мудрый, кто только усы помазалъ себѣ латынью: *ex codice modice, ex digestis parum potestis*; кое-что изъ грамматики, немножко изъ діалектики, а изъ философіи, *ex jure* и теологій и не спрашивай, а между тѣмъ *doctor doctorum*, словно тотъ грамматикъ, противникъ св. Василія Великаго, который хвалился тѣмъ, что знаетъ таинство пресвятыя Троицы такъ хорошо, какъ Богъ знаетъ самъ себя, и котораго св. отецъ отослалъ къ муравью разгадать его организацію, гдѣ у него селезенка, а гдѣ печень; или словно *Узаньскій*, который такъ говаривалъ: «я не философъ и не богословъ, но въ грамматикѣ никто меня не перепоритъ, или, наконецъ, словно тѣ пять дѣвъ евангельскихъ: разъ имъ недоставало елей: *dote nobis de oleo vestro*, а другія ужъ слишкомъ много его накупили: и тамъ *fatuae*, и здѣсь не *prudentes*. Такова-то мудрость *inungit labia*. И то не хорошо, когда по латыни мудрый, а по польски дурень, и то небольшая честь, когда, какъ пишутъ историки *de Casimiro Monacho*: *Iste rex primus scivit latine legere, et nihil intelligere*. Предъ королемъ Баторіемъ кто-то жаловался: *hodie magnus frigus*, а потомъ поправился: *magnum frigum*. Недавно смѣялись также надъ слѣдующей фразой: *Tui militi occiserunt tibi duos socios*; отвѣтъ: *Bonus*. Смѣхъ да и только съ такими недоучками! Но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣда церкви Божіей отъ этихъ переученныхъ еретиковъ: такъ Мартинъ Лютеръ, сдѣлавши себя пятымъ евангелистомъ, а Гансъ Кальвинъ докторомъ докторовъ, произвели замѣшательство въ церкви Божіей. Такъ Люциферъ, сдѣлавшись высшимъ херувимомъ, разорилъ небо. Такъ Адамъ, попробовавши *de ligno scientiae boni et mali*, опустошилъ рай. У Папроцкаго

одинъ только гербъ: *Mandrosika*; теперь же къ несчастью отечества размножилось ихъ ужъ *слишкомъ*. Припомните также старую поговорку: *dum sapiens errat, graviter errat*. Любопытство побуждаетъ меня спросить: кто умнѣе, — сатана или ангель? Я не думаю нисколько оскорблять ангеловъ Божиихъ, которые и по природѣ, а тѣмъ больше изъ источника мудрости божественной, имѣютъ не только *naturales scientias*, но и *supernales sapientias*. Но, разсуждая по казнодѣйски, и чортъ не дуракъ; онъ тоже имѣетъ натуральную мудрость, бывшую у него изначала, только злость сдѣлала его послѣ плутомъ, хитрымъ обманщикомъ: *serpens callidior*. Говоря о людяхъ, можно замѣтить вотъ что: придетъ иногда на исповѣдь дѣвочка или мальчикъ, спросить его духовникъ: не имѣетъ онъ ли нечистыхъ мыслей и пожеланій? Отвѣчаетъ съ блаженнымъ Костромъ: *не покимаю я этого*. Вотъ и дуракъ, ибо ангель. Спроси же какого нибудь Овидія или Овена, слишкомъ уже много знающаго *de amoribus et arte amandi*, онъ и самаго невиннѣйшаго Сэнхеза научить теологiи, именно способамъ и случаямъ оскорблять Бога. Спроси также ангельчика въ тѣлѣ, не подилъ ли онъ когда нибудь? — не знаетъ. Спроси же того, что есть *magister in arte bibendi*, дасть онъ работу ушамъ духовника. Изъ св. Писанiя мы знаемъ, что черти суть *potestates et filii tenebrarum*, ангелы же — *filii lucis*. Чтожъ умнѣе — ночь или день? Псалмопѣвецъ отвѣчаетъ: *dies diei eructat verbum*: ангель едва словцо можетъ промолвить къ другому ангелу; *et nox nocti indicat scientiam*: чего черти не дѣлаютъ по ночамъ? Покажутъ они въ это время какъ нельзя лучше дорогу, сообщать умнѣе оскорблять Бога. У св. Апостола мы читаемъ, что поссорились разъ между собою св. Михаилъ и Люциферъ: *cum altercaretur Michael cum diabolo de corpore Moisis*. Св. Михаилъ *non est ausus inferre blasphemiam*. Что же горланилъ Люциферъ? паругался и надъ Моисеемъ, и надъ народомъ Божиимъ, и надъ Михаиломъ. А св. Михаилъ *non est ausus*, ибо ангель. Такъ бы-

вастъ и въ политическихъ собраніяхъ: какойнибудь дьяволъ— не человекъ наговоритъ оскорбленій свѣтскому и духовному правительству; достанется отъ него и църкви Божіей и монахамъ, св. вѣрѣ, и самому даже Богу; осудитъ каждое сословіе и каждую особу; грубыя и невѣжливныя слова летятъ у него съ языка— *lingua inflammata a gehenna*, и каждого задѣнуть, осудить и очорнѣть. А почтенный ангелъ молчитъ: *non est ausus inferre blasphemiam*. И такимъ образомъ нужно удивляться съ пророкомъ (Іерем. 4): *Sapientes sunt, ut faciant et dicant mala, bene autem facere et discere noluerunt!* Значитъ, черти умнѣе ангеловъ? Но вѣдь не забывайте что *sapientia hujus mundi stultitia est apud Deum* ¹⁾).

Въ проповѣди на день св. Схоластиковъ казнодѣя говорить между прочимъ: «Когда Господь Іисусъ понабиралъ себѣ учениковъ (Іоаннис 2), *vocatus Iesus et discipuli Ejus ad nuptias*. А это что такое? Первыхъ прозелитовъ, новичковъ св. вѣры—*tunc crediderunt in eum discipuli ejus*,—студентовъ запровадить на свадьбу! Лучше бы было познакомить ихъ съ подвижниками эремитами, завести ихъ въ пустыню для уединенной медитации и монашескаго испытанія. Эй, соблазнится тѣмъ свѣтъ, когда апостоль—*no stolъ* (sic), когда священники будутъ постоянно навеселѣ, шляясь по свадьбамъ! Призывая Моисея на службу, Богъ сказалъ ему: *solve calceamenta de pedibus*, а другой переводъ читаетъ: *solve saccos*. Предъ Богомъ нужно смиряться, а не гулять, становиться на колѣни, а не скакать. Вы знаете страшную исторію, случившуюся недавно. *Балозоръ*, виленскій епископъ, танцуя на балу у князя Радзивилла, подканцлера и гетмана Анто夫скаго, въ Бѣлой, услышалъ голосъ изъ угла: *и епископъ тожъ танцуетъ!* Такъ сказалъ, что черезъ три дня

¹⁾ Стр. 50—52.

и душа изъ него выскочила! Для чего же, однако, Христосъ ведетъ своихъ учениковъ въ Кану Галилейскую?» и проч. ¹⁾).

Въ проповѣди на великій пятокъ, по поводу словъ Евангелія: *qui te percussit?* (кто есть ударей ты?) между прочимъ говорится: «старая іудейская синагога начала играть съ Господомъ Іисусомъ въ *слепую бабку*. О великая слѣпота—закрывать глаза Всевидящему! Въ эту самую игру съ *слепую бабку* и мы играемъ съ Господомъ Іисусомъ. Вся штука состоитъ въ томъ, чтобы отгадать, кто ударилъ; не угадавшаго бьютъ до тѣхъ поръ, пока не отгадасть. Началъ эту игру Богъ съ Іовомъ: ударилъ Іова по ослицамъ, а Іовъ отвѣчаетъ: *tulerunt Sabaei...*, не угадалъ Іовъ! Ударилъ его по осламъ, опять на другихъ подозрѣніе у Іова! Еще разъ нанесъ ему ударъ и ударъ крѣпкій—истребилъ его сыновей, спрашиваетъ Іова: кто это сдѣлалъ?—*ventus et cael...* Ударилъ наконецъ въ послѣдній разъ—*percussit Iob micere pessimo...* Застогналъ Іовъ и сказалъ: *manus Domini percussit me*. Пересталъ Богъ бить, а теперь самъ пошелъ въ ту же игру» ²⁾.

Въ проповѣди на день св. апостоловъ Филиппа и Іакова, разсуждая о томъ, что *любовь ко благу общественному есть настоящая апостольская добродѣтель*, казнодорожа говоритъ: «когда сказалъ Господь Богъ: *diligas Dominum Deum tuum*, то сейчасъ же присовокупилъ: *et proximum sicut te ipsum*. При этомъ кто-то спросилъ: *quis proximus?*—Снарга отвѣтилъ и доказалъ цѣлою проповѣдью: *отечество!* Кто-то нужно любить больше отца и матери... ибо отъ него мы получаемъ больше, чѣмъ отъ нихъ; и сами они получали отъ него то, что даютъ намъ. Въ старину лазунгомъ всѣхъ битвъ было: *Deo et patriae!* Теперь же угасла любовь къ отечеству—нѣтъ мужества, нѣтъ искренности! Король Арагонскій, нарисовавши свое отечество

¹⁾ Стр. 69.

²⁾ Стр. 114.

на картѣ, написалъ сверху: *Amore*, и послѣ такъ толковалъ эту надпись: любить отечество *amore*—мало; *more maiorum*—хорошо; *ore*—не худо; *re*—лучше всего. У насъ же все это пропало, осталось только одно *e*—степанія и нареканія всѣхъ словій. Куда дѣвались Каменецкіе, Островскіе, Тарновскіе, Тенчинскіе, Зборовскіе, Канецпольскіе, Мѣлецкіе, Ходкевичи и другіе многіе герои, которые, не ожидая *visi*, собственными своими домашними полками прогоняли отъ границъ непріятелей и выигрывали столько битвъ! Лозунгомъ ихъ было: *Boni civis est patriam suam amare, ornare*. Скажите мнѣ, откуда вышло слѣдующее присловье: *вырвался, какъ Филиппъ изъ конопы* (wyrwalsie, jak Filip z kopori)? Кнзій въ *De origine adagiorum* (какая книга еще доселѣ гніеть *in manuscriptis*) говоритъ, что на сеймѣ Піотровскомъ, во времена Августа, былъ одинъ посолъ, по имени *Филиппъ* (въ старину былъ обычай называться по имени, съ прибавкою названія наследственнаго имѣнія), а сельцо онъ имѣлъ—*Конопу*. Дѣло шло объ оборонѣ Рѣчи Посполитой. Онъ, бросивши Рѣчь Посполитую, началъ трактовать о собственномъ интересѣ. Тогда всѣ закричали: *пале Филиппе, вырвался изъ Конопы!* Вотъ отсюда-то и пошло это присловье, когда кто, покинувши *bonum boni publici*, трактуетъ только о своихъ частныхъ интересахъ. Въ наше время находятся въ Литвѣ *филлиповцы*, секта, выгнанная изъ Москвы за суевѣріе и волшебство. Живутъ они на болотахъ и не думаютъ о благѣ общественномъ. Удивляюсь, что до сихъ поръ терпятъ ихъ Литовская провинція! Теперь довольно размножилось въ Польшѣ этихъ филипповцовъ, что любятъ только собственную свою грязь, а объ общемъ благѣ и не помышляютъ, забывая, что написалъ Апостолъ къ *филлиппцамъ*: *Non quae sunt iinguli considerantes, sed ea, quae aliorum* (сар. 2). Хорошее то дѣло работать для приобрѣтенія хлѣба съ помощію Божіею, о которой взываемъ въ молитвѣ Господней: *Pater noster, qui es in coelis et caet.*, но таже самая молитва

говорить *da nobis*; не мнѣ только, но и другимъ: съѣдать же все самому, не бросивши объѣдковъ щенятамъ, не хорошо. Когда охотникъ самъ пожираетъ свои доходы, а для псовъ жалѣетъ даже осыпки, не много онъ наловитъ дичи. Одинъ протестантскій пасторъ, говоритъ *Киллій*, взявши жирную и толстую жену, постоянно набивалъ ей голову словами Писанія: *nos unum corpus sumus*. Что приготовитъ жена на обѣдъ, пасторъ съѣстъ самъ все совершенно, говоря: *мы одно тѣло*. Дошло до того, что жена его впала въ сухотку. Не таковы были апостолы: о нихъ говоритъ Писаніе: *qui sunt isti? qui, ut nubes, volant*. Облака, сколько имѣютъ въ себѣ дождя и росы, все то изливаютъ на землю. Такъ св. Филиппъ сегодняшній, увидя умноженіе Христомъ хлѣба, забылъ себя самого, хотя и былъ голоденъ: *nihil sibi, omnia omnibus*. Такъ и св. Іаковъ апостолъ *catholicus-universalis* 1).

Въ проповѣди на обрѣтеніе честнаго Креста, проповѣдникъ говоритъ: «Сирахъ—*philosophus et theologus*, не всякія обрѣтенія одобряетъ: *est inventio in detrimentum* (сар. 20). Напрасно сталъ бы кто нибудь сомнѣваться въ томъ, что въ настоящее время мы каждый день празднуемъ *inventionem Crucis*. Прежде это былъ праздникъ императрицы Елены, теперь онъ *de feria*, сдѣлался буднимъ днемъ. Безъ всякихъ поисковъ, мы обрѣтаемъ крестъ ежедневно; ежедневно находимъ бѣду, не искавши ея. На моей еще памяти, на предместьѣ Ярославскомъ 2) стояла корчма, по имени *Лангузъ*, гдѣ веселые посѣтители непремѣнно получали узлы и петлицы, хоть тамъ портнаго и не было. Всякую ночь постоянный шумъ да гамъ! Одинъ возвращался съ узломъ на лбу, другой съ петлицей на мордѣ. Поутру было

1) Стр. 141—144.

2) Казнодѣя проповѣдывалъ въ городѣ Ярославлѣ, въ Галиціи, хотя изъ проповѣдей его видно, что онъ былъ и трибунальскимъ проповѣдникомъ, проповѣдывалъ также въ Познани.

довольно работы царюльнику.. Кто чего ищетъ, найдетъ. Вообще нѣкоторые весьма похожи на того ангела, что напалъ ночью на Іакова... Долго онъ тягался съ Іаковымъ, но когда послѣдній сѣпшомъ ужъ больно наступилъ на него, тогда онъ началъ кричать: *dimitte me!* Это что-то похоже на то: *поймалъ я татарика, да онъ не хочетъ меня пустить*. Мало ли есть такихъ безновойныхъ и сварливыхъ, которые, затронувши спокойнаго домохѣда и вызвавши его на трибуналъ, послѣ, когда справедливый судъ притиснетъ ихъ хорошимъ штрафомъ, кричатъ къ невинному отвѣтчику: *dimitte me!* Много есть такихъ, коиъ просто случайно и досадно, если у нихъ нѣтъ какихъ нибудь хлопотъ, подобно той бабѣ у Сенеки, которая грызла себѣ пальцы, если не могла съ кѣмъ грызаться и ссориться. Я знаю одного такого шляхтича: постоянно бѣдняга *сеймикуетъ* о Рѣчи Посполитой; когда нѣтъ съ кѣмъ, тогда идетъ въ лѣсъ къ дубамъ и тамъ болтаетъ себѣ съ деревьями. Сунуть себѣ мозгъ, выдуманная средства *restituendi status*. Въ недавнее время было также двое подъ Сендоіромъ, ксендзъ и шляхтичъ, которые—*ex noviter repertis*, постоянно ѣздили въ Люблинъ и до тѣхъ поръ назывались между собою, пока не умерли. Каждый человекъ самъ для себя крестъ: *factus sum mihi met ipsi gravis*. Холеринъ горитъ словно Этна, хоть туда никто дровъ не подкладываетъ; олегалникъ—помойная яма, въ которой водятся жабы; у меланхолика—ипохондрія. Какъ наилучшій *пармезанскій сыръ*, какъ яблоко и орѣхъ заключаютъ въ себѣ червяка, такъ и каждый человекъ имѣетъ своего червяка, который его грызетъ. Еще можно считать весьма почтеннымъ—*omni elogio dignus*, того человека, о которомъ *ксендзъ Младзювскій* говаривалъ: *печалится о томъ, что не о чемъ печалиться*. Есть такіе, которые, не довольствуясь обыкновенными хлопотами, нарочно—*secundum nequiam adinventionem ipsorum* (Psalm. 27), ищутъ собственной своей пагубы и дѣйствительно гибнутъ, мученные

и обезславленные своими уничижениями: *adventio illorum scriptis vitae est* (Сар. 14) ¹⁾.

Въ проповѣди на праздникъ св. Духа проповѣдникъ говоритъ: «Я ожидалъ, что въ другой какой нибудь фигурѣ появится на свѣтъ третіе лицо Пресвятой Троицы, Духъ Святой, а Онъ ангеломъ и фигурой избралъ себѣ языкъ: *apparuerunt linguae*. Ей, приличіе было бы любви Божіей придти къ намъ съ сердцемъ... Добрый панъ идетъ къ подданнымъ съ сердцемъ. Владиславъ IV, польскій королевичъ, отправляясь въ Московскую столицу, ишетъ *Кобержицкій*, сѣлъ въ золоченную карету, сдѣланную въ видѣ сердца, желая этимъ показать любвеобильное сердце подданнымъ своимъ, жестокой Москвѣ. Такъ нужно было прѣхать къ намъ и любящему своихъ подданныхъ Духу Святому, о чемъ мы и молимся сего дня: *veni Sancte Spiritus, reple tuorum corda fidelium*. Почему, однако, Онъ приходитъ къ намъ съ языкомъ: *apparuerunt linguae*! Я думаю вотъ почему: когда Христосъ вознесся на небо, тогда при торжественныхъ и радостныхъ рукоплесканіяхъ небесныхъ обитателей, -- Онъ номѣнялся гербами съ Духомъ Святымъ подобно тому, какъ поимѣнялся гербами панъ литовскіе съ панами польскими, послѣ зніи съ литовскимъ княжествомъ. Какой гербъ Отца Предвѣчнаго? *Голова*, вмѣститель предвѣчной мудрости. У Сына Божія Предвѣчнаго Слова, *Verbum*, гербомъ былъ языкъ. Духъ же Св. какъ всецѣлая Божественная любовь, долженъ былъ имѣть гербомъ своимъ сердце. Вотъ, какъ пришелъ Христосъ на небо съ растерзаннымъ сердцемъ, Духъ Св. и говоритъ: а зачѣмъ это у тебя, Сынъ Божій, пробитое сердце? Эй, переимѣняй-ка ты лучше свои обязанности и свои гербы. Ты, Сынъ Божій, пошелъ къ людямъ съ сердцемъ, и оно пробито, пойду и я къ нимъ въ Твоемъ гербѣ: *apparuerunt illis linguae*.

¹⁾ Стр. 150—152.

И такимъ образомъ, Духъ Св., отобравши гербъ у Божественнаго Слова, пришелъ на землю съ языками» ¹⁾.

Въ проповѣди на *праздникъ посѣщенія Пресв. Девой Елисаветы*, разсуждая о томъ, какіе бывають разнообразныя *визиты*, проповѣдникъ между прочимъ говоритъ: Св. Салезій основалъ орденъ монахинь *a Visitatione*. Нынѣшняя политика создала много такихъ *визитокъ*, когда свѣтскія дамы, не прошенныя, отдають днемъ и ночью визиты даже кавалерамъ. Пресвятая Богородица, пришедши *in domum Zachariae*, сейчасъ же *salutavit Elisabeth...* Нужно было прежде отдать честь хозяину, а она, минувши, хотъ и старого уже, Захарію, *salutavit Elisabeth...* Теперь же сплошь да рядомъ встрѣчаются такія политичныя визиты, что свѣтская дама скорѣй навѣститъ *его милость*, нежели *ея милость*, а кавалеръ скорѣй спѣшитъ къ *ея милости*, чѣмъ къ хозяину дома. Въ Варшавѣ случилось мнѣ зайти въ одинъ *палацъ*; ступивши на крыльцо, я спросилъ швейцара, родомъ мазура: «а что тутъ дѣлается?» онъ хотѣлъ отвѣчать мнѣ *визита*, да не попалъ и отвѣчалъ: *бьсита*. Я подумалъ себѣ: да, именно, двусмысленная визита настоящая *бьсита*. Есть много полночныхъ визитаторовъ, ревизующихъ чужіе дворы, говорящихъ постоянно шинкарямъ: *добрый день* и *добра ночь*; но все это не *urbalitas, sed turbanitas*» ²⁾.

Въ проповѣди на *праздникъ Рождества Пресв. Богородицы*, проповѣдникъ говоритъ между прочимъ: «Багъ назвать новорожденную въ какомъ набудъ домѣ дочь? Раждающимися въ свѣтскихъ *палацахъ* братья обыкновенно даютъ имя: *Melanchofia*. Да, Меланхолія! что дѣлать съ сестрой? готовить приданое, покупать драгоценности, расходовать на разные модныя уборы, приглашать кавалеровъ, давать вечера, содержать оркестръ, покупать золочен-

¹⁾ Стр. 179—180.

²⁾ Стр. 233.

ныя кареты и цуги—тутъ настоящая братьямъ меланхолія! По сирійски сестра зовется *тис*: вытягиваетъ она изъ шкатулки золото, драгоценности, вытянетъ все состояніе, а дому меланхолія! У гетмана Жолкевскаго былъ сынъ замка: когда родилась дочь, отецъ спрашиваетъ его: а что тамъ такое родилось? Не могли скоро отвѣтить, сынъ началъ: *се—се—сестра!* Гетманъ разсмѣялся. «Хорошо ты сказалъ; сынъ: се—се—се; будешь отгоняться отъ конкурентовъ, какъ отъ мужъ». (Янчинскій) «Каждая дочь въ домѣ—меланхолія. Посему то, когда выдаютъ ее замужъ, то этотъ послѣдній актъ называютъ *весельемъ* (свадьба); ибо отецъ или братъ сбываютъ изъ дома меланхолю... Такъ, инныя дочери въ домѣ—печаль; нынѣшняя же дочь въ домѣ Пресвятыя Троицы большее веселье» ¹⁾).

Въ проповѣди на *праздникъ св. Варвары*, разсуждая о томъ, что если чѣмъ сонъ и смерть похожи другъ на друга, такъ это тѣмъ, что оба они вѣрное зеркало жизни, проповѣдникъ говоритъ: **Ген. 28.** Молодой *Якубекъ*, (Іаковъ) не такъ давно еще переставшій сосать молоко матери, отправляется изъ дому и утомившись въ дорогѣ засыпаетъ, бѣдный мальчикъ, крѣпко, ибо на камнѣ, какъ вдругъ въ головахъ его ставятъ лѣстницу къ самому небу, а по ступенькамъ ея *ascendentes et descendentes*. Но ради Бога, отъ чего же это такое великое множество ангеловъ, а между тѣмъ ни одинъ не задѣлъ *Якубка* ни ногою, ни крыльями, ни одеждой?. Когда же Іаковъ уже выросъ и, возвращаясь домой, пришелъ на прежнее мѣсто, гдѣ онъ спалъ, то лишь только удалился на нѣсколько шаговъ на молитву, какъ нападаетъ на него ангелъ: *et ecce vir luctabatur cum eo usque mane..* Молодому Якубку тысячи ангеловъ сна не прервали, а немного постарѣвшему и одинъ не далъ выспаться.. Сонъ этотъ есть образъ дѣйствительной истины. Старый Іаковъ имѣлъ въ то

¹⁾ Стр. 389—390.

время нѣсколько жонъ, немало дѣтей, множество сна, пре-
даться сну, потому-то и не было у него сладкаго сна; моло-
дому же Іакову *adstabant Angeli*, какъ и нашему *св. Костю*,
и во снѣ, и на яву, и въ жизни и по смерти. Такъ-то обыкно-
венно бывасть: молодежь и спать и умираетъ сладко, а ста-
рымъ и сонъ и смерть тяжки. *Isaiae 22*. Господь Богъ гово-
ритъ злому: *asportabo te sicut asportatur gallus gallinaceus*.
Когда на кухнѣ рѣжутъ куръ для прищественнаго обѣда, то цы-
пляты вдругъ замираютъ; когда же отрубятъ шею старому пѣ-
туху, то онъ бросается во все углы, и долго не можетъ вдох-
нуть. Такъ же точно, когда умираетъ дитя, то говорятъ обыкно-
венно: *заснуло, какъ цыпленокъ*; когда же умираетъ этотъ ста-
рый пѣтухъ, волящій за собою куръ, то котъ смерть и убьетъ
ужъ его, но онъ все-таки бросается по всеѣмъ закоулкамъ¹⁾.

И изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что сѣмя, брошен-
ное Млодзяновскимъ, упало на благоприятную почву и принесло
обильный плодъ. И долго еще духъ Млодзяновскаго продолжалъ
витать на польской церковной кафедрѣ, какъ нѣкая мерзость за-
пустѣнія на мѣстѣ святѣ. Возрожденіе польской проповѣди нача-
лось лишь къ концу XVIII вѣка. Понятно теперь, послѣ всего
выше сказаннаго, то значеніе, какое имѣетъ Млодзяновскій въ
исторіи польскаго проповѣдничества. Съ пресловутою *народно-*
стію, которую онъ всесторонне проявилъ на церковной кафедрѣ,
польская проповѣдь восприняла самый пагубный элементъ для
своего развитія. И Млодзяновскій, съ точки зрѣнія критики *зоми-*
летической, долженъ быть осужденъ, какъ проповѣдникъ, сдѣ-
лавшій *новый шагъ* на пути паденія своего роднаго церковно-
ораторскаго искусства.

Нѣсколько иначе посмотрѣлъ на дѣло *Головинскій*, о кото-
ромъ принято говорить, что онъ *открылъ польской литературу*

1) Стр. 559—560.

Млодзяновскаго ¹⁾). Еще будучи ректоромъ и профессоромъ римско-католической академіи въ Петербургѣ, въ 40-хъ годахъ, Головинскій началъ помѣщать въ варшавскомъ духовномъ журналѣ *Racjonalnik Religijno-moralny* общіе историческіе очерки польской проповѣди. Въ этихъ очеркахъ онъ строго держится началъ *критики юбилейческой*: съ сочувствіемъ и даже съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ относится къ польскому проповѣдничеству XVI вѣка и, напротивъ, произноситъ безпристрастное слово осужденія надъ проповѣдничествомъ XVII вѣка и вообще такъ называемаго *іезуитскаго періода*. Вотъ общее его сужденіе объ этомъ послѣднемъ проповѣдничествѣ: «Настаетъ вѣкъ XVII, вѣкъ порчи и макаронизмовъ какъ въ духовной, такъ и въ свѣтской литературѣ. Классическая метода XVI вѣка была оставлена, и проповѣдники начали стараться не столько о наученіи слушателя, сколько о разгоряченіи его, начали стараться плѣнить его своимъ краснорѣчіемъ, понравиться ему употребленіемъ остроумничанья, загадокъ, или, говоря языкомъ той эпохи, *перелокъ* (жемчужинокъ). *Проповѣди потеряли свою серьезность, а чрезъ то и свое вліяніе на общество*. И вышло, что въ настоящее время не только народъ, но и большинство высшаго класса не знаютъ религіи» ²⁾). Въ частности, говоря о Млодзяновскомъ, авторъ шутки его находитъ совершенно *не приличными на церковной кафедрѣ*, а его комментаріи на священное Писаніе, настоящими *балладными комментаріями*, хотя вообще не отрицаетъ въ его проповѣдяхъ *поэтичности* и нѣкотораго *народнаго размаха*, и особенно доволенъ *второю* ихъ *частью* ³⁾). Замѣчательно, что все это сказано было о Млодзяновскомъ какъ бы вскользь, когда авторъ дѣлалъ характеристику другаго современнаго Млодзяновскому польскаго проповѣдника *Симона Старовольскаго*, прево-

¹⁾ Ю. Бартошевичъ: *Historya Literatury Polskiej*, стр. 565.

²⁾ *Homiletyka*, стр. 439.

³⁾ *Ibidem.*, стр. 448.

сходившаго, по словамъ автора, всѣхъ въ тотъ испорченный вѣкъ, своею *серьезностію*. По всему видно, что Головинскій, пиша своимъ общіе очерки польской проповѣди, еще не получалъ особеннаго пристрастія къ Млодзяновскому, еще не увлекся имъ, а главное еще не упускалъ изъ виду строго-гомилетической точки зрѣнія, при которой произведенія проповѣдической литературы должны быть оцѣниваемы на основаніи большаго или меньшаго соотвѣтствія ихъ идеѣ церковнаго ораторства. Но вотъ, чрезъ нѣсколько времени, въ томъ же самомъ варшавскомъ журналѣ, появляется отдѣльная монографія Головинскаго о Млодзяновскомъ подъ заглавіемъ: *Tomasz Młodzianowski* ¹⁾. Здѣсь авторъ уже измѣняетъ точку зрѣнія на предметъ. *Народность* проповѣдей Млодзяновскаго, въ ихъ содержаніи, въ ихъ художественной формѣ, въ ихъ, наконецъ, общемъ *духѣ* увлекла его, и вотъ, въ жертву этой народности, онъ, если не совершенно забываетъ требованія гомилетической критики, то, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляетъ ихъ, начинаеть смотрѣть на *проповѣди* какъ смотрять на произведенія свѣтской литературы, и оцѣниваетъ ихъ какъ критику просто литературный. Такая перемѣна взглядовъ совершилась въ авторѣ въ слѣдствіе горячаго его желанія, совершенно понятнаго въ польскомъ священникѣ, снять съ польской литературы такъ называемаго *іезуитскаго періода* печать того будтобы не заслуженнаго презрѣнія, съ какимъ къ ней доселѣ относилась литературная критика. Если тогдашняя литературная эпоха, говоритъ Головинскій, «совершенно *осмѣяна и оклеветана* въ настоящее время» ²⁾, то единственно только въ слѣдствіе нашего крайняго невѣжества по отношенію къ ней. «Мы совершенно незнаемъ нашей литературы со времени *Влади-*

¹⁾ Какъ общія очерки польской проповѣди, такъ и монографія о Млодзяновскомъ были собраны, по смерти автора, въ одну книгу и напечатаны подъ заглавіемъ: *Homiletyka*. Краковъ. 1859 г.

²⁾ *Homiletyka*, стр. 466.

слава IV до Станислава Августа» (иезуитскій періодъ ¹⁾). Если что, продолжаетъ Головинскій, дѣйствительно отличалось въ то время пустотою и ничтожествомъ, если что было наполнено одною искусственностію и не заключало въ себя *ничего другаго*, кромѣ неперяченнаго вкуса, то это только *панегрики, поэмы и ораціи*. (Почти исключительные, замѣтимъ отъ себя, роды тогдашней *свѣтской литературы*). Нельзя сказать того же *проповѣдямъ*. «Изъ всѣхъ родовъ сочиненій того времени почти однѣ только проповѣди *отражаютъ въ себѣ современную общественную жизнь*». По проповѣдямъ значить,—такъ думаетъ Головинскій,—и нужно произносить сужденіе о тогдашней польской литературѣ. «Для того,—продолжаетъ онъ,—чтобы имѣть вѣрное представленіе о тогдашней литературной эпохѣ, стоитъ только разобрать одного изъ самыхъ знаменитыхъ проповѣдниковъ того времени» ²⁾. Съ этою цѣлію авторъ и останавливается на Млодзяновскомъ, дѣлая его какъ бы типомъ всѣхъ проповѣдниковъ тогдашней эпохи. Народныя красоты казнодѣйской рѣчи Млодзяновскаго часто приводятъ автора въ настоящій восторгъ. Между прочимъ особенно восхищаетъ его *слозь и языкъ* проповѣдника... При этомъ, въ своемъ увлеченіи, авторъ прибѣгнулъ даже къ значительной, совершенно неоправдываемой дѣйствительностію, натяжкѣ. «У насъ, говоритъ онъ, господствуетъ едвали не всеобщій *предразсудокъ*, что макаронизмъ, или смѣсь польскихъ словъ съ латинскими, составляетъ существенную черту тогдашней эпохи. Мы можемъ увѣрить читателей *въ совершенно противоположномъ*. *Всѣ проповѣди* временъ Владислава IV, Яна Базимира, Михала Борибуга и Яна III писаны *чисто по польски* и *только со времени королей изъ саксонскаго дома* начала прииѣшиваться латынь, да и *то только* въ панегирикахъ, въ над-

¹⁾ Ibidem, стр. 459.

²⁾ Ibidem, стр. 460.

гробныхъ и сейшовыхъ рѣчахъ, въ письмахъ, посвященіяхъ и проч. Въ проповѣдяхъ же *рѣдко* можно замѣтить сѣсь языковъ». «Тогдашняя эпоха, продолжаетъ авторъ, не имѣла книжнаго слога; мѣсто его замѣнилъ слогъ простаго разговора. Вслѣдствіе этого развитіе языка было чисто народное. Разумѣется, языкъ Сигизмундовской эпохи (XVI-го вѣка) есть образцовый и въ отношеніи грамматической правильности, и въ отношеніи чистоты и выбора выраженій, и по внѣшнему приличію и достоинству; во всѣхъ этихъ сторонахъ слогъ XVI-го вѣка несравненно превосходитъ слогъ позднѣйшей эпохи. Писатели Сигизмундовскаго періода были образователями языка и, хорошо зная его, не шли бессознательно за его теченіемъ, но сами распоряжались имъ, сообразуясь со вкусомъ, выработаннымъ на римскихъ образцахъ.. Поэтому они какъ будто творили языкъ, и индивидуальность писателя имѣла въ этомъ случаѣ огромное значеніе. Напротивъ, писатели разбираемой нами эпохи не знали своего языка грамматически и на эту сторону его не обращали ни малѣйшаго вниманія. Но зато, не имѣя грамматической правильности, какое богатство жизни, какое обиліе народныхъ выраженій и оборотовъ внесъ въ нашу литературу языкъ этой эпохи, столько разъ осмѣянной и оклеветанной! Самый тогдашній вкусъ способствовалъ отраженію въ литературѣ того, что было въ жизни. *Писатель* бралъ все, что было подъ рукой и передавалъ слово въ слово, какъ самъ слышалъ. Вся тогдашняя эпоха, полная анархіи и беззаконія, представляла постоянную войну то внѣшнюю, то домашнюю. Поэтому и въ слогѣ тогдашнихъ *писателей* слышится какъ бы звукъ сабель, и здѣсь вы можете найти правдивые образцы боеваго языка. Всѣ стихи народной жизни, не могшія отразиться въ литературѣ XVI вѣка вслѣдствіе ея серьезности и образованнаго вкуса, вдругъ вторглись теперь въ письменность. Видишь здѣсь вездѣ грубую откровенность, иронию, народную насмѣшку и остроуміе. Какая свобода во всѣхъ движе-

нѣхъ! Больше же всего бросается въ глаза то, что называется польскимъ упрямствомъ, заблѣчествомъ (*zaciętność polską*), которое трудно описать, но которое можно понять и почувствовать всякій. Нельзя и перечислить всѣхъ внутреннихъ достоинствъ языка этой эпохи; довольно сказать, что это былъ языкъ жизни, полный простоты и шутливости»¹⁾).

Все это говорится Головинскимъ на основаніи одного Млодзяновскаго, и замѣтите, какъ усиливается авторъ съ свойствами казнодѣйской рѣчи азнаменитаго польскаго проповѣдника XVII вѣка отождествить свойства *всей польской литературы* иезуитскаго періода. Что касается собственно мнѣнія автора о макаронизмѣ въ польскихъ проповѣдяхъ временъ Млодзяновскаго, то для того, кто хотя немного знакомъ съ этими проповѣдями, очевидна вся неправда увѣренія Головинскаго, которое онъ выражаетъ такимъ докторальнымъ тономъ. Если у Млодзяновскаго макаронизмы дѣйствительно встрѣчаются довольно рѣдко, если онъ даже тексты св. Писанія всегда почти переводитъ съ латинскаго на польскій (чего не дѣлаетъ наприм. польскій проповѣдникъ XVIII вѣка, образчики изъ котораго мы привели выше), то это такая индивидуальная особенность Млодзяновскаго, которую нельзя переносить на все современное ему проповѣдничество.

Восхищаясь народными красотами Млодзяновскаго, авторъ иногда чувствуетъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ произведеніями свѣтской литературы, а съ проповѣдями, о которыхъ нужно судить по другому масштабу, чѣмъ о произведеніяхъ литературы свѣтской. Поэтому онъ иногда считаетъ нужнымъ успокоивать свою совѣсть такого рода уступительными періодами: *хоть это и не прилично на церковной кафедрѣ*, но какъ отраженіе общественаго быта, въ высшей степени интересно; *хоть подобный разговоръ* (авторъ имѣетъ въ виду разговоръ Млодзяновскаго объ

¹⁾ *Homiletyka*, стр. 304—305.

уощеніи Іосифомъ своихъ братьевъ, выдержка котораго приведена и нами) *дѣйствительно не умышленъ съ проповѣди*, но зато какъ онъ живъ, народенъ, пластиченъ! Какая жизнь, какой драматизмъ! *Хоть эти проповѣди и ередятъ своей важности и своей цѣли*, но зато онѣ служатъ драгоценнымъ памятникомъ исторіи и языка тогдашней эпохи; потому что онѣ живое отраженіе тогдашней общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ» и т. п. ¹⁾.

Поелику народно-польскіе пошибы въ проповѣдяхъ Млодзяновскаго находили себѣ большее или меньшее выраженіе, главнымъ образомъ, въ дерзко-фамиліярномъ отношеніи казнодѣи къ священнымъ лицамъ и предметамъ; то Головинскій, съ другой стороны, старается навязать болѣе благопріятный смыслъ этой фамиліярности и тѣмъ хоть нѣсколько смягчить то невыгодное впечатлѣніе, которое она производитъ. «Учрезвычайная фамиліярность съ Богомъ и святыми, говоритъ авторъ, доходитъ иногда у Млодзяновскаго до ужаснаго неприличія. Не осуждаю вообще фамиліярности: она прекрасный плодъ св. церкви, она самое высшее состояніе внутренней жизни, основывающееся на присутствіи въ сердцахъ нашихъ Бога, такъ, что уже не мы живемъ, но Христосъ въ насъ живетъ. Это фамиліярность добрыхъ дѣтей со всеблагимъ Отцомъ, выходящая изъ любви, для которой обыкновенныя формы почтенія кажутся стѣснительными, и которая смѣло бросается въ объятія Отца, хотя и знаетъ, что негодна поцѣловать и стопы ногъ Его; словомъ, это какое-то самозабвеніе въ Богѣ, это, такъ сказать, святое своеволие, *святая шаловливость*, когда съ Богомъ говорятъ такъ же задушевно, какъ съ лучшимъ пріятелемъ и отцомъ. Но какъ въспъмъ, такъ и этимъ обычаемъ злоупотребляли» ²⁾. Какое ложное толко-

¹⁾ Ibidem, стр. 467, 483, 489.

²⁾ Ibidem, стр. 479.

ваніе! Нѣтъ, не тотъ былъ источникъ фамилярности Млодзяновскаго, который навязывается ему Головинскимъ и при которомъ *злоупотребленіе* едва ли было бы возможно и даже мыслимо... Нѣтъ, это былъ просто ловко и дипломатически рассчитанный казнодѣйскій пріемъ, *обычай*, по выраженію самого же автора... Духъ, породившій этотъ обычай, есть дѣйствительно *плодъ римской церкви*, только далеко *не прекрасный*. Полнѣйшимъ образомъ онъ выразился въ *іезуитизмъ*, который, намъ извѣстно, можно назвать квинтъ-эссенціей католической церкви. *Безстрашіе въ кощунствѣ*—вотъ то состояніе духа, при которомъ только и возможна фамилярность Млодзяновскаго. Приведемъ по этому поводу нѣсколько строкъ почтеннаго Ю. Ѡ. Самарина изъ *перваго письма его къ іезуиту Мартынову*: «Совѣсть человѣка, специально посвятившаго себя на службу Божію, можетъ заразиться какъ и всякая другая, но поврежденіе ея сопровождается *особеннымъ явленіемъ*... Я назвалъ бы его *безстрашіемъ въ кощунствѣ*. Для духовнаго нѣтъ середины. Если ежедневное обращеніе со святыней не облагороживаетъ и не просвѣтляетъ его души, то оно обращается ему въ пагубу. Погрязая въ неправдѣ, онъ туда же втягиваетъ сподручную ему святыню и оскверняетъ ее въ собственныхъ своихъ глазахъ фамилярнымъ обращеніемъ съ нею. Она остается при немъ какъ внѣшняя обстановка его жизни, какъ неразлучная его спутница, примѣшивается ко всемъ его помысламъ, присутствуетъ при всехъ его дѣлахъ... Отъ того, совѣсть его такъ скоро тупѣетъ именно для тѣхъ впечатлѣній, которыя должны бы оживлять ее; *у него пропадаетъ ощущеніе трепета предъ божественнымъ*... Всмотритесь въ него поближе: ния Іисусово онъ не только пріемлетъ всуе, но играетъ и промышляетъ имъ, радить въ него свое внутреннее безобразіе; ангелы, апостолы, святые мученики—это для него свои люди, своя компанія, къ которой онъ давно приглядѣлся и съ которою пересталъ чиниться... *Безстрашіемъ въ кощунствѣ іезуиты прев-*

зошли всѣхъ. За ними остается паша нервенства. Никто въ этомъ отношеніи не проявлялъ такого соблазна, какъ она, никто не погубилъ столькихъ чистыхъ душъ, примѣромъ своимъ наводя ихъ на несчастную мысль, будтобы въ самомъ существѣ вѣры есть непременно какая-то примѣсь притворства или сознательной неискренности¹⁾.

Заручившись многотысячными уступками и ласкосердечными толкованіями, Головинскій такъ вонзаетъ въ концѣ концовъ: «Послѣ всего этого, послѣ разсмотрѣнія одного только писателя тогдашней эпохи, спрашиваю непередубѣжденного читателя: можно ли презирать *тогдашнюю литературу* вслѣдствіе лишь *дурного ея вкуса*, когда внутреннія ея стороны такъ важны для насъ, когда заключается въ ней все наше прошлое, наши Преданія, наша исторія, словомъ сокровищница нашей народою жизни отъ *Владислава IV до Станислава Августа*, — жизни внутренней и внѣшней, прерванной и утраченной для насъ вслѣдствіе стремительнаго наплыва къ намъ чужеземщины?.. Изъ этихъ немногихъ выдержекъ изъ одного писателя мы узнали тогдашнее состояніе нашей страны. ея внутреннія и внѣшнія отношенія лучше, чѣмъ изъ всѣхъ десятъ писанныхъ исторій. Если и незначительное раскрытіе одного автора выяснило для насъ столько предметовъ, то какой великій свѣтъ заблесталъ бы, еслибы вся тогдашняя литературная эпоха была изслѣдована и изучена! А послѣ этого *можно ли осуждать что-либо въ нашей странѣ* безъ тщательнаго разсмотрѣнія, какъ это въ обычаѣ у нашихъ партій, осуждать, повѣривъ лишь на слово коммунистамъ, въ родѣ *Эд. Кинэ* съ компаніей, или же основываясь на свидѣтельствѣ хотя бы то и знаменитыхъ иностранныхъ писателей?.. *Не изъ преданійныхъ взглядовъ, не изъ пустыхъ мредразсудковъ* нужно доказывать, хорошо ли что-нибудь или

¹⁾ См. газету *День*, 1865 г. № 45, стр. 1084.

дурно, но изъ самыхъ фактовъ: иначе мы будемъ потворствовать временнымъ страстямъ» ¹⁾.

Взглядъ Головинскаго на Млодзяновскаго и на порожденную имъ проповѣдническую литературу выразилъ и, такъ сказать, бундально усвоилъ новѣйшимъ историкомъ польской литературы *Юл. Бартошевическимъ*. Въ своей «*Исторіи польской литературы*» онъ говоритъ: «Мы вообще незнаемъ хорошо и близко огромнаго количества польскихъ проповѣдей тогдашней эпохи. Но еслибы мы рассмотрѣли ихъ поближе, то увидѣли бы такъ сокровищницу народной жизни. Не только можетъ натѣшиться ими сердце, но и голова значительно попользоваться. Сколько тутъ анекдотовъ, фактовъ, практическихъ примѣненій! Какимъ остроуміемъ блестятъ не разъ эти проповѣди! Для чисто-польской поэзіи заключается въ книгѣ такой же богатый источникъ, какъ наприм. въ народныхъ пѣсняхъ. Нормою проповѣдничества тогдашней эпохи можетъ служить *Гома Млодзяновскій* и т. д.» ²⁾.

Мы первые готовы согласиться съ Головинскимъ въ томъ, что проповѣди Млодзяновскаго и его послѣдователей заключаютъ въ себѣ самый богатый матеріалъ для изученія современной имъ жизни польскаго общества, что сами онѣ суть вѣрное и чрезвычайно яркое отраженіе этой жизни. Но когда Головинскій, на слованіи извѣстныхъ качествъ этихъ проповѣдей, снискать установить новое мнѣніе о высокомъ достоинствѣ въ тогдашнюю эпоху польской литературы *вообще*, достоинствѣ, доселѣ отрицаемомъ и непризнаваемомъ, то намъ кажется, что въ той постановкѣ, какую онъ въ этомъ случаѣ даетъ дѣлу, заключается значительная доля оальши... Мысль Головинскаго идетъ путемъ такого силлогизма: *святская* литература іезуитскаго періода дѣйствительно пуста

¹⁾ *Homiletyka*, стр. 574—576.

²⁾ *J. Bartoszewicz: Historia literatury Polskiej* стр. 369—375.

и ничтожна, она не удовлетворяла своему назначенію быть выразительницею общественной жизни. Но проповѣди тогдашней эпохи, доселѣ не исследованныя и не изученныя, съ избыткомъ восполняютъ указанные недостатки свѣтской литературы. *Слѣдовательно литература іезуитскаго періода* не была пустою и ничтожною, *слѣдовательно* она удовлетворяла своему назначенію быть выразительницею общественной жизни, *слѣдовательно* не нужно сѣяться надъ нею, презирать ее, какъ это водилось доселѣ въ нашей литературной критикѣ. Все это прекрасно. Но дѣло въ томъ, что Головинскій смѣшиваетъ между собою такіе два рода явленій, о которыхъ нужно судить нѣсколько раздѣльнѣе. Вся бѣда въ томъ, что *достоинства* польскихъ проповѣдей іезуитскаго періода, которыя по мнѣнію Головинскаго, съ такимъ избыткомъ восполняютъ *недостатки* свѣтской литературы того же періода, въ самыхъ проповѣдяхъ, какъ *проповѣдакъ*, суть не *достоинства*, а *большею частію* тоже *недостатки*. Головинскій выпустилъ изъ виду ту простую истину, что *все хорошо на своемъ мѣстѣ*. То, что, можетъ статься, было бы умѣстно, составляло бы даже *достоинство* въ сферѣ свѣтской литературы, вообще менѣе стѣсненной серіозностію, важностію и приличіемъ формы, это самое, перенесенное на церковную кафедру, совершенно неумѣстно, составляетъ уже недостатокъ, заслуживающій осужденія... А коль скоро оно явилось въ сферѣ церковнаго слова именно *какъ недостатокъ*, то намѣренно закрывать глаза на мѣсто его происхожденія и, взявши отрѣшенно отъ этого мѣста, *подлащать* его, какъ *достоинство*, въ другую, хоть и близкую, но все же различную и имѣющую свои особые законы сферу человѣческой рѣчи, едва ли будетъ логично и добросовѣстно... Впрочемъ, говоря такимъ образомъ, мы далеки отъ той мысли, чтобы считать недостаткомъ проповѣди, когда она касается вопросовъ общественной жизни въ самыхъ живыхъ, жизненныхъ и популярныхъ формахъ; мы далеки отъ того, чтобы живость, жизненность и попу-

лярность формы признавать неотъемлемой принадлежностью одной лишь свѣтской литературы. Напротивъ, намъ въ высшей степени не нравится эта мертвая сухость проповѣднической рѣчи, это утомительное однообразіе ея, это полнѣйшее отсутствіе на нервной каеедрѣ жизни и драматизма... Нѣтъ, мы хотимъ сказать только, что *все имѣетъ свои границы*, а главное что въ сужденіи объ извѣстномъ кругѣ явленій не нужно смѣшивать предметы: единственнымъ критеріумомъ оцѣнки извѣстнаго предмета должно быть такое или другое соотвѣтствіе его выражаемой имъ идеѣ и если предметъ, вмѣсто достойнаго выраженія собственной своей идеи, сбивается на усѣпшное выраженіе идеи ему несвойственной, то едвали можно восхищаться подобнымъ положеніемъ дѣла. — Напрасно, такимъ образомъ, Головинскій смится измѣнить установившееся въ критикѣ мнѣніе о польской литературѣ іезуитскаго періода, напрасно онъ указываетъ въ этомъ случаѣ, какъ на аргументъ для своихъ усилій, на грубое незнаніе, какое будто бы господствуетъ въ критикѣ относительно этой литературы... Если и дѣйствительно существуетъ подобное незнаніе, то его можно назвать скорѣй, такъ сказать, *количественнымъ*, нежели *качественнымъ*. Литература эта дѣйствительно не разработана и не изучена еще во всей своей полнотѣ, но то *общее сужденіе*, какое издавна составилось о ней въ критикѣ, вполне вѣрно, вполне соотвѣтствуетъ ея характеру... Вторить Головинскому рѣшился одинъ только, кажется, г. *Барташевичъ*. Но такіе историки польской литературы, какъ *Мацьевскій*, *Кондратовичъ* (Сырокомля), *Мехержинскій*, *Спасовичъ* ¹⁾ и другіе высказали и высказываютъ о ней то самое *общее сужденіе*, которое такъ не нравится Головинскому. Въ этомъ общемъ сужденіи всему воздается *по дѣломъ его, змит сміе*... *Свѣтская* литература оцѣнена

¹⁾ Г. Спасовичу принадлежатъ историческій очеркъ польской литературы — въ «Обзорѣ славянскихъ литературъ» г. *Дымова*.

на основаніи своихъ собственныхъ законовъ, а *религіозная*, выражавшаяся главнымъ образомъ въ *проповѣдяхъ*, на основаніи своихъ, и обѣ найдены несоответствующими своей идѣ, своему назначенію, обѣ осуждены.

VI.

Направленіе, данное Млодзяновскимъ польской проповѣди, сообщило въ значительной степени и южно-русскому проповѣдничеству. Само собою разумѣется, что проводникомъ этого направленія на русскую почву должна была явиться прежде всего Кіевская Академія. Новое, увлекавшее всѣхъ литературное проповѣдническое движеніе въ Польшѣ, непременно должно было заинтересовать Кіевскую Академію, первую и самую высшую представительницу въ то время русской школы в науки. Имя знаменитаго проповѣдника Млодзяновскаго, сдѣлавшееся популярнымъ въ Познани, Люблинѣ, Варшавѣ и Краковѣ, должно было приобрести популярность и въ Кіевѣ, по крайней мѣрѣ въ его учено-литературномъ кружкѣ.

Конечно, до изданія въ свѣтъ проповѣдей Млодзяновскаго, вліяніе его на Кіевскую Академію не могло быть особенно замѣтнымъ, хотя слава Млодзяновскаго уже навѣрное дошла къ ней и до этого времени. Изданіе проповѣдей Млодзяновскаго послѣдовало въ 1681 году. Съ этого времени, т. е. съ послѣдней четверти XVII-го вѣка, вліяніе его на Академію начало сказываться замѣтнѣе. Въ 1686 г. собраніе проповѣдей Млодзяновскаго приобретаетъ для себя *профессоръ философіи и префектъ* кіевскаго collegіума—*Іоасафъ Кроковскій*; экземпляръ купленный имъ, принадлежитъ теперь бібліотекѣ Кіево-Софійскаго собора ¹⁾. Около этого же времени приобретенъ вѣроятно и тѣмъ

¹⁾ № 578. На первомъ заглавномъ листѣ каждого изъ четырехъ томовъ этого экземпляра находится слѣдующая собственноручная надпись Кроковскаго

нибудь изъ кіевскихъ коллегіатовъ и другой экземпляръ проповѣдей Млодзяновскаго, принадлежащій теперь бібліотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря ¹⁾). Въ началу XVIII вѣка вліяніе Млодзяновскаго на Кіевскую Академію утвердилось и оцрѣпло окончательно. Объ этомъ мы имѣемъ несомнѣнное историческое свидѣтельство, свидѣтельство *Феофана Прокоповича*. Популярность Млодзяновскаго возросла къ этому времени до такой степени, что подражаніе ему доходило до увлеченія, сдѣлалось своего рода маніей. Въ своей риторикѣ, относящейся къ 1706 г., Феофанъ Прокоповичъ говоритъ, что *Млодзяновскій многими изъ Кіевскихъ академикствовъ наставниковъ принимается съ восторгомъ, что многіе чрезвычайнѣю одобряють и восхваляютъ Млодзяновскаго, и молодые студенты краснорѣчія только его и ставятъ для себя образцомъ подражанія*, что говорить въ это время что-нибудь *противъ Млодзяновскаго*—значило бы *возбудить неудовольствіе во многахъ* ²⁾). Въ письмѣ своемъ къ *Якову Марксовичу*, писанномъ уже въ 1716 г., вѣкорѣ послѣ первоначальнаго прибытія изъ Кіева въ Петербургъ, Ф. Прокоповичъ тоже

на латинскомъ языкѣ: *Ex libris Iosaphi Krokowski... Praefecti Collegii Kijowotomiliani, Professoris philosophiae, coenobii sancti Nikolai Eremitici Kijoviensis*. Кроме того, первые листы каждаго тома скрѣплены собственноручною надписью на польскомъ языкѣ: *Ta Księga własna jest Iosapha Krokowskiego, na ten czas Praefecta Collegium Kijowskiego, Professora filozofiey, kupiona z innymi trzema księgami do tego tomu kazaniey (sic) nalezaceyi za zlotych 30 bonce monetae. Anno 1686.*

¹⁾ № 1123 и 1124. Къ сожалѣнію на немъ не сохранилось никакой древней надписи. Это вѣроятно потому, что въ этомъ экземплярѣ недостаетъ первыхъ двухъ томовъ, (на коихъ особенно въ первомъ, вѣроятно, была какая-нибудь надпись), а есть только два послѣдніе—*третій* и *четвертый*. На нихъ читаемъ только слѣдующую собственноручную надпись *Иринея Фальковскаго*: «Изъ числа книгъ Кіево-Михайловскаго монастыря, переплетена вновь въ 1808 г. иждивеніемъ Иринея епископа Чигиринскаго».

²⁾ *Труды Кіев. дух. Академіи* 1861 г. Апрель. «Выдержки изъ рукописной риторикѣ Феофана Прокоповича», стр. 631 и 636.

упоминаетъ о тогдашнемъ увлеченіи проповѣдническими приемами (*концептами*) Млодзяновскаго, *доходившемъ до михорадожности*. «Мы также на своемъ вѣку не разъ уже видали въ нашемъ отечествѣ подобныя *ученыя михорадки*. *Лѣтъ пятнадцать тому назадъ* (значить какъ разъ къ началу XVIII в.) были въ модѣ такъ называемыя *концепты*. Церковныя кафедры оглашались тогда (увы!) чудными хитросплетеніями, напр., что значить пять буквъ въ имени *Марія*? почему Христось погружается въ Иорданѣ стоя, а не лежа и не сидя? почему въ водахъ великаго потопа не погибли рыбы, хотя не были сохранены въ ковчегѣ Ноевомъ? И давались на подобныя вопросы отвѣты самыя важныя и солидныя» ¹⁾. У вашихъ же русскихъ проповѣдниковъ конца XVII и начала XVIII в., вышедшихъ изъ Бѣвской Академіи и принадлежавшихъ въ такъ называемой *южно-русской проповѣдической школѣ*, можно замѣтить слѣды вліянія Млодзяновскаго? По моему мнѣнію, слѣды этого вліянія явственныи образемъ отражаются въ проповѣдяхъ *св. Дмитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго*.

Нѣкоторыя мѣста проповѣдей св. Дмитрія Ростовскаго представляются какъ будто буквально списанными у Млодзяновскаго. Таково, наприм., слѣдующее начало *прислуга*: «Гость есть въ Богоспасаемомъ семъ царствующемъ градѣ, слышатель мой прелюбезный! А гостю подобаетъ не безъ гостинца пріиходити къ честнымъ лицамъ, пишется бо: *да не явишися предъ Господомъ тоуцъ*» и т. д. ²⁾; или слѣдующее наприм. *толкованіе*: «Почто Петръ святой отвержеся Христа во время вольнаго спасительнаго страданія? *«Незнаю, рече, челоуька»*. *Скажутъ едиини вину туу, яко вѣдесея въ бесѣду съ женскимъ поломъ*. *«Вопроси*

¹⁾ *Труды Кіев. дук. Академіи*, 1866 г. Январ. «Письма Теофана Прокоповича», стр. 148.

²⁾ Соч. св. Дмитрія Ростовскаго. Кі-въ, 1837 г. часть II, стр. 289.

ею рабыня: оъ же рече. Та вопрошаеть, онъ же отвѣщаваеть. Не на всякій вопросъ, наипаче женскій, отвѣщавати треба, и той-то случай злый Петръ св. толь памятоваше добръ, яко потомъ, аще уже и съ святою женою съ Магдалиною, о воскресеніи Христовомъ благовѣствующею, не хотяше бесѣдовати, но бѣжаше: «Петръ же воставъ тече» ¹⁾).

Изъ проповѣдническихъ приѣмовъ Дмитрія Ростовскаго, въ вторыхъ очевидно несомнѣнное подражаніе Младзяновскому, отнѣтамъ слѣдующіе:

Для того, чтобы заинтересовать вниманіе слушателей, св. Дмитрій часто любитъ задавать и рѣшать *любопытные вопросы*; таковы, наприм. слѣдующіе: «Аще Господь нашъ хотяше во своемъ во Іерусалимѣ славномъ вшествіи показати смиренія образъ: то лучше бы показалъ, аще бы шёлъ пѣшо, или на простой телегѣ ѣхалъ. *Почто не инако входити изволилъ, токмо съдъи на ослѣ?*» ²⁾ Или: «прежде даже начну намѣбранное дѣло, *вже ко святымъ приписывати грѣшниковъ*, первѣе противу самого мене полагаю вопросъ: *можно ли грѣшному человеку быти «абіе» святымъ и со святыми имѣти мѣсто?*» ³⁾. Или: «можно здѣсь подумать, *для чего-то Христосъ Спаситель нашъ единымъ письменемъ весь законъ повершилъ, а письменемъ не илымъ комъ, ни азомъ, ни вѣдями, ни буками, ниже комъ илымъ, но іотою, сіестъ і десятиричнымъ?*» ⁴⁾. Или еще: «въ настоящее время зимы, васъ, слышателей, и себе щадя отъ мраза, немногая отъ нынѣ чтеннаго на литургіи Евангелія словеса приѣмлю въ толкованіи, но токмо едино слово сіе: *имушяя*— «жена имушяя духъ недуга»—и абіе вопрошаю, что есть се: *имушяя? Почему не рече и не написа евангелистъ: страж-*

¹⁾ II, 108.

²⁾ II, 74.

³⁾ II, 196.

⁴⁾ II, 332.

*дущая жена духомъ недуга, но имущая духъ недуга?»*¹⁾ Ещѣ: «*Кто въ началѣ Бога качаетъ нарицати Богомъ? Отъ чьихъ устъ во первыхъ то изыде слово Богъ? Речете, яко Адамъ первѣе всѣхъ Бога нарече Богомъ, или Ева. Наваномже, ни Адамъ, ни Ева»* и т. д.²⁾ и т. п.

Часто также св. Димитрій Ростовскій употребляетъ слѣдующій проповѣдническій приемъ. Приведши слово, или указавши на известный поступокъ какого нибудь библейскаго лица, св. Димитрій непременно хочетъ найти въ этихъ словахъ или въ этомъ поступкѣ какое нибудь *недоумѣніе*. Но послѣднее онъ высказываетъ предъ слушателями не просто, а непременно въ живой драматической формѣ. При этомъ проповѣдникъ или вступаетъ съ библейскимъ лицомъ въ диспутъ съ цѣлю, какъ самъ выражается, *поспорить* съ нимъ, *поправить* его, или же начинаетъ читать ему нѣчто въ родѣ выговора и правоученія, или же, наконецъ, подшучиваетъ надъ нимъ. Уже только послѣ такой драматической диверсіи проповѣдникъ начинаетъ рѣшать недоумѣніе, — и, разумѣется, въ этомъ рѣшеніи непременно возстановляетъ честь библейскаго лица, сказавшаго известныя слова или сдѣлавшаго известный поступокъ. Напримѣръ: въ одной проповѣди Димитрій Ростовскій говоритъ: «Видитъ Богословъ св. въ откровеніи ангела нѣкоего велика, сходяща съ небеси и поставивша нозѣ свои, какъ столпы огненныя, — одну на земли, другую на морі. Той имѣяше въ рудѣ своей книгу разгибенну, юже Богослову подаетъ глаголя: прійми и съѣдь ю. — О ангеле Божій! не вели книги той Богослову съѣсти. пожалуй первѣе дай намъ». Вообще же самый обыкновенный элементъ въ проповѣдяхъ Димитрія Ростовскаго составляетъ *остроумная шутливость*. Ни въ одной проповѣди сгѣ вы не замѣтите холодной сухости изложенія. Святи-

¹⁾ II, 421.

²⁾ II, 404.

тоже постоянно разнообразить свою рѣчь легкой, оживляющей и возбуждающей вниманіе ироніей. Шутливость и остроуміе особенно часто встрѣчается въ началѣ проповѣдей въ *присутствіи*. Вотъ на-
прихѣръ, какъ начинается свѣтитель Ростовскій проповѣдь *на день*
св. великомученика Димитрія. «Въ нынѣшній пятка день,
въ оный же обычно воспоминается вольное за ны страданіе Господне,
взирая умными очами на Голгоу, чувствительными же на якому
страданію Господню, вижду распята Господа моего на крестѣ,
вижду и война съ копіемъ окованнымъ стояща при крестѣ;
слышите ли возлюбленные! Вижду война съ копіемъ... Когого?
речете... Логгина сотника, его же глаголють прободша ребра
Христова и видѣвна кровь и воду метешую и свидѣтельствовавши:
воистину Божій Сынъ сей. Молю ты господине Логгинъ сотникъ
уступи ты съ сего времени на 16 число сего октября—на свою
память, и сего 26 числа дай при крестѣ мѣсто гостю, нынѣ насъ
честною памятію своею посѣтившему—св. великомученику Димит-
рію, прелюбезному ангелу моему, Солунскому воеводѣ... Можно
сотнику уступать мѣсто для воеводы ¹⁾. Проповѣдь изъ текста:
моляту бѣсы Іисуса: повели намъ итти въ стадо свиное
начинаеть такъ: «О бѣсахъ и о свиньяхъ не стоило глаголати,
но ниже помыслити хотѣхъ, слышите ли мои возлюбленные! о
бѣсахъ глаголати страшно, а о свиньяхъ стыдно»—и проч. ²⁾.
Въ словѣ на *Рождество Христова*, произнесенномъ въ 1698 г.
въ Черниговѣ, Димитрій Ростовскій начинаеть говорить та-
кимъ образомъ: «Пока сидѣлъ Богъ на небѣ на своемъ Божескомъ
престолѣ,—по то время никто не зналъ Его сокровенностей, Его
танствъ, даже наиблизайшіе Его, выну предстояція Ему свѣтія
ангелы. А какъ сошелъ съ неба на землю,—такъ о Его совре-
венностяхъ не только набожные люди, яко то св. Іосифъ, пра-

¹⁾ III, 280.

²⁾ II, 238.

ведная Солошия, не только важныя особы, яко три восточниі царіе, но простолудины, настухѣ бесѣдуютъ, глаголютъ, сопровождаемая разсказываютъ. Одинъ только воля съ ослонѣмъ молчать, *домъ и доліе азъкъ и млыонъ*. А почому звать, еслибы оселѣ илѣдѣ разумъ людскій, не помыслилъ ли бы стоючи при язелехъ: колибѣ тутъ былъ мой яредокъ—оселѣ той, который возвалъ на себя пророка Вазаама и говорилъ по человѣчески, конечно бы тутъ не замолчалъ. А воля что? Еслибы и той илѣдѣ разумъ, конечно бы помыслилъ: когда бы тутъ былъ воля оный, котораго Іезекииль видѣлъ между шестью крылами херувимскими—лице телече, той не только бы заговорилъ, но и восилѣ бы воплощенія Божія тайну» ¹⁾. Объясняя жъ одной проповѣди слова прер. Исаи: *се ты прежде испій скоро, стране Забулоня и земля Нефбалимля* (9, 1), св. Димитрій говоритъ: «любопытство мя влечетъ, хошу вѣдати, каковое то питіе, имъ же пророкъ Божій отъ Бога потчуетъ людей Божіихъ. Смотрю на конецъ главы осьмой, яко на верхъ чаши, по которой абіе девятая глава то потчиваніе начинается, и чаю—будетъ то медь сладкій, или ренное парадное, или есектъ, или гетерцаментъ, или илю нѣчто предрогощяное, и се вижу сопротивно: вижу нѣкую самую лютую пельннуну горестъ» ²⁾.

Замѣтно также у Димитрія Ростовскаго желаніе библейскіе предметы перелгать на современные яравы. Такъ апостоловъ онъ называетъ *дворянами Божіими* ³⁾, *Семя посадскимъ нлкимъ, простымъ во Іерусалимъ мужикомъ* ⁴⁾ говоритъ объ *узъдахъ Завулонскомъ и Нефбалимскомъ* ⁵⁾ и т. п.

Въ проповѣдахъ *Стефана Яворскаго* также легко замѣтити

¹⁾ II, 309.

²⁾ II, 363.

³⁾ II, 339.

⁴⁾ II, 361.

⁵⁾ II, 362.

сѣбѣ пріемонъ, внесенныхъ въ польскую проповѣдь Млодеяновскими. Въ доказательство приведемъ двѣ-три выдержки изъ нихъ. Въ словѣ на день *Николая чудотворца*, произнесенномъ 6-го декабря 1708 г. Яворскій говоритъ: «многихъ я ту знаю, которыми служатъ оная псаломская словами: *яко бритва изощрена сотвориша еси лествь*. Не вопрошите: какъ бртва лествь творить? Въ нынѣшняя времена сіе иначе видимъ. Обрѣтеть кто усъ или браву, наложитъ накладные волосы, мнимо быти по видимому млодь, а онъ—старъ. Видите, какъ лествь бритва сотворила. Глянешь на много: безъ усовъ, безъ бравы, въ накладныхъ волосахъ: мнимо быти нѣмчина, а онъ—русакъ. А кто сію лествь сотворилъ? бритва»¹⁾. Не правда ли, что это толкованіе *пристосовительно къ нравамъ* напоминаетъ Млодеяновскаго? А слѣдующее подтруниванье надъ словами Соломона развѣ не напоминаетъ того же проповѣдника: «Соломонъ премудрый въ притчахъ своихъ, хотячи лѣниваго человѣка научити бодрости и трудолюбію, посылаетъ его къ муравью и пчелѣ: *иди ко мравію о змие..* и проч. Что ся вамъ мнимо сицево Соломоново наставленіе лѣностному человѣку? Я такъ мню: аще бы то не Соломонъ написалъ, можно бы посылаться таковому наставленію—лѣниваго посылать ко мравію и пчелѣ и отъ нихъ учиться трудолюбію. О Соломоне! почитаю твою премудрость, яко отъ Бога данную; но въ тишинѣ и роскоши живучи, а воинскихъ трудовъ самими мусомъ незнаючи, сіе написалъ еси. Не къ муравью, не къ пчелѣ посплай лѣнивца въ наученіе: пошли его въ школу воинскую, дай ему въ руки мушкетъ; аще же въ тая времена мушкетовъ не было, дай ему въ руки лукъ, стрѣлы, мечъ, копье, покажи ему артикулы воинскіе и тыя ему вели опасно соблюдать подъ жестокимъ наказаніемъ: такъ лѣнивыи лѣности и уныніа

¹⁾ *Христіанское Чтеніе. Мѣс. 1807 г. «Независимая проповѣдь Ст. Яворскаго», стр. 831.*

забудеть, такъ навывинеть бодрости и трудолюбію. А отъ муравья чего научится лѣнивѣй? Развѣ чужую пашню веровати, чужими трудами насыщаться и на свою только пользу работати. А пчела какая мастерица учити лѣниваго трудамъ? Аще трудъ дастъ пчела, трудъ ея весь въ сладости, весь медомъ изобилуетъ»¹⁾. А слѣдующія двѣ выдержки, блистающія народными красотами рѣчи, развѣ не обязаны вліянію Млодзяновскаго? «Между людьми политичными прочета ю, да увѣмы, что написано и да научимся нѣчто отъ ней на пользу нашу, или поне ты устно намъ скажи, что въ ней написано. Не слушаетъ насъ ангелъ, ни книги прочести дастъ, ни устно что въ ней написано сказуетъ, а кончитъ Богослову велить: приими и снѣждь ю. Богослове святыи! отвѣщевой ангелу, «яко никогда же книги ядохъ, *ибо на то пишутся книги, дабы ясти я, но чести.* Аще книгу снѣмъ, и снѣмъ не прочетши, то кая ми будетъ польза, не увѣдавши, что въ ней написано!» Молчатъ Богословъ святыи, ангелу не прекословить» и проч.²⁾ Въ другой проповѣди: «Вспомяну еще здѣсь и Давида. Онъ боголюбецъ, хотя нѣкогда подати людямъ Бога въ познаніе и привлещи особенными доброты Его, глаголетъ тако: *скусите и видите, яко благъ Господь* и *отвѣдайте*, глаголетъ, и видите, яко благъ Богъ». Видится, *поспорилъ бы съ Давидомъ*, предоостерегая его въ рѣчи, что, сдается мнѣ, *не порядочно* говорить. Не глаголетъ первѣе: увидите, а потомъ—вкусите: видите и вкусите; но глаголетъ прежде вкусите, а потомъ увидите: вкусите и видите. *Но заступаеть его* глаголюще одинъ изъ великихъ церковныхъ учителей: престань укоризну Давиду въ глаголъ семъ давати: *добръ онъ глаголетъ*» и проч.³⁾ Въ

¹⁾ Христіанское Чтеніе, 1867 г. Іюль. «Неизданныя проповѣди Ст. Яворскаго», стр. 110.

²⁾ II, 184, 185. Тоже самое и въ другой проповѣди на стр. 214. Вообще Стефанъ Яворскій не однократно повторять себя въ своихъ проповѣдяхъ.

³⁾ II, 168.

другой проповѣди: «Давидъ во дни царствованія своего вѣсте ли, что согрѣши предъ Богомъ? Воспомяните краснолицную Вирсавію и мужа ея Урію. Вплотися Давидъ. прелюбодѣйственно въ плотскія грѣховныя сласти и уже къ нимъ обыче, не можаше престати; свѣдаяся же совѣстію о дѣломъ грѣѣхъ, и о покаяніи номышляя, и къ Богу воздыхая глаголетъ: *путь неправды отстави отъ мене и закономъ Твоимъ помилуй мя* (Псал. 118, 29). Давиде святыи! только ли воспечаловалъ еси о грѣѣхъ твоимъ, *яко едва ума не изступилъ еси*? Вѣси ли что глаголаши? *Не добри глаголаши*: люди ти осудятъ, се судить ти св. Амвросій, глаголя: «не глаголетъ Давидъ: отстави мене отъ пути и неправды, но путь неправды отстави отъ мене». *Исправися убо Давиде святыи* и рцы: «Господи! отстави мене отъ пути неправды!» А Давидъ, *никакоже слушая насъ*, воздохнувши къ Богу, своя словеса глаголетъ: *путь неправды отстави отъ мене!* Давиде святыи! *Всякъ человекъ разумный*, како идый, аще увѣсть, на комъ пути разбой великъ, обходить его и минуеть издалеца, а не о томъ просить, дабы той путь на иное мѣсто съ разбойниками былъ пренесенъ. А пойдетъ ли кто путемъ, на немже вѣсть разбой, разуменъ ли той будетъ? Разумъ естественный учить человека: не ходи путемъ неправды, не ходи; а пойдешь ли неразумиѣ сотворишь; въ разбойники впадешь. А Давидъ не обходя, ни минуя злаго пути, вопіеть къ Богу: не мене отъ пути неправды, но путь неправды отъ мене отстави. *Самъ разсуди Давиде святыи, какъ лучше*: путь ли злой издалеце обойти, или просити, дабы той путь прочь съ разбойниками былъ на иное мѣсто пренесенъ? Вотистину, лучше есть злое мѣсто минути. А Давидъ» и проч. ¹⁾. Вще: «Не всеу Давидъ молящеся: *отврати очи мои не видѣти суеты*. Реклъ бы кто: Давиде, *самъ отврати очи твои не видѣти суеты*, не гляди на суету,

¹⁾ II, 200. Тоже самое на 217 стр. тойже части.

отвратися отъ ней. А Давидъ отвѣщавае: нѣ, никакже могу сати собою нехъ отъ суеты! есѣеъ отвратити, развѣ всемогущій Богъ ихъ отвратитъ» и проч. ¹⁾). Еще: «Петръ, ишедь изъ корабля, хождаше по водамъ. Петре св.! лучше держаться съ другими апостолами ладомъ; выше мѣры своей не нищи: какъ тебѣ нужда по водамъ ходити ищущему ладю и могущему ладю прити ко Иисусу? Аще же дерзнуть еси, аще ногами твоими на водѣ утвердиши еси, не сумнѣвайся же, не бойся, поиди вѣромъ. Усумнѣлся св. Петръ, пооскудѣла: его вѣра, стаде маломѣренна, видя вѣтръ крѣпкомъ убоися и нача утонати. Видиши, Петре, что тебѣ принесе твое мнѣніе и неотребыя маловременныя, краткія вещи прошеніе. Надъ другими лучшиѣ, вышшиѣ, святѣйшии быти не желай и не мни о себѣ: се тѣмъ въ лодѣ сидятъ, аще же по водамъ хожу» ²⁾). Еще: «Молитъ Петръ Господа: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь Господи!* Смотрите, какъ Градъ Петръ гостю, гостю возжеланному, гостю прелюбезнѣйшему, иисусу Христу, не съ тщиши къ нему руками, но съ *амалыамъ жестыицею*, се множествомъ многымъ рыбъ пришедшему, толь радъ—проситъ не къ себѣ, но отъ себе: *изыди отъ мене*, радъ тебѣ, поиди прочь отъ мене. Петре св.! что ты дѣеши, что благолеши! Поразсмотрися... осудятъ тебе всѣ люди: осудятъ люди политичнии, придворныи и рокутъ: Петръ!—не политичъ, не ладимъ, не радъ гостю—не приемишь, не чествуешь...—Обаче нельзя Петру св. слова своего, въ Евангеліи уже давно записаннаго и во всю землю и во всѣ концы вселенныя разшедшагоса, вранѣнити... Такъ тому быть: рекъ едвоюю, а всегда во всемъ мѣрѣ проповѣдуется.—Петре св.! Аще ты молчиши, повели мнѣ грѣшному нѣчто за тебя промолвити! ³⁾). Еще: «Приближается Товіа ко граду Раги именуемому, а ангелъ спутешествуяи ему, селѣ-

¹⁾ III, 171.

²⁾ II, 105.

³⁾ II, 335.

туеть женитву: есть здѣ мужъ, именемъ Рагуаль, ближній отъ рода твоего; сей имать дщерь именемъ Сарру, проси отца ея и дасть тебѣ ю въ жену. Ангеле св.! твое ли то дѣло—совѣтовати кому женитву? Не наче ли подобаше тебѣ. да совѣтуешши младому юношѣ чистое, безсупружное, ангельское житіе, а иъ женившимся и посягающимъ каа тебѣ нужда есть?» ¹⁾. Виде: «Здѣ воспомянемъ сіе: Царь царей и Господь господствъ явился вълюбленному своему наперстнику св. Іоанну Богослову, явлася же сине. *Держаше же св ручю своєю звѣздъ седмъ, и изъ усть ея мечь обюуду остръ ижежидише. Навимъ шудымъ мльнимъ подобри сине: прилчише звѣздаше во устахъ быти. а мечу въ рукахъ. Но кто отправлати начнетъ премудраю Господа? Богослове св.! ти наче нѣхъ всѣхъ ближайшій, любвеобильній Господу и дерзновеннѣйшій къ Нему, рци: Господи! повал то несидящая мода—мечь во устахъ неомти... Мечь наклонитъ до руть; перемѣни Господи, звѣзды положи окрестъ усть твоихъ, а мечь возьми въ рудя. Обиче Господь ни Богослова послушаетъ» ²⁾.*

«Волнъ быбаетъ укоряена, досада и безчестіе, егда кому рекутъ: что ты братъ, гдѣ ты бивалъ, что ты когда видалъ; въ запечку воспиталоя еси; только тебѣ свѣта, что въ оинѣ; не извѣдалъ ни поля, ни моря, прямою еси черепахомъ, которая изъ истинного своего жлица никогда не исходить, въ нейже родитоя; въ немъ и умираеть» ³⁾. «Бывають многіе такіе, которые себѣ рожатся. Иной уродитоя дармоѣдъ, напрасно хлѣбъ портитъ, напрасно мѣсто упражняетъ, пользы отъ него нимаюи: ни Богу свѣчка, ни людямъ щепка. А хотя у такого сундука будутъ полны, чтожъ, когда съ самого—что съ носла—ни млека, ни волны, потребитъ деньги его, нежели

¹⁾ III, 254.

²⁾ III, 4.

³⁾ *Ibidem*, стр. 103.

онъ самъ: ни его на войну, ни его въ посольство, ни его въ приказъ; куда князь, туда князь, бо родился Клымы. Такіе *себя родятся*. Иной уродится, о которомъ по смерти речи будетъ можно: уродился, окрестился, упися и умре: то такіе многіе бывають—*себя родятся*, а не людямъ, не Богу, не государству»¹⁾.

Такимъ образомъ вліаніе Мледзяновскаго на южно-русскихъ проповѣдниковъ несомнѣнно. Но оно не подчинило себя всего строя русской проповѣди, а вошло въ нее частію струею, и эта струя, довольно сдержанная и не распутившаяся до крайности, помогла даже оживленію русскаго проповѣднаго слова. Св. Дмитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій начинаютъ собою *новую эпоху* русскаго проповѣдничества, которая стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ *выше* прежней проповѣднической эпохи *Евфимія Славенскаго, Симеона Полоцкаго, Іоаннѣя Голтовскаго* и др. Въ этой послѣдней эпохѣ *преобладающею* стороною проповѣди былъ элементъ *эксластико-риторическій*. Любимою манерою проповѣдниковъ тогдашней эпохи было построение образовъ вычурныхъ, затѣйливыхъ и неестественныхъ. Проповѣдникъ, увлекшись архитектурною, такъ сказать, работою своего ума, терялъ почву изъ-подъ своихъ ногъ и мало обращалъ вниманія на то, соответствуютъ ли его построенія живой, дѣятельной и разнообразной дѣйствительности. *Преобладающею* стороною *новой* проповѣднической эпохи является элементъ *народно-художественный*. Сущность его большая или меньшая приспособительность проповѣди къ дѣйствительной жизни и содержаніемъ и формою. У *Стефана Яворскаго* элементъ этотъ даетъ чувствовать себя еще не во всей своей полнотѣ и законченности. Яворскій, съ своимъ изощреннымъ и необыкновенно гибкимъ умомъ, еще какъ будто стѣсняется снизить съ идеально-соверцательныхъ

¹⁾ *Ibidem*, стр. 111.

высотъ на почву простой дѣйствительности; онъ любитъ еще вращаться въ сѣрѣ грандіозныхъ, замысловатыхъ, образовъ, и больше всего, кажется, нравился ему величественный образъ *Иезекиилевой колесницы*. Зато, когда онъ, своимъ зоркимъ, провицательнымъ, сатирическимъ умомъ нисходитъ къ простой, обыденной жизненности, тогда нѣтъ равнаго въ мастерствѣ народно-художественной проповѣднической рѣчи. Полноту приложенія народно-художественный элементъ проповѣди нашель у *св. Димитрія Ростовскаго*. Если у *Стефана Яворскаго* онъ является только какъ бы тамъ и сямъ прорывающимися отрывками, то у *св. Димитрія Ростовскаго* онъ служитъ главнымъ, тамъ сказать, стволемъ проповѣднической рѣчи, составляетъ ея обыкновенную и постоянную манеру. Св. Дмитрій не любитъ отвлеченныхъ высиренностей, которыя, быть можетъ, показались бы и интересными для людей съ изощреннымъ умомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему хочется пустить въ ходъ замысловатое остроуміе, онъ всегда расчитываетъ на простое, обыкновенное, скоро дающееся пониманіе. Онъ всегда имѣетъ въ виду простой народъ и потому постоянно старается усвоить себѣ его простое, незатѣйливое, можно сказать даже младенческое мирозозерцаніе. Отъ этого рѣчь его принимаетъ иногда характеръ произведеній чисто народнаго творчества и дышетъ при этомъ всею прелестію народно-эпической художественности. Отъ этого при чтеніи его проповѣдей кромѣ душевной пользы чувствуется еще и высокое художественное наслажденіе. Кто не восхляцался и не услаждался читая наприм. то мѣсто въ проповѣди на *день св. великомуу. Евстафія Плакиды*, гдѣ св. Дмитрій Ростовскій, рѣшая вопросъ почему не сказано въ Евангеліи: «подобно есть царствіе небесное сокровищу сокровенному *во градѣ*», но сказано *на селѣ*», дѣлаетъ превосходное *олицетвореніе царствія небеснаго*, которое вездѣ ходитъ по городу и нигдѣ не находитъ себѣ мѣста, а

этому вынуждено оставить горожанъ и идти на село къ людямъ простымъ и бѣднымъ? ¹⁾).

Итакъ мы думаемъ, что вліяніе Млодзяновскаго на русское проповѣдничество было не безъ пользы. Но говоря такъ, не противорѣчимъ ли мы сами себѣ? Мы осудили направленіе данное Млодзяновскимъ *польской проповѣди*. Но, разсуждая безпристрастно, *sine ira et studio*, все ли можно осудить въ этомъ направленіи? Осуждая его, мы имѣли въ виду однѣ лишь его *крайности*, которыя вытекали съ одной стороны, изъ *духа церкви*, къ которой принадлежалъ Млодзяновскій, а съ другой— *духа національности*, которой онъ былъ вѣрнымъ сыномъ. Но нельзя отрицать и хорошихъ сторонъ въ проповѣдническомъ направленіи Млодзяновскаго. Можно ли, наприм., осудить эту живость и жизненность проповѣдей Млодзяновскаго, это желаніе проповѣдника постоянно примѣняться къ народно-общественнымъ представленіямъ и обычаямъ, и тому подобныя его качества и стремленія? *Крайности* Млодзяновскаго могли быть усвоены только его родною же проповѣдью. Духъ православной церкви и русскаго народа не могъ благоприятствовать ихъ всестороннему приложенію на церковной каеедрѣ. Вотъ почему на русское проповѣдничество могла въ большей мѣрѣ повліять только добрая сторона направленія Млодзяновскаго, которой, говоря, ни въ какомъ случаѣ нельзя отрицать въ немъ. Она-то и произвела на Руси то благотворное проповѣдническое движеніе, коего первоначальными и наиболѣе выдающимися представителями служатъ *св. Дмитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій*.

Но если крайности направленія Млодзяновскаго не могли быть опасны для русскихъ проповѣдниковъ уже установившихся, уже болѣе или менѣе искушенныхъ жизненнымъ опытомъ и достаточно проникшихся всюю важностію и серіозностію своего

¹⁾ Сочиненія св. Дмитрія Ростовскаго, часть 3-я, стр. 188—191.

пастырски проповѣдническаго слушенія, то для учащейся молодежи, для *студентовъ краснорѣчія*, онѣ могли показаться чрезвычайно соблазнительными, а вслѣдствіе этого легко могли сдѣлаться опасными и даже пагубными для ихъ будущей проповѣднической практики... Молодые умы способны къ увлеченію; и къ сожалѣнію. часто они увлекаются именно тѣмъ, что менѣе всего заслуживаетъ увлеченія. Такъ и здѣсь; *молодые студенты краснорѣчія въ Кіевской академіи могли ставить для себя образецъ подражанія* именно такіа стороны проповѣднической рѣчи уже пріобрѣтшаго популярности въ ихъ кружкѣ Млодзяновскаго, которыя менѣе всего достойны подражанія... На наставникахъ академіи лежалъ, поэтому, прямой долгъ—указать молодымъ людямъ эти стороны и растолковать имъ всю несостоятельность ихъ увлеченія. Случилось такъ, что разобрать Млодзяновскаго критически выпало на долю такого наставника академіи, который по своимъ симпатіямъ и антипатіямъ, а быть можетъ тоже и по своей молодости, не могъ отнестись къ дѣлу хладнокровно и съ полнымъ безпристрастіемъ... Отдавая должную справедливость общему и основному взгляду критика на проповѣдническое искусство, вполне цѣня и уважая этотъ взглядъ и сочувствуя ему, мы все же должны замѣтить, что сдѣланная критикомъ оцѣнка Млодзяновскаго, при всей своей вѣрности, мѣткости и основательности, не свободна и отъ нѣкотораго рода *увлеченій*... По всему видно, что критикъ писалъ ее *cum ira et studio*.

Въ пору самой большей популярности Млодзяновскаго въ Кіевской академіи, каедру *реторики* въ этой послѣдней занималъ знаменитый *Феофанъ Прокоповичъ*, тогда еще очень молодой и только что возвратившійся изъ своихъ заграничныхъ странствованій. «Феофанъ Прокоповичъ», скажемъ словами переводчика *выдержекъ изъ его рукописной реторики*, воспитывавшійся нѣсколько времени у іезуитовъ, имѣлъ возможность хорошо познакомиться съ обратной стороною благочестивой снаружи ихъ жизни

и возненавидѣлъ ихъ всѣми силами своей души. Его пылкая душа не могла удержаться отъ ѣдкихъ выходокъ противъ іезуитовъ и вообще противъ панкетовъ, и онъ щедро расточалъ эти выходки къ дѣлу и не къ дѣлу. Особенно въ молодые годы свои онъ любилъ рѣзко высказываться, заявлять свои симпатіи и антипатіи. Въ молодые годы онъ преподавалъ въ Кіевской академіи сначала *лѣтнику* (1705 г.), а потомъ *реторику* (1706 г.) *Какъ, по видимому, мы мало относимся эти науки къ предмету его ненависти*, однако и здѣсь онъ успѣлъ заявить себя противъ іезуитовъ и притомъ самымъ рѣзкимъ образомъ¹⁾. До *лѣтники* намъ теперь вѣтъ дѣла; но что касается *реторики*, то едва ли она *мало относилась къ предмету ненависти Прокоповича, т. е. къ іезуитамъ*. *Реторика* была въ то время вѣстѣ и *гомилетикой*, была *наукою краснорѣчія вообще*. А законодателями краснорѣчія вообще и въ частности краснорѣчія гомилетическаго, проповѣдническаго были въ то время іезуиты, въ рукахъ которыхъ находились тогда всѣ польскія школы, все польское просвѣщеніе. Когда реторику въ Кіевской академіи преподавалъ Прокоповичъ, тогда законодателемъ краснорѣчія или, какъ выражается самъ же Прокоповичъ, *главою ораторовъ*²⁾ слылъ *іезуитъ Тома Млодзяновскій*. Въ лекціяхъ *реторики* Прокоповичу было какъ нельзя болѣе кстати разбить пьедесталъ, на который поставленъ былъ человекъ, бывшій членомъ *общества*, такъ горячо имъ, Прокоповичемъ, возненавидѣннаго...

По мнѣнію кіевскаго учителя *реторики*, проповѣдническое направленіе Млодзяновскаго, «причиняло большой вредъ краснорѣчію и даже *государству* и религіи, и потому онъ рѣшился подвергнуть преслѣдованію эту заразу въ лицѣ ея виновника»³⁾.

¹⁾ Труды Кіевской духов. Академіи, 1865 г. апрѣль стр. 614.

²⁾ Ibidem, стр. 386.

³⁾ Ibidem.

Подвергнувъ критическому разбору *казнодѣйское: художество* главы польскихъ ораторовъ, Прокоповичъ чрезвычайно вѣрно подмѣтилъ въ немъ *два* крайности, два существенные недостатка. Первый—это *остроумный схоластицизмъ*, имѣвшій цѣлью завлечь любопытство слушателей. Прокоповичъ даетъ ему имя *куръезная слова*. Выраженіемъ послѣдняго служили такъ называемые *концеты*, предлагавшіеся большею частію въ видѣ замысловатыхъ, но часто совершенно пустыхъ *вопросовъ*. «Самый обыкновенный недугъ нашего времени, говоритъ Прокоповичъ, есть тотъ, который мы не безъ основанія назовемъ *куръезнымъ слогомъ*; потому что въ числѣ другихъ средствъ для пріобрѣтенія научной знаменитости ученые хвастуны, особенно усвоили себѣ манеру говорить что нибудь *удивительное, необыкновенное и неожиданное*. Они выдумываютъ куръезныя, но совершенно смѣшныя и вялыя умствованія: почему въ имени Св. Дѣвы или Іисуса Христа находится пять буквъ, почему Богъ чрезъ пророка сказалъ такъ, а не иначе, почему что нибудь написано или сдѣлано такъ или иначе? Достопочтенный отецъ Млодзяновскій *не знаетъ другою красноречія*, кромѣ подобныхъ умствованій, и такимъ образомъ весь состоитъ изъ этихъ пустяковъ»¹⁾. Другой существенный недостатокъ, подмѣченный Прокоповичемъ у Млодзяновскаго, касается *народной* стороны его казнодѣйскаго художества и состоитъ въ *неприличныхъ шуткахъ*. Шутки эти выражаются, главнымъ образомъ, въ переходящей всякія границы фамилярности казнодѣи съ священными лицами и предметами. «О предметахъ самыхъ возвышенныхъ, самыхъ святыхъ Млодзяновскій выражается площадными словами». Шутки Млодзяновскаго, безъ *которыхъ онъ*, по убѣжденію критика, *не можетъ жить ни одного часу*, Прокоповичъ раздѣляетъ на три рода: однѣ чрезвычайно *дерзкія и напыля*, когда наприимѣръ онъ произноситъ дроническія

¹⁾ Ibidem, стр. 627 628.

хрѣм на св. людѣхъ и ангелѣхъ; другія *мечетныя* и *срамныя*, когда напримѣръ онъ болтаетъ объ ангелѣхъ, принарядившемся для разговора съ женщинами и о подвѣрѣніяхъ касательно нещѣты Христовой ¹⁾; иныя отзываются *мечетными*, когда напримѣръ о Богѣ говорится, будто бы Онъ на совѣтъ премудро что нибудь устроилъ, или будто бы Онъ подвергается опасности ²⁾.

Все это совершенно справедливо... Справедливы и многія другія божье частыя замѣчанія Прокоповича. Правда напримѣръ и то, что «словамъ священнаго Писанія, объяснить которыхъ объидается въ преступѣ. Млодзяновскій часто даетъ смѣшныя, сумазбродныя и большею частію неблагочестивыя толкованія и для подтвержденія послѣднихъ съ натяжкою и насиліемъ приводитъ св. отцовъ» ³⁾. Правда и то, что у Млодзяновскаго рѣдко когда можно найти *здравыя доказательства* и *единство частей*...; правда и то, пожалуй, что «въ своихъ панегирикахъ онъ въ непрерывномъ теченіи рѣчи десять разъ или болѣе повторяетъ одни и тѣже слова разбавивши ихъ каними нибудь смѣшными разсужденіями и не отпуская при этомъ изъ виду *разращенныя и корыстолобивыя цѣли*» ⁴⁾. Правда, наконецъ, и то, что «Млодзяновскій *вездѣ* (справедливѣе бы сказать: *иногда*) говоритъ о себѣ съ чувствомъ достоинства, *вездѣ* нравится себѣ, *вездѣ* торжествуетъ, что легко замѣтять *разборчивыя критикѣ*» ⁵⁾. Все это, повтораемъ, правда, съ которою нельзя не согласиться... Но Ѳ. Прокоповичъ не довольствуется всеѣмъ этимъ... Ему непре-

¹⁾ *Подозрѣнія на счетъ нещѣты Христовой*, о коихъ упоминаетъ критикъ, были высказаны Млодзяновскимъ при толкованіи слѣд. словъ псалма: *Сядиши дщи и смѣждь и приклони убо твое. Kazania y Homilia*, т. 1. стр. 81—46.

²⁾ *Труды К. духов. академіи*, 1865 г. апрѣль стр. 633.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 635.

⁵⁾ стр. 636.

мѣдно хочется совершенно уничтожить Млодзяновскаго... Поэтому онъ не хочетъ видѣть въ немъ ни капли чего нибудь добраго и хорошаго, а находить въ немъ все, *рѣшительно все* дурнымъ и отвратительнымъ. «Скажите, есть ли *что либо серьезное и даль- ное* у этого кропатеда пустословія? Есть ли въ немъ хоть тѣнь ораторской опытности? Гдѣ наука составлять прѣступны, наобрѣ- тенная и переданная столькими ученѣйшими наставниками древ- ними и новыми? Гдѣ здравыя доказательства? Гдѣ душевныя дви- женія? Гдѣ необходимѣйшія въ священныхъ рѣчахъ заключенія? Гдѣ структура мѣрной рѣчи? Гдѣ украшенія, блескъ, остроумія, сила, важность и плавность? Гдѣ энергія, гдѣ тяжеловѣсность мыслей, гдѣ единство частей? *Совершенно нѣтъ никакого разно- образія*, безъ котораго краснорѣчіе ничтожно... Всѣ свои курь- озы Млодзяновскій составляетъ обыкновенно изъ однихъ разгово- ровъ и вопросовъ и притомъ безвкусныхъ»¹⁾.

Но Прокоповичъ идетъ еще дальше... Онъ совершенно опу- скаетъ изъ виду такъ называемую *вторую часть* въ проповѣдяхъ Млодзяновскаго, о которой во всякомъ случаѣ можно и должно сказать больше хорошаго, чѣмъ дурнаго...

Если критикъ хотѣлъ произнести свой приговоръ *не надъ однимъ только направлениемъ* Млодзяновскаго, *не надъ одной* только порожденной имъ *проповѣднической модой*, *не надъ всѣмъ* Млодзяновскимъ, *надъ всею его личностію*, какъ проповѣдника, то онъ непремѣнно долженъ былъ принять во вниманіе *всю пол- ному* проповѣдей Млодзяновскаго, долженъ былъ дать цѣну *всѣмъ* тѣмъ мѣстамъ въ нихъ, гдѣ выражается лучшее проповѣдническое сознаніе и настроеніе членодѣла, его такъ назвать, *проповѣдниче- ская исповѣдь*. Ф. Прокоповичу хочется произнести сужденіе именно надъ *всю личностію* Млодзяновскаго, какъ проповѣдника; но жадая, чтобы это сужденіе было *полнѣйшимъ осужденіемъ*,

¹⁾ Ibidem стр. 684 685.

онъ тщательно избѣгаетъ всего того, что могло бы послужить въ пользу разбираемаго имъ проповѣдника; и не хочетъ вспомнить о томъ, что могло бы представить Млодзяновскаго нѣсколько въ иномъ свѣтѣ.

Вторая часть въ проповѣдяхъ Млодзяновскаго, въ противоположность *первой*, отличается грустно-меланхолическимъ оттѣнкомъ. Читая ее, невольно вѣришь тому сохранившемуся преданію, что Млодзяновскій и самъ плакалъ на церковной кафедрѣ, и въ слушателяхъ возбуждалъ слезы. Что же говорить Прокоповичъ? «Млодзяновскій, кажется, составленъ не изъ души и тѣла, но изъ безвкусныхъ шутокъ, такъ, что безъ нихъ совершенно не мыслимъ. Прекрасно идетъ къ нему то, что *Марціалъ* въ 3-й книгѣ, 15 эпиграмѣ, остритъ надъ какимъ то *Кантіемъ-Рубомъ*: описывая его въ немного длинныхъ стихахъ, Марціалъ спрашиваетъ музу и узнаетъ на концѣ отъ нея, что Кантій *ничего больше не дѣлаетъ, какъ только смѣется*. Однакоже почитатели разбираемаго нами проповѣдника обыкновенно говорятъ, что Ома Млодзяновскій обладалъ такимъ *нѣжнымъ* благочестіемъ, что каждую написанную имъ проповѣдь, прежде произношенія, обливалъ непрестанными слезами. *Кто повѣритъ, чтобы человекъ, отъ природы созданный для шутокъ и смѣха, могъ когда-либо плакать?* Если же справедливо то, что говорятъ о немъ, то безъ сомнѣнія, это служить доказательствомъ его крайней глупости и легкомысленности, *если для него и эти шурушки казались достойными слезъ?* Скажите, пожалуйста, что у него *есть такое, что извлекало бы у слушателей слезы?* ¹⁾ Читателю извѣстно, что Млодзяновскій самъ иногда сознавалъ все неблагопріиміе своихъ схоластическо-шутовскихъ выходовъ, вообще всей своей *первой части*, изъ чего справедливо можно заключить, что предъ нимъ иногда предносился другой, лучшій, идеаль

¹⁾ Ibidem 684.

проповѣдника, и что только требованія вѣны заставляли его забывать этотъ идеалъ и служить богамъ чуждымъ... Прокоповичъ этого знать не хочетъ... «*Кто нибудь скажетъ, замѣчаетъ онъ, что Млодзяновскій не такъ чувствовалъ, какъ выражалъ словами. Желалъ бы я знать, какъ онъ чувствовалъ: я въ самомъ дѣлѣ (какова моя тупость!) не могу понять этого*... «*Что такое пристойная рѣчь, прибавляетъ критикъ ниже, это, я думаю, не приходило Млодзяновскому и на мысль*»¹⁾.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что Прокоповичъ не безпристрастно отнесся ко Млодзяновскому, что онъ, по справедливому замѣчанію Петрова, «*намыренно хотѣлъ очеркнуть главу польскими проповѣдниковъ, чтобъ отвлечь отъ него вниманіе молодыхъ студентовъ русскихъ*»²⁾. Недостатокъ безпристрастія въ Прокоповичѣ былъ такъ великъ, что показался замѣтнымъ даже для него самого, — а потому въ одномъ мѣстѣ онъ сталъ нужнымъ оговориться, что все сказанное имъ о Млодзяновскомъ, «*не по ненависти человѣческой сказано; потому что онъ, критикъ, умѣетъ уважать добродѣтель и во врагѣ*»³⁾.

Какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ заслуга Ф. Прокоповича въ исторіи русской православной гомилетики не подлежитъ никакому сомнѣнію... Своею рѣзкою критикою Млодзяновскаго онъ предостерегалъ кievскихъ студентовъ отъ увлеченія знаменитымъ польскимъ назидателемъ и заставлялъ ихъ относиться съ большою осторожностію и разборчивостію къ образцамъ польскаго церковно-ораторскаго искусства.

Но борьба Прокоповича съ Млодзяновскимъ и вообще съ польскими назидателями не остановилась на лекціяхъ *реторики* и *гомилетики*. Прокоповичъ продолжалъ гнать ихъ, можно ска-

¹⁾ Ibidem стр. 633—635.

²⁾ «Изъ исторіи гомилетики въ старой К. Академіи» — *Труды К. Академіи* 1866 г. январь. стр. 108.

³⁾ *Труды К. Д. Академіи* — 1865 г. апрѣль. стр. 606.

затѣ, до конца своей жизни, на всѣхъ своихъ профессіяхъ. Такъ, онъ открылъ противъ нихъ борьбу и въ лекціяхъ *Догматическаго Богословія*, въ бытность свою уже ректоромъ кievской академіи (1711—1715). Если въ *Риторикѣ* онъ возставалъ противъ польскихъ казначейевъ, какъ богословъ—*замилецъ*, то въ *Пролегоменахъ* къ своему *Православному христіанскому богословію* (Christianae orthodoxae dogmatico polemicae theologiae Theophani Prokopovicz Tom. I. *Prolegomena*), онъ возстаетъ противъ нихъ, какъ богословъ—*герменецъ и экзистецъ*, предлагающій правила нетиннаго, здраваго, православнаго *толкованія св. Писанія*. Здѣсь Прокоповичъ критикуетъ какъ основной взглядъ панистовъ на св. Писаніе, такъ и его результаты, проявившіеся вездѣ, и въ частности—въ проповѣдяхъ, при чемъ не забываетъ и своего стараго знакомаго—*Оумы Млодзяновскаго*. Въ главѣ VII: *de sacrae Scripturae necessitate* Прокоповичъ открываетъ, между прочимъ, слѣдующія *богохульства панистовъ противъ св. Писанія* (blasphemiae paristarum in sacram Scripturam): «Панисты, говоритъ онъ, а въ особенности тѣ изъ нихъ скопища, которыя зовутъ себя *иезуитами*, какъ будто иное Иисусъ, а иное Христосъ (и дѣйствительно, по ихъ мнѣнію, иное дѣло быть *иезуитомъ*, а иное—быть *христіаниномъ*), хотя иногда, какъ бы забывая свою природную склонность, по видимому, прекрасно говорятъ о свящ. Писаніи, это однако они дѣлаютъ лишь для того, чтобы обмануть простѣйшихъ. Когда же они высказываются серьезно и искренно, тогда не боятся самымъ дерзкимъ образомъ нападать на Божественныя словеса. Такъ, *Белларминъ*, хотя и говоритъ, что пророческія и апостольскія книги суть слово Божіе, суть истинное и основное правило (regula) вѣры (*Lib. I, de verbo Dei cap. I.*), однакожъ въ концѣ концовъ утверждаетъ, что св. Писаніе не есть нѣчто необходимое... *Cornelius-a-Lapide*, хотя и учитъ въ толкованіи (proemium) на Пятюкнижіе, что богословы должны руководиться ничѣмъ инымъ,

какъ только св. Писаніемъ, и имъ только доказывать свои положенія, однако, во многихъ другихъ мѣстахъ, предпочитаетъ Писанію авторитетъ папы. Ибо, гдѣ только онъ замѣчаетъ, что Писаніе противится папству, непремѣнно хочетъ, чтобы оно работало на нѣ. Онъ ясно говоритъ, что Писаніе не только должно быть принимаемо по волѣ папы, но что и толковать, т. е. обезображивать его нужно сообразно съ этою же волею папы. Разсуждая такъ, онъ очевидно лжетъ. Но нѣтъ нужды цитовать по одинакѣ этихъ господъ. Вездѣ они пишутъ и отъ всякаго изъ нихъ почти услышишь, что свящ. Писаніе есть *клямой учитель, мертвая и убивающая буква, мертвая чернила, чернильное богословіе*, и многія другія богохульства. Этимъ они весьма ясно показываютъ, что св. Писаніе противно имъ. Приведемъ томъ, нѣкоторыя ихъ возраженія показываютъ, что они сумасбродствуютъ не безъ основанія, именно, когда они говорятъ что св. Писаніе темно, неопредѣленно, обоудно, можетъ служить причиною заблужденій и ересей для непонимающихъ, нуждается въ толкованіи и пр. пр. На все это мы отвѣтимъ въ нижеслѣдующихъ словахъ». ¹⁾—Такой взглядъ папистовъ на св. Писаніе представлялъ имъ широкое поле для открытія въ немъ, по своему произволу, самыхъ многообразныхъ *смысловъ*. Одно и тоже мѣсто св. Писанія могло говорить въ ихъ рукахъ и то, и другое, и третье... «Мы, говоритъ Прокоповичъ,—не отвергаемъ совершенно всего этого, что иногда остроумно выдумываютъ римскіе схоластики. Но мы провозглашаемъ, что обычай ихъ, какъ бы ни былъ полезенъ,—въ томъ видѣ, какъ онъ господствуетъ у нихъ, есть самое гибельнѣйшее злоупотребленіе... Ибо, *во первыхъ*, они прибѣгаютъ къ этимъ смысламъ въ высшей степени произвольно и даже дерзко, а главное—безъ всякаго основанія, какъ бы неистовствуя и бѣснуясь. *Дальше*, поеред-

¹⁾ Prolegomena—§ 92. стр. 124—125.

ствомъ этихъ смысловъ, они приискиваютъ удобное убѣжище для всѣхъ заблужденій. Ибо, если что-нибудь возразить изъ св. Писанія противъ ихъ догматовъ, то они сейчасъ же скажутъ, что это нужно понимать не въ *буквальномъ*, но или въ *красноречивомъ*, или *аллегорическомъ* или *аналогическомъ* смыслѣ. *Кромѣ того*, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ учатъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ св. Писанія можно находить всѣ смыслы,—то изъ этого, дѣйствительно, должно, повидимому, слѣдовать, что св. Писаніе темно и обоудно,—чѣмъ они и отвлекаютъ учениковъ отъ чтенія св. Писанія. *Наконецъ*, надѣясь на триумвиратъ этихъ таинственныхъ смысловъ, они дерзко осмѣливаются доказывать Писаніемъ все, что угодно, даже то, о чемъ меньше всего говоритъ Писаніе¹⁾. «Нужно тщательно, поэтому, наблюдать,—говоритъ Пропоповичъ ниже,—какія слова Писанія слѣдуетъ понимать въ *собственномъ* смыслѣ, а какія въ *фигуральномъ* или *переносномъ*. Самые ясные и обильные примѣры злоупотребленія этимъ правиломъ мы видимъ въ папистахъ. Всѣ эти *болтуны*, коихъ зовутъ *казнодѣльями*, равно какъ и толкователи, крайне обезображиваютъ св. Писаніе для того только, чтобы вывести самыя негнѣныя аллегоріи, даже изъ такихъ текстовъ, которые они въ другомъ случаѣ сами же учатъ понимать просто и буквально. Во всякомъ текстѣ они усматриваются найти всѣ три, или четыре смысла. Открой и, хотъ мимоходомъ, прибѣги книги этихъ *болтуновъ*, и ты удостовѣришься въ справедливости нашихъ словъ. Не мѣшаетъ однако привести нѣсколько примѣровъ, шутки ради... Э *Царствъ*. XVII, 6. *Corvi adtulerunt panem Eliae*. Это мѣсто толкуютъ такъ: *corvi*—это міряне, *Eliae* т. е. монахамъ, *adtulerunt panem*—т. е. доставляютъ все необходимое въ жизни, и доказываютъ этимъ, что монахи должны быть питаемы даромъ мірянами, безъ всякаго собственного труда. Другое мѣсто—

¹⁾ Ibidem § 154, стр. 200—201.

1 *Тимоѡ*. III, 2: *Episcopus habeat unam uxorem*, которымъ какъ нельзя яснѣе доказывается, что священникамъ не должно воспрещать законнаго супружества, они толкуютъ такъ: *Episcopus habeat unam uxorem*: т. е. приходскій священникъ (*parochus*) долженъ имѣть одинъ пріютъ (*parochiam*) или, какъ еще безтолковѣе говорятъ эти варвары, одну *пробенду*. Еще: мѣсто I *Царств*. II. 8: *Domini sunt cardines terrae et posuit super illos orbem*. *Domini sunt cardines et posuit super illos orbem*—приводятъ въ доказательство достоинства *кардиналовъ* и толкуютъ такъ: *Domini* т. е. кардиналы. *Sunt cardines terrae*—т. е. суть кардиналы; думаютъ значить, что это мѣсто не однажды говоритъ о кардиналахъ, но что даже слово *domini* есть именительный множественнаго, когда на самомъ дѣлѣ это родительный единственнаго. Кто не посмѣется надъ этимъ?. Не могу опустить и того, какъ одинъ *крючкомтворецъ* изъ текста: Псал. VIII, 9—*Omnia subiecisti sub pedibus ejus, oves et boves universas insuper et pecora campi, volucres coeli et pises maris* доказываетъ въ проповѣди, что нужно поститься только въ 6-й день, т. е. въ субботу, ибо въ стихѣ этомъ устанавливается будто бы такой порядокъ пиши со дня воскреснаго. *Omnia*—все вообще—относится ко дню воскресному; —значить въ этотъ день все можно ѣсть; *oves*—къ понедѣльнику, *boves*—къ вторнику, *pecora campi*—къ средѣ, *volucres coeli*—къ четвергу или *diei Solis*, *pisces* же къ пятницѣ, а для субботы не остается ничего; поэтому, говорить, нужно поститься въ шестой день, т. е. въ субботу... Вотъ остроуміе!... Смотри, пожалуйста, дочего доходятъ эти *глупые модники*, когда думаютъ увѣрять себя, что легко приводятъ все и ко всему посредствомъ безразсуднаго произвола въ аллегоріяхъ... О, если бы мы мудрствовали лучше, о если бы по крайней мѣрѣ иначе!.... Ибо это *стадо ословъ* ничего больше не хочетъ и не знаетъ, какъ только говорить подобнымъ обра-

вѣдѣ...').—Въ главѣ X: *de sacrae Scripturae legitima interpretatione*, Прокоповичъ говоритъ между прочимъ: «Эту погрѣшность, т. е. будто св. Писаніе написано двусмысленно, неопредѣленно, темно,—утвердили *злоупотребленія проповѣдниковъ*, которые ни одного слова Писанія не оставляютъ безъ того, чтобы не перетолковать его въ ту сторону, въ какую имъ только заблагоразсудится. Тексты Писанія съ невѣроятною дерзостію и хищничествомъ поварачиваются ими то туда, то сюда. Примѣровъ много. Такъ, одинъ изъ этихъ *крючкотворцевъ*, возставая разъ противъ грѣха любострастія и назвавши любострастныхъ мушницъ жеребцами и ослами, а женщинъ—сѣномъ, привелъ въ подтвержденіе этого слѣдующій текстъ: *всякая плоть есть сѣно*.—Другой такъ толкуетъ притчу Христову о богачѣ, коему *убоизися нива* и который раздумываетъ поэтому, разорить свои малыя житницы и построить болѣе обширныя, возлагая всѣ свои надежды на свою провизію: подъ богачемъ, говоритъ проповѣдникъ, разумѣется самъ Богъ; подъ полемъ или обильной жатвой—добродѣтели пречистой Дѣвы; саму пресвятую Дѣву онъ называетъ житницею, которую Богъ чрезъ смерть разрушилъ, чтобы сдѣлать ее обширнѣйшею. Множество подобнаго сметя можно встрѣтить въ многочисленныхъ книгахъ этихъ *болтуновъ*, у *Карталены*, у *Дидея Ниссанскаго* и др. въ особенности же у *главы всѣхъ крючкотворцевъ*, который владѣетъ какъ бы монополіей всякихъ нелѣпостей и всякаго вздора,—у польскаго іезуита *Томи Млодзяновскаго*. Причина такого зла заключается въ томъ, что эти почтенные учителя не постарались о серьезномъ изученіи св. Писанія и рѣшились проповѣдывать не Христа, а себя самихъ. Этимъ, сами того не подозревая, они оказываютъ себѣ настоящую медвѣжью услугу, потому что даже у людей несвѣдущихъ и идіотовъ они не могутъ чрезъ это заслужить имени краснорѣ-

*) Ibidem: §§ 178, 179, 180, стр. 233—237.

чивыхъ ораторовъ. Они вовсе не заботятся о томъ, чтобы поглубже изслѣдовать то или другое мѣсто св. Писанія, но какъ попало приклеиваютъ его къ своему предмету. И все это съ тою цѣлю, чтобы начинить свои проповѣди краснорѣчіемъ. Дѣлается это вотъ какъ. Беретъ почтенный учитель Библию, а вмѣстѣ съ нею и обширѣйшій указатель къ ней, называемый *симфонією* или *конкорданцією*, присккиваетъ здѣсь сей-часъ названіе своего предмета, пробѣгаетъ потомъ длинный рядъ текстовъ, въ которыхъ встрѣчается это названіе и смотритъ, не можетъ ли какой-нибудь изъ нихъ подойти къ его предмету; если найдетъ, что—можетъ, то сейчасъ же тащитъ оттуда свою добычу... Такъ и вышеупомянутый текстъ: *всякая плоть есть сѣно*, показался крючкотворцу очень подходящимъ къ тому, къ чему онъ менѣе всего подходитъ. Такъ-то они злоупотребляютъ св. Писаніемъ и отсюда-то, поистинѣ, то богохульство, которое мы опровергнули выше, именно, что св. Писаніе обоюдно, неопредѣленно, двусмысленно, и пр. и проч.»¹⁾...

Нижѣ, разсуждая о томъ, чѣмъ долженъ руководствоваться желающій быть истиннымъ толковникомъ св. Писанія, Прокоповичъ говоритъ: «Прочь эта легкомысленность, этотъ зудъ, слажу болѣе—эта похоть гоняться за остротами и тонкостями и *приискивать*, какъ говорится, *кольнца въ тростникъ* (т. е. находить недоумѣніе тамъ, гдѣ совершенно яено. Пусто не чешутся у тебя руки для подобнаго рода занятія... Ибо тѣ, кои заразились этою похотью, *во первыхъ*, вмѣсто того, чтобы прилежно изслѣдовать смыслъ св. Писанія, ломаютъ голову лишь надъ тѣмъ, нельзя ли вывести изъ него чего нибудь чудеснаго и неожиданнаго; *во вторыхъ*, они почти-что не допускаютъ буквального смысла въ Писаніи, если только онъ не покажется имъ чудовищнымъ, заключающимъ въ себѣ какую нибудь нелѣпую

¹⁾ Ibidem § 151, стр. 196—197.

тайну. Поэтому, напр., если текстъ: *мамень—ублажице ежамъ*, или, какъ мы читаемъ, *зайцамъ*, вы захотите понимать просто, буквально, то они прогонятъ васъ со смѣхомъ и крикомъ... Даже отдѣльные слова и единичныя выраженія, которыя не требуютъ никакого изъясненія, будучи совершенно ясны сами по себѣ, они толкуютъ, ворочаютъ въ разные стороны, находятъ въ нихъ нѣчто таинственное и уры! окончательно обезображиваютъ ихъ! Такъ упомянутый выше іезуитъ *Млодаяновскій* въ текстѣ *Быт. II, 15*: *и взя Господь Богъ человека и сведе его въ рай сладости*—удивительно извращаетъ слово *взя*, объясняя или лучше потемняя его. Изъ него онъ выводитъ такую мысль, что человекъ не можетъ *самъ идти* къ добродѣтели, но что нужно *нести его* къ ней ¹⁾. Положимъ это и справедливо, но вовсе не вытекаетъ изъ упомянутого слова. Другой іезуитъ *Тома Блажъ*—въ текстѣ *Псад. XXI, 10*: *яко ты еси историй мя изъ чрева матери моея*—выкопалъ тайну въ словѣ *историй*: не хотѣлъ, говоритъ онъ, Христосъ *самъ выйти* изъ чрева пресв. матери своей; Ему такъ понравилась жилище во утробѣ дѣвы, что *не охотна, не по своей воли*, вышелъ онъ изъ нея, но нужно было Его *историть* оттуда... *Картагена*, францисканецъ, говоритъ, что о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы свидѣтельствуешь весь 84-й псаломъ... Нельзя и перечесть многого множества толкованій подобнаго рода... *Пожалуй, въ мнѣ есть остроуміе, но мнѣ того, что сообщаетъ достоинство остроумію, — мнѣ серьезности и твердости сужденія*... ²⁾.

¹⁾ *Kazanія y Homilii*—т. III, стр. 151—152.

²⁾ *Prolegomena*, § 166-я стр. 210—211.—Кстати будетъ теперь сказать нѣсколько словъ о той латинской *юбилейной* началу XVIII в., о которой мы какъ-то упомянули выше. Вотъ полное ея заглавіе: «*Dicenda Concionatoria, seu supplementum commentarii moralis in sacram Scripturam veteris ac novi Testamenti, ordine alphabetico in propositiones distributi ad usum concii*

И будучи уже епископомъ и стоя въ главѣ правительства русской церкви Ѡ. Прокоповичъ не пересталъ гнать польскихъ на-зидѣльцевъ. Если прежде онъ употреблялъ противъ нихъ всю силу своего слова, пропитаннаго ѣдкимъ сарказмомъ, то теперь онъ рѣшился оградить русскую проповѣдь отъ ихъ вліянія *малою законодательною* и вооружился противъ этого вліянія какъ власть имѣющій *канонистъ*. Въ *Духовномъ Регламентѣ* который, какъ

onatorum in dominicas et festa prorecti, ab auctore Fr. Angelo Ostrog Carmelita Antiqui Reg. Observ. Theologiae Magistro. Leopoli, 1728 anno.— Это родъ практической гомилетики для проповѣдниковъ. Въ ней, въ ал-фавитномъ порядкѣ, собрано множество темъ или предложеній исключи-тельно почти нравственнаго содержанія. На каждую тему приводится *несколько текстовъ изъ св. Писанія*, которые *толкуются* приличнымъ темѣ образомъ. Эти толкованія точь въ точь такія же, противъ которыхъ возстаетъ и примѣръ которыхъ приводитъ Ѡ. Прокоповичъ. Приведемъ на удачу нѣ-которые. Вотъ, напр. одно изъ предложеній на букву А: *Avaritia semper esurit ac sitit*—корыстолюбіе постоянно алчетъ и жаждетъ. Въ доказатель-ство этой истины приведены слѣдующіе тексты: а) изъ псалма: *dentes peccatorum contrivisti*—зубы грѣшниковъ сокрушилъ еси. Апостолъ говоритъ, что корень всякихъ золъ или грѣховъ, есть корыстолюбіе. Значитъ ко-рыстолюбцы постоянно ненасытны потому, что у нихъ *нѣтъ зубовъ*, безъ конхъ невозможно пищеваженіе, ибо сказано: *зубы грѣшниковъ сокрушилъ еси*.—Другое доказательство изъ того же текста: «почему боль зубовъ есть одна изъ непріятныхъ для человѣка? Потому, что праотецъ нашъ Адамъ, не-довольствуясь своею частію, но съ жадностію желая божественнаго, вку-силъ зубами яблоко съ древа познанія добра и зла.—б) *Terram comedes*—будешь ѣсть землю, сказалъ Богъ змію. Почему не траву, или по крайней мѣрѣ что нибудь изъ растительнаго? А потому, что змій не имѣлъ зубовъ для пережевыванія листьевъ травы. Ибо *Богъ сокрушилъ зубы грѣшниковъ*. с.) Лук. 15. Тема: *Electio dignorum ad honores*—нужно избирать въ почетныя должности однихъ лишь достойныхъ—доказывается текстомъ: *tibi dabo claves regni caelorum*. Почему Господь Іисусъ отдалъ власть своихъ ключей Петру, а не Іоанну? А потому, что Іоаннъ значить *благодать, gratia*. Іи-сусъ не хотѣлъ раздавать своихъ должностей *даромъ* или тѣмъ, кто ему понравился, но лишь заслуженнымъ, старѣйшимъ (стр. 169). Тема: *honestas politica non excludit a socio*—политичная благопристойность есть и на небѣ. Акторумъ 7. Св. Стефанъ во время своей смерти *vidit coelos apertos*

известно, составленъ Θεоданомъ Прокоповичемъ, въ главѣ о *проповѣдникахъ слова Божія*, мы читаемъ, между прочимъ, такую статью: «Долженъ всякъ проповѣдникъ имѣти у себя книги святаго Златоустаго и прилежно чести оныя; ибо тако приобучится складать чистѣйшее и яснѣйшее слово, хотя и не будетъ Златоустому равное. А *казнодѣйшиковъ лекомысленныхъ, каковые маняче польскіе бывають, не чель бы*».

Л. Мацѣевичъ.

et Iesum stantem. Почему не сѣдящаго? А потому, что Господь Иисусъ почитательно и съ любезностію приглашалъ въ небесное отечество пріятнаго небу гостя, хотѣлъ отдать честь первому мученику, вышелъ на встрѣчу, желая принять друга (стр. 247). Тема: *secreta servanda*—должно хранить секреты. Матѳ. 17: *visionem quam vidistis nemini dixeritis*...—Для чего свидѣтелями своего преображенія Христосъ сдѣлалъ только Моисея и Илію? А для того, чтобы они не пошли въ міръ прежде времени открыть тайну славы Христовой«—(Стр. 499) и т. под...

С Л О В О,

ПРОИЗВЕСЕННОЕ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ НА СВ. ГОЛГОѢ ВЕЧЕРОМЪ, ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ ПРИ ОВНОШЕНІИ ПЛАЩАНИЦЫ, 26 МАРТА 1871 Г.

Кто дастъ главъ моей воду, и очесемъ моимъ источникъ слезъ, да плачуся день и ночь о побѣжденныхъ дщере людей моихъ (Іерем. 9, 1)? Въ плачевное для Іерусалима время раздавался пророческій вопль сей. Время то прошло. Настало другое—еще плачевнѣйшее. Въ Іерусалимѣ произошло новое *побіеніе*, которому имени нѣтъ, примѣра не было, подобія не будетъ. Пророче Божій! Прекрати свой плачь о Іерусалимѣ, *остави мертвымъ погребсти своя мертвецы* (Мате. 8, 22), не рыдай надъ тѣмъ, что можно забыть, исправить, замѣнить, исцѣлить.. восплачь надъ неисцѣльнымъ и безвозвратнымъ! Сюда приди съ своею высокою богословною іереміадою, съ нами стань *сокрушень и скорбень, въ ужасъ объятый болъзнями, яко раждающія* (Іерем. 8, 21), у Креста сего всероднаго ищи слезъ всего міра о побіеніи.. *о дщере людей твоихъ, законопреступныхъ* (—9), *инусныхъ и постыдлыхъ* (—8, 12) по твоему же слову, а Сына человеческого, *яко анца непорочна и пречиста, Христа.*

Боголюбцы братія! На мѣстѣ семъ, въ минуты крайней тревоги и всякаго неудобства, люди, ничѣмъ не приготовленные для богомыслия—разбойники и воины—богословствовали. Намъ ли, отъ св. купели крещенія богословамъ, въ воспоминатель-

ный день страданій и смерти богочеловѣка, подъ неумолгающій гласъ церковныхъ богохваленій, не открытъ здѣсь устенъ для слова о Богѣ-Словѣ?

Но.. *кто дастъ главамъ нашимъ воду и очесамъ нашимъ источникъ слезъ, да плачемся и мы день и ночь* о томъ, что въ лицѣ избраннаго изъ поколѣній человѣческихъ, сдѣлали мы съ Божествомъ, благоволившимъ облечься въ нашъ смиренный образъ? То, о чемъ въ самыя рѣдкія минуты самаго высокаго увлеченія духовнаго могъ только сладостно мечтать земнородный—явленіе Бога въ очертательномъ и всѣмъ доступномъ видѣ совершилось, къ утѣшенію, похваленію и ублаженію всего человѣческаго рода. И иудействующій и язычествующій міръ могли отсалѣ безпрепятственно *видя Сына видѣть Отца*. и не имѣть нужды богѣ спрашивать у міра и у всего творенія Божія: *покажи намъ Отца*. Надъ чѣмъ усиленно и болѣзненно бился въ теченіе многихъ вѣковъ (уах! продолжаетъ и въ нашъ вѣкъ безъ нужды «бить себя») блуждающій разумъ мудралоубовъ, явилось, открылось, возсіяло на весь міръ непредвидѣннымъ и немислимымъ событіемъ—рожденіемъ отъ непорочной Дѣвы младенца—превѣчнаго Бога. Увидѣли всѣ, имѣвшіе очи видѣть, что зримое Начало всего сущаго не есть отрѣшенное отъ всего мыслимаго, безличное, безсвойственное и безыменное бытіе, а есть живый, умный, благій, правый, правящій, судящій и воздающій предъобразъ насъ самихъ. Какая радость для бѣднаго и смертнаго рода нашего! До сего бы только и дойти человѣку. Здѣсь бы и остановиться человѣческому уму.

Но.. *блаженныя тѣ очи, видѣвшія то, чего не видѣлъ Авраамъ, бесѣдовавшій съ Богомъ, какъ съ своимъ другомъ, не источали неудержимыхъ и непрестающихъ слезъ умиленія отъ единственнаго и неповторимаго видѣнія*. Люди не знали, какой цѣли сокровище имѣли въ рукахъ своихъ, и на какое позднее раскаяніе обрели себя. Не только мысль о Богѣ въ образѣ

человѣка, но и мысль о Христѣ въ лицѣ Иисуса, простаго галилеянина, не могла привиться къ понятіямъ предубѣжденнаго народа. Богочеловѣкъ вѣдалъ это, и охотно укрывалъ себя подѣ пророческимъ именемъ *Сына человеческаго*. Божественныя дѣла Его, между тѣмъ, не переставали глашать за Него, и въ обществѣ учениковъ Его не обвинуясь считали Его *Христомъ* и *Сыномъ Божиимъ*.. Пусть бы хотя на этомъ остановился человекъ!

Нѣтъ. Чѣмъ гласиѣе было свидѣтельство дѣлъ, убѣжденіе учениковъ и само, наконецъ, многократное неложное исповѣданіе «отца лжи», тѣмъ упорнѣе осчастливленный міръ возставалъ противъ новаго Божества. Учителю и Чудотворцу на каждомъ шагѣ перечли, поставляли вопросъ о правѣ, отказывали въ божественной власти (даже тогда, какъ видѣли ее неотразимо передъ собою), смѣялись надъ Нимъ, обзывали Его лжецомъ, обманщикомъ грѣшникомъ, бѣснующимся, сообщникомъ діавола (Онъ.. сообщникъ діавола!), хулителемъ, возмутителемъ, и, вмѣсто того, чтобы, такъ сказать, исчезать въ радости отъ небывалаго и неслыханнаго сочетанія божества съ человѣчествомъ, всѣми силами старались отречься отъ него, обличить, или разоблачить, въ разглашаемомъ и прославляемомъ Сынѣ Божіемъ простаго, всѣмъ подобнаго, человека, и ничего болѣе! Но.. пусть бы, наконецъ, уже этою, видимо напрасною, борьбою ограничился человекъ!

Еще разъ: нѣтъ! Напрасно свидѣтельствовалъ Іоаннъ. Напрасно глашали на весь міръ исцѣленные глухіе, нѣмые, слѣпые, хромые, прокаженные и разслабленные. Напрасно вопіали *каменіе* земли. Напрасно гремѣли пространства неба. Все, все напрасно! И утаивалъ Онъ свою божественную силу, и показывалъ ее всенародно. И оставлялъ безъ вниманія толки навѣтняковъ, и пытался опровергать ихъ. И запрещалъ называть себя Сыномъ Божиимъ, и доказывалъ свое не только сыновство, но и единство съ Богомъ. Еще и еще: напрасно! Закопѣлое невѣріе

многалось послѣднато, рѣшительнаго и завершительнаго доказательства его прѣстаго челоѣчества, Его: смерти. *Имя спасе, да спасеть и себе. Аще царь естъ Израилевъ, да снидеть со креста, и вѣруеть въ него* (Матт. 27, 42). Не снидеть Онъ, и не увѣруете вы, косные сердцець, еже вѣровати (Лук. 24, 25)! Не можемъ мы сказать уже: пусть бы они и оставались навѣкъ съ своимъ домогаельствомъ. Нѣтъ. Чуть мысль о *крестѣ* зародилась въ умѣ людей, какъ Невидимая Рука уже двинула его на Голгоѣу!

Что сказать? Вещь достойная изумленія: на сей самый крестъ указывалъ и отвергаемый пророкъ изъ Галилеи, какъ на послѣднее, и предуставленное, доказательство своего божества. *Егда вознесете Сына челоѣческаго*, говорилъ Онъ, *тогда уразумѣете, яко Азъ есмь, и о себе ничесоже творю* (Иоан. 8, 28). О крестѣ семъ, какъ о предѣлѣ своей проповѣди и жизни, Онъ давно уже и многократно, говорилъ частію намеками, частію прямо и поименно, давно предрекалъ свое осужденіе на казнь, указывалъ подробности своихъ страданій, и готовился къ неминуемому исходу. Время наконецъ наступило, и было до невѣроятности кратко. Предреченное все, одно за другимъ, исполнялось съ поражающею точностію отъ преданія ученикомъ до оставленія Богомъ... Ахъ, братія слушатели! Насколько просто и понятно первое, т. е. предательство ученика, настолько невѣстимо уму послѣднее. Какъ? Богъ, оставленный Богомъ!. Что это значить? Значеніе знаетъ только Оставленный. Мы употребляемъ собственное выраженіе Его, и затѣмъ предоставляемъ всякому самому доискаться искомаго. Спѣшимъ, однакоже, оговориться. *Оставленіе* не должно означать отдѣленія, ни отлаленія, еще менѣе поглощенія, исчезновенія и т. под. Въ немъ можно видѣть одно *разобщеніе* безстрастнаго божества съ страдающимъ челоѣчествомъ. Божество до послѣдней минуты Богочелоѣка оставалось присущимъ Ему: въ сознаніи цѣльнаго единоличнаго бытія, но

отсутствовало въ немъ своемъ прісновѣчному (Лук. 8, 46) слову и своимъ преестествоннымъ дѣйствіемъ. Оттого Онъ и не могъ спасти себя, спасавшій иныхъ, къ торжеству невѣрія. Оттого Онъ и вопіялъ на крестѣ горестно и страшно: *Боже мой, Боже мой! Всяку мя еси оставилъ*, къ отчаянію вѣрующихъ.

О, крестъ, крестъ!. И былъ ты, и пребудешь, вѣчно, во вѣкъ, *іудеомъ убо соблаамъ, эллиномъ же безуміе, самимъ же званъмымъ—Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 23. 24). Божія премудрость.. какиимъ образомъ? На крестѣ неутомимая *Истина* срътнулась съ молящею *Милостію*, а, съ другой стороны, взыскающая *Правда* облобызала всепрощающій *Миръ*. Прикровенное псаломническое богословіе объяснилось такимъ образомъ вполнѣ на блаженномъ для іудея, крестѣ. Премудрость Божія здѣсь обрѣла себѣ исходъ изъ нерѣшимыхъ отношеній свободной твари къ всемогущему Творцу. Божія сила.. въ какомъ родѣ? *Аще зерно пшенично, падъ на землю, не умретъ, то едило пребываетъ, аще же умретъ, много плодъ сотворитъ* (Іоан. 12, 24). Такъ бываетъ и должно быть не только въ нѣдрахъ земныхъ, но и въ высотахъ поднебесныхъ. Умеръ на крестѣ побѣдитель смерти, единый и единственный изъ смертнаго рода нашего, и вся, изшедшая изъ Него, *нова тварь* оплодотворилась зачаткомъ такой же побѣды, т. е. залогомъ воскресенія и жизни вѣчной. Еще ли не сила Божія, крѣпкая, поборающая и претворяющая, была тамъ, гдѣ мудрованіе эллина видить (да! продолжаетъ нерѣдко доселѣ видѣть) одно послѣднее безсиліе и прямое постыжденіе?

Но довольно богословствовать тамъ, гдѣ самъ Богъ-Слово въ теченіе шести часовъ только семь кратно отверзалъ уста свои. Переведемъ въ памяти сіи послѣдніе отголоски отходящаго съ земли богочеловѣчества.

Отче! отпусти имъ. Не видятъ бо, что творятъ, говорить, очевидно, *Богъ*.

Жажду! вопієть, видно, чловѣкъ.

Днесъ со Мною будети въ раи, опредѣляетъ Богъ.

Илі, Ілі, лимъ савахані, жалуется чловѣкъ.

Совершилася! объявляетъ Богъ.

Се сынъ твой. Се мати твоя. Заботится чловѣкъ.

Отче! Въ руцѣ Твои предаю духъ мой.. Кто произноситъ сіи послѣднія, печатотвенныя слова Евангелія? Богочловѣкъ.

Больше сего, братія, нечего услышать, и выше сего нечего сказать—съ мѣста сего.

Бъ тебѣ утреднюю, милосердія ради Себе истощившему непреложно, и до страстей безстрастно премоношнемуся, Слово Божіе! Миръ подаждь ми падшему, чловѣволюбче! Аминь.

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1871.

М А Й.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

- I. Книга пророка Іереміи. Рѣчи 39, 40, 41, 42;
гл. XXXVIII—XLVII. (*Переводъ съ еврейскаго.*) 257—272.
- II. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской духовной
Академіи - - - - - 1—52.
- III. Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей
Польшѣ. (Продолженіе.) *Н. Петрова.* - . 225—317.
- IV. О приобщеніи діакона при святомъ престолѣ и на
жертвенникѣ. (Отвѣтъ Константинопольскаго па-
триарха Григорія А. Н. Муравьеву.) - - 318—329.
- V. Синайское дѣло. Ст. 1. Изъ исторіи Синайскаго
управленія. *А. Воронова.* - - - - 330—401.
- VI. Письма къ обратившейся изъ протестантства въ
православіе. - - - - - 402—432,
- VII. Творенія бл. Іеронима. Противъ Ювиніана книга
2-я. (*Переводъ съ латинскаго.*) - - - 257—272.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Управленія.

1871.

Подписна принимается преимущественно **ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**; а также въ Москвѣ у книгопродавца А. О. Ферапонтова, въ Петербургѣ у книгопрод. С. И. Литова.

Цѣна за годовое изданіе журнала (12 кн., не менѣе 15 печат. лист. каждая) 6 руб. съ пересылкою; безъ пересылки 5 руб. 50 коп. По той же цѣнѣ можно получать «ТРУДЫ» за 1869 и 1870 годы. Оставшіеся въ редакціи экземпляры «Трудовъ» за первыя девять лѣтъ (1860—1868) продаются по *три рубля съ пересылкою*.

Цѣна отдѣльной книгѣ «ТРУДОВЪ» 50 коп. съ перес.

Въ той же редакціи можно получать «ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ», еженедѣльный журналъ, издававшійся до апрѣля 1871 года. Цѣна за годовое изданіе XXXIV года а также XXXI, XXXII и XXXIII годовъ 4 руб. съ пересылкою, а безъ пересылки 3 руб. Экземпляры «ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ» за первыя 31 годъ существованія журнала, продаются по 2 руб. за экзем. каждого года съ перес. Выписывающіе одновременно не менѣе 10-ти экземпляровъ «Воскреснаго Чтенія» прежнихъ годовъ платятъ только по 1 руб. 50 к. за экземпляръ и получаютъ бесплатно «УКАЗАТЕЛЬ» къ 25 годамъ Воскреснаго Чтенія. Цѣна Указателю отдѣльно—50 коп. Имѣются въ продажѣ слѣдующіе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XV (51—52), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59), XXIII (59—60), XXIV (60—61), XXV (61—62), XXVI (62—63), XXVII (63—64), XXVIII (64—65), XXIX (65—66), XXX (66—67).

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ БАЗИЛІАНСКАГО ОРДЕНА ВЪ БЫВШЕЙ ПОЛЬШѢ ¹⁾.

(Продолженіе).

2.

Внутреннее устройство базилианскаго ордена въ XVIII вѣкѣ развивалось изъ тѣхъ началъ, какія выработаны были базилианами во время скоровъ и волненій, сопровождавшихъ образованіе новой базилианской провинціи. Эти начала состояли въ ограниченіи и ослабленіи власти уніатской іерархіи надъ орденомъ и ея вліяніи на него, и собраніи всѣхъ уніатскихъ монаховъ въ одно пѣкое, подъ управленіемъ самостоятельнаго генерала ордена. Поэтому и внутреннее устройство базилианскаго ордена въ XVIII в. представляло изъ себя только дальнѣйшее и подробнѣйшее развитіе независимости базилианскаго ордена отъ уніатской іерархіи, и стремленіе къ внутренней организаціи ордена, на началахъ католической церкви, и къ уничтоженію разностей, существовавшихъ между двумя базилианскими провинціями.

Въ уніатской іерархіи различались два разряда іерархическихъ степеней: аббаты или архимандриты, составлявшіе низшую

¹⁾ Часть настоящей статьи отпечатана въ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1870 годъ. Но сравнительно съ текстомъ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ настоящей статьѣ одними значительными дополненіями и измѣненіями.

ступень униатской іерархіи, и епископы съ митрополитомъ. Отношеніе базилианъ къ тому и другому разряду униатской іерархіи было не одинаково: базилиане старались подчинить аббатовъ орденской власти и освободиться отъ вліянія и власти епископовъ и митрополита.

Извѣстно, что на Дубенской капитулѣ 1743 года аббаты устранены были отъ избранія въ протоархимандрита или генерала ордена, и этою капитулою сдѣлано было представленіе папѣ о томъ, могутъ ли они въ будущемъ времени быть избираемы въ генералы, или нѣтъ. Между тѣмъ, пока вопросъ этотъ рѣшался въ Римѣ и возбудилъ собою новый вопросъ о томъ, кому непосредственно должны подчиняться аббаты, митрополиту, или генералу ордена, — базилиане постоянно заявляли къ аббатамъ различныя притязанія, клонившіяся къ униженію аббатовъ и подчиненію ихъ ордену, и доходившія иногда до прямой обиды. Такъ напр. въ 1747 г. хотя аббаты и приглашены были униатскимъ митрополитомъ на генеральную Брестскую капитулу, но базилиане не помѣстили ихъ въ списокъ вокальныхъ капитулы и слѣдовательно лишили ихъ права голоса на капитулѣ¹⁾. Этимъ и объясняется, почему на той же Брестской капитулѣ сдѣлано было, безъ всякихъ возраженій съ чьей либо стороны, стѣснительное для аббатовъ постановленіе, «чтобы возводимые на вакантныя бенефиціи обращались къ провинціалу и его консульторию, испрашивая ихъ согласія на извѣстную вакантную бенефицію. По полученіи же согласія провинціала и его консульторіи, они должны обращаться къ достопочтеннѣйшему генералу, который, не найдши каноническаго препятствія, одобритъ представленное провинціаломъ лицо и благоволитъ изъявить свое согласіе. Если же онъ не получитъ той бенефиціи, которой про-

¹⁾ Конгрегация. Брестск. 1747 г., сес. 1. См. русск. сборн. Воинн. сем., № 1289.

смерть; то, если желаетъ быть возведеннымъ, долженъ просить другаго согласія на другую бенедикцію и потомъ остается въ повиновеніи у своихъ суперіоровъ, пока не войдетъ въ дѣйствительное владѣніе сей бенедикціей¹⁾. И только послѣ декрета 30 мая 1756 года, коимъ аббаты непосредственно подчинены были базилианскому генералу, они получили право имѣть голосъ на капитулахъ²⁾ пользоваться, наравнѣ съ провинціалами 11-ю лошадьми и имѣть изъ среды своей по одному скрутатору отъ каждой провинціи, для собиранія голосовъ на генеральныхъ и провинціальныхъ капитулахъ³⁾.

Едвали не большихъ результатовъ достигли базилиане относительно освобожденія себя отъ власти уніатскихъ епископовъ и митрополита. Послѣ Львовской капитулы 1739 года, на которой учреждена была новая базилианская провинція, признавшая было митрополита своимъ главою⁴⁾, Литовскіе базилиане ходатайствовали передъ папой объ ограниченіи епископской и митрополитчьеи власти надъ базилианскими монахами, согласно постановленіямъ Тридентскаго собора. Уніатскій митрополитъ и епископы протестовали противъ такого ходатайства Литовскихъ базилианъ, утверждая, что постановленія Тридентскаго собора, касающіяся церковной дисциплины, не относятся къ русской церкви⁵⁾; но же

¹⁾ Тамъ же, сесс. 5, § 22.

²⁾ Декретъ Конгрегаціи распространенія вѣры 30 апрѣля 1759 г. См. *Валле et Gregis Synagogam Pontificum...*, 1767 г., ч. 2, стр. 123—135.

³⁾ Декретъ той же Конгрегаціи 11 іюля 1763 г., тамъ же стр. 137—140.

⁴⁾ Акты этой капитулы въ рукоп. сборникѣ Волынской семинаріи, № 1289.

⁵⁾ Представленіе митрополита и епископовъ нагѣ, 1742 года, въ книгѣ: «*Sacra congregazione particolare de propaganda fide coram S.S. Domino nostro Benedicte papa XIV Kijovensia jurisdictionis pro Reverend. Domjno Floriano Hrebnicki Archiepiscopo Polocensi totiusque Russiae Metropolita cum Domino Protoarchimandrita O. S. B. Magni Ruthenorum Supplicatio facti et juris*, Римъ, 1755 г., Summarium, № 7.

видно, чтобы на ихъ протестъ обращено было какое либо вниманіе. Въ декреталѣ своемъ отъ 2 мая 1744 г., разрѣшая вопросъ о правѣ аббатовъ или архимандритовъ на избраніе въ генерала ордена и о томъ, кому они непосредственно должны подчиняться, — митрополиту, или генералу, папа замѣтилъ, что предшествовавшими декретами устраняются отъ сего избранія не аббаты, но епископы и митрополиты ¹⁾. Хотя здѣсь папа не дѣлалъ новыхъ постановленій и указывалъ только на прежніе декреты, но базилиане придали этимъ декретамъ новое значеніе, и когда на базилианской конгрегаціи 1747 года предѣдательствовавшій на ней администраторъ митрополіи Флоріанъ Гребницкій предложилъ базилианамъ приступить къ избранію генерала и другихъ должностныхъ лицъ ордена, то базилиане отвѣчали, «что они не могутъ приступить къ этому дѣлу, пока присутствующіе на сессіи превлечбѣйшіе господина Теофілъ Годебскій, епископъ Владимірскій и Брестскій, прототроній Россіи, а также Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ, епископъ Хелмскій и Бельзскій, не благоволятъ удалиться съ капитулы, какъ лица, стоящіе въ церковномъ отношеніи выше положенія простаго монаха, а потому прямо и ясно исключенныя послѣднимъ декреталомъ святѣйшаго господина нашего». Напрасно помянутые епископы указывали базилианамъ на древній обычай присутствованія епископовъ на базилианскихъ капитулахъ: они должны были оставить собраніе ²⁾. Скоро дошла очередь и до ограниченія власти самого митрополита надъ орденомъ. Въ 1751 году должна была собраться подъ предѣдательствомъ митрополита, генеральная базилианская конгрегація или капитула въ Брестѣ. Но митрополитъ отговорился болѣзнію отъ предѣдательства на капитулѣ и вмѣсто себя назначилъ пред-

¹⁾ *Bulle et brevis Summorum Pontificum...*, Почаевъ, 1767 года ч. 2, стр. 1—60.

²⁾ Акты Брестской капитулы 1747 г., сессіи 3 и 4. См. рукописный Сборникъ въ библиот. Волинск. семина., № 1289.

сѣдателемъ прототронія Россіи, епископа Владимірскаго и Брестскаго Феофила Годобскаго ¹⁾). Хотя митрополитъ имѣлъ полное право сдѣлать такое полномочіе, по праву, предоставленному ему на- сними нунціемъ въ Польшѣ ²⁾; но базилиане, собравшись на ка- питулу, протѣстовали противъ этой делегаціи на томъ основаніи, что будтобы митрополитъ имѣетъ право предсѣдательствовать на генеральныхъ капитулахъ не въ силу митрополитской своей власти, а только въ качествѣ папскаго делегата, рѣшили представить вопросъ этотъ на разрѣшеніе папы и только потому не распустили капитулы и признали Годобскаго своимъ предсѣдателемъ, что созваніемъ новой капитулы опасались причинить ордену излишніе расходы ³⁾. Конгрегація же распространенія вѣры, хотя декретомъ своимъ 26 ноября 1752 года и предоставила митро- политу право назначать вмѣсто себя въ предсѣдателя капитулъ другаго епископа тогоже обряда; но, согласно съ мнѣніемъ бази- лианъ, постановила, что митрополитъ имѣетъ право предсѣдатель- ствовать на генеральныхъ капитулахъ только въ качествѣ пап- скаго делегата ⁴⁾.

По мѣрѣ постепеннаго ограниченія власти епископовъ и митрополита, базилиане естественно получали все большія права и привилегіи, не всегда, впрочемъ, согласныя съ постановлені- ями римской церкви и правилами Тридентскаго собора. Предста- вители базилианскаго ордена жили въ Польшѣ и волей-неволей усвоили себѣ все недостатки кодьской націи и ея представитель-

¹⁾ Акты Брестской капитулы 1751 г., сессія 1, тамъ же; см. Почаев. архив., № 421.

²⁾ Письмо это отъ 27 янв. 1751 г. см. въ книгѣ: «*Sacra congrega- tione particulari de propaganda fide.* и проч., Римъ, 1735 г., *Summarium*, № 95.

³⁾ Акты Брестск. капитулы 1751 г., сесс. 1, въ рукописномъ Сбор- никѣ библиотеки Волын. сем., № 1289; см. Почаев. арх. № 431.

⁴⁾ *Bulla et brevia Summoции Редифици...*, Почаевъ, 1767 года, ч. 2, стр. 80—86.

ства. По польскимъ законамъ и обычаямъ, церковныя бенефиція должны были раздаваться только людямъ шляхетскаго происхожденія. Вслѣдствіе этого, всё мѣста монастырскихъ настоятелей, аббатовъ или архимандритовъ и другихъ должностныхъ лицъ ордена замѣщались почти исключительно монашествующею шляхтою, которая и подъ монашескою одеждою сохраняла свои шляхетскіе обычаи и замашки и стремилась создать изъ ордена свою монашескую республику, на подобіе Рѣчи-Посполитой польской. Что для свѣтской шляхты были польскіе сеймы, то для монашествующей шляхты—генеральныя конгрегаціи или капитулы: тамъ и здѣсь происходили шумныя сцены и беспорядки; тамъ и здѣсь члены сеймовъ и капитулъ раздѣлялись на партіи, подъ предводительствомъ какого либо свѣтскаго или монашествующаго магната, который на свой счетъ помѣлъ и кормилъ своихъ сторонниковъ и попугалъ ихъ голоса. Монашествующіе магнаты забывали о данномъ ими обѣтѣ непомогательства высшихъ должностей и, собираясь на генеральныя капитулы, запасались превосходными винами, дабы приобрести сторонниковъ и быть збранными на хорошую должность. Прикомная древній базиліанскій обычай открывать генеральныя капитулы постомъ, одинъ базиліанецъ замѣчаетъ: «но какимъ образомъ онѣ могутъ нынѣ начинаться постомъ, когда нѣкоторые угощаютъ отличными винами и проч. и обиваютъ пороги, выпрашивая для себя голоса и проч.»¹⁾ Какъ въ Рѣчи-Посполитой магнаты и шляхта постепенно ограничивали власть королевскую, расширяли свои права и вольности и въ тоже время своевольничали въ своихъ имѣніяхъ и угнетали низшій классъ народа, такъ и въ базиліанскомъ орденѣ монашествующая аристократія, имѣвшая право голоса на капитулахъ, постепенно ограничивала власть епископовъ и митрополита,

¹⁾ Regulae monasticae seu Constitutiones Josephi Wellatzi Rutski, рукопись Почаевской библиотеки, № 129-й л. 6.

расширила свои собственные права и привилегии и в то же время с низшими чинами обращалась как с холодами и рабами. (Сходство между базилианскими орденом и Ръчью-Посполатою — разительное, и митрополитъ Жоховскій былъ совершенно правъ, когда говорилъ о базилианскихъ «новой» республику хотять устроить эти любители новшествъ¹⁾).

По ходатайству базилианскаго прокурора въ Римѣ, папа разрѣшилъ базилианскому генералу изъ простыхъ монаховъ, во время прохожденія имъ этой должности, носить архимандритскія украшенія — митру, посохъ, наперстный крестъ и кольцо, дабы аббаты не признали скромно одѣтаго протоархимандрита, а также и въ видахъ обращения схизматическихъ монаховъ, обитающихъ въ ближайшихъ странахъ, кои вслѣдствіе того, что по преимуществу управляются носящими митру аббатами помянутого ордена, но не помянутой конгрегаціи, необходимо подчиняются генеральному суперіору, не носящему митры²⁾. На базилианской капитулѣ 1751 года предоставлено было протоархимандриту, по сложении съ себя этой должности, избрать по своему усмотрѣнію, какой либо монастырь, для резиденціи и управления, съ тѣмъ, чтобы ему дано было прелатство при первой открывшейся вакансіи³⁾. Не забыты были и генеральные консульторы и секретари. На Бреславской конгрегаціи 1751 года имъ предоставлено было право не жить при генералѣ и управлять отдельными монастырями, лишь бы эти монастыри находились вблизи резиденціи генерала; всѣмъ генеральнымъ чиновникамъ ордена увеличаны были

¹⁾ Письмо Митрополита Жоховскаго, писанное въ 1684 г. къ кардиналу Нерліо на латин. языкѣ, въ Почаев. арх., № 201, листъ 119.

²⁾ Булла Бенедикта XIV отъ 17 декабря 1751 г. См. *Villaret, brevium Summarum, Romaniae*, Почаевъ, 1767 года, ч. 2, стр. 62—70.

³⁾ Акты Бреславской Капитулы 1751 г., сессія 2, въ рукописномъ сборн. Волын. Сем., № 1289; см. Почаев. арх., № 431.

титулы, присвоенные имъ на Дубенской капитулѣ 1743 года ¹⁾ и отиѣнено постановленіе Дубенской капитулы о нововведеніи должностныхъ лицъ ордена и превращеніи его на высшія іерархическія степеня, дабы чрезъ нововведеніе достойныхъ лицъ на высшія іерархическія степеня не лишитъ церковь достойныхъ пастырей ²⁾. Напротивъ, права низшихъ монаховъ постоянно охранялись. На Брестскихъ генеральныхъ капитулахъ 1747 и 1751 годовъ дано было самое кривое толкованіе постановленію Дубенской капитулы 1743 года, о правѣ апелляціи противъ ревизіи провинціала. На этой послѣдней капитулѣ постановлено было, что обиженный ревизіей провинціала монастырь можетъ жаловаться на него протоархимандриту или генералу ³⁾. Но послѣдующія капитулы толковали, «что подъ именемъ апелляціи монастыря разумѣется апелляція къ достопочтеннѣйшему генералу, дозволенная однимъ только суперіорамъ, а не простымъ монахамъ» ⁴⁾. Лицамъ, находящимся въ монастыряхъ на послушаніи, запрещено было носить монашескую одежду ⁵⁾; ланки или ремесленники не допускались къ священному сану и должны были давать обѣтъ не искать сего сана ⁶⁾; даже оканчивающіе курсъ

¹⁾ Тамъ же. Генералу вмѣсто *reverendissimi* предположено было дать титулъ *perillustris reverendissimi*, провинціаламъ вмѣсто *religiosissimorum et admodum reverendorum*—*reverendissimorum*, консулторамъ и секретарямъ вмѣсто *venerabilium et admodum reverendorum*—*religiosissimorum et admodum reverendorum*. Титулы простыхъ суперіоровъ и монаховъ оставались безъ измѣненія.

²⁾ Тамъ же, сессія 2, § 14.

³⁾ Акты Дубен. капитулы 1743 г., сесс. 13, въ рукописномъ сборн. Волын. Семн., № 1289; см. Почаев. арх., № 279.

⁴⁾ Акты капитулы Брестскихъ 1847 года, сесс. 5, § 6, и 1751 г., сесс. 2, въ рукописн. сборн. библиот. Волын. Сем., № 1289.

⁵⁾ Акты провинціальной Бѣлостокской капитулы 1763 года, сесс. 7, § 1, въ Почаев. арх., № 337.

⁶⁾ Конгрегация Брестск. 1739 г. См. о ней декретъ Конгрегации распротр. вѣры отъ 11 іюня 1763 г. въ книгѣ: *Nulla et brevia Summorum Pontificum...*, Поч. 1767 г. ч. 2, стр. 137—140.

учени въ цескскихъ алуианатахъ и другіе неопрошенные не прежде допускались къ каноніи либо должностямъ и могли искать промоціи; какъ послѣ шестилѣтнихъ трудовъ въ преподаваніи наукъ въ школахъ или въ проповѣданіи слова Божія ¹⁾).

Св. Римскій дворъ, по видимому, замѣчалъ, что разные права и привилегіи испрашивались базиліанами только для выгоды суперіоровъ и начальствующихъ лицъ и не распространялись на рядовыхъ монаховъ, почти безправныхъ; а посему не разъ давалъ отказъ въ ходатайствѣ представителей ордена о дарованіи имъ нѣкоторыхъ правъ и привилегій. Такъ напр. Конгрегация распространенія вѣры не утвердила предполагавшагося введенія титуловъ должностныхъ лицъ ордена; отбывала поставленіе дозволяющее генеральнымъ консульторамъ и секретарямъ управлять монастырями; предоставляла право апелляціи на редицію провинціала не однимъ суперіорамъ, но и большей части монаховъ известнаго монастыря ²⁾); находила нецѣлесообразнымъ требовать отъ данковъ или ремесленниковъ четвертаго обѣда—не имать святи. сана, и жестоко имъ недопускать оладивающихъ нуровъ учениа въ цескскихъ алуианатахъ къ промоціи до истеченія 6 лѣтъ, и проч. ³⁾. Но Римскій дворъ исправлялъ только то, о чемъ базиліане представляли ему офанціальный путомъ, и могли не знать многого, что творилось въ ордонѣ негласно, въ силу давнихъ привычекъ и злоупотребленій. А въ базиліанскихъ монастыряхъ въ то время дѣйствительно много было нестроеній и безпорядковъ.

Всѣ нестроенія и безпорядки, существовавшіе въ базиліанскихъ монастыряхъ XVIII в. могутъ быть сведены къ тому об-

¹⁾ Анны Дубов. канитулы 1749 г., сесс. 13, § 18 въ рукописномъ сборн. библиот. Вол. Сем. № 1289; ен. Ноч. арх., № 271.

²⁾ Декретъ Конгрегациі распр. вѣры отъ 26 ноября 1732 г., въ книгѣ: Bullae et brevvia....., ч. 2, стр. 80—86.

³⁾ Декретъ той же Конгрегациі отъ 30 июля 1763 г., тамъ же стран. 137—140.

ному, молодежю, что распущенные и свесовольные прелаты пользовались почти неограниченною властью: въ своихъ монастыряхъ и орденахъ, а прелаты монахи были ихъ холодами, или лучши, рабами. Вотъ какъ описываетъ внутреннее состояние базилианцы же, следовательно свидѣтель безпристрастный и правдивый. Сверхіоры носили блестящія и драгоценныя одежды, еволяла; деньги и пользовались ими по своему произволу¹⁾. Эти деньги или отдавались настоятелями родственникамъ ихъ; навро на приданое²⁾; или употреблялись на разѣзды по гостямъ и пріемъ гостей въ самыя монастыри. Прелаты безъ нужды и съ большимъ роскошью разѣзжали до знаемыхъ местъ, такъ что «во котѣли безъ и выходить изъ наладовъ»; чуть не по цѣлымъ годамъ жили въ монастыря, «безъ товарищю, дѣлали свои поѣздкими излишніе расходы, неразумно били монастырей, любилъ лучше говорить о свѣтскихъ предметахъ; чѣмъ о своихъ монашескихъ; и своимъ наведеніемъ низвержили нареканіе на весь орденъ³⁾. Не любя бѣдить съ визитами, прелаты и сами радушно принимали гостей въ своихъ монастыряхъ. Поэтому они особенно любилъ монастыри, находящіяся въ городахъ, дабы постоянно имѣть гостей⁴⁾. Гостинница! обыкновенно, находилась внутри монастыря и устроилась почти рядомъ съ настоятельскими келліями⁵⁾. Но чаще бывало такъ, что настоятели принимали вельможныхъ гостей не въ монастырской гостинницѣ, а въ своихъ келліяхъ, и не только мужскихъ, но; — и съ соблазну братіи и стороннихъ, — даже женщинъ, бесѣдовали съ ними и предлагали имъ роскошное угощеніе. Для этого весь столовый приборъ изъ тра-

¹⁾ Regulae Monasticæ seu Constitutiones Jozephi Weliawini Rutaki, рукопись Почаев. библиот. № 129, листъ 31.

²⁾ Тамъ же; и, 8.

³⁾ Тамъ же, и, 10, 32 и 50.

⁴⁾ Тамъ же, и, 43.

⁵⁾ Тамъ же, и, 7.

позы переносился въ настоятельскія кельи; а монахи принуждены бывали откладывать обѣдъ или ужинъ на три или четыре часа послѣ положеннаго времени; и за это терпѣніе получали дурной столъ, хуже мущацкаго. Монашеская трапеза представляла изъ себя видъ грязнаго шипца для мужиковъ, безъ столоваго прибора, безъ стеклянной посуды; подавѣчниковъ и прищера: «Велико ли дѣло, — говоритъ авторъ приводимой нами рукописи; — дать нѣсколько нѣръ полотна на скатерти, или приобрести подсвѣчникъ и лампады! А почему этого нѣтъ?». Обѣдая въ своихъ кельяхъ настоятели нерѣдко уивались, а между тѣмъ посчитали себя обязанными давать братіи какое либо утѣненіе ¹⁾. При всеръ томъ; прелаты никогда почти не были удалены отъ своихъ должностей и только переищивались съ мѣста на мѣсто ²⁾; съ худшаго на лучшее ³⁾.

Совершенно въ другомъ положеніи находились простые монахи. Они пользовались всѣми правами и вольностями, такъ простые монахи не имѣли почти никакихъ правъ. Прелаты говорили, что монахъ отъ всего отрелся, и слѣдовательно для него не можетъ быть никакой обиды, особенно отъ настоятеля ⁴⁾; что монахъ безпрекословно долженъ повиноваться всякому началу нику, кѣховъ бы онъ ни былъ: «Палку поставятъ, — и той нужно слушаться»; — гласила тогдашняя базилійская пословица ⁵⁾. Поцъ предлогомъ монашеской нестяжательности, прелаты лишили своихъ монаховъ всякихъ удобствъ жизни: не говоря уже о дурномъ столѣ, монахамъ не давали необходимой одежды; вальдствие чего послѣдніе вопреки обѣту нестяжательности и правиламъ общежи-

¹⁾ Тамъ же, л. 17, 49 и 50.

²⁾ Тамъ же, л. 8.

³⁾ Тамъ же, л. 10.

⁴⁾ Тамъ же, л. 24.

⁵⁾ Тамъ же, л. 20.

⁶⁾ Тамъ же, л. 14.

тія, старались имѣть свою собственность, и только то считали общежительнымъ, что получали отъ настоятеля ¹⁾. Монашескія вещи были грязны, гадки и не имѣли никакой необходимой домашней утвари ²⁾. Нѣкоторые настоятели заставляли самихъ монаховъ топить себѣ печки ³⁾. Если простой монахъ несмѣлся, на монастырскія дѣла, изъ дорогу; то ему давалось только по 6 грошей на милью (10 верстъ) и мужицкіе кони, которые одна дѣлала по 5 миль въ день ⁴⁾. Монахи, занимавшіеся рукодѣіемъ, не имѣли отдыха ⁵⁾, и если бы имъ поручали дѣло, несоотвѣтствующее ихъ силамъ, то и тогда они не смѣли открывать рта предъ настоятелемъ, который считалъ себя въ правѣ, «по простонародному выраженію, дѣлать изъ монаха «слова и барана» ⁶⁾. Но если бы монахъ, въ свое назиданіе, указалъ на какое либо правило; то настоятели, сами преимущественно нарушавшіе правила, «сдва выговаривая слова, называли таковыхъ бунтовщиками, непослушными, и проч.» ⁷⁾, сами судили ихъ, безъ участія монастырской консулторіи, сами и наказывали ⁸⁾. По декрету Конгрегаціи распространенія вѣры 26 ноября 1752 года, суперіоры могли назначать своимъ монахамъ только медицинскія и исправительныя наказанія ⁹⁾; но не было съ точностію опредѣлено, въ чемъ состоятъ эти медицинскія наказанія ¹⁰⁾, а посему предметы употребляли ихъ по своему

¹⁾ Тамъ же, л. 31.

²⁾ Тамъ же, л. 24.

³⁾ Тамъ же, л. 17.

⁴⁾ Тамъ же, л. 32.

⁵⁾ Тамъ же, л. 30.

⁶⁾ Тамъ же, л. 28.

⁷⁾ Тамъ же, л. 29.

⁸⁾ Тамъ же, л. 21.

⁹⁾ Bullæ et brevia Summorum pontificum..., Почаевъ, 1767 г., ч. 2, стр. 80—86.

¹⁰⁾ Regulæ monasticæ..., рукоп. Почаев. библ., № 123 лист. 4.

произволу. Самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ было заключеніе въ карцеръ. Суперіоры все дѣлали по своему произволу, замѣчать авторъ приводимой нами рукописи; но если бы кто имъ замѣтилъ это, хотя бы изъ старшей братіи, того ожидалъ карцеръ. «Ничто,—говорить онъ, такъ скоро у насъ не бываетъ, какъ карцеръ или тюрьма; ибо на первое слово, ему (т. е. «прелату) неоправившемуся, онъ кричитъ: *до тюрьмы!, до тюрьмы!* И да простятъ имъ Богъ! сколько они обезчестили хорошихъ людей и довели до безнадёжной и худой жизни! Одни, «по мужицкому обычаю, оскорбляютъ, по своему усмотрѣнію, *наагами на мою*; другіе—иными наказаніями, даже до кровопролитія, и особенно тѣ, кои возведены въ начальники изъ «низкой и мужицкой жизни» ¹⁾. Настоятели имѣли у себя инціоновъ, которые должны были слѣдить за монахами и доносить объ ихъ проступкахъ настоятелю ²⁾. А за проступки монаховъ опять таки наказывали карцеромъ, въ который сажали также мужиковъ, слугъ, евреевъ и т. п., подомѣивавшихся потомъ надъ монастырскимъ карцеромъ и положеніемъ монаховъ ³⁾. Но не всегда монахи за свои проступки наказывались однимъ карцеромъ. «Нѣкоторые президенты или прелаты и сами наказываютъ и отходящихъ «отъ нихъ мараютъ и описываютъ другимъ,—и его принимаютъ «худо, лишь только онъ явится съ послушальнымъ листомъ» ⁴⁾. Даже должностныя лица монастыря, долженствовавшія быть помощниками и совѣтниками настоятеля, какъ-то:—казначей, прокураторы и т. п., смѣнялись чуть не каждый мѣсяць; «ибо иные «лишь только не понравятся одному прелату,—смѣняются безъ «совѣщанія» ⁵⁾. Такъ напр. въ Замосцскомъ монастырѣ въ одинъ

¹⁾ Тамъ же, л. 9, 18 и 33.

²⁾ Тамъ же, л. 7.

³⁾ Тамъ же, л. 18 и 33.

⁴⁾ Тамъ же, л. 12.

⁵⁾ Тамъ же, л. 24.

«годе същеще баше не преволу суперіора, а монашеству-щихъ лицъ»¹⁾).

Вслѣдствіе такого поведѣнія суперіоровъ и отношеній ихъ простымъ монахамъ, монастыри и монашеская жизнь въ базилианскомъ ордѣ приходили въ упадку. Значительная часть монаховъ или по цѣлымъ почти годамъ жила въ дворцахъ магнатовъ, забывая монашеское благочестіе и дисциплину и производила соблазны²⁾, или странствовала въ Валахію и Сіезь³⁾. Многие изъ хорошихъ людей сожалѣли о томъ, что вступили въ орденъ; потому что не соблюдается и не имѣетъ силы ни законъ, ни моридокъ; ни заслуга, ни обмоченіе, ни уваженіе. Но постоянныя ссоры, вражды, преслѣдованія, очерненія, недостатки въ необходимомъ и проч.⁴⁾. Если такіе люди не оставляли совѣтъ ордена, то единственно по невозможности сдѣлать это,—такъ какъ базилиане, боясь, чтобы легкостью выхода не уменьшилъ ордена, всячески старались затруднить его⁵⁾. Зато новые люди не могли съ охотой поступать въ орденъ. Вслѣдствіе этого монастыри наполнялись людьми негодными. Духовниками назывались люди худые и порочные, изъ коихъ многіе открыто нарушали печать исповѣди; проповѣдники считались только по имени и не провозносили проповѣдей⁶⁾. Но и это были лучшіе сравнительно—люди, которые одни способны были заниматься духовными упражненіями⁷⁾. Остальная братія занималась ручными трудами, или проводила время въ празности и промешающа отъ нея порокахъ.

¹⁾ Тамъ же, л. 46.

²⁾ Тамъ же, л. 43.

³⁾ Тамъ же, л. 18 и 19.

⁴⁾ Тамъ же, л. 50.

⁵⁾ Тамъ же, л. 18.

⁶⁾ Тамъ же, л. 8.

⁷⁾ Тамъ же, л. 9.

Въ базиліанскихъ монастыряхъ считались полезными одни только ручные труды, съ тѣхъ, кои не занимались матеріальными трудами, очень многіе настоятели называли *дармождами*¹⁾. Къ числу *дармождовъ* относились не только больные и старики, для которыхъ настоятели желали бы устроить отдѣльный монастырь²⁾, но и миссіонеры и ученики. Несмотря на то, что нѣкоторые базиліанскіе монастыри основаны были единственно для миссій, эти миссіи не совершались, потому что миссіонерамъ ничего не получали на расходы и дорогу³⁾. «Нѣтъ ничего у насъ: несчастныя школы, — говоритъ авторъ приводимой нами рукописи, — си особенно учениковъ; ибо 1) студентовъ называютъ *дармождами*; 2) пользуются ими противъ профессоровъ; 3) отвлекаютъ ихъ; 4) не назначаютъ наказаній; 5) какъ бесполезныхъ, лишаютъ необходимаго»⁴⁾. «Способныя къ преподаванію лица худо распредѣлялись, назначались къ другимъ должностямъ, отвлекались и, въ случаѣ какого либо проступка, лишались должности преподавателя, хотя это лишеніе больше вредило самому ордену, чѣмъ имъ⁵⁾. Таланты убивались и дѣлались бесполезными: 1) вслѣдствіе большого притѣсненія и преслѣдованія, каковы напр. напрасно подвергнулись Грждельцкій, Борчинскій и др. 2) по недостатку удобствъ: — таже бѣдныя профессеры должны тратиться на диспуты; 3) отъ частой перемѣны; 4) вслѣдствіе назначенія къ низшимъ занятіямъ, или несприятнымъ для исполненія; 5) по отсутствію надежды на выслугу, ибо у насъ трудившіяся болѣе

¹⁾ Тамъ же, л. 30.

²⁾ Тамъ же, л. 24 и 43.

³⁾ Тамъ же, л. 29.

⁴⁾ Тамъ же, л. 14.

⁵⁾ Тамъ же, л. 45.

или мѣше ничего не можетъ ожидать или заслужить ¹⁾. Притокъ, матеріальные и нематеріальные труды неравномѣрно распредѣлялись между монахами; ибо иной дважды назначался лекторомъ, другой—никогда ²⁾. Весьма часто «одни прелаты служили въ праздники и не удостоивали другихъ этой чести» ³⁾. Нѣкоторые монахи ни одного дня не опускали безъ совершенія литургіи, а другіе, по лѣности и нерадѣнію, совершали ее весьма рѣдко. Въ самомъ богослуженіи царил удивительное разнообразіе и безобразіе, «такъ что, по видимому, сколько было чловѣкъ, столько и молитвъ, особенно отъ того, что неученые о знающіе только русскій языкъ, также перенедшіе изъ латинскаго обряда, а равно все время проводившіе въ школахъ, по упорству не хотѣли ни научиться, ни соблюдать строго». Забыты были метаніи, взаимныя благословенія и другіе благочестивые обычаи православной церкви, изъ ложнаго опасенія навлечь на себя подозрѣніе въ схизмѣ и изъ желанія примѣниться къ обряду латинскому. Последнимъ особенно отличались монахи, переходившіе въ унию изъ обряда латинскаго и имѣвшіе какъ бы врожденное отвращеніе отъ обряда греческаго, а также люди, воспитывавшіеся въ алмонатахъ и напоенные здѣсь разными нечѣлыми мнѣніями и предубѣжденіями ⁴⁾.

Наконецъ, между базилианами очень много было такихъ, кои, не занимая по монастырю никакихъ должностей и не имѣя опредѣленныхъ занятій, предавались чрезвычайной праздности ⁵⁾. Отъ нечего дѣлать, между монахами развелось много пьянствъ ⁶⁾; монашескіе обѣты нарушались почти постоянно. Въ монастыряхъ

¹⁾ Тамъ же, л. 46.

²⁾ Тамъ же, л. 2.

³⁾ Тамъ же, л. 30.

⁴⁾ Тамъ же, л. 35.

⁵⁾ Тамъ же, л. 30.

⁶⁾ Тамъ же, л. 18.

формально допущено было яденіе мяса ¹⁾; а нѣкоторые изъ базилианъ прямо изъявили желаніе, чтобы постъ соблюдался постоянно только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, остальные же монастыри были освобождены отъ него ²⁾. Духовныхъ упражненій и размышленій, предписываемыхъ базилианскими постановленіями, не дѣлалось ³⁾; выходъ изъ монастыря и сообщеніе съ сторонними ничѣмъ не контролировались ⁴⁾; нарушался объѣтъ нестяжательности и неизгнѣна частной собственности ⁵⁾. Монахи занимались пересудами и ссорами, хорошихъ людей называли честолюбцами ⁶⁾ и проч., ссорились между собою въ трапезѣ и спорили о мѣстахъ за столомъ, любили пѣсни, пирушки и свѣтскія игры ⁷⁾ ⁸⁾. Вообще, «ни суперіоръ, ни кто другой не зналъ, что такое соблюденіе правилъ ⁹⁾. Нѣкоторые живутъ такъ, что ни слова не знаютъ о правилахъ и не заботятся о нихъ, какъ будто бы ихъ не было; притомъ же, если и существовали какія либо правила, то они небыли ограждены страхомъ ¹⁰⁾. Зло развивалось тѣмъ безпрепятственнѣе, что сами визитаторы и кальсульторы не видали и воротъ монастыря и назначали въ монастыри настоятелей по однимъ только слухамъ ¹¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ, базилианскіе монастыри упадали: монастырское имущество пропададо, и въ важнѣйшихъ даже монастыряхъ библіотеки не

¹⁾ Тамъ же, л. 1.

²⁾ Тамъ же, л. 19.

³⁾ Тамъ же, л. 9.

⁴⁾ Тамъ же, л. 7.

⁵⁾ Тамъ же, л. 31 и 32.

⁶⁾ Тамъ же, л. 6.

⁷⁾ Тамъ же, л. 33.

⁸⁾ Тамъ же, л. 50.

⁹⁾ Тамъ же, л. 21 и 22.

¹⁰⁾ Тамъ же, л. 6 и 7.

¹¹⁾ Тамъ же л. 29.

были описаны, архивы въ безпорядкѣ, разницы же устроены Настоятели жаловались, что нечѣмъ содержать монаховъ. Тогда какъ одни монастыри основывались вновь, другіе прежніе чуть не разрушались ¹⁾.

Сами базилиане замѣчали разстройство во внутренней жизни своего ордена и дѣлали попытки къ ея благоустроению. Такія попытки дѣлались сначала раздѣльно въ русской или польской и литовской базилианской провинціяхъ, пока наконецъ не выработался общій для всего ордена кодексъ базилианскихъ конституцій или постановленій.

Со стороны русской или польской базилианской провинціи попытка къ опредѣленію жизни исходила изъ монашескихъ правилъ св. Василія Великаго. Еще въ 1686 году іезуитъ Теофілъ Рутка издалъ на польскомъ языкѣ книгу, подъ заглавіемъ: *S: Bazylusz Wielki zycia zasobnego w Cerkwi Swietey Wschodney patriarcha y fundator przed tym w prawach zakonnych Greckim Lacińskim i Slowińskim, a teraz Polskim ięzykiem drykiem Swiata za dozwoleciem stawszych pokazany, to iest roku P. 1686.* Книга посвящена была Руткой базилианамъ и едвали не была въ употребленіи даже въ православныхъ монастыряхъ ²⁾. Когда же на Львовской капитулѣ 1739 положено было образовать изъ униатскихъ монастырей Владимірской, Луцкой, Хелмской, Львовской и Перемышльской епархій особую базилианскую конгрегацію, съ особымъ протоархимандритомъ; то эта новая конгрегація, какъ состоявшая большею частію изъ недавно совращенныхъ въ унию монастырей, не довольствуясь сборникомъ Литовскихъ конституцій

¹⁾ Тамъ же, л. 24.

²⁾ Къ этому предположенію приводитъ насъ надпись на одномъ экземплярѣ этой книги находящемся въ библіотекѣ Волынской семинаріи: Сія книга монастыря Подгорѣцкаго Пляницкаго словемаго храму Преображенія Господня записана року 1695 за игуменства отца Наренія Хомѣвскаго. См. польск. библіот. № 1.—

Льва Бишии, рѣшила составить свой сборникъ, на основаніи правилъ св. Василія Великаго. Таковой сборникъ и составленъ былъ вѣроятно, избранными на Львовской конгрегаціи 1739 года въ протоархимандриты русской конгрегаціи Патриціемъ Жиравскимъ, и притомъ на основаніи указанной нами книги іезуита Рутки; потому что на одномъ экземплярѣ послѣдней книги мы нашли замѣтку, что «на время позывалъ эту книгу въ монастырь Универсiйскій всендѣзъ Патрицій Жиравскій, закону св. В. В. протоархимандритъ ¹⁾. Сборникъ вышелъ въ 1740 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Ustawy Swiatego Oycza naszego Bazylego Wielkiego w krótcie zebrane w Konwencie Poczajowskim zakonu tegoż w roku tysiąc siedmiesiąt czter-dziesiątym przedrukowane*, и заключалъ въ себѣ трактаты о цѣли монашескаго житія, о средствахъ къ этой цѣли — нищетѣ, чистотѣ и послушаніи, и объ общежитіи ²⁾.

Но базилиане русской провинціи не долго руководились этимъ сокращеніемъ правилъ св. Василія Великаго. Какъ только папа отмѣнилъ, по интригамъ литовскихъ базилианъ, образованіе особой русской базилианской конгрегаціи, и какъ только на Дубенской капитулѣ 1743 года состоялось соединеніе русскихъ и литовскихъ базилианъ въ одну конгрегацію, то на слѣдующей же генеральной капитулѣ 1747 года постановлено было ввести во всеобщее употребленіе по базилианскимъ монастырямъ сборникъ конституцій литовскихъ базилианъ. «Постановляемъ, — говорится въ актахъ этой капитулы, чтобы конституція нашего ордена, переведенная съ латинскаго языка на польскій, ежемѣсячно читались въ трапезѣ въ собраніи монаховъ монастыря ³⁾. Хотя въ 1851 году издано было въ Почаевѣ новое сокращеніе правилъ

¹⁾ Польская библиотек. Волын. сем. № 1.

²⁾ Экземпляры этой книги находятся въ библиотекахъ Почаевской Лавры и Волынской семинаріи.

³⁾ Ковгр. Бресток. 1747 г., сесс. 5, § 24. См. рукописи. Сборн. бабл. Волын. сем., № 1289.—

*

в. Василя Великаго, подъ заглавіемъ: «*Summariusz Regul Swiennego Ousa naszego Bazylego Wielkiego z Regul obszerniejszych y krotszych z konstitucyi mniskich y nauk iego zakonnych w krotce zebrauy, wydrukowany cum permissu Superiorum w Typografii I. K. Mosci Poczajowskiey u WW. OO. Bazyljanow, Roka Panskiego 1751*»; но уже въ этой книгѣ заключались не одни только правила св. Василя Великаго, а и постановленія римской церкви относительно монаховъ ¹⁾. Въ ней излагалось о цѣли монашескаго житія, о средствахъ къ этой цѣли, о принятіи въ орденъ и объ искусствѣ, о профессіи или принятіи обѣтовъ, о нищетѣ, чистотѣ, послушаніи, повиновеніи, терпѣніи, взаимной любви между собою и другихъ монашескихъ добродѣтелей и порокахъ, объ оградѣ, мѣстожительствѣ монашескомъ, молчаніи и разговорѣ, о скромности монашеской, о молитвѣ, испытаніи и размышленіи, исповѣди и причастіи, объ открытіи совѣсти предъ настоятелемъ, о проступкахъ и наказаніяхъ, о трапезѣ и пищѣ, о постѣ, одеждѣ монашеской, собственности, рукодѣліи, о настоятелѣ, викаріѣ, провинціальныхъ консультаціяхъ, о чиновникахъ монастырскихъ, о больницѣ и больныхъ. Въ концѣ книги приложены монашескія наставленія св. Василя Великаго и два декрета папы Климента VIII: о предоставленіи начальникамъ орденовъ права самимъ разрѣшать нѣкоторые грѣхи, и о преобразованіи монаховъ, живущихъ милостынею (*mendicantes*) всякаго ордена и учрежденія.

Въ дѣлѣ постепеннаго введенія католическаго начала въ жизнь всего базилианскаго ордена особенное значеніе имѣлъ помѣщенный въ этой книгѣ декретъ Климента VIII отъ 25 іюня 1599 года о преобразованіи монаховъ, живущихъ милостынею: многіе пункты этого декрета встрѣчаются въ позднѣйшихъ кодексахъ базилианскихъ постановленій. Поэтому изложимъ кратко содержа-

¹⁾ Экземпляры этой книги находятся въ бібліотекахъ Почаевской лавры и Волынской семінаріи.—

ніе сего декрета. Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) Никто вообще, подъ предлогомъ какой либо привилегіи или начальства и даже генеральства, не можетъ быть освобожденъ отъ обязательности хора, за исключеніемъ того времени, когда кто дѣйствительно занять будетъ отправленіемъ своей должности. Лекторовъ же и проповѣдниковъ настоятели могутъ освобождать только въ тѣ дни, когда они будутъ давать лекціи или проповѣдывать. Точно также они могутъ поступать и съ большими и занимающимися наукою. 2) Въ каждомъ монастырѣ и конвентѣ, дважды въ недѣлю, въ положенные дни, должно происходить чтеніе св. Писанія, или разрѣшеніе грѣховъ (*sacramentum*), на которое должна сходиться вся братія, по окончаніи коего должна быть взаимная бесѣда объ изложенномъ ученіи. 3) Чтобы лучше исполнялись постановленія Тридентскаго собора о соблюденіи обѣта нищеты, для сего предпринимается, чтобы никто изъ братіи, ни самъ настоятель, не употребляли подъ какимъ либо предлогомъ, въ свою частную пользу, движимыхъ или недвижимыхъ имуществъ, или денежныхъ доходовъ и другихъ подавій, получаемыхъ за проповѣди, или за лекцію, или за литургіи, совершаемыя въ своемъ или чужомъ монастырѣ, или за какую либо работу, или отъ родственниковъ и т. п.; но чтобы все это немедленно отдаваемо было настоятелю, передано въ пользу монастыря и причислено къ другимъ доходамъ, изъ коихъ можно было бы получать общую пищу и одежду. 4) Также и начальникамъ, кто бы они ни были, запрещается какимъ либо образомъ дозволить своимъ монахамъ или кому либо изъ нихъ владѣть, или пользоваться или управлять недвижимыми имуществами. 5) Если же что разрѣшено будетъ кому либо на его нужды; то никто не долженъ владѣть и пользоваться этимъ, какъ своею собственностію. 6) Если бы кто погрѣшилъ въ чемъ либо изъ вышесказаннаго, тотъ долженъ подвергнуться не только тѣмъ наказаніямъ, какія опредѣлены Тридентскимъ соборомъ, но и тягчайшимъ, налагаемымъ по усмотрѣ-

нїю начальниковъ. 7) Никакое разрѣшеніе какихъ бы то ни было начальниковъ, никакое дозволеніе относительно движимыхъ или недвижимыхъ имуществъ не можетъ освобождать монаховъ отъ вины и наказанія, назначеннаго постановленіями Тридентскаго собора, хотя бы начальники и утверждали, что они могутъ давать такія дозволенія, кои въ такихъ случаяхъ не имѣютъ никакого значенія. 8) Одежда братіи и келейный приборъ пріобрѣтаются насчетъ общественныхъ суммъ, должны быть совершенно одинаковыя какъ для братіи, такъ и для всякихъ начальниковъ, и соотвѣтствовать принятому обѣту нищеты, такъ чтобы не допускалось ничего излишняго, а равно никому не возбранялось ничего необходимаго. 9) Всякую одежду братіи, льняную и шерстяную, и всякій приборъ нужно складывать въ одномъ удобномъ мѣстѣ монастыря и хранить подъ наблюденіемъ одного или двухъ братій, чтобы, по распоряженію настоятеля, можно было выдавать оттуда, какъ кому нужно будетъ. 10) Всѣ начальники, кто бы они ни были, должны употреблять одинаковый хлѣбъ, одну пищу и одинаковую порцію за первымъ или вторымъ столомъ, развѣ только будутъ отговариваться немоцію; не могутъ также частнымъ образомъ употреблять въ пищу что либо особенное. Если бы кто нарушалъ это, тотъ не долженъ принимать въ этотъ день никакой пищи, кромѣ хлѣба и воды. 11) Всѣ начальники, также и генераль, принимающіе доходы по обязанности своей службы, должны стараться точно и аккуратно записывать приходъ и расходъ въ особой книгѣ, и ничего не должны тратить на другія нужды, кромѣ нуждъ по своей должности. Если имъ придется жить въ какомъ либо конвентѣ; то они должны вносить въ общину столько денегъ, сколько нужно будетъ для содержанія ихъ и находящихся съ ними лицъ, по предписанію правль и конституцій. 12) Ни одинъ изъ мѣстныхъ настоятелей не можетъ самъ управлять имуществомъ или другими вещами, завѣдывать монастырскими деньгами и доходами, хотя бы и отъ имени мо-

настыря; но весь этот трудъ долженъ быть порученъ тремъ братьямъ сего монастыря. Генераль долженъ распорядиться, чтобы одинъ изъ нихъ принималъ вещи, и имущество, и доходы; другой, въ качествѣ казначея, аккуратно хранилъ деньги и другое, собранное первымъ; а третій, получая отъ казначея деньги и вещи, какъ хорошій экономъ, заботился объ удовлетвореніи нуждъ всего конвента, однако съ разрѣшенія настоятеля, который руководится при этомъ не собственною волею, а требованіемъ любви, не дѣлая въ этихъ функціяхъ никакой озацовки.

13) Наконецъ эти трое каждый мѣсяцъ должны представлять мѣсячному настоятелю отчетъ въ приходѣ и расходѣ, взявши двухъ или трехъ благонадежныхъ братьевъ того конвента, свидущихъ въ хозяйствѣ; потомъ они же сами вновь, въ присутствіи пріора и поминутыхъ благонадежныхъ, даютъ отчетъ генералу, когда онъ прибудетъ; самъ же генераль во всемъ этомъ и во всей администраціи своей общей и частной обязанъ давать отчетъ на каждой генеральной капитулѣ, передъ тремя по крайней мѣрѣ назначенными на генеральной капитулѣ судьями.

14) Въ каждомъ конвентѣ отселѣ должно быть назначено и содержимо такое число братьевъ, какос безъ труда могло бы содержаться своими собственными доходами, или общими обыкновенными, или всякими приношеніями и другими какими либо случайными поступлениями въ общины.

15) Начальникамъ же запрещается и возбраняется изъяснять, толковать и нарушать въ чемъ либо и какимъ либо образомъ Тридентскій соборъ и эти постановленія папскія. Еслибы кто отважился учинить противное, то за это самое будетъ удаленъ отъ должности и навсегда признанъ неспособнымъ къ ней.

16) Никто не можетъ оправдываться привилегіей своего сана; развѣ только кто на самомъ дѣлѣ будетъ учить и проповѣдывать.

17) Если кому, по важной причинѣ, признанной генераломъ, дозволено будетъ взять на услуги товарища изъ того же ордена; то такимъ назначается имѣющій не

менѣ 25 лѣтъ, и по возможности ланкъ, но не долженъ назначаться находящійся на общей услугѣ. 18) Чтобы уничтожить всякій поводъ къ шатанью, ограда конвента всегда и тщательно должна быть заперта, и для сего настоятель долженъ назначить янтора или привратника, отличающагося усердіемъ и доброю нравственностію, который всегда долженъ находиться при воротахъ и не долженъ отворять ихъ никому изъ братіи, кто бы не имѣлъ товарища и дозволенія на выходъ. 19) Никто не долженъ выходить изъ конвента иначе, какъ только по нуждѣ и съ товарищемъ, каждый разъ получая разрѣшеніе настоятеля, который не прежде долженъ давать разрѣшеніе, какъ узнавъ нужду, и въ товарища даетъ не того, котораго будетъ просить, но по своему усмотрѣнію, и не часто одного и того же; обихъ же разрѣшеній на выходъ не слѣдуетъ давать никому и никогда. 20) Поступающіе вопреки сему должны быть наказываемы тяжкой эпитиміей и даже карцеромъ, по усмотрѣнію настоятеля, тому же самому наказанію долженъ подлежать и привратникъ, если онъ завѣдомо выпустилъ. 21) Возвращающійся въ конвентъ долженъ опять явиться, для полученія благословенія, къ настоятелю, который подробно спрашиваетъ товарища о всемъ, случившемся во время пути. 22) Настоятели не должны дозволать никому изъ братіи отправляться въ Римъ, безъ предварительнаго полученія письменнаго разрѣшенія генерала или протектора. 23) А если бы кто отважился идти въ Римъ безъ такого разрѣшенія, тотъ на два года лишается активнаго и пассивнаго голоса и, по усмотрѣнію начальниковъ, подвергается наказанію, тому же самому должны подвергаться и тѣ, кои бы допустили это и приняли вышеозначенныхъ, безъ всякаго изъятія мѣста. 24) Настоятель долженъ имѣть ключъ, такъ искусно сдѣланный, чтобы могъ отпереть всякую келлію, когда ему вздумается; посему никто, даже и на ночь, не долженъ такъ запираеть келліи, чтобы настоятель не могъ отворить ее. 25) Среди корридора цѣлую ночь

должна горѣть лампа. 26) Никто, даже и настоятель, не долженъ имѣть отдѣленной отъ корридора келліи въ монастырѣ и въ другомъ мѣстѣ, но каждый долженъ довольствоваться одной келліей, соединенной съ келліями остальной братіи, съ простыми стѣнами, также постелями, столикомъ и приборомъ, какъ пристойно монаху. Однако генералъ можетъ дозволить какому либо настоятелю другую келлію, если бы нашелъ это нужнымъ для его должности. 27) Келліи или постройки, стоящія особо, отдѣльно отъ корридора, должны быть обращены на службы и на другое общее употребленіе и монастырскую выгоду. 28) Каждый долженъ спать особо на своей постелѣ, а двое никогда не должны спать на одной постелѣ, каковыя постели должны быть устроены по одной формѣ. 29) Въ частныхъ келліяхъ не допускается никакихъ каминовъ, но всѣ тотчасъ должны быть выломаны изъ стѣнъ и замурованы, за исключеніемъ келліи генерала, или какого либо начальника, или проповѣдника. 30) Всѣ монастырскія огна, выходящія на публичныя улицы или на свѣтскіе дома, должны быть такъ замурованы, чтобы чрезъ нихъ ничего небыло видно. 31) Въ каждомъ конвентѣ должна быть устроена больница, на здоровомъ и здоровомъ мѣстѣ, примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ и числу братіи, и въ ней должна лечиться больная братія и не выходить оттуда до выздоровленія. Тѣ же, комъ порученъ уходъ за больными, должны исполнять свое дѣло со всякимъ стараніемъ и любовію, и стараться, чтобы больные не нуждались ни въ чемъ, необходимомъ для возстановленія здоровья. 32) Нужно обратить вниманіе и на то, чтобы, по уничтоженіи всѣхъ данныхъ доселѣ льготъ, скорѣе возвратились въ монастырскую ограду живущіе за ней, и чтобы на будущее время такія разрѣшенія давались не иначе, какъ по важной причинѣ, признанной апостольскою столицею. 34) Настоятели должны заботиться о томъ, чтобы въ каждомъ конвентѣ всѣмъ ненарушимо соблюдаемо было постановленіе, запрещающее давать по-

дарки и опредѣляющее образъ и способъ принятія гостей. 35) Чтобы преградить путь всякому властолюбію, всѣ должны беречься, чтобы ни самимъ, ни черезъ подчиненныхъ не домогаться голосовъ и выборовъ для себя и для другихъ, какъ на мѣстныхъ капитулахъ, такъ и на другихъ, особенно же на генеральныхъ капитулахъ или конгрегаціяхъ, или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Поступившіе же вопреки сему, кромѣ другихъ винъ и наказаній, какія доселѣ назначались для такихъ лицъ, и которыя остаются во всей силѣ, наказываются лишеніемъ должности, которую имѣли, и считаются неспособными къ другимъ какимъ либо должностямъ, отъ чего никѣмъ не могутъ быть разрѣшены, кромѣ папы, и, соответственно винѣ, должны быть строго наказаны. Всѣ эти наказанія распространяются и на сообщниковъ ихъ и знающихъ, но не объявляющихъ о семъ. 36) При выборѣ начальниковъ и всѣхъ должностныхъ лицъ строго должна быть соблюдаема форма, опредѣленная Триденскимъ соборомъ и монашескими постановленіями, и избиратели должны присягнуть, что они будутъ избирать честнѣйшихъ и способнѣйшихъ; и посему, до начала выборовъ, предварительно должны быть прочитаны постановленія о качествѣ и свойствахъ тѣхъ, кои должны быть выбраны на должности, степени, достоинства и прелатства; преимущественно же должны быть избираемы такіе, кои бы могли соблюдать и обычныя правила монашескія, и относящіяся къ ихъ обязанности постановленія, и имѣть общую одежду и пищу. 37) На генеральной или провинціальной капитулѣ для каждой провинціи должны быть выбраны по три важныхъ и ученыхъ мужа, для проповѣданія слова Божія, или слушанія неповѣди своихъ монаховъ и публичныхъ лекторовъ, предварительно назначенія ихъ на сіе служеніе. Они же должны экзаменовать и испытывать въ наукѣ и поведеніи возводимыхъ на какую либо степень священства, относительно чего долженъ быть соблюдаемъ недавно послѣдовавшій по сему предмету декретъ конгрегаціи толкователей Тридентскаго собора.

38) Настоятели со всею усердіемъ должны наблюдать за тѣмъ, чтобы соблюдалось вообще и въ частности все то, что въ правилахъ и конституціяхъ ихъ ордена постановлено о размышленіяхъ и умственной молитвѣ, о молчаніи, постахъ, капитулахъ, наказаніяхъ и проч., и должны понимать, что на этомъ, какъ на фундаментѣ, должны основаться и расширяться вданія всѣхъ орденовъ, для приведенія чего къ скорѣйшему исполненію и принесенія братіи большей духовной пользы, весьма важно, чтобы въ каждомъ конвентѣ еженедѣльно бывала проповѣдь или ученіе о монашескомъ просвѣщеніи и монашеской жизни. 39) А чтобы все происходило въ порядкѣ, для сего на видномъ мѣстѣ должна быть вывѣшена таблица, въ которой ясно должно быть означено, что братія должна дѣлать каждый часъ и каждый день, такъ чтобы каждый, послѣ подачи знака, съ большимъ душевнымъ расположеніемъ могъ исполнять свои обязанности. Конституціи монашескія, непротивныя этимъ декретамъ, должны быть соблюдаемы безъ нарушенія. 40) Наказанія тѣмъ, коимъ неопредѣлены они въ пунктахъ этихъ постановленій, должны быть назначаемы по усмотрѣнію генерала или другаго начальника ¹⁾.

Заключая въ себѣ монашескія правила св. Василія Великаго и папскіе декреты о монахахъ, разсматриваемая нами книга *Summariusz Regul swientego oycza naszego Bazylego Wielkiego...* указывала такимъ образомъ два главные источника для составленія послѣдующихъ кодексовъ базилианскихъ конституцій: правила св. Василія Великаго и постановленія римской церкви о монахахъ. Но такъ какъ она давала только темы для развитія послѣдующихъ базилианскихъ конституцій и указывала только главные пути и источники для нихъ; то сама по себѣ не могла вполне уворядочить тогдашній базилианскій орденъ, тѣмъ болѣе, что наравнѣ съ этой книгой пользовался еще уваженіемъ сборникъ ли-

¹ *Summariusz Regul S. O. N. Baz. Wiel.*, 1754, стр. 139—166.

товскихъ базилианскихъ конституцій митрополита Льва Бишки. При существованіи же различныхъ кодексовъ и правилъ, базилиане могли пренебрегать всякими правилами. «Удивительное дѣло относительно ослабленій, обезсиливающихъ соблюденіе!» восклицаетъ авторъ рукописи *Regulae Monasticae*. «Ибо столько постановляется столькими орденами, и однако едва нѣсколько лѣтъ поддерживается первый жаръ» ¹⁾. Для благоустройства базилианскаго ордена, нужно было составить такой кодексъ правилъ, который бы обнималъ собою все разнообразныя стороны многолюднаго базилианскаго ордена и точно опредѣлялъ новыя права ордена, его членовъ и представителей, который бы уничтожилъ существовавшія между провинціями разности и былъ одинаково обязательенъ какъ для литовскихъ, такъ и для польскихъ или русскихъ базилианъ.

Мысль о необходимости такого кодекса правилъ рѣшительно высказана была базилианами тотчасъ, какъ только рѣшена была большая часть недоумѣній и вопросовъ, возбужденныхъ соединеніемъ всехъ базилианъ въ одну конгрегацию, и какъ только стали утихать взаимныя страсти, питавшіяся помянутыми недоумѣніями и вопросами. На Брестской генеральной капитулѣ 1759 года, 28 пунктомъ постановленій сей капитулы, избраны были 12 лучшихъ базилианъ, и имъ поручено было сдѣлать съѣздъ въ Дерманскомъ монастырѣ и здѣсь сформировать конституціи, которые потомъ должны были подвергнуться разсмотрѣнію провинціальныхъ капитулъ ²⁾, а также и генеральной капитулы, и пред-

¹⁾ *Regulae Monasticae*, рукоп. Почаев. библіот., № 129, лист. 28 и 29.

²⁾ Акты Брестск. капитулы 1772 г., сесс. 3, въ Почаев. библ., № 336; св. акты провинціальн. Бѣлостоц. капитулы 1763 г., сесс. 6, въ Почаев. арх., № 537. Этими избранными отцами были: протоархимандритъ Ипатій Билевскій, Овручскій аббатъ Гедеонъ Львовичъ Бейнеръ, Кобринскій аббатъ Августинъ Новосельскій, Онуфрій Братковскій, Феодосій Ростоцкій, Иннокентій Магковскій, Амвросій Онышкевичъ, Теофилактъ Орищичъ,

ставлены въ Римъ на утверждение Конгрегаціи распространенія вѣры ¹⁾. Въ числѣ избранныхъ базилианъ значится и Львовскій Свято-Онуфріевскій суперіоръ Валеріанъ Подвѣщинскій. Онъ-то, вѣроятно, во исполненіе возложеннаго на него вмѣстѣ съ другими порученія, составилъ между 1759 и 1766 годами рукопись, дошедшую до насъ подъ заглавіемъ *Regulae Monasticae seu Constitutiones Iosephi Weliamini Rutski*, въ которой онъ указалъ на существовавшіе въ орденомъ безпорядки и изложилъ свои соображенія объ искорененіи этихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ благоустройству ордена ²⁾.

Рукопись, подъ заглавіемъ: *Regulae Monasticae seu Constitutiones Iosephi Weliamini Rutski* почерпала свои соображенія и матеріалы: 1) прежде всего изъ правилъ св. Василія Великаго, извлеченныхъ изъ книги *Summariusz Regul swientego oysa naszego*

Сильвестръ Лацевскій, Бенедиктъ Еліашевичъ, Самуэль Новицкій, Львовскій Онуфріевскій суперіоръ Валеріанъ Подвѣщинскій и Антопольскій суперіоръ Маврикій Касковичъ. См. *Constitutiones examinandae et seligendae in futuris capitulis*, составл. 1766 и изд. 1772 г., стр. 282—283.

¹⁾ Декретъ Конгрегаціи распротр. вѣры 11 іюля 1763 г., въ книгѣ *Bullae et brevia...*, 1767 г., стр. 137—140.

²⁾ Рукоп. Почаев. библиот. № 129. Мы относимъ составленіе этой рукописи ко времени между 1759 и 1769 годами на томъ основаніи, что съ одной стороны въ самой рукописи упоминается о четвертой конгрегаціи, которая была въ 1759 г., и слѣдовательно она не могла быть составлена ранѣе этого года, съ другой—потому, что она предлагаетъ такіа мѣры, которыя приняты и опредѣлены составленными въ 1766 году конституціями, слѣдовательно не могла быть составлена позже этого года. А что она составлена Львовскимъ Онуфріевскимъ суперіоромъ Валеріаномъ Подвѣщинскимъ, это мы заключаемъ какъ изъ того, что суперіоръ этого монастыря Подвѣщинскій назначенъ былъ, въ числѣ другихъ, для составленія конституцій, такъ и изъ того, что авторъ рукописи представляетъ себя Львовскимъ жителемъ и упоминаетъ о Львовѣ и библиотекѣ Львовскаго Свято-Георгіевскаго монастыря. Онъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу ученыхъ базилианъ, тотому что въ своей рукописи ссылается на какое-то свое «богословіе».

Wazyłogo Wielkiego, 1751 года, какъ видно изъ цитатъ составителя разсматриваемой рукописи ¹⁾. Изъ этого источника заимствованы монашескія правила о созерцательной жизни, и расположены подъ тѣми же рубриками, какъ и въ *Summagiusz-ъ*, только въ алфавитномъ порядкѣ. 2) Изъ помѣщенного въ концѣ *Summagiusz-а* папскаго декрета о преобразованіи монаховъ, живущихъ милостынею, откуда заимствованы замѣчанія о назначеніи трехъ духовниковъ ²⁾, объ уединеніи и представленіи отчетности въ концѣ каждаго мѣсяца ³⁾, и постановленія Тридентскаго собора о запрещеніи пользоваться монастырскими имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ ⁴⁾. Кроме этого декрета, авторъ рукописи *Regulae Monasticae* принималъ въ соображеніе и другія правила и постановленія католической церкви, сочиненія католическихъ писателей, канонистовъ и моралистовъ, и практику латинскихъ монашескихъ орденовъ. Такъ наприм. онъ пользовался сборникомъ соборовъ изъ бібліотеки Львовскаго Свято-Георгіевскаго монастыря ⁵⁾ и указывалъ на постановленія Тридентскаго собора о нищѣ и шатающихся монахахъ ⁶⁾; цитовалъ папскія буллы, декреты конгрегациі собора и конгрегациі распространенія вѣры ⁷⁾, какъ наприм. буллу 12 апрѣля 1753 года о смягченіи строгости четвертаго объѣта ⁸⁾, декретъ конгрегациі распространія вѣры отъ 26 ноября 1752 года ⁹⁾ и др., и мнѣнія канонистовъ и моралистовъ о братскомъ исправленіи, повиціяхъ.

¹⁾ *Regulae Monasticae...*, рукоп. Почаев. бібл., л. 129, лист. 8 и 43.

²⁾ Тамъ же, л. 8.

³⁾ Тамъ же, л. 48.

⁴⁾ Тамъ же, л. 25.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же, л. 47 и 48.

⁷⁾ Тамъ же, л. 4, 7, 8, 23 и 43.

⁸⁾ Тамъ же, л. 2 и 3.

⁹⁾ Тамъ же, л. 4.

собственности, обидѣ ¹⁾, и особенно мнѣнія латинскаго писателя Ротарія, какъ напр. о настоятеляхъ и новіціяхъ ²⁾. На основаніи же практики и примѣра другихъ латинскихъ монашескихъ орденовъ, авторъ совѣтуетъ учредить въ монастыряхъ должность монитора и поручить ее старшей братіи монастыря, по примѣру бернардиновъ ³⁾; назначить, по примѣру другихъ орденовъ, опредѣленные сроки для времени службы должностныхъ лицъ, какъ-то: для генерала 4 года, для провинціала, консулторовъ и секретарей 3 года, настоятелей 2, философовъ 3, спекулятивныхъ богослововъ 4, нравственныхъ 3, догматическихъ 2, риторовъ 3, канонистовъ 2, прокураторовъ 3, экономовъ 1 ⁴⁾; профессоровъ философіи отрѣшать не иначе, какъ только по неспособности къ прохожденію должности ⁵⁾; наблюденіе надъ выходомъ изъ монастыря и распоряженіе должностями предоставить не однимъ суперіорамъ ⁶⁾. Наконецъ, авторъ указываетъ на правила св. Бенедикта ⁷⁾ и примѣръ другихъ орденовъ, въ коихъ дозволяется монахамъ носить вино изъ города въ тѣхъ случаяхъ, когда его не даетъ настоятель ⁸⁾. 3) Изъ конституцій базилианскихъ конгрегаций со времени соединенія базилианъ въ одну конгрегацию, т. е. съ 1743 года, и особенно изъ конституціи Брестской капитулы 1759 года, изъ коихъ авторъ указываетъ постановленія относительно апелляціи ⁹⁾, запрещенія дѣлать новыя фундаціи безъ вѣдома и разрѣшенія генерала ¹⁰⁾, ежегоднаго совершенія

¹⁾ Тамъ же, л. 10 и 11, 20 и 31.

²⁾ Тамъ же, л. 7 и 26.

³⁾ Тамъ же, л. 23.

⁴⁾ Тамъ же, л. 24.

⁵⁾ Тамъ же, л. 34.

⁶⁾ Тамъ же, л. 28.

⁷⁾ Тамъ же, л. 7.

⁸⁾ Тамъ же, л. 8.

⁹⁾ Тамъ же, л. 4.

¹⁰⁾ Тамъ же, л. 24.

революцій ¹⁾, недопущенія въ новиціатъ безъ особаго разрѣшенія и согласія провинціала ²⁾, принесенія присяги прокураторомъ ³⁾ и дозволенія монахамъ апеллировать противъ медицинскихъ наказаній, если они тяжки, но не иначе, какъ только по выполненіи сихъ наказаній ⁴⁾. 4) Изъ постановленій Литовскихъ капитулъ, бывшихъ до соединенія базилианъ въ одну конгрегацию, собранныхъ митрополитомъ Бишкой въ одинъ кодексъ.

Сборникъ Литовскихъ базилианскихъ конституцій, составленный Львомъ Бишкой послѣ 1719 года, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для составителя рукописи *Regulae Monasticae*. Авторъ ея, по его же собственнымъ словамъ, хотѣлъ показать современнымъ ему монахамъ, чтобы каждый изъ нихъ видѣлъ, какъ «онъ далеко отъ своего института провессіи, и узналъ, куда онъ долженъ стремиться всѣми силами, если искренно желаетъ быть ученикомъ или монахомъ чина св. отца Василія, а не ложнымъ и псевдобазиліаниномъ», и лучшимъ средствомъ къ тому считалъ напоминаніе о собственныхъ правилахъ и постановленіяхъ базилианскаго ордена, составленныхъ Іосифомъ Рутскимъ и слѣдовавшими за нимъ базилианами, и собранныхъ Львомъ Бишкой ⁵⁾. Но въ то же время авторъ рукописи не могъ не сознавать, что прежнія конституціи литовскихъ капитулъ не совсѣмъ примѣнимы къ современнымъ ему обстоятельствамъ ордена, а потому желалъ или совершенной отиѣны, или измѣненія и дополненія нѣкоторыхъ литовскихъ конституцій, соотвѣтственно тогдашнимъ обстоятельствамъ и недостаткамъ ордена. Такъ напр. онъ желалъ уничтожить постановленіе литовскихъ базилианъ о разрѣшеніи ѣсть монахамъ мясо ⁶⁾; находилъ излишнимъ абсо-

¹⁾ Тамъ же, л. 9.

²⁾ Тамъ же, л. 25.

³⁾ Тамъ же, л. 30.

⁴⁾ Тамъ же, л. 34.

⁵⁾ Тамъ же, л. 1.

⁶⁾ Тамъ же, л. 1.

льготное запрощеніе монахамъ писать секретно письма ¹⁾); неудобья постановленія о томъ, чтобы воздно приходящіе въ столовую стояли на колынахъ доколѣ, пока не велать имъ встать, потому что иные жестокіе настоятели злонамѣренно не велать вставать долгое время ²⁾); считалъ эгомистичнымъ постановленіе Литовскихъ базилианъ, позволявшее генеральнымъ консульторамъ управлять отдѣльными монастырями, а также не хорошимъ постановленіе о томъ, чтобы въ случаѣ возведенія генерала на высшую должность, обязанности его исполнялъ протоконсульторъ ³⁾. Вѣроятно, авторъ разсматриваемой нами рукописи былъ на сторонѣ постановленія Дубенской капитулы 1743 года, которая запрещала генералу и другимъ должностнымъ людямъ ордена, до окончанія срока должности, домогаться высшихъ іерархическихъ степеней и получать ихъ ⁴⁾. Кроме того онъ считалъ неудобнымъ учрежденіе одного только карцера для всей провинціи, такъ какъ заключеніе въ него было бы слишкомъ тяжелымъ наказаніемъ для монаховъ, и совѣтовалъ въ каждомъ монастырѣ устроить особый секретный карцеръ ⁵⁾. Измѣнены и дополнены были прежнія базилианскія постановленія о протоархимандритѣ, визитаторахъ и визитаціи ихъ, ревизіи, о консульторахъ и чиновникахъ монастырскихъ, о школахъ и др.

Въ виду значительнаго расширенія базилианскаго ордена, авторъ рукописи *Regulae Monasticae* находилъ неудобнымъ прежнее постановленіе Литовскихъ базилианъ, чтобы одинъ только протоархимандритъ принималъ молодыхъ людей въ новиціатъ, и предлагалъ назначить для сего избранныхъ отцовъ, которые непре-

¹⁾ Тамъ же, л. 10.

²⁾ Тамъ же, л. 50.

³⁾ Тамъ же, л. 9.

⁴⁾ Акты Дубенск. капитулы 1743 г., сесс. 13, § 14, въ Почаев. арх., № 279.

⁵⁾ *Regulae Monasticae*, рукоп. Почаев. библ., № 129, л. 18.

пятственно должны были принимать въ орденъ знатныхъ юношей, хотя бы и не отличавшихся способностями, а изъ другихъ лицъ не должны были принимать въ новіціаты людей, неспособныхъ къ наукамъ, а также старыхъ, неимѣющихъ рекомендаціи и при-
нуждаемыхъ къ вступленію въ орденъ ¹⁾. Протоархи-
мандритъ и консульторы должны руководиться только тѣми зако-
нами, какіе постановляются на генеральныхъ капитулахъ, и не
должны издавать никакихъ новыхъ законовъ, дабы не разжижа-
лись такимъ образомъ противорѣчащіе одинъ другому законы и
не ослаблялась ихъ прочность и обязательность ²⁾.

Недостаточно ежегоднаго представленія генералу отчета въ
управленіи монастыремъ ³⁾, и ежегодной ревизіи монастырей,
производимой провинціаломъ и его секретаремъ. Во время ревизіи
трудно секретарю провинціала сдѣлать опись монастырскому иму-
ществу и повѣрить его цѣлость. Посему рекомендуется, чтобы въ
каждомъ монастырѣ составлена была опись имущества, по коей
можно было бы производить ревизію ⁴⁾, и чтобы возстановлены
были въ монастыряхъ консулторіи изъ лучшихъ монаховъ, кото-
рыя ограничивали бы власть мѣстныхъ настоятелей ⁵⁾. Этимъ
консулторіямъ монастырскимъ авторъ рукописи придавалъ особую
важность. При расширеніи базилианскаго ордена и вытекающемъ
отсюда ослабленіи надзора орденскаго начальства за монастырями
и настоятелями ихъ, эти консулторіи могли съ одной стороны
содѣйствовать надзору орденскихъ властей за монастырями, съ
другой ограничивать произволъ настоятелей въ управленіи мона-
стырями. Монастырскимъ консулторамъ авторъ желалъ бы предо-

1) Тамъ же, л. 26.

2) Тамъ же, л. 29.

3) Тамъ же, л. 18.

4) Тамъ же, л. 43 и 44.

5) Тамъ же, л. 21 и др.

ставить такія же права, какія имѣли генеральные консултoры по отношенію къ генералу, на томъ основаніи, что тѣ и другіе консултoры имѣютъ одинаковую важность для ордена, такъ какъ благо отдѣльныхъ монастырей есть благо всего ордена, и разстройство отдѣльныхъ монастырей разстраиваетъ цѣлый орденъ ¹⁾. На этомъ основаніи, примѣнительно къ правамъ генеральныхъ консултoровъ, монастырскимъ консултoрамъ должно быть представлено право участвовать въ экономическихъ и административныхъ дѣлахъ своего монастыря: они должны были участвовать въ расходованіи монастырскихъ суммъ, ежемѣсячно свидѣтельствовать монастырскую казну, которую доселѣ безконтрольно завѣдывалъ и распоряжался одинъ настоятель ²⁾; ревизовать четыре раза въ годъ монастырское имущество, какъ то библіотеку, ризницу, архивъ и проч. ³⁾, по правиламъ предписаннымъ для провинціальной ревизіи ⁴⁾ и участвовать въ судѣ и наказаніи для виновныхъ монаховъ. Доселѣ одинъ только настоятель имѣлъ право судить и наказывать подчиненныхъ ему монаховъ. Но авторъ разсматриваемой нами рукописи желаетъ, чтобы власть суперіора въ этомъ отношеніи ограничена была мѣстною консултoріей. Монахи, замѣченные въ порокахъ и нарушеніи монашескихъ правилъ, предварительно должны были подвергаться наставленію и исправленію, а при неэффективности сихъ мѣръ—суду консултoрiи и наказанію ⁵⁾. Самые проступки и наказанія должны быть строго различаемы. Особенно требовалось различеніе между шатающимися и неслравными ⁶⁾; послѣднихъ, по мнѣнію автора, не слѣдуетъ терять въ орденѣ изъ ложнаго опасенія уменьшить чрезъ это

¹⁾ Тамъ же, л. 9.

²⁾ Тамъ же, л. 43.

³⁾ Тамъ же, л. 18.

⁴⁾ Тамъ же, л. 12.

⁵⁾ Тамъ же, л. 21.

⁶⁾ Тамъ же, л. 47.

орденъ, «потому что худые не увеличиваютъ ордена» ¹⁾. Относительно же наказаній нужно строго отличать медицинскія и неправительственныя наказанія отъ судебныхъ ²⁾, и только первыя изъ нихъ могутъ быть назначаемы настоятелями и мѣстной консульторіей ³⁾. Въ самыхъ медицинскихъ наказаніяхъ должна быть соблюдаема строгая разборчивость и постепенность ⁴⁾. Особенной осторожности требуетъ заключеніе въ карцеръ или тюрьму, которое должно быть дѣлаемо съ согласія всего общества, и притомъ за важныя преступленія, дознанныя и обслѣдованныя законнымъ порядкомъ. Относительно карцера, устраиваемаго въ каждомъ монастырѣ, авторъ предлагаетъ слѣдующія правила: чтобы въ этотъ карцеръ не сажались свѣтскіе люди ⁵⁾, чтобы онъ былъ въ секретномъ мѣстѣ, удобный, хорошо устроенный и здоровый, чтобы въ него заключались монахи не иначе, какъ только за важныя преступленія, обнаруженныя законнымъ порядкомъ и по опредѣленію высшей орденской власти, чтобы строго опредѣлены были и разграничены между собой наказанія медицинскія и судебныя, и только первыя назначались настоятелями и монастырскими консульторіями, и то по предварительномъ исправленіи и наставленіи; чтобы въ судебныхъ наказаніяхъ не присоединялись медицинскія и такимъ образомъ не удваивались наказанія; чтобы безславіе, коимъ можетъ сопровождаться, для устрашенія другихъ, заключающіе въ карцеръ, не продолжалось болѣе трехъ лѣтъ; чтобы монахи, сообщавшіе свѣтскимъ людямъ о наказаніи какого либо лица карцеромъ, подвергались такому же наказанію, какому нарушители секрета; чтобы важнѣйшія лица, по возможности, не наказывались карцеромъ, и проч. По выполненіи медицинскаго наказанія, монахъ

¹⁾ Тамъ же, л. 18.

²⁾ Тамъ же, л. 4, 33 и 34.

³⁾ Тамъ же, л. 33 и 34.

⁴⁾ Тамъ же, л. 4.

⁵⁾ Тамъ же, л. 18.

может жаловаться, кому слѣдуетъ, особенно если это наказаніе было тяжело и несмодно ¹⁾; но и въ самой апелляціи нужно вести постепенность, такъ чтобы отъ настоятеля апеллировалъ къ провинціалу, отъ провинціала къ генералу ²⁾.

Всѣ монастырскія дѣла должны быть рѣшаемы настоятелемъ и мѣстной консулторіей не иначе, какъ по предварительномъ прочтеніи относящихся къ дѣлу постановленій; а въ случаѣ неисполненія нѣкъ либо сихъ постановленій, независимо отъ главнаго монитора изъ лучшихъ отцовъ, каждый монахъ можетъ напоминать, кому слѣдуетъ, о нарушеніи постановленій ³⁾.

Относительно другихъ должностныхъ лицъ монастыря, кромѣ настоятелей и консулторовъ, авторъ рассматриваемой нами рукописи желалъ, чтобы всѣ эти лица назначались на свои должности по предварительномъ испытаніи чрезъ назначенныхъ для сего лицъ ⁴⁾, чтобы вмѣсто одного духовника въ многолюдныхъ монастыряхъ назначалось до трехъ ⁵⁾, чтобы миссіонеры дѣйствительно отправляли миссію, а проповѣдники дѣйствительно проповѣдывали, и сами составляли проповѣди, а не дѣлали компиляцій ⁶⁾. Во избѣжаніе споровъ въ столовой о мѣстахъ, должностныя лица монастыря должны сидѣть за столомъ въ такомъ порядкѣ: сначала икарій, потомъ лекторы, профессоры, миссіонеры, проповѣдники, прокураторы, кацаны, экононы, ремесленники и братія. Изъ нихъ по крайней мѣрѣ болѣе трудящіеся должны были получать иногда утѣшеніе. Въ богатѣйшихъ монастыряхъ, кромѣ упомянутыхъ должностныхъ лицъ, могутъ быть назначаемы изъ старшей братіи: сакелларій, преемствъ стола, преемствъ кассы, преемствъ

1) Тамъ же, л. 33 и 34.

2) Тамъ же, л. 4.

3) Тамъ же, л. 29.

4) Тамъ же, л. 16 и др.

5) Тамъ же, л. 8.

6) Тамъ же, л. 8 и 29.

хора ¹⁾). А чтобы эти лица не смѣнялись по произволу настоятеля, авторъ требуетъ, чтобы для каждой должности назначено было опредѣленное время, и чтобы перемѣщеніе монаховъ изъ одного монастыря въ другой, для большаго удобства пути, дѣлалось въ лѣтнюю пору ²⁾. Притомъ, перемѣщеніе настоятелей, лекторовъ проповѣдниковъ, миссіонеровъ и профессоровъ нравственнаго богословія и реторики авторъ желалъ бы предоставить генеральной капитулѣ, а остальныхъ лицъ—провинціалу ³⁾.

Съ особенною заботливостію авторъ рукописи старается оградить права профессоровъ и школъ и улучшить ихъ бытъ. Это происходило какъ отъ того, что авторъ самъ, по всей вѣроятности, былъ нѣкогда профессоромъ ⁴⁾, такъ и отъ того, что положеніе базилианскихъ профессоровъ и школъ въ то время болѣе всего требовало улучшенія. Не всегда образованные настоятели монастырей того времени не могли равнодушно слышать о школахъ и профессорахъ ⁵⁾. Въ то время уже пробивалась мысль о томъ, чтобы всѣ настоятели монастырей были болѣе или менѣе людьми образованными ⁶⁾, и необразованные настоятели не безъ основанія видѣли въ профессорахъ и ученикахъ опасныхъ соперниковъ для себя, которые рано или поздно должны были занять ихъ мѣста, а потому ненавидѣли ихъ всѣми силами души своей, такъ что базилианскія школы учреждены были почти насильно, вслѣдствіе письма папскаго нунція въ Польшу отъ 24 апрѣля 1751 г. къ базилианскому генералу, съ угрозою, что онъ самъ принужденъ будетъ открыть школы, если онѣ не будутъ открыты протоархи-

¹⁾ Тамъ же, л. 50.

²⁾ Тамъ же, л. 24.

³⁾ Тамъ же, л. 45.

⁴⁾ Это видно изъ того, что онъ составилъ свое богословіе, о коемъ упоминаетъ на 36 листѣ своей рукописи.

⁵⁾ *Regulae monasticae...*, рукоп. Почаев. библиот., № 129, л. 19.

⁶⁾ Тамъ же, л. 44.

мандригошь въ теченія полугода ¹⁾. Но и по учрежденіи школъ, какъ учащіе, такъ и учащіеся считались гордецами и людьми напыщенными ²⁾, и, для наученія смиренію, подвергались систематическому преслѣдованію, о которомъ мы имѣли случай говорить выше. Проессора часто смѣнялись настоятелями, тратились на диспуты; ученики служили средствомъ интриги противъ профессоръ; школы не имѣли необходимаго. Мы уже видѣли, что, въ предотвращеніе такихъ злоупотребленій, авторъ разсматриваемой нами рукописи предлагалъ установить извѣстные сроки для должности профессоръ, не смѣнять ихъ за одни проступки и перемѣщать только по опредѣленіямъ генеральныхъ капитулъ и провинціаловъ. Въ тѣхъ же видахъ огражденія профессоръ и школъ отъ произвола настоятелей, и для улучшенія ихъ быта, авторъ желалъ: 1) чтобы монахи назначались профессорами по крайней мѣрѣ по окончаніи философскаго курса, но не тотчасъ носмѣ профессоріи или принятія обѣтовъ, и чтобы неопрофессы не назначались учителями свѣтскихъ школъ и не посылались въ эти школы для продолженія ученія ³⁾. 2) Во избѣжаніе соблазна какъ для свѣтскихъ учениковъ, такъ и для монаховъ, свѣтскіе юноши не должны приниматься туда, гдѣ нѣтъ публичныхъ школъ ⁴⁾. 3) профессоръ не иначе избираются, какъ по экзамену посредствомъ диспута, производимаго на капитулахъ, при участіи въ немъ 12-ти опытныхъ монаховъ; особенно этому экзамену должны подвергаться люди, воспитывавшіеся въ аліюмнатахъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, дабы чрезъ нихъ не проникъ въ монашескія школы ядъ различныхъ свѣтскихъ доктринъ и превратныхъ мнѣ-

¹⁾ Тамъ же, л. 45. См. письмо нунція къ базилианскому генералу въ актахъ Почаевск. провинціал. капитулы 1753 г., сесс. 2, § 10, въ рукоп. сборникѣ библиот. Волын. сем., за № 1289.

²⁾ *Regulae monasticae...*, рукоп. Почаев. библ., № 129, л. 15.

³⁾ Тамъ же, л. 14 и 22.

⁴⁾ Тамъ же, л. 44.

нія ¹⁾. 4) Требовалось, чтобы профессора удалялись от своей должности только по неспособности къ ней; 5) чтобы уничтожать были каось промоцій и заслугъ, равно какъ и преслѣдованіе; 6) чтобы профессора избирались на вакантулѣ голосами, изъ способныхъ людей, и утверждались ею, по надлежащемъ испытаніи посредствомъ диспута; 7) чтобы никто изъ профессоровъ, преподававшихъ науки, соединенныя съ диспутами, не былъ удаленъ отъ должности до окончанія курса науки, исключенъ до истеченія 3-хъ лѣтъ. богословъ 4-хъ и проч. 8) Въ случаѣ какого либо преступленія со стороны профессора, отличающагося способностями. слѣдуетъ наказать этого профессора но не удалить отъ должности. 9) Если наука не диспутивная, то профессоръ долженъ преподавать ее по крайней мѣрѣ въ теченіи 2-хъ лѣтъ. 10) Расходы на диспуты должны быть производимы монастыремъ, а не профессорами на свой счетъ ²⁾.

Профессора философіи должны быть въ числѣ вѣстныхъ на вакантулахъ и имѣть одинаковыя права съ профессорами богословія ³⁾. Студенты должны состоять подъ надзоромъ и управленіемъ однихъ профессоровъ и подлежать ихъ суду ⁴⁾; ежегодно подвергаться экзамену или диспуту, но не болѣе, какъ только посредствомъ трехъ выбранныхъ секретно изъ тридцати сентенцій, ибо «неразумно возлагать тяжелый трудъ, какъ наприимѣръ 50 сентенцій» ⁵⁾. Среди школьныхъ наукъ немаловажное значеніе придавалось философіи, какъ союзницѣ и помощницѣ богословія. Для преподаванія философіи предполагалось назначить три года и трехъ профессоровъ, кои должны были преподавать уроки не по книгѣ, а устно, кратко и ясно, дабы ученики охотнѣе читали

1) Тамъ же, л. 15, 16 и 44.

2) Тамъ же, л. 45.

3) Тамъ же, л. 34.

4) Тамъ же, л. 14.

5) Тамъ же, л. 15.

книги, припоминали преподаваемое и вели свои записки. Нетъ нужды опасаться, что веденіе записокъ убьетъ много времени, потому что записки наполнены монастырскія бібліотеки, а между тѣмъ печатаніе книгъ причинило бы излишніе расходы. Хотя корреспонденція и признаются полезными, но они убиваютъ много времени. Обученіе въ философскомъ классѣ признавалось необходимымъ условіемъ для полученія священнаго сана: до окончанія философіи никто не долженъ быть возведенъ на высшія степени *).

Наконецъ, предложены были проекты о всѣхъ вообще монахахъ, клонившіеся къ искорененію вравшихся между ними недостатковъ, указанію имъ приличныхъ занятій и обезпеченію приличнаго содержанія.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ недостатковъ въ базилианскихъ монастыряхъ, какъ мы уже видѣли, было чрезвычайное разнообразіе въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ, доходившее до безобразія. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, авторъ совѣтуетъ: 1) «учредить специальную школу или институтъ; 2) назначить одного постоянного директора церемоній и обрядности; 3) согласовать книги, 4) помянутому директору обрядовъ самому быть и раздѣшителемъ грѣховъ (сакриш), лишь бы онъ былъ опытенъ въ томъ и другомъ, т. е. въ обрядѣ и знаніяхъ; инакъ будетъ развратителемъ, наравнѣ съ другими; 5) предписать строгое соблюденіе обрядовъ и обычаевъ даже въ мелочахъ; ибо гдѣ бывала склонность къ послабленію или порчѣ, тамъ нужно употребить болѣе вѣрнѣйшій еплотъ; 6) особенно настаивать въ обрядѣ младшихъ, преимущественно новицѣвъ, т. е. какимъ образомъ дѣлать процессіи, служить и проч.; 7) издать особую книгу наипаче обрядовъ, обычаевъ и проч., которая каждымъ должна быть читаема въ столовыхъ; 8) повсюду установить богослуженіе въ одно и тоже время, по одному способу, въ одинаковомъ количествѣ,

*) Тамъ же, л. 34.

съ одинаковою продолжительностію и проч.; 9) возстановить забытое, какъ то: метаніи, взаимныя благословенія и проч.; наконецъ возстановить все послѣ схизмы, и да не постыдимся мы возвратить то, что, къ несчастію, потеряли, не побоясь отвѣчать вопрошающимъ и не будемъ стараться угождать уподобленіемъ обрядовъ, или бояться навлечь подозрѣніе, но постараемся раскрыть и доказать, что неразумно, неумно и нечестно оставляется обрядъ. Неслѣдуетъ допускать къ высшимъ должностямъ тѣхъ, кои изъ обряда латинскаго и какъ бы нѣкоторое врожденное отвращеніе имѣютъ къ обряду греческому. Тѣхъ, кои напаяются въ альюнахъ превратными мнѣніями и предразсудками и проч., мы должны тщательно испытывать, очищать и проч.; послѣднее ничто такъ не вредитъ, какъ допущеніе такихъ, кои приносятъ съ собою распущенность, держатся ея и распространяютъ ее. Итакъ прежде всего нужно ихъ очистить, дабы, бывъ допущены, не принесли вреда. Тоже и о школахъ»¹⁾.

Для поддержанія въ базилианскихъ монастыряхъ уединенной жизни, авторъ рукописи *Regulae monasticae*, требовалъ постановленія, чтобы для каждаго монаха была особая келья, и чтобы монахи, а особенно викаріи и настоятели, не допускали нарушения въ своихъ келліяхъ и не принимали гостей²⁾. Въ предотвращеніе нарушения, пѣсенъ и свѣтскихъ игръ, совѣтуется по временамъ давать монахамъ рекреациі и утѣшеніе и дозволить пѣніе благочестивыхъ кантовъ³⁾. Но такъ какъ всѣ монашескіе пороки происходили отъ праздности; то важнѣйшимъ средствомъ къ искорененію пороковъ между монахами представлялись занятія и равномерное распредѣленіе ихъ между монахами. Эти занятія суть слѣдующія: служеніе заставныхъ литургій, чтеніе при столѣ,

1) Тамъ же, л. 33.

2) Тамъ же, л. 44.

3) Тамъ же, л. 21 и 22.

богослуженіе, служеніе при столѣ, домашнее чтеніе книгъ, писаніе, размышленіе въ извѣстные часы ¹⁾, созерцаніе ²⁾, и проч. Но недолжно быть допускаемо занятій, неприличныхъ для монаховъ, и незанимающіеся матеріальнымъ трудомъ не должны называться «дармоѣдами» ³⁾.

Бушанъавъ для монаха полагается нѣсколько ⁴⁾, а на полную монашескую одежду не болѣе 320 злотыхъ, а именно: на габить изъ тонкой парусины неболѣе 80 злотыхъ, подрясникъ столько же, мантию столько же, нижнее бѣлье столько же. Одежда должна быть однообразная и нероскошная; ибо ничто такъ не соблазняетъ свѣтскихъ, какъ роскошная одежда монаховъ ⁵⁾.

Вотъ сущность содержанія рукописи *Regulae monasticae*, приписываемой нами львовскому онуфріевскому суперіору Валеріану Подвѣжинскому. Весьма вѣроятно, что одновременно съ нею появились и другія замѣчанія и соображенія объ устройствѣ базилианскаго ордена; ибо трудно повѣрить, чтобы назначенные генеральной Брестской капитулой 1759 года для составленія конституцій базилиане, до собранія на съѣздъ, не занялись предварительною разработкою порученнаго имъ дѣла ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, л. 30 и 34.

²⁾ Тамъ же, л. 9.

³⁾ Тамъ же, л. 30.

⁴⁾ Тамъ же, л. 40. *Porro obsonium przesmak, potrawa, ryba; edulium — potrawa z ogrodniny, jusculum, poliwnka, rosol forte continens poultur, pre contento musial bydz z czegos rosol y poliwnka, wszakaże ne z jaj, tak mowić rozdawal ubogim Marcin Luter.*

⁵⁾ Тамъ же, л. 47.

⁶⁾ Другой трудъ въ этомъ родѣ мы подозрѣваемъ въ сборникѣ правилъ и конституцій базилианскаго ордена на латинскомъ и славянскомъ языкахъ и въ кодексѣ конституцій, послужившихъ для г. Колювича источниками при составленіи имъ «исторіи базилианскаго ордена». Эти сборники несомнѣнно относятся ко второй половинѣ XVIII в., такъ какъ въ одномъ изъ нихъ упоминается объ измѣненіи 4-го объѣта, послѣдовавшемъ въ это время, и оба они значительно отличаются отъ печатныхъ сборниковъ 1766 и 1791 годовъ.

Итакъ, по предварительномъ приготовленіи къ порученному дѣлу, избранные базилиане собрались въ 1766 году на съѣздъ, только не въ Дермани, какъ было предположено, а въ Гоцѣ, и здѣсь съ 1 іюня и по 21 іюля занимались составленіемъ кодекса базилианскихъ конституцій ¹⁾, при чемъ нерѣдко руководились прежними сборниками базилианскихъ правилъ и соображеніями составителя рукописи *Regulae monasticae* ²⁾.

Составленные такимъ образомъ въ Гоцѣ конституціи, согласно постановленію генеральной Брестской капитулы 1759 года и декрету конгрегации распространенія вѣры отъ 11 іюля 1763 года, предварительно представленія ихъ въ Римъ на утвержденіе сей конгрегации, должны были подвергнуться разсмотрѣнію провинціальнымъ базилианскимъ капитулъ и генеральной капитулы, имѣвшей собраться въ сентябрѣ слѣдующаго 1767 года. «Но по причинѣ неучастія и общественныхъ бѣдствій царства и другихъ препятствій, съ разрѣшенія св. престола апостольскаго черезъ письмо св. нунціатуры, хранящееся въ архивѣ ордена», генеральная капитула отложена до 1772 года ³⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставался безъ разсмотрѣнія и сборникъ Гоцанскихъ конституцій. На Брестской капитулѣ 1772 года, базилиане считали необходимымъ, чтобы согласно предписанію помнутаго декрета конгрега-

¹⁾ *Constitutiones examinandaе et religendaе in futuris capitulis...* составл. 1766 г. и изд. 1772 г., стр. 281—282.

²⁾ Во всѣхъ почти главахъ этого сборника, особенно касающихся внутренней монашеской жизни, сначала излагается текстъ св. Василія Великаго, вѣроятно извлеченный изъ вышеуказанныхъ нами печатныхъ содранній его, а потомъ уже конституціи базилианскаго ордена о томъ же предметѣ. Въ подтвержденіе же связи между рукописью *Regulae monasticae* и Гоцанскими конституціями 1766 года укажемъ пока, на одинъ примѣръ: авторъ рукописи считалъ нужнымъ учредить въ базилианскомъ орднѣ, по образцу Бернардиновъ, должность монитора; а въ конституціяхъ 1766 года мы дѣйствительно находимъ постановленіе о мониторѣ.

³⁾ Печатные акты Брестск. капитулы 1772 г., предислов., въ Почаев. библ., № 384, въ концѣ книги.

ція распространія вѣры, «конституціи, составленныя и собранныя на Гоццанскомъ съѣздѣ 1766 г., вслѣдствіе постановленіи 28 пункта послѣдней Врестской капитулы, 12-ю избранными на ней отцами, были рассмотрѣны на настоящей генеральной капитулѣ. Но собравшіеся отцы, принимая во вниманіе невозможность исполнить возложенную на нихъ обязанность какъ по неудобству зимняго времени (капитула открылась въ февралѣ мѣсяцѣ), такъ и военному времени и наконецъ по недостатку необходимыхъ предметовъ, и сверхъ того имѣя въ виду, что эти составленныя въ Гоццѣ конституціи не были рассматриваемы, согласно поминутой 28 конституціи, передъ провинціальными капитулами и на самыхъ провинціальныхъ капитулахъ; постановили, чтобы эти составленныя въ Гоццѣ конституціи разосланы были вновь имѣющимъ избраться на настоящей капитулѣ провинціалами, въ первый годъ ихъ должности, въ письменномъ или печатномъ видѣ, подъ заглавіемъ *Constitutiones examinandaе et seligendaе in futuris capitulis*, дабы разосланныя такимъ образомъ по монастырямъ всѣми могли читаться и обсуждаться, а по обсужденіи, съ замѣчаніями и мнѣніями о томъ, что можетъ быть измѣнено или дополнено; представлены были мѣстными настоятелями на провинціальныя капитулы, такъ чтобы съ большимъ, какъ надѣемся, удобствомъ могли быть строже рассмотрѣны и исправлены, чтобы рассмотрѣнныя такимъ образомъ и исправленныя окончательно опредѣлены были на имѣющей быть черезъ 8 лѣтъ генеральной капитулѣ и посланы въ Римъ на утвержденіе священ. конгрегаціи»¹⁾. Впрочемъ, въ дополненіе и измѣненіе Гоццанскихъ конституцій, капитула 1772 года сдѣлала много постановленій, относящихся къ внутреннему благоустройству ордена²⁾.

Какъ Гоццанскія конституціи 1766 года, такъ и акты Врестской генеральной капитулы 1772 г. отпечатаны были въ Почаевѣ

¹⁾ Тамъ же, сесс. 3.

²⁾ Тамъ же, сесс. 2.

въ томъ же 1772 году и разсланы русскимъ провинціаломъ Онуферіемъ Братковскимъ по монастырямъ своей провинціи ¹⁾. Въ циркулярѣ своемъ отъ 30 іюля 1773 года Братковскій передавалъ подчиненнымъ ему монахамъ распоряженіе своей провинціальной консультаціи, «чтобы конституціи послѣдней генеральной капитулы, напечатанныя по латыни и по польски, а также постановленія Гайскаго конгресса, розданныя и имѣющія раздаться по монастырямъ, внятно читались по субботамъ въ столовой, по прочтеніи отдѣла правилъ св. отца, и соблюдались до дальнѣйшаго распоряженія ордена, подъ угрозой наказанія во время визиты за неисполненіе» ²⁾. Это распоряженіе неразъ потому повторылось съ предписаніемъ особенно заботиться объ искорененіи «спорова пьянства между монахами, противъ которыхъ поднимается въ настоящее время ужасный вопль магнатовъ и всѣхъ свѣтскихъ» ³⁾. Между тѣмъ конгрегация распространенія вѣры, кою представлены были акты Брестской капитулы 1772 года, подняла вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли утверждать постановленія этой капитулы относительно внутренняго устройства ордена, въ виду составленія цѣлаго сборника базилианскихъ конституцій. По этому вопросу папа сдѣлалъ постановленіе, чтобы базилиане постарались объ окончаніи сборника постановленій указаннымъ на этой капитулѣ способомъ и потомъ испросили апостольское утвер-

¹⁾ Полное заглавіе ихъ слѣдующее: *Constitutiones examinandae et seligendae in futuris capitulis provincialibus, tum denique generali ordinis S. B. M. patribus et fratribus ejusdem ordinis ad meliorem usum prius lecturis, et suum votum, quod in Domino cuique visum fuerit, propriis locis pro addendo vel minuendo quo, propositaris exhibitae.* Typis S—ae R. M. Poscajoviae 1772 anno. Экземпляръ этой книги есть въ бібліотекахъ Почаевской лавры и Волынской семинаріи.

²⁾ См. рукоп. истор. Загаецк. монастыря, въ архивѣ Кременецкаго Боговляненскаго мон., л. 18 и 19.

³⁾ Циркуляры того же Братковскаго отъ 28 іюня 1774 г. и 15 окт. того же года, тамъ же, л. 20 и 24.—

ждение ¹⁾. Вслѣдствіе этого Гоцанскія конституціи, по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ на провинціальныхъ капитулахъ 1776 года ²⁾, были пересмотрѣны и исправлены на генеральной Торонской капитулѣ 1780 года ³⁾. Но и это исправленіе не было окончательнымъ. Мы знаемъ, что въ 1784 году базилианскія конституціи вновь разсматриваемы были, въ теченіи двухъ недѣль, на Барской провинціальной консультаціи въ Семенахъ ⁴⁾. Изъ самаго же кодекса изданныхъ въ послѣдствіи конституцій базилианскаго ордена мы видимъ, что въ этотъ кодексъ вошли и постановленія генеральной Жидичинской капитулы 1788 года о числѣ членовъ капитулы ⁵⁾. Слѣдовательно окончательное дополненіе и исправленіе кодекса базилианскихъ конституцій послѣдовало не раньше 1788 года. Наконецъ, въ 1791 году онъ изданъ былъ въ Почаевѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Codex Constitutionum ordinis s. Basilii Magni ex Sancitis antiquorum capitulorum congregationes Ruthenorum et Decretorum Sanctae Sedis collectarum, ad textum Regulae S. Patris nostri exactus et conformatus* ⁶⁾. Но для насъ остается неизвѣстнымъ, былъ ли этотъ кодексъ представленъ въ Римъ на утвержденіе Конгрегаціи распространенія вѣры. —

Такимъ образомъ, между составленіемъ Гоцанскихъ конституцій 1766 года и кодекса 1791 года протекло 25 лѣтъ. Въ

¹⁾ Декретъ 10 іюля 1775 г., § 2, въ книгѣ, *Indulgentiae, brevia, decreta..*, 1788 г., ч. 1, стр. 14—20.

²⁾ Такъ, онъ разсматривались на униевской провинціальной капитулѣ 1776 г. См. акты сей капитулы, сесс. 16, въ Почаев. архив., № 723.

³⁾ Краткія извѣстія о положеніи базилиан. ордена съ 1772 и до 1811 года, въ Трудахъ Кіев. дух. Акад., за іюль 1868 г., стр. 149—150.

⁴⁾ Рукоп. истор. Загаецкаго мон. въ архивѣ Кременецк. Богоявлен. мон., л. 37 на оборотѣ.

⁵⁾ *Codex Constitutionum Ord. S. V. M.*, 1791 г., стр. 192.

⁶⁾ Экземпляры этой книги находятся въ бібліотекахъ Почаевской лавры и Волынской семинаріи.

теченіи этого времени, конечно, не могло прекратиться развитіе базилианскаго законодательства и произвесть нѣкоторой разницы между обоими кодексами. Развитіе же базилианскаго законодательства, со времени составленія Гоццанскихъ конституцій и до 1791 года, совершалось двумя Путиами: путемъ естественнаго развитія нецѣльныхъ и несовершенныхъ положеній Гоццанскихъ конституцій въ болѣе полныя, округленныя и совершенныя, и путемъ особенныхъ событій, коими ознаменованы были послѣдніе годы существованія Польши, заключавшей въ себѣ базилианскій орденъ.

Намъ ровансь впоследствии говорить о вліяніи послѣднихъ дней жизни Польши на судьбу базилианскаго ордена, въ настоящее время скажемъ только о естественномъ, обыкновенномъ способѣ развитія базилианскаго законодательства съ 1766 года, означенномъ нѣкоторыя дополненія къ Гоццанскимъ конституціямъ 1766 года, или измененія ихъ. Въ кодексѣ 1791 года вновь опредѣлены: путевыя расходы генерала ордена, порядокъ апелляцій къ генералу и отъ генерала къ митрополиту; вновь изложены правила о фискалѣ, генеральномъ претоконсульторѣ и викарномъ генералѣ, о капитулярныхъ судахъ и ихъ обязанностяхъ, о ректорѣ, о кураторахъ кухни и трапезы, о казначеѣ, о практическомъ порядкѣ судопроизводства и т. п. Дополнены и точнѣе опредѣлены прежнія постановленія о правахъ генерала и генеральныхъ консульторовъ, провинціаловъ и ихъ консульторовъ, секретаря, историографа и архивариуса провинціи; о мѣстномъ настоятелѣ, священникахъ, духовникахъ, проповѣдникахъ и миссионерахъ, о процессорахъ, о провинціальныхъ капитулахъ и проч. Такъ напр. генералу ордена предоставлены архимандричьи украшенія. Прокуратору римскому на генеральныхъ консультаціяхъ *указано мѣсто послѣ генеральныхъ консульторовъ*. Консульторы эти подаютъ свои мнѣнія, начиная съ послѣдняго; въ случаѣ же разногласія ихъ, дѣло рѣшается секретными голосами, въ такомъ же порядкѣ. Провинціалу предоставлено право требовать отъ су-

періора претоархимадрічяго монастыря отчета въ управленіи монастыремъ и дѣлать другія распоряженія по сему монастырю; имѣть для дѣлопроизводства другаго монаха кромѣ секретаря провинціи; требовать отъ казначей черезъ каждые три мѣсяца отчета; призывать вокальныхъ суперіоровъ въ суду и отрѣшати ихъ отъ должности, съ допесеніемъ о томъ генералу; рекомендовать епископамъ достойныхъ рукоположенія въ свящ. санъ, и поручати опытнымъ монахамъ учить ихъ обрядамъ; слѣдить за назначеніемъ монашескихъ наказаній, во время визитаціи отклонять отъ себя возникающія между монахами дѣла, шебывшія на разсмотрѣніи мѣстнаго суперіора. На секретаря провинціи возложено воденіе ятокъ консультаціи, завѣдываніе провинціальною кассою, напоминаніе провинціалу о срочныхъ дѣлахъ, веденіе книгъ поступающихъ и исходящихъ бумагъ, интраенной книги и книгъ о числѣ поступившихъ въ монашество и принявшихъ профессию... Но зато секретарь провинціи освобожденъ отъ завѣдыванія провинціальнымъ архивомъ, который порученъ одному изъ провинціальныхъ консульторовъ. Мѣстный настоятель ежемѣсячно требуетъ отъ подлежащихъ лицъ отчета, въ присутствіи казначей; еженедѣльно спрашиваетъ монаховъ о томъ, какую кто изъ нихъ читалъ книгу; имѣетъ право лишать бенефиціи тѣхъ лицъ, кои злоупотребляютъ ими; составляетъ генеральную опись своего монастыря въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ посылается въ архивъ провинціи, а другой передается прежнему. Вѣроятно, въ виду частыхъ искательствъ при выборахъ въ генералы, въ формулѣ присяги избирателей прибавлены были слова: «избираю..., руководясь въ совѣсти не просьбами, обещаніями, подарками или какими либо угрозами, но единственно пользою, ожидаемою для церкви Божіей и нашей конгрегаціи», и проч. Измѣнены были, противъ Гоцанскихъ конституцій 1766 г., еще слѣдующіе пункты: уничтожено званіе генеральныхъ секретарей, обязанности коихъ поочередно исполняли консульторы; от-

яло у братіи избраніе келара и нѣкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ монастыря, и предоставлено настоятелю. Въ прежнее время, до 1751 года, провинціальныя капитулы происходили совмѣстно съ генеральными, тотчасъ по окончаніи послѣднихъ; а съ 1751 г. онѣ собирались дважды въ каждое восьмилѣтіе, однажды среди его, и другой разъ—совмѣстно съ генеральною капитулою. Но кодексомъ 1791 года уже предписывается, чтобы провинціальныя капитулы не собирались совмѣстно съ генеральными, а предваряли ихъ нѣсколькими мѣсяцами, дабы обсуждаемые на провинціальныхъ капитулахъ предметы могли быть докладываемы на генеральныхъ капитулахъ. Въмѣсто прежняго постановленія о томъ, чтобы о домогающихся выбора на какую либо должность доносило было капитулярнымъ судьямъ, кодексъ предписываетъ доносить председателю капитулы и опредѣляетъ порядокъ процесса противъ такихъ лицъ. Наконецъ, кодексомъ 1791 года совершенно отмѣнены были прежнія постановленія о мониторингѣ, вестіаріѣ или завѣдывающемъ монашескою одеждою и о винахъ и наказаніяхъ для высшихъ въ орденѣ лицъ.

Но несмотря на отдаленность времени, отдѣляющаго составленіе одного кодекса отъ составленія другаго, и на указанныя нами разности между ними,—всетаки Гоцанскія конституціи 1766 года и кодексъ конституцій 1791 года имѣютъ между собою тѣсную связь и родство. Тотъ и другой сборникъ базилианскихъ постановленій имѣлъ своею цѣлю устранить беспорядки, обнаружившіеся въ базилианскомъ орденѣ около XVIII вѣка и указанные въ рукописи *Regulae monasticae seu constitutiones Iosephi Wellamini Rutski*; тотъ и другой, прямо или не прямо, имѣлъ эту рукопись исходною своею точкою и развивалъ ея положенія. Составитель рукописи *Regulae monasticae* обличалъ, какъ мы видѣли, нарушеніе базилианами обѣта нестяжательности, монашескую торговлю, близкое общеніе съ женщинами, открытіе тайны исповѣди, оставленіе и искаженіе древнихъ церковныхъ обычаевъ,

убожество стола, отсутствіе мебели въ келліяхъ, праздность и протстекающіе изъ нея пороки, суетность и роскошь настоятелей въ одеждѣ, приѣмъ гостей, путешествіяхъ и проч., ихъ самоупорство и деспотизмъ по отношенію къ прочимъ монахамъ и проч. И составители сборниковъ вооружаются противъ тѣхъ же самыхъ недостатковъ. Такъ напр. они ограничиваютъ роскошь, расточительность и суетность прелатовъ, приѣмъ и угощенія знатныхъ женщинъ въ своихъ покояхъ и особенности въ одеждѣ и пищѣ; запрещаютъ монаху имѣть собственность, безъ разрѣшенія провинціала; предписываютъ аббатамъ составлять реестры ихъ собственныхъ вещей; запрещаютъ монахамъ торговлю и тѣсное обращеніе съ женщинами; заботятся о возстановленіи древнихъ обычаевъ; устанавливаютъ единообразный порядокъ богослуженія и назначаютъ особаго профекта обрядовъ; назначаютъ для монаховъ 4 кушанья за столомъ и опредѣляютъ порядокъ, въ какомъ должны сидѣть монахи въ столовой; для избѣжанія праздности рекомендуютъ давать монахамъ ручные и неручные труды и рекреации; предписываютъ настоятелямъ снабжать монашескія келліи необходимою мебелью, наказывать монаховъ не иначе, какъ съ совѣта монастырскихъ консульторовъ, давать трудящимся монахамъ нѣкоторыя льготы; запрещаютъ дѣлать выговоры монахамъ или наказывать ихъ передъ сторонними, и проч. Согласно замѣчаніямъ автора рукописи *Regulae monasticae*, составители сборниковъ базилианскихъ постановленій дозволяютъ монахамъ приобрѣтати въ собственность книги и назначаютъ экзаминаторовъ для испытанія назначаемыхъ на должности лекторовъ, духовниковъ, проповѣдниковъ, священниковъ и др ¹⁾. Далѣе, тотъ и другой кодексъ, въ отличіе отъ предшествовавшихъ имъ сборниковъ,

¹⁾ При сравненіи разбираемыхъ сборниковъ мы не дѣлали частныхъ цитатъ изъ нихъ потому, что намѣрены подробно изложить содержаніе этихъ сборниковъ.

*

имѣлъ универсальный характеръ и обязательную силу для всѣхъ провинцій базилианскаго ордена. Даже порядокъ расположения предметовъ въ Гошанскихъ конституціяхъ 1766 года и кодексѣ конституцій 1791 года одинъ и тотъ же, такъ что послѣдній изъ этихъ кодексовъ во многихъ мѣстахъ буквально повторяетъ текстъ Гошанскихъ конституцій 1766 года. Поэтому мы, не распространяясь подробно о каждомъ кодексѣ поразнь, изложимъ ихъ содержаніе въ совокупности и связи между собою ¹⁾, при чемъ укажемъ, по возможности, и тѣ источники, которыми пользовались составители рассматриваемыхъ нами кодексовъ.

Constitutiones examinandae et seligendae in futuris capitulis 1766 года и Codex constitutionum ordinis S. B. M., 1791 года раздѣлены на четыре части: А) о постановленіяхъ общихъ, обязательныхъ для базилианъ, куда относятся постановленія о монашескихъ обѣтахъ, о внутреннемъ и внѣшнемъ богопочтеніи и внѣшней монашеской дисциплинѣ; Б) о постановленіяхъ особенныхъ или правилахъ должностныхъ лицъ, какъ то: о правилахъ генеральныхъ, провинціальныхъ и монастырскихъ чиновниковъ, о школахъ и навиціатахъ; В) о формулахъ публичныхъ актовъ, какъ то: генеральныхъ и провинціальныхъ капитулъ, визитаціи, инсталлации или ввода суперіоровъ, возобновленія обѣтовъ, и о формулахъ присяги, даваемыхъ должностными лицами, и Г) о постановленіяхъ относительно монашескихъ наказаній. Этому порядку послѣдуемъ и мы, при изображеніи внутреннего состоянія базилианскаго ордена въ XVIII в., насколько это состояніе отразилось въ упомянутыхъ кодексахъ и другихъ документахъ, имѣющихъ у насъ подъ руками.

¹⁾ Считаемо нужнымъ замѣтить, что мы будемъ опускать текстъ св. Василія Великаго, полагаемый въ началѣ базилианскихъ конституцій, особенно въ первой части, такъ какъ этотъ текстъ болѣе или менѣе доступенъ для читателей.

А). О постановленияхъ общихъ, обязательныхъ для всѣхъ базилианъ.

Первая часть базилианскихъ конституцій, содержащая общія для всѣхъ базилианъ правила, заключала въ себѣ четыре отдѣла: о монашескихъ обѣтахъ, о внутреннемъ богопочтеніи, о внѣшнемъ богопочтеніи и о внѣшней монашеской дисциплинѣ.

1) Коренными монашескими обѣтами считаются: повиновеніе, нестяжательность, чистота и недопомогательство дочестей.

Главное состоитъ въ томъ, чтобы охотно, непринужденно, со смиреніемъ и безъ всякой отговорки исполнить то, что монахамъ приказываютъ начальники, представляющіе собою Бога. А дабы монахи удобнѣе приучались къ повиновенію, для этого предписывается настоятелямъ, чтобы они не потакали своеволю монаховъ и въ случаѣ наклонности монаха къ чему либо, заставляя его оставить упорство и исполнить приказаніе, при чемъ однако суперіоры должны руководиться правилами благоразумія и любви. Подъ угрозою отлученія запрещается монахамъ, чтобы нигде къ нимъ не вступался дерзко спорить съ настоятелемъ, представляющимъ собою лице Господа, и оскорблять его словами или клятвами либо злословіемъ. Если бы кто погрѣшилъ противъ почитаемаго суперіору почтенія, то остальные монахи сами должны стараться, чтобы виновный былъ строго наказанъ и чтобы малѣйшій даже проступокъ противъ неуваженія къ настоятелю не оставался безъ наказанія. Если бы они отказали настоятелю въ помощи, необходимой для наказанія преступника, то сами должны подвергнуться повелѣнію наказанія, назначеннаго для преступника. Если же, вслѣдствіе сопротивленія и раздоровъ между монахами, настоятель не можетъ наказывать преступника надлежащимъ образомъ; то въ такомъ случаѣ онъ долженъ просить помощи сосѣдняго монастыря или, по не имѣнію въ сосѣдствѣ базилианскаго монастыря или дома другаго института, употребить свѣтскую

помощь и при ея пособіи наказатъ преступниковъ, по правиламъ благоразумія, любви и справедливости. Если кто имѣетъ законную причину не исполнить приказанія настоятеля и вышолнить наказанія; то первоначально, съ должнымъ почтеніемъ объясняетъ эту причину настоятелю, и если настоятель не отмѣнитъ своего рѣшенія, а между тѣмъ монахъ видитъ въ этомъ тяжкую и неспосную обиду для себя, то ему можно апеллировать къ ближайшему начальнику ¹⁾, т. е. къ визитатору, или, по отдаленности его, можно письменно пригласить сосѣдняго настоятеля, который обязанъ прибыть въ монастырь, разрѣшить недоумѣніе и представить все дѣло визитатору ²⁾. Но если наказаніе только медицинское и исправительное, то нельзя ему дѣлать апелляціи, не выполнивъ сего наказанія, и то по истеченіи трехъ дней послѣ него, когда душа его можетъ успокоиться и освободиться отъ страсти. Послани же къ повиновенію относится не только исполнять приказаніе, но ничего не дѣлать безъ порядка, безъ приказанія сунеріора; то посему строго предписывается монахамъ, чтобы никогда никто не приступалъ къ занятію тѣми ремеслами, какія кто знаетъ, не говорилъ съ стороннимъ или приглашалъ ихъ въ келліи, не писалъ и не получалъ писемъ, безъ разрѣшенія настоятеля. Однако дозволяется монахамъ, съ разрѣшенія мѣстнаго настоятеля, писать письма къ вышнимъ начальникамъ и къ консулторамъ и секретарямъ и получать отъ нихъ, и настоятель не можетъ препятствовать имъ въ этомъ. Запрещается монахамъ испрашивать у свѣтскихъ рекомендацїи письма для того, чтобы отклонить послушаніе, или воспрепятствовать ему, или замедлить, а тѣмъ болѣе избѣжать должнаго наказанія за проступокъ или вину. Все безъ изытїя обязываются безъ замедленія, по первому звуку колоколычика, какъ бы по гласу Господа

¹⁾ Constitutiones examin. et selig. in futuris Cap., стр. 24 и сл. Сн. Codex Constitutionum ordinis s. B. M., стр. 14 и слѣд.

²⁾ Codex Constit., стр. 11.

призывающаго, собираться на общественныя собранія хора, трапезы, школы и др., за исключеніемъ диспенсаторовъ и имѣющихъ законное препятствіе. Подобное же повиновеніе монахи должны оказывать не только настоятелямъ, но и другимъ должностнымъ лицамъ, какъ-то: викаріямъ, епископамъ и проч., относительно того, чего они требуютъ или по порученію настоятелей, или въ силу правъ, усвоенныхъ ихъ должностямъ. Сами настоятели должны помнить, что и они не освобождены отъ обязанности повиновенія. Посему всѣ настоятели, какъ временные, такъ и пожизненные, не исключая и самихъ аббатовъ, обязываются подавать своимъ подчиненнымъ примѣръ сей добродѣтели, оказывая совершенное повиновеніе какъ своимъ начальникамъ, такъ чину и конституціямъ нашей конгрегации. Протоархимандритъ же, неимѣющій ближайшаго начальника, кромѣ папы и генеральной капитулы, долженъ оказывать совершенное повиновеніе не только правиламъ своей должности и нашимъ конституціямъ, но и декретамъ папскаго престола и конгрегации распространенія вѣры ¹⁾.

Басательно нестяжательности или нищеты базилианскія постановленія въ разное время не совсѣмъ были одинаковы. Въ гоцанскихъ конституціяхъ 1766 года было постановлено, чтобы пища, одежда и медицинскія пособія выдавались монахамъ изъ общихъ запасовъ, съ различеніемъ однако въ одеждѣ между отцами и братьями, также между отцами простыми и проповѣдниками, лекторами и викаріями, между викаріями и настоятелями и заслуженными въ орденѣ ²⁾. Но такъ какъ многіе базилианскіе монастыри были бѣдны и не всѣ они могли давать монахамъ одинаковую по всѣмъ монастырямъ пищу и одежду; то составители кодекса 1791 года, не опредѣляя подробно количества и качества

¹⁾ Constitutiones..., 1766 г., стр. 24—27; Codex, 1791 г. стр. 11—12.

²⁾ Constitut., стр. 29—30. Сн. Декретъ 25 іюня 1599 г. въ книгѣ Summarisuz Regul., 1751 г., стр. 143—144.

одежды, предоставили послѣдующимъ провинціальнымъ капитуламъ изыскать способы къ тому, какии бы образомъ доставить монахамъ бѣдныхъ монастырей необходимое содержаніе, а между тѣмъ, до изысканія помлнутыхъ способовъ, постановили ежегодно выдавать монахамъ извѣстное количество денегъ на одежду, приблизительное опредѣленіе коего должно было принадлежать тѣмъ же провинціальнымъ капитуламъ. Но выдача этихъ денегъ не должна производиться тѣмъ лицамъ, кои бы стали злоупотреблять этими деньгами: такимъ лицамъ все необходимое долженъ доставлять самъ настоятель. Кромѣ денегъ на одежду, настоятели богатѣйшихъ монастырей обязаны заботиться и о другихъ нуждахъ братіи ¹⁾. Не дозволяется настоятелямъ, а тѣмъ болѣе низшимъ монахамъ, имѣть особыхъ коней, экипажи, коляски, слугъ; но все это должно быть въ монастырѣ общимъ, для удовлетворенія потребностей какъ настоятелей, такъ и прочихъ монаховъ ²⁾. Впрочемъ, по причинѣ скудости монастырскихъ доходовъ, визитаторы могутъ дозволять нѣкоторымъ вещи и собственности, однако не иначе, какъ во время канонической визитации, и при томъ несомненно, съ тѣмъ, что если бы прелатъ вздумалъ обратить ее на другое, они не должны ему прекословить. Визитаторъ же обязанъ разрѣшать употребленіе помлнутаго, если нѣтъ законнаго препятствія къ тому. Если же, въ случаѣ злоупотребленія, онъ найдетъ нужнымъ воспретить кому либо собственность; то не обращаетъ ее въ свою пользу, но съ его согласія, отдаетъ какому либо монастырю своей провинціи, назначивъ для этого монаха какую либо часть годичнаго дохода съ этой суммы. Монахамъ, имѣющимъ собственность и не злоупотребляющимъ ею, дозволяется, согласно 29 конституціи Брестской капитуламъ 1759 года, съ разрѣшенія генерала, передать эту собственность какому либо

¹⁾ Codex..., 1791 г., стр. 14.

²⁾ Const., стр. 39; Codex, стр. 104. См. декретъ папскій отъ 25 іюня 1599 г. въ книгѣ Summariusz Regul., 1751 г.

монастырю. Аббаты и даже сами провинциальные интиторы обыкновенно испрашивают разрѣшеніе генерала на пользованіе своими вещами и собственностію ¹⁾). Аббаты, получившіе до своего поставленія право пользоваться такими либо вещами, составляютъ реестръ этимъ вещамъ въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ отсылаютъ въ архивъ генерала, а другой оставляютъ въ архивѣ монастыря, дабы такимъ образомъ легко можно было отличить дозволенные ему предметы отъ приобретенныхъ въ званіи простого монаха ²⁾). Возводимые же на епископства не иначе оставляютъ орденъ, какъ сдѣлавши подобный реестръ и отпавшись отъ всего, чѣмъ они пользовались съ дозволенія ордена. Если же начальники найдутъ нужнымъ дозволить пользованіе и на дальнѣйшее время; то они должны дѣлать это не иначе, какъ отобравъ собственноручное обязательство или возвратитъ это ордену, или при первомъ случаѣ заплатитъ за оное. Но начальники не иначе дозволяютъ пользоваться вещами, какъ по ходатайству настоятелей. Изъ тѣхъ вещей, коими дозволено монаху пользоваться, онъ не можетъ ничего дарить стороннему или своему, мѣнять на другую вещь, хотя бы и лучшую, или какииъ либо образомъ распорядиться этимъ, безъ согласія и дозволенія настоятеля. Если монаху доведется получить что либо, то онъ долженъ представить полученное настоятелю, отъ коего будетъ зависѣть рѣшеніе, можетъ ли монахъ пользоваться этою вещію, или нѣтъ. Дозволяется монахамъ, съ разрѣшенія настоятеля, получить книги, держать ихъ и переносить съ собою, при переводѣ изъ одного монастыря въ другой ³⁾). Если кто утратить

¹⁾ Const., стр. 30—31; Акты Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 50, въ Почаевск. библ. № 384; Codex..., 1791 г., стр. 104.

²⁾ Codex..., 1791 г., стр. 15.

³⁾ Constit., стр. 30—32. Последнее постановленіе есть прямое отмиженіе постановленія 21 Литовской конгрегациі, сдѣланное, вѣроятно, по совѣту автора рукописи *Regale monasticæ*, л. 8.

какую либо вещь, испортить, злоупотребить ею и т. п., тотъ долженъ повиниться предъ настоятелемъ и просить у него наказанія за свою вину. Дабы монахи были свободны отъ житейскихъ попеченій, имъ предписывается, чтобы они не отваживались заниматься торговлей; оставшееся же отъ годовыхъ припасовъ и пищи могутъ продавать или обмѣнивать, но въ пользу монастыря.

Для соблюденія ангелоподобной чистоты, каждый долженъ имѣть въ виду наставленія св. Василія Великаго. Внутри ограды монастыря не допускается никакая женщина, безъ прямого разрѣшенія римскаго престола, и свиданіе съ ними могутъ имѣть только тѣ, коимъ дозволяетъ это настоятель. Поэтому привратникъ обязанъ докладывать настоятелю, хотя бы и не его требовали, а другаго какаго либо брата. Обращенія съ женщинами монахи должны бояться какъ огня, и не иначе бесѣдовать съ ними, какъ только по необходимости, съ товарищемъ, и съ дозволенія настоятеля. Говорить же нужно немного и коротко, о необходимомъ или душеспасительномъ, со скромностію и важностію, на открытомъ мѣстѣ; назначенный же настоятелемъ товарищъ долженъ находиться на такомъ мѣстѣ, съ котораго бы можно видѣть ихъ, но не слышать разговоровъ. Поселяку у монаховъ, коимъ приводится жить внѣ монастыря, уединенная жизнь не свободна отъ опасности; то посему настоятели должны стараться, особенно въ городахъ, чтобы по крайней мѣрѣ отлучались по двое, такъ чтобы они взаимно могли быть свидѣтелями своего поведенія и невинности и мониторами. Если же этого нельзя сдѣлать, то нужно посылать людей, окрѣпшихъ въ уединенной жизни ¹⁾.

Обѣтъ непомогательства высшихъ степеней установленъ Рутскимъ на первой генеральной капитулѣ Новогрудской. Въ силу

¹⁾ Const., стр. 29—35; Codex., стр. 14—19.

этого объѣта, Дубенская капитула 1743 года, запретила должностнымъ лицамъ ордена и провинцій домогаться бенефицій и промоцій до окончанія срока ихъ должностей, а также возводить на высшія степени раньше 6-ти лѣтъ по окончаніи ученія ¹⁾. На Брестской же генеральной капитулѣ 1747 года постановлено было, чтобы монахи, получающіе церковныя бенефиціи, каждый разъ испрашивали на то разрѣшенія у провинціала и генерала ордена ²⁾. Но частію сами базилиане, частію римскій дворъ находили стѣснительными эти постановленія и постепенно ослабляли ихъ. На Брестской капитулѣ 1751 года отмѣнено было постановленіе Дубенской капитулы о невозведеніи на высшія степени должностныхъ лицъ ордена и провинцій, дабы церковь не лишилась достойныхъ пастырей ³⁾. Папскимъ бреве отъ 12 апрѣля 1753 г. отмѣнено было испрошеніе согласія провинціала и генерала для возведенія на бенефицію, хотя и не отмѣненъ 4-й объѣтъ ⁴⁾. Наконецъ конгрегация распространенія вѣры въ декретѣ своемъ отъ 11 іюля 1763 года находила жестокимъ постановленіе о томъ, чтобы окончившіе курсъ ученія раньше шести лѣтъ не были возводимы на высшія степени ⁵⁾. Такое же колебаніе относительно 4-го объѣта замѣтно и въ кодексахъ базилианскихъ конституцій. Составители Гоцанскихъ конституцій 1766 г. проектировали, чтобы, во исполненіе 4-го объѣта, никто изъ базилианъ, трудившійся 6 лѣтъ или нѣтъ, не искалъ префектуръ, должностей и достоинствъ, какъ внѣ, такъ и внутри ордена, и не домогался ихъ самъ, или черезъ другихъ, тайно или явно, прямо или непрямо,

¹⁾ Акты Дубен. капит., 1743 г., сесс. II, въ рукоп. сборн. Волин. сем., № 1289.

²⁾ Акты Брестск. капит. 1747 г., сесс. 3, § 22; тамъ же.

³⁾ Акты Брестк. капит. 1751 г., сесс. 2, § 14; тамъ же.

⁴⁾ Bullae et brevia Summorum Pontificum., 1767 г., ч. 2, стр. 86—87.

Здѣсь же и декретъ Конгрегации распространенія вѣры отъ 25 августа 1763 г., объясняющій это бреве.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 137—140.

подъ угрозою наказаній, опредѣленныхъ и означенныхъ въ свящ. канонахъ. Никто также не можетъ соглашаться на номинацію или избраніе себя на епископства и монашескія помыженныя прелатства, безъ дозволенія старшихъ, коликъ повелѣвается, чтобы не позволили соглашаться никому, кто бы, согласно базилианскому постановленію и депретахъ конгрегаціи распространенія вѣры, не провелъ 6-ти лѣтъ въ занятіяхъ, и притомъ безъ строжайшаго счета въ управленіи монастырехъ и едахи всѣхъ австрографовъ, крѣпостныхъ янцовъ и документовъ, служащихъ или ордену, или провинціи, или монастырю, и безъ передачи ихъ въ подлежащее архивы ¹⁾. Но кодексъ конституцій 1791 года уже не требуетъ 6-тилѣтняго срока для полученія высшихъ степеней и прелатствъ ²⁾.

Поминутые четыре обѣта ежегодно должны были повторяться и возобновляться въ день св. Василія Великаго, по установленной для этого формѣ ³⁾. А чтобы эта духовная жертва была прилежнѣе Богу, монахи не пранимутъ накануне приготовить къ этому упражненію въ добрыхъ дѣлахъ. Кроме того, въ теченіи трехъ дней до возобновленія, за столомъ въ общей трапезѣ кто либо изъ старѣйшихъ долженъ читать книгу св. Василія Великаго объ аскетическихъ подвигахъ ⁴⁾.

2) Въ отрывкѣ о внутреннемъ богопочтеніи составители Голландскихъ конституцій 1766 года разсуждали о размышленіи или внутренней молитвѣ, о духовномъ чтеніи, испытаніи совѣсти, таинствѣ покаянія, причащеніи, открытіи сердца, умерщвленіи и о домашнихъ увѣщаніяхъ; а составители кодекса прибавили къ этому трактаты о храненіи келліи и молчаніи, о воздержаніи, а

¹⁾ Constit., 1766 г., стр. 38. Св. Конгр. Брестск. 1772 г., сесс. 4, въ Почув. библіот., № 364.

²⁾ Codex., 1791 г., стр. 20.

³⁾ Const., 1766 г., стр. 38—39; Codex, 1791 г., стр. 21.

⁴⁾ Codex, 1791 г., стр. 21.

также заимствованные изъ правилъ св. Василія Великаго трактаты о стремленіи къ совершенству, любви къ Богу, богомыслию, подражаніи Христу, отреченіи себя, любви къ ближнему, о братской любви, кротости, терпѣніи, смиреніи и проч. Скажемъ о тѣхъ изъ сихъ пунктовъ, кои постановлены собственно базилианами.

Для духовнаго совершенства, всѣ базилиане ежедневно, передъ утренними молитвами, посвящаютъ полчаса внимательному размышленію о предметахъ небесныхъ, въ чемъ принимаютъ участіе и ланки. Размышленіе предваряется краткимъ чтеніемъ изъ какой либо книги размышленій, по выбору настоятеля. Между тѣмъ, пока совершается умственная молитва, никто не долженъ читать въ слухъ каноническихъ часовъ или другихъ молитвъ, никто не долженъ шумѣть, громко откашливаться, плевать или дѣлать что либо подобное, препятствующее молящимся. Каждую треть года во время своего искуса новиціи усовершенствуютъ свою душу благочестивыми упражненіями въ теченіи 8-ми дней; неопрофессы же исполняютъ ихъ ежегодно два раза, т. е. однажды при началѣ ученія послѣ вакацій, и въ другой разъ въ Четырехдесятницу, въ назначенное настоятелемъ время. Равно и старѣйшіе профессы ежегодно обязаны совершать осмидневныя размышленія, отъ коихъ настоятели не должны освобождать ни монаховъ, ни самихъ себя ¹⁾ и не должны жалѣть расходовъ на приобрѣтеніе нужныхъ для сего книгъ ²⁾. Филиальные или усыновленные монастыри, для исполненія сего благочестиваго дѣла, обращаются къ тѣмъ монастырямъ, коимъ они усыновлены ³⁾. Монаха, который бы не исполнилъ сего требованія, настоятель заставляетъ

¹⁾ Const., 1766 г., стр. 40; Сѣвек, стр. 37.

²⁾ Акты Врестск. Конгр. 1777 г., сесс. 4, § 44, въ Почаев. библ., № 384.

³⁾ Акты Врестск. Конгр. 1751 г., сесс. 2, § 25, въ рукоп. сборн. библ. Волын. семин., № 1289.

совершить двойныя осмидневныя размышленія ¹⁾. Самъ провинціалъ обязанъ, отложивъ всякое другое попеченіе, ежегодно совершать эти размышленія въ томъ монастырѣ, въ которомъ представится больше къ тому удобство ²⁾. Какія были эти осмидневныя размышленія, о семъ даетъ понятіе книга, подъ заглавіемъ — *Soliloquium octiduanum tempore anni recessus pia consuetudine practicanum* и проч., составленная реформаторомъ Станиславомъ Ключевскимъ для монаховъ реформатскаго и другихъ орденовъ и изданная въ 1771 году въ Почаевѣ, съ одобренія базилианскаго цензора Іеронима Стрелецкаго. Въ этой книгѣ на каждый изъ осми дней описаны: особая молитва, упражненіе въ любви, утреннее размышленіе, сокрушеніе, размышленіе о какомъ либо божественномъ предметѣ, испытаніе, удрученіе, вечернее размышленіе, сокрушеніе, и проч. ³⁾.

Базилиане должны знать, что все заключается въ стремленіи къ усовершенствованію въ основныхъ добродѣтеляхъ; а посему, для достиженія сей цѣли, ежедневно должны посвящать, по крайней мѣрѣ четверть часа, духовному чтенію, преимущественно того, что содержится въ правилахъ, постановленіяхъ и наставленіяхъ Василія Великаго, и не опустятъ внимательно слушать въ трапезѣ, во время чтенія, и сами чаще пересматривать ихъ частнымъ образомъ ⁴⁾.

Каждый день вечеромъ, за четверть часа до призыва къ ночному молчанію, монахи должны собираться въ одно мѣсто, въ церковь, ораторію или трапезу, испытывать здѣсь свою совѣсть и припоминать, какъ провели день ⁵⁾. Это испытаніе оканчивается нѣніемъ псалма *de profundis*, во утѣшеніе, данное индultz-

¹⁾ Конгр. Брестск. 1772 г., сесс. 4, § 41. Сн. Codex, 1791 г., стр. 38.

²⁾ *Constitutiones*, 1766 г., стр. 135—136.

³⁾ Экземпляръ этой книги находится въ библиотекѣ Волын. сем., за № 826.

⁴⁾ *Const.*, 1766 г., стр. 41; *Codex*, 1791 г., стр. 38.

⁵⁾ *Const.*, стр. 42; *Codex*, стр. 39.

генціей Климента XIV душамъ умершихъ профессовъ базиліанскаго ордена ¹⁾). Согласно увѣщанію и предписанію св. Васліа Великаго, монахи съ величайшимъ стараніемъ должны заботиться объ очищеніи совѣсти отъ всякаго, даже малѣйшаго грѣха; а по-сему не священники каждый торжественный праздникъ и воскресный день должны исповѣдывать свои грѣхи передъ назначеннымъ духовникомъ, а священники столько разъ, сколько потребуетъ необходимость и большая чистота совѣсти ²⁾). Никто изъ базиліанъ, коренный ли житель монастыря, или гость, не долженъ исповѣдываться у стороннихъ, безъ разрѣшенія настоятелей, и никому не дозволяется обращаться съ священною исповѣдію къ кому либо другому изъ базиліанъ, кромѣ назначеннаго провинціальнымъ визитаторомъ духовника, или же экстраординарнаго, назначеннаго и утвержденнаго мѣстнымъ настоятелемъ. Однако внѣ монастыря, гдѣ нѣтъ значительнаго числа базиліанъ, можно исповѣдываться и передъ сторонними, лишь бы они были одобрены своими начальниками ³⁾). Не священники должны приобщаться во всѣ торжественные праздники и господскіе дни, клирики въ мантияхъ, ланки въ раскахъ, тѣ и другіе вмѣстѣ, во время божественной литургіи, если иначе не заблагоразсудится настоятелю, скромно, благоговѣнно, со сложенными крестообразно на персяхъ руками ⁴⁾).

Необходимымъ средствомъ къ усовершенію духа считается открытіе внутренняго челоуѣка настоятелю или тому лицу, коему поручено попеченіе о совѣсти. А тѣ, коиъ, по благочестивому смиренію, открыты будутъ внѣ исповѣди, для душевнаго облег-

¹⁾ Codex, стр. 49. См. эту индульгенцію отъ 8 сент. 1776 г. въ книгѣ: *Indulgentiae, brevia, decreta*, 1788 г., ч. 1, стр. 26—27.

²⁾ Const., стр. 43; Codex, стр. 41.

³⁾ Codex, стр. 41.

⁴⁾ Const., стр. 43; Codex, стр. 42—43.

чюмъ, сердечныя тайны, обязанности, въ силу св. послушанія, хранить ихъ въ величайшемъ секретѣ ¹⁾.

Относительно домашнихъ увѣщаній составители Гоманскихъ конституцій постановили, чтобы все аббаты и настоятели, по крайней мѣрѣ однажды въ мѣсяцъ, сами или черезъ другихъ дѣлали монахамъ увѣщанія къ монашескому житію и усовершенію въ немъ, каковыя увѣщанія должны быть производимы въ приличномъ мѣстѣ, гдѣ должны присутствовать все, если не представится важнаго препятствія къ тому ²⁾. Но составители кодекса 1791 года предписывали дѣлать такія увѣщанія только два раза въ годъ, каждый разъ не долѣе двухъ четвертей часа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по обычаю монастыря, бываетъ испытаніе совѣсти, и притомъ тотчасъ по окончаніи его. Въ меньшихъ же монастыряхъ, гдѣ неудобны увѣщательныя рѣчи, ихъ замѣняетъ чтеніе краткаго ученія св. отца объ аскетическихъ подвигахъ ³⁾.

Объ умерщвленіи и воздержаніи постановлено было, чтобы въ теченіи кѣлаго года по субботамъ, независимо отъ исповѣди, монахи обращались къ настоятелю или духовнику и смиренно просили наложить на нихъ эпитимію или добровольное удрученіе тѣла, какое найдутъ полезнымъ для духовнаго самоусовершенствованія. Это обязанъ дѣлать и настоятель, обращаясь въ себѣ дѣлѣ къ духовнику. Если окажется, что добровольно избранное умерщвленіе превышаетъ мѣру, вредитъ или скорѣе препятствуетъ добру, въ такомъ случаѣ то лицо, у кого испрашивается дозволеніе, обязано благоразумно умѣрить оное. Базиліане должны строго соблюдать воздержаніе, которое обуздываетъ плоть и ея страсти. Поэтому строго должны быть соблюдаемы многодневные посты, бывающіе четыре разъ въ годъ, и изъ нихъ весенній сорокодневный со всякою необходимою строгостію, остальные же

¹⁾ Const., 1766 г. стр. 44; Codex, стр. 43.

²⁾ Const., 1766 г., стр. 49.

³⁾ Codex, стр. 44.

съ воздержаніемъ отъ мяса и сыроастія. Такимъ же воздержаніемъ почитаются дни, которые считаются праздниками и вмѣстѣ постными днями, какъ-то: воздвиженія св. Креста и усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя. Навѣчерія же Рождества и Богоявленія не подчиняются строгости сорокадневнаго поста. Въ этихъ постовъ дозволяется, по древнему обычаю, ѣсть мясо только въ дни воскресныя, а также во второй, третій и пятый дни седмицы, въ субботы дозволяется только сыроастіе, а въ четвертый и шестой дни недѣли не дозволяется и сыроастія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ эти дни случается праздники Рождества Христова и Богоявленія, въ которые базилиане наслѣдовали обычай предшественниковъ совершенно отлагать постъ, какъ и въ дни субботніе ¹⁾). Никто изъ суперіоровъ не имѣеть права освобождать все монастырское общество отъ соблюденія постовъ и сыроастія въ сырную седмицу, безъ законнаго разрѣшенія, подъ угрозой лишенія активнаго и пассивнаго голоса, согласно декреталу Бенедикта XIV отъ 2 мая 1744 года ²⁾).

Всѣ монахи, особенно пресвитеры, имѣють, по возможности, отдѣльныя келліи и всѣ живутъ въ своихъ келліяхъ, занимаясь аскетическими подвигами или исполненіемъ лежащихъ на нихъ служебныхъ обязанностей; не должны шататься или болтаться по монастырю, какъ наприм. ходить по службамъ, если къ этому они не обязаны ³⁾; не должны безъ нужды входить въ чужія келліи, особенно во время молчанія. Если же нужно будетъ войти, то не иначе входить, какъ, по древнѣйшему обычаю, произ-

¹⁾ Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что мясная пища формально разрѣшена базилианамъ въ 1664 году. Счетъ недѣльныхъ дней здѣсь начинается съ воскреснаго дня.

²⁾ Const., 1766 г., стр. 75; Codex, стр. 75. Упомянутый декреталъ см. въ книгѣ—*Bullae et brevia*, 1767 г., ч. 2; о немъ мы говорили выше.

³⁾ Codex, стр. 49. См. декретъ 25 іюня 1599 года въ книгѣ—*Summariaz Regul*, 1751 года.

вспѣнія передъ дверями обычную краткую молитву: «Господи Ісусе Христе, помилуй насъ», и вслѣдствіе благословенія ¹⁾; должны пребывать въ тишинѣ и молчаніи и коими назначеннаго для отдыха времени не разговаривать, развѣ только не много и о необходимыхъ дѣлахъ, особенно же въ церкви, хорѣ, акафистѣ, трапезѣ, гдѣ если случится говорить о чемъ либо частнымъ образомъ, то нужно говорить тихимъ голосомъ ²⁾.

3) Въ третьемъ отдѣлѣ содержится постановленіе о внѣшнемъ богопочтеніи, къ коему относятся: божественная служба, евхаристія, доминовеніе, таинство покаянія.

Поселику св. отецъ Василій желаетъ, чтобы никто не уклонялся отъ молитвъ и пѣснопѣнія; то посему постановляется, чтобы каждый профессоръ клирикъ непременно участвовалъ въ богослуженіи, хотя бы и не имѣлъ еще посвященія. Во всѣхъ монастыряхъ божественная служба отправляется всѣми вмѣстѣ, старательно и благоговѣнно, голосомъ яснымъ, отчетливымъ, не громкимъ и не тихимъ, но среднимъ, и литургія должна совершаться въ малыхъ монастыряхъ по крайней мѣрѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а въ большихъ монастыряхъ ежедневно, безъ всякой отговорки. Голоса не должны быть слишкомъ протяжны или быстры. Стихи начинаются одинаково и соблюдаются обычныя въ срединѣ стиховъ паузы. Церковное пѣніе должно быть важно, умѣренно и приспособлено къ числу и напѣванъ церковныхъ гласовъ, и нужно избѣгать въ немъ нестройности и скорости, дабы пѣснопѣніе, долженствующее питать благочестіе народа, не было для него претинновеніемъ. Для точнѣйшаго опредѣленія времени церковныхъ молитвъ постановлено, чтобы утренняя начиналась въ началѣ 5-го часа, тотчасъ по окончаніи размыш-

¹⁾ Это постановленіе сдѣлано, вѣроятно, по совѣту автора рукописи *Regulae Monasticae*, л. 35 и др.

²⁾ *Codex*, 1791 г., стр. 49—50.

занія, каковоє время, по обстоятельствамъ мѣста, времени и употребленнаго начальникомъ обыкновенія, можно иногда перемѣнять, однако такъ, чтобы начало утрени не отлагивалось изъ 6-го часа. Каноническіе часы читаются около 10-го часу, вечерня съ повечеріемъ около 3-го или 4-го часа по полудни, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣстнымъ условіямъ ¹⁾. Декретомъ ^{10 ноября} 28 сентября 1775 года разрѣшено базилианамъ совершать литургію въ зимнее время однимъ или двумя часами раньше зари, и во всякое время года однимъ часомъ послѣ полудни ²⁾. Для единообразія же во вѣдѣшнемъ обрядѣ совершенія молитвъ постановляется: 1) чтобы монахи стояли прямо, когда поется Трисвятое съ молитвой Господней, Никейскій символъ, часовыя молитвы, славословіе, пѣсни *Величїя* и *Днѣль отпущаеши* и проч.; 2) чтобы стояли съ преклоняемыми главами, когда произносятся *Слава Отцу* и проч., и подаются молитвы, читаемыя тайно послѣ возглашенія: *ладенъ явша преклонше*; 3) чтобы стояли съ открытыми главами, когда бываетъ евангеліе, славословіе, вечерній гимнъ св. Аомногена, и когда поется похвала Пресвятой Дѣвѣ, начинающаяся *Достойно есть*; 4) чтобы преклоняли колѣна, когда читается вѣломнительная молитва, начинающаяся — *Нескверная, неблазная*, когда при совершеніи литургіи поется *Святъ* и прочее, слѣдующее до *Достойно есть*. Равно также остаются съ преклоняемыми колѣнами отъ *Святая Святыхъ* до *Проступримше*. Впрочемъ, съ 1 октября и до 1 мая, по причинѣ холода, монахи могутъ и не отрывать головы ³⁾. Кроме того, во время богослуженія строго нужно соблюдать обряды и переходы, предписываемыя печатными миссалами виленскимъ и униевскимъ ⁴⁾.

1) Const., стр. 53 и сл.; Codex, стр. 52 и сл.

2) Indulgentiae, brevia, decreta, 1788 г., ч. 1, стр. 28—33.

3) Const. стр. 53—55; Codex, стр. 52—58.

4) Const., стр. 56. Но въ кодексѣ 1794 г., вмѣсто миссалаго виленскаго и униевскаго указываются вообще типики восточной церкви, принятые въ униевской церкви и одобренные древнимъ употребленіемъ, стр. 58.

Наканунѣ торжественныхъ праздниковъ неопустительно должны совершаться, по мѣстному обычаю, церковныя бдѣнія, и никогда не слѣдуетъ опускать праздниковъ Рождества Христова, Богоявленія, Благовѣщенія, великаго дня канона, недѣли Ваий, великаго четверга, праздника Пасхи и Пятдесятницы. Обрядъ омовенія ногъ, который предписывается ритуаломъ совершать въ великій четвергъ по примѣру Господа, ежегодно въ этотъ день нужно совершать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится достаточное для сего число монаховъ. Въ праздничные и воскресные дни, считая эти дни отъ перваго вечера до втораго, всѣ монахи должны быть въ хорѣ въ полномъ монашескомъ одѣяніи ¹⁾. Очередные же монахи, служащіе по недѣльно, проходятъ свое служеніе не иначе, какъ всегда одѣваясь такимъ образомъ ²⁾. Дабы благіе плоды каноническихъ молитвъ, ежедневно совершаемыхъ имѣющими священство и клириками, были доступны и лаягамъ, для сего постановляется, чтобы вмѣсто сихъ молитвъ лаяки, неумѣющіе читать, ежедневно произносили, въ воспоминаніе Искупителя нашего, по три или по четыре раза молитву Господню, по столько же разъ ангельское привѣтствіе въ честь Пресв. Дѣвы Маріи, съ присовокупленіемъ къ сямъ молитвамъ апостольскаго или Никейскаго символа вѣры; умѣющіе же читать, если не заняты дѣломъ, въ одинъ день читали Паралитикъ, а въ другой—акаеистъ Пресв. Дѣвъ. Но по праздникамъ всѣ они обязаны участвовать и находиться въ хорѣ, если не препятствуютъ имъ монастырскія послушанія. Во всѣхъ базилианскихъ монастыряхъ, особенно же въ неопрофесскомъ, настоятель назначаетъ одного, знающаго славянскій языкъ, обряды хора и пѣніе, который бы каждый день по получасу наставлялъ другихъ, особенно юношей ³⁾.

¹⁾ Const., стр. 55—56; Codex, стр. 53.

²⁾ Codex, стр. 53—54.

³⁾ Const., стр. 56; Codex, стр. 54. Распоряженія объ однообразіи въ богослуженіи и назначенія учителя славянскаго языка, обрядовъ и пѣнія сдѣлано,

Настоятели должны стараться, чтобы въ своихъ монастыряхъ, въ зимнее время, когда стоятъ большіе холода, отоплялись, для удобства больныхъ и престарѣлыхъ, молитвенные дома, располагаемые, по возможности, въ сосѣдствѣ съ церковію ¹⁾. Сказанное выше объ обязательности хора должно касаться всѣхъ, даже прелатовъ, кои обязаны быть въ хорѣ, если не имѣютъ законнаго препятствія къ тому ²⁾.

Въ ковчегѣ, находящемся на главномъ жертвенникѣ, должны храниться подѣ ключемъ святѣйшія тайны алтара, и всегда быть въ заперти. Передъ большимъ жертвенникомъ, т. е. передъ мѣстомъ св. таинъ, постоянно днемъ и ночью должна горѣть лампада. Эти св. тайны возобновляются еженедѣльно по четвергамъ. Когда онѣ выносятся для публичнаго поклоненія, то должны выноситься съ подобающимъ благоговѣніемъ, и нужно стараться, чтобы тогда горѣло по крайней мѣрѣ шесть восковыхъ свѣчей. Когда онѣ выносятся къ больнымъ, то должны выноситься священникомъ, одѣтымъ въ мантию съ ризой, и настоя-

зрительно, по совѣту автора рукописи *Regulae Monasticae*, л. 35. До какой степени въ XVIII в. забыть былъ славянскій языкъ въ областяхъ бывшей Польши и слѣдовательно какъ необходимъ былъ для базилианъ учитель сего языка, объ этомъ дуетъ новатіе Лексиконъ или «Словесникъ славенскій», составленный 1722 года въ Супрасльскомъ монастырѣ. Въ предисловіи къ этому лексикону говорится: «Съ неисчетною болестію сердца и язвою утробы неудобъ всѣлвою избрѣянъ искусители или экзаменато ове поставляемыхъ во іерейство людей, яко сотный іерей едва славенскій разумѣетъ языкъ, повѣдый что чтеть въ божественной службѣ съ погибелію своея и порученихъ наставъ его душъ, кровію Господа Бога нашего Иисуса Христа испуленныхъ; сіе же все искусно бысть текущаго году, и многаѣ отривовенни отъ рукоположенія на іерейство сеа ради вини избрѣтошася. Сіа вса нераденія да въ Россіи соединенной искорененна будутъ, азбучній лексиконъ, съ его же не токмо до іерейскаго саду готовящійся людіе, но и сами іерее въ славенскомъ изученіи обратятся языкѣ, Супрасльскаго монастыра тинкомъ издается, со толкованіемъ словесъ неудобъ разумѣтелныхъ». Рукоп. Києво-Михайлов. мон., № 1720.

¹⁾ Const., стр. 55—56; Codex, стр. 54.

²⁾ Constit., стр. 57.

тели должны заботиться, чтобы не было недостатка въ общеповелеваемыхъ оныхъ, которые бы святоговѣнно, съ свѣдѣнн. о проповѣданн св. тайны. Ежедневно послѣ обедъ, по древнему обычаю, все вместе должны посѣщать гласно Христово и воздавая ему должное поклоненіе и почитаніе ¹⁾. Тогда же послѣ обедъ для полученія охнуста, все навѣщаютъ св. тайнство; то нѣтъ не долженъ начинать гимна доголѣ, пока настоятель или замѣняющій его мѣсто не подастъ знака, послѣ котораго все единогласно поютъ гимнъ: «Второпѣце, Ты еси лоза истинная или другой какой либо ²⁾. При переходѣ прогнвъ Большаго жертвенника, все должны молиться передъ нимъ, преклонивъ на землю оба колѣна, если Святѣйшее публично открыто, и одно колѣно, если скрыто ³⁾.

Въ каждомъ монастырѣ порядокъ литургій долженъ былъ распределенъ, по возможности, такимъ образомъ, чтобы каждый священникъ могъ служить въ свое время и церковь никогда не оставалась безъ богослуженія и до обѣденнаго часа была открыта для вѣрныхъ. Не священники ежедневно должны быть за богослуженіемъ, а священники—участвовать въ немъ, или же, если встрѣтится какое либо препятствіе къ тому, по крайней мѣрѣ присутствовать при немъ. Все означенное священники должны совершать богослуженіе не стѣнно, но надлежащимъ образомъ важно и съ подобающимъ благоговѣніемъ; по требованію же сакрестіи, совершаютъ литургіи соответственно пенсам, однако такъ, чтобы и въ монастырѣхъ, имѣющихъ недостаточную милостыню, число совершаемыхъ для сакрестіи обѣденъ въ каждую седмицу не превышало пяти. Для соблюденія единообразія во всей конгрегациі строго предписывается, чтобы литургіи совершались и

¹⁾ Тамъ же, см. Codex, стр. 66.

²⁾ Циркуляръ провинціала, 1781 г. въ рукоп. истории Святѣйшаго монастыря, л. 32—33, въ архивѣ Кременецкаго Воеводенскаго монастыря.

³⁾ Const., стр. 57—58; Codex, стр. 55.

обряду, предписанному въ миссалахъ, изданныхъ для употребленія латинскихъ русинскъ, и чтобы никогда не вводилось ничего, чуждаго сему обряду. Никакой странникъ, никто неизвѣстный, никакой клирикъ чужой епархіи не долженъ допускаться въ базилианскихъ церквахъ къ совершенію богослуженія, безъ рекомендательнаго письма или свидѣтельства собственнаго епископа. Хлѣбъ же, служащій матеріею для таинства евхаристіи, готовится въ монастырскихъ зданіяхъ самимъ сакристомъ, и притомъ чистый, пшеничный, краснѣй, и со знаменіемъ креста; вино же не кислое, не испорченное, но чистое, и не должно быть покупаемо у жидовъ. Священные же облаченія, употребляемыя для украшенія священниковъ и алтарей, должны быть цѣлыя, неизорванныя, чистыя, опрятныя, и настоятели должны стараться, чтобы украшеніе дома Божія ежегодно приумножалось. Заказовъ на обѣднѣ должно быть принимаемо не больше, какъ сколько безъ труда можетъ отслужить монастырское общество въ теченіи короткаго времени. До совершенія литургій, настоятели не должны употреблять приобретенныхъ ручнымъ подаваніемъ денегъ въ пользу монастыря; но если ихъ больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ монастырю за совершеніе литургій, то онѣ раздаются по другимъ монастырямъ, съ обязательствомъ совершенія литургій. Если настоятели не захотятъ повиноваться сему распоряженію, то непремѣнно должны быть побуждены къ тому провинціалами во время канонической визитаціи. Самі же провинціалы не раздаютъ сихъ денегъ, не берутъ ихъ для раздача и не возлагаютъ на другіе монастыри обязательства литургій; но только наблюдаютъ, чтобы въ каждомъ монастырѣ служили сообразно съ заказами ¹⁾.

За каждаго умершаго монаха священники той провинціи, къ коей принадлежалъ умершій, должны отслужить по три литургіи, не свя-

¹⁾ Словеса, стр. 89—90; Фодесъ, стр. 104.

щенники же выслушать столько же литургій и присовокупить троекратное св. причастіе за душу умершаго. Священники же другой провинціи служатъ, а несвященники слушаютъ по одной литургіи, и кромѣ того послѣдніе однажды принимаютъ причастіе. Если же умретъ новицій, то, хотя бы онъ, вслѣдствіе сообщаемыхъ индульгенцій, и сдѣланъ былъ передъ смертію профессоръ, до окончанія года новиціата;—за него совершаютъ литургію всѣ отцы только въ томъ монастырѣ, въ которомъ онъ умеръ, а братія сего монастыря, какъ профессы, такъ и новиціи, слушаютъ одну литургію и однажды принимаютъ причастіе. За тѣхъ, кои умерли во время отправленія высшей должности протоархимандрита или прежде проходили ее, кромѣ трехъ литургій, совершаемыхъ каждымъ священникомъ по всей конгрегаціи, и обыкновеннаго поминовенія ихъ несвященниками, во всѣхъ монастыряхъ всей конгрегаціи однажды поется заупокойная торжественная литургія съ панихидою и тридневнымъ звономъ колоколовъ. Въ началѣ каждаго года, а именно въ первый день января, посвященный св. отцу Василию, вездѣ должны совершаться торжественная литургія за утверженіе и умноженіе базилианскаго ордена и обращеніе отдѣлившихся отъ единства вѣры, о чемъ молятъ Бога и остальные священники во время совершенія литургіи. На второй день, посвященный памяти св. мученика Димитрія, во всѣхъ монастыряхъ совершается заупокойная литургія съ торжественной панихидою за души отцовъ и братій базилианской конгрегаціи, за упокоеніе коихъ совершаютъ литургію и прочіе священники, за исключеніемъ тѣхъ, кои, по росписанію таблицы, обязаны служить въ этотъ день; несвященники же для этой цѣли приступаютъ въ этотъ день къ таинствамъ покаянія и евхаристіи. Въ число заслуженныхъ базилианской конгрегаціи, съ поминовеніемъ по всей конгрегаціи, допускаются не иначе, какъ только генеральною капитулою, и къ поминовенію въ провинціяхъ не иначе, какъ провинціальными капитулами. Впрочемъ

протоархимандриту и провинціаламъ дозволяется, по вниманію къ заслугамъ, допускать, съ согласія своихъ консулторовъ, къ участию въ заслугахъ тѣхъ лицъ, кои оказали важныя услуги базилианскимъ монастырямъ ¹⁾).

Дабы таинство покаянія совершалось съ тою опытностію, какая свойственна служителямъ Христовымъ и совершителямъ таинъ Его, для сего постановляется, чтобы для принятія исповѣди вѣрующихъ не назначался никто, не изучавшій по крайней мѣрѣ нравственнаго богословія и не оказавшій, по экзамену старшихъ, достаточныхъ въ немъ успѣховъ ²⁾). Декретомъ папы Елиментя VIII отъ 26 мая 1193 года дано было настоятелямъ католическихъ монашескихъ орденовъ право разрѣшать слѣдующіе тяжкіе грѣхи, предоставленные римскому престолу: чернокнижіе, чародѣйство и т. п.; 2. отступленіе отъ ордена; 3. собственность, вопреки обѣту нищеты; 4. ложную присягу; 5. погубленіе плода и содѣйствіе къ тому; 6. поддѣлку печати или подписи монашескихъ начальниковъ; 7. кражу монастырскихъ вещей; 8. грѣхъ тѣлесный добровольный; 9. убійство, рану или тяжкій ударъ кому либо, 10. злонамѣренное задержаніе и роспечатаніе писемъ начальниковъ, и проч.,—всего одиннадцать грѣховъ. Этотъ декретъ базилиане хотѣли примѣнить и къ себѣ и помѣтили его въ *Summariusz-ъ Regul S. O. N. B. W.*, 1751 г. ³⁾. На этомъ основаніи и составители Гоцанскихъ конституцій 1766 года считали помянутый декретъ обязательнымъ для базилианъ и кромѣ того предоставили базилианскимъ настоятелямъ разрѣшеніе и другихъ еще пяти важныхъ грѣховъ. Кромѣ грѣховъ,—говорится въ кодексахъ этихъ конституцій,—разрѣшеніе отъ коихъ каждый мѣстный настоятель можетъ, для чистоты совѣсти своихъ монаховъ,

¹⁾ *Constit.* стр. 60—62; *Codex*; стр. 131. см. Дубен. Капит., 1743 г., сесс 18 и 21., въ Почаев. арх. № 279:

²⁾ *Constit.*, стр. 68 и сл.

³⁾ *Summariusz Regul S. O. N. B. W.*, 1751 г., Почаевъ стр. 67 и 73.—

предоставить себе изъ числа одиннадцати, означенныхъ въ кон-
ституціяхъ Климента VIII, во всей базилианской конгрегаціи пре-
доставляются ему слѣдующіе пять грѣховъ: 1) заговоръ или
умышленіе на жизнь, нанесеніе раны или удара настоятелю или
другому монаху; 2) обнаруженіе секрета въ важномъ дѣлѣ или
выдача документовъ стороннимъ, во вреду монастыря; 3) прямое
допомогательство церковной или монашеской прелатуры; 4) осяза-
тельное и злонамеренное распространеніе ссоръ и несогласій ме-
жду братією; 5) обезславленіе ордена или монаховъ передъ сто-
ронними въ важномъ дѣлѣ. Отъ сихъ грѣховъ не можетъ разрѣ-
шать никакой священникъ, кромѣ настоятеля и дуоциановъ,
уполномоченныхъ имъ для такихъ грѣховъ или на известное
время, какъ напр. на три мѣсяца, или для некоторыхъ только
грѣховъ изъ числа вышепомянутыхъ ¹⁾. Но когда въ 1772 году
базилиане спрашивали римскій дворъ, можетъ ли быть предостав-
лено монастырскимъ настоятелямъ право разрѣшать вообще отъ
грѣховъ, предоставленныхъ римскому престолу; то конгрегація
распространенія вѣры отвѣчала на этотъ вопросъ отрицательно ²⁾,
что подтверждено и декретомъ тойже конгрегаціи отъ 23 сент.
дѣ 10 ноябр. 1776 года ³⁾. Вслѣдствіе этого въ кодексѣ бази-
лианскихъ констатцій 1791 года уже прямо говорится, что въ
базилианской конгрегаціи не имѣетъ мѣста представленіе разрѣ-
шенія отъ грѣховъ, а возмему противъ грѣшниковъ духовника
должны употреблять различнаго рода эпитиміи ⁴⁾.

Дабы усовершеналась и возрастала осмытность въ управленіи
обществами, для сего дважды въ недѣлю, по средамъ и субботахъ,
должно происходить, подъ предсѣдательствомъ настоятеля или

¹⁾ Constit., стр. 63—55.

²⁾ Декретъ 10 июля 1776 г. § 21, въ книгѣ: *Indulgentiae, brevia, de-
creta...*, Почаевъ, 1788 г., ч. I. стр. 14—20.

³⁾ См. этотъ декретъ тамъ же, ч. I. стр. 28—33.

⁴⁾ Codex., стр. 122.

другаго божественнаго богослова, разрѣшеніе грѣховъ (свѣдѣніи), на которое должны приходять всѣ монахи ¹⁾. Признано необходимо, чтобы непремѣнно были три экзаминатора, избираемые на капулулахъ для испытанія и возведенія на лекторство схоластическаго, догматическаго и нравственнаго богословія и философіи, духовниковъ и проповѣдниковъ, а также возводимыхъ въ священство. Но поелику, вслѣдствіе значительнаго пространства провинцій, нельзя назначить для такихъ экзаминаторовъ опредѣленнаго мѣста, куда бы они безъ труда могли собираться изъ отдаленныхъ монастырей; то посему эту должность экзаминаторовъ будутъ исполнять сами провинціальныя визитаторы или ихъ товарищи, взявъ себѣ третьяго настоятеля того мѣста, гдѣ будетъ производиться экзаменъ, или другаго способнаго богослова. Всѣ эти экзаминаторы должны давать присягу въ точномъ и вѣрномъ производствѣ экзамена ²⁾.

4) Ко внѣшней монашеской дисциплинѣ относились постановленія: о ежедневномъ порядкѣ, объ оградѣ, пищѣ, одеждѣ, рукодѣліи, отдыхѣ, разговорахъ, взаимномъ почтеніи, выходѣ и посылкѣ внѣ монастыря, гостепріимствѣ, призрѣніи заслуженныхъ и попеченіи о больныхъ и умирающихъ.

Промежутокъ между призывомъ къ пробужденію отъ сна и призывомъ къ ночному покою состоитъ изъ 16-ти часовъ. Знакъ къ пробужденію подается въ четыре часа утра, а къ покою—въ восемь часовъ вечера. Впрочемъ, смотря по обстоятельствамъ, настоятель можетъ будить нѣсколько раньше, или позже; позже тогда, когда бываютъ бдѣнія, и въ долгіе дни подавать знакъ ко сну въ девятомъ часу. Обѣдъ полагается въ одиннадцатомъ часу утра,

¹⁾ Const., стр. 64. Сн. декретъ 25 июня 1599 г., § 2, въ книгѣ—*Summarius Regul.*, 1751 года.

²⁾ Const., стр. 63—65. Сн. декретъ 25 июня 1599 г., § 37, въ книгѣ—*Summarius Regul.*, 1751 г., и рукопись—*Regulae Monasticae*, ч. 26 и др.—

а ужинъ въ шестомъ часу вечера, за исключеніемъ дней четырьдесятиницы и торжественныхъ праздниковъ ¹⁾).

Въ ограду монастыря не допускается ни одна женщина, безъ разрѣшенія папскаго, даннаго въ формѣ бреве. Женщина, получившая такое разрѣшеніе, должна пользоваться имъ не для шатанья по монастырямъ, но ради одного благочестія, и о прибытіи и выбытіи такихъ женщинъ нужно предувѣдомлять настоятелей. Это же самое нужно разумѣть и о фундаторкахъ. Не говоря уже о женщинахъ, и изъ мужчинъ допускаются въ ограду только тѣ, коимъ это разрѣшить настоятель. Подъ именемъ же ограды разумѣются зданія самаго монастыря, съ лежащими внутри келліями, корридоровъ, столовой, больницей и всѣми службами, къ коимъ можно идти не иначе, какъ только черезъ монастырскія ворота ²⁾).

Попеченіе о пищѣ правила св. Василія Великаго возлагаютъ на начальниковъ. Посему постановляется, чтобы провинціальныя визитаторы, сообразно съ мѣстными условіями, опредѣляли, гдѣ это нужно будетъ, качество и количество пищи, соблюдая по возможности прежній похвальный порядокъ относительно пищи ³⁾. По древнему же обычаю, на обѣдѣ монахамъ давалось не менѣе четырехъ кушаньевъ, а на ужинѣ—три. Впрочемъ не запрещается настоятелямъ, по предоставленной имъ св. Василиемъ Великимъ власти, назначать и болѣе обильную пищу, гдѣ этого требуютъ благоразуміе, необходимость, любовь и другія обстоятельства. Хотя кушанья должны отличаться простотою и бѣдностію; однако они всегда должны приготовляться прилично, старательно, и не слѣдуетъ подавать протухлыхъ, вонючихъ и прямо вред-

¹⁾ Const., стр. 79—80; Codex, стр. 56.

²⁾ Codex, стр. 55—57.

³⁾ Constit., стр. 72.

ныхъ, хотя бы и притныхъ ¹⁾. Всѣ монахи принимаютъ пищу въ общей столовой, и никому не дозволяется не быть на первомъ столѣ, безъ особаго на то разрѣшенія настоятеля ²⁾. Сами настоятели всегда должны присутствовать при столѣ, если не встрѣтится важнаго припятствія къ тому ³⁾. Первое мѣсто за столомъ занимаютъ должностныя лица монастыря; остальные же монахи должны сидѣть по старшинству, однако такъ, чтобы священники сидѣли выше несвященниковъ. Во время стола бываетъ духовное чтеніе, предметы коего опредѣляетъ или настоятель, или обычай. Между предметами чтенія непременно должны быть правила и конституціи, прочитываемыя каждый семестръ. Посему въ каждомъ монастырѣ должны быть экземпляры базилианскихъ конституцій ⁴⁾.

Цвѣтъ базилианскихъ одеждъ, какъ то—сотаны, палендраны, мантии, поясовъ, клубуковъ, непременно долженъ быть черныи; матерія же не должна отлнчаться цѣвностію, блескомъ и другими качествами, обнаруживающими суетность и роскошь. Посему никому не дозволяется имѣть шелковой одежды, но только шерстяную, свидѣтельствующую о смиреніи и чистотѣ. Одежда называемая габитомъ или сотаной, должна быть отовсюду закрыта, сдѣланная по подобію саккоса и длинная, доходящая до пятъ ⁵⁾. Она должна имѣть три пуговицы для застегиванія на шеѣ, съ пряжками на поясѣ, и запаховаться до самаго подола. Рукава ея должны быть довольно узкіе и приспособлены къ сгибу локтя. Наружныя части ихъ покрываются, но покрывши ихъ не должны быть длиннѣе четверти локтя; а съ боковъ не должны быть да-

¹⁾ Codex. стр. 59. Сн. Regulae Monasticae, л. 40 и др.

²⁾ Constit.. стр. 72; Codex, стр. 59. Сн. декретъ 23 іюля 1599 г., § 10, въ книгѣ—Summariaz t Regul..., 1781 года.

³⁾ Const., стр. 73. Сн. декретъ 28 іюня 1599 г., § 10, тамъ же.—

⁴⁾ Constit., 78; Codex, стр. 59. Сн. Regulae Monast., л. 50.—

⁵⁾ Constit., стр. 66—67.

двѣ застѣжки шютовщицъ, но сканчиваются вмѣстѣ съ нѣю; части же руки такъ плавно обхватываютъ, чтобы людямъ невольно было въ рубашки, ни обхваты ея около руки. Низокорамы должны быть широкія и такой же длины, какъ и сотаны. Относительно рукавовъ нѣтъ нужды соблюдать тоже, что сказано о рукавахъ сотанъ, кромѣ того, что отвороты нѣтъ должны быть шире и не тѣсно для руки. Мантин должны простираться даже до земли, и въ каждомъ понастырѣ должно быть по крайней мѣрѣ нѣсколько обычныхъ мантинъ. Туники ланговъ должны быть короткія. Клобуки носить шерстяныя и никогда не носить сдѣланныхъ по свѣтскому обычаю, или сдѣланныхъ по обычаю страны, двѣ овечьихъ мѣховъ, особенно когда нужно выйти куда либо. Пояса, шириною не болѣе 4 дюймовъ, должны быть шерстяные, и для башу не дозволяется носить шелковые. Перевязи же и ленты, какъ употребляемыя въ дорогѣ для пощенія на шеѣ креста, такъ и употребляемыя къ посохамъ, могутъ быть и шелковыя, но не разноцвѣтныя, а черныя и безъ всякаго золота или серебра ¹⁾. Одежды и все необходимое для жизни и сохраненія тѣла должно выдаваться изъ общаго гардероба: сотана—каждый годъ, шерстяной поясъ и клобукъ черезъ два года, календрана—черезъ три года; обувь дается по мѣрѣ модности и усмотрѣнiю настоятеля. Сотаны и календраны для рядовыхъ отцовъ должны быть изъ сукна по 6-ти злотыхъ локоть; для духовниковъ, проповѣдниковъ и профессоровъ реторики изъ сукна по 7-ми злотыхъ локоть; для магистровъ новиціевъ, викариевъ, профессоровъ богословія и философіи изъ сукна по 8-ми злотыхъ локоть; для настоятелей, оффицаловъ и экс-оффицаловъ ордена и провинцій—изъ сукна по 10-ти злотыхъ локоть. Шерстяная рубашка, полотенце и кесыцца на шею должны мыться ежедневно; полотенно для постельной простыни и двѣ наволочки на подушки, также

¹⁾ Тамъ же, см. Codex, стр. 61.

чисты, выдаются всѣмъ каждый мѣсяцъ ¹⁾. Въ зимнее время каждому дается поддевка на бараньемъ мѣху или подбитая толстымъ шерстью, по просту *кучбай*; штаны изъ сукна или подбитые кожей; двѣ пары шерстяныхъ чулокъ черного или другаго темноватаго цвѣта; для лѣтняго же времени даются льняные штаны, двѣ пары льняныхъ чулокъ. Не возбраняются и плащи, обыкновенно употребляемыя въ дорогѣ, дашь бы они не нарушали монашеской скромности и были темноватаго цвѣта. Постельный приборъ долженъ соответствовать скромности и монашеской нищетѣ, и въ немъ не должно быть ничего шелкового. Въ каждой келліи должна быть деревянная кровать, покрытая ковромъ, по просту *климка*, которая не отсывалась бы суетою міра, но соборазна была и приличествовала монашеской нищетѣ: одѣла или верхніе покровы постелей—изъ китайки или шерстяной матеріи; тюфяки набиваются отрубями, сѣномъ или соломою, или шерстью, и кладутся двѣ подушки, набитыя перьями. Впрочемъ старикамъ и больнымъ и тюфяки даются изъ перьевъ ²⁾. Въ каждой келліи должны быть: подсвѣчникъ со щипцами, чернильница, перочинный ножикъ, столъ съ ящикомъ, стулъ, кубцинь для воды, тазъ для умыванья, подколѣнникъ и шкафъ для книгъ и храненія мелкихъ вещей. При выдачѣ новаго прибора или одежды, старыя возвращаются въ общій гардеробъ, и изъ нихъ сотаны и колендраны, еще не совсѣмъ износившіяся, выдаются для пользованія лаикамъ и клирикамъ. Если же эти старыя одежды негодны, то для клириковъ и лаиковъ дѣлаются новыя изъ сукна, по 4 золотыхъ локоть. Но поелику нерѣдко случается, что черезъ одинъ или два года пребыванія своего монахъ переходитъ, по приказанію начальниковъ, изъ одного монастыря въ другой; то посему, дабы ему всегда непременно въ свое время

¹⁾ Constit., стр. 68. О выдачѣ одежды изъ общаго гардероба см. декретъ 25 июня 1399 г., §§ 8 и 9, въ книгѣ *Summarius Regul.*, 1731 г.—

²⁾ Constit., стр. 68; Codex. стр. 61.

черезъ два или три года, выдавалась одежда, постановляется и строго предписывается настоятелямъ, чтобы при отсылкѣ монаха въ другой монастырь посылали къ настоятелю того монастыря часть денегъ, причитающуюся этому монаху за время пребыванія его въ монастырь ¹⁾.

Поселику праздность, по свидѣтельству св. отца Василія, пагубна; то посему монахи должны заниматься какою либо хорошимъ дѣломъ. Особенно они должны стараться о руководѣнн и упражняться въ немъ въ духѣ истиннаго смиренія и умерщвленія, будучи убѣждены, что они такъ свойственны монашескому званію, что неслѣдуетъ уклоняться отъ нихъ даже и тогда, если бы монахи обезпечены были щедростію благочестивыхъ дателей. Посему тѣ, кои окажутся мало способными къ изученію наукъ, совершенію таинствъ, преподаванію вѣрующимъ христіанскаго ученія и другимъ занятіямъ, замѣняющимъ и восполняющимъ въ базилианской конгрегаціи ручные труды, по своимъ способностямъ должны учиться въ первомъ или второмъ новіціатѣ какому либо искусству, какъ-то рисовать, заниматься скульптурой, дѣлать небольшие цѣпи и бичи для употребленія при умерщвленіяхъ, переплетать книги, воздѣлывать сады, печь просооры, заниматься пчеловодствомъ, чертить планы зданій и т. п., такъ чтобы съ пользою проводили время, облегчали скуку уединенія и проч. Имѣющіе св. санъ не должны заниматься медициной, хотя бы и въ мірѣ и выучались сему искусству. Не дозволяются искусства безполезныя, или служація мірской суетности и т. п. ²⁾.

¹⁾ Const., стр. 69.—Объ однообразіи въ одеждѣ и приличіи въ келіяхъ см. Regul. Monasticae, л. 17, 31, 49 и 50. Нужно впрочемъ замѣтить, что общаго гардероба въ базилианскомъ орденѣ почти не существовало, можетъ быть вслѣдствіе бѣдности монастырей. Въмѣсто одежды, монахамъ выдавалась одежная пенсія. Поэтому въ кодексѣ 1791 г., весьма мало говорится объ одеждѣ.

²⁾ Const., стр. 105—107; Codex, стр. 63—64. См. Regulae Monasticae, X. 9, 30, 34 и др.—

Посему св. отецъ Василій повелѣваетъ охранять тѣло дѣятельнымъ и способнымъ къ свойственнымъ ему занятіямъ, и примѣры святыхъ подтверждаютъ, что для бодрого перенесенія трудовъ общаго весьма полезенъ душевный отдыхъ; то посему дозволяется базилианскимъ монахамъ ежедневно посвящать на отдыхъ, соединенный съ тѣлодвиженіемъ, часъ послѣ обѣда и полчася послѣ ужина. Можно также базилианскимъ монахамъ, особенно учащимся въ школахъ, разъ или больше въ недѣлю отправляться на прогулку въ поля, съ дозволенія настоятеля, который назначаетъ тогда почтеннаго по возрасту и нравственности отца для наблюденія за прогулкою, дабы не пострадала какимъ либо образомъ монашеская скромность и важность. Мѣстные настоятели могутъ также и монахамъ позволять душевный отдыхъ, особенно въ лѣтнее время, въ предмѣстьѣ города или въ загородной деревнѣ, и тамъ проводить дѣльный день въ отдыхѣ, приличномъ монашеской важности, съ соблюденіемъ предписаній о монашескомъ хорѣ.

Въ назначенное для отдыха время никто не разговариваетъ, развѣ мало и о необходимыхъ предметахъ, особенно же въ церкви, хорѣ, сакристіи, трапезѣ, гдѣ въ случаѣ нужды можно говорить только весьма тихимъ голосомъ. Впрочемъ настоятелямъ и занимающимъ ихъ мѣста дается право разрѣшать братію отъ молчанія при столѣ, какъ напр. въ торжественные и рекреаціонные дни ¹⁾. Никто въ монастырѣ не долженъ говорить со сторонними, безъ разрѣшенія генерала или своего непосредственнаго настоятеля. Всѣ говорятъ тихимъ и умѣреннымъ голосомъ, какъ подобаетъ монахамъ, и въ разговорахъ соблюдаютъ ту важность и скромность, какая свойственна монахамъ ²⁾.

¹⁾ Constit., стр. 79.

²⁾ Codex, стр. 67.

Настоятели должны заботиться о томъ, чтобы всюду господствовали любовь и невозмутимое согласіе. Никто изъ базилианъ не долженъ оскорблять своего или сторонняго какимъ либо ругательствомъ или прозвищемъ, подвергающимъ его презрѣнію или насмѣлкѣ; никто не долженъ обижать другихъ ѣдкими, насмѣшливыми, гордыми словами или язвительными шутками; никто не долженъ нескромно и съ соблазномъ спорить или ссориться съ кѣмъ либо; никто не долженъ злословить кого либо, безславить или попрекать прошедшими или уже заглаженными проступками, и замѣченный въ этомъ подвергается тяжкому наказанію ¹⁾. Но всѣ должны оказывать взаимное почтеніе другъ другу и называть cadaго монашескимъ его именемъ, оффиціаловъ же, настоятелей и другихъ важныхъ должностныхъ лицъ величать соответственно важности ихъ должностей. Протоархимандриту базилианской конгрегациі всѣ усвояютъ титулъ *Reverendissimi*, провинціаламъ— *Religiosissimorum et admodum reverendorum patrum*, консулторамъ и секретарямъ— *Venerabilium et admodum reverendorum*, настоятелямъ *admodum reverendorum*, остальнымъ монахамъ *religiosorum et reverendorum* ²⁾. Такіе же титулы усвояются и экс-оффиціаламъ конгрегациі и провинцій ³⁾. Если братъ обидитъ брата, то долженъ стараться примириться съ нимъ и испросить прощеніе у обиженнаго. Если же обиженный не захочетъ примириться съ нимъ, то обидѣвшій прибѣгаетъ къ посредничеству общины, и въ случаѣ безуспѣшности сего посредничества, обиженный наказывается гораздо строже, чѣмъ обидѣвшій. Дабы взаимная любовь соединяла всѣ монастыри, постановляется, чтобы въ провинціяхъ была

¹⁾ *Constit.*, стр. 94.

²⁾ Тамъ же, стр. 94—95; *Codex*, стр. 67—68. Сп. Акты Дубен. капит. 1743 г., сесс. 11, въ рукоп. сборн. библиот. Волын. сем., № 1289. Объ увеличеніи этихъ титуловъ и несогласіи на то конгрегациі распространениі върмы мы говорили выше.

³⁾ *Codex*, стр. 68.

своя особая общая касса; въ которую все монастыри обязаны давать известную сумму денегъ, или такъ называемую контрибуцію, смотря по количеству доходовъ. Мѣстомъ для помѣщенія общей кассы въ польской провинціи служитъ монастырь Почаевскій, въ литовской—Жировицкій. Настоятели этихъ монастырей должны быть казначеями ¹⁾, которые ничего и никому не выдаютъ изъ нея безъ вѣдома и согласія провинціала и его провинціальной консулторіи; отъ коего получаютъ квитанцію, выдаваемую во время отчетности и представляемую провинціальной консулторіи; провинціалъ же, при сложении съ себя должности, обязанъ, по силѣ римскихъ резолюцій, дать отчетъ во взятыхъ изъ кассы своей провинціи деньгахъ протоархимандриту и своей провинціальной капитулѣ и даже генеральной капитулѣ, если отцы потребуютъ этого ²⁾. Въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, въ вѣдѣніи тѣхъ же казначеевъ, должно быть казнохранилище другой общей кассы, которая должна быть непримосовенною и употребляться только на общественныя нужды провинцій. Ее составляютъ: 1) деньги, оставшіяся послѣ смерти монаховъ, имѣвшихъ при своей жизни законное право пользоваться ими; 2) доходы, получаемые подъ видомъ и названіемъ капелланій, обыкновенно совершаемыхъ внѣ монастырей; 3) деньги, которыя въ качествѣ милостыни жертвуются провинціямъ, съ обязательствомъ литургій, не вполнѣ совершаемыхъ; 4) деньги, добровольно отдаваемые иногда приступающими къ профессіи новиціями въ пользу ордена. Дабы собранная и умноженная такимъ образомъ касса не потерпѣла какого либо вреда, для сего постановляется, чтобы ничего

¹⁾ Впослѣдствіи казначеями провинціальныхъ кассъ были секретари провинцій. См. о семъ ниже. Сн. акты Брестск. капит. 1747 г., сесс. 5, § 17, въ сборн. библиот. Волын. Сем., № 1289.

²⁾ Constit., стр. 95—99. Сн. декретъ конгрегация 26 ноября 1752 г. въ книгѣ *Vulav et breviam...*, 1767 г., ч. 2, стр. 80—86,—также акты Брест. капит. 1747 г., сесс. 5, § 17, въ библ. Волын. сем., № 1289.

цазъ нея не брѣди безъ воды и согласіа всѣхъ провинціальныхъ чиновниковъ и протоархимандрита и двѣ консульгеріи, съ соблюденіемъ обрядностей, какія предписаны выше для отиствености въ контрабандіяхъ ¹⁾.

Новыя фундаціи монастырей не допускаются, если онѣ не обезпечены пожертвованіемъ, достаточнымъ для содержанія паврайней мѣрѣ 8-ми монаховъ, согласно постановленію римскаго престола ²⁾. Обезпеченными же фундаціями считаются тѣ, кои ежегодно могутъ доставлять для каждаго изъ монаховъ по 500 или по крайней мѣрѣ по 400 золотыхъ польскихъ. Новыя фундаціи не разрѣшаются также провинціалами, безъ разрѣшенія протоархимандрита. Новые монастыри должны быть устроены таковымъ образомъ, чтобы въ нихъ легко могла охраняться ограда ³⁾. Выходъ изъ монастыря базилианамъ дозволяется не часто и не безъ нужды. Если кто проситъ у настоятеля позволенія отлучиться куда либо, то при этомъ объясняетъ ему, куда и по какой причинѣ онъ желаетъ отлучиться, и никогда не долженъ идти одинъ, но съ товарищемъ, котораго назначаетъ самъ настоятель ⁴⁾, не безъ согласія впрочемъ профессора, если желаютъ отлучиться или повидаться съ родными ученики. Также нужно соблюдать и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно будетъ пойти къ монастырскимъ воротамъ или въ комнату, назначенную для приема гостей. Цароки, прокураторы, келари и другіе, проходящіе подобныя должности, могутъ быть освобождены, по усмотрѣнію настоятеля, отъ обязательства брать товарища ⁵⁾. Выходящіе изъ монастыря запиш-

¹⁾ Const., стр. 96.

²⁾ Const., стр. 84. См. декреталь 2 мая 1744 г. въ книгѣ Bullæ et breviam., 1767 г., ч. 2, стр. 1—60; декретъ 25 іюня 1599 г., § 14. въ Summariumsz-ъ Regul., 1751 г.

³⁾ Const., стр. 84.

⁴⁾ Const., стр. 85; Codex, стр. 69. См. декретъ 25 іюня 1599 г., § 19, въ книгѣ Summariumsz Regul., 1751 года.

⁵⁾ Codex, стр. 69.

завать свои имена на таблицѣ при воротахъ и вышедши не медлятъ долго, но по окончаніи дѣла немедленно возвращаются домой. Выходъ дозволяется не иначе, какъ только чрезъ общій ворота. Если бы кто отважился тайно выйти куда либо, безъ благословенія настоятеля, чрезъ лавейку или ограду, тотъ долженъ подвергнуться наказанію бѣглецовъ, по усмотрѣнію настоятеля. Вышедшіе изъ монастыря никогда не разлучаются и стараются по возможности быть вмѣстѣ ¹⁾. Вездѣ гдѣ бы ни были, они должны подавать другимъ назидательный примѣръ трезвости и скромности въ жизни и поведеніи ²⁾. Возвратившись, они являютъ къ настоятелю и сообщаютъ ему о томъ, что дѣлали ³⁾. Недозволяется мѣстному настоятелю позволять монахамъ отлучаться по частнымъ дѣламъ далѣе 15-ти миль, или безъ товарища, когда его можно дать безъ труда. Но по необходимымъ дѣламъ общины можно будетъ суперіору посылать монаховъ и въ отдаленнѣйшія мѣста, находящіяся въ предѣлахъ прежняго Царства, если безъ этого нельзя удовлетворить нуждѣ. Монахи, отправляющіеся въ путь на долгое время, получаютъ отъ мѣстнаго настоятеля открытый листъ, съ прописаніемъ дозволеннаго отпуща и срока возвращенія. Если бы кто думалъ пробыть къ отлучкѣ долѣе дозволеннаго срока и однако велъ себя хорошо; то настоятель ближайшаго монастыря неуждастъ таковыхъ возвратиться, и даже обязанъ схватывать и препровождать на мѣсто жительства, если отлучка продолжается свыше назначеннаго срока, или если монахъ ведетъ себя неприлично и соблазнительно. Поелику же нерѣдко базилиане проживаютъ у вельможъ или парочами при ихъ церквахъ, въ качествѣ коадьюторовъ, или для обученія ихъ дѣтей, или для завѣдыванія домовыми церквами, и

¹⁾ Const., стр. 85; Codex, стр. 69—70.

²⁾ Codex, стр. 70.

³⁾ Const., стр. 85; Codex, стр. 70. См. декретъ 26 іюня 1509 г., § 21, въ книгѣ Summarium Regni, 1751 года.

большую часть нельзя отказать имъ въ этомъ; то посему разрѣшается провинціаламъ и мѣстнымъ настоятелямъ отпускать монаховъ для прохожденія сихъ должностей, но подъ такими условіями, чтобы: 1) отпускаемый былъ человекъ степенный, зрѣлый; 2) чтобы имъ не даваемо было никакихъ другихъ порученій, кромѣ того, для котораго они посылаются; 3) чтобы во дворцѣ имѣли особую комнату, не посѣщаемую другими, и совершенно отдѣленную отъ общества людей, а особенно женщинъ; 4) чтобы назначался для своего служенія не на цѣлый годъ, а только на одинъ мѣсяцъ; 5) чтобы по прошествіи мѣсяца возвратился въ монастырь, а въ противномъ случаѣ былъ задерживаемъ. Послѣ этого, отъ благоразумія настоятеля будетъ зависѣть—или перемѣнить его, если отсюда не предвидится никакого вреда, или наконецъ, чрезъ нѣсколько дней пребыванія его въ монастырѣ, послать его же и на такихъ же условіяхъ. Впрочемъ протоархимандриту предоставляется право освобождать монаховъ отъ ежемѣсячнаго возвращенія въ монастырь. Но освобожденные такимъ образомъ должны знать, что они обязаны два раза въ годъ совершать священныя упражненія, осемидневныя и трехдневныя. Впрочемъ отъ трехдневныхъ упражненій и другихъ вышепомянутыхъ условій освобождаются монахи, помогающіе уніатскимъ епископамъ въ дворцахъ ихъ ¹⁾.

Гости принимаются приличнымъ и скромнымъ столомъ, въ которомъ не должно быть никакой роскоши и суетности или прихоти. Не нужно также въ угоду гостямъ, употреблять при столѣ аббатовъ какой либо заграничной или драгоценной посуды, кромѣ ложекъ, ножей и вилокъ, которыя для гостей могутъ быть и серебряныя. Знатнѣйшіе гости могутъ кушать отдѣльно съ на-

¹⁾ Codex, стр. 70—71. См. декретъ 25 іюня 1599 г., § 32, въ книгѣ *Summaria Regum*. 1751 г., отъ коего впрочемъ слѣдуетъ здѣсь значительныя отступленія, а также рукопись *Regulae monasticæ*, л. 43 и др.

стоятелямъ, а обыкновенные приглашаются въ трапезу. Но не все гости безразлично допускаются въ монастырскія зданія, а только съ дозволенія настоятеля. Женщинамъ же всежь воспрещается входить въ монастырскія зданія. Однако, дабы не нарушить когда либо долга челоуѣколюбія и благодарности, повелѣвается, чтобы во всежь базилианскихъ монастыряхъ, вѣ ограды, рядомъ или вблизи ея, устроилась гостинница для приема знатныхъ или оказавшихъ ордену большія услуги женщинъ, если бы онѣ прибыли за чѣмъ либо въ монастырь. Монахамъ, не взятымъ въ товарищи, запрещается входить въ эту гостинницу, особенно когда въ ней принимаются лица другаго пола, равно какъ и въ келью настоятеля, когда онъ бесѣдуетъ съ гостями. Настоятели же, по возможности, берутъ съ собою въ товарищи людей важныхъ и благонаправныхъ. Гдѣ находятся монастыри базилианскаго ордена, тамъ базилиане, находящіеся въ пути или посланные по дѣламъ, прямо съ дороги являются въ монастырь; мѣстный же настоятель принимаетъ ихъ съ любовью и не иначе отпускаетъ въ гостинницу, какъ по совершенному недостатку помещенія въ монастырѣ. Проживая въ монастыряхъ одинъ или два дня въ качествѣ гостей, монахи подчиняются общей жизни того монастыря и остаются подъ властію настоятеля все время, пока тамъ находятся. Когда же возвратятся въ свои монастыри, то о дѣлахъ или лицахъ другихъ монастырей не должны говорить ничего кромѣ хорошаго и назидательнаго. Монахи гости, намѣреваясь выйти изъ монастыря по дѣламъ, каждый разъ, когда имъ нужно будетъ выйти, увѣдомляютъ настоятеля о своемъ выходѣ. Если придутъ въ монастырь нищіе и странники, то и они должны испытать дѣйствіе базилианской любви и гостеприимства, и нужно употребить стараніе и заботливость объ ихъ нуждахъ ¹⁾.

¹⁾ Constit., стр. 77—88; Codex, стр. 71—72. О приемѣ гостей см. рукоп. Regulæ monasticæ, л. 7, 23 и др.

Тамъ, гдѣ, по бѣдности доходовъ, нельзя устроить для стариковъ и больныхъ одного особаго монастыря, со всѣми удобствами; то поручается провинціаламъ, чтобы они нестарались раздѣлывать много нетрудившихся для блага ордена и безсмысленныхъ старцевъ по такимъ монастырямъ, въ коихъ легко можно доставить имъ и надлежащій уходъ посредствомъ лаяка или хорошаго мирянина, и медицинское пособіе ¹⁾). Поелому базилианскія правила, самая справедливость и правильный порядокъ требуютъ, чтобы съ любовію оказываемо было особенное вниманіе и призрѣніе монахамъ, много нетрудившимся для умноженія славы Божіей и блага ордена во время прохожденія должностей конгрегации и провинцій и управленія монастырями; то посему постановляется, чтобы проходившіе должности протевархимандрита, провинціальныхъ визитаторовъ и консулторовъ ордена или провинцій и получившіе свидѣтельство о похвальномъ прохожденіи или своихъ должностяхъ, экс-оффицiami ордена отъ генеральной капитулы, и экс-оффицiami провинцій отъ провинціала, принадлежали къ числу заслуженныхъ. Заслуженными считаются также и тѣ, кои безпорочно служили на пользу провинцій не менѣе 24 лѣтъ, равно и оказавшіе значительную услугу провинціи или монастырю или изданіемъ книгъ для защиты вѣры, или другимъ дѣланіемъ ко славію и украшенію ордена. Хотя заслуженныхъ отцовъ можетъ быть много въ провинціи; но число ихъ или пользующихся ихъ привилегіями не должно превышать 12-ти; а посему провинціальные капитулы должны раздѣлить заслуги на три разряда, оцѣнить ихъ и опредѣлить, кто долженъ быть допускаемъ въ число участвующихъ, равно и распределить сопряженные съ этими разрядами выгоды. Общія правила относительно заслуженныхъ состоятъ въ томъ, чтобы принятые въ число 12-ти участвующихъ не управляли монастыремъ и не проходили какихъ либо должно-

¹⁾ Constit., стр. 90.

отей конгрегациі или провинціи, но имая на одинаковыхъ правахъ съ другими и имѣя право выбирать и просить удобнаго для своего жителства монастыря, пользоваться въ монастырѣ удобнымъ помѣщеніемъ, отплатить оное когда нужно, имѣть для служенія ланка или изъ монаховъ, или изъ мирянъ, съ платомъ на счетъ монастыря, получать одежныя деньги наравнѣ съ настоятелями, и имѣть отъ монастыря все необходимое для жизни и сохраненія здоровья. Кромѣ того эти отцы не обязываются непремѣнно посѣщать общій хоръ и исполнять тѣ послушанія, которыя имъ не по силамъ; но они не освобождаются отъ совершенія заказныхъ литургій, которыя они отправляютъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ обязаны еженедѣльно отправлять профессоры богословія. Украшенные такими важными въ провинціи привилегіями отцы должны помнить, что они обязаны исполнять въ тѣхъ монастыряхъ, въ коихъ живутъ, всѣ тѣ послушанія, какия безъ большаго неудобства могутъ быть исполнены ими, почитать своихъ настоятелей, повиноваться имъ въ остальномъ, подавать всѣмъ примѣръ добродѣтели, и посильно заниматься тѣмъ, что служить къ пользѣ и украшенію ордена и самихъ ихъ можетъ избавить отъ праздности. Провинціальныя капитулы должны рассмотреть и опредѣлить, какия монастыри въ каждой провинціи могутъ быть избираемы и выпрашиваемы; но въ одномъ монастырѣ не должно помѣщать болѣе двухъ эмеритовъ. Впрочемъ экс-протоархимандриту, который подъ именемъ экс-генеральнаго суперіора занимаетъ между эмеритами первое мѣсто, можно избирать по своему желанію монастырь въ своей провинціи для управленія на 8-ми лѣтіе, по истеченіи коего хотя и дозволяется ему снова избирать по своему желанію монастырь и управлять имъ, но не тотъ самый, который получилъ въ первый разъ. Кромѣ того постановляется, чтобы во всѣхъ монашескихъ актахъ экс-протоархимандритъ занималъ первое послѣ протоархимандрита мѣсто и преимуществовалъ предъ всѣми архимандритами. Но если

управлявшій всей конгрегаціей былъ не аббатъ, а простой монахъ, то онъ на одичаковыхъ правахъ съ другими монахами долженъ подчиняться викариату своей провинціи. Сказанное объ экс-протоархимандритѣ въ равной мѣрѣ должно относиться и къ экс-викариатѣ генеральнымъ ¹⁾).

Всѣмъ настоятелямъ строго повелѣвается, чтобы они заботились о больныхъ съ отеческою любовью и по возможности приглашали опытнаго врача и немедленно доставляли все, что врачъ признаетъ необходимымъ для здоровья тѣла ²⁾. Если болѣзнь произошла отъ грѣха или вины монаха, то расходы на леченіе должны производиться изъ его одежной пенсіи ³⁾. Въ большихъ по крайней мѣрѣ монастыряхъ должна быть устроена для больныхъ особая больница, со своимъ молитвеннымъ домомъ, снабженная удобными и чистыми кроватями и всѣмъ тѣмъ, что относится не только къ ихъ удобствамъ и нуждамъ, но и къ утѣшенію ⁴⁾. А гдѣ нѣтъ больницы, тамъ больные могутъ лежать въ своихъ келліяхъ, лишь бы съ полною любовью доставлялась имъ надлежащая помощь. Заболѣвающіе не прежде отводятся въ больницу, какъ на третій день ихъ болѣзни, и остаются здѣсь до окончательнаго выздоровленія. Больные должны сообщить о своемъ положеніи настоятелю, и никому нельзя, безъ его разрѣшенія, приглашать врача или совѣтоваться съ нимъ письменно. Для тщательнаго ухода и присмотра за больнымъ настоятель назначаетъ носокома и для скорѣйшаго послушанія даетъ ему ланка или ми-

¹⁾ Codex, стр. 74—75. О предоставленіи экс-протоархимандриту права избирать монастырь для своего управленія см. акты Брестск. капитулы 1751 г., сесс. 2, въ рукоп. Почаев. арх., № 431.

²⁾ Const., стр. 100; конгр. Брестск. 1772 г., сесс. 4, § 53, въ Почаев. библ., № 384; Codex, стр. 77.

³⁾ Codex, стр. 77.

⁴⁾ Const., стр. 101; Codex, стр. 77. См. декретъ 25 іюня 1599 г., § 31, въ книгѣ Summarіusz Regul., 1751 г.

рянина. Если же нѣтъ несокома, то прислуживать больному обязаны рядовые отцы и братія, по старшинству, и съ тою заботливостью и любовью, какой желали бы для себя самихъ въ случаѣ болѣзни. Какъ только болѣзнь начнетъ усливаться, больные должны приобщаться Св. Таинъ, и это они должны дѣлать по крайней мѣрѣ каждый мѣсяцъ, если болѣзнь продолжительна. Важнымъ поощреніемъ для больныхъ къ твердому перенесенію скорбей обыкновенно бывають благочестивыя посѣщенія братіи; поэтому прежде всего рекомендуется аббатамъ и настоятелямъ, чтобы они чаще посѣщали больныхъ и другихъ склоняли къ этому. Тѣ, кои съ дозволенія настоятеля будутъ навѣщать больныхъ, должны говорить тихимъ голосомъ и скромно, чтобы не обеспокоить ихъ, и бесѣдовать о томъ, что можетъ утѣшить больныхъ и расположить ихъ къ терпѣнію, исповѣди и частому принятію Св. Таинъ. Посѣлку для больныхъ не должно быть ничего важнѣе того, чтобы очистить себя отъ душевныхъ скорбей; то по сему, при усиленіи болѣзни, непременно долженъ присутствовать духовникъ, дабы помочь умирающему въ послѣдній часъ, для чего полезна книга изданная на сей случай. Передъ смертью, опасно больной дѣлаетъ перечисленіе тѣхъ вещей, коими дозволено было ему пользоваться, и поручаетъ ихъ власти начальниковъ, которые должны заботиться о томъ, чтобы не потерялось что либо. При исходѣ души больного, звонять въ домашній колокольчикъ, по призыву котораго всѣ собираются въ комнату умирающаго, молятся за душу усопшаго, получающаго въ это время индульгенцію. Послѣ оставленія жизни мѣстный настоятель при первомъ случаѣ уведомляетъ объ его смерти провинціала и другихъ сосѣднихъ настоятелей, а эти—другихъ, дабы всѣ совершали обычное поминовеніе за душу умершаго брата ¹⁾. Гѣло

¹⁾ Constit., стр. 101—102; Codex, стр. 77—78. Объ индульгенціяхъ умирающихъ см. бреве 5 февраля 1754 г., въ книгѣ Bullæ et breviam., ч. 2, стр. 98—102.

умершаго остается не погребеннымъ въ теченіи 24 часовъ, а
никакъ и долже, если нужно будетъ ¹⁾). Вещи оставшіяся послѣ
смерти монаха, ревизуются мѣстнымъ настоятелемъ, который для
этого дѣла долженъ взять съ собою въ ассистенты двухъ отцовъ
сего монастыря ²⁾). Вещи же самаго настоятеля умершаго осматри-
ваютъ викарій, также съ двумя приглашенными для сего дѣла
товарищами; но они не должны читать никакихъ оставшихся до-
кументовъ и писемъ, особенно если настоятель проходилъ какую
либо должность ордена или провинціи, а только обязаны собрать,
положить въ ящикъ и хранить за печатью доколѣ, пока прото-
архимандритъ или провинціалъ не пришлетъ кого либо для раз-
смотрѣнія и разбора ³⁾). Послѣ смерти аббата, мѣстный викарій
прежде всего общей или особенной повѣсткой уведомляетъ прото-
архимандрита о смерти аббата; потомъ, взявъ съ собой двухъ
отцовъ монастыря, тщательно осматриваетъ рухлядь и имущество.
Всѣмъ онъ пользовался, и всему этому составляетъ подробную
спись въ двухъ экземплярахъ, одинъ для отсылки въ архивъ
протоархимандрита, другой для храненія на мѣстѣ и свѣдѣнія
новаго аббата ⁴⁾). Все имущество, оставшееся по смерти архи-
мандритовъ, настоятелей и монаховъ, отдается тому мѣсту, въ
коемъ они жили и умерли, кромѣ денегъ, коимъ дозволено было
якъ при жизни пользоваться. Деньги же въ собственномъ смыслѣ,
подъ коими не разумѣются часы, табакерки и т. п., оставлен-
ныя монахами послѣ смерти поступаютъ черезъ руки провинціала
въ общую кассу и хранятся здѣсь. Впрочемъ можно монахамъ,

¹⁾ Codex, стр. 78.

²⁾ Constit., стр. 102; Codex, стр. 78.

³⁾ Codex, стр. 78.

⁴⁾ Constit., стр. 102—103; Codex, стр. 78.

съ дозволенія генерала, при жизни своей употреблять эти деньги на пользу ордена ¹⁾. Въ каждомъ монастырѣ ведется особая книга, въ которую заносится каждый умершій монахъ, съ означеніемъ года, мѣсяца и дня кончины, и тѣхъ качествъ, коими онъ отличался ²⁾.

Н. Петровъ.

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ Акты Брестск. канцт. 1772 г., сесс. 4, § 50, въ библиот. Почаевской лавры, № 384; см. Дубен. канцт. 1743 г., сесс. 11, въ Почаев. арх., № 379.

²⁾ Constit., стр. 103; Codex, стр. 78.

**О ПРИОБЩЕНІИ ДІАКОНА ПРИ СВЯТОМЪ ПРЕСТОЛѢ (ἐκὶ ἁγίας τραπέζης)
И НА ЖЕРТВЕННИКѢ (καὶ ἐν τῇ προβάσει) ¹⁾.**

Спрашивается: можетъ ли діаконъ, приобщаясь при святомъ престолѣ божественной евхаристіи изъ рукъ епископа или пресвитера, неукоризненно приобщать самъ себя при жертвенникѣ, когда онъ потребляетъ оставшіеся святыя дары въ чашѣ?

Этотъ вопросъ разрѣшается утвердительно: 1) чрезъ изслѣдованіе главной причины, по которой діаконъ приобщается при святомъ престолѣ пресвитеромъ или епископомъ, и 2) особеннымъ служеніемъ діакона въ древней церкви, при таинствѣ божественной евхаристіи.

¹⁾ Статья эта составляетъ отвѣтъ на вопросъ, предложенный Его Святѣйшему, патриарху Константинопольскому Григорію, Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который съ своей стороны обязательно сообщилъ этотъ отвѣтъ редакціи «Трудовъ К. Д. Академіи», вмѣстѣ съ письмомъ къ нему Его Святѣйшества. Вотъ текстъ этого письма досточтимаго іерарха Восточной церкви:

«Григорій, Божіею милостію, архіепископъ Константинополя новаго Рима и вселенскій патриархъ. Благороднѣйшій и словеснѣйшій господинъ Андрей Муравьевъ, наше о Духѣ Святомъ возлюбленное чадо! Вожедѣльное намъ твое благородіе отечески о Господѣ благословляя, любезно привѣствуемъ! Чрезъ нѣсколько дней цѣлый годъ оканчивается уже съ того времени, какъ мы получили синодовое и вожедѣльное письмо Ваше, въ которомъ, Вы предложили намъ нѣкій церковный вопросъ, имѣющій вмѣстѣ духовный и догматическій смыслъ, то есть: «возлагается ли канонически на діакона потребление святыхъ даровъ на жертвенникѣ (ἐν τῇ προβάσει), тогда какъ ему не позволено самому приобщать себя

I.

Диаконъ приобщается святыхъ таинъ при святомъ престолѣ отъ руки епископа или пресвитера, съ одной стороны, потому, что въ тайной вечери (ἐν τῷ μυστικῷ δείπνῳ), ежедневно возобновляемой и совершаемой на священннхъ престолахъ повсюду живущихъ вѣрующнхъ, первый священнодѣйствователь по священнической степени, епископъ или пресвитеръ, представляетъ собой божественное лице Господа, преподающаго своимъ ученикамъ чести-

у святаго престола, а всегда отъ руки епископа или пресвитера? Видя требоваши отъ насъ, чтобы мы послали Вамъ удовлетворительное рѣшеніе, для умиренія (какъ вы говорили) своей благочестивой совѣсти. Такъ какъ Ваше письмо было получено въ то время, когда мы находились на болѣзненномъ одрѣ, сильно страдали ногою отъ случайнаго наденія, для того вѣроятно, чтобы еще и этимъ преполнялась глубокая чаша нашихъ житейскихъ страданій, въ оправданіе священнаго рѣшенія: «яко многима скорбыи подобаетъ намъ вѣсти въ царствіе небесное»; и такъ какъ немощь сія и за нею послѣдовавшая болѣзнь, продолжаясь десять мѣсяцевъ, не позволяли намъ свободно заниматься, а кромѣ того непрестаннаго заботы о престолѣ и о церкви сосредоточивали нашу умъ на ежедневныхъ и болѣе снѣжныхъ дѣлахъ: то мы только недавно, едва нѣсколько оправившись, вспомнили и о Вашемъ письмѣ. Удивляясь Вашему благочестивому расположенію и похвалля оное, мы желаемъ лучше отвѣтити позже возлюбленному снму церкви, нежели совсѣмъ умолчать предъ тѣмъ, кто благо спрашиваетъ о благомъ дѣлѣ у своего отца, ибо подобное вопрошеніе уже почитается мудростію, и который питаетъ въ себѣ, по преданію отеческому, божественную ревность о каноническомъ благоустройствѣ священннхъ церквей и клира, и о догматической точности; и не хотимъ отсылать Вашу благонамѣренную и ученую любознательность къ неисчерпаемымъ и богатнмъ источникамъ божественныхъ познаній т. е. къ Россійскимъ школамъ и академіямъ, дабы мы сами не доказали Вамъ безпечными или невнимательными къ Вашему вопрошенію. Посему, разсудивши оное сколько сіе намъ было возможно при заботохъ нашихъ, мы изложили мысленно и посылаемъ Вамъ мнѣніе наше при настоящей грамотѣ вашей; а болѣе точное дознаніе возлагаемъ на Ваше собственное чтеніе и заботу. Будьте же всегда здравы и благоденствуйте имѣя всегда предъ собою какъ свѣтлыице, стоиашъ вашимъ закоушъ Господа, Егоже спасительная благодать да пребудеть съ Вами, при нашей молитвѣ и благословеніи.

1871 г. февраля 15.

Константинопольскій во Христѣ теплый молитвенникъ.

ные дары; а съ другой стороны, для соблюденія іерархическаго порядка, не только оубъ, діакоубъ, но и пресвитеръ, при служеніи съ епископомъ, приобщаются святыхъ таинъ чрезъ епископа. Такой порядокъ въ приобщеніи священнослужителей всегда соблюдался при святомъ престолѣ. не только по степени священства каждаго, но и по старшинству общественной должности (το κοινὸν ὄφελος) лицъ принадлежащихъ къ одной и тойже степени. Такии образоиъ, не только епискоубъ приобщался епископомъ высшаго достоинства (такъ напр. нѣкоторые константинопольскіе патріархи преподавали и преподають таинства сослужающимъ съ ними епископамъ, какъ представляющіе образъ Господа при приношеніи божественной жертвы), но и пресвитеръ пресвитераиъ. ради чести старшинства, какъ свидѣтельствуеть объ этомъ обычай Симеонъ Солунскій, говоря: «единъ только первый приобщаетъ самъ себя архіерей..., а чрезъ него епископы и священники, и чрезъ священниковъ всѣ остальные священники и діаконы» (сл. 98 о божест. литур.). И этотъ порядокъ благообразно соблюдался и до сихъ поръ соблюдается внутри алтаря. такъ какъ и внѣ алтаря (ἔξω τοῦ βήματος) соблюдался въ древней церкви нѣкоторый порядокъ въ приобщеніи святой евхаристіи. какъ узнаемъ это изъ Апостольскихъ Постановленій, свидѣтельствующихъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «и послѣ этого (именно послѣ того, когда народъ произнесъ «единъ святы, единъ Господь, и пр.» и краткое славословіе) да приобщается епискоубъ. потомъ пресвитеры и діаконы и иподіаконы, и чтецы, и пѣвцы. и аскеты, а между женщинами діакоиссы, и дѣвы и вдовы, потомъ дѣти и послѣ того весь народъ по порядку со благоговѣніемъ и страхомъ» (кн. 8, гл. 13, 4). «Ибо церковь», какъ сказано въ другомъ мѣстѣ въ этихъ Постановленіяхъ (8, 31), «естъ училище благочинія, а не безчинія».

Такой обычай, то есть, чтобы низшіе клирики при святомъ престолѣ приобщаемы были святыхъ таинъ. высшими клириками,

по степени священства, существовалъ издревле въ церкви, какъ можно заключить это изъ 18 правила перваго вселенскаго собора, который не только возстановилъ обычай, погранный надмѣнностію нѣкоторыхъ діаконовъ, повелѣвая, чтобы они соблюдали порядокъ въ приобщеніи послѣ пресвитеровъ, но и опредѣлилъ, чтобы они всегда приобщались отъ руки епископа или пресвитера по вышеказанной причинѣ: «Стало извѣстно святому и вселенскому собору, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и городахъ діаконы преподають пресвитерамъ евхаристію; но ни канонъ, ни обычай, не передалъ намъ, чтобы не имѣющіе власти приносить св. жертву, преподавали оную приносящиму Христово тѣло. А извѣстно, что уже нѣкоторые изъ діаконовъ прикасаются святой евхаристіи и прежде епископовъ. Все сіе да будетъ уничтожено, и діаконы пусть остаются въ своихъ предѣлахъ (*еіс іδλος μέτροις*), зная что они служители епископа и ниже пресвитеровъ. Да принимаютъ они по чину евхаристію послѣ пресвитеравъ, когда имъ преподаеть ее епископъ или пресвитерь». Канонъ этотъ, какъ мы видимъ, предполагаетъ два рода безпорядковъ со стороны нѣкоторыхъ діаконовъ, изъ коихъ одни преподавали евхаристію пресвитерамъ, другіе же прикасались оной не по чину, и прежде епископовъ приобщались. Этотъ канонъ имѣетъ въ виду уничтожить безпорядокъ, производившійся послѣдними: «да принимаютъ они по чину (т. е. по степенямъ священства) евхаристію послѣ пресвитеровъ»; безпорядки же первыхъ: «евхаристію преподаеть имъ или епископъ или пресвитерь».

Что діаконы прикасавшіеся (евхаристіи) прежде епископовъ и считавшіе себя въ правѣ преподавать ее пресвитерамъ дѣлали это противъ правила и древняго обычая принимать евхаристію не только послѣ епископовъ, но и пресвитеровъ, отъ руки тѣхъ или другихъ, все это весьма очевидно предлагается въ этомъ канонѣ.

Но, быть можетъ, кто либо спроситъ: отчего возникло та-

кое злоупотребленіе, что діаконы стали преподавать евхаристію пресвитерамъ, когда и по обычаю и по правиламъ священнослужители высшіе преподавали евхаристію низшимъ? Это произошло, помимо другихъ причинъ, весьма вѣроятно, отъ дерзновеннаго расширенія самими діаконами дозволенія, которое было даваемо имъ отъ епископа, преподавать евхаристію мірянамъ, какъ увидимъ ниже объ этомъ дозволеніи. Такъ какъ діаконы, по правиламъ, принимали евхаристію послѣ пресвитеровъ и притомъ, по издревле установившемуся обычаю преподавали ее изъ чаши мірянамъ, то исправляя дѣла областной митрополи, въ епархіяхъ часто престоупали повелѣнія своего митрополита въ отношеніи священниковъ и епископовъ, состоявшихъ подъ властію ихъ митрополита; посему нѣкоторые надменные діаконы легко осмѣливались преступить и каноническій порядокъ, дерзая приобщаться св. таинъ прежде пресвитеровъ, и даже епископовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дерзали преподавать евхаристію и самимъ пресвитерамъ. Такимъ образомъ этотъ канонъ, исправляя оба сіи безпорядка двумя постановленіями, посредствомъ перваго подчиняетъ ихъ прежнему обычаю («да принимаютъ по чину евхаристію послѣ пресвитеровъ»), посредствомъ же втораго («епископъ или пресвитеръ да преподаетъ имъ»), запрещаетъ имъ дерзновенно принимать самимъ честныя дары, по примѣру Іуды, который такъ ожесточился на оной таинственной вечери, что вложилъ руку вмѣстѣ съ учителемъ въ сосудъ, и этимъ новымъ постановленіемъ прекращены случавшіеся и могущіе случиться такого рода безпорядки. Отсюда явствуетъ, что, поелику только при святомъ престолѣ священнодѣйствующій епископъ или пресвитеръ представляетъ собой лице Господа, преподающаго въ таинственной вечери (евхаристію), у жертвенника же не требуется особеннаго различія въ іерархическомъ чинѣ, но простое служеніе потреблять оставшіеся святыя (дары), при которыхъ служатъ ангелы и ихъ мѣсто занимающіе священнодіаконы; то самая низшая сте-

пень священства, т. е. ангельская и служебная, пригодна у священнаго жертвенника, гдѣ ничего таинственнаго не совершается, но только потребляются святые дары. Кроме того, и при святомъ престолѣ, діаконъ совершаетъ нѣкоторые божественныя священнодѣйствія, какъ напримѣръ, когда онъ, послѣ приобщенія всѣхъ сослужащихъ, влагаетъ остальные частицы святаго хлѣба въ чашу и когда онъ, взявъ священный дискосъ, прикасается святыхъ частицъ своими перстами (и влагаетъ въ чашу). Послѣ этой священной службы, самъ діаконъ опять держитъ обѣими руками чашу, содержащую въ себѣ уже святое тѣло и кровь, въ то время, когда онъ велегласно приглашаетъ причастниковъ «приступить со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовію». Надобно присокупить къ симъ его честнымъ служеніямъ и тройное имъ вкушеніе, подобно пресвитеру и епископу, Господней крови, изъ самой чаши къ которой и онъ прикасается своею рукою, что воспрещено мірянамъ святымъ шестымъ вселенскимъ соборомъ (кан. 58), гдѣ говорится: «никто изъ состоящихъ въ разрядѣ мірянъ да не преподаетъ себѣ божественныя тайны, когда есть епископъ или пресвитеръ или діаконъ; дерзающій же на что либо таковое, какъ поступающій противъ чиноположенія, на одну седмицу да будетъ отлученъ, вразумляясь тѣмъ не мудрствовать паче чѣмъ подобаетъ мудрствовать».

Здѣсь должно замѣтить, что запрещеніе касающееся мірскаго лица, не есть безотносительное и безусловное (*ἀπλότος*), но относительное и ограниченное (*περιορισμένη*), именно только «въ присутствіи» (*παρβυτος*), какъ говоритъ канонъ, «епископа или пресвитера или діакона», такъ что, когда нѣтъ ни одного изъ нихъ на лицѣ, и нужда наложитъ, то позволяется простому монаху и мірянину преподавать себѣ самому св. тайны безъ эпитиміи. Это согласно съ свидѣтельствами многихъ отцевъ и церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ, когда многіе изъ христіанъ, по причинѣ гоненій, хранили у себя св. тайны и приобщались

собственною рукою, когда была въ этомъ нужда. Такъ, по слѣдующему свидѣтельству Еллімента Александрійскаго, миряне (*λαϊκοί*), въ самой церкви, являютя принимающими св. евхаристію собственною рукою: «и евхаристію нѣкоторые (священнослужители) раздробивши по обычаю, предоставляютъ (*ἀποτρέφουσιν*) каждому изъ народа самому получить для себя частицы» (Стрем. кн. 1, гл. 1, § 5). Это согласно также и съ мнѣніемъ св. Василія Великаго, говорящаго о томъ слѣдующимъ образомъ: «что, во времена говеній, позволительно за отсутствіемъ священника или діакона (*ἀποσπουδῶν*), если кто либо нуждается, принимать причащеніе собственною рукою, о томъ излишне доказывать, такъ какъ долгіи обычай утвердилъ это самими дѣлами. Потому что въ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ священника, всѣ монашествующіе, имѣя дома св. тайны, сами приобщаются. Въ Александріи же и въ Египтѣ вслпні и изъ мирянъ, по большей части, имѣютъ св. тайны въ своемъ домѣ, и, когда пожелаеъ, самъ приобщается» (Писъм. къ Кесар. патрицію о приобщеніи). Само собою разумѣется, что все это совершается съ дозволенія мѣстнаго епископа, безъ вѣдома когдѣ ни пресвитерь, ни діаконъ, а тѣмъ мене простой мирянинъ ничего не можетъ совершать (сравн. Апост. Пост. кан. 39).

II.

Что діаконы сначала рукополагались въ христіанской церкви не только для надзора за общимъ и вещественнымъ столомъ (*οἱ ἐπιτοκιστὰν τῆς ἐκκλησίας καὶ σωματικῆς τροφῆς*) обитавшихъ въ Іерусалимѣ вѣрныхъ, но и для служенія при божественной и бессмертной трапезѣ Господней, это видно изъ образа избранія и рукоположенія первыхъ семи діаконѡвъ (Дѣян. 6. 1—6); изъ того, что апостоль Павелъ постановляетъ о діаконахъ (1 Тимѡе. 3, 8—13), и изъ свидѣтельствъ объ этомъ апостольскихъ мужей Игнатія и Поликарпа, (о которыхъ смотр. Икклезіара Θεοτε-

кія, въ его толкованіи на мѣсто въ Дѣяніи Апостольскихъ, читаемое въ недѣлю Нурносноицъ, и Конст. Эконома въ его сочиненіи о трехъ іерархическихкихъ степеняхъ въ церкви (Κωνσταντ. Ὁμιλοῦμεν ἐν τῇ ἐπισκοπικῇ διακονίᾳ ἀπὸ κερ' τῶν τριῶν Ἱερατικῶν τῆς Ἐκκλησίας καθ' ἑν) стр. 82—86). Пошлину же какъ шестой вселенскій соборъ ясно и выразительно различаетъ дѣла и дѣла обоихъ служеній, говоря: «и мы проповѣдуемъ, что вышеупомянутыхъ семи діаконовъ не должно принимать за служащихъ только при таинствахъ по вышеизъясненному наставленію, но за лица, которымъ вручено попеченіе и объ общественныхъ нуждахъ вѣрующахъ, составляющихъ церковь, и діаконы сѣмъ служили намъ и въ этомъ образѣ челоуѣколюбія и попеченія о нуждающихся»; то и мы, не ограничивая значенія ихъ, полагаемъ, что есть нѣкоторое сродство въ дѣлѣ ихъ служенія церкви, подъ руководствомъ и распоряженіемъ святыхъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ, по мысли коихъ совершается все что есть въ церкви. Каново было служеніе при таинствѣ божественной евхаристіи нашихъ діаконовъ въ самыхъ древнихъ временахъ, мы узнаемъ отъ мученика Іустина философа, который говоритъ въ 1-й Апологій (гл. 66) слѣдующее: «егда предстоятель совершитъ (εὐχαριστίαν) благодареніе и весь народъ воздастъ хвалу, то такъ называемые у насъ діаконы преподноютъ каждому изъ присутствующихъ приобщеніе освященныхъ (ἀρταφάρτος, εὐχαριστήριος) хлѣба, вина и воды, и разносятъ къ отсутствующимъ, и сія пища называется у насъ евхаристією» (εὐχαριστία). И съ самаго начала, какъ видно изъ его свидѣтельства, діаконы преподавали вѣрующимъ оба вида св. таинъ, какъ служители, принявъ ихъ изъ рукъ епископа или пресвитера. Обыкновеннѣе же діаконовъ въ церкви держалъ чашу особо (φρασίμως), и изъ нея вѣрующіе приобщались святой крови, отирая свои уста ораремъ (ογατίον отъ οσ-ογία (οστία) уста; а отоселѣ ογατίον (μάκτρον, μινδύλον) платокъ (см. Евстація Аргента въ его сочиненіи противъ еврѣо-

поковъ (κατὰ ἄβυθον) отд. 3, гл. 1, ст. 8), который висѣлъ на его лѣвомъ плечѣ. Изъ многихъ свидѣтельствъ объ этомъ древнемъ обычаѣ, мы представимъ здѣсь только немногія. «Викскопъ да преподааетъ св. хлѣбъ (проофорѣнъ), произнося: «тѣло Христово», принимающій же да отвѣчаетъ: «аминь». Діаконъ же да держитъ чашу и преподавая да говоритъ: «кровь Христова, чаша жизни», и пьющій да отвѣчаетъ. «аминь». Во время приобщенія всѣхъ да читается псаломъ 33» (Апостол. постанов. кн. 8, гл. 13, 4). «Ubi vero solemnibus adimpletis calicem diaconus offerre praesentibus coepit... calicem recusare, perstitit tamen diaconus et repudianti licet de sacramento calicis infudit», то есть: «ко совершеніи священнодѣйствія діаконъ началъ подносить чашу присутствующимъ... (отроковица отвращала свое лице, поражаемая божественнымъ величіемъ)... и она отталкивала чашу; но діаконъ настаивалъ и влилъ въ ея уста святой крови, хотя она и противилась» (Кипр. de lapsis XXV). «Это я говорю вамъ приобщающимся и вамъ служащимъ, потому что необходимо и съ вами (діаконами) побесѣдовать, чтобы съ большимъ раченіемъ преподавали сіи дары... теперь же, имѣя въ рукахъ источникъ не воды, но крови и духа, и видя нѣкоторыхъ обремененныхъ грѣхами тяжелѣе земли и грязи, и приступающихъ, ты не гнѣваешься, не препятствуешь имъ... Для сего Богъ почтилъ васъ такою честію, чтобы вы о томъ разсуждали. Не въ томъ лишь ваше достоинство, не въ томъ ваша крѣпость, не въ томъ весь вашъ вѣнецъ, чтобы, облачившись въ бѣлую и блистательную одежду, обходили бы только кругомъ... если же самъ ты не держашь, то ко мнѣ приведи... я скорѣе положу душу свою, чѣмъ преподамъ Владычиною кровь не по достоинству» (Злат. бес. 82 на Мате.). Этотъ порядокъ сохранялся въ церкви до того времени, когда по основательнымъ причинамъ, (именно по причинѣ злоупотребленія и нечестія людей, лицемѣровъ, еретиковъ и суетвѣровъ), начали употреблять лицу, которая, какъ можно заклю-

чить изъ того, что говорить о ней шестой вселенскій соборъ (кан. 101) и св. Дамаскинъ (о прав. вѣр. кн. 4, гл. 14), не была въ общемъ употребленіи до половины осьмага вѣка. А когда было постановлено, чтобы оба вида святой евхаристіи вмѣстѣ преподавались мирянамъ посредствомъ лжицы, тогда отнята была отъ діакона св. чаша и дана пресвитеру или епископу, которые прежде преподавали только одинъ св. хлѣбъ.

Въ началѣ діаконъ не только преподавалъ присутствующимъ въ священныя собранія изъ чаши, но и разносилъ божественную евхаристію въ обоихъ видахъ и отсутствующимъ ради благословной вины (δι' ἀλόγου αἰτίας), какъ это видно изъ вышепредставленнаго свидѣтельства св. Іустина, и изъ другихъ свидѣтельствъ, которыя мы, ради краткости, опускаемъ. Итакъ изъ этого положенія діакона въ древней церкви, несомнѣнно слѣдуетъ, что онъ, получивши власть отъ совершающаго евхаристію пресвитера или епископа преподавать другимъ святыя тайны, (ибо по Апостольскимъ Постановленіямъ (VIII. 28, 3) онъ (діаконъ) преподаетъ народу не какъ священникъ, но какъ служащій священникамъ, можетъ и самъ себѣ преподавать евхаристію при жертвенникѣ, въ силу дозволенія, даннаго ему отъ стоящаго выше его по степени священства.

Наконецъ мы замѣчаемъ, что потребление (μετάληψις) при свят. жертвенникѣ остальныхъ святыхъ таинъ, издревле было доверено собственно діаконамъ, какъ діаконамъ. Это очевидно изъ слѣдующихъ словъ Апостол. Постанов. (VIII. 13, 14): «и когда всѣ будутъ приобщены, діаконы взявши остальные (св. дары) вносятъ ихъ въ пастофоры». Подъ словомъ же пастофора разумѣется діаконское мѣсто (διάκονικόν) и жертвенникъ (πρόθεσις) древнихъ церквей, какъ то видно изъ другаго мѣста Апостольскихъ Постановленій, гдѣ опредѣляется мѣстоположеніе этихъ пастофоръ. «И во первыхъ домъ (церковь), да будетъ продолговатъ; обращенъ къ востоку, и пастофоры, по обѣимъ сторонамъ, обращены къ

востоку» (II, 37; 3). Въ концѣ же литургіи божественнаго Златоуста ясно говорится такъ: «по окончаніи (литургіи), если діакона нѣтъ, подходитъ священникъ къ жертвеннику, потребляетъ внимательно и благоговѣнно остальные (св. дары) въ св. чашѣ, и собираетъ св. (вещи): чашу, дискосъ, покровцы по обычаю» (Евхолог. изд. Говар. стр. 68). Здѣсь изъ словъ «если діаконъ нѣтъ» (ἐἰ ὄχι ἔστι διάκονος) очевиднымъ становится, что потребление остальныхъ (св. даровъ) въ св. чашѣ собственно совершается діакономъ. Что распоряженіе сіе не изобрѣтено въ первый разъ въ то время, когда составлена сія литургія, но чрезъ нее только вновь опредѣлился обычай, имѣвшій силу въ церкви отъ самыхъ древнихъ временъ; это и само по себѣ извѣстно, да и въ концѣ распоряженія прибавлено «по обычаю» (κατὰ τὸ ἔθος). Тоже самое распоряженіе (ἡ ἀρχὴ διατάξεως) содержится и въ литургіи Василия Великаго. Объ этомъ обычай и Симеонъ Солунскій воспоминаетъ такъ: «и прославивши (іерархъ) Бога, дастъ діаконашъ перенести остальные (св. дары) на жертвенникъ и распорядятся» (δ. οὐκ ἔστιν) (гл. 99 о свящ. литург.), а сіе выраженіе «дастъ распорядиться остальными св. дарами», ничто иное означаетъ, какъ только потребленіе, съ дозволенія епископа остальныхъ св. даровъ въ святой чашѣ, и собраніе священныхъ (вещей), чашы, дискоса, покровцевъ, какъ объ этомъ опредѣлено было въ литургіи божественнаго Златоуста.

Изъ вышесказаннаго совершенно очевидно, что діаконъ, приобщая самъ себя при святомъ жертвенникѣ честному тѣлу и крови Христа, съ дозволенія даннаго епископомъ или пресвитеромъ, не противодействуетъ древнему, каноническому и вселенскому порядку православной церкви, въ которой этотъ обычай вездѣ соблюдается, гдѣ священнодѣйствуютъ діаконы. Никто не можетъ подвѣрять, будто бы обнаруживается каковъ либо осудѣніе (κροσῦνεται ἐλάττωσις τῆς) должнаго благоговѣнія къ святымъ дарамъ въ томъ, что дѣло сіе вовлагалось на ижешуд

степень священства, ибо оно собственно присвоивается діакону въ то время, когда онъ служитъ, какъ мы видѣли, всегда впро-чемъ съ дозволенія приносящаго пресвитера (совершающаго евхаристію), который, если діаконъ не сослужитъ ему, самъ исполняетъ сіе честное и священное служеніе. Обычай же армянъ и коптовъ, по которому потребление остальныхъ св. даровъ въ святой чашѣ совершается исключительно пресвитерами и при святомъ престолѣ, не оказывается древнимъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ историческихъ данныхъ. А восточная православная церковь и въ этомъ благоговѣнно сохранила и сохраняетъ (*диакраті*) древній обычай.

СИНАЙСКОЕ ДѢЛО.

Τὸ κανονικὸν δίκαιον τοῦ πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων ἐπὶ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Σινᾶ ἐπιμαρτοροβρευον ὑπὸ ἐπισήμων ἐκκλησιαστικῶν ἐγγράφων. Ву Κωνσταντινοπόλει 1868 ἔτος. XVI н 376 σελ.

Въ мало освѣщенной исторически области Востока, въ наименьшемъ свѣтѣ представляется повѣдѣйшая исторія средоточныхъ пунктовъ восточнаго православія—четырехъ восточныхъ патриархатовъ. И если и Византійскій періодъ не представляетъ особеннаго обилія церковно-историческаго матеріала, такъ что изданіе Миклошича и Мюллера (*Acta Patriarchatus Constantinopolitani*) составило весьма цѣнное приобрѣтеніе для науки, то новѣйшая исторія восточной церкви, послѣ паденія Византійской имперіи, уже несравненно скуднѣе историческими данными. По исторіи XVI и XVII вѣковъ мы имѣемъ еще не мало историческихъ сочиненій: нѣсколько греческихъ, хотя краткихъ, хроникъ, труды Досеоя и Нектарія патриарховъ іерусалимскихъ и нѣкоторые другіе, болѣе рѣдкіе у насъ (Буна); кромѣ того католики и протестанты то искавшіе для себя опоры въ восточной церкви и ея ученіи и практикѣ послѣ вѣроисповѣднаго распадѣнія запада, то ведшіе дѣятельную пропаганду на Востокъ и имѣвшіе въ томъ и другомъ случаѣ побужденія и поводы къ изученію исторіи восточной церкви, оставили не мало ученыхъ изслѣдованій и извѣстій относящихся между прочимъ и къ современному состоянію восточной церкви. Но съ конца XVII вѣка, на которомъ (нѣсколько ранѣе или нѣ-

сколько позднѣе) обрываются почти всё серьезныя какъ восточныя такъ и западныя церковно-историческія изслѣдованія, изученіе восточной церкви становится уже почти совершенно невозможнымъ; наперечотъ три четыре греческихъ хроника и нѣкоторыя монографіи, нѣкоторые почтенные, но отрывочные труды нашихъ ученыхъ путешественниковъ и изслѣдователей Востока, бѣглыя замѣтки западныхъ туристовъ и довольно слабыя историческія и статистическія кампіляціи западныхъ ученыхъ (напримѣръ, Газеманна и Зильбернагеда)—вотъ все, чѣмъ можетъ располагать историкъ при изученіи Восточной церкви за послѣднія два столѣтія. Кроме того, что особенно важно, историкъ, изучающему новѣйшую исторію Восточной церкви кабинетно, а не путемъ ученыхъ разысканій въ восточныхъ бібліотекахъ и кодексахъ, недостасть еще самаго главнаго условія исторической работы: первыхъ, документальныхъ источниковъ, грамотъ, актовъ и т. п. Изъ множества подобныхъ документовъ, хранящихся въ бібліотекахъ и кодексахъ патріархій и знаменитѣйшихъ митрополій Востока, въ монастыряхъ и семействахъ фанариотовъ, по новѣйшей исторіи Восточной церкви, трудами преимущественно нашихъ ученыхъ, издано лишь нѣсколько отдѣльныхъ документовъ и выписокъ и историкъ Востока не имѣетъ возможности самостоятельно изучать свой предметъ и провѣрять ни часто одностороннія показанія грековъ, ни тенденціозныя свидѣтельства западныхъ ученыхъ.

Но если можно сказать, что историкъ привыкшій къ обилію разнообразнѣйшихъ источниковъ по исторіи запада, переходя къ изученію новѣйшей исторіи Востока, испытываетъ нѣчто подобное тому томительному впечатлѣнію пустыни, какое испытываетъ путешественниковъ по Востоку, то это ощущеніе указываетъ лишь на недостатокъ историческихъ данныхъ, но никакъ не на безсодержательность и пустоту самой церковной жизни Востока, какъ совершенно несправедливо представляется многимъ. Не говоря объ общихъ проявленіяхъ этой жизни, которые при всѣхъ неблаго-

приятныхъ, стѣснительныхъ обстоятельствахъ, далеко изъ тѣхъ ничтожны, чтобы не имѣть историческаго значенія.—церковно-историческая жизнь Востока въ послѣдніе нѣва представляетъ не мало и совершенно новыхъ явленій, нѣтъ, особенно для насъ, не только высшій научный, но и живой практической интересъ. Напримѣръ: послѣднія два столѣтія въ исторіи Востока замѣчательнымъ сильнымъ развитіемъ греческаго элемента во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ восточной православной церкви, громаднымъ расширеніемъ власти константинопольскаго патриархата не только въ автономныхъ нѣвогда церквяхъ славянскихъ—болгарской, сербской, молдавляхійской, но и въ другихъ патриархатахъ, по составу своихъ округовъ чуждыхъ греческой національности, особенно іерусалимскомъ и антиохійскомъ. *Μεγάλη ἰδία* грековъ, настойчиво, систематически преслѣдуемая по преимуществу константинопольскою патриархіею, въ церковномъ отношеніи достигла широкаго осуществленія: всѣ митрополіи и епархіи всѣхъ четырехъ патриархатовъ въ настоящее время заняты исключительно греками, грани занимаютъ и всѣ высшія должности при іерархическихъ епархіяхъ, почти греками же исключительно заняты и святыя мѣста Іерусалима и Синая, бывшаго когда-то святилищемъ общенароднаго православнаго подвижничества;—словомъ все представительство восточной церкви въ настоящее время исключительно греческое и элементы мѣстныхъ народностей—сирійцевъ и арабовъ, совершенно подчинены этимъ преобладаніемъ грековъ, которое вѣроятно сказывается и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ церковной жизни и практики. Это въ высшей степени замѣчательный фактъ остается однакоже въ наукѣ совершенно невыясненнымъ. Мы знаемъ объ этомъ какъ о фактѣ послѣдняго времени, знаемъ по горькимъ жалобамъ славянъ и молдо-валаховъ, страдавшихъ и отчасти доселѣ страдающихъ подъ игомъ санаріотовъ, слышимъ отъ угнетенныхъ о незаконности ихъ подчиненія константинопольскому патриархату, о притѣсненіяхъ и насиліяхъ сопровож-

давнихъ господство фанариотовъ, на се стороны грековъ не имѣ-
етъ никакихъ почти документовъ, которые могли бы совершенно
выяснить эту вѣковую распрю и установить твердое историческое
воззрѣніе на этотъ вопросъ. Еще менѣе намъ известно о раз-
витіи греческаго элемента въ антиохійскомъ, александрійскомъ и
іерусалимскомъ патриархатахъ, хотя и здѣсь усиленіе этого эле-
мента происходило и происходитъ не безъ борьбы, какъ показы-
ваетъ это напримѣръ недавнее александрійское дѣло на повелю
собранія преемника патріарха Никанора или современное недо-
вольство поднимающееся въ антиохійскомъ патриархатѣ противъ
греческаго деспотизма. Между тѣмъ разъясненіе этихъ вопросовъ
могло бы имѣть не только глубокий научный интересъ, но и
практическое значеніе для насъ. Какъ, напримѣръ, необходимо
было бы разъясненіе отношеній грековъ къ негрекамъ на Востоцѣ
для рѣшенія хотя бы болгарскаго вопроса! Какъ важно было бы
это и для установленія прочныхъ отношеній къ Восточной церкви
и по другимъ вопросамъ, требующимъ нашего рѣшенія для выпол-
ненія бесспорно предстоящихъ нашей церкви важныхъ задачъ на
православномъ Востоцѣ!

Мы представили лишь одинъ примѣръ въ доказательство
того высокаго научнаго значенія, какое могла бы имѣть для насъ
новѣйшая исторія восточной церкви. Въ послѣдніе два вѣка за-
мѣчается не мало и другихъ новыхъ явленій и измѣненій въ цер-
ковной жизни Востока, каковы напримѣръ измѣненія въ отноше-
ніяхъ церкви къ правительству турецкому, измѣненія въ церков-
ной администраціи, отношенія Россіи къ Востоку со времени Петра
Великаго, значеніе русскаго посольства въ дѣлахъ Восточной
церкви и т. п. Разъясненіе всѣхъ подобныхъ вопросовъ на осно-
ваніи документальныхъ источниковъ было бы также весьма важно
во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому—замѣтимъ мимоходомъ—историче-
ская наука не можетъ не привѣтствовать съ полнымъ сожа-
лѣніемъ учрежденіе въ Константинополѣ «спеціальнаго Общества

для обнаруженія невзданныхъ рукописей» (ἐκδοκῶς σύλλογος πρὸς δημοσίευσιν ἀνεκδότων χειρογράφων), преимущественно относящихся къ исторіи Востока послѣ паденія Византійской имперіи ¹⁾, а также мысли одного изъ нашихъ ученыхъ, начальника миссіи, къ изданію описанія рукописей бібліотеки іерусалимской патріархіи.

Въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили книгу, заглавіе которой выписанъ въ началѣ нашей статьи. Книга эта, едва ли не единственный доселѣ сборникъ документовъ относящихся къ одному дѣлу, нѣ сколько лѣтъ занимавшему вниманіе Востока—дѣлу о синайскомъ игуменѣ архіепископѣ Кириллѣ. Дѣло это, краткія замѣтки о которомъ появлялись и въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, въ немногихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ. Архіепископъ игуменъ Синайской горы Кириллѣ, вступившій въ управленіе Синаемъ въ 1859 году, злоупотребивъ правомъ своей автореальности и подчинивъ себѣ соборъ властныхъ старцевъ Синая, управлялъ монастыремъ съ крайнимъ деспотизмомъ, растратилъ множество монастырскихъ суммъ, безконтрольно распоряжался монастырскими доходами, нѣкоторые изъ монастырскихъ имѣній обратилъ въ свою собственность, и когда монастырь заявилъ намѣреніе ограничить его произволъ, учинилъ страшныя насилія надъ старцами. Синайскіе отцы стали жаловаться на все это и іерусалимскому патріарху и великой церкви константинопольской. Но

¹⁾ Извѣстіе объ учрежденіи этого общества встрѣчаемъ въ недавно вышедшей новой греческой хроникѣ Аѳанасія Комнина Ипсиланти, (съ 1453 по 1789 г.) изданной по синайской рукописи архимандритомъ Германомъ. (Αθανάσιου Κομνηνου Ὑψηλάντου ἐκκλησιαστικῶν καὶ πολιτικῶν τῶν εἰς δώδεκα βιβλίον ἢ, 9, καὶ 1, ἦτοι τὰ μετὰ τὴν ἄλωσιν (1453—1789) ἐκ χειρογράφου ἀνεκδότου τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Σινᾶ. Ἐκδοδόντος Ἀρχιμανδρίτου Γερμανοῦ Αφθονίδου σιναιτου. Πρόλογος стр. 16).

Кириллъ, дѣйствуя проискажи въ Константинополѣ и Александріи, ссылаясь на свои права и отрицая взводимыя на него обвиненія, два года тянулъ дѣло не желая подчиниться ничьему суду и продолжая дѣйствовать въ прежнемъ направленіи. Когда же іерусалимскій патріархъ рѣшился покончить это дѣло осужденіемъ Кирилла, еще прежде отвергнутого синаитами, и синодально осудилъ его, то константинопольскій патріархъ сталъ оснаживать у него право суда въ этомъ дѣлѣ, пока оно не вызвало наконецъ вмѣшательства турецкихъ властей, къ счастью рѣшившихъ дѣло въ пользу іерусалимскаго патріарха и его синодального опредѣленія. Дѣло это достойно вниманія и по своей сущности. Оно представляетъ поразительный примѣръ того, до какихъ злоупотребленій можетъ дойти власть автокефальнаго архіепископа, не контролируемаго никакой прямою высшею властію и считающаго себя въ зависимости лишь отъ абстрактнаго понятія собора. Съ другой стороны это дѣло показываетъ и тѣ затрудненія, какія представляются въ церковныхъ дѣлахъ Востока, когда въ направленіи и рѣшеніи ихъ участвуютъ нѣсколько канонически равно авторитетныхъ лицъ, руководящихся однакоже не всегда одинаковыми воззрѣніями и тенденціями. Между прочимъ обычныя стремленія Константинопольской патріархіи и въ этомъ дѣлѣ выступаютъ довольно рельефно и значительно характеризуютъ общія идеи, преслѣдуемыя этимъ патріархатомъ въ послѣднее время. Но кромѣ интересныхъ документовъ, разъясняющихъ синайское дѣло, означенная книга имѣетъ весьма важное значеніе и въ отношеніи къ предшествующей исторіи Синая, начиная съ XVI вѣка. Издатель этой книги, въ доказательство правоты дѣйствій синайскихъ отцовъ и іерусалимскаго патріарха и въ свидѣтельство нарушенія Кирилломъ существенныхъ правилъ и постановленій древнѣйшей практики, счелъ нужнымъ, кромѣ документовъ относящихся собственно къ дѣлу о Кириллѣ, представить древнія грамоты патріарховъ и другіе документы, опредѣляющіе порядокъ

синайского управления и отношений между игуменомъ архіепископомъ и синайскимъ братствомъ. Такъ какъ изъ этихъ документовъ доселѣ изданы были только весьма немногіе, то на основаніи ихъ значительно пополняется исторія Синая съ XVI вѣка, хотя только со стороны церковнаго управленія и отношений Синайскаго братства къ игумену—архіепископу и патриархамъ. Что касается состава этого сборника, то нельзя назвать его совершенно полнымъ. Въ немъ не помѣщено нѣкоторыхъ грамотъ, на которыя однакоже дѣлаются указанія, и самъ издатель говоритъ, что онъ при изданіи пользовался только рукописными кодексами библиотеки Святотресскаго моста въ Константинополѣ, тогда какъ кодексы іерусалимской патриархіи и Синайскаго монастыря содержатъ гораздо большее число грамотъ и документовъ по этому вопросу ¹⁾; не выясняются также въ этомъ сборникѣ и нѣкоторыя отношенія Кирилла, въ пользу котораго не представлено здѣсь ни одного документа. Но за всеѣмъ этимъ, сборникъ составленъ, мы полагаемъ, съ полною добросовѣстностію въ отношеніи къ помѣщеннымъ документамъ. Всѣ документы безспорно подлинныя и неспорченныя ни прибавками ни измѣненіями текста: за это ручается уже апологетическая и полемическая цѣль изданія сборника, направленная съ одной стороны къ защитѣ Синаитовъ и іерусалимскаго патриарха, и съ другой къ обвиненію Кирилла и патриархіи константинопольской.

Въ виду высокаго научнаго значенія документовъ относящихся къ исторіи Синая, мы считаемъ нужнымъ и полезнымъ представить по этимъ документамъ прежде всего характеръ синайскаго управленія, какъ онъ сложился исторически преимущественно съ XVII вѣка; и за тѣмъ уже приступимъ къ изложенію Синайскаго дѣла объ игуменѣ—архіепископѣ Кириллѣ.

¹⁾ Τὸ χαρτοφυλάκιον διήκων στρ. 136 примѣчаніе.

I.

Изъ исторіи Синайскаго управленія.

«Святая Богоспешвенная» гора Синай, прославленная великими событіями Ветхаго завіта, и въ мірѣ христіанскомъ скоро стала виднымъ мѣстомъ благочестиваго подвижничества. На Синайскій полуостровъ христіанство первоначально проникло вѣроятно изъ сѣверной Аравіи, гдѣ начало его восходитъ ко временамъ апостоловъ и гдѣ оно могло успѣшно распространяться послѣ завоеванія Петрейской Аравіи римлянами (въ 105 г.) Но несомнѣнныя свидѣтельства о распространеніи христіанства на Синайскомъ полуостровѣ встрѣчаются уже въ третьемъ вѣкѣ. Въ половинѣ этого вѣка христіанство переходитъ сюда изъ Египта, гдѣ и населеніе, по берегамъ Чернаго моря, было однородно съ аравитянами. Когда при Деціѣ въ 249 году открылось въ Египтѣ гоненіе на христіанъ, то нѣкоторые изъ христіанъ Нижняго Египта на Синайскомъ полуостровѣ искали убѣжища отъ преслѣдованій. Такъ Херемовъ, престарѣлый епископъ Нилополя, бѣжалъ съ своею женою въ гору Аравійскую, т. е. на Синай, и уже невозвращался оттуда. Туда же укрылись и многіе другіе христіане, и хотя нѣкоторые изъ нихъ попадались въ неволю къ тамошнимъ кочевникамъ, но послѣдніе не касались ихъ вѣры и даже иногда позволяли имъ жить свободно. Къ атому же времени относится и начало пустынножительства на Синаѣ; первый извѣстный отшельникъ Синайскій есть преподобный Галактионъ, пещерное жилище котораго доселѣ указываютъ на Синаѣ. Когда же со времени Антонія Великаго, поселившагося въ гористой пустынѣ на одинъ день пути отъ Чернаго моря, умножилось число египетскихъ пустынниковъ, то монашеская жизнь развилась и въ Петрейской Аравіи; монахи и пустынники по ту и другую сторону моря находились въ живомъ общеніи между собою. Во время гоненія Діоклитіана страны у Чернаго моря независимыя или

почти независимыя отъ римлянъ служили убѣжищемъ для множества христіанъ египетскихъ и палестинскихъ. Во время этого гоненія св. великомученица Екатерина укрывалась было на Синай вмѣстѣ съ другими, но была отыскана, отведена въ Александрію и здѣсь скончалась мученически. Въ 307 году мощи ея были принесены на Синай и положены на вершинѣ горы, которая и по нынѣ носить ея имя ¹⁾. По мѣстному преданію, египетскіе отшельники, прибывше на Синай во время этого гоненія, съ помощію Библии и туземныхъ преданій отыскивали тѣ священныя мѣста, гдѣ горѣла и нестарала купина, гдѣ Богъ далъ законъ Моисею, гдѣ изведена имъ вода изъ скалы, и гдѣ пророкъ Ілія бесѣдовалъ съ Богомъ, и водворившись тутъ, стали служить Богу постомъ и молитвою. По ихъ просьбѣ мать Константина Великаго, въ бытность свою въ Іерусалимѣ приказала префекту Египта построить на мѣстѣ Неопалимой Купины небольшой кѣріаконъ, и около него крѣпкую башню ²⁾. По сказанію египетскаго монаха Аммонія, приводимому Нектаріемъ ³⁾, синайскіе отцы жили поодиночкѣ, въ келліяхъ, разбѣянныхъ по горамъ и долинамъ и только въ субботу вечеромъ они собирались въ построенный на мѣстѣ св. Купины кѣріаконъ, гдѣ совершали всеобщное бдѣніе, а на литургіи приобщались св. таинъ. Слава благочестиваго подвижничества на Синаѣ уже во второй половинѣ четвертаго вѣка привлекала поклонниковъ изъ Іерусалима и окрестныхъ странъ ⁴⁾; и уже съ этого времени почитаемая

¹⁾ Архим. Порфирія «Первое путешествіе на Синай» стр. 90—91. «Христіанство въ Сѣверной или Петрейской Аравіи», архим. Арсенія. Прав. Обзор. 1870 июль.

²⁾ Архим. Порфирія, первое путешествіе на Синай стр. 91—92.

³⁾ *Ἐπιτομή τῆς ἱσραῆλ ἱστορίας*, стр. 80.

⁴⁾ Вышепомянутый Аммоній (ок. 373 г.) говорить: *Ἐβραλα κατὰ νοῦν καὶ ἰδῶ καὶ τὸ Ἅγιον ὄρος, ἵνα προσκηνήσω καὶ ἐκεί. Ἐβρίσκωντας δὲ καὶ ἄλλην συνεδίαν φιλοχρίστων ἀνθρώπων ἐσυντροφίσθηκα με ταύτους,*

однимъ изъ святыхъ мѣстъ христіанскаго Востока, «Святая Гора» въ дальнѣйшей исторіи болѣе и болѣе просіяваетъ славою подвиговъ и духовныхъ дарованій своихъ отшельниковъ ¹⁾).

По недостатку историческихъ данныхъ довольно трудно опредѣлить первоначальныя административныя отношенія св. горы Синайской и особенно время учрежденія епископства на Синаѣ. По сказанію Аммонія, Синайскій кираконъ, а вмѣстѣ съ нимъ и управленіе всѣми разсѣянными по горамъ отшельниками состояли въ это время въ вѣдѣніи игумена ²⁾; въ послѣдствіи, въ VI вѣкѣ, указываются уже на Синаѣ и въ окрестныхъ обителяхъ архимандриты. Въ епархіальномъ же отношеніи Синай, пока въ немъ не было монастыря, принадлежалъ къ Фаранской епархіи, которая учреждена была еще въ началѣ IV вѣка ³⁾. Указанія на подчиненіе Синая Фаранскому епископу встрѣчаются въ V и VI вѣкахъ. Такъ, когда въ половинѣ V вѣка монахъ Феодосій произвелъ въ Палестинѣ возмущеніе, возбуждая христіанъ не подчиняться опредѣленіямъ Халкидонскаго собора и убѣждалъ на Синаѣ, то императоръ Маркіанъ, желая предостеречь тамошнихъ христіанъ и отшельниковъ отъ монофизитской ереси, писалъ письмо къ Фаранскому епископу Макарію «и ко всѣмъ архимандритамъ и монахамъ богоугодныхъ и всякой чести достойныхъ обителей» съ увѣщаніемъ остерегаться лжеученія Феодосія и хранить простую и неповрежденную вѣру. Въ 536 году Синай также не имѣлъ еще своего епископа и состоялъ подъ вѣдѣніемъ епископа Фаранскаго. Это видно изъ подписи апокрисіарія Синайской горы, посланнаго вмѣстѣ съ другими предста-

καὶ ἡλθομεν διὰ τῆς ἐρημίας ἕως ἀποτὸ διὰ δώδεκα ἡμερῶν. У Нектарія тамъ же.

¹⁾ Сказанія о нихъ по Нектарію и синайскому патерику приведены въ сочиненіяхъ архим. Порфирія.

²⁾ Нектарій *Ἐπίτομή τῆς ἱερᾶς ἱστορίας*, стр. 80.

³⁾ Порфирія. Первое путешествіе на Синай, стр. 19.

виталями требуъ Палестину на Константинопольскій соборъ 536 года: «Феода, пресвитеръ святой горы Синайской, апокрисиарій оной горы, святѣйшей церкви Фаранской и лавры Рафоской»¹⁾. Изъ этой подписи справедливо заключаютъ, что епархіальное церковіе была церковь Фаранская, а синайскаго монастыря и синайскаго епископа тогда еще не было, потому что въ противномъ случаѣ въ подписи было бы сказано: «апокрисиарій епископа или монастыря св. горы Синайской», а не просто «святой горы» чѣмъ указывалось только на отшельниковъ не составлявшихъ еще монастырскаго братства.

Царствованіе императора Юстиніана составило эпоху въ исторіи Синая. Сохранившійся доселѣ большой и красивый монастырь, который оживъ чудесно удѣлялъ среди политическихъ бурь, уничтожающихъ все прочіе монастыри и церкви въ Пустынь Аравіи, былъ созданъ этимъ благочестивымъ императоромъ. «Въ древней Аравіи, говоритъ Прокопій, послѣ называемой третьяе Палестиною, на далекое пространство тянется пустынная страна не имѣющая ни плодовъ, ни воды и никакихъ произведеній, и близко къ таѣ называемому Черному морю досягаетъ безводная и страшно дикая гора, по имени Синай... На этой Синайской горѣ жили монахи.. Этимъ монахамъ императоръ Юстиніанъ построилъ церковь, которую посвятилъ Богородицѣ, а на подножіи горы царь этотъ построилъ сильное укрѣпленіе и учредилъ многочисленную стражу воиновъ»²⁾. «По сказанію александрійскаго патріарха Евтихіа (IX вѣка) синайскіе отцы, услышавъ отъ божьихъ мольщевъ о благоговѣніи сего царя въ святыихъ мѣстахъ и благочестивомъ усердіи его къ созиданію церквей, послали къ нему избранныхъ старцевъ, которые жаловались ему, что дочуждые арбы внезапно нападаютъ на нихъ, похищаютъ ихъ припасы, раз-

¹⁾ Сн. у Маны т. XI. Константинопольскій соборъ 536 года.

²⁾ Прокопій, *Περὶ τῶν τῶν ἁγίων Ἰουστινιανῶν κτισμάτων*, гл. 8.

принять чинъ великій, освящаютъ храмъ надъ св. купиною и воздвигаютъ св. дары. Что же вы желаете? спросилъ ихъ императоръ. Государь! отвѣчали они, мы хотимъ тебя создать намъ укрѣпленный монастырь. Постыжись, вина въ насъ протекла, отпустилъ ихъ и послать съ ними уполномоченнаго чиновника съ приказаніемъ построить церковь въ Аджрудѣ у Суецкаго залива, и два монастыря, одинъ въ Рамѣхъ, а другой на Синаѣ, такъ чтобы они были лучше прочихъ обителей. Въ то же время онъ предписалъ своему прѣводителю въ Египтъ опускать ему уполномоченному столько денегъ, сколько онъ потребуетъ для предположенныхъ построекъ, доставить ему рабочихъ людей, и покровить имъ въ Египта иноплеменнику. Полномочный, основавъ церковь во имя св. Анастасія Великаго въ Аджрудѣ и монастырь во имя Предтечи въ Рамѣхъ, отправленъ на Синай. Убѣжденный просьбою иноковъ, онъ положила основаніе крѣпкой ограды монастырской и церкви во имя Богородицы на мѣстѣ купины, а на томъ же Синаѣ воздвигъ небольшой храмъ во имя Пресображенія Господня. Мѣсто для новой обители было выбрано неудачно, ибо всякій, поднявшійся на склонъ противоположной горы св. Елпетіи, могъ стрѣлять въ средину ея и убивать монаховъ. Полномочный возвратился въ Константинополь и представилъ императору планы основанныхъ имъ церкви и монастыря съ означеніемъ ихъ мѣстностей. Юстиніанъ былъ весьма доволенъ удачнымъ выборомъ мѣста для монастыря Синайскаго и разгнѣванный возраженіями чиновника, приказалъ отрубить ему голову. На Синай посланъ былъ другой приставникъ, и съ нимъ отправлены сто рунуновъ (владовъ) съ женами и дѣтьми. Ему велѣно было взять столько же рабовъ изъ Египта и поселить всѣ эти христіанскія семейства на полуостровѣ, дабы они охраняли монастырь и монаховъ. А прѣводителю Египта предписано было доставлять ежегодно въ новосозданную обитель изъ мѣстныхъ таможенъ всѣ потребные припасы для пропитанія иноковъ и рабовъ ихъ. Воля императора исполнена была въ точ-

ности. На востокъ отъ монастыря поселены были рабы его въ укрѣпленной деревнѣ, которая во время патріарха Евтихія называлась Деръ-эль-Абидъ, т. е. обитель рабовъ¹⁾).

Благоговѣнное почтеніе къ памяти знаменитаго ктитора монастыря съ его авторитетнымъ именемъ связало происхожденіе и всѣхъ существеннѣйшихъ правъ и привилегій Синайскаго монастыря. На Синаѣ до послѣдняго времени крѣпко держалось преданіе, переходившее изъ рода въ родъ и оставшееся почти въ каждомъ изъ документовъ нашего сборника, что Юстиніаномъ утверждено епископство на Синаѣ, имъ же даны монастырю и права вольнаго или независимаго монастыря, имъ же и епископъ—игуменъ Синая почтенъ титуломъ всечестныхъ. Преданіе это закрѣплено было и древними записями, которымъ дано было значеніе новеллъ или хрисовуловъ императора Юстиніана. Документы нашего сборника представляютъ только отрывки изъ этихъ записей—мнимыхъ новеллъ Юстиніана; въ болѣе полномъ видѣ сводъ синайскихъ преданій объ этихъ мнимо-юстиніановскихъ привилегіяхъ представляетъ патріархъ Нектарій въ своемъ «Сокращеніи священной исторіи», писавшій очевидно со словъ древнихъ записей и верѣдко приводящій буквальные выраженія ихъ, какъ видно изъ смѣненія его словъ съ отрывками, встрѣчающимися въ грамотахъ нашего сборника. «Императоръ Юстиніанъ, говоритъ Нектарій, сдѣлавши все для святой и богошественной горы Синайской и довершивши прекрасный оный царскій монастырь, почтилъ его и епископією, постановивъ, чтобы одинъ и тотъ же былъ епископомъ и игуменомъ. Прежде этого мы не встрѣчаемъ, чтобы былъ епископъ Синайскій, не видимъ даже, чтобы былъ и простой игуменъ, пока не было еще монастыря. Синаиты имѣли только одного іеромонаха старца, который совершалъ имъ литургію каждое воскресенье, когда они собирались въ храмъ, и его же счи-

¹⁾ Архим. Порфирій. Первое путешествіе въ Синайскій монастырь, стр. 101—103.

тали они протосомъ снѣта ради сана и благодати священства. Когда же возникъ монастырь и всѣ собрались вмѣстѣ въ одно жилище, и заключились въ предѣлахъ ограды, они должны были поставить и игумена всего монастыря. Этому-то игумену сей великій императоръ повелѣлъ принять епископское рукоположеніе, быть вмѣстѣ игуменомъ и епископомъ, имѣть оба сіи достоинства—и это прилично, чтобы въ одномъ лицѣ сохранялись два достоинства—руководственное и іерархическое, по образу двухъ пророковъ Моисея и Аарона... А отцы бывшего тогда синода, съ сочувствіемъ встрѣтивъ это благочестивое намѣреніе императора и удивившись его глубокому уму въ дѣлахъ божественныхъ, и сами съ своей стороны пожелали еще возвысить честь и достоинство этого архіерея, учрежденнаго на горѣ Синайской этимъ императоромъ. И вотъ они совѣщаются, чтобы внести императору просьбу, чтобы онъ почтилъ его титуломъ вѣчныхъ и сдѣлалъ его архіепископомъ. А было тогда только два архіепископа Охридскій и Кипрскій. Охридскій былъ почтенъ отъ Юстиніана этимъ титуломъ потому, что Охридъ былъ его отечествомъ, и поэтому онъ называлъ его и первую Юстиніаномъ; а Кипрскій епископъ былъ почтенъ Константиномъ Великимъ и утвержденъ (въ достоинствѣ архіепископа) Юстиніанамъ потому, что въ Кипрѣ обрѣтено было на мощахъ святаго апостола Варнавы собственноручное евангеліе св. Марка... Внесли же они эту просьбу императору при посредствѣ одного митрополита Птолемаидскаго. Императоръ принялъ сочувственно эту просьбу не только вслѣдствіе убѣжденій, но особенно потому, что ему казалось это дѣло благовиднымъ, и издалъ по этому случаю хрисовулъ. Затѣмъ патриархъ Нектарій приводитъ и самый хрисовулъ, который впрочемъ помещается и въ новѣйшихъ изданіяхъ императорскихъ новеллъ. Выказывая, что римская имперія, воздавая должную честь людямъ отличающимся въ разныхъ родахъ общественной дѣятельности и особенно тѣмъ, кои трудятся для пользы душъ, по

просьбѣ епископа Никомедійскаго святаго и вселенскаго, и по уваженію къ святой горѣ Синайской даруетъ епископу и почетное званіе вселенскаго, крикнувъ къ замятенымъ говоритъ: «Царство мое чествуетъ будущаго по временамъ наскокомъ и Синаѣ достоинственъ вселенскихъ и опредѣляетъ, чтобы онъ остался третьимъ мѣъ всѣхъ почетныхъ симъ титуломъ и аглъ бы равнымъ съ ними почести въ ходахъ, свидѣніяхъ, словеніяхъ и собраніяхъ, обладалъ бы и въ одеждѣ прелестными архіереемъ имѣющимъ эту честь съ древнихъ временъ до нынѣ, нѣтъ бы и все прочее равное ему и чтобы все это принадлежало ему безъ всякаго ограниченія». Кромѣ того, на основаніи синайской и писи, называемой въ документахъ нашего сборника также именемъ Юстиніана, патриархъ Нестарій рассказываетъ и о нрѣ независимости отъ епископской власти, предоставленной Синайскому монастырю будто бы тѣмъ же Юстиніаномъ. «При Анастасіи патриархъ Богограда великой Антіохіи, говоритъ Нестарій, въ царствованіе сего великаго Юстиніана, въ лѣто отъ сотворенія міра 6042 (534 отъ Р. Х.), когда этотъ императоръ учредилъ въ Іерусалимѣ патриаршество (несмугу онъ всенгдо былъ предъ всѣми способами чествовать святія мѣста), былъ вселенскій соборъ, въ собраніи патриарховъ константинопольскаго, александрійскаго, антіохійскаго, въ мѣсяцѣ августѣ, индикціона 13-го. Соборъ опредѣлялъ, съ царскаго утвержденія, чтобы епископъ Эмилианъ Іерусалимскій, былъ патриархомъ; потомъ постановили дать ему епархію, чтобы онъ жилъ епископомъ для своего собора. Поэтому александрійскій патриархъ изъ подчиненныхъ ему епархіи далъ ему епархію: Бостры Аравійской и Петры, которыя обѣ были и трополіи, и шесть епископій: Гаамъ, Аскалона, Блессорунемъ, Фаррана, Айланъ и Синайской горы; границею же положили Черное море. И Александрійскій патриархъ далъ двѣ метрополіи: Кассеріи Малестинской и Синоуполь, отделилъ также отъ метрополіи Тира, который теперь называется Асуръ, одну епископій-

Иерусалимъ, и отдавъ ему; границею же велекия рѣку протекающую между Птолемаидою, или Акрою, и Каринийскою горою, нынѣ называемою Гава. Кроме того отдѣлили и отъ митрополитин Бостры Авсантийской четыре епископіи и отдавъ ихъ (патріарху іерусалимскому) — Гадира, Капетолиады, Авлики и Гавана, и положили границею Авсантиду — страну Юва. А императоръ Юстиніанъ, чтобы сохранить монастырь великимъ и самоуправляемымъ, въ царской свободности, которую предоставилъ ему, и чтобы никто не властвовалъ надъ нимъ, опредѣлилъ съ священными епископомъ (и вслѣдствіе этого опредѣленія) запертъ былъ священныи горній престолъ церкви монастырской и до нынѣ пребываетъ запертымъ, чтобы монастырь не считался епископіею, дабы, не имѣя тамъ епископа, не архиепископомъ не управлялъ монастыремъ какъ епископомъ, а какъ игуменъ, не патріархъ рукополагающій его не имѣлъ надъ монастыремъ никакой власти. Отсюда самъ архіепископъ Синайской горы, такъ какъ горній престолъ заключенъ, не воссѣдаетъ на оный, ибо онъ рукополагается во епископа не монастыря, но Синайской горы, то есть синайской возвышенности и ея окрестности; но пустынности же мѣста имѣеть митольство въ монастырѣ и состоятъ въ немъ игуменомъ. Поэтому отцы монастыря избирають его какъ своего игумена, рукоположеніе же онъ долженъ принимать отъ іерусалимскаго патріарха. Ибо говорится въ соборнии предѣлахъ (тесотихъ) сего собора: «опредѣляемъ, чтобы одинъ и тотъ былъ епископомъ и игуменомъ, такъ что епископомъ долженъ быть въ монастырѣ не причинѣ пустынности мѣста, а монастырь не долженъ имѣть архіерея игуменомъ, какъ не имѣють такою и прочіе монастыри, и поэтому ему не дано никакой власти надъ монастыремъ какъ архіереемъ, но только какъ игумену. Отсюда, между прочимъ, избирается въ игумена одинъ изъ братства, свой братъ монастыря, а не чужой иновицъ, такой же, какъ и другіе, а не своеобразный человекъ, и словомъ сказать ни-

тѣмъ не отличается отъ игумена, какъ только саномъ архіерейскимъ ¹⁾.

На основаніи этихъ преданій, облеченныхъ въ значеніе новеллы Юстиніана, нѣкоторые и изъ нашихъ ученыхъ ориенталистовъ полагаютъ, что епископство на Синаѣ учреждено этимъ императоромъ, что имъ же епископъ-игуменъ почтенъ титуломъ всесвятнаго и монастырю предоставлены права независимаго, вольнаго монастыря ²⁾. Но подлинность и историческая достоверность этихъ записей и преданій болѣе чѣмъ сомнительна. До XVI вѣка въ исторіи не встрѣчается никакихъ слѣдовъ существованія какого либо документа или новеллы императора Юстиніана о правахъ и привилегіяхъ синайскаго монастыря и его епископа. И если признать справедливымъ, что Юстиніанъ учредилъ епископство на Синаѣ, далъ ему права свободнаго монастыря и епископа игумена его возвеличилъ титуломъ всесвятнаго, то возникаетъ множество неразрѣшимыхъ вопросовъ. Какимъ образомъ не сохранилось въ исторіи указаній на подобныя постановленія Юстиніана, и ни одинъ изъ древнихъ писателей не упоминаетъ о нихъ? Какимъ образомъ не сохранились новеллы объ этомъ между другими новеллами этого императора, постановленія котораго всегда служили предметомъ особеннаго уваженія и изученія? Какимъ образомъ случилось, что эти постановленія Юстиніана неизвѣстны были и на Синаѣ до XVI вѣка и только въ этомъ вѣкѣ записъ о нихъ, подъ именемъ новеллы Юстиніана была «открыта» патриархомъ іерусалимскимъ Германомъ? ³⁾. Это тѣмъ болѣе странно, что при неоднократныхъ переходахъ Синая подъ власть то іерусалимскаго, то александрійскаго патриарховъ и при перешіяхъ

¹⁾ *Ἐπίτομὴ τῆς ἱερᾶς ἱστορίας*, стр. 181—188.

²⁾ Порфирій, Первое путешествіе на синайскій монастырь стр. 103—104. Второе путешествіе стр. 294.

³⁾ Грамота патриарха Іереміа отъ 1575 г. *Καυου*. *ἄκτατου* стр. 6. См. объ этомъ ниже.

въ управленіи монастыремъ (состоявшимъ не всегда подъ вѣдѣніемъ епископа, а иногда—и простаго игумена), документы опредѣляющіе права и отношенія синайскаго монастыря и епископа должны быть постоянно на виду и регулировать административныя отношенія монастыря. Кроме того представляется страннымъ и то, что во время Юстиніана и въ ближайшее къ нему время мы встрѣчаемъ только игумена пресвитера на Синаѣ, и первыя указанія на игуменовъ-епископовъ встрѣчаются лишь въ позднѣйшіе вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ разсказъ Нектарія, или новелла императора Юстиніана, о правѣ независимости монастыря заключаетъ множество историческихъ и хронологическихъ неточностей, обличающихъ ея позднѣйшее происхожденіе. 1) Въ 6042 т. е. въ 534 году отъ Р. Хр. престолъ антиохійскій занималъ патріархъ Еоремъ, а не Анастасій Синаитъ, который вступилъ въ этотъ санъ чрезъ 27 лѣтъ, въ 561 году. 2) Въ мнимои новеллѣ говорится, что учреждено епископство на Синаѣ и дарованы всѣ прочія привилегіи монастырю и епископу уже по окончаніи постройки монастыря; но въ 534 году еще не былъ построенъ синайскій монастырь: постройка его была окончена уже по смерти супруги императора Юстиніана императрицы Феодоры, какъ видно изъ приведенной у Нектарія надписи въ соборномъ храмѣ монастыря: «о памяти, упокоеніи бывшей царицы нашей Феодоры»¹⁾. 3) Іерусалимскій епископъ получилъ патріаршество не при Юстиніанѣ, а во время четвертаго вселенскаго собора (451 г.), на которомъ утверждено было соглашеніе между антиохійскимъ патріархомъ Максимомъ и іерусалимскимъ Ювеналіемъ, по которому первому предоставлялись двѣ Финиція и Аравія, а послѣднему первая, вторая и третья Палестины, изъ коихъ къ послѣдней принадлежалъ и Синай.

¹⁾ Это видно и изъ другихъ надписей, представленныхъ у арх. Норверія. Второе путешествіе на Синай стр. 244.

Эти и другія историческія и хронологическія подробности ясно показываютъ, что синайскія записки о нравѣ монашества синайскаго монастыря и учрежденіи въ ней епископа были первоначальными подлинными и составлены вѣроятно въ видахъ установленія на Синаѣ древнихъ порядковъ (подчиненія египетскому патріарку) въ то время, когда шли споры оъ на Синаѣ между александрийскимъ и іерусалимскимъ патріархами (въ XVI в.). Что же касается другаго документа, которымъ игумену-синайскому описавшему дается титулъ восточнаго, то документъ этотъ—дѣйствительно императорская повелѣна, но такъ какъ этотъ титулъ въ почетъ почетнаго отличія, ставъ дается не раньше XII вѣка, то эту повелѣну приписываютъ императоромъ изъ синайскихъ Кононовъ или даже Налеологовъ ¹⁾.

Вопросъ немаловаженъ вѣроятно, что въ теченіи VI вѣка синайское братство составило подъ управленіемъ игуменовъ-пресвитеровъ или архимандритовъ, и находилось въ вѣдѣніи египетскаго епископа. Изъ надписи надъ воротами въ западной оградѣ монастыря, принадлежавшей у архимандрита Керемія, видно, что императоръ Юстиніанъ въ 527 году споставилъ на Синаѣ мавзоль именованъ Дулу ²⁾. Изъ другой надписи въ алтарѣ соборнаго храма подъ запрестольномъ иконой Преображенія Господни видно, что построена и укрѣпленіе монастыря окончены также при императорѣ-пресвитерѣ Деметрѣ ³⁾. Въ надписяхъ пятого вѣка синайскаго собора мы не встрѣчаемъ имени перваго синайскаго епископа Ко-

1) См. *Zacharias Lingenthal* *ius graeco-romanum pars III, Nouvelle compilation* pag. 598—599. *Zώνταγμα τῶν ἱερῶν κανόνων Ράλλη καὶ Πότλη* т. 5, стр. 381.

2) Второе путешествіе въ Синайскій монастырь стр. 264.

3) Надпись читается: Во имя Отца, Сына и Святаго Духа состоялось сіе художественное дѣло о спасеніи мѣдоносныхъ при Деметрѣ пресвитерѣ и игуменѣ. Нестарѣ *Ἐπιτομή τῆς ἱερῶς ἱστορίας* стр. 164.

статия, будто бы неписаннаго опредѣленія этого собора ¹⁾. Георгій, который будто бы былъ вторымъ епископомъ Синая, въ источникахъ называется *архим.*, безъ указанія на епископскій санъ его, и представляется состоявшимъ подъ властію фаравскаго епископа ²⁾. Преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ (преставившійся въ 603 г. или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ 580 г.) былъ также только *игуменомъ-пресвитеромъ* синайскаго братства и нигдѣ не называется епископомъ. За Іоанномъ Лѣствичникомъ встрѣчаемъ *игумена* синайскаго Исавра. О Θεодосіѣ, третьемъ будто бы епископѣ синайскомъ (въ началѣ 7 вѣка), не находимъ указаній ни у Нектарія, ни въ другихъ источникахъ ³⁾.

Но если несомнѣнно, что до 7 вѣка Синая былъ подъ управленіемъ игумена-пресвитера, а не епископа, и принадлежалъ къ епархіи фаравской, то все-таки, за рѣшительнымъ отсутствіемъ навѣстій о синайскомъ управленіи въ 7, 8 и первой половинѣ 9 вѣка, остается нерѣшеннымъ вопросъ о времени учрежденія епископства на Синаѣ. Довольно правдоподобнымъ представляется мнѣніе Жювеня, что Синая въ значеніи епископіи была провозглашена

1) См. у *Mansi* т. XII. Откуда взято это мнѣніе арх. Порфиріуса, не вѣдомо. Вѣдере *путешествіе* стр. 261.

2) Иоаннъ Москва Лугъ Духовный гл. 127. См. Le Quien *Origines christianaes* т. III, стр. 752—753. Зависимость Синая и его игумена отъ епископа фаравскаго видна изъ того, что патріархъ іерусалимскій Петръ требовалъ отъ епископа фаравскаго Фозы, чтобы онъ выдалъ къ нему архидіаконъ-арх. Георгія.

3) Архим. Порфирій считаетъ Георгія и Θεодосія епископами Синая потому, что они называются епископами въ Синайскомъ Патерикѣ, въ сказаніяхъ монаха Синхрона. Но если бы въ это время уже было епископство на Синаѣ, то представляется непонятнымъ, почему не были епископами и другіе, не менѣе знаменитые игумены Синая, напр. преп. Іоаннъ Лѣствичникъ, и почему въ другихъ источникахъ рѣшительно не встрѣчается указаній на игуменовъ-епископовъ синайскихъ въ это время? Такъ какъ при этомъ одинъ изъ указанныхъ епископовъ Георгій несомнѣнно былъ простымъ игуменомъ-пресвитеромъ: то не слѣдуетъ ли подвергнуть сомнѣнію одиночное показаніе Синхрона о синайскихъ епископахъ въ V и VII вѣкахъ?

комъ Фарана, что епископская кathedra перенесена была на Синай изъ Фарана, по разрушеніи этого города во время магометанскаго погрома ¹⁾). Последнимъ же изъ извѣстныхъ епископовъ Фарана былъ Θεодоръ, увлекшійся ересью моноелитовъ и осужденной на латеранскомъ соборѣ 649 г. и на шестомъ вселенскомъ соборѣ 680 г. и упоминаемый въ актахъ того и другаго.

Исторія синайскаго управленія съ 7 до 16 вѣка не богата извѣстіями. Въ 9 вѣкѣ упоминаются синайскіе епископы, а съ конца этого вѣка указываются имена уже и архіепископовъ синайскихъ ²⁾). Въ спискахъ епархій восточныхъ патриархатовъ Льва Философа и Нила Доксопатрійскаго Синай значится въ числѣ архіепископій іерусалимскаго патриархата. Согласно съ постановленіемъ константинопольскаго собора 336 года, Синай, какъ часть третьей Палестины, принадлежалъ къ округу патриарха іерусалимскаго; но съ конца XI вѣка, когда Іерусалимомъ овладѣли крестоносцы, синайская епархія перешла въ вѣдѣніе alexандрійскаго патриарха. Съ изгнаніемъ изъ Іерусалима крестоносцевъ въ 1187 г., и съ водвореніемъ здѣсь православнаго патриарха, Синай снова переходитъ подъ власть іерусалимскаго патриарха, и отъ него получаютъ рукоположеніе синайскіе епископы. Въ началѣ XIV вѣка обстоятельства снова измѣняются въ пользу alexандрійскаго патриарха, и онъ снова посвящаетъ синайскихъ епископовъ, — что продолжается до перерыва епископскаго преемства на Синаѣ со смертію епископа Саввы, около 1435 года. До этого времени Синай былъ

¹⁾ Le Quien, Oriens Christianus t. III, стр. 750.

²⁾ Перечень извѣстныхъ епископовъ и архіепископовъ синайскихъ см. у арх. Порфирія, Второе Путешествіе въ Синайскій монастырь стр. 356—362. Когда епископія синайская возведена въ архіепископію, рѣшить трудно. Архим. Порфирій на томъ основаніи, что до 879 года упоминаются только епископы синайскіе, а затѣмъ уже архіепископы, и что въ спискѣ епархій подвѣдомныхъ іерусалимскому патриарху, составленномъ при Львѣ Философѣ, синайская кathedra значится 24 въ ряду архіепископій, полагаетъ, что архіепископство учреждено было на Синаѣ около 880 года. Вг. Пут. въ Син. мон. стр. 353—354.

епископією и управлялся то игуменами-епископами, то архіепископами. Но послѣ смерти епископа Саввы, синайскіе отцы по свидѣтельству Нектарія въ видахъ прекращенія споровъ изъ за Синая между патріархами александрійскимъ и іерусалимскимъ не захотѣли имѣть игуменовъ-епископовъ и избрали простаго игумена, и управленіе игуменовъ—пресвитеровъ или архимандритовъ, съ нѣкоторыми только перерывами, продолжалось около 150 лѣтъ ¹⁾. Но если и прежде были споры за право власти надъ Синаемъ между двумя сосѣдними патріархами, то время управленія игуменовъ представляетъ наиболѣе сильный разгаръ этой борьбы,

¹⁾ *Ἐπιτομὴ τῆς ἱερᾶς ἱστορίας* стр. 221—223. 216. Порфирій Второе Путешествіе въ Синайскій монастырь стр. 352—362. Свидѣтельство патріарха константинопольскаго Іеремія 1 (въ синодальной грамотѣ 1575 г.) наводитъ на мысль, что мнимо—юстиніановскія новеллы, о которыхъ мы говорили выше, не были извѣстны въ Синаѣ до 16 вѣка, и поэтому-то монастырь управлялся то игуменами-епископами, то простыми игуменами. «Такъ какъ нѣкоторые изъ бывшихъ прежде насъ патріархами—говорится въ этой грамотѣ—совершенно незная, какъ кажется, древняго попеченія царскаго (императора Юстиніана) о Синайской горѣ, и не обративъ вниманія на новеллы и синодальныя божественныя опредѣленія, но невѣдѣнію естественно издавали по временамъ грамоты уничтожающія древнее оное обыкновеніе, то мы признали необходимымъ и справедливымъ прежде всего буквально изобразить здѣсь *открытую* новеллу славнаго императора римскаго Юстиніана Великаго, въ которой съ другими значится епископією и синайская гора». Выписывая затѣмъ документъ, который приведемъ мы, по Нектарію, о присоединеніи къ іерусалимскому патріархату епархій и въ томъ числѣ и Синая и о правахъ этого монастыря, а также представимъ и свидѣтельство древняго списка епархій іерусалимскаго патріархата, между которыми значится и Синай,—грамота продолжаетъ: «Тогда какъ этии столь важными свидѣтельствами утверждается епархіальное значеніе царскаго и божественнаго монастыря Синайской горы, не мало уже времени назадъ нѣкоторые изъ подвизавшихся тогда на этой горѣ, во времена оны, незнаю по какому побужденію отказались имѣть епископа и жить по древнему праву и утвердили злой и противозаконной совѣтъ,—чтобы, то есть, въ монастырѣ не рукополагался болѣе епископъ. Какъ только это было позволено, дѣла пришли въ беспорядокъ, и издавались патріаршія грамоты, предоставлявшія другимъ, вопреки справедливости, власть и распоряженіе надъ монастыремъ». *Τὸ Κανονικὸν ὄχιαιον* стр. 4.

особенно въ первой половинѣ XVI вѣка, іерусалимскіе патріархи не забывали своихъ древнихъ и новыхъ правъ на синайскій монастырь; александрійскіе съ своей стороны не хотѣли отказаться отъ власти, захваченной ими въ новѣйшее время. «Не нѣтъ своего архіерея, говоритъ Нектарій, нѣкоторые іеромонахи получаютъ хиротонію отъ александрійскаго патріарха, другіе отъ іерусалимскаго, и монастырь былъ въ крайней опасности запустѣнія и упадка. Рукополагаемымъ александрійскимъ патріархомъ ниспагалъ іерусалимскій, и наоборотъ, рукополагаемымъ іерусалимскимъ патріархомъ ниспагалъ александрійскій¹⁾. «Синайская обитель сдѣлалась предметомъ продолжительнаго и разорительнаго спора между двумя патріархами. По случаю этого спора составлялись соборы, гремѣли анафемы, мирволия угро-влахійскіе князья, наживались турецкіе судьи²⁾. Патріархъ іерусалимскій Германъ, отыскавъ въ древнемъ кодексѣ (нынѣшную) новеллу Юстиніана, въ которой синайская епархія значилась въ числѣ епархій іерусалимскаго патріархата, явился въ Константинополь и доказавъ передъ соборомъ при патріархѣ Діонисіѣ II (1543—1551 г.) свои права на синайскій монастырь, получилъ синодальную грамоту, которою власть надъ Синаемъ предоставлялась іерусалимскому патріарху³⁾. Александрійскій патріархъ Іоаннъ по настоянію Германа далъ собственноручное обязательство, что онъ отказывается отъ всякихъ правъ на синайскій монастырь; но чрезъ нѣсколько времени снова сталъ заявлять свои притязанія на Синай. Въ половинѣ XVI столѣтія былъ синайскимъ игуменомъ-епископомъ нѣкто Макарій. Онъ проживалъ

¹⁾ Епитимія... стр. 215—16.

²⁾ Порфирій Первое Путешествіе стр. 145.

³⁾ Свидѣтельству объ этомъ въ своей грамотѣ, патріархъ Іеремія говоритъ, что синодальную грамоту, которою утверждались за іерусалимскимъ патріархамъ права надъ Синаемъ, онъ самъ видѣлъ и читалъ. Это постановленіе собора при Діонисіѣ и было исходнымъ пунктомъ для опредѣленій собора, бывшаго при Іереміѣ.

пострадало въ Египтѣ; вѣды себя дѣлаю на монашески и не обращая никакого вниманія на монастырь. Синайскіе отцы, извѣданные изъ терпѣнія его поведѣніемъ, обратившись съ жалобомъ къ патріархамъ іерусалимскому, антиохійскому и александрійскому; они составили соборъ въ Египтѣ и низложили Магарія. Вместе съ тѣмъ на соборѣ, по настоянію александрійскаго патріарха, опредѣлено было впредь поставять на Синаѣ простыхъ игуменовъ, не либящихся архіерейскаго сана, что и исполнялось съ 1557 до 1575 годъ. Такъ какъ отсутствіе епископа на Синаѣ служило и прежде удобнымъ средствомъ для александрійскаго патріарха къ упроченію своей власти надъ Синаемъ, то и теперь, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, онъ сталъ снова, вопреки обаятельству, домогаться восстановленія своихъ правъ надъ Синаемъ¹⁾. Смерь съ іерусалимскимъ патріархомъ началась снова. Они были такъ развратны для монастыря и вели къ такимъ неустройствамъ и безпорядкамъ, что синайскіе отцы сами наконецъ рѣшились употребить все средства къ прекращенію этихъ смерей. Они явились къ суду великой церкви константинопольской и послали для этого въ Константинополь двоихъ благоразумныхъ и опытныхъ братьевъ—іеромонаха и духовника Іоанна и монаха Моисея. При помощи великаго логовска константинопольской церкви Іеракса и благодаря сочувствію самого патріарха Іеремія II, въ 1575 году состоялся соборъ для разсмотрѣнія дѣла о Синайской обители, на которомъ, подъ председательствомъ Іеремія, присутствовали патріархи антиохійскій Іоаннъ, іерусалимскій Германъ, архіепископъ кипрскій, Тимофей, 22 митрополита и епископа и 15 духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Соборъ, по обсужденіи дѣла на основаніи предъявленныхъ документовъ, опредѣлилъ 1) чтобы новелла Юстиніана (именная, какъ мы видѣли) относительно Синайскаго монастыря, *недавно открытая* и прочитанная на соборѣ, пребывала въ силѣ и ненарушимою пока свѣтитъ

¹⁾ См. Вѣстникъ Восточн. Египта *ἡς ἱερακ ἱστορίας* стр. 216—218.

солнце; и предпочиталась всѣмъ позднѣйшимъ грамотамъ; 2) чтобы согласно съ этою повеленою и соборными опредѣленіями, Синайскій монастырь былъ епископією, чтобы Синайскій игуменъ былъ вмѣстѣ и епископомъ и чтобы онъ епархіально святительствовалъ и распорядился и дѣлалъ все что нужно для благосостоянія братіи; 3) чтобы этотъ монастырь былъ свободенъ, неподчиненъ и непопращенъ никакимъ лицомъ и управлялся бы своими игуменами-епископами; 4) чтобы игуменъ-епископъ былъ князь Синайскаго монастыря и жилъ въ немъ безвѣходно; 5) чтобы онъ избираемъ былъ всѣми властными старцами монастыря и потомъ канонически и безмездно получалъ бы хиротонію отъ святѣйшаго патріарха іерусалимскаго, потому что Синайская гора находится въ области сего владыки; 6) чтобы всякій посторонній, дерзнувшій совершать хиротонію въ Синайскомъ монастырѣ, судить и начальствовать въ немъ при епископѣ его, былъ новенъ Богу и правиламъ соборнымъ кто бы онъ ни былъ; 7) чтобы признавались недействительными всѣ прежнія синодальныя грамоты, какія по обстоятельствамъ были даваемы монастырю, коль скоро онъ противны явленнымъ нынѣ царскимъ и соборнымъ постановленіямъ, и кто рѣшится нарушить устроенный нынѣ порядокъ, тотъ будетъ подлежать отлученію отъ церкви и проклятію.—Это опредѣленіе собора было изложено въ синодальной грамотѣ патріарха Іеремиі отъ 1575 года мѣсяца іюля, подписана всѣми лицами присутствовавшими на соборѣ и сдана божественному и царскому монастырю Синайской горы, чувствуемому во имя Спасителя Христа, и епископу его, какой будетъ по временамъ, съ достопочтенными братьями, боголюбезно обитающими въ немъ для постоянной и нерушимой безопасности его¹⁾.

¹⁾ См. грамоту Іеремиі въ *Κατωιχόν δέχαιον* стр. 4—10. Архив. Порфирій, Первое Путешествіе въ Синайскій монастырь 146—147.

Грамота патриарха Іеремія II представляет собою первый из доселѣ извѣстныхъ историческихъ документовъ, опредѣляющихъ права и административныя отношенія Синайскаго монастыря. Какое значеніе могъ имѣть этотъ документъ для послѣдующей исторіи Синая? Главнымъ мотивомъ къ опредѣленію правъ и административныхъ отношеній Синая при патриархѣ Іеремія были продолжительные споры двухъ ближайшихъ патриарховъ изъ за права владѣнія этихъ монастырехъ. Поэтому константинопольскій соборъ въ особенности имѣлъ въ виду утвердить независимость, автономію этого монастыря вопреки притязаніямъ патриарховъ. Съ этою цѣлію игуменъ монастыря, по древнему обычаю, обладалъ сегомъ епископомъ, и по своимъ правамъ являлся совершенно самостоятельнымъ судьей и распорядителемъ монастыря; только хиротонію онъ долженъ былъ получать отъ іерусалимскаго патриарха, который кромѣ этого не получалъ никакихъ патриаршихъ правъ надъ синайскою епископіею. Монастырь съ его игуменомъ-епископомъ во главѣ являлся такимъ образомъ какъ бы автономнымъ, безусловно-самостоятельнымъ, отрѣшеннымъ отъ всякаго отношенія къ власти патриаршей. Положеніе новое, странное и весьма неопредѣленное. Соборныя правила какъ будто были разсчитаны на вѣчную гармонию между независимымъ игуменомъ — епископомъ и также независимымъ монастыремъ и его братствомъ. Не что дѣлать, гдѣ искать суда въ случаѣ нарушенія этой гармоніи, въ случаѣ столкновеній между епископомъ и братствомъ? Какъ и кому рѣшать дѣла при столкновеніяхъ Синайскаго монастыря съ сосѣдними патриархами? Прѣжняя практика указывала искать высшую инстанцію въ подобныхъ случаяхъ въ томъ патриархѣ, отъ котораго епископъ получалъ хиротонію, слѣдов: въ патриархѣ іерусалимскомъ; но соборныя постановленія не только не говорили о подобныхъ отношеніяхъ подчиненія іерусалимскому патриарху, но были направлены именно къ освобожденію Синая изъ подъ власти какъ александрійскаго, такъ и іерусалимскаго па-

*

триарха. Такое неопредѣленное положеніе синайскаго игумена-архіепископа, какъ оно сложилось при Іереміи, не отстраняло недоразумѣній и запутанности въ дальнейшей исторіи синайскаго управленія и будущему оставляло задачу установить болѣе ясныя основы административныхъ отношеній Синая:

Κατωκόμῳ & κλητῶν представляютъ много новыхъ документовъ изъ дальнейшей исторіи Синая, удаляющихъ на столкновеніи между монастыремъ и патриархами съ одной стороны и между братією и игуменомъ-епископомъ съ другой. Эти столкновенія, независимо отъ неудовлетворительности того порядка дѣлъ, каковъ установленъ былъ при Іереміи II, вызвали восточныхъ патриарховъ къ измѣненію административныхъ отношеній Синая и въ теченіе болѣе ста лѣтъ, съ конца XVI и до начала XVIII вѣка мы встрѣшаемъ немало новыхъ опредѣленій относительно Синайскаго управленія, — въ духѣ значительно несогласномъ съ опредѣленіями патриарха Іереміи. Пока уже въ концѣ XVII вѣка не могла начаться грубой поворотъ къ направленію указанному этимъ патриархомъ. Мы покажемъ въ краткихъ чертахъ подобныя столкновенія и продолжимъ на этомъ историческомъ рядѣ установленій, касающихся синайскаго управленія.

Первое столкновеніе Синайскій монастырь имѣлъ съ александрійскимъ патриархомъ по поводу дѣйствій синантовъ въ Египтѣ, въ Каирѣ. Съ конца XVI вѣка ¹⁾ синанты имѣли въ Каирѣ небольшой домъ (*σκηνὸν τιμῆς*), въ которомъ жило нѣсколько синайскихъ монаховъ (отъ трехъ до пяти), закупавшихъ здѣсь съѣстные припасы и хозяйственныя принадлежности для синайской братіи и пересылавшихъ оныя на Синай. Долго они жили здѣсь мирно и пользовались покровительствомъ александрійскихъ

¹⁾ *Πρὸς πενήτην τοῦ ἁγίου*, — говоритъ патриархъ константинопольскій Іоаннікинъ въ грамотѣ своей отъ 1645 г. *Κατωκόμῳ & κλητῶν* стр. 21.

патриарховъ. Когда въ слѣдствіе наводненія Нила дѣль, въ кото-
ромъ жили сианиты, былъ разрушенъ, то нѣкто обратъ армена
Сейнтаска, въ іерусхъ назначеннаго Хурасъ при патриархѣ Ме-
летѣ Нилѣ подарилъ сианитамъ для жительства небольшой домъ
въ Вагрѣ же, въ Джуванѣ. Въ некоторое время сианиты продо-
жали жить въ ядрахъ въ патриархѣ александрійскомъ, подчина-
лись ему, но иначе какъ съ его позволенія погребали своихъ
покойниковъ на извѣстномъ кладбищѣ и совершали по нимъ поми-
нованіе. Но скоро сианитамъ захотѣлось увеличить свои доходы
въ Вагрѣ, и для этого они выдумали возобновиться вновь по-
дареннымъ имъ домомъ. Они обратили этотъ домъ въ часовню,
стали совершать въ немъ утреннее и вечернее богослуженіе,
а потомъ безъ вѣдома и согласія александрійскаго патриарха ста-
ли совершать и литургію въ этомъ домѣ, который былъ освя-
щенъ священн. епископомъ сианитскимъ Лаврентіемъ ¹⁾. Дѣло было
произвольное и незаконное: церковныя правила строго воспрещаютъ
чуждому епископу безъ вѣдома и согласія епархіальнаго епископа
устраивать церкви въ неподвѣдомой ему епархіи и совершать въ
нихъ священнослуженіе ²⁾. Но кромѣ того, что это дѣло было
противно канонамъ и правиламъ александрійскаго патриарха, оно
было и очень убыточно для александрійской церкви. Тамъ, какъ
къ Бгитѣ (т. е. Капрѣ) была одна только церковъ благочестив-
ныхъ христіанъ, чувствующихъ во имя Святителя Николая; и тамъ
какъ патриархъ отъ милостыни приходившихъ въ немъ христіанъ
едва собиралъ средства къ содержанію себя и окружающихъ его,
а также бѣдныхъ и монашествующихъ въ старомъ Бгитѣ въ
монастырѣ Великомученика Георгія ³⁾ то учредить въ Вагрѣ дру-

¹⁾ Грамота Софронія, патриарха іерусалимскаго отъ 1007 года
Καχονικῶν δῖχαλον стр. 11—12.

²⁾ 21 Прав. св. Апостоловъ, 22 прав. соб. Антиох. и др.

³⁾ Грамота Іоаннина патриарха константинопольскаго отъ 1046 г.
καχονικῶν δῖχαλον стр. 15.

гуду церковь рядомъ съ этою небогатою церковью св. Николая, значило лишить ее и тѣхъ скудныхъ средствъ, какия получала она, значило дѣйствительно, по выраженію патріаршей грамоты, «сподасить егѣтъ малый лучъ свѣта»¹⁾. Кроме этого незаконнаго поступка епископъ Лаврентій, а съ нимъ и синайскіе отцы были не совсѣмъ чисты и въ другомъ отношеніи. Лаврентій былъ въ самообольщеніи относительно правъ своихъ и думалъ подражать патріархамъ въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ формахъ: онъ облачался въ патріаршія облаченія (*патріархика ѿμικρα*), при богослуженіи или носилъ митру необычную для епископовъ (*χρυσῶν λῆρον*)²⁾, или не снималъ ее, вопреки уставу, при освещеніи св. даровъ на литургіи³⁾. Синаиты съ своей стороны не противились этимъ незаконнымъ нововведеніямъ своего игумена-епископа. Такимъ образомъ съ именемъ Лаврентія соединяется въ памятникахъ два незаконныя дѣйствія. Сначала впрочемъ, какъ кажется, вниманіе ближайшихъ патріарховъ александрійскаго и іерусалимскаго обратила на себя только первая вина Лаврентія и синаитовъ—освященіе храма въ Джуваніи и служеніе въ немъ въ ущербъ интересамъ александрійской церкви. Патріархъ александрійскій Кириллъ Дуварисъ естественно былъ недоволенъ нарушеніемъ своихъ правъ со стороны Синайскаго епископа и донесъ объ этомъ дѣлѣ патріарху іерусалимскому Софронію, какъ непосредственному начальнику Синая. Но Софроній, вѣроятно затрудняясь точнымъ разсѣдѣваніемъ дѣла и считая это болѣе возможнымъ для александрійскаго патріарха, предоставилъ ему самому вразумить и

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Въ этомъ обвиняетъ Лаврентія грамота патріарха Константинопольскаго Іакова отъ 1687 г. *Καυου. δικ.*, стр. 69.

³⁾ А въ этомъ обвиняютъ его новѣйшіе греческіе историки, какъ напр. Мелетіи (*Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία* т. 3, стр. 256) и Ипсиланти въ недавно изданной своей хроникѣ, составленной между прочимъ и по грамотамъ Синайскимъ (стр. 129).

въ случаѣ упорства, наказать епископа Лаврентія и синаитовъ за ихъ проступокъ ¹⁾). Патріархъ alexandрійскій Кириллъ по этому праву предоставленному ему патріархомъ іерусалимскимъ, предавъ Лаврентія и иудейскихъ отцевъ отлученію ²⁾, сообщилъ о всахъ этомъ дѣлѣ патріархамъ константинопольскому Тимоею, антиохійскому Дорохею и іерусалимскому Софронію, которые также подвергли ихъ отлученію, какъ свидѣтельствуя, (говорится въ грамотѣ патріарха константинопольскаго Іоаннікіа отъ 1646 года) кощія ихъ патріаршихъ грамотъ, находящіяся въ священномъ кодексѣ святаго апостольскаго престола alexandрійскаго ³⁾. Но потому ли, что безпорядки на Синаѣ не превращались, или потому, что незаконныя притязанія Лаврентія на патріаршія облаченія и особенно странный обычай не снимать митры во время освященія св. даровъ требовали общецерковнаго осужденія и за-прещенія, по поводу этихъ именно нововведеній въ 1620 году въ Константинополѣ состоялся соборъ, подъ предсѣдательствомъ вселенскаго патріарха Тимоея и въ присутствіи патріарховъ alexandрійскаго Кирилла, антиохійскаго Евеміа и іерусалимскаго Софронія, и на этомъ соборѣ Лаврентій былъ осужденъ и подвергнутъ низложенію ⁴⁾.

¹⁾ Грамота Софронія патр. іерусалим. Канон. Дх., стр. 11 и 12.

²⁾ Грамота Іоаннікіа патр. Константинопольскаго отъ 1646 года Канонихόν δίσχαιον, стр. 15—16.

³⁾ Тамъ же стр. 16. Въ Канонихόν δίσχαιον этихъ грамотъ нѣтъ.

⁴⁾ О соборѣ этомъ, упоминаемомъ во всѣхъ новѣйшихъ хроникахъ, ничего не говорится въ нашемъ собраніи. Патріархъ Нектарій въ своей исторіи говоритъ, что по смерти Лаврентія, въ 1617 году былъ рукоположенъ въ игумена Синайскаго Іоасафъ; слѣдовательно Лаврентія уже не было въ живыхъ въ 1620 году. Не противорѣчіе ли это съ показаніями историковъ о соборѣ противъ Лаврентія въ 1620 году? Зачѣмъ было низлагать его, когда его уже не было въ живыхъ? Вероятно не точно показаніе патріарха Нектарія, вообще не отличающагося точностію своихъ историческихъ показаній. Ἐπιτομή τῆς ἱερᾶς ἱστορίας, стр. 223. "

Въ разсматриваемыхъ нами документахъ замѣчается, что изъ дѣла о дзуванійской церкви «произошло много смущеній» и что Синайскіе отцы много потерѣли ¹⁾. Патріархъ александрійскій, въ предотвращеніе дальнѣйшихъ подобныхъ покушеній и для устраниенія незаконныхъ нововведеній Синайскаго епископа, при избраніи преемника Даврентія потребовалъ отъ Синайскихъ отцовъ и ихъ новаго епископа Іоанна особаго обязательства въ этомъ смыслѣ. «Синаиты * ихъ епископы», говорится въ одной, правда позднѣйшей, грамотѣ, сносавшись въ своемъ проступкѣ, вручая патріарху александрійскому грамоту соглашенія (συμφωντικὸν γράμμα), въ которой, между другими выраженіями раскаянія, значилось и слѣдующее буквально: «а я епископъ, буду сохранять, при помощи Божіей, священныя догматы и каноны поступая какъ епископъ по чину православной церкви. ничего не престоупая и ничего не вводя новаго ни внутри монастыря, ни вѣѣ, подписываюсь и подписываюсь епископомъ, облекаясь въ надлежащія архіерейскія облаченія безъ нововведенной предо мною волостей митры (χρυσῆν λώρον) и предметовъ принадлежащихъ патріаршему сану» ²⁾.

Не смотря однакоже на это обязательство, касавшееся какъ нововведеній епископа Синайскаго, такъ и дѣйствій синаитовъ въ Дзуваніи, синаиты не оставили мысли воспользоваться своимъ доходомъ на счетъ александрійской церкви и черезъ нѣсколько лѣтъ снова хотѣли воспользоваться благоприятными обстоятельствами для достиженія этой цѣли. Это было при александрійскомъ патріархѣ Идидеѣ. Когда этотъ патріархъ отправился въ Иверію за сборомъ мнѣстныни, синаиты явились къ благочестивому радѣтелю святыхъ мѣстъ молдавляхійскому воеводѣ Іоанну-Василію,

¹⁾ Грамота патр. конст. Юстиніана Кан. Сѣ., стр. 16.

²⁾ Грамота Іоанна патріарха Константинопольскаго отъ 1687 года. Κανονικὸν βίβλιον, стр. 60.

и съ одними толькоми разноглаголюи смр, будто они наданно бес-
прелюбиво совершали священнослужение въ домъ господъ въ Джув-
ваніи, что это дозволялось имъ и при патриархъ Сильвестръ и при
патриархъ Мелетій, но при патриархъ Кириллѣ Дукарскѣ было все
пременно, и они совершенно невинно подверглись отлученію. Добрый
князь не могъ проверить, справедливы ли были эти жалобы, и
по убѣдительнымъ просьбамъ отцовъ согласился написать послан-
іе къ константинопольскому патриарху Парасеію Старому (1639—
1644), съ ходатайствомъ предъ нимъ, чтобы онъ разрѣшилъ симъ
княтамъ совершать священнослужение въ ихъ домъ въ Джуваніи.
Патриархъ исполнилъ желаніе князи и далъ синаитамъ грамоту
съ разрѣшеніемъ на это. Но несправедливый показаніи оныхъ,
тѣмъ предъ княземъ и имъ обманъ скоро обнаружился. Патриархъ
александрійскій Никсооръ на возвратномъ пути изъ Иверіи не
забылъ записать въ шкуру на митрополити Молдавіи, разъяснить
князю: волею неправоту синаитовъ и князь написалъ патриарху
константинопольскому Парасеію II. (1644—1646) посланіе съ
просьбою отнѣять предъ дѣланною князьями при Парасеіѣ Старомъ
незаконную грамоту. Въ слѣдствіе этого патриархъ Парасеій II
написалъ новую синодальную грамоту, воторомъ отнѣялъ грамоту
своего предшественника, какъ незаконную, вызванную должными
показаніями и нарушающую права александрійской церкви. Вместе
съ патриархомъ константинопольскимъ писалъ въ тѣхъ же днѣхъ
посланіе къ епископамъ крестіанамъ и патриархъ антиохійскій
Ивоаній: «Ни Богъ, ни ангелы, ни святые церкви, несагъ онъ,
не благоволятъ и жертвъ, которую совершаютъ джуванійскіе отцы
въ своемъ домѣ, и мы не терпимъ, чтобы во дни наши совер-
шалось такое незаконное дѣло»¹⁾. Не смотря однакоже на эти
грамоты и убѣжденія, синаиты, какъ видно, продолжали свое дѣло.

¹⁾ Грамота Евсеіи патриарха антиохійскаго отъ 20 іюля 1646 года.
Κατωμχὸν δῖκαιον, стр. 23—25.

Поэтому конечно преeminягъ Наресеніи II на константинопольской раседрѣ патриархъ Іоанннкій II долженъ былъ принять новыя мѣры къ возстановленію правъ александрійскаго патриарха и издасть по этому дѣлу двѣ синодальныя грамоты. Излагаая весь ходъ дѣла, въ первой изъ нихъ (отъ ноября 1646 г.) онъ опредѣляетъ, чтобы все предшествовавшія грамоты, въ которыхъ доводилось священнослуженіе въ джуванійскомъ домѣ и домѣ этотъ назывался церковію; считались недействительными, чтобы домъ этотъ былъ и назывался просто домомъ, какъ и прежде, и жилищемъ монашествующихъ синайскаго монастыря, чтобы сннанты, живущіе здѣсь, были въ полномъ повиновеніи александрійскому патриарху, какъ подобаетъ; и жили съ нимъ въ мирѣ, и въ противномъ случаѣ грозить архіепископу и іеромонахамъ изверженіемъ, а мирянамъ и монахамъ отлученіемъ¹⁾. Во второй грамотѣ эти угрозы переходятъ уже въ дѣло. Синайскій архіепископъ Іоасафъ какъ видно не оказалъ скорой готовности подчиниться опредѣленію патриарховъ константинопольскихъ, и вотъ является грамота (отъ декабря 1646 года), направленная уже собственно противъ него. Такъ какъ Іоасафъ прежде далъ письменное удостовѣреніе, что онъ навсегда отрешается отъ незаконныхъ притязаній на права александрійскаго патриарха по джуванійскому дѣлу, а впоследствии нарушалъ это обѣщаніе, то патриархъ Іоанннкій, ссылаясь на нарушеніе имъ церковныхъ правилъ и этого собственноручно подписаннаго удостовѣренія, навсегда лишаетъ его архіерейскаго сана и всѣхъ соединенныхъ съ нимъ правъ и запрещаетъ всѣмъ считать его болѣе архіепископомъ подъ угрозою іеромонахамъ низложенія, а мирянамъ отлученія²⁾. Подобное же низложеніе опредѣляетъ Іоасафу и участникамъ его беззаконія и антиохійскій патриархъ Евемій³⁾.

¹⁾ Грамота Іоанннкія патр. константинопольскаго *Καυοὺχδὸν δὺχαλον*, стр. 13—18.

²⁾ Тамъ же, стр. 19—22.

³⁾ Грамота Евемія тамъ же, стр. 26—27.

Не малого, какъ видно, труда стоило патриархамъ прекратить самое явное нарушение церковныхъ правилъ со стороны автокефальнаго епископа Синая!

Другимъ еще болѣе важнымъ обстоятельствомъ были злоупотребленія синайскаго архіепископа Ананія, — исторія случившаяся черезъ 20 лѣтъ послѣ низложенія Іоасаа. Положеніе синайскаго архіепископа, утвержденное патриархомъ Іерусалимскимъ, дѣлало его, какъ мы видѣли, почти совершенно самостоятельнымъ, ставило его на ряду съ представителями автокефальныхъ церквей востока. Подалася, правда, нѣкоторая зависимость отъ іерусалимскаго патриарха, но, кромѣ хиротоніи, іерусалимскій патриархъ, какъ видно, не считалъ себя въ правѣ вмешиваться въ качества синайскаго патриарха въ дѣла Синая. Въ дѣлѣ Джуванійскомъ, насколько показываютъ изданныя въ разбираемой нами книгѣ грамоты, онъ предоставилъ судъ надъ синаитами патриарху александрійскому, а самъ принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе меньше всѣхъ восточныхъ патриарховъ. Это положеніе синайскаго архіепископа, и юридически почти независимое, и фактически почти свободное отъ власти ближайшаго патриарха, могло возбуждать синайскаго архіепископа къ попыткамъ пріобрѣсти полную автокефальность, и во всѣхъ правахъ уравнивать себя съ прочими представителями автокефальныхъ церквей. Въ такомъ именно духѣ и была попытка архіепископа синайскаго Ананія около 1663 года. Въ мнимо-Юстиниановой грамотѣ о правахъ синайскаго епископа, какъ мы видѣли, значилось между прочимъ: «царство мое чествуетъ будущаго по временамъ настоятеля на Синаѣ достоинствомъ «всечестныхъ» (ὁπερτιμων) и опредѣляетъ, чтобы онъ считался третьимъ въ числѣ всѣхъ дочтенныхъ семъ титуломъ, имѣлъ бы почести нхъ въ ходахъ, сидѣніяхъ, стояніяхъ и синодахъ, и облачался бы въ такія одежды, какія присвоены архіереямъ, имѣющимъ эту почесть съ древнихъ временъ до нынѣ». Архіепископъ Ананія объяснилъ эту грамоту въ томъ смыслѣ, что такъ какъ титуломъ

«свободныхъ» пользуются въ церкви также три автономныя архіепископа: охридскій, кипрскій и грузинскій; то ему приваляется третье мѣсто между этими архіепископами и онъ долженъ пользоваться почетно и во всѣхъ правахъ условными имъ. Опираясь на такое толкованіе, онъ сталъ считать себя автономнымъ и вполне свободнымъ отъ власти патріарха іерусалимскаго, отличилъ прежнее монашескіе имени его на литургии и въ устахъ этого, по обычаю автономныхъ церквей сначала превозглашалъ: «слава Господи всако епископство православныхъ», а потомъ когда чрезъ это возбуждены недовольство въ монастырѣ, прибавилъ къ этой формулѣ: «и патріарха іерусалимскаго»; въ письменныхъ актахъ и при богослуженіи сталъ величать себя, также подобно патріархамъ, титуломъ «блаженнѣйшій» (*μακαριστάτος*), а не благолюбивѣйшій (*φιλολάπττος*) и «свѣтлоозъ наша» (*μετρίότης ἡμῶν*), а не «спиритъ наша», какъ титулуются епископы. Кроме этого Ананія сталъ нарушать и права свободнаго монастыря и дѣйствовать самовластно. Въ знакъ того, что въ отношеніи собственно къ монастырю, онавскому игуменъ-епископъ его долженъ быть только игуменомъ, и въ управленіи имъ долженъ дѣйствовать не съ самовластіемъ архіерея, а въ согласіи съ братією монастыря, только какъ игуменъ, епископская кафедра въ главномъ храмѣ монастыря, или горній престолъ, была занята и игуменъ-епископъ никогда не восходилъ на нее, при богослуженіи ¹⁾. Архіепископу Ананію еще при самомъ вступленіи въ

¹⁾ Съ того времени, говоритъ патріархъ іерусалимскій Нектарій, какъ игуменъ монастыря былъ почтенъ саномъ епископа, кафедра епископская (*ἐπίσκοπος*) по царскому и синодальному опредѣленію была занята, чтобы сидя на ней—епископъ не считалъ себя въ монастырѣ архіепископомъ, а не игуменомъ; потому что большое различіе арміевской власти отъ игуменскаго предствительства: первое—властительное, послѣднее братское, чтобы такимъ образомъ епископъ въ монастырѣ настоятельствоваъ не властительно, а братско. Грам. патріар. Нектарія синодальнымъ отцомъ Кавказскому синоду стр. 29—30.

должность не прекратилась это ограничение епископской власти над монастырями и онъ еще при посвященіи въ архіепископа въ Іерусалимѣ настоячиво просилъ патриарха Нектарія возвести ему возсѣдать на лордсвѣ престолѣ. Патриархъ Нектарій, самъ жившій долгое время на Синаѣ, знавшій всѣ монастырскіе порядки и понимавшій смыслъ этого ограниченія, отказывалъ ему въ этой просьбѣ. Но, не достигши отмены ограничительной формы, Ананій рѣшился изменить самую сущность дѣла, которая унизилась этому формѣ. Вступивъ въ управленіе монастыремъ, онъ устранилъ отъ участія въ управленіи соборъ властныхъ старцевъ, всѣмъ распоряжался самъ и если собиравъ соборы, то созывалъ властныхъ старцевъ только какъ свидѣтелей своихъ распоряженій, а не какъ имѣющихъ право голоса и равноправныхъ ему членовъ. Когда эти злоупотребленія дошли до свѣдѣнія патриарха Нектарія, то онъ серьезно озабочился ими. Въ мѣс 1668 года изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ тогда, онъ написалъ синайской братіи посланіе, въ которомъ, показывая ложность толкованія Ананію Юсуповою новеллы, онъ просилъ отцовъ синайскихъ заявить архіепископу отъ его имени и настоятельно потребовать отъ него 1) чтобы онъ не имѣлъ синоическое или нафтарха іерусалимскаго, какъ дѣлами его предшественники: Египій, Анастасій, Лаврентій и Юсаабъ; 2) чтобы не остался именоваться *μαχαριώτατος*, а именовался *φωφιλίστατος*, какъ его предшественники; 3) чтобы никогда не домогался отпирать горней арестомъ и восходить на него; 4) чтобы и въ незначительнѣйшихъ дѣлахъ ничего не дѣлалъ безъ общаго согласія старцевъ, такъ какъ въ практикѣ Синая было утверждено, что даже и киротоніи архіепископы его никогда не совершали безъ совѣщанія съ старцами и ихъ согласія; 5) чтобы не держалъ денегъ въ своей келліи, а хранилъ ихъ въ монастырскомъ казнохранилищѣ, ключи отъ котораго, по древнему обычаю, должны быть у властныхъ старцевъ, а самъ игумень архіепископъ хранитъ бы у себя только мона-

определенную печать. Предписывая эти правила синодальному игумену архіепископу, патриархъ Нектарій просилъ синайскихъ отцовъ заявить объ этихъ требованіяхъ Ананіи, и если онъ откажется повиноваться, то довести ему ¹⁾. При этомъ патриархъ Нектарій непосредственно самого Ананію неоднократно старался вразумить въ незаконности его дѣйствій и писалъ ему изъ Константинополя въ Валахию ²⁾, гдѣ онъ былъ тогда. Когда же и это средство оказалось неэффективнымъ, Нектарій сообщилъ о злоупотребленіяхъ Ананіи патриаршему синоду въ Константинополь и когда митрополиты и архіепископы Константинопольской церкви признали незаконность притязаній Ананіи, написавъ синайцамъ другую, уже синодальную, грамоту. Здѣсь онъ подробно объясняетъ неправильность толкованія Ананіею Юстиниановой новеллы. «На зыбкомъ основаніи, говоритъ патриархъ, строитъ Ананія стѣну гордости: ибо въ хрисовулѣ ономъ читается не третій архіепископъ, а третій изъ всечестныхъ... ибо есть и другія четыре архіепископіи, подчиненныя апостольскому престолу іерусалимскому, почтенныя также достоинствомъ всечестныхъ, архіепископіи Лиды, Газы, Св. Троицы, (Αγίας Τριάδος) ³⁾ и Неаполя, почтенныя этимъ достоинствомъ по той причинѣ, что каждый изъ этихъ архіепископовъ три мѣсяца въ году состоялъ при патриархѣ раздѣляя всѣ его труды и получая отъ него содержаніе. Такъ написано въ древнемъ кодексѣ святаго сего престола, и мажета такую же почесть всечестныхъ послѣ двухъ первыхъ архіепископовъ получилъ и синайскій архіепископъ». Подтверждая затѣмъ эту мысль соображеніями обстоятельствъ, при которыхъ синайскій епископъ получилъ титулъ всечестнаго и отсутствіемъ всякаго указанія на то, что это достоинство дано было синай-

¹⁾ Посланіе патр. Нектарія синайскимъ отцамъ отъ 1 мая 1668 г. *Κατωκίδου ὄχλου* стр. 29—31.

²⁾ Синодальная грамота Нектарія синай. отцамъ тамъ же стр. 32.

³⁾ т. е. Іорданской области.

скому епископу наряду съ автокефальными архіепископами: ахридскимъ, кипрскимъ и иверскимъ, патріархъ Нектарій обвиняетъ Ананію въ незаконномъ восхищеніи титула и власти ему непринадлежащихъ и требуетъ, чтобы онъ исполнилъ всѣ условія высказанныя въ предъидущемъ посланіи, въ случаѣ же если бы онъ не захотѣлъ исполнить хотя бы одного изъ этихъ требованій, опредѣляетъ считать его лишеннымъ архіерейства ¹⁾. Кроме того, патріархъ Нектарій, сообщивъ это дѣло патріарху Константинопольскому Месодію, просилъ и его употребить свой авторитетъ къ прекращенію незаконныхъ нововведеній и притязаній Ананіи. И патріархъ константинопольскій, всегда принимавшій живое участіе въ дѣлахъ матерней церкви и въ частности въ дѣлахъ Синая, послѣ синодальнаго разсужденія о семъ предметѣ, написалъ отъ себя синодальную грамоту синайскимъ отцамъ объ осужденіи дѣйствій Ананіи и подтвержденіи всѣхъ требованій патріарха Іерусалимскаго ²⁾. «Что Ананія говоритъ, будто: онъ считается третьимъ изъ автокефальныхъ архіепископовъ (говорится между прочимъ въ этой грамотѣ), это толкуетъ онъ невѣжественно; ибо царскій хрисулъ называетъ его третьимъ изъ всечестныхъ архіепископовъ престола іерусалимскаго, а не третьимъ изъ чествуемыхъ блаженнѣйшими, ибо они называются не всечестными, а автокефальными архіепископами и имѣютъ подчиненныхъ себѣ митрополитовъ и епископовъ, и индиктіоны подписываютъ и титулуются блаженнѣйшими, а все это совершенно не принадлежитъ ему, Ананіи, такъ какъ онъ не имѣетъ подчиненныхъ ему ни митрополитовъ и епископовъ, ни города, ни области, имени которой онъ титуловался бы, а бредитъ объ этомъ какъ бы во снѣ» ³⁾.

¹⁾ Синодальная грамота патріарха Нектарія отъ іюля 1668 года. Кавочих. дѣл. стр. 32—35.

²⁾ Синодальная грамота Месодія патріарха Константинопольскаго, отъ іюля 1667 г. Кавочих. дѣл. стр. 36—40.

³⁾ Тамъ же, стр. 38.

Что же архіепископъ Ананія? Въ то время, когда волумены были на Синае: общенія патриарха Нектарія и синодальная грамота патриарха константинопольскаго Мелетія, Ананія не было на Синае: онъ не воротился еще изъ путешествія за сборомъ милостыни ¹⁾. Синайскіе отцы сообщили ему опредѣленія патриарховъ и съ своей стороны убѣждали оставить нововведенія, а также просили возвратиться въ монастырь, гдѣ его присутствіе было необходимо для совершенія крестеній. Но ни сообщенія синайскихъ о распоряженіяхъ патриарховъ, ни ихъ просьбы о возвращеніи въ монастырь не имѣли успѣха. Ананія не соглашался возвратиться въ монастырь, а только прислалъ для совершенія крестеній амасійскаго епископа Козьму ²⁾. Какъ видно изъ письма, считавшій себя автономнымъ архіепископомъ Синае, съ презрѣніемъ относился въ смиренныя просьбы братьевъ. Но не могъ онъ такимъ же образомъ относиться и къ патриархамъ іерусалимскому и константинопольскому, явившимся на защиту погрѣшниковъ и правъ и обычаевъ монастыря. Не вышедши лично на судъ къ нимъ, онъ думалъ вступить съ ними въ сдѣлку и удовлетворять ихъ требованія нѣкоторыми незначительными уступками, за которыя хотѣлъ удержать существеннѣйшія изъ своихъ притязаній. Онъ писалъ къ нимъ «сладкия и пустыя оправданія, обещалъ имъ почитать патриарха іерусалимскаго на богослуженіи, но помнить не любви, а изъ не долгу» ³⁾. Эта уступка конечно не могла ввести въ заблужденіе патриарховъ: тамъ гдѣ возношеніе имени при богослуженіи выражаетъ каноническое шодчество епископа поминнаго метрополиту или патри-

¹⁾ Изъ второй, синодальной грамоты патриарха Нектарія (отъ июля 1668 г.) мы видимъ, что архіепископъ Ананія былъ тогда въ Валахія, куда послалъ ему и самъ патриархъ: *Καὶ τοῦ. ὁκ.* стр. 32.

²⁾ Отвѣтъ синайскихъ отцовъ патриарху іерусалимскому Нектарію. *Καὶ τοῦ. ὁκ.* стр. 41—43.

³⁾ *Καθάρσεις Αναγίου*, тамъ же стр. 46.

арку и поэтому должно быть выражением не личных отношений, допускающих изъясненія, а долга и подчиненія; то патриархи естественно видѣли въ этомъ только уловку, за которою скрывалось нежеланіе подчиняться іерусалимскому патриарху, тѣмъ болѣе что Ананія и въ формальностяхъ не думалъ отступать отъ своихъ притязаній, и въ своихъ посязаніяхъ патриарху іерусалимскому поднимался просто «богомольцемъ»¹⁾. Поэтому, послѣ многихъ напрасныхъ увѣщаній и увѣженій, чрезъ полтора года послѣ перваго посланія патриарха Никтарія синайскими отцамъ по этому дѣлу, въ декабрь 1670 года патриархи константинопольскій Меодій и іерусалимскій—уже Досиеей, вынуждаются употребить рѣшительную мѣру противъ упорнаго архіепископа Синая. Подъ предѣлительствомъ патриарха константинопольскаго, въ присутствіи патриарха іерусалимскаго Досиеей, девяти митрополитовъ и епископовъ и нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ священниковъ составляется синодъ, и по обсужденіи всего дѣла, архіепископъ Ананія осуждается и какъ «нарушающій и преступающій предѣлы, которые положили отцы, а Богъ и истина утвердили, и къ этому какъ презрѣвшій синодальное запрещеніе и различнымъ образомъ поправшій церковныя опредѣленія», объявляется лишеннымъ архіерейскаго сана и правъ, о чемъ и составлена была синодальная грамота²⁾. Мѣра сильная, и какъ видно это наказаніе подѣйствовало на честолюбиваго Ананію. Онъ убѣдилъ синайскихъ отцовъ просить у патриарховъ прощенія ему и отмены соборнаго постановленія. Милость эта была ему оказана, но скоро послѣ этого Ананія самъ подалъ отреченіе отъ игуменства на Синаѣ и былъ уволенъ³⁾.

¹⁾ Синодальная грамота патриарха Меодія стр. 50, тамъ же.

²⁾ Синодальная грамота патриарха Меодія отъ января 1671 года *Кавчюхдѣв дѣхавов* стр. 44—47.

³⁾ Грамота Іакова патриарха Константинопольскаго отъ 1687 года. *Кав. дѣх.* стр. 69. Не можеть не замѣтить въ этомъ случаѣ несправд-

Но для прежращения злоупотребленій недостаточно было низложить притязательнаго и гордаго архіепископа: при неопредѣленности предшествовавшихъ постановленій касательно нѣкоторыхъ правъ синайскаго архіепископа и его отношеній къ іерусалимскому патриарху, нужно было озаботиться уясненіемъ и дополненіемъ прежнихъ правилъ по этому предмету. И соборъ, низложившій Ананію, позаботился объ этомъ. Въ синодальной грамотѣ патриарха константинопольскаго Месодія отъ января 1671 года, послѣ изъясненія причинъ осужденія и низложенія архіепископа Ананія излагаются слѣдующія утвержденныя соборомъ уже болѣе опредѣленныя постановленія, направленные къ тому, чтобы поставить синайскаго архіепископа въ ближайшую зависимость отъ патриарха іерусалимскаго и отстранять на будущее время возможность притязаній въ духѣ Ананія: 1) епископъ Синайской горы, нынѣшній и всякій ижебующій быть послѣ него, долженъ состоять *ex iudicio* святому престолу іерусалимскому и отъ него безмездно долженъ получать хиротонію; 2) какъ ижебующій начало своего архіерейства въ патриархѣ іерусалимскомъ, онъ долженъ почитать его нима при богослуженіи по канонической обязанности, а не по любви, какъ говорилъ Ананія; 3) долженъ называться *θεοφιλότατος ἀρχιεπίσκοπος*, а не *μακαριώτατος* и долженъ писать *ταπεινότης ἡμῶν* смиреніе наше, а не *μετριότης*—мѣрность; 4) долженъ быть подсуденъ патриарху іерусалимскому, безъ ущерба однакоже чрезъ это правамъ монастыря, ибо мы хотимъ, —говорилось въ

маго противорѣчія въ нашихъ документахъ. Тогда какъ грамота патриарха Іакова говоритъ, что Ананія, въ слѣдствіе ходатайства синайскихъ отцовъ, послѣ низложенія удостоенъ прощенія и снова нѣкоторое время былъ епископомъ-игуменомъ синайской горы, позднѣйшая грамота патриарха константинопольскаго же Калликка отъ 1691 года свидѣтельствуетъ, что Ананія подалъ отреченіе прежде чѣмъ послѣдовалъ соборное низложеніе (Канон 8 х: стр. 97). Въротиже справедливостъ перваго свидѣтельства, какъ ближайшаго по времени къ рассказываемому событію.

грамотѣ, — чтобы монастырь пребывалъ въ собственныхъ правахъ своихъ свободнымъ и автономнымъ, такъ какъ онъ не подлежитъ ни патриарху, ни епископу; будучи свободенъ отъ архіерейской власти. «Все это внимательно обсудивши», заключаетъ грамота, «опредѣляемъ, чтобы все это неизмѣнно и твердо сохранилось во вѣкъ, а кто когда-либо дерзнетъ нарушить это законное опредѣленіе и справедливое постановленіе, какого бы онъ ни былъ сана, званія и состоянія, да будетъ отлученъ отъ всесвѣтой и единосущной и животворящей Троицы и проклятъ и непростенъ и неразрѣшенъ по смерти во вѣки, и часть его да будетъ съ предателемъ Іудой и распявшими Госнода, и да будетъ преданъ вѣчной анаемѣ и новиненъ огню геенскому, да будетъ наказанъ въ жизни настоящей и аишенъ вѣчной, и не узрѣтъ лица Божія. Во свидѣтельство чего и дана сія синодальная грамота святѣйшему патриаршему престолу іерусалимскому ¹⁾».

Дѣло архіепископа Ананія, побудившее поставить архіепископа Синайскаго въ подчиненіе патриарху іерусалимскому, побудило синайскихъ отцовъ озаботиться и установленіемъ болѣе опредѣленныхъ отношеній между игуменомъ-архіепископомъ и братією. Отсюда съ 1671 года мы встрѣчаемся съ новымъ обычаемъ въ Синайскомъ управленіи: синайскіе отцы вступаютъ съ соглашеніемъ съ своимъ игуменомъ-архіепископомъ о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ. Соглашеніе это, или *грамота соглашенія* (συμφωνία, συμφωνιτικὸν γράμμα) утверждается собственно-ручнымъ подписомъ братій и избраннаго въ игумены непосредственно по его избраніи, и затѣмъ утверждается патриархомъ іерусалимскимъ при рукоположеніи новонабраннаго. Послѣ того какъ Ананія, изложенный константинопольскимъ синодомъ, представилъ письменное отреченіе отъ игуменства, синайскіе отцы,

¹⁾ Синодальная грамота Меѳодія, патриарха константинопольскаго отъ января 1671 г. Κατωτικὸν Ἐπιστολὸν стр. 48—54.

вѣстѣ съ джуванійскими и ранскими, набрали игуменуъ іеромонаха и духовника Іоанніа, съ раннихъ лѣтъ подвизавшагося на Синаѣ, и набравъ его, предъ отправленіемъ въ Іерусалимъ для рукоположенія, потребовали отъ него, чтобы онъ хранилъ неизмѣнно всѣ древніе порядки монастыря и чтобы онъ утвердилъ это обязательство письменно, и съ своей стороны также обязались исполнять должныя въ отношеніи къ нему условія. Условія эти изложены въ «Соглашеніи синайскихъ отцевъ съ новоизбраннымъ архіепископомъ», состояли въ слѣдующемъ. Архіепископъ обязывался 1) управлять монастыремъ по древнему обычаю своихъ предшественниковъ; 2) не предпринимать никакого рѣшенія по монастырскимъ дѣламъ безъ согласія всего собора, 3) не составлять нарцій ни съ высшими, ни съ низшими ни съ критянами, ни съ румеліотами, но всѣхъ почитать своими братьями и возлюбленными духовными чадами; 4) безбородыхъ иношей не только самому не вводить въ монастырь, но и другихъ строго воспрещать вводить ихъ; 5) пребывать не въ Египтѣ, а въ монастырѣ, развѣ только когда братство приглашаетъ его отправиться туда по какой нибудь нуждѣ св. монастыря, — и по мнновеніи оной опять возвращаться въ монастырь; 6) управление вести не одинъ, но съ соборомъ, и бумаги, какія посылаетъ куда нибудь по дѣламъ монастыря и какія приходятъ отвнѣ сообщать для свидѣнія собору. 7) Въ случаѣ еслибы игумень-архіепископъ захотѣлъ нарушить и преступить эти условія, онъ судится соборомъ, и если оставитъ нарушение, то хорошо, если же откажется превратить незаконныя дѣйствія, то соборъ обращаетъ его къ суду патріарха іерусалимскаго. 8) Архіепископъ, какъ настоятель и глава всѣхъ, старается исправлять всякій недостатокъ, какой случился или случится въ монастырѣ, при содѣйствіи и помощи старцевъ собора, если одинъ не можетъ прекратить его. «Вмѣстѣ съ тѣмъ и мы всѣ—говорятъ синайскіе отцы въ донесеніи патріарху іерусалимскому о своемъ соглашеніи

съ архіепископомъ, — и мы все общаемо повиноваться ему во всемъ, какъ своему духовному отцу мирно и безмятежно и съ божественною любовію по древнему доброму уставу общешитїи и ничего не дѣлать безъ его воли, — ни закономъ, ни кто другой, какъ и самъ онъ выше обѣщаль ничего не дѣлать безъ воли собора, да прославляется Богъ единопущіемъ нашими. Также обѣщаемъ не имѣть своей воли, но подчиняться волѣ общей, не составлять никакихъ партій ни съ малыми ни съ великими, ни тайно ни явно, а еслибы кто оказался тайнымъ или явнымъ участникомъ въ партіяхъ и противился бы разумленію какъ безчестный, какъ преступникъ и непокорный, — такой, кто бы онъ ни былъ, іеромонахъ ли или духовникъ, старецъ ли, малый или великій, или и самъ настоятель, да подвергается наказанію смотря по сану его. Сверхъ того, кто поднимъ бы руку и ударилъ другого брата какъ бы то нибыло, такой безпрелословно да изгоняется изъ монастыря; а если меньшій братъ оскорбитъ старца, почетнѣйшаго ли, или меньшаго, пусть несетъ каноническую эпитимию отъ настоятеля; впрочемъ и почетнѣйшіе къ второстепеннымъ и второстепенные къ низшимъ да не относятся обидливо и презрительно и да не оскорбляютъ ихъ безчестно, но пусть даютъ, когда нужно, приказанія кратко и мирно, а другіе пусть съ любовію повинуются имъ. Ноеліну монахъ уже не имѣть родныхъ и отечества, ибо онъ отрекся отъ нихъ при обѣтѣ своемъ; то онъ не въ правѣ выражаться оскорбительно на счетъ отечества другого, говорить наиримѣрь: вы крѣтяно, румеліоты или кипряне, — не составлять партій въ помощь земляку своему. Ибо все мы братія по ангельскому образу нашему и у всехъ насъ одно отечество на землѣ — св. монастырь, и одно отечество небесное — горній Іерусалимъ. И когда будетъ соборъ по канону идибу дѣлу, да не будетъ раздѣлений и раздоровъ, но пусть даетъ перевѣсъ голоса большинства, а прочіе пусть принимаютъ опредѣленіе большинства безпрелословно и съ любовію. Изъясня-

онъ также и то, что такъ какъ прежде насъ бывшіе отцы вчертами строжайшія соборныя постановленія касательно обществя и составили такія правила, кои немногіе изъ нихъ соблюдали, какъ мы знаемъ; поэтому мы, имѣя въ виду разныя условія времени, потребности и состояніе св. монастыря, допускаемъ нѣкоторое снисхожденіе и не воспрещаемъ безусловно нѣкоторое небольшое количество денегъ на расходы посылаемому за сборомъ милостыни въ монастырь, или старцу по причинѣ слабости или по другой какой нибудь болѣзни. Впрочемъ пусть это дѣлается не какъ попало, но въ мѣрѣ и съ чистою совѣстію и не съ глумлымъ намѣреніемъ. Также общаемся предъ Богомъ, въ мнѣ тяжкою и неразрѣшимою клятвою, чтобы никто не передавалъ чужимъ изъ того, что онъ получаетъ изъ монастыря на свои нужды и ничего не хранилъ бы въ чужомъ мѣстѣ тайно отъ настоятеля и собора и чтобы тѣ которые живутъ на подорожьи не дѣлали на сторонѣ займовъ для торговли или для другакаго стязанія и не вступали въ товарищество съ кѣмъ бы то ни было, но чтобы все, что у кого есть, находилось въ складкѣ или въ общей кладовой, дабы по смерти его досталось монастырю и самъ онъ получилъ прощеніе. Когда же кто укрѣплено тайно оставивъ на сторонѣ деньги или другое что, и это будетъ дознано: таковой да не удостоивается прощенія и да не сподобится законнаго погребенія и исамопѣнія. Тѣ же, которые пребываютъ въ самомъ монастырѣ, старцы ли, послушники ли, и не ведутъ ни купли, ни продажи съ арабами, для того чтобы тайно или явно давать или получать другую вещь или питіе или что иное, — ни самъ эконоомъ не долженъ этого дѣлать, развѣ только если онъ явно покупаетъ что нибудь для киновіи. Прѣ этомъ эконоомъ монастырскій не властенъ положить въ товару¹⁾ больше одной румышны пшеницы²⁾, о большемъ же количествѣ до-

¹⁾ *Тавара*—яма для ссыпки пшеницы.

²⁾ *Румына*—большая хлебная мѣра.

женъ спрашивать настоятеля и старцевъ. Кроме того никто не долженъ варить себѣ пищи и кушать особо, — ни самъ архіепископъ, развѣ только если кто будетъ слабъ и если случится другъ и нужно будетъ угостить его отдѣльно». «Все это, — заключало «Соглашеніе отцовъ Синайскихъ», — единогласно признаемъ и общаемъ сохранить; если же кто нарушитъ и не сохранитъ этого, да будетъ надлежащимъ образомъ наказанъ, а если и тогда не исправится, да будетъ повиненъ неразвѣщанному отлученію и клятвамъ 318 богодесныхъ отцовъ ¹⁾».

Въ особомъ донесеніи ²⁾ объ этомъ соглашеніи патриарху іерусалимскому Синайскіе отцы просили его утвердить это соглашеніе и заявляли желаніе, чтобы патриархъ издалъ синодальную грамоту съ прописаніемъ изложенныхъ въ соглашеніи условій и чтобы затѣмъ какъ подлинникъ соглашенія, такъ и синодальная грамота патриарха были вписаны въ монастырскій кодексъ для общаго руководства настоятеля и братій. Патриархъ іерусалимскій Досіеей исполнилъ эту просьбу синайтовъ и издалъ синодальную грамоту, въ которой изложилъ въ болѣе пунктуальномъ и краткомъ видѣ всѣ эти условія, одобрилъ ихъ и подтвердилъ ихъ обязательность ³⁾. Вмѣстѣ съ этимъ патриархъ іерусалимскій принялъ теперь и другую мѣру къ подчиненію своей власти архіепископа-игумена Синайской горы. Именно съ этого времени къ исповѣданію вѣры, какое обычно даетъ новопосвящаемый епископъ, сдѣлано было прибавленіе, прежде, какъ кажется, не существовавшее для Синайскаго архіепископа, нѣчто

¹⁾ Συμφωνία τῶν σιναιτῶν πατέρων μετὰ τοῦ ὑποψηφίου ἀρχιεπισκόπου Ἰωαννικίου. Κανονικὸν δίκαιον, стр. 55—58.

²⁾ Αναφορά τῶν σιναιτῶν πατέρων πρὸς τὸν πατριάρχην Ἱεροσολύμων Δοσίθεον. Тамъ же, стр. 59—60.

³⁾ «Синодальная грамота, которою утверждено соглашеніе синайскихъ отцовъ съ архіепископомъ Іоанникіемъ». Тамъ же, стр. 63—66.

въ родѣ присяги подвѣдомаго епископа своему патріарху. Послѣ символа вѣры и обѣщанія хранить постановленія и правила св. Апостола, вселенскихъ соборовъ и св. отцовъ, в Синайской епископъ прибавлялъ: «Еще же и блаженнѣйшему и воскреснѣйшему патріарху іерусалимскому киръ—такому-то надлежащее ему почитаніе воздаю, какиѣ по правиламъ обизаны веѣ архіереи своимъ патріархамъ, ихъ же молитвами и благословеніями да укрѣпитъ меня Господь право и богоугодно пасти ввѣренное мнѣ стадо молитвами Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ ¹⁾».

Но этими результатами не ограничилося дѣло архіепископа синайскаго Ананіи. Подавъ отреченіе отъ должности игумена Синайской горы и оставшись титулярнымъ епископомъ, Ананія удалился съ Синаи и путешествовалъ по разнымъ мѣстамъ Востока собирая милостыню на Синайской монастырь. Но сказъ зелоупьюющійся и не бѣлѣющій, онъ не думалъ оставлять тѣхъ честолюбивыхъ замашекъ, за которыя онъ уже былъ однажды осужденъ и лишенъ сана. Какъ во время своего путешествія по іерусалимскому патріархату, такъ и во время пребыванія своего въ Константинополѣ, онъ «какъ бы одержимый какиѣ-то неизлечимымъ недугомъ», гдѣ ни появлялся, «всюду носилъ съ собою свои ложные титулы», «по прежнему именовался *махаристатос*, не поминалъ при богослуженіи восточныхъ патріарховъ, въ областяхъ которыхъ служилъ, а по старому возглашалъ: «помяни Господи всякое епископство православныхъ», усвоилъ себѣ и другіе патріаршіе обычай и въ Константинополѣ въ Синайскомъ метохѣ служилъ по патріаршему ²⁾. Поэтому, когда патріархъ іерусалимскій Досіеѣй донесъ патріарху константинопольскому о подобныхъ

¹⁾ «Исповданіе вѣры, которое даютъ архіепископы Синайскіе при хиротоніи ихъ почину православной церкви». Тамъ же стр. 7. 61—62.

²⁾ См. грамоты патріарха Іакова отъ 1687 г. *Κατὰ τὴν οὐκὸν διακοῦν* стр. 70 и 75.

везециныхъ дѣйствіяхъ Ананіи въ іерусалимскомъ патриархатѣ, и просилъ принять мѣры противъ этого, и когда затѣлъ Ананія и въ Константинополѣ сталъ дѣлать тоже самое, то патриархъ константинопольскій Іаковъ подвергъ это дѣло синодальному об-сужденію; синодъ осудилъ Ананію за его злоупотребленія и снова подтвердилъ опредѣленія прежнихъ патриарховъ о подчиненіи архіепископа Синайскаго патриарху іерусалимскому и его канони-ческихъ отношеніяхъ къ последнему, и патриархъ Іаковъ по этому предмету надалъ въ 1687 году двѣ синодальныя грамоты—одну циркулярную, а другую Синайскимъ отцамъ ¹⁾.

Но Ананія не думалъ успокоиваться. При частой перемѣнѣ константинопольскихъ патриарховъ въ 17 столѣтіи въ слѣдствіе интригъ турецкаго правительства ²⁾, неудивительно было, что представители великой константинопольской церкви не всегда держались одинаковыхъ воззрѣній даже въ важнѣйшихъ предметахъ церковнаго управленія, не всегда руководились одинаковыми по-бужденіями и интересами и слѣдовали одной строго опредѣленной преемственной политикѣ въ церковныхъ дѣлахъ. Такое естествен-ное и неизбѣжное разногласіе оказалось и въ отношеніи къ см-нантамъ и дѣлу Ананіи. Патриархъ Діонисій IV, восходившій на престолъ пять разъ ³⁾ во время управленія константинопольскою церковію въ третій разъ, въ 1686 году ⁴⁾, по случаю пожертво-ванія Синайскому монастырю въ Константинополѣ, въ урочищѣ

¹⁾ Каноничѣскъ *Ἰακωβου* стр. 67—77.

²⁾ Съ 1622 по 1700 г. въ теченіе 77 лѣтъ было 48 перемѣнъ патриар-ховъ; а съ 1657 по 1694 г. въ теченіе 37 лѣтъ смѣнено было 23 патриарха. См. «Историческій списокъ константинопольскихъ патриарховъ Захарія Маеа» по переводу Христіанскаго Чтенія 1862 г., стр. 778—781.

³⁾ Въ первый разъ съ 1672 по 1673 г., во второй разъ съ 1676 по 1679 г., въ третій—съ 1682 по 1684 г., въ четвертый разъ патриаршествовалъ два мѣсяца въ 1686 г. въ пятый разъ, семь мѣсяцевъ въ 1693 г. См. тамъ же.

⁴⁾ См. архим. Порфирія «Первое путешествіе на Синай», стр. 248.

независимости Биниту, мѣста и дома, въ которомъ была устроена церковь, во имя св. Юанна Предтечи, издавъ грамоту, которою утверждалъ эту церковь и подворье за Синайскими монастырями и благословилъ синайтовъ служить въ ней литургію и совершать елласвященіе и номинированіе усопшихъ¹⁾. Между прочимъ въ этой грамотѣ были высказаны мысли въ пользу притязаній Ананія, «что архіепископъ Синая считается третьимъ послѣ охридскаго и кипрскаго и что онъ и украшается и облекается подобно патриархамъ, прилеталъ и прочія изобрѣтенія суетныхъ стремленій Ананія»²⁾. Патриархъ Діонисій едва ли отрицалъ или исправилъ эту грамоту во время своего двухтысячнаго управленія константинопольскою церковію въ 1686 г., хотя позднѣйшіе патриархи въ своихъ грамотахъ хотѣли показать, что эта грамота была отменена самимъ же Діонисіемъ³⁾. Какъ бы то ни было, но Ананія думалъ опереться на ея авторитетъ въ своихъ притязаніяхъ на права независимаго архіепископа и, какъ видно, упорно ссылался на нее вопреки опредѣленіямъ патриарха Іакова, осудившаго его образъ дѣйствій, и вовсе не думалъ отступать отъ своихъ привычекъ именоваться блаженнѣйшимъ, облекаться подобно патриархамъ и не почитать никакого патриарха при богослуже-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Синодальная грамота Калининка, патр. константинопольскаго отъ 1688 г. *Кавов. діх.*, стр. 84. См. его же грамоты отъ 1691 г. *Кав. діх.*, стр. 98. Архимандритъ Порфирій во Второмъ путешествіи приводитъ текстъ этой грамоты, но только въ извлеченіи, представляетъ лишь то, что говорится о синайскомъ подворьи, стр. 305. Въ *Кавовихѣв діхавов* грамоты Діонисія не приведено.

³⁾ Грамота патр. Калининка отъ 1691 г. *Кавовихѣв діх.*, стр. 98. Хотя впрочемъ въ другомъ мѣстѣ той же самой грамоты, говоря о ссылакахъ на грамоту Діонисія Ананія и сторонниковъ его, Калининка не отрицаетъ, что такая грамота могла быть дана *δυναστείας*—по личному усмотрѣнію патриарха, а не по законамъ, и, какъ такая, не можетъ имѣть авторитета. Тамъ же стр. 102.

ни. Въ слѣдствіе этого вопросъ о правахъ епископа Синайскаго снова былъ самымъ подробнымъ образомъ рассмотрѣнъ съ константинопольской патріархіи при патріархѣ Каллиникѣ въ 1688 году. Ученый патріархъ іерусалимскій Досифей теперь далъ возможность обсудить это дѣло съ особенною полнотою. По поводу Синайскаго дѣла, касающагося правъ и іерусалимской церкви, онъ составилъ и представилъ патріарху Каллинику полный сборникъ (τόμος περιεχτικός) всѣхъ патріаршихъ и синодальныхъ грамотъ, относящихся къ дѣламъ Синайскаго монастыря, со времени патріарха Іереміи и до позднѣйшаго времени ¹⁾. Обсѣдывая въ синодѣ дѣло по всѣмъ этимъ документамъ, патріархъ Каллиникъ издалъ синодальную грамоту, въ которой подробно излагалось все дѣло Ананіи, приведены всѣ грамоты прежнихъ патріарховъ, изъ всѣхъ каноническихъ постановленій по этому предмету сдѣланы были выводы, утверждались установленныя прежними патріархами права и обязанности Синайскаго архіепископа и отиѣнялась, признавалась недѣйствительною, какъ совершенно противорѣчающая всѣмъ прочимъ, грамота патріарха Діонисія, на которую ссылался Ананія ²⁾.

Ананія однакоже не уступалъ, и встрѣтивъ сильный отпоръ своимъ притязаніямъ въ Константинополь, искалъ защиты своего дѣла въ Молдовалахіи, которая всегда принимала живѣйшее участіе въ дѣлахъ Востока и въ частности Синая, для котораго, какъ и для Афона, была едвали не самою щедрою вкладчицею. Государь Молдовахійскій вѣроятно пожелалъ разъясненія этого дѣла и вѣроятно чрезъ посредство своихъ митрополитовъ и епископовъ обратился къ великой константинопольской церкви съ вопросами о дѣлѣ бывшаго Синайскаго архіепископа Ананіи. По этому случаю патріархъ Каллиникъ издалъ молдовахійскимъ

¹⁾ Синод. грамота патріарха Каллиника. *Κανονικὸν βιβλίον* стр. 84.

²⁾ Синодальная грамота патр. Каллиника, тамъ же стр. 78—87.

митрополитамъ и всему тамошнему духовенству особую синодальную грамоту съ наложеніемъ всего дѣла и раскрытіемъ всѣхъ данныхъ, обличающихъ неправоту Ананія. Въ синодѣ по этому вопросу лично присутствовалъ патріархъ антиохійскій Аеанасій и іерусалимскій Досея, подписавшіеся подъ этою грамотою.

Но и на это дѣло не кончилось. Черезъ два года Ананія снова выступилъ съ своими притязаніями, и еще съ большимъ упорствомъ. Передадимъ рассказъ объ этой послѣдней попыткѣ его словами грамоты патріарховъ Валлиника и Досея, какъ видно уже значительно выведенныхъ изъ терпѣнія продѣлками бывшаго игумена Синая. «Ананія и послѣ того не обратился по чловѣчески, не востуствовалъ своего заблужденія, не хотѣлъ отдѣлаться добрымъ, но оставаясь нераскаяннымъ какъ диаволь, не переставалъ воставать противъ неба, и поэтому, раснаясь болѣе и болѣе въ замыслахъ сопротивленія, собралъ нѣсколькихъ единомысленныхъ ему, людей одного съ нимъ сорта и одной, какъ говорятъ, выдѣлки, выдающихъ себя за братій монастыря (синайскаго); монаховъ деревныхъ и надменныхъ, уличныхъ прикуновъ и погонщиковъ, развратнѣйшихъ и невѣжественнѣйшихъ, и составивъ изъ нихъ, какъ атаманъ, шайку разбойниковъ, прибѣжалъ вмѣстѣ съ ними сюда. Сначала они потребовали церковнаго суда, порицая блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго владыку Досея, будто онъ несправедливо поступаетъ съ ними; но не могли доказать никакой несправедливости его, какъ это показывала и грамота архіепископа ихъ Іоаннікія, принесенная ими. А тотъ изобрѣтатель скандаловъ (Ананія) коопумся и нѣкоторыхъ оправданій, высказывая многое, что представляло въ себѣ невѣжественную и смѣшную смѣсь неразумія и наивности. Когда созванъ былъ синодъ и они были позваны къ отвѣту, имѣють ли они какія нибудь доказательства того, что проповѣдывалъ Ананія, и что они признають истиннымъ, — того, что онъ есть автореальный епископъ и долженъ именоваться *μαροκρητιστος*, что

онъ не долженъ почитать рукоположеннаго его патріарха, и всего вышележающаго, они ничего не могли доказать, не могли сказать даже слова, подходящаго къ предложеннымъ вопросамъ». Они ссылались только на повелу императора Юстиніана и на опредѣленіе патріарха Іереміа. Синодъ показалъ имъ всю несостоятельность ихъ объясненій упомянутыхъ документовъ въ пользу автономности Синайскаго архіепископа; но они остались не удовлетворенными судомъ патріарховъ и искали другаго, не церковнаго суда. «Прибѣгну къ правительственной власти, они не истину открывали, но какъ будто обиженные патріархами жаловались и ругали ихъ и привлекли насъ (т. е. патріарха константинопольскаго Баллиника) и блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго киръ-Досею къ свѣтскимъ судамъ. Сюда насъ гнали среди площади и такъ презрительно относились къ намъ, что изумлялись все христіане и удивлялись даже бывшіе при этомъ иностранцы... Но однажды и дважды и нѣсколько разъ выслушанные судьями и сановниками государственными, они ничего не достигли, были посрамлены и обвинены какъ искравшіе незаконнаго и несправедливаго». Неудача и этого послѣдняго средства какъ видно сильно раздражила сторонниковъ Ананія. Она осталась непримиримыми врагами патріарховъ іерусалимскаго и константинопольскаго и въ ненависти къ представителямъ восточной церкви дошли до худы всего священнаго на Востоцѣ, до огриванія всѣхъ церковныхъ порядковъ и наконецъ до полного разрыва и отдѣленія отъ восточныхъ патріарховъ. «Они худили и небесное и земное; безчестили святый и животворящій Гробъ, отвергали святый свѣтъ, посмѣивались надъ честнымъ крестомъ и чему христіане съ благоговѣніемъ поклоняются, что чествуютъ и чѣмъ дорожатъ, все это они богохудно унижали, попирали священныя законы, какъ-то по ямчески превирали святую церковь и священныя ея опредѣленія, и достопочитаемыя учрежденія ея смѣшивали съ грязью. Патріаршіе и апостольскіе престолы

они ставили ни во что, и ричали претивъ правосудіа патріарховъ, проповѣдывали отреченіе, говоря, что они считаютъ себя внѣ власти четырехъ патріарховъ, что все равно что сказать, что они находятъ внѣ всего христіанства, *потому что съ предъ- лавъ четырехъ патріарховъ заключается все христіанство.* И не на словахъ только отрицались они отъ православной церкви, но какими-то вымогательствомъ получили и *хонджетій*; чтобы быть внѣ всякаго общенія съ четырьмя патріархами, и совершенно отдѣлиши и отсѣяши себя отъ цѣлаго тѣла церкви, которая есть тѣло Христово, безъ сомнѣнія предали себя діаволу; ибо не состояще въ царствѣ Христовомъ очевидно стоять внѣ, въ области діавола». Хищные волки эти, по словамъ грамоты, употребляли наконецъ разныя средства и къ тому, чтобы умертвить іерусалимскаго патріарха Досиея, и открыто говорили объ этомъ злоумышленіи; «но правосудіемъ Божиимъ преступныя попытки ихъ были уничтожены и они были посрамлены». За эти безбожныя беззаконія властію и силою и благодатію Всесвятаго Духа мы прежде всего главу возмущенія и нововодителя Бакоананію синодално подвергли полному отлученію и лишили архіерейства, подобнымъ же образомъ и изъ сподвижниковъ и участниковъ его возмущенія во первыхъ священника Никифора и во вторыхъ священника Козьму подобнымъ же осужденіемъ изъ низложенію отсѣяли отъ священнаго лика какъ гнѣлыхъ членовъ и лишили священства; мирянъ же Анатолія, Симеона и Серапіона и другихъ ихъ сотоварищей подвергли отлученіямъ и страшнымъ вытѣніямъ и всѣхъ внѣстѣ предавши вѣчной акаемѣ по дѣламъ ихъ, отлучили отъ церкви и христіанскаго общенія». Но Ананія и его сторонники не успокоились и послѣ этого соборнаго отлученія и снова ссылаясь на вышеуказанную патріаршую грамоту (патріарха константинопольскаго Діонисія) добивались оправданія, «не зная неразумные, что если когда нибудь и была дана подобная грамота по личному усмотрѣнію (*δουλοῦσθαι*) патріарха, то

она не имѣла никакой силы и авторитета, какъ данная по личному усмотрѣнiю, а не по законамъ (*κατὰ νόμους*) и должна бы считаться какъ бы никогда не существовавшей». Весьма много трудовъ, далекихъ путешествiй и денегъ потрачено было ими съ цѣлю добиться, чтобы дѣло ихъ было представлено на судъ Султана (*Βασιλεὺς χρηστήρως*). Но когда дѣло было рассмотрѣно, и въ высшей судебной инстанци они получили рѣшенiе—обратиться къ патриархамъ (константинопольскому и iерусалимскому) и представить свои жалобы на ихъ судъ, чтобы они рѣшили дѣло по существующимъ у нихъ законамъ. По приказанiю Султана патриархъ созвалъ соборъ, на которомъ подъ предсѣдательствомъ патриарха Каллиника, присутствовали iерусалимскiй патриархъ Досея, 6 митрополитовъ и архиепископовъ и 16 свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ. Соборъ два раза вызывалъ истцовъ, но вѣроятно не надѣясь на благопрiятный для себя исходъ дѣла, они не явились. Соборъ занялся новымъ подробнѣйшимъ пересмотромъ дѣла и не только снова осудилъ всѣ незаконныя притязанiя Ананiя на автокефальность и патриаршiе титулы, но и нашелъ, что по каноническимъ постановленiямъ и древнимъ документамъ Синайскiй игуменъ можетъ носить только титулъ *επισκοπα*, но не архиепископа и лишилъ его этого титула, данного ему милостiю патриарховъ въ недавнее время. Это постановленiе, согласное съ древнѣйшею практикою, было между прочимъ направлено къ ограниченiю правъ и современнаго собору Синайскаго архиепископа Иоанникiя, такъ какъ въ дѣлѣ Ананiя и особенно въ позднѣйшихъ его притязанiяхъ не были совершенно чисты какъ онъ самъ, такъ и Синайскiе отцы, и какъ Иоанникiй, такъ и синаиты поддерживали мысль объ автокефальности Синайскаго архиепископа, хотя и не выступали рѣшительно сторонниками Ананiя ¹⁾. Вместе съ этимъ соборъ подтвердилъ всѣ преж-

¹⁾ Объ участiи Синайск. архиепископа Иоанникiя въ дѣлѣ Ананiя говорить грамота патриарха Досея отъ 1696 года: *πολλὰ σκάνδαλα, ἄτερ*

тія постановленія о подчиненіи Синайскаго епископа іерусалимскому патріарху и его правахъ и обязанностяхъ, и осудилъ и предалъ отлученію всѣхъ, кто не будетъ признавать этихъ постановленій. Отъ собора составлена была синодальная грамота (отъ января, 1691 г.), содержаніе которой мы высказали, и внесена въ священный кодексъ іерусалимской церкви ⁴⁾.

Дѣло архієпископа Ананіи, длившееся около 25 лѣтъ, опредѣлило на болѣе пречныхъ началахъ права игумена-епископа синайскаго, его отношенія къ патріарху іерусалимскому и взаимныя отношенія между ними и синайскою братією. Два знаменитые патріарха іерусалимскихъ, оставившіе имъ свое и въ наукѣ и въ исторіи патріархата іерусалимскаго, были главнѣйшими дѣятелями и въ современности имъ синайскомъ вопросѣ. Безспорно имъ усміяны и въ особенности учености и энергіи патріарха Досмеса, принадлежитъ заслуга выясненія и упроченія началъ синайскаго управленія. Они давали направленіе дѣлу, окончательныя рѣшили и утвердили его судомъ великой церкви константинопольской не въ противорѣчій съ интересами своего іерусалимскаго престола и въ духѣ значительно несогласномъ съ опредѣленіями константинопольскаго собора при патріархѣ Іереміи II въ 1575 г.: Синайскій игумень-архієпископъ теперь былъ лишенъ независимости, какая дана была ему при Іереміи, являясь подчиненнымъ патріарху іерусалимскому, въ довершеніе всего лишенъ архієпископскаго титула и сталъ простымъ епископомъ, при чемъ была брошена тѣнь сомнѣнія и на подлинность новеллы Юстиніана, на которой синайскій архієпископъ думалъ основать свою автономность и независимость. Не смотря однакоже на то, что

προεξένησεν ἡμῖν ὁ ἀπὸ τῆς αὐτῆς ἐπισκοπῆς ἐκπεπτωκὸς Ἀνάνας, μετὰ καὶ ἄλλων μοναχῶν τοῦ σφῶν Μαναστηρίου, συνανέσει καὶ αὐτοῦ τοῦ προεστῶτος ἐκείνων κυρ Ἰωαννικίου. См. Κανονικὸν δίκ. стр. 113.

⁴⁾ Κανονικὸν δίκαιον стр. 96—106.

такое рѣшеніе дѣла было не исполнено согласно съ прежними постановленіями и притиковъ Синая, дальнѣйшія обстоятельства покажутъ, какъ справедливо было такое именно положеніе синайскаго игумена-епископа и въ какихъ ненормальныхъ явленіяхъ повели уклоненія отъ порядка установленнаго при патріархѣ Доскеевѣ и возвращеніе синайскому игумену его прежнихъ правъ.

При Доскеевѣ и современныхъ ему константинопольскихъ патріархахъ Каллиникѣ и Гавріилѣ последовало и болѣе полное опредѣленіе взаимныхъ отношеній между игуменомъ епископомъ и синайскимъ братствомъ. Кромѣ тѣхъ многочисленныхъ грамотъ по поводу притязаній Ананіи, въ которыхъ говорилось объ этихъ отношеніяхъ и подтверждались прежнія постановленія по этому предмету, кромѣ указаній изложенныхъ въ грамотѣ патріарха Доскеева по поводу избранія, по смерти Іоанникія, новаго игумена синайскаго Козьмы (1702)¹⁾, особенно подробно были раскрыты эти отношенія въ синодальной грамотѣ патріарха константинопольскаго Гавріила (1702—1707 г.) отъ августа 1705 года. По избраніи игумена Козьмы, между нимъ и братствомъ, а также и въ средѣ самого братства, возникли какія-то разногласія, для разъясненія и прекращенія которыхъ потребовалось вызвать Козьму и нѣсколькихъ братьевъ въ Константинополь²⁾, гдѣ жилъ патріархъ іерусалимскій Доскеевъ. Въ синодѣ подъ предсѣдательствомъ патріарха константинопольскаго Гавріила, въ присутствіи Доскеева, митрополитовъ и епископовъ и многихъ свѣтскихъ сановниковъ разъяснены были всѣ недоразумѣнія и разногласія, игуменъ Козьма и синаиты порѣшили мирно покончить всѣ свои споры, и вмѣстѣ съ тѣмъ патріархомъ Доскеевымъ были выработаны

¹⁾ Грамота Доскеева патріарха іерусалимскаго синайскимъ отцамъ отъ 1702 г. Кав. дѣл. с. 116—118. Грамота эта приведена во «Второмъ путешествіи архіеп. Порфирія въ Сив. мон.» стр. 306—310.

²⁾ Синод. грамота патр. констант. Гавріила отъ 1705 г. Кав. дѣл. с. 120—121.

болѣе подробныя правила опредѣляющія взаимныя отношенія игумена и братій и внутренній порядок монастырскаго управленія. Правила эти, изложенныя въ следственной грамотѣ патриарха Гавріила синайскому монастырю¹⁾, изложены пунктуально, — слѣдующія: 1) Архіепископъ синайскій долженъ неизменно и непримосновенно соблюдать древніе уставы и обычаи монастыря, какъ они опредѣлены издревле, и сохранять общеніе по древнему обычаю и чину, какъ и его предшественникъ; подобнымъ же образомъ и всѣ подчиняющіеся съ нимъ отцы и сами должны соблюдать ихъ честно и праведно, безъ всякаго нарушенія. 2) Ни архіепископъ никакого изъ подлежащихъ ему дѣлъ не долженъ провадить безъ вѣдома Собора отцовъ, ни Соборъ ничего не долженъ дѣлать безъ воли и согласія архіепископа, дабы сохранился между ними союзъ мира; но все должно дѣлаться по общему согласію, съ соблюденіемъ правъ обѣихъ сторонъ, во избѣжаніе всякаго ущерба для монастыря. 3) Ни архіепископу не входитъ ни въ какія партіи, ни въ болѣщія ни въ малыя, не дѣлать различія въ племенахъ или лицахъ, не раздѣлять братій на критянъ, румелиотовъ или кипранъ или другихъ мноплеменныхъ, но во всемъ относиться безпристрастно и одинаково, какъ къ духовныкъ чадамъ своимъ, также и отцамъ не дѣлать такихъ партій ни въ отношеніи къ архіепископу, ни въ отношеніяхъ между собою, но архіепископа почитать какъ отца своего, а другъ друга считать братьями во Христѣ, въ христіанской любви и по Богу. 4) Дѣтей и юношей, называемыхъ у нихъ безбородыми, и самъ архіепископъ не долженъ принимать въ монастырь, и другимъ это должно быть воспрещено. 5) Архіепископъ не долженъ жить въ Египтѣ, но въ монастырѣ (особенно когда монастырь открытъ) развѣ только настоятельная нужда потребуетъ его пребыванія въ Египтѣ, и по минованіи надобности

¹⁾ Καρυοκὸν δίσκαιον, с. 119—128.

долженъ возвращаться въ монастырь; кромѣ же Египта нигде не долженъ ѡздить, а не соблюдающій этого и выѣзжающій безъ письменнаго согласія Собора, низлагается и лишается наседра и настоятельства. 6) Ни архіепископъ не долженъ назначать монаховъ для исправленія различныхъ должностей самъ собою безъ согласія Собора, ни Соборъ безъ его согласія, но избираться и посылаться должны такіе лица отъ Собора, въ которомъ присутствуетъ архіепископъ, чтобы это было и съ его вѣдома. 7) Исходящія бумаги, писанныя архіепископомъ по дѣламъ монастыря, и поступающія къ нему и Собору, адресованныя къ нимъ вообще и касающіяся общихъ дѣлъ, должны прочтываться въ Соборѣ. 8) Архіепископъ никогда не долженъ открывать горній престолъ св. монастыря великой церкви, но да будетъ онъ всегда запертъ, по древнему обычаю. 9) Архіепископъ долженъ тщательно и всѣми силами заботиться случившіяся до него или при немъ безпорядки устроить и исправлять къ благочинію и пользѣ и не допускать ничего незаконнаго и дурнаго. Если же онъ самъ не будетъ въ состояніи пресѣчь зло, и обратится къ содѣйствію старцевъ Собора, то они должны содѣйствовать ему съ усердіемъ, нелицепріятно, съ судомъ справедливымъ, а виновникъ безпорядка или нововведенія, если онъ послѣ перваго и втораго вразумленія останется неисправимымъ, долженъ быть наказанъ, сообразно съ преступленіемъ, но общему совѣту и опредѣленію. 10) Отцы должны во всемъ повиноваться архіепископу какъ духовному отцу своему и пастырю, подчиняться ему кротко и безпрекословно съ христіанскою любовію и не дѣлать ничего безъ его согласія въ дѣлахъ касающихся монастыря; архіепископу они должны безпрекословно дозвѣлять дѣлать все относящееся до архіерейства, а въ дѣлахъ касающихся общегитія онъ ничего не долженъ дѣлать по личному усмотрѣнію и желанію, но все съ согласія Собора, при чемъ не должно быть партій, но дѣло должно обсуждаться всѣми безъ споровъ и раздраженія, и рѣшаться по большинству голосовъ.

Если же кто окажется самовольнымъ, сторонникомъ партии непокорнымъ, тотъ, какого бы ни былъ чина, да извержется совершенно и да изгонится. 11) Меньшіе и низшіе должны почитать вышнихъ со всякимъ уваженіемъ, а начальствующіе и старшіе должны относиться къ низшимъ и младшимъ кротко и обходительно, а не оскорбительно. 12) Заявлено также, что такъ какъ прежніе отцы начертали строжайшія соборныя установленія касательно общежитія и составили такія правила, какъ дозвано, немногіе изъ нихъ сохранили: то нынѣшніе отцы, принимая во вниманіе различіе времени, потребности и состояніе св. монастыря, признали нужнымъ сдѣлать нѣкоторое снисхожденіе; не препятствуютъ они имѣть небольшое количество денегъ на расходы посылаемому за сборомъ милостыни, или самому по причинѣ старости, или по другой какой либо нуждѣ. Впрочемъ это нуть дѣлается не безъ разбора и не ради снисхожденія, но умѣренно и съ чистою совѣстію, а не съ пагубнымъ умысломъ присвоить принадлежащее монастырю. Затѣмъ всѣ и населяющіе сего честнаго монастыря живущіе въ немъ и монахи, не должны, подъ опасеніемъ неразрѣшимаго отлученія, ничего хранить внѣ монастыря; обличенный же въ противное не удостоивается по смерти законнаго похороненія, поминовенья и литургій. 13) Пребывающіе въ монастырѣ не должны прокутить ни продажи, ни купли, ни экonomy ни другой кто, ни тайно ни явно; экonomy же не можетъ самъ выдавать болѣе одной рубли мѣрою; большее же количество выдается съ общаго согласия и сколько требуетъ нужда монастыря. 14) Всѣ должны жить общежитально, и никто не долженъ имѣть отдѣльнаго стола, и даже самъ архіепископъ, развѣ только ради болѣзни брата или принятія гостя. 15) Означенныя правила и порядки должны исполнять всѣ вообще и каждый по относящейся къ нему части. Если же кто окажется нарушителемъ ихъ, то братъ судится у собора и наказывается архіепископомъ и Соборомъ, а если самъ

ієпископъ преступить ихъ, и не исправится по вразумленіи Собора, то е поведеніи его отцы доносятъ патриарху св. града усалима; получая отъ него хиротонію по канонамъ, обязанннй сннать имя его на священнослуженіяхъ и подчиняться ему, ієпископъ синайскій долженъ предъ нимъ судиться, отъ него слушать духовное вразумленіе и каноническое наказаніе.»

«Къ этому, для разрѣшенія и прекращенія неудовольствій, возникшихъ въ послѣднее время и грозившихъ опасностію для единной христіанской любви братства; для утѣшенія вышесказаннаго найдено нужнымъ присоединить и слѣдующее: 1) Чтобы іоръ пребывающій въ Египтѣ (въ Джувані) хранилъ достоянную любовь и повиновеніе къ архієпископу и его Собору. этому обоюдныя посланія должны быть исполнены любви и уваженія, не должны составлять въ грубомъ и дерзкомъ тонѣ, обѣ стороны должны относиться одна къ другой миролюбиво и благорасположенно. Египетскій Соборъ самъ собою и безъ воли архієпископа, когда онъ живетъ въ Синайскомъ монастырѣ, ничего новаго и не узаконеннаго не долженъ дѣлать по собственному усмотренію кромѣ утвержденнаго закономъ и канонически и съ согласія синайскаго Собора; и какъ архієпископъ въ дѣлахъ монастыря не долженъ ничего производить новаго безъ согласія своего Собора, такъ и египетскій Соборъ долженъ хранить съ синайскимъ Соборомъ союзъ любви и единенія и дѣлать все съ его согласія; такъ напр. въ случаѣ надобности принять кого нибудь въ Соборъ старцы не должны вводить его сами; безъ согласія архієпископа, дабы онъ получалъ обычную молитву архієрея и уже когда законно причислялся къ Собору ихъ. Тѣмъ болѣе не долженъ Соборъ постригать кого либо въ монахи, но архієпископъ въ своемъ Соборомъ долженъ назначать старца имѣющему принять монашество; подобнымъ же образомъ Соборъ не имѣетъ права выгонять монаховъ безъ воли архієпископа; а кого изгонитъ Соборъ египетскій, того не долженъ принимать Соборъ синайскій,

равно какъ и оставшаго египетское братство по собственной воли, — развѣ только тогда, по разъясненіи причинъ его удаленія отсюда, причины эти окажутся благословенными для того и другаго Собора по сострадательномъ обсужденіи ихъ. 2) Относительно благоустройства при назначеніи должностныхъ лицъ, египетскій Соборъ не долженъ посылать такихъ лицъ съ грамотами данными отъ себя, но грамоты должны даваться однимъ архіепископомъ, въ Египтѣ ли онъ будетъ или на Синаѣ, съ согласія Собора. Не можетъ также Соборъ уволить отъ должности диякона или эконома безъ согласія архіепископа и его Собора, по древнему опредѣленію. Также, когда приходитъ іеромонахи со соборомъ милостыни, египетскій Соборъ, снявъ съ нихъ отчетъ, долженъ по древнему установленію, писать и увѣдомлять монастырь, т. е. архіепископа и его Соборъ, сколько каждый изъ нихъ собралъ. Кроме того іеромонахи, отправляющіеся на экономическія должности не должны писать подложныхъ грамотъ какъ бы отъ архіепископа, не переходить изъ одного мѣста службы на другое, но оставаться на назначенномъ мѣстѣ, а также не должны жить въ мѣста своей службы и посылать вмѣсто себя покрѣпленнымъ другаго іеромонаха или монаха, но сами непосредственно и лично должны отправлять свою должность, и не проводить времени и по долгу жить въ Египтѣ. Также состоящій на экономической должности не посвященный не долженъ посвящаться безъ вѣдома и разрѣшенія архіепископа. Отъ желающихъ получить назначеніе на экономическую должность старцы не должны получать ни большихъ ни малыхъ подарковъ; египетскій Соборъ не долженъ, по внушенію только страстей, противиться и не соглашаться на назначеніе должностныхъ лицъ опредѣляемое архіепископомъ и его Соборомъ. Лица назначенныя архіепископомъ и его Соборомъ къ отправленію въ Египтѣ или другое какое мѣсто служенія, должны повиноваться и подчиняться. 3) Когда стиреть монастырь, старцы египетскаго Собора, не исключая и эконома и диякона, если

получать предписаніе явиться въ монастырь, не должны сопротивляться, не повиноваться, и особенно лица не обязанные должностію, когда будетъ открытъ монастырь, должны являться въ оный безпримословно и жить съ архіереемъ, — за исключеніемъ только тѣхъ, которымъ назначено жить въ Египтѣ на послушаніи для нужды монастыря. А возвращающіеся съ должностей и по собраніи милостыни, отдавъ приношенія и отчетъ въ нихъ, не должны жить въ Египтѣ, но возвращаться въ монастырь, если онъ открытъ. 4) Такъ какъ въ синодальной грамотѣ святѣйшихъ патріарховъ: александрійскаго Іоанна, антиохійскаго Іоанна и іерусалимскаго Германа представляется необходимымъ, чтобы была больница въ монастырѣ или въ Египтѣ, то отныне должны жить сообща надворъ и попеченіе о ней безъ всякаго смора. 5) Архіепископъ долженъ имѣть хорошаго нотарія, чтобы писать нужныя бумаги, по древнему обычаю монастыря, каковой нотарій долженъ быть освобожденъ отъ всякаго другаго послушанія, занимаясь только письменными дѣлами, и содержаніе получать отъ монастыря *).

По поводу дѣла архіепископа Ананіи, возложеніе синайскаго игумена-архіепископа, при іерусалимскихъ патріархахъ Нестаріѣ и Досеѣеѣ и по ихъ инициативѣ, было значительно принижено. Это приниженіе, по которому синайскій игуменъ лично былъ совершенно подчиненъ патріарху іерусалимскому и низведенъ въ званіе епископа, было вызвано современными обстоятельствами и едва ли не было исполнено согласно съ древнѣйшими каноническими постановленіями. Но «слабость времени и измѣнчивость обстоятельствъ», на которыхъ очень любятъ ссылаться патріаршія грамоты, скоро вызвали существенныя перемены въ этомъ отношеніи, и едва ли къ лучшему. Начало возвращенія къ прежнимъ

* Τόμος συλλεξιάδος συνοδικῆς Γαβριέλα πατρ. константинопольскаго отъ августа 1705 г. *Κανονικὸν ἔγγραφον* σ. 119—128.

и
и
и

порядкамъ положено еще самимъ патриархомъ Досвеемъ. Когда покончено было длинное и многохлопотное для патриарховъ дѣло Ананія, синайскій епископъ Иоанникій обратился къ Досвеему съ просьбою о прощаніи и полномъ забвеніи всѣхъ прежнихъ синайскихъ безпорядковъ, и общая хранить всѣ обязательства въ отношеніи къ патриарху іерусалимскому, просилъ Досвеея возвратить синайскому епископу титулъ архіепископа, недавно снятый у него. Для содѣйствія этой просьбѣ Иоанникій нашелъ и авторитетнаго ходатая въ лицѣ воеводы Молдовлахійскаго Іоанна Константина Бессарабы. Въ слѣдствіе этого ходатайства особенно господари Молдовлахійскаго, патриархъ Досвеей въ 1695 году своею патриаршею властію разрѣшилъ синайскому епископу снова именоваться архіепископомъ. Не безынтересны историческія взгляды по этому вопросу ученаго патриарха. «Издравле епископъ Синайской горы назывался просто епископомъ, говоритъ Досвеей въ своей грамотѣ по этому дѣлу, — и поэтому епархія синайская была просто епископіею и въ чиновникѣ (Тожстикѣ) патриаршаго престола іерусалимскаго, въ которомъ содержатся права этого престола и порядковъ подчиненныхъ ему епархій, Синайская гора означена епископіею, какъ и въ очень многихъ историческихъ сочиненіяхъ ясно показывается, что она была и называлась епископіею. Однакоже она не была подчинена какому либо митрополиту, какъ епископіи митрополичья, но непосредственно подчинена была патриаршему престолу, ибо этотъ престолъ имѣлъ двадцать пять такихъ подчиненныхъ ему епископій. Но когда съ измѣненіемъ обстоятельствъ время затемнило этотъ обычай древности и онъ въ послѣдствіи былъ забытъ, то легко былъ введенъ вмѣсто епископскаго, титулъ архіепископа, по соображеніямъ серьезной важности. Ибо когда пришла въ упадокъ древнія митрополія патриаршаго престола, за исключеніемъ одной Петры, позднѣйшіе патриархи іерусалимскіе, по уваженію къ извѣстному престолу, нѣкоторые изъ укаваныхъ епископій возвели въ архіепископіи,

въ число которыхъ наконецъ возведена была и епархія Синайской горы. Ибо тогда какъ по древнему обычаю нашего ачюстоальскаго престола епископы синайскіе святѣйшимъ патріархомъ іерусалимскимъ рукополагались просто во епископовъ, предшественникъ нашъ патріархъ Нектарій *перваго Ананію епископа синайскаго рукоположилъ въ архіепископа* ¹⁾. Отсюда и мѣрность наша, слѣдую обычаю предшественниковъ и уваженію къ Синайской горѣ Нектарія, игумена оной горы Іоанникія также рукоположила въ архіепископа». Когда же въ слѣдствіе беспорядковъ, произведенныхъ бывшимъ епископомъ синайскимъ Ананіемъ, вмѣстѣ съ монахами Синайскими и не безъ участія архіепископа Іоанникія, вмѣстѣ съ прочими мѣрами въ вразумленію виновныхъ возникъ вопросъ о правѣ синайскаго епископа на титулъ архіепископа и когда не было представлено никакого доказательства въ пользу этого права, то положено было совершенно отнѣять этотъ титулъ и синайскому епископу быть и именоваться простымъ епископомъ. «Въ слѣдствіе этого Іоанникій, взыскавши церковнаго единенія, лично обратился съ просьбою къ святѣйшему вселенскому патріарху и его святому синоду, и особенно къ намъ самимъ, и часто упрашивалъ о прощеніи бывшихъ проступковъ и о возвращеніи титула, которымъ прежде былъ почтенъ отъ нашего патріаршаго престола, обѣщая непременно хранить его опредѣленія и права патріаршаго престола, которому онъ подчиненъ, — согласно съ повѣданіемъ, какое далъ при хиритоніи своей предъ Богомъ и людьми, отрекаясь отъ всѣхъ притязаній

¹⁾ Считаемо нужнымъ замѣтить, что по нашему сборнику въ грамотѣ Іереміи 1675 года, вездѣ читается *епископъ Синайскій*, а не *архіепископъ*, изъ чего можно заключать, что Евгений, рукополагающій при Іереміи, былъ *епископомъ* только, а не *архіепископомъ*; епископами же вездѣ въ грамотахъ называются Анастасій и Лаврентій, дальнѣйшіе игумены Синая; но, вопреки увѣренію Досвоя, первый называется архіепископомъ не Анавія, а его предшественникъ Юсафъ.

Агании. При этомъ представилъ онъ и посредника — благочестивѣйшаго и свѣдѣйшаго князя Иоанна Константина Бессарабу, воеводу Угровдакійскаго, возлюбленнаго духовнаго сына нашей мѣрности, ходатайствовавшаго о мирѣ, примиреніи и возстановленіи прежняго права. По всаему этому, особенно же вслѣдствіе высокаго милостивѣйшаго ходатайства помянутаго князя, мы опредѣлили, дать иждоле прощеніе во всѣхъ случившихся безпорядкахъ, даровать Иоанниію возстановленіе и архіепископскаго титула, котораго онъ былъ лишенъ. Имѣя при этомъ въ виду, что и Агания такъ назывался и самъ Иоанниій при хиротоніи рукоположенъ былъ нашею мѣрностію въ архіепископа, мы полагаемъ, что не нарушимъ каноническихъ постановленій, если возстановленіе его въ этомъ санѣ совершимъ чрезъ благословеніе. Поэтому и настоящею грамотою заявляемъ, чтобы снова имѣлъ прежнее именованіе и почетный титулъ боголюбивѣйшій архіепископъ Синайской горы миръ Иоанниій, во святоѣ Духѣ возлюбленный братъ и сослужитель нашей мѣрности — безпрекословно и неоспоримо, — всегда былъ и назывался, всѣми признавался и подписывался архіепископомъ, подаваясь одному патріаршему престолу іерусалимскому, подобно архіепископамъ подчиненнымъ патріаршимъ престоламъ, каковы у престола Константинопольскаго архіепископы Приконасскій, Касандрійскій, Карпаескій, Самосскій и архіепископы Цикладскихъ острововъ, признавая въ патріархѣ начало своего архіерейства, обязательно поминая его каноническое имя, какъ повелѣваютъ божественные наказы, «и отнесая къ нему по дѣламъ и будучи подсуднымъ ему»¹⁾.

Возвращеніе синайскому епископу архіепископскаго титула само по себѣ могло не имѣть важнаго значенія; но эта мѣра патріарха Досея имѣла большое значеніе въ томъ отношеніи, что указывала поворотъ къ прежнимъ порядкамъ и отрывала

¹⁾ Грамота Досея отъ 1695-г. Кав. Сѣмков стр. 112—114.

путь къ дальнѣйшимъ привираніямъ со стороны синайскаго архіепископа и синаитовъ. Въ сборникѣ грамотъ, которыми мы занимаемся, представлено только двѣ грамоты за періодъ отъ 1705 до 1782 г., изъ которыхъ не видно неблагопріятныхъ отношеній между іерусалимскими патриархами и синаитами ¹⁾. Но, независимо отъ этого сборника, мы имѣемъ указанія на нѣкоторые столкновения между ними, показывающія такъ резко отстраненіи синаиты всякую даже самую законную попытку іерусалимскихъ патриарховъ къ утвержденію своей власти надъ Синаемъ и съ какою такъ сказать щепетильностію оберегали свою независимость отъ него. Патриархъ іерусалимскій Хрисанъ около 1725 года вздумалъ присоединить къ своему патриаршему титулу Синайскую гору. Дѣло было совершенно законное, такъ какъ по прежнимъ грамотамъ Синайская гора и синайскій архіепископъ были подчинены іерусалимскому патриарху. Но синаиты сильно вознегодовали на это какъ на притязаніе уничтожить вольность монастыря, и синайскій архіепископъ Іоанникій II написалъ патриарху Хрисану сильное заявленіе противъ этого нововведенія. Патриархъ съ обычнымъ почти во всемъ іерусалимскимъ патриархамъ въ отношеніи къ Синаю смиреніемъ и сдержанностію отнесся къ этому рѣзкому и несправедливому заявленію, и хотя не безъ огорченія, но безпрекословно отказался отъ присоединенія къ своему титулу Синайской горы, которымъ присоединеніемъ онъ думалъ только

¹⁾ Грамота іерусалимскаго патриарха Хрисанеа съ утвержденіемъ соглашения между братствомъ и нововзбраннымъ архіепископомъ Іоанникіемъ II, отъ 1721 года (грамота эта приведена у архим. Порфирія, — Второе путешествіе въ синайскій монастырь стр. 314.—322; и по содержанію не представляетъ ничего новаго сравнительно съ прежними подобнаго рода грамотами) и грамота патриарха іерусалимскаго Мелетія отъ 1731 г., по поводу избранія архіепископа-игумена синайскаго Никифора, кратко излагающая увѣщанія о взаимныхъ отношеніяхъ архіепископа и синайскаго братства, *Кав. вѣст.* стр. 129—135.

почтеть, но никакъ не унижать и поработить синайскаго архіепископа и братство ¹⁾). Какъ ни малозначителенъ этотъ фактъ,

¹⁾ Ответное посланіе патриарха Хрисанеа, изъ котораго мы узнаемъ объ этомъ дѣлѣ, довольно характерно. «Уразумѣли мы, пишетъ патриархъ синайскому архіепископу Іоанникію, содержаніе вашего посланія. Сколько знаемъ мы любимъ ваше преосвященство и всѣхъ достоуважаемыхъ братьевъ священнаго монастыря вашего, о которыхъ молимся и которыхъ благословляемъ, и какъ радѣемъ о чести и добромъ управленіи вашей честной киновіи—это извѣстно всѣмъ. Но съ другой стороны мы весьма скорбимъ (простите намъ сіе выраженіе) о томъ, что вы всегда младенствуете умомъ; что не отъ чего другаго происходитъ, какъ отъ суетнаго самоубійства. Ваше преосвященство! Вы пишете, что мы прибавили къ патриаршему титулу нашему Синайскую гору, и что это прибавленіе, какъ необычное, причинило вамъ печаль и смущеніе не малое. Точно, вы, братіе, совершенно правы, и справедливо должны порицать насъ и обвинять; ибо не следовало намъ подавать повода, чтобы вы думали о себѣ болѣе, и прибавлять къ патриаршему титулу Синайскую гору, которую мы изъ чести и уваженія вставили между Канюю Галилейскою, гдѣ Господь въ чудесахъ началъ проявлять силу и дѣйствіе своего Божества, и между святымъ Сіономъ, гдѣ Духъ Святый сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ и просвѣдилъ апостоловъ, и они начали проповѣдывать благодать всему міру. На Синаѣ же хотя Богъ являлся Моисею... но сѣнь законная пришла благодати пришедшей... и Синайская гора работаетъ съ чадами своими земному Іерусалиму, какъ земной небесному. Итакъ, руководясь уваженіемъ и благоговѣніемъ къ священной обители вашей и къ богошественной горѣ, мы погрѣшили, братіе, и просимъ прощенія: впредь уже не услышится это прибавленіе къ патриаршему титулу нашему ни въ Іерусалимѣ, и нигдѣ, да уголитъ не малая печаль ваша и смущеніе. Для большаго успокоенія васъ мы выпустили бы изъ титула нашего и слова: *eccei Aраѣи*, еслибы вы потребовали того, ибо тутъ заключается и Синаѣ, и мы властны сдѣлать сіе: но не можемъ отнять преимущества у митрополита Петра, который называется *пречестный и ексзархъ eccei Aраѣи*, гдѣ находится и Синаѣ. Итакъ, отнынѣ просимъ васъ, братіе и отцы, да не будетъ у васъ впредь подобныхъ смущеній; а если вы имѣете другую какую либо нужду, и если мы въ состояніи подать вамъ помощь: то пишите къ намъ съ полнымъ дерзновеніемъ; и вы найдете въ насъ готовыхъ и усердныхъ содѣйствовать въ простотѣ истины. Почитаемъ не излишнимъ замѣтить, что въ вещахъ безразличныхъ мы приучены быть сынами мира; ибо *упорство не отъ призывающаю*. Почему прибавленіе Синайской горы къ нашему титулу показавъ

однакоже онъ ярко характеризуетъ тенденціи синайскаго архіепископа и синаитовъ. Видно, что они уже не чувствовали надъ собою твердой авторитетной власти патріарха іерусалимскаго, какъ во времена Нектарія и Досея, и стали уже слишкомъ щекотливы и подозрительны въ отношеніи къ іерусалимскому патріарху. При такомъ настроеніи естественно было ожидать со стороны синайскаго архіепископа и попытки къ полному освобожденію изъ подъ власти патріарха и къ достиженію автокефальности. Это и случилось лѣтъ черезъ 50 послѣ упомянутого столкновенія.

Грамота патріарха Гавріила отъ 1782 года сообщаетъ слѣдующія извѣстія. «Стала разноситься какая-то пустая молва такого рода, будто бы Синайскій монастырь и архіепископія будутъ присоединены къ святѣйшему патріаршему престолу Александріи. Тамошніе преподобнѣйшіе отцы, въ этомъ монастырѣ пустынной Аравіи истинно Богу служащіе, пришедши въ ужасъ отъ этой

лось вамъ страннымъ, а титулъ архіепископа кажется вамъ не страннымъ, а весьма вожделѣннымъ? Когда въ древности слышно было, чтобы игумень Синая и епископъ Равенъ, подвластный митрополиту Петры, назывался архіепископомъ? Развѣ нѣтъ у насъ грамоты епископовъ синайскихъ съ подписью: «смиренный игумень и епископъ Синая и Равенъ»? Но какъ по благости прежнихъ святѣйшихъ патріарховъ началъ онъ называться архіепископомъ: такъ и эти патріархи имѣютъ полную власть прибавлять свои епархіи къ титуламъ своимъ, если это будетъ имъ угодно. Впрочемъ, какъ выше сказано, мы привыкли быть учениками мира и не возмущаться бесплодными, дымными и бесполезными спорами, которые причиняютъ ущербъ всѣмъ вообще святымъ мѣстамъ, и поражаютъ не благоговѣніе къ нимъ въ сердцахъ простѣйшихъ христіанъ, а холодность къ дѣламъ милосердія, кои содержатся теперь и Синая и Іерусалимъ и другіе священные монастыри; почему просимъ и вашу любовь умириться, да и благодать миротворца Бога будетъ со всѣми нами». Посланіе это, извлеченное также изъ кодекса бібліотеки Святотробскаго подворья въ Константинополѣ, приведено у архимандрита Порфирія (Второе прим. въ Снн. монастырь стр. 323—327).

мощей мольбы, въ странномъ беззачетѣ: считая это ненормальнымъ, для противодействия этому единенію неведому разослали нудой (латинско старцевъ и почитанныхъ — Іоакима, Герасима и Парронія монаха изъ числа старцевъ Собора этого монастыря, и послали ихъ сюда, въ царствующій градъ. Старцы эти, явившись, вмѣстѣ съ священнѣйшимъ архіепископомъ Синая и Рамонъ и обратомъ нашимъ возлюбленнымъ Кирилломъ, изъ нашей жр-ности и всему священному братству, въ сокрушеніи сердца и съ печалію все, вмѣстѣ съ здѣшними почитнѣйшими епитропами Синайской горы, принесли усердную просьбу не уступать этому противозаконнѣйшему дряззанію, и представили намъ принесенныя ими древнѣйшія сигиллиодныя патріаршія грамоты, прося возобновить ихъ опредѣленія новымъ церковнымъ синодальнымъ документомъ, для большаго утверженія правъ монастыря и архіепископіи. Такъ какъ никогда на синодѣ не было рѣчи о такомъ единеніи, то тамошнимъ отцамъ грамотами, а здѣшнимъ словесно дано было удостовѣреніе въ этомъ отъ нашей церкви, и потомъ признано благословнымъ и утвердить содержащееся въ тѣхъ сигиллиодныхъ грамотахъ. По разсмотрѣнію затѣмъ на синодѣ важнѣйшихъ грамотъ относительно Синая (патріарха Іереми, патріарха Меводія отъ 1671 г. и Гавріила отъ 1705 г.) синодъ нашъ, что Синайскій монастырь вмѣстѣ съ архіепископомъ никогда не былъ обязанъ повиновеніемъ, подчиненіемъ, рабствомъ или соединеніемъ и платою взносовъ какому нибудь патріаршему престолу — ни александрійскому, ни антиохійскому, ни іерусалимскому, ни иному какому нибудь, но отъ начала сохранялся и пребываетъ и до нынѣ пребываетъ автономнымъ, самоуправляемымъ, свободнымъ, непопирасемымъ и неподчиненнымъ никакому престолу, но управляется и ведетъ все дѣла самъ собою и подъ руководствомъ священнѣйшаго архіепископа и игумена, по взаимному соглашенію ихъ между собою, оставаясь свободнымъ отъ всякаго подчиненія и денежныхъ взносовъ какому бы то ни было

патріарху». Поэтому синодъ, опредѣливъ, чтобы игумень и все братство въ точности исполняли все правніе постановленія, издавъ, кроме того, опредѣленіе, чтобы всякій, въ томъ числѣ и архіепископу, оставляющій Синай и переходящій въ другой монастырь, будь лишаемъ всякъ пріобрѣтенникъ имъ денегъ и всего имѣнія, въ заключеніе постановилъ: «да пребываютъ и остаются всегда, отнынѣ и на все будущія времена, пока обители совершаетъ свой кругъ, священный и царскій монастырь и архіепископія оная, и находящійся въ немъ *священноуправляющій архіепископъ* и вмѣстѣ игумень, свободными, неподчиненными, непопращаемыми и выше всякаго подчиненія и порабощенія, или отношенія и подсудности какому либо изъ патріаршихъ престоловъ, такъ чтобы ни святѣйшій патріархъ александрійскій, ни антійхійскій, ни іерусалимскій или иной кто не могъ простиреть властной руки на этотъ монастырь и *архіепископію* или на отповь его, или искать порабощенія его или какого либо соединенія съ какимъ либо престоломъ, и чтобы предпріятели по временамъ сего вселенскаго престола и его священнаго синода не допускали быть чему нибудь подобному и не терпѣли никакаго ущерба правамъ совершенной свободы сего монастыря ¹⁾».

1) Грамота Гавриила, патріарха константинопольскаго, отъ ноября 1789 года. Кавоу. *Дѣла* стр. 186—141. Издатель этого сборника грамотъ замѣчаетъ, что эту грамоту онъ приводитъ изъ «Дополненія», издавнаго въ 1860 г. бывшимъ Синайскимъ архіепископомъ Кирилломъ, о которомъ онъ не ручается за ея подлинность и неискаженность. Мы съ своей стороны замѣчаемъ къ ней одну странность: какимъ образомъ поводъ къ утвержденію автокефальности въ Синайскимъ архіепископомъ подается со стороны притязавшаго александрійскаго патріарха, а не іерусалимскаго, которому монастырь былъ подчиненъ во иривнѣхъ постановленіяхъ, и почему эти постановленія и права іерусалимскаго патріарха вовсе игнорируются, какъ будто и права этого патріарха на Синай были также слабы какъ и другихъ патріарховъ? Развѣ молва о притязаніяхъ со стороны Александріи не была ли только предлогомъ чтобы избавиться отъ подчиненія Іерусалиму? Предшествовавшія обстоятельства могутъ служить къ подтвержденію этого предположенія, если только допустить вѣдливость этой три-

Такииъ образомъ, въ слѣдствіе «какой-то пустой» и «сложной догмы» о притязаніяхъ александрійскаго патріарха на присоединеніе къ своему патріархату Синайской горы, синаиты поднимаютъ страшную тревогу, рассылаютъ повсюду ходатаевъ съ просьбою о защитѣ отъ этихъ притязаній, и вселенскій патріархъ, повидимому безъ всякихъ сношеній съ другими патріархами, властію своею и своего синода, или игнорируя или перетолковывая все предшествующія постановленія, опредѣляетъ автокефальность, полную независимость не монастыря только, а и архіепископа Синайскаго и освобождаетъ его отъ всякаго подчиненія и подсудности какому бы то ни было патріарху, предоставляя только своему престолу право охранять неприкосновенность монастыря и архіепископа Синайскаго. Эта грамота патріарха Гавріила вносила уже совершенно новое начало въ каноническое право монастыря, была прямымъ противорѣчіемъ и всей предшествующей практикѣ и всемъ прежнимъ постановленіямъ. Въ 17 столѣтіи были достаточно опровергнуты все аргументы приводимые изъ прежнихъ постановленій въ пользу автокефальности Синайскаго архіепископа: теперь является синодальная грамота вселен-

моты. Если когда нибудь будутъ выведены на свѣтъ другія, еще многочисленныя, грамоты по дѣламъ Синая 18-го вѣка, существующія въ кодексахъ іерусалимской патріархіи, этотъ вопросъ, теперь не ясный, можетъ разрѣшиться вполне.

Встрѣчая недоумѣнія относительно подробностей помѣщенныхъ въ грамотѣ патріарха Гавріила, мы, какъ кажется, не имѣемъ основаній заподозривать справедливость существенной части этой грамоты—того извѣстія, что въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія была дана автокефальность Синайскому архіепископу. Это было время самыхъ усиленныхъ стремленій константинопольской патріархіи къ морабощенію своей власти славянскихъ церквей и къ утвержденію своего авторитета во всехъ патріархатахъ. Патріархъ Гавріиль IV, издатель приведенной грамоты, былъ однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ знаменитаго Самуила, политика котораго, весьма выгодная для константинопольской патріархіи, не могла не поддерживаться и при его преемникахъ. А освобожденіе Синайскаго монастыря изъ подъ власти патріарха іерусалимскаго было почти равносильно подчиненію этого монастыря непосредственной власти константинопольскаго патріарха.

скаго патріарха прямо и рѣшительно утверждающая за нихъ это право, не упоминающая даже объ отношеніяхъ его по хиротоніи, которую, предполагалась въ грамотѣ, Синайскій архіепископъ могъ получать и отъ константинопольскаго патріарха. Не естественно ли ожидать, что автокефальность архіепископа, его полная независимость и неподсудимость никакому патріарху выродится, при благопріятствующихъ обстоятельствахъ, въ безусловный деспотизмъ, который, не имѣя, на себѣ ~~никакой~~ никакой власти, дойдетъ до послѣднихъ предѣловъ злоупотребленія? Пренія правила, ограничивающія права архіепископа, правами Собора вселенскіхъ старцевъ монастыря, имѣли значеніе между прочимъ въ связи съ подчиненіемъ Синайскаго архіепископа ~~иерусалимскому~~ иерусалимскому патріарху: теперь, съ утвержденіемъ независимости архіепископа, съ возвышеніемъ его авторитета, Соборъ могъ имѣть уже гораздо меньше вліянія на архіепископа, и напротивъ этому послѣднему открылась возможность подчинять Соборъ своему произволу. Только личное нравственное чувство архіепископа могло удерживать его въ предѣлахъ законности въ отношеніи къ монастырю; но юридическое положеніе его открыло возможность самата диката проказа и самымъ беззастѣнчивымъ злоупотребленіемъ. И вотъ въ наши дни, наряду съ другими возмущеніями явленіями церковно-исторической жизни Востока, возникаетъ пресловутое Синайское дѣло, по поводу слышанныхъ злоупотребленій Синайскаго архіепископа — мнуена Кириакъ.

А. Воронцовъ.

(Окончаніе будетъ.)

П И С Ъ М А

къ обратившейся изъ протестантства въ православіе .

I.

Вы непреѣнно требовали отъ меня, чтобы я изложилъ вамъ письменно бесѣду нашу о догматѣ православной церкви касательно чистилица и вообще о состояніи душъ по выходѣ ихъ изъ сего міра, равно какъ и о молитвѣ для нихъ необходимой.

Но знаете ли, что это цѣлый трактатъ, и едва ли я въ состояніи догматически его изложить. Иное дѣло отвѣчать на нѣкоторые вопросы, болѣе или менѣе важные, въ крайней бесѣдѣ, иное, съ точностью опредѣлить, и еще пообменнo, мнѣніе о предметѣ столь щекотливомъ, относящихся до міра невидимаго. Вотъ почему наша общая мать, православная церковь, дѣйствовала въ этомъ случаѣ гораздо съ большею осторожностью, нежели римская, которая хотѣла изслѣдовать до крайнихъ предѣловъ всѣ загробныя тайны и впала чрезъ то въ заблужденіе своего чистилица, слишкомъ уже вещественнаго.

Не признавая имени и догмата такого Чистилица, какое приимется на западѣ, мы не отрицаемъ однако нѣкоего средняго состоянія для нѣкоторыхъ душъ, до послѣдняго ихъ суда, и напрасно думаютъ протестанты, будто мы вовсе отвергаемъ пре-

аніе о переходномъ, такъ сказать очистительномъ состояніи души; юслѣ ея отдѣленія отъ тѣла; иначе къ чему бы служили молитвы о усопшихъ? Такимъ образомъ, не наследуемъ какъ должно вопроса, мнѣніе неволью приходится къ неувѣданнымъ заблужденіямъ, а это, къ сожалѣнію, случается у протестантовъ и въ отношеніи предметовъ еще большей важности.

Одинъ изъ величайшихъ свѣтлыииковъ церкви православной, Маркъ митрополитъ Бессскій, (которому конечно можно довѣрять, потому что это былъ самый твердый ея поборникъ на Флорентинскомъ соборѣ) рѣшительно говоритъ, что различіе между догматомъ греческимъ и латинскимъ о чистилищѣ вовсе не такъ велико, какъ предполагаютъ. Вотъ подлинныя его слова: «Латиня исповѣдуютъ и въ настоящемъ вѣкѣ (т. е. до послѣдняго суда) очистительный огонь, и для грядущаго вѣка иной огонь, который уже не будетъ чистительнымъ, поелику онъ вѣчный. Они исповѣдуютъ во времени очищеніе душъ огнемъ и чрезъ то разрѣшеніе ихъ отъ узъ грѣховныхъ, такимъ образомъ что душа, которая много согрѣшила, освобождается только послѣ долгаго мученія, тогда какъ менѣе виновная разрѣшается скорѣе, съ помощью церковныхъ молитвъ. Итакъ Латинцы признаютъ и огонь временный и огонь вѣчный, и первый называютъ чистительнымъ. Но Греки, основываясь на словахъ св. Писанія, признаютъ одинъ лишь огонь, который будетъ вѣчнымъ; однако они не отвергаютъ и временнаго наказанія душъ, т. е. что души, обремененныя грѣхами, переходятъ мѣста мрака и плача, гдѣ онѣ остаются нѣкоторое время въ томленіи и наказаніи, будучи лишены божественнаго свѣта; но онѣ очищаются, т. е. освобождаются отъ сихъ мрачныхъ и плачевныхъ мѣстъ, молитвами, приношеніемъ безкровной жертвы; милостынею за нихъ, а не огнемъ».

Подивитесь глубокой мудрости православнаго догмата Грековъ! Почему не признаютъ они временнаго чистилища?—потому что до послѣдняго суда, души, не будучи еще соединены съ тѣ-

*

даны, не могут и не подвергаться никакому действию на них огня. Но когда человек уже возрешает, выходя съ своимъ тѣломъ, изъ послѣдней дѣлы, то огонь подвергается тогда и мольбѣ наказанію, потому что въ нравственныхъ страданіяхъ души присоединяется и мольбѣ мученія той вещественной части, которая вмѣстѣ съ душою составляетъ единое существо человѣка и съ участіемъ ея совершеннаго себѣ грѣха. Мы знаемъ, что огонь сей будетъ вѣчный, по словамъ Писанія, но не объясняемъ себѣ его свойства, равно какъ неизвѣстно и каковы будутъ свойства безсмертныхъ живыхъ тѣлъ.

Но какъ бы ни будетъ облаго въспомнить, что назывался пламеномъ и нравственнымъ наши страсти, и мы дѣйствительно видимъ, что страстный человекъ таетъ какъ бы малымъ огнемъ до совершеннаго изнеможенія своей плоти, а такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что самыя качества или вѣрнѣе сказать нравственные стикхи нашей души будутъ имѣть дѣйствительное вліяніе на тѣло, въ которое она облечется по воскресеніи: то должно предполагать, что душа не очистившаяся отъ страстей, сообщитъ сію огненную стихію и своему несчастному тѣлу, сколько бы ни было оно невещественнымъ въ сравненіи съ нынѣшними нашими тѣлами. Не глубокая ли была мысль у древнихъ изобразить душу въ видѣ бабочки, рождающейся изъ гусеницы, потому что первобытное преданіе о воскресеніи сохранилось даже и во краѣ язычества. Правильно называетъ Евангеліе тѣлою кромѣшномъ, т. е. тѣмъ иракномъ, который видъ спасительнаго свѣта Христова, состояніе осужденныхъ душъ, ибо кромѣ огня внутренняго и видимаго, можно ли вообразить себѣ болѣе ужасное наказаніе, какъ то, чтобы видѣть предъ собою свѣтъ, отъ котораго добровольно мы отскочимъ, когда огонь готовъ былъ осіять насъ? Не слѣдуетъ также обвинять въ несправедливости божественную правду за то, что она вѣчно наказываетъ за временныя грѣхи.

Посмотрите также, до какой степени осторожна православная церковь, и въ дальнѣйшемъ своемъ опредѣленіи средняго состоянія души умершихъ: она не въводитъ, подобно западной, предѣла и числа дней очищенія души: и не приписываетъ его субъективной или дѣятельности, которая прекращается смертію; нѣтъ, она всё относитъ единственно къ молитвамъ и милостынямъ, которыми совершаются ради ихъ спасенія. Мы не говоримъ подобно римлянамъ если отзвучать отзвучаетъ миссурій, на такомъ-то алтарѣ, то введется тамъ столько-то душъ въ численна, или сократитъ на столько-то дней ихъ мученія; нѣтъ, мы молится просто, съ полною вѣрою въ милосердіе Божіе, и мануя сіи евангельскія слова: «сходи въ долу, пріимшиице оный говоря: миръ дому твоему, а если домъ будетъ достоинъ, то миръ вашему придеть на него, если же недостойнъ, то миръ вашъ къ вамъ возвратится» (Матѣ. К., 12. 13). Мы охоту имѣемъ этии творить, что церковь православная не думаетъ творить насилье Богу своими молитвами, которыя однако же не могутъ востановить безповѣрными, хотя бы они и не были на покаяніи: тѣмъ умершими душами, которыя отторглись добровольно отъ адвентна тѣла царстваго, но, подобно какъ благоудеице апостоловъ къ намъ возвращаюся, если люди не были его достойны, такъ равно и сіи умертвительныи молитвы возвращаются церкви съ коно ея милосердія.

Церковь наша прииметь однако, если не доклатически, то крайнейшій мѣръ по преданію, дѣла въ родѣ ястилица; въ случаю разлученія души отъ тѣла и въ первые сорокъ дней послѣ смерти, что называется въ церковномъ языкѣ митарствомъ. Названіе сіе произошло отъ евангельскаго слова митарь, и означаетъ какъ бы мѣлкое вѣдѣніе души съ души усопшаго, расчитывающей за всѣ грѣхи, содѣянные ею въ жизни. Это есть тайный судъ, предваряющій для каждого общій послѣдній судъ, на которомъ должна рѣшиться наша судьба.

браницы не сія мытари, ожидающіе насъ при исхождѣ, суть злое ангелы, враждебные совѣтники наши въ время жизни, которые приходятъ взыскать съ насъ дань за свои дурные совѣты, если по несчастію мы имъ слѣдовали; и горе грѣшной душѣ, если добрые ея хранители ангелы не отрадятъ сихъ обличающихъ дукновъ; но противопоставлять каждому изъ ихъ обвиненій какое либо доброе дѣло усоннаго. Вотъ почему всѣ молитвы при исхождѣ души исполнены одною мыслию о ея избавленіи отъ страшной дани сими нечистымъ мытарямъ.

Знаю, что міръ протестантскій, по духу китайской мудрости, съ удовольствіемъ смотритъ на легенды насъ къ подобнымъ преданіямъ, которыя кочкаютъ за суевѣрія; но если бы сами протестанты хотѣли быть болѣе послѣдовательными въ своихъ собственныхъ вѣрованіяхъ, то они приложили бы болѣе вѣры и силы за гробнымъ истинамъ. Все Евангеліе не исполнено ли разсказами о дуквахъ лукавыхъ, терзающихъ одержимаго ими чело-вѣка, которые изгоняются единственно постомъ, заклинаніями и молитвами? Сатана не проситъ ли у самого Господа «сбѣить собственныхъ учениковъ его какъ пшеницу?» (Лук. XII, 31)? Апостолъ Петръ не предупреждаетъ ли насъ, «что противникъ нашъ диаволъ ходитъ навъ рыкающій левъ, ищущій кого либо поглотить» (1 Петр. V, 8)? и апостолъ Павелъ не выражается ли весьма ясно въ посланіи къ Евсеямъ, «что наша брань не съ плотію и кровію; но съ начальниками и властями, и съ мироправителями тмы вѣка сего, съ духами злобы поднебесными»: (VI, 12)? Чтоне тутъ удивительнаго или противнаго здравому смыслу, если чертовъ насъ предупреждаетъ, что при выхождѣ изъ сего вещественнаго міра и съ разрѣшеніемъ отъ нашей грубой плоти, враги наши, которые были намъ столь пагубны посредствомъ самой сей плоти; первые нападутъ на насъ въ воздушныхъ пространствахъ, гдѣ они разобраны, по словамъ св. Писанія, какъ львы, готовые насъ поглотить; безъ спасительнаго покрова нашихъ ангеловъ

хранителей? Какъ мироправители тымы зѣна сего, который имъ повидеишь, они не требуютъ отъ насъ, при нашихъ исхождѣхъ изъ него, вѣрдаго оцта во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, совершонныхъ по нхъ внушенію: это, навольная дая, которую мы платимъ, силѣ, неумолимымъ, мытарямъ за то, что слянникомъ имъ служили въ здѣшномъ мірѣ; выше того чтобы быть вѣрными служителями Господа, предъ конемъ они съ требуемъ воскапцали, црмъ, Бгю, явленію на землѣ: «что намъ чинишь? Иисусъ Сыне Воини? ты пришелъ сюда: пресида: времени: насъ мучитъ?» (Матт. XXIX).

Благи, послѣ сего, два мѣся: спросите: что означаютъ сорокадневныя молитвы за усопшихъ?—мы ваять буду: отвѣчать, что это также до преданія, потому что нисла 40: неоднократно похорождя въ Библіи, каковы нѣтъ: полное и весьма знаменательное. Сами Господь нашъ провелъ 40: дней въ пустыню, искушанный дьяволомъ, послѣ же: клавнаго: сретя воскресенію Оубъ: пробудъ также 40: дней на землѣ, до сего: вознесенію. Что же касается до: преданія, то я: прибуду: вамъ: весьма: замѣнительный отрывокъ изъ: святаго: Василия: Великаго, величайшаго: учителя вселенной: цркви: IV: вѣка. Вотъ: что: онъ: говоритъ: въ 27: главѣ: своей: книги: о: Духѣ: Святомъ: и: Нхъ: догматы: и: заповѣдяхъ, соблюдаемыхъ: Црквию, нннѣ: обрѣтаются: въ: ученіи: и:ложеніи: въ: святомъ: Писаніи, а: другіе: таже: ственно: дошли: до: насъ: чрезъ: апостольское: преданіе, но: и: тѣ: и: другіе: имѣютъ: одинаковую: силу: для: благочестія: и: никто: не: отвергаетъ: послѣднихъ, всн: онъ: только: свѣдущъ: въ: церковныхъ: постановленіяхъ. — Не: напрасно: пов.: запреты: Павла: внушаютъ: Солунчанъ: бжств.: дщердямъ: и: сохранять: преданія, которыми: научились: словеса: его, или: писаніемъ. (2: Сол.: 2., 15). «Ибо: если: бы: мы: видѣли: отвергать: насъ: и:ложеніе: въ: Писаніи: обичая, нннѣ: не: имѣюще: большей: силы, то: непримѣнимъ: образомъ: исказили: бы: самое: главное: въ: Евангеліи, или: лучше: сказать, обратили: бы: самую: прелесть: въ: луско: нннѣ. Напомню: здѣсь: въ: началѣ, для: при-

мира, о вѣщахъ самыхъ обыкновенныхъ. Кто изъ насъ не наученъ догматическимъ ученьемъ свое на имя Господа нашего Иисуса Христа, считать себя крестнымъ знаменіемъ? Какое писаніе научно насъ въ молитвѣ обращать въ помощь? Кто изъ святыхъ оставилъ намъ на память совершенныя сарни при величїи хрѣста жизни и чести евангелия? Ибо мы не доверяемся тѣмъ словамъ, которыя упоминаны въ евангелияхъ и въ посланїяхъ апостольскихъ, но прощаемо и проще и послѣ какъ еще другія слова, даки имѣюща великую силу въ совершеннѣйшемъ таинствѣ, принявъ ихъ, изъ невольнаго въ Иисуса ученья. Благодаримъ же слово крестнаго и слова помазанія и даже самого прещаснаго, но каковыя, должнымы въ Писанїи, иррациональ? Не же соблюденію: ли въ молчанїи священнослужителю преданію? Что еще? Свѣдѣнію помазанія: славы дауило нарѣ самое священное слово? Свѣдѣнію и троекратно погруженію прещаснаго человека? Изъ какаго Писанія вышло и прочее, отъносящее къ крестному отрицанію святымъ и аггалью: во? Не изъ того ли общепризнаннаго и современнаго ученья, которое отцы наши соблюдали въ почитанїи и скаринѣ молчанїи, весьма хорошо разумѣя, что достоуважанность таинствъ охраняется молчанїемъ?

Искать столь прекраснаго изъясненія вселенскаго учителя церкви, что еще могу вамъ сказать о преданїи?— Не смѣняется ли сердце, видя протестантовъ, жестоко отвергающихъ даже тѣ преданїя, которыя бы должны быть наиболее близкими ихъ сердцу, какъ напр. основанію на успѣшнѣ, тѣмъ единственную связь, еще соединяющую ихъ съ жизнью, которую однако произвольно разрываютъ протестанты, какъ будто бы не имѣетъ съ тѣмъ погрѣбать: иду и вамую душу; они не хотятъ болѣе вспоминать о ней въ свѣтѣ благочестивныхъ собранїяхъ, хотя и позволяютъ себѣ это утѣшеніемъ въ средѣ своего общества! Поступая такимъ образомъ, они утверждаютъ, что никогда въ этомъ не говорится въ Библии; но я хочу привести вамъ здѣсь одно весьма знаменатель-

ное сказаніе изъ 2-й книги Малахеевъ, которой хотя и почти-
тается апокрифическою, же не исключена изъ Ветхаго Завета,
такъ что поэтому нельзя сомнѣваться въ ея современной под-
линности. Великій поборникъ народа Божіа, Іуда Маккавей, не
принимаетъ ни дилемматической жертвы за души твои, которые пали
въ битвѣ противъ неверныхъ, потому что они несли подѣ обр-
манъ, одеждымъ дьявольскія мзвѣстныя? Съ какою достоинствомъ и
вмѣстѣ съ какою любовью писатель книги говоритъ объ этомъ
благочестивомъ дѣйствіи, во свидѣтельство вѣры Іуды въ воскрес-
сеніе мертвыхъ, за нѣсколько вѣселей до пріисущія Христова! —
Будемъ ли мы болѣе недоверчивы и восторженны, послѣ совер-
шеннаго Дня возмуженія, къ нашей братин! «Благородныя же
Іуда, собравъ около двѣхъ тысячъ драхмъ серебра, пославъ ихъ
въ Іерусалимъ, чтобы была принесена жертва за грѣхъ иудей-
скихъ (благочестиво поступилъ онъ, прекрасно размышляя о без-
смертіи)». Во францускомъ переводѣ нѣкогда измѣненъ тонъ те-
хнѣ образомъ: «потому что вслѣдствіе онъ не надѣялся, что тѣ,
которые были убиты, когда воскреснутъ, отъ этого бы велики-
мъ молиться за умершихъ»; но и въ славянскомъ слѣдуетъ
за тѣмъ столь знаменательное слово: «святые благочестивое по-
мыслиніе — творитъ молитву за умершихъ, дабы очистились они
отъ грѣховъ» (2 Малах. 12, 43 и 46).

Какимъ же образомъ Іудей полагаютъ не только спасительномъ
мыслию молиться за усопшихъ, но даже самое сіе дѣйствіе по-
читали за свидѣтельство вѣры въ воскресеніе, между тѣмъ какъ
христиане (правда, одни лишь протестанты, т. е. протестующіе,
въ сожалѣнію, противъ многихъ истинъ) полагаютъ, что это есть
суевѣдіе и безплодная вещь (молиться за усопшихъ)? Близки же
образомъ, еще св. апостолъ Павелъ, въ одномъ мѣстѣ своего
послания къ Коринтянамъ (нѣсколько туманно, это правда, но
которое однако святыи отцы единомысленно объясняютъ), пред-
лагаетъ также во свидѣтельство воскресенія (подобно какъ и

дѣйствіе Іуды Маккавея), помяновеніе усопшихъ, ибо онъ спрашиваетъ у вѣрныхъ: «снате что дѣлаютъ крестящіеся за мертвыхъ? Если всею мертвые не воскресаютъ, то для чего и крестятся за мертвыхъ?» (1 Кор. 15, 29).

Вотъ до чего доходила первоначальная любовь христіанъ, которые не только молились за усопшихъ, но даже крестились во имя ихъ, чтобы сдѣлать ихъ участниками благодати искупленія. Еслибы молитвы за усопшихъ были дѣломъ суетнымъ и оубавнымъ, то не осудилъ ли бы Господь намъ дѣйствіе Іуды Маккавея, которое особенно было ему извѣстно? И священное преданіе о такой благоуминой молитвѣ не дошло бы до насъ отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Мы видимъ изъ церковной исторіи, что вѣрныя собирались на усныященицы мучениковъ, въ годовщину ихъ смерти, которую называли днемъ ихъ рожденія, и проводили тамъ цѣлую ночь въ молитвѣ по этой-то причинѣ молитва за усопшихъ и называется по гречески панихида, что значитъ — всенощная. Святый Василій Великій весьма правильно замѣчаетъ, что одне только глубокое невѣдѣніе древности христіанской могло довести до отрицанія апостольскаго преданія. Времени намъ, однако, вспомнить сіи глубокія слова апостола Павла о цѣлости всего тѣла церковнаго, соединеннаго въ своей Главѣ. «Дабы мы болѣе не были младенцами, которыхъ колеблетъ и увлекаетъ всякій вѣтръ ученія, по лукавству челоуѣковъ, по хитрому искусству оболстителя, но чтобы истинною въ любви мы все возвращали въ Того, Который есть глава, т. е. во Христа; отъ Котораго все тѣло составляемое и совокупляемое при соразмерномъ дѣйствіи каждаго члена получаетъ приращеніе для своего изиданія въ любовь» (Евее. 6, 14, 16). Дѣйствительно, что можетъ быть возвышеннѣе и милосерднѣе сего чуднаго ученія Церкви православной, которая творить все члены зависящими другъ отъ друга и взаимно помогающими одинъ другому, дабы тѣмъ составить одно тѣлественное цѣло и съ церковію уже

горжествующему на небесахъ и съ тою, которая еще воинствуетъ на землѣ; сія же воинствующая церковь не рабываетъ также и душъ, находящихся въ состояніи плача, которыя не расторгли однако въ часъ смертный духовный узъ, ихъ соединявшій съ общою матерію. Какое сопряженіе милосердія и вмѣстѣ съ тѣмъ такая постепенность, вплоть разумная! Души, томимыя по своей грѣховности: во враждѣ и удаленіи отъ истиннаго свѣта, который есть Христось, еще держатся за сію опасительную связь, которая подастъ имъ надежду достигнуть когда либо царства небеснаго, не довольны ими оцѣненного на землѣ, но однако не совсѣмъ отвергнутаго ими, и сія ихъ связь есть милостыня и безкровная жертва которую вознеситъ за нихъ Церковь, камятуя утѣнительныя слова Христова: «вое, что попросите у Отца, Моего во имя Мое, дастся вамъ».

Съ другой стороны, и сама воинствующая церковь соединена молитвами со Христомъ и съ лучшими своими членами, которые уже составляютъ царствующую на небѣ церковь, и которые послану уже на землѣ предвкусали царствіе небесное, то по выходѣ изъ сего мира они соединились немедленно съ Тѣмъ, Кого благодать произблжава въ нихъ. Такое общеніе оставшихся еще делу съ тѣми, которые уже горѣ, есть новая сила, приобретаемая церковію чрезъ любвеобильную помощь, какую передаютъ уже усовершенствованныя существа сія подобно ангеламъ, о коихъ сказано въ Писаніи: «сіе всё ли они суть служебные духи, посылаемые на служеніе тѣмъ, которые наследуютъ спасеніе» (Евр. 1, 14). Если же ангелы посылаются на сіе служеніе любви, можетъ ли быть, чтобы тѣ, коихъ любовь изблжава еще на землѣ, не были бы еще болѣе проникнуты сего любовью, когда находятся у самаго ея источника, т. е. Иисуса Христа? Вотъ то, что мы называемъ ходатайствомъ за насъ святыхъ, по благодати, данной имъ отъ Христа, Котораго мы однако признаемъ за единаго Ходатая предъ Богомъ въ смыслѣ нашего мо-

тупицы. Святый апостол Павел не жено он говоритъ намъ: «но вы причесали къ горѣ Сиону и ко граду Бога живаго, небесному Иерусалиму, и тизь ангеловъ, къ твердостивному собранію и церкви первенцевъ на небесахъ, и къ Судіи всѣхъ Богу и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства, и къ Крѣпкѣ новаго завета Иисусу» (Евр. 12, 22, 23). Въ чемъ же состояло бы обмѣненіе наше съ перною первородныхъ, еслибы дѣйствительно было только знать, что они на юбѣ, какъ и мы на землѣ, и не было бы действительной любви въ ихъ общеніи съ нами? «Развѣ не знаешь, сиранинцы тотъ же ангелъ, что святые должны иногда судить миръ?» (1 Кор. 6, 2). Не думаю, чтобы безвременно было намъ уже теперь обращаться къ будущимъ судіямъ нашимъ и смирэнно просить ихъ, чтобы ходатайствовали за насъ своими молитвами предъ Господомъ, прежде всего страшнаго дня сужаго, въ который они будутъ уже нашими судіями, по весьма знаменательному обещанію Господа Иисуса своимъ апостоламъ: «егда Божіе челоуѣческій садель на престолахъ славы Орей, и вы также возседеть на двѣнадцати престолахъ, суди двѣдцати молчаніемъ израиловымъ» (Матѣ. 19, 28). Игакъ, не совершенно ли разумна и поспѣдательна молитва, которую мы обращаемъ къ святымъ, съ умоленіемъ сердечнымъ возбудивша собственное наше недостойство и ихъ заслуги предъ Богомъ, которые никогда не забываются, какъ мы это неоднократно видѣли въ Библии? Господь не прещаетъ ли, ради молитвъ Авраама, Моисея, Іоны, Давида и другихъ святыхъ мужей? Вспомнимъ также, что Господь, по своему неизреченному милосердію, хотѣлъ даже пощадить и самій Содомъ, ради ходатайства Авраама, еслибы только обрѣлось въ этомъ предугуномъ городѣ десять праведниковъ: и не было (Быт. 18, 32). Игакъ, по словамъ святаго Писанія, достаточно и заслуги десяти праведниковъ, чтобы спасти цѣлый ожержонный городъ, а мы, и послѣ сего, еще какотнѣхъ вѣрить въ действительность заслугъ и молитвъ

святыхъ, которые уже со Христомъ! И что же собственно, есть страннаго въ этой молитвѣ? Развѣ мы не говоримъ весьма часто одинъ другому, пока мы еще на землѣ «немолвить за ныя»? И чѣмъ болѣе мы питаемъ въ дому либо уваженіе, тѣмъ болѣе мы вѣруемъ въ силу его молитвы, наконецъ, если съ христианскими добродѣтелями или, еще еродившею и сѣщенническою санъ, А потому, можетъ ли быть, чтобы намъ не дозволено было обращаться съ такою молитвою, къ тѣмъ же лицамъ, когда они сдѣлаются еще болѣе совершенными, сложивъ земную свою оболочку, чтобы соединиться со Христомъ. Который соединяетъ ихъ еще болѣе любовью къ дельнымъ своимъ братьямъ? Есть ли здравый смыслъ въ такомъ отрицаніи, и не было ли бы оно признаніе той первоначальной гордости, отъ коей намъ надлежитъ предостеречь? «Христосъ и я, я и Христосъ! нѣтъ посредниковъ между нами! что мнѣ до церкви первородныхъ и до будущихъ судей моихъ—апостоловъ и до той, чрезъ которую совершилось на землѣ таинство нашего искупленія. стираю изъ памяти все сію мнимое, и вотъ я одинъ во всей наготѣ моей съ единымъ Христомъ, Котораго также обладаю я отъ всего того, что ему наиболѣе близко, ибо я нарушаю обіцаніе со всѣми тѣми, кто Его окружаютъ въ новомъ Іерусалимѣ, по словамъ апостола Павла! Боже великій! сколько тутъ надменной хулы! Вместо того, чтобы смиряться и признать себя недостойнымъ, и подобно блудному сыну, предстать предъ лице небснаго Отца; вмѣсто того, чтобы почитать себя счастливымъ, если будетъ обрѣтаться между вѣрными Его служителями, которые по своимъ заслугамъ помогаютъ намъ входить къ Нему, человекъ хочетъ остаться самъ собою, безъ всякой сторонней помощи. Мнѣ кажется, если только можно сравнивать земное съ небснымъ, то жестокое наказаніе ожидаетъ тѣхъ, которые чуждаются здѣсь святыхъ,—уже въ самомъ дѣйстви. сета ихъ отчужденія. Подобно тому, какъ путника, приходящаго въ луждую землю, удручаютъ чувствами своего одино-

чества посреди невѣдомой ему толины: такъ будетъ и намъ та гостно внезапно увидѣть себя посреди сонна первородныхъ змѣевъ, если мы не хотѣли познать на землѣ не только ихъ ученья и подвиговъ, но даже и самыя ихъ имена, потому что мы чувствуемъ себя какъ бы чуждыми пришельцами посреди цѣлаго міра святыхъ, которые также отъ насъ отрекутся въ страшную часть нашего исхода изъ этой жизни.

То уваженіе, которое питаютъ православные къ памяти святыхъ святыхъ, простирается, весьма естественно, и на ихъ священные останки, потому что если мы уважаемъ гробницы великихъ мужей, какъ же не будемъ питать благоговѣнія и къ останкамъ мучениковъ, которые пролили кровь свою во свидѣтельство истины нашей вѣры? Посему, не безъ глубокой мысли, полагаемъ мы частицы сихъ мощей подъ престолъ при освященіи храма, дабы онѣ послужили въ прочное ему основаніе. Если бы мученики были столь же равнодушны къ вѣрѣ, какъ, по несчастію, мы сами въ нынѣшнее время, то не распространилось бы съ такою быстротою Евангеліе по вселенной и при первыхъ же гоненіяхъ потрясена была бы вѣра. Вотъ почему мы можемъ смѣло отвѣчать, видѣвъ съ великимъ Амвросіемъ архіепископомъ Медиолана, другомъ великаго императора Феодосія и въ свое время рѣшителемъ судебъ всего запада, еслибы кто насъ также спросилъ: почему мы почитаемъ святыхъ мощи? «Если спросить, что уважаемъ мы въ брэнномъ тѣлѣ? я отвѣчу: почитаю въ тѣлѣ мученика извѣстные понесенныя имъ за Христа, почитаю память доблести, во вѣки живущей; почитаю останки, освященные исповѣданіемъ Господа; почитаю во прахѣ сѣмена вѣчности, почитаю тѣло, научающее меня любить Господа и не бояться за Него умереть. Какъ же не будутъ уважать вѣрные такого тѣла, предъ коимъ падаютъ демони? Итакъ, я почитаю тѣло, которое прославилъ Христа, повиновавшись за Него, и будетъ царствовать со Христомъ въ царствѣ Его славы». Такое ученіе утѣшительно въ устахъ великаго

Ужа, который самъ сдѣлался святымъ; мы не можемъ сомнѣваться въ истинѣ его словъ, касательно чудесъ и исцѣленій бывшихъ отъ мощей, если вспомнимъ, что и въ ветхомъ заветѣ; дно только прикосновеніе мертвца къ останкамъ пророка Елисея воскресило усопшаго, который вначалѣ брошенъ былъ въ могилу сего святаго; потому что погребатая испугалась хищниковъ. Такъ написано во 2-й книгѣ Царствъ: «На слѣдующій годъ толпы моавитянъ вторглись въ землю Израилеву; случилось же, что когда несли погребсти усопшаго и внезапно увидѣли вооруженныхъ, то бросили мертвеца въ гробницу Елисееву, и мертвецъ сей, какъ только коснулся костей Елисеевыхъ, внезапно возвратился къ жизни и сталъ на ноги свои» (2 Цар. 12, 20. 22). И такъ, вы видите, что сама Библия въ этомъ вопросѣ свидѣтельствуетъ противъ протестантовъ, которые сама признаютъ, что Библия писана была по божественному внушенію Духа Святаго. Почему же отзываются они останкамъ святыхъ новаго завета въ дѣйствительности той же благодати, которая прославила одного святаго мужа въ ветхомъ заветѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь уже не по нечаянному случаю, но съ теплою вѣрою прикасаются къ ихъ нетлѣннымъ мощамъ?

Если протестанты хотятъ быть послѣдовательными, то не смѣютъ отказывать въ томъ же почтеніи и святымъ иконамъ, ни сомнѣваться въ чудесахъ, которыя могутъ отъ нихъ произойти; такъ какъ въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ «тѣло Петра (бывшаго его образомъ) исцѣляла болящихъ» (Дѣян. 5, 15) и платки и покрывала, прикасавшіяся къ телу Павла, какъ только возлагались на болящихъ, тотчасъ прогоняли болѣзнь» (Дѣян. 19, 12). Отчего же благословеніе отъ священныхъ иконъ нашего Господа и Его пречистой Матери, писанныхъ, по преданію, рукамъ апостоловъ, не можетъ произвести того же цѣлебнаго дѣйствія? Никогда, въ ветхомъ заветѣ, мѣдныя змїи, который былъ только символомъ распятаго Христа, исцѣлялъ всѣхъ, кто только на

наша вера, и о знаменіи саяъ умовасть саяъ Господь въ
Богѣдѣ съ Никодимомъ. (Іоан. 3). Отчего же истинное изображе-
ніе Распятіа не будетъ имѣть той же действительной силы, какъ
и Кго. сиречь, если къ нему обращаются во время молитвы, и
сояъ совершающе сего возбуждають веру въ тогѣ, кто молится?
Ибо такое напоминаніе страданія Господня немально возбуждають
думу. Не странно ли, что протестанты иконопочитанію намъ 3-е
заповѣдѣ деолтоловадѣ, какъ будто мы се не знаемъ и не слѣ-
дуемъ ей такъ же, какъ и они? Но тотъ, кто намъ дасть сіе
заповѣдѣ, т. е. Мелсеѣ, строго запрещалъ своему народу всякія
рѣдѣ иделовъ, т. е. изображенія дошнихъ боговъ, которыхъ въ
каждякъ египтяна, — не воздвигъ ли саяъ шѣднго змѣя въ ку-
тныя дѣя ицѣленія людей израильскихъ, и не поставилъ ли се-
мѣе драгоцѣнное саррошнще, кивотъ заветѣ, погѣ крылья за-
тыкъ корунцовѣ, во святая святыхъ? А дабы мы не могли со-
нѣдаться въ совершенной правдыности и православіи того, ка-
коша святая церковь конавѣдуать догматы о почитаніи честныхъ
инокѣ, а келому здѣсь по сому предмету собственныя слова 7-го
вселенскаго собора въ Циксѣ, гдѣ все ясно оговорено. «Мы со-
храняемъ, не вводи ничего новаго, преданія церковныя, до насъ
конедція, писанныя или написанныя, между коими обращается и
то, что относится до иконописанія, весьма полезнаго, по сому
свидѣтельствуемъ намъ о действительномъ, а не воображаемомъ
вѣноконеніи Слова Божіа. Итакъ, сообразно съ преданіемъ каело-
несной церкви исполненныя Духа Святаго, послѣ здраваго и ти-
зельнаго рассужданія, мы сарредѣляемъ слѣдующее: образъ свя-
того, честнаго и животворящаго креста долженъ быть матерася
во святыхъ Божіихъ церкахъ, на диспосахъ и иотирахъ, пре-
иданноконныхъ для приношенія безкровной жертвы, на священ-
ныхъ одеждахъ и на стѣнахъ, въ домахъ и на распутияхъ, равнѣ
д священными изображенія изъ мусіа (мозаики), какъ-то иконы
Господа нашего и Бласа Іисуса Христа, пречистой Кго Матери и

всѣхъ святыхъ. Ибо каждый разъ, когда мы благоговѣнно возвращаемъ на сѣн иконы, мы возбуждаемся къ памятованію и любви ихъ первообразовъ (т. е. тѣхъ кого онѣ изображаютъ) и къ преданію имъ подобающаго почитанія. Мы не разувѣемъ здѣсь того единственнаго поклоненія или богопочтенія, которое, по нашей святой вѣрѣ, можетъ только приличествовать единому божественному Существу, но говоримъ о томъ почитаніи, которое подобаетъ святымъ алтарямъ, евангелію и другимъ священнымъ предметамъ, и которое выражается по древнему обычаю епископомъ и священникомъ предъ ними свѣчь, ибо какъ мы уже сказали, почитаніе, которое мы воздаемъ образу, восходитъ къ его первообразу; и тотъ, кто поклоняется предъ иконою, поклоняется предъ тѣмъ, кого она изображаетъ. Таково ученіе святыхъ отцовъ нашихъ и преданіе вселенской церкви, которая пріяла и пронесла евангеліе отъ конца и до конца вселенной»¹⁾. После столь разумнаго объясненія вселенской церкви, мнѣ уже ничего не остается къ вамъ приложить отъ себя. Достаточно и сего для тѣхъ, которые хотятъ познать истину; что же касается неблагонамѣренныхъ, то кто можетъ имъ заградить уста?

Вы видите, милостивая государыня, что мы перешли постепенно отъ чистилища къ молитвамъ за усопшихъ, оттуда къ ходатайству святыхъ, а наконецъ къ ихъ мощамъ и иконамъ: это потому, что таинственное зданіе церкви сооружено съ такою глубокою мудростію и съ такою взаимностію и прочною связію всѣхъ своихъ частей, что если вы коснетесь только одной изъ сихъ частей, всё отзовется, и если исторгнете одинъ изъ ея основныхъ камней, то всему зданію будетъ угрожать паденіе: до такой степени ничего нѣтъ издѣльнаго въ ея божественномъ строеніи. Я бы долженъ здѣсь и остановиться, но ощущенія быть слишкомъ многословнымъ, но такъ какъ мы нахо-

¹⁾ Церковн. Ист. Флери, кн. 11, гл. 38 изъ дѣяній 7-го вселенск. Собора.

димся теперь посреде великаго поста, то я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ и о пощеніи. Вотъ и еще камень преткванія, служащій предметомъ противорѣчій, какъ сказано было о самомъ Господѣ Иисусѣ Христѣ (Лук. 2, 34):

Время сорокаднницы, которую нынѣ проходимъ, не позволяетъ намъ искать слишкомъ далеко примѣровъ пощенія въ Евангеліи; не напоминаетъ ли она тѣ 40 дней, которые самъ Господь постился въ пустынѣ? Вся жизнь святаго Іоанна Предтечи, величайшаго изъ рожденныхъ женами, по свидѣтельству самого Господа (Лук. 7, 25), можетъ служить намъ достаточнымъ свидѣтельствомъ о священномъ учрежденіи поста. Мы видимъ также, что Апостолы, которымъ божественный Учитель ихъ сказалъ, что «они будутъ постиаться, когда отнимется у нихъ жезлъ» строго исполняли оную заповѣдь, ибо въ Дѣянїяхъ ихъ сказано, что они не предпринимали никакой благочестивой проповѣди, не постившись и не помолвившись прежде: «и послѣ того, какъ они постились и молились, возложили руки на Павла и Варнаву и отпустили ихъ» (Дѣян. 13, 3). Постъ сей состоялъ въ совершенномъ воздержаніи отъ пищи въ теченіи цѣлаго дня, или только до шестаго часа (что соответствовало нашему полудню, какъ мы это читаемъ въ Дѣянїяхъ, когда апостолу Петру было видѣніе въ Яфѣ), а иногда и позже, до девятаго часа (т. е. до трехъ часовъ по полудни). Мы ничего подобнаго не соблюдаемъ, и однако многіе изъ насъ громко осуждаютъ посты, какъ вещь бесполезную, основываясь на словахъ ап. Павла: «предлагаемое ядите». Но тѣ, которые приводятъ это изреченіе, конечно, раскаялись бы въ томъ, еслибы только вникли въ него какъ слѣдуетъ, или хотя бы прочли его во всей полнотѣ. Что же говоритъ Апостолъ? «Если кто изъ невѣрныхъ позоветъ васъ и вы къ нему захотите пойти: то все предлагаемое вамъ ядите, безъ всякаго изслѣдованія, для успокоенія совѣсти» (1 Кор. 10, 27). Но развѣ мы невѣрные, или желаемъ быть ослушни-

ками церкви, когда мы, приглашая другъ друга на свои дружескія трапезы въ залогъ любви христіанской, во дни посвященные великимъ воспоминаніямъ плача или покаянія, произвольно разрѣшаемъ себѣ то, что дозволено было только изъ снисхожденія къ невѣрнымъ? «Все мнѣ позволено», говоритъ тотъ же Апостолъ во всеобъемлющемъ духѣ своей любви, который для всѣхъ дѣлался всѣмъ, дабы всѣхъ спасти, — «все мнѣ полезно, но не все надается; никто не ищи своего, но каждый пользу другого» (1 Кор. 10, 23 и 24). «Пища не приближаетъ насъ къ Богу, ибо ядимъ ли, ничего не приобретаемъ отъ того, не ядимъ ли, ничего не теряемъ. Берегитесь однако, чтобы сія ваша свобода не послужила соблазномъ для слабыхъ, и отъ знанія твоего погибнеть слабый братъ твой, за котораго Христосъ умеръ. Такииъ образомъ, согрѣшая противъ братіи и уязвляя немощную совѣсть ихъ, вы противъ Христа согрѣшаете; и потому если пища соблазняетъ брата моего, не стану ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата» (1 Кор. 8, 8—13). Если же, отложивъ всякое человѣческое мудрованіе, мы положимъ руку на сердце, не будемъ ли вынуждены сознаться въ томъ, сколько разъ мы сами, почитающіе себя крѣпкими разумомъ, потому что дерзновенно нарушаемъ заповѣдь церковную, сколько разъ соблазняли мы братій нашихъ, слабыхъ по нашимъ понятіямъ, пренебрегая предъ ихъ глазами тѣми вещами, которыя они почитали священными! А между тѣмъ такое неуваженіе наше къ тому, что для нихъ священо, вовлекало ихъ въ болѣе тяжкіе грѣхи, потому что не умѣя различать менѣе важныхъ проступковъ отъ болѣе важныхъ, они полагали что уже все имъ позволено, по данному имъ отъ насъ примѣру безнаказанности въ нарушеніи церковной заповѣди поста. Не будемъ ли отвѣчать за сихъ нашихъ братьевъ о Христѣ Иисусѣ?

Не слѣдуетъ однако предполагать, что нарушеніе малѣйшихъ заповѣдей церковныхъ есть дѣло само по себѣ не значи-

тельное. Многие спрашивают: что значитъ пища? обычная, что за вкушаніе одного лишь мяса, первоначный грѣхъ распространился на весь человѣчскій родъ, и Божій Человѣческій Долженъ былъ сойти на землю, чтобы вкушнуть плоть своею кровію. Это потому, какъ говоритъ весьма праспорѣчиво архіепископъ Херсонскій Иннокентій (въ проповѣдяхъ своихъ о паденіи человека: что когда дѣло касается до нарушенія заповѣдей Божіихъ, совершенно все равно, сорвать ли какой либо плодъ съ дерева или солнце съ тверди небесной). Близость вопроса съ гордостью. Потому что ради удовлетворенія нашему честоудію, вместо того, чтобы пощиваться, мы представляемъ себя судіями мертвыи, подобно первымъ челоѣкамъ, которымъ, по выраженію Библии, обѣщано было, что они будутъ сами какъ боги, ядая доброе и дурное (Быт. 3, 5), и однако это было причиною нашего изгнанія изъ рая. Очень часто вещь, которая намъ кажется мало важною, весьма важна сама по себѣ и по своимъ послѣдствіямъ; такова дисциплина или собственно благочиніе церковное, безъ котораго никакая церковь существовать не можетъ, какъ и всякое благоустроенное общество не можетъ существовать безъ своихъ органическихъ законовъ и обычаевъ, священныхъ временей. Доколѣ семья христіанская была не многолюдна, каждый могъ поститься по своему произволу: или подражая Господу, который ничего не ѣлъ, или его Пророкамъ, который питался только ячмемъ и медомъ, или, наконецъ, слѣдуя примѣру апостоловъ. Но когда церковь распространилась по вселенной, весьма естественно и даже необходимо было учредить извѣстный порядокъ и правила поста, при воздержаніи отъ пищи; таковы же образцы и врачя, предписывая намъ, воздержаніе, обозначаютъ и яства, какія намъ дозволено вкушать. Не объясняетъ ли намъ сего святая церковь, когда поетъ она на 1-й седмицѣ Великаго поста: «Братію, постяся тѣлесно, постяся и духовно; растеряномъ всякій советъ неправды, всякое неправедное писаніе раздеромъ; дадимъ алчущимъ хлѣбъ

и нищихъ и безкровныхъ сведомъ въ домъ, дабы вмѣстѣ съ ними принять намъ самого Христа Бога нашего).

Мнѣ кажется, милостивая государыня, что не смотря на онаселіе утомить васъ, я однако же объявляю вамъ съ возможною краткостію все, что мнѣ внужило сердце о столь высшихъ и обширныхъ предметахъ; но прежде, нежели окончить, позвольте мнѣ искренно поздравить васъ съ вашимъ переходомъ изъ общины лютеранской въ церковь православную. Не думайте однако, что вы перемѣнили вѣру, какъ это обыкновенно говорится; нѣтъ, вы ее приняли, или вѣрѣе снвзавте, вы только дополнили то, чего недоставало въ собственной вашей вѣрѣ. Вы вступили въ лоно церкви, но выходяеъ вавшевъ изъ общества, которое хотя и благотестно, но не признаеть ни іерархіи, соблюдаемой нами отъ времени апостольскихъ, ни даже священства, а это, собственно отънимаетъ печать освященія даже и у тѣхъ двухъ таинствъ, которыя протестанство еще желало бы признать таковыми, т. е. у евхаристіи и прещенія, потому что настояръ, который самъ не освящаетъ, можетъ ли освящать тѣло и кровь нашего Господа? Лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало разсуждаютъ протестанты о важности сего вопроса, можетъ служить то, что лютеране и кальвинисты составляютъ одну общину, хотя одни признають истинными тѣло и кровь нашего Господа, подъ видами хлѣба и вина, а другіе смотрять на нихъ только какъ на престые символы, напоминаящіе только о тѣлѣ и крови Христовой. Посмотрите также, въ какомъ жалкомъ положеніи находится все общество протестантское; нѣтъ ничего положительнаго въ различныхъ его сектахъ; потому что протестуя непрестанно, они лишили себя и того положительнаго начала, которое одно лишь можетъ создать церковь.

Есть однако между ними весьма много благочестивыхъ и отличныхъ людей, привязанныхъ такъ сказать исторически къ своему обществу, потому только, что не хотять углубиться въ

такого рода вопросы, какіе мы здѣсь предлагали; нѣкоторые даже утверждаютъ, что стыдно оставлять вѣру своихъ отцевъ, если бы даже мы были евреи, или магометане. Вотъ до какой степени мало понимаютъ они необходимость и дѣйствительность того спасенія, которое одинъ лишь Господь Іисусъ можетъ даровать намъ, чрезъ искупленіе человѣческаго рода! Всѣ признають успѣхъ просвѣщенія въ мірскихъ наукахъ, но не всѣ хотять уразумѣть, что религія есть также наука, насъ просвѣщающая, по мѣрѣ того, какъ мы ее хотимъ изучить, и что переходъ изъ общества протестанскаго въ церковь православную есть только степень усовершенствованія духовнаго. Это какъ бы разстояніе первоначальной школы отъ университета. Сущность всего есть таже, но развитіе науки основано на ученіи святыхъ отцевъ, которое посредствомъ преданія сохранилось въ церкви, а не объясняется по собственному произволу, ибо, какъ говорятъ св. апостолъ Павелъ, «гдѣ мудрецы, гдѣ книжники, гдѣ искусные въ составаніяхъ вѣна сего? Не обратилъ ли Богъ мудрости міра сего въ безуміе? потому что неразумное Божіе мудрѣе чловѣковъ и немощное Божіе сильнѣе чловѣковъ». (1 Кор. 1, 20. 25).

Воздайте также благодареніе Богу за то, что вы не впади въ среду церкви такъ называемой католической, которая хотя и можетъ носить имя сіе географически, потому что распространена во многихъ частяхъ вселенной, но не можетъ зато по истинѣ похвалиться своимъ православіемъ, подобно нашей, ибо она позволила себѣ измѣненіе въ символѣ нашей вѣры, утвержденномъ на вселенскихъ соборахъ. Подчинивъ здравое разсужденіе соборовъ произвольному рѣшенію одного первосвященника, презвosenнаго надменнымъ титуломъ намѣстника Божія на землѣ, она до того дошла, что все смѣшала въ собственной своей дисциплинѣ, т. е. благочиніи церковномъ: запретила бракъ священникамъ, и что всего ужаснѣе, — похитила чашу, слѣдственно половину таин-

ства евхаристіи, у всѣхъ мірянъ, не смотря на ясныя и точныя слова Господни: «пійте отъ нея вси».

Обратите также вниманіе и на то, до чего увлечена церковь римская, въ своемъ стремленіи олицетворить себя и свое ученіе въ лицѣ одного папы. Она вынуждена была признать за необходимое для своей прочности, чтобы глава ея былъ княземъ мірскимъ, тогда какъ Господь прямо объявилъ, что царство Его не отъ міра сего. Такъ она всегда смѣшивала политику съ религіей!—Достоинно вниманія и то, что ослабленіе мірской власти папскаго престола произошло въ самое то время, когда перво-священникъ и Султанъ дружественно послали одинъ другому посланцевъ своихъ и всѣ журналы говорили о такомъ сближеніи главы каталцизма съ главою исламирама. Въ это же время папа расслалъ чрезъ своего легата окружную буллу на востокъ, воюю приглашалъ всѣхъ вѣрныхъ, не упоминая о ихъ патріархахъ, присоединяться къ римской церкви; четыре же патріарха, съ соборомъ 30 митрополитовъ, отвѣчали на зовъ сей окружнымъ посланіемъ исполненнымъ мудрости и достоинства. Подобнаго объясненія *ex cathedra*, т. е. съ высоты кафедры, еще не было со времени раздѣленія церквей.

Такъ какъ дѣло идетъ здѣсь о католичествомъ и православіи, я пользуюсь симъ случаемъ, чтобы еще разъ вамъ напомнить, прежде нежели окончить письмо мое, чтобы вы не употребляли неправильнаго названія греческой вмѣсто православной, говоря о нашей церкви и вѣрѣ, тогда какъ вы величаете титуломъ каеолической церковь западную, которая тѣмъ гордится. Извольте вникнуть, что слово каеолическій обозначаетъ того, кто повсемѣстенъ и соблюдъ всѣ правыя догматы; слѣдственно признавая такую церковь римскую и называя нашу только смиреннымъ именемъ греческой, вы какъ будто сами сознаете ее схизматическою, т. е. отдѣленною отъ единства вселенской церкви и принадлежащею къ обществу одной только малой націи, сравнительно съ

вослествомъ нашихъ соперниковъ. Нѣтъ, и. г. вы принадлежите не греческой, но вполне католической церкви и даже гораздо болѣе католической, нежели западная, потому что при этомъ она—всесублю православная; и если римляне имѣютъ за себя множество, такъ какъ они болѣе чѣмъ на половину насъ превосходятъ числомъ своимъ, то мы имѣемъ на своей сторонѣ полноту и непоколебимую чистоту догматовъ, подобно какъ два колѣна Іуды и Веніамина имѣли преимущество предъ десяти колѣнами Израильскими.

Итакъ будемъ тверды въ православной вѣрѣ нашихъ отцовъ и будемъ молить Господа сохранить насъ отъ суетныхъ бурь темнаго запада, дабы посреди вѣшняго и внутренняго мира святой нашей церкви, Востоку свѣтло т. е. Самъ Господь, благоволилъ спасти наши души и приготовить насъ къ своей блаженной вѣчности.

ПИСЬМО 2-е.

Не задолго до моего отъезда въ Иерусалимъ, вы мнѣ высказали, милостивая государыня, недоумѣнія ваши касательно того благоговѣйнаго почитанія къ Пречистой Дѣвѣ Богоматери, какое выражается въ богослуженіи церкви католической, равно западной и восточной, и я долженъ вамъ сознаться, что такого рода частными мнѣніями, противорѣчащими важности сужденія цѣлой церкви, произвели такое впечатлѣніе на мое сердце. Похищая столь легкомысленно у святой нашей Церкви самыя древнія и священныя ея преданія, мы доходимъ постепенно до совершеннаго ихъ обнаженія, которое иссушаетъ сердце и невольно напоминаятъ ту натуру, какую почувствовали прародители наши, когда древо жизниаго знанія лишило ихъ рай. Случилось мнѣ, опечаленному вашими сомнѣніями, присутствовать въ тотъ же день на всеобщемъ бдѣніи въ доховой церкви Святыянаго Синода, которая совершала память перваго вселенскаго собора въ Никее, даровавшего намъ символъ вѣры, и я пораженъ былъ словами одной изъ праздничныхъ стихиръ.

«Госноди, кто раздражъ немивенный твой хитонъ? Арий, дерзнувшій отрицать твое Божество; онъ же научилъ оумудрствовать и Несторія, что Пресвятая Твоя Матерь не есть Ботородница».

Въ первую минуту мнѣ показались слишкомъ жестокими слова этой стихиръ; какое отношеніе можетъ быть между Аріемъ, не признававшимъ Христа Сыномъ Божиимъ и Несторіемъ, который только утверждалъ, что надобно называть Пречистую Дѣву матерью Христа, а не Богоматерію? Но когда я болѣе углубился

въ этотъ вопросъ, то подвиглся великой мудрости отцевъ Церкви. Въ самомъ дѣлѣ, если мы внимемъ только по совѣсти, что удерживаетъ насъ воздавать подобающую почесть святой Матери нашего Спасителя, если не самый недостатокъ благоговѣйнаго вниманія, съ какими бы должны были размышлять о таинственномъ догматѣ воплощенія Сына Божія? Мы до такой степени привыкли къ милосердому и снисходительному человечеству нашего Господа, что даже не останавливаемъ нашей мысли на созерцаніи Его страшнаго Божества, ибо, при такомъ созерцаніи мы бы невольно исполнились глубокаго благоговѣнія, скажу болѣе, святаго и спасительнаго страха къ тому священному сосуду, который былъ свыше избранъ, чтобы послужить живымъ храмомъ воплощенному Божеству! Мы, которые во время литургіи prostираемся ницъ предъ чашею, исполненною крови нашего Искупителя, можемъ ли не воздавать особеннаго почитанія той, которая вмѣстала въ дѣвственной своей утробѣ Слово, сдѣлавшееся плотію, и, по дѣйствию Святаго Духа, сообщила Ему вещество собственной человѣческой природы, дабы могъ на землѣ родиться Богочеловѣкъ для нашего спасенія!

О, страшное таинство, предъ которымъ все человечество должно бы съ ужасомъ поклониться долу; удаливъ отъ себя всякій пытливый помысль, который внушилъ Ѳомѣ дерзновенною рукою прикоснуться къ язвамъ своего Спасителя! Можетъ ли быть, чтобы послѣ столь неизреченнаго таинства, послѣ того, какъ Дѣва, предсказанная пророками отъ первыхъ вѣковъ міра, послужила такимъ образомъ къ исполненію сего таинства, — махалась люди, которые дерзаютъ утверждать, будто сей избранный сосудъ могъ слѣдовать обычнымъ стезямъ человечества (т. е. сдѣлаться женою мужа) и что она не заслуживаетъ никакого особеннаго, отъ насъ благоговѣнія, какъ не имѣющая никакой особенной заслуги предъ своими Божественными Сынами, тогда какъ

Церковь, гораздо болѣе разумная въ своихъ догматахъ, величаетъ Пресвятую Дѣву царицею ангеловъ и Богоматерию! Сердце стѣсняется, внимая столь жестокимъ словамъ, и еще тягостнѣе видѣть, что даже въ самомъ Евангеліи ищутъ свидѣтельства противъ столь древняго преданія вселенской церкви, какъ будто бы хотятъ возложить вину собственнаго неблагоговѣнія къ матери нашего Спаса, на самого ея Божественнаго Сына, Который, однако, былъ исполненъ любви и уваженія къ своей матери и «былъ у нея въ повиновеніи» (Лук. II, 51).

Откуда же можетъ произойти такое плачевное заблужденіе? Оттого, что мы придерживаемся исключительно какого либо текста, не вникнувъ въ него какъ слѣдуетъ, и не сравнивъ его съ другими евангельскими текстами, относящимися къ тому же предмету, а иногда насъ вводитъ въ обманъ и неправильный переводъ выраженій св. Писанія. Такимъ образомъ Арій, привязавшись только къ текстамъ, которые относились до человѣческой природы Господа, умаливаго себя ради нашего спасенія, не уравнивалъ ихъ съ другими текстами Евангелія, которые возвѣщаютъ о божественной славѣ Христа, о Сынѣ равномъ Отцу, и кончили тѣмъ, что отринули и самое Его Божество, уподобивъ Творца твари. Благодареніе Богу, святой вселенскій соборъ въ Никее довольно объяснилъ намъ этотъ догматъ, чрезъ всеобщее преданіе, основанное на св. Писаніи, и ересь Арія доставила намъ этотъ великолѣпный символъ нашей вѣры, который поетъ церковь на каждой литургіи. Такъ исполнились слова Апостола: «надлежитъ быть и ересямъ, дабы чрезъ то явились между вами болѣе искусные» (1 Кор. 11, 19). Если слѣдить за исторіею Церкви, то ясно увидишь, что, по особенному дѣйствию благодати Божіей, всегда привлекающей добро изъ самаго зла, каждая ересь содѣйствовала къ объясненію и еще большому утверженію того догмата, противъ котораго она возставала.

Ваной же это тень, будто бы отъемлющій всю славу у Пресвятой Матери нашего Спасителя? Вот онъ: Иисусъ Христосъ на бракѣ Галилейскомъ отвѣчаетъ матери, которая Ему замѣтила, что недостадо вина въ сосудахъ: «что мнѣ и тебѣ жено, еще не пришелъ часъ мой» (Іоанн. 2, 4). Такъ на греческомъ и славянскомъ, въ некоторыхъ же иностранныхъ переводахъ сказано весьма неблаговидно: «что общаго между мною и тобою?» — какъ будто можетъ не быть ничего общаго между матерію и сыномъ, хотя и Божественнымъ? Слова сіи: «что мнѣ и тебѣ» въ подлинникѣ выражаютъ совершенно иную, высокую мысль. Господь какъ бы говоритъ своей матери: «что мнѣ дѣлать? требованіе твое преждевременно, ибо еще не пришелъ часъ торжественнаго низанія міру. Для чего хочешь ты обнаружить тайну моего божества, тебѣ единой открытую чрезъ благовѣстіе Архангела?» И однако святая Матерь угадала, что настаетъ уже торжественный часъ и сей божественный Сынъ, всегда ей покорный, удерживаетъ для нея желанную чашу. Она до такой степени увѣрена въ Его послушаніи, что, даже не отвѣчая Ему, говоритъ брачнымъ служителямъ слова сіи, исполненныя вѣры: «дѣлайте все, что Онъ вамъ повелитъ,» и дѣйствительно божественный Сынъ, по ея прошенію, предлагаетъ, на бракѣ Галилейскомъ, воду въ вино, подобно какъ впоследствии, въ вечери тайной, видѣ уже самъ Онъ былъ небеснымъ жемчужомъ своей Церкви, предлагаетъ Онъ вино въ честную кровь Свою, для нашего спасенія. Итакъ чудо Галилейское было какъ бы символомъ и предназначеніемъ будущаго таинства Евхаристіи. Это было первое изъ чудесъ Иисусовыхъ, какъ говоритъ Евангелію, и чудо сіе свершилось по ходатайству святой Его матери. Можно ли, послѣ

сего, сомнѣваться въ действительности Его ходатайства! И однако этотъ самый братъ въ Бѣдѣ Галилейскомъ приводитъ нѣкоторые во свидѣтельство мнимаго вниманія Господа къ своей Матери!

Есть еще одно мѣсто въ евангеліи Іоанна, одно изъ самыхъ трогательныхъ и торжественныхъ, когда, съ высоты креста, Божественный Сынъ поручаетъ возлюбленному ученику свою святую Матерь, во свидѣтельство нежной своей любви; и не смотря на то, тотъ же гадетъ, приводится какъ прераданіе тому почитанію, какое подебасть Пресвятой Дѣвѣ, потому что Господу, вмѣсто того, чтобы назвать Ее матерію, взываетъ къ ней только: «жена». Ео весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ, будто общепотребительное выраженіе новѣдскихъ языковъ «жена», или «женщина», равносильно греческому или славянскому воззванію: «жено!» Нѣтъ оно имѣетъ здѣсь гораздо болѣе возвышенный смыслъ, если только отъ буквального его значенія мы перейдемъ къ нравственному. Подобно какъ на братѣ Галилейскомъ Сынъ Божій первымъ чудомъ обнаружилъ Божественное Свое посланіе въ міръ, такъ и съ высоты креста подебадо Тому, Кто взываетъ посреди страданій къ небесному своему Отцу, явить себя выше всѣхъ земныхъ узъ и возгласить только: «жена!» въ высшемъ значеніи этого слова, къ той, которая была Его матерію по плоти. И однако съ такою нежностью Онъ поручаетъ ее возлюбленному ученику! Прежде, нежели конустить послѣдній страшный вопль: «свершилася», который раскрываетъ уже аду и смерти, и послужилъ началомъ новой вѣчной жизни, Онъ посвящаетъ той, которая была Его матерію, послѣдній земной вздохъ свой и, къ ней обращаясь, Онъ видитъ предъ собою всю все-

ленную. Не забудьте, что у ноготков Его искупительнаго креста Пресвятая Дѣва и дѣвственныи ученикъ представляли собою все человечество въ наивысшей его чистотѣ. Итакъ Господь Иисусъ (а это мысль отцовъ Церкви), говоря своей матери: «се сынъ твой» даровалъ ее матерію всему роду человеческому, искупленному Его кровію, а говоря возлюбленному ученику: «се мати твоя» Онъ поручалъ всѣхъ насъ ея святому покрову.

Быть можетъ, вамъ укажутъ еще на текстъ евангелиста Луки (VIII, 21), гдѣ Господь отвѣчаетъ извѣстившимъ Его, что мать и братья желаютъ Его видѣть, «мать моя и братья мои суть тѣ, которые слушаютъ слово Божіе и исполняютъ его»: но вспомните и другой текстъ евангелиста Марка (VI, 3), гдѣ соблазвившіеся о Немъ, говорили: «не плотникъ ли Онъ, Сынъ Маріи, братъ Іакова» и пр. и подивитесь той мудрости, съ какою Господь объяснялъ свое высокое посольство въ міръ, ибо Онъ принадлежалъ всей вселенной, а не одному семейству. Но тѣ, которые ищутъ въ Евангеліи нѣсколько выраженій, благопріятныхъ образу ихъ мыслей, должны лучше вспомнить, если только хотятъ дѣйствовать по совѣсти, тѣ знаменательные тексты во славу Пречистой Дѣвы, которые мы читаемъ въ началѣ евангелія св. Луки и которые должны закрыть уста всякому невѣрующему. Что можетъ быть торжественнѣе прівета архангельскаго, въ минуту благовѣщенія: «Духъ Святыи найдетъ на тя и сила вышнѣго осенитъ тя». И дальще, что яснѣе и трогательнѣе самыхъ изреченій Маріи: «величитъ душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Господѣ Спасѣ моемъ, ибо отъ нынѣ ублажать меня всѣ роды, ибо сотворилъ миѣ величіе Сильныи (Лук. II, 46—49).

Такое пророчество Дѣвы, столь смиренной, исполнилось уже въ первую минуту ея посѣщенія святой Елисаветы, когда будущій пророкъ пустыни Предтеча възглаголюетъ надъ нею во чревъ матери своей; но оно продолжаетъ исполняться и до нашихъ дней, ибо, по истинѣ, всё племена земныя ублажать до конца вѣковъ Ты, которой сотворилъ величіе самъ Богъ, сдѣлавъ Ее матерію своего Слова. Вотъ почему въ нашихъ церковныхъ пѣсняхъ мы величаемъ ее честиѣйшею херувимъ и славиѣйшею божь сравненія серафимъ, ибо если на сихъ небесныхъ силахъ, какъ на таинственномъ престолѣ воссѣдаетъ Господь, то Она носила самого Господа во чревъ своемъ, которое «пространіе небесъ», по словамъ другаго гимна.

Если же женщина столь святая, какъ мать Брестителя Елисавета, чувствовала радостный восторгъ младенца въ утробѣ своей, и не приближаясь къ Пречистой Дѣвѣ воскликнула: «благословенна ты въ женахъ, и откуда мнѣ сіе, что мать моего Господа ко мнѣ пришла?—то мы грѣшныя, съ какимъ восторгомъ, или лучше сказать, съ какимъ трепетомъ должны приближаться къ иконѣ Пречистой Матери нашего Спаса, которая символически напоминаетъ намъ ея присутствіе! Блаженна она, поелику увѣровала; и мы также будемъ блаженны, если замѣнимъ вѣрою сухую нашу пытливость, которая ведетъ насъ къ гибельному древу познанія, удаляя отъ древа жизни. Время не позволяетъ мнѣ писать вамъ болѣе объ этомъ предметѣ, который столь близокъ моему сердцу; но прежде, нежели окончу длинное письмо это, я напомню вамъ здѣсь ту прекрасную церковную пѣснь, которая

летя къ великую субботу какъ плащаницю нашего Господа,
какъ бы обсыпанный гласъ Его на гроба къ Пречистой Мате-
ри Своей, научивший насъ тому, какъ мы должны Его че-
стовать.

«Не рыдай обо мнѣ мать, видя во гробѣ Того, Кого ты
бесѣменно зачала въ своей утробѣ! Вотъ я воскресну и со сла-
вою вознесусь на небо и тамъ прославлю тѣхъ, которые съ вѣ-
рою и любовію Тебя величаютъ!»

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1871.

І Ю Н Ъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

- I. Книга пророка Іереміа. Рѣчи 42—45. гл. XLII. XLIII. XLVI, ст. 13—28; XLIV. XLV. (*Переводъ съ еврейскаго.*) - - - - - 273—288.
- II. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской духовной Академіи - - - - - 1—42.
- III. О происхожденіи русскихъ былинъ. *А Розова.* 433—479.
- IV. Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ. (Продолженіе.) *Н. Петрова.* - - - 480—554.
- V. Увѣщаніе Константинопольскаго патріарха Каллиста къ клиру города Тернова (Пер. съ Греческаго) *Г. Н—скаго.* - - - - - 555—572.
- VI. Исторія Авона. Доктора еллинской словесности *Порфирія еписк. Чилиринскаго* - - - - 573—686.
- VII. Бритико-библиографическія замѣтки *Г. М.* - - - 687—706.
- VIII. Творенія бл. Іеронима. Противъ Іовиніана книга 2-я. (*Переводъ съ латинскаго.*) - - - - 273—288.
-

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Управленія.

1871.

Подписка принимается преимущественно **ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**; а также въ Москвѣ у книгопродавца А. О. Терапонтова, въ Петербургѣ у книгопрод. С. И. Литова.

Цѣна за годовое изданіе журнала (12 вв., не менѣе 15 печат. лист. каждая) 6 руб. съ пересылкою; безъ пересылки 5 руб. По той же цѣнѣ можно получать «ТРУДЫ» за 1869 и 1870 годы. Оставшіеся въ редакціи экземпляры «Трудовъ» за первыя девять лѣтъ (1860—1868) продаются по *три рубля съ пересылкою*.

Цѣна отдѣльной книгѣ «ТРУДОВЪ» 50 коп. съ перес.

Въ той же редакціи можно получать «ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ», еженедѣльный журналъ, издававшійся до апрѣля 1871 года. Цѣна за годовое изданіе XXXIV года а также XXXI, XXXII и XXXIII годовъ 4 руб. съ пересылкою, а безъ пересылки 3 руб. Экземпляры «ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ» за первыя 31 годъ существованія журнала, продаются по 2 руб. за экзем. каждого года съ перес. Выписывающіе единовременно не менѣе 10-ти экземпляровъ «Воскреснаго Чтенія» прежнихъ годовъ платятъ только по 1 руб. 50 к. за экземпляръ и получаютъ бесплатно «УКАЗАТЕЛЬ въ 25 годамъ Воскреснаго Чтенія. Цѣна Указателю отдѣльно—50 коп. Имѣются въ продажѣ слѣдующіе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XV (51—52), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59), XXIII (59—60), XXIV (60—61), XXV (61—62), XXVI (62—63), XXVII (63—64), XXVIII (64—65), XXIX (65—66), XXX (66—67).

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКИХ БЫЛИНЪ.

(Продолженіе).

II.

Кромѣ опровергнутой выше основной ошибки Стасова, не-отличавшаго произведеній безъискусственной народной словесности отъ созданій искусства для искусства, ошибки, допущенной, по-видимому, скорѣе по невѣдѣнію, чѣмъ сознательно, въ его статьѣ встрѣчается весьма длинный рядъ такихъ промаховъ, о которыхъ часто даже не знаешь что и сказать, происходить ли они отъ незнанія русской (а иногда и тюркской) жизни, о которой онъ взялся судить, или составляютъ результатъ усиленнаго стремленія во что бы то ни стало провести свою теорію. Такихъ промаховъ особенно много при оцѣнкѣ эстетическаго мотивированія русскихъ былинъ и при отыскиваніи сходства между русскими былинами и восточными пересказами. Говоря о мотивированіи русскихъ былинъ, онъ усиленно изобличаетъ ихъ въ несовершенствѣ, сравнительно съ восточными рассказами, въ удаленіи отъ этихъ мнимыхъ образцовъ; толкуя же о сходствѣ чертъ, онъ столь же усиленно старается сблизить ихъ другъ съ другомъ: послѣду въ томъ и другомъ онъ одинаково видѣлъ доказатель-ства своей теоріи. Удивительно ли, что напредубѣжденный и въ то же время знающій кое-что о жизни русскаго народа человѣкъ

подъ часъ одинаково не можетъ согласиться ни съ тѣми, ни съ другими рѣчами г. Стасова? Хотѣлось бы мнѣ разобрать всѣ подобныя натяжки или промахи г. Стасова, но послѣнку это была бы слишкомъ длинная, кропотливая и хлопотливая работа, отъ которой моя критика сдѣлалась бы толще самой статьи г. Стасова, то посему ограничимся только немногими промахами его. А чтобы нашъ разборъ имѣлъ полную доказательную силу, при обобщеніи выводовъ изъ него, подвергнемъ ему тѣ именно промахи г. Стасова, въ которыхъ онъ видѣлъ важнѣйшую опору своей теоріи. Но его невѣрныя представленія о древне-русской жизни не опустимъ изобличить всѣ до одного, хотя бы потому, что здѣсь мы можемъ опереться на болѣе наглядныя послыши, которыхъ нельзя перетолковать въ кривую сторону никакому хитроумному человеку.

Прежде чѣмъ мы станемъ раскрывать промахи г. Стасова при оцѣнкѣ мотивированія русскихъ былинъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что это мы дѣлаемъ рѣшительно не въ интересѣ нашей теоріи, для коей крайнія мнѣнія г. Стасова даже наружу, а единственно ради научной правды, послѣнку никакая фальшь въ оцѣнкѣ предметовъ, какъ бы она ни была выгодна для чьей либо теоріи, не должна быть терпима въ наукѣ. Не мѣшало бы и г. Стасову, при составленіи его статьи, руководиться этимъ правиломъ.

Положеніе критика эстетическихъ воззрѣній, даже самыхъ фальшивыхъ, нельзя сказать, чтобы было легко. Наука словесныхъ произведеній, какъ извѣстно, далеко не во всѣхъ вопросахъ заручилась вѣрными критеріями истины, какими-либо общепринятыми положеніями, и пробавляется нерѣдко личными фантазіями теоретиковъ, для коихъ (фантазій) духовность и неуловимость процесса происхожденія словесныхъ произведеній—первоначальныхъ фактовъ науки—даетъ обильную пищу, но въ коихъ немало бываютъ виноваты и сами теоретики, нерѣдко предпочитающіе блистательное лирическое пареніе сухому и скромному

труду выработки научных положений. Отсюда и происходит причудливое разнообразие взглядов на словесные произведения, встречающиеся на каждом шагу, так что выходит—что голова, то и толкъ. При таких обстоятельствах критику чьих либо эстетических воззрѣній подчасъ остается только противопоставить имъ свои взгляды, указать противорѣчiе ихъ съ несомнѣнными явлениями жизни и затѣмъ представить все суду здраваго смысла публики. Поэтому и я не выставлю противъ оспариваемыхъ мнѣнiй Стасова на счетъ мотивированiя русскихъ былинъ никакихъ общихъ научныхъ положенiй; а вмѣсто того укажу для тѣхъ былинъ, въ коихъ Стасовъ не видитъ никакого смысла, самые толковыя нравственные мотивы, взятые изъ жизни простаго народа—творца и хранителя былинъ,—и затѣмъ сдамся на судъ публики, знакомой съ жизнью простаго народа: естественны ли эти мотивы, соответствуютъ ли они дѣйствительнымъ чертамъ народной жизни? Это и будетъ служить опроверженiемъ фантазiй г. Стасова.

Для предполагаемаго процесса я возьму былинку о Дунай Иванычѣ, именно потому, что въ ней Стасовъ по преимуществу видитъ «рѣшительно ничѣмъ необъяснимую смѣсь грубости, нелѣпости и чудовищности». Содержанiе былинны мы приведемъ со словъ Стасова. «Много лѣтъ служилъ богатырь Дунай Иванычъ у разныхъ царей и королей, въ разныхъ царствахъ и королевствахъ. Однажды онъ, на пиру у короля литовскаго, расхвостался, что королиха его любитъ и жалуется, а королевшица Настасья у души его держитъ. Разгнѣвался король и велѣлъ его казнить, но Настасья услышала его голосъ, когда его вели мимо ея палаты, и спасла его. Потомъ онъ поѣхалъ въ Кiевъ, и поступилъ на службу къ князю Владимиру. Задумалъ однажды князь Владимиръ жениться. Вотъ онъ и посылаетъ Дуная сватомъ въ землю литовскую, гдѣ у короля есть двѣ дочери красавицы. Дунай ѣдетъ, но король литовскiй не хочетъ отдавать своей

*

дочери Владиміру. Потомъ, когда Дунай побилъ чуть не всю его рать, онъ даетъ свое согласіе. Дунай идетъ въ теремъ къ королевши и, найдя двери запертыми, ударомъ ноги выламываетъ ихъ, такъ что разлетѣлись крики и шробомъ дворные. Королевшина выскакиваетъ оттуда какъ угорѣлая отъ испуга, и хочетъ пачевать Дуная; но онъ отказывается отъ этого, и везетъ ее въ Кіевъ къ князю Владиміру. Вдучи съ немъ домой, вѣщаетъ Дунай въ поляхъ на бѣлый шатеръ: въ томъ шатру почиваетъ красная дѣвица. Дунай стрѣляетъ въ сырой дубъ, и стрѣла его богатырская ломаетъ тотъ дубъ въ черенья половецкіе. Словно угорѣлая выдается тутъ на Дуная, изъ шатра, красная дѣвица, но онъ могучею рукой бросаетъ ее на землю, хочетъ уже заколотъ ее, но она проситъ себѣ пощады, и предлагаетъ себя въ жены Дунаю. (По другимъ редакціямъ, Дунай бьется въ полѣ съ татаринами или богатыремъ—великаномъ, и, только побѣдивъ его, узнаетъ, что это женщина, королевшина, и она предлагаетъ себя ему въ жены). Тутъ обрадованный Дунай везетъ ее съ собою въ Кіевъ и женится на ней, а князь Владиміръ—на ея сестрѣ. Впослѣдствіи, однажды на пиру, Дунай, пьяный, затѣваетъ споръ съ женой своею Настасьею или Днѣпррой: кто лучше стрѣляетъ изъ лука, онъ или она? Первая стала отрѣзать она, и прострѣлила стрѣлой золотое кольцо, которое Дунай держитъ надъ головой своею. Потомъ пришла очередь стрѣлать и ему, а ей держать кольцо надъ головой: тутъ она начинаетъ просить, чтобъ онъ не стрѣлялъ, потому что, пожалуй, попадетъ въ нее, вмѣсто кольца, а у ней въ утробѣ есть дитя, будущій богатырь, которому не будетъ противника. Но Дунай не слушаетъ ея просьбы, стрѣляетъ, и когда она упала, пораженная его стрѣлою прямо въ сердце, онъ выхватываетъ свой кинжалъ и разрѣзываетъ ей животъ: тамъ онъ находитъ чудеснаго младенца, ноги по колѣна серебряныя, руки по локоть золотыя, въ косицахъ частыя звѣзды, во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ. Увидавъ его, Дунай бро-

свепен на мечь свой, уставишь его рукоятью въ землю. И гдѣ вѣщались Дунаева живны, тамъ изъ горничей его проема быстрая Дунай—рѣка, а гдѣ жила Дунаева жена, тамъ протегла Настасья или Дибра—рѣка. Глубиною рѣка 20 сажень, а шириною рѣка—(40 саж.)¹⁾.

А вотъ и взгляде г. Стасова на эту былинну: «Наша былинна представляеть рѣшительно ничѣмъ необьяснимую смѣсь грубости, нечлвности и чудовищности. Какое значеніе имѣеть эта стрѣльба въ цѣль, гдѣ спорать о своемъ искусствѣ мужъ и жена? Какой смыслъ можетъ имѣеть это убійство жены мужемъ только за то, что она хвасталась? Что такое означаетъ это вырѣзываніе младенца изъ утробы убитой матери? По какой причинѣ и для какой цѣли совершается это непостижимое варварство? Далѣе, когда въ матерней утробѣ найдеть младенецъ, то почему герой, вмѣсто того, чтобъ радоваться, что если уже убита мать, то по крайней мѣрѣ вышелъ на свѣтъ такой волшебный ребенокъ,—вмѣсто этого онъ вдругъ лишаеть себя жизни? И наконецъ, почему во всемъ этимъ чудовищнымъ дѣламъ прицѣплено ни съ того ни съ сего сватовство князя Владимира, которымъ начинается былинна, и которое, однакоже, не имѣеть далѣе никакихъ послѣдствій?

Такъ кажется г. Стасову; и безспорно, съ столичной точки зрѣнія онъ совершенно правъ. Не бѣда та, что былинна не въ столицѣ сочинялась, а слѣдовательно и изображаеть не столичную жизнь. Былинна создана была мужикомъ—и вотъ съ мужицкой-то точки зрѣнія она представляеть (то есть, конецъ ея) изумительно-стройное развитіе трагизма. Трагедія начинается споромъ пощивнаго Дуная съ его женой Настасьей или Диброй о томъ: кто лучше стрѣляетъ изъ лука, онъ или она? Все же предъидущее составляетъ то, что въ искусственной, литературной словес-

¹⁾ Древн. рос. стихотв., 85—101.—Кирѣевскій, II, 52—62.—Рыбниковъ, I, 162—187; II, 44—81; III, 96—162.

ности называется прологомъ къ поэтическому дѣйствию, или краткой замѣткой о предшествовавшихъ обстоятельствахъ жизни героя и героини; только народъ, по слабому еще развитію эстетической техники, сдѣлалъ этотъ прологъ слишкомъ пространннымъ, такъ что онъ совершенно нарушаетъ симметрію дѣлага. Указанный недобрый споръ въ пьяномъ видѣ и составляетъ завязку поэтического дѣянія, окончившагося гибелью спорившихъ лицъ. Затѣмъ каждая новая черта роковой исходъ дѣлаетъ болѣе и болѣе неизбежнымъ. Еслибы споръ остался споромъ на словахъ, катастрофы не было бы и герои остались бы живы и здоровы; но хвастовство и молодечество внушили спорившимъ (вѣроятно Дунаю, какъ охмѣлѣвшему человѣку) идею ухарски-сумасброднаго поединка, въ которомъ смерть трезваго отъ руки пьянаго была неизбежна. Все таки главный герой оставался живъ, между тѣмъ нужно было и ему умереть, а для того нужно было потрясти его какимъ либо невыносимымъ горемъ, чтобы онъ убилъ самъ себя. Начало этому потрясенію положено было просьбой жены, чтобы Дунай не стрѣлялъ, потому что, пожалуй, попадетъ въ нее, вмѣсто кольца, а у ней въ утробѣ есть дитя, будущій богатырь, которому не будетъ соперника. Жена указывала тѣмъ Дунаю всю тяжесть грѣха, который беретъ онъ себѣ на душу. Дунай Ивановичъ, самоувѣренный, послыку былъ пьянъ, не послушался, и какъ пьяный, у него дрожали руки, уходила какъ разъ въ свою жену. Но и не тутъ еще причина его самоубійства. Изъ за того, что онъ убилъ жену, онъ, конечно, потужилъ бы, но ни какъ не убилъ бы себя, будучи въ полной увѣренности, что другую найдетъ; но на бѣду онъ вспомнилъ о словахъ жены и захотѣлъ удостовѣриться, справедливы она или нѣтъ? И каково же было его горе, когда онъ убѣдился, что онъ погубилъ невинную душу, при томъ лишился такого необыкновеннаго сына, котораго другой разъ не наживешь!.. Сознаніе тяжести содѣяннаго имъ преступленія и своей потери, отрезвило его и повергло его

въ отчаяніе, слѣдствіемъ коего было самоубійство. Скажите, развѣ это не стройно-развита, трагедія?

Но она не только стройна, но и вполне соответствуетъ понятіямъ и обычаямъ русскаго простаго народа.

Хвастовство подъ пьяную руку своею силой или удачею такое обыкновенное явленіе въ русскомъ простомъ народѣ, что отъ него требовать какого либо иного значенія, кромѣ хвастовства, рѣшительно излишне. Въ русскомъ баснословіи поэтому оно само по себѣ могло служить такимъ непререкаемымъ, нагляднымъ фактомъ, который не требуетъ никакого объясненія, напротивъ самъ многое объясняетъ. Пьяные же мужчины не менѣе скоры и на сумазбродныя рѣшенія, въ коихъ возможны послѣдствія и въ соображеніе непринимаются. Г. Стасову (какъ истому петербуржцу) кажется страннымъ, какъ можно было съ женой, то есть съ дамой, вступитъ въ такой неприличнѣйшій соседнѣ; но онъ можетъ успокоиться на томъ, что обычай села иныя, чѣмъ столицы. Въ столицѣ конечно не встрѣтите полновѣсныхъ затрепанныхъ въ спину—парней дѣвкамъ и дѣвокъ парнямъ, ради любви, вмѣсто комплиментовъ и томе—изъ соперничества своею силой; не встрѣтите игры съ скалкой, или палкой въ кого кого, перетягивать, въ которой угражаются подчасъ не только мужчины съ мужчинами, но и мужчины съ женщинами, и мужья съ женами, и которая имѣетъ значеніе именно соперничества силой. А какъ покажется слѣдующая, лирическая, замѣтить, пѣсня, которую я слышалъ въ Ярославской губерніи, но въ печати не встрѣчалъ:

Вдоль по лугу-лугу,

Лугу зеленому,

Тамъ ходилъ-гулялъ молодчикъ,

Молодецъ удалый;

Блещетъ-выкалываетъ

Красную дѣвицу:

Выйди—выйди дѣвица
Со мной—парнемъ побароться.
А дѣвица въ молодцу—
Парню выходила;
А дѣвица молодцу—
Парня говорила:
Не хвались молодецъ
Самъ ты собою,
Самъ ты собою—
Силою своею.
А дѣвица молодецъ—
Парня воборона, и т. д.?

Конечно историческія критиками скажутъ, что это очень неправдоподобно; за ними, пожалуй, повторить и им. Но все таки останется неопровержимымъ фактомъ, что у нашего престогаго народа соперничество въ физической силѣ и ловкости мужчины и женщины, мужа и жены составляетъ весьма естественное явленіе, которое потому никоимъ образомъ не можетъ быть названо бессмысленнымъ. Конечно, оно было таинствъ же естественнымъ, только бодѣ общими явленіемъ и въ древней Руси, послѣду тогдѣшній бытъ князей и бояръ точь въ точь походилъ на современный намъ бытъ богатыхъ мужиковъ тамъ, куда не проникло литературное образованіе ¹⁾.

¹⁾ Слѣдуетъ помнить, что прогрессъ въ народномъ быту совершается тѣмъ же порядкомъ, что и прогрессъ идей. то есть, всякій новый обычай принимается сначала не многими выдающимися личностями изъ народа, за тѣмъ концентрически постепенно распространяется на массу народа. Завоеванія его въ массѣ будутъ продолжаться и тогда, когда на верху уже будетъ оставленъ этотъ обычай и займется новымъ, который въ свою очередь совершаетъ ту же работу. Такимъ образомъ можетъ образоваться цѣлая система исторически-наслонившихся бытовъ или цивилизацій, по коимъ можно, если захотѣть, изучитъ исторію цивилизацій народа. При этомъ старѣйшихъ слоевъ нужно искать въ высшихъ классахъ народа,

Но форма явления могла быть вѣдолько иная, но обстоятельствомъ времени; тогда знали употребленіе дуна и потому могли сморить о томъ, кто неумиѣе выстрѣлить; а теперь его не знаютъ и потому пробуютъ силу и ловкость въ борбѣ. Конечно, воединокъ, устроенный пьянникъ Дунаемъ Ивановичемъ и его женой, сличникомъ рикетанъ и сумабродентъ; но вѣдолько, что сумабродства въ пьянникъ видѣ тоже составляютъ неотъемлемую черту русскаго мужика, а пожалуй, и не мужика только, но и людей повыше, какъ это доказывалось хотя бы дуна въ Биржевомъ (см. Биржевая Вѣдомости за 1870 г. № 205). Что же дѣлать, если русскій человѣкъ въ пьянникъ видѣ способенъ подчасъ расхотѣться такъ, что и удару ему не будетъ?.. «Пьянникъ по колѣно море», говоритъ русская пѣсня. Сираниваю опять, не ужели не въ русскимъ духѣ, неужели неостостваина и беднѣсслава такая завядака трагедіи?..

Перехому къ дальнѣйшимъ ступенимъ развивающагося трагедіа. Вотъ жена Дуна Ивановича стрѣляетъ и, замѣтивъ, вполнѣ удачно; но когда дашла очередь до Дуна, жена проситъ его не стрѣлять, потому что онъ нежесть нечасть въ нее и убить вѣдолько съ ней и сына, бывшаго въ ее утробѣ, изъ котораго долженъ былъ бы выдти необыкновенный богатырь. Все это тоже

новѣйшихъ—въ высшихъ; посланку чѣмъ выше классъ, тѣмъ скорѣе онъ подвергается вліанію идущихъ сверху возманъ. Въ русскомъ народѣ въ настоящую пору можно отырыть бытъ дружины Владимира, са, и вообще Кіевскаго періода, именно въ простомъ народѣ, гдѣ онъ не подвергся вліанію питерскаго и фабричнаго просвѣщенія, совершенно извращающаго нравъ народа; великорусское купечество и старовѣры сохраняютъ цѣлкомъ и въ замѣчательной чистотѣ бытъ московскаго образованнаго люда XVI и XVII вѣковъ; высше по происхожденію и образованію классы болѣе или менѣе приближаются къ европейскому типу жизни, присоединя къ нему черты то москвитизма, то еще древнѣйшія. Думаю, что подобнаго рода соображенія могутъ много помочь при объясненіи какъ прошлаго, такъ и настоящаго диваллираціи каждаго народа.

какъ мольба болѣе къ духу нашего простаго народа. Что жена Дуная Ивановича попала въ цѣль превосходно, такъ тому и слѣдовало быть, потому что деревенскимъ бабамъ не полагается быть пьяными, и онѣ действительно рѣдко бываютъ пьяны. Не менѣе естественно и то, что она стала за тѣмъ упрямивать мужа не стрѣлять, потому что видѣла, что муженѣкъ былъ сильно пьянъ, а пьяному гдѣ же понасть въ цѣль; такъ что шутки выходили плохи;—муженѣкъ могъ убить ее саму. Но она какъ истая русская баба, прекрасно понимала, что указаніемъ на опасность, угрожающую ей самой, муженька не урезонишь, а, пожалуй, рассердишь, особенно послѣ ея собственной удачи, задѣвшей, конечно, самолюбіе мужа: «врёшь-моль баба; надругаться надо мною хочешь. Чтобы я не пональ? Да я: хоть по одной половничкѣ прайду. А если бы съ тобой и случилось что нибудь, не велика бѣда,—почище найдемъ». Вотъ что могъ бы ей отвѣтить пьяный русскій муженѣкъ! Потому она попробовала затронуть его родительское чувство, а въ добавокъ внушить ему мысль о тяжести грѣха—погубить невинную душу, которая должна была вѣстѣ съ матерью оправдаться на тотъ свѣтъ, притомъ еще не крещенною. Она знала, что у русскаго мужа чадолюбія всегда было больше, чѣмъ женолюбія: правда, взрослыми дѣтямъ колотковъ не жалѣють, но молодыхъ, глухихъ, какъ говорятъ мужики, всегда жалѣють, щадятъ и даже балуютъ; хорошій сынъ притомъ составляетъ надежду и гордость отца. Отсюда иногда бабы, опасаясь колотковъ мужа, берутъ грудныхъ дѣтей на руки въ надеждѣ, что мужъ поостережется бить, чтобы не зашибить ребенка. Вѣдала жена Дуная и то, что погубить невинную душу считается у русскаго простонародья однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ грѣховъ, предъ которымъ содрогнется самый закоренѣлый злодѣй, для коего взрослога убить, что муху пришибить. Она надѣялась на успѣхъ и, конечно, не обманулась бы, если бы муженѣкъ былъ въ ту пору способенъ, хоть мало-мальски здравомысленно, рассуждать,

то есть, если бы онъ не былъ такъ пьянъ. Въ дебеломъ онъ и не повѣрилъ женѣ, можетъ быть не замѣчая признаковъ ея безраменности. А самолюбіе-то его было сильно задѣто; чтобы за женой остался верхъ,—это для русскаго мужа невыносимо. Потому Дунай Ивановичъ заставилъ жену стать на мѣсто съ колышцемъ на головѣ, выстрѣдилъ, и, какъ пьяный человѣкъ, угодилъ ей въ самое сердце. Это ли еще не русскія черты?...

Не безпричинно было и «непостижимое варварство» — разрѣзаніе Дунаемъ Ивановичемъ живота убитой жены. Когда онъ вспомнилъ слова жены, ему нужно было узнать, какъ велико его несчастье? удостовѣриться, правду говорила жена или лгала? А какимъ путемъ онъ могъ это сдѣлать, какъ не разрѣзавши животъ убитой? Онъ разрѣзалъ и узналъ, что жена говорила правду, что онъ погубилъ «невинную душу и потерялъ необыкновеннаго сына, какаго уже не найти, хотя бы онъ и нашелъ себѣ новую жену. Какимъ же образомъ г. Стасовъ хочетъ, чтобы Дунай Ивановичъ тутъ обрадовался? Напротивъ тутъ-то и должно было обнаружиться всеокрушающее дѣйствіе народныхъ понятій, которое и вызвало трагическій исходъ драмы. Узнавъ странную правду, Дунай не могъ вынести овладѣвшаго имъ отчаянія и умертвилъ себя. Это ли не естественная развязка трагическаго дѣйствія? Это ли не въ русскомъ духѣ? Ко всему этому можно прибавить и то, что всеъ указанные нами мотивы высказаны въ самыхъ былинахъ, (напр. Бир. III, 55—58); но какимъ образомъ не замѣтилъ ихъ г. Стасовъ, и ума не приложу. По всему видно, онъ отличается завидною способностію не замѣчать того, что противорѣчатъ составленнымъ заранее понятіямъ.

Что послѣ этого сказать о самой былинѣ? Да то, что она не только не есть необъяснимая смѣсь грубости, нечеловѣчности и чудовищности, напротивъ это—одна изъ наиболѣе мотивированныхъ національными чертами русскихъ былинъ, такъ что, благодаря этому мотивированію, въ ней болѣе, чѣмъ въ другихъ

былинахъ, открыта первоначальная космоическая основа²⁾. Я даже думаю, что она пришла болыпій, чѣмъ многія другія былины, періодъ развитія, когда она явилась въ той формѣ, въ какой мы ее знаемъ, почему и древнѣе многихъ былинъ. Поэтому ей возможно было сохранить болѣе древнія черты жизни русскаго народа, напр. память о Дунаѣ; на которомъ первоначально жили русскіе славяне и съ котораго пришли они на Днѣпръ.

Странными подчасъ вынутся и вопросы г. Стасова, почему и откуда то и другое явилось въ русскихъ былинахъ? откуда напр. взятъ баллонъ въ былинѣ о Добрынь? почему Иванъ Дубровичъ, выбѣжавъ на дворъ на помощь Добрынь, сражается схваченной имъ осязъ тѣлешной, и т. п.? Должно быть г. Стасовъ забылъ, что древніе наши князья лѣтомъ любилъ сидѣть съ дружиной на стѣнѣхъ, (нѣтъ въ родѣ баллона или открытой галлерей), что баллоны и теперь любятъ строить богатые мужики и купцы, чтобы любоваться съ нихъ на улицу или въ садъ. А того, что на мужицкомъ дворѣ желаннѣе найти оружіе можетъ попасться подъ руку кромья ось тѣлешная, г. Стасовъ конечно и вовсе не знаетъ. Если бы онъ зналъ, конечно не удивился бы этому обстоятельству. Можно ли послѣ этого, спрашивая, вѣрить г. Стасову на слово, когда онъ говоритъ о бестолковости и несообразности ни съ чѣмъ, или о плохомъ мотивированіи всѣхъ русскихъ былинъ?

Я надѣюсь доказать, что не болыше вѣры заслуживаютъ и тогда его объ изумительномъ будто бы сходствѣ русскихъ былинъ съ восточными пересказами, о присутствіи въ нихъ характерныхъ восточныхъ чертъ и абсолютномъ отсутствіи чертъ русской жизни,

²⁾ Первоначально, сколько можно догадываться, былина о Дунаѣ Иванчѣ была конденсатомъ мифа о насильственномъ сочетаніи бракомъ божества небеснаго огня съ облачною Дѣвою, объ опьяненіи его дождемъ, какъ небеснымъ виномъ, о превращеніи тучъ—самаго героя въ дождь; проливающійся на землю, который уподоблялся крови небесныхъ существъ.

вследствие чего онъ признаеть тождественность ихъ съ восточными рассказами. Притомъ здѣсь я могу опереться и на общепринятые научныя истины.

При какихъ условіяхъ мы можемъ сказать, что два предмета, видѣнные нами въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, составляютъ одинъ и тотъ же предметъ? Если мы замѣчаемъ въ обоихъ предметахъ такое сходство (или одинаковость чертъ), какое не встрѣчается въ наиболѣе близкихъ другъ къ другу предметахъ, а въ добавокъ знаемъ, какъ предметъ явился на новомъ мѣстѣ и въ новыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и какъ произошли тѣ или другія измѣненія въ немъ, или по крайней мѣрѣ, можемъ путемъ аналогій объяснить, какъ произошли измѣненія въ предметѣ и внѣшнихъ условіяхъ его существованія. Это законъ логики. А вотъ и другой законъ, столько же логики, сколько вообще законъ природы: при всѣхъ измѣненіяхъ предмета, принадлежности его, разнаго характера, не превратятся другъ въ друга, напр. вещества не измѣняются въ дѣйствія и наоборотъ и т. п. Следовательно если въ сравняваемыхъ предметахъ замѣтимъ измѣненія этого рода, о тождествѣ ихъ тогда не можетъ быть и рѣчи, и прибѣгать къ аналогіи для объясненія мнимыхъ измѣненій излишне. Но и понятіе сходства, одинаковости требуетъ нѣкотораго разъясненія; поелику существенно его допускается на практикѣ сличеніемъ много противоположн., столь противнаго наукѣ, такъ что гдѣ одинъ находитъ большое сходство, тамъ другой говоритъ о различіи: гдѣ г. Спассовъ видѣть подчасъ необыкновенное сходство русской бѣлины съ восточными рассказами, мнѣ приходилось только удивляться свирепости его фантазіи. О сходствѣ нужно сказать, что оно необходимо предполагаетъ нѣчто общее въ предметахъ, производящихъ: потому на мысль одинаковое впечатлѣніе; но замечать наоборотъ было бы большою ошибкой, что неравно забываетъ. Сходными предметы будутъ лишь тогда, когда въ нихъ будетъ общій то,

что составляет природу или личность ихъ. Другія же черты общія обонимъ предметамъ, но или слишкомъ распространены въ мирѣ Божьемъ, или случайны въ сравниваемыхъ предметахъ не создаютъ представленія сходства. Забывающіи это правило рискуютъ отрывать сходство между укусомъ и колесомъ: медвѣдемъ и пятиалтыннымъ и т. п. Вѣдь есть же нѣчто общее въ этихъ предметахъ.

Приложимъ эти законы къ словеснымъ произведеніямъ, составляющимъ несомнѣнно отраженіе существующаго въ природѣ или въ сознаніи человѣка. Когда два сказанія ны должны признаны однимъ и тѣмъ же сказаніемъ, только перешедшимъ изъ одну точку и подвергшимся неизбѣжнымъ при этомъ измѣненіямъ? Очевидно въ томъ лишь случаѣ, если замѣтимъ въ нихъ такое сходство чертъ (въ томъ числѣ всѣхъ существенныхъ), которое не можетъ произойти само собою при одинаковыхъ условіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ показать исторически или объяснить а priori, какъ произошли замѣченныя въ этихъ двухъ формахъ одного и того же сказанія перемѣны. Въ сюжетѣ сказанія должны оставаться однѣ и тѣ же дѣйствія, одна завязка и одна развязка; даже въ словесномъ выраженіи должно бы оставаться значительное сходство. Конечно, народные сказанія въ передачѣ заимствованнаго не могутъ соперничать съ литературными произведеніями, а потому уклоненія отъ оригинала въ заимствованіи неизбежны, особенно въ развитіи сюжета и слововыраженія, но могутъ ли они уклониться при этомъ отъ законовъ логики? Можетъ ли существо одного рода явиться въ другомъ сказаніи предметомъ совершенно различнымъ, напр. человѣкъ звѣремъ, или хоть бы даже нарскій сынъ каменной переходимъ? Тѣмъ болѣе, можетъ ли предметъ явиться свойствомъ или дѣйствиемъ? Гдѣ же тутъ истинное сходство, а не то, какое находится между укусомъ и колесомъ? И на какомъ основаніи народъ, при заимствованіи сказаній, проважаетъ бы подобную несообразную съ законами здравой

логики замѣну? развѣ на томъ, что онъ глупѣе-моще сильнее. Но по какому праву мы станемъ приписывать народу тупость?

Выше я указывалъ только одинъ случай, когда въ народныхъ сказаніяхъ разнородные предметы замѣняются или подмѣняютъ другъ друга, — именно когда въ сказаніяхъ названія однихъ предметовъ случайно замѣняются сходными съ ними по звукамъ названіями другихъ предметовъ, напр. вмѣсто расы — росы является раса — одежда, или вмѣсто лисуна — лизунъ. Подмѣна предметовъ, обыкновенно, послѣ нѣкотораго періода броженія, слѣдуетъ за подмѣной названій. Не во всякомъ подобномъ случаѣ нужно имѣть въ виду коренныя космическія явленія, — допускають ли онѣ такую подмѣну предметовъ другими? требуютъ ли онѣ ея? Если же на это не обращено вниманія, то указаніе сходства между разнородными предметами въ баснословныхъ сказаніяхъ обращается въ остроумную игру въ сближенія, куда серьезная наука слѣдовать за состязавшимся въ этой игрѣ не можетъ, гдѣ рѣшается слово «кажется»; — одному напр. муха кажется похожей на пѣтуха, а другому не кажется. А если при этомъ еще забываютъ указанный выше законъ сходства, ищутъ въ сближеніи одной или нѣсколькихъ случайныхъ чертъ предметовъ, или, пусть будетъ, и постоянныхъ, но такихъ общихъ, что по нимъ можно сближать самыя разнородныя вещи, — тамъ окончательно водворяется господство произвола, а наука нѣтъ мѣста. Итакъ если не въ слововыраженіи сравниваемыхъ баснословныхъ сказаній, то хоть въ сюжетѣ и развитіи его должно быть полное сходство, безъ уклоненія отъ законовъ здравой логики, основанное на общности всѣхъ существенныхъ, характерныхъ чертъ предметовъ; притомъ такое сходство, которое не могло произойти само собою при одинаковыхъ условіяхъ, — то есть, національное сходство, а не общечеловѣческое.

Мы имѣли бы полное право строжайшимъ образомъ настаивать на этихъ условіяхъ, послѣду г. Стасовъ отказывается отъ

историческими вымыслами, да и широкими объясненіи пережить, происшедших из восточных сказаній при перенесеніи его на русскую почву, не даятъ. Нельзя же считать за объясненія голо-словами: сказы: это, очевидно, старѣйшій мотивъ; а это позднѣйшій и т. д., или нагърныи, опровернутыи уже нами положенія: все старѣйшее лучше, чюдѣе и т. д. Одно только объясненіе оны часто повторяеть: не православному закону нельзя имѣть двухъ жонъ; потому—наль гдѣ русскій чоловікъ въ туркскіи сказаніяхъ встрѣчалъ двухъ жонъ одного богатыря, всегда стараяся склонять двѣ личности въ одну. Но г. Стасовъ забылъ, что русскій народъ кромя законныхъ жонъ знаетъ еще любовницъ, поэтому при переводѣ ихъ восточныхъ сказаній на свои нравы, оны рѣзультатно не имѣлъ необходимости двѣ личности безъ толку сливать въ одну, а могъ преспокойно оставить ихъ обѣ. При томъ это объясненіе не можетъ же имѣть универсальнаго значенія для всѣхъ многоразличныхъ отличій русскихъ былинъ отъ восточныхъ сказаній. Привычки здѣсь, съ какою строгостію оны отнесся къ предполагаемому сходству содержанія былинъ съ чертами древне-русской жизни; потребовалъ же оны отъ былинъ, чтобы въ нихъ было все, что только знаетъ оны, г. Стасовъ, о древне-русской жизни! (А чего не знаетъ г. Стасовъ, то должно быть въ былинахъ, или могло и не быть?) Что было бы съ его теоріи, если бы въ ней отнестись съ такою же строгостію? Если бы напр. рассказы, приведенные имъ доказываи сходства, раздѣлить и сравнить по предложеніямъ, много ли между послѣдними оказалось бы сходства? И не что бы тогда обратилось признанное сходство самымъ рассказомъ? Г. Стасовъ, видно, хорошо понялъ всю опасность такого строгого отношенія къ его теоріи, если столь шумнымъ заручиться слѣдующими рѣчами: «Вопросъ какому бы то ни было сходству, мы не можемъ ни въ тѣхъ, ни въ другихъ (былинахъ) упавать прямо непосредственнаго заимствованія (и въ особенностъ заимствованія письменнаго, книжнаго);

никого поносного полати; оставшаяся 3-ья оловя (въ обложкѣ 10-ть) совершенно различны. «Велень мнѣ» уже конечно не то, что «снаружи помар»; и «страданій мнѣ» не то, что «внутри навозъ». Это ли называется сходствомъ?

Припомнимъ событіе въ страдальцѣ Дунай Иванича съ его женой, — событіе правда трагическое, но ничуть не сверхъестественное. Ужился же г. Стасовъ: увидѣвъ на немъ сходство съ страшнымъ божь Дивовъ (свѣтлицъ божествъ) *застому толкае, что и съ этимъ болъ, какъ съ сосмываніи Дунай съ женой, упоминается отирала* (единственная общія черта). Имя: вса былина о Дунай у него обращается въ слѣдующій рассказъ: «У мудреца — отшельника Вхригу была возлюбленная супруга Пулома. Она однажды забеременѣла. Вотъ разъ, когда мущъ он вышелъ изъ дому для священнымъ омовеній, — Ракшатъ (демонъ) Пуломанъ явился у дверей: ихъ смѣла, и, увидавъ Пулому, влюбился въ нее до безумія. „Она принадлежитъ мнѣ!“ — сказалъ онъ, полный желаній похитить ее, и туръ вдругъ вопоннать, что онъ свѣтало за носъ раньше Вхригу, но отъоъ ея видѣлъ ее за Вхригу. Это оскорбленіе на вѣкъ осталось въ его сердцѣ. Онъ спросилъ у Агни (бога огня): то что ли это прекия его невѣста; тотъ отвѣчалъ, что да. Тогда Пуломанъ превратился въ кабана, и съ быстротой вѣтра умсъ Пулому: Барсочная мать пришла отъ этого въ такое погоденіе, что зародышъ выпалъ у нея изъ чрева, и ему: далъ поэтому имя: Чирпана, т. е. „выпавшій“. Увидавъ это, демонъ сбросилъ свою добычу, и селъ палъ, превращенный въ пелюкъ. Между тѣмъ красавица Пулома подняла свой зародышъ и, въ отпавшіи и ронъ въ слезахъ, пошла домой. Гдѣ она прошла, тамъ каша: ея слезъ превращалась въ рѣку, которая протекла отъ того мѣста къ свѣту ея муча. Увидавъ эту рѣку, Вракша назвалъ ее „рѣкою мори“. Уманъ все дѣло, Вхригу прогналъ Агни, и огонь нисель онъ нира. Но такъ какъ отъ этого происходилъ неизвѣрный вредъ всѣмъ

существовать, во Брахма, но как просит, велит Агни снова вернуться к его деятельности!»).

Что же, спрашивается, общего между былинной и этикой рассказов? Только пронахождение рѣки отъ героини, да неизменно недоноска, существа огненной природы, да голый фактъ смерти различныхъ изъ току же лица, послику Дуная—существо доброй природы, а не Радивать и т. и. На довольно большіе рассказы этикъ трехъ фактовъ, не думаю, чтобы этого достаточно было для признанія тождественности ихъ. Приложъ эти единичные случаи представляють изображение стихійнаго дѣятельн божества, почему они и не имѣють въ себѣ ничего національнаго, а составляютъ общечеловѣческое достояніе. Несравненно большая часть фактовъ и въ томъ числѣ эти, несомнѣе печать національнаго мотивированія, совершенно различны въ обонхъ рассказахъ. Могъ предшествовавшая разборъ мотивовъ трагической смерти Дуная, эту мысль нѣтъ, я думаю, трудно развѣивать подробно.

Кому неизвестно рассказъ былинный о злобѣ богатырей на Русѣ. Содержаніе его вкраткѣ слѣдующее: Витязи однажды расчленили своей силой и вызвали на бой силу небесную. Вдругъ, откуда ни возмись, являютъ два человека и идутъ на великой божѣ. Вростаю одинъ богатырь, одинъ, вназломъ меча перерубаетъ ихъ на пемъ, но все двужъ атаковатъ четверо и все живы; на великой божѣ идутъ. Вростаю другой богатырь, перерубаетъ четверыхъ; но изъ четверныхъ дѣлается восемь противниковъ. Наконецъ все богатыри вступаютъ въ бой, рубятъ, бьютъ; но вражеская сила все растетъ да растетъ, все на великой божѣ идетъ. «Иапутались мочуце витязи, побѣдали въ каменныхъ горцъ, въ темныхъ пещерѣ: какъ подбѣжить великаго въ верѣ, такъ и окаянѣеть, какъ подбѣжить другой, такъ и окаянѣеть; какъ подбѣжить третій, такъ и окаянѣеть. Съ тѣмъ

() Peuche, Le Mahabharata, I, 94—101.

номъ г. Стасовъ дѣлаетъ страшныя обвиненія. Отъ напримѣръ видѣть большое сходство между царемъ — Баномъ, братомъ Кришины, и скискономъ — звѣремъ (левомъ) былинны о Добрынь; на томъ только основаніи, что при рожденіи герол одинъ приближался, другой *пробивался*, то есть, на основаніи чисто случайной черты. Велика ли такое открытое г. Стасовичъ сходство между отпущеніемъ Кришиной въ ямскія груди злой Нутамы и казнь, учиненной Добрыней надъ Мариной, которая (казнь) правда касалась между прочимъ и грудой Маринки, но совершалась исключительно при иныхъ условіяхъ, чѣмъ дѣйствіе Кришины? Или сходство между Баномомъ былинны и жонк въ театрѣ мидийскаго сказанія — предвѣтами, какъ видите, слишкомъ разнохарактерными? Тоже можно сказать и о войнѣ другихъ былинныхъ и ихъ восточныхъ пересказахъ. На какое число предложеній, заключающихъ общія черты сказаній космогическія, общечеловѣческія потому черты, несравненно большее количество ихъ говоритъ совершенно о различныхъ вещахъ, при чемъ являюся мотивы-то и называются различныя, смотря по націи, среди которой сказанія являются. Не странно ли при подобныя условія слышать самоуверенную рѣчь о самостоятельномъ до сходствѣ русскихъ и восточныхъ сказаній даже въ подробностяхъ? Неужели подумаемъ: надобно бы и честь знать въ провинціи необузданнаго прелеваго фантазіи. Вадъ Стасовичи пріемани можно доказать большее сходство въ чемъ угодно, — хоть между моею настоящей статьёй и его сочиненіемъ.

Столько же произвола, а поучась и незначія русской исторіи, обнаруживаютъ толки г. Стасова о томъ, что русскія былины сообщаютъ намъ черты восточной; преимущественно тюркской жизни, но не чужь по русской. Переберемъ все эти обвиненія на наши былины, сравнимъ сообщаемыя въ былинкахъ черты жизни съ тѣмъ, что извѣстно о русской жизни — древней и новой по достовѣрнымъ источникамъ, и посмотримъ, немыслимъ ли будетъ

открыть въ нихъ русскія черты, съ которыми инны восточныя, въ томъ числѣ и тюркскія, особенности быта могутъ сходиться, въ силу сходства гражданственности народовъ. Но чтобы кого-нибудь не соблазнили эти національныя черты, я опять повторю свое мнѣніе о національномъ элементѣ въ баснословіи. Основное въ баснословіи—изображеніе космической жизни божества—есть общечеловѣческое произведеніе, или лучше созданіе всѣхъ народовъ, достигшихъ той степени культуры, на коей начинается баснословная творческая дѣятельность человѣка. Частныя черты вольей-невольей отражаютъ на себѣ національный элементъ. Положимъ, баснословныя городъ и цѣрь—общечеловѣческое созданіе, но имя города, по его устройству, по придворнымъ отношеніямъ, по устройству монархіи necessarily носятъ большій или меньшій отпечатокъ національности. Богатыри (божества атмосферы), летающіе на своихъ коныхъ (вѣтрѣ, а иногда и солнцѣ) по горахъ—тучамъ, побивающіе враждебную силу демоновъ—тучъ и тьмы, жонящіяся на облачныхъ дѣвахъ и т. п.—общечеловѣческое созданіе, на личностяхъ же и характерахъ ихъ, на особенностяхъ боя и т. п., должны болѣе или менѣе отразиться и національный элементъ. И потому ни одно баснословіе никогда не рассказывало о дѣйствительно бывшихъ историческихъ лицахъ или о дѣйствительныхъ событіяхъ. Еслибы напр. и существовали когда либо историческіе Вейнаусъ Кобадовичъ и Рустенъ, Бринну и Рама, Гессеръ-ханъ, или Джангоръ съ Хонгаромъ Краснымъ; ихъ жизнь, конечно, была бы весьма различна отъ той, какая рассказывается въ поэмѣ. Но въ тоже время, въ каждомъ развитомъ народномъ баснословіи, мы встрѣчаемъ рядъ чертъ, которыя могутъ болѣе или менѣе характеризовать образъ жизни вообще царей персидскихъ, индійскихъ и т. д., но только болѣе или менѣе, а не эпосанъ, прикомъ въ строгой соразимрности съ количествомъ времени, протекшимъ отъ начала баснословнаго творчества. Это весьма важный фактъ. Онъ объясняетъ, почему у одного народа

национальныя черты въ баснословіи такихъ инокромельны, что приходится вѣсму баснословію национальнѣе обличіе и характеръ, тогда какъ у другаго народа общечеловѣческой остроты только что начинаютъ обростать нѣкоторыя национальныя черты, такъ что можно отличить ключки послѣднихъ отъ общечеловѣческаго элемента. Мы даже знаемъ, что по степени обростающа общечеловѣческой основы народныхъ чертъ можно было бы судить о степени цивилизаціи народа; и наоборотъ, если знаемъ изъ книгъ историковъ ходъ развитія народной жизни, можно было бы замечать, когда произошла та или другая форма народнаго баснословія. На прилагаемъ къ разбору взглядахъ г. Стасова:

Слѣдуя за г. Стасовымъ прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ о значеніи былинны и объ отношеніи ихъ къ сказкамъ. Г. Стасовъ не придаетъ значенія необходимому отвѣту на этотъ вопросъ: сказаніе—оплакиваніе, истинны были. И.я. придаетъ ему не-большое значеніе. Дѣйствительно сказаніе и былинны по коренному составу—одно и то же. Онѣ и были, и великую оригинальную изображаютъ космическія дѣянія божества, и складка—именно, поелому коренной составъ ихъ равно не историченъ, т.е. съ, не изображаетъ никакихъ опредѣленныхъ, исторически вѣрнѣе событий. Народное сказаніе, какъ и впрочемъ въ народномъ баснословіи, обилуетъ своими метафорами главными образами общечеловѣческаго слова—быль, а также присутствію въ былинныхъ историческіихъ и географическихъ названій, переданныхъ ему отъ предковъ и козому придающихъ сказаніямъ колоритъ достоверности, индивидуальности, какъ это очевидно въ сказкахъ. Но это само называють, что и слышать былинны съ сказками, какъ дѣлаетъ г. Стасовъ, нельзя. Въ первыхъ есть историческая вѣрность, благодаря большому или менѣшему вынесенію въ нихъ историческихъ чертъ; въ послѣднихъ же этого не существуетъ. Но и такъ же сведеніе баснословія съ неба на землю и приуроченіе его къ опредѣленной мѣстности и историческимъ лицамъ составляетъ козмовидный про-

идею въ развитіи баснословія, то я и нахожу вѣрными житіи тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ былинны (то есть известную намъ форму ихъ) подлинными сравнительно съ сказками созданными народнаго творчества. Я думаю, что и коренной составъ сказки и былинъ *значительно* подтверждаетъ эту мысль: въ сказкахъ — зооформизмъ, въ былинахъ антропоморфизмъ; въ сказкахъ преимущественно разсказывается о *олицетв. личности*; въ былинахъ — о божествѣ атмосферы, первообразѣ Зевса или Перуна громовержца.

Я вѣрю г. Сгасеу и въ томъ, что наши былинны въ коренной основѣ никакихъ действительныхъ былій, — космологическихъ былій, добавивъ отъ себя, — не заключаютъ, тонно также какъ не заключаютъ въ коренной основѣ историческихъ былій ни Магабарата и Ромашина Индусовъ, ни Цак-чанъ Нерсовъ, тѣмъ болѣе «Гессеръ-Ханъ», или Джангаріада. Но въ то же время знаю, что и въ нихъ заключаютъ настоящую быль — космо-человѣческую, послѣднюю она содержитъ въ себѣ изображеніе того, что человекъ заставлялъ выносе себя въ надземномъ мірѣ и что она считала проявленіемъ жизнедѣятельности божества. А такъ какъ стремленіе къ истинѣ есть общее стремленіе во всехъ народахъ, мысленныхъ притомъ по одинаковымъ законамъ логики, то и баснословныя сказанія разныхъ народовъ въ коренномъ составѣ своемъ, несмотря на ближайшее сходство его въ баснословіи разныхъ народовъ, не будутъ специально ни русскія, ни индійскія, ни вообще арийскія, или, лучше, омианово будутъ и русскія, и тюркскія и т. д. Съ другой стороны не маловажное дѣло — тѣло общечеловѣческаго скелета, послѣднюю оно оплотнѣваетъ на себѣ національныя черты и тѣмъ придаетъ баснословнымъ сказаніямъ народнаго характера бѣды, видимость действительности, но зачатки не въ одинаковой степени, а именно у однихъ народовъ. (напр. у русскія) скелетъ чуть-чуть покрытъ кожей; такъ что можно пересчитать всѣ составныя

костями; такъ что національный элементъ на немъ является клочками, не дающими яснаго облика. У другихъ же, достигшихъ высшаго развитія гражданственности на естественно религіозной почвѣ (у Индусовъ, Персовъ, Грековъ, Тибетцевъ) при участіи личныхъ пороковъ, склетъ обросъ такимъ роскошнымъ, своеобразнымъ тѣломъ, которое заставляетъ совершенно забыть о скелетѣ и сосредоточиваетъ всю нашу мысль на одномъ только этомъ тѣлѣ.

Далѣе г. Стасовъ говоритъ, что «напрасно отыскивать въ богатыряхъ, главныхъ дѣйствующихъ лицахъ нашихъ былинъ, слѣды и характеристику тѣхъ личностей, чьи имена они носятъ в исторіи намъ извѣстны изъ историческихъ нашихъ памятниковъ»; мало того, даже «нельзя признавать героев нашихъ былинъ индивидуальными и сообразно-заключенными типами». И то и другое совершенно вѣрно, даже если бы г. Стасовъ не упоминалъ, что на востокѣ то, что у насъ приписывается одному, говорится о разныхъ лицахъ. Перваго русское баснословіе не могло осуществить, какъ и всякое баснословіе; но и до втораго оно еще не могло доразвиться по историческимъ обстоятельствамъ. Какъ характерную особенность исторіи русскаго народа, принужденнаго всегда слѣшать и подвергаться вліянію высшей цивилизаціи, прежде чѣмъ онъ успѣлъ вполне войти во вкусъ низшей, укажемъ на то обстоятельство, что въ его баснословіи созданіе божественныхъ лицъ оказалось одновременнымъ съ созданіемъ сословныхъ человѣческихъ типовъ. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Дунай и т. д. въ основѣ своей не что иное, какъ варианты одной божественной личности тучегонца и громовержца. Изъ нихъ и должны были бы создаться индивидуальныя, божественныя типы, слабые штрихи которыхъ замѣтны въ похвальбѣ богатырей—кого удалствомъ въ борьбѣ, кого умѣньемъ стрѣлять изъ лука, или силою, или ухваткой богатырскою, или саблей вострою, или конемъ, или зо-

лотомъ и серебромъ, скатнымъ жемчугомъ. Но этого не случилось: — богатыйрей по ихъ подвигамъ и по характеру трудно отличить другъ отъ друга; а вмѣсто того замѣчаемъ попытку создать сословные типы, князя—боярина наученнаго грамотѣ, отлучающагося вмѣствомъ; умѣемъ слово молвить, передъ чужимъ царемъ поклониться,—поповича, у котораго глаза завидушіе, а руки затребушія,—дьяка, съ его повольсннмъ умѣемъ и ловкостью и съ дивными полями, простолюдина—простодушнаго непобѣдимаго елчача и т. п. Такой именно смыслъ имѣютъ слова и названія, существующія въ былинкахъ, но стояція въ разладѣ съ дѣйствіями, описываемыми въ нихъ. Попытка впрочемъ не достигла своей цѣли, потому что народное творчество было установлено въ своемъ развитіи, иначе—перешло изъ рукъ высшаго образованнаго класса въ руки впаднаго въ состояніе застоя простонародья, которое, естественно, обо всемъ судило по своимъ понятіямъ и обычаямъ. Но изъ самой попытки мы можемъ, думаю, вывести кой-какія заключенія о времени, когда образовалась теперешняя форма былинки; по моему мнѣнію она явилась въ ту пору, когда сословные типы уже создались, но была еще возможность перехода изъ низшихъ сословій въ высшее. Эта же пора совпадаетъ съ концомъ Кіевского періода Русм. и началомъ Московскаго.

Я согласенъ съ г. Стасовымъ и въ томъ, что географическія названія нашихъ былинъ не могутъ имѣть приписываемаго имъ значенія, такъ что, если переимѣнить мѣста рожденій богатыйрей, былинки нисколько не потерпятъ ущерба, и что отъ нихъ нельзя заключать о мѣстѣ, отсюда пошла та и другая былина. Но нахожу, что и Забулстанъ Шахъ-Нахъ, родина Рустана, и Шарра-Алтай или Шарту-Далай Дшангаріады, и Матхура, гдѣ царствовалъ Канза, и т. п. не обозначаютъ чего либо Забулстанскаго, Шарра-Алтайскаго, Шарту-Далайскаго, Матхурскаго и т. п. и не даютъ повода заключать о мѣстѣ, отсюда пошли сказы.

этих, где они упоминаются. Если бы напр. Русою помѣнили не въ Себудистанѣ, а въ Сивстанѣ, Фаронстанѣ, Хорасанѣ, Кабулѣ или даже Биверіанѣ, разсказать происхожденіе бы не пострадало, потому что въ Русомѣ нѣтъ ничего мѣстно-себудистанскаго. Даже въ Азразіахъ, царѣ Тураноманъ, Сограбѣ и его войска нѣтъ ничего туранскаго или тюркенскаго; кроме вранья въ Иранцанѣ. Такова ужъ видно судьба всѣхъ баснословныхъ сказаній, что они, по видимому, кажутся опредѣленной странѣ и опредѣленный городъ, но на самомъ дѣлѣ изображаютъ нѣчто такое, что ни въ чьему дѣйствительному не пришло ни. Стасювъ возражаетъ, что упоминаніе горъ въ русскихъ басняхъ несомненно, тогда какъ оно вполне чуждо въ индійскихъ, и персидскихъ поэмахъ, въ чѣсныхъ африскійхъ племенахъ и т. д. Но развѣ въ Каронойской Россіи нѣтъ горъ? отвѣчу ему. Если бы къ нему, откуда бы у русскаго народа вышло само слово гора? Маленькія, наши горы маленькія; но развѣ г. Сзадовъ не знаетъ, что впечатлѣніе, получаемое людьми отъ горъ, зависитъ несомнѣно отъ абсолютной высоты ихъ, сколько отъ контраста ихъ съ окружающею мѣстностію. На равнинѣ и маленькая гора кажется огромной, въ гористыхъ же мѣстностяхъ: и большія горы кажутся холмами. Поэтому русскій народъ также могъ назвать горы Алаунскіе или Кіевскіе холмы, какъ турки—Алтай, Тянь-шань и т. п. Припомнимъ, что немалый Уральскій хребтъ русскій народъ называлъ холмамъ земли, чѣмъ не непроходимымъ, такъ что русскіе книжники за Ураломъ помѣстили 10 аварскіхъ племенъ, которые рубятъ гору, чтобы пройти въ и выйти на Волгѣ свѣтъ. Впрочемъ, правду говоря, горы русскія были такъ малы русскія горы—киевскія или алаунскія, какъ и горы тюркскія расказовъ—средне-азіатскія и т. п. И такъ и дѣлать горы не земля, а небеса, — тучи или самое небо. Въ продолженіе же возможнаго мѣстности событій, разсказываемыхъ въ русскихъ былинахъ, условила русскія черты, по сѣтъ, она несетъ

русских имен, иногда даже съ характерными прозвищами, напр. Красна-Галичъ, Залбъе; при томъ былины не упускаютъ ихъ, не смотря на то, что подобныя имена приведено съ разныхъ копий древней Руси довольно много. И то уже много для царедного баснословья. Я даже находилъ бы вѣроятно и отсюда сдѣлать догадку: если не о всѣхъ повѣстанъ былинъ (въротъ упоминаетъ о Залбѣе вѣрно: смѣлъ только въ Придѣпровѣ), то о временахъ происхожденія ихъ. Упомянутыя въ нихъ имена — почти исключительно названія древне-русскихъ областей; а что всего замѣчательнѣе — имя это упоминаетъ о Красна-Галичѣ; о которомъ въ періодъ московскій упоминаютъ только разнѣ замѣтные писатели, любивши старыя вѣстости, посланку епископа Галита съ сѣверной Русью подѣлъ Казанска Великаго истребленнаго совершенно. Не доказываютъ ли это, что настоящее слово (былинны) получило именно въ концѣ кievскаго періода и до развѣтвѣ Московскаго вѣстия?

Согласенъ я и съ тѣмъ, что князь Владимиръ князь былинны: не есть опредѣленная личность, въ походѣмъ. Моторой специализируется права, обязанности и отвлеченныя древнѣе русскѣе князи этого имени. (Впрочемъ второго Владимира?) Иначе и быть не могло въ народномъ баснословьи. Но буду спорить противъ сужд. Стасова надъ Владимиромъ былинны, буду кривыми качествами его оказываются: немѣрная трусость и чудовищныя дѣйствія: самъ же собой. Наконецъ вовсе не могу согласиться съ тѣмъ, любн. въ книгѣ Владимірова двора не было никакъ русскихъ чертъ. Владимиръ былинны не найдетъ въ т. Стасовѣ справедливаго суда. Владимиръ показывается интра снани ужаса, не параднѣ со всѣми своимъ богатствами, зрѣтъ едвою Ильѣ Муромца (имя былинны обь Ильѣ Муромцѣ). Владимиръ не бездѣятельнѣе и голоной, потому что кончаннѣ въ камыкѣ алдаакѣ съ богатырями и женой, не всѣхъ признавъ тупоумнѣ, а только приложеннѣ русской московнѣ: умъ смущеннѣ, а для

лучше. Манроты въ война часто его дума или чувство даютъ толчекъ, даже завязку былинъ (см. былинны объ Иванѣ—Гостыинномъ сынѣ, о Дунаѣ, о Ставрѣ, Соловьѣ Будимировачѣ и т. д.). Но то правда, что онъ никакихъ подвиговъ не дѣлаетъ, съ врагами не сражается, а сидитъ почти безвыѣздно въ Києѣ, вербуетъ богатырей, завернувшихъ въ Києвъ, къ себѣ на службу, посылаетъ ихъ на подвиги; нерѣдко предварительно посоветовавшись съ ними же, да устраняетъ для нихъ яры. Не блестящая дѣятельность, но и не позорная, какъ хотеть непрекѣнно представлять г. Стасовъ, а главное—напоминающая намъ кое-чѣмъ дѣятельныя черты древне-русской жизни.

Древне-русскіе князья дѣйствительно принимали къ себѣ на службу крѣпкихъ изъ разныхъ странъ дружинниковъ; при чемъ послѣдней черты, (изъ разныхъ странъ) въ восточныхъ разсказахъ не встрѣчается; нѣтъ такъ и очень важнаго въ былинкахъ и въ древне-русской жизни вопроса о мѣстѣ новому богатырю, равно какъ и саманъ по извѣстеству.

Историческая русская черта и то, что не только князь, но и княгиня, и богатыри имѣютъ свои дружины, а при томъ не только свои дружины или дѣверы, а не подкомандные только отряды войскъ, какъ въ восточныхъ разсказахъ. А что въ счетъ богатырей русскія былинны не представляютъ важныхъ особенностей противъ восточныхъ разсказовъ, такъ и этому есть разныя причины помимо заимствованія или глузости русскаго челоука; во 1-хъ, большая часть цмѣръ имѣетъ космоическое значеніе, напр. 30 (дней въ мѣсяцѣ), 12 (мѣсяцевъ въ году) и т. д.; а во 2-хъ, какъ хотеть г. Стасовъ развѣдчи, если небыло для него основанія въ жизни русской и тюркской? Имѣя русскій народъ, во время образованія былинъ, предъ глазами тогдашняго военнаго систему Россіи, конечно данныя былинны о войскахъ не были бы похожи на тюркскія черты. Не вымышленыя же ему было не существующее, въ угоду поклонникамъ чистой сангази.

Согласно съ исторіей и именованіе князя съ дружиной (или простое сидѣніе въ одной комнатѣ); дружина была на кормѣ княжескомъ и потому обѣдала съ княземъ за однимъ столомъ. Даже о Владимірѣ святомъ извѣстно, что онъ, въ слѣдствіе ропота дружины, не хотѣвшей ѣсть деревянными ложками, былъ вынужденъ одѣлать ей серебряныя ложки ¹⁾. О томъ, какъ другой кievскій Владиміръ—Мономахъ угощалъ дружину, лучше всего разсказываетъ онъ самъ въ своемъ поученіи дѣтямъ. Другихъ случаевъ я не привожу, но ихъ многочисленности. Слѣдовательно русскими былинами было съ чего списывать, помимо восточныхъ разсказовъ..

Обычай князей совѣщаться съ дружиной былъ тоже неопредѣленной чертой древне-русскаго государственнаго строя. Былъ же такой случай, что дружина отказалась идти за княземъ въ походъ: «ты князь придумаешь это одинъ безъ насъ, а потому и дѣлай самъ, какъ знаешь». Даже лучше, умнѣйшіе и мужественнѣйшіе князья Руси, каковъ былъ Владиміръ Мономахъ, вотъ каковыя лозунги говорили съ дружиной: «Что я буду говорить,—обращается онъ къ Святополку на съѣздѣ,—когда моя и твоя дружина не согласны съ моею мнѣніемъ? Только дивлюсь я братья! Вы жалѣете крестьянскихъ коней и ихъ пашню; а вотъ... будетъ мужикъ пахать конемъ, пріѣдетъ палочникъ, ударитъ его стрѣлой и возьметъ коня, и семейство, и все имѣніе. Лошади жалъ, а самого развѣ не жалъ?» ²⁾. Что самъ Владиміръ святой не былъ въ высшей степени самостоятельнымъ вездѣ и повсюду, р. Славсовъ могъ бы узнать, хотъ въ «Исторіи Россіи» г. Соловьева. Въ борьбѣ съ братомъ онъ не могъ быть самостоятельнымъ, потому что въ эту пору онъ только что вышелъ изъ отроческаго лѣтъ. Походъ на болгаръ останавливалъ Добрыня, сказавъ Влади-

¹⁾ Лаврент. лѣтопись годъ 996-мъ годомъ.

²⁾ Ипатьев. лѣтопись годъ 1108 годомъ.

міру по осмотръ пльаниковъ: седи въ сагогахъ, а чютому каши
настъ дєвать на будукъ; мѣждѣ думше исхатъ вѣдочникотъ¹⁾.
Объ участіи, какоє принимала бояре и старши, въ принятіи хри-
стіанской вѣры, я думаю, нечего и распространяться. А двукрат-
ная переписка наказаній убійцамъ, единственно по совету оми-
ноновъ? ²⁾ Значитъ, л. Ставоиъ вѣдаетъ о Владимірѣ сѣвномъ, а
не о юж. Моложицъ и на востокѣ были у князей и дѣрой совет-
ники, но только въ Россіи советниками являюся дружинники—
воины, а не придворные чиновники, но брашаны или духовные
лица³⁾; каковоє разнѣе отразилось и въ сказаніяхъ. Дѣйстви-
на востокѣ совѣты принимались лишь до перваго капрѣза дє-
нота; въ древней же Руси даже немислима была дѣятельность
князя безъ совѣта дружинниковъ. А бояре, дружинники могли
оправдывать волю князя и дѣйствовать на него, принудительно
даже въ семейныхъ его дѣлахъ. Такъ это было съ Ярославомъ
Богемьмедомъ, княземъ Галицкимъ, котораго бояре принудили
верратить недобрую жену, а любовницу его сожгли. Между
тѣмъ это было не какой нибудь плохойкій князекъ, а одинъ
изъ мудрейшихъ и славнейшихъ князей древней Руси, о кото-
ромъ и повѣствованіе котораго цѣвель. Слова о полку Игоревѣ го-
ворять съ досторгомъ. Вотъ вамъ и разгадка мнимаго неумѣнья
Владимира Владиміровича сообразить что либо или на это нибудь рѣ-
шиться безъ дружины. Невозможность выдержать безъ дружины
(богатырей) какую бы то нибыло войну, тоже имѣла основаніе въ
древне-русской жизни, пока народонаселеніе областей не соедини-
ло своей судьбы съ нѣрѣстными княжескими семействами. Безъ
дружины и князь—обладатель всей Руси, былъ въ ту пору, без-

¹⁾ Лаврент. лѣтописъ подъ 888 годами.

²⁾ Лаврент. лѣтописъ подъ 997 годами.

³⁾ Приведенный случай съ Владиміромъ св. былъ едвали не един-
ственный въ древней Руси, а во князья вообще предпочитали вышн-
ательства духовныхъ въ чистомражданствѣ или военныхъ дѣла.

слабы. Подарить же атласы, по поводу упомянутой истории съ ложками, приписана Владимиру святому такая олова: что дала? Золото и серебро я не беру дружины, а съ дружиной беру золото и серебро, какъ дядя мой и отецъ мой делились дружиной золотомъ и серебромъ. Подобное замечаніе единично встрѣчается на востоѣ.

Наконецъ и личность князя, сдѣланнаго историкомъ въ столицѣ, по нѣкоторому малоду на бой и цѣлымащадѣ вѣдѣе себя бояръ, по нѣкоторому явленію въ древне-русской жизни. Напротивъ въ числѣ такихъ личностей были одни изъ самыхъ замѣчательныхъ князей древней Руси, которыхъ нельзя упрекнуть ни въ недостаткѣ ума, ни даже въ неумѣи. Андрей Боголюбскій въ личной храбрости и отважѣ соперника равнѣ только въ Мстиславѣ Храбрѣ: за отъѣздъ подѣ Жудинѣ, онъ заслужилъ удивленіе и похвалу отъ старшихъ бояръ отца, въ несчастной для суздальцевъ битвѣ на рѣкѣ Рутѣ онъ устраивалъ полки отца и побѣждалъ, когда все уже обратилось въ бѣгство. Но какъ только онъ сталъ во главѣ Суздальской земли и задумалъ сдѣлаться грознымъ великимъ княземъ надъ всею Русью; его ни не видѣвъ въ походахъ; суздальскими же войсками и дружинами меньшихъ князей предводять его сыновья. Тѣмъ же чертами въ слабѣйшей степени отличались Ярославъ Осмомыслъ, Всеволодъ Суздальскій, а впоследствии знаменитый Иванъ III-й. Все они свою славу основали не на блестящихъ военныхъ подвигахъ, а на государственномъ умѣ, искусной политикѣ и администраціи.

Съ другой стороны утверждать, будто въ дѣятельности всѣ восточные цари безличны и блѣдно-безхарактерны, какъ это дѣлаетъ г. Стасовъ, тоже значитъ сдѣлать слишкомъ далеко въ желаніи во что бы то ни стало доказать свою мысль. Откуда, какъ не съ востока выходилъ самое неутомимое и энергическое вооруженіе завоевателей? Древняя исторія Индіи была безпрерывной войной индусскихъ государствъ за преобладаніе. Жизнь азі-

связь вочювыхъ князьковъ также всегда была непрерывной войной, хотъ и похожей болѣе на разбой и грабешъ.

Иное дѣло—баснословныя сказанія, восточныя или русскія; въ нихъ дѣйствительно царь или князь всегда является неподвижнымъ, сиднемъ, за котораго сражаются другіе; но не потому, чтобы таковы были владѣтельныя особы въ дѣйствительности, а потому, что царь или князь баснословныхъ сказаній есть тотъ верховный Богъ и Владыка міра, который, по сказаніямъ первобытныхъ народовъ, вѣчно покоится въ высшемъ мірѣ, предоставляя управленіе землей дѣтямъ или слугамъ. Я даже думаю, что подобныя понятія о небесномъ Владыкѣ міра не остались безъ вліянія и на кейсъ земныхъ владыкъ, которые, какъ потомки божества и образы его на землѣ, должны были подражать его жизни. Участіе въ этомъ дѣлѣ естественной человѣку личности я не отрицаю, но знаю, что люди свои страстишки и своекорыстныя цѣли любятъ оправдывать разными примѣрами. Въ средніе вѣка напы, чтобы оправдать свое стремленіе превозвестись надъ императорами, ссылались же на примѣръ солнца и луны, при чемъ солнце, по какимъ-то резонамъ, выходило папой, а не императоромъ.

Богатырскія заставы на границахъ баснословнаго царства есть космическое, общечеловѣческое явленіе. И въ дѣйствительности военные сторожа могли быть у многихъ народовъ; но ужъ конечно ни одинъ народъ не имѣлъ столь законнаго права внести ихъ въ свое баснословіе, какъ русскій. Вся исторія распространенія Руси на востокъ и югъ есть, въ сущности говоря, исторія сторожевыхъ постовъ и оборонительныхъ линій. Она восходитъ до глубочайшей, доисторической древности, какъ это доказываютъ Зибевы валы подъ Киевомъ, Бѣжецкіе курганы и линія городищъ между Ростовскими и Переяславскими озерами въ средне-Суздальской землѣ, а конца и теперь не видимъ. За такою ли чертою нужно было русскому человѣку идти къ туркамъ, у ко-

ихъ притомъ, какъ у кочевыхъ племенъ, стеречь землю далеко не всегда нужно, чаще же приходится охранять отъ баранты стада.

О сословности богатырей нашихъ былинь я уже имѣлъ случай говорить, и изъ сказаннаго мною объ этомъ предметѣ, я думаю, достаточно видно, въ чемъ я соглашаюсь и въ чемъ расхожусь съ г. Стасовымъ. Я признаю, что въ былинахъ ясно очерченныхъ сословныхъ типовъ также не существуетъ, какъ нѣтъ и божественныхъ индивидуальныхъ типовъ, что наши богатыри отличаются другъ отъ друга *больше* ¹⁾ по прозванію его княземъ, бояриномъ, купцомъ, поповичемъ или крестьяниномъ, чѣмъ по приемамъ, качествамъ его и вообще условіямъ жизни. Но я никакъ не повѣрю г. Стасову, что самое прозваніе одного княземъ, а другаго поповичемъ или крестьяниномъ есть слѣдъ востока и означаетъ, что въ восточныхъ первообразахъ соответствующія нашимъ богатырямъ лица тоже князья, или духовные или мужики, — не повѣрю уже потому, что въ восточныхъ сказаніяхъ для каждаго нашего богатыря встрѣчаются сходныя лица и въ классѣ боговъ, и въ классѣ царей и князей, и между духовными лицами, о чемъ г. Стасовъ могъ бы узнать хоть изъ своей же статьи. Очевидно, Добрыня Никитичъ названъ въ былинѣ княземъ, а Илья Муромецъ — крестьяниномъ, не потому, что на востокѣ подходящее къ Добрынѣ лицо было княжескаго рода, а подходящее къ Ильѣ Муромцу — крестьянскаго рода (Рустемъ ужъ конечно не былъ мужикомъ), а почему-то другому. Посмотримъ, не отыщемъ ли мы этаго чего-то другаго въ русской жизни.

Я уже говорилъ, что наши богатыри представляютъ собою варианты одной божественной личности — божества атмосферныхъ явленій; слѣдовательно имѣютъ одну космическую основу, а по-

¹⁾ Только больше, а не исключительно.

тому и одинъ характеръ, одинъ обликъ. Конечно, задолго до кievскихъ князей они уже должны были стать въ подчиненное отношеніе къ верховному божеству—владыкѣ міра (божеству неба); потому что таковъ неизбѣжный ходъ исторіи естественной религіи челоуѣчества. По совпаденіи имени небеснаго владыки міра съ Владиміромъ кievскимъ, сказанія сведены съ неба въ Россію. Стремленіе къ естественности и жизненности должно было вызвать постепенный подборъ русскихъ чертъ, такъ чтобы дворъ былиннаго Владиміра, князя кievскаго, дѣйствительно походилъ на дворъ русскаго князя. При этомъ естественно должно было явиться въ былинахъ вербованіе богатырей на службу изъ разныхъ областей и разныхъ сословій, какъ было въ дѣйствительности. И вотъ, сообразно именно русской жизни, древніе варианты атмосфернаго божества являются членами одной дружины, за однимъ дѣломъ, но лицами разныхъ по происхожденію сословій. Я говорю, —сообразно русской жизни, и имѣю право говорить. Знаю, что были и на востокѣ —въ дѣйствительности и въ сказаніяхъ—богатыри-князья, духовныя лица ¹⁾ и т. п., то есть, сходныя отдѣльныя черты, но нигдѣ нѣтъ такой комбинаціи всѣхъ чертъ, какая существуетъ въ былинахъ и какаѧ была именно въ древне-русской жизни. А это—признакъ самостоятельнаго творчества. При этомъ несоотвѣтствіе содержанія выставляемому ярлыку или сословной кличкѣ составляетъ драгоцѣнную черту, поелику вводитъ насъ въ процессъ развитія народнаго баснословнаго творчества, которое совокупляетъ національныя черты по-

¹⁾ Впрочемъ не нужно забывать, что «шоловичъ»; не «шопъ», а потому и не тождественъ съ индійскимъ брахманомъ или отшельникомъ. Почему народъ, перевода восточныя вещи на русскіе нравы, называлъ бы Алену пономъ или монахомъ, но не поповичемъ. Положеніе поповичей въ древней Русіи походило скорее на теперешнія права ихъ, госкѣ могли преобразованій въ духовномъ вѣдомствѣ, чѣмъ на тѣ, кои были до недавняго времени; то есть они могли избирать себѣ любой родъ жизни и занятій.

столонно — черта за чертой, не смущаясь тѣмъ, что первая внесенная имъ черта не клеится съ общечеловѣческимъ элементомъ; личный же авторъ никакъ бы отнесся къ дѣлу. Въ тому же у русского человека, тверца былинъ, не было и материала для большаго разнообразія сословныхъ типовъ: до московскаго периода классы русскаго общества въ образѣ жизни отличались не качественно, а развѣ количественно; у всѣхъ были одни и тѣже понятія, обычаи и манеры. Только въ XIV вѣкѣ является, какъ особенность боярства, церковная кнѣжность, благодаря коей и случилось то замѣчательное явленіе, что большинство монастырей Великороссіи основаны кнѣжскими въ церковныхъ книгахъ кнѣзьми да боярами. А умѣнье слово молвить предъ царями, справлять посольскую службу когда помыслился у родовыхъ бояръ и раньше.

Въ частности тѣ основныя черты, которыя успѣло принять въ себя народное творчество, — чистота русскія сословныя черты и впритомъ съ нужной точкой зрѣнія. Для нашего простаго народа бояре всегда были представителями образованности или вѣжества, умѣнья слово молвить, чужому царю поклоняться, что съ весьма давнихъ поръ и до послѣдняго времени было справедливо. Для нашего простаго народа духовное сословіе недвѣйна (хоть и не со времени Владимира святаго) было «породой недудлоушнѣвой, неустойчивой, глазами завидущици, руками загребудимнѣ». И конечно, народъ зналъ довольно фактовъ, оправдывающихъ такой взглядъ его на духовное сословіе. Дьякамъ (приказнымъ) всегда приписывалось посольское умѣнье и ловкость въ обдѣлываніи разныхъ дѣлъ и порученій, а купцамъ — спѣсивость и надутость, заносчивость и жадность. О крестьянинѣ самъ крестьянинъ и до сихъ поръ такого мнѣнія, что онъ-жель поблѣннѣе будѣтъ дворяничка, но за то прѣстодушнѣе. Кто знаетъ нашъ простой народъ, тотъ признаетъ во всемъ этомъ его воззрѣнія.¹⁾

¹⁾ На русскіихъ обычаяхъ основано употребленіе или неупотребленіе

Но почему Добрыня названъ въ былинахъ княземъ, Алеша поповичемъ, а Илья Муромецъ крестьяниномъ, признаться, это для меня не вполне ясно. Понятно, конечно, почему Дюкъ Степановичъ называется княземъ; самое имя его показываетъ, что онъ князь. Очень вѣроятно, что Илья Муромецъ, сильнѣйшій изъ богатырей, представленъ крестьяниномъ, благодаря приведенному выше простонародному мнѣнiю о мужикѣ. Имямъ могло быть приписано то или другое званiе въ слѣдствiе случайнаго совпаденiя именъ богатырей съ именами историческихъ лицъ, принадлежавшихъ къ извѣстнымъ классамъ общества. Это могло случиться съ Добрыней, Садкомъ и нѣкоторыми другими. Сословное обозначенiе могло заходить въ былины и книжнымъ путемъ, какъ зашли въ народныя сказанiя многiя не маловажныя вещи, напримѣръ, наименованiе Бога громовника Ильєю, или та черта въ былинѣ о сорока каликахъ съ каликою, которою эта былина сближается съ библейскимъ рассказомъ — не объ Иосифѣ впрочемъ и женѣ Пентеорiа, а объ Иосифѣ и братьяхъ его, и которой приведенные Стасовымъ восточныя рассказы не представляютъ, а именно: тайное вложенiе въ мѣшокъ одного лица драгоценной чаши для уличенiя его въ веровствѣ. Словожъ, пути, мѣшкы усвоились тѣмъ или другимъ имена богатырей и сословныя обозначенiя, слишкомъ разнообразны и малоислѣдованы, чтобы рѣшиться въ настоящую пору на окончательное опредѣленiе ихъ.

Не съ востока, не отъ Рустема заимствовалъ Илья Муромецъ прозвище стараго или сѣдаго. Рустемъ въ Шахъ-наме вовсе не является непременно старикомъ; тамъ рассказывается вся исторiя

иѣ при имени богатырей отечества ихъ. Выяснимъ по происхожденiю именъ въ былинахъ обыкновенно прибавляется отечество на *ичъ* или *ичь*, для лицъ низшихъ классовъ, если они пожилыя особы, остается имя ихъ безъ переимѣнъ; для молодого же Алешы Поповича отыскалась уменьшительная форма имени. Таковъ именно народный обычай.

его жизни отъ рожденія до смерти. Еруславъ Назаревичъ, несомнѣнная копія Руслена, не имѣетъ прозвища стараго. Илья Муромецъ называется старымъ, потому что онъ является на былинное поприще въ пожиломъ возрастѣ, когда по русскому обычаю, человѣку, при нѣкоторой солидности его, несомнѣнно усвоится названіе дяди. А это случилось тоже неспроста съ Ильей, самымъ опредѣленнымъ типомъ Бога-громовника. Здѣсь отобразился тотъ періодъ естественно-религіознаго міровоззрѣнія, когда человѣкъ созналъ, что божество солнца не вновь рождается каждый годъ, а только возраждается, что небесный Агни (огонь) не вновь рождается (съ каждой грозой или) съ каждой весной, а только возбуждается къ дѣятельности послѣ долгаго окаменѣнія или безсилія въ зимнюю пору (а у Индусовъ въ періодъ жаровъ), съ первымъ весеннимъ (осеннимъ у Индусовъ) дождемъ — небеснымъ виномъ. Очевидно вариантъ божественной атмосферной личности, на которомъ отразилось это новое религіозное воззрѣніе, долженъ былъ получить нѣкоторыя черты противъ своихъ собратій: онъ долженъ былъ явиться старымъ и сѣдымъ въ сравненіи съ другими вновь рождающимися каждую весну образами того же божества; старый богатырь, какъ испытанный боецъ, долженъ былъ оказываться сильнѣе молодыхъ своихъ товарищей; наконецъ, онъ же какъ личность, существующая не одно лѣто, оказывался пригоднѣе другихъ и для созданія настоящаго типа Бога-громовника, долженствующаго быть вѣчнымъ. Вотъ почему нашъ Илья Муромецъ — старый богатырь! Если бы г. Стасовъ справился съ древне-русскою жизнію, когда брался судить о Садѣ и Соловѣ Будимировичѣ, то онъ нашелъ бы, что былины объ этихъ гостяхъ, кромѣ общечеловѣческой космической основы, заключаютъ въ себѣ значительную долю древне-русскихъ чертъ, по крайней мѣрѣ не сталъ бы такъ рѣшительно утверждать, что этого ничего не было и даже не могло быть. На дѣлѣ же всѣ мотивы и подробности дѣйствій слишкомъ русскія, особенно въ былинѣ о Садѣ,

чтобы лучше было на свете жить людям на востоке. Конечно могли быть и на востоке жертвы одному божеству, хотя много о жертвах и обязанности ея для плавающих и не высказано даже ни в одной из приведенных г. Отасовичъ восточныхъ рассказовъ, но такая форма жертвы, какъ опусканіе въ море хлеба и соли, — чисто русская особенность, а между тѣмъ иная форма жертвы и важна для опредѣленія національности культуры. Здѣсь необходимо замѣтить, что самая жертва, которую были принуждены принести Садки, т. е. сошествіе Садки въ подводное царство, вовсе не безсмысленна и морской царь вовсе не забывалъ о жертвенномъ значеніи Садки, напротивъ онъ прямо высказалъ, для чего ему потребовался Садко: «Дадно уми я тебя жду. Ты, слышавать, на гусляхъ играть мастеровъ! ну-ка, поиграй, котѣнцъ жонка!» Г. Стефанъ не сделалъ бы ничего, еслибы зналъ, что жертвы нужны божеству не только для уголенія года, но и для разныхъ послугъ: во многихъ народныхъ повѣртіяхъ черти (древнія темныя божества) разсказываютъ на утопленникахъ и утопленницахъ; потому же божеству не помешать читать у себя и гусляра? Вышли, конечно и на востокъ купеческія компаніи для морской торговли, но братчина славянскихъ близинъ — Садки, — чисто Новгородское явленіе, послину она имѣетъ характеръ не временной купеческой артели, для одного торгового предпріятія, о какой упоминается въ восточныхъ сказаніяхъ, а постоянного учрежденія, въ родѣ современной биржи, съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности, преслѣдующей не только торговля цѣль, но и выгоды обществныя. Съ другой стороны Садки близинъ — глава на купеческой артели, изъ равныхъ ему лицъ, а кружничъ, какой подкомандныхъ, какъ и было въ новгородскихъ купоторговскихъ, полувоенныхъ предпріятіяхъ. А вышестояство въ дѣлѣ Николая Мелайскаго, при томъ же въ интересѣ обогащенія героя, какъ это дѣлалъ повременскіе герои въ восточныхъ сказаніяхъ, а для спасенія его: самого и невѣщащаго народа православнаго, не спо-

ему мотиву тоже русская особенность. Имя: играть и тереть восточных слазаний, посланку громъ у войск маршевъ усидобликом мужикѣ, не только въ одной древнемъ Новгородѣ понаблизокъ создать гуслира по ремеслу, бѣдность, корневизитоса ипрова на шрахахъ, что (т. е. бѣдность) даже противорѣчило кеслической правдѣ, но было прожитъ вѣрно исторически. И это не безцѣльный эпизодъ расказа о Садѣ, а необходимое въ глазахъ народа объясненіе того обстоятельство, что богатый гость. Одно угадать ипротъ на гуслияхъ, посланку въ древне-русской жизни мушма не только не входяща въ систему образования у богатыхъ классовъ, какъ это было у Индусовъ ииришѣръ, напротивъ предостанавлась именно ииришѣтъ классамъ. А исторія обогащенія Садна, вводящая насъ своими вариантамъ въ процессъ народнаго баснословнаго творчества на Руси, — ииришѣтъ сверель-сверельсваго-изыскакаго въ естественное, ииришѣтъ въ этомъ случаѣ христіанскихъ воззрѣній! А споръ Садна съ новгородскими мушниками и двумя настоятелями новгородскими, ииришѣтъ двойной походъ, одинъ космоическій, въ коемъ добродъ божество пересилавать своихъ соперниковъ, другой — историческій, пронманутый чинто-новгородской ревностію о величій своего города! Не говорю уже о географическихъ названіяхъ и тому ииришѣтъ.

В другомъ образѣ божественной личности, бѣднѣй по кодушному морю, за сверельсвама лучай солида, — с Соловѣй Буднировѣтъ и на Бурусь рикать, какой это гость — скандинавскій, вообще ииришѣтъ, или свой русскій, посланку нахому въ близкій отсукаево подкадацкиа сюда чертъ, а съ творческой фантазіей и вообще на ииришѣтъ, гдѣ бы ее не встрѣчалъ — въ снѣгахъ ли в. Стасюка, или въ трудатъ иришѣтъ ииришѣтъ быливу. Однако ииришѣтъ въ еерміи и ииришѣтъ космоическихъ дѣйствій, разне ванъ и въ мотивированіи, очень доидино тамого, что было ииришѣтъ: силъ перъ существуетъ (въ прошломъ ииришѣтъ) на Руси, ииришѣтъ: ииришѣтъ и ииришѣтъ у Зипани Нутитлины, ииришѣтъ

дѣвушки, попавшейся нечаянно въ комнаты къ незнакомому молодому мужицѣ, спену сватанья, вліяніе матери на отложеніе свадьбы сына и даже мотивъ отсрочки, протаможье Соловья Будиміровича, картину свадьбы съ разными обстоятельствами, вызванными возвращеніемъ настоящаго жениха, даже то обстоятельство, что Завава не понравилась Соловью Будиміровичу, потому что сама себя дѣвушка просватала. Кто знаетъ жизнь и понятія нашего простаго народа не по петербургскимъ лакеямъ, надѣюсь, согласится со мной вполне. Что же касается неисторичности, неисторичности, немыслимости выдачи древней русской княжны за мушца, послѣку-де князья и женились наравнѣ и выдавали дочерей за лицъ княжескаго рода, то увѣ! не могу не сказать того же, что было высказано въ одномъ случаѣ выше: знаетъ г. Стасовъ древнюю русскую исторію, да не вполне. Въ томъ-то и бѣда. Отсюда и выходитъ, что г. Стасовъ думаетъ судить о вещахъ съ старинной точки зрѣнія, на самомъ же дѣлѣ стариннѣ усвоить понятія и особенности быта настоящаго времени. Если бы онъ зналъ вполне древнюю русскую исторію, то ему извѣстно было бы, что въ ту пору между классами русскихъ племенъ не было строгаго разграниченія: бояринъ или гость могъ при удачѣ быть княземъ и князь снисойти на степенъ изгоя. Аскольдъ и Диръ не были ни княжескаго, ни боярскаго рода; кто знаетъ, какого рода былъ и Рогволодъ, невольный тесть Владиміра святаго? Въ XIII вѣкѣ мы знаемъ въ Галичѣ княземъ боярина. Съ другой стороны извѣстно, что князья въ ту пору вели торговлю — правда чрезъ повѣренныхъ, — какъ и купцы. Поэтому князья не могли быть, да и не были щепетильны при выборѣ себѣ жонъ и выдачѣ дочерей. Святая Ольга была родомъ изъ села въ окрестностяхъ Пскова; жена Ярополка, въ послѣдствіи мать Святополка Окаяннаго, была плѣнная гречанка (или можетъ быть болгарка), послѣку была красива; между законными женами Владиміра святаго была и чехиня неизвѣстнаго происхожденія (а не княжескаго).

Въ послѣдствіи Мстиславъ Великій былъ женатъ на дочери новгородскаго боярина; а новгородскіе бояре были тѣже гости, посліку торговля была главнымъ источникомъ ихъ богатства; они даже лично, во главѣ удалой повольницы, ѣздили по морямъ и рѣкамъ для торговли, а пожалуй и разбоя. То былъ вѣкъ, то и дѣянъя. Могли ли князья быть болѣе щепетильными при выдачѣ своихъ дочерей, а особенно племянницъ? Для тогдашнихъ князей болше значило богатство жениха, чѣмъ его родъ. Ярославъ Мудрый не выдавалъ же своей дочери за Гаральда конунга Норвежскаго, пока онъ былъ бѣднымъ и безвѣстнымъ изгнанникомъ. Гаральдъ долженъ былъ сначала отправиться въ Грецію и тамъ разными средствами нажить богатство; тогда только искательство его не было отвергнуто. Гости же были богачами въ тогдашнемъ обществѣ. Впрочемъ о бракахъ княжонъ лѣтописцы упоминали не часто, а потому примѣры здѣсь приводить не легко; но въ договорѣ Игоря съ греками упоминаются племянники его отъ сестеръ, очевидно бывшихъ замужемъ не за князьями; въ лѣтописномъ разсказѣ мы встрѣчаемъ такъ же въ XII-мъ вѣкѣ совершенно упомянутого нѣкоего Василька Мариничица ¹⁾, не то князя, не то боярина, считавшагося внукомъ Владимира Мономаха по женской линіи; отецъ его поэтому былъ не князь. Но даже еслибы этого и небыло, и тогда г. Стасову не нужно было бы забывать, что въ народномъ баснословіи гости—богатыри той же самой божественной природы, также владыки міра, какъ и самъ верховный владыка. Только забвеніе этой основной природы баснословія могло внушить г. Стасову мысль, будто немислимость выдачи княжны за гостя составляетъ сильное доказательство въ пользу вліянія на эту былинну восточныхъ разсказовъ. Не и въ восточныхъ разсказахъ брахманамъ удастся жениться только на небесныхъ царевнахъ, но не на дочеряхъ земныхъ царей.

¹⁾ Воскр. лѣт. годъ 1186-мъ годовъ.

Арджуна, рѣшившись подѣ видомъ брахмана—нищаго принять участіе въ стрѣльбѣ изъ лука, для полученія руки царской воспитанницы, небесной красавицы Драпади, былъ встрѣченъ крикомъ общаго негодованія ишатривъ и ватѣмъ подвергся общему нападенію со сторены недовольныхъ; такъ что получилъ невѣсту лишь благодаря внимательству божественнаго Кришны. Вотъ какъ и высота народа брахмановъ, о которой такъ много толкуетъ г. Стасовъ! Въ нашестіи Калина-дара или Батыя на Бievъ былили, конечно, нельзя видѣть точнаго и вѣрнаго изображенія татарскаго нашестія на Русь. И въ этомъ я совершенно согласенъ съ г. Стасовымъ, какъ согласенъ, вѣрнѣе мимоходомъ, и съ предшествующими ему исследователями былили, тоже не находящими въ немъ точнаго и вѣрнаго изображенія татарскаго нашестія. Оно имѣетъ, по общему мнѣнію, космологическую общечеловѣческую основу, какъ и всѣ подобныя ему прензшестія въ восточныхъ баснословныхъ сказаніяхъ. Это—нашестіе темной силы на царство свѣтлыхъ боговъ. И конечно разказы такого содержанія ходили по Руси и до татаръ, и до половцовъ или печенѣговъ, какъ существовали они и на востокѣ, кромкѣ, по видимому, Индіи. При этомъ были и отличія въ смнзніяхъ разныхъ народовъ, смотря по ихъ быту. У кочевыхъ народовъ (въ Джангаріадѣ) враждебный царь присылаетъ посла съ требованіемъ дани, угрожая въ противномъ случаѣ уничтожить гору и озеро, при колѣхъ живеть свѣтлый царь, и его самого, т. е. какъ разъ по средне-азиатскому. У земледѣльческихъ народовъ (русскихъ и персовъ) врагъ дѣлаетъ нашестіе на страну свѣтлаго царя, осаждаетъ городъ, требуетъ сдачи города, въ случаѣ отказа насильничаетъ въ городѣ, а иногда камагаетъ дань, которая и присылается ему въ ставку или орду;—черты отличныя отъ средне-азиатскихъ, почему въ разказахъ подобнаго рода нельзя видѣть вообще нападеніе одного азиатскаго племени на другое. Въ частности, въ нашихъ былинахъ нельзя не видѣть отраженія въ

созданіи народа иманно татарскаго нашествія, а не набѣгомъ половцевъ или печенѣговъ. И г. Буслевъ, по мысли живши, совершенно вѣрно указалъ это отраженіе въ описаніи безчеловѣчности войска Калина-царя:

«Зачѣмъ мать сыра—земля не погиваетъ?

Зачѣмъ не разступится?

Отъ царя было отъ кошмаго,

А и мѣсяць, сонце померкнуло.

Не видать луча свѣта бѣлаго;

А отъ духу татарскаго

Невозможно крещенымъ намъ живымъ быть».

Прежніе кочевые враги Руси навогда не наступали на насъ съ такою силою, которая бы могла оставить въ русскомъ челвѣкѣ это впечатлѣніе. Я даже думаю, что не будь такого поражающаго чувства событія, каково было татарское нашествіе, разсказы объ этой космической борьбѣ темной силы съ царствомъ свѣтлыхъ боговъ не удостоились бы и попасть въ число былинъ, поелку народное творчество изъ всей массы баснословныхъ сказаній развиваетъ болѣе всего то, что можетъ быть сближено съ явленіями жизни самого народа. Они или остались бы на степени краткихъ разсказовъ, издающихъ повѣрья и суевѣрья народа; вакиль у насъ тамъ много, или могли бы принять иную форму; напримѣръ, могли бы разсказывать о борьбѣ двухъ русскихъ княжескихъ семействъ за преобладаніе, какъ это случилось въ Индіи, въ знаменитой Магабаратѣ.

На счетъ православія богатырей былинъ, я тоже соглашаюсь съ взглядомъ г. Стасова, но вывожу изъ него совершенно иное заключеніе. Дѣйствительно, «ни князь Владиміръ, ни всѣ еде богатыри—ничуть не православны, иначе какъ по имени: христіанскаго въ нихъ только одна внѣшняя, едва держащаяся тоненькимъ слоемъ на поверхности, окраска». Но, прибавимъ отъ себя, нашъ народъ—творецъ и хранитель баснословія, если бы

даже усиливался, не могъ бы дать богатырль христіанскаго элемента болѣе одной вѣшной окраски. Нашъ народъ долго, въ цѣломъ почти своемъ составѣ, былъ двоевѣрнымъ народомъ, у котораго христіанскаго было не много,—иия напр. да нѣкоторыя обряды и еще кое-что. Въ разныхъ глухихъ закоулкахъ, въ родѣ Олонецкаго края и многихъ другихъ краевъ сѣверныхъ губерній, и теперь двоевѣріе существуетъ еще въ полной силѣ. Въ повѣрьяхъ простаго народа разные христіанскіе святые и до сихъ поръ играютъ роль языческихъ божествъ, Власій—Волоса, Юрій—Яра, Николай Можайскій или Добрый—хранителя сокровищъ въ воздушномъ морѣ, а виѣстѣ и водянаго царя ¹⁾, Илья Муромецъ—Наруна, Христовъ—Божества солнца или Хорса. Поэтому, гдѣ въ пору язычества русскій народъ призывалъ то или другое божество, онъ теперь призываетъ соотвѣтствующихъ имъ святыхъ. Точно также темныя божества превратились въ чертей, но не въ

¹⁾ Объ легендарномъ отношеніи св. Николая Миръ-Ливійскаго къ языческимъ божествамъ славено-русскихъ племенъ я долженъ сказать подробно, потому что оно до сихъ поръ еще необъяснено. Я нахожу, что св. Николай соотвѣтствуетъ Добрымъ былинъ, владыкѣ атмосферныхъ водъ—тучъ и сокровищъ—лучей солнечныхъ и морскому царю, что впрочемъ, почти одно и то же. Въ пользу перваго значенія св. Николая говорить уже распространенное его прозваніе—Николай Добрый. Замѣчательно и то совпаденіе обстоятельствъ, что Ванька-вдовинъ сынъ обращается съ просьбой о помощи къ Христу Спасителю, Пресвятой Богородицѣ и Николю Можайскому, а Василій Казиміровичъ въ отвѣтъ Ордынскому царю приговариваетъ: только и надежды, что на Спаса и на Пресвятую Богородицу, въ третьихъ на младаго Добрыню Никитича. Въ сходномъ восточномъ сказаніи Гессеръ-ханъ обращается съ мольбой къ Боа-Донгпонгъ-Гардо—владыкѣ боговъ, (Христу нашихъ былинъ) Аджавалори—Угарри—владыкѣ змѣевъ (св. Николаю) и Чамцо—Дари—Удамъ—владычицѣ женскихъ духовъ (Богородицѣ). Значеніе Николы Можайскаго, какъ морскаго царя, достаточно видно изъ былинны о Садкѣ. Прозвище св. Николая Можайскимъ, конечно, есть слѣдствіе случайнаго совпаденія имени города (Можайскъ) съ прозвищемъ языческаго божества мощнымъ (мощнымъ) или замощнымъ (богатымъ.)

діаволовъ христіанскої догматики. Такимъ образомъ православіе былинныхъ богатырей именно такое, каково было вообще православіе русскаго народа въ періодъ созданія былинъ. Поэтому объяснять его заимствованіемъ былинъ съ востока нѣтъ никакой нужды. Слѣдовательно мнѣніе г. Стасова, будто всѣ формы былинъ есть переложеніе на русскіе нравы сказозовъ и подробностей не русскихъ, невѣрно.

А. Розовъ.

(Окончаніе будетъ.)

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ БАЗИЛІАНСКАГО ОРДЕНА ВЪ БЫВШЕЙ ПОЛЬСѢ.

(Продолженіе.)

Б) *О постановленіяхъ особенныхъ или правилъ должностныхъ лицъ.*

Вторая часть базилианскихъ конституцій XVIII в., содержащая постановленія особенныя или правила должностныхъ лицъ ордена, раздѣлялась на три главы: 1) о томъ, что относится къ правильному управленію провинціями и монастырями конгрегацій; 2) о школахъ и обученіи и 3) о вновь поступающихъ или желающихъ принять монашество. Последнюю главу мы опускаемъ потому, что въ ней заключались правила о новиціатѣ и новиціяхъ, сходныя съ подобными правилами XVII вѣка, которыя уже рассмотрѣны нами.

1) Въ первой главѣ содержались правила для протоархимандрита, генеральныхъ консульторовъ, генеральнаго прокуратора въ Римѣ, провинціального визитатора или провинціала, провинціальныхъ консульторовъ, секретаря, историографа и хартофилакса провинціи, мѣстнаго настоятеля и аббата, викарія, мѣстныхъ консульторовъ, духовника, священниковъ, проповѣдниковъ, миссіонеровъ, еkkлезіарха, эконома, келаря, смотрителя кухни, смотрителя трапезы, бібліотекаря, хартофилакса или архивариуса, историографа, носокома и привратниковъ монастыря.

Съ 1739 года, на которомъ мы оставили свой перечень базиліанскихъ протоархимандритовъ въ первой части своего сочиненія, — протоархимандритами были: Петръ Ширавскій, въ русской провинціи, съ 1739 и до 1743 г. ¹⁾ Политарій Мигуневъ 1743—1747 г. ²⁾; Ипатій Вилинскій, эспровинціалъ польской провинціи, 1747—1751 г. ³⁾; Германъ Лисляскій изъ провинціаловъ дяковской провинціи 1751—1759 г. ⁴⁾; Ипатій Вилинскій во второй разъ съ 1759 г., умершій передъ 1772 годомъ ⁵⁾; Порфирій Сварбель—Важинскій 1772—1780 г.; Иосифъ Моргулецъ, оцать Мьдодній, 1780—1786 г. ⁶⁾; Іеросей Борчинскій до 1788 г. ⁷⁾; Порфирій Сварбель—Важинскій во второй разъ съ 1788 г. ⁸⁾; Максиміанъ Вилинскій, упоминаемый подъ 1792 г. и умершій въ 1793 году ⁹⁾; Арамасій Фальковскій 1793—1802 и Юстъ Гусаконскій съ 1802 г. и до уничтоженія въ Россіи протоархимандритскаго званія въ 1804 году ¹⁰⁾.

На Дубовокой конгрегаціи 1739 г. постановлено было имѣть двухъ базиліанскихъ протоархимандритовъ, по одному для каждой провинціи; но вълѣдствіе шанскаго распоряженія, на дубенской капитулѣ 1743 г. положено было избирать одного протоархимандрита для обѣихъ провинцій. Съ 1743 г. протоархимандритъ избирался поочередно изъ каждой провинціи только на четыре

¹⁾ Конгр. 1739 г. рукоп. Волын. сем. № 1289.

²⁾ Конгр. Дубен., 1743 г. тамъ же.

³⁾ Конгр. Брестск. 1747 г., сесс. 8, тамъ же.

⁴⁾ Конгр. Брестск. 1751 г., тамъ же; см. Przydatek do Chronolog. Stebielskiego, t. III, стр. 289.

⁵⁾ Przydat. do Cyronol. Stebel. t. III, стр. 289; см. Конгр. Брестск. 1772 г. въ Почаев. библиот., № 384.

⁶⁾ Przydatek..., III, стр. 289; см. Труды К. Д. Ак., июль, 1868 г., стр. 152.

⁷⁾ Труды Кіевск. дух. Акад. июль, 1868 г., стр. 150.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 151—152.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 153 и 155.

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 128, 134 и слѣд.

года ¹⁾); но на брестской капитулѣ 1751 года постановлено было избирать протоархимандрита на семилѣтіе ²⁾, каковой срокъ впоследствии предложено было увеличить до 12-ти лѣтъ ³⁾.

Дабы удобнѣе былъ доступъ къ протоархимандриту, какъ общему отцу, желаемъ, — писали базилиане въ своихъ конституціяхъ, — чтобы, согласно декреталамъ св. престола, въ протоархимандриты всегда избирался простой монахъ или аббатъ профессоръ, а не епископъ ⁴⁾. Протоархимандритъ обязанъ исполнять все то, что правилами св. Ватикана Великаго и базилианскими конституціями предписывается другимъ настоятелямъ, и тѣмъ съ большимъ стараніемъ, чѣмъ выше стоитъ ихъ. Поэтому онъ не долженъ, подъ предлогомъ исполненія начальственныхъ обязанностей, уклоняться отъ молитвы и другихъ духовныхъ упражненій и вообще своею жизнью долженъ подавать своимъ подчиненнымъ примѣръ исполненія заповѣдей Божіихъ, такъ чтобы подчиненные ему не имѣли никакого повода спускать что либо или чребрегать чѣмъ либо изъ правилъ и конституцій ⁵⁾. Онъ имѣетъ полную власть дѣлать то, что ему предоставлено правилами, конституціями и другими какими либо законами: созываетъ генеральныя и провинціальныя капитулы, строго соблюдая все то, что предписано формулами помннутыхъ капитулѣ, утверждаетъ законно выбранныхъ визитаторовъ и должностныхъ лицъ провинціи и уничтожаетъ незаконныя ихъ выборы; требуетъ отъ провинціаловъ отчета въ визитаціяхъ ⁶⁾, и, въ случаѣ обремененія какого либо

¹⁾ Конгр. Дубен. 1743 г., сесс. 6, рукоп. Волын. сем., № 1289.

²⁾ Брестск. Конгр., 1751 г., тамъ же.

³⁾ Codex. Constitutionum., 1791 г., стр. 199.

⁴⁾ Constitutiones examinandæ, 1772 г. стр. 117; см. депр. 18 июля 1742 г. въ книгѣ—Bullæ et brevia, 1766 г., я. 1, стр. 73—74.

⁵⁾ Constitutiones exam., стр. 118; Codex., стр. 83; см. депреть 25 июля 1599 г. въ Summariusz-ъ Regul. J. O. N. B.; W., стр. 39—40.

⁶⁾ Constit., стр. 15—16; Codex., стр. 83.

монастыря ихъ визитаціей, по просьбѣ большей части общества или мѣстнаго настоятеля, можетъ визитовать этотъ обремененный монастырь на его счетъ, однако лошадей беретъ съ собою не больше, какъ сколько требуетъ приличіе и древній обычай¹⁾; рѣшаетъ своимъ приговоромъ споры и разногласія, могущія возникнуть между провинціями, такъ что на его рѣшеніе можно апеллировать только въ генеральной капитулѣ, которая или утверждаетъ рѣшеніе протоархимандрита, или измѣняетъ его²⁾. Кроме этихъ правъ, протоархимандритъ пользуется также и всѣми тѣми, кои каноническимъ правомъ предоставлены всѣмъ, имѣющимъ власть какъбы епископскую, и кои даны римскимъ престоломъ Базиліанской конгрегаціи, какъ то: правомъ носить архимандритскіе знаки и властію возводить на степень доктора и другими привилегіями³⁾. Хотя онъ можетъ также предоставить себѣ нѣкоторые изъ одиннадцати грѣховъ, предоставленныхъ Климентомъ VIII всей конгрегаціи; но послѣду шестая генеральная капитула

¹⁾ Тамъ же; см. акты Дубен. Кан. 1743 г., сесс. 11, въ библ. Волни. Сем., № 1289, гдѣ предписано протархимандриту имѣть не болѣе 12 коней. Мы видѣли уже, что подъ именемъ апелляціи монастыря базиліане хотѣли разумѣть апелляцію одного только настоятеля (см. акты Бресл. Конгр. 1747 г., сесс. 5, § 6); но Конгрегація распространенія вѣры дозволила апелляцію и большей части монастырскаго общества. См. Bullæ et brevia, ч. II, стр. 80—86.

²⁾ Const., стр. 116; Codex, стр. 84.

³⁾ Codex, стр. 84. Носить архимандритскіе знаки разрѣшено протархимандритамъ изъ простыхъ монаховъ буллою Бенедикта XIV отъ 17 декабря 1751 г. (См. Bullæ et brevia, II, 63—70; впоследствии это право распространено на эксгенераловъ. См. Indulgentiæ, brevia, decreta, 1788 г., I, 49 и др.—Право возводить на докторскія степени предоставлено протоархимандриту декретомъ 20 сент. 1772 г. См. тамъ же, I, 7—8. Кроме того, протоархимандритъ могъ присутствовать на іерархическихъ конгрессахъ или актахъ, вмѣстѣ съ аббатами (Декретъ 20 февр. 1758 г., въ Bullæ et brevia, II, 122; и въ отдѣльныхъ случаяхъ получалъ право участвовать въ избраніи митрополита (декретъ 15 июня 1779 г., Indulgentiæ, brevia, decreta, I, 38—39.

сочла болѣе должнымъ искоренить грѣхи посредствомъ исцеленія, которая, по ея предписанію, должна совершаться въ свѣтскихъ трибуналахъ; то по сему онъ не долженъ предоставлять себѣ разрѣшенія какихъ либо грѣховъ ¹⁾. Протоархимандритъ не можетъ измѣнить никакого правила, конституціи или церковнаго обычая конгрегаціи и постановлять что либо новое, кромѣ того, что считается нужнымъ для соблюденія и сохраненія правилъ и конституцій ²⁾. Хотя для всей базилианской конгрегаціи считается обязательнымъ объѣздъ, чтобы каждый оставался на своей должности до истеченія срока избранія и не отказывался самовольно от своей должности; однако протоархимандритъ не долженъ считаться поэтому не имѣющимъ права на провіцію, но, призываемый Богомъ, какъ и Ааронъ, можетъ получить епископство, съ тѣмъ однако, чтобы въ такомъ случаѣ, тотчасъ по принятіи номинанціи, сложилъ свою ордонскую должность, дать отчетъ въ своемъ управленіи и возвратилъ, куда слѣдуетъ, все бывшее у него автографы крѣпостные акты и документы принадлежащіе имъ конгрегаціи, или провинціямъ ³⁾.

Во всемъ, что нужно одѣлать или установить въ предѣлахъ предписанныхъ правилъ, и въ важнѣйшихъ дѣлахъ, протоархимандритъ всегда пользуется совѣтомъ своихъ консульторовъ и секретарей и всякое дѣло рѣшаетъ по большинству

¹⁾ Декретомъ Климента VIII отъ 26 мая 1593 г. эти 11-ть грѣховъ предоставлено разрѣшить мѣстамъ монашескимъ начальникамъ. Декретъ этотъ базилиане хотѣли приписать и къ себѣ и помѣстили его въ *Summarium Regal*, 1751 г. Но Конгрегація распространенія вѣры, декретомъ 10 июля 1773 г. ограничила и почти уничтожила это право. См. *Indulgentiæ brevia, decreta*, I, 14—20.

²⁾ Const., 118; Codex, стр. 84.

³⁾ Const., 117; Codex, 84, см. акты Бресск. Капит. 1751 г., сес. 2 § 14, въ рукоп. Волин. Сем., № 1289.

государь¹⁾). Можно также, кроме консульторовъ, приглашать на совѣщанія и другихъ лицъ, особенно тѣхъ, кои могутъ быть компетентными: судьями рассматриваемаго дѣла; отсутствующимъ же престоархимадритъ можно приказать, чтобы они на бумагѣ представили свое мнѣнiе²⁾. Нарядъ совѣщанiемъ онъ старается сообщать подлинными оборудованiю на консультаціи дѣла по крайней мѣрѣ своимъ консульторамъ, кои сообщаютъ также копiи относящихся къ дѣлу документовъ, чтобы, хорошо ознакомившись съ дѣломъ, правильнѣе могли судить о немъ³⁾. Приступая къ консультаціи, онъ кратко и ясно излагаетъ дѣло и не даетъ ни малѣйшаго мнѣнiя на то, какъ онъ самъ думаетъ о предметѣ⁴⁾. Въ случаѣ отсутствiя какова либо консультора, престоархимадритъ заботится о томъ, чтобы его мѣсто занялъ другой достойный человекъ изъ той провинціи, къ какой принадлежалъ отсутствующій консульторъ, по предварительному произнесенiю консульторской присяги⁵⁾; если же дѣло терпитъ, то дѣлается письменное предложенiе самому отсутствующему консультору, чтобы онъ письменно изложилъ свое мнѣнiе, которое и принимается въ расчетъ при рѣшенiи дѣла.

Престоархимадритъ постоянно заботится о благе конгрегациі и чтобы не забыть чего либо, для памяти записываетъ то, о чемъ въ свое время нужна сообщить консульторамъ, если дѣло требуетъ совѣщанiя⁶⁾; разрѣшаетъ, вмѣстѣ съ консульторами и чиновниками провинціи, недоумѣнiя, возникающія относительно

¹⁾ Const., 116; Сн. акты Брестск. Конгр. 1759 г., извлечение конхъ въ ангахъ Брестск. Конгр. 1772 г., сесс. 4, § 11, въ Почаев. библ., № 384.

²⁾ Codex, 84.

³⁾ Const., 119; Codex, 85. Сн. Конгр. Брестск. 1772 г., сесс. 4, § 11, въ Поч. библ., 394.

⁴⁾ Const., 119; Codex, 85.

⁵⁾ Тамъ же; сн. Брестск. Конгр. 1772 г., сесс. 4, § 12.

⁶⁾ Constit., 119; Codex, 85.

предписаній орденскихъ постановленій. Рѣшенія сего рода должны имѣть силу закона до ближайшей генеральной капитулы. Но, независимо отъ времени генеральной капитулы, не можетъ предлагать никакихъ вопросовъ по своей инициативѣ и посылать черезъ прокуратора въ Римъ на разрѣшеніе ¹⁾). Посланию же къ его обязанности принадлежитъ вести дѣла, касающіяся всей конгрегаціи, въ подлежащемъ судѣ, свѣтскомъ или духовномъ, т. е. или въ Римѣ, или въ св. нунціатурѣ, или на сеймахъ царства, — и рѣшать, слѣдуетъ ли вести известныя дѣла въ какомъ либо судѣ или нѣтъ, — то онъ долженъ знать, что не можетъ ограничиваться совѣтомъ своихъ консульторовъ, но обязанъ совѣщаться со всеми провинціалами и консульторами провинцій, если разсматриваемое дѣло касается всей конгрегаціи; равно какъ совѣщаться съ провинціалами и консульторами провинцій, если дѣло касается провинцій: согласно съ общимъ мнѣніемъ, онъ дѣлаетъ распоряженіе или объ оставленіи дѣла, или о производствѣ его насчетъ провинціаловъ или провинціи, смотря по тому, кого оно касается ²⁾). Онъ имѣетъ у себя капитулярныя конституціи, постановленія консультаціи, сводъ отечественныхъ законовъ, декреты сваяц. конгрегаціи, также привилегіи и права, дарованныя ордену римскими престоломъ. Для переноски по секретнымъ дѣламъ никогда не упогребляетъ свѣтскаго писца, но монаха професса, присягою обязаннаго сохранять секретъ ³⁾); да и самъ протоархимандритъ обязанъ хранить

¹⁾ Const., 112; Codex, 85. Впрочемъ, это предписаніе никогда почти не исполнялось. Конгрегація распространения вѣры декретомъ своимъ отъ 10 іюля 1775 г., § 16, предоставила протоархимандриту право, обращаться къ Конгрегаціи и помимо капитулы, лишь бы только онъ дѣлалъ это съ согласія своей консульторіи и провинціаловъ. См. *Indulgentiae, brevia, decreta*, 1788 г., ч. 1, стр. 14—20.

²⁾ Constit., 115; Codex, 85. См. Дубен. Капит. 1743 г., сесс. 11, въ рук. Волын. сем., № 1289, и акты Брестск. Капит. 1772 г., сесс. 4, въ Почаев. библ. № 384.

³⁾ Const., 112; Codex, 85—86.

молчаніе о томъ, что требуетъ секрета, и открывать не иначе, какъ въ своемъ мѣстѣ и въ свое время ¹⁾). Онъ обязанъ оказывать должную любовь и уваженіе къ знаменитымъ особамъ; духовнымъ и свѣтскимъ, и къ другимъ лицамъ, имѣющимъ большой авторитетъ и благорасположеннымъ къ ордену; равно заботится и о томъ чтобы для пользы ордена привлечь къ нему расположеніе людей, еще нерасположенныхъ къ нему ²⁾). Ему предоставляется право назначать молитвы и посты для всей конгрегации, когда потребуетъ сего частная нужда конгрегации, или общая нужда отечества; однако онъ долженъ остерегаться, чтобы въ этомъ дѣлѣ не переступить мѣры ³⁾). Ему принадлежитъ право инсталляціи архимандритовъ или аббатовъ, презентованныхъ законными патронами и посвященныхъ и поставленныхъ митрополитомъ, т. е. самому или чрезъ назначеннаго комиссара вводить ихъ въ действительное владѣніе своими архимандріями и всѣми ихъ имѣніями, и всѣ акты объ ихъ инсталляціи представлять митрополиту и его куріи, согласно распоряженію римскаго престола. Равно ему принадлежитъ также самому или чрезъ комиссара, визитовать или ревизовать лица аббатовъ и имѣнія аббатскихъ монастырей и заботиться о вакантныхъ архимандріяхъ, чтобы непотерпѣли онѣ какого либо вреда ⁴⁾), защищать аббатскія права и имущества отъ несправедливо посягающихъ на оныя и оберегать ихъ своимъ попеченіемъ, помощію и совѣтомъ; смотрѣть за тѣмъ, чтобы вакантныя аббатства, долженствующія быть наградою честнымъ и заслуженнымъ монахамъ, давались не иначе, какъ только людямъ, имѣющимъ всѣ качества, требуемыя нашими

¹⁾ Codex, стр. 86.

²⁾ Const., 111—112; Codex, 86.

³⁾ Codex, 86. Сп. Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 16, въ Почаев. библ., № 384.

⁴⁾ Codex, 86. Сп. декреталъ 30 марта 1756 года, въ книгѣ Bullæ et brevia, ч. II, стр. 103—113.

и отечественнымъ законамъ. Поему онъ обязанъ тотчасъ, послѣ смерти какого либо аббата, урочно просить митрополита, чтобы онъ принялъ подъ своею протекцію и рекоммендовалъ патрону ту особу, которую онъ, протоархимандритъ, найдетъ достойною занять мѣсто умершаго¹⁾. Въ значительныхъ монастыряхъ, т. е. имѣющихъ право голоса на капитулахъ, протоархимандритъ назначаетъ настоятелей, вмѣстѣ съ своею консулаторіей²⁾. Поему онъ вслѣдствіе долженъ стараться, чтобы назначеніе настоятелей исполнялось соответствовало справедливости и имѣло бы выгоду не монаховъ, а всей монашеской дисциплины и пользы монастырей. А чтобы все это происходило и исполнялось правильно и въ добромъ порядкѣ, для этого протоархимандритъ, предварительно консулаторской сессіи, дѣлаетъ совѣщанія о назначеніи кандидатовъ, и изъ числа ихъ одинъ избирается большинствомъ голосовъ³⁾. Однако протоархимандритъ не прежде приступаетъ къ назначенію настоятелей, какъ по представленіи о семъ провинціаловъ. Поему, когда нужно назначать новыхъ настоятелей монастырскихъ при окончаніи капитулы, то нельзя провинціаловъ лишать права писемно извѣщать, какихъ настоятелей требуютъ монастыри. По ихъ обстоятельствамъ; когда же нужно будетъ переимѣнить или изложить кого либо послѣ капитулы, то они излагаютъ причины такой необходимости⁴⁾. Если протоархимандритъ рѣшитъ на мѣсто

¹⁾ Const., 116; Codex, 86. О видоизмѣненіяхъ въ правѣ презентованія и возведенія на аббатства см. говорилъ выше въ предшествующихъ статьяхъ.

²⁾ Тамъ же. Важнѣйшими монастырями, сначала считались монастыри: Вилнскій, Витевскій, Жаровицкій, Полоцкій, Витевскій, Добромилскій, Лавровскій, Львовскій, Бѣлостокскій и Спасскій при горахъ. См. Брест. Капит. 1747 г., сесс. 5, § 7., въ рукоп. Волын. сем., № 1289. Декретомъ же Конгрегациі отъ 26 октября 1752 г. къ знатнѣйшимъ монастырямъ причислены всѣ вокальные монастыри. См. Bullæ et brevía, ч. II, стр. 86—86.

³⁾ Const., 116; Codex, 86.

⁴⁾ Тамъ же. См. Дубен. Капит. 1743 г., сесс. 11, въ рукоп. Волын. сем., № 1289; декретъ Конгрегациі распростран. вѣры 6 сентября 1766 г., § 2, въ Bullæ et brevía, ч. II, стр. 146—150.

усправитиго настоятеля; вѣдѣти: и; перемѣстити; настоятеля въ дру-
гаго вокальнаго монастыря; то онъ извѣщаетъ о семъ провинці-
ціала, равно, какъ извѣщаетъ его и тогда, если, по этому, слу-
чаю, нужно перемѣстити трехъ или четырехъ, съ тѣмъ однако,
что провинціалъ, можетъ подавать, свое мнѣніе противъ, предполо-
женія, генеральной, офиціи, и его мнѣніе должно, быть, при-
нято къ свѣдѣнію¹⁾). А чтобы, протоархимандритъ могъ, доставлять,
въ монастыри, настоятелей, отличающихся, заботливостію, о мона-
шеской, дисциплинѣ, благоразуміемъ, въ веденіи, дѣла и, по, воз-
можности, омытностію, въ управленіи, дѣла, само, онъ, ежегодно, по-
лучаетъ, свѣдѣніа, изъ, актовъ, вѣдѣній, провинціаловъ, и ихъ,
отзывовъ, о лицахъ, и узнаеть, о нихъ, отъ, самыхъ, провинціаловъ,
или консульторовъ, и, др.²⁾). Хотя, бааціанскими, законами, поста-
новлено, чтобы, должности, всѣхъ, мѣстныхъ, настоятелей, продолжа-
лись, отъ, одной, кацетулы, до, другой, т. е. чтобы, продолжались,
въ, теченіи, одного, четырехлѣтія; однако, протоархимандритъ, мо-
жетъ, достойныхъ, и, почезлыхъ, для, монастырей, настоятелей, остав-
лять, для, блага, монастыря, на, другое, четырехлѣтіе, равно, какъ,
перемѣнять, и, лишать, должности, до, истеченія, четырехлѣтія, по,
представленіи, провинціалами, законной, важной, и, неотложной, при-
чины³⁾). Однако, онъ, не, прежде, приступаетъ, къ, изложенію, насто-
ятелей, какъ, учинивъ, законный, процессъ, для, точнѣйшаго, дозна-
нія, справедливости, обвиненія, если, только, не, встрѣтятся, обсто-
ятельства, не, требующія, отлагательства, какъ-то: публичный, со-
блазнь, большой, вредъ, для, монастыря, или, опасность, для, душев-
наго, спасенія⁴⁾). Назначеннымъ, въ, настоятели, протоархимандритъ,
можетъ, выдавать, послушальный, листъ, если, не, захотятъ, выдать

¹⁾ Constit. 116; Codex, 87.

²⁾ Const., 119; Codex, 87. См. Дубен. Каѣнъ, 1743 г., сесс. 11, въ
блбл. Воинъ, сесс., № 1289.

³⁾ Codex, 87.

⁴⁾ Тамъ же, 88.

или не позаботятся объ этомъ провинціалы въ теченіи щлаго мѣсяца ¹⁾).

Поселику мы обязаны, — говорится въ базилианскихъ конституціяхъ, защищать и распространять православіе въ тѣхъ странахъ въ коихъ находится нашъ орденъ; то протоархимандритъ обязанъ серьезно и тщательно заботиться о томъ, чтобы въ нашей конгрегаціи процвѣтала наука. Посему онъ долженъ стараться чтобы въ нашей конгрегаціи постоянно поддерживалось изученіе еврейскаго и греческаго языковъ, перваго потому, что съ него сдѣланъ принятый церковію переводъ св. Писанія, втораго потому, что онъ издревле служилъ важнымъ пособіемъ къ обличенію схизматиковъ и проливаетъ свѣтъ на наши обряды: греческаго языка — при монастыряхъ, содержащихъ гуманныя *Схистапіогес*) школы; еврейскаго же — при школахъ свящ. богословія ²⁾. Поселику же, мы обязаны заниматься воспитаніемъ свѣтскаго юношества; то протоархимандритъ долженъ также заботиться и о томъ, чтобы наша конгрегація тщательно исполняла эту обязанность свою. Посему онъ долженъ заботиться, чтобы школы, во многихъ мѣстахъ открытыя и имѣющія открыться для свѣтскаго юношества, поддерживались провинціалами съ величайшимъ стараніемъ и сохранялись въ своемъ цвѣтущемъ положеніи ³⁾. Ему предоставляется право давать разрѣшеніе на выпускъ въ свѣтъ книгъ, составленныхъ базилианами. Кромѣ того, чтобы выходили въ свѣтъ достойныя того книги, протоархимандритъ поручаетъ разсмотрѣніе ихъ только такимъ людямъ, которые бы отличались

¹⁾ Тамъ же. Сн. декретъ Конгрегаціи 21 апрѣля 1753 г. въ Bullae et brevia, II, стр. 102—103.

²⁾ Constit. 120; Codex, 88. Впрочемъ, Codex 1791 г. уже не говоритъ о греческомъ языкѣ, какъ пособіи къ обличенію схизматиковъ, вѣроятно изъ боязни русскаго правительства.

³⁾ Codex, 88.

острымъ умомъ, ученостью и критическимъ тактомъ ¹⁾. Онъ не можетъ разрѣшать базиліанамъ, такія книги, которыя или содержатъ новыя мнѣнія, несогласныя съ общепринятыми, или посягаютъ на права вельможъ и ординаціи ихъ и законы государства, или другимъ какимъ либо образомъ могутъ причинить немаловажное оскорбленіе началству и властямъ, которымъ мы подчинены. Возведя кого либо на степень доктора богословія или философіи, онъ долженъ смотрѣть, чтобы возводимые были умные люди и хорошаго поведенія, дабы сія степень не пришла въ пренебреженіе: ихъ нужно возводить не прежде, какъ или сами они представляютъ доказательства своей учености изданіемъ какой либо диссертациі, или присяжные экзаминаторы признаютъ ихъ достойными сей степени.

Путевые расходы покрываетъ казначей изъ общей кассы той провинціи, къ коей принадлежитъ ревизуемый монастырь. Отъ того же казначея архимандритъ получаетъ на свое содержаніе и тогда, когда оказывается нужнымъ самому протоархимандриту визитовать какой либо аббатскій монастырь ²⁾. Онъ не принимаетъ отъ монаховъ апелляцій, если онѣ направлены противъ наказаній медицинскихъ и исправительныхъ, развѣ только они будутъ тяжелы и невыносимы ³⁾; апелляціонныя же дѣла разсматриваетъ законнымъ порядкомъ. Монахамъ же дозволяется искать его суда не иначе, какъ по окончаніи и рѣшеніи процесса по всѣмъ степенямъ ⁴⁾. Если бы монахи считали себя обиженными его судомъ; то, по ихъ требованію, протоархимандритъ дозволяетъ имъ обращаться къ митрополиту, какъ делегату апостольскаго престола, съ соблюденіемъ всегда авторитета апостольской

¹⁾ Const., 114; Codex, 88. Сп. Брестск. контр. 1772 г., сес. 4, § 16, въ Поч. биб., № 384.

²⁾ Codex, 88—89.

³⁾ Const., 116; Codex, 89.

⁴⁾ Codex, 89.

нунціятуры ¹⁾. Онъ долженъ также знати, что и аббатамъ, — если бы во время вѣщаній онъ вышелъ нунціемъ, для пользы монастыря, запретить нунцію либо изъ нунціи, — предоставлено право аннелии къ митрополиту, и что несомненно отъ вѣщаній имъ можно въ важныхъ дѣлахъ и тяжкихъ преступленіяхъ аннелировать отъ суда протоархимандрита къ митрополиту, какъ делегату апостолическаго престола ²⁾.

Протоархимандритъ выдаетъ послушальный листъ монахамъ, отправляемымъ, по рекомендаціи провинціаловъ, въ иностранныя папскія коллегіи, для обученія, и рекомендуетъ ихъ начальникамъ ихъ ³⁾; совѣтуетъ отправляющимся въ коллегіи, чтобы они возвращались какъ можно полезнѣйшими для конгрегаціи и отечества и посему, для усовершенія въ наукахъ, изучали языкъ той страны, въ которой будутъ жить, а также, по возможности, и другіе языки, полезныя для воспитанія юншества; имѣть особенное попеченіе во время ихъ пребыванія за границей, наблюдать за ними посредствомъ писемъ, отечески утѣждать къ монашескому совершенію, возвращать къ перенесенію трудовъ, въ случаѣ надобности; удовлетворять ихъ нужды ⁴⁾. Не опускаетъ случая, если таковой представленъ, оказать помощь другимъ странамъ униатскаго обряда, если найдутся такіе, которые могли взять на себя такое порученіе и своими отсутствіемъ не принесли замѣтнаго вреда провинціямъ. Когда же, при удоб-

¹⁾ Тамъ же; см. декретъ 30 марта 1756 г. въ Bullae et brevia..., 11, 103—113.

²⁾ Codex, 89. См. тотъ же декретъ.

³⁾ Const., 116; Codex, 89. См. декретъ 10 іюля 1775 года, § 17, въ книгѣ Indulgentiae, brevia, decreta..., I, 14—20. Въ этомъ декретѣ, кромѣ того сказано, что о воспитанникахъ, отправляемыхъ въ вѣденскую и бромбергскую академіи, протоархимандритъ первоначально спрашиваетъ папскаго нунція.

⁴⁾ Codex, 89.

номъ случаѣ, «Базиліане посланы будутъ въ чужія страны для вспоможенія другимъ: то протоархимандритъ долженъ работать, чтобы они получали видъ отъ митрополита, какъ для того, чтобы оказать честь главѣ іерархіи и доставить ему благопріятной случай дать какое либо порученіе, которое найдеть нужнымъ, такъ и для того, чтобы самимъ посланнымъ иеріархъ больше вѣсу авторитетомъ сего званія, пользующагося у всѣхъ уваженіемъ¹⁾. Протоархимандритъ долженъ стараться, чтобы посланныхъ внѣ предѣловъ миссіонаріи или для духовной поддержки, или по дѣламъ конгрегацій, или съ другою цѣлю, отправлялъ не иначе, какъ давъ имъ наставленіе, какъ и какимъ образомъ они должны дѣйствовать и какой вести образъ жизни, и долженъ знать о тѣхъ средствахъ, какими каждый изъ посланныхъ могъ оказать помощь, совѣтомъ ли, или свящ. молитвословіями, или другимъ образомъ, сообразно съ требованіемъ мѣста, времени и лица²⁾.

Для жителства протоархимандрита, генеральнымъ консулторовъ и секретарей, въ литовской провинціи назначены были Тороганскій монастырь, а въ Польской—Почаевскій³⁾. По чѣ 1780 г., по случаю построекъ, производимыхъ въ Почаевскомъ монастырѣ Николаемъ Потоцкимъ, капитула 1780 года опредѣлила вывести отсюда протоархимандрита, съ назначеніемъ на его содержаніе 10000 злотыхъ. Изъ нихъ 6000 зл. ежегодно должны были платить Почаевскій монастырь а остальные 4000 зл. польская и галиційская провинціи каждая по 2000 зл. Величественіе

¹⁾ Тамъ же, стр. 90. Надобно полагать, что это постановленіе имѣлось въ позднѣйшее время. Декретомъ конгрегаціи распространенія вѣры отъ 21 апрѣля 1755 г. протоархимандриту самому предоставлено было право разрѣшать своимъ монахамъ выжидать за предѣлами Царства Польскаго и великаго княжества Литовскаго. См. Bullae et brevia..., II, стр. 192—193.

²⁾ Сопн., 119—120; Софех, 90.

³⁾ Дубен. капит. 1745 г. въ рукоп. Волын. сем., № 1289.

этого, обычная контрибуція, взимаемая съ монастырей на содержаніе орденаго начальства, увеличена была на $\frac{2}{3}$ противъ прежняго взноса, такъ что монастырь, платившій прежде 60 зл. въ годъ, долженъ былъ платить 100 злотыхъ ¹⁾. Изъ Почаева генераль или протоархимандритъ перемѣстился въ Загоровскій монастырь, но въ 1781 году онъ снова возвратился въ Почаевъ ²⁾.

Для управленія тѣмъ монастыремъ, въ которомъ протоархимандритъ долженъ жить по предписанію генеральной капикулы, онъ можетъ избирать настоятеля, чему не долженъ противорѣчить и провинціалъ. И хотя ему представляется также право ежегодно визитовать канонически этотъ монастырь свой; однако, если бы провинціалъ захотѣлъ потребовать отъ настоятеля отчета въ хозяйствѣ, то протоархимандритъ не можетъ ему запретить этого, равно какъ не можетъ воспрепятствовать провинціалу предпринять, вмѣстѣ съ настоятелемъ, нужныя мѣры въ улучшеніи сего хозяйства, если найдетъ, что эти мѣры дѣйствительно обѣщаютъ пользу монастырю; не можетъ также препятствовать монахамъ своего монастыря, лично или письменно просать провинціала о переводѣ ихъ въ другое мѣсто ³⁾. Изъ среды монаховъ своего монастыря онъ избираетъ одного монаха, который долженъ отправлять должность генеральнаго фискаля или адвоката обращающихся къ его суду монаховъ. А дабы въ провинціяхъ знали, кто такой этотъ фискаль, для этого протоархимандритъ обязанъ немедленно по назначеніи фискаля и принятіи имъ присяги, извѣстить про-

¹⁾ Почаев. арх., № 18. л. 42. См. Циркуляръ провинціала, 1781 г., въ рукоп. истор. Загаец. мон., въ архивѣ Кременец. Богомысл. мон., л. 32—33.

²⁾ См. акты Загоровской консультаціи 30 января 1781 г., въ Почаев. архивѣ, № 18, л. 48.

³⁾ Codex, 90. см. Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 60, въ Почаев. библиот., № 884.

винциалевъ о семь избраніи ¹⁾. Если нужно сдѣлать отчужденіи какихъ либо предметовъ, перемѣны фундашей и т. п., то въ подобныхъ случаяхъ протоархимандритъ всячески долженъ стараться исполнить все, что относительно этого предписано папскимъ престоломъ ²⁾ и законами той страны, въ которой находится монастырь, нуждающійся въ рѣшеніи сихъ дѣлъ. Если бы протоархимандриту привелось, вмѣсто провинціальной капитулы, рѣшать дѣла о вѣствованіи монастырей съ нозыми фундаціями; то онъ долженъ взвѣсить, какая отсюда ожидается польза для общаго блага, какія предполагаются занятія, удобное ли и здоровое ли мѣстоположеніе, — и иначе ихъ допускаеть, какъ на точномъ основаніи мѣстныхъ законовъ и папскихъ постановленій ³⁾. Никогда, по просьбѣ настоятелей, не даетъ разрѣшенія на постройку новаго зданія, не убѣдившись въ дѣйствительной необходимости этого дѣла и не разсмотрѣвъ съ своей консульторіей плана постройки, составленнаго опытнымъ архитекторомъ ⁴⁾. Онъ не налагаетъ на монастыри никакихъ сборовъ контрибуціи; но, если когда явится нужда въ контрибуціяхъ для производства дѣлъ всей конгрегациі въ подлежащемъ судѣ, то постановляетъ, чтобы провинціалы сами съ своими чиновниками рѣшили и постановили, сколько нужно наложить на каждой монастырь въ надлежащей пропорціи; самъ же старается о томъ, чтобы постановленное провинціалами исполнено было въ аббатскихъ монастыряхъ, и чтобы эти послѣдніе не отказывались или не медлили высылкою слѣдующей съ нихъ доли контрибуціи ⁵⁾.

¹⁾ Codex, 90.

²⁾ Constit., 116; Codex, 91.

³⁾ Codex, 91.

⁴⁾ Constit., 112.

⁵⁾ Codex, 91.

Протоархимандритъ обязанъ быть вернымъ, ничтогдѣльнымъ и послушнымъ престолу апостольскому и обязывается прежде всего подавать въ этомъ дѣлѣ примѣръ подчиненнымъ; то онъ долженъ стараться соблюдать все эти обязанности и по отношению къ митрополиту, исполняя все то, что требуютъ его предписанія и постановленія римскаго престола изложенныя въ декретахъ Бенедикта XIV — *Inter plures* и *Super familiam*, а также постановленія базилианскихъ конституцій ¹⁾. Онъ обязанъ также быть услужливымъ по отношенію къ епископамъ, и если бы они, по недостатку священниковъ свѣтскаго янтра, необходимыхъ для назначенія о душахъ или для служенія при императорскихъ парвахъ, пресиди восполнить монахами недостатокъ свѣтскихъ священниковъ, — то протоархимандритъ старается уведомить, по возможности, ихъ нужды ²⁾, и постановляетъ, чтобы эти монахи, во время прохожденія полученной имъ должности совершенно подчинились епископамъ относительно того, что касается служенія въ церквахъ, богопочтенія и чистоты нравственности ³⁾.

Извѣщая о смерти митрополита или другаго епископа, равно какъ получивъ отъ провинціала увѣдомленіе о смерти монаховъ, фундаторовъ и благотворителей, умершихъ въ какой либо провинціи, протоархимандритъ извѣщаетъ остальныхъ провинціаловъ, чтобы, согласно постановленіямъ, совершаемы были поминовенія о нихъ ⁴⁾.

Протоархимандритъ, добрительно проводившій свою должность, по сложеніи ея, имѣетъ право избирать, по своему усмо-

¹⁾ Codex, 91. Означенные декреты см. въ кнѣжѣ — *Statute et brevia*.

²⁾ См. декреталь 30 марта, 1756 г. тамъ же, ч. II, 102—113.

³⁾ Тамъ же; см. тотъ же декреталь.

⁴⁾ Codex, 92.

трѣмъ, каковой либо монастырь для жительства и управления имъ ¹⁾.

Первыми и важнѣйшими помощниками протоархимандрита были генеральные консульторы ²⁾. Количество ихъ въ разное время было не одинаково. На Дубенской капитулѣ 1743 года постановлено было избирать четырехъ консульторовъ и двухъ секретарей ³⁾. Брестская капитула 1751 г. постановила— вмѣсто четырехъ генеральныхъ консульторовъ избирать только двухъ консульторовъ, одного прокуратора и двухъ секретарей ⁴⁾. Съ раздѣленіемъ же въ 1780 г. прежнихъ двухъ базилианскихъ провинцій на четыре, — избиралось по одному консультору изъ каждой провинціи; но зато уничтожена должность секретаря и поручена консульторамъ ⁵⁾.

Базилианскія капитулы — Дубенская 1743 года и Брестская 1751 года дозволяли генеральнымъ консульторамъ управлять въ своихъ провинціяхъ особыми монастырями и жить не въ одномъ мѣстѣ съ протоархимандритомъ ⁶⁾: но конгрегация распространила въры, декретомъ своимъ отъ 26 ноября 1751 года не дозволила имъ управлять особыми монастырями и обязала постоянно находиться въ томъ монастырѣ, въ которомъ живетъ протоархимандритъ ⁷⁾. Консульторамъ не дозволялось также, до истеченія срока избранія, соединять съ своею должностію какую либо дру-

¹⁾ Constit., 117. Первоначально это постановлено было на Брестской капитулѣ 1751 г., только объ экс-протоархимандритѣ Билинскомъ; но потомъ распространено на всѣхъ экс-протоархимандритовъ.

²⁾ Const., 122; Codex, 92.

³⁾ Дубен. конгр. 1743 г. сесс. 14, въ рукоп. Волын. сем. № 1289.

⁴⁾ Брестск. конгр. 1751 г. сесс. 2, § 2; тамъ же.

⁵⁾ Codex, 92. Сн. Декретъ конгрегации распр. въры 7 февр. 1784 г. въ книгѣ *Indulgentiae, brevia, decreta...*, 1788 г., ч. 1, стр. 55—56.

⁶⁾ Конгр. Дуб. 1743 г., сесс. 14, и Брестск. 1751 г., сесс. 2, § 4, въ рукоп. Волын. сем., № 1289.

⁷⁾ *Bullae et brevia...*, ч. II, стр. 80—86; сн. Codex, 92; Constit., 122.

гуя, за исключеніемъ случая возвращенія на царковнѣе benches. Посему они не могутъ, во время отправленія своей должности, быть избираемы на провинціальныхъ капитулахъ въ провинціальные визитаторы, но только на генеральной капитулѣ, по прошествіи срока, когда сложать свои обязанности, которыя они обязаны сложить на ней непосредственно предъ избраніемъ протоархимандрита ¹⁾. Чтобы точнѣе исполнять обязанности своего служенія, — для этого они преимущественно должны имѣть въ виду общее благо и къ достиженію его направлять всѣ свои мысли, усвоятъ посредствомъ частаго чтенія декреты и резолюціи римскаго престола, а также постановленія базилианской конгрегаци, дабы не допустить когда либо рѣшеній, несогласныхъ съ базилианскими законами; разсматриваемое дѣло должны хорошо обсудить, а приносить мнѣніе послѣ предварительной молитвы, особенно въ трудныхъ дѣлахъ. Если они найдутъ, что дѣло требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія, то просятъ у протоархимандрита времени для обсужденія. Если мнѣніе нужно излагать словесно, то они должны излагать его врато, доказательство же противной стороны опровергать съ соблюденіемъ скромности ²⁾. Мнѣнія свои приносятъ, начиная съ послѣдняго консултатора, и если при этомъ возникнетъ какое либо разногласіе, то рѣшаютъ дѣло секретными голосами, съ соблюденіемъ того же порядка ³⁾. Если кому либо изъ консулторовъ придетъ на мысль что-либо такое, что онъ считаетъ полезнымъ для общаго блага, то можетъ предлагать это, хотя бы его и не спрашивали, дабы, по тщательномъ разсмотрѣніи, постановлено было то, что заблагоразсудится о Господѣ. При назначеніи на мѣста настоятелей, они не должны руководиться личными страстями, но подаютъ свои голоса безъ

¹⁾ Const., 122—123; Codex, 92. См. Брестск. помгр. 1772 г., сесс. 4, §. 38, въ Начал. библ., № 284.

²⁾ Const., 123; Codex, 92.

³⁾ Codex, 92.

всякаго пристрастія, ненависти и страха, всегда предпочитая общественное благо ордена частнымъ интересамъ. Съ этого цѣлью строго предписывается, чтобы въ началѣ каждой консультаціи она предварительно прочитывали формулу принесенной ими присяги. Имъ дозволяется разсматривать и разбирать акты визитаціи провинціаловъ; однако они дѣлаютъ это не иначе, какъ только по требованію необходимости. Они не должны отрыватъ другияго того, что имъ сообщилъ протоархимандритъ или о чемъ происходило совѣщаніе, а тѣмъ болѣе о томъ, что постановлено, пока протоархимандритъ не объявитъ объ этомъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Дѣла письменна поручаемыя имъ провинціаломъ или какимъ либо монахомъ и требующія рѣшенія протоархимандрита, излагаютъ протоархимандриту или на консультаціи, или въ ея ¹⁾. Переписку по дѣламъ ордена они раздѣляютъ между собою равномѣрно, такъ что, когда въ извѣстный годъ одинъ изъ нихъ ведетъ текущія дѣла и составляетъ важнѣйшія письма протоархимандрита, другой записываетъ рѣшенія консультаціи, а остальные двое освобождаются отъ занятій; въ слѣдующій годъ, напротивъ, послѣдніе двое занимаются дѣлопроизводствомъ, а первые двое отдыхаютъ. Занимающіеся дѣлопроизводствомъ обязаны также давать нужныя выписки изъ дѣлъ, наблюдать за печатями и подписываться около нихъ ²⁾. Если кому либо изъ нихъ придется получить степень, несовмѣстимую съ его должностію, то онъ обязанъ всѣ подлинныя документы по дѣламъ ордена или провинцій возвратитъ въ подлежащія архивы ³⁾.

Въ случаѣ смерти протоархимандрита, до окончанія срока его избранія, или возведенія его на епископство, викариевъ управ-

¹⁾ Const., 123—124 Codex, 92—96

²⁾ Codex, 93.

³⁾ Const., 124. См. конгр. Бресток. 1751 г., сесс. 2, § 4, въ рукоп. Воамп. сем., № 1289.

*

леніе конгрегаціей принимаетъ на себя протоконсульторъ или сопровинціальныи протоархимандриту консульторъ, который въ такомъ случаѣ, подъ именемъ викарнаго генерала, полновластно управляетъ конгрегаціей до окончанія срока избранія протоархимандрита и въ управленіи конгрегаціей пользуется всеми тѣми правами, какими и самъ протоархимандритъ ¹⁾). Однако онъ не прежде приступаетъ къ своей должности, какъ произнесши въ присутствіи остальной генеральной консульторіи, присягу на вѣрность и послушаніе, по той формѣ присяги, какая предписана для самаго протоархимандрита. Кромѣ того, онъ обязанъ также оказать должную честь и уваженіе митрополиту и, до принятія викариатства, извѣстить его о смерти или выбытіи протоархимандрита. Еслибы самъ викарный генералъ умеръ или получалъ епископство, тогда сопровинціальныи ему генеральныи консульторъ, какъ председатель конгрегаціи, до избранія будущаго викарія, созвавши консульторовъ провинцій, избираетъ вмѣстѣ съ ними и остальной своей генеральной офеціей, большинствомъ присяжныхъ голосовъ, кого либо изъ присутствующихъ или отсутствующихъ той провинціи. Избранныи такимъ образомъ викарій начальствуетъ надъ всей конгрегаціей такъ, какъ сказано о протоконсульторѣ. Когда умретъ или получитъ епископскій санъ другой кто либо изъ генеральныхъ консульторовъ, то такимъ же образомъ должны быть созваны консульторіи провинцій, дабы онѣ, вмѣстѣ съ генеральной консульторіей, избрали большинствомъ секретныхъ голосовъ кого либо изъ отсутствующихъ, лишь бы избранныи былъ хорошии человекъ и принадлежалъ къ той же провинціи и по избраніи своею принесъ обычную при-

1) Codex, 93. См. Nexus, 1748 г., въ актахъ Дубен. капит. 1748 г., библ. Волын. сем., № 1299. Конгр. Врестск. 1751 г., сесс. 2, § 13, тамъ же. Декретомъ 1 июля 1786 г. разрѣшено викарію Корчинскому, въ теченіи своего викариатства, пользоваться понтификалами, т. е. епископскими украшеніями. См. Indulgentiae brevis, decreta, ч. I, стр. 60—61.

сягу предъ протоархимандритомъ или викарнымъ генераломъ. Если викарій или какой либо изъ генеральныхъ консульторовъ удостоенъ будетъ епископскаго сана, то онъ долженъ выполнить все то, что требуется отъ самаго протоархимандрита, возведеннаго на епископство ¹⁾. По смерти какого либо генеральнаго консультора, все движимое имущество, бывшее въ его пользованіи, принадлежитъ той провинціи, изъ коей избранъ былъ умершій ²⁾.

Важное значеніе въ базилианскомъ ордентъ имѣлъ генеральный прокураторъ въ Римѣ. На Дубенской капитулѣ 1743 года время его должности не было опредѣлено съ точностію: генераль съ консульторіями обѣихъ провинцій, могъ отозвать прокуратора и назначить другаго, соблюдая очередь между провинціями ³⁾. Но съ теченіемъ времени срокъ его должности опредѣленъ былъ тѣмъ временемъ, какое назначено было для остальныхъ должностныхъ лицъ ордена; вслѣдствіе чего прокураторъ избирался на генеральныхъ капитулахъ большинствомъ секретныхъ голосовъ ⁴⁾ и притомъ раньше избранія генеральныхъ секретарей ⁵⁾. Придавая особенную важность должности прокуратора, какъ защитника и представителя ордена въ Римѣ, базилиане хотѣли даже избирать его на генеральныхъ капитулахъ раньше генеральныхъ консульторовъ, т. е. непосредственно послѣ избранія генерала, и ходатайствовали предъ папою, чтобы ихъ прокураторъ имѣлъ преимущество передъ прокураторами другихъ орденовъ; но Кон-

¹⁾ Codex, 98—94. См. акты Брестск. конгр. 1773 г., сесс. 4, § 86, въ Почев. библ., № 884.

²⁾ Codex, 94.

³⁾ Дубен. капит. 1743 г., сесс. 1, въ рукоп. Волын. сен., № 1289.

⁴⁾ Const., 124—126. См. декреталь 2 мая 1744 г., въ книгѣ Bullae, brevia, II, 1—60. На Брестской капитулѣ 1761 г., установлена форма присяги для прокуратора. См. акты этой капитулы, сесс. 2, § 12, въ рукоп. Волын. семин., № 1289.

⁵⁾ Конгр. Брестск. 1747 г., сесс. 8; тамъ же.

грегори распространения вѣры не согласилась расширить права прокураторовъ, и безъ того обширныя ¹⁾. За то базилиане болѣею частію избирали въ генералы своего ордена людей, бывшихъ прокураторами въ Римѣ.

Генеральный прокураторъ въ Римѣ, обязанный быть внимательнымъ къ своей должности, аккуратнымъ и осмотрительнымъ, старается приобрести и сохранить благосклонность тѣхъ, коихъ содѣйствіе необходимо для веденія дѣлъ ²⁾. Онъ не можетъ приступать ни къ какому дѣлу, касающемуся всей Конгрегациі или какой либо ея провинціи, не получивъ на это письменнаго разрѣшенія протоархимандрита ³⁾; равно и частныя дѣла монастырей, поручаемыя имъ настоятелями, — если они большой важности, — никогда не начинаетъ вести, если они не будутъ разрѣшены и поручены ему протоархимандритомъ. Прокураторъ заботится, чтобы дѣла велись правильно и хорошо. Посему, если нужно совѣщаться съ законовѣдами, то онъ долженъ совѣтоваться съ опытнѣйшими и такихъ же избирать куріаловъ, если чрезъ нихъ нужно вести дѣла; часто извѣщаетъ протоархимандрита о положеніи дѣлъ, въ какомъ они находятся, и о томъ, что предпринято относительно ихъ, особенно увѣдомляетъ его о тѣхъ случаяхъ, когда, по трудности дѣлъ, нужны будутъ экстраординарныя пособія, и испрашиваетъ необходимую помощь. Особенно онъ заботится о томъ, чтобы архивъ ордена, находящійся въ римской резиденціи, какъ переданный ему предшественникомъ его,

¹⁾ Декретъ 10 іюля 1776 г., въ книгѣ *Indulgentiar, brevium, decretorum*, ч. I, стр. 14—20, §§ 8 и 6.

²⁾ *Constit.*, 125; *Codex*, 94.

³⁾ *Constit.*, 125; *Codex*, 94. См. Дубер. капит. 1748 г., сесс. 14, въ библиотек. водян. сем., № 1289; декретъ Конгр., 10 іюля 1776 г., § 15, въ книгѣ *Indulgentiar, brevium, decretorum*, I, 14—20. Это дравило явилось для ограниченія самоволия прокураторовъ, на которое не разъ жаловались базилиане на своихъ капитулахъ.

такъ и накопившіеся при немъ, содержится въ чистотѣ и порядкѣ, хранится въ сухомъ и безопасномъ отъ огня мѣстѣ и въ точности переданъ былъ преемнику. Генеральный прокураторъ вѣрно исполняетъ письменныя порученія протоархимандрита и строго хранитъ сообщенный ему секретъ. И преемнику онъ заимать также должноеть ректора римскаго дома; то посему долженъ хорошо знать правила, опредѣляющія обязанности мѣстныхъ настоятелей и тщательно исполнять то, что предписано имъ. Въ концы срока своей должности, до сдачи преемнику отчета въ текущихъ доходахъ и расходахъ и домшномъ и церковномъ хозяйствѣ, онъ составляетъ инвентарь всѣмъ вещамъ и описаніе положенія дома, въ какомъ онъ принялъ его и въ какомъ передаетъ преемнику, — и все это представляетъ генеральной капитулѣ въ двухъ экземплярахъ, одинъ — для передачи избранному на сей капитулѣ преемнику, другой за подписью новаго прокуратора, для представленія протоархимандриту ¹⁾. Онъ не долженъ обременять находящейся подъ его вѣдѣніемъ гостиницы св. Сергія и Бакха долгами, безъ согласія протоархимандрита и соизволенія папскаго престола ²⁾, а тѣмъ болѣе не долженъ хлопотать объ увеличеніи своихъ доходовъ, сверхъ ежегоднаго пособія, получасмаго отъ провинцій ³⁾. Если генеральный прокураторъ въ Римѣ, до истеченія срока избранія: или умретъ, или получитъ высшій санъ, несомѣстный съ его должностію, то протоархимандритъ съ генеральной и провинціальными консулторіями избираетъ другаго изъ тойже провинціи, изъ которой былъ прежній ⁴⁾. На генеральныхъ консулталціяхъ,

1) Const., 125—126; Codex, 91—95.

2) Тамъ же; см. депрешъ 30 апрѣля 1750 г. въ кн. *Ballae et brevia*, II, 123—135.

3) Const., 126; Codex, 95.

4) *Concetti*, 125; Codex, 95. См. Врестск. конгр. 1751 г., сесс. 2, § 15, въ рукоп. Волян. сем., № 1289.

на конхъ присутствуетъ послѣ своего избранія, — онъ занимаетъ мѣсто послѣ консульторовъ и въ томъ же порядкѣ подписываетъ акты генеральной капитулы ¹).

Кромѣ перечисленныхъ генеральныхъ лицъ, была еще нѣкоторое время, должность генеральныхъ секретарей. На Дубенской капитулѣ 1743 г. положено было избирать двухъ секретарей по одному изъ каждой провинціи, что подтверждено и Брестской капитулой 1751 года ²). Они должны были имѣть у себя книги визитацій, генеральныя капитулы и всѣ другіе акты ордена ³) и имѣли совѣщательный голосъ на генеральныхъ консультаціяхъ, вслѣдствіе чего обязаны были, наравнѣ съ консульторами, приносить присягу какъ въ послушаніи папѣ и орденскимъ постановленіямъ, такъ и относительно соблюденія справедливости въ размѣщеніи должностныхъ лицъ и награжденіи ихъ ⁴). Въ ихъ вѣдѣніи находились также печати ордена, большая и малая, и текуція дѣла ордена. Большая печать ордена хранилась у сопровинціального генералу секретаря, а малая — у другаго секретаря; у перваго — совѣщанія и разсужденія о важнѣйшихъ дѣлахъ провинцій, у втораго — письменныя рѣшенія и текуція дѣла протоархимандрита ⁵). Но когда на капитулѣ 1780 г. положено было раздѣлить базилианскій орденъ на четыре провинціи, вмѣсто прежнихъ двухъ; то базилиане не нашли удобнымъ увеличивать число генеральныхъ секретарей и совершенно уничтожили должность генеральныхъ секретарей, поручивъ обязанности ихъ генеральнымъ консульторамъ ⁶).

¹) Codex, 95.

²) Дубен. конгр. 1743 г., сесс. 11, и Брестск. 1751 г., сесс. 2. § 2, въ рукоп. Волин. сем., № 1289; см. Совет., 122.

³) Дубен. конгр. 1743 г., сесс. 13, въ рукоп. Волин. сем., № 1289.

⁴) Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 9, въ Почаев. библ., № 384.

⁵) Тамъ же, сесс. 4, §§ 13 и 14.

⁶) Объ этомъ сказано выше. См. декретъ конгр. 7 февр. 1784 г. въ книгѣ: *Indulgentiae, brevia, decreta*, ч. 1, стр. 55—56.

Въ каждой базилианской провинціи долженъ быть свой непосредственный начальникъ, называемый визитаторомъ провинціи или провинціаломъ, который ежегодно визитуетъ подчиненные ему монастыри и заботится объ ихъ духовномъ и временномъ благѣ: перемѣщаетъ, въ случаѣ нужды, монаховъ; поставляетъ въ монастыряхъ тѣхъ должностныхъ лицъ, коихъ назначеніе предоставлено ему конституціями. Онъ избирается на провинціальной капитулѣ и управляетъ своей провинціей въ теченіи четырехъ лѣтъ. Тотчасъ послѣ своего избранія, онъ произноситъ предъ протоархимандритомъ присягу въ должномъ повиновеніи римскому престолу, протоархимандриту и всему тому, что заключается въ формулѣ присяги ¹⁾. Особенный же долгъ его служенія состоитъ въ томъ, чтобы ввѣренную ему провинцію усовершенствовать въ монашеской жизни и смотрѣть за точнымъ исполненіемъ долга подчиненными ему монахами ²⁾. Онъ долженъ всячески стремиться ко благу провинціи, быть твердымъ духомъ и не отступать ни передъ какими препятствіями къ исполненію своего долга. Кроме правъ, какия предоставляются ему семи правилами, онъ пользуется также и всѣми тѣми, какия по закону принадлежать епископской власти, и, въ силу данныхъ базилианамъ привилегій, усвоены ихъ провинціаламъ. Однако онъ не можетъ предоставлять себѣ разрѣшеніе въ своей провинціи каинихъ либо грѣховъ изъ одиннадцати Климентовыхъ, равно какъ отмѣнять древніе обычаи, общіе во всей провинціи ³⁾. Онъ не долженъ также вводить какой либо новизны, если она не признана будетъ полезною для провинціи и не одобрена провинціальной капитулой ⁴⁾. Во время прохожденія своей должности онъ старается содер-

¹⁾ Const., 127—128; Codex, 95—96. Св. Дубен. капит. 1743 г., сесс. 11; Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4.

²⁾ Const., 180; Codex, 96.

³⁾ Codex, 96. Объ 11-ти грѣхахъ сказано въ предыдущей статьѣ.

⁴⁾ Const., 186; Codex, 96.

жать въ надлежащемъ порядкѣ лошадей, повозки и все прочее необходимое, что онъ обязанъ, по окончаніи своей должности, передать преемнику въ цѣлости ¹⁾. При сдачѣ должности, обязанъ, вмѣстѣ съ канцеляремъ или секретаремъ, дать отчетъ въ приходѣ и расходѣ контрибуцій не только протоархимандриту ²⁾, но и своей провинціальной капитулѣ, еслибы этого потребовали члены капитулы ³⁾. Въ случаѣ долговременной и тяжелой болѣзни, онъ назначаетъ провизконсультора, который вмѣсто провинціала, исполняетъ на счетъ провинціальной кассы обязанности визитатора. Въ другихъ же случаяхъ какого либо законнаго препятствія, можетъ назначать кого либо другаго, по своему усмотрѣнію, лишь бы избранный былъ или изъ числа своихъ консульторовъ, или настоятелей монастырей; или же, по причинѣ отдаленности, можетъ назначить какого либо достойнаго монаха, особенно изъ числа заслуженныхъ. Но, кого бы онъ ни назначалъ, никому изъ нихъ не даетъ права перемѣщать лицъ, даже протоконсультору, который, въ случаѣ надобности перемѣщенія, или самъ лично, или письменно обращается къ визитатору, на исключеніемъ развѣ неотложной нужды, въ какомъ случаѣ немедленно уведомляетъ о семъ визитатора. Назначенный такимъ образомъ принимаетъ на себя всѣ обязанности назначившаго визитатора ⁴⁾. Если провинціалъ, до истеченія срока избранія, возведенъ будетъ въ санъ, несовмѣстимый съ его должностію; то онъ долженъ немедленно,

¹⁾ Const., 187; Codex, 96.

²⁾ Тамъ же. Св. Брестск. кант. 1747 г., сесс. 5, § 17, въ рукоп. Вол. семин., № 1289.

³⁾ Тамъ же. Св. Брестск. кант. 1772 г., § 40; декретъ конгрегациі распр. 26 окт. 1752 г. въ книгѣ *Vulgaris et brevia*, II, 80—86. Въ 1763 г., на Вѣлостокской провинціальной капитулѣ на 77 монастырей русской базил. провинціи наложена контрибуція въ 5018 злотыхъ, См. акты сей капитулы въ Почеув. арх., сесс. 5, № 587.

⁴⁾ Const., 129; Codex, 96—97.

по получении извѣстія о возведеніи своемъ, отдать строгій отчетъ въ приходѣ и расходѣ и возвратитъ по принадлежности всё бывшіе у него автографы, крѣпостные акты и документы, принадлежащіе провинціи или монастырямъ, а также акты своей должности и книги визитацій ¹⁾.

На своихъ консультаціяхъ провинціалъ поступаетъ такимъ же образомъ, какой опредѣленъ правилами для протоархимандрита ²⁾. Провинціальныя консульторы и секретари имѣютъ на консультаціяхъ рѣшающій голосъ; въ случаѣ же равенства голосовъ провинціалъ имѣетъ два голоса ³⁾. Кромѣ тщательнаго изученія правилъ св. Василія Великаго, общихъ постановленій и особыхъ обычаевъ своей провинціи, онъ долженъ усвоить собою частныя чтеніемъ и правила, написанныя для отдѣльныхъ должностныхъ лицъ и слушающихъ при монастыряхъ, заботится также о обнародованіи постановленій генеральныхъ капитуловъ и распоряженій дѣлаемыхъ провинціальными капитулами по монастырямъ своей провинціи, въ надлежащему свѣдѣнію и исполненію ⁴⁾. Для облегченія въ дѣлопроизводствѣ до 1772 года провинціалъ имѣлъ своего особаго секретаря, кромѣ секретаря провинціи; но Брагская капитула 1772 г. уничтожила это званіе, предоставивъ провинціалу право имѣть для дѣлопроизводства какого либо монаха, лишь бы этотъ монахъ обязался присягою хранить секреты ⁵⁾. Черезъ каждые три мѣсяца провинціалъ требуетъ отъ казначея отчета въ приходѣ и расходѣ контрибуцій кассы, такъ

¹⁾ Тамъ же. Св. Брестск. капит. 1751 г., сесс. 2, § 14, въ рук. Вол. семп., № 1289; Брестск. капит. 1772 г., сесс. 4, § 35, въ Почаев. библиот. № 384.

²⁾ Codex, 97. См. выше о протоархимандритѣ.

³⁾ Конгр. Брестск. 1772 г., сесс. 4, въ Почаев. библи. № 384.

⁴⁾ Const., 130 и 136; Codex, 97.

⁵⁾ Конгр. Брестск. 1772 г., сесс. 4, § 18. Св. Codex, 97.

чтобы онъ зналъ о состояніи контрибуцій и самъ могъ дать отчетъ, по требованію базилианскихъ конституцій ¹⁾.

Хотя провинціалъ не можетъ назначать въ своей провинціи настоятелей монастырей, пользующихся правомъ голоса на капитулахъ; однако онъ можетъ призывать ихъ къ суду; запрещать и назначать другихъ для исправленія ихъ должностей, какъ протоархимандритъ, вслѣдствіе его представленія, не назначитъ новаго настоятеля. Если вокальные монастыри будутъ нуждаться въ настоятеляхъ, то онъ всегда обращается къ протоархимандриту такимъ способомъ, какой опредѣленъ въ правилахъ протоархимандрита ²⁾. Провинціалъ назначаетъ настоятелей въ вокальные монастыри, перемѣняетъ ихъ и отрѣшаетъ за вину, однако по большинству голосовъ своей консулторіи; назначаетъ въ каждомъ монастырѣ ѳикаріевъ, духовниковъ, гимнасіарховъ, проповѣдниковъ, еkkлeсіарховъ, магистровъ и профессоровъ во всѣхъ классахъ, экономовъ и келарей. Магистровъ новіціевъ и другихъ должностныхъ лицъ, имѣющихъ право голоса на капитулахъ, онъ можетъ назначать самъ, но вмѣстѣ съ своей консулторіей ³⁾. Онъ выдаетъ послушный листъ настоятелямъ вокальныхъ монастырей поставляемымъ отъ протоархимандрита. назначаетъ инсталляторовъ и все это дѣлаетъ не болѣе, какъ въ теченіи мѣсяца ⁴⁾; всячески заботится, чтобы въ монастыряхъ монахи почитали и уважали своихъ настоятелей; а посему никто не освобождаетъ отъ повинностей имъ и не даетъ никакихъ привилегій, которыя бы давали подчиненнымъ поводъ ослушаться

¹⁾ Codex, 97.

²⁾ Декретъ конгр. распр. вѣрм 10 іюля 1775 г. въ книгѣ *Indulgentiarum brevia, decreta*, 1. 14—20. См. Codex, 97.

³⁾ Const., 181—182; Codex, 98. См. конгр. Брестск. 1772 г. сес. 4. § 17, въ Почаев. библ., № 381.

⁴⁾ Codex, 98. См. декретъ конгр. 21 апрѣля 1755 г. въ *Ballae et brevibus* II, 102—108.

своихъ настоятелей. Способныхъ къ важнѣйшимъ и большимъ должностямъ сначала назначаетъ къ исполненію низшихъ обязанностей, гдѣ бы ясно могъ обнаружиться ихъ талантъ, если другіе путемъ не получатся свѣдѣній о способности извѣстнаго лица къ этой должности. Вообще, если онъ намѣренъ поручить извѣстному лицу какія либо занятія и обязанности, соответственно его способностямъ, то въ этомъ дѣлѣ онъ преимущественно имѣетъ въ виду общее благо, а не личное ¹⁾. Если найдетъ кого либо особенно способнымъ къ проповѣдничеству и совершенію миссій; то онъ заботится, чтобы они всецѣло посвятили себя этому дѣлу, и не иначе поручаетъ имъ другія занятія, какъ по требованію важной причины ²⁾. Равно, если онъ найдетъ такихъ, кои, по его мнѣнію, могли бы быть полезными для Конгрегациі болѣе преподаваніемъ реторики и другихъ школьныхъ наукъ, чѣмъ другимъ занятіемъ, и кои бы сами пожелали заниматься преподаваніемъ наукъ; то допускаетъ ихъ къ этому, если нѣтъ препятствій, и увѣщеваетъ, чтобы они всецѣло посвятили себя этому спасительному дѣлу ³⁾. Если нужно перемѣщать монаховъ, то онъ перемѣщаетъ ихъ однажды въ годъ, и притомъ въ такое время, когда можно отправляться въ путь безъ неудобствъ для монастырей, монаховъ и самихъ перемѣщаемыхъ; монаховъ же размѣщаетъ такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ монастырѣ ихъ было не больше, какъ сколько можетъ содержать монастырь на свои доходы. Если же монастырь обремененъ долгами, то можно содержать монаховъ и менѣе положеннаго числа. Безъ важной причины провинціалъ не перемѣщаетъ монаховъ въ отдаленные монастыри, и послушальные листы выдаетъ не безыменные, но съ прописаніемъ имени монаха и мѣста, куда онъ

¹⁾ Const. 132; Codex, 98.

²⁾ Codex, 98.

³⁾ Const., 136; Codex, 98.

назначенъ ¹⁾). Миссіонеромъ же онъ разсмѣщается такъ, чтобы в случаѣ перемѣщенія одного изъ нихъ, оставался другой, который бы приучалъ постепенно вновь присланнаго къ нему товарища къ его обязанности и какъ бы дѣлалъ его будущимъ преемникомъ своего метода. Никогда не назначаетъ монаховъ къ мирскимъ занятіямъ, какъ-то къ знатіямъ комиссаровъ, администраторовъ и т. п., хотя бы и предвидѣлась отсюда польза для каждаго монастыря; заботится, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ приходомъ, жило по крайней мѣрѣ по два монаха, которые каково могли бы быть свидѣтелями и администраторами нововведеній чистоты ²⁾). Хотя базилианскими конституціями постановлено, чтобы должность высшихъ начальниковъ или настоятелей епархіальныхъ продолжалась въ теченіи 4-хъ лѣтъ, отъ одной епархіи до другой; однако провинціаль можетъ, съ согласія свѣтской консулторіи, въ видахъ большей пользы монастыря, оставить достойныхъ и полезныхъ настоятелей на другое четырехлѣтіе равно какъ, по важной, законной и неотложной причинѣ, перемѣщать и до истеченія четырехлѣтія и лишать должности; но онъ не иначе приступаетъ къ низложенію настоятелей, какъ представивъ на разсмотрѣніе свѣтской консулторіи важныя причины къ тому и получивъ на то согласіе консулторіи ³⁾.

Клирикъ, прошедшій годъ испытанія, но не достигшій возраста, установленнаго для процессіи или торжественнаго принятія монашескихъ обѣтовъ, провинціаль можетъ назначать или для обученія наукамъ, или къ монастырскимъ службамъ, и притомъ или въ монастырѣ новиціатскомъ, или въ другомъ, если они не достигнутъ требуемаго для процессіи возраста. Для допущенія же новиціевъ къ торжественной процессіи, кромѣ согласія

¹⁾ Const., 132—133; Codex, 98—99.

²⁾ Codex, 99.

³⁾ Codex, 99. Св. Врестск. конгр. 1773 г., сесс. 4, § 25, въ Поламбл., № 384.

монастырской консультерин, требуется еще согласие провинциала, которой никогда не дасть его для клириковъ, неусовершенствовавшихся въ христіанскомъ ученіи ¹⁾. Чтобы неопрофессы не утратили того духа, конизъ намоены въ новиціатъ, но еще болѣе преуспѣвали въ немъ, — для этого провинциаль, немедленно по проше-сеніи ими торжественныхъ обѣтовъ, посылаетъ ихъ во второй новиціатъ, дабы они духовно упражнялись тамъ въ теченіи трехъ лѣтъ ²⁾, и заботится, чтобы они жили тамъ отдѣльно отъ прежнихъ профессовъ, въ строжайшей дисциплинѣ и подъ надзоромъ опытнаго магистра, по предписаннымъ для магистра неопрофес-совъ правиламъ, и обучались наукамъ. Клириковъ же, неспособныхъ къ философскимъ наукамъ и латинскому языку, онъ посылаетъ для обученія нравственному богословію на отечествен-ную языкѣ и заботится, чтобы и они также, въ теченіи трехъ или покрайней мѣрѣ двухъ лѣтъ содержались въ строгой дисциплинѣ и подъ надзоромъ магистра профессовъ, по предписаннымъ для него правиламъ. Ляжковъ неопрофессы онъ посылаетъ въ большіе монастыри, гдѣ, для большаго усовершенія ихъ въ благо-честіи, они находятся подъ вѣдѣніемъ викарія, замѣняющаго для нихъ магистра, и упражняются въ послушаніяхъ, не препятствую-щихъ духовному совершенству. Тамъ же занятія и послушанія, не препятствующія духовному совершенству, онъ назначаетъ и для клириковъ, торжественно принимающихъ, по окончаніи на-учъ, монашество, и въ теченіи трехъ лѣтъ упражняетъ ихъ въ смиреніи, подъ болѣе строгой дисциплиной, чѣмъ подъ какою должны находиться прочіе клирики неопрофессы. Но провинциаль долженъ знать, что, до окончанія втораго новиціата, никакого неопрофессы онъ не можетъ послать внѣ провинціи или въ пре-дѣлахъ ея для обученія наукамъ, безъ настоятельной нужды ³⁾.

¹⁾ Тамъ же. См. декретъ 2 августа 1784 г. *Indultentiae*, I, 52—53.

²⁾ *Concl.*, 182° *Codex*, 100; *См. Вресток. конгр.* 1778 г., *sess.* 4, § 52.

³⁾ *Codex*, 100.

Съ особенною заботливостію провинціалъ старается исполнить то, что ему предписано правилами относительно шмоль: тщательно наблюдаетъ, бывають ли въ свое время и въ надлежащемъ порядкѣ лекціи въ базилианскихъ школахъ и школьныя упражненія, и не опускаетъ дѣлать надлежащія указанія и исправленія ¹⁾. Особенное попеченіе имѣетъ онъ о братіяхъ, обучающихся въ чужихъ странахъ, наблюдаетъ за ними посредствомъ писемъ, отечески увѣщаетъ къ перенесенію трудовъ и, по возможности, удовлетворяетъ ихъ нуждамъ ²⁾.

Никто не можетъ принять священнаго сана, безъ разрѣшенія и рекомендаціи провинціала, который онъ даетъ только для тѣхъ, кои находятъ достойными того по возрасту, доброй нравственности и образованію ³⁾. Но онъ не долженъ допускать къ священному сану тѣхъ, 1) кои знаютъ какое либо низкое ремесло ⁴⁾; 2) кои не были въ неспроесскомъ новіціатѣ; 3) кои хотя и пробывши во второмъ новіціатѣ положенное время и обучались практическому богословію, однако не приобрѣли достаточнаго знанія гласовъ нашего хора и управленія имъ. А чтобы онъ могъ знать о познаніи, необходимомъ для принятія священнаго сана,—для этого онъ самъ по возможности испытываетъ возводимыхъ въ санъ, или по крайней мѣрѣ назначаетъ годныхъ людей, кои, обязавшись присягою—произносятъ правдивое сужденіе, дѣлають тщательное испытаніе относительно ихъ познанія и способностей; тѣхъ же, кои по экзамену признаны достойными полученія сана, онъ поручаетъ какому либо монаху, чтобы подъ его руководствомъ они хорошо изучили уніатскіе церковныя обряды.

1) Тамъ же.

2) Const. 135. Впрочемъ, эта обязанность, какъ мы уже видѣли, вслѣдствіи возложена на протоархимандрита.

3) Const. 132; Codex. 101.

4) Cod. 101. см. декретъ 11 іюля 1763 г. въ книгѣ Bullae et. brevia., ч. II, стр. 137—140.

Когда онъ посылается къ наедрѣ для полученія сана, то провинціалъ заботится, чтобы онъ захватилъ при себѣ свидѣтельство о крещеніи (baptizatio), и проситъ настоятеля того монастыря или какой либо соседней обители, чтобы тѣмъ, предъ чѣмъ либо руководитъ, она обучены были и тѣмъ обрядамъ, какіе по константиноу должны быть соблюдаемы при полученіи священнаго сана. Чтобы таинство посвященія совершилось съ тою оцнтностію, какою подобаетъ служителямъ Христовыхъ таинъ, провинціалъ ничего не допускаетъ къ принятію отъ вѣрующахъ исповѣди, если онъ самъ или пріяхныи анангаторы не признаютъ способнымъ въ тому ¹⁾. А чтобы болѣе увеличивалась оцнтность въ управленіи санктію, для этого провинціалъ во время вѣзитаціи монастыря, спрашиваетъ священниковъ управляются ли они въ чтеніи «Сазанн конскіентіае» и въ изученіи нравственнаго богословія, чтобы не забыть того, что изучили, и сдѣлать себя болѣе способными къ принятію исповѣди и управленію въ ней ²⁾.

Хотя провинціалъ никакъ не можетъ допустить новыхъ фундацій монастырей; однако на него возлагается обязанность смотрѣть, на какихъ условіяхъ онѣ предлагаются, — не обременительныя ли, съ какою выгодною для провинціи въ здоровомъ ли мѣстѣ, и все это представлять провинціальной капитулѣ. Петеръ разсматриваетъ дѣла новыхъ фундацій и не иначе даетъ ниъ дальнѣйшій ходъ, какъ строго соблюдъ все, что предписано канонами и отечественными законами. Если же провинціальная капитула не можетъ разсмотрѣть этого, напр. вездѣствіе трудной и опасной болѣзни фундатора, или найдетъ, что нельзя медлить по другой важной причинѣ; тогда провинціалъ можетъ обратиться къ протоархимандриту, чтобы онъ, какъ предсѣдатель провин-

¹⁾ Codex, 101. см. конгр. Брестск. 1772 г., сесс. 4, § 17, въ Поч. библ., № 381.

²⁾ Тамъ же. De casibus conscientiae—заданная Львомъ Кущковъ книга.

ціальної кантулы, розсмотрѣвъ и постановивъ относительно новой фундаціи то, що за благоразсудить о Господѣ ¹⁾. Онъ никогда не дасть настоятелямъ разрѣшенія воздвигать новыя зданія, дѣлать важныя перестройки и починки, не удостовѣрившись предварительно въ необходимости сего дѣла, и притомъ по сообщаніи дѣла своей консулторіи и разсмотрѣніи ея; не дозволяетъ приступать къ новымъ и важнымъ постройкамъ безъ представленія составленнаго опытнымъ архитекторомъ плана и разсмотрѣнія его какъ имъ самимъ, такъ и его консулторіей ²⁾. Провинціяжъ старается также имѣть два или больше плана монастырей, составленные опытнымъ архитекторами, чтобы можно было видѣть, все ли относящееся къ удобству монастырской жизни расположено на своемъ мѣстѣ и въ своемъ порядкѣ ³⁾. Для прекращенія излишнихъ по монастырямъ расходовъ, во время визитаціи онъ старательно развѣдываетъ, нѣтъ ли въ нихъ чего либо лишняго, рапримѣръ коней, излишней прислуги, воспитанниковъ и проч., нѣтъ ли какой либо роскоши и излишества въ пищѣ, одеждѣ и путешествіи настоятели, въ приѣмѣ гостей и проч., и замѣченнаго старается уничтожить ⁴⁾. Если замѣтитъ, что настоятель нуждается въ помощи опытнаго челоука, для управленія хозяйствомъ; то старается о томъ, чтобы ему данъ былъ или викарій, или экономъ, достаточно знакомый съ экономическими дѣлами, дабы хозяйство монастыря не потерпѣло какого либо вреда ⁵⁾; не иначе допускаетъ обременять монастыри долгами, какъ убѣдившись, что неотложная необходимость этихъ долговъ предварительно разсмотрѣна и обсуждена монастырскими консулторами, а также обсуждена и способъ уплаты долговъ насчетъ

¹⁾ Codex, 102 и 103.

²⁾ Const., 133; Codex, 102 Св. Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 57.

³⁾ Codex, 102.

⁴⁾ Const., 133; Codex, 102.

⁵⁾ Const., 133; Codex, 102.

доходовъ и подаяній ¹⁾). Для поддержанія хозяйства въ своей провинціи, онъ старается строго и тщательно разсматривать приходо-расходныя книги и не довольствуется свѣдѣніями о количествѣ доходовъ и расходовъ, но тщательно разсматриваетъ, сколько и откуда получено, сколько израсходовано, на какіе именно предметы, и насколько необходимы эти предметы; тщательно вникаетъ въ состояніе монастыря, сравниваетъ его положеніе въ текущемъ году съ состояніемъ въ предшествовавшемъ году и смотритъ, нѣтъ ли какой либо перемены къ лучшему или худшему; старается, чтобы въ каждомъ монастырѣ, по его состоятельности, ежегодно приготавливалось известное количество кирпича и извести или для новыхъ построекъ, или для починки прежнихъ, или наконецъ для выгоды монастыря ²⁾). Когда идетъ дѣло или объ отдачѣ въ долгъ денегъ или о заключеніи контрактовъ, не владущихъ за собою отчужденія, или о защитѣ монастырскихъ правъ; то провинціалъ всегда обдумываетъ, что будетъ полезнѣе, и старается чтобы бавиліане избѣгали тяжбъ, особенно о мирскихъ дѣлахъ, развѣ только дѣло прямо допускается бавиліанскими постановленіями и не можетъ кончиться законной сдѣлкой или согласіемъ; ибо въ такомъ случаѣ ихъ нужно допустить къ законной защитѣ своихъ интересовъ ³⁾). Крамѣ обычной контрибуціи на путевые расходы, онъ не долженъ прямо или косвенно требовать отъ монастырей подарковъ для себя и слугъ, а тѣмъ болѣе вымогать ихъ, вромѣ небольшого пособія изъ съѣстнаго, которое могутъ предложить ему ⁴⁾). Если не встрѣтится важнаго препятствія, то онъ не опускаетъ осмотрѣть всѣ недвижимыя имѣнія монастыря, находящіяся за его оградю, чтобы узнать, на какомъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Const., 133—135; Codex, 102—103.

³⁾ Codex, 103.

⁴⁾ Const., 135; Codex, 103.

мѣстѣ онѣ находятся и требуютъ ли лучшаго надзора и управленія ¹⁾).

Провинціалъ заботится, чтобы въ монастыряхъ строго исполнялось то, что предписывается или общинамъ, или особыми постапопленіями, и чтобы употреблялись предписанныя правилами эпитиміи или наказанія противъ нарушителейъ закона; особенно же тѣхъ, кои не исправляются отеческими увѣщаніями, съ соблюденіемъ предписаннаго въ правилахъ порядка ²⁾. Онъ смотритъ, чтобы не мнрвала кого либо предписанная строгость наказаній, чтобы униожена была всякая надежда на снисхожденіе и чтобы ясно было, что нужно соблюдать не только правила относительно особенныхъ обязанностей, но и все то, что предписано для всѣхъ. Онъ всѣхъ объедаетъ отеческою любовью и, соединяя со властію кротость, старается со всѣми быть законнымъ, чтобы съ довѣріемъ можно было обращаться къ нему; особенно въ духовныхъ дѣлахъ; заботится также о соблюденіи взаимной любви, единенія и сердасія въ монастыряхъ, по предписанію правилъ и конституцій, и нарушителейъ мира не оставяетъ безъ должнаго наказанія и исправленія, наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ постановленій относительно обѣта нестяжательности и совершенія заказныхъ литургій ³⁾. Если иногда, для привлеченія расположенія азиатныхъ людей или для изъясненія благодарности благодѣтелямъ, нужно будетъ възнамать божеслуженію, то провинціалъ дѣлаетъ это не иначе, какъ только съ совѣта и согласія своихъ консулторовъ. Какъ мѣстные настоятели обязаны извѣщать провинціала о смерти каждаго монаха; такъ и самъ провинціалъ

¹⁾ Codex, 103.

²⁾ Тамъ же. Объ этихъ правилахъ сказано будетъ въ слѣдующей статьѣ.

³⁾ Codex, 103; Const., 30—31, 39—66. св. Врестск. конгр. 1772 года сесс. 4, § 50. О нестяжательности и заказныхъ литургіяхъ въ предыдущей статьѣ.

обязанъ сообщать известіе объ умершихъ въ провинціи монахахъ протоархимандриту и своимъ монастырямъ, чтобы установленныя конновенія по умершимъ монахамъ не откладывались даже надлежннчаго ¹⁾).

Провинціальъ старается всегда оказывать протоархимандриту любовь, омирненіе и почитовненіе и считаетъ своимъ долгомъ оберегать его и свой авторитетъ передъ своими монахами и передъ сторонними и поддерживать ихъ расположеніе и любовь въ нему. Каждый годъ онъ представляетъ протоархимандриту отчетъ въ своихъ визитаціяхъ и акты этихъ визитацій съ аттестациями, чтобы дать понятіе, въ какомъ положеніи находится каждый монастырь и каждое лицо ²⁾); ежегодно представляетъ ему также списокъ лицъ своей провинціи, такимъ образомъ составленный, чтобы изъ него легко можно было видѣть, кто, гдѣ и чѣмъ занимается, а также съ означеніемъ переимѣненій, если они сдѣланы въ теченіи года ³⁾); и вообще заявляетъ о своей вѣрности къ протоархимандриту частою посылкою къ нему писемъ и сообщеніемъ ему всего того, что найдетъ нужнымъ сообщить о своей провинціи. Посредствомъ писемъ онъ старается также обшкаться къ себѣ расположеніе визитаторовъ, начальствующихъ надъ другими провинціями, дабы какъ можно болѣе преуспѣвало въ ордени единеніе духа и согласіе. Если представится случай помочь другимъ провинціямъ, то онъ не опускаетъ этого случая для того, чтобы показать примѣръ любви и оказать помощь, лишь бы своя провинція не лишлась необходимнхъ дѣателей; путевые же расходы покрываетъ та провинція, для блага и пользы которой предпринимается путешествіе ⁴⁾).

¹⁾ Codex, 104.

²⁾ Const, 131; Codex, 104—105. см. Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 28-й.

³⁾ Const, 137; Codex, 105.

⁴⁾ Codex. 105.

Каждый годъ провинціалъ обязываетъ монастыри своей провинціи и смотритъ, — все ли относительно духовныхъ и мирскихъ дѣлъ соблюдается по установленію, и это дѣлаетъ по формулѣ канонической визитаціи, предписанной орденскими постановленіями¹⁾. Хотя онъ, не имѣя, по важнымъ причинамъ, возможности самъ визитовать монастыри своей провинціи, имѣетъ право вмѣсто себя назначать для этого другихъ лицъ; однако онъ долженъ стараться самъ и съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣть всѣ тѣ монастыри, кои или имѣютъ новиціаты, или содержатъ семинаріи²⁾. Хотя онъ не можетъ визитовать лицъ аббатовъ и имѣній аббатскихъ монастырей, если ему не поручено будетъ это протоархимандритомъ; однако на его обязанности лежитъ визитовать лица монаховъ, живущихъ въ этихъ монастыряхъ и, въ случаѣ нужды, дѣлать распоряженія относительно ихъ³⁾. Какъ только начнется визитація, онъ немедленно долженъ слѣдовать общей жизни монастыря и не уклоняется ни отъ хора, ни отъ общей трапезы. Приступая къ допросу монаховъ, убѣждаетъ ихъ показывать правду и хранить въ секретѣ и молчаніи то, что на допросѣ сообщать или услышать секретное; не легко вѣрить тому, что говорятъ о другихъ, а особенно о настоятеляхъ, дабы легко вѣрїемъ не ослабить повиновенія и почтенія монаховъ къ ихъ непосредственнымъ начальникамъ. Если во время визитаціи замѣтитъ какое либо отступленіе отъ конституцій и правилъ, которое можетъ быть немедленно исправлено; то до выбытія своего изъ монастыря даетъ приказаніе, чтобы монахи безъ ропота исполняли свои обязанности, а настоятели наблюдали за болѣе точнымъ исполненіемъ ихъ. Во время визитаціи онъ не принимаетъ для своего рассмотрѣнія никакого дѣла между монахами,

¹⁾ Const. 130—131; Codex, 105. О визитаціи будетъ сказано ниже.

²⁾ Codex, 105.

³⁾ Const. 136; Codex, 105.

которое бы не было известно мѣстному настоятелю и не разбиралось имъ, развѣ только представлять уважительную причину, вследствие коей дѣло не было представляемо мѣстному настоятелю, или же самъ настоятель не хотѣлъ разсматривать его ¹⁾. Продолжительность своихъ визитацій онъ опредѣляетъ не правами, усвоенными известному монастырю, а потребностію; поэтому визитуетъ монастырь столько времени, сколько нужно для этого ²⁾. Если онъ прибудетъ въ какой либо монастырь не для визитаціи, а по дѣламъ другого монастыря, то содержится въ теченіи одного или двухъ дней пребыванія своего, съ лошадьми и прислугой, насчетъ того монастыря, для котораго дѣлается эта остановка. Въ дорогу онъ беретъ, по возможности, немного лошадей и никогда не болѣе того, сколько требуетъ обычай и необходимость ³⁾; не опускаетъ случая навѣстить людей, пользующихся авторитетомъ и оказавшихъ важныя услуги визитуемымъ монастырямъ, для поддержанія ихъ благоволенія къ своимъ монастырямъ и къ провинціи. Онъ заботится объ актахъ визитаціи и такъ хранитъ ихъ, чтобы не могъ пересматривать ихъ какой либо монахъ, а тѣмъ болѣе сторонній ⁴⁾.

Чтобы лучше достигнуть того, что полезно для провинціи, провинціалъ долженъ имѣть четырехъ консульторовъ съ правомъ рѣшающаго голоса, которые избираются на провинціальной капитулѣ: большинствомъ голосовъ и присягаютъ по предписанной для нихъ формѣ. Каждая провинція имѣетъ также своего секретаря, избираемаго на провинціальной капитулѣ большинствомъ голосовъ, который, наравнѣ съ консульторами, долженъ быть присяжнымъ, имѣетъ на провинціальныхъ совѣщаніяхъ рѣшающій

¹⁾ Codex, 106—106.

²⁾ Const, 135; Codex, 106.

³⁾ Const. 135; Cod. 106. Провинціалъ могъ пользоваться 11-ю лошадьми.

См. Дубен. конгр. 1743 г., сесс. 11 въ рукоп. Волын. семин., № 1289.

⁴⁾ Const, 135—137; Codex, 106.

гелосъ и кромѣ того составляютъ акты совѣщаній и хранитъ ихъ у себя вмѣстѣ съ печатью провинціи. Изъ сихъ должностныхъ лицъ провинціи визитаторъ самъ избираетъ одного, который долженъ быть его товарищемъ, мониторомъ и помощникомъ. Служеніе сего товарища продолжается до конца срока избранія визитатора, если только не будетъ важной причины къ увольненію его и избранію новаго товарища изъ тѣхъ же должностныхъ лицъ провинціи ¹⁾.

Консульторы обязаны жить не далѣе какъ на разстояніи двухъ дней пути отъ мѣстопребыванія провинціала, дабы удобнее было приглашать ихъ для совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ ²⁾. Когда они приглашаются на совѣщаніе, то провинціалъ показываетъ имъ дѣла, подлежащія обсужденію, если не будетъ къ тому препятствія, дабы они могли свободно обсудить дѣла и лучше правоту свои мнѣнія ³⁾. Посему они въ свѣтѣ провинціалъ имѣютъ тѣже обязанности, какія и генеральные консульторы во всей конгрегаціи, и наравнѣ съ ними пользуются правомъ подачи гелоса; то обязаны въ нѣкоторой пропорціи соблюдать все то, что предписано правилами для генеральныхъ консульторовъ ⁴⁾, оказываютъ провинціалу должную любовь и повиновеніе и поддерживаютъ его авторитетъ не только передъ свѣтми, но и передъ сторонними. Если на совѣщаніяхъ придется кому либо высказать противоположное или несогласное мнѣніе, то никто не отпихивается оскорблять его за это чѣмъ либо или обнаруживать неприязнь къ нему словомъ или взглядомъ ⁵⁾. При назначеніи настоятелей въ меньшіе монастыри, при диспутанціяхъ магистровъ

¹⁾ Const. 128—129. Мониторовъ впоследствии уже не встрѣчается.

²⁾ Codex, 106. св. Брестск. конгр. 1759 г.; провинціалъ Бѣлосток. кан 1763 г., сесс. 7, въ Почаев. архивѣ.

³⁾ Const. 126.

⁴⁾ Const. 127; Codex, 106—107.

⁵⁾ Codex, 107.

повніють и другий лиць, кои по кнош должнотѣ консултуются правомъ голоса, консултаторы подають свои голоса секретно ¹⁾. Въ случаѣ смерти консултатора или возведеніи на высшую степенъ, на мѣсто его визитаторъ съ консулторскими избираетъ другаго ²⁾.

По смерти провинціала должность провинціатора возлагается на протоконсултатора. Чтобы протоконсултаторъ на всякій случай былъ готовъ къ точному исполненію обязанностей провинціатора, для этого онъ, тотчасъ послѣ своего избранія на провинціальной канцеляіи, присягаетъ также и въ томъ, что онъ, въ случаѣ нужды, обязывается преоднть должность провинціатора съ такою же вѣрностію и тайною, какъ и самъ визитаторъ ³⁾. По смерти провинціала, протоконсултаторъ немедленно принимаетъ на себя его должность, извѣстивъ о семъ протоархимандрита ⁴⁾. Если же онъ получитъ вышнее упрещеніе провинціей въ случаѣ возведенія провинціала на высшую церковную степень, то с пріятіи сей администраціи первоначально извѣщаетъ протоархимандрита, дабы вслѣдъ было извѣстно, что провинціалъ согласился на свою номинацію и тѣмъ самымъ отказавъ отъ управленія своею провинціей. Въ томъ и другомъ случаѣ протоконсултаторъ управляетъ провинціей подъ именемъ викарія провинціи, съ такою же властію и съ такими же правами, какъ и самъ провинціалъ ⁵⁾. Первая забота его состоитъ въ томъ, чтобы возмолвить членов консултаровъ, изъ среды коихъ онъ избираетъ, а это онъ дѣлаетъ вмѣстѣ съ остальною консулторіей, избирая кого либо изъ консулторовъ большинствомъ голосовъ ⁶⁾. Избранный такимъ обра-

¹⁾ Const. 137; Cod., 107. см. Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 12.

²⁾ Const. 130; см. Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 36.

³⁾ Const. 129.

⁴⁾ Const. 117. Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 36.

⁵⁾ Cod. 107. Брестск. конгр. 1772 г., тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же см. Брестск. конгр. 1751 г., сесс. 2, § 15, въ Воин. сем. библ., № 1289.

Семь консулторовъ занимаетъ третье мѣсто между консулторами; мѣсто же перваго консултора всегда занимаетъ второй консулторъ, который однакоже не принимаетъ должности провизитатора, въ случаѣ смерти сего послѣдняго. Въ такомъ случаѣ онъ обязанъ, безъ всякаго замедленія, извѣстить о семъ протоархимандрита и его чиновниковъ, чтобы онъ или назначилъ временнаго провизитатора, если встрѣтится препятствіе къ скорѣйшему избранію вѣдальнаго провинціала, или сдѣлалъ распоряженіе объ ускореніи сего избранія и назначилъ для сего мѣсто и время. Избранный такимъ образомъ произноситъ предъ протоархимандритомъ обычную присягу, положенную для визитатора провинціи ¹⁾.

Послику секретарь провинціи имѣетъ право подавать на сессіоніяхъ провинціальныхъ голосъ и на одинаковыхъ съ консулторами основаніяхъ присутствовать на провинціальныхъ совѣщаніяхъ; то онъ обязывается знать правила консулторовъ и тщательно исполнять ихъ. Кроме того онъ обязанъ заносить въ журналъ все, что дѣлалось на наждомъ совѣщаніи, и что и по какому причинѣ рѣшено ²⁾. Послику же онъ есть не только секретарь, но и канцлеръ провинціальной палаты, то онъ обязанъ требовать отъ монастырей, по предписанію провинціальной капитулы деньги, получать ихъ и, если нужно, выдавать за свою подписью квитанціи въ ихъ полученіи ³⁾. А какъ помощникъ визитатора, онъ долженъ оказывать провинціалу истинную любовь, повинновеніе и смиреніе и быть вѣрнымъ ему, безъ его вѣдома не дѣлать и не подписывать ничего, относящагося къ дѣламъ провинціи; не присвоивать себѣ никакой части управленія и считать себя помощникомъ не въ управленіи, а только въ трудахъ ⁴⁾. Если онъ

¹⁾ Codex, 107—108.

²⁾ Codex, 108.

³⁾ Тамъ же же. см. Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 40.

⁴⁾ Const. 139; Codex, 108.

замѣтить въ монастыряхъ или въ цѣлой провинціи, особенно же между мѣстными преемниками что либо такое, что требуетъ попечительности провинціала, то не опускаетъ сообщить ему объ этомъ дѣлѣ, но хранить его въ глубочайшемъ молчаніи, какъ будто бы совершенно незная о томъ, что провинціалъ заблаго-разсудить держать въ секретѣ ¹⁾; не читаетъ адресованныхъ къ провинціалу бумагъ, если онъ не поручитъ ему этого или не передастъ распечатанными; отмѣчаетъ, для памяти, въ особой тетради, просьбы монастырей и отдѣльныхъ лицъ, чтобы въ свое время и въ своемъ мѣстѣ напомнить о томъ визитатору ²⁾; въ той же тетради онъ записываетъ достойные обсуждения предметы, равно и то, что въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ слѣдуетъ сдѣлать провинціалу, и часто пересматриваетъ эту тетрадь, чтобы напоминать провинціалу о томъ, что нужно дѣлать ³⁾. Онъ напоминаетъ провинціалу о томъ, чтобы монастыри извѣщены были о смерти базиліанскихъ монаховъ въ провинціи и объ умершихъ благотворителяхъ, особенно когда пишетъ письма отъ имени провинціала; напоминаетъ и самому провинціалу, когда онъ пишетъ къ протоархимандриту, чтобы упомянулъ и объ умершихъ, дабы возможно скорѣе совершалось въ конгрегации установленное поминовеніе о нихъ ⁴⁾. Онъ заботится о томъ, чтобы важнѣйшія бумаги, особенно же переписка между протоархимандритомъ и провинціаломъ, возможно скорѣе вносились нищомъ въ акты и чтобы туда же вносились сущность обыкновенной переписки, дабы провинціалъ легче могъ припоминать, что и къ кому требовалось, какіе получены отвѣты, какіе и кому даны имъ совѣты и проч. ⁵⁾. Во время визитации онъ оказываетъ провинціалу помощь расмо-

¹⁾ Codex, 108.

²⁾ Const. 139; Codex, 108.

³⁾ Codex, 108.

⁴⁾ Const. 139; Codex, 108.

⁵⁾ Codex, 109.

трьмихъ отчетныхъ книгъ, перечисленіемъ священныхъ и мірскихъ охъяній, осмотромъ провизій, нищій, и службъ, и замѣчаетъ догрѣшающіеся въ нихъ ошибки и злоупотребленія, дабы визитаторъ, узнавъ о нихъ, тщательно изслѣдовалъ и постановилъ то, что ему заблагоразудится. Онъ не долженъ просить у настоятелей или другихъ монаховъ какихъ либо подарковъ, а тѣмъ болѣе вымогать ихъ ¹⁾. Онъ заботится объ архивѣ, лежащемъ на отвѣтственности провинціала, а потому старается имѣть въ готовности необходимыя для управленія провинціей книги, какъ-то: 1) книгу для означенія, кто и куда назначенъ послушальнымъ лежелемъ; 2) книгу, въ которой отмѣчаются имена умершихъ монаховъ, основателей и благодѣтелей провинцій, съ означеніемъ года, мѣсяца, числа, мѣста кончины и званія каждаго; 3) книгу, заключающую въ себя списки монаховъ, съ обозначеніемъ, когда они вступили въ орденъ и приняли профессію, когда приняли священныя санъ, какихъ способностей, гдѣ, когда, въ теченіи какого времени и тѣмъ занимались для провинцій; 4) книгу, заключающую распоряженія, какія даетъ визитаторъ монастырямъ и оубль визитациі; 5) книгу съ отзывами о годичныхъ экзаменахъ, съ означеніемъ года, мѣсяца, мѣста и именъ экзаминаторовъ ²⁾; 6) книгу въ которой отмѣчается, сколько въ извѣстномъ году поступило въ монашество и приняло профессію; 7) книгу штрафную, въ коей отмѣчаются назначенныя монахамъ наказанія ³⁾. Если визитаторъ умретъ и при этомъ не будетъ протоконсультора, то книги, бумаги и все его документы секретарь забираетъ въ сундуки и опечатываетъ при свидѣтеляхъ изъ монаховъ, ключи же оставляетъ у себя; для немедленной передачи протоконсультору, принимающему должность провинціатора ⁴⁾.

¹⁾ Const. 139—141; Codex, 109.

²⁾ Const. 140; Codex, 109.

³⁾ Codex, 109.

⁴⁾ Const. 140; Codex, 109.

Должность историографа провинции проходить или консул-
торъ провинціи, не управляющій монастыремъ, или другой важ-
ный монахъ, который вознагражденъ за свой трудъ имѣть въ
тебѣ, что своими трудомъ онъ приноситъ неоцѣнимому посто-
яству въ важнѣйшихъ дѣлахъ, т. е. въ томъ, что онъ служитъ
въ духовному утѣшанію монаховъ, для сообщенія повѣстныхъ сви-
дѣній относительно монашеской и церковной русской исторіи ¹⁾.
Посему къ его обязанности относится записывать замѣчательныя
присшествия, ежегодно случающіяся въ отдѣльныхъ монастыряхъ,
новыя разрѣшенія фундацій, смерть фундаторовъ, благодѣтелей,
монаховъ и епископовъ, послѣдніе ихъ дѣла; дѣла провинціи и
монастырей, какъ они ведутъ и какою имѣли конецъ, и вообще
все то, что случается въ уніатской церкви или въ провинціи
славяно-древлеправославной ²⁾. Все это онъ излагаетъ кратко, но
какъ можно яснѣе, съ присовокупленіемъ обстоятельности дѣла,
такъ чтобы можно было составить исторію; если бы понадобится
досье. Имена же умершихъ онъ перечисляетъ не просто, а озна-
чаетъ прохожденія ими въ провинціи должности и доблести, на-
види они особенно отличались, и во верныхъ то, что изложено
въ нихъ необыкновеннаго, заслуживающаго уваженія; но
нисколько не пускается въ разгадыванія, имѣеть въ виду одну
истину и не считаетъ чудесами того, въ чемъ было много чудеснаго,
не считаетъ извѣстнымъ невѣроятнаго. Если придется
писать о дѣлахъ, касающихся стороннихъ, — то онъ долженъ тамъ
описывать и рассказывать, чтобы можно было читать безъ всякаго
оскорбленія для кого либо ³⁾.

Обязанность хартоухранца или архиваріуса провинціи, воз-
главляемаго монахомъ, состояющая въ секретарствѣ провинціи,

¹⁾ Codex, 109—110.

²⁾ Const., 137—138; Codex, 110.

³⁾ Codex, 110.

кодексомъ 1791 года поручается консультору, свободному отъ управленія монастыремъ, или другому важному монаху изъ за-служенныхъ, который бы далъ присягу въ вѣрности исполненія своихъ обязанностей. Архивариусъ заботится о томъ, чтобы архивъ провинцій былъ хорошо устроенъ и расположенъ, чтобы въ немъ находились 1) памятники, относящіеся вообще къ конгрегациі, какъ то: прежнія капитулы, рескрипты духовныхъ и свѣтскихъ властей, дипломы, привилегіи; 2) такіе же памятники, относящіеся особо къ провинціи; 3) акты провинціальныхъ инстанцій, преимущественно передаваемые провинціалами отъ одного къ другому; 4) книги прежнихъ консультацій; 5) инвентари монастырей; 6) годичные списки мѣстопребыванія монаховъ; 7) метрическія книги процессовъ; 8) годичные диптики умершихъ монаховъ; 9) книги провинціальной исторіи; 10) письма и бумаги, хотя касающіяся извѣстныхъ монастырей, но не подлежащія отдатѣ въ ихъ архивы ¹⁾. Изъ архива своего онъ не выдаетъ никакого памятника и никакой книги, безъ особаго разрѣшенія провинціала, и когда выдаетъ по его приказанію, то немедленно заноситъ въ тетрадь, что далъ, кому и когда; и если это будетъ сторонній человекъ, то дѣлаетъ замѣтку, что и въ какое время нужно потребовать отъ него обратно ²⁾. Экземпляры особенныхъ документовъ онъ хранитъ у себя такіе точные, сокрѣпленные и подписанные, чтобы могли имѣть силу въ каждомъ судѣ. Архивариусъ долженъ имѣть также опись всего, хранящагося въ архивѣ, составленную примѣнительно къ тому порядку, въ какомъ находятся дѣла въ самомъ архивѣ ³⁾.

Въ параллель генеральному римскому прокуратору, въ базиликационѣ ордена существовали еще провинціальные прокура-

¹⁾ Тамъ же, 110—111.

²⁾ Const., 138; Codex, 111.

³⁾ Codex, 111.

торы, которые имѣли различное мѣстопробываніе. При польскомъ правительствѣ эти прокураторы жили въ Варшавѣ. На Брестской генеральной капитулѣ 1772 года польская базилианская провинція обязалась уступить во вновь устраиваемомъ тогда въ Варшавѣ монастырѣ, вѣроятно Уздедзавомъ, мѣста для резиденціи прокуратора литовской провинціи ¹⁾. Въ 1773 году мы видимъ въ Варшавѣ прокуратора русской или польской базилианской провинціи Комарницкаго ²⁾. Кроме того, былъ еще прокураторъ въ Люблинѣ. Въ циркулярѣ провинціала, послѣдовавшемъ въ 1781 году, предпринимается, чтобы настоятели, поручая какое либо дѣло прокураторамъ въ Варшавѣ и Люблинѣ, доставляли имъ необходимые документы и деньги ³⁾. Но подъ русскимъ правительствомъ базилиане имѣли своихъ прокураторовъ въ С.-Петербургѣ и даже въ Каменецъ-Подольскѣ, при генералъ-губернаторѣ ⁴⁾.

Мѣстные настоятели меньшихъ, невокальныхъ монастырей назначаются провинціаломъ и его консулторіей. Но когда дѣло идетъ о знатнѣйшихъ или вокальныхъ монастыряхъ, — то провинціалы и ихъ консулторы имѣютъ только право указывать способныхъ къ управленію сими монастырями монаховъ и представлять о необходимости перемѣщенія или низложенія настоятелей; а протрархимандритъ уже самъ рѣшаетъ съ своей консулторіей то, чего требуетъ справедливость, монашеская дисциплина и польза монастырей. Всѣ настоятели, перемѣщаемые съ одного мѣста на другое, получаютъ послушальный листъ отъ провинціала; но если бы провинціалъ не позаботился выдать этотъ листъ въ те-

¹⁾ Брестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 60, въ Почаев. арх. № 383.

²⁾ Assesuratio базилианъ 1773 г., въ Почаев. арх., № 785.

³⁾ Циркуляръ этотъ въ исторіи Загаец. монастыря, л. 32—33 въ архивѣ Кременецкаго Боговладенскаго монастыря.

⁴⁾ Почаев. арх. № 201, л. 181; см. рукоп. книгу о кляшторахъ базилиан., тамъ же, № 94.

челюв кіслиці, — то его вадзіць претоархімандрэць ¹⁾). Врэмя дасягоўнасці настояцелей опредзляецца чатырэхдзісятіць; но паслянку, для большага блага ордэна і манастырей, иногда полезно бываець оставіць настояцелей на нхъ дасягоўнасціхъ не другіе вазначэнаго врасіа, то по сему прадстаўляецца претоархімандрэцу і вясцятарю съ нхъ консульторіямъ оставіць способныхъ і по ланыхъ для манастыря настояцелей на другое чатырэхдзісь, равно гакъ, на вазной прычынѣ, дознанной і довазанной, лыміць на стволцества і до встаченія чатырэхдзіся ²⁾). Паслянку начальствующихъ въ манастыряхъ імѣють не аднѣ титулѣ, а разлічныя, но равнацію кісьць, то по сему прадписываецца, чтобы управлэеніе воевалыными манастырями вазывалось сунарторамъ, — управлэеніе кістама массіа і другіма невовалыными — преедэнтамъ, управлэеніе же манастыряма, содержащими семінаріа і ннн школы для обученія свѣтскаго юношества, — ректорамъ ³⁾). Настояцеламъ могутъ быць вазначены і людэ везкаго провасходенія; если оны лучше людэ: знатнаго провасходенія і заслуженныхъ ⁴⁾).

Проеде всаго настояцель заботыцца о томъ, чтобы вѣсь въ манастыряхъ строго соблюдала прагна і констатунціа, а для этого оны самъ первый служыць прымѣромъ для другихъ ⁵⁾; избѣгаець особенностей въ одешдѣ, вудцѣ і другіхъ вешахъ, соблюдаець обціа констатунціа і нікому не дозволять бѣзь нужды укланяцца отъ хора і трапезы ⁶⁾; заботыцца о соблюденіи обрядовъ і обычаевъ, принятыхъ въ провинціа, если въ какомъ либо манастыряхъ существуець древній обчыаі, то оны не отміняець его бѣзь вѣдома провинціала і не ввудыть нічого новаго. И хотя

¹⁾ Const., См. декреть 21 апрѣля 1735 г. въ Bullae et brevia, § 1.

²⁾ Const., 145.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Декреть 10 іюля 1773 г., § 10 Indulgentiae, brevia, decreta, 1, 14, 21.

⁵⁾ Const., 148; Codex, 111.

⁶⁾ Const., 150; Cod., III. См. Брестск. конгр. 1773 г., сесс. 6, § 53.

и́стинный дасцюгъ можетъ самъ, по своему усмотрѣнiю назна-
чать домашнихъ должностныхъ лицъ и отрѣзать ихъ, за исклю-
ченiемъ тѣхъ лицъ, назначенiе коихъ принадлежитъ провинциалу;
однако оный не долженъ смѣнять ихъ безъ важной причины, осо-
бенно же способныхъ къ должностямъ, требующимъ большей опыт-
ности. Онъ долженъ также, по требованiю важной причины, от-
рѣзать отъ должностей духовника и другихъ должностныхъ лицъ,
назначаемыхъ провинциаломъ, упражнять ихъ въ послушанiи, на-
казывать подчиненныхъ отлученiемъ и запрещенiемъ, по требова-
нiю важной и настоятельной нужды и съ согласiя своихъ кон-
сульторовъ ¹⁾, освобождать отъ недѣльной очереди богослуженiя
вигарiя, духовника и проповѣдника, хотя бы они и не были изъ
числа заслуженныхъ монаховъ ²⁾. Въ маловажныхъ дѣлахъ и по
уважительной причинѣ настоятель можетъ освобождать отъ тре-
бованiй дасцюгъ, но не можетъ разрѣшать отъ постовъ, за
исключенiемъ частныхъ ³⁾. На основанiи буллы Климента VIII
отъ 26 мая 1593 года, Гоццанскiя конституцiи 1766 года пре-
доставляли и́стинному настоятелю разрѣшать нѣсколько грѣховъ
изъ числа уазываемыхъ въ этой буллѣ одиннадцати ⁴⁾; но кодексъ
1791 года уже не даетъ имъ этого права, «поселику это запре-
щено базилианскими конституцiями, предписывающими другiя сред-
ства къ отращенiю грѣховъ. Виѣ новицiата настоятель никого
не можетъ допустить къ принятию монашеской жлани и габита.
безъ дозволенiя протоеархимандрита или провинциала, и когда это
будетъ дозволено ему, то онъ старается, чтобы допущенный какъ
можно скорѣе отправленъ былъ въ новицiатъ. Онъ можетъ также
допускать и содержать желающихъ быть лангами, но съ тѣмъ,

1) Const., 150 и 155; Codex, 111—112.

2) Codex, 112. См. буллу 23 июня 1599 г. въ Summarium Regal, 104.

3) Codex, 112.

4) Const., 153.

чтобы через годъ по поступленіи въ монастырь, на другой годъ формальнаго испытанія этотъ ланкъ непременно отправленъ былъ въ новицатъ ¹⁾).

Настоятель имѣеть консульторовъ, избранныхъ имъ и монастырскимъ обществомъ, съ коими можетъ совѣщаться о важнѣйшихъ дѣлахъ, а особенно тогда, когда идетъ дѣло о наложеніи наказаній за важныя вины, преимущественно же такихъ, которыя не указаны въ конституціяхъ ²⁾; охотно и внимательно выслушиваетъ ихъ мнѣнія, хотя выслушавъ ихъ, можетъ сдѣлать постановленіе по своему усмотрѣнію ³⁾. Въ трудныхъ дѣлахъ онъ можетъ просить совѣта настоятелей сосѣднихъ монастырей, особенно когда въ своемъ монастырѣ не будетъ монаховъ способныхъ дать свѣтъ, а также совѣщаться и съ другими людьми, способными хорошо обсудить предлагаемое дѣло; вообще все онъ долженъ дѣлать по совѣщаніи съ людьми, способными дать свѣтъ. Всякое домашнее совѣщаніе настоятель велитъ заносить въ особую книгу монастырскихъ актовъ, дабы видно было, что рѣшено и по какимъ причинамъ ⁴⁾. Кроме того онъ имѣеть: 1) книгу, заключающую въ себѣ описаніе состоянія монастыря отъ первоначальнаго его основанія ⁵⁾; 2) книгу для записи циркуляровъ орденскаго начальства; которые каждую четверть года должны были читаться въ столовой ⁶⁾; 3) книгу съ означеніемъ именъ монаховъ и ихъ должностей, а также года, мѣсяца, числа, когда кто пришелъ жить и откуда, когда упражнялся въ священныхъ занятіяхъ, что и когда получилъ на одежду и когда выбылъ изъ монастыря;

¹⁾ Codex, 112.

²⁾ Const., 148—149; Codex, 112.

³⁾ Const., 149; Codex, 113. Сн. Брестск. конгр. 1772 г. сесс. 4, § 56.

⁴⁾ Const., 153; Codex, 113 сн. Брестск. конгр., тамъ же.

⁵⁾ Const., 153; Cod., 113.

⁶⁾ Циркуляръ провинціала 1781 г. въ рукоп. исторіи Загаец. мон. лист. 32—33.

4) книгу домашней челяди, въ которой точно обозначается сколько монастырь содержитъ слугъ, съ каковаго каждаго изъ нихъ времени и на какихъ условіяхъ нанять, что кому и когда уплачено; 5) книгу отчетную, въ которой записываетъ, что, когда и откуда поступило, сколько и когда дано эконому на расходы по монастырю ¹⁾. Если ему придетъ на мысль что либо касающееся его монастыря, чего однако нельзя тотчасъ исполнить; то онъ замѣчаетъ это въ тетради или на листкѣ, чтобы впослѣдствіи не вышло изъ памяти ²⁾. Настоятель часто перечитываетъ правила всѣхъ должностныхъ лицъ монастыря и наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ, особенно же слѣдитъ, чтобы викарій, экономъ, келарь, екслезіархъ исполняли свои обязанности и, въ случаѣ нужды употребляютъ надлежащія мѣры ³⁾.

Чтобы настоятель вѣрнѣе исполнялъ свои обязанности, для этого Гоцанскія конституціи 1766 года установили должность монитора, который обязанъ былъ напоминать настоятелю объ отступленіи отъ предписанныхъ правилъ и неисполненіи ихъ. Настоятель скромно и внимательно выслушиваетъ замѣчанія монитора и благодаритъ его, общая, при помощи Божіей, послѣднее исправленіе. Если настоятель не найдетъ за собой никакой вины, то объясняетъ монитору истинное положеніе дѣла, чтобы разсѣять и уничтожить ложное подозрѣніе ⁴⁾. Но въ кодексѣ 1791 года уже не упоминается о мониторѣ.

Настоятель старается поддерживать взаимную любовь между подчиненными, не допускаетъ между ними раздоровъ и прекращаетъ ихъ своимъ вліяніемъ. Онъ заботится, чтобы подчиненные занимались какимъ либо хорошимъ дѣломъ; а посему, если

¹⁾ Const., 153; Cod., 113.

²⁾ Const., 152—153.

³⁾ Const., 154; Codex, 113.

⁴⁾ Const., 150—151.

такія занятія не указаны визитаторовъ, то самъ указываетъ ихъ и назначаетъ для нихъ время, такъ чтобы каждый зналъ, что нужно дѣлать въ часъ, свободные отъ общественныхъ занятій. Руководѣнія, сажѣяющія, по конституціямъ, тѣлесный трудъ, онъ такъ распредѣляетъ, чтобы одинъ или два часа въ теченіи дня посвящались ремеслу или труду, отъ котораго можетъ неосвободить и тѣхъ, кои вмѣсто руководѣній имѣютъ занятія по своей должности, особенно если въ это время они свободны отъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей. Все, зарабатываемое въ теченіи мѣсяца руками монаховъ, обращается въ общую кассу и употребляется на общую пользу ¹⁾. Настоятель о всѣхъ печется съ отеческою заботливостію и любовію и удовлетворяетъ ихъ нуждамъ. не налагаетъ непосильныхъ трудовъ, избѣгаетъ рѣзкихъ словъ и чрезмѣрной строгости, безъ ослабленія, впрочемъ, монашеской дисциплины; старается, чтобы каждый въ своей должности оказывалъ повиновеніе, и самъ подаетъ собою примѣръ повиновенія, тщательно исполняя то, что ему предписывается своими начальниками, особенно распоряженія визитаторовъ. Если иногда нужно будетъ обуздать своеволие монаховъ или побѣдить ихъ упорство, то онъ дѣлаетъ это съ благоразуміемъ и любовію ²⁾. Для этого онъ можетъ налагать эпитимию на согрѣшившаго, соотвѣтственно качеству вины и предписанію конституцій, смѣнять, по своему усмотрѣнію и требованію законной причины, должностныхъ лицъ монастыря, кромѣ викарія, профессоровъ и проповѣдниковъ, заключать въ карцеръ виновныхъ въ тягчайшихъ преступленіяхъ, какъ-то: въ чрезмѣрныхъ побояхъ, нарушеніи обѣтовъ, воровствѣ и т. п. допрашивать, вмѣстѣ съ консульторами, свидѣтелей и производить слѣдствіе, но не произносить рѣшительнаго приговора, если ему не будетъ дано, кѣмъ

¹⁾ Codex, 150—151; Const., 113—114;

²⁾ Codex, 114; Const., 149—150.

свѣдуетъ, право на это. Воишь апостатавъ и бѣглецовъ изъ ордена, если они ирешиваютъ въ ближайшихъ мѣстахъ, они могутъ возвращать въ монастырь, заключать въ карцеръ, употребляя даже, въ случаѣ нужды, свѣтскую помощь, дѣлать о немъ разсѣдованіе, но не окончательный приговоръ, который принадлежитъ визитатору; можетъ также запереть въ отдѣльную комнату или даже въ карцеръ подчиненныхъ ему монаховъ, которые бы стали панствовать съ соблазнами, или дерзко ругать настоятеля и притавать врагитъ его ¹⁾. При назначеніи наказаній и исправленій, онъ обращаетъ вниманіе на то, что предписывается правилами св. Василія Великаго и орденскими конституціями о наказаніяхъ, чтобы исправлять худыя наклонности, по прѣрѣчу врачей, возружающаго протавъ бодѣзни, а не протавъ бодѣныхъ ²⁾. Онъ остерегается дѣлать выговоръ монахамъ или наказывать ихъ предъ свѣтскими, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это нужно будетъ для предотвращенія сдѣланнаго имъ соблазна; заботится также, чтобы мирное люди неопаса о наказаніяхъ, налагаемыхъ иногда на монаховъ. Поэтому, приступая къ наказанію, онъ неставляетъ сторожа, чтобы во время наказанія не иршелъ кто либо изъ стороннихъ туда, гдѣ происходитъ наказаніе ³⁾. Еслибы когда либо монахъ такъ дерзко налъ, что безъ соблазна для народа и бодѣшаго безчестія монастыря не можетъ быть терпимъ въ немъ; то настоятель, по совѣщаніи съ обдиной, можетъ отравить его въ другой сосѣдній монастырь, который безпродословно долженъ принять его, и о сеи сиреветъ и причинахъ ая въ возможной скорости увѣдомляетъ провинціала ⁴⁾.

Каждый мѣсяць, по предписанію орденскихъ конституцій,

¹⁾ Const., 155—156.

²⁾ Const., 149—150; Codex, 114.

³⁾ Const., 156; Codex, 114.

⁴⁾ Codex, 114.

настоятель самъ или чрезъ другое способное лицо дѣлаетъ монахамъ публичное увѣщаніе, соответствующее монашескому званію; но чаще увѣщаваетъ подчиненныхъ частными бесѣдами, съ величайшимъ благоразуміемъ и любовью, и поощряетъ ихъ къ большому преуспѣванію въ добродѣтеляхъ. Если они придуть къ нему для облегченія души и открыть ему внутреннее свое состояніе; то онъ принимаетъ ихъ съ возможно большою снисходительностію, старается утѣшить, помочь, подкрѣпить и, по возможности, отпустить ихъ съ духовнымъ утѣшеніемъ и миромъ ¹⁾). Чтобы знать, занимаются ли монахи каждый день благочестивымъ чтеніемъ съ пользою для себя, настоятель обиванъ однажды въ недѣлю спрашивать ихъ порознь, какую изъ нихъ читалъ священную книгу, что почерпнулъ изъ нея для себя, какіе нравственные выводы извлекаетъ для себя во время чтенія, и, если нужно, увѣщаваетъ ихъ, чтобы она посредствомъ этого чтенія старались сдѣлаться не учонѣйшими, а благочестивѣйшими. Чтобы подчиненные охотнѣе исполняли свои домашнія служенія, — для этого настоятель самъ занимается въ четвергъ страстной седмицы служеніемъ при столѣ, въ первую и последнюю недѣли великаго поста отправляетъ должность череднаго недѣльнаго священника, а также во всѣ господскіе и богородичные праздники ²⁾). Онъ разсматриваетъ всѣ письма и передешку, какія присылаются къ его монахамъ и пишутся ими къ другимъ, чтобы знать, слѣдуетъ ли ихъ отдавать, или нѣтъ. Если замѣтитъ, что они написали что либо соблазнительное и непристойное, то не преминетъ наказать ихъ, по предписанію орденскихъ конституцій. Но онъ не распечатываетъ и не задерживаетъ писемъ, посылаемыхъ или монахами къ ближайшимъ начальникамъ ихъ, или начальникамъ къ нимъ ³⁾). Въ каждомъ монастырѣ должна быть общая

¹⁾ Const., 150.

²⁾ Codex, 414—415.

³⁾ Const., 156; Codex, 115.

для всѣхъ печать, съ такою надписью около столпа въ пламени — «печать монастыря NN». Эту печатью запечатываются все письма не только подчиненнымъ монаховъ, но и настоятели, такъ что письмо безъ этой печати не слѣдуетъ распечатывать и читать ¹⁾.

Настоятель наблюдаетъ, чтобы по крайней мѣрѣ однажды въ недѣлю, въ назначенный имъ день, происходило разсмотрѣнiе грѣховъ совѣсти, и чтобы при этомъ присутствовали, по возможности, все священники, подъ предсѣдательствомъ какого либо учената мужа, опытнаго богослова, если самъ не можетъ предсѣдательствовать по причинѣ занятій своею должностiю ²⁾. Онъ назначаетъ въ своемъ монастырѣ, — какіе монахи ежедневно должны наставлять грубую домашнюю челядь въ христіанскомъ учени, и кто это долженъ дѣлать въ принадлежащихъ монастырю деревняхъ, по крайней мѣрѣ по праздничнымъ днямъ ³⁾; смотреть внимательно, чтобы парохъ (приходской священникъ), гдѣ онъ есть, исполнялъ свои обязанности, чтобы проповѣдникъ основательно изъяснялъ слово Божіе, и чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вѣрующіе въ униатской церкви часто принимаютъ таинства, не было недостатка въ духовникахъ, которые бы выслушивали исповѣдь и утоляли духовную ихъ жажду. Если управляемый имъ монастырь такъ обремененъ количествомъ литургій, что священникамъ приходится совершать по пяти литургій въ недѣлю, то и самъ настоятель не освобождается отъ сего труда и совершаетъ пятую литургію за упокой какого либо умершаго монаха. Въ случаѣ смерти какого либо монаха, настоятель въ возможной скорости извѣщаетъ объ этомъ своего провинціала, чтобы возможно скорѣе

¹⁾ Циркуляръ 1781 г., въ исторіи Загасц. мон., въ архивѣ Кременец. Богомил. монаст.

²⁾ Codex, 415. См. декретъ 25 іюня 1599 г. въ Summarium-Regul., стр. 440—441.

³⁾ Const., 154—155; Codex, 415.

совершилось посвященіе о души усопшаго ¹⁾). Не любя, онъ можетъ обдѣлать въ вѣдетерой мѣрѣ трудъ какаго либо монастыря въ совершеніи литургій за какаго либо человѣка, оказавшаго большія услуги; но это дѣлаетъ не иначе, какъ по совѣщаніи съ своими консульторами и надлежащемъ обсужденіи; съ стороннихъ же не принимаетъ обязательства совершать литургіи безъ вознагражденія ²⁾). Онъ можетъ рекомендовать провинціалу тѣхъ изъ базиліанъ, коихъ считаетъ достойными священническаго сана; но никого не назначаетъ къ епископу, не получивъ на то согласія и разрѣшенія самого провинціала; не допускаетъ никакихъ вѣчныхъ заставъ литургій, за исключеніемъ предписанныхъ, но мѣстныхъ обстоятельствъ, канцелярными распоряженіями каждаго провинціа ³⁾.

О временномъ благѣ монастыря настоятель заботится такимъ образомъ, чтобы изъ-за временныхъ выгодъ не нанесла какому либо вреду монашеской дисциплинѣ. Она сжесточено требуетъ отъ надлежащихъ лицъ отчета въ приходахъ и расходахъ, въ присутствіи казначея, чтобы видѣть, въ какомъ положеніи находится монастырскія дѣла и какъ они ведутся. Казначей избирается цѣлой общиной; а въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ не можетъ быть особаго казначея, его обязанности исполняетъ самъ настоятель, принесши присягу не предписанной для сего формѣ, и соблюдаетъ то, что предписано въ его правахъ ⁴⁾). Онъ не долженъ вводить монастырь въ долги. Если бы когда либо потребовава этого важная причина и оказалась нужнымъ занять значительную сумму денегъ, то это дѣлаетъ онъ не иначе, какъ съ разрѣшенія и согласія своего провинціала, котораго обязанъ увѣдомить также и о томъ, какимъ образомъ онъ намѣренъ

¹⁾ Codex, 115.

²⁾ Canon, 153—154; Codex, 145—146.

³⁾ Codex, 116.

⁴⁾ Codex, 116.

увлечь этот долг¹⁾; обязанъ имѣть документы своей суд-
наго или собственности²⁾, набѣгать по возможности споры о ир-
снхъ вещахъ, иди же, когда дѣло идетъ о важномъ вредѣ для
монастыря, старается преградить ихъ, съ согласія и разрѣшенія
членовъ провинціи, папикъ либо епископомъ, на законномъ
основаніи, и безъ согласія тѣхъ же членовъ иногда не на-
чинаетъ новыхъ тяжбъ. Если однако монастырь принужденъ бу-
детъ въ тяжбѣ и не будетъ возможности согласія, то и не-
ожидая разрешения членовъ провинціи можетъ защищаться
всѣми способами во всякомъ судѣ, равно и начинать искъ
о воровъ наосонныхъ монастырямъ обидяхъ, дабы права монастыря
не потерѣли отъ прамедленія какого либо вреда³⁾. Настоятель
не отвѣщается принимать деньги на храненіе; другія же вещи,
принадлежащія благотворителямъ мѣста или оказавшимъ услуги
провинціи, онъ можетъ принимать, но безъ всякаго съ своей
стороны условія; при чемъ проситъ депозитера дать своему мо-
настырю обязательство—не требовать возврата вещей, еслибы
онѣ пропали по какому либо нечаянному и непредвидѣнному слу-
чаю⁴⁾. Ему запрещены условія, соглашенія и другіе важные
контракты, особенно касающіеся вѣчнаго отчужденія не только
недвижимыхъ имуществъ, но и фундушювыхъ и эвнціональных
суммъ, соединенныхъ съ постоянными обязательствами, и даже
драгоценныхъ вещей, которыя должны быть хранены, и въ слу-
чай настоятельной нужды не иначе приступаетъ къ нимъ, какъ
съ вѣдома провинціала и согласія прогоархимандрита, съ соблю-
деніемъ законныхъ постановленій⁵⁾. Относительно иныхъ за-

¹⁾ Const., 148 и 152; Codex, 116.

²⁾ Провинціал. Вѣдосток. кант. 1763 г., сесс. 7, въ Поч. арх., № 537.

³⁾ Const., 152; Codex, 116. Св. Дубен., кант. 1743 г., сесс. 14; Брест.
кан. 1761 г., сесс. 2, § 13, въ рукоп. Волин. сем., № 1289.

⁴⁾ Codex, 117.

⁵⁾ Const., 153 и 177; Codex, 117. Св. Брест. кант. 1751 г., сесс. 2,

ботится, чтобы она вполне соответствовала постановлѣннѣмъ генеральныхъ и провинціальныхъ капитуловъ и скорѣе была богато обильною, чѣмъ скудною, не выходя однако за предѣлы необходимости ¹⁾). Никогда не поручаетъ управленія имуществомъ монастыря родственникамъ, или своимъ, или монастырскихъ должностныхъ лицъ, завѣдывающихъ имуществомъ, развѣ только потребуетъ этого большая и очевидная польза для монастыря ²⁾); наблюдаетъ, чтобы престарѣлые и слабые эмериты (заслуженные) не были лишены тѣхъ удобствъ, какія предписано доставлять имъ базилианскими конституціями ³⁾), и заботится, чтобы въ зимнее время, когда стоятъ большіе холода, отоплялась для нихъ домашняя каплица, и чтобы она устроена была тамъ, гдѣ ей нѣтъ ⁴⁾); заботится также о доставленіи необходимаго, или удобствъ, или пособій тѣмъ, кои несутъ тяжелые труды и пекутся о спасеніи душъ, какъ-то: духовники, преподаватели, профессора. Но если кто изъ получившихъ, на основаніи конституцій, особія бенефіціи пользуется ими не надлежащимъ образомъ, то настоятель можетъ побудить ихъ къ исполненію ихъ долга, и не только лишить того, что имъ дано привилегіей, но и самихъ ихъ подвергнуть наказанію, на основаніи базилианскихъ законовъ ⁵⁾). Настоятель не долженъ имѣть особой прислуги, коней и экипажей, но все должно быть общее;

§ 13, въ рукоп. Волын. сем., № 1289. Декретомъ конгрегаціи распространенія вѣры 26 окт. 1752 г. запрещена мѣна фундушей безъ дозволенія апостольскаго престола. См. *Nullae et brevia*, II, 80—86. Но декретомъ 27 іюля 1777 года генералу предоставлено разрѣшать продажу и мѣну фундушей и недвижимаго монастырскаго имущества, впрочемъ съ согласія генеральной консулторіи. См. *Indulgentiae, brevia, decreta*, I, 83—84.

¹⁾ Codex, 117.

²⁾ Const., 147; Codex, 117.

³⁾ Тамъ же. См. Брест. контр. 1772 г., сесс. 4, § 53.

⁴⁾ Codex, 117.

⁵⁾ Тамъ же.

а въ дорогѣ онъ пользуется только двумя лошадьми, если только продолжительность пути или другая важная нужда не потребуетъ большаго числа ¹⁾. Если нужно будетъ что либо поправить въ зданіяхъ или починить, или же окончить начатое его предшественникомъ, то это онъ дѣлаетъ старательно; о новыхъ же и важныхъ постройкахъ зданій, хотя бы они были и деревянныя, предварительно представляетъ провинціалу и повергаетъ на его усмотрѣніе ²⁾. Равнымъ образомъ онъ первоначально извѣщаетъ провинціала и проситъ его разрѣшенія, если нужно будетъ или произвести экстраординарные расходы, или если представится случай, клонящійся къ общему благу монастыря, но безъ труда и обязательства ³⁾; заботится, чтобы ежегодно изготовлялось известное количество цемента, камней, извести и лѣсу какъ для сооруженія зданій, такъ и для устройства крыши; чтобы ежегодно библиотека увеличиваема была необходимыми книгами, согласно распоряженію провинціала. А въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся школы, настоятель заботится о необходимыхъ для этихъ школъ книгахъ. Онъ смотритъ также, чтобы архивъ монастыря былъ хорошо устроенъ и расположенъ, находился въ вѣдѣніи монаха архиваріуса, и чтобы у него была опись бумагамъ, составленная примѣнительно къ тому порядку, въ какомъ документы находятся въ самомъ архивѣ. Въ теченіи своего четырехлѣтія онъ старается составить генеральную опись монастыря, такъ ясно и точно и съ такимъ обозначеніемъ въ ней денежныхъ статей, доходовъ, фундушей, полей, земель и проч., чтобы ничего больше нельзя было желать для полнаго и совершеннаго ознакомленія съ состояніемъ монастыря. Это онъ дѣлаетъ при помощи двухъ монаховъ, которые составляютъ два экземпляра сего

¹⁾ Const., 154; Codex, 117—118.

²⁾ Const., 152; Codex, 118.

³⁾ Codex, 118.

инвестара. Когда по истеченіи четырехлѣтія, настоятель долженъ будучи оставить свою должность, то одинъ изъ этихъ эквивалентовъ онъ можетъ послать въ архіепископскую провинцію, а другой—на мѣсто, передать преемнику, оба за подписью своею и подписью тѣхъ лицъ, кои оставили инвестаръ¹⁾.

Настоятель оказываетъ истинную любовь по отношенію заходящимъ въ монастырь монахамъ базилианскаго ордена и не отказываетъ имъ въ гостепріимствѣ; онъ можетъ также помогать имъ и руководить въ исполненіи порученныхъ имъ дѣлъ²⁾. Предшественнику своему, когда онъ переходитъ на другое мѣсто, новый настоятель изъявляетъ всѣ знаки истинной любви и провожаетъ къ мѣсту назначенія съ приличныхъ вспоможеніемъ и приличнымъ экипажемъ; но ни онъ, ни его инсталляторъ не должны обременять прежняго настоятеля, беспокоить его или обижать, но если бы, оказалось, что онъ причинилъ монастырю какой либо ущербъ, то представляетъ дѣло въ подлежащій судъ, дабы тамъ, по разсмотрѣніи его, постановлено было законное рѣшеніе³⁾. Также, когда прѣстные монахи переводятся на жительство въ другіе монастыри, то настоятель заботится, чтобы они рассчитаны были одежной пенсіей, обеспечены кормовыми деньгами и, соотвѣтственно важности лицъ, имѣли въ дорогѣ крѣпкихъ лошадей и приличную повозку. На путевые же расходы выдается въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждую милю выдавалось простому монаху никакъ не менѣе шести польскихъ грошей⁴⁾. Настоятель заботится также, чтобы монахи, посылаемые по дѣламъ въ соседніе монастыри, отправляемы были съ соблюденіемъ пристой-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Codex, 119. Св. Врестск. кодѣкс. 1772 г., сесс. 4, § 26, въ Пoczes. обл., № 384.

⁴⁾ Const., 154; Codex, 119.

ности и благочинія¹⁾. Если провинціалъ приходитъ къ настоятелю послушальный листъ для какаго либо монаха, то настоятель не задерживаетъ его у себя, но, при первой возможности, отсылаетъ монаха, вместе съ послушальнымъ листомъ, въ назначенное для него мѣсто²⁾.

Пожизненные настоятели или архимандриты, прежде подчинившіеся непосредственно митрополиту, въ XVIII в. подчинены были базилианскому генералу. Они обыкновенно получали номинацію отъ патроновъ монастырей, посвященіе—отъ митрополита, а инсталляцію или ввѣдъ—отъ генерала³⁾. Кроме того имъ предоставлено было право: употреблять въ одеждѣ нѣкоторыя особенности, какъ-то: митру, кольцо и проч., по евхологіямъ и предписаніямъ греческой церкви и по декреталамъ конгрегаци распространія вѣры насколько послѣдніе могутъ быть согласны съ русскимъ обрядомъ⁴⁾; освящать церкви, оскверненныя излітіемъ сѣмени, и, съ разрѣшенія епископа, благословлять основанія церквей⁵⁾; во время пути, пользоваться одиннадцатью лошадьми, наравнѣ съ провинціалами⁶⁾ и проч. Чтобы архимандриты лучше могли заботиться о благѣ своего монастыря, для этого они должны уклоняться отъ занятій въ епископскихъ куріяхъ, или же приступать къ этому не иначе, какъ съ согласія и разрѣшенія протоархимандрита⁷⁾. Архимандриты не дѣлаютъ для себя новыхъ зданій, отдѣльныхъ отъ монастыря, но непременно должны

¹⁾ Codex, 119. См. Врестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, § 26, въ Почаев. библиот. № 384.

²⁾ Const., 154; Codex, 419.

³⁾ Декреталь 30 марта 1756 г., въ Bullae et brevia., II, 108—118;

⁴⁾ Декр. 10 июля, 1775 г., § 18. См. Indulgentiae., 1788 г., I, 14—20.

⁵⁾ Декретъ 23 сентября 1776 г., тамъ же, стр. 28—38.

⁶⁾ Конгр. 1759 г. См. акты Врестск. конгр. 1772 г., сесс. 4, въ Почаев. библиот. № 384.

⁷⁾ Const., 148.

жить подъ однимъ кровомъ съ своими монахами и быть свидѣтелями и стражками ихъ жизни, и никогда не пускаютъ въ свои кельи женщинъ, каковы бы онѣ ни были. Памятуя о своихъ монашескихъ обѣтахъ, они тщательно должны избѣгать всякаго вида роскоши и въ приѣмѣ гостей не должны допускать ничего, чтобы обнаруживало свѣтскую суетность и расточительность, несогласную съ монашескою нестяжательностію ¹⁾. Относительно одежды они строго соблюдаютъ то, что предписано постановленіями Замойскаго собора и орденскими конституціями ²⁾, никогда не держатъ лошадей или слугъ болѣе того, чѣмъ сколько требуетъ дѣйствительная нужда монашескаго быта ³⁾. Экипажи ихъ должны быть совершенно чужды всякаго украшенія, золотого или шелковаго ⁴⁾. При украшеніи своихъ покоевъ, аббаты должны соблюдать приличіе и пристойность, но соответствующія совершенной нестяжательности ⁵⁾, и никогда не употребляютъ въ нихъ какого либо шелковаго прибора, или золотого и серебрянаго, а тѣмъ болѣе свѣтскихъ картинъ ⁶⁾. Свой образъ жизни они ведутъ по общимъ правиламъ монашескаго званія, особенно же не оставляютъ ни монашескаго хора, ни общей трапезы, если не имѣютъ къ тому законнаго препятствія, ни въ праздничные, ни въ простые дни ⁷⁾; никогда не назначаютъ себѣ коадьютора, безъ согласія протоархимандрита и разрѣшенія конгрегациі ⁸⁾; никогда не получаютъ въ

¹⁾ Тамъ же. Сн. Codex, 119.

²⁾ По смыслу Замойскаго собора, аббаты или архимандриты не должны носить шелковыхъ одеждъ. См. также Врест. контр. 1772 г., сесс. 4, § 51, въ Почаев. Вибл., № 884.

³⁾ Codex, 119.

⁴⁾ Const., 146.

⁵⁾ Codex, 119.

⁶⁾ Const., 146.

⁷⁾ Const. 147; Codex, 119.

⁸⁾ Const., 147; Codex, 120. См. декретъ 10 іюля 1776 г., § 7. Indulgentiæ. I, 14—20.

управленіе по два аббатства. Если бы угрожала опасность такого злоупотребленія, то протоархимандритъ, при содѣйствіи митрополита, обязанъ предотвратить ее и уничтожить. Аббаты должны усвоить себѣ правила, предписанныя для всѣхъ настоятелей вообще, и стараться исполнять ихъ со всѣмъ усердіемъ ¹⁾). Хотя они, на основаніи общаго закона, имѣютъ право давать монахамъ своего монастыря низшія стелени; однако не должны раздавать ихъ безъ вѣдома провинціала, или такимъ монахамъ, кои, по принятіи монашеской жизни, допущены къ званію ланковъ ²⁾). Если кому либо изъ аббатовъ случится быть номинированнымъ на епископство; то онъ не прежде получаетъ право согласиться на номинацію, требуемую постановленіями законовъ, какъ отдавъ отчетъ въ аббатской своей должности протоархимандриту и передавъ въ его руки это аббатство ³⁾).

Вякарій назначается визитаторомъ, по возможности, съ согласія настоятеля, занимаетъ первое послѣ настоятеля мѣсто и въ хорѣ становится по лѣвую сторону настоятеля, если не будетъ кого либо другаго, выше его по должности. Поселину вякарій есть рука и опора настоятеля, то онъ долженъ стараться, чтобы въ управленіи помогать ему съ величайшею вѣрностію и и любовію. Онъ присутствуетъ въ хорѣ при всякомъ богослуженіи, наблюдаетъ, чтобы и другіе въ немъ участвовали, всегда приходитъ на общій столъ и первый подаетъ примѣръ готовности ко всѣмъ общимъ подвигамъ послужанія, совершаемымъ по предписанію конституцій или начальниковъ; наблюдаетъ, чтобы акуратно въ назначенныя времена звонили въ колоколъ для созванія монаховъ къ молитвѣ, хору, столу и къ другимъ общимъ занятіямъ ⁴⁾); самъ или чрезъ другаго наблюдаетъ, всё ли несвя-

¹⁾ Const., 146—147; Codex, 120.

²⁾ Codex, 120.

³⁾ Const., 148.

⁴⁾ Const., 164—168; Codex, 120.

шонски приступаютъ въ назначенные дни къ св. причастію; если замѣтить небрегающихъ о семъ дѣлѣ, то сообщаетъ настоятелю ¹⁾; слѣдить, чтобы всѣми и строго соблюдалось въ свое время и въ своемъ мѣстѣ молчаніе, чтобы въ указанныя часы заперались и отпирались монастырскія ворота, зажигалась и гасилась лампа въ корридорахъ, чтобы въ положенныя времена чистились и выметались всѣ мѣста, даже и талія, кои обыкновенно называются общими, такъ чтобы они всегда были чисты и не поражали взора приходящихъ. Онъ имѣетъ при себѣ опись даже малѣйшимъ монастырскимъ вещамъ, находящимся въ келліяхъ для общаго употребленія и удобства монаховъ, и каждое полугодіе ревизуетъ, все ли находится по описи: если замѣтитъ, что что-нибудь испортилось, или отъ небрежности, или отъ постоянного употребленія, то доносить объ этомъ настоятелю. Если, по распоряженію настоятеля, перенесено что либо изъ одной келліи въ другую, то викарій немедленно отмѣчаетъ это въ своей описи, если же монахи обмѣняются келліями по распоряженію настоятеля или съ его согласія, то онъ заботится чтобы они все сдали по описи ²⁾. Если настоятель поручаетъ кому либо извѣстную должность, то викарій долженъ составить для новаго должностнаго лица инвентарь поручаемыхъ ему предметовъ, въ которомъ записываетъ вновь поступающіе предметы и замарываетъ испортившіеся. Онъ имѣетъ попеченіе о братіи, чтобы небыло у нея недостатка въ необходимомъ, заботится объ одеждѣ и починкѣ разорвавшихся одеждъ, преимущественно же слѣдить за тѣми, кои мало заботятся о временномъ ³⁾. На его обязанности лежатъ попеченіе о ханкахъ неопрофессахъ. Посему онъ занимается съ ними тѣмъ, что предписано магистрамъ новиціевъ, т. е. въ назначенные дни

1) Codex, 120.

2) Const., 163—164; Codex, 120—121.

3) Const., 164.

учитъ ихъ тому, что относится къ духовному спасенію, ученію христіанскому и соблюденію постановленій и правилъ своей обязанности, и наблюдаетъ, чтобы въ свободное отъ благочестивыхъ упражненій время занимались рукодѣліемъ, почтительно обращались со священниками, жили въ келліяхъ, не являлись до монастыря. Онъ наблюдаетъ за порядкомъ литургій и еженедѣльно составляетъ росписаніе, если ему поручено будетъ это настоятелемъ, дабы священники знали, кому служить въ какое время: равно еженедѣльно распределяетъ обязанности, исполняемыя по очереди, дабы вездѣ соблюдался добрый порядокъ; поддерживаетъ въ монахахъ любовь, повиновеніе и уваженіе къ настоятелю и единеніе между собою, наказываетъ возмутителей мира и согласія и никомъ образомъ не покровительствуетъ безпокойнымъ. Въ отсутствіе настоятеля, викарій исполняетъ его обязанности по управленію духовному и временному, но никогда не отступаетъ отъ воли настоятеля, если ему дано будетъ какое либо частное порученіе, и остерегается въ это время вводить что либо новое, покупать, продавать, начинать искъ, дѣлать стороннимъ визиты или навѣщать ихъ безъ нужды, допускать роскошь, отправляться куда либо надолго, предпринимать что либо важное, развѣ только неожиданнѣй и непредвидѣнный случай заставитъ сдѣлать что либо, по совѣту мѣстныхъ монастырскихъ консульторовъ; но объ этомъ онъ докладываетъ настоятелю тотчасъ по его возвращеніи. Но ему самому предоставляется, на основаніи конституцій, наказывать монаховъ за маловажные проступки, лишь бы эти монахи не были священниками, но дѣлаетъ это съ любовью и снисходительностію. Если настоятель отлучится на одинъ день, то викарій ведетъ себя такъ, какъ будто бы настоятель находится въ монастырѣ, но задержавъ чѣмъ либо ¹⁾. Гдѣ и когда онъ можетъ быть освобожденъ отъ исполненія недѣльной очереди богослуженія, — объ

¹⁾ Const., 163—166; Codex, 121.

этомъ онъ узнаеть отъ непосредственнаго своего настоятеля. Путь
нельзя имѣть келаря, назначеннаго викариемъ, тамъ обязан-
ности его исполняетъ викарій, и по сему онъ долженъ вѣдать пра-
вила келаря 1).

Въ аббатствахъ или архимандритскихъ монастыряхъ викаріи
соотвѣтствовали аббаты-коадьюторы. Въ монастырѣ своего аббат-
ства аббаты-коадьюторы должны подчиняться своему коадьюту-
аббату и не должны имѣть никакой монастырской должности,
развѣ только аббаты-коадьюторы добровольно захотятъ имѣть
ихъ викаріями монастыря, и въ такомъ случаѣ они тщательно
должны исполнить обязанности викарія, по постановленіямъ и
правиламъ, предписаннымъ для монастырскихъ викаріевъ, и на-
чего болѣе не присвоятъ себѣ. Они должны пользоваться общими
столами съ братією и довольствоваться годичной одеждой пенсией,
положенной для настоятелей вокальныхъ монастырей. Для услу-
женія своего они имѣютъ одного слугу, на монастырскомъ содер-
жаніи. Если имъ нужно будетъ отлучиться по дѣламъ монастыр-
скимъ или своимъ, то аббаты-коадьюторы не откажутъ имъ
въ приличной повозкѣ и двухъ коняхъ. Если имъ поручено бу-
детъ коадьютами вести какія либо дѣла въ трибуналахъ Царства
и въ другихъ мѣстахъ; то они должны вести ихъ непремѣнно
отъ имени коадьюта и братіи и во всякое время давать коадью-
тамъ отчетъ въ приходѣ и расходѣ денегъ, если онѣ имъ пору-
чены, и тѣмъ болѣе не должны дѣлать долговъ насчетъ мона-
стыря. Что касается ихъ лица, то аббаты-коадьюторы въ важ-
ныхъ дѣлахъ должны подчиняться власти генерала. И по силѣ
они, по декрету конгрегации распространенія вѣры отъ 7 февраля
1784 года, на генеральныхъ и провинціальныхъ капитулахъ мо-
гутъ быть подставляемы на мѣсто генеральныхъ и провинціаль-
ныхъ эно-официаловъ, а право подставлять принадлежитъ про-

1) Codex, 122.

визитации; тоเสมอому они не иначе могутъ быть подотавлены: какъ только въ такомъ случаѣ, если ихъ провинціальъ уведомить о семъ генерала. Въ праздничные дни они не могутъ употреблять въ церкви своего монастыря архимандритскія украшенія, безъ разрѣшенія своего коадьюта. Касательно же одежды они должны имѣть габать, предписанный базилианскими постановленіями для аббатовъ. Аббаты-коадьюторы не отказываются нести общіе съ другими труды, какъ напр. совершать предписанныя фундаціей литургіи, и во всемъ повинуются коадьютамъ, кои, по вниманію къ ихъ трудамъ, здоровью и другимъ уважительнымъ причинамъ, могутъ дать имъ, съ вѣдома генерала, и другія льготы, но безъ важнаго неудобства для монастыря. Если аббатъ-коадьютъ возвращенъ будетъ на высшую степень или умереть; то не одни аббаты-коадьюторы осматриваютъ и описываютъ движимое и недвижимое имущество, но дѣлаютъ это въ присутствіи почетныхъ и достопочтенныхъ вѣры стороннихъ людей и двухъ изъ братіи, означиваютъ и представляютъ на распоряженіе, куда слѣдуетъ¹⁾.

Въ знатнѣйшихъ монастыряхъ должно быть по четыре мѣстныхъ консултора, а въ меньшихъ по крайней мѣрѣ по два; избираемыхъ всею монастырскимъ обществомъ, у коихъ настоятель обязанъ спрашивать мѣнія²⁾. По предписанію Гощанскихъ конституцій 1766 г., настоятель избиралъ изъ нихъ одного, который былъ его мониторомъ и имѣлъ право увѣщевать настоятеля; но онъ не долженъ былъ приступать къ исполненію этой обязанности, если бы она не поручена была ему большею частію консулторовъ, и не долженъ былъ напоминать настоятелю о другомъ, кромѣ того, что соотвѣтъ нужнымъ напоминать консулторы. Консул-

¹⁾ Правила объ аббатахъ-коадьюторахъ составлены базилианскимъ генераломъ и консулторіей, по порученію конгрегациі распростра. вѣры отъ 24-го декабря 1766 г. и за тѣмъ рассмотрѣны въ Римѣ. Сн. decreti Congr. распростра. вѣры отъ 7 февр. 1784, отъ 24 декабря 1783 г., и отъ 31 юля 1786 г., въ *statuta Indulgentiæ, brevia, decreta.*, 1788 г. I. стр. 55—88 и 61—64.

²⁾ Const., 157—158 и 162.

торы же не иначе даютъ монитору право увѣщевать настоятеля, какъ узнавши что онъ погрѣшилъ въ какомъ либо важномъ дѣлѣ, или опустилъ что либо или пренебрегъ чѣмъ либо изъ конституцій къ соблазну другихъ, или услышавъ, что подчиненные тяжело жалуется и ропщутъ по поводу какого либо проступка, — и тогда только поручаютъ исполнить эту обязанность, съ величайшею скромностію и благоразуміемъ. Имѣя порученіе напомнить, мониторъ является къ настоятелю о исполняетъ свой долгъ съ тою почтительностію, какая подобааетъ настоятелю, котораго онъ долженъ считать представителемъ лица Спасителя. Если напоминаніе не будетъ имѣть успѣха, то оно должно быть повторено разъ и другой; если же и послѣ втораго и третьяго раза не исправится настоятель, то объ этомъ письменно доносится визитатору. Мониторъ увѣщеваетъ настоятеля секретно и никому не говоритъ объ этомъ, кромѣ консульторовъ¹⁾. По въ послѣдствіи времени званіе монитора уничтожено и оставлены одни монастырскіе консульторы. Такъ какъ они исполняютъ въ монастыряхъ тѣ же обязанности, какія провинціальныя консульторы — въ провинціяхъ, а генеральныя — во всей конгрегациі, то они обязаны соблюдать въ нѣкоторой мѣрѣ то, что постановлено въ правилахъ провинціальныя и генеральныя консульторовъ²⁾. Монастырскіе консульторы, при совѣщаніи, стараются быть соединенными съ настоятелемъ душею и сердцемъ; посему, если бы настоятель рѣшилъ дѣло не такъ, какъ они полагали, то они смиренно успокоиваются и не порицаютъ его передъ другими за сдѣланное имъ постановленіе, но лучше подкрываютъ его монашескою любовью; если же, однако, намѣреніе настоятеля клонится, по видимому, ко вреду для общаго блага, и онъ не захочетъ переимѣнить его, не смотря на ихъ скромныя представленія, то они могутъ донести о дѣлѣ визитатору, на его усмотрѣніе и распоряженіе, а сами, безъ приглашенія настоятеля, не вмѣшиваются болѣе въ монастырскія дѣла. Они не берутъ на себя никакого вида власти,

¹⁾ Const., 157—158 и 162.

²⁾ Const., 157.

никакой доли въ управленіи монастыремъ, но исполняютъ свою должность съ такимъ смиреніемъ, чтобы и для другихъ быть образцомъ послушанія и на подѣ кадимъ видомъ не колебать подчиненія и послушанія настоятелю со стороны подчиненныхъ ему монаховъ. Все, требующее секрета, они хранятъ у себя въ молчаніи, и не иначе открываютъ или сообщаютъ другимъ, какъ по требованію обстоятельствъ времени и дѣла¹⁾. Для возможно лучшаго прохожденія своей должности, они должны изучать и знать не только правила настоятелей и должностныхъ лицъ, но и другое, постановленное базилианскими конституціями, особенно же исправительными и эпитимійными²⁾.

Въ каждомъ базилианскомъ монастырѣ долженъ быть одинъ, два или три духовника, смотря по количеству братій, назначаемые, по экзамену, изъ людей ученыхъ; монашескій духовникъ долженъ быть одушевленъ ревностію къ приумноженію духовнаго совершенства и желать спасенія душъ братіи. Первоначально они могли получать отъ настоятелей право разрѣшать грѣхи, предоставленные настоятелямъ³⁾. Но поелику впоследствии отмѣнено было въ базилианскомъ ордени всякое предоставленіе разрѣшать грѣхи, — то духовникамъ вмѣнено было въ обязанность — налагать спасительныя наказанія на грѣшниковъ. Эти наказанія суть слѣдующія: 1) тяжкія тѣлесныя наказанія посредствомъ бичей, власеницъ и проч.; 2) лежаніе на землѣ; 3) поклоны простые и крестообразныя; 4) посты и извѣстныя воздержанія; 5) секретная чистка отхожихъ мѣсть; 6) размышленіе о смерти и Христовомъ страданіи; 7) чтеніе псалтири; 8) воздержаніе отъ сна и стояніе на молитвѣ въ теченіи какой либо части ночи и проч. и проч.⁴⁾. Онъ старается первоначально узнать происхожденіе каждой болѣзни и тяжесть ея, привичку ко грѣху, его свойства и все прочее

¹⁾ Const., 157—158; Codex, 122.

²⁾ Codex, 122.

³⁾ Const., 172.

⁴⁾ Codex, 122—123.

необходимое; какъ-то обстоятельства мѣста, времени и проч., дабы благоразумно избрать приличное вращеніе изъ числа вышеозначенныхъ названій, т. е. не только полезное для излеченія болѣзни, но и соответствующее вѣку и силамъ кающагося, какъ желаетъ Тридентскій соборъ. Посему духовникъ обиванъ назначить не только наказаніе, но и время и способъ его исполненія. чтобы оно послужило къ созиданію, а не разрушенію, и чтобы не сдѣлалось гласнымъ то, что должно быть тайнымъ. Обща же средства онъ рекомендуетъ преимущественно тѣ, кои предписаны базилианскими правилами и конституціями, какъ-то: пробужденіе отъ сна въ положенное время, утреннее размышленіе, ежедневное благочестивое чтеніе, вечернее испытаніе совѣсти, сосредоточеніе ума, открытіе сердца, стража келліи и молчаніе, рукодѣліе и др., которыя тщательно должны соблюдаться ¹⁾. Кроме того, онъ всячески внушаетъ монахамъ, чтобы они ежедневно прибѣгали и молились ко Пресв. Дѣвѣ Маріи, а также смиренно просили помощи св. отца нашего Василія Великаго, «блаженнаго Иосафата мученика и другихъ святыхъ» ²⁾. Особенно же духовникъ заботится о вспоможеніи искушаемыхъ, о духовномъ утѣшеніи несчастныхъ, о подкрѣпленіи отчаевающихся, для каждаго изъ нихъ употребляетъ приличныя и соответствующія нуждѣ средства. Посему онъ долженъ заниматься чтеніемъ аскетовъ, особенно тѣхъ, кои болѣе подходятъ къ духу базилианскаго ордена. Какія же добровольныя удрученія тѣла и наказанія можетъ онъ дозволить кающимся, согласно ихъ желанію, и о какихъ нужно докладывать настоятелю, объ атомъ духовникъ узнаетъ отъ самого настоятеля, дабы это достохвальное дѣло не происходило безъ воли настоятеля ³⁾.

Священники особенно должны исполнять то, что въ общихъ постановленіяхъ предписано относительно стремленія къ

¹⁾ Тамъ же. 123.

²⁾ Const., 174.

³⁾ Codex, 123.

совершенству. Отправляя богослуженіе по порядку, указанному росписаніемъ, они немедленно, по призыву келерольчика, приходятъ въ церковь, дабы по совершеніи проскомидіи, вовремя приступить къ алтарю. Имъ никакъ не дозволяется, подъ угрозою наказаній, злоупотреблять подаваніями на литургіи и присвоить другія благочестивыя приношенія; но пожертвованное ими въ точности передають епископу, и, безъ ведома и разрѣшенія настоятеля, не могутъ удерживать для своего употребленія¹⁾. Если кто, по какой причинѣ, не можетъ въ известный день совершать богослуженія, то наблаговременно извѣщаетъ епископа, чтобы не нарушился порядокъ росписанія. Они тщательно упражняются въ обрадахъ и церемоніяхъ и ничего не прибавляютъ и не убавляютъ, и не вводятъ новаго, противъ того, что предписано въ служебникахъ. Прежде чѣмъ приступить къ алтарю для совершенія таинства, они заблаговременно въ секретіи отмѣчаютъ для себя, что въ различныхъ мѣстахъ нужно читать, чтобы не передергивать требника при алтарѣ, въ неудовольствіе предстоящихъ. Во время совершенія богослуженія, съ внутреннимъ благочестіемъ, они соединяютъ дѣйствующую важность и благоговѣніе и, по возможности, отправляютъ литургію такимъ голосомъ и пронашаніемъ, кои содѣйствовали бы назиданію²⁾. Для совершенія богослуженія они употребляютъ столько времени, сколько требуетъ величіе таинства и орбевенное благочестіе, но не утомляютъ присутствующихъ чрезвычайною продолжительностію и стараются, чтобы богослуженіе продолжалось не менѣе трехъ четвертей, дабы не соблазнить чрезвычайною скоростію. Недѣльные «чередные» священники должны знать, что въ ту недѣлю, когда они отправляютъ свою должность, они занимаютъ за сто-

¹⁾ Const., 187; Codex, 123—124. См. декретъ 25 іюня 1599 г. въ Summarium Reg. S. B. W., стр. 141.

²⁾ Const., 187; Codex, 124.

домъ первое мѣсто послѣ первенствующихъ должностныхъ лицъ монастыря ¹⁾. Тѣ, кои имѣютъ порученіе принимать исповѣды вѣрующахъ и получая законное право слушать ее, исполняютъ это со всемімъ стараніемъ, такъ какъ, заботясь о спасеніи другихъ людей, они становятся сотрудниками самого Бога ²⁾. Они должны хорошо усвоить себѣ предметы практическаго богословія, особенно же то, что касается наказаній, разрѣшенія грѣховъ и проч., и должны знать то, что слѣдуетъ дѣлать какъ настоятелямъ, врачамъ, судьямъ и учителямъ, чтобы точно исполнять все отрасли своего служенія. Посему они должны имѣть книги, необходимыя для ознакомленія съ своими обязанностями и для правдіаго исполненія ихъ, и внимательно читать эти книги, чтобы всегда быть готовыми спрашивать кающихся и вспомоществовать имъ и знать вѣрный способъ врачевать все виды болѣзней ³⁾. Они изучаютъ также, какъ нужно вести себя съ различнаго рода кающимися, напр. съ дѣтьми и юношами, съ людьми мнительными, благочестивыми, съ глухонемыми, умирающими и приговоренными къ смертной казни, и съ кающимися, просящими наставить ихъ на путь совершенства, и съ другими ⁴⁾. Когда ихъ приглашаютъ для слушанія исповѣди, то они немедленно приходятъ въ церковь, и чѣмъ больше видятъ число кающихся, тѣмъ усерднѣе стараются освободиться отъ другихъ заботъ и приступаютъ къ конфессіоналу въ полномъ монашескомъ облаченіи и стараются поближе имѣть свѣтъ, если такое послушаніе при-

¹⁾ Codex, 124.

²⁾ Тамъ же. См. декретъ 25 сент. 1776 г. въ книгѣ *Indulgentiae, brevia, decreta*, I, 28—33. Епископы давали провинціаламъ право назначать духовниковъ, а провинціалы передавали это право настоятелямъ, съ обязательствомъ экзаменовать назначаемыхъ въ духовники. Циркуляръ 1781 г. въ Исторіи Закарпатскаго монастыря, л. 82—83.

³⁾ Const., 174—175; Codex, 124.

⁴⁾ Codex, 125. Сличъ статьи г. Хойнацкаго съ уніатскихъ богослужбныхъ книгахъ, въ Трудахъ Киевск. дух. Академіи:

дѣтся исполнять въ ночную пору ¹⁾: Исповѣдь женщинъ они слушаютъ не иначе какъ только въ церкви, и притомъ черезъ рѣшетку, отдѣляющую духовника отъ кающейся, завѣшенную чѣмъ либо, дабы не подать повода къ темному подозрѣнію ²⁾, не должны стараться разсмотрѣть или узнать своихъ кающихся, особенно женщинъ, и бесѣдуютъ съ ними скорѣе строгимъ, чѣмъ дружественнымъ тономъ, однако не лишенымъ отеческой любви и важности ³⁾; не должны говорить на исповѣди о вещахъ, нѣкоимъ образомъ не относящихся къ ней, но коротко спрашиваютъ, особенно женщинъ, часто исповѣдующихся. Если же нужно говорить съ ними независимо отъ исповѣди, то дѣлаютъ это на отърытомъ мѣстѣ, съ величайшею скромностію и пониженіемъ глазъ и какъ можно короче. Они не просятъ у кающихся платы и не принимаютъ ее; даже неохотно принимаютъ жертвуемое подъ именемъ милостыни для раздачи бѣднымъ и вспомошествованія кому либо ⁴⁾, развѣ только потребуетъ этого неотложная нужда, — и въ такомъ случаѣ они продолжаютъ исповѣдь долѣе того, сколько требуетъ благоразуміе и нужда ⁵⁾. Если гдѣ приписаны къ монастырямъ приходы, то во время пасхальной исповѣди настоятель назначаетъ туда монаха, который наставленіями въ христіанскомъ ученіи приготовляетъ души кающихся, особенно необразованныхъ и дѣтей, къ благоговѣйному принятію Св. Таинъ ⁶⁾. Они предлагаютъ также народу катихизическое ученіе въ торжественные праздники, въ кои обыкновенно бываетъ большое стеченіе народа, а также во время пасхальной исповѣди, которую приносятъ въ

¹⁾ Codex, 125. Св. декретъ 23 сент. 1776 г. въ *Indulgentiis, brevis.*, I, 28—33.

²⁾ Const., 174; Codex, 125.

³⁾ Codex, 125.

⁴⁾ Тамъ же; Const., 175.

⁵⁾ Codex, 125.

⁶⁾ Тамъ же. Св. декретъ 23 сент. 1776 г., *Indulgentiis.*, I, 28—33.

базилианскихъ церквахъ вѣрующіе обоего обряда, въ силу виллегіи Льва X, данной на пятомъ Латеранскомъ соборѣ, сессіи 11^й в буллы Климента X, начинающейся *Superius* и проч., не будутъ препятствовать этому. особое запрещеніе епархіальной власти. Однако, для принятія пасхальнаго причастія, вѣрующіе непременно должны быть отсылаемы къ своимъ приходамъ. При умирающихъ духовники находятъ столько времени, сколько требуется необходимость¹⁾. И если когда нужно бываетъ убогихъ къ составленію завѣщанія, то это дѣлаютъ во время сама исповѣди, но сами не присутствуютъ при составленіи завѣщаній²⁾.

Н. Петровъ.

(Продолженіе будетъ.)

1) Const., 176.

2) Const., 175—176; Codex, 125.

3) Codex, 125.

**УВѢЩАНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ПАТРИАРХА
КАЛЛИСТА КЪ КЛИРУ ГОРОДА ТЕРНОВА ОТНОСИ-
ТЕЛЬНО ТЕРНОВСКАГО ПАТРИАРХА И ОБРЯДА КРЕ-
ЩЕНІЯ ¹⁾.**

Честнѣйшій въ іеромонахахъ, киръ... и тыгъ честнѣйшій въ
монахахъ, киръ... ²⁾, во Святомъ Духѣ возлюбленнаго сына на-
шей мѣрности. Благодать, миръ, милость и все благое и споса-
тельное молитъ вамъ мѣрность наша отъ Бога Вседержителя.
Ваше письменное донесеніе получено и прочтано нашею мѣрно-
стью синодально, въ присутствіи всѣхъ находящихся въ царствую-
щемъ градѣ архіереевъ, и изъ этого донесенія наша мѣрность
узнава все, о чемъ вы сообщали, именно, о патриархѣ Тернов-
скомъ, что онъ не поминаетъ въ священныкъ службахъ и не
дѣлаетъ возношенія имени нашей мѣрности и прочихъ святѣй-

¹⁾ Документъ этотъ, извѣстный въ нашей науцѣ по древнему сла-
вянскому переводу, изданному въ 1838 г. Палаузовымъ подъ именемъ *мо-
литвы патриарха Каллиста*, мы сочли нелишнимъ представить въ рус-
скомъ переводѣ изъ Acta Patriarchatus Constantinopolitani (т. I, стр. 436—
442) по особенной важности этого документа для исторіи болгарской и
отчасти Константинопольской церкви. «Увѣщаніе» это, составляетъ какъ
надѣсто церковную попытку патриарха Каллиста къ состоявшемуся позднѣе
подчиненію независимаго Терновскаго патриархата Константинопольской
церкви.

Принтѣч. редакціи.

²⁾ Точки въ актахъ.

шихъ патриарховъ. И наша мѣрность подобнымъ образомъ не поминаеть его имени; но да будетъ вѣдомо вашему благоговѣнію, что наши дѣйствія по отношенію къ нему имѣютъ надлежащее и справедливое основаніе, напротивъ его дѣйствіе, то есть помянутое имя нашей мѣрности въ священнослуженіяхъ, совершенно противозаконно и несправедливо, — вотъ по какой причинѣ. Патриархъ Терновскій прежде и сначала носилъ имя епископа и вѣдомъ святой великой церкви Божіей (константинопольской); потомъ, въ послѣдствіи, по усиленной просьбѣ и моленію къ находящемуся при насъ великому и священному синоду со стороны тогдашняго скипродержца болгарскаго, изъ уваженія къ сему послѣднему и къ болгарскому народу, заявившему свою покорность нашей великой и святѣйшей церкви Божіей, даровано было епископу Терновскому, ради единства къ нему, право называться патриархомъ Болгарскимъ, но не сопричисляться къ прочимъ святѣйшимъ патриархамъ, а постоуми не быти поминаему въ священныхъ диптихахъ, по божественному и священному правилу четвертаго (вселенскаго) собора, которое говоритъ слово-къ-слово такъ: «Во всемъ послѣдую опредѣленіямъ святыхъ отецъ, и признавая читанное нынѣ правило ста пятидесяти боголюбивѣйшихъ епископовъ¹⁾», тогда само и мы опредѣляемъ и устанавливаемъ о преимуществахъ святѣйшей церкви Константинополь, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: посланку то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію и сто пятидесять боголюбивѣйшіе епископы представили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и сѣдлицы, и имѣющій равныя преимущества съ

¹⁾ Здѣсь нѣтъ слѣдующихъ словъ, находящихся въ нашемъ синодскомъ греко-славянскомъ изданіи соборныхъ правилъ: «бывшихъ въ соборѣ во дни благочестивыя памяти Феодосія въ царствующемъ градѣ Константинополь, новомъ Римѣ».

ветхими царственнымъ Римомъ, и въ царевныхъ дѣлахъ возве-
дичонъ будетъ подобно тому и будетъ второй по величю. Подобно
сему весьма ясно говорить правило шестого (еселенскаго) собора
буквально такими образомъ: «возобновляя законоположенное сто
пятидесятию свитыми отцами, собравшимися въ селгъ богохрани-
момъ и царствующемъ градѣ, и шесть сотъ тридесатию, собрав-
шимися въ Халкидонѣ, опредѣляемъ, да имѣеть престоль Кон-
стантинопольскій равныя преимущества съ престоломъ древняго
Рима, и якоже сей, возвеличивается въ дѣлахъ церковныхъ, бу-
дучи вторымъ по немъ: послѣ же онаго да числится престоль
Антиохійскій, а за симъ престоль града Іерусалима». Штъ па-
тріарховъ учинено было каволическою и апостольскою церковію
Христовою въ началѣ, пока еще былъ съ нами и папа Римскій,
но съ тѣхъ поръ (какъ отпалъ папа) и донинѣ пребываютъ въ
единеніи четыре, которые находясь между собою въ неравно-
номъ союзѣ, поминаютъ другъ друга во всехъ церковныхъ собра-
ніяхъ. Посему патріарху Терновскому, какъ ради должнаго под-
чиненія нашей великой святѣйшей церкви Божіей, отъ которой
получилъ право быть и называгься патріархомъ, такъ и ради
смысланія себѣ почтенія и общенія нашей мѣрности и прочихъ
патріарховъ, необходимо слѣдовало всегда возносить въ священ-
ныхъ диптихахъ имя и нашей мѣрности и прочихъ патріарховъ,
чтобы такимъ образомъ сокранія въ своей церкви тотъ же са-
мый типъ церковнаго устроенія, чрезъ то являться соединеннымъ
съ нами и сепричсленнымъ къ намъ. Онъ же неблаговидно от-
вергнувъ таковое церковное узаконеніе, и отторгшись (αποσχιστῶν)
отъ подчаченія нашей мѣрности и каволической церкви Божіей,
отъ которой, какъ сказано, по снисхожденію получилъ патріар-
шество, даже и не поминаетъ нашей мѣрности, поступая весьма
нелѣпно и вопреки тому, что отъ начала по общему согласію пе-
становлено томомъ святѣйшаго патріарха кларъ Германа. Ибо сей
самый патріархъ въ одной изъ своихъ грамотъ оправдываетъ по-

вернуть, абы это мы такъ; и что же касается до извѣстной грамоты, то въ ней рѣчь идетъ не о томъ, (вообще не о томъ; предписывая вселенскому архіерею (болгарскаго народа) условію, касающуюся общей пользы въ дѣлахъ мірскихъ), она уважала на то, чтобы оны (патріархъ Терновскій) брали совершенно автономальныя, не то, чтобы оны несли прежнія обязательства, то есть платили пошлину и дань (*тѣлѣ халъ фѣраис*) должившему его патріарху, а также, какъ бы въ дополненіе, совершали бы возмощеніе имени его въ церкви, какъ одинъ изъ едущихъ въ Константинополь митрополитовъ, чтобы привлекаемо онъ былъ къ отвѣтственности и слѣдствію, то есть суду, какъ скоро будетъ обличено въ нарушеніи обязательства. Такого общаго и согласнаго болгарской церкви въ отношеніи къ Константинопольской. Кроме того, если Константинопольскій престолъ пересматриваетъ, направляетъ, утверждаетъ и дѣлаетъ авторитетными опредѣленія и другіяхъ патріарховъ: Александрійскаго, Антиодійскаго, и Іерусалимскаго, какъ ясно говорятъ о бы этомъ божественныя правила и свидѣтельствуешь праятвн, то вѣтъ ли болѣе этотъ престолъ долженъ господствовать надъ церковью болгарскою; епископы которой получили отъ него власть называться патріархомъ? Знайте же несомнѣнно, что если бы у насъ не было искренней любви къ высочайшему царю Болгаріи, но Святотѣлѣ Духѣ и истинному сыну нашей вѣрности, киръ Іоанну Асану, и желанія, и потому, не огорчать его, то наша вѣрность, какъ вселенскій патріархъ, по благодати Христовой, была бы въ принѣ подвергнуть его дѣйствію суду, и касаться ихъ предъ священнымъ и великимъ нашимъ синодомъ, какъ доселѣ не бывали (*илѣ тѣмъ оубо брѣва*), и затѣмъ или потребовать отъ него исправленія, или осудить сообразно съ правилами, какъ ясно пренебрежшаго церковью, отъ которой, какъ много разъ уже сказано, онъ получилъ жребій патріаршества, и на крайней вѣрѣ вѣрннчно лишеть его имени патріарха. Но наша любовь и расположеніе къ этому царю убѣж-

давать намъ оставить это дѣло безъ послѣдствій до тѣхъ поръ не увидимъ отъ Терновскаго патріарха исправленія. Это—одно-смысленно одного пунта (вашего допущенія). Что же касается до того, что священники болгарскіе крестятъ въ одно погруженіе, или совершаютъ крещеніе чрезъ опрокидываніе водою, какъ понамо; то это дѣло весьма неважное и нечеловѣческое несчастія! Ибо поставленіе свѣтлыхъ и славныхъ и всехвалѣмыхъ апостоловъ и священныя ихъ каноны всѣхъ крещенныхъ въ одно погруженіе повелѣваютъ, по преданію Спасителя, крестить снова, какъ некрещенныхъ. А поелику великій, кто въ крестится водою и духомъ, по евангельскому изреченію Спасителя, не войдетъ въ царствіе небесное, то ясно, что не крещенный по этому преданію въ три погруженія есть внѣ царствія небеснаго. Ибо совершавши во святомъ крещеніи три погруженія совершаются не простое и какъ понамо, но они знаменуютъ небесныя, Божественныя таинства. Такъ какъ Спаситель нашъ заповѣдалъ своимъ ученикамъ крестить всѣхъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ въ трипостасную, божественную, блаженную и преушную Троицу, то мы, по ученію великаго иъзвѣстнаго божественныхъ таинъ, Дионисія Арнопагита, тремя погруженіями въ крещеніи прославляемъ и почитаемъ трипостаснаго Божества, будучи при проищеніи каждаго изъ оныхъ свѣтлыхъ именъ однажды погружаемы въ воду и вынимаемы изъ ней. Видѣть съ тѣмъ, поелику божественное сіе крещеніе изображаетъ смерть Спасителя (слизды бо во Христа крестихомся—но Апостолу—въ смерть Его крестихомся), а погребеніе Спасителя было тридневное, то мы необходимо крещаемся въ эти три состоянія, указывая этими тремя погруженіями на тридневную смерть и воскресеніе Спасителя. Поэтому не крещавшыся такимъ образомъ суть вовсе несовершенны и неполны (въ благодати) и крещаются не по образу высшаго знаменованія крещенія. Ибо сей священный Дионисій говорить о крещеніи слово-въ-слово такъ: «символическое

мученика Дмитрія или святаго Варвара, тотъ, какъ явно отмѣтающій церковное преданіе, не знаю какой отвѣтъ дать Богу въ день суда, или какъ избѣгнуть наказанія за столь тяжкія прегрѣщенія противъ вѣры. Посему такъ какъ вы съ боголюбивымъ намѣреніемъ донесли объ этомъ нашей мѣрности и божественному и священному, что при насъ, синоду, какъ мужи благоговѣйные, поборники добродѣтели и особенные поборождатели тамошнихъ болгарскихъ христіанъ, и такъ какъ вы письменно получили отъ нашей мѣрности соборное удостовѣреніе, равно какъ и въ краткѣ изложенное ученіе о честномъ таинствѣ спасительнаго крещенія: то, если вы заботитесь (какъ и дѣйствительно вы заботитесь) о спасеніи многихъ, подвигнитесь къ уваженію и наставленію о семъ всѣхъ тамошнихъ архіереевъ и всѣхъ священниковъ Болгаріи, и внушите имъ совершать таинство крещенія по образцу церкви Божіей и какъ здѣсь въ краткѣ написано, крестить совершаемыхъ божественною банею въ три погруженія, въ сосудѣ, наполненномъ водою съ елеемъ и помазывать ихъ по всѣмъ членамъ этимъ божественнымъ и честнымъ муромъ, и такимъ образомъ дѣйствовать сообразно съ преданіемъ святыхъ апостоловъ и священныхъ каноновъ; сосуды же, въ которыхъ совершаемо бываетъ крещеніе, соблюдать только для этой потребности, а отнюдь не употреблять для другой какой либо нужды, потому что и это незаконно и неблагоговѣйно. Поелику же составленіе святаго мюра не производится въ болгарской церкви, а изготовляется оно по преданію въ святѣйшей, что при насъ, церкви Божіей то нужно, чтобы во время святой четырехдесятиницы, они избрали изъ тамошнихъ священствующихъ нѣсколько мужей благоговѣйныхъ и отправивъ ихъ съ надлежащимъ для приготовленія мюра вознагражденіемъ, по узаконенному преданію, получили бы отъ насъ это великое и божественное муро, въ совершеніе крещаемыхъ, какъ сказано. Итакъ вотъ что повѣщаетъ вамъ наша мѣрность съ находящимся при ней божествен-

нымъ и священнымъ синодомъ для исправленія на дальнѣйшее время того, что совершается въ болгарской церкви не по правиламъ. И если они возвратятся къ добру и оставятъ зло, то есть нововведеніе и нарушеніе правилъ относительно таинства крещенія, — главизны нашего спасенія, да будетъ имъ даровано прощеніе отъ Бога, какъ не знающимъ точно священнаго постановленія о семъ. Если же они и теперь, по испытаніи и дознаніи дѣла и притомъ послѣ нашего вразумленія и наставленія и вашихъ, благоговѣйные и потенные монахи, убѣжденій къ этому, останутся неисправимыми, то вѣрность наша и нашъ божественный и священный синодъ исполнили, безъ всякаго опущенія, возложенный на нихъ Богомъ долгъ — поучать вѣрныхъ и разъяснять имъ Его таинства. Виновные же, а особенно предстоятели церкви и іереи, дадутъ отчетъ на послѣднемъ судѣ (Христовомъ) и подвергнутся великому осужденію и гнѣву Божию за то, что не послѣдовали преданію и ученію святой католической и апостольской церкви Христовой. Впрочемъ, мы молимъ Бога, да ни комъ образомъ не будетъ сего; но да потщится и возстанетъ церковь сія, и великій и небесный сей даръ крещенія и іереи да подають народу и народъ да принимаетъ по божественному преданію, такъ чтобы сей даръ былъ помстинѣ даромъ, избавленіемъ и очищеніемъ отъ первороднаго грѣха, знакомъ synположенія, а отнюдь не виною осужденія, — предстательствомъ преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и всѣхъ святыхъ, аминь.

1353 г. въ мѣсяцѣ декабрѣ индикціона 9.

Г. Н — скій.

ИСТОРИЯ АЭОНА

ЧАСТЬ I. АЭОНЪ ЯВЫЧЕСКІЙ.

"Αἶψας βῶλάριον τοῦ κόσμου.

Аэонъ—крупинка міра.

Аэонъ, по выраженію Римскаго императора Марка Аврелія, есть крупинка міра. Это вѣрно. Въ неизмѣримой вселенной, предъ лицемъ безпредѣльнаго Бога, сія гора не больше крупинки.

Но эта крупинка существуетъ въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, и имѣетъ свою исторію, которая и предлагается мною всѣмъ любознательнымъ соотечественникамъ моимъ, какъ плодъ многолѣтняго труда моего, и какъ даръ округляющій ихъ свѣдѣніи о христіанскомъ Востокѣ.

Исторію Аэона я пишу, имѣя подъ руками книжныя творенія всѣхъ древнихъ классическихъ писателей, греческихъ и латинскихъ, упоминавшихъ о сей пресловутой горѣ, и *многочисленныя* дѣписанія, кои хранятся въ архивахъ тамошнихъ монастырей, и кои я переписалъ для себя вѣрно. Эти дѣписанія, между которыми, по увѣренію Аэонскаго управленія, есть нѣсколько подложныхъ, признаны мною годными матеріалами для исторіи Аэона послѣ разсудительнаго разсмотрѣнія ихъ и сличенія однихъ съ другими и съ сказаніями наилучшихъ писателей, не жившихъ

*

на Аеонѣ. Посему моя исторія этой горы достовѣрна. Смѣю сказать это напрямикъ, потому что люблю историческую правду. ищу ее усердно въ собственной области ея, и когда нахожу, тогда держу ее крѣпко, пристально смотрю ей въ глаза, и узнавъ ее, фотографирую ее.

Безъ правды исторія есть потѣшная сказка: а съ нею она — дѣльное и полезное знаніе.

А немало сказано написано объ Аеонѣ торопливыми посетителями этой горы, довѣрчиво слушавшими тамошнихъ рассказчиковъ, которые вѣдутъ въ себя, какъ въ свящую истину, но никогда ничѣмъ не повѣряютъ своихъ рассказовъ. Но, вѣдь, жаль, что такое священное мѣсто, какъ Аеонъ, оболгано, а при такой жалости сильно хочется сказать о немъ правду, ту самую правду, которая кроется въ архивахъ Аеонскихъ. Сія-то жалость и это самое хотѣніе водятъ перомъ моимъ.

Благословите же преподобные отцы Аеонскіе сказать вамъ вашу же правду. А вы, благословенные соотечественники мои, выслушайте ее и полюбите.

Длинна исторія многовѣковаго Аеона. Не скоро расскажешь ее вѣрно, подробно и некраснобайно. Посему приходится передать ее по частямъ. Передаю ее такимъ образомъ, и —

въ первой части описываю Аеонъ языческій съ 3500 года до рождества Христова по четвертый вѣкъ христіанскій;

во второй части сперва излагаю устные и письменныя преданія Аеонитовъ о началѣ у нихъ христіанства и монастырей, и своимъ строгія сужденія объ этихъ преданіяхъ, а потомъ повѣствую объ Аеонѣ христіанскомъ, *мирскомъ*, а не монашескомъ, до разоренія его магометанами, съ 309 лѣта Господня по 676-е;

въ третьей части, обширѣйшей, скажу объ Аеонѣ *монашескомъ*, съ 676 года по 1860-й;

скажу, прилагая къ каждой части оправданія моей исторіи, то есть, извлеченія изъ классическихъ писателей и изъ вышепомянутыхъ дѣяніи; на языкахъ греческомъ, латинскомъ и славянскомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Событія на Ассѣ съ 3500 года до рождества Христова
по четвертый вѣкъ христіанскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О НАЗВАНІЯХЪ, МѢСТОПОЛОЖЕНІИ, ДЛИНѢ, ШИРИНѢ, ВЫСОТѢ И
ВИДѢ АЕОНА ПОКРЫВАЕМАГО СНѢГОМЪ.

§ 1. О названіяхъ Аеона и ихъ значеніи.

Пресловутая гора, о которой начинаются рѣчи мои, называлась Анти, Аеосъ и Аеонъ ¹⁾. Когда греки говорили Анти, тогда разумѣли узкую часть материка, далеко вдающуюся въ море и омываемую изъ сѣбѣ обѣихъ сторонъ. Точно такъ Аеосъ. Это длинный рукавъ гористой земли среди Эгейскаго моря, слѣдовательно Анти. Первое названіе этой горы понятно, а второе не объяснимо. Стефанъ Византійскій и Варинъ показали, что она названа Аеонъ по имени исполина Аеосъ, который былъ сынъ Посидона и Родоніи Стримонской ²⁾. Я усвою это мнѣніе ихъ. Известно, что въ первоисточныя времена существовали исполинскія и дивныя собственныя имена, напримѣръ: Энаръ, Отъ, Голіаръ. Известно, что нѣкоторые изъ нихъ жили близъ Аеона у Эгейскаго моря, на островѣ Иабросъ и на Кассандрскомъ полуостровѣ, который первоначально назывался Флегра ³⁾. Не мудрено же имъ было перейти и на эту гору изъ соседней Фракіи съ высотъ Родопскіякъ. Отъ перваго вожда ихъ, по имени Аеоса, и они все назывались Аеонцами, и сама гора получила его имя. А что значить Аеосъ, или Аеонъ, этого не объяснилъ ни одинъ древ-

ній писатель; не берусь объяснять и я, зная отъ философа Платона, что въ еллинискомъ языкѣ много иностранныхъ словъ, которыхъ корней не понимали и сами еллины ⁴⁾.

¹⁾ Thucid. Liber IV, caput 109. Strabo L. VII. Excerpta sub fine. Λεξιχὸν Βαρίνου, sub voce Αἴθως. ²⁾ Stephan. Byzant. de urbibus. Βαρίνου λεξιχὸν sub voce Αἴθως.—Φιλοστράτ. Ἡρωϊκα διάλογος α. ³⁾ Pindar. Nem. IV, 25—30. Strab. L. VII.—Iulius Solinus de Macedonia. ⁴⁾ Πλάτων ἐν Κρατύλῳ.

§ 2. *О мѣстности Аѳона и размѣрѣхъ ея.*

Аѳонская гора, по астрономическимъ вычисленіямъ Птолемея ⁵⁾, лежитъ подъ 51°, 41', 10". Омываемая съ двухъ сторонъ Эгейскимъ моремъ, она есть длинный полуостровъ, соединенный съ материкомъ Македоніи посредствомъ низменнаго холмистаго перешейка длиною въ 12 стадій ⁶⁾, а шириною не много менѣе версты. Длина же всей этой горы, начиная отъ перешейка до высочайшаго конца ея, измѣряется 75,000 шагами (аршинами) съ одной стороны, да равнымъ числомъ шаговъ съ другой стороны, а вокругъ 150,000 шагами, ⁷⁾ на нашу мѣру 50 верстами вдоль одного бока ея, да 50 вдоль другаго бока, вокругъ же 100 верстами. Ширина ея въ корнѣ не показана древними писателями. Но за те они много говорили о высотѣ ея. По словамъ Иродота, Фукидида, Страбона, Плинія, Юлія Полигистора и другихъ, она весьма высока, такъ что живущіе на самомъ высшемъ теменн ея видѣли восходъ солнца ранѣе трети часа сравнительно съ тѣни, которые населяли прибрежнія мѣста ея ⁸⁾. Сю темя выше дожденосныхъ облаговъ; и потому древніе вѣрили и говорили, что тамъ дожде никогда уже не смываютъ пенна, оставшагося послѣ жертвоприношеній ⁹⁾. Исполисская высота морской оконечности Аѳона доказывалась и тѣмъ, что тѣнь отъ нея простирается до острова Лимноса на 87000 шаговъ, или 58 версть. Тамъ въ городѣ Миринѣ сія тѣнь покрывала соборъ божь

статуи вола, стоявшей среди торжища ¹⁰⁾. Высоты Аэона покрывались снѣгомъ. Объ этомъ вспоминалъ поэтъ Θεокритъ въ одной изъ своихъ идиллій ¹¹⁾. Общій наружный видъ этой горы очерченъ древними писателями, но недостаточно. Поэтъ Никандръ въ своей Евроней изобразилъ ее какъ исполина, который подъ звѣздами Фракии стоитъ среди неизмѣримаго моря, и своими руками мететь двѣ длиннѣйшія стрѣлы (горные отроги) особенно къ противоположному мысу Канастрійскому ¹²⁾. Пѣсноупѣвецъ Орфей называлъ ее лѣсистую ¹³⁾, а географъ Страбонъ островерхою и титькообразною ¹⁴⁾. По географическому положенію она всегда считалась околоткомъ Македоніи и, частице, Халкидійской, нынѣ Сидирокавійской, области, съ которою соединяетъ ее собственный ея перешеекъ ¹⁵⁾. Съ сѣверовосточной стороны омываетъ эту гору заливъ Эгейскаго моря, называемый Стримонскимъ по имени ближней рѣки Стримона, раздѣляющей Македонію отъ Фракии ¹⁶⁾, а съ югозападной заливъ Сингитскій, прозванный такъ отъ города Сингоса, находившагося въ самомъ устьѣ этого залива при хорошей бухтѣ, напротивъ возвышеннѣйшей оконечности Аэона. Два крайніе мыса этой горы, концы она оканчивается въ морѣ, назывались Акроаэосскимъ и Нимеѣйскимъ. Первый мысъ вдается въ заливъ Стримонскій, а второй въ Сингитскій ¹⁷⁾. У этихъ мысовъ, и вообще у всѣхъ береговъ Аэона водились разныя чудовища морскія ¹⁸⁾. Въ Каракальскомъ монастырѣ я видѣлъ двѣ весьма длинныя кости одного изъ этихъ чудовищъ, которое тутъ давно издохло, а отъ Ессигмивскихъ монаховъ слышалъ въ 1858 году, что одинъ Вавсокаливскій скитникъ поймалъ на уку морскаго змѣя, называемаго Смирна, и понесъ его домой въ юрвинѣ за плечами; но этотъ змѣй очулся тутъ, и обвившись около шеи скитника, перегрызъ ему горло. Ихъ обонхъ нашли мертвыми. Эту гадюгу Аэонцы ѣдятъ. Я видѣлъ ее, а вотъ не могъ.

¹⁰⁾ Geograph. Ptolom. L. III. § 11. Venet. 1562.—¹¹⁾ Herodot. L. VII c. 22. ¹²⁾ Plin. histor. natur. L. IV. c. 10. sect. 17.—Iul. Solin.

с. 14, 21. ⁸⁾ Herodot. L. VII, с. 22; Thucyd. L. IV, с. 109. Strab. Excipit. L. VII. ⁹⁾ Pompon. Mela L. II. ¹⁰⁾ Plin. H. N. L. IV, с. 12 sec. 23. ¹¹⁾ Θεοκρίτ. ἐιδόλλ. ζ. ¹²⁾ Νικάνδρ. ἀριθμ. Stephani. Byzant. ¹³⁾ Ὀρφείως Ἀργοναυτικὰ Lipsiae 1829 ¹⁴⁾ Strab. L. VII ¹⁵⁾ Ἐκλόαξ ¹⁶⁾ Ἐκλόαξ. ¹⁷⁾ Strab. Excipit sub. line. ¹⁸⁾ Herodot. L. VI, с. 44. II.

§ 3. О первобытныхъ жителей Аѳона.

Первобытные жители Аѳона были исполнены изъ числа тѣхъ, о которыхъ воспоминанія остались у всѣхъ народовъ. Но эти гордые чада, ὑπερήφανα τέχνα, *) давнымъ давно вездѣ исчезли. На ихъ мѣсто на Аѳонѣ пришли изъ сосѣдней Θракіи и Македоніи Висалты, Кристоны, Йдоны и Диктидіи, къ которымъ въ послѣдствіи присоединились Елліны, Халкидійцы и Целасги ^{19—21)}.

¹⁹⁾ Thucid. L. IV, с. 109. ²⁰⁾ Herodot. L. VII, с. 114, 115, 131. ²¹⁾ Thucid. L. V, с. 82. L. V, с. 35.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О событіяхъ на Аѳонѣ въ первый кругъ времени, отъ появленія моря у этой горы, и отъ основанія городовъ на ней и участія ихъ въ Пелопонесской войнѣ грековъ, между 2500 и 431 годами до р. X.

§ 4. О затопленіи Аѳона водами Чернаго моря.

Аѳонъ, вмѣстѣ съ тою частію земнаго шара, которая теперь находится подъ Архипелагомъ и Средиземнымъ моремъ, потерѣла два страшные переворота, одинъ отъ напора морскихъ водъ, а другой отъ огня. Говорю объ этомъ подробно съ гнѣсомъ историческихъ писателей древнѣйшихъ временъ.

По преданіямъ, кои сохранили для насъ Плинію, Аристотель, Діодоръ Сицилійскій, Страбонъ, Сепола, Пинній, и другіе знаменитые писатели еллиніскіе, латинскіе и арабскіе, въ самое отдаленное отъ насъ время Азія, Африка и Европа составили

*) У Исиода Theogon. 140.

одним неразрешимый уловящий островъ; потому что не было сюда
земного моря, отдвигавшаго Аериу: отъ Европы²²). Вокругъ этого
острова протекала океанъ, какъ течете онъ и теперь; а за океаномъ
известенъ былъ *настоящій материкъ*, *ἄληθινος ἤπειρος*;
соответствующій Америкѣ и Океану; онъ показанъ на картѣ
Косма Индоплаватели²³). Вблизи же береговъ нынешняго Гибралтарскаго пролива находится островецъ Атлантиды, насе-
ленный первоначально племенемъ Атлантовъ, и необходимый всѣмъ,
что необходимо для счастливой жизни. На этой Атлантидѣ была
царя, являвшая власть монархическую, которая подчиняла не
только сей островъ, но и оный замысливъ материкъ, такъ что
Атланты плыли туда на своихъ корабляхъ. Благоустройство этихъ
островцевъ, величье царей ихъ, которыхъ было только десять,
богатство ихъ каппивъ, устройство водниковъ сообщеній и при-
морскихъ пристаней, пышность, судостроительство, торговля,
воинство, слотъ, описанъ Платономъ достаточно. Любопытные пусть
прочтутъ все это въ сочиненіи его подъ названіемъ Бритіасъ²⁴).
Въ это же самое время, когда Гибралтарскій проливъ еще не
существовалъ, и когда Черное море не имѣло выхода чрезъ Вос-
поръ и Дарданеллы, — на всѣмъ пространствѣ, нынѣшномъ теперь
Средиземномъ моремъ и Архипелагомъ, была суша съ горами,
долинами, равнинами, рѣками и озерами. Тогда Близкія про-
свѣтаны до единственнаго Полуострова²⁵), Среднія соединена были
съ Италией, Визиря съ Сирией, Евреи съ Віціей²⁶), Атланта
была гораздо обширнѣе, красивѣе и плодороднѣе²⁷), Лесбосъ,
(нынѣ островъ Митилини) прилежалъ къ Малазійской горѣ Иду²⁸).
Тогда же и у Алоны, по обѣ стороны его, не было морей, потому
что его не было ни вблизи, ни вдали отъ него, а равнинами
должны и равнины, орошаемыя потоками и рѣками.

Но за 9000 лѣтъ, по счету Платона¹), вода изъ Атланти-

¹) У ассирій 6 мѣсяцевъ составляли годъ. Посему 9000 лѣтъ у Платона означаютъ равны 5400 понынешъ годамъ.

ческаго океана дачала просачиваться сивовъ Гадирскія (Гибралтарскія) скалы, кои разверзались насильственно отъ землетрясенія, и стала постепенно напирать на берега Европы и Африки ²⁰), и овладѣвать ими, такъ что каждое поколѣнiе людей замѣчало постепенную убыль матерой земли. Въ самомъ началѣ этого перелома, какъ видно изъ сказаній Дюдора Сицилійскаго и арабскихъ писателей Массуди и Ель-Бируни, жители Андалузiи и Тангера сдѣлали изъ каменной плотины, по которой стада ихъ переходили съ берега Андалузiи на сѣверный берегъ Африки; такая же плотина устроена была и отъ Ель-Арима до Еипра; а между мѣстностями Александрии и Константинополя была соленая и сырдая земля, на которой одною разводилокъ смововницы и сикоморы ²⁰). Стало быть, тогда Средиземное море было еще мелко и иловато. Послѣ первоначальнаго, слабого, появленiя сего моря жители Атлантиды овладѣли сѣвернымъ берегомъ Африки до Египта, и югозападнымъ краемъ Европы до Италiи, и потомъ соединенными силами рѣшились покорить себѣ Египетъ и всю Грецію. Но Аенняне, превосходя прочiе народы дарованiями и ратнымъ искусствомъ, приняли начальство надъ всѣми Греками, и не смотря на крайность, до которой были доведены по случаю наемъ многихъ, восторжествовали надъ своими врагами, и подвигнули троеи, оградивъ такимъ образомъ многихъ отъ порабощенiя. Стало быть, битвы Грековъ съ Атлантами происходили въ Аттікѣ. Но случившiйся послѣ того ужаснаго землетрясенiя и потоми поглотивъ въ одинъ день и въ одну ночь все аеннское войско, а островъ Атлантида погружился въ море и исчезъ; океанъ же тамошнiй сталъ недоступенъ и невозлѣдимъ ²¹), но воспоминанiе о немъ сохранилось, такъ что Сенска предсказывалъ время, въ которое опять будетъ открытъ заокеанный материкъ, т. е. Америка ²²). Гибель аеннскаго войска доказываетъ, что тогдашнiя землетрясенiя и наводненiя охватили и Аттіку. Тогда же, я полагаю, Сицилiя отдѣлилась отъ Италiи, а Еипръ отъ Си-

ріи.³³⁾, поперечное возвышеніе земли между Европою и Ливією, о которомъ упомянулъ Страбонъ у Стратона, покрылось водою навсегда³⁴⁾, часть Билікии, простиравшаяся до Пелузія, провалилась³⁵⁾, часть Египта у Пелузія и горы Кассія затоплена была водою, и явилось Сервонидово озеро, которое пересохло уже въ послѣдствіи³⁶⁾, Аттика начала уменьшаться и оскудѣвать³⁷⁾. Но на мѣстѣ Архипелага материкъ тогда уцѣлѣлъ, и какъ на немъ, такъ и у Аеона еще не было моря. Это страшное событіе, которое египтяне внесли въ свои лѣтописи, а мудрецъ Солонъ избралъ предметомъ для поэмы³⁸⁾, Страбонъ же считалъ не вымысломъ³⁹⁾,—это событіе, по моему расчету времени, случилось тогда, когда у Носва правнука Евера родился сынъ Пелегъ (Фалегъ), слѣдовательно немного ранѣе 2730 года¹⁾. Моисей въ книгѣ Бытія, гл. 10, ст. 25 сказалъ, что Еверъ назвалъ сына своего Пелегомъ, потому что въ дни его (Евера) *раздѣлилась земля, וַתִּפְּרַץ הָאָרֶץ*. Здѣсь еврейскій глаголъ, *нипелегаъ*, выражаетъ разрывъ земли, а не одно разсѣяніе народовъ послѣ столпотворенія Вавилонскаго. Я понимаю этотъ глаголъ въ томъ и другомъ значеніи, и вижу въ указанномъ мѣстѣ книги Бытія намекъ на появленіе Средиземнаго моря въ *разсѣшейся землѣ* и на современное разсѣяніе народовъ, изъ которыхъ потомки Пелега, такъ называемые Пеласги, двинулись по сушѣ, чрезъ Малую Азію и Фракію, въ Аттику, а оттуда, какъ узнаемъ послѣ, перешли и на Аеонъ.

Послѣ явленія Средиземнаго моря совершались другіе перемены на обитающихъ мѣстахъ Пелопонеса, Аттики, Малой Азіи, Македоніи, Фракіи. По словамъ Платона, частыя и большія на-

¹⁾ Или точнѣе, около 3485 года, если къ обыкновенному счету 3266 годовъ, протекшихъ отъ Ноя до Христа, прибавить 730 лѣтъ владычества царей пастырей въ Египтѣ и пребыванія евреевъ тамъ подъ покровительствомъ ихъ, наковую прибавку дѣлали наилучшіе хронологисты древніе, которымъ я довѣряю.

водненіи, въ продолженіи 9000 лѣтъ, протекшихъ до дней ея увлекли землю съ высотъ, и не возвысивъ равнины, раскидан нѣкоторую часть ея у береговъ, и увлекли ее въ морскія пучины. И какъ бываетъ послѣ продолжительной болѣзни, Атіа лишилась своего тука, представляла одинъ островъ прежняго бланобразнаго тѣла своего»⁴⁰). Въ числѣ сказанныхъ наводненій самое большое и гибельное было то, которое произошло отъ изрѣзана и постояннаго теченія воды изъ Чернаго моря, проложившаго себѣ путь, чрезъ Византійскій Воспоръ и Дарданеллы, въ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ находится Архипелагъ. Этотъ страшный переворотъ видѣли и долго помнили жители острова Самоэраки, лежащаго противъ Аеона, «а писатели Діодоръ Сицилійскій, Стратонъ и другіе увѣковѣчили въ своихъ исторіяхъ. Діодоръ писалъ вотъ что: «Самоэракіи рассказываютъ, что до потопоу, какіе были у другихъ народовъ, былъ у нихъ свой потопоу, *созданъ богами*, отъ разрыва земли той, что у Византійскихъ сѣверъ (три устья Византійскаго Воспора и Чернаго моря) и той, что у Елліспонта. Тогда Черное море, походившее на озеро, тажъ переполнилось втекающими въ него рѣками, что выступило изъ своихъ предѣловъ, прорвалось въ Елліспонтъ и затопило большую часть прибрежной Азии (Малой), а не малую равнину у Самоэраки навсегда покрыло своими водами. Посему въ послѣдствіи рыбаки вытаскивали въ сѣтяхъ своихъ каменные ивгавія колонны изъ потопленныхъ тутъ городовъ. Уцѣлѣвшіе жители убѣжали на самыя возвышенныя мѣста острова. Но море прибывало непрестанно. Тогда островитяне припали къ своимъ богамъ, и, спасенные отъ погибели, поставили на всемъ островѣ знаки предѣловъ наводненія, и водрузили тутъ алтари, на которыхъ понынѣ (за 60 лѣтъ до Р. X.) приносятъ свои жертвы. Итакъ очевидно, что островъ Самоэраки и окрестности его до сего потопа были населены людьми»⁴¹). Страбонъ, или вѣрнѣе, навѣстный ему писатель Стратонъ повѣдалъ, что Черное море прежде не имѣло

выхода къ Византии, но впадающія въ него рѣки переполнили его такъ, что оно открыло себѣ этотъ выходъ, и влилось въ Пропонтиду (Мраморное море) и Еллиспонту (Дордакеадю) ⁴³). Аристотель, Страбонъ, Сенека, Плиній, полагаютъ, что теченіе воды направлено изъ Чернаго моря въ Средиземное, а не наоборотъ, и по этой причинѣ называли Черноазовское море *матерію моря* ⁴³). Тоже сказанъ и арабскій писатель Динешиди. Вотъ его слова: «нѣкоторые думаютъ, что Еллиспонту есть не что иное, какъ потокъ, текущій изъ Понта, называемаго Чернымъ моремъ, или Русскимъ. Сказываютъ такъ же, что это море уменьшается по причинѣ своего теченія чрезъ Еллиспонту въ море Средиземное» ⁴⁴). Жители города Смирны сохранили преданіе о томъ, что прорванный Еллиспонту затопилъ весь материкъ на мѣстѣ Архипелага такъ, что тутъ остались однѣ вершины горъ въ видѣ острововъ ⁴⁵). Отъ напора Черноморскихъ водъ и слиянія ихъ съ Средиземнымъ моремъ, при частыхъ землетрясеніяхъ, упомянутыхъ Платономъ, постепенно образовался Архипелагъ ⁴⁶), котораго самое названіе, составленное изъ двухъ словъ, *ἀρχή*—начало и *πέλαγος*—море, даетъ разумѣть, что оно есть море начавшееся, а не первоначальное. По тѣмъ же причинамъ отъ малоазійской горы Иды оторвался Лесбосъ и сталъ островомъ ⁴⁷), а Аеонъ, какъ ближайшій къ Еллиспонту и Самоераки материкъ, былъ потрясенъ, разорванъ и окруженъ моремъ, и съ той поры сталъ называться сыномъ Посидона (бога воды): особенно пострадала та часть его, которая соединялась съ Димносомъ, или простиралась до Малой Азии; вся она оторвалась отъ нынѣшней высочайшей односторонности этой горы и погружалась въ глубину моря: въ чемъ удостовѣрилъ меня всѣ скалы этой оконечности, начиная отъ Лавры до Адмикскаго сѣтя, имѣющія всѣ признаки огненнаго землетрясенія и насильственнаго разрыва тутъ основа горы снизу вверхъ, похожаго на ровные разщепы дерева. Это событіе увѣковѣчено и мифическимъ сказаніемъ о погибели Падлинскихъ гигантовъ, Ене-

лада, Полибота, Еврибна, Алкионія, Порфирія, Евримедона, Оувриша, Аэона, Мимаса, Ореста, Аристея, Палласа и многих другихъ. Зевесъ нѣкоторыхъ изъ нихъ ринулъ въ Ерѳъ — мрачную глубь земли, а гиганта Аэона поразилъ перунами и превратилъ въ гору. Посидонъ, настигнувъ Полибота, плывшаго по морю отъ Паллины къ острову Бо, накрылъ его цѣлымъ островомъ Нискомъ; отторгнутымъ отъ острова Бо¹⁾. Итакъ явно, что ожогомъ Аэона и Паллины (Кассандры) дѣйствовали двѣ силы, огонь и вода: огонь разщепилъ Аэонъ и оставилъ его уже не въ прежнемъ видѣ; вода же, появившаяся изъ Чернаго моря, накрыла провалившіяся въ глубь земли вулканическія высоты, означенныя въ мнѣ разными именами, Полиботъ, Порфирій и пр. Во время сего вторичнаго переворота, который и въ мифологіи названъ второю битвою гигантовъ съ богами, погрузился въ воду, какъ я думаю, тотъ городъ аэонскихъ исполиновъ, котораго стѣны монахи показываютъ въ морѣ недалеко отъ Зографскаго монастыря. Я не видалъ этой стѣны. Но еслибы вмѣсто ея оказался гребень скалы, или холмъ; то и онъ изъ подъ воды свидѣтельствовалъ бы о крушеніи Аэона отъ труса, огня и потопа. Послѣ сего переворота аэонскіе исполины, какіе уцѣлѣли, построили другой городъ, именно Агрбаэосъ, не много ниже высочайшаго темени Аэона, гдѣ, какъ увидимъ, и погибли отъ огня.

Трудно опредѣлить время затопленія низменностей Самоэраки и Аэона Черноморскими водами, потому что хронологія есть самая не точная наука, — трудно, но можно. Діодоръ Сицилійскій сказалъ, что Самоэракійскій потопъ случился прежде другихъ потоповъ; а такъ какъ самый ранній изъ нихъ былъ Огиговъ около 2129 года⁴⁹⁾; то и выходитъ, что Самоэраки и сосѣдній Аэонъ были окружены ново-появившимися водами гораздо ранѣе сего года. При томъ, если мы примемъ въ расчетъ первое появленіе Огиговъ у Чернаго моря

¹⁾ Ἑλληνικὸν Πάνθεον, Χαρισίου. 1812. σελ. 486.

за 1500 лѣтъ до нашей эры ⁴²⁾, да обсушку тамошняго края до появленія ихъ, обсушку послѣ удаленія водъ изъ принаспійской области и стока ихъ въ Пропонтиду и Архипелагъ; то разумно выведемъ заключеніе, что переворотъ, о которомъ идетъ рѣчь, совершился, вѣроятно, вскорѣ послѣ гибели Атлантиды и появленія Средиземнаго моря, которое мы отнесли къ 2730 году до Христа. Частыя землетрясенія при появленіи этого моря, сокрушавшія Аттику и поглощавшія низменности Египта, Сиріа, Кипра, Киликіи, не могли не потрясти и того гористаго и водлапаческаго материка, который находится на мѣстности Архипелага, Эгейскаго моря, Еллиспонта и Пропонтиды. Они и Аеону подготавили крушеніе и затонленіе низменностей его около 2500 года.

⁴²⁾ Aristot. de mundo c. 3. Diodor. Sicul. L. IV, c. 18. Iulius Solin. c. 27. Pompon. Mela L. I. Mavritania.—Sallust. Iugurtha c. 17. Senec. traged. Hercul. v. 237. Plin. H. N. 3, 1. ²³⁾ Arist. de mundo c. 3. Πλάτων. Τιμαίος. ²⁴⁾ Πλάτων. Κρίτιας. ²⁵⁾ Iul. Solin. c. 41. ²⁶⁾ Plin. H. N. II, 90—92. Pompon. Mela L. II. Insulae. ²⁷⁾ Πλάτ. Κρίτιας. ²⁸⁾ Strab. L. I, c. 3. ²⁹⁾ Πλάτ. Τιμαίος. Arist. de mundo c. 3. ³⁰⁾ Diodor. Sicul. L. IV, c. 18. Strab. L. I, c. 3. Марсупи арабскій историкъ X вѣка. Якутъ-бонъ-Аасъ. ³¹⁾ Πλάт. Τιμαίος. ³²⁾ Senec. trag. Medea. ³³⁾ Plin. H. N. II, 90—92. ³⁴⁾ Strab. L. I, c. 3. ³⁵⁾ Solin. c. 41. ³⁶⁾ Strab. Lib. I, c. 3. ³⁷⁾ Πλάт. Κρίτιας. Strab. L. I, c. 3. ³⁸⁾ Πλάт. Κρίτιας. ³⁹⁾ Strab. L. II, c. 3. ⁴⁰⁾ Πλάт. Κρίτιας. ⁴¹⁾ Diodor. Sicul. L. V, c. 47. ⁴²⁾ Strab. L. I, c. 3. ⁴³⁾ Aristot. meteor. L. II, c. 1. Strab. L. I, c. 3. Senec. Natur. quaest. L. IV, c. 2. Plin. H. N. II, 97. 100. Plin. IV, 13. 27, et caet. Iul. Solin. c. 27. Herod. L. IV. c. 86. ⁴⁴⁾ Исслѣдованія объ Атлантидѣ стр. 39 въ Учен. Записк. 2-го отд. Импер. Акад. наукъ С.П.Б. 1854. ⁴⁵⁾ Ricaut, Histoire de l' état present de l' Eglise grec. 1698, pag. 34. ⁴⁶⁾ Πλάт. Τιμαίος. Strab. L. I, c. 3. ⁴⁷⁾ Strab. L. I, c. 3. ⁴⁸⁾ Schol. in Timaeum 23. Chronic. marmorum insulae Paros. Iul. Solin. c. 17. ⁴⁹⁾ Theutschlands Urgeschicht von Karl Barth. 1840. pag. 297, § 129.

§ 5. *О падении Атланта во время общаго потопара на землѣ, принадлежавшихъ къ Средиземному морю и Архипелагу.*

По сближеніи водъ Черноморскихъ и Средиземныхъ во время постепеннаго образованія Архипелага, было нѣсколько частныхъ потоповъ. Въ числѣ ихъ извѣстны потопы Огига, Девкаліона, Дардана, Ликаона ⁵⁰⁾. При Огигѣ (2129 г.) Евбея отдѣлилась отъ Віотіи и стала островомъ. При Девкаліонѣ (1529 г.) высочайшія горы въ Фессаліи, Олимпъ и Осса, разступились и дали шлестъ Темпейской долины; а въ Пелопонесѣ у Коринтскаго перешейка все перевернулось вверхъ дномъ ⁵¹⁾. Девкаліонову потопу, по словамъ Платона и его школыста (толкователя), предшествовала землетрясенія и общій пожаръ на земляхъ, принадлежавшихъ къ Средиземному морю и Архипелагу ⁵²⁾. Это событіе осталось въ памяти у многихъ народовъ. О немъ упоминалъ Солону ¹⁾ египетскій дрець, речага, что земля зажжена была дикими дубовъ небесными тѣлами ⁵³⁾. О немъ говорили дельфскій поэтъ Фандій въ своихъ Превращеніяхъ ⁵⁴⁾. Оно не забыто было Кальтами, у которыхъ тогда погибли неоклны ⁵⁵⁾. А Греки выразили его пресловутымъ мифомъ о приближеніи солнца сына Фаэтона къ землѣ ⁵⁶⁾. Въ то время, когда по словамъ Овидія, пламень пожиралъ самыя возвышенныя мѣста земли такъ, что она разсѣдалась и сохла, когда разрушались города, а люди и цѣлыя страны обращались въ пепель, когда жители Ливіи поцеребли, когда пылали горы, Тавръ въ Малой Азіи, Тимъ и Эта въ Греціи: *въ это время пылали и Атлантъ* ⁵⁷⁾. Горѣніе его, по моему расчету времени, случилось между 2000 и 1529 годами. Тогда погибли и жившіе на немъ исполины вмѣстѣ съ тѣми единоплеменниками, которыхъ истребилъ Ирантъ съ помощію грома и молній на близкой къ Атланту Флеверѣ ²⁾.

1) Смерть Солонъ относятъ къ 559 году до Р. X.

2) Strab. L. VII. Stephan. Byzant. T. I, pag. 332. Φαετὸν ἐν Μακκ-

Долго ли Аэонъ горѣнъ оставался безлюднымъ, это неизвѣстно. Когда же погасла освѣдивущая жорла его, Мѣниво близъ Хландаара, Кріонѣри надъ Ватоподою, Цука надъ Ивиромъ и другія, выбросивъ множество демацъ, и когда эта гора одѣлась лѣсомъ: тогда поселились на ней Висадты, Крестоны, Идоны и Дактидіи.

⁵⁰⁾ Schol. in Timaeum. Plat. Crit. ⁵¹⁾ Ibidem. Ἐπὶ Δευκαλίονος.
⁵²⁾ Πλάτ. Κρίτιας. Schol. in Timaeum. 36. ⁵³⁾ Πλάτ. Τιμαίος.
⁵⁴⁾ Ovid. Metamorphos. L. II. ⁵⁵⁾ Лѣтописецъ Переяславля Суздаль.
 Москва. 1851. ⁵⁶⁾ Ἑλλ. Πάνθεον παρὰ Χαρισίου Δημητρίου Μεγδα-
 νῶτ. Πέστη. ⁵⁷⁾ Ovid. Metamor. E. II.

§ 6. *О плаваніи Аргонавтовъ мимо Аэона въ 1292 году.*

Послѣ страшныхъ землетрясеній, проваловъ, потоповъ, земля наконецъ уравнилась и стала незыблема и неизмѣняема въ своемъ обычномъ круговращеніи. Тогда предприимчивые люди захотѣли видѣть Черное море, которое, какъ мать, литаетъ своими текучими водами всю Эгейскую пучину и весь Архипелагъ, и на судахъ поплыли по этому неизвѣстному понту, слыхавъ отъ Пеласговъ, что у восточнаго берега его есть богатая страна Колхида. Эти люди были пресловутые Аргонавты. Они сѣли на суда въ Пагасійскомъ заливѣ (нынѣ Воло) Эгейскаго моря, и ночью проплыли подлѣ береговъ Паллиніи (Флегры-Кассандры), а на зарѣ увидѣли лѣсистый Аэонъ, но не приставали къ берегамъ его, а направились прямо къ острову Самоэраки, гдѣ и

ἀσκητοῖς φρεσὶ μὲν γῆν ταύτην (Ἡλλάνην) κεκλησθαι Φλέγραν,
 τοὺς δ' ἐνοικῶντας γίγαντας, εἰς οὓς Ἡρακλῆα καταχθέντα τὴν τε
 ὕβριν αὐτῶν καὶ τὴν μισανθρωπίαν ἐκπλαγῆναι. Ἐπεὶ δὲ μάχης
 ἤρξαντο, τὰ συνήθη ὄπλα εἰς χεῖρας λαβῶν, ἔπεσθαι παντὶ σθένει,
 κτείνοντα τοὺς πόλεμον αὐτῶ ἕκμα τοῦ κατάπλου παρασχόντας.
 γενέσθαι δ' ἐν τῇ μάχῃ βροντὰς τινὰς καὶ πρηστῆρας.

принесли жертвы богамъ, узнавъ что тутъ Немести совершаютъ немароченныя и страшныя таинства ⁵⁸⁾.

⁵⁸⁾ Ὀρφέως Ἀργοναυτ. Lips. 1829. Apollon. Rodii Argonaut. L. I.

§ 7. *О зажиганіи условныхъ огней на Аеонъ во время Троянской войны. (1218—1208 юда).*

Кончилось плаваніе Аргонавтовъ: началась Троянская война и продолжалась десять лѣтъ. Во время ея однажды богиня Ира съ гордой вершины Аеона спустилась на волнистое море, и прилетѣвъ на островъ Лимносъ, встрѣтилась тутъ со Сномъ, возлюбленнымъ братомъ смерти, и упросила его усыпить Зевеса ⁵⁹⁾. Но это сказка. А вотъ былъ. Тогда на самой вершинѣ Аеона стражи Еллиновъ порой замигали условные огни, кои усматриваемы были другими стражами на иныхъ горахъ и передаваемы, куда слѣдовало. По этимъ огнямъ царица Клитемнестра узнала, что Троя была взята и разрушена ⁶⁰⁾. Жили ли въ то время на Аеонѣ Еллины, или только содержали тамъ военную стражу,—это рѣшить трудно. Я думаю, что они съ той поры остались въ горѣ погибшихъ исполиновъ, Аеосъ, и прибавивъ къ названію его свое слово ἄκρον—край, начали именовать его Акрбаеосъ: въ ту же пору тамъ установлено было ими почитаніе Зевеса. Клитемнестра (у Эсхила) назвала эту гору высотой сего бога; стало быть, въ дни ея Зевесъ уже имѣлъ тамъ свой алтарь. А Зевеса почитали Еллины; слѣдовательно они жили на Аеонѣ по крайней мѣрѣ въ одномъ Акрбаеосѣ, изъ котораго нигъ близко было восходить на вершину сей горы и зажигать на ней условные огни.

⁵⁹⁾ Iliad. XIV. vers. 229. ⁶⁰⁾ Aeschyl. traged. Agamemnon. vers. 278—295.

§ 8. *О кораблекрушеніи Анхиса и Энея у Аеона.*

По разрушеніи Трои, Эней, взявъ отца своего Анхиса, сѣлъ на корабль и отправился въ Италію, но у Аеона потерялъ

кораблекрушенію. Всеъ бѣзвѣща съ нимъ спаслись, и вмѣстѣ пошли вверхъ къ Балаврийской горѣ. Тутъ близъ рѣки Анеома Анхизъ скончался. Эней взялъ тѣло его и похоронилъ въ Писидіи, а самъ построилъ городокъ Энеа на равнине отъ Солуны, а потомъ отплылъ въ Италію ^{61—63}).

⁶¹) Schol. Homerі 1. Τροϊας ἀλούσης...: Tafel, De Thessalonica eiusque agro. Berolīni 1839. ⁶²) Σωρον 1. apud. Photium. ⁶³) Tit. Liv. 44, 10.

§ 9. *Объ основаніи городовъ на Аѳонѣ Еллинами, Пеласгами и Халкидійцами (1124—500 г. до Р. Х.).*

Троянская война соединила всѣхъ грековъ подъ знаменемъ Агамемнона, однако не надолго. По окончаніи ея произошло разстройство въ ихъ царственныхъ семействахъ, и особенно въ семьѣ Нелопса; къ тому же присоединились величайшіе беспорядки при нашествіи воинственныхъ племенъ греческаго сѣвера, Дорянъ и Ётолянъ, которые, соединивъ свои силы, овладѣли Пелопонесомъ подъ предводительствомъ Иралидовъ, изгнанныхъ изъ Аргоса. Отъ того вся Греція была потрясена въ теченіи почти цѣлаго вѣка. Но нашествія и переселенія большей части эллинскихъ племенъ сопровождались весьма важными послѣдствіями. Они были причиною появленія въ Греціи многихъ республикъ, независѣвшихъ одна отъ другой, и основанія греческихъ селищъ (колоній) во многихъ отдаленныхъ областяхъ и на Аѳонѣ.

На этой горѣ Еллины построили малые города, кромѣ Акроаѳоса, — Діонъ, Фиксось, Клеоны, Харадріэ, Олѳиаксось, Санисъ, Аканеось и Агапту. Еллиновъ я признаю основателями всѣхъ этихъ городковъ, потому что названія ихъ чисто эллинскія, и потому что старшій изъ географовъ, Силлаксъ, жившій за 509 лѣтъ до рождества Христова, именуя Аѳонскія селища, прибавлялъ къ каждому имени прованіе Ελληνικς, дабы показавъ ихъ эллинское происхожденіе и быть ⁶⁴), а историки Иродотъ, Фукидидъ и Діо-

дурь Сицилійскій положительно сказали, что Аеонскіе города Анаеосъ и Санисъ были колоніи грековъ съ острова Андроса, находящагося близъ Аенія ⁶⁵). Отъ этихъ же историковъ мы знаемъ, что города Діонъ, Флессосъ, Елеоны, Агросеосъ и Олоенисеосъ расположены были на самой горѣ Аеонской, а Санисъ и Анаеосъ на именномъ перешейкѣ ея ⁶⁶). Санисъ былъ самымъ младшій городъ на Аеонѣ. Въ географіи Семлакса нѣтъ его. А Иродотъ, писавшій свою исторію спустя 50—60 лѣтъ послѣ сего географа, упомянулъ о немъ и указалъ мѣстность его, присовокупивъ, что у Саниса началось прорытіе Аеонскаго перешейка при Есеркѣ въ 493 году ⁶⁷). Слѣдовательно этотъ городъ возникъ не много ранѣ сего года.

Анаеосъ, по завѣренію Евсевія Памфила ¹) и Стефана Византійскаго, построенъ былъ на Аеонѣ въ первый годъ 31 Олимпіады, значить, въ 656 году до рождества Христова, воздвигъ островитанъ Андросцевъ Анаеосъ ⁶⁸). А какъ назывались первые основатели прочихъ городовъ Аеонскихъ, и откуда они пришли, это неизвѣстно. Я думаю, что они были не Аеніане, не Спартанцы, не Коринѳяне, не Доріане, не Іонійцы, а Эоляне; и вотъ основанія сего мнѣнія моего. Аеонскіе города, какъ увидимъ послѣ, дорожнии своимъ самоуправствіемъ и состояли съ союзъ то съ Аеніанеи, то съ Спартою, слѣдовательно были независимы отъ этихъ двухъ республикъ, какъ союзники: а если независимы, то нельзя считать ихъ колоніями Аеніанскими, или Спартанскими. Нельзя также признать ихъ поселеніями Коринѳянъ, Доріанъ и Іонійцевъ, потому что эти три племена высылали своихъ поселенцевъ въ другія страны, а не въ Македонію, гдѣ только одна Цетидея (Баассандра) по долго зависѣла отъ Коринѳа, и потому что о нихъ нѣтъ и помину въ исторіи Аеона. Послѣ этого остается полагать,

¹) 'Ευσεβίου Παμφίλου χρονικός κανών: 'Ολυμπιάς λα', α'.
'Αναεός και Στάγειρα ἐν Ἑλλάδι ἐπιγράται.

что на эту гору пришли немногіе Эбляне изъ числа тѣхъ, которые около 1124 года, по причинѣ вторженія Доранъ въ Колопедесъ, ушли оттуда подъ предводительствомъ Пелонидовъ, и медленно подвигаясь къ Блинопоту, основали свои селенія на ближайшихъ въ Аеону островахъ, Лесбосѣ, Тенедосѣ и Екатакиноѣ ⁶⁹⁾. Это положительное мнѣніе оправдываетъ исторія языческаго Аеона, на который и въ позднія времена, какъ увидимъ послѣ, жители приводимы были изъ Мелоннеса.

Въ Блиинамъ, поселившимся на этой горѣ около 1124 года, присоединились Халкидійцы, а больше Пеласги—Тиррены. Тѣ и другіе говорили двумя языками: еллинскимъ и семитическимъ ⁷⁰⁾. Первые пришли съ острова Евбеи, гдѣ была ихъ древняя отчизна, и заняли весь горный околотокъ смежный съ Аеономъ, который отъ нихъ и сталъ называться Халкидійскимъ ⁷¹⁾. Небольшая часть ихъ поселилась и на Аеонѣ въ городѣ Блеонахъ ⁷²⁾. Они были рудокопы и металлопромышленники, что доказывается и самымъ прозваніемъ ихъ, *χαλκῆς*, мѣдникъ, кузнецъ. Я полагаю, что они первые открыли и начали разрабатывать металлическія руды, которыхъ довольно много въ Халкидійскомъ, нынѣ Садирокавсіѣскомъ, околоткѣ, а въ Блеонской пристани Аеона продавали добытые металлы свои, серебро, золото, и желѣзо. Ихъ братья по роду и языку Пеласги—Тиррены, тѣ самые, которые изгнаны были изъ Аеонъ около 1162 года, переселились на Аеонъ съ ближайшаго къ нему острова Лимноса, и основали приморскій городокъ Хриси ⁷³⁾. Число ихъ въ сравненіи съ Аеонскими Халкидійцами было гораздо большее ⁷³⁾. Они вмѣстѣ съ Лимносскими Синтіями занимались выдѣлкою броннаго оружія ⁷⁴⁾. Они же учредили на Аеонѣ Самоэракійское богослуженіе, и проповѣдывали тамъ таин-

⁷⁰⁾ На мѣстѣ его нынѣ стоитъ монастырекъ св. Василія близъ Хилларской обители. Читай объ этомъ въ моей исторіи сей обители.

ственное учение наипаче о безсмертіи души. Но объ этомъ будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ. Смотри ниже § 35.

⁶⁴) Σχόλαξ... ⁶⁵) Herodot. L. VII, с. 22. Thucid L. IV, с. 109, с. 84. Diodor. Sicul. L. XII, с. 68. ⁶⁶) Herodot. L. VII, с. 22. ⁶⁷) Herodot. L. VII, с. 22, 23. ⁶⁸) Στεφαν. Βυζαντ. περί πόλεων. ⁶⁹) Manuel de l'histoire ancienne de Heeren. Paris. 1827. pag. 171. ⁷⁰) Thucid. L. IV, с. 109. Pompon. Mela L. II. ⁷¹) Thucid. L. IV, с. 79, 84, 102, 103, 110. Athen. Dipnosophist. L. VIII, с. 11 Ptoleom. L. III, § 11. ⁷²) Ηρακλείδ. περί πολιτειῶν κεφαλ. X. ⁷³) Thucid. L. IV, с. 109. ⁷⁴) Apollon. Rodii Argon. L. I. Scholion 608.

§ 10. Размѣщеніе городовъ на Авоонѣ.

Всѣ вышесчисленные города уже давно не существуютъ. Не есть слѣды ихъ. Зная эти слѣды, и принимая въ соображеніе вышеприведенныя сказанія писателей, я опредѣляю мѣстоположенія этихъ городовъ, сперва на самомъ Авоонѣ, а потомъ на перешейкѣ его.

На Авоонѣ.

1. Городъ Діонъ находился тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ монастырь Βατοπε-Δίου, въ названіи котораго слышится имя онаго города. Нельзя лучше приурочить его. Тутъ есть заливецъ моря съ нехудою стоянкою для мореходныхъ лодокъ, и рѣчка, вытекающая изъ подъ основы сосѣдней высокой горы, Кріонери. А въ самомъ монастырѣ этомъ хранятся остатки Еллинскихъ древностей, какъ-то: голова мраморной статуи Діонскаго гражданина, выкопанная изъ земли въ 1858 году, мраморныя гробницы Діонисія, и Германа-Иракла 351 года отъ Актіиской побѣды Октавія, выпуклыя изображенія на мраморѣ титана Кріоса и бога Нирея, и проч. Рѣчь о нихъ впереди.

2. Фиссосъ стоялъ близъ нынѣшняго монастыря Пандографиторскаго. У подошвы этой обители на самомъ берегу моря по нынѣ

существуетъ малая заводь, въ видѣ пруда, съ узенькимъ входомъ со стороны моря, ископанная руками человеческими и облицованная камнями. Въ ней могутъ помѣщаться двѣ три мореходныя лодки. Устройство этой заводи, превышающее средства монаховъ и не упомянутое ни въ духовномъ завѣщаніи строителя онаго монастыря Іоанна Примирия (1363 г.), ни въ другихъ дѣяніяхъ его, служитъ доказательствомъ существованія тутъ торговаго городка, у котораго достало средствъ устроить себѣ тихую пристань (ἐπίνετον) межъ скалъ у самаго устья горной рѣчки, Хрисорари. Городокъ же этотъ былъ Фиссоъ, а не другой какой; ибо въ географіи Скилакса онъ помѣщенъ между Діономъ и Клеонами, по нынѣшнему, между Ватопедомъ и Иверомъ, среди которыхъ стоитъ Пандократоръ.

3. Клеоны же приурочиваются мною къ тремъ смежнымъ мѣстностямъ на Аеонѣ, именно къ Филоеевской, Милопотамской и Иверской, — къ тремъ, потому что названіе сего города въ множественномъ числѣ, Κλεόνας, доказываетъ, что онъ, какъ города Κλαζομένα, Ιεροσόλημα, расположенъ былъ на нѣсколькихъ смежныхъ мѣстахъ; къ Филоеевской обители и къ Милопотаму приурочиваются Клеоны, потому что тутъ есть пересыхающая рѣчка, да и ровная мѣстность очень удобна для постройки городка; къ Иверу же — потому, что тутъ есть якорная стоянка для судовъ, и особенно потому, что въ древности морской заливъ простирался до восточной стѣны Ивера, и сосѣдними холмами былъ защищенъ отъ вѣтровъ, восточнаго и западнаго. Въ сѣверо-восточномъ углу этой стѣны еще и теперь видны закладенныя ворота арсенала, въ который втягивались лодки прямо изъ моря. Стало быть море удалилось оттуда недавно. На берегу этого залива, въ который впадаетъ рѣчка, иногда пересыхающая, тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Иверъ, находилась Клеонская пристань (ἐπίνετον) съ нѣсколькими домами и съ капищемъ, котораго идолы положены въ основаніе монастырской церкви Іоанна Предтечи: а на Фи-

досеверномъ мѣстѣ и на Мидопотамѣ стоялъ самый громадный Клеонъ. Кстати вспоминаю, что и тутъ въ стѣну Мидопотамской башни врезаны остатки Египетской древности. Рѣчь о нихъ впереди.

4. Акроафосъ, по указанію Страбона, стоялъ у вершинъ Аеона, κρῶς τῆς κορυφῆς τοῦ Ἄφωυος ἔκειτο. Слѣды сего городка понынѣ замѣтны тамъ около Кеосіаскаго скита. Тутъ я видѣлъ мѣсто торжища Аеонскихъ Египтянъ, приходившихъ на поклоненіе Зевесу, котораго статуя, по замѣткѣ дедеккографа Исидора, стояла на темени Аеона. Тутъ скитники указывали мнѣ два холма на которыхъ были городскія укрѣпленія, понынѣ называемыя Палеокастро и Сидирокастро. Оттуда въ сосѣдній скитъ Азия перенесена была древнѣйшая Египетская надпись съ именемъ Акроафоса, отцодобленная мною. Рѣчь о ней впереди.

5. Городокъ Харадріе, у Скидакса, помѣщенъ послѣ Акроафоса; слѣдовательно онъ находится на южной сторонѣ Аеона и вѣроятно, у самой пристани Даоны и на мѣстѣ сосѣдняго Ксиропотамскаго монастыря. Названіе сего городка во множественномъ числѣ, *Χαραδρία*, заставляетъ меня приурочить его къ этимъ двумъ мѣстностямъ тѣмъ поводѣе, что сказанная пристань глубока, а въ Ксиропотамѣ понынѣ хранятся языческіе останки Египетскихъ временъ. Рѣчь о нихъ впереди. При томъ, слово *χαραδρῆ* значитъ разсѣлина, рытвина, мѣсто изрытое бурными потоками. А у Ксиропотама и Даоны отрога Аеона, дѣйствительно, разсѣлсь, вода же въ дождливое время съ сосѣднихъ высотъ несется быстро, шумно, и образуетъ собою жемчужный водопадъ, который и любовался неоднократно.

6. Послѣ Харадріе въ географіи Скидакса стоитъ Олоосисъ, названный такъ, вѣроятно, по имени Зевеса *Φόβητος*, покровителя убѣгающихъ отъ враговъ и напастей. Этотъ городокъ я помѣщаю на береговой высотѣ Аеона подлѣ пригородской башни Бастамонитской обители, а пристанію его считаю вытѣшную

пристань Зографскаго монастыря. Тутъ прѣсной воды много, мѣстность дѣснаго, а что всего важнѣе, ущелья Елланскія гробныяды. Рѣчь о нихъ впереди ¹⁾).

На перешейкѣ.

7. Саниць, по словамъ Иродота L. VII, с. 22, находилась на перешейкѣ Аэона, тамъ, гдѣ оканчивается эта гора, а по Фукидиду L. IV, с. 109, у Ксерсова канала на той сторонѣ перешейка, которая обращена къ Евбейскому морю. Судя по этимъ признакамъ, а указываю мѣстность сего городка на берегу Аэоно-Сингитскаго залива, подлѣ Ватопедской башни Андроника, напротивъ острова Мульяни. Тутъ Аэону конецъ, до Ксерсова канала близко, мѣсто ровно, основанія двухъ трехъ зданій видны понывѣ, вода получалась изъ сосѣдняго колодца, а быть можетъ, существовалъ и водопроводъ. Тутъ Мульянйская пристань, глубокая и обширная, весьма удобна для мореходныхъ судовъ и безопасна. Въ стѣну Андрониковой башни вмазаны мраморныя обломки Елланскихъ древностей. Рѣчь о нихъ впереди.

8. Аканеосъ по словамъ Скимна и Страбона ²⁾, находился близъ Ксерсова канала, въ седми стадіяхъ отъ самой горы Аэонской, на берегу Сингитскаго залива, слѣдовательно на той же сторонѣ Аэонскаго перешейка, на которой стоялъ и Саниць. Близость ея къ оному каналу заставляетъ меня назначить мѣстность его тамъ, гдѣ рѣчка, текущая отъ села Гомато, выдаетъ въ скалиный заливъ. Тутъ мѣсто ровно и обильно платанамъ, прѣсной воды вдоволь, частица ржавины видна, до Саница же очень близко; въ этотъ уголокъ Сингитскаго залива направлень

¹⁾ Олоѣикось нельзя приурочивать къ монастырю Есѣнгмену, въ названіи котораго слышатся подобозвучныя слова σφύγγω, σφύγμένο, σφύγμο, потому что Εσφύγμένο пишется съ ι; а не съ υ.

²⁾ Acanthos a tota montis Atho stadiis septem dissita, teste Scymno. Strab. excerpta ex L. VII, sub fine.

былъ канатъ Кесаря. Въ этомъ же углу Аканеосъ поставленъ на картѣ Птолемея XII вѣка, хранящейся въ Ватопедскомъ монастырѣ. Правда, читая рассказъ Иродота объ отплытіи Даріева флота отъ Аканеоса по Стримонскому заливу, и о крушеніи его у высочайшей оконечности Аеона (L. VI, с. 44) воображаешь, что Аканеосъ находился на берегу этого залива; но по сличеніи Иродота историка съ Страбономъ географомъ полагаешь, что во время Дарія Аканеосъ имѣлъ свою пристань, ἐπίκειον, въ Стримонскомъ заливѣ у нынѣшняго городка Іериссо, который отдѣленъ отъ указанной мною мѣстности Аканеоса однимъ переваломъ малой возвышенности, и въ которомъ понынѣ показываютъ каменную гробницу царя Аканеоса подъ поломъ кладбищной церкви, гдѣ и я видѣлъ ее. Иродотъ разумѣлъ эту пристань Аканеоса, а Страбонъ описалъ самый городъ этотъ, не упоминая о пристани его въ Стримонскомъ заливѣ Аеона, принадлежавшей въ Страбово время новому тутъ городу Аполлоніи (Іериссо). Притомъ самъ Иродотъ въ другомъ мѣстѣ, L. VII, с. 22, положительно сказалъ, что Аеонскій перешеекъ тянется отъ Аканеосскаго моря до Торонскаго. А Торонское море, названное такъ по городу Торони, находившемуся на югъ отъ Аеона, помѣщено имъ предъ лицомъ Аканеоса. Слѣдовательно Аканеосъ стоялъ на южной сторонѣ Аеона и зрѣлъ лицомъ къ Торонѣ. Замѣчательно, что географъ Скилаксъ, жившій во дни Персидскаго царя Дарія, упоминая объ Аканеосѣ, не указалъ никакого Еллинскаго города на мѣстѣ Іериссо. Послѣ сего лучше вѣрить, что тогда тутъ была лишь малонаселенная пристань, зависѣвшая отъ Аканеоса, та самая, изъ которой флотъ Дарія отплылъ вдоль сѣверныхъ береговъ Аеона.

Такъ распредѣляю я мѣстности малыхъ городовъ, которые нѣкогда существовали на Аеонѣ.

§ 11. *О занятіи Аэона Персами и о гибели флота ихъ у береговъ сей горы. 495 год.*

Всѣ эти города съ самаго начала своего существованія были свободны и самоуправны. Но въ 495 году ихъ покорилъ своей власти персидскій царь Дарій Истаспъ по слѣдующему поводу. Послѣ неудачнаго похода его въ Придунайскую Скинію, Еллинскіе жители Малой Азіи, такъ называемые Іоняне, рѣшились свергнуть съ себя иго Персовъ, и попросили себѣ помощи у Аэнянъ, которые тогда были сильны на морѣ. Объ этомъ узналъ Дарій, и побѣдивъ Іонянъ, переправилъ свое войско и флотъ чрезъ Еллиспонтъ во Фракію подъ предводительствомъ Мардонія и повелѣлъ ему идти къ Аэнамъ и наказать этотъ городъ. Мардоній на пути тогда покорилъ часть Фракіи и Македоніи, и Аэонъ. Однако флотъ его погибъ у береговъ этой горы, а войско потерпѣло поражение въ Фракіи ⁷⁵). Предъ крушеніемъ персидскаго флота у Аэона являлись бѣлые голуби, какъ провозвѣстники сего несчастія ⁷⁶). Ихъ не любили Персы. Herodot. l. 1. c. 138.

⁷⁵) Herodot. l. VI. c. 44, 45.—⁷⁶) Ἀίλιαν. ποιητ. ἱστορ. βιβλ. ἁ κερ. τδ. Athen. Dipnograph.—l. IX. c. 51.

§ 12. *О прорытіи канала на Аэонскомъ перешейкѣ (493—490 год.)*

По смерти Дарія сынъ его Ксерксъ, желая покорить Аэнянъ и опасаясь, какъ бы перевозныя суда его не погибли у Аэона, велѣлъ прорыть каналъ на перешейкѣ сей горы. Эта работа продолжалась три года. Каналъ рыли воины, финикіяне, Аэонцы и сосѣдніе съ ними жители, по распоряженіямъ Персидскихъ размысловъ (инженеровъ) Вувариса и Арташеса ⁷⁷). Когда онъ былъ готовъ, тогда Ксерксъ отправилъ свой флотъ отъ острова Самоса къ Наксосу, оттуда къ Аэнамъ, а самъ съ войскомъ пошелъ сухимъ путемъ. Достигнувъ до Аэонскаго города Аканеоса, онъ похоронилъ тутъ любимца своего Арташеса, распоряжавшагося прорытіемъ

ишло, ⁷⁶⁾, и сказавъ тѣ восторженные слова, не сохранивъ намъ Плутархъ ⁷⁷⁾: «о, Аэонъ! ты—гордая высота, подпиральная небо! не смѣй превратить мой дорогу, иначе, я сравню тебя съ землею, и головою брошу въ море». Перевозныя суда его проплыли по новому каналу, а войско пошло назначенными дорогами. Переходъ подморъ его у Аэона означенъ былъ необыкновеннымъ случаемъ: кобылица родила зайца, какъ бы предзнаменуя трещетное бѣдство Персидскаго царя ⁷⁸⁾. (По словамъ Иродота, это случилось послѣ переправы Ксерксова войска чрезъ Елисонтъ, а не на Аэонъ: L. VII с. 57).

О провѣтїи Аэонскаго перешейка долго вспоминали елли-ские и латинскіе писатели, Платонъ, Цицеронъ, Понпоній Мела, Цилий, Ювеналь, Максимъ Тирскій, Юлій Солинъ, Зосимъ ⁸¹⁾.

⁷⁷⁾ Herodot. L. VII. с. 22, 23. ⁷⁸⁾ Ibidem. с. 115, 116, sq.—Herodot. l. VI. с. 95. Diodor. Sicul. L. XI. ⁷⁹⁾ Πλουτάρχ. περὶ ἀστυγῆς. ⁸⁰⁾ Ualer. Maxim. L. I. с. 6. ⁸¹⁾ Πλάτ. νόμων γ.—Aeschynes contra Ctisiphon. Cicero L. de fin.—Pompon. L. II.—Plin. H. N. L. IV. с. 10. аесѣ 17. Iuvenal satira X.—Maxim. Tyr. dissertatio 20.—Iul. Solin. de Macedonia. Zosimi Histor. Roman. L. I. с. 1.

§ 13. *О взиманнїи подати съ Аэонскихъ городовъ Аэонскою республикою съ 489 года.*

Побѣдитель Персовъ Мильтиадъ предложилъ Аэонянамъ взимать подати съ соювныхъ острововъ и городовъ для содержанія морскаго флота, который защищать бы всѣхъ союзниковъ и препятствовалъ бы Персїи расширять ея владычество. Это предложеніе его было принято, а приведено въ исполненіе уже бемистокломъ и Аристидомъ. Аристидъ въ 489 году обложилъ податью Аэонскій городъ Анаэосъ и другіе окрестные города, состоявшіе въ союзѣ съ Аэонцами. Въ числѣ ихъ Фуккидидомъ упомянуть городъ Сколосъ ⁸²⁾. Онъ, если я не ошибаюсь, находится на Аэонѣ близъ Зографскаго монастыря, тамъ гдѣ нынѣ стоятъ

такъ называемая Школа. Это—маленькая крѣпость. Тутъ училища никогда не бывало; монастырь подъ такимъ именемъ не существовалъ: а крѣпостца называется Школа. Она, по всей вѣроятности, есть Сколосъ Фукидида. Кроме этого городка и Аканеоса и другіе города на Аеонѣ, какъ сейчасъ увидимъ, состояли въ союзѣ съ Аеинскою державою. Посему я полагаю что и они вносили ей подать, не какъ зависимцы, а какъ союзники для общаго блага всѣхъ аеиновъ.

²² Thucidid. Lib. V, c. 18.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О СОБЫТІЯХЪ НА АЕОНѢ ВО ВТОРЫЙ КРУГЪ ВРЕМЕНИ, ОТЪ УЧАСТІЯ АЕОНСКИХЪ ГОРОДОВЪ ВЪ ПЕЛОПОНЕССКОЙ И ОЛИВѢЙСКОЙ ВОЙНѢ ГРЕКОВЪ ДО ИХЪ ПОКОРЕНІЯ ВЛАСТИ МАКЕДОНСКИХЪ ЦАРЕЙ (431—360 г.)

§ 14. *Объ участіи Аеона въ Пелопонесской войнѣ.*

Спустя 59 лѣтъ послѣ Ксерксова похода въ Грецію, возникла Пелопонесская война Аеианъ и Лакедемонцовъ, которая продолжалась двадцать семь лѣтъ, и кончилась не въ пользу Аеианъ. Главною причиною ея было стѣснительное для Грековъ преобладаніе Аеинской республики. Въ этой войнѣ принимали участіе Аеонскіе города, особенно Аканеосъ, Санисъ и Діопъ, и Аеонцы Диктидін.

Въ 424 году до Р. Х. Лакедемонскій полководецъ Врасидъ съ своимъ войскомъ предпринялъ походъ въ Халкидидійскую область близъ Аеона, дабы жителей ея отвлечь отъ союза съ Аеианами, и съ помощію ихъ и Македонскаго царя Цердикки взять городъ Амелполь у рѣки Стримона, въ которомъ Аеиане утвердились съ 464 года. Сами Халкидидійцы тайно склонились на сторону этого полководца, боясь, какъ бы онъ не поразидъ ихъ, пер-

вмѣхъ, и наконецъ уважая справедливость и умѣренность его, ему помогли ему отвлечь Пердикку, Фригиянъ и многихъ другихъ отъ союза съ Аѳинянами⁸³⁾. Когда онъ пришелъ въ Халкидикію въ августѣ мѣсяцѣ 424 года; тогда Аѳонцы колебались, очутившись между союзниками своими Аѳинянами и непріятелями Лакедемонцами. Самый вліятельный городъ у нихъ былъ Аканеосъ. Его-то и рѣшился занять Врасидъ, дабы предупредить высадку тутъ Аѳинскаго войска, которое стало бы въ тылу полковъ его при осадѣ Амфиополя. Вмѣстѣ съ Халкидикійцами онъ подступилъ къ этому городу. Тогда въ немъ были двѣ партіи—правительства и народа. Первая за одно съ Халкидикійцами пригласила Врасида, а вторая не хотѣла вести переговоры съ нимъ. Произошли между ними жаркія пренія. Но такъ какъ Аканеосскій людъ боялся, какъ бы Врасидъ не истребилъ виноградниковъ его съ созрѣвшими гроздами; то и рѣшился впустить его въ городъ, но одного, и выслушать предложенія его. Ему отперли ворота. Врасидъ явился въ народное собраніе и сказалъ рѣчь: ⁸⁴⁾

«Аканеяне! Лакедемонцы, отправляя меня съ войскомъ, подтвердили мнѣ то, что было объявлено ими въ самомъ началѣ войны, то есть, что мы идемъ сражаться съ Аѳинянами для освобожденія Эллады. Если мы, по причинѣ случайностей войны, пришли къ вамъ поздно, бывъ обмануты надеждою поразить Аѳинянъ собственными силами, такъ чтобы вы не раздѣляли нашихъ опасностей; то пусть никто не обвиняетъ насъ въ этомъ промедленіи. Мы пришли тогда, когда позволили обстоятельства, и вмѣстѣ съ вами попытаемся смирить Аѳинянъ. Я удивляюсь, что вы заперли свои ворота и встрѣтили меня неблагоприятно. Идя къ вамъ, я думаю, что Лакедемонцы найдутъ въ васъ такихъ союзниковъ, которые напередъ любятъ, и уже потомъ помогаютъ, и подъ вліяніемъ сей мысли совершили многодневный походъ чрезъ чужія страны, и со всею пылкостью подвергались большинству опасностямъ. Но если вы думаете иное, и не желаете

свободы ни себѣ, ни всѣмъ прочимъ Еллианамъ; то это нестерпимо тѣмъ болѣе, что послѣ вашего отказа и другіе, къ кому бы я ни обратился, не соединятся со мною, извиняясь тѣмъ, что вы, первые, къ которымъ я пришелъ, вы, жители не маловажнаго города, извѣстные своимъ благоразуміемъ, вы не приняли меня. Тогда, что бы я ни говорилъ о вашемъ отказѣ, всё будетъ смекать, что я освободитель вѣроломный, или не имѣю достаточныхъ силъ для защиты васъ въ случаѣ нападенія Аеннянъ, хотя съ этики же полками, которыми я предводительствую, они большіе числомъ не рѣшились вступить въ бой, когда я подошелъ на помощь къ Нисеѣ: а столько войска, сколько у нихъ тамъ было на корабляхъ, они не вышлютъ противъ васъ. Я пришелъ не угнетать Еллиновъ, а освобождать ихъ, выслушавъ клятву Даведемонцевъ, которою они клялись оставить неприкосновенною самоправность всѣхъ нашихъ союзниковъ. Вотъ и къ вамъ мы явились не съ тѣмъ, чтобы привлечь васъ на нашу сторону силою, или обманомъ, но съ тѣмъ, чтобы соединить наше оружіе съ вашимъ противъ Аеннянъ, которые нажали на васъ свое иго. Когда же я даю вамъ самыя искреннія удостовѣренія, какія только вы можете получить; тогда имѣю право требовать, чтобы вы не подозрѣвали во мнѣ никакихъ заднихъ мыслей, и не считали меня неспособнымъ защитить васъ, а предался бы мнѣ смѣло. А если кто нибудь изъ васъ, опасаясь нѣкоторыхъ особъ, боится, какъ бы я не подчинилъ имъ вашу республику, и по этой причинѣ колеблется, тотъ пусть довѣряетъ мнѣ безъ всякаго сомнѣнія. Я не держу ничьей стороны. Мнѣ было бы больно дать вамъ свободу обманчивую, если бы я, преемръ ваши старинныя постановленія, захотѣлъ подчинить народъ преобладаію малаго числа гражданъ, или малое число ихъ отдать на произволъ народа. Такое преобладаніе было бы нестерпимѣе ига чужестраннаго; а наши труды не приобрѣли бы намъ ничьей благодарности; народы же, вмѣсто уваженія и почестей, осыпали бы

насъ угоренани; да и мы, которые осуждаемъ Ассианцъ, подни-
ная на нихъ оружіе, и мы возбудили бы противъ себя гораздо
большую ненависть, чѣмъ тѣ, которые покрайней мѣрѣ не при-
краиваютъ себя добродѣтелию. Въ самомъ дѣлѣ весьма нена-
видны тѣ люди, которые, пользуясь уваженіемъ, достигаютъ
честолюбивыхъ цѣлей своихъ хитрыми средствами, а не откры-
тою силою. Употреблять силу значить злоупотреблять могуще-
ствомъ, которое дается счастіемъ: а обманывать значить тоже,
что быть нѣмъ за угла въ порывѣ непрямодушія. Мы же самыя
важныя дѣла свои совершаемъ открыто.

«Нужно ли вамъ удостовѣреніе посылатье нашихъ вѣствъ:
обратите вниманіе на наши дѣла. Свѣрьте ихъ съ нашими рѣ-
чами, и вы узнаете, что наши предложенія согласны съ вашими
выгодами. А если вы, выслушавъ ихъ, вздумаете отвѣчать, что
вы не готовы принять ихъ; если вы, увѣряя насъ въ своей
благосклонности, вообразите, что долтъ волить вамъ отринуть
насъ, тогда какъ мы не причинили вамъ никакой обиды; если
вы станете извиняться тѣмъ, что свобода не вѣзета отъ опасно-
стей, что справедливо давать ее только тѣмъ, которые умѣютъ
пользоваться ею, и что никто противъ воли не долженъ быть
понуждаемъ къ принятію ея: то я боговъ и героевъ сей страны
призову въ свидѣтели моего желанія вамъ блага, хотя и не могъ
я убѣдить васъ, и потому опустошу ваши земли, дабы заста-
вить васъ не отвергать моихъ предложеній. Такой поступокъ я не
сочту несправедливымъ: напротивъ его оправдаетъ необходимость
двойная: сперва, выгода Спарты, которая не должна же оболь-
щаться одною благосклонностію вашою, и издали поспатривать.
какъ вы въ ущербъ ей помогаете Ассианцамъ своими богатствами,
потомъ выгоды Грековъ, которые не должны же видѣть въ васъ
препятствіе къ освобожденію своему. Нашъ образецъ дѣйствій былъ
бы предосудителенъ только въ томъ случаѣ, когда бы дѣло шло
не объ общей пользѣ: но тогда Лакедемонцы и не подумали бы

давать свободу такимъ людямъ, которые нехотятъ жить се. Мы не домогаемся власти, а если рѣшились смирить тѣхъ, которые хотятъ востыгнуть ее; то и вамъ не позволимъ останавливать наши предпріятія: иначе, мы učinили бы величайшую несправедливость въ отношеніи къ большинству Еллиновъ, которымъ даемъ свободу. Подумайте объ этомъ, и соединитесь съ Еллинами, дабы прежде всѣхъ получить честь быть свободными и стяжать себѣ славу безсмертную, и дабы не потерпѣть ущерба въ своихъ частныхъ выгодахъ, и дать своей отизнѣ самое блистательное величіе свободы».

Послѣ этой умной и воинственной рѣчи Аеонскіе Аканеяне поспорили, пошумѣли, и боясь лишиться виноградниковъ своихъ, рѣшились отстать отъ Аеонянъ. Тогда Врасидъ повлялся не нарушать ихъ свободы и самоправности. Съ этимъ условіемъ они приняли ополченіе его. Ихъ примѣру послѣдовалъ ближній городъ Стагира ⁸⁵⁾.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же 424 года Врасидъ съ Фравійскими союзниками пошелъ къ Амфиволю. Этотъ городъ сдался ему безъ боя на выгодныхъ условіяхъ ⁸⁶⁾.

Тогда онъ воротился на Аеонъ. Здѣсь почти всѣ жители Висалты, Врислоны, Идоны, Дитиди, Халкидиды и Неласги, предались ему: только города Саннеъ и Діонъ воспротивились, но за то онъ опустошилъ околоти ихъ ⁸⁷⁾. Это было уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 423 года.

Покоривъ Аеонъ, Врасидъ посѣщилъ къ Халкидидскому городу Торонѣ, которымъ владѣли Аеоняне, и взялъ его приступомъ ⁸⁸⁾. Всморѣ послѣ сего Аеоняне и Лаккедемонцы заключили перемиріе на одинъ годъ ⁸⁹⁾. Тогда Врасидъ и Аеонскіе Аканеяне пожертвовали въ Делійскій храмъ Аполлона часть добычи, отнятой ими у Аеонянъ, и тутъ на своей сокровищницѣ начертали надпись: Врасидъ и Аканеяне добычу отъ Аеонянъ (посвятили). Plutarch. Lysander. c. 1.

Во время перемирия Халкидидийцы и Аканеяне помогали Врасиду и Македонскому царю Пердиккѣ въ войнѣ съ Арривеемъ царемъ Линкистовъ на предѣлахъ Македоніи. Но этотъ походъ ихъ былъ неудаченъ. Врасидъ отступилъ въ Арриссу ⁹⁰).

Въ 422 году, по окончаніи перемирія, Афиняне послали въ Фракію полководца Клеона и съ нимъ 30 военныхъ судовъ съ 12 сотнями пѣхоты, съ 300 всадниковъ и съ многими союзниками. Онъ взялъ городъ Торону, и оставивъ въ немъ военную стражу, отплылъ мимо Аэона къ Амфиполю ⁹¹). Туда же поспѣшилъ и Врасидъ съ своими полками. Но оба эти витязя были убиты въ сраженіи близъ этого города. Послѣ геройской кончины ихъ Афиняне заключили миръ съ Лигедемонцами на 30 лѣтъ ⁹²).

Условія мира касательно Аэона были слѣдующія:

«Всѣ по волѣ своей и по стариннымъ обычаямъ могутъ приносить жертвы въ храмахъ, общихъ всѣмъ Эллинамъ, ѣздить туда безъ опасеній по сушѣ и морю, и вопрошать тамъ орacularовъ».

«Города пусть управляются своими законами, платя ту же подать, какою они обложены были при Аристидѣ. А когда они станутъ платить ее; тогда ни Афиняне, ни ихъ союзники не властны братья за оружіе съ намѣреніемъ вредить имъ. Города же эти суть: Аканеосъ, Сколосъ, Аргила, Стагира, Олинносъ, Спартоосъ. Пусть они не вступаютъ въ союзъ ни съ Лигедемонцами, ни съ Афинянами. Впрочемъ если Афиняне склонятъ ихъ къ тому убѣжденіями, имъ позволено заключать съ ними союзъ».

«Граждане Микверны, Саниса и Сидгоса, пусть остаются въ своихъ городахъ такъ же, какъ и граждане Олинноса и Аканеоса ⁹³).

Этотъ миръ заключенъ былъ въ началѣ весны (10 апрѣля 422 года), вскорѣ послѣ праздниковъ Вауха, спустя десять лѣтъ и нѣсколько дней отъ начала сей войны ⁹⁴).

Но въ слѣдующемъ 421-мъ году произошла новыя смуты, которыя имѣли вліяніе и на Аеонъ. Значительные города Греціи, именно, Аргось, Фивы, Коринѣъ и другіе, обидѣвшись тѣмъ, что Аеоняне и Лакедемонцы обошли ихъ при заключеніи взаимнаго мира и союза, и подозрѣвая, что эти два народа замышляютъ погнѣнить себѣ всѣхъ прочихъ Еллиновъ, составили свой особый союзъ, наступательный и оборонительный ⁹⁵). Къ Аргосцамъ пристали Халкидикійцы Фравійскіе, что близъ Аеона ⁹⁶). Въ то же лѣто Аеоняне взяли приступомъ городъ Скіону (на полуостровѣ супротивъ Аеона), умертвили мужчинъ способныхъ носить оружіе, а женщинъ и дѣтей продали въ рабство, земли же ихъ отдали изгнанникамъ изъ Платей ⁹⁷). Тогда же, въ концѣ мѣсяца мая, Лакедемонцы открыли военныя дѣйствія въ Аркадіи ⁹⁸). А на Аеонѣ Диктидіи взяли приступомъ союзный съ Аеонянами городъ Фессось ⁹⁹). Фукидидъ, упомянувъ о нихъ мимоходомъ, къ сожалѣнію не высказалъ причины возстанія ихъ. Аеоняне смирили этихъ Аеонцовъ, и приняли ихъ въ число своихъ союзниковъ; однако они въ 418 году отложились отъ нихъ и пристали къ Халкидикійцамъ ¹⁰⁰). Знать, Диктидіи были не безсильны. Я думаю, что они нѣкогда пришли на Аеонъ съ острова Брита, гдѣ есть гора Дикти ¹), а жили въ городѣ Блеонахъ и въ окрестностяхъ его, начиная отъ Иверскаго моря до Морфинны; потому что этотъ городъ населенъ былъ отчасти ихъ друзьями Халкидикійцами. (Смотри выше § 9).

Насталъ двадцатый годъ Пелопонесской войны, соответствующій 411 году до Р. Х. Тогда Лакедемонскій адмиралъ Мандаръ,

¹) Strab. L. X. c. 4. Κρήτη.—Εἰρηται ὅτι τῶν Ἐτεοκρήτων ὑπῆρξεν ἡ Πραῖσος καὶ ὅτι ἐνταῦθα τὸ τοῦ Δικταίου Διὸς ἱερόν. Καὶ γὰρ ἡ Δίκτη πλησίον, οὐχ' ὡς Ἄρατος, σχεδὸν ὄρεος Ἰδαίου. Καὶ γὰρ χιλίους ἡ Δίκτη τῆς Ἰδῆς ἀπέχει, πρὸς ἀμύχοντα ἥλιον ἀπ' αὐτῆς καμένη, τοῦ δὲ Σαμωνίου ἑκατόν. Δίκτη δὲ τὸ ὄρος.

починивъ свои военныя суда въ Абидосѣ (на берегу Дарданельскаго пролива), послалъ Спартакца Епиклеса въ Евбею съ наказомъ привести къ нему, какъ можно скорѣе, все военныя суда, какія находились тамъ. Епиклесъ прибылъ туда, собралъ пятьдесятъ судовъ и тотчасъ поднялъ паруса. Но когда этотъ флотъ плылъ въ водахъ Аеонскихъ тогда разразилась такая страшная буря, что все суда погибли. Спаслись только Епиклесъ и съ нимъ двѣнадцать челоуѣкъ. Въ память погибшихъ поставленъ былъ памятникъ въ одномъ капищѣ близъ города Корѣны съ слѣдующею надписью ¹⁰¹⁾:

«Послѣ крушенія пятидесяти судовъ только двѣнадцать несчастливцевъ избѣжали смерти и достигли берега у скалъ Аеона, а все прочіе были поглощены моремъ вмѣстѣ съ ихъ судами, разбитыми ревущею бурей».

⁸³⁾ Thucid. L. IV. c. 79.81—83. ⁸⁴⁾ Ibidem c. 84—87. ⁸⁵⁾ Ibidem c. 88. ⁸⁶⁾ Ibidem c. 102, 103, sq. ⁸⁷⁾ Ibidem c. 109. ⁸⁸⁾ Ibidem c. 110. 113. Diodor. Sic. L. XII, c. 68. ⁸⁹⁾ Thucid. L. IV, c. 117. 120. 123. Diodor. Sic. L. XII, c. 72. ⁹⁰⁾ Thucid. L. IV, c. 124. 129. ⁹¹⁾ Diodor. Sicul. L. XII, c. 73. Thucid. L. V. c. 1. ⁹²⁾ Diodor. Sicul. L. XII, c. 74. ⁹³⁾ Thucid. L. V, c. 18. ⁹⁴⁾ Ibid. L. V, c. 20. ⁹⁵⁾ Diodor. Sicul. L. XII, c. 75. ⁹⁶⁾ Thucid. L. V. c. 31. ⁹⁷⁾ Diodor. Sic. L. XII, c. 76. ⁹⁸⁾ Thucid. L. V, c. 33. ⁹⁹⁾ Ibid. L. V, c. 35. ¹⁰⁰⁾ Ibid. L. V. c. 82. ¹⁰¹⁾ Diod. Sicul. Lib. XIII, c. 38—42.

§ 15. *О союзѣ городовъ Аканѣоса и Аполлоніи Халкидикійской съ Лакедемонцами противъ Олимпійской республики (383—380 г.).*

Прошли двадцать лѣтъ послѣ Пелопонесской войны Грековъ. Тогда близъ Аеона усилилась республика Олимпійская. Ея силы и честолюбивые замыслы понудили Македонскаго царя Аминта и два города—Аканѣосъ Аеонскій и Аполлонію Халкидикійскую *)

*) Ксерофонтъ называлъ этотъ городъ весьма большимъ, и мѣсто.

просить Спарту, чтобы она смирила гордый Олинеосъ. Спарта вняла ихъ просьбѣ. Началась война и кончилась присоединеніемъ Олинеоса къ Лакедонскому союзу. Рассказываю ходъ сей войны, обращая особенное вниманіе на жителей Аэонскаго города Аганвеса, которые принимали самое дѣятельное участіе въ ней.

Не далеко отъ Аэона между полуостровами Сикійскимъ и Кассандрійскимъ, въ самомъ верховьѣ Торонскаго залива, на берегу его стоялъ торговый городъ Олинеосъ, тотъ самый, который упомянуть въ мирномъ трактатѣ Аэонянъ и Лакедонцовъ, заключенномъ въ 422 году. Онъ былъ богатъ и имѣлъ многихъ союзниковъ, особенно между Фракіянами. Правленіе въ немъ было народодержавное. Этому городу Македонскій государь Аминта, не надѣявшійся царствовать, подарилъ большой околотокъ, сопредѣльный съ владѣніями Олинеянъ. Даровыя земли приносили имъ большой доходъ, и тѣмъ увеличивали ихъ богатство и силу. Но изъ-за нихъ же пришлось имъ и пострадать. Когда Аминта противъ своего чаянія утвердился на престолѣ, тогда отъ Олинеянъ назадъ потребовалъ свой даръ. Они не захотѣли возвратить его. За то Аминта объявилъ имъ войну, выпросивъ у Лакедонцовъ вспомогательное войско (болѣе 10,000), которое они и послали подъ начальствомъ Спартанца Фивада, желая упрочить свое вліяніе во Фракіи¹⁰²). Это было въ 383 году до Р. Х.

Въ это же самое время граждане Аганвеса и ближней Аполлоніи Халкидикійской, опасаясь Олинеянъ и, быть можетъ, завидуя ихъ богатству и силамъ, отправили въ Спарту пословъ сво-

а Атеней—Халкидикійскимъ—въ отличіе отъ Аполлоніи Митдонской, и присовокупилъ, что подлѣ него текутъ двѣ рѣчки, Аминтисъ и Олинеосіаносъ, и обѣ впадаютъ въ Волвійское озеро (нынѣ Бежикъ). Athen. Dipnosoph. L. VIII, с. 11. Судя по этимъ признакамъ, я полагаю, что Халкидикійская Аполлонія находилась на мѣстѣ нынѣшняго, созвучнаго, села Полина, которое отстоитъ отъ Аэонскаго города Териссо на одинъ день пути, и подлѣ котораго дѣйствительно текутъ рѣчки, впадающія въ озеро Бежикъ.

ихъ для переговоровъ касательно Олинейской республики. Въ числѣ ихъ былъ Елигенсъ акапейнинъ. Онъ говорилъ рѣчь Спиртанцамъ и ихъ союзникамъ. Передаю ее, какъ единственный, участвовавшій, памятникъ Аеонской дипломатіи.

«Мужи Лакедемонскіе, и вы союзники! Мы думаемъ, что вамъ еще очень хорошо извѣстно дѣло, возникающее въ Елладѣ. А надобно вамъ знать, что Олинейскіе превосходятъ всѣ города Фракіи. Онъ менше изъ нихъ присоединилъ къ себѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они управлялись его законами и составили одну съ нимъ республику, а къ нимъ присовокупилъ города и позначительнѣе. Такой успѣхъ поощрилъ Олинейскіе отторгнуть даже Македонскіе города отъ державы Македонскаго царя Аминты. Когда же ближайшіе изъ этихъ городовъ вняли обаяніямъ ихъ, тогда они посѣщали и въ отдаленныя мѣста, такъ что въ дни нашего выѣзда къ вамъ они владѣли, кромѣ многихъ другихъ городовъ, и Пеллою, которая весьма значительна въ Македоніи. Мы такъ же слышали, что и Аминта отступается отъ своихъ городовъ, и едвали не потеряетъ всю Македонію. Наконецъ Олинейскіе и къ намъ и къ Аполлоніатамъ прислали пословъ, которые сказали намъ, что если мы не соединимъ свои рати съ ополченіемъ ихъ, то они нападутъ на насъ. Но мы, о мужи Лакедемонскіе, мы хотимъ жить по законамъ отеческимъ и быть гражданами самоуправными, если необходимость не понудитъ насъ пристать къ нимъ, когда уже некому помочь намъ. У нихъ теперь не мнѣе 8000 опантовъ, апелтастовъ гораздо болѣе, или столько же: а если соединимся съ ними мы, то прибавимъ болѣе 1000 всадниковъ. Притомъ, мы послали у нихъ пословъ изъ Аеонъ и Віотіи и слышали, что и Олинейскіе рѣшили въ собраніи отравить своихъ пословъ въ эти города и просить у нихъ союза. А ежели такая рать ихъ соединится съ ополченіями Аеонянъ и Фивейцевъ; то, смотрите, какъ бы вамъ не пришлось одолевать затрудненія большія. Олинейскіе уже заняли Потидею на Палли-

нѣскомъ перешейкѣ; итакъ рассчитывайте: подымится ли имъ тутъ и прочіе города. Подчинятся; и вотъ вамъ доказательство на это. Сіи города уже сильно застрашены, такъ что хотя они и ненавидятъ Олинеянъ, но не осмѣлились отправить съ нами пословъ своихъ, чтобы объяснить вамъ дѣло. Подумайте же о томъ, какъ полезно вамъ отстранять Віотію отъ союза съ Аеонами, и какъ вредно пренебрегать этою державою, которая сидитъ не только на сушѣ, но и на морѣ. Ибо что остановить ее, когда у ней матеріаловъ для постройки кораблей много, а доходовъ отъ пристаней и отъ большой торговли довольно, людьми же она полна по причинѣ плодородія земли! Кроме сего, у Олинеянъ есть сосѣди Фракіяне, которые не имѣютъ парей. Они и теперь состоятъ у нихъ на службѣ: что же будетъ тогда, когда признаютъ ихъ своими властелинами? Тогда могущество Олинеянъ будетъ неодолимо. Тогда имъ достанутся золотоносныя руды въ горѣ Пангейской (въ виду Аеона). Что мы теперь говоримъ, все то нѣсколько тысячъ разъ говорено было самимъ людямъ въ Олинею. И кто осудитъ такіе замыслы ихъ? Можетъ быть, мы, люди, такъ созданы отъ Бога, что когда увеличивается наша сила, тогда растутъ и наши замыслы. Итакъ, мужи Лакедемонскіе и вы союзники, мы извѣщаемъ васъ, что такъ идутъ тамъ дѣла: а вы разсудите, стоятъ ли они вашего вниманія и вашей заботливости. Впрочемъ надобно вамъ знать, что та сила, которую мы представили вамъ въ немалыхъ размѣрахъ, не несокрушима. Всѣ города, которые противъ своей воли союзятъ съ Олинеянами, скоро отстанутъ отъ нихъ, если увидятъ соперниковъ. Но когда, они сдружатся посредствомъ взаимныхъ браковъ и раздѣла добычи, уже условленнаго между ними, и удостовѣрившись, что выгодно быть на сторонѣ сильнѣйшихъ, поступятъ, какъ Аркадіяне, которые, идя съ вами за одно, не забываютъ и себя и корыстуются чужимъ добромъ, тогда, быть можетъ, не легко будетъ сокрушить ихъ силы.

Послѣ этой умной рѣчи Аэноно-Апанеоссаго посланника Спартанцы просили своихъ союзниковъ оказать: что надобно предпринять для общей пользы ихъ самихъ и всего Пелопонеса. Многіе изъ нихъ, и особенно тѣ, которые старались угодить Спартѣ, предложили набрать ополченіе, и извѣстить объ этомъ каждыя города. Однако была рѣчь и о томъ, чтобы позволено было городамъ, какіе пожелають, дать вмѣсто воиновъ Эгинейскій трибуль за каждаго воина, а тѣмъ, которые прищлютъ конницу, дать на каждаго всадника жалованье четырехъ оплитовъ: если же камоу городъ не выставитъ ополченія, то Лакедемонцы властны взять съ него статуръ за воина въ каждый день. Когда же было одобрено это предложеніе, тогда Апанеяне встали въ собраніи и опять говорили рѣшительно, что хотя и хороши все эти распоряженія, но трудно исполнить ихъ въ скорости, и потому было бы гораздо лучше, пека идти сборы, послать войско изъ Лакедемоніи и изъ другихъ городовъ, какъ можно скорѣе; ибо эта мѣра остановила бы города, еще не присоединившіеся къ Олинеосу, а приставшіе къ нему противъ воли отвлекла бы не на его сторону. Одобрено было и это предложеніе; и Лакедемонцы тотчасъ назначили военачальникомъ Евдамида, и отправили съ нимъ еще 2000 воиновъ (у Діодора 3000), кромѣ тѣхъ, которыми предводительствоваль братъ его Фивидъ. Этотъ новый войдъ прибылъ въ Потидею, и занявъ сей городъ, какъ союзникъ, тревожилъ оттуда непріятеля, какъ могъ, съ малою дружиною своею въ ожиданіи полковъ Фивиды¹⁰³).

392 годъ. Между тѣмъ Фивидъ замедлилъ на пути къ Олинеосу, потому что вышалося въ дѣло города Фивъ, и занялъ тамошнюю крѣпость Кадмею. За это Лакедемонцы лишили его начальства¹⁰⁴).

Евдамидъ же дѣлалъ набѣги на предѣлы Олинеянъ и сражался съ ними, получая подмогу отъ царя Аминты. Но Олинеяне, имѣвшіе гораздо болѣе войска, одолевали его. Тогда Лаке-

деишцы, недовольные имъ оставили его, и собравъ гораздо большее ополченіе, назначили вождьмъ храбрѣйшаго Телевтіа, брата царя Агезилая. Телевтіи отправился изъ Пелопоннеса и у Олинеоса соединился съ войскомъ Евдаида, получивъ подкрѣпленіе отъ царя Амвнты и отъ какого-то Едмійскаго князя Дерды, приведшаго къ нему 400 всадниковъ своихъ. Начались битвы. Телевтіи поражалъ Олинеянъ, и собралъ большія добычи, котормя и раздѣлялъ своимъ воинамъ. Но и Олинеяне грабили тѣ окрестные города, которые было въ союзѣ съ Спартою, и убивали жителей ихъ. У нихъ было много войска, а городъ снабженъ былъ всеми жизненными и военными припасами ¹⁰⁵).

Однажды случилось: Олинейскіе всадники, числомъ 600, рано утромъ подъѣхали къ Аполлоніи, и разсѣявшись, грабили до полудня что попало. Тогда въ этомъ городѣ стоялъ Дерда съ своею конницею, готовою къ бою. Увидѣвъ, что Олинеяне приблизились къ предмѣстію и даже къ воротамъ Аполлоніи, онъ отворилъ ихъ, и всадниковъ своихъ повелъ въ бой. Оробѣли Олинеяне и побѣжали. А Дерда преслѣдовалъ ихъ по пятамъ на пространствѣ до станціи, и убивъ 80 конниковъ, подступилъ къ самымъ стѣнамъ Олинеоса. Значить, отъ Аполлоніи до его города было недалеко. Посему я не соглашаюсь съ Табелемъ ставить эту Аполлонію на мѣстѣ нынѣшняго Аеонскаго городка Іериссо, отъ котораго до развалинъ Олинеоса болѣе 12 часовъ верховой ѣзды.

Означивался второй годъ войны (382). Олинеяне соединили всѣ свои и союзныя силы, и однажды отважились перейти рѣчку, которая протекала предъ ихъ городомъ, и бодренно пошли къ полкамъ Теламтіа. Этотъ Спартаецъ, изумленный такою отвагою ихъ, далъ знакъ въ бою. Произошло кровопролитное сраженіе. Олинеяне убили 1200 Лакедемонцевъ, а самъ Телевтіи палъ въ полѣ сраженія. Тогда всѣ полки его поспебались, и въ страхѣ

побѣжали одни въ городъ Спарту, другіе въ Аканеосъ, иные въ Аполлонію, а большая часть въ Потидею ¹⁰⁶).

Значить: Аканеосъ и Аполлонія находились въ разныхъ мѣстахъ, да и не смежныхъ. Елибы Аполлонія стояла на мѣстѣ нынѣшняго Аеонскаго городка Іериссо, отъ котораго рукой подать до развалинъ Аканеоса; то я, ѣздившій нѣсколько разъ отъ Аеона до развалинъ Олинеоса, не понялъ бы разказа Ксенофонта объ отступленіи однихъ полковъ Телевтія къ Аканеосу, а другихъ къ Аполлоніи. Но я понимаю его, когда ставлю Аполлонію на мѣстѣ нынѣшняго села Полина, понимаю и вижу, что Македонцы отступили сюда по прямой горной дорогѣ, тогда какъ другіе шли въ Аканеосъ по крутояримъ берегамъ заливовъ Торонскаго и Сингитскаго.

Наступилъ третій годъ войны (381). Македонцы рѣшились смирить побѣдоносныхъ Олинеянъ, во чтобы то ни стало, и послали царя своего Агисипола воевать съ ними, поручивъ ему достаточное войско, къ которому присоединились охотники изъ разныхъ городовъ союзныхъ, Фессалійскіе всадники, Македонскій царь Аминта и князь Дерда съ своими полками. Новый военачальникъ прибылъ на поприще войны, собралъ разсѣявшіяся фаланги Телевтія, и открылъ военныя дѣйствія. Но Олинеяне избѣгали рѣшительной битвы, такъ что во весь этотъ годъ было лишь нѣсколько стычекъ ¹⁰⁷).

Въ слѣдующее лѣто (380) Агисиполь взялъ приступомъ городъ Торону, но въ жаркіе дни заболѣлъ горячкою, и велѣлъ отнести себя въ ближнее мѣстечко Аонту (нынѣ Мариота), гдѣ было много тѣни и холодныхъ водъ. Тутъ онъ пролежалъ семь недѣль и скончался. Тѣло его положили въ медъ, и такъ перевезли въ Спарту, гдѣ онъ и погребенъ былъ поцарски. На его мѣсто Македонцы назначили Поливиада. Этотъ искусный стратегикъ и дѣятельный полководецъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ Олинеянами, и осадилъ ихъ городъ со всѣхъ сторонъ.

Тогда они, не получая хлѣба ни сухимъ путемъ, ни моремъ, рѣшились сдатьсь, и сдавшись на выгодныхъ условіяхъ, отправили въ Спарту пословъ, которые и успѣли заключить тамъ выгодный миръ, такъ что Спарта приняла Олиноосъ въ число своихъ союзниковъ. Въ это время, говоритъ Діодоръ, Лакедемонцы сдѣлались весьма могущественны въ Греціи ¹⁰⁸). Предполагается, что и Аѳонцы были на ихъ сторонѣ.

¹⁰⁸) Diodor. Sic. L. XV, c. 19. ¹⁰⁹) Xenophon. Hist. Gr. L. V, c. 2.

¹⁰⁴) Diodor. Sic. L. XV, c. 20. ¹⁰⁵) Ibid. c. 21. Xenophon. L. V, c. 2.

¹⁰⁶) Xenophon. L. V, c. 3. ¹⁰⁷) Ibidem. Diodor. Sic. L. XV, c. 22. ¹⁰⁸) Diodor. Sic. L. XV, c. 23. Xenoph. L. V, c. 3.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О Событіяхъ на Аѳонѣ въ третій кругъ времени, отъ покоренія Аѳонскихъ городовъ Македонскимъ царемъ Филиппомъ до подчиненія ихъ Римской державѣ (360 г.).

§ 16. О покореніи Аѳона Филиппомъ Македонскимъ (348 г.).

Спарта смирила Олинейскую республику, и тѣмъ успокоила сосѣдній Аканеосъ народодержавный. Послѣ этого прошли двадцать лѣтъ. Тогда союзникъ Спартанцовъ и Аканеянъ нарѣ Амннта скончался. Престолъ его наследовалъ Филиппъ, и въ десятый годъ своего царствованія покорилъ своей власти всѣ города въ Халкидической области, слѣдовательно и Аѳонскіе ¹⁰⁹), а потомъ до основанія разорилъ Олиноосъ, а жителей его продалъ, какъ рабовъ. Таже участь постигла и Аполлонію Халкидическую ¹¹⁰).

¹⁰⁹) Diodor. Sicul. L. XVI, c. 52. 53. ¹¹⁰) Demosthen. Oratio in Philipp. III.

§ 17. О покупке Воспорской пшеницы жителями города Аканеоса (348—336 г.).

Въ царствованіе Филиппа Аѳонскій городъ Аканеосъ суще-

ствовать. Однажды въ пристань его на кораблѣ привезена была пшеница изъ города Воснора, находившагося у пролива Азовскаго моря. Аканеяне купили ее. Но продавецъ оя Аеинскій житель иѣито Дамписъ, не имѣвшій права продавать Воспорскую пшеницу нигдѣ, кромѣ Аеинъ, былъ судимъ за этотъ поступокъ виѣсть съ товарищемъ его -Форміономъ. А Демосѣенъ по этому случаю говорилъ извѣстную рѣчь, и обвинялъ обоихъ напшаче за то, что они пшеницу продали *сужимъ* въ то время, когда въ Аеинахъ былъ голодъ ¹¹¹⁾. Такое обвиненіе доказыааетъ, что Аканеосъ въ то время не принадлежалъ къ Аеинскому союзу, а считался городомъ Македонскимъ.

¹¹¹⁾ Demosthen. Orat. advers. Formionem.

§ 18. *О предложеніи Динократа Александру Великому касательно Аеона (336—324 г.).*

Съ той поры, когда Филиппъ покорялъ себѣ всю Халкидическую страну съ прилежащимъ къ ней Аеономъ, это гора всегда находилась въ зависимости отъ Македонскихъ царей, пока они хранили свою державу. Сыну Филиппа Александру Великому зодчій его Динократь предлагалъ преобразить мраморный верхъ Аеона въ статую Зевеса такъ, чтобы она на лѣвой рукѣ держала городъ, а на правой струйникъ съ текущею въ море водою. Но онъ отринувъ это предложеніе, шутливо сказавъ Динократу, что жителямъ такого города нечего будетъ ѣсть, а изъ такого струйника нечего пить ¹¹²⁾.

Еслибы Динократь изъ высочайшей вершины Аеона изваалъ статую человека, обращеннаго лицомъ къ морю, откуда она была бы видна всѣмъ мореплавателямъ; то городъ на рукѣ ея пришелся бы на томъ отрогѣ Аеона, который понижается на лѣво отъ сѣнта Кавсокаливскаго, а струйникъ—у сѣнта св. Анны.

¹¹²⁾ M. Vitruvii L. II, proëmium. Plutar. Alexander.

§ 19. *О построении города Уранополя на Аеонском перешейке (317—298 г.).*

По смерти Александра обширная монархія его раздѣлилась на нѣсколько областей, коими управляли сперва друзья и полководцы его, а потомъ наслѣдники ихъ. Сосѣдняя съ Аеономъ Македонія досталась Антипатру и Пердиккѣ. Когда же царемъ Македонскимъ сталъ Кассандръ (съ 317 года по 298); тогда братъ его Алексархъ, выдумщикъ новыхъ словъ греческихъ, построилъ на Аеонѣ городъ Уранополь ¹¹³).

Мѣстность сего города французскій путешественникъ Бузигери указалъ на одномъ холмѣ Аеонскаго перешейка, недалеко отъ селенія Териссо, или точнѣе, въ сосѣдствѣ съ хозяйственнымъ подворьемъ Иверскаго монастыря, находящимся у Стеллярійскаго отрога Аеона, а указалъ потому, что нашелъ тутъ какія развалины *). Я не противорѣчу ему, и тутъ же ставлю Уранополь, однако не на холмѣ, на которомъ могъ быть монастырекъ, а у Франколименской пристани, отъ которой рукой подать до спокойной и глубокой бухты Плати, укрытой отъ вѣтра вѣтровъ въ сказанномъ Стеллярійскомъ острогѣ. Тутъ замѣтны остатки развалинъ. Тутъ же находимы были монеты съ изображеніемъ Венеры-Урании, именемъ которой названъ былъ городъ.

Царь Кассандръ, женившись на дочери Александра Великаго Фессалоникѣ, построилъ городъ въ самомъ верховѣ Германскаго залива, и назвалъ его именемъ жены своей Фессалониди. Съ судьбою этого города, въ послѣдствіи, тѣсно связана была судьба Аеона ¹¹⁴).

¹¹³ Athen. Dipsosoph. L. III, c. 54. Confer Plin. H. N. L. IV; c. 10, sect. 17. ¹¹⁴) Strab. Excerpt. ex L. VII: „μετὰ τὸν Αἴον ποταμὸν... Conf. Cedreni Hist. Compend. Bonnae. 1838.

*) Voyage dans la Macédoine par E. Cousinery. Paris. 1826.

§ 20. О переименованіи Аѳонскаго города Харадрізъ въ Стратоники по имени супруги Сиромакедонскаго царя Антиоха Сотира.

Послѣ Кассандра, Филиппа III и Антипатра, въ Македоніи царствовалъ Димитрій Поліоркетъ съ 294 года по 287. У него была красивая дочь Стратоники. На ней женился Селевкъ, основатель Сиромакедонскаго царства въ передней Азіи. Но ее полюбилъ сынъ его Антиохъ Сотиръ, рожденный отъ другой жены, и съ согласія отца своего сталъ мужемъ ея, и родилъ съ нею Антиоха Тѳоса ¹¹⁵). Именемъ этой женщины названъ былъ одинъ городъ на Аѳонѣ, находившійся близъ тамошней Каріи ¹¹⁶), и названъ или при рожденіи ея, или послучаю отдачи его въ приданое за нею, когда она выходила за Селевка. Какъ бы то ни было, но этотъ городъ съ торговою пристанію его надобно считать удѣльнымъ имѣніемъ ея. Она владѣла имъ и получала доходы отъ него во время царствованія двухъ мужей своихъ, Селевка и сына его Антиоха (281—262 г.), которые никакого города въ Македоніи и на Аѳонѣ не могли назвать именемъ ея, потому что не властны были распорядиться въ чужомъ царствѣ.

Городъ Стратоники, по указанію географа Птолемея, находился на южной сторонѣ Аѳона, омываемой Сингитскимъ заливомъ Эгейскаго моря ¹¹⁷).

Этотъ городъ я ставлю на мѣстѣ нынѣшняго Ксиропотамскаго монастыря, расположеннаго на высокомъ берегу сказаннаго залива, потому что оттуда близко до Аѳонской Каріи, которую разумѣлъ Стефанъ Византійскій, когда говорилъ о близости къ ней города Стратоники, потому что по Птолемеевой картѣ, хранящейся въ Ватонедской обители, сей городъ помѣщенъ на этомъ мѣстѣ, и потому что тутъ есть порядочная пристань, Дѳона. Да и это названіе ея, понынѣ слышимое на Аѳонѣ, и напоминающее увеселительную рошу подлѣ столицы Сиромакедонскихъ ца-

рей Антиохин, называвшущаяся Дабона, и это название, въ связи съ указаниями Птолемея и Стефана Византійскаго на Аеонскій городъ Стратонику и на владѣтельница его Антиохійскую царицу Стратонику же, заставляетъ меня помѣстить его подлѣ Дафнійской лѣсистой пристани монастыря Ксиропотамскаго ¹⁾. На этомъ мѣстѣ, за 509 лѣтъ до рождества Христова, находился городокъ Харадриэ, но онъ, какъ я полагаю, переименованъ былъ въ честь оной царицы Стратоники. Не даромъ Стефанъ Византіецъ, упомянувъ о немъ, выразился, что его назвали. *κέκληται*, по имени супруги Антиоха Сотира. Онъ былъ только названъ въ честь ея, но не построенъ, слѣдовательно существовалъ ранѣе, но подъ другимъ именемъ. А это имя его уже извѣстно намъ: Харадриэ.

¹¹⁵⁾ G. Cedreni histor. compend. ¹¹⁶⁾ Stephan. Byzant. de urbibus.

¹⁷¹⁾ Geogr. Ptolom. L. III, § 11.

§ 21. *О взятіи и разграбленіи Аканеоса римскими солдатами (199 год.).*

При приемныхъ Дмитрія Полиорета, въ теченіи 74 лѣтъ, что случилось на Аеонѣ, то неизвѣстно. А при царѣ Филиппѣ IV, который самодержавилъ въ Македоніи съ 220 года до 179-в, союзные непріатели его Аеонно-Родосо-Римляне на военныхъ корабляхъ приплыли отъ Тороны къ Аканеосу, и опустошивъ поле его, взяли этотъ городъ и разграбили, но далѣе не пошли, а отправились къ острову Скіаео, и оттуда къ Евбеѣ. Это случилось въ 199 году до рождества Христова ¹¹⁸⁾.

¹¹⁸⁾ Tit. Liv. Histor. Roman. L. XXXI, c. 45.

¹⁾ Аеонскій митрополитъ Мелетій въ своей географіи помѣстилъ его на мѣстѣ такъ называемаго Франкокастра близъ Андрониковой башни и острова Мульяни, но—безъ всякаго основанія. Тутъ нѣтъ ни пристани, ни ключевой воды.

§ 22. *Объ опредѣленіи Совѣта и народа въ Акроаѳосѣ уцѣловѣчить надписью благотворенія Доросей, купеческаго консула изъ Александріи. (196—180 г.).*

Въ царствованіе Филиппа IV, который былъ современникъ Египетскому государю Птоломею Епифану, на Аѳонѣ въ городѣ Акроаѳосѣ жилъ Доросей сынъ Мирмика уроженецъ изъ Александріи, показывалъ благотѣнія нуждающимся согражданамъ, а капище ихъ поддерживалъ и украшалъ на свой счетъ съ добавками изъ общественной казны. За это городскій Совѣтъ и народъ опредѣлили признать его потомственнымъ консуломъ и благотѣлемъ Акроаѳосцовъ, а консульство и благотѣніе его увѣковѣчить надписью и поставить ее въ самомъ капищѣ.

Эта надпись уцѣлѣла. Она находилась въ скитѣ св. Анны расположенномъ близъ развалинъ города Акроаѳоса; но я взялъ ее въ октябрѣ мѣсяцѣ 1845 года, и въ слѣдующемъ году 18 ноября передалъ въ музей Одесскаго Общества любителей исторіи и древностей для временнаго храненія, какъ дѣйствительный членъ того Общества. Надпись эта начертана на бѣломраморномъ камнѣ, котораго длина измѣряется полуаршиномъ, а ширина $4\frac{1}{2}$ вершками. Слова тутъ помѣщены ближе къ верху, а внизу на два вершка пусто; узоровъ и украшеній нѣтъ; ясно видны одни слова:

Ἐδοξεν τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμῳι ἐπανέσαι μὲν Δορόθεον Μύρμηκος Ἀλεξανδρέα, διότι προαρεῖται ἐπιμελείας ποιῆσαι τοῦτῳ ἱεροῦ καὶ Ἀκροαῳτῶν καὶ κοινῆι καὶ ἰδίαι, οἷς ἀν' ἐντυγχάνη αὐτῶν, εἶναι δὲ αὐτὸν πρόξενον καὶ εὐεργέτην Ἀκροαῳτῶν, αὐτὸν καὶ ἐχγόνους, ἀναγράφαι δὲ αὐτοῦ τὴν προξενίαν καὶ τὴν εὐεργεσίαν, καὶ ἀναθεῖναι εἰς τὸ ἱερόν.

«Опредѣлено Совѣтомъ и народомъ восхвалять Доросея Мирмикова Александріица за то, что онъ изволилъ поддерживать сіе святилище и Акроаѳосцовъ общественнымъ и своимъ иждивеніемъ.

кого бы ни пришлось, и быть ему консулом и благодѣтелемъ Акроаеонцевъ, ему и потомкамъ его, а менуальство его и благотворительность увѣковѣчить надписью, и поставить ее въ семь святыхъ мѣстъ.

Эта надпись поясняетъ намъ нѣкоторыя стороны внутренняго быта городскихъ жителей на Аеонѣ.

1) Тамъ, въ Акроаеосѣ, было старинное капище. Оно поддерживалось городскою казною и благотвореніями гражданъ.

2) Этотъ городомъ управлялъ Совѣтъ, избранный народомъ, который подавалъ въ немъ свой голосъ.

3) Богатые помогали бѣднымъ.

4) Акроаеосъ имѣлъ торговыя сношенія съ Александрією. Посему въ немъ находилось консульство, *προξενεῖον*, заведывавшее дѣлами торгующихъ.

5) Граждане сего города и Совѣтъ его имѣли право избирать себѣ потомственного консула, и предоставлять чужимъ права согражданства.

6) Общественныя благотворенія увѣковѣчивались надписями, кои выставлены были въ главномъ капищѣ въ память потомству и въ поощреніе его къ добрымъ дѣламъ на пользу общую.

Смѣю думать, что такое народоправленіе, такіе обычаи и такія консульства были и въ прочихъ городахъ на Аеонѣ. Въ этомъ согласится со мною всякій, кто припомнитъ рѣчь Аканеоссаго гражданина Елигониса, которую онъ говорилъ въ Спартѣ, и въ которой выразился такъ: «мы хотимъ жить по своимъ отеческимъ законамъ, и быть гражданами самоправными».

Въ Акроаеонской надписи не показано время составленія ея. Однако можно опредѣлить оное приблизительно. Такъ какъ Александрія, изъ которой происходилъ Дорофей Мирминовъ, построена была Александромъ Македонскимъ за 300 лѣтъ до Р. Х., а Акроаеосъ уже не существовалъ въ сороковыхъ годахъ перваго вѣка христіанскаго, о чемъ слажу ниже (§ 27); то и приходить

относит составленіе этой надписи ко времени дохристианскому. Я полагаю, что она выставлена была въ Акрофонскомъ каменѣ въ дни Египетскаго государя Птолемея, который зомель на престолѣ въ 196 году до Р. X. и скончался въ 180—1 году, и полагаю такъ потому, что въ этой надписи Александрійскія буквы видомъ своимъ и постановкою весьма походятъ на буквы въ известной надписи на Розетскомъ камнѣ ¹⁾, въ которой перечислены дѣла помянутаго государя и показанъ годъ воцаренія его 196-й. Въ обѣихъ надписяхъ этихъ видѣтъ малый омикронъ между большими буквами и і съ боку словъ: *βουλή, τμή, τολ, δημω.*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О СОБЫТІЯХЪ НА АФОНѢ ВЪ ЧЕТВЕРТЫЙ КРУГЪ ВРЕМЕНИ, ОТЪ ПОДЧИНЕНІЯ АФОНА РИМСКОЙ ДЕРЖАВѢ ДО ВВЕДЕНІЯ ХРИСТИАНСТВА ВЪ ГОРОДА ЕГО. (ОТЪ 148 ГОД. ДО Р. X. ПО 391 ГОДЪ ПО Р. X.).

§ 23. О построеніи города Аполлоніи на Афонскомъ перешейкѣ.

Преемникъ Филиппа IV Персей долго воевалъ съ Римлянами, но былъ побѣжденъ и усмиренъ ими окончательно въ 168 году до рождества Христова. Съ этой поры Македонія и съ нею Афонская гора подчинилась римской республикѣ, а въ 148 году лишена была самоправности, и стала областію римскою. Сначала ею управляли преторы а потомъ проконсулы. Луцій Низонъ, тесть Цезаря, утѣснялъ эту область въ теченіи трехлѣтняго управленія его. Но Цицеронъ (до 55 года) говорилъ противъ него рѣчь съ такою силою правды, что Сенатъ отозвалъ его назадъ, а на мѣсто его назначилъ Квестора Анхарія. Cicero. Oratio in Pisonem.

¹⁾ Смори ее въ Bibliothéque des Classiques Grecs publiée par Firmin Didot.—Vide Fragmenta Historicorum graecorum sub fine.

Въ теченіи 148 лѣтъ до Р. Х. на Аеонѣ, какъ я полагаю, возникъ новый самостоятельный городокъ Аполлоніи на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ селеніе Іерисср. Хотя объ этомъ событіи нѣтъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ; но такъ какъ Плиній, скончавшійся въ 79 году по рождествѣ Христова, ставилъ Аполлонію на Аеонѣ отдѣльно отъ Аканеоса ¹⁾, и такъ какъ мѣстное преданіе, которое будетъ изложено (§ 46), гласить, что апостолъ Павелъ проповѣдовалъ Христа жителямъ сей Аполлоніи, а въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, 17, 1. упомянуто, что онъ дѣйствительно проходилъ въ Солунь чрезъ Амфиноль и Аполлонію; то и надобно полагать, что этотъ городокъ стоявшій на пути отъ Амфинополя къ Солуню, возникъ не задолго до рождества Христова. Болѣе глубокой древности нельзя придать ему, потому что о немъ не упоминали ни Скилаксъ, ни Фукидидъ, а Ксенофонтъ говорилъ о другой Аполлоніи, именно, Халкидической, которая находилась недалеко отъ города Олинеоса ²⁾. Со времени Продота до 148 года на мѣстѣ Аеонской Аполлоніи находилась только складочная пристань, ἐπιχειρῶν, города Аканеоса, какъ Аполлоніада была пристанію циренскою. (Strab. XVII, 3. 20). А почему она, во время римскаго владычества, отдѣлилась отъ Аканеоса, и стала городкомъ самостоятельнымъ,—это рѣшить трудно, однако возможно. Припомнимъ совершенное разореніе халкидической Аполлоніи около 336 года, и предположимъ, что часть жителей ея ушла въ пристань Аканеоса, о которой идетъ рѣчь, припомнимъ и то, что въ 199 году до Р. Х. римскіе солдаты взяли приступомъ и разграбили Аканеосъ: тогда намъ будетъ понятно отчасти, какъ могла эта пристань сдѣлаться городкомъ независимымъ отъ Аканеоса. Римлянамъ, управлявшимъ вселенною по правилу: *divide et impera*, т. е. *ссорь и господствуй*, выгодно было ослабить

¹⁾ Plin. Н. Н. 4, 10—17.

²⁾ Припомни событія въ годы 360—336. § 16.

враждебный дитъ Аидеосъ, и объявить самостоятельнымъ соседнимъ съ нимъ городъ Аполлонію, въ которомъ, какъ я думаю, большинство жителей составляли потомки переселенцевъ изъ Аполлоніи Хадридидийской, разрушенной отцомъ Александра Великаго Флициемъ, и подлѣ котораго находился оракулъ Аполлона въ существующей нынѣ пещерѣ.

§ 24. *Воспоминанія поэтовъ объ Аеонѣ.*

Неизвѣстна участь Аеона во время полуторовѣковаго владычества Римлянъ въ Македоніи до Р. X., а вѣдомо только то, что о немъ, въ этотъ малый кругъ времени, воспоминали поэты въ своихъ стихотвореніяхъ. Такъ, Никандръ (около 146 г.) въ своей Европѣ изобразилъ Аеонъ какъ исполина, который не много ниже звѣздъ стоитъ среди неизмѣримаго моря, и своими руками мететь двѣ величайшія стрѣлы (отроги), особенно, къ противоположному мысу Канастрійскому. (§ 2). Виргилій за 19 лѣтъ до Р. X. въ своихъ наставленіяхъ земледѣльцамъ неподражаемо описалъ отца боговъ Зевеса, метущаго свои молниеносныя стрѣлы на Аеонъ въ глубокую полночь, такъ что земля трясется, звѣри бѣгутъ, люди трепещутъ, дождь ливнемъ льется, въ лѣсахъ воетъ вѣтеръ, на небѣ мятутся звѣзды:

*Ipse Pater, media nimborum in nocte, corusca,
Fulgina molitur dextra, quo maxima motu,
Terra tremit, fugere ferae, et mortalia corda
Per gentes humilis stravit pavor. Ille fragranti
Aut Athon, aut Rodopen, aut alta Ceravnia telo
Dejicit. Ingeminant austri et densissimus imber.
Nunc nemora ingenti vento, nunc littora plangunt.
Hoc metuens coeli menses et sidera serva.*

Georgis. L. I.

Этотъ же поэтъ въ своей Энеидѣ, I. XII, воспѣвая единоборство Энея троянскаго съ латяномъ Турномъ, сравнилъ его съ

Аеономъ. У него Эней страшно гремитъ оружіемъ, а высоко онь. громаденъ и неодолимъ, какъ Аеоиъ.

At Pater Aeneas, audito nomine Turni,
Deserit et muros, et summas deserit arces.
Præcipitque moras omnes, opera omnia rumpit.
Lætitia exultans, horrendumque intonat armis.
Quantus Athos, aut quantus Eryx, aut ipse coruscis
Cum fremit illicibus, quantus gaudetque nivali
Vertice se attollens pater Appenninus ad auras.

Поэтъ Овидій въ своихъ Превращеніяхъ воспомянулъ о горѣннѣ Аеоиъ во время общаго пожара на землѣ, бывшаго въ самое отдаленное отъ него время:

«Пламень пожираетъ самыя возвышенныя мѣста земли. Она разсѣдается, разверзается и сохнетъ, лишаясь своихъ питательныхъ соковъ. Памяти жёлтѣютъ. Деревя съ листьями сгораютъ. А живы иссохшія питаютъ собою пламень. Но эта бѣда еще невелика. Большіе города рушатся со стѣнами. Народы и цѣлыя страны отъ пожара обращаются въ пепель. Горы и лѣса на нихъ горятъ. Шлаетъ Аеоиъ и Тавръ Киликійскій».

§ 25. *Связь предыдущаго съ послѣдующимъ.*

Минули 148 лѣтъ послѣ того, какъ Аеоиъ со всею Македоніею поступилъ въ вѣдомство и управление Римскаго Сената, какъ удѣлъ его. Тогда въ Римѣ самодержавилъ Октавій Августъ. Въ 42 году его царствованія родился въ Вилеиѣ Іудейскомъ Спаситель человѣческаго рода. Но не скоро свѣтъ Его озарилъ омраченный идолослуженіемъ Аеоиъ. Цѣлыя три вѣка послѣ рождества Его протекли до появленія первыхъ лучей христіанства на этой пресловутой горѣ. Что же случилось на ней въ этотъ кругъ времени?

§ 26. *О состоянн Аеона въ первое двадцатипятилѣтнє перваго христіанскаго вѣка при римскихъ царяхъ Августѣ и Тиверіи.*

Аеонъ, по сказанію Тита Ливія, котораго смерть относить къ 19 году по Рождествѣ Христовѣ, считался во второй части Македоніи, и имѣлъ удобную пристань, которая называлась Энеэ.

Tit Liv. L. 45. Secunda pars Macedoniae celeberrimas urbes, Thessaloniceam et Cassandream, habet, ad hoc Pallenum, fertilem ac frugiferam terram; maritimas quoque opportunitates ei praebent portus ad Toronem ac montem Atho, — Aeneae vocant hunc — alii ad insulam Euboeam, alii ad Hellespontum opportune versi.

Во второй части Македоніи находятся знатные города, Солунь и Кассандра, плодоносныя и богатыя земли Паллинскія, и пристани удобныя для морской торговли, однѣ у Торона и горы Аеонской — сію пристань называютъ Энеэ, — другія у острова Евбеи и Еллиспонта.

Энейская пристань, гдѣ я полагаю, находилась у Аеонскаго острова, который лежитъ напротивъ тамошняго перешейка въ самомъ верховѣ Сингитскаго залива. Этотъ островъ, нынѣ принадлежащій Ватонедскому монастырю, попросту называется Мульями, а въ старинныхъ дѣписаніяхъ Аеонскихъ именуется Эмилиани. Если мы раздѣлимъ это названіе на двѣ половины, то получимъ, *Эмили* и *Ани*, и во второмъ словѣ узнаемъ пристань Энеэ, а въ первомъ — нѣкоего римлянина Эмилиа, который или владѣлъ этою пристанію, или обстроилъ ее, или получалъ отъ нея таможенные доходы *). Справедливо Титъ Ливій похвалилъ эту пристань, слыхавъ о ней отъ купцовъ, или отъ начальниковъ военныхъ судовъ римскихъ. Въ самомъ дѣлѣ она хороша, глубока, обширна, спокойна и снабжена ключевою водою, а что всего важнѣе, находилась подлѣ городовъ Аканеоса и Аполлоніи, въ которыхъ сосредоточивалась торговля окрестныхъ селеній, и

*) Думаю, что этотъ Эмилиа былъ тотъ самый, который побѣдилъ Македон. царя Персея, и библиотеку его увезъ въ Римъ.

противъ Керрсова канала, перерѣзывавшаго перешеекъ Аэона. Считавалъ эту пристань въ 1858 году, и нашелъ тутъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ высѣченнымъ на немъ ликомъ Перы-Ураніи, нисходящей на головѣ знакъ оси міра (πόλον *).

Кромѣ Энейской торговой пристани, по указанію географа Страбона, свѣдѣваемаго въ 29 году до Р. Хр., существовали города: Аэносъ на берегу Сингитскаго залива близъ Керрсова канала, она самоеъ Аэонѣ: Діонѣ, Клеонѣ, Фиссосоѣ, Олофиксоѣ и Проаэосоѣ. Сей послѣдній расположенъ былъ у титикообразной вершиннѣ этой горы. Жители его видѣли восходъ солнца ранѣе время чѣмъ обыкновенно съ жителями береговъ Аэонскаго моря. Strab. Excerpta ex Lib. VII. Η Παλλήνη χερρόνησος... ἔχει πόλεις Ἰ. Αφουσσιν, Μένδριν, Ζακωνήν, Σάνην. Ἐκκευθας πόλις ἐν τῷ Σογγυτικῷ κόλπῳ ἐστὶν παράλιος πλησίον τῆς τοῦ Ξερξου διώρυγος. ἔχει δ' ὁ Ἄθων πάντες πόλεις, Διον, Κλεωνάς, Φύσσων, Ολόφυζον, Ἀκροφώου. ἄσθη δὲ πρὸς τῇ κορυφῇ τοῦ Ἄθωνος κείται. Ἔστιν δὲ ὁ Ἄθων ὄρος μακροσιδῆς, ὀξύτατον, ὀφειλόμενον. οὐ οἱ τὴν κορυφὴν διοκύντες ἔρωσι τὸν ἥλιον ἀνατέλλοντα, πρὸ ὁρῶν τριῶν τῆς ἐν τῇ παραλία ἀνατολῆς.

Вѣрно все то, что Страбонъ сказалъ объ Аэонѣ. А если онъ тамешній городъ Санисъ причислялъ къ околотку Паллиніи-скому, то причислялъ его не топографически, а политически.

§ 27. *О состояніи Аэона во второе двадцатипятилѣтіе того же вѣка, при Римскихъ царяхъ: Тиверіи, Калигулѣ и Клавдіи.*

Не много ранѣе 43 года по рождествѣ Христовѣ на Аэонѣ погибъ городъ Проаэосоѣ, вѣроятно, отъ землетрясенія, котораго признаки и теперь ясно видны у Керрскаго скита, гдѣ стоялъ

*) Этотъ древле-оливскій памятникъ теперь (1863 г.) находится въ иконописномъ отдѣленіи Император. академіи художествъ въ С.-Петербургѣ. Туда доставилъ его извѣстный Севастьяновъ, который при мнѣ купилъ его на островѣ Мульяни у Ватопедск. монаха за ничтожную цѣну.

этотъ городъ, и на пути оттуда въ сѣмъ Навсодайву. А что онъ погибъ въ это время, а не въ другое, это доказыаается сличенными сказаніями о нёмъ географовъ Страбона и Помпонія Мелы, изъ которыхъ второй пережилъ перыато. Страбонъ сказалъ, что онъ существуетъ *est*, а Мела выразился такъ: «у вершины Аэона *былъ* городъ Акроаэонъ, въ которомъ, какъ *гласитъ* молва, люди жили вѣдоо долѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ». Выраженіе *гласитъ молва*, и глаголы *былъ*, *жили* употребленные Помпоніемъ въ прошедшемъ времени, даютъ разумѣть, что въ послѣдніе годы жизни сего географа Акроаэосъ уже не существовалъ. Однако жители его, какъ сейчасъ узнаемъ, спаслись и перешли въ другія мѣста.

Помпоніево описаніе Аэона весьма кратко и вѣрно, кромѣ одной ошибки. У него городъ Клеонъ помѣщенъ не на своемъ мѣстѣ. Извѣстно, что Иродотъ, Фукидидъ и Страбонъ ставили его на самой горѣ этой; а Помпоній помѣстилъ его между Аэоной и Палленіемъ.

Во дни сего географа, какъ видно изъ показаній его, на Аэонскомъ перешейкѣ существовала городъ Аканеосъ, ограбленный римскими солдатами въ 199 году до Р. Хр., а по Ксерксову каналу проходили суда; на низменныхъ мѣстахъ Аэона расположены были малыя селища, *paucis colonis*. Пеласговъ; что касается до самой вершины сей горы, то на ней стояли жертвенники, у которыхъ пепель остававшійся послѣ всесожженій животныхъ, никогда не смывался дождемъ, потому что тѣни Аэона выше облаковъ.

Inter Strymona et Athon turris Calaruda et portus Carpallon, urbs Acanthos et Oesyra. Inter Athon et Pallenem Cleonæ et Olynthos.

Athos mons est adeo elatus, ut credatur altius, quam unde imbres cadunt, surgere. Capit opinio fidem, quia de aris, quas in vertice sustinet, non abluitur cinis, sed quo relinquitur, aggere manet. Caeterum non promontorio, ut alii, verum totus est, totoque longo dorso procedit in pelagus, quo continenti adhæret, a Xerxe in Graios

tendente perfossus transnavigatosque et factus freto navigabilis pervius. Ima eius tident parva Pelasgorum colonia. In summito fuit oppidum Acreathen, in quo, ut ferunt, studio longior, quam in aliis terris aetas habitantium erat. (Pompon. Mela. L. II).

§ 28. *О состоянии Аеона въ третьемъ двадцатипятилѣтнѣ того же вѣка при римскихъ царяхъ: Неронъ, Отонъ, Вителлиу, Веспасианъ.*

Долговѣчные жители погибшаго города Акроаеоса, одни, перешли въ Аеонскую Аполлонію, а другіе построили новый городокъ Аеосъ въ своемъ же околоткѣ, только на другомъ мѣстѣ, при Стримонтскомъ заливѣ. Вотъ тому доказательства. Плиніи Старшій, котораго кончину относятъ къ 79 году перваго вѣка христіанскаго, въ своемъ кратчайшемъ описаніи Аеона сказалъ: «на высшій этой горы былъ городъ Акроаеонъ; теперь существуютъ городки: Уранополь, Палеоріумъ, Фиссоссъ, Клеона, Аполлонія, *которые жители прозываются долговѣчными*, городокъ Кассера, жерла перешейка, и Аканеосъ». Изъ этихъ словъ ясно видно, что во дни онаго писателя на Аеонѣ уже не было города Акроаеоса. Точно тоже сказалъ и Помпоній Мела, котораго въ живыхъ засталъ Плиніи Старшій. А такъ какъ, по словамъ Помпонія, Акроаеонцы, жившіе весьма высоко надъ уровнемъ моря и дышавшіе самымъ чистымъ горнымъ воздухомъ, были долговѣчны: по свидѣтельству же Плиніи долговѣчными слывли и жители Аеонориморской Аполлоніи: то и оказывается, что эти послѣдніе были тѣже Акроаеонцы, только переселившіеся сюда послѣ гибели своей отчизны, и еще слывшіе долговѣчными по воспоминанію обѣихъ долгожизненныхъ предкавъ. Но въ Аполлонію перешли не все жители злополучнаго Акроаеоса, а только одна часть ихъ меньшая: большая же построила себѣ новый городъ въ своемъ же околоткѣ, и назвала его Аеосъ, или Аеоса. Этотъ городокъ помѣщалъ на Аеонѣ географъ Птоломей, жившій во второмъ вѣкѣ христіанскомъ, и помѣщалъ на краю сей горы. Ἀδωσ, ἢ Ἀδωσα,

ἄκρον καὶ πόλις. Но не при немъ же онъ возникъ! Его разумѣлъ и Страбонъ Виаднтіеісій, писатель пятаго вѣка христіанскаго, когда говорилъ: «сестрѣ же и Аеосѣ городѣ на Аеонѣ, ἔστι δὲ καὶ Ἄθως πόλις ἐπὶ τῷ Ἄθῳ *)». Итакъ по сличеніи всѣхъ этихъ топографическихъ замѣтокъ оказывается, что Акроаеосъ погибъ, а возникъ другой городокъ Аеосъ, о которомъ нѣтъ ни слова у Страбона, знавшаго однако мысъ Акроаеосскій, и возникъ не много ранѣе вѣка Птолемея, именно, въ послѣдніе дни Помпонія Мелы и Плинія Старшаго, которые впрочемъ не успѣли наслышаться о постройкѣ его, хотя и знали, что Акроаеосъ исчезъ.

Гдѣ же находился новый городокъ Аеосъ? По указанію Птолемея онъ находился на краю Аеона. А такъ какъ древніе греческіе географы подъ словомъ, *край*—*ἄκρον*, разумѣли острый мысъ, вдающійся въ море, и такъ какъ Страбонъ, перечислившій мысы Эгейской пучины, именно, Канастрійскій и Деррійскій у Кассандрскаго полуострова, потомъ Нимеійскій и Акроаеосскій у Аеона, разумѣлъ самыя крайнія оконечности этихъ двухъ полуострововъ; то и надобно Аеосъ ставитъ на самомъ конечномъ краю Аеона, да и тутъ на той сторонѣ, которая обращена къ заливу Стримонскому, потому что Страбонъ именно эту сторону Аеона, этотъ мысъ, или край его, назвалъ Акроаеосскимъ, не ставя однако тутъ никакого города, мысъ же противоположный ему и вдающійся въ заливъ Сингитскій, именовавъ Нимеійскимъ.***) На вершинѣ сего втораго мыса, во дни этого географа, стоялъ городъ Акроаеосъ, но владѣлъ и первымъ мысомъ, который поэтому и назывался именемъ сего владѣльца. Акроаеосъ

*) Περὶ πόλεων. Amsterdam σμικλχλχνц.

**) Εἶτα τὸ ἐν Παλλήνῃ Κανάστρον (ἄκρον). εἶτα Δέρρις. εἶτα Νόμφακον ἐν τῷ Ἄθῳι πρὸς τῷ Συγγητικῷ τὸ δὲ πρὸς τῷ Σερμονικῷ Ἀκρόαθως ἄκρον. ὦν μεταξὺ ὁ Ἄθων. Excerpta ex lib. VII. vob fine.

погибъ послѣ Страбона. А названіе Акроаеосскаго мыса уцѣлѣло. Его зналъ Птоломей. На этомъ мысѣ вскорѣ устроился новый городокъ Аеосъ, извѣстный Птоломю. О существованіи его тутъ близъ Лавры св. Аанасія, свидѣлствуютъ большіе уцѣлѣвшіе камни. Я не видалъ ихъ, но слышалъ отъ Лаврскихъ монаховъ, что они лежатъ въ пустырѣ не много выше обители ихъ, тамъ, гдѣ устроенъ водопроводъ. Прошу путешественниковъ осмотрѣть эти остатки городка Аеоса, на мѣстѣ котораго еще въ 958 году стоялъ монастырекъ *Аѳѳ, принадлежавшій грузинскимъ монахамъ. (Смотри въ Аеоно-Иверскомъ монастырѣ хрисовулъ царя Василія Порфиророднаго 6466=958 года).

Плиніи Старшій, описывая Аеонъ, упомянулъ объ извѣстныхъ намъ городкахъ его: Уранополѣ, Фиссѣ, Клеонахъ и Анолоніи, но ни слова не сказалъ о Санисѣ, Діонѣ, Стратоніи и Олофиксѣ, которые существовали при немъ и послѣ него, а наименовалъ другія селѣща, Палеоріумъ и Кассеру. Не берусь объяснять, почему онъ умолчалъ объ оныхъ городахъ, потому ли, что они во время его были незначительны, или потому что онъ не нашелъ ихъ въ Персилѣ, т. е. въ описаніи береговъ Аеона, составленномъ какимъ нибудь римскимъ мореходомъ, или потому что опустилъ ихъ по краткости своей топографіи, или пропустилъ ихъ переписчикъ ея по невѣрности взгляда своего: не берусь объяснять этого, и спѣшу указать мѣстности Палеоріума и Кассеры. Палеоріумъ Плиніи долженъ быть тотъ Палеохорій, котораго развалины я видѣлъ на берегу моря между монастырями Ессигненскимъ и Ватопедскимъ, близъ пристани св. Феодора, и отиѣтилъ на своей картѣ Аеона. Посему въ книгѣ Плиніа надобно читать Palaeeochoium или думать, что его Палеоріумъ простые люди въ послѣдствіи начали называть Палеохори. Что касается до Кассеры; то о ней напоминаетъ монастырекъ Баццари, стоявшій на Аеонскомъ перешейкѣ недалеко отъ нынѣшняго се-

женія Юриссео, и принадлежавшій Зограосной обители *). Думаю, что это мѣстечко находилось у средины Ксерксова канала, тамъ, гдѣ на планѣ Аѳонскаго перешейка, составленномъ Шуазелемъ Гудье, показаны развалины еѣ подписью: *Tour antique ruiné*.

Во время Плинія существовалъ каналъ Ксеркса. Этотъ писатель означилъ измѣренія какъ его, такъ и всей горы Аѳонской. По словамъ его, длина сего канала измѣрялась 1500 шагами, а самая гора эта вокругъ 150.000 шагами. Измѣреніе вѣрное! А вѣрность его доказываетъ, что Римляне, владѣя Аѳономъ, точно вымѣряли берега его, и что Плиній, описывая перешеекъ сей горы, пользовался военнымъ, или почтовымъ перипломъ ихъ.

Fretum, quo montem Athon Xerxes rex Persarum continenti abscidit, in longitudine passuum MD. Mons ipse a planitie excurrit in mare LXXV millia passuum. Ambitus radicis 150 millia colligit. Oppidum in caesumine fuit Acreathon: nunc sunt Uranopolis, Palaecorium, Thyssus, Cleonae, Apollonia, cuius incolae macrobii cognominantur. Oppidum Cassera, faucesque alterae isthmi, Acanthus, et caet. H. N. L. IV, c. 10.

Итакъ Аѳонъ, въ первый вѣкъ христіанскій, принадлежалъ къ второй части Македоніи. Имъ владѣли Римляне, точно измѣрившіе берега его. На перешейкѣ его находились мѣстечки: Самисъ, Акнеосъ, Аполлонія, Кассера, Уранополь, и подлѣ нихъ каналъ Ксеркса и общая всѣмъ имъ торговая пристань Энез у острова Биміани; а на самой горѣ этой стояли городки: Палеохори, Діонъ, Оисеосъ, Клеонъ, Акроаеосъ погибшій, Аѳосъ возникшій, Олоэксисеосъ и Стратонки у Птоломея. Всѣ они были малы. *Parvae Pelasgum coloniae, apud Romprium*. Въ нихъ кромѣ туземцовъ, Висалтовъ, Кристоновъ и Идоновъ, жили Пеласги и Вланти.

*) Смотри Дѣписанія ея.

29. *О состояніи Аэона во второмъ вѣкѣ христіанскомъ, при Римскихъ царяхъ: Траянѣ, Адрианѣ, Антонинѣ, Маркѣ Авреліи и Коммодѣ. (98—192 года).*

Во второмъ вѣкѣ нислале не измѣнилось ни религіозное, ни гражданское состояніе Аэона: только городъ Стратоники возобновленъ былъ императоромъ Адрианомъ (117—138 г.) и названъ Адриануполемъ *). Изъ извѣстныхъ писателей сего вѣка упоминали объ Аэонѣ: Ювеналь, Плутархъ, Маркъ Аврелій, Максимъ Тирскій, Лукіанъ и Птоломей.

Ювеналь (до 119 года) въ десятой сатирѣ своей называлъ эту гору *окарусенною*, подразумѣвая плаваніе парусныхъ судовъ вокругъ ея чрезъ прорытый на ней каналъ Бсеркса.

Creditur olim

Uelificatus Atho, et quicquid Graecia mendax

Audet in historia.

Плутархъ (около 125 года), какъ мы уже знаемъ, помѣстилъ въ житіи полководца Лисандра воспоминаніе о томъ, что Аэонскіе Аэанеоне, во время Пелопонесской войны, въ Делойскомъ храмѣ Аполлона посвятили сему богу часть добычи своей, взятой у Аэинянъ. (§ 14).

Римскій императоръ Маркъ Аврелій Антонинъ, скончавшійся въ 180 году 17 марта, зналъ Аэонъ, и сказалъ о немъ красное слово:

*) Stephan. Byzant. sub voce Στρατονίχεια. Т. 1. р. 389. Στρατονίχεια πόλις Μακεδονίας, πλησίον Καρίας. κέκληται δὲ ἀπὸ Στρατονίχης τῆς Ἀναβόχου γυναίκος. ἐκτίσθη δὲ ὑπὸ Ἀδριανοῦ καὶ Ἀδριανούπολις ὠνομάσθη. Думаю, что этотъ городъ, существовавшій гораздо ранѣе Адриана, былъ поврежденъ или разрушенъ землетрясеніемъ, когда погибъ Акроаеосъ, и потомъ возобновленъ Адрианомъ, и потому названъ Адриануполемъ.

«Азія и Европа—углы міра; все море—капля міра; Аѳонъ—
крупинка міра; все настоящее время—мгновение вѣчности».

Ἡ Ἀσία, ἡ Ἑυρώπη, γωνίαι τοῦ κόσμου. πᾶν πέρατος σαγῶν
τοῦ κόσμου. Ἄθως βωλάριον τοῦ κόσμου. πᾶν τὸ ἐνεστῶς τοῦ χρόνου,
στιγμὴ τοῦ αἰῶνος. Lib. VI, с. 36.

Максимъ Тирскій, жившій въ Римѣ въ царствованіе Коммода
(180—192 г.), рассуждая о ласкательствѣ царедворцовъ, вспо-
миналъ, что слѣдствіемъ его было, при Персидскомъ царѣ Бсерксѣ,
возстаніе Азій, бичеваніе моря, переходъ войскъ черезъ Эллис-
понтъ по мосту, и переконъ Аѳона.

Ἐν δὲ ἐπὶ τὰς μοναρχίας Ἑλλάδος, κολαχέυει καὶ Ξέρξην Μαρδόν-
ιος, βάρβαρος βάρβαρον, ἀνόητος ἀνόητον, δειλὸς οἰκέτης δεσπό-
την τρυφῶντα. Τὰ δὲ κολαχείας τέλη ἀνίσταται ἡ Ἀσία, μαστι-
γοῦται ἡ θάλαττα, Ἑλλήσποντος ζεύγνυται, Ἄθως ὀρύττεται.
Dissertat. 20.

Луцианъ (120—200 г.), говоря о долговѣчности людей,
поставилъ въ примѣръ и Аѳонцовъ, которые доживали до 130
лѣтъ.

Lucian. in Μακροβ..., καὶ Ἄθως δὲ μέχρι τριάκοντα καὶ
ἑκατὸν ἐτῶν βιοῦν ἰστέρηται.

Роспись мѣстностей и городовъ Македоніи, составленная
географомъ Птоломеемъ, доказываетъ, что Аѳонъ, во дни его, при-
надлежалъ къ этой области, и что на немъ были города. Аѳосъ
на сомненномъ мысѣ, Стратоникіи на южной сторонѣ сей горы у
средины ея, и Аканѳосъ въ Сянгатскомъ заливѣ.

Жителька города Аѳоса, Сервилія, приготовила бѣломрамор-
ную гробницу мужу, или родственнику своему, Исисаату и тѣмъ,
которые почли прежде его, памяти ради, и изсѣченною на ней
надписью, по обычаю своего времени, объявила, что кто осмѣ-
лится положить тутъ чужаго, тотъ дастъ городу пеню въ 2000
фолловъ (мелкихъ монетъ).

Σερβιλία Ἰσισάτη καὶ τοῖς προαποκειμένοις μνείας χάριν.

Ὁσάν θε μενά τὸ ἀποτεθῆναι, ἕτερον τις τομῆσιν ἀποδέσθαι,
ὄβσα πρὸς τῆ πόλει * β.φ.

Эта гробница, въ видѣ длиннаго и глубоковатаго ящика безъ всякихъ украшеній снаружи и внутри, теперь стоитъ въ одной складочной клѣтѣ Лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго, построенной близъ того мѣста, гдѣ находился городокъ Аѳеосъ. Въ этой клѣтѣ я видѣлъ ее и отподобилъ надпись ее. Хотя въ этой надписи нѣтъ названія онаго городка; но надобно подразумѣвать его, потому что тутъ никогда не было никакого другаго селища, кромѣ Аѳеоса, указаннаго Птоломеемъ. При Аѳанасіи Аѳонскомъ (962—980 г.) урочище подъ самою Лаврою называлось Меланѣ а на мѣстѣ сосѣдняго Аѳеоса стоялъ соименный монастырекъ, обитаемый Грузинами. Эти пришельцы нашли тутъ развалины иноческой обители, перестроили ее по своему, и назвали прежнимъ именемъ, "Аѳе", отыскавъ это имя въ псалмовыхъ книгахъ Солуня, или зная оное по слышанію, какъ самъ Аѳанасій, другъ ихъ, по слышанію же зналъ названіе, Меланѣ. Изъ ихъ Аѳеосской обители гробница Сервиліи перенесена была въ Лавру въ послѣдствіи, либо тогда, когда Грузины перешли оттуда въ нынѣшній Аѳеосе-Иверскій монастырь (980 г.), либо позже. Какъ бы то ни было, но этотъ памятникъ есть непревѣраемый свидѣтель существованія Аѳеоса города. А что онъ изготовленъ былъ во время латиноримскаго владычества на Аѳонѣ во вторыхъ вѣкахъ: это доказывается, во первыхъ, латинскимъ именемъ госпожи Сервиліи, *Servilia*, во вторыхъ очертаніемъ и видомъ изсѣченныхъ на немъ буквъ Δ Σ Γ , которые встрѣчаются на подобныхъ памятникахъ времени римскихъ царей, Адриана и Антониновъ *), и въ третьихъ тѣмъ, что самый-то, городокъ Аѳеосъ возникъ и обстроился не раже конца перваго и начала втораго вѣка.

*) Γ *utrum quadrum hac figura ante rem Romanam in marmoribus observetur, dubium est. In numismatibus Iulii Caesaris Σ ita scriptum*

§ 39. *О востоянїи Аедна съ третьемъ вѣкѣ христіанскомъ, при Римскихъ царяхъ: Северъ, Каракалла, Млітабаль, Александръ Северъ, Максимидъ, Гордіанъ, Филлиппъ, Децій, Клавдіи, Аурелианъ, Тацитъ, Пробъ, Діоклитіанъ (200—305 г.).*

Писатели третьяго вѣка, Эліанъ, (218—230 г.) и Юлій Солинъ Полигисторъ (230 г.), вспоминали: какъ на Аеонѣ являлись бѣлые голуби предъ крушеніемъ флота Персидскаго царя Дарія; какъ Платонъ философъ не хотѣлъ переселиться на оконечные мысы этой горы, хотя врачи и увѣряли его, что онъ проживетъ тамъ дольше; какъ Аеонъ покрываетъ своею тѣнію торжище города Мирины на островѣ Ливнось. А историкъ Зосимъ разсказалъ то, что случилось на этой горѣ въ царствованіе императора Клавдія (268 г.).

Тогда Сиконъ, соединившись съ Ерулами, Невками и Готсами, и собравшись въ окрестностяхъ рѣки Тираса (Днѣпра), впадающей въ Черное море, построили 6000 судовъ, и посадили на нихъ 320,000 воиновъ. Сперва они осадили города, Тони и Марлімполь, но бывъ отбиты, отправились чрезъ Дарданельскій проливъ къ Книну, а оттуда къ Аеону, гдѣ и ночевали суда свои; потомъ осаждали города Кассандру и Солунь, и взяли бы ихъ съ помощію разныхъ машинъ своихъ, еслибы вѣрный слухъ о приближеніи арміи императора Клавдія не понудилъ ихъ удалиться сперва въ Македонію, потомъ во Франію. А тутъ они частію были разбиты, частію расѣялись, частію погибли отъ коровой явы, изъ остальныхъ же одни поселились въ деревняхъ и стали обра-

cernitur... in nummis et inscriptionibus Augusti aeco effictis binae aliae novatae deprehenduntur, videlicet Γ quadrum, ac frequentius С latinum... Ut ut vero sit, in vetustis, et ante rem Romanam certe insculptis Tabula, neque Γ, neque С hactenus observavimus.—Palaeogr. Graeca Monfocod. pag. 142. sqq.

большая земля, а другие поступили на службу въ римскіе полки ¹¹⁹⁾.

¹¹⁹⁾ Zosim. Lib. I, c. 42. 46.

Около этого же времени житель Афонскаго города Діона, стоявшаго на мѣстности Ватопедскаго монастыря, Діонисій сынъ Діонисія живо изготовилъ мраморную гробницу себѣ и женѣ своей Зосимѣ Іатроклеевой и матери своей, и извѣщенномъ на ней надписью объявилъ, что кто дерзнетъ положить тутъ чужой прахъ, тотъ внесетъ въ главную таможену 2000 золловъ.

Διονύσιος Διονυσίου ζῶν ἑαυτῷ καὶ τῇ συνβίῳ αὐτοῦ Ζωσίμῃ Ἰατροκλέους καὶ τῇ μητρὶ αὐτοῦ... ἐκ κατασκευασάν. ὅσων δὲ ἕτερον τολμήσῃ πτόμα ἀπείθεσθαι, δώσει εἰς τὸ κυριακὸν ταμίον * β. φ.

Эта гробница, въ видѣ длиннаго ящика; теперь стоитъ въ келарѣ, δοχεῖον, Ватопедскаго монастыря, гдѣ я и видѣлъ и отподобилъ ее. Въ ней держатъ деревянное масло. Въ извѣщенной на ней надписи замѣчательна постановка буквъ, ζ [ξ. Монахонъ въ своей Палеографіи не представлялъ ни одного образчика такихъ буквъ изъ каменорѣзной письменности времени царей Македонскихъ и императоровъ Римскихъ. Однако онѣ, какъ видно, употреблялись въ это время въ Македоніи и на Афонѣ. Рѣдкая особенность ихъ еще не даетъ повода усвоить глубочайшую древность надгробному памятнику, о которомъ идетъ рѣчь; напротивъ заставляетъ предполагать въ гражданинѣ Діонисіи только одну отъзнанную любовь къ старинѣ, писавшей когда-то одну строку отъ правой руки къ лѣвой, а другую наоборотъ, по крайней мѣрѣ на общественныхъ памятникахъ, каковое письмо въ строкахъ называлось βεστροφιδόν по сходству его съ бороздами на нивѣ, кои производятъ волъ, пашущій взадъ и впередъ. Діонисій, велѣвшій изсѣчь на гробницѣ двѣ оныя *ευστροφιδον* нныя буквы, жилъ въ 268—80 годахъ по рождествѣ Христовѣ. Это доказываетъ другая семейная гробница, въ томъ же Ватопедѣ и въ той же келарѣ, съ надписью, въ которой читаются имена

дочери сего гражданина Діонисіи Діонисіевны и мужа ея Германа, и поставленъ 351 годъ отъ актійской побѣды Октавія Августа, соотвѣтствующій 321 году отъ Р. X. Да если бы не было этого осязательнаго доказательства; то всѣ остальные буквы на Діонисіевомъ памятникѣ, изсѣченныя весьма отчетливо и правильно, смазали бы про себя, что онѣ современны каменорѣзнымъ буквамъ, употреблявшимся даже въ третьемъ вѣкѣ *). Этотъ памятникъ, какъ и гробница Сервиліи, не представляетъ ни малѣйшаго признака, по которому можно было бы гадать, что его изготовилъ христіанинъ. На немъ нѣтъ ни креста, ни другаго какаго либо условнаго знака христіанскаго. Притомъ въ немъ находилась прахъ трехъ *сожженныхъ* тѣлъ, мужа, жены и матери: христіане же никогда не сожигали усопшихъ, а хоронили ихъ въ землѣ по подражанію погребенія Христова. Всѣ наружныя стороны гробницы, кромѣ лицевой исписанной, гладки и не имѣютъ никакихъ украшеній. Что касается до словъ, *κληρονομία ταμείου*; то нельзя переводить ихъ, *церковная таможня*, какъ нельзя подразумевать *Господню церковь* въ выраженіи до-христіанскихъ писателей, *κληρονομία*, которое значитъ: торжественное общее собраніе для рѣшенія дѣлъ. Извѣстно, что христіанская церковь никогда не имѣла своихъ таможенъ. Діонисій разумѣлъ таможню главную, общую на Афонѣ. Свидѣтельство его о ней весьма важно для статистики Афона языческаго.

§ 31. *О состояніи Афона въ началѣ четвертаго вѣка.*
(305—325 г.).

О событіяхъ на этой горѣ въ первое двадцатипятилѣтіе четвертаго вѣка христіанскаго нѣтъ никакихъ извѣстій ни у современныхъ ни у позднихъ писателей. Только въ Лексиконѣ Исидора, который жилъ въ этомъ вѣкѣ и едва ли былъ христіанинъ,

*) Смотри у Моцеона въ *Palaeogr. Graec. pag. 188. Tabul. III.*

замѣчено, что на Аеонѣ водружена статуя Зевеса, который по-
тому называется Аеонскимъ.

« Αθῶος, ὁ ἐπὶ τοῦ Ἐθῶ τοῦ ἄρουρ ἰδρυμένος ἀνδρῆς, ὁ Ζεὺς ».

Такая замѣтка, оставленная безъ всякой оговорки, замѣтно
настоящемъ, а не о быломъ, заставляетъ меня утверждать,
то въ первой половинѣ четвертаго вѣка жители Аеона еще по-
лащались идоламъ.

Это же самое подтверждаетъ и надпись на похоронномъ па-
мятникѣ діонскаго гражданина Германа, въ которой, въ величай-
шей радостѣ моей, помѣченъ годъ и мѣсяцъ. Передаю эту надпись
въ подлинникѣ и въ переводѣ, и обставляю ее своими примѣ-
чаніями.

Герμανὸς Ἡρακλᾶ Διονυσία Διονυσίου τῆ συνβίῳ καὶ ἐαυτῷ ζῶν.
ἔι δὲ τίς τολμήσει ἕτερος ἀνοῖξει ἢ καταθέσθαι ἕτερον, δώσει
προστέρμου τῷ ταμείῳ * β καὶ τῇ πόλει * β.

Ετους ἀντ' μινὸς Πανημιούβ

«Германъ Иракла Діонисіѣ Діонисеевнѣ сожительницѣ своей
и себѣ живо (сдѣлавъ эту гробницу). Когда же кто другой
дерзнетъ отырыть, или положить чужаго; тотъ дастъ пеню та-
можнѣ въ 2000 фолловъ и городу въ 2000.»

Года 351, мѣсяца Панимува.

Бѣломраморная гробница Германа, въ видѣ длиннаго сун-
дуга, съ изсѣченными на лицевой сторонѣ ея прямолинейными
рамками, теперь находится въ келаріѣ Ватопедскаго монастыря,
и наполнена деревяннымъ масломъ. На ней нѣтъ ни креста, ни
иконы, и вообще никакого знака христіанскаго. Владѣлецъ ея
содержалъ эллинскую вѣру многобожную, и по уставу ея изгото-
вилъ гробницу для праха своего и жены своей, какой останется
по обрядовомъ всесоженіи тѣлъ ихъ. Не будь такого всесоже-

ня, тогда гробница его не могла бы выдержать двухъ тѣлъ, если бы оны и жена его умерли вскорѣ другъ послѣ друга. (Тѣмъ же не могли бы помѣститься нѣсколько тѣлъ гробницы Сервидія и Діонисія, назначенныя для трехъ лицъ и болѣе: а для тѣлеснаго праха мѣста въ нихъ много въ $17/16$ вершковой глубинѣ при $42/14$ вершковой длинѣ и 22 вершковой ширинѣ гробницы). Германъ Ирада, какъ видится, былъ зять известнаго намъ Діонисія. Жена его, въ надписи, по отцу названа Діонисеевна. Гробницы этихъ двухъ Діонисіихъ гражданъ стояли вмѣстѣ, найдены и перевезены въ Ватопадъ вмѣстѣ, и теперь стоятъ вмѣстѣ. Діонисій на своемъ похоронномъ памятникѣ употребилъ вустрофидонныя буквы, а Германъ на своемъ гробѣ вустрофидоннымъ образомъ начерталъ годъ *αυτ*, такъ что надобно читать его отъ правой руки къ лѣвой. Судя по этимъ признакамъ, я полагаю, что Ватопадъ теперь хранитъ двѣ семейныя гробницы, изготовленныя въ концѣ вѣка третьяго и въ началѣ четвертаго. Германъ поставилъ 351 годъ отъ Актійскаго побѣды Октавія Августа. Никакаго другаго лѣтоисчисленія, кромѣ этого, разумѣть тутъ нельзя, — ни христіанскаго, потому что Германъ сожженный а не погребенный по примѣру Христа, былъ не христіанинъ, ни городскаго потому что, неизвестно, имѣлъ ли свою эру Аеоцскій городокъ Діонъ; а счетъ годовъ отъ актійскаго побѣды Октавія употреблялся въ Римской имперіи: что известно всякому, знающему исторію и хронологію. Германова гробница доказываетъ тоже самое. Стало быть, и на Аеоцѣ получено было предписаніе Римскаго Сената вести счетъ годовъ отъ сказанной побѣды Августа. Эта побѣда одержана была надъ Антоніемъ за 30 лѣтъ до рождества Христова. Вычтемъ ихъ изъ 351, и мы получимъ 321 годъ христіанскій. Въ этомъ году Германъ изготовилъ гробницу себѣ и женѣ своей. А такъ какъ онъ и она и вся родня ихъ, сожженные по смерти, содержали въ себѣ многообожную; значить, тогда въ родѣ Діонѣ не было христі-

анства, или не всё граждане приняли эту новую вѣру. Кромѣ 3⁵¹/₂₁₁ года на гробницѣ Германа выставленъ мѣсяцъ Паномувъ. Названіе его—Македонское. Онъ соответствуетъ маю мѣсяцу римскому и нашему.

Кромѣ гробницъ Сервиліи, Діонисія и Германа на Аеонѣ я не видалъ другихъ подобныхъ памятниковъ мѣсяцныхъ *) А эти гробницы сберегло всеразрушающее время, между прочимъ, и для того, чтобы мы твердо знали, что на Аеонѣ были язычниками въ 321 году отъ Р. Х. въ царствованіе Константина Великаго. Идола Зевеса упала съ теменн этой горы, и свѣтъ Христовъ озарилъ ея всю, не много позже. Но объ этомъ будетъ говорено послѣ. А теперь время собрать свидѣтельства древнихъ еллинскихъ и латинскихъ писателей о внутреннемъ бытѣ жителей Аеона языческаго.

*) Мраморная гробница какого-то Гимнасіарха, стоящая въ келаріи Есепигменова монастыря, привезена туда изъ окрестностей Аеона, либо съ острова Фаса, либо изъ Кассандры, или изъ другаго мѣста.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

БЫТЬ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ АѦОНА.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О ЖИТЕЛЯХЪ СЕЙ ГОРЫ И ИХЪ НАРЪЧІЯХЪ И ПАМЯТНИКАХЪ.

§ 32. *О нарѣчіяхъ, какими говорили древніе жители АѦона.*

Мы уже знаемъ, что первобытные жители АѦона были Висалты, Крестоны, Идоны и Диктидіи. Такъ какъ они въ незапамятное время сошли туда съ сосѣднихъ горъ халкидическаго материка и изъ-за рѣки Стримона, гдѣ, по свидѣтельству Иродота и Фукидида, жили тезоименитыя имъ племена; то и надобно считать ихъ Фракіянами, потому что за Стримономъ начиналась Фракія. А если они принадлежали къ многочислѣннѣйшему народу Фракіяскому, что вѣрно; то говорили языкомъ его, наприимѣръ: *ερία*—городъ, *ἀρμιλοςъ*—мышь, *πυρ*—огонь, *γδωρ*—вода.

Βρίαν τήν πόλιν φασὶ Φραῆκες. ὡς οὖν Σηλυμβρία ἡ τοῦ Σήλυος πόλις. Nicol. Damascen Hist. L. V.

Βρία κατὰ Φραῆκας ἡ πόλις. Stephan. Byzant. de urbibus. T. I. p. 375.

*Ἀργίλον, τὸν μῦν καλοῦσι Φραῆκες. οὗ ὀφθέντος, πόλιν κατὰ χρησμὸν ἔκτισαν, καὶ Ἀργίλον ὠνόμασαν.—Heracl. Polit. c. 41.

Въ этия туземцамъ въ послѣдствіи присоединились Халкидикійцы, а больше Пеласги—Тиррены, бѣжавшіе изъ АѦинъ. Тѣ и другіе пришельцы долго говорили двумя языками, своимъ роднымъ и усвоеннымъ еллинѡфракіяскимъ. Посему-то Фукидидъ называлъ ихъ двуязычными, *διγλωσσοι* L. IV, c. 109, а прежде его

Продотъ оповѣстляъ, что всѣ вообще Пеласги между собой говорили по своему, а съ греками по еллински ¹³⁰⁾.

¹³⁰⁾ Herodot. L. I, c. 57.

Родной языкъ Пеласговъ—Тирреновъ былъ близокъ къ языку еврейскому и финикійскому. Доказательствомъ тому служатъ найденные въ Италіи памятники Етрусковъ, Тирреновъ и Расеновъ съ Пеласгическими надписями, кои прочтены и объяснены при помощи еврейскаго языка *).

Такъ говорили и Аеонскіе Пеласги—Тиррены. Неизвѣстно, долго ли они употребляли этотъ матерній языкъ свой послѣ Фукидида (420 г.), который называлъ ихъ еще двуязычными. Последующіе за нимъ писатели ничего не сказали о семъ предметѣ. Я думаю, что если Аттичскіе Пеласги, современные Продоту, забыли свой родной языкъ, и говорили уже поеллински, то Аеонскіе родичи ихъ едва ли говорили по своему послѣ пелопонесской войны грековъ, которая потрясла Аеонъ, хотя потожди ихъ дожили до дней географа Помпонія Мелы (43 г. по Р. Х.), который сказалъ, что они населяютъ знаменныя берега Аеона, но ничего не промолвилъ объ ихъ нарѣчіи.

§ 33. *О памятникахъ пеласгическаго зодчества и грекоримскаго ваянїа на Аеонѣ.*

Пеласги-Тиррены были искусныя зодчіе и строители каменныхъ крытыхъ зданій, кои назывались τύρραις, τύρραις, turres, туры, башни **). У нихъ работали такъ называемыя циклопы, χειρογάστερες, γαστερόχειρες, то есть, холопы содержащіеся трудами рукъ своихъ. На Аеонѣ уцѣлѣли два памятника Тиррено-

*); Das Etruskische durch Erklärung von Inschriften und Namen als Semitische Sprache erwisen von I. Gustaw Stickel. Leipzig. 1858.

**), Dionys. I. 26. Ἀπὸ τῶν ἐρυμάτων, αἱ πρῶτοι τῶν τῆδε οἰκούντων κατεσκευάσαντο. τύρραις γάρ καὶ παρὰ Τυρρηνοῖς αἱ ἐντείχιοι καὶ στεγαναὶ οἰκῆσεις ὀνομάζονται, ὡσπερ παρ' Ἑλλήσιν.

пестегниаскаго вѣдчества: это гробница Акассоса подъ колоною владѣишной церкви города Корессо, сдѣланная изъ огромныхъ тесаныхъ камней безъ цемента и склеяеъ, такъ что верхніе параллельные своды сведены сведомъ, и соединѣнны колесомъ, облицованнымъ внутри боковыми камнями, изъ котораго лишняя вода вытекаетъ въ море чрезъ подземельную трубу.

Послѣ многобожныхъ славяновъ по нынѣ уцѣлѣли въ Аеонскихъ монастыряхъ изваянныя изображенія боготъ и богинь ихъ, одного наря и одного гражданина, именно: таинственное или Бога въ единѣ на Андрониковой башнѣ противъ острова Мульяни, и тутъ же образъ Діоскуровъ, возъ назирающій вола, какъ сунволъ Аполлона, и стоящія птицы среди змѣй, какъ бы шепчущихъ имъ *), на бѣломраморныхъ панталъ, составившихъ пористыя водосвятнаго сѣла въ Аеонской Еврѣ, головы Нирей въ вѣнцѣ и Титана Крюса на лицевой сторонѣ наперти соборнаго храма въ Ватонедѣ, и тутъ же неясный образъ Венеры Кинтамыи (надгробной) и образъ Венеры-Ураним на островѣ Мульяни вѣднѣ г. Севастьяновымъ, образъ Цереры въ Кепропетамскомъ монастырѣ, звѣрокъ надъ дверью ведущую въ Миллопотамскую молью, барельефъ, представляющій Македонскаго царя Кассандра верхомъ на конѣ съ идущимъ за нимъ человѣкомъ въ короткой рубахѣ, на восточной оградѣ Хиландарской обители, голова статуи Діонскаго гражданина, и нѣсколько саркофаговъ. Всѣ эти изваянія срисованы, и будутъ помѣщены въ музей Живописномъ Обозрѣніи Аеона.

§ 34. *О дальности жителей Аеона. Объ удивленіи философовъ на этой горѣ, и о тамошнихъ писателяхъ.*

Жители Аеона были долговѣчны отчасти и потому, что питались змѣинымъ мясомъ. Это засвидѣтельствовано многими древ-

*) Такія же птицы съ шепчущими змѣями нарисованы въ Кіесо-соѣ соборѣ у лѣстницы, ведущей на хормъ.

и писателями, египетскими и латинскими ¹²¹). Древніе грече-
вѣ врачи признавали Аеонъ самымъ здоровымъ мѣстомъ. Нѣко-
рые изъ нихъ совѣтовали философу Платону жить тамъ: но
онъ не послушалъ ихъ, и остался въ своей нездоровой академіи
(¹²²). Другіе же философамъ любили уединяться на этой горѣ ¹²³).

Въ тамошнихъ городахъ, Олофиллѣ и Аканеосѣ, были писатели.
Первымъ гражданинъ Продотъ сочинилъ книги о Нимфахъ и о
женскихъ обрядахъ ¹²⁴), а во второмъ Никомидъ писалъ о
рѣкахъ Македонскихъ и объ Орсеѣ ¹²⁵). Ихъ сочиненія утрачены.
Невѣстно время жизни онаго Продота, а Никомидъ существо-
валъ послѣ Македонскаго царя Пердикки, II-го, который, по сло-
вамъ его, самодержавель 41 годъ, (съ 454 по 413 годъ ро-
ждества Христова).

¹²¹) Pompon. Mela L. II.—Plin. H. N. L. II, c. 2. sect. 2.—
Pausan. in Махр. β.—Jul. Solin. ¹²²) Aelian. var. hist. L. IX, c. 10.
¹²³) Apollon. apud Philostr. L. II, c. 3. ¹²⁴) Suid. Lexic. sub voce ΟΛ.
¹²⁵) Athen. Dipnosoph. L. V. 58. Ibidem L. XIV, c. 40.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О ПОЧИТАНІИ ВОГОВЪ И ВОГНИЙ НА АЕОНѢ.

35. *О божествахъ Пеласговъ. О Зевесѣ на темени Аеона.
О Нимфахъ и Аполлонѣ въ Акроаеосѣ, Аевосѣ и Аканеосѣ.*

Аеонскіе Пеласги-Тиррены и прочіе сожители ихъ были много-
божники. Они почитали, кромѣ Зевеса и Аполлона, Димитру,
Персефону, Адъ и Меркуріи, который у нихъ назывался Кадмонъ,
Кадмиломъ, Басмиломъ ¹²⁶).

На темени Аеона стояла статуя Зевеса, который назывался
Аевосъ, и отъ котораго вся эта гора, еще во время Троянской
войны, почиталась высотою сего божества ¹²⁷).

Въ тамошнемъ городѣ Акроаеосѣ было капище, посвященное неизвѣстно какому богу. Около 196 года до Р. Х. возобновилъ его александрийскій купецъ Дороеей Мирминовъ на свой счетъ съ добавкою изъ городской казны, и за то акроаеонцами признанъ былъ потомственнымъ консуломъ, какъ это видно изъ надписи, уцѣлѣвшей на тамошнемъ мѣстѣ. Близъ этого города отвѣсно-скалистый мысъ назывался Нимеѣйскимъ (Strab.) вѣроятно отъ Нимеѣ, которыхъ почитали вообще всѣ еллины. Если эта догадка моя вѣрна, то надобно полагать, что Акроаеонцы строили алтари и въ честь Нимеѣ. Въ 1845 году я слышалъ тамъ отъ Керасійскаго отшельника Неофита, что древніе жители Аеона будто бы держали тутъ дѣвицы и приносили ихъ въ жертву богамъ своимъ, и что будто по этой причинѣ мысъ названъ былъ Нимеѣйскимъ. Возможное и бывающее суевѣріе!

Послѣ гибели Акроаеоса возникъ городокъ Аеосъ. Жители его почитали Аполлона. Доказательствомъ тому служить было мраморная плита, древнѣйшая, съ изваяннымъ на ней изображеніемъ сего божества въ видѣ льва, пожирающаго вола, вставленная въ низъ колоннадной ротонды водосвѣтной въ лаврѣ св. Аванасія Аеонскаго. Сей памятникъ почитанія Аполлона перенесенъ былъ сюда изъ развалинъ сосѣдняго Аеоса.

Аполлону воздавалось божеское почитаніе и въ городѣ Аканеосѣ. Это доказываютъ монеты его, на которыхъ сіе божество вычеканено въ видѣ льва, пожирающаго вола у скалистой пещеры. Притомъ извѣстно, что Аканеяне пожертвовали въ Демейскій храмъ Аполлона всю добычу, какую они взяли у Аемнянъ съ помощію Лакедемонскаго полководца Врасида.

¹²⁶ Herodot. L. II, c. 52. Etym. Gud. v. Κάδιμος. Plutarch. Num. 7.—Schol. Apollon. Argonav. l. vers. 917.—¹²⁷ Η'συχίου Λεξικόν sub voce Α'θώς. Aeschyl. tragoed. Agamemnon, vers. 278—295.

§ 36. *О почитаніи Діоскуровъ и Вакха въ городъ Санисъ.*

Сосѣди Аканеянъ въ городѣ Санисѣ почитали Діоскуровъ, или Бастора и Полидевка, или Алкона и Мелампа, которыхъ выпуклыя изображенія на бѣломъ мраморѣ вмазаны лицами въ стѣну Андрониковой башни, построенной на мѣстности сего города.

У самаго входа въ дворикъ этой башни въ каменную ограду вставлена бѣломраморная дощечка съ изваянными на ней двумя буквами Ю, кои означаютъ бога Ю—Вакха. Эта дощечка висѣла въ Санисскомъ капищѣ сего бога, подобно тому, какъ въ Делійскомъ храмѣ Аполлона висѣла дощечка съ надписью ЕΙ, выразившею вѣчное и неизмѣнное бытіе божіе: *ты еси*. Такъ какъ жители Аеонскаго города Саниса были переселенцы съ острова Андроса, а на этомъ островѣ находилось капище Вакха, изъ котораго по повѣрью Андросцовъ, текло вино въ годовыи праздниѣ *); то и на Аеонѣ они построили себѣ капище въ честь сего же божества, и повѣсили въ немъ оную дощечку: что случилось не много ранѣе 493 года до Р. Х. (§ 9), когда на Аеонѣ основанъ былъ городъ Санисъ.

§ 37. *О почитаніи Афродиты (Венеры) Ураніи въ Аеонскомъ городѣ Уранополь, и на островѣ Мульяки.*

Близъ Саниса на Аеонскомъ перешейкѣ въ городѣ Уранополь почитаема была Афродита подъ названіемъ Ураніа, т. е. небсная. На монетѣ сего города она изображалась въ видѣ женщины сидящей на шарѣ и держащей въ правой рукѣ яблоко, какъ символъ любви и плодородія, а на головѣ имѣющей знакъ оси міра, *κόλον*: на обратной же сторонѣ монеты чеканилась утренняя звѣзда въ полномъ блескѣ своемъ. Рисунокъ сей монеты помѣщенъ въ моемъ Живописномъ Обзорѣниі Аеона, которое вы-

*) Pausan. VI, 26. 1.—Theopomp. apud. Athen. I, 61. p. 34. α'.

доть на свѣтъ незнаю когда. Эта Уранія—небесная богиня, по понятію грековъ, была владычица неба, земли и моря. Они строили ей храмы и ставили статуи преимущественно у береговъ и пристаней морскихъ, воображая, что она утишаетъ бури. Имя ея призывали мореходцы и всѣ судовщики *). А Аеонскій городъ Уранополь стоялъ на берегу моря и имѣлъ удобную пристань, которая нынѣ называется Франколимено-Плати. Посему почитаніе тутъ Аеродаты Ураніи было умѣстно и соотвѣтственно вѣрованію греческихъ мореходовъ.

Эта богиня чтима была и на островѣ Мульяни, лежащемъ напротивъ Аеонскаго перешейка. Тутъ я нашелъ мраморное изображеніе ея въ видѣ малаго пояснаго портрета съ знакомъ оси на головѣ. Оно теперь хранится въ иконописномъ отдѣленіи нашей Императорской Академіи художествъ.

§ 38. *О почитаніи Зевеса Омолойскаго и Геркулеса яблочнаго въ Хиландирской слободѣ и пристани.*

Близъ Хиландарскаго Славяно-Сербскаго монастыря съ береговой дороги къ нему отъ Герисса очень хорошо видѣнъ пирамидальный холмъ высокій, который Хиландарцы называютъ Мбливо. Тутъ, по увѣренію ихъ, никогда не было ни монастыря, ни церкви, ни кельи, да и въ многочисленныхъ дѣяніяхъ Аеонскихъ нѣтъ помину о нихъ. Однако этотъ холмъ почему нибудь да названъ Мбливо, и такое названіе его что нибудь да значить. Нельзя производить его отъ Славяносербскаго слова *молюсь*, *молтва*, потому что у этой мѣстности не было ни христіанскаго селища, ни иноческаго жилья. Я думаю, что Мбливо есть испорченное греческое слово *ὀμολώϊε*, и полагаю, что на сказанномъ холмѣ стояла статуя Зевеса, котораго Аеонскіе идолопоклонники прозывали *ὀμολώϊς*, т. е. собирающій во едино, соглашающій.

*) Horat. carm. 1, 3. 1. Ovid. Heroid. XVI, 23.

Завесъ подъ этимъ названіемъ былъ почитаемъ въ Віотин и Фес-салин *). Итакъ Омодейская возвышенность близъ Хиландара за-служиваетъ вниманіе путешественниковъ; и я надѣюсь, что они при посѣщеніи Аэона воспользуются моими соображеніями, и осмотрятъ эту высь, какъ надобно. Быть можетъ, на темени ея найдутся остатки языческаго времени.

У Хиландирской пристани, напротивъ стараго монастыря св. Василія, на приморскомъ холмѣ находятся старинные теса-ные камни не малаго размѣра. Тутъ въ началѣ четырнадцатаго вѣка, при царѣ Андроникѣ Младшемъ, существовалъ скитъ, въ которомъ жилъ Варлаамъ, извѣстный противникъ Аеоцкихъ без-молвниковъ и свѣтосверцателей, а прежде этого скита находи-лось старинное укрѣпленіе, Паламохастро. Вся эта мѣстность въ хрисовулахъ греческаго царя Алексія Комнина, 1198—9 г., данныхъ Хиландирскому монастырю, называется τοποθεσία τῶν Μυλάων. А такъ какъ названія многихъ мѣсть на Аеонѣ, напри-мѣръ, Комитисса, Вольчу, Баріа, Морѣнну, Мѣлана, Дѣона, го-раздо старше названій тамошнихъ монастырей, которые начали появляться въ концѣ седьмаго вѣка и размножаться въ десятомъ столѣтіи; то и надобно полагать, что приморскій холмъ, о кото-ромъ идетъ рѣчь, назывался Милебонъ еще тогда, когда на Аеонѣ были языческіе города и селенца, и что это названіе уцѣ-лѣло по преданію, и значилось въ межсѣвскихъ актахъ архимовъ Солунскихъ и Константинопольскихъ. Ово напоминаетъ мнѣ два бо-жества Грековъ, Ермія (Меркурія), который прозывался Ἐπιμήλιος, и Ирама (Геркулеса), извѣстнаго подъ названіемъ μύλων и ἑραμλος—яблочный, которому, какъ богу новаго дѣла, въ Віотин и въ Аоніяхъ приносились въ жертву яблоки. Pausan I, 1. 27. Νεαυχ. v. μύλων. Но я полагаю, что на Хиландирскомъ приморскомъ

*) Pausan. IX. Stephan. Byzant. vox Ὀμόλη... Ζεὺς ὄμολιος τιμᾶται ἐν Βιωτείᾳ.

холмѣ стояло капище Иракла, и что тутъ въ новый годъ совершалось празднество въ честь сего бога, называемое *Μηλας*, а полагаю такъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Ираклъ *яблочный* у Грековъ былъ тоже, что у Финикіянъ Вааль-Мелькартъ, покровитель торговли и странъ Гесперидскихъ, странъ *яблочныхъ* *). Сперва этотъ Мелькартъ, какъ богъ-солнце, богъ времени **), почитаемъ былъ на Хилантирскомъ холмѣ тѣми Финикіянами, которые вѣстѣ съ Персами, какъ узнаемъ послѣ, основали тутъ торговую слободу подъ названіемъ Хиланъ: потомъ, когда въ этой слободѣ поселились жители Фракійскаго города Тири, и назвали ее Хилантири, Мелькарта замѣнили Ираклъ, но почитаемъ былъ по прежнему какъ богъ времени, богъ новаго лѣта. Въ жертву ему приносились яблоки, растущіе на Аеонѣ. Отъ этихъ плодовъ праздникъ сему богу назывался *Μηλέα*, а отъ праздника прозвалось такъ же и все мѣсто, гдѣ онъ совершался въ честь Иракла яблочнаго. Такъ я думаю, и надѣюсь, что изслѣдованія будущихъ путешественниковъ оправдаютъ мое мнѣніе.

§ 39. О почитаніи Кріоса и Нирея въ Діонъ.

Надъ Ватопедскою мѣстностію господствуетъ островерхая возвышенность Аеонскаго хребта, называемая Кріонэри. Это названіе, по мнѣнію моему, дано было ей еще тѣми Близнами, которые вѣстѣ съ Пеласгами построили городъ Діонъ, стоявшій на мѣстѣ нынѣшняго Ватопеда, и которые почитали Титана Кріоса, *Κρίος*, и морскаго бога Нирея, *Νηρέας*. Кріосъ, въ ихъ понятіи, означалъ могущественное творчество природы, а назывался такъ потому, что изображалъ былъ въ видѣ плодотвернаго овна, *κρίος*, какъ Египетскій богъ Амутъ, извѣстный Близнамъ въ Додонѣ ***). Что касается до Нирея, то онъ вообразалъ

*) Hesiod. Theogon. V, 215. Plin. H. N. L. V, c. 3.

***) Ю Lyd. de mensuris.

****) Etymolog. magn.—Die Religion der Hellenen von Rink. 1835. Zürich. pag. 45.

былъ, какъ старшій сынъ Понта, т. е. моря, и, прозрачный, свѣтлый, всегда одинаковый, олицетворялъ собою истинность, правду и вѣчность божескую *). Первый выращивалъ деревья, которыми покрыта вся окрестность Ватопеда, и изводилъ воды изъ-подъ сомненной ему возвышенности Аэона. Второй покровительствовалъ мореходовъ. Изображеніе сихъ двухъ божествъ, изваянное изъ бѣлаго мрамора, уцѣлело въ Ватопедскомъ монастырѣ. Оно вставлено тамъ въ низменную перегородку паперти соборнаго храма между столпами ея. Тутъ видится голова длиннорогаго и длинношейнаго овна, т. е. Титана Кріоса, а надъ нею человѣческая голова Нирея въ зубчатомъ вѣнцѣ. Обѣ эти головы срисованы и помѣщены въ моемъ Живописномъ Обзорѣніи Аэона. Этотъ остатокъ эллино-языческой древности служитъ непрерываемымъ доказательствомъ почитанія сихъ двухъ воображаемыхъ боговъ, отъ которыхъ и вся Ватопедская возвышенность получила названіе Кріо-Нѣри.

§ 40. *О почитаніи Пелластической Аксиокерсы въ Капсальской долины Аэона.*

Близъ средоточнаго на Аэонѣ монашескаго городка, называемаго Каріэсъ, по просту Карбѣя, напротивъ Русско-андреевскаго скита на гористой покатости Капсальской долины стоитъ старинная келья, извѣстная подъ греческимъ названіемъ, Ἐξίον ἔστυ. Тутъ, говорятъ, архангелъ научилъ одного инокъ пѣть предъ иконою Богоматери: «Достойно есть яко воистину, блажити Тя Богородицу»; хотя греческій врачъ Іоаннъ Комнинъ въ своемъ описаніи Аэона сказалъ совсѣмъ другое, именно, что сама эта икона велѣла пѣть такую пѣснь, и проговорила ее **). Какъ бы то ни было, но эта келья замѣчательна тѣмъ, что тутъ встрѣ-

*) Hesiod. Theogon. 235.

***) Προξινυτάριον τοῦ ἁγ. Ἰρως τοῦ Ἀθωνος. 1701, pag. 101.

тнамъ двѣ религіи, языческая и христіанская. Объясненію эту встрѣчу. Мѣстность сей пресловутой кельи называется Андъ, или Адъ. Это названіе, употреблявшееся и въ другихъ странахъ греческаго царства *), въ связи съ проименованіемъ Богородичной иконы, ἄδων ἑσέρν, накомниваетъ два божества, которыхъ почитали жители Аеона—Пеласги, именно Анда и супругу его Аксіонеру **). Андъ, по ихъ понятію, былъ невидимый богъ душъ, отлетѣвшихъ съ земли въ мѣсто тѣней, называемое Адомъ, а Аксіонерса была богиня жизни, зараждающей въ сѣменахъ, развивающейся своеобразно, и возвращающей въ сѣмена же. Еллины называли ее Церсифону. Оба эти божества имѣли свои алтари и священныя рощи во многихъ мѣстахъ Греціи и Италіи, гдѣ Керса извѣстна была подъ переименованнымъ именемъ Цер-еры. На противоположномъ Аеону островѣ Самоэраки совершались въ честь ихъ особы службы, и преподавалось ученіе о безсмертіи душъ посвященнымъ въ Самоэракійскія таинства. Эти службы и это ученіе, какъ оказывается, извѣстны были и на Аеонѣ, который также, какъ и островъ Самоэраки, населенъ былъ Пеласгами. Не даромъ сказанная мѣстность тамъ называлась Адъ. Тутъ Аеоны, посвященные въ Самоэракійскія таинства, собирались воздавать почтеніе Андъ,—невидимому богу душъ, отшедшихъ въ адъ, т. е. въ мѣсто невидимыхъ тѣней, и воодушевлялись надеждою безсмертія. Тутъ же они обожали и подательницу жизни Аксіонерсу. Когда же имъ возвѣщена была вѣра христіанская, тогда прекратилось почитаніе этихъ божествъ, но уцѣлѣло ивещское названіе мѣстности ихъ, Адъ, а статуя Аксіонерсы замѣнила икона Богоматери Аксіонѣстинной. Эта малая икона весьма

*) 'Οι Σκύθαι τοῦ Πελοποννησοῦ ἀπάραντες, προκαταλαμβάνουσι τόπον τὸν καλούμενον Ἄδην, κακεῖθε τὸν χάρακα πηγγνυται. Apollon Compnuae Alexiad. L. XV. Bonnae. 1839. Tom. I, p. 370.

***) Schel, Apollon. Argonaut. I, vers. 917.

древна. Дать на ней едва видѣть. Я думаю, что она современна распространенію христіанства на Аѳонѣ, и что предъ нею въ первый разъ прогѣта была пѣснь: *Достойно есть, яко соимстиму.. ἄξιον ἔστιν*, составленная отцами третьяго Собора вселенскаго (431 г.), которые опредѣлили почитать Дѣву Марію Богородицу, и повторенная Іоанномъ Дамаскинымъ въ одной догматической стихирѣ его *). Благоразумный клиръ Аѳонскаго города Баріа, въ память этого событія, началъ называть сію икону, Достойница—*ἄξιον ἔστιν*, и поставилъ ее въ освященномъ по христіански ианищѣ Персефоны, которая посамобракійски называлась *Аксиокерса*, т. е. *достойная почитанія* **), дабы отвлечь вниманіе новокрещенныхъ Аѳонцовъ отъ этой богини воображаемой.

§ 41. *О почитаніи Артемиды Агрейской на мѣстѣ, называемомъ Калеаіра.*

Адова долина простирается до самаго моря. Тутъ въ устьѣ ея нѣкогда стоялъ монастырекъ Іоанна Предтечи, а мѣстность

*) Στοχηρὰ δογματικὰ καὶ Θεολογία, στυχ. 16. Въ рукописи XI вѣка въ библиот. Есѣнтименова монастыря на Аѳонѣ: Ἄξιον ἔστιν, ὡς ἀληθὲς μακαρίζειν αὐτὴν τὴν Θεοτόκον. Τὴν σὴν γὰρ ἀχραντὸν ὁμοδοῦς γαστέρα ὁ πάντων δημιουργός, ἐγένετο σάρξ...

**) Nach einer bestimmten Nachricht (Diodor. L. V, t. I, p. 369. Wesseling) hatten die Samothracer eine besondere Sprache, von der in ihrem Gottendienst vieles beibehalten wurde. Die erste Hälfte der drei ersten Götternamen (Axieros, Axiokersa, Axiokersos) aus dem persischen achson (Würde, Vorzug) abgeleitet, in dem Königsnamen Achaeseros, in dem persischen Worte Grossstatthalter, Esther 3, 12, und in der Bezeichnung edler Maulthiere, Esther 8, 10. vorgesetzt, wie es scheint gleichen Ursprungs mit dem griechischen Worte ἄξιος, ist eine Ehrenbezeichnung und entspricht dem griechischen πόντιος. Axi-eros (die zweite Hälfte des Wortes von ἄξιος, ἔρα, erde, abgeleitet) ist πόντια γῆ. Binks, Theil. I, pag. 107.

съ потокомъ называлась и теперь называется Калеагра, что значитъ: *хорошая звероловля*. Это названіе даетъ поводъ заключать, что тамъ находилось капище Артемиды (Дианы), именуемой, *ἄγρα, ἀγραία, ἀγροτέρα*, отъ глагола *αὔρω, ловлю зверей*, и что отъ него прозвалось Калеагрою и все окрестное мѣсто, которое очень лѣсисто, подобно тому, какъ въ Атикѣ участокъ на берегу Илйссы назывался *Ἄγρα* отъ храма этой же богини, построеннаго тутъ въ память ея прибытія съ острова Делоса и первой охоты у этой рѣки *). Я видѣлъ Аеонскую Калеагру, но издали, и потому не знаю, уцѣлѣлъ ли тамъ какой нибудь остатокъ капища Артемиды. Совѣтую путешественникамъ осмотрѣть это мѣсто, и тамошнюю башню внутри и снаружи.

§ 42. *О почитаніи Артемиды Потаміи (рѣчной) въ городѣ Клеонахъ.*

Артемиды, подъ названіемъ *ποτάμια*—рѣчная, почитаема была въ Аеонскомъ городѣ Клеонахъ, котораго одна часть стояла на мѣстѣ нынѣшней Милопотамской кельи недалеко отъ Иверскаго монастыря. Отъ капища этой богини по нынѣ уцѣлѣла бѣломраморная плита съ изваяннымъ на ней звѣремъ, вставленная въ стѣну башни снаружи. При взглядѣ на это изваяніе (срисованное и помѣщенное въ моему Живописному Обзорѣніи Аеона) я не могъ не вспомнить Артемиду *Ποτάμιю*, подругу рѣчнаго бога Алфея, воспѣтую Пиндаромъ **). Да и вся окрестность располагала меня къ этому мнѣческому воспоминанію. Тутъ лѣса густы, а съ высотъ монастыря *Φιλοσεя* течетъ *милый потокъ Алфея*, называемый *μυλοπόταρος*. Аеонскимъ язычникамъ было гдѣ заняться звѣриною охотою, и было за что прозвать Артемиду *поточною*.

*) Plat. Phaedr. p. 229. C. Paus. Attic. p. 45.

**) Pindar. Pyth. II, 12. Schol. Pind. Nem. 1. 3.

§ 43. *О почитаніи Афродиты Морфѣ на мѣсть, называемомъ Морфина.*

У береговой дороги къ Аеонской Лаврѣ, при устьѣ рѣчки, вытекающей изъ-подъ малаго Аеона, на красивомъ холмѣ стоитъ высокая башня. Она, какъ гласитъ давнее преданіе, построена была нѣкимъ царемъ, или вельможею, для постояннаго жительства дочери его Морфины, и отъ нея называлась столпомъ красоты *). Это преданіе есть глухой отголосокъ языческой миеологии, съ которою кто знакомъ, тотъ съ перваго раза угадаетъ и скажетъ, что Аеонская Морфина была Афродита (Венера) называемая Морфѣ. Сія богиня подъ этимъ названіемъ почитаема была и въ Спартѣ, гдѣ Павзаній видѣлъ кедровую статую ея, въ сидячемъ положеніи, съ покрываломъ на головѣ и съ цѣпями на ногахъ **). Названіе ея Морфѣ, какъ оно ни близко къ греческому слову *μορφή*—*образъ, красота*, не должно быть понимаемо въ смыслѣ этого слова, потому что цѣпи на ногахъ богини скорѣе означали ея собственную неволю и томленіе, чѣмъ то очарованіе, которымъ красота приковываетъ къ себѣ любящихъ ее. Гораздо правильнѣе миеологисты производили слово, Морфѣ, отъ *μορφή*—*тьма*, потому что, по увѣренію Павзанія, покрывало и цѣпи на Венерѣ намекали на то время природы, когда она находилась еще въ темномъ хаотическомъ состояніи, въ оцѣпенѣніи, не развитая, безъ формъ, какія дала ей творящая сила ***). Къ слову *μορφή* ближе названіе и Аеонской Морфины: да и преданіе представляетъ ее невольницею, затворницею, запертою въ башнѣ. Она, какъ повѣдалъ нашъ Барскій, жила тутъ нѣсколько лѣтъ и *безмолствовала*. Явный намекъ на уга-

*) Путешеств. Барскаго въ 1744 году. Издан. 1785 г. стр. 547—8.

**) Pausan. L. III, 15. 11.

***) Religions de l'antiquité du Creuzer T. II, 2 partie, pag. 655—6. Paris. 1835.

защитное время природы! Посему я полагаю, что Аеонская статуя Морфинны такъ же, какъ и Спартанская, имѣла покрывало на головѣ и цѣпи на ногахъ, и полагаю тѣмъ рѣшительнѣе, что статуи этой богини помѣщены были на Аеонѣ въ *высокой* башнѣ. а въ Спартѣ въ *верхнемъ* ярусѣ капища Венеры, по свидѣтельству Павзанія. I. III, 15.

Въ Ксиропотамскомъ монастырѣ въ стѣну югозаднаго отдѣленія братскихъ келлій вставлены двѣ мраморныя плиты съ изваянными на нихъ мнѣологическими изображеніями. Я видѣлъ ихъ тутъ въ 1845 году, но не описалъ, а отъ монаховъ слышалъ, что женское изображеніе будто бы напоминаетъ Димитру (Цецеру). Если это вѣрно, то въ городѣ Стратоникѣ, стоявшемъ на мѣстѣ Ксиропотама, почитаема была эта богиня.

§ 44. *О почитаніи Зевеса Фиксія въ городѣ Олофиксѣ.*

Недавно я узналъ отъ Аеонскаго іеродіакона Мелетія, что близъ Зографскаго монастыря, въ которомъ онъ постриженъ въ монашество, находятся древнія гробницы Елиновъ. Это свѣдѣніе подтвердило мое предположеніе о томъ, что около этого монастыря существовалъ городъ Олофиксосъ. Какое же божество почитали жители его,—это пока неизвѣстно. Судя по названію ихъ города, я полагаю, что они обожали Зевеса Фиксія, $\phi\beta\acute{\iota}\sigma\varsigma$, который давалъ убѣжище всѣмъ злополучнымъ, бѣжавшимъ отъ напастей, особенно во время отступленія войскъ. Apollon. Rod. L. II, vers. 1151. Dion. Chrysost. Orat. I. Pausan. L. II, c. 17.

§ 45. *О почитаніи Аполлона Метангича.*

За Аеонскимъ островомъ Мульни, въ самомъ верховьѣ Сингитскаго залива, на береговой выси стоитъ древняя башня, а подъеюль отъ нея расположено селеніе Метангичи. Я былъ тутъ, ночевалъ у священника, и утромъ сдѣлалъ очеркъ хорошо виднаго оттуда Аеона, помѣщенный въ заглавіи сей исторіи. Назва-

ніе этого селенія напоминаетъ Аполлона Метагитнія *μεταγίτιος*, покровителя переселенцевъ, и празднество въ честь его, названное *μεταγίτια*, которое совершалось въ Аттікѣ въ концѣ августа и въ началѣ сентября въ память переселенія тамошнихъ жителей изъ Мелитскаго околотка въ Діомею *). А это напоминаніе даетъ поводъ заключать, что селеніе Метагитчи въ древнѣйшее время было основано выходцами изъ Аттіки, и названо такъ въ память ихъ переселенія подъ покровомъ Аполлона Метагитнійскаго. У помянутой башни на берегу морскаго залива была пристань его. *

Итанъ на Аеонѣ, до христіанства, почитаемы были боги и богини: Зевесъ Аеонскій, Омолойскій и Фивскій, Аполлонъ, Діонисіюванкъ, Ираклъ Милеонскій, Титанъ Кріосъ и сынъ Понта Нирей, Аїдъ и Аксионерса, Аеродита Уранія и Моредъ, Артемѣда Агра и Потанія, и Димитра. Въ честь ихъ совершались празднества, изъ которыхъ извѣстными жгѣ оказались только Милеонское и Метагитнійское. Первое отправляемо было въ Хилантирской слободѣ, въ новый годъ, въ честь Иракла яблочнаго, а второе въ селѣ Метагитчи 1 сентября въ честь Аполлона покровителя переселенцевъ. Башни боговъ и богинь строились, украшались и поддерживались на счетъ городскихъ суммъ при пособіи добродетельныхъ дателей. Аеонскіе идолопоклонники вѣрили въ бессмертіе душъ, а тѣла сожгали, и прахъ ихъ вдегали въ мраморныя гробницы, изъ которыхъ уцѣлѣли четыре въ Ватопедскомъ монастырѣ и одна въ Лаврѣ св. Аеанасія. На этихъ гробницахъ, изготовленныхъ замиво, вырѣзывались имена владельцевъ ихъ, и, иногда, годъ и мѣсяцъ изготовленія ихъ. Тутъ же обозначалась узаконенная цена въ 2000 фолловъ на случай, когда бы кто дерзнулъ помочить чужой прахъ въ гробницу чуждаго се-

*) Schol. Thucid. II, 15. Harpocrat et Suidas sub. voce *μεταγίτιον*. Plutarch. de exilio VIII.

мейства. Такая предосторожность доказываетъ, что гробницы стояли за городомъ въ такъ называемыхъ некрѡполяхъ, или полиандріяхъ, гдѣ не при людяхъ можно было раскрывать ихъ и власть въ нихъ чужія тѣла, или урны съ чужими прахомъ. Эти памятники похожи на сундуки, длиною въ $10\frac{1}{2}$ и $11\frac{1}{2}$ четвертей аршина, шириною въ $5\frac{1}{2}$ четвертей, и вышиною въ $5\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$, и 3 четверти. Но ихъ изготовляли только зажиточные и богатые люди *памяти ради*, *μνείας χάριν*. А прахъ простелюдиновъ хранился, вѣроятно, въ общественныхъ колумбаріяхъ, т. е. голубцахъ. Въ этихъ колумбаріяхъ и на полиандріяхъ у надгробныхъ памятниковъ ставились изваянные изъ мрамора или умершихъ, или родственниковъ ихъ, и образъ Афродиты Епитимвіи (*ἐπιτιμωσία*) т. е. надгробной *). Такого образа я не видалъ на Аеонѣ, а такой ликъ увидѣлъ въ Ватопедѣ на наружной стѣнѣ соборной паперти у часовой башни. Онъ помѣщенъ въ моемъ Живописномъ Обзорѣнн Аеона.

§ 46. *О лѣтосчисленіи Аеонитовъ отъ Актійской победы Октавія Августа, и названіяхъ Македонскихъ мѣсяцовъ.*

Жители Аеонскихъ городовъ лѣтосчисленіе вели отъ Актійской победы Октавія Августа, которую онъ одержалъ за 30 лѣтъ до рождества Христова. Объ этомъ выше я говорилъ въ своемъ мѣстѣ: а здѣсь представляю счетъ и названія Македоно-Аеонскихъ мѣсяцовъ, сравнительно съ Аеинскими, и нашими, для округленнаго уразумѣнія Аеонскихъ памятниковъ и дѣписаній, когда въ нихъ встрѣтятся эти мѣсяцы.

Мѣсяцы у Аеинянъ.

1. Екатомвѡнъ	—	—	—	іюнь и іюль.
2. Метагитніонъ	—	—	—	іюль и августъ

*) У латинцовъ она называлась *Venus libitina*. Въ храмѣ ея продавались всѣ похоронныя принадлежности. *Plutarch. Quaest. Rom. 23, p. 101. Wyttenb.*

3.	Вондреміонъ	—	—	—	августъ и сентябрь.
4.	Мемактиріонъ	—	—	—	сентябрь и октябрь.
5.	Пшанепсіонъ	—	—	—	октябрь и ноябрь.
6.	Посидеонъ первый	—	—	—	ноябрь и декабрь.
7.	Посидеонъ второй	—	—	—	декабрь.
8.	Гамиліонъ	—	—	—	декабрь и январь.
9.	Антисеміонъ	—	—	—	январь и февраль.
10.	Елафивбіонъ	—	—	—	февраль и мартъ.
11.	Мунихіонъ	—	—	—	мартъ и апрѣль.
12.	Фаргиліонъ	—	—	—	апрѣль и май.
13.	Скироэбрионъ	—	—	—	май и іюнь.

Мѣсяцы у древнихъ Македонцовъ.

Въ Антиохіи, Пергамѣ и Ефесѣ.

1.	Діосъ	—	—	30 дней	—	—	съ 24 сентября.
2.	Апиллеосъ	—	—	31 день	—	—	съ 24 октября.
3.	Авднееосъ	—	—	30 дней	—	—	съ 23 ноября.
4.	Перитіосъ	—	—	30 дней	—	—	съ 24 декабря.
5.	Дистросъ	—	—	31 день	—	—	съ 23 января
6.	Бсантисосъ	—	—	31 день	—	—	съ 22 февраля.
7.	Артемисіосъ	—	—	30 дней	—	—	съ 25 марта.
8.	Десіосъ	—	—	31 день	—	—	съ 25 апрѣля.
9.	Панемосъ (Панимувъ на Аеонѣ).	—	—	30 дней	—	—	съ 25 мая.
10.	Лоосъ	—	—	31 день	—	—	съ 25 іюня.
11.	Горпіэосъ	—	—	30 дней	—	—	съ 25 іюля
12.	Иперверетбосъ	—	—	30 дней	—	—	съ 25 августа.

Мѣсяцы у новыхъ, или Сиро-Македонцовъ.

1.	Иперверетбосъ	—	—	30 дней	—	—	съ 24 сентября.
2.	Діосъ	—	—	30 дней	—	—	съ 24 октября
3.	Апилбосъ	—	—	31 день	—	—	съ 23 ноября.

4. Авдинеосъ	—	30 дней	—	—	съ 24 декабря.
5. Нерктіосъ	—	30 дней	—	—	съ 23 января.
6. Дистросъ	—	31 день	—	—	съ 22 февраля.
7. Бсантиосъ	—	31 день	—	—	съ 25 марта.
8. Артемисіосъ	—	30 дней	—	—	съ 25 апрѣля.
9. Дѣсіосъ	—	31 день	—	—	съ 25 мая.
10. Панаемосъ	—	30 дней	—	—	съ 25 іюня.
11. Лосъ	—	31 день	—	—	съ 25 іюля.
12. Горпіосъ	—	30 дней	—	—	съ 25 августа.

Эти таблицы извлечены изъ книги. *Tablettes chronologiques de l'histoire universelle par l'Abbé Lenglet Dufresnoy. Paris. 1744.*

А другія таблицы, показывающія мѣсяцы латинянъ, еллиновъ, александрійцевъ, тирянъ и аскалонитянъ, помѣщены въ моемъ Живописномъ Обзорѣніи Аеона.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ АЕОНИТОВЪ.

§ 47. О городскомъ управленіи на Аеонѣ.

Всѣ города на Аеонѣ были малы, но защищены стѣнами. Когда Лакедемонскій полководецъ Врасидъ пришелъ съ своимъ войскомъ къ городу Аканеосу; тогда жители его заперли крѣпостные ворота, и впустили только его одного, дабы выслушать его предложенія *). А Римскіе солдаты приступомъ брали этотъ городъ. *Navigantes Romani Acanthum petiere. Ibi ager vastatus, deinde ipsa urbs vi capta et direpta. Tit. Liv. Hist. Rom. L. XXXI, c. 45.*

Городское управленіе на Аеонѣ было народодержавное. Въ каждомъ городѣ общественными дѣлами завѣдывалъ Совѣтъ, *Βουλή*; но рѣшенія его, въ особенныхъ важныхъ обстоятель-

*) Thucid. L. IV, c. 84, 85.

вахъ были отбиты, или утверждены всѣмъ людемъ, *δῆλον*.
какъ во время Пелопонесской войны весь людъ города Аляссеа,
какъ бы войны Врасида не истребили виноградниковъ его,
перешелъ на сторону сего Лакедемонскаго полководца, и увлекъ
собою Сове́тъ, который не рѣшался разорвать союзъ съ Аеони-
скою республикою. Такъ въ городѣ Акроасосѣ волю Сове́та и
сего люда постановлено было признать Александрійскаго купца
Евдора Миррика потомственнымъ консуломъ и почетнымъ гражда-
ниномъ. Городскіе Сове́ты собирались въ таиъ называемыхъ ву-
леветиріяхъ, *βουλευτήριον*, т. е. совѣтныхъ покояхъ. Мѣстность
одного изъ нихъ понынѣ указывается ниже скита Малой Азии
за ровной вышю близъ моря. Этотъ вулеветирій принадлежалъ го-
роду Акроасосу. На мѣстѣ его, въ началѣ одиннадцатаго вѣка
христіанскаго, построенъ былъ небольшой монастырь во имя
Богоматери, и назывался обителію Вулеветирійскою, *μονή τῶν*
Βουλευτηρίων ¹³⁹). Каждый городъ на Аеонѣ имѣлъ свое казна-
чейство, въ которое, кромѣ податей, поступали и тѣ еоллы, кои
взимались за поклажу тѣлъ въ чужія гробницы. Это казначейство,
какъ видно изъ надписей на похоронныхъ памятникахъ, было
отдѣльно отъ таможеннаго вѣдомства, получавшаго особые доходы.
Издвѣженіемъ городовъ поддерживались крѣпостныя стѣны, капища,
дороги, и снаряжались ополченія, но не елотъ, о которомъ нѣтъ
и помину въ замѣткахъ Продота, Фукидида, Ксенофонта объ
Аеонѣ, тогда какъ въ нихъ же сказано, что у Аеонцовъ были
свои герои, тѣнями которыхъ являлся полководецъ Врасидъ, была
своя конница, сражавшаяся съ Олинненами, и были свои вои-
ны дружины, кои бились съ Аеонянами, и отнятую у нихъ до-
бычу пожертвовали въ Демѣйскій храмъ Аполлона. Незавѣстно,
чьи законы приняты были жителями Аеона, — Солоновы, Ликурговы,
или другіе какіе. Но исторія сохранила намъ два изъ нихъ:
1) у Халкидикійцовъ, поселившихся въ городѣ Влеонахъ, былъ
законъ: сие начальствовать и не избирать посланниковъ моложе

50 лѣтъ ¹²⁹⁾». 2) Въ городахъ Діонѣ и Аеонѣ узаконено было взимать 2000 фолловъ съ тѣхъ, которые дерзнули бы положить чужія тѣла въ семейныя гробницы ¹³⁰⁾.

Всѣ Аеонскіе города были самоуправны и независимы другъ отъ друга, и потому вступали въ политическіе союзы, съ кѣмъ хотѣли. Такъ, во время Пелопонесской войны, въ 424 году до Р. Хр., Аканеосъ, Фиссосъ, Клеоны, Акроаеосъ и Олофиксосъ, поддались Лакедемонцамъ, а Санисъ и Діонъ держали сторону Аѳинянъ. Thucid. L. IV, с. 109. Въ 421 году Фиссосъ былъ въ союзѣ съ Аѳинами; но за то Аеонскіе Дигтидіи взяли его приступомъ. Thucid. L. V, с. 35. Эти города при заключеніи договоровъ отстаивали свое древнее право жить по отеческимъ законамъ и пользоваться гражданскимъ самоуправленіемъ *); отправляли посланниковъ, куда было надобно; принимали къ себѣ иностранныхъ консуловъ, и за нихъ общественныя благодѣянія жаловали имъ потомственное консульство. А два города, именно, Аканеосъ и Уранополь, чеканили свои монеты, первый съ изображеніемъ льва, пожирающаго вола и съ надписью *ακανθίων*, второй съ изображеніемъ Аеродеты Ураніи и утренней звѣзды. †

¹²⁹⁾ Περιγραφή τοῦ ἀγ. ὄρους τοῦ Ἁθῶ παρὰ ἡγουμ. Θεοδορῆτα, χειρογρ. ¹³⁰⁾ Εκ τῶν Πρακτικῶν περὶ πολιτεῖαν. ¹³⁰⁾ Выше, смотри надписи на гробницахъ въ Лаврѣ и Ватопедѣ.

§ 48. О промышленности и торговлѣ Аеонцовъ.

Металлопромышленность и торговля обогащали особенно городъ Аканеосъ. Посему онъ былъ лучше и многочислѣе всѣхъ прочихъ городовъ на Аеонѣ. Ксенофонтъ называлъ его наибольшимъ городомъ во Фрагіи. Да и Римскимъ солдатамъ было что грабить въ немъ. Аканеонцы задирались и вынодѣлемъ, и доро-

*) Посланникъ города Аканеоса Клингенсъ говорилъ Лакедемонцамъ: мы хотимъ жить по своимъ отеческимъ законамъ и быть гражданами самоуправными. Xenophon. Hist. Gr. L. V. с. 2.

жили виноградниками своими болѣе, чѣмъ дружбою съ Аѳонами. Ихъ вино славилось. Его хвалилъ нѣкій поэтъ Амѳисъ, подшучивая надъ однимъ жителемъ Аканѳоса, у котораго не было смѣлвости согражданъ, а строптивый нравъ соотвѣтствовалъ названію города: Аканѳосъ, значить терніе. Вотъ стихи этого поэта:

Ποδαπὸς εἶ; φρασόν.

Ἄκανθιος; εἶσα, πρὸς θεῶν,

Οἴνου πολίτης ἂν κρατίστου. στρυφνὸς εἶ.

Καὶ τ' οὐνομ' αὐτὸ τῆς πατρίδας ἐν τοῖς τρόποις

Ἐχεις, τὰ δ' ἦδη τῶν πολιτῶν οὐκ ἔχεις.

Athæn. Dipnosoph. L. I, c. 56.

Ты кто? Скажи.

Аканѳянинъ? Итакъ, клянусь богами,

Ты строптивъ, хотя и пьешь превкусное вино.

Терновникомъ зовутъ твою отчизну:

Тернистый у тебя и нравъ,

А ума согражданъ нѣтъ.

О промышленности прочихъ городовъ Аѳонскихъ нѣтъ помину въ греческихъ исторіяхъ. Но самая мѣстность Аѳона доказываетъ, что жители ихъ занимались ловлею рыбы и гредскихъ губокъ, рубкою строеваго дѣса, обжиганіемъ углей и мраморной извести, ложкою камня Пори (родъ мягкаго мрамора съ зелено-синими крапинками), обработкою виноградниковъ и орѣшниковъ, и воспитаніемъ яблоней, грушъ, черешенъ и масличій, кои даютъ хорошее деревянное масло. Что касается до торговли, то она сосредоточивалась у Кеерксова канала въ Аполлоніи и Уранополѣ, въ Аканѳосѣ и Санисѣ, но оживляла и прочіе города, особенно Діонъ и Акроаѳосъ. Намъ уже извѣстно, что Аканѳяне покупали у Аѳонскихъ вущовъ Воспорскую пшеницу, вывозимую изъ областей; принадлежащихъ къ Азовскому морю, а у Діонцовъ была таможня, которая называлась главною, *χυριαχθὺν ταμειον*; Акроаѳонцы же имѣли торговыя сношенія съ Египетскою Александрією, продавая

туда сосновый лѣсъ свой, обильно растущій на юго-восточныхъ высотахъ Аэона, и потому дорожили дружбою Александрійскихъ консуловъ, изъ которыхъ одинъ, именно, Дореей Мирмиковъ называлъ ихъ благодѣяніи. Жители Фиссоса смогли устроить себѣ искусственную пристань (она и теперь существуетъ у Пандократорскаго монастыря), слѣдовательно пользовались выгодами торговли. А изъ пристаней, Блеонской, Стратониподафонійской, Олофиксійской и Хилантирской, могли быть вывозимы на продажу каштановые и пихтовые дерева и елей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О политическомъ состояніи Аэона.

§ 49. *Во время его самоправности, и подъ владычествомъ Македонцевъ и Римлянъ.*

Аэонскіе города, Акроаэось, Харадіе, Блеоны, Фиссосъ, и Діонъ, основанные Еллинами около 1124 года до Р. Х. и населенные кромѣ ихъ Пеласгами и Халкидикійцами, въ началѣ своего существованія были свободны и независимы политически, потому что въ сосѣдствѣ съ ними небыло ни одного могущественнаго государства, которое могло бы подчинить ихъ себѣ. Македонія не имѣла царей. Фессалія и Фракія были раздроблены на мелкія владѣнія. Аэны и Спарта еще росли. Ежели Агаэось и Санисъ, основанные Андросцами позже прочихъ городовъ Аэонскихъ, доставляли какому нибудь податъ своей митрополіи, Андросу, по уставу тогдашнихъ колоній; то такая исключительность еще не даетъ намъ права заключать, что и прочіе города на Аэонѣ кому нибудь платили дань съ самаго начала своего существованія. Объ этомъ нѣтъ ни слова въ ихъ исторіи. Географъ Сивлаксъ (за 509 г. до Р. Х.) причислялъ Аэонъ къ Македоніи: но это причисленіе его есть географическое, а не политическое; ибо ни

однѣ Македонскій царь до Филиппа I не бралъ никакой даня съ Аеонскихъ городовъ. Съ 498 года по 490-й они подчинились Персамъ, и принуждены были копать каналъ на своемъ перешейкѣ руками своихъ жителей. Но эта неволя ихъ была вратно-временна. За то самоправный эллинизмъ развился у нихъ послѣ пораженія Персовъ Афинянами, и процвѣталъ во время войны Пелопонессой и Олиннойской, съ 431 года по 360-й. Это время можно назвать благодѣтельною эпохою Аеона. Тогда всѣ тамошніе города вступили въ союзъ съ побѣдоносною Афинскою державою, и охотно вносили ей установленную Милтиадомъ и Аристидомъ дань, какъ общеэллинскую складчину, потребную для выдержанія борьбы съ Персами на сушѣ и морѣ. Тогда они имѣли свой алтарь и свою сокровищницу въ общеэллинскомъ храмѣ Дельфійскомъ. Тогда они властны были заключать наступательные и оборонительные союзы, съ кѣмъ хотѣли. Тогда Врасидъ склонялъ Аканеяшъ на сторону Спарты во имя ихъ свободы и самоправности: но по тойже свободѣ и самоправности граждане Діона и Саниса не приняли предложеній сего полководца, а Диктидн дѣйствовали за одно, иногда, съ Афиннами, иногда, съ Спартою. Тогда Аеонскіе города Сколось, Санисъ, Аканеосъ, имѣли честь быть включены въ мирный договоръ Афинянъ и Лакедемонцовъ. Тогда Аканеосскій посланникъ Клингенсъ вовлекъ Спарту и союзниковъ ея въ трудную борьбу съ Олиннойскою республикою. Тогда знаменитые историки Греціи Фукидидъ и Ксенофонтъ написали нѣсколько страницъ объ Аеонѣ.

Но ничто на землѣ не цвѣтетъ долго. Пропадаетъ и свобода, которая, какъ говорилъ Врасидъ, имѣетъ свои опасности. Аеонъ протерялся съ своею политическою свободою, когда Филиппъ Македонскій срылъ сосѣдніе съ нимъ города, Олинеосъ и Аполлонію, и срылъ такъ, что не осталось и слѣдовъ ихъ, а всю Халкидидійскую область, къ которой принадлежалъ и Аеонъ, покорилъ своей властью. Съ сей поры эта гора славилась только какъ замѣчательная

высота на землѣ, какъ солнечная стрѣлка, отбрасывающая тѣнь на острове Димносъ, какъ кручина міра, какъ напоминаніе о гибели кораблей у грозныхъ скалъ ея: но города ея уже не имѣли никакого вліянія на судьбы Греціи, которой суждено было въ свою очередь быть данницею Македоніи и Рима. Осталось у нихъ одна внутренняя домашняя свобода и самоправность, какою, обыкновенно, пользуются всѣ города, находящіеся въ составѣ большихъ государствъ. Остались у нихъ свои храмы, кладбища, городскіе совѣты, таможи и право чеканить монету, и признавать консулами по торговымъ дѣламъ, кого они любили, а городской людъ по прежнему подавалъ свой голосъ на маленькихъ вѣчахъ. Во время Македонскаго владычества на Аеонѣ возникли города Уранополь и Стратоники. Съ той поры, когда Римляне обратили всю Македонію въ свою провинцію (148 г.), эта гора раздѣляла участь ея. Сперва она состояла въ вѣдомствѣ преторовъ и проконсуловъ, потомъ Сената, который, почтивъ Октавія высокимъ титуломъ Августа послѣ Агтійской побѣды его, ввелъ новое лѣтосчисленіе со дня этой побѣды, ввелъ вездѣ и на Аеонѣ, какъ это доказываетъ надпись на гробницѣ Германа Иракла въ тамошнемъ Ватопедѣ. По смерти Августа, Македонія и съ нею Аеонъ отданы были Сенатомъ императору Тиверію, какъ удѣльное имѣніе въ слѣдствіе жалобъ на притѣсненія и корыстолюбіе проконсуловъ. Послѣ Тиверія владѣлъ ими Калигула. А преемникъ его Влвдій, который царствовалъ съ 41 по 54 годъ по рождествѣ Христовомъ, отдалъ ихъ римскому народу, въ пользу котораго поступали всѣ доходы съ Македоніи, слѣдовательно и съ Аеона. О дальнѣйшей политической судьбѣ этой горы въ царствованіе Нерона и преемниковъ его до Константина Великаго я ничего не знаю, считая баснею сказаніе монаховъ Баракальскаго монастыря, будто императоръ Антоній Баракалла (211—217 г.) построилъ этотъ монастырь послѣ того какъ увѣровалъ во Христа,

бывъ пораженъ чудесами преподобномученицы Параскевы *). Константинъ Великій раздѣлилъ всю свою имперію на четыре префектуры, Восточную, Илирійскую, Италійскую и Галлійскую, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на области и провинціи **). Въ составъ Илирійской префектуры вошла и вторая Македонія, *Salutaris*, съ ея столицею Фессалоникою, и слѣдовательно съ ближнимъ къ ней Аеономъ. Этою областію управляли проконсулы, а Аеономъ квесторы и трибуны. Когда же императоръ Гратіанъ провозгласилъ Феодосія соправителемъ своимъ въ 379 году, тогда отдалъ ему въ управленіе весь Востокъ, Фракію, и большую часть Илиріи, Панноніи, Илирика и Далмаціи, кои остались въ составѣ имперіи Западной, отдалъ Мизію, Дарданію, Превалитанію, всю Македонію, Епиръ, Фессалію, Ахаію, Грецію, и всѣ острова Эгейскіе и Архипелагскіе, съ Кипримъ и Бритомъ. Городъ Солунъ (Фессалоники) объявленъ былъ столицею восточной Илиріи, и былъ управляемъ префектомъ преторіи. Отъ него зависѣлъ и Аеонъ. При Константинѣ Великомъ эта гора оварилась первыми лучами христіанства. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Теперь же настаетъ надобность раскрыть нѣкоторыя стороны языческаго Аеона, но указанныя классическими писателями древнихъ временъ, но требующія освѣщенія, безъ котораго кое-что въ исторіи этой горы останется темнымъ. Я разумѣю первоначальное основаніе трехъ селищъ на Аеонѣ, именно, Хилантира, Самарія и Барія, и появленіе тамъ Законовъ, или Цаконовъ.

*) *Hist. de l'etat present de l'Eglise Grecque par Ricaut, à Amsterdam 1698.*

** *Zosim. in notitia dignitatum utriusque imperii L. II, c. 33.*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СООБРАЖЕНІЯ О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНІЯ АЕОНСКИХЪ СЕЛИЩЪ: ХИЛАНТИРА, САМАРИИ И БАРИИ И ПРИШЕСТВІЯ ЗАКОНОВЪ, ИЛИ ЦАКОНОВЪ НА ЭТУ ГОРУ, ГОВОРЯЩИХЪ ОСОБЫМЪ НАРѢЧІЕМЪ.

§ 50. *Объ основаніи Хилантурскаго селища Филикіянами и Фракіянами, пришедшими изъ города Тира.*

На Аеонской горѣ и на перешейкѣ ея находятся мѣстности, кои получили свои названія еще тогда, когда тамъ не было ни одного монастыря, а существовали города и села; таковы напримѣръ: Комитисса на перешейкѣ у Франколименской пристани, Ваница близъ Зографскаго монастыря, Анапавса выше Ксиропотамской обители, Провата у Малаго Аеона съ сѣверной стороны. Надлежащее объясненіе этихъ названій помѣщено въ моей Статистикѣ Аеона. А здѣсь предлагаются изслѣдованія и соображенія только о трехъ мѣстностяхъ, именно, Холантирѣ, Самаріи и Баріи, и въ добавокъ объ Аеонскихъ Цаконахъ и ихъ нарѣчіи, для округленія исторіи Аеона языческаго.

Мѣстность подъ Славяно-Сербскимъ монастыремъ на св. Горѣ, въ обычныхъ разговорахъ, называется Хиландарь, а въ грамматахъ Сербскихъ Хеландарь, въ Греческихъ же Хилантири и Хелантари. Монахи въ старину производили и теперь производятъ это названіе отъ греческихъ словъ, χίλια ἀντάρα—тысящная мгла, χείλη λεοντάρι—уста львовы, и въ подтвержденіе такого словопроизводства рассказываютъ двѣ нелѣпности: а) будто во время оно различные варвары многократно подступали къ монастырю, но по Божію смотрѣнію внезапно покрывала ихъ такая густая мгла, что они не могли видѣть даже себя самихъ; отъ этой многократной, тысящной (?), мглы и монастырь сталъ именоваться Хил-антарь, тысящномглетель: (такъ же назывался онъ до этого

чуждаго чуда, и почему иносидя въ мѣрскихъ приматахъ Хилантири?) б) будто монастырская долина съ обрамляющими ее высотами походитъ на разверстую пасть льва, и будто по причинѣ этого (воображаемаго) сходства монастырь именованъ Хиллеондари, короче Хиландари. Уже самая разность этихъ двухъ толкованій доказываетъ что они оба не вѣрны. Гораздо правдоподобнѣе то преданіе, которое слышалъ и по своему обдумалъ нашъ пономникъ Бареній въ 1744 году. Вотъ оно. «Иные повѣствуютъ, яко отъ древняго мѣстога урочища, на коемъ же монастырь создадъ, еице проименованъ онъ, и до нынѣ бо познается, яко на вѣтхихъ мѣстинъ остаткахъ древняго града основанъ есть: еже урочище именовашася Халандаръ, сие есть *ρομα λεωσι*.... Можетъ быть оттуда иречеся, яко древній тамо ижегда бывшій градъ имѣяше предъ враты, вмѣсто іероглифика мѣстога льва съ отверстыми устами, живо отъ мрамора мастиченнаго». Но оставимъ эти монашескіе тоднѣ, и обратимся къ стариннымъ дѣписаніямъ монастыря. Въ одномъ изъ нихъ, именованъ въ сигилліонѣ царя Алексія Комнина 1199 года славано, что обитель Хелантірія, τῷ *Χελαντηρίου* на св. Горѣ основана очень давно, но запустѣла, по просьбѣ же великаго жупана Сербіи Немаѣя, въ монашествѣ Симеона, отдана ему во владѣніе съ мѣстностию Миланскою ¹³¹). Въ другомъ дѣписаніи, именованно въ хрѣсовудѣ царя Михаила Палеолога, 1272 года, эта греческая обитель названа уже сербскою, но прибавлено, что она чувствуется во имя Пресвятой Богородицы Хилантиоритиссы ¹³²). Отсюда видно, что древнѣйшее названіе монастыря есть Хилантири, а не Хиландаръ, и что въ немъ находилась старинная икона Богоматери, которую застали Сербы, а которая называлась догречески Хилантириотисса. Здѣсь спрашивается: отъ кого же самій монастырь и эта икона въ немъ получили такое названіе? Отъ мѣста ли Хилантири, или отъ мѣстога перваго тутъ монаха Хелантірія, или Хилантириота, строителя сей обители? Удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса

не затруднительно. Известно, что иконы Богоматери какъ у насъ такъ и у Грековъ, и на Аѳонѣ, по большой части имѣютъ названіе тѣхъ мѣстъ, селеній и городовъ, въ которыхъ онѣ явились, или прославились: такъ наши иконы ея, Владимірская, Смоленская, Казанская, названы именами нашихъ городовъ; такъ греческія иконы, Кику на островѣ Кипрѣ, Мессонисіотисса т. е. средостровская въ Аѳонскомъ монастырѣ св. Павла, Портантисса—вратарница въ Иверской обители, Виматарница—алтарная въ Ватопедѣ и прочія, получили названія отъ алтаря, отъ воротъ, отъ острова, отъ селища Кику. Точно такъ же и Хилантиріотисса названа по мѣсту Хилантири. Даже грамматическое окончаніе сего названія, *отисса*, по свойству греческаго языка, заставляетъ разумѣть мѣстность, а не что либо другое. Грекъ не иначе назоветъ, напримеръ, пещерную икону Богоматери, какъ Спиналотисса отъ *σπίλων*—пещера. И такъ самое слово, Хилантиріотисса, доказываетъ, что существовало мѣстечко, Хилантири, отъ котораго и икона прозывалась подобозвучно. Это мѣстечко находилось на Аѳонѣ тамъ, гдѣ стоялъ и стоитъ Хилантирскій монастырь. Доказательствомъ тому служить и мѣстное преданіе, которое слышалъ и сообщилъ намъ Барскій, сказавъ слѣдующія слова: «ныне повѣствуютъ, яко отъ древняго нѣкоего урочища, на немъ же монастырь создася, сице проименовася онъ.» Кромѣ преданія остатокъ Македонской древности, вставленный въ стѣну одной монастырской башни, о которомъ будетъ говорено ниже, есть непрерываемый свидѣтель существованія городка, или слободы, на мѣстѣ нынѣшняго Хилантирскаго монастыря. Всякій, взглянувъ на этотъ памятникъ, и вспомнивъ оное преданіе и оное названіе Богоматерней иконы, расудитъ и рѣшитъ, что на Аѳонѣ было селеніе, называемое Хилантири, и что его именовъ прозвана была какъ самая икона такъ и обитель возникшая на его мѣстѣ. Такому рѣшенію не противорѣчитъ вышепомянутый сигилліонъ Комнина, въ которомъ эта обитель названа именовъ не мѣста, а нѣкоего Хелан-

тирія. Хотя греческое рѣченіе *ἡ μονὴ τοῦ Χελαντηρίου*—обитель Хелантирія, и доказываетъ, что былъ на Аѳонѣ нѣкій монахъ, по прозванію Хелантирій, что онъ построилъ обитель, о которой идетъ рѣчь, и что его прозваніемъ честили ее точно такъ же, какъ и другія обители тамъ честили были прозвищами ихъ строителей, напримѣръ: *ἡ μονὴ τοῦ Ἐσφιγμένου, τοῦ Κοχλιαρᾶ, Κουτλουμουσίου*, обитель Есѳигмена, Кохліара, Бутлумусіа; но такъ какъ на Аѳонѣ, издревле по нынѣ, монахи имѣютъ прозвища тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ они пришли: одинъ прозывается Византіей отъ роднаго города его Византіа, другой Бутуліаносъ отъ села Бутуліана, третій Бастомонитисъ отъ малоазійской крѣпости Бастамуни: то и оный Хелантирій прозывался по имени Аѳонскаго селѣща Хелантири. Знать, онъ былъ тамошній уроженецъ. Когда родина его вмѣстѣ съ Аѳонскими городами была разворена магометанами не задолго до 676 года послѣ Р. Х., и когда вскорѣ послѣ этой бѣды стали селиться тамъ уже монахи по волѣ царя Константина Погоната; тогда и онъ пришелъ на старое пещелище свое и построилъ тутъ обитель, которая въ дѣловыхъ записяхъ справедливо носила еге прозвище, а въ монашескихъ разговорахъ справедливо называлась Хилантирскою по свѣжему воспоминанію о бывшей Хилантирской слободѣ, и объ уцѣлѣвшей, или скрытой отъ магометанъ иконѣ Богоматери Хилантиріотиссы.

Итакъ вѣрное названіе Славяно-Сербскаго монастыря на Аѳонѣ дознано; память о мірской селитвѣ подъ нимъ, имѣвшей тоже самое названіе, воскрешена. Остается узнать происхожденіе названія этой селитвы, время основанія ея, и, если можно, судьбу ея.

Названіе Хилантири, по мнѣнію моему, сложено изъ двухъ словъ, Хиланъ и Тири. Первое слово напоминаетъ Прикаспійскую область Персовъ Гиланъ, а второе—Ѳракіійскій городъ Тири, ко-

торый Афиняне оспаривали у Македонскаго царя Филиппа *). А эти два напоминанія тѣсно связываются съ двумя историческими соображеніями монжи, кои подирѣняются рукотворенными памятниками глубокой древности, находящимися въ Хилантирскомъ монастырѣ.

Вотъ первое соображеніе. Когда Персидскіе цари Дарій и Ксерксъ овладѣли Аеономъ, тогда въ ихъ флотѣ находились Финикіяне. Они вмѣстѣ съ Персами и Аеонитами три года (съ 493—490 г.) копали каналъ на Аеономъ перешейкѣ, и тутъ учредили свой рынокъ, на которомъ продавали азіатскую пшеницу **). Въ это время, — я полагаю, — была основана ими малая селитва Хиланъ, о которой идетъ рѣчь мол. и основана по необходимости. Такъ какъ Персамъ и Финикіянамъ при копаніи канала необходимо нужно было большое количество деревянныхъ подмостковъ, о которыхъ упомянулъ Иродотъ, а строевой лѣсъ, ради ускоренія работъ, они могли получать моремъ только съ двухъ ближайшихъ мѣстъ, съ Аеонскаго погорья, что противъ острова Мульяни, и съ высотъ нынѣшняго Сербскаго монастыря, у котораго находится глубокая и защищенная отъ вѣтровъ бухта; то сія необходимая нужда не могла не заставить ихъ держать лодки въ этой бухтѣ для скорѣйшей доставки деревъ къ тому устью копаемаго ими канала, который сообщался съ заливомъ Стримонскимъ. Моремъ доставлять туда дерева съ этой стороны было такъ же удобно, какъ и перевозить ихъ со стороны Мульянской на перешеекъ. Этого требовала скорость работы, потому что полки Ксеркса были уже въ походѣ, и каналъ велѣно было прорыть для флота, во что бы то ни стало. Такимъ образомъ при сказанной бухтѣ, которая въ то время простиралась далеко внутрь горной долины, возникла малая селитва. Ее называли Ги-

*) Demosthen. Φιλίππου ἐπιστολὴ.

***) Herodot., L. VII, c. 22. 23.

ланъ, мягче—Хиланъ, звать, потому, что поселенцы выбраны были изъ солдатъ Прикаспійской области Персовъ, Гилана, которую зналъ Страбонъ ¹³³). Для этой солитвы Финикіянне выкопали колодець, который въ Хилантирокомъ монастырѣ существуетъ и теперь. Онъ, какъ доказали мои наблюденія надъ нимъ, сдѣланъ особымъ образомъ. Въ глубь его, съ восточной стороны, есть просторъ, изъ котораго вѣетъ воздухъ такъ, что къ западу отдувается спущенный на бичавкѣ къ самой водѣ фонарь со свѣчомъ. Оттуда идетъ притокъ воды. А на противоположной сторонѣ продѣланъ выходъ для нея, по которому она протекаетъ подъ монастыремъ, и вливается въ соединенный потокъ, иногда пересыхающій, иногда бурно текущій. Точно таково устройство древнѣйшаго колодца въ Аеонскомъ городкѣ Іериссѣ. Подобныхъ водоемовъ нѣтъ нигдѣ на Аеонѣ. Ихъ никогда не дѣлали монахи. Они строили водопроводы на поверхностяхъ горы. Вотъ почему Хилантирскій колодець я усвою не имъ, а подданнымъ Ксеркса Финикіянцамъ, которые, какъ извѣстно, умѣли находить подземельную воду и пускали ее вверхъ чрезъ буравленные черепы земан. Этотъ водоемъ смылъ и унесъ всякое сомнѣніе мое о существованіи мірской слободы на мѣстѣ Сербской лавры во времена до-христіанскія. А устройство его по финикійскому способу заставила меня отнести основаніе этой слободы къ тому времени, когда Персы съ Финикіянами при Ксерксѣ занимали Аеонъ. Другаго времени, болѣе удобнаго для основанія ея, и другаго народа, кромѣ Персовъ, который могъ бы дать ей названіе Гиланъ, гречистѣ Хиланъ, не представляетъ исторія сей горы. Тогда, повторю, возникла слобода Хиланъ. Остались ли жить въ ней Персы и Финикіянне послѣ неудачныхъ походовъ Ксеркса въ Грецію, или ушли оттуда,—это неизвѣстно. Но названіе ея уцѣлѣло на Аеонѣ. Въ нему въ послѣдствіи присоединилось другое прозвище, Тирі. Кто присоединялъ оное, тотъ всталъ въ слободѣ старыхъ жителей, между которыми, всего вѣроятнѣе, было много туземныхъ Аеонцовъ. Таково первое соображеніе мое.

Вотъ и второе. Извѣстно, что Аѳонская гора, которой вершину не захотѣлъ преобразить въ статую Зевеса владѣтель ея Александръ Македонскій, покорена была отцомъ его Филиппомъ. Извѣстно также, что этотъ Филиппъ владѣлъ двумя Фракійскими городами, Тири и Версовлѣнтою, изъ которыхъ первый помогалъ ему оружіемъ въ войнѣ съ Аѳонянами ¹⁸⁴). Вотъ изъ этого города *Τήρη*, по мнѣнію моему, Филиппомъ приведена была на Аѳонъ Фракійская колонія и поселена въ тамошнемъ Хиланѣ въ то время, когда Аѳоняне понуждали его возвратить имъ Тири, а онъ не хотѣлъ отдавать сего города, и даже грозилъ имъ местию. Не умѣю лучше объяснить происхожденіе названія Хилан-Тири, и остаюсь при этомъ мнѣніи своемъ, предупредивъ возможную попытку производить Тири отъ Финикійскаго города Тура слѣдующимъ замѣчаніемъ: названіе Тири въ Аѳонскихъ актахъ писалось съ буквою η, *Τήρη*, а не съ υ, какъ пишется *Τύρος* въ Сиріи. Фракіяне, пришедши въ Аѳонское селище Хиланъ, удержали это старинное названіе его, но въ память своего переселенія прибавили къ нему имя роднаго города своего, Тири, и стали именовать новое мѣстопребываніе свое Хилантири.

Это селище существовало въ царствованіе Македонскаго государя Кассандра. Доказательствомъ тому служитъ уцѣлѣвшее тутъ изображеніе его, изваянное на мраморной плитѣ, которая вставлена въ колоколенную башню, снаружи монастыря, въ восточной оградѣ его. Онъ сидитъ на конѣ и ѣдетъ, а за нимъ идетъ конюшій его, одѣтый въ короткую рубашку и штаны. Рисунокъ сего барельефа помѣщенъ въ моемъ Живописномъ Обозрѣніи Аѳона. Хотя подъ этимъ барельефомъ и нѣтъ никакой подписи; но въ немъ нельзя не узнать царя Кассандра, потому что онъ точь въ точь изображаемъ былъ на монетахъ его. Одна изъ такихъ монетъ найдена была въ Аѳонскомъ городкѣ Каріѣ, и въ 1859 году подарена мнѣ. На ней четко вылиты слова, *Βασιλεὺς Κασσάνδρος*, а изображенъ этотъ царь верхомъ на конѣ

съ конюшнямъ позади его. Открытіе сего памятника вполне удостовѣрило меня въ истинности мѣстнаго преданія о томъ, что Славяно-Сербскій монастырь построенъ на основаніяхъ древнѣйшаго селенія Хилантири. Царь Кассандръ любилъ ли это селеніе, пожаловалъ ли ему какую либо особенную льготу, или только посѣтилъ его: это неизвѣстно. Но видно, что Хилантирцы были привзательны къ нему и чтили изображеніе его. Не онъ ли поселилъ въ Хиланѣ Фракійскихъ Тирицовъ? И не это ли событіе ознаменовано было постановкою мраморнаго изображенія его въ мѣстномъ каплицѣ, или вѣчѣ? Могло это статься. Впрочемъ кто бы ни устроилъ Хилантирскую слободу, Филиппъ ли, Кассандръ ли, но сказаніе о существованіи ея съ 490 года до Р. Х. должно быть внесено въ исторію Аѳона. Персидское названіе ея Хиланъ, соединенное съ именемъ Фракійскаго города Тирі, Финикійскій колодець въ ней, изображеніе царя Кассандра, найденное въ развалинахъ ея, мѣстное преданіе о существованіи ея, грамоты царей Алексія Комнина и Михаила Палеолога, упоминающія объ Аѳонской иконѣ Богоматери Хилантиріотиссы, все это вмѣстѣ составляетъ прочную основу для историческаго славанія о слободѣ Хилантири. Ее построили Персы и Финикияне, а достроили Фракійскіе Тирицы. Въ ней славилось имя Христа Бога и пречистой Его Матери, пока не разорили ее магометане. А послѣ разворенія, на мѣстѣ ея возникъ монастырь, устроенный нѣкимъ Хилантиріотомъ въ царствованіе Флавія Константина Погоната. Но и его разрушили варвары, а возобновилъ великій жупанъ Сербіи Стефанъ Неманъ, въ монашествѣ Симеонъ, около 1193 года.

¹³¹⁾ Χρυσόβουλλον Σιγίλλιον Ἀλεξίου βασιλέως καὶ αυτοκράτορος τῶν Ῥωμαίων τοῦ Κομνηνοῦ, 6707 ἔτους. ¹³²⁾ Χρυσάβουλ. Σιγίλλ. Μιχαὴλ βασιλ. τοῦ Παλαιολόγου, 6780 ἔτους. ¹³³⁾ Strab. L. XI, с. 7. ¹³⁴⁾ Φιλίππου ἐπιστολὴ ἀπὸ Demosthen. Edit. Paris. 1843. pag. 84.

§ 51. *О времени основанія крепости Самарія Персали и Фитикиянами у Хилантирской пристани.*

Хилантирскій монастырь имѣеть свою пристань въ ближайшей къ нему пазухѣ моря у высокаго и скалистаго холма, отдѣльнаго отъ сосѣднихъ горъ, напротивъ малой береговой обители св. Василія. Этотъ холмъ, омываемый моремъ съ сѣверной и отчасти съ западной стороны, и простирающійся до Ксеногменова монастыря, въ разговорахъ называется Самара, а въ запискахъ и границахъ Самарія. На немъ, въ первую бытность мою на Афонъ въ 1845—6 году, не было никакого жилья, а видѣлись одни основанія монашескихъ келлій, ближе къ Ксеногмену; но въ 1804—5 году еще стояли четыре дома, въ которыхъ спасались подвижники. Тогда ихъ видѣлъ Ксеногменей игуменъ Феодоритъ, и упомянулъ о нихъ въ описаніи своего монастыря ¹²⁶). На вершинѣ Самарійскаго холма ближе къ сѣверной пристани, по увѣренію того же Феодорита, находилась старинная крепость, а въ ней—обитель въ родѣ скита; въ обители же этой, въ царствованіе Андроника Младшаго, жилъ тотъ Калабрійскій монахъ Варлаамъ, который смутилъ всѣхъ святогорцевъ своимъ неправильнымъ ученіемъ ¹²⁶). Ни этой крепости, ни скита въ ней давно уже нѣтъ. Ихъ разорили Турки, которые многократно грабили Афонскіе монастыри. О Самаріи мимоходомъ упомянуто въ хрисовулѣ Сербскаго царя Стевана Сильнаго (1348 г.) при подробномъ описаніи границъ Хилантирскаго монастыря ¹²⁷). Этотъ царь, покорившій Афонъ своей властью, намѣревался построить тутъ сербскій городокъ, но не исполнилъ этого намѣренія своего ¹²⁸). Итакъ Самарія, по Афонскимъ даннымъ, некое только было у меня въ рукахъ, известное съ 14 вѣка. А древнѣйшая Афонская монета, найденная въ землѣ у смежнаго съ Самарією пирамидальнаго холмика въ 1859 году и подаренная мнѣ тамошнимъ отшельникомъ, доказываетъ, что Самарійская мѣстность съ

пристанью была заселена еще во времена до-христианскія. На этой монетѣ богиня Афина изображена въ проемѣ съ удлинненнымъ глазомъ, точь въ точь похожимъ на глаза египетскихъ саркофовъ и боговъ изваянныхъ, а по сторонамъ символической птицы ея (совы) вычеканена надпись αθήναι, а не αθήνας. Слѣдовательно сія монета вылита была еще тогда, когда Греки вмѣстѣ Н писали Е, и писали горизонтально, и когда еще не изгладилось воспоминаніе о пришествіи Египтянъ въ Атенду, гдѣ находится городъ Аемпы, — вылита по крайней мѣрѣ за 600—500 лѣтъ до рождества Христова. Конечно, она могла попасть въ Хиданскую, или Хилантирскую, Самарію гораздо позже, даже предъ появленіемъ монеты перваго христіанскаго государя, но могла зайти туда и въ вѣкъ Перикла (469 г. до Р. Х), или во дни Александра Македонскаго, либо Кассандра, и съ той поры обращаться на мѣстѣ, и зарыться въ землю. Такія возможности равно мыслимы. Впрочемъ ни которой изъ нихъ я не предаю вѣса, а оную монету, вырытую на мѣстѣ, ставлю на видъ, какъ доказательство существованія Самарійской селитвы во времена дохристіанскія. Эта селитва съ крѣпостцю на холмѣ была неабѣдна у Хилантирской пристани, требовавшей защиты отъ непріятелей. Кто же и когда построилъ ее? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ самое названіе Самарія. Такъ какъ оно не имѣетъ корня въ языкѣ греческомъ, а сродно съ семитическимъ названіемъ Шомронъ, которое греки писали Самарія, да и напоминаетъ древнѣйшій городъ Самаріану въ Ирано-Гиланской области Персовъ у Каспійскаго моря¹³⁹); то я полагаю, что Самарійская селитва на Ассѣ возникла въ одно время съ тамошнимъ Хиланомъ, и что ее осмелвали Персы и Финикіане въ тѣ годы, когда они перешагивали Ассійскій перешеекъ для флота царя Ксеркса, то есть, около 493—490 года до Р. Х. Тутъ финикіане поклонялись своему богу Мелькарту, а Хилантирицы Ираклу яблочному, и совершали празднество въ честь его, такъ называемое Милба. отъ чего и самая

мѣстность, о которой идетъ вся рѣчь, называлась Милеонъ. Это послѣднее названіе ея вошло въ грамматы царей Византійскихъ, Алексія Комнина и Михаила Палеолога, въ которыхъ между прочимъ сказано, что тутъ существовали кельи, такъ называемыя семніи, *σεμνεῖα*, по нашему укронниці, т. е. скромненькія, убогія хижины ¹⁴⁰).

Я доволенъ своими соображеніями о Самаріи. А если кто возразитъ почему ни о Халантирѣ, ни о Самаріи не упомянули ни Фукидидъ, ни Страбонъ, ни Плиній, когда говорили объ Аеонѣ; тому одинъ отвѣтъ: эти классическіе писатели говорили о городахъ на Аеонѣ, а не о селахъ и слободахъ; Халантиръ же и Самарія были не города, а такія же селища, какъ Сисвико выше Вспропотама, Палеохори близъ Есѳигмена, Хѣрово въ области Зограэстаго монастыря.

¹³⁵) Περιγραφή τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Ἐσφιγμένου ἐν τῷ αγ. ὄρει τοῦ Ἀθω. χειρόγραφον. ¹³⁶) Περιγραφή τοῦ Ἀθω. ἡγίου. Θεοδώρητου. χειρογραφ. ¹³⁷) Хрисовуль серб. царя Стефана 6856 года въ Хиландарѣ. ¹³⁸) Ibidem. ¹³⁹) Strab. L. XI, c. 7.—¹⁴⁰) Σιγίλλ. Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ 6706 ἔτους.

§ 52. О времени основанія Каріи на Аеонѣ.

Въ средоточіи Аеонской горы на сѣверной сторонѣ ея расположенъ малый монашескій городокъ. Русскіе, Болгары, и Сербы называютъ его Карѣя, а греки *Καρέτι* *Καρεῖτις*, и воображивъ, что это названіе происходитъ отъ греческаго слова *κάρη*—*черепъ* *золоты*, рассказываютъ странности. «Когда монахи вояпали основаніе для соборной церкви, тогда нашли-де много череповъ и потому всему мѣстечку дали названіе Черепникъ (*Καρεῖτις*); а по словамъ другихъ рассказчиковъ оно названо такъ потому, что тутъ найдены были валяющіеся черепы тѣхъ несчастныхъ, которыхъ умерщвляли варвары, часто нападавшіе на Аеонъ ¹⁴¹). Нелѣпность такихъ рассказовъ явна, какъ явно безобразіе двухъ

сросшихся уродцовъ. Не это даютъ разумѣть древнія монастырскія дѣянія на греческомъ языкѣ. Въ нихъ читается *Λαβρά Καρύου*, *ἡμετέρας ἀρχῆς τῶν Καρύου* ¹⁴²). Итакъ истинное названіе онаго города есть Карба; отъ греческаго слова *Карба*—*орѣваъ*, и значить орѣшники. Это значеніе подтверждается и самою мѣстностію; которая наполнена множествомъ орѣшниковъ.—Карія, какъ сборное мѣсто Аеонскихъ монаховъ, извѣстна была подъ этимъ названіемъ еще во дни св. Аванасія Аеонскаго, ранѣе 961 года по рождествѣ Христовомъ. Но не тогда возникло это названіе: нѣтъ, оно весьма древно на Аеонѣ. Тамашнюю Карію зналъ еще Стефанъ Византійскій, писатель пятого вѣка. Онъ, упомянувъ о Македонскомъ городѣ Стратонии, который на картѣ Птолемея стоитъ у средины Аеона, опредѣлил мѣстность его близостію къ Каріѣ ¹⁴³). А такъ какъ въ Македоніи существовала и существуетъ только одна Карія, Аеонская, и такъ какъ отъ Стратонии, или отъ нынѣшняго Ксиропотамскаго монастыря, дѣйствительно, весьма близко до этой Каріи; то ее и надобно разумѣть у Стефана Византійскаго, а въ исторіи Аеона говорить, что она существовала въ пятомъ вѣкѣ, какъ городъ средоточный, отъ котораго тогда измѣрялись разстоянія по крайней мѣрѣ ближайшихъ городовъ Аеонскихъ *). Кто же основалъ ее и когда?

Я думаю, что эта Карія построена была если не отцомъ Александра Великаго Филиппомъ, то царемъ Македоніи Бассандромъ, который самодержавилъ съ 317 года по 298-й до Р. Х.; а думаю такъ не безъ основаній. Во первыхъ, Стефанъ Византійскій далъ мнѣ поводъ заключать, что Карія старше города Стратонии. Онъ сказалъ, что сей, второй, городъ, названный такъ по имени супруги царя Антиоха, находится *близъ Каріи*, и та-

*) Аеонская Карія, мимоходомъ упомянута Стефаномъ, опущена въ *республику* городовъ его, но опущена не имъ, а сократителемъ его сочиненія «*О городахъ*».

нѣмъ образомъ опредѣлилъ мѣстоположеніе его мѣстностию уже неизвѣстною въ географіи, слѣдовательно старшею. А такъ какъ супруга Антиоха, Стратонига, жила въ 281—262 годы до Р. Х. то и выходитъ, что Карія, въ которой былъ близокъ городъ Стратонниа, уже существовала въ эти годы. Во вторыхъ, въ Каріѣ найдена была мѣдная монета царя Кассандра, о которой я говорилъ выше. Эта находка подтвердила мое заключеніе, выведенное изъ словъ Стефана Византійскаго, и мое мнѣніе о времени основанія Каріи при Кассандрѣ между 317 и 298 годами до Р. Х. Не имѣя другикъ *лучшихъ* данныхъ, я не могу относить начала сего города по времени болѣе отдаленному, потому что о немъ не упоминали ни Иродотъ ни Фукидидъ, а по другимъ соображеніямъ историческимъ полагаю, что онъ построень былъ поселенцами, прішедшими на Аеонъ изъ Пелопоннеса, именно Цаконами, о которыхъ начинается особое слово, какъ основаніе этихъ соображеній.

¹¹¹⁾ Путешествіе Барскаго. С. П. Б. 1785. стр. 606. ¹¹²⁾ Ἐγγράφον τοῦ 6856 ἔτους, ἐπιχρωθὲν παρὰ Πρώτου τοῦ ἀγ. ὄρους Γερμανοῦ. Ἐγγράφον τοῦ 6883 ἔτους ἐπιχρωθὲν παρὰ Πρώτου Γερασίου. ¹¹³⁾ Stephan. Byzant. de urbib. Σρατονίκη πόλις Ptolem. Geograph. L. III. § 2.

§ 53. *О поселеніи Цаконовъ на горѣ Аеонской.*

Каждый монахъ на Аеонѣ твердо увѣренъ, что на этой горѣ, во времена дохристіанскія, жили Цаконы, они же и Цакони, и что ихъ выселилъ оттуда царь Константинъ Великій, когда рѣшился отдать Аеонъ монахамъ. Въ 1845 году начальникъ Берасійскаго скита іеромонахъ Неоантъ говорилъ мнѣ, что этотъ государь пригласилъ Аеонскихъ Цаконовъ служить въ цолнахъ съ жалованьемъ по три лева въ день, и, когда они сошлись, отправилъ на 60 судахъ однихъ во Анатолію,

а другихъ во Морю, потомъ переселилъ къ нимъ жёнъ и дѣтей ихъ.

Хотя и нельзя принять этого преданія во всей полнотѣ его, потому, что мирскіе жители Аеона, какъ узнаемъ послѣ, удалились оттуда не при Константинѣ Великомъ, а при царяхъ Константинѣ Погонатѣ, Константинѣ Мономахѣ и Алексѣй Комнинѣ; но нельзя и отрицать сущности его, то есть, пребыванія Цаконовъ на Аеонѣ. Это племя и теперь существуетъ въ Греціи. Цаконовъ много въ Константинополѣ: немало ихъ погъ кукулями и на Аеонѣ. А такъ какъ всякое живое племя имѣетъ свои живучія преданія; то и понятно, какъ могла поддерживаться на Аеонѣ увѣренность въ томъ, что на этой горѣ жили Цаконы: они же сами и поддерживали ее, рассказывая своимъ и чужимъ былое. Я раздѣляю съ святогорцами эту увѣренность, и ниѣя ее, считаю нужнымъ для полноты исторіи языческаго Аеона рѣшить только слѣдующіе вопросы: Кто эти Цаконы, и какое у нихъ нарѣчіе? Упоминаетъ ли о нихъ древняя исторія? Когда они поселились на Аеонѣ, и гдѣ тутъ жили? Есть ли какіе нибудь слѣды пребыванія ихъ на этой горѣ пресловутой.

Цаконы, они же и Лаконы, суть древнѣйшіе жители Пелопоннеса, туземцы а не пришельцы. Теперь ихъ тамъ немного, всего тысяча семействъ, или четыре-пять тысячъ душъ. А живутъ они въ большой слободѣ, называемой Леонидіонъ, напротивъ Сметцовъ ⁴⁴). Нарѣчіе у нихъ греческое, но особенное. Грамматику и словарь его я помѣщаю въ Оправданіяхъ сей исторіи, а здѣсь представляю лишь нѣсколько словъ не столько для любопытства, сколько для оправданія нѣкоторыхъ соображеній моихъ касательно пребыванія Цаконовъ на Аеонѣ: εἰοῦ я, εἰοῦ ты, εἰοῦ онъ, εἰοῦ вось, εἰοῦ есть, εἰοῦ я былъ, εἰοῦ онъ былъ, εἰοῦ вы были, εἰοῦ вы были, εἰοῦ они были, ρεῖοῦ я вижу, ρεῖοῦ видятъ, μαρὰ οὐρῶν, ὄζε логовище звѣрей, τὰραцо черевица, τὰραцо башмакъ, τὰραцо ложе, τὰραцо водна, δυτὰραцо

правда. Тѣ произносятся какъ џ. Вообще въ языкѣ Цаконовъ часто слышится звукъ џ. Поэтому, вѣроятно Аттическіе Близны запросто называли ихъ Цаконами, а въ книгахъ Законами.

Въ Аѳонскихъ дѣяніяхъ упоминаются монахи изъ Цаконовъ. Одинъ изъ нихъ, именемъ Алексѣй, въ 1743 году устроилъ Палеохорскую келью съ храмомъ всѣхъ святыхъ близъ Есѣягинова монастыря, и скончался въ 1803 году ¹⁴⁵).

А исторія давно знаетъ племя Цаконовъ. Часть ихъ поселилъ въ Константинополь царь Михаилъ Палеологъ въ 1269 году. Тутъ они состояли у него въ морской службѣ ¹⁴⁶). Во время войны Спартанцовъ съ Олинтянами дѣйствовала Цаконовская конница на правомъ крылѣ арміи полководца Телевтія ¹⁴⁷). Довольно и этихъ двухъ свидѣтельствъ исторіи для всякаго желающаго удостовѣриться въ томъ, что она упоминала о Цаконахъ.

Когда длилась изнурительная война Пелопонесская, тогда Цаконовъ еще небыло на Аѳонской Горѣ. Ихъ не помѣщали тутъ Фукидидъ, принимавшій участіе въ этой войнѣ, написавшій исторію ея, и очень хорошо знавшій жителей Аѳона Висалтовъ, Бристоновъ, Идоновъ, Дактидѣевъ, Халкидикійцовъ и Пеласговъ. Цаконы, какъ я думаю, призваны были на Аѳонъ уже Македонскими царями Филиппомъ и Кассандромъ, какъ единоплеменники тѣхъ Еолянъ, которое еще около 1124 года до Р. X. основали тутъ города, и какъ новыя силы, необходимыя для упроченія единодержавія въ приморскихъ областяхъ Македоніи, именно, въ Паллиніи, Скюніи, Аѳонѣ и Халкидикіи; гдѣ съ давнихъ временъ господствовало непріятное для монархіи народодержавіе. Эти новыя поселенцы состроили новый городъ на Аѳонѣ, Барію, который сдѣлался столицей этой Горы, такъ что географы, напримеръ Стефанъ Византійскій, отъ него начинали измѣренія разстояній прочихъ городовъ тамошнихъ. Кромѣ Баріи Цаконы жили такъ въ Хилантири, Уранополѣ, Ваницѣ, Херовѣ, Стратоникѣ, Мороникѣ и Блеонахъ. Такъ подожительно я говорю не безъ

основаній. А основанія мои суть, во первыхъ, сходство названій мѣстъ и городовъ въ Пеллопонесской Лаконіи и на Аеонѣ, во вторыхъ начинаніе и окончаніе этихъ названій Цаконскими звуками, *цу*, *ца*, и въ третьихъ, служеніе одинаковымъ богамъ тамъ и здѣсь.

а) Въ Лаконіи, такъ видно изъ исторіи Фукидида, существовалъ городъ Каріа, *Καρία*. Въ 419 году до Р. Х. его прикрылъ Алягиадъ, когда Лакедемонцы намѣревались разграбить его. ¹⁴⁸). Вотъ изъ этого города и околота его, — я думаю, — пришли на Аеонъ Цаконы, и новое селище свое тутъ назвали именемъ прежней отчизны своей, какъ это обыкновенно дѣлаютъ почти всѣ колонисты. Они же принесли съ собою и корни орѣховыхъ деревьевъ, и насадили ихъ на новомъ мѣстѣ своемъ. Это говорю я потому, что всѣ Карійскіе орѣшники — садовые, и потому что на Аеонѣ нѣтъ орѣшниковъ лѣсныхъ: по крайней мѣрѣ я не видалъ ихъ тамъ. Близъ Каріи находились города, на южной сторонѣ Аэона Стратоники, а на сѣверной Клеоны. Надъ ихъ мѣстностями господствуетъ островерхая, лѣсистая высь, называемая Цука и Гаврилова гора. Первое названіе сходно съ Цаконскимъ словомъ *цуфа* голова, а второе напоминаетъ Пеллопонесскую гору Гавріасъ, у классическихъ писателей Апавросъ ¹⁴⁹). На западѣ отъ Стратоники течетъ рѣчка, раздѣляющая владѣнія монастырей Русскаго и Ксенооскаго. Ее называютъ Цурата. Я думаю, что это названіе немного переименовано монахами Сербо-болгарскими, которые долго владѣли Аеоно-русскимъ монастыремъ, и говорили лучше потурецки, нежели погречески, и что оная рѣчка называлась Вура, безъ болгарскаго придатка *та*. Если это вѣрно, то сія Вура вызываетъ воспоминаніе о Пеллопонессо-Ахайской рѣкѣ Вурѣ и о соименномъ ей городѣ, который стоялъ на берегу ея, и разрушенъ былъ землетрясеніемъ въ 373 году до рождества Христова ¹⁵⁰), и даетъ поводъ говорить, что послѣ этого несчастія нѣкоторые Вуранты поселились на той ровнинной высъ

Ассии, гдѣ лежатъ развалины стараго Руссика, и гдѣ протекаетъ рѣчка, и назвали ее и новое селеніе свое Вура, воздвигнувъ алтари Аеродитѣ и Вааху, которые почитаемы были въ Вурѣ Асийской ¹⁵¹). Эти вуранты были не Цаконы, но всетаки Целонесцы, которыхъ когда знаешь, такъ и лучше понимаешь происхожденіе названій многихъ мѣстъ на Асонѣ. Знаешь отъ Страбона, что въ Целонесѣ былъ городъ Клеоны на пути изъ Арроса въ Керирю ¹⁵²), и вспомнишь, что и на Асонѣ былъ еоммешный городокъ, основанный Целонесцами Еолянами около 1124 года до Р. Х., соображаешь, что и въ немъ могли жить Цаконы вмѣстѣ съ этими земляками своими, когда обстроилась и населилась соседняя Цаконская Карія, отъ которой до Клеонъ (нынѣ Шваръ) всего часть кодыбы. Знаешь отъ Павзанія, что въ Лаконіи обожалась была Аеродита подѣ названіемъ Морфео, и пржеда мѣстность на Асонѣ, ннѣшнюю это же самое названіе, полагаешь, что тутъ жили Лаконы, они же и Цаконы, и что они поселились тутъ послѣ Кристоновъ, Идоновъ и прочихъ Фраго-Асонитовъ, у которыхъ были другія богини, но не Морфео. Въ Целонесѣ двѣ высочайшія горы на югѣ, (у классическихъ писателей Ларгіонъ и Нарвонъ), въ составу которыхъ принадлежатъ Цаконскій Тайгетъ-гора, называются Молива ¹⁵³); тамъ же гора Цаконіи Кроніонъ вообще зовется Малево *): и на Асонѣ близъ Хилантира одишь островерхій высокій холмъ именуется Молива. Кромѣ этого Хилантирскаго Молива еще есть Молив-д-уза на первой отъ селенія Іериссо горной высотѣ, называемой Мегали-Вигла ¹⁵⁴). Въ маридаціи Молив-д-уза, упомянутомъ въ хрисовулѣ Сербскаго царя Стефана 1348 года, слышится Цаконское слово *όζε*, которое значитъ логовище авѣрей. Дѣйствительно въ

*) Μελεσιού γεωγραφία. Τ. β. ἐν Βενετία. 1807. σελ. 370. «Τὸ Κρόνιον τὸ ὀπίθον εἶναι τῆς Τζακονίας τὸ Βουνί, καὶ καλεῖται κρινῶς Μαλεβό.

той странѣ Аеона, гдѣ находится эта Моливду(о)за, водится много сернь и дикихъ кабановъ. Я видѣлъ ихъ, когда восходилъ на самое высшее темя Моливду(о)за, нынѣ Мегали Виглы. Недалеко оттуда, на пути къ Заграфскому монастырю, потокъ Іо-Ваница и сосѣдняя мѣстность Херово, кои въ Аеопогреческихъ актахъ пишутся Βάνισσα и Χαίρων ¹⁵⁵), напоминаютъ Пелопонесо-Арголидскую рѣку Ваницу же съ цаконскимъ окончаніемъ, у классическихъ писателей Ἰναχρος ¹⁵⁶), и Аполлона радующаго, χαίρων, который почитаемъ былъ въ Херонѣ ¹⁵⁷).

б) Въ томъ же околоткѣ Аеона, гдѣ находятся Моливо, Моливдуза, Ваница и Херово, многія мѣстности имѣютъ такіа названія, въ конкх слышится цаконскій звукъ ц; напримѣръ, Жомица, Маянца, Каланца, Хромница, и прочія. Замѣчательно это тѣмъ болѣе, что почти всѣ эти мѣста, какъ видно изъ Аеонскихъ дѣписаній, принадлежали господамъ, изъ которыхъ Хромница въ 1100 году послѣ Р. Х. построила монастырекъ св. Антонія между Зографомъ и Кастамонитомъ ¹⁵⁸). Аеонское имѣніе ея, находящееся подъ челомъ Мегали Виглы, досталось Аеонорусскому монастырю. Онъ владѣеть имъ нынѣ.

в) Въ Пелопонесѣ, въ этой родинѣ Цаконовъ, почитаема была мать боговъ. Тамъ въ Коринѣ, Спартѣ, Акріѣ и Мессинѣ, такъ же какъ и въ Аѣннахъ, въ честь ея совершалось празднество называемое γαλάκσια—молочное, во время котораго варился ячмень въ молокѣ ¹⁵⁹). Это же празднество,—смію думать,—совершали и Аеонскіе Цаконы въ своей Каріѣ, по обычаю своихъ предковъ. Не даромъ въ этомъ городкѣ, и только тутъ установилось почитаніе иконы Богоматери Млекопитательницы γαλακτοτρόφωσα. По мнѣ, оно введено было Карійскимъ клиромъ въ то время, когда весь Аеонъ озарился свѣтомъ христіанства, и введено благоразумно для отвлеченія новокрещенныхъ Карійцовъ отъ стараго языческаго празднества въ честь мнимой матери боговъ.

Этотъ клиръ поставилъ оную икону на мѣстѣ статуи сей *матери* въ освященномъ по христіански капищѣ ея, которое обычно называлось *Μητρόσιον*—*Матерникъ*. Это замѣчательное зданіе въ *Каріѣ* цѣло понынѣ. Оно весьма древно, и подперто каменными устоями, кои успѣли обветшать. Его купилъ у Прѣта св. Горы сербскій архіепископъ Савва. Въ немъ чтится икона Богоматери Млекопитательницы, однако не старая. Замѣчательно, что на *Аеонѣ* монахи понынѣ варятъ ячменную крупу въ молокѣ, потомъ высушиваютъ ее солнечнымъ жаромъ, и послѣ пирушки варятъ съ добавкою малаго количества воды. Я ѣлъ тамъ эту цаконскую кашу, и потому знаю цаконскій языкъ. Она весьма вкусна и питательна. Но обратимся къ главному предмету рѣчи. Въ *Лаконіи* совершался праздникъ въ честь *Артемиды*, называемой *Κάρια* и *Καριάτις*, по имени города *Καριαί*. Послѣ обычнаго жертвоприношенія дѣвицы составляли хороводъ и плясали. Ихъ называли *Καριάτιδες* ¹⁶⁰). Такой праздникъ, по всей вѣроятности, совершался и въ *Аеонскомъ* городѣ *Каріѣ*, котораго жители были переселенцы изъ *Каріи* *Лаконской*. Цаконы, живя въ *Пелопонесѣ*, почитали *Аполлона* *Радующаго*, *χαίρων*; когда же они перешли на *Аеонъ* и поселились тамъ на *Ваницѣ*, тогда и тутъ построили капище сему *Аполлону*. Я не былъ на этой мѣстности, но слышалъ, что вся она отрадна, и знаю, что въ *Зограѣскомъ* монастырѣ, которому принадлежитъ *Баница*, по нынѣ хранится малая икона Богоматери, слывающая подъ названіемъ *Радующей*, или *Радуйся*—*χαίρε*, и взятая изъ *Зограѣскаго* же хутора *Хѣрово*. Монахи рассказываютъ, что предъ этою иконою тамошній отшельникъ, во дни цари *Михаила* *Палеолога* (13 вѣка) непрестанно читалъ акаѣистъ Богоматери, и на привѣтъ радуйся, слышалъ отвѣтъ отъ иконы: радуйся и ты, старецъ Божій: и что поэтомуде икона названа *Радующею*, *χαίρουσα* ¹⁶¹). Но согласіе съ здравымъ смысломъ и съ *Аеонскими* дѣписаніями вѣрить, что она получила это названіе отъ мѣстности *Χαίρων*, по выговору

Болгаровъ и Сербовъ, Херово, какъ Хилантириотисса прозвалась отъ слободы Хилантири, послѣ того какъ христіанскій клиръ Аеона уничтожилъ капище Аполлона Радующаго—*χαίρων*, или обратилъ его въ церковь, поставивъ въ ней оную икону. Замѣчательно, что въ Херовѣ былъ монастырь Спасителя Радующаго, τοῦ Χαίροντος ¹⁶²). Явно, что тутъ встрѣтились двѣ религіи, языческая и христіанская. Вторая вытѣснила первую; и Аполлона Радующаго замѣнилъ Радующій Спаситель. Все цаконское мореходное народонаселеніе вышепомянутаго мною околота имѣло въ сосѣдствѣ свой городъ, Уранѡполь, построенный, какъ мы знаемъ, братомъ Македонскаго царя Кассандра Алексархомъ, и тутъ поклонялось покровительницѣ мореходовъ Аеродитѣ Ураніи, которая имѣла свои алтари и въ Пелопонесской Лаконіи ¹⁶³). Новое сходство мифологіи Аеонской и Лаконской!

Послѣ всѣхъ этихъ изслѣдованій и соображеній я признаю основательнымъ преданіе Святогорцовъ о пребываніи Цаконъ на Аеонѣ, и осмѣливаюсь сказать, что эта гора, подъ властію царей Македонскихъ, была второй Пелопонесъ, въ которомъ Цаконы, по политическимъ видамъ этихъ царей, сгущены были на срединѣ Аеона въ Каріѣ и Стратоникѣ, и у перешейка сей горы въ Уранополѣ и въ окрестностяхъ его, Ваницѣ, Херовѣ, Хромницѣ, Кошицѣ и проч., и такимъ образомъ сдерживали волю старинныхъ республиканскыхъ городовъ, Ананѡса и Сависа, Діона и Олофикса, Оиссоса, Клеоновъ и Акраѡсоса.

¹¹⁴ *Πραγματεία τῆς Λακωνικῆς (Τσακωνικῆς γλώσσης. Αθήνησιν. 1846.* ¹¹⁵ *Περιγραφή τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Ἐσφιγμένου, χειρόγραφον.* ¹¹⁶ *Georg. Pachymer. de Michaelē Palaeologo L. IV. c. 26.—Nicephor. Gregor. Histor. Byzant. L. IV, c. 5.* ¹¹⁷ *Xenophon. L. V, c. 2.* ¹¹⁸ *Thucid. L. V, c. 55.* ¹¹⁹ *Hellenisch Alterthumskunde von Wachsmuth. T. I. pag. 28.* ¹²⁰ *Strab. L. I, c. 3. Diodor. Sicul. L. XV, c. 48. 49.* ¹²¹ *Pausan. VII, 25, 5—8.* ¹²² *Strab. L. VIII, c. 6.* ¹²³ *Hellenisch Alterthumskund. von Wachsm. T. I. p. 28.*

¹⁵⁴⁾ Хрисов. Серб. цара Стефана 1348 года въ Хизани. ном. —
Ibidem. Περιγραφή τοῦ Ἀῶθω Κῦρ Θεοδωρήτου. χειρσγρ. ¹⁵⁶⁾ Wachsmut. T. I. p. 31. ¹⁵⁷⁾ Plutarch. Sylla 17. ¹⁵⁸⁾ Περιγραφή τοῦ Ἀῶθω Θεοδωρήτου. ¹⁵⁹⁾ Antiquités grecq. trad. de l'anglais de Robinet I II. p. 17. ¹⁶⁰⁾ Ibidem. T. II. p. 48. ¹⁶¹⁾ Вышній цокръ въ Аѳонѣ стр. 63, в. С. II. Б. 1860. ¹⁶²⁾ Хрис Серб. цара Стефана 1348 г. ¹⁶³⁾ Hesiod. Theogon. 91. Pausan. III. 23. I. Wachsmut. T. II. p. 518.

Кончено 9-го января 1864 года
въ 8^{1/2} часовъ по полудни въ
Александрон. лавръ.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. *)

Der Evangelist des alten Testaments v. Seinecke 1870.

Commentary on the book of Isaiah, critical, historical and profetical,—by the Rev. T. K. Birks.

Два сочиненія, посвященныя изслѣдованію книги пророка Исаіа, одновременно явившіяся въ печати въ двухъ различныхъ націяхъ, представляютъ самое живое свидѣтельство о томъ великомъ значеніи, какое имѣетъ книга пр. Исаіа для богословской науки. Однако, два автора, писавшіе объ одной книгѣ въ одно и тоже время, пришли далеко не къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Въ Германіи давно уже утвердилось мнѣніе, что извѣстному въ исторіи пророку Исаіа, современнику Ахаза, принадлежитъ только первая половина книги, носящей его имя, между

*) Съ настоящей книжки редація «Трудовъ» предполагаетъ начать отдѣлъ «Критико-библиографическихъ замѣтокъ» относительно замѣчательнѣйшихъ произведеній западной какъ богословской, по всѣмъ отраслямъ, такъ и философской литературы. Имѣя въ распоряженіи своемъ лучшіе библиографическіе и критическіе нѣмецкіе, англійскіе и французскіе журналы, а также основываясь и на непосредственномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми изъ разбираемыхъ книгъ, сотрудники редакціи по сему отдѣлу надѣются удовлетворить настоятельной потребности нашихъ духовно-учебныхъ заведеній и образованнаго общества, нуждающихся въ свѣдѣніяхъ о движеніи, характерѣ и направленіи какъ богословской такъ и философской литературы на западѣ.

тѣмъ какъ послѣдняя часть ея 40—66 гл. есть произведеніе такъ называемаго «*Вавилонскаго Исаіи*», т. е. писателя, жившаго во время вавилонскаго плѣна, по всей вѣроятности, также носившаго имя Исаіи. Этого же мнѣнія держится и Зейнеке, нѣмецкій авторъ перваго изъ поименованныхъ сочиненій. Онъ и занимается исключительно послѣдними 26-ю главами пророка Исаіи, трактуя ихъ какъ особую цѣлую книгу, не имѣющую ничего общаго съ первою половиною книги, называющейся именемъ этого пророка. Критическія предположенія этого автора представляютъ очень не много новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что высказано уже по этому вопросу нѣмецкими учеными. Книга, по мысли Зейнеке, написана по обнародованіи указа Кира о возобновленіи Іерусалима; главная тема ея пророчествъ — утѣшеніе пострадавшаго отъ плѣна Израиля; рабъ Божій—это вѣчная теократическая корпорація, Израиль по духу; живыя личныя черты этого раба Божія пророкъ заимствовалъ изъ личности преслѣдуемаго Іереміи, какъ представителя истиннаго Израиля, и т. п.—все давно извѣстныя вещи. Во введеніи авторъ говоритъ о мѣстѣ написанія книги, которымъ, вопреки утвердившемуся мнѣнію, считаетъ Іерусалимъ,— о времени написанія, о политическомъ и нравственномъ состояніи Палестины въ это время, о писателѣ книги, о его пророчествахъ и ихъ исполненіи и наконецъ объ отношеніи книги къ книгѣ собственно пр. Исаіи. Особенную главу авторъ посвящаетъ вопросу о вліяніи пророчествъ Исаіи гл. 40—66 на другія книги ветхаго и новаго завѣта, и здѣсь позволяетъ себѣ дѣлать не только неестественныя натяжки, но прямыя историческія ошибки. Такъ, если довольно странно уже то общее положеніе автора, что вліянія этого слѣдуетъ искать одинаково въ книгѣ Бытія, какъ и въ Апокалипсисѣ, то еще болѣе странны частныя указанія этого вліянія напр. во Второз. 32 гл. въ псалмахъ 18, 22, 24, 51, 68, 72, 90; и даже въ кн. пророка Іоіа, который, значить, писалъ позже, чѣмъ за 521 г. до Р. Хр. (1).

Англійскій ученый Бирксъ, авторъ комментарія на Исаию, напротивъ вѣрно держится существовавшего до новѣйшихъ временъ мнѣнія, что книга съ именемъ этого пророка, — есть во всемъ своемъ настоящемъ составѣ, подлинное произведеніе извѣстнаго историческаго Исаи. Особенное вниманіе посвящаетъ онъ разсмотрѣнію главъ, которыя считаются неподлинными, и показывая ихъ согласіе съ духомъ пр. Исаи и религіозными вопросами его времени, приходитъ къ убѣжденію, что и онѣ, наравнѣ съ остальными, несомнѣнно подлинными частями книги, вышли изъ подъ пера этого воодушевленнаго пророка. Къ не менѣе противоположнымъ выводамъ пришелъ Бирксъ и относительно пророчествъ книги Исаи: какъ въ пророчествѣ объ Еммануилѣ, такъ и въ пророчествѣ о рабѣ Божіемъ, съ евангельскою ясностію и наглядностію изображенъ Мессія, явившійся въ лицѣ Иисуса Христа изъ Назарета. Такимъ образомъ, собственно англійскій авторъ удовлетворяетъ тѣмъ ожиданіямъ, какія возбуждаетъ въ ученомъ читателѣ мѣлечкій авторъ заглавіемъ своей книги «Евангелистъ ветхаго заветъ».

Что въ ветхомъ заветѣ для богословской науки пр. Исаи, то въ новомъ ап. Павелъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ этого служатъ три, также почти одновременно вышедшія въ свѣтъ сочиненія объ ап. Павлѣ, изъ коихъ одно принадлежитъ перу нѣмецкаго ученаго, другое—англійскаго, третье—французскаго: «*Der Vier—Capitel—Brief des Paulus an die Korinther v. Hausrath. Heidelberg 1870; Christianity as taught by st. Paul,—by W. I. Irons 1870,—и L'apotre Paul, esquisse d'une histoire de la pensee, Strasburg 1870.* Первое изъ этихъ сочиненій есть небольшая брошюрка, въ которой авторъ, слѣдуя примѣру Землера и другихъ нѣмецкихъ критиковъ, старается доказать, что четыре главы 2-го посл. къ Коринтянамъ 10—13 представляютъ самостоятельный отрывокъ, неимѣющій никакой связи съ первыми 9-ю главами этого посланія. Отрывокъ этотъ, по мнѣнію автора,

написанъ ап. Павломъ гораздо раньше первыхъ девяти главъ, потому, будтобы, что онъ именно разумѣется уже въ 2 Коринѣ. 2, 3, 7, 8,—да и написанъ онъ совсѣмъ въ иномъ духѣ съ инымъ настроеніемъ и при иныхъ обстоятельствахъ коринтской церкви. Основанія, однакожь, какія выставляетъ авторъ въ пользу своего предположенія, далеко не-вполнѣ удовлетворяютъ ученаго читателя. Брошюрка, вообще и по объему и по содержанію очень бѣдная. Второе сочиненіе—это лекція, читанная Иронсомъ въ Оксфордскомъ университетѣ. Предположивъ изложить христіанское ученіе по посланіямъ ап. Павла, Иронсъ дѣлаетъ свое дѣло, не обращая никакого вниманія на тѣ щекотливые вопросы, которые подняты относительно ученія этого апостола въ послѣднее время нѣмецкой критикой. Онъ старается опредѣлить только время написанія каждаго изъ посланій апостола, но вовсе не занимается вопросомъ о подлинности ихъ, дѣлая это исключеніе только для посланія къ Евреямъ. Затѣмъ, также совершенно обойдены Иронсомъ вопросы объ отношеніи ученія ап. Павла къ ученію самого Иисуса Христа, есть ли первое только тождественное повтореніе послѣдняго, или же дальнѣйшее раскрытіе его и т. п., а также вопросы объ исторіи религіознаго сознанія самаго ап. Павла, представляетъ ли это сознаніе нѣчто сразу вполнѣ опредѣленное, или же оно развивалось въ послѣдовательныхъ фазахъ. Большую пытливость въ этомъ отношеніи обнаруживаетъ авторъ послѣдняго сочиненія, французскій профессоръ Сабатье. Онъ разсматриваетъ ученіе ап. Павла исторически въ его генезисѣ и постепенномъ развитіи. Въ первой главѣ онъ говоритъ о происхожденіи религіознаго мировоззрѣнія ап. Павла, а въ трехъ слѣдующихъ о его постепенномъ развитіи, которое онъ дѣлитъ на три періода: періодъ преимущественно миссіонерской дѣятельности съ простою, существенно тетическою проповѣдью (посл. къ Θεосалоникійцамъ, рѣчи въ Дѣян. 13—18), потомъ, время великой борьбы съ иудео-христіанствомъ—(Галатяне, Коринтяне, Римляне); и наконецъ

последнее время апостола.— время борьбы его главнымъ образомъ съ гностическимъ аскетизмомъ (Филимонъ, Колосяне, Евесен, Филиппійцы). Въ заключеніи излагается ученіе ап. Павла въ его внутренней связи, при чемъ показывается, какъ основной принципъ этого ученія—жизненное обіеніе со Христомъ раскрывается у апостола въ сферѣ психологической (антропология), въ сферѣ соціальной и исторической (религіозная философія исторіи) и въ сферѣ метафизической (христология, теология). Авторъ, видимо, старается стоять на золотой срединѣ между крайнимъ рационализмомъ и крайнимъ догматизмомъ. Отвергая теорію внутреннепсихическаго видѣнія, онъ твердо стоитъ на предположеніи дѣйствительнаго чуда въ обращеніи Апостола, хотя это нѣсколько несогласуется съ высказаннымъ вначалѣ общимъ положеніемъ, что «Богъ если и существуетъ, то уже никоимъ образомъ не вмѣшивается въ исторію». Если крайніе рационалисты слишкомъ много придаютъ значенія эллинистическому происхожденію Апостола, считая все его ученіе простымъ плодомъ эллинизма, то Сабатье оспариваетъ всякое вліяніе на Апостола съ этой стороны, хотя въ то же время показываетъ, что Апостолъ уже въ первое время по обращеніи сталъ обличителемъ іудейско-законнической партіи въ средѣ христіанскаго общества.

Das Neue Testament Tertullians v. Rönsch. Leipzig 1871.

Безъ всякихъ объясненій понятно, какое важное значеніе для критики новозавѣтнаго текста имѣютъ сочиненія церковнаго писателя, жившаго всего спустя 100 лѣтъ по истеченіи апостольскаго вѣка, особенно если эти сочиненія изобилуютъ мѣстами изъ новозавѣтныхъ писаній. Однако, по замѣчанію ученыхъ, эти обильные цитаты въ сочиненіяхъ Тертуліана представляютъ для критики много серьезныхъ затрудненій, потому что, не говоря уже о трудности Тертуліановскаго языка, писатель этотъ рѣдко цитируетъ приводимыя мѣста изъ новаго завѣта, а большею частію прямо наполняетъ ими свои сочиненія, пользуясь ими въ данномъ

случаѣ какъ своимъ собственнымъ оружіемъ въ защищеніи христіанской истины, такъ что критику весьма трудно рѣшить, на сколько авторъ этихъ сочиненій передаетъ мѣста Писанія съ буквальною точностію, и насколько преобразуетъ ихъ для своихъ цѣлей, вкладывая въ нихъ свои собственные мысли. Авторъ разсматриваемаго сочиненія, діаконъ Рѣншъ, извѣстный уже своимъ ученымъ сочиненіемъ «О переводахъ италійскомъ и Вульгатѣ», хорошо помнилъ объ этомъ затрудненіи и сдѣлалъ все для возстановленія истинно-библейскаго текста въ сочиненіяхъ Тертуліана. Изложенію результатовъ своего изслѣдованія авторъ предпосылаетъ замѣчанія о жизни, сочиненіяхъ и библейскихъ цитатахъ Тертуліана, вообще. Изъ этихъ замѣчаній особенно важны относящіяся къ вопросу о хронологической послѣдовательности сочиненій этого писателя. Послѣ этихъ замѣчаній, авторъ старается опредѣлить, какія именно части или книги новаго завѣта извѣстны были Тертуліану, и находитъ, что таковыми были съ одной стороны «*Evangelicum instrumentum*», именно всѣ наши четыре евангелія и притомъ въ ихъ общепринятомъ порядкѣ, а съ другой— «*apostolica instrumenta*», въ составъ которыхъ входили «*instrumentum actorum*» т. е. книга Дѣяній апостольскихъ, «*instrumentum Pauli*», состоящей изъ 13 посланій, и «*instrumentum Ioannis*», состоящей изъ Апокалипсиса и 1 посланія Іоанна. Это, такъ сказать, каноническій кодексъ Тертуліановаго новаго завѣта. Кроме того, Тертуліану извѣстны были въ значеніи приложения къ новому завѣту (*appendix antilegomenorum*), 1-е посланіе Петрово, посланіе Варнавы, посланіе къ Евреямъ, посланіе Іуды и посланіе пресвитера (2-е посланіе Іоанна). Этимъ приложеніемъ кончается новый завѣтъ Тертуліана, потому что, по мнѣнію автора, 2-е посланіе Петрово, 3-е Іоанна и посланіе Іакова совершенно неизвѣстны были Тертуліану. За симъ слѣдуетъ самая главная часть сочиненія—изложеніе новозавѣтнаго текста по Тертуліановскимъ цитатамъ, въ двухъ столбцахъ, по порядку новозавѣтныхъ

внмъ и ихъ главъ, начиная евангеліемъ Маттея и кончая посланіемъ Іуды. Особеннымъ достоинствомъ сочиненія слѣдуетъ считать то, что въ немъ обращено должное вниманіе на языкъ Тертуліана. Не безъ основанія историками усвоется Тертуліану заслуга перваго присканія для новыхъ христіанскихъ идей новыхъ формъ въ латинскомъ языкѣ, дотолѣ совершенно не приспособленномъ къ этимъ идеямъ. Но ученый филологъ, не отрицая этой заслуги у Тертуліана, знаетъ, что и этотъ великій мужъ могъ совершить это дѣло не иначе, какъ на основаніи готовыхъ уже переводовъ новозавѣтныхъ писаній, гдѣ впервые дано выраженіе новыхъ христіанскихъ идей,—и потому считаетъ для себя важнымъ не только знакомство съ новыми латинскими формами Тертуліана, но и знаніе того, какимъ именно переводомъ и какъ пользовался этотъ писатель. То и другое имѣлъ въ виду и авторъ разсматриваемаго сочиненія. Въ своихъ критико-грамматическихъ замѣчаніяхъ, занимающихъ цѣлыхъ 150 страницъ, онъ, съ большимъ искусствомъ, пользуется тѣмъ самымъ орудіемъ, которое оказало уже ему незамѣнимую услугу при изслѣдованіи текста переводовъ италійскаго и вульгаты,—мы разумѣемъ тщательнѣйшее изученіе грамматическихъ формъ въ связи съ неменѣе тщательнымъ изученіемъ народнаго латинскаго языка и греческихъ оригиналовъ. Въ этой части своей сочиненіе Рѣнша можетъ служить лучшимъ руководствомъ при изученіи неудобопонятнаго Тертуліана.

Das Senfkorn des Glaubens an Iesus Christus als den Gottessohn. Aus der Jordanwiege nach Golgatha. Darstellung der Geschichte auf Grund freier geschichtlicher Untersuchungen über das Evangelium und die Evangelien in 4 Buchern. v. Noack. Mannheim 1870. Вотъ и еще опытъ изслѣдованія о томъ, кто былъ Іисусъ Христосъ, опытъ по направленію очень похожій на изслѣдованія Штрауса, Ренана, Шенкеля, но отличающійся отъ нихъ во 1-хъ отсутствіемъ всякой ученой совѣстливости въ

евангельской критикѣ и во 2-хъ отсутствіи всякой скромности и сдержанности въ сужденіяхъ о божественномъ лицѣ Іисуса Христа. Въ своей евангельской критикѣ Ноакъ какъ будто хочетъ изразойти странности всѣхъ искателей евангельскаго «первоисточника», недовольныхъ текстомъ настоящихъ евангелій. Единственное достоверное евангеліе, по мысли Ноака, это лежащее въ основаніи нынѣшняго 4-го евангелія повѣствованіе, написанное апостоломъ Іудею, котораго уже второй евангелистъ, неизвестно почему и для чего, представилъ какъ предателя Христа, и сдѣлалъ такимъ образомъ предметомъ религіознаго отвращенія. Ближе всѣхъ по времени и достоинству къ «евангелію возлюбленнаго ученика» стоитъ извѣстный чрезъ Маркіона первоисточникъ нынѣшняго евангелія Луки. Впрочемъ уже и этотъ перво-Лука, наполнившій исторію Іисуса чудесными сказаніями и изреченіями раввинской мудрости, уже и онъ не мало потрудился для того процесса «издымленія», который лежитъ въ основаніи всей евангельской литературы и который «Сына Божія, и безъ того слишкомъ декорированнаго возлюбленнымъ ученикомъ, постепенно все болѣе и болѣе низводилъ на степень чудодѣя, во вкусѣ греко-римскаго суевѣрія». Но еще болѣе искажена подлинная исторія Іисуса Христа третьимъ по времени евангелистомъ, нынѣшнимъ Маркомъ, по изображенію котораго Іисусъ Христосъ больше всего вращался въ Іерусалимѣ, а пригвожденъ былъ ко кресту на горѣ въ Галилеѣ. Последний по времени (135 г.) евангелистъ Маттеей пошелъ безъ оглядки по этому пути, и такимъ образомъ, заблужденія, которыми пореполнили свои сочиненія переработывавшіе на свой ладъ древнѣйшія евангельскія сказанія, само собою, вкрались и въ эти послѣднія. Однимъ изъ такихъ «пачкуновъ», по мнѣнію автора, былъ Іустинъ мученикъ, переработавшій сперва евангеліе Луки, а потомъ и евангеліе Іоанна, внесши въ него, между прочимъ, исторію исцѣленія слѣпорожденнаго и воскрешенія Лазаря. Таковы результаты евангельской критики Ноака. Что же касается

его суждений объ Иисусѣ Христѣ, то, шая скромность читателя, скажемъ только вообще, что онъ въ этомъ случаѣ во многомъ подражаетъ Ренану и даже превосходитъ его своею безцеремонностію.

Rothe Dogmaik, aus dessen handschriftlichen Nachlasse herausgegeben v. D. Schenkel. 2 Theil. Это уже послѣдняя часть догматики Роте, издаваемая Шенкелемъ по рукописямъ оставшимся отъ этого знаменитаго богослова. Въ части этой излагается уже заключеніе ученія о спасеніи, то есть ученіе о спасеніи, какъ оно объективно совершено Иисусомъ Христомъ. Къ этому ученію, именно къ ученію «о царскомъ служеніи Спасителя», принадлежатъ также, по своеобразному раздѣленію Роте, во 1-хъ ученіе о благодатныхъ средствахъ, какъ средствахъ утвержденія царства Христова, и во 2-хъ эсхатологія или ученіе о послѣднемъ завершеніи этого царства. Къ числу благодатныхъ средствъ, кромя слова Божія и таинствъ, Роте относитъ и церковь. Ученіе о словѣ Божіемъ и таинствахъ изложено еще въ предыдущемъ томѣ, и потому настоящій начинается прямо трактатомъ о Церкви. За этимъ трактатомъ слѣдуетъ эсхатологія, которая состоитъ изъ двухъ главъ: въ 1-й изъ нихъ говорится о завершеніи царства Христова на землѣ, а во 2-й о вытекающихъ отсюда состояніяхъ человѣчества, именно: а) о небесномъ блаженствѣ и б) объ адскихъ мученіяхъ. Это первое отдѣленіе тома; во 2-мъ же отдѣленіи излагается ученіе о субъективномъ усвоеніи спасенія въ двухъ главахъ, изъ коихъ въ 1-й говорится «о причинности спасенія, а во 2-й о порядкѣ спасенія, именно сперва о началѣ и разьятіи спасенія, а потомъ объ окончаніи спасенія. Что касается метода изслѣдованія, то, какъ въ прежнихъ томахъ такъ и въ этомъ строго наблюдается слѣдующая схема: сначала излагается ученіе церкви, потомъ ученіе св. Писанія, потомъ дѣлается об-сужденіе вопроса съ религіозной и научной точки зрѣнія, и затѣмъ, наконецъ, слѣдуютъ собственные выводы и соображенія

Роте. Что касается ученія Роте въ частности, то объ немъ нѣтъ надобности говорить, такъ какъ основное мировозрѣніе этого богослова достаточно извѣстно ученому богословскому міру. Не безынтересно впрочемъ, замѣтить, что и Роте держится высказаннаго еще Целлеромъ и раздѣляемаго въ новѣйшее время Вейсомъ и другими мнѣнія, что, по ученію ап. Павла, не вѣрующіе не воскреснутъ къ вѣчной жизни, а воскреснутъ только одни вѣрующіе. Само собою понятно что Роте, въ ученіи объ оправданіи рѣшительно утверждаетъ прямую противоположность между ап. Павломъ и Іаковомъ.

Liturgie der drei ersten christlichen Jahrhunderte v. Probst. Tübingen 1870. Католическій писатель предпринялъ рассмотреть всѣ отрасли практическаго богословія въ ихъ историческомъ развитіи, каждую въ особомъ сочиненіи. Въ настоящемъ своемъ сочиненіи онъ занимается литургіею. Здѣсь онъ прежде всего старается дать понятіе о сущности и составѣ литургіи, на основаніи свидѣтельствъ св. Писанія и древнѣйшихъ церковныхъ писателей, до Випріана включительно, потомъ рассматриваетъ всѣ древнѣйшія литургіи (литургію Апостольскихъ Постановленій, литургію Іакова и Марка), представляетъ всѣхъ ихъ въ удобопонятномъ переводѣ и сопоставляетъ съ ними нынѣшнюю римскую литургію, и наконецъ, на основаніи этихъ данныхъ дѣлаетъ общій цѣлостный очеркъ литургіи въ три первые вѣка христіанства. Подъ литургіею, впрочемъ, авторъ разумѣетъ не все вообще богослуженіе, но только главнѣйшій видъ его—мессу. Литургія въ этомъ смыслѣ, по мнѣнію автора, ведетъ свое начало отъ самаго Іисуса Христа и Его апостоловъ. Мысль совершенно вѣрная; но доказательства, какія приводитъ авторъ для подтвержденія ея, не совсѣмъ убѣдительны. «Слѣдуетъ помнить, говорить наприимѣръ онъ; что въ церкви, со времени апостоловъ тщательно хранилось и соблюдалось тайное ученіе (?), и что поэтому, даже тѣ слова, которыя заключали въ себѣ одни только

намекы и были совершенно непонятны, должны были съ теченіемъ времени стать предметомъ усиленнаго вниманія, и двусмысленныя выраженія одного писателя должны были уясниться прямыми выраженіями другаго. Могутъ, конечно, возразить противъ этого, что въ эти непонятныя слова древнѣйшихъ авторовъ могъ впасть смыслъ, какого они совсѣмъ не имѣли и который составлялъ достояніе уже позднѣйшаго времени; но въ томъ то и дѣло, что литургія представляетъ въ этомъ случаѣ рѣшительное исключеніе.» Доказательство, очевидно, не очень сильное и даже неполноѣ ясное;—но болѣе сильнаго едвали можно и требовать въ разсматриваемомъ случаѣ. Что касается самаго понятія автора о сущности литургіи, или частнѣе евхаристіи, то онъ держится чисто православнаго понятія о ней, какъ о жертвѣ, и даже цѣлую главу посвящаетъ доказательству ея жертвеннаго значенія. Будучи строгимъ католикомъ, авторъ въ тоже время не боится свободы изслѣдованія; онъ вовсе не обходитъ возраженій, направленныхъ противъ разныхъ вопросовъ избранной имъ области, а напротивъ самъ отыскиваетъ ихъ, поставяетъ на видъ, и устраняетъ ихъ въ большей части случаевъ съ надлежащею основательностію.

Enleitung in die monumentale Theologie v. Piper. Авторъ своимъ сочиненіемъ думаетъ образовать новую самостоятельную вѣтвь богословской науки, не въ томъ, впрочемъ, строгомъ смыслѣ, въ какомъ естественная наука даетъ отъ себя все новые и новые отпрыски, на основаніи вновь открываемыхъ явленій и ихъ законовъ,—но въ смыслѣ собранія и систематизированія уже готоваго, вѣками накопившагося матеріала, только матеріала, который доселѣ былъ «связанъ съ другими организмами». Подъ этими другими организмами авторъ, вѣроятно, разумѣетъ главнымъ образомъ епиграфику и исторію искусства. Что касается послѣдней, то авторъ полагаетъ, что ея дѣло «слѣдить только за раскрытіемъ формы и техники, заниматься изученіемъ преломленій линій, драпировки, свѣтотѣни, строенія костей, устройства боль-

щихъ и мадыхъ конечностей, глазнаго прорѣза» и т. п. Авторъ, такимъ образомъ, забываетъ, что исторія искусства, кромѣ всего этого, слѣдитъ еще и за движеніемъ идей и за вліяніемъ этихъ идей, въ связи со всѣми правами народа, на искусство, показываетъ связь послѣдняго со всѣмъ образованіемъ вѣка. Другая не менѣе важная ошибка Пипера состоитъ въ томъ, что онъ смѣшиваетъ богословіе съ религіозными вѣрованіями народа. Что эти послѣднія имѣютъ огромное вліяніе на характеръ особенно образовательныхъ искусствъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; а потому нѣтъ не въ состояніи надлежаше понять сущность искусства въ его различныхъ историческихъ періодахъ, не ознакомившись хорошо напередъ съ вѣрованіями народовъ. Но эти вѣрованія не всегда необходимо совпадаютъ съ теологическими интересами, и стоятъ кромѣ того со всѣми другими воззрѣніями народа въ такой тѣсной связи, что прилагая къ нимъ одну строго теологическую мѣрку, можно придти къ совершенно ложнымъ выводамъ. Но, это, положимъ, дѣло стороннее. Какъ непрочно еще почва новой науки монументальнаго богословія, какъ неопредѣленны ея границы, лучшимъ доказательствомъ этого служитъ первый опытъ ея — книга Пипера, начертавшаго въ ней даже цѣлую программу этой новой науки. Въ эту программу внесено авторомъ много такого, что, намъ кажется, совсѣмъ или по крайней мѣрѣ очень мало вяжется съ монументальнымъ богословіемъ. Такъ, на примѣръ, по мнѣнію Пипера, должна быть въ этой наукѣ особая глава, «объ образованіи художниковъ», въ которой между прочимъ должно говорить и объ отношеніи художника къ антикамъ и къ природѣ; должна также быть особая глава о художественной композиціи, въ которой изъ всѣхъ художественныхъ идей должны быть представлены только христіанскія. Большую часть книги Пипера занимаетъ исторія христіанской художественной археологіи. Здѣсь можно узнать, какія сравненія и подобія изъ области искусства есть въ Библии и у отцевъ церкви, какихъ

иногда о прекрасномъ были разныя знаменитыя богословы, у книжекъ историковъ и хронистовъ есть замѣтки, касавшіяся исторіи искусства; здѣсь же можно найти подробнѣе свѣдѣнія о заслугахъ гуманистовъ относительно антикварныхъ изслѣдованій, а также о томъ быстромъ развитіи, какое сдѣлала археологія въ последнее столѣтіе. Все это, конечно, свѣдѣнія не безполезныя, но спрашивается, какое же отношеніе онѣ имѣютъ къ монументальному богословію? Что въ нѣсни Нибелунговъ, упоминается о днѣ пятидесятницы, о заутренѣ и колокольномъ звонѣ, то все это кажется такъ мало относится къ монументальному богословію, какъ и тотъ на примѣръ соляной столбъ, въ который обращена была жена Лота, или тотъ теревинѣтъ у котораго Аврааму явился ангелъ. Желательно, поэтому, чтобы новородившаяся наука точнѣе опредѣлила свою задачу, свои границы, свое спеціальное содержаніе.

The History and Literature of the Israelites; according to the Old Testament and the Apocrypha. By C. and A. De-Rothschild. 2 vols. Въ предисловіи къ этому сочиненію авторы его, двѣ дѣвушки Ротшильдъ, объясняютъ, что цѣлю своею имѣли представить въ пособіе для учащагося юношества простую, краткую, но вѣстѣе и возможно полную исторію наиболее уважаемой современной литературы нѣкъ народа, съ древнѣйшихъ временъ; и если разсматривать ихъ сочиненіе съ этой именно точки зрѣнія, то нельзя ничего серьезнаго сказать въ его осужденіе. Авторы его не входятъ въ подробное разбирательство разныхъ критическихъ проблемъ, не входятъ также въ разсмотрѣніе всѣхъ сомнѣній и возраженій относительно той или другой книги *Ветхаго завета*, какъ это дѣлалось въ ученыхъ «введеніяхъ», но излагаютъ содержаніе и идеи этихъ книгъ, по возможности согласно съ повѣренными выводами Общественной науки. Онѣ не много насчитываютъ нѣмецкихъ и англійскихъ авторовъ, которыми пользо-

вались, — но несомненно, что эти авторы были не единственными ихъ руководствомъ. На сочиненіе ихъ, поэтому, можно смотрѣть какъ на первую ступень къ специально-научному знанію ветхозавѣтной литературы, которое доступно лишь людямъ, могущимъ изучать эту литературу на ея оригинальныхъ языкахъ, и отсутствіемъ котораго было бы смѣшно укорять дѣвушекъ. Сочиненіе ихъ — это популярное введеніе въ ветхій завѣтъ, весьма не бесполезное для молодыхъ изслѣдователей, которые неудовлетворяются оффиціально-школьнымъ преподаваніемъ и желаютъ чего либо лучшаго, но, въ тоже время, не приготовлены еще надлежаще къ труднымъ операціямъ самостоятельнаго, болѣе сложнаго и болѣе глубокаго критицизма.

Geshichte der alt' ebraischer Litteratur, v. Dr. Schultze. Thorn 1870. Въ предисловіи къ своей книгѣ, Шульце, задачу ея полагаетъ дать любителямъ еврейской литературы въ руки путеводную нить къ хронологически-правильному обзорѣ этой литературы. Задачу эту авторъ разрѣшаетъ не столько путемъ самостоятельныхъ изысканій, сколько пользуясь новѣйшими результатами науки. Это, конечно, небольшая еще бѣда, но жаль, что и въ этомъ пользованіи чужимъ авторъ не всегда разборчивъ, отчего въ сочиненіи своемъ дѣлаетъ довольно не маловажныхъ промаховъ. Такъ, автору должно бы быть извѣстно, что противъ хронологическихъ воззрѣній Бунзена давно уже поднятъ серьезный протестъ, и однако онъ прямо говоритъ, что въ большей части случаевъ слѣдуетъ этимъ воззрѣніямъ. Вслѣдствіе этого, и онъ напримѣръ считаетъ тысячелѣтное пребываніе евреевъ въ Египтѣ ~~за~~ несомнѣннымъ, между тѣмъ какъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, періодъ этотъ оказывается слишкомъ уже длиннымъ. Нельзя, равнымъ образомъ, считать безошибочными и мнѣнія его напримѣръ о происхожденіи ханаанитовъ, о египетскомъ происхожденіи культа Іеговы, о первосвященствѣ Самуила, или напри-

мѣръ, мнѣнія, что Іерусалимъ во время Іосифа еще не былъ построенъ, что Іеровоамъ культъ Ваала сдѣлалъ государственною религіею, или что Іорданъ нѣкогда впадалъ въ Черное море и т. под. Но, что касается представленія результатовъ литературно-историческихъ, то въ этомъ отношеніи сочиненіе Шульце весьма рѣдко отстываетъ отъ разумной середины, почему можетъ быть рекомендовано, какъ одно изъ лучшихъ руководствъ къ изученію еврейской литературы.

Zur Kritik des Florentiner Unionsdecrets und seiner dogmatischen Verwertung beim Vaticanischen Concil der Gegenwart, v. Frohman, Leipzig 1870. Въ предисловіи къ этой брошюрѣ, авторъ ея Фроманнъ проситъ смотрѣть на нее, какъ на продолженіе его критическихъ статей о декретѣ Флорентійской униі, печатавшихся въ аугсбургскомъ журналѣ въ февралѣ 1870 года. Брошюра эта тѣмъ болѣе обратила на себя вниманіе, что одновременно съ нею появилась въ печати полемика Деллингера противъ послѣдняго ватиканскаго собора, прямо и основательно обвинявшаго этотъ соборъ въ нарушеніи исторической истины. Поврежденіе латинянами греческаго декрета Флорентійской униі казалось всѣмъ фактомъ, неподлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но были и такого рода факты, которые не вполне мирились съ этимъ рѣшительнымъ выводомъ. Въ виду возникшихъ по этому поводу сомнѣній и возраженій, авторъ рѣшился взяться снова за старый вопросъ въ настоящей брошюрѣ. Но и эта брошюра не разрѣшаетъ вопроса съ надлежащею ясностію, и это болѣе всего, быть можетъ потому, что автору ея въ Римѣ грубо было отказано въ удовлетвореніи его желанія пересмотрѣть относящіяся къ этому вопросу документы ватиканскаго архива, такъ что поэтому настоящее разъясненіе дѣла ожидается еще только въ будущемъ. Однако, Фроманну принадлежитъ заслуга по крайней мѣрѣ приближенія этого разъясненія. Положивши въ основу и исход-

нымъ пунктомъ оныхъ намѣнній вопросъ о томъ, какой изъ двухъ текстовъ флорентійскаго декрета долженъ быть принять за критерій въ опредѣленіи истиннаго положенія дѣла, латинскій ли, или же греческій, авторъ переходитъ затѣмъ къ вопросу о томъ, сохранились ли и въ какомъ именно количествѣ сохранились оригиналы актовъ флорентійскаго декрета. Здѣсь онъ встрѣчается съ тѣмъ фактомъ, что слова о всемірномъ главенствѣ и всемірной власти папы встрѣчаются во всѣхъ латинскихъ копіяхъ этого декрета, между тѣмъ, какъ въ греческихъ они встрѣчаются весьма рѣдко. Чтобы не показаться пристрастнымъ судіею, авторъ вмѣсто обвиненія латинянъ въ намѣренномъ искаженіи дѣла, то-есть въ намѣренномъ внесеніи этого своего догмата въ списки декрета, допускаетъ внесеніе ненамѣренное, и старается объяснить, какъ это могло случиться, судя по всему ходу дѣйствій флорентійскаго собора. Кажется, что авторъ напрасно прибѣгаетъ къ этой излишней вѣжливости; а впрочемъ, будущее само покажетъ, на чьей сторонѣ правда.

Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum Orientis sumtus praebente caesarea scientiarum academia Vindobonensi collecta ediderunt proff. Miklosch. et Müller, tomus 1. Wien 1874 an.
Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. vol. IV.
Благодаря широкому участию, какое приняла въ этомъ изданіи Вѣнская академія Наукъ, вышелъ уже 4-й томъ актовъ монастырскихъ. Этотъ 4-й томъ отерываетъ собою рядъ томовъ «актовъ монастырей и церквей восточныхъ». Въ дѣлѣ собранія этихъ актовъ трудился больше всего профессоръ туринскій Юсепъ Мюл-

лерь, нарочито для этой цели предпринимавший путешествие по востоку. Настоящий томъ, кроме нѣкоторыхъ прибавленій къ прежнимъ, содержитъ въ себѣ три полныя собранія: во 1-е акты монастыря Возней Матары на горѣ Лесбосѣ около Смирны; актовъ этихъ воѣхъ 181 нумеръ, восстановлены они по рукописи, хранящейся въ придворной Вѣнской библіотекѣ; во 2-е 16 очень древнихъ грамотъ на разные привиллегіи монастырю св. Павла на горѣ Матросѣ около Милета, списанныхъ Мюллеромъ съ одного ватиканскаго кодекса, и въ 3-е 42 такихъ же грамоты монастыря св. Марии Макронитской на горѣ Дреносѣ и Юанна Крестителя на горѣ Дрианубелѣ, списанныхъ изъ рукописи, принадлежащей Туринскому университету. Наданіе отличается рѣдкою аккуратностію и добросовѣстностію.

Martin Luther. Ein religioses Characterbild v. Lang. Berlin 1870 г. Авторъ книги, Лянгъ, извѣстный ревностнымъ участіемъ въ вопросахъ лютеранской церкви, и еще болѣе извѣстный въ литературѣ, представляетъ въ настоящемъ своемъ сочиненіи о Лютерѣ не столько жизнеописаніе, сколько тенденціозную характеристику великаго реформатора. Онъ полагаетъ, что имъ наконецъ найденъ тотъ исходный пунктъ, съ котораго зритель можетъ со всюю ясностію созерцать эту «великую, но полную противорѣчій личность», что имъ вполне поняты основная мысль жизни и дѣятельности этой личности, и вслѣдствіе этого ожидаетъ отъ своего сочиненія не маловажнаго вліянія на религиозное сознание протестантскаго міра вообще, и въ особенности нѣмецкаго народа. Однакожъ, едвали можно согласиться, что авторъ нашелъ то, чего

испать, т. е. исходный пункт, основную мысль Лютера, въ которыхъ лежитъ послѣднее основаніе непослѣдовательности и противорѣчій этой великой личности. Такъ, по мысли автора, послѣднее основаніе этихъ противорѣчій, лежитъ въ томъ, что Лютеръ не освободился вполне отъ цѣпей средневѣковой религіозности. Это конечно правда, если «средневѣковую монашескую религіозность» считать, какъ это дѣлаетъ Лянге, все положительное содержаніе вѣры, не исключая и вѣры въ св. Писаніе, какъ откровеніе Божіе. И если авторъ увѣренъ, что его Лютеръ совершенно не похожъ на Лютера нынѣшней протестантской церкви, то и это вѣрно, но только съ тѣмъ ограниченіемъ, что этотъ его Лютеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень мало похожъ и на дѣйствительнаго историческаго Лютера, потому что автору вездѣ хотѣлось видѣть въ немъ одно—поборника безусловной религіозной свободы, свободы отъ всякаго внѣшняго авторитета и стѣсненія. Въ распредѣленіи и обработкѣ историческаго матеріала сочиненіе Лянге не представляетъ ничего особенно новаго: Лютеръ разсматривается съ трехъ точекъ зрѣнія, или въ трехъ періодахъ своей жизни—какъ *монахъ*, какъ *«реформаторъ»*, и какъ *«основатель церкви»*.

Luther in Worms und in Wittenberg, und die Erneuerung der Kirche in der Gegenwart, v. Dr. Schenkel. Литературная дѣятельность Шенкеля, пропагандирующая новую форму христіанства, безъ всякихъ доктринальных стѣсненій, и еще не прерывается. По крайней мѣрѣ, настоящее сочиненіе Шенкеля родилось именно изъ того мотива, который движетъ его мыслию

въ этомъ направленіи. Чтобы утвердить свою идею новаго христіанства на исторической основѣ, Шенкель предпринимаетъ очеркъ жизни Лютера—историческаго реформатора христіанской церкви, и въ этомъ очеркѣ главнымъ образомъ выставляетъ на видъ борьбу Лютера съ іерархическимъ и папскимъ деспотизмомъ, борьбу, въ силу которой онъ является предтечею той свободной церкви, въ которой нѣтъ уже никакихъ внѣшнихъ стѣсненій для индивидуальнаго сознанія, той, то есть церкви, которую проповѣдуетъ и за которую ратуетъ онъ, докторъ Шенкель. Въ реформѣ Лютера Шенкель различаетъ два періода: въ первомъ, послѣ долгихъ колебаній, религиозное сознаніе Лютера стало, наконецъ, крѣпко на идеѣ церкви, болѣе всего выражающей внутреннюю сущность и силу первоначальнаго христіанства, на идеѣ церкви, совершенно очищенной отъ теократическаго обскурантизма и іерархическаго деспотизма; во 2-мъ періодѣ вѣра Лютера въ этотъ свой идеалъ сильно колеблется, онъ идетъ къ своей цѣли нетвердыми шагами, боится облечь въ плоть и кровь то, что несетъ въ своей душѣ какъ заветное стремленіе; вслѣдствіе этого и его церковь получила совсѣмъ не тотъ характеръ, какой она должна имѣть сама въ себѣ, и какой имѣла первоначально во внутреннемъ убѣжденіи его самого; она стала тѣмъ же государственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ вѣроисповѣдныя формулы, пасторы, консисторіи составляютъ все, а личное сознаніе мірянъ не значить ничего. Сообразно этому, Шенкель сосредоточиваетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на идеяхъ и дѣйствіяхъ Лютера въ періодъ 1519—1522 г. и рассматриваетъ ихъ какъ живой

зародыши того новаго принципа, который ~~никогда~~ абсолютн
господствовать въ новой (Шенюловской) держави. Все эти идеи
наложены Шенюломъ въ 4-хъ главахъ слогомъ частію описате
льннмъ, частію риторическимъ, среднимъ между слогомъ пролог
и слогомъ диссертацин.

Г. М.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.**

Please return promptly.

3 2044 105 204 119